

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS

7-8

12

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 7 ІЮЛЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

**LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS**

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Неизданныя стихотворенія И. С. Никитина	1
2. Военная организація партіи «Народной Воли». (<i>Воспоминанія</i>). М. Ю. Ашенбреннера	4
3. Изъ показаній В. Н. Фигнеръ	27
4. Орлица, Турухтанъ и Тетеревъ. (<i>Басня, приписываемая Д. В. Давыдову</i>)	44
5. Мой процессъ. И. Л. Манучарова	48
6. Въ Шлиссельбургской крѣпости. Начало общенія и зародышъ промышленной дѣятельности. М. В. Новорусскаго	55
7. Процессъ «Великорусцевъ». (<i>По неизданнымъ источникамъ 1861 г.</i>). М. К. Лемке	81
8. Централкз. Изъ воспоминаній. Н. А. Виташевскаго	107
9. Сергѣй Геннадьевичъ Нечаевъ. (<i>Изъ моихъ воспоминаній</i>). Земфира Ралли-Арборе	136
10. Арестъ С. Г. Нечаева въ Цюрихѣ. (<i>По личнымъ воспоминаніямъ</i>). Д—а	147
11. С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—1883 гг.	151
12. Восемнадцать писемъ М. А. Бакунина	183
13. Годы скорби. (<i>Воспоминанія матери</i>). С. А. Савинковой	215
14. «Пролетаріатъ» передъ судомъ. Л. Василевскаго (Плохоцкаго)	257
15. Къ исторіи отношеній партіи «Народной Воли» и партіи «Пролетаріатъ»	282
16. Историческая библіографія (<i>А. Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. Пер. Вѣры Засу-</i>	

личъ, Д. Кольцова и др. <i>А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Перев. подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Шипко.—В. Водовозова Zur Beurteilung der gegenwärtigen politischen Entwicklung Russlands von S. I. Giwago und Max. Weber.—Б. В. Russen über Russland. Ein Zammelwerk, herausgegeben von Jozef Melnik—Б. В).</i>	307
17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.	319
18. Современная лѣтопись	321
19. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (<i>Къ исторіи л.-зв. Сапернаго батальона—25; Къ дѣлу Бензенгера—104; Къ дѣлу В. И. Засуличъ—178; Дѣло Делькевича—255</i>).	
20. Объявленія	342

Въ этой книгѣ помѣщены портреты В. И. Засуличъ, Н. Д. Похитонова, М. А. Бакунина съ женой, П. В. Бардовскаго и С. Ч. Куницкаго.

Въ іюньской книгѣ при перечисленіи портретовъ не упомянуть приложенный къ этой книгѣ портретъ А. И. Баранникова.

Вѣра Ивановна
ЗАСЛИЧЬ.

Неизданныя стихотворенія И. С. Никитина.

Помѣщаемыя ниже стихотворенія И. С. Никитина не вошли въ полное собраніе сочиненій, по всей вѣроятности, по цензурнымъ условіямъ. Нами эти стихотворенія печатаются съ подлинной рукописи, хранящейся у наслѣдниковъ Н. И. Второва.

Ред.

I.

.....
Падеть презрѣнное тиранство,
И цѣпи съ пахарей спадуть,
И ты, извѣженное барство,
Возьмешься нехотя за трудъ.
Не намъ, иному поколѣнью
Отдашь ты бичъ свой вѣковой
И будешь ненавистной тѣнью,
Пятномъ въ исторіи родной...
Весь твой развратъ и вѣроломство.
Всѣ козни—время обнажить,
И просвѣщенное потомство
Тебя проклятемъ поразить.
Мужикъ, теперь твоя опора,
Твой волъ—и больше ничего—
Со славой выйдетъ изъ позора,
И вновь не купишь ты его.
Ужъ всходитъ солнце земледѣльца!...
Забитый, онъ на месть не скоръ;
Но знай: на своего владѣльца
Давно ужъ точить онъ топоръ...

II.

Постыдно гибнетъ наше время...
Наслѣдство дѣдовъ и отцовъ—
Послушно носить наше племя
Оковы тяжкія рабовъ.

И стоимъ мы позорной доли!
Мы добровольно терпимъ зло:
Въ насъ нѣтъ ни смѣлости, ни воли...
На насъ проклятіе легло!

Насъ бьютъ кнутомъ, насъ мучать палкой,
Дурачатъ, грабятъ какъ хотять,
.....
..... 1)

Мы рабство съ молокомъ всосали,
Сроднились съ болью нашихъ ранъ.
Нѣтъ! Въ насъ отцы не воспитали,
Не подготовили гражданъ.

Не мститъ насъ матери учили
За цѣпи сильнымъ палачамъ.
Увы! безсмысленно водили
За палачей молиться въ храмъ.

Про жизнь свободную не пѣли
Намъ сестры... нѣтъ! подъ гнетомъ зла
Мысль о свободѣ съ колыбели
Для нихъ невѣдомой была!

И мы молчимъ. И гибнетъ время...
Насъ не пугаетъ стыдъ цѣпей—
И цѣпи носить наше племя,
И молится за палачей...

1) Двѣ строки не разобраны. Все четырехстишіе вычеркнуто авторомъ.

III.

Тяжкій крестъ несемъ мы, братья,
Мысль убита, ротъ зажать,
Въ глубинѣ души проклятья,
Слезы на сердцѣ кипятъ.

Русь подъ гнетомъ, Русь болѣеть;
Гражданинъ въ тоскѣ нѣмой—
Явно плакать онъ не смѣетъ,
Сынъ объ матери больной!

Нѣтъ въ тебѣ добра и мира,
Царство скорби и цѣпей,
Царство ввятокъ и мундира,
Царство палокъ и плетей.

И. НИКИТИНЪ.

Военная организація партіи „Народной Воли“¹⁾.

(Воспоминанія).

I.

Военно-революціонная организація.

Я приступаю къ самой трудной части моихъ воспоминаній съ большимъ смущеніемъ: мнѣ бы хотѣлось провѣрить себя, но мои попытки встрѣтили непреодолимые для меня трудности. Мнѣ остается только надѣяться, что мои невольныя погрѣшности будутъ, въ интересахъ истины, исправлены другими авторами.

Широкое, хотя, быть можетъ, и не глубокое движеніе въ войскахъ въ началѣ 80-хъ гг., во-первыхъ, служить показателемъ значительности общаго революціоннаго движенія въ Россіи въ ту эпоху. Военная среда, изолированная своими специальными интересами, не лишена была интеллигентности въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, разбросанныхъ по разнымъ концамъ Россіи; эти отдѣльныя лица, несомнѣнно, стояли въ рядахъ русской бессословной интеллигенціи, хотя и тонули въ безразличной массѣ у себя, въ своей-средѣ. Декабристы стояли въ переднихъ рядахъ революціонной интеллигенціи; военная интеллигенція новаго времени, не чуждая современныхъ ученій объ обществѣ, по сходству своихъ убѣжденій, была солидарна съ передовой интеллигенціей, но стояла въ заднихъ ея рядахъ; и нужны были извнѣ стимулы, чтобы пробудить ее къ освободительной дѣятельности. Сила внѣшняго воздѣйствія нарастала, и эти военные интеллигенты стали ферментомъ, возбуждившимъ революціонное броженіе въ войскахъ.

Во-вторыхъ, движеніе въ военной средѣ служить также показателемъ назрѣвшей необходимости въ нелегальной дѣятельности въ силу утраты надежды на дѣйствительность оппозиціонной дѣятельности. Изъ сказаннаго выше не слѣдуетъ заключать, что революціонное движеніе въ войскахъ было созданиемъ нѣсколькихъ горячихъ головъ. Я остановлюсь только на ближайшихъ причи-

¹⁾ Исторія военно-революціонной организаціи, созданной партіей «Народной Воли», до сихъ поръ необсѣдована и извѣстна крайне мало. Настоящія воспоминанія, принадлежащія одному изъ видныхъ представителей военно-революціоннаго движенія, проливаютъ свѣтъ на тактику военныхъ революціонныхъ организацій начала 80-хъ годовъ и даютъ схему движенія. Отъ оставшихся въ живыхъ участниковъ военно-революціонной организаціи мы ждемъ разъясненій в добавленій. Въ слѣдующей книгѣ «Былого» мы надѣемся дать документальныя данныя о военныхъ организаціяхъ «Народной Воли».

Ред.

нахъ революціоннаго броженія между офицерами: это—безнадежное, отчаянное положеніе Россіи; вліяніе литературы и прессы, легальной и нелегальной, вѣрно отражавшей русскую дѣйствительность; военно-революціонная традиція, никогда не умиравшая, носителями которой были всегда отдѣльные лица; знакомства и связи съ революціонерами; а главное—привлеченіе военныхъ къ усмирительнымъ операціямъ и къ полицейской службѣ. Въ большихъ городахъ войска содѣйствовали полиціи въ антипатичнѣйшихъ предпріятіяхъ: арестахъ, облавахъ, охранѣ арестованныхъ, при усмиреніяхъ, судахъ и казняхъ. Военная община состоитъ изъ элементовъ, связанныхъ дисциплиною въ колонію. Эта община не можетъ быть лишена социальнаго инстинкта; только въ ней элементы утрачиваютъ свою самостоятельность въ пользу цѣлаго, съ которымъ они солидарны безсознательно. Солдаты и офицеры, отправляясь на усмиренія, смущались, обижались, роптали и озлоблялись. Невольное участіе въ жестокомъ и несправедливомъ дѣлѣ и служеніе орудіемъ въ нечистыхъ рукахъ будили совѣсть и пробуждали сознаніе гражданской отвѣтственности и солидарности у болѣе чуткихъ, отзывчивыхъ и нравственно развитыхъ. Эти же чуткіе, наиболѣе развитые и были наиболѣе вліятельны. Такіе офицеры стали собираться и совѣщаться о томъ, какъ они должны относиться къ современнымъ событіямъ и какъ должны вести себя при усмиреніяхъ.

Въ-третьихъ, военные кружки возникали одновременно въ разныхъ концахъ Россіи, иногда самопроизвольно (напр., на югѣ), и развивались правильно и органически: они дѣлились на части, какъ клѣточка, или почковались, и эти части оставались между собою въ тѣсной и постоянной связи и выработывали одинаковую или общую программу. Это объясняется единствомъ происхожденія и естественнымъ стремленіемъ согласовать свои дѣйствія; а въ силу мѣстной близости, единства состава и происхожденія, существенныя измѣненія въ конституціяхъ провинціальныхъ группъ (такъ было на югѣ и юго-западѣ) принимались единогласно. Бывали случаи временнаго сліянія двухъ кружковъ. Въ скобкахъ замѣчу, что встрѣчались случаи регрессивнаго метаморфоза: кружки теряли связи и распадались.

Въ концѣ 80-го года сложилась первая военная группа, которая и стала затѣмъ центральной. Учредителями были Рогачевъ, Сухановъ, Штромбергъ, Желябовъ и Колодкевичъ; послѣдніе двое, какъ делегаты Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли». Центральная группа поставила своей цѣлью организацію строго централизованной военно-революціонной партіи для борьбы за политическое и экономическое освобожденіе народа, во главѣ которой ставилась автономная по своимъ специальнымъ задачамъ центральная группа. Члены центральной группы назначались Исполнительнымъ Комитетомъ, программа котораго признавалась основной статьёй кружкового устава; посему-то назначеніемъ военной организаціи было активное содѣйствіе партіи «Народной

Воли» въ революціонной борьбѣ съ существующимъ политическимъ и экономическимъ строемъ.

Въ началѣ 81-го года, если не ошибаюсь, въ составъ центральной группы вступили Дегаевъ, Буцевичъ, потомъ Похитоновъ. Весною 81-го г., Сухановъ и Штромбергъ были арестованы, а въ составъ центрального кружка вступили Серебряковъ, Папинъ и Завалишинъ, а въ началѣ 83-го года—Апенбреннеръ.

Пропаганда была настоятельно дѣйствительна, а почва такъ благодарна, что повсюду стали складываться кружки: въ Кронштадтѣ—морскіе, артиллерійскій, армейскій, въ Петербургѣ—въ военныхъ академіяхъ (только не въ академіи генеральнаго штаба) и военныхъ училищахъ. Если не ошибаюсь, первый кружокъ былъ основанъ Рогачевымъ въ Гельсингфорсѣ; затѣмъ Рогачевъ и одинъ морякъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-западномъ краѣ; а вскорѣ появились кружки въ центральныхъ губерніяхъ, по Волгѣ и на Кавказѣ. Ближайшіе къ центру кружки находились съ нимъ въ болѣе тѣсной связи; остальные, кажется, складывались самостоятельнѣе, и программы ихъ были разнообразнѣе, что, я думаю, больше зависѣло отъ ихъ удаленности отъ центра, чѣмъ отъ личнаго состава. Я не берусь описывать, какъ складывались и развивались эти провинціальныя группы въ надеждѣ, что люди, ближе знающіе ихъ исторію, не всё же вымерли и лучше меня исполнять эту задачу; но думаю, что по описанію, какъ дѣло шло на Югѣ на моихъ глазахъ, можно составить довольно вѣрное представленіе, какъ дѣло зарождалось и выростало вездѣ, потому что составъ, строеніе, разныя фазы развитія, а можетъ быть, и упадка, взаимныя отношенія кружковъ къ сосѣднимъ группамъ и къ центру вездѣ были одни и тѣ же, за исключеніемъ, вѣроятно, нѣкоторыхъ незначительныхъ индивидуальныхъ уклоненій.

Первоначальная программа южныхъ кружковъ была очень эффектна, но мало состоятельна по существу. Эту программу можно формулировать, какъ дружественный нейтралитетъ въ пользу народа, протестантовъ, демонстрантовъ и возставшихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ кружковыя программы были весьма разнообразны, начиная отъ программы самообразованія до террористической.

Вездѣ въ кружкахъ въ первый, подготовительный періодъ ихъ существованія, чувствовалась необходимость въ пополненіи и систематизаціи своихъ познаній. На югѣ велись бесѣды по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, излагали по мѣрѣ силъ и возможности ученія Прудона, Луи Блана, Лассалья, Родбертуса, Маркса, катедеръ-соціалистовъ и др. Пропаганда между сослуживцами была весьма успѣшна. Къ сложившемуся ядру будущаго кружка однородные элементы притягивались одни силою, такъ сказать, химическаго сродства, то есть въ силу единства убѣжденія и согласія воли, другіе просто примѣшивались механически. Эти послѣдніе элементы ассоціировались не по сходству, а, такъ сказать, по смежности. Такая готовность вступить въ

связь внѣ ассимиляціи съ цѣлымъ объясняется служебнымъ сотрудничествомъ, школьными связями, личной дружбой и товариществомъ. Товарищество—высшая добродѣтель военного чловѣка—немыслимо безъ взаимной выручки. Тутъ-то открываются сильныя и слабыя стороны военной кружковой организаціи. Отбившіеся такъ или иначе отъ союза, товарищъ утрачиваетъ активную силу, сохраняя, можетъ быть, свою потенциальную цѣнность. Руководимые сердечнымъ чувствомъ или чужою волею, они, въ одномъ случаѣ, напр., при разгромѣ, дѣлаются добычею сердецѣдовъ-прокуроровъ и слѣдователей, а въ лучшемъ случаѣ неспособны къ инициативѣ и не оцѣниваютъ истиннаго призванія каждаго рядового революціонера состоять въ готовности занять мѣсто вышедшаго изъ строя главаря. Привитое службой безпрекословное, автоматическое повиновеніе волѣ старшаго приносило въ данномъ случаѣ сомнительную пользу, несравненно болѣе сомнительную, чѣмъ поведеніе по велѣнію нравственнаго сознанія. Этими соображеніями объясняется весьма условное значеніе дисциплинарной выправки для нелегальной политической дѣятельности.

Военная партія, взятая въ цѣломъ, выдѣлила нѣсколькихъ даровитыхъ организаторовъ. Талантливымъ организаторомъ былъ Буцевичъ, хорошимъ, по моему мнѣнію, былъ Рогачевъ, о другихъ, можетъ быть, еще живыхъ, я не буду говорить. Были очень способные и неутомимые пропагандисты; хорошихъ же конспираторовъ, какъ мнѣ кажется, было немного. Военная община—это большая открытая семья. Около кружковыхъ офицеровъ группировались люди, связанные съ ними разными узами, люди, которыхъ включить въ кружокъ было невозможно. Между такими встрѣчались люди, сочувствовавшіе, но преданные платонически. Они оказывали иногда большія услуги и въ критическій моментъ могли быть увлечены. Эти люди знали слишкомъ много и даже случайно попадали на кружковыя совѣщанія, а во время провала давали неосторожныя, а иногда и откровенныя показанія.

Пропаганда велась сначала осторожно, а потомъ слишкомъ смѣло и открыто. Въ одномъ южномъ кружкѣ собирались у семейнаго товарища, связаннаго съ кружкомъ личной дружбой. Тамъ, послѣ ужина, за стаканомъ вина, въ компаніи съ двумя, тремя случайными гостями, свободно обсуждались текущія въ Россіи дѣла, а зачастую раздавались и мятежныя рѣчи. Но такія бесѣды проходили по крайней мѣрѣ въ закрытомъ помѣщеніи. Въ лагерное время нерѣдко ходили ужинать въ одну пивную на большой и людной улицѣ. На улицу выходила веранда, обитая дикимъ виноградомъ. Тутъ стояли столики. Столики сдвигались, и послѣ ужина приступали сначала къ спокойному обсужденію, которое зачастую заканчивалось горячимъ призывомъ къ возмущенію. Однажды въ этотъ городъ заѣхалъ одинъ нелегальный, какъ офицерамъ почему-то показалось, для проверки слуха, что

въ кружкѣ закутили. Съ этимъ «комисаромъ» сначала поговорили о дѣлахъ; потомъ его завели въ пивную, гдѣ и началась обычная исторія, завершившаяся «возмутительными» рѣчами. Въ это время на верандѣ сидѣлъ за своимъ столикомъ турецкій консулъ въ фескѣ, грекъ по происхожденію, отлично говорившій по-русски. Когда ораторъ произносилъ зажигательный спичъ, консулъ отвелъ одного офицера въ сторону и заговорилъ такъ:

«Этотъ офицеръ, должно быть, очень хорошій человекъ, но только онъ очень неостороженъ: такія рѣчи говорить въ Россіи на улицѣ опасно. Посмотрите: прохожіе останавливаются и прислушиваются. Вы, господа, должны беречь своего товарища, иначе онъ пропадетъ!»

Къ этимъ словамъ прислушивался пріѣзжій (нашъ гость) и горячо возразилъ:

«Нѣтъ! неправда! Если намъ зажимаютъ ротъ, то мы будемъ кричать, Если изъ нашего дома сдѣлали проѣзжую дорогу, то мы на улицѣ будемъ какъ дома!»

Такъ кончилась эта замѣчательная ревізія.

Нерѣдко сами командиры помогали агитаціи. Жестокій, циничный и неумолимый командиръ одного полка безпощадно билъ и поролъ солдатъ, невыносимо оскорблялъ офицеровъ и гнулъ ихъ въ три погибели. Его боялись и ненавидѣли. Полагая, что достаточно терроризировалъ полкъ, онъ сталъ безстыдно бравировать своимъ беззаконіемъ. Однажды, при писаряхъ и офицерахъ, онъ обратился къ квартирмейстеру такъ:

«Завтра привезите ко мнѣ на квартиру сажень дровъ (казенныхъ), да побольше! понимаете?»

«Слушаю» — отвѣтилъ ему поручикъ N. На другой день командиру была доставлена сажень дровъ съ большимъ походомъ, но онъ остался недоволенъ и, при тѣхъ же свидѣтеляхъ, закричалъ:

«Поручикъ N! Я, кажется, русскимъ языкомъ говорилъ вамъ: сажень да побольше! Берегитесь, безтолковый человекъ! Было бы болото, а черти будутъ!»

Особенно онъ свирѣпствовалъ, осматривая роты при разводѣ ихъ въ караулъ. За нимъ въ свитѣ слѣдовали батальонные и ротные командиры. Для того, чтобы приступить къ избіенію, у него была своя замашка: онъ открывалъ затворъ винтовки и осматривалъ каналъ ствола. Разумѣется, при желаніи нетрудно усмотрѣть какую-нибудь пылинку на стѣнкахъ канала. Тогда онъ билъ солдата прикладомъ въ грудь такъ, что грудь трещала и приговаривалъ: «Бейте, гг. офицеры, солдатъ! Русскій солдатъ любить, чтобъ его били!» Такую-то экзекуцію онъ однажды совершалъ въ одномъ батальонѣ, гдѣ «рукоприкладство» не существовало. Солдатская грудь трещала, избитые шатались и падали, но молчали, а онъ кричалъ: «Г. г. ротные командиры! бейте солдатъ! За битаго двухъ не битыхъ дають! Не смотрите на вашего гуманнаго батальоннаго командира!» Но въ этотъ моментъ выступилъ батальонный командиръ и заявилъ:

«Г. полковникъ! Вы возмущаете противъ меня передъ солдатами подчиненныхъ мнѣ офицеровъ и призываете ихъ къ непослу, шанію. О такомъ беззаконіи я немедленно заявлю высшему начальству, а командовать батальономъ, гдѣ совершаются истязанія, неслыханныя даже въ арестантскихъ ротахъ, не желаю!»

Вслѣдъ за тѣмъ, неожиданно подобное же заявленіе сдѣлали всѣ четыре ротныхъ командира. Такой протестъ ошеломилъ трусливаго бунна: «Г. г., зачѣмъ же выносить соръ изъ избы?! Я погорячился! Не всякое же лыко въ строку! Ну, хорошо, посмотримъ, какъ вы оболваните русскаго солдата гуманными мѣрами!» Этотъ инцидентъ имѣлъ значительныя послѣдствія. Побои въ этой части полка не повторялись; беззащитные солдаты, трепетавшіе передъ лютымъ начальникомъ, поняли, что его укротить нетрудно. Престижъ батальоннаго командира выросъ чрезвычайно. Еще одинъ случай: полковой адъютантъ просилъ предсѣдателя полкового суда отъ имени командира полка приговорить писаря N.N. къ зачисленію въ разрядъ штрафованныхъ, чтобы его можно было сѣчь, такъ какъ его вліяніе на другихъ командирѣ признавалъ вреднымъ. На это послѣдоваль отвѣтъ:

«Г. г., прошу быть свидѣтелями! Поручикъ! передайте командиру полка, что дѣло будетъ рѣшено по закону и по совѣсти, а я сейчасъ отправлюсь къ военному прокурору и сообщу ему о противозаконномъ предложеніи командира полка!» Присутствовавшіе офицеры поддержали предсѣдателя и, такимъ образомъ, протестъ офицеровъ избавилъ отличнаго и развитаго солдата отъ позорнаго наказанія, которое можно было примѣнять къ штрафованнымъ по усмотрѣнію начальниковъ. Такіе легальные протесты—прямая обязанность всякаго порядочнаго человѣка—имѣли воспитательное значеніе, поселяли довѣріе къ офицерамъ и сомнѣніе въ авторитетности начальника, пользующагося своей властію не по заслугамъ и способностямъ.

Численный составъ кружковъ на югѣ, достигнувъ извѣстнаго предѣла (около 10 чел.), не возрасталь далѣе. Временными членами въ двухъ пѣхотныхъ кружкахъ состояли строевые офицеры посторонняго вѣдомства; предполагалось, что по возвращеніи въ свои части, они стануть ядромъ новыхъ кружковъ. Кромѣ того завязывались связи съ нѣкоторыми артиллерійскими частями въ ближайшей мѣстности. Южный же морской кружокъ выросталь не по днямъ, а по часамъ, такъ, что приняль неудобные въ конспиративномъ отношеніи размѣры; но къ предложенію раздѣлиться на части, моряки отнеслись несочувственно. Въ декабрѣ 31 г. пріѣхаль на югъ лейтенантъ Александръ Викентьевичъ Бudevачъ, и отъ него мы узнали о возникновеніи повсюду военныхъ революціонныхъ кружковъ и о существованіи центральной группы. Познакомившись съ нашей программой, онъ нашель ее недостаточной. Мы защищали свою программу, но онъ указываль на ея несостоятельность и доказываль, что, по смыслу своего существованія, военная организація должна носить боевой характеръ; что

ея назначеніе—активное содѣйствіе партіи «Народной Воли», и ея задача—готовиться къ военному мятежу. Ему возражали, что увлечь за собою единичныхъ солдатъ не трудно; но возмутить цѣлыя роты, батальоны, батареи возможно только при общемъ народномъ возстаніи, что тогда даже и недостаточная подготовка не помѣшаетъ; а общее народное возстаніе—праздная мечта; что революціонное движеніе въ Россіи до сихъ поръ не имѣло массоваго характера, а являлось въ видѣ частичныхъ мятежныхъ протестовъ; а потому единая практически осуществимая и достаточная задача наша—подготовить сначала отдѣльные части, затѣмъ (какъ предѣльное требованіе) цѣлыя гарнизоны къ тому, чтобы они не подымали оружія противъ народа и народныхъ защитниковъ ни въ какомъ случаѣ. Эта программа—минимумъ, и она исполнима, если не во всемъ объемѣ, то частично. Онъ же говорилъ, что наша программа-минимумъ праздная мечта, что смѣшно говорить о подготовкѣ армій и гарнизоновъ, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Бываютъ такіе моменты въ общественной жизни, когда нужно открыто и безповоротно стать на ту, или другую сторону, а не оставаться благороднымъ свидѣтелемъ, такъ сказать, между молотомъ и наковальней; подготовить одну, двѣ роты, батарею, эскадронъ къ открытому возмущенію легче, чѣмъ осуществить наши неопредѣленные и обширные замыслы. Одна рота, открыто ставшая на сторону возмутившихся, можетъ принести неисчислимыя услуги: напр. захватить арсеналы и передать оружіе инсургентамъ, захватить пушки, пороховые погреба, обезоружить цѣлыя части, арестовать энергичныхъ распорядителей усмиренія, освободить политическихъ заключенныхъ. Не надо забывать также, что въ подготовительномъ періодѣ у офицера есть свои техническія задачи: напр., изучить топографію будущаго театра дѣйствія, составить планы на разные случаи и т. д.

Въ результатѣ этихъ совѣщаній было присоединеніе двухъ армейскихъ кружковъ, а затѣмъ и морского кружка къ партіи «Народной Воли». Кружковые программы двухъ первыхъ кружковъ были измѣнены такъ: задача кружковъ—активная поддержка протестующихъ и возставшихъ; главенство Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли»; непосредственное подчиненіе по спеціальнымъ дѣламъ автономному военному центральному кружку; обязательство явиться въ распоряженіе военнаго центра по первому требованію. Этому параграфу, составлявшему существенную часть программы новаго типа почти вездѣ, Буцевичъ придавалъ особенную важность; только на югѣ морской кружокъ не усвоилъ этой послѣдней статьи. Истинный ея смыслъ извѣстенъ былъ только Буцевичу и мнѣ. Буцевичъ имѣлъ въ виду очень смѣлыя и остроумныя предпріятія, но они требовали нѣкоторой подготовки, посему подробности до поры до времени и составляли тайну. Этотъ параграфъ кружки принимали не особенно охотно, и не потому, что офицеры боялись взять на себя непонятное и

опасное обязательство, а потому, что оно предполагало непосильные денежные расходы и отставку. Потомъ я узналъ, что недостатокъ въ деньгахъ и служилъ камнемъ преткновения для осуществления такихъ плановъ.

Весною 82 г. сложился морской кружокъ. Онъ состоялъ въ тѣсной связи съ армейскимъ, и не разъ армейцы принимали участие въ его совѣщаніяхъ. Такъ были установлены правильные денежные сборы; армейцы устроили у себя конспиративную квартиру. На общемъ собраніи морского и армейскаго кружковъ былъ поставленъ вопросъ о пропагандѣ среди солдатъ и получилъ оригинальное рѣшеніе: признали цѣлесообразнымъ поручить пропаганду рабочимъ и обратились съ просьбой къ В. Н. Фигнеръ, профэдомъ посѣтившей насъ, прислать двухъ подходящихъ рабочихъ для пропаганды въ двухъ городахъ. Офицеры должны были намѣчать и указывать рабочимъ болѣе надежныхъ и способныхъ людей, оберегать свиданія солдатъ съ рабочими, выручать солдатъ отъ всякихъ домашнихъ и внѣшнихъ напастей и повышать по-возможности ихъ служебное положеніе и т. д. Пропаганда шла довольно успѣшно, особенно между моряками. Офицеры предполагали открыться солдатамъ по окончаніи подготовительной работы, незадолго до рѣшительныхъ дѣйствій; но солдаты оказались наблюдательнѣе, чѣмъ мы думали, и безъ труда отличали своихъ офицеровъ. Наконецъ, явилась возможность испытать свою готовность, и составленъ былъ планъ освободить политическую заключенную. Два солдата и одинъ офицеръ взялись за это дѣло. Ключи послѣ вечерней зари находились у караульнаго начальника; но, чтобы спасти офицера отъ большой отвѣтственности, этими ключами рѣшено было не пользоваться, а по слѣпкамъ подобрать другіе ключи, а чтобы отклонить отвѣтственность отъ часового, его должна была угостить заключенная пирожкой съ минимальной дозой усыпительнаго. Все было готово. Недоставало паспорта для другого часового, который собирался бѣжать, заматавая такимъ образомъ всѣ слѣды; недоставало также экипажа для побѣга. Экипажъ и паспорта взялись поставить къ назначенному дню не военные, но оповдали; а между тѣмъ такая комбинація караульнаго наряда, когда встрѣчаются всѣ три исполнителя, случалась довольно рѣдко. Заключенную перевезли въ другой городъ и, такимъ образомъ, испытаніе нашей зрѣлости вышло неудачное.

Въ началѣ 82 г. Буцевичъ уѣхалъ на сѣверъ, а лѣтомъ мы узнали объ его арестѣ, и такимъ образомъ порвалась связь съ центральнымъ кружкомъ. Наша изолированность и оторванность отъ центра и другихъ кружковъ намъ стала невыносима—это было самое больное наше мѣсто—и нѣсколько человекъ отправились въ разныя стороны на поиски. Эта экспедиція была отчасти удачна. Центрального кружка не нашли; въ одномъ мѣстѣ я по оплошности перепуталъ рекомендаціи, и меня приняли за весьма подозрительную личность; но на обратномъ пути, въ одномъ боль-

помѣ городѣ я познакомился съ организованнымъ кружкомъ, исторія и программа котораго были почти тождественны съ нашей. Съ этимъ кружкомъ мы условились оставаться въ постоянной и тѣсной связи и для этого обмѣниваться почаще визитами, что и было исполнено. Въ этомъ городѣ существовало еще нѣсколько неорганизованныхъ группъ, находившихся въ первой стадіи развитія и переживавшихъ періодъ бурнаго броженія. Я думаю, что, вслѣдствіе оторванности отъ центра, имъ приходилось ошущью вырабатывать свою программу, хотя между ними, какъ я слышалъ, были очень способные люди. Въ ноябрѣ на югъ пріѣхалъ членъ Исполнительнаго Комитета Дегаевъ съ рекомендаціей, которой я долженъ былъ повиноваться. Онъ пожелалъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла у военныхъ и просилъ меня познакомить его съ выдающимися лицами изъ нашей среды. Я пригласилъ 4-хъ офицеровъ. Треть изъ нихъ онъ предложилъ заняться организаціей террористическихъ предпріятій; но выборъ былъ неудаченъ въ томъ отношеніи, что одинъ изъ нихъ уѣзжалъ въ академию, другіе, люди семейные, были много должны въ офицерскій капиталъ и потому оставить службу не могли; а мы, въ видахъ огражденія юной военной организаціи отъ провала, уже постановили, что офицеръ, принимающій участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ, обязанъ выйти изъ военной организаціи. Мнѣ лично онъ отъ Вѣры Николаевны предложилъ оставить службу и явиться въ распоряженіе центрального кружка. Я взялъ годовой отпускъ и отправился, заѣхавъ по пути къ Похитонову и Вѣрѣ Николаевнѣ. Въ центральномъ кружкѣ меня спросили, какъ я понимаю свое новое назначеніе? Я просилъ возложить на меня постоянные объѣзды между кружками съ цѣлью сведенія разнообразныхъ программъ къ единой—центрального кружка. Такъ и было рѣшено; но мнѣ предложили предварительно познакомиться съ высшими военными учебными заведеніями. Съ нѣсколькими академистами я познакомился. А когда по петербургскимъ дѣламъ мнѣ дали въ помощники очень способнаго и энергичнаго артиллерійскаго офицера Степурина, я сдалъ ему дѣла въ Петербургѣ и сдѣлалъ свой первый и послѣдній объѣздъ по Россіи. Тогда центральный кружокъ предполагалъ издавать военный журналъ, и мнѣ поручили, кромѣ согласованія кружковыхъ программъ, намѣтить корреспондентовъ, получить въ одномъ городѣ деньги, оповѣстить о предстоящемъ съѣздѣ и выбрать удобный для съѣзда пунктъ. Отчасти все это было сдѣлано. Но денегъ я не успѣлъ получить. Въ Смоленскѣ, куда я заѣхалъ отдохнуть, я былъ арестованъ.

Этимъ краткимъ очеркомъ я и ограничиваю мои воспоминанія о революціонной дѣятельности въ войскахъ. Кратковременность болѣе широкаго участія моего въ дѣлахъ объясняетъ неполноту фактической стороны. О томъ, чего я не видѣлъ самъ, мнѣ приходилось судить по аналогіи.

II.

Слѣдствіе и судъ.

Дегаевщина будетъ описана людьми болѣе меня свѣдущими. Я здѣсь скажу немного, что мнѣ извѣстно. На югѣ Дегаевъ совершенно обворожилъ военныхъ. Намъ онъ казался человѣкомъ очень тонкимъ, ловкимъ, умнымъ, изворотливымъ и предприимчивымъ. На сѣверѣ военные его обожали; кажется, только одинъ Э. А. Серебряковъ не поддавался общему увлеченію. Онъ мнѣ говорилъ, что Сухановъ относился къ Дегаеву съ большимъ недоверіемъ. Послѣ перваго ареста Дегаевъ былъ выпущенъ на поруки и скрылся. Лѣтомъ 82 г. онъ съ женою жилъ въ Тифлисѣ. Съ этого момента всѣ предпріятія, гдѣ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ, оканчивались полнѣйшей неудачей. Въ ноябрѣ провалился въ Тифлисѣ военный кружокъ Мингрельскаго полка. Въ декабрѣ, правда послѣ его отъѣзда, рушилось горійское предпріятіе. Въ концѣ ноября (26-го) онъ пріѣхалъ въ Одессу для устройства типографіи, и 18 декабря ее открыла полиція. Дегаевъ съ женою, Спандони, Суровцевъ и Колюжная были арестованы. Въ тюрьмѣ онъ оставался очень недолго. На нашемъ судѣ читали очень интересное показаніе его жены. Ее потребовали въ жандармское управленіе, и тамъ она увидѣла такую картину: «Сидитъ Сережа съ Судейкинымъ. На столѣ бутылка вина и пирожки. «Садись, Любочка, кушай пирожки, — сказалъ Сережа, — не хочешь ли вина?»... Покушавъ пирожковъ съ Судейкинымъ, Дегаевъ учинилъ флигивный побѣгъ, явился къ штабсъ-капитану Крайскому и, повѣдавъ ему, какъ онъ удачно ушелъ отъ жандармовъ, просилъ, не теряя ни минуты, отвезти его въ Николаевъ и скрыть тамъ на нѣкоторое время отъ розысковъ. Дѣло было зимою, и одинъ изъ офицеровъ отвезъ его туда и поселилъ у одного семейнаго офицера, у котораго бывали кружковые военные. Дегаевъ зналъ только трехъ офицеровъ, которыхъ я вызывалъ по его желанію въ Одессу, и хотѣлъ познакомиться вполнѣ съ положеніемъ дѣла и съ кружковымъ составомъ въ Николаевѣ. Затѣмъ онъ опять исчезъ, и начались аресты и провалы повсюду. 10 февр. 83 г. была арестована въ Харьковѣ В. Н. Фигнеръ, 25 февр. тамъ же Чуйковъ и В. Ивановъ, 22 іюня въ Харьковѣ обнаружена тайная типографія и арестованъ старый знакомый Дегаева Немоловскій. Въ мартѣ 83 г. въ Кіевѣ арестованъ поручикъ Тихоновичъ; въ мартѣ же — штабсъ-капитаны Рогачевъ и Похитоновъ; въ концѣ марта — Ашенбреннеръ; а весною и лѣтомъ начались массовые аресты офицеровъ, пока не исчерпали почти всю военную организацію. Сколько мнѣ извѣстно, уцѣлѣло нѣсколько кружковъ, о которыхъ Дегаевъ не имѣлъ свѣдѣній. Эти кружки, слышалъ я, мало-по-малу, прекратили свое политическое существованіе.

Арестованъ я былъ при исключительно благоприятныхъ об-

стоятельствахъ. При мнѣ были рекомендательныя письма и небольшая тетрадка изъ очень тонкой почтовой бумаги со спискомъ 400 офицеровъ ¹⁾ по городамъ. Все это было зашифровано по способу Гамбетты. Подобрать ключъ къ зашифрованному очень трудно, но возможно; стоитъ только удачно подставить при выкладкахъ напр., названіе города и, если въ текстѣ есть это слово, то ключъ найденъ. Поэтому фамиліи и города въ письмахъ мы зашифровывали другимъ ключемъ. Какъ разъ моя тетрадка съ фамиліями и не могла быть такъ зашифрована. Это меня страшно безпокоило, и я, выѣзжая въ свою экспедицію, вознамѣрился выучить всѣ эти списки наизусть. И дѣйствительно половину списка я зналъ какъ «Отче нашъ» и поэтому я ее сжегъ. Въ моментъ ареста при мнѣ находилась еще удѣлѣвшая часть тетради съ 200 фамиліями. Около полуночи у подѣзда остановился экипажъ. Ночь была лунная, сторы опущены, но одна родственница заглянула въ окно и увидѣла, какъ жандармскій полковникъ отбѣлялъ домъ жандармами и городовыми въ пережку. Я успѣлъ затопить печь въ своей комнатѣ, сжечь всѣ опасныя бумаги и даже уничтожить всѣ багажные билетки на чемоданѣ, и сталъ наблюдать за дѣйствіями полковника. Цѣпь загибалась въ переулокъ (домъ угольный), что было видно изъ корридора; во дворѣ были также жандармъ и городской. Такъ, по счастью, я приготовился къ приему посѣтителей, а они все медлили. Наконецъ, позвонили и вошли: жандармскій полковникъ, адъютантъ жандармскаго управленія, приставъ и воинскій начальникъ. Вспослѣдствіи я узналъ, что адъютантъ, посланный за воинскимъ начальникомъ, не засталъ его дома, а между тѣмъ арестовать меня безъ депутата съ военной стороны въ тѣ времена было нельзя.

Меня доставили въ департаментъ полиціи, а оттуда въ Петропавловскую крѣпость. Смотритель Лѣсникъ съ кучею жандармовъ раздѣли меня и учинили варварскій тѣлесный осмотръ. Сосѣдей у меня долго не было. Потомъ около меня съ одной стороны оказался студентъ Камарницкій. Мы оба стучать не умѣли, но мало-по-малу научились стучать кое какъ. Стучали во время раздачи обѣда, или ужина, когда надзора было менѣе. Пища въ первый годъ заключенія была очень нехороша, а хлѣбъ—отвратительный. У меня было нѣсколько десятковъ рублей, и я покупалъ въ мѣсяць $\frac{1}{4}$ фун. табаку, $\frac{1}{4}$ фун. чаю и 3 фун. сахару, считая по 50 коп., на 1 р. 50 к.; книжку папирсной бумаги за 5 коп., и 1 коробку спичекъ, но съ меня аккуратно вычитали по 3 руб. каждый мѣсяць. Въ камерахъ было очень холодно, зато просторно и можно было ходить. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ камерахъ въ Петропавловкѣ, въ каменномъ полу были пробиты по діагонали глубокія дорожки многочисленными поколѣніями узниковъ. На прогулку водили ежедневно на $\frac{1}{4}$ часа. Книги сначала давали не

---

¹⁾ Я долженъ былъ, между прочимъ, во время объѣзда повѣрить этотъ списокъ, и оказалось, что туда попали по ошибкѣ и люди, совсѣмъ не подходящіе.

по моему выбору, а какія попадутся; я просилъ журналовъ и сталъ получать старыя «Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ». Переводили изъ камеры въ камеру довольно часто и всегда, до отправленія въ административную ссылку, моимъ сосѣдомъ былъ Камарницкій. Одинъ только разъ мнѣ посчастливилось сидѣть рядомъ съ моимъ товарищемъ офицеромъ Успенскимъ. Мы вступили сейчасъ же въ разговоры; но насъ развели по разнымъ монцамъ, и у меня отобрали на нѣкоторое время книги и табакъ; съ тѣхъ поръ я сидѣлъ въ угловыхъ камерахъ; съ одной стороны была лѣстница, съ другой цейхгаузъ, а на площадкѣ передъ камерой стоялъ часовой. Мѣсяца за два до суда я заболѣлъ дизентеріей. Докторъ Вильямсъ отнесся ко мнѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Я на свои деньги купилъ гутаперчевый влистіръ и дѣлалъ промыванія водой. Болѣлъ я около двухъ мѣсяцевъ. Слѣдствіе по нашему дѣлу было окончено, и меня посадили рядомъ съ субъектомъ, который назвался сначала именемъ моего нелегальнаго знакомаго, а потомъ именемъ моего пріятеля, кievскаго офицера. Онъ передалъ мнѣ поклонъ отъ Савелія Златопольскаго, я же на это передалъ ему поклонъ съ того свѣта отъ Гольденберга. Съ тѣхъ поръ сосѣдъ оставилъ меня въ покоѣ. Не останавливаясь на описаніи тюремной жизни въ Трубецкомъ равелинѣ, я перейду къ разсказу о слѣдствіи и судѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ водворенія въ равелинѣ, мнѣ объявили о моемъ исключеніи изъ службы; съ сюртука сняли погоны, спорили контрпогончики, а съ шапки убрали кокарду. Въ этотъ же день ко мнѣ вошелъ жандармскій генералъ Середа, очень любезно протянулъ мнѣ руку и объявилъ, что назначенъ по нашему дѣлу предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, затѣмъ попросилъ позволенія сѣсть.

«Я давно хотѣлъ познакомиться съ вами: я такъ много слышалъ хорошаго о васъ отъ нашихъ общихъ знакомыхъ—сказалъ онъ и, замѣчая мое удивленіе, прибавилъ—отъ Плотникова и Рѣдкина». Плотниковъ и Рѣдкинъ были моими товарищами по турецканской службѣ. Онъ продолжалъ: «Они учились въ Оренбургскомъ юнкерскомъ училищѣ, когда я былъ тамъ начальникомъ и, когда они возвращались передъ турецкой войной, то были у меня, и мы о васъ вспоминали». Потомъ, внезапно повернувшись ко мнѣ, онъ впился въ меня глазами и спросилъ:

«А Вы были знакомы съ В. Н. Фигнеръ?»—Я отвѣтилъ отрицательно.

«Гм... Я совѣтую вамъ быть откровеннѣе; ваше дѣло очень серьезное!»

Затѣмъ, увидѣвъ у меня на столѣ книгу, онъ наклонился къ ней. Какъ разъ «Вѣстникъ Европы» былъ раскрытъ на статьѣ: «6000 верстъ по канату.» Авторомъ этой интересной статьи по первоисточникамъ, недоступнымъ для другихъ, былъ онъ самъ. Мы заговорили сначала о журналахъ.

«Я знаю, вы къ себѣ всегда приближали лучшихъ офицеровъ», закончилъ онъ и опять задалъ мнѣ вопросъ, на этотъ разъ совершенно мнѣ непонятный: «А въ Одессѣ вы не были знакомы съ генераломъ Ширинкинымъ?» Я ему отвѣчалъ, что въ первый разъ слышу эту фамилію. Онъ всталъ и откланялся со словами: «Будьте откровеннѣе, будьте откровеннѣе!»

На первомъ допросѣ меня опрашивали прокуроръ Богдановичъ, послѣдствіи губернаторъ (уфимскій), и ротмистръ Лютовъ; послѣдній былъ въ полной парадной формѣ и просилъ меня писать поразборчивѣе, потому что мое показаніе онъ сейчасъ же отвезетъ къ государю.

Всякія наши кружковыя собранія заканчивались обсужденіемъ, какъ мы должны себя вести на слѣдствіи и судѣ для того, чтобы не оговорить товарищей и невольно не указать опытному прокурору на тотъ неуловимый кончикъ нити, схватившись за который легко распутать весь клубокъ, и рѣшили на всѣ вопросы давать по обстоятельствамъ два отвѣта: «Не знаю», или: «Не желаю отвѣчать». Въ первые дни моего заключенія я былъ въ оптимистическомъ настроеніи: я не имѣлъ понятія о всеобщемъ провалѣ и о предательствѣ Дегаева и воображалъ, что меня привлекаютъ по какому-нибудь частному случаю, напримеръ, на основаніи указаній на мое знакомство съ нелегальными. Посему, отправляясь на допросъ, я разсуждалъ такъ: признать свою принадлежность къ партіи «Народной Воли» и къ Военной Организациіи я всегда успѣю; торопиться съ этимъ признаніемъ не слѣдуетъ. Если я заявлю о своей принадлежности къ Военной Организациіи, то отсюда необходимо вытекаетъ заключеніе о принадлежности къ ней около 40 человекъ офицеровъ на югѣ. Я слишкомъ тѣсно былъ съ ними связанъ и при разслѣдованіи, вызванномъ моимъ признаніемъ, сейчасъ же выяснится не только наша близость, но и солидарность. Заявлять о своей принадлежности къ партіи «Народной Воли» тоже пока не слѣдуетъ потому, что это поведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Посему я заявилъ, что не принадлежу ни къ какимъ партіямъ, или фракціямъ. Когда, на слѣдующемъ допросѣ, прокуроръ Добжинскій мнѣ показалъ прекрасный кабинетный портретъ В. Н. Фигнеръ, и я сталъ отговариваться незнаніемъ, онъ мнѣ замѣтилъ: «Если вы останетесь на почвѣ совершеннаго отрицанія, вамъ будетъ очень трудно на судѣ!» Теперь для меня наступилъ самый мрачный періодъ моей подневольной жизни. На допросы я шелъ, какъ на пытку. По вопросамъ слѣдователя, отъ Успенскаго и Камарницкаго я узналъ о провалѣ трехъ южныхъ кружковъ и объ арестѣ двухъ кронштадтскихъ моряковъ. Однажды на прогулкѣ я увидѣлъ на песчаной дорожкѣ знаки, которые указывали на гибель центрального кружка. На песокъ было начертано: А, Lg (логарифмъ) и топографическое изображеніе вершины. Первая фигура показывала, что арестованъ Палинъ (псевдонимъ: Угловъ), членъ центральной группы, вторая—что знаютъ о моемъ арестѣ, а третья указывала на арестъ артилле-

Николай Данилович
ПОХИТОНОВЪ.

риста Вершинина. У меня явилось опасеніе, что во время моего объѣзда по моимъ пятамъ слѣдовали сыщики, и я горько упрекалъ себя за неосмотрительность. По счастью я узналъ потомъ, что провинціальныя группы, куда я заѣзжалъ, всѣ уцѣлѣли, за исключеніемъ Кіевскаго кружка, который былъ преданъ Дегаевымъ (Тихановичъ и др.)¹⁾

Однажды меня доставили въ департаментъ полиціи. Я съ конвойными прошелъ по длинному корридору, и мы вышли на большую площадку, уставленную шкафами. Направо, около стекляной двери, завѣшенной съ внутренней стороны кисейной занавѣской, меня посадили на стулъ и сказали, что меня желаетъ видѣть директоръ департамента Плева. Прямо передо мною тянулся другой длинный корридоръ, въ концѣ котораго была дверь на правой сторонѣ. За стекляной дверью слышенъ былъ разговоръ, кажется, на французскомъ языкѣ. Потомъ тамъ замолчали, и черезъ полминуты дальняя дверь въ корридорѣ хлопнула, и къ намъ направилась какая-то личность; вступивъ на площадку, этотъ господинъ не свернулъ къ выходному изъ зданія корридору, а подошелъ вплотную ко мнѣ. Жандармы разступились, а онъ, взявшись за ручку стекляной двери, сталъ ее тянуть не въ ту сторону, куда дверь отворялась, и началъ меня упорно разсматривать. Это былъ высокій съ брюшкомъ, смуглый брюнетъ, съ густыми черными бровями и черными баками. Одѣтъ онъ былъ роскошно. Я видѣлъ массивную цѣпочку и брилліантовую булавку—словомъ это была типичная шулерская фигура. Когда онъ на меня насмотрѣлся, жандармскій офицеръ указалъ ему на дверь къ выходу, и онъ ушелъ, а въ кабинетѣ зазвонилъ колокольчикъ. Мнѣ открыли дверь, я увидѣлъ Плева. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть на кресло. Самъ онъ сидѣлъ напротивъ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣлами и бумагами.

— Государь императоръ интересуется вашимъ происхожденіемъ. Скажите, вы нѣмецъ?—началъ онъ.

— Нѣтъ! одинъ мой дѣдъ нѣмецъ, а другой русскій, — отвѣтилъ я.

— Есть у васъ родственники въ Германіи?

— Возможно, но я о нихъ ничего не знаю.

— Вы потомственный дворянинъ?

— Да.

— Какой губерніи?

— Московской. Эти свѣдѣнія, ваше превосходительство, можете найти въ моемъ послужномъ спискѣ.

— Я васъ больше не задерживаю,—закончилъ онъ.

---

¹⁾ Съ того момента, какъ я выѣхалъ изъ Петербурга, меня потеряли изъ вида. Жандармскому полковнику въ Смоленскѣ предписали телеграфировать въ департаментъ полиціи, какъ только я покажусь въ Смоленскѣ. Такъ и было сдѣлано. Онъ получилъ въ отвѣтъ приказаніе арестовать меня.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ допросъ, когда я испыталъ чувство ужаса. Меня ввели въ кабинетъ прокурора (на Гороховой улицѣ). Добжинскій сѣлъ спиною къ окну, а меня посадилъ лицомъ къ свѣту такъ близко, что наши ноги соприкасались. Рядомъ съ нимъ на диванѣ сидѣли Богдановичъ и Судейкинъ.

— Скажите, г-нъ Ашенбреннеръ, зачѣмъ вы были такого то числа во дворцѣ?

Я дѣйствительно заходилъ раза три въ Аничковъ дворецъ, гдѣ жилъ у отца морякъ Ювачевъ изъ морской академіи. «Ну!—подумалъ я,—значитъ Ювачевъ попался, а можетъ быть, и еще кто-нибудь изъ академистовъ, которые у него бывали!» Отвѣтъ на вопросъ я далъ удивительный:

— Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга мнѣ хотѣлось побывать въ Эрмитажѣ. Тамъ мнѣ сказали, что безъ билета изъ дворцовой конторы посѣтители не допускаются, я и отправился во дворецъ...—Мое объясненіе прервалъ Добжинскій веселымъ и громкимъ смѣхомъ:

— Ха, ха, ха! Какая ложь! Какая ложь! А Богдановичъ за мѣтилъ:

— Но дворцовая контора вовсе не во дворцѣ!

— Я этого не зналъ—отвѣтилъ я.

— Но вы могли справиться въ календарѣ Суворина! Я возразилъ, что у меня было слишкомъ мало денегъ, чтобы платить рубль за справку. Послѣ этого Богдановичъ вышелъ, а Добжинскій, заложивъ руки въ карманы, сталъ прохаживаться; потомъ они съ Судейкинымъ подошли ко мнѣ и Добжинскій спросилъ меня:

— Можетъ быть вы искали во дворцѣ генерала Ширинкина?

— Я совершенно не знаю генерала Ширинкина. Меня почему-то второй разъ спрашиваютъ о Ширинкинѣ!

— Ширинкинъ можетъ дать очень хорошее мѣсто! можетъ быть, вы хотѣли просить его о мѣстѣ?

— Нѣтъ, ничего подобнаго!—отвѣчалъ я.

Судейкинъ вышелъ, а Добжинскій сѣлъ рядомъ со мною и сказалъ: «У насъ есть безспорныя указанія на вашу принадлежность къ партіи «Народной Воли» и къ военной фракціи. Напримѣръ, мы только что расшифровали ваше письмо къ Крайскому. Я вамъ напомнимъ его содержаніе: «Денежныя письма адресовать на имя лейтенанта П, а простыя на имя лейтенанта К!» Мнѣ показалось, что полъ уходитъ отъ меня. Руки и ноги онѣмѣли, а сверху на мою голову льются потоки горячей воды. Мнѣ кажется, у меня зашевелились волосы. Я смотрѣлъ безмысленно на стѣну, и гдѣ-то далеко глухой голосъ говорилъ что-то непонятное. Я былъ пораженъ ужасомъ вотъ почему: меня всегда озабочивала оторванность южныхъ кружковъ отъ центра и, отъѣзжая на сѣверъ, я условился переписываться съ Крайскимъ. Крайскій, человѣкъ сильнаго и стойкаго характера, въ высшей степени осторожный и пунктуальный, былъ глубоко преданъ дѣлу. Мы изобрѣли способъ шифрованія, вскрыть который, ни при какихъ

обстоятельствахъ, невозможно. Мы уговорились, чтобы Крайскій никому не показывалъ моихъ писемъ, сообщая изъ нихъ товарищамъ только такія свѣдѣнія, которыя до нихъ прямо касаются. Въ день полученія онъ долженъ былъ сжечь письмо и тотчасъ же послать мнѣ извѣстную фразу, указывающую, что все сдѣлано, какъ мы условились. Я дѣйствительно далъ ему два адреса, и онъ мнѣ отвѣтилъ условной фразой, что сжегъ это письмо и т. д. Я началъ приходить въ сознаніе. «Слѣдовательно,—мелькнула у меня мысль,—Крайскій лжець, измѣнникъ, а я—его невольный сообщникъ!» Такая мысль о другѣ ужасна. Впослѣдствіи я узналъ, что Крайскій все исполнилъ, какъ слѣдуетъ; но рассказалъ о письмѣ Дегаеву, какъ члену Исполнительнаго Комитета, на котораго, конечно, не распространялась наша конспирація съ Крайскимъ. Я сталъ прислушиваться къ голосу Добжинскаго, который давно что-то говорилъ. Теперь онъ говорилъ о программѣ партіи «Народной Воли», о программѣ военнаго центрального кружка и закончилъ:

— Вы видите, что намъ все извѣстно; и послѣ этого вы станете утверждать, что не принадлежите къ партіи «Народной Воли» и къ военной фракціи?—Я отвѣчалъ:

— Бовсе я не утверждаю этого я принадлежу къ партіи «Народной Воли» и къ военной фракціи!—Онъ предложилъ мнѣ записать это на бумагѣ. Я записалъ и заявилъ, что другихъ показаній давать я не желаю; но онъ ко мнѣ еще разъ обратился:

— Какъ же вы, подполковникъ, старый офицеръ, рѣшились нарушить присягу?—Я отвѣтилъ:

— Я присягалъ царю и отечеству; подъ отечествомъ разумѣю народъ и землю русскую, и не моя вина, если царь съ народомъ находятся въ антагонизмѣ!

— А вотъ и это вы пожалуйста запишите!—очень быстро проговорилъ онъ; а я ему возразилъ:

— Если вамъ угодно, вы можете записать эти слова; но я ни писать, ни отвѣчать на какіе-нибудь вопросы болѣе не желаю!—Послѣ этого меня побеспокоили еще два раза: оба случая были очень любопытны. Теперь я нѣсколько успокоился, и допросы не терзали меня такъ мучительно. Мнѣ дали очную ставку съ знакомымъ артиллеристомъ, академикомъ Д. Мы не раскланивались другъ съ другомъ.

— Ну, что скажете?—обратился ротмистръ Ивановъ къ Д.

— Нѣтъ, не признаю: тотъ офицеръ, у котораго я бывалъ на Надеждинской улицѣ, былъ повыше и помоложе, и я его всегда видѣлъ въ тужуркѣ безъ погонь.

— Вы можете разсмотрѣть всѣ мои вещи,—вмѣшался я,—и не найдете тужурки. Да къ тому же я жилъ не на Надеждинской улицѣ, а на углу Пушкинской и Невскаго проспекта, противъ магазина монументовъ.

— Домъ, гдѣ я видѣлся съ подполковникомъ, фамилію котораго мнѣ не сказали, былъ посрединѣ улицы. Я думалъ даже,

что это былъ не настоящій подполковникъ, а переодѣтый,—прибавилъ Д. ¹⁾.

— Я знаю магазинъ монументовъ; мы наведемъ справку,—вставилъ ротмистръ; а чернокудрый, съ поэтическимъ лицомъ прокуроръ, который мнѣ сначала показался чистой кошей съ поэта Владиміра Ленскаго, замѣтилъ:

— Это все равно Пушкинская или Надеждинская улица: онѣ параллельны!—Я на это возразилъ:

— Г. прокуроръ, въ Петербургѣ всѣ улицы параллельны и перпендикулярны. Я не юристъ, но знаю, что для установленія alibi достаточно, если въ моментъ предполагаемаго свиданія моего, я находился не въ той же комнатѣ!—Ротмистръ Ивановъ былъ взбѣшенъ и закричалъ: «Жандармъ!» и когда тотъ явился, приказалъ, указывая на меня: «Убери его!»

Послѣдняя моя встрѣча со слѣдователями случилась не задолго до суда. На допросѣ предсѣдательствовалъ самъ генераль Середя. Мнѣ предъявили толстую тетрадь въ четвертушку съ отиѣткой на поляхъ городовъ въ алфавитномъ порядкѣ, если не ошибаюсь, отъ Архангельска до Якутска. Это были разоблаченія Дегаева. «Вы узнаете эту подпись?» обратился ко мнѣ Середя, указывая на послѣднюю страницу.—«Я не знаю ни почерка, ни автора», отвѣтилъ я. Тогда мнѣ показали въ трехъ, четырехъ мѣстахъ текстъ, гдѣ говорилось обо мнѣ. Я успѣлъ замѣтить, что и въ другихъ мѣстахъ текстъ былъ испещренъ фамиліями, которыя перемежались разъясненіями. По отношенію ко мнѣ лично въ дегаевскихъ разоблаченіяхъ было сказано вѣрно, но выражено съ цинической откровенностью.

— Вы, можетъ быть, знали Дегаева подъ фамиліей Суворова?—спросили меня. Я отвѣтилъ отрицательно.

Черезъ вѣсколько дней мнѣ вручили обвинительный актъ и перевезли въ Домъ Предварительнаго Заключенія.

Меня привезли въ Домъ Предварительнаго Заключенія часовъ въ 11 ночи, и сейчасъ же ко мнѣ вошелъ начальникъ тюрьмы. Онъ остановился у двери, протянулъ руки, печально покачалъ головой и проговорилъ:

«Какая встрѣча! Какая встрѣча!... Не узнаете? Ерофеевъ: 1-го московскаго (кадетскаго корпуса).

Я не могъ узнать въ немъ своего однокашника: прошло слишкомъ много лѣтъ; но припомнилъ маленькаго Ерофеева, который былъ въ моемъ капральствѣ. Мы сѣли.

«Что дѣлается въ Россіи?»—вотъ первый вопросъ; который предлагаетъ заключенный неофициальному посѣтителю.

«Наступили очень тяжелыя времена!»—отвѣтилъ Ерофеевъ,—военная партія разгромлена! Около 200 офицеровъ арестовано.

¹⁾ Угольный домъ, гдѣ я жилъ въ Петербургѣ, былъ очень великъ, съ вѣсколькими воротами и дѣйствительно, чтобы попасть ко мнѣ, нужно было долго идти по Пушкинской къ послѣднимъ воротамъ. Д. былъ правъ, но умышленно спуталъ названія улицъ.

Однихъ исключили изъ службы; другихъ по исключеніи сослали административно. Здѣсь перебивало ихъ множество!»— «Но какъ же объяснить такой провалъ?»— «Дегаевъ выдалъ васъ всѣхъ: онъ служилъ у Судейкина, а потомъ устроилъ ему западню, убилъ Судейкина и бѣжалъ!» Я закидалъ его вопросами о товарищахъ и знакомыхъ. Онъ отвѣчалъ не совсѣмъ вразумительно: очевидно, онъ самъ потерялъ счетъ злоключеніямъ своихъ многочисленныхъ узниковъ; я не узнавалъ въ его описаніи своихъ товарищей. Одинъ ослѣпъ, другой зарѣзался, третій помѣшался, послѣ четвертаго осталась большая семья въ нищетѣ и т. д. «Къ вамъ же шестерымъ отнесутся безпощадно!» закончилъ онъ, «принимавшихъ участіе въ дѣлѣ 1 марта казнятъ, а другимъ предстоитъ нѣчто худшее: Шлиссельбургъ! Тамъ, говорятъ, ужасные порядки!»

Резолюція по нашему дѣлу была предрѣшена, и описаніе судебной процедуры въ данномъ случаѣ не можетъ быть многосложнымъ. Это было чисто бумажное дѣло. 4 или 5 дней читали показанія не явившихся свидѣтелей, въ томъ числѣ длиннѣйшее показаніе Гольденберга. Столъ вещественныхъ доказательствъ былъ заваленъ горами дѣлъ въ синихъ обложкахъ. Свидѣтелей не было. На 5 минутъ показался запуганный экспертъ. Публику изображали кн. Имеретинскій, министръ Набоковъ и Ерофеевъ. Намъ хотѣлось прослушать показанія Дегаева, и кто-то спросилъ, приметъ ли судъ во вниманіе при постановленіи приговора, предъявленные намъ на слѣдствіи показанія Дегаева? Судъ не согласился на оглашеніе такого скандальнаго акта и объявилъ, что руководствоваться показаніями Дегаева не будетъ. На дѣлѣ, конечно, было не такъ. Всюду, гдѣ въ обвинительномъ актѣ говорится: «получены были указанія...» слѣдуетъ читать: «указанія Дегаева». Я не могу возстановить въ точныхъ выраженіяхъ показанія, данныя на судѣ, да ихъ почти и не было за исключеніемъ того, что всѣ признали себя членами партіи «Народной Воли», а военные, сверхъ того, свою принадлежность къ военной организаціи. Вѣра Николаевна, если не ошибаюсь, заявила, что она была агентомъ 3 степени; Людмила Александровна, что всецѣло принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ дѣянія партіи «Народной Воли». Вступать въ какое-нибудь объясненіе съ судомъ было невозможно потому, что предсѣдатель не давалъ говорить. Въ разъясненіяхъ судъ не нуждался, такъ какъ резолюція была продиктована заблаговременно, а рѣчи подсудимыхъ были интересны только для адвокатовъ, единственныхъ представителей общества на нашемъ судѣ. Конечно, лучше было бы не принимать ни малѣйшаго участія въ подобномъ судовомъ разбирательствѣ, но естественное возмущеніе противъ крѣпостничества и злонамѣренныхъ извращеній заставило меня сдѣлать одно возраженіе. Военныхъ обвиняли за участіе въ террористическихъ фактахъ, совершенныхъ партіей «Н. В.», когда военные стояли еще внѣ всякихъ партій. Отвѣтственность за первородный грѣхъ праотца Адама, мо-

жетъ быть, имѣеть богословскій смыслъ, но юридическаго не имѣеть. Потомъ, когда военная партія уже сложилась и приняла программу «Н. В.», она принципиально не расходилась конечно со взглядами Исполнительнаго Комитета по вопросу о террористической дѣятельности; но фактическаго участія, какъ партія, въ этихъ дѣлахъ не принимала. Два, три офицера содѣйствовали нѣкоторымъ террористическимъ предпріятіямъ, какъ народовольцы, а не какъ члены военной организаціи, у которой была своя специальная задача—военный мятежъ, вооруженное возстаніе. Дѣянія, которыя имѣла въ виду военная партія, относились къ террористическимъ дѣяніямъ, какъ генеральное сраженіе относится къ поединку. Тактическіе приемы борьбы въ первомъ и во второмъ случаѣ не тождественны. Когда южные кружки оторвались отъ центральной группы, съ которой они на короткое время были связаны, то тамъ, волею неволею приходилось разрабатывать существеннѣйшіе вопросы самостоятельно. Тогда, въ видахъ огражденія юной военной организаціи отъ провала, для того, чтобы не привлечь вниманія властей къ партіи, пока ея сложеніе не завершится, мы обязали желающихъ участвовать въ террористическихъ предпріятіяхъ оставить военную организацію.

Свои разъясненія я началъ съ конца, именно съ послѣднихъ строчекъ только что изложеннаго здѣсь; но предсѣдатель меня оборвалъ и я замолчалъ. Потомъ, при допросѣ Рогачева и Похитонова, выяснилось, что вышеприведенныя соображенія вовсе не были исключительнымъ и случайнымъ изобрѣтеніемъ южныхъ кружковъ или еретическимъ искаженіемъ, не было тутъ и нарушенія партійной дисциплины: у насъ они получили формулировку, а въ другихъ мѣстахъ молчавію предполагались. На этихъ допросахъ Рогачеву и Похитонову вмѣняли въ вину переговоры съ В. Н. отоснительно ихъ выхода въ отставку, чтобы посвятить себя образованію боевыхъ дружинъ. Похитоновъ по весьма важнымъ причинамъ не имѣлъ возможности согласиться на предложеніе В. Н. и потому не подалъ въ отставку, такъ же какъ три офицера на югѣ, получившіе подобное же предложеніе, не могли подать въ отставку и должны были уклониться отъ новаго назначенія. Рогачевъ подалъ въ отставку, но вскорѣ былъ арестованъ. В. Н., съ которой на судѣ я сидѣлъ рядомъ, сейчасъ же замѣтила противорѣчивость обвиненія и посоветовала мнѣ констатировать это. Я предложилъ суду вопросъ: «Если военные кружки были боевыми дружинами для террористическихъ предпріятій, какъ утверждалъ прокуроръ, то зачѣмъ же В. Н. приглашала Рогачева и Похитонова подать въ отставку, чтобы заняться организаціей боевыхъ дружинъ?» На это не послѣдовало никакого отвѣта.

На судѣ случилось два интересныхъ эпизода по отношенію къ офицерамъ. Тихановичъ уже на судѣ былъ совершенно ненормальнымъ, и возникъ вопросъ, мнѣ помнится по почину Ерофеева ¹⁾

¹⁾ Тихановичъ содержался въ послѣднее время въ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

объ его освидѣтельствованіи, но судъ на это не согласился. Черезъ недѣли двѣ, въ Шлиссельбургѣ онъ повѣсился. Въ резолюціи было сказано про меня и Похитонова, что боевыя наши отличія служатъ уменьшающимъ вину обстоятельствомъ; но для того, чтобы нейтрализовать ихъ, судъ призналъ за нами увеличивающія вину обстоятельства, именно нарушеніе присяги. Это очевидная юридическая натяжка: по военнымъ законамъ нарушеніе присяги во-первыхъ, само по себѣ преступленіе, которое и поглощается болѣе значительнымъ преступленіемъ, во-вторыхъ, это преступленіе необходимо сопутствуетъ другому, высшему преступленію, а потому не можетъ считаться увеличивающимъ вину обстоятельствомъ. Что-нибудь одно: или военные юристы могли себѣ представить напр. принадлежность офицера къ мятежному сообществу безъ нарушенія присяги, или они допустили юридическую натяжку въ силу того, что приговоръ былъ заранѣе предрѣшенъ. Такъ оно и было, потому что судъ, сославшись на боевыя отличія какъ на уменьшающія вину обстоятельства, совсѣмъ ихъ не призналъ, а оставилъ за нами въ резолюціи обстоятельства, увеличивающія вину.

Резолюція, вынесенная судомъ была такова: В. Н. Фигнеръ, Ашенбреннера, Рогачева, Похитонова, Штромберга, Ювачева, Тихановича и Л. А. Волкенштейнъ подвергнутъ смертной казни черезъ повѣшеніе; В. Иванова, Немоловскаго, Чуйкова, Суровцева и Спандони въ каторжныя работы въ рудникахъ: Иванова и Немоловскаго безъ срока, Чуйкова на 20 лѣтъ, Суровцева и Спандони на 15 лѣтъ, Чемоданову на 4 года. Приговоръ надъ Штромбергомъ и Рогачевымъ 10 октября 84 г. приведенъ въ исполненіе. В. Н. Фигнеръ, Похитонову, Ашенбреннеру и Тихановичу казнь замѣнена каторжными работами безъ срока, Л. А. Волкенштейнъ и Ювачеву каторжными работами на 15 лѣтъ, Немоловскому на 20 лѣтъ, а Чемодановой—ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста.

Приговоръ въ окончательной формѣ былъ объявленъ, кажется, 1 октября. Насъ перевезли въ Петропавловку. Кажется, 10 октября вечеромъ ко мнѣ вошелъ комендантъ, генералъ Ганецкій, съ бумагой, за нимъ слѣдовалъ смотритель. Ганецкій подошелъ ко мнѣ и, остановивъ на мнѣ свои тяжелые, недобрые взоры, сказалъ:

«Государю императору благоугодно было замѣнить вамъ смертную казнь каторжными работами безъ срока!» Затѣмъ трагическимъ шопотомъ прибавилъ: «Безъ срока!.. Подполковникъ! Старый солдатъ!!.. безъ срока!»

Потомъ медленно повернулся и, махая высоко поднятой правой рукою, въ которой была бумага, онъ, съ ѣдкимъ смѣхомъ и повторяя слова: «безъ срока!», вышелъ. На другой день утромъ меня остригли подъ гребенку и одѣли въ арестантскую куртку съ черными рукавами и бубновымъ тузомъ и въ сѣрые штаны съ разрѣзомъ для кандаловъ. Жандармскій офицеръ прочиталъ мнѣ какую-то бумагу, гдѣ говорилось о наказаніи розгами за маловажные проступки и о наказаніи шпипрутенами до 4000 ударовъ за важные. Ночью на 14-е октября меня заковали и на военномъ пароходѣ отвезли въ Шлиссельбургъ, куда мы при-

были въ 12 ч. дня. Кандалы мнѣ мѣшали подняться на трапъ. Съ того берега я услышалъ: «Поддай руку!» Меня подхватили и перенесли на островъ. Тамъ меня встрѣтила группа офицеровъ съ комендантомъ. Жандармы съ ружьями стояли шпалерами по всему пути до тюрьмы. Два рослыхъ солдата меня подхватили подъ мышки и быстро, чуть не бѣгомъ, поволокли: ноги мои болтались на воздухѣ. Когда мы проходили вдоль офицерскихъ флигелей, вездѣ были спущены занавѣски. Меня внесли черезъ караулку въ тюремный дворъ и расковали. Такъ началась моя тюремная жизнь.

М. Ашенбреннеръ.

Къ исторіи л.-гв. Сапернаго батальона.

(Дѣло студента Яковлева и гвардейскихъ саперъ Посникова, Еллинскаго и Энгеля, 1862 г.).

Въ концѣ апрѣля 1862 г. проѣзжавшій въ общественной каретѣ по Садовой улицѣ бывшій студентъ Яковлевъ, уже ранѣе исключенный изъ С.-Петербургскаго университета за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ, познакомился съ ѣхавшимъ въ той же кареткѣ унтеръ-офицеромъ л.-гв. Сапернаго батальона Лядовымъ, котораго и обѣщаль навѣстить въ казармахъ. 5 мая, въ день ротнаго праздника, а также и на слѣдующій день Яковлевъ пришелъ въ казармы къ Лядову, гдѣ познакомился съ фельдфебелемъ Минихомъ, и, развивая предъ ними революціонныя идеи, передать имъ для прочтенія статью изъ „Колокола“ — „Что нужно народу?“ Минихъ 9 мая доложилъ обо всемъ происшедшемъ своему ротному командиру штабсъ-капитану Энгелю, а этотъ послѣдній—батальонному командиру, распорядившемуся задержать Яковлева, когда онъ явится еще разъ въ казармы. Десятаго мая Яковлевъ пришелъ въ третій разъ въ казармы и, не давая Миниху новаго номера „Колокола“, потребовалъ возвращенія прежде даннаго номера, а затѣмъ, намѣреваясь уйти, былъ задержанъ и отправленъ подъ конвоемъ унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ въ караульное помѣщеніе при второй ротѣ. Тотчасъ дано было знать о случившемся дежурному по полку поручику Еллинскому, который распорядился отвести Яковлева въ другую дежурную комнату, при первой ротѣ и отпустить охранявшихъ его конвойныхъ. Черезъ часъ Еллинскій отпустилъ Яковлева обратно въ караульную комнату, а самъ ушелъ къ батальонному командиру, котораго не засталъ дома, и по возвращеніи снова привелъ къ себѣ Яковлева, опять безъ конвоя. Наконецъ, по пріѣздѣ домою батальоннаго командира, ему было доложено о задержаніи Яковлева.

Назначенная для разслѣдованія дѣла особая комиссія обнаружила, что поручики л.-гв. сапернаго батальона Посниковъ и Еллинскій представили Яковлеву способы къ уничтоженію имѣвшихся у него запрещенныхъ бумагъ, а штабсъ-капитанъ Энгель не принялъ никакихъ мѣръ къ пресѣченію этихъ способовъ; кромѣ того, Посниковъ дозволилъ Яковлеву написать записку къ своему товарищу, студенту Кудиновичу, о своемъ арестованіи, а Еллинскій снесъ эту записку по назначенію вмѣстѣ съ портретами политическихъ преступниковъ.

Всѣ три офицера-саперы Энгель, Посниковъ и Еллинскій—и двое студентовъ—Яковлевъ и Кудиновичъ—были преданы военному суду.

Военный судъ приговорилъ Яковлева къ разстрѣлянію, Посникова и Еллинскаго къ ссылкѣ въ не столь отдаленныя мѣста Сибири, Энгеля—

къ исключенію изъ службы и Кудиновича—къ трехмѣсячному содержанію въ крѣпости. При этомъ одинъ изъ членовъ военного суда, подполковникъ 1-го конно-піонернаго дивизиона Ивановъ, подалъ особое мнѣніе. Въ немъ онъ писалъ: „Приговоръ суда, состоявшійся надъ офицерами л.-гв. Сапернаго батальона и студентами С.-Петербургскаго университета, подписываю, но священнымъ долгомъ считаю предъ Престолами Всевышняго и Монарха моего не произносить утвердительнаго послѣдняго слова моего по вопросу о присужденной смертной казни прежде, нежели бы имѣлъ сознаніе въ томъ, что дѣйствительно истощены всѣ, Богомъ и закономъ данныя человѣку сила и средства разума для рѣшенія столь строгаго слова правосудія, для чего необходимы всѣ формальности открытаго полевого суда; я остаюсь при убѣжденіи, что бывшій студентъ приговоренъ долженъ быть по силѣ второй половины 168 ст. Воен. Угол. Уст., а именно, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, переломленію надъ головою шпаги чрезъ палача и ссылкѣ въ каторжную работу безсрочно. Что же касается приговора надъ остальными подсудимыми, то мнѣніе комиссіи военного суда раздѣляю безусловно“. Съ своей стороны и предсѣдатель военного суда генераль-майоръ фонъ Кауфманъ, въ частной запискѣ, поданной имъ Августѣйшему Генераль-Инспектору по Инженерной части, находилъ, что смертная казнь для Яковлева будетъ чрезмѣрно тяжкимъ наказаніемъ и, между прочимъ, писалъ: „Подвергнувъ смертной казни такого преступника, едва ли можно ожидать достиженія благодѣтельной цѣли такого наказанія; свидѣтели его неминуемо должны чувствовать сожалѣніе къ караемому, а этимъ однимъ уже колеблется вѣра въ правосудіе и въ неизбѣжность примѣненія строгости законовъ“.

Генераль-Аудиторіатъ относительно особаго мнѣнія подполковника Иванова выразился, что онъ, по закону, подлежитъ строгому взысканію, но, имѣя въ виду, что „онъ дозволил себѣ это по неопытности въ дѣлахъ судебныхъ, не давая полнаго отчета въ важности совершеннаго имъ проступка“, ограничился наложеніемъ на него дисциплинарнаго взысканія—семидневнаго ареста. Сверхъ того, Генераль-Аудиторіатъ полагалъ возможнымъ смертную казнь для Яковлева замѣнить двѣнадцатилѣтней каторжной работой въ рудникахъ, а Еллинскаго и Посникова вмѣсто ссылки подвергнуть содержанію въ крѣпости на два мѣсяца и исключенію изъ службы.

7 декабря 1862 г. послѣдовали на докладъ Генераль-Аудиторіата двѣ Высочайшихъ резолюціи. Первая резолюція гласила: „Быть по сему но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Яковлеву ограничить шестью годами“. Во второй же резолюціи было изложено: „Приговоръ Генераль-Аудиторіата Я утвердилъ, сокративъ только срокъ каторжной работы Яковлеву на половину. Но при этомъ Я долженъ замѣтить Генераль-Аудиторіату, что нахожу приговоръ его о Посниковѣ и Еллинскомъ крайне слабымъ, и потому я поставленъ въ несприятную необходимость по нуждѣ, дабы не усиливать приговора, согласиться съ нимъ, тогда какъ желаніе Мое было Самому облегчить ихъ участь, но не въ такой степени“.

Изъ показаній В. Н. Фигнеръ.

Въ майской книгѣ «Былого» мы напечатали рѣчь В. Н. Фигнеръ на судѣ и относящіяся до нея выдержки изъ обвинительнаго акта. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность привести *съ подлинномъ видѣ* выдержки изъ замѣчательныхъ и по содержанию, и по тону показаній, данныхъ В. Н. Фигнеръ во время предварительнаго слѣдствія, производившагося ген.-майоромъ Середой.

На первомъ же допросѣ В. Н. дала слѣдующее показаніе. Цитируемъ его буквально:

«Принадлежу къ революціонной партіи «Народной Воли» къ организаціи Исполнительнаго Комитета. Принимала изъ, событій послѣднихъ годовъ участіе въ 1876 г. въ демонстраціи на Казанской площади, знала о ея приготовленіи и цѣли. Въ 1879 г. знала и одобрила замыселъ Александра Соловьева; въ томъ же году участвовала въ съѣздѣ въ гор. Воронежѣ; въ томъ же году, вмѣстѣ съ Николаемъ Кибальчицемъ, отправилась въ Одессу, доставила мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа Фроленко и на своей квартирѣ хранила все необходимое для мины на желѣзной дорогѣ. Въ 1880 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ царубійству во время проѣзда императора чрезъ Одессу, состоявшихъ въ устройствѣ мины на Итальянской улицѣ, причемъ доставила необходимыя для этого денежные средства. Въ 1881 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ 1 марта, доставила часть денежныхъ средствъ для магазина Кобозева, послѣднія приспособленія бомбъ 1 марта были сдѣланы на моей квартирѣ у Вознесенскаго моста. Изъ послѣдующихъ событій принимала участіе въ убійствѣ генерала Стрѣльникова и въ организаціи типографіи «Народной Воли» въ Одессѣ».

Это первоначальное показаніе В. Н. Фигнеръ развила и дополняла въ подробномъ объясненіи, которое излагало исторію русскаго соціально-революціоннаго движенія за 1873—1882 годы, Изъ этого объясненія мы приводимъ лишь страницы, относя-

щіяся къ дѣятельности партіи и самой Вѣры Николаевны Фигнеръ послѣ Воронежскаго съѣзда.

«По окончаніи съѣзда въ Воронежѣ (слѣдовавшаго за Липецкимъ), я перешла въ нелегальное положеніе со всѣми его метаморфозами и псевдонимами. Я отправилась въ Петербургъ и поселилась въ Лѣсномъ, на квартирѣ Квятковскаго, подъ именемъ Елпатъевской, здѣсь я познакомилась съ Стефановичемъ, Дейчемъ и сошлась съ Федоромъ Юрковскимъ, только что вылѣзшимъ изъ Херсонскаго казначейства. Оба первые, только что прибывшіе изъ-за границы, обманули общія ожиданія, выразивъ большую симпатію «Черному Передѣлу», третій не переваривалъ подчиненія и дисциплины, требуемыхъ организаціей, и до конца остался независимо одинокимъ. Тогда же я увидѣла въ первый разъ Гольденберга, получившаго впослѣдствіи такую извѣстность; онъ явился на квартиру Квятковскаго и пробылъ въ Петербургѣ дня два, три.

Наша внутренняя жизнь была въ этотъ періодъ наполнена вопросомъ о раздѣленіи; когда оно было, наконецъ, рѣшено и состоялось, мы переѣхали въ городъ. При этомъ я, подъ именемъ Лихаревой, поселилась вмѣстѣ съ Квятковскимъ на той самой квартирѣ, гдѣ онъ, въ ноябрѣ того-же года, былъ арестованъ. Эта квартира должна была служить мѣстомъ собранія для агентовъ опредѣленнаго разряда, для нѣкоторыхъ нуждъ Комитета, на ней же происходило обсужденіе программы «Народной Воли» и устава организаціи.

Когда вся теоретическая и организаціонная работа была кончена, то было объявлено рѣшеніе комитета организовать въ трехъ различныхъ пунктахъ покушеніе на жизнь императора при возвращеніи его изъ Крыма въ столицу, и нѣкоторые изъ агентовъ, каждый особо, получили назначеніе ѣхать въ Москву, Харьковъ и Одессу. Всѣ покушенія должны были произойти посредствомъ взрыва полотна желѣзной дороги динамитомъ, заранѣе заготовленнымъ. Комитетъ не предрѣшалъ однако въ точности ни самыхъ мѣстъ, ни способовъ выполненія покушеній, представляя это на личное усмотрѣніе агентовъ. Составленный планъ долженъ былъ идти на утвержденіе Комитета; помощниковъ для выполненія агенты могли набирать изъ мѣстныхъ лицъ. Составъ исполнителей и способы совершенія покушенія въ одной мѣстности должны были оставаться неизвѣстными для агентовъ другихъ пунктовъ.

На ряду со всѣмъ этимъ въ Петербургѣ Комитетъ приготовлялъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, но никто изъ агентовъ не былъ посвященъ въ эту тайну. Только отъ одной личности, еще будучи въ Петербургѣ, я услышала загадочную фразу: «Въ то время, какъ идутъ всѣ эти приготовленія, здѣсь личная храбрость одного можетъ покончить все». Это былъ намекъ на Халтурина, который впослѣдствіи самъ рассказывалъ мнѣ, что ему случалось бывать наединѣ съ государемъ въ условіяхъ, удобныхъ для того,

чтобы посягнуть на его жизнь. Такъ какъ я не попала совѣтъ въ число лицъ, назначенныхъ на царубійство, которое одобряла, и такъ какъ для меня была невыносима мысль, что я буду нести только нравственную отвѣтственность за него, не участвуя материально въ преступленіи, за которое законъ угрожаетъ моимъ сообщникамъ самыми тяжкими карами,—то я употребила всѣ усилія, чтобы организація дала и мнѣ какую-нибудь функцію при выполненіи ея замысловъ. Послѣ выговора, что я ищуща личнаго удовлетворенія, вмѣсто того, чтобы предоставить организаціи располагать моими силами, какъ она сама найдетъ лучшимъ, я была послана въ Одессу, гдѣ нужна была женщина.

Чтобы не разстроить квартиру, необходимую для общественныхъ цѣлей, я, съ согласія организаціи, упросила поселиться на ней, вмѣсто меня, сестру Евгенію, которая незадолго предъ тѣмъ пріѣхала изъ Рязанской губерніи, гдѣ она провела лѣто, въ Петербургъ и проживала подъ фамиліей Побережской. Не подозрѣвая, что сестра, по неопытности, рекомендуется при знакомствѣ съ разными лицами тою же фамиліей, подъ которой живеть, я предложила переселить ее къ Квятковскому съ тѣмъ же документомъ и такимъ образомъ была косвенной причиною ужасной его участи. Курсистка Богославская указала, что «Народная Воля», найденная у нея при обыскѣ, дана ей Побережской и, послѣ справки въ адресномъ столѣ, Евгенія, а вмѣстѣ съ ней и Квятковскій были арестованы.

Получивъ нужный запасъ динамита, я отправилась съ нимъ въ Одессу, должно быть, въ первыхъ числахъ сентября; тамъ я застала одного только Кибальчича, который заявилъ мнѣ, что надо поторопиться устройствомъ общественной квартиры, необходимой для совѣщаній, опытовъ и храненія вещей, нужныхъ для взрыва. Черезъ нѣсколько дней мы нашли подходящее помѣщеніе, гдѣ и поселились вдвоемъ подъ именемъ Иваницкихъ. Вскорѣ пріѣхали Колодкевичъ и Фроленко, а позднѣе Лебедева. Наша квартира была мѣстомъ общихъ встрѣчъ и свиданій, на ней происходили всѣ совѣщанія, хранился динамитъ, сушился пироксилинь, приготавливались запалы, совершались пробы индукционныхъ аппаратовъ и т. д., словомъ, совершались всѣ работы подъ руководствомъ Кибальчича, но при помощи—и иногда очень существенной—со стороны другихъ, включая и меня.

На первыхъ же порахъ надо было составить планъ, какимъ образомъ и гдѣ подвести мину подъ полотно желѣзной дороги. Проектировали, ночью, въ промежутокъ между поѣздами, положить динамитъ подъ рельсы непосредственно подъ Одессой, чтобы потомъ провести проволоку въ полѣ, но это представляло много неудобствъ и трудностей, какъ въ подготовительной работѣ, такъ и при самомъ дѣйствіи; думали, что самое лучшее было бы кому-нибудь изъ своихъ получить мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа и изъ будки провести мину; относительно момента дѣйствія нельзя было вообразить себѣ ничего болѣе удобнаго и вѣрнаго.

Я предложила свои услуги добыть такое мѣсто. Въ случаѣ удачи мы рѣшили, что его займетъ Фроленко, а если ему нужно будетъ явиться семейнымъ человѣкомъ, то роль его жены возьметъ на себя Лебедева. Сначала я думала помѣстить Фроленко на желѣзную дорогу при помощи знакомыхъ, но сказать имъ настоящую цѣль было невозможно, да едва ли кто-нибудь изъ нихъ и согласился бы на такого рода услугу; обмануть — тоже было нельзя, во-первыхъ, потому, что это значило бы злоупотребить довѣріемъ людей въ дѣлѣ, грозящемъ имъ серьезной отвѣтственностью, а во-вторыхъ, всякому должна была показаться необычайной и подозрительной просьба съ моей стороны мѣста желѣзнодорожнаго сторожа. Поэтому я рѣшилась обратиться къ кому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ, служащихъ въ Правленіи Юго-Западной желѣзной дороги, въ качествѣ неизвѣстной просительницы, и выставить филантропическую цѣль мотивомъ моей просьбы. По наведеніи справокъ о разныхъ должностныхъ лицахъ, я остановилась на баронѣ Унгернъ-Штернбергъ. Въ то время онъ содержался на гауптвахтѣ за извѣстную Тилигульскую катастрофу. Узнавъ, что онъ принимаетъ тамъ посѣтителей, я отправилась къ нему. Когда я изложила барону свою просьбу, онъ заявилъ, что мѣста сторожей завяжутся не отъ него, а отъ начальника дистанціи, и что онъ не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ ему неизвѣстно, есть ли теперь вакансіи. Тогда я попросила записку «два слова» къ начальнику дистанціи, говоря, что это вполне обезпечитъ участь моего кліента, и баронъ вручилъ мнѣ нѣсколько строкъ къ инженеру Шигельскому. Забѣдивъ, что приемъ, оказанный мнѣ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ, не походилъ на обычный приемъ свѣтскими людьми, я поспѣшила исправить ошибку, сдѣланную мной въ костюмѣ, и явилась къ начальнику дистанціи въ бархатѣ, разодѣтая, какъ слѣдуетъ быть дамѣ-просительницѣ. Меня встрѣтили въ высшей степени любезно и просили завтра же прислать «моего человѣка». Придя домой, я написала Фроленко мѣщанскій паспортъ на имя Семена Александрова, какъ я его назвала его будущему начальству. Этотъ документъ такъ и остался въ желѣзнодорожной конторѣ, такъ какъ Фроленко, оставляя мѣсто, не взялъ расчета. На другой день онъ отправился къ начальнику дистанціи и былъ опредѣленъ на 11 или 13 верстѣ отъ Одессы, близъ Гнилякова, куда, по полученіи имъ отдѣльной будки, онъ перевезъ Татьяну Ивановну Лебедеву, какъ свою жену.

Послѣ этого, когда къ нимъ уже былъ перевезенъ динамитъ для закладки подъ рельсы, пріѣхалъ неожиданно Гольденбергъ съ требованіемъ отдать часть динамита въ Москву, такъ какъ количество этого вещества тамъ считалось недостаточнымъ, а Московско-Курская желѣзная дорога имѣла наибольшіе шансы на проѣздъ императора. Приходилось покориться. Гольденбергъ пробылъ въ Одессѣ не болѣе 2-хъ дней, пока изъ Гнилякова не былъ привезенъ динамитъ. Адресъ моей квартиры онъ узналъ,

кажется, отъ Кибальчича, съ которымъ встрѣтился на пути въ Одессу, когда тотъ ѣхалъ по направленію къ Харькову, по приглашенію тамошнихъ агентовъ, для какихъ-то техническихъ приспособленій. Впрочемъ, навѣрное не помню, знаю только, что на квартиру нашу его привелъ одинъ изъ посѣтителей ея и уже послѣ того, какъ всѣ мѣры были приняты для того, чтобъ онъ на слѣдующій же день могъ выѣхать обратно въ Москву. Онъ дѣйствительно во время уѣзда, но въ Елисаветградѣ, какъ извѣстно, былъ арестованъ. Послѣ этого Фроленко и Лебедева уѣхали сначала изъ Гнилякова, а потомъ и изъ Одессы. Затѣмъ мы слышали, что царскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ по Ловово-Севастопольской желѣзной дорогѣ черезъ Харьковъ, а 19-го ноября произошелъ взрывъ подъ Москвою.

Вскорѣ начались наши потери: погибъ Квятковскій, потомъ Ширневъ и другія лица; послѣ геройской защиты пала въ Саперномъ переулкѣ типографія «Народной Воли»; одинъ изъ ея работниковъ застрѣлился, а четверо схвачены.

Въ половинѣ декабря изъ Одессы выѣхалъ Кибальчичъ, въ январѣ—Колодкевичъ, одновременно съ ними разѣхались и другія болѣе вліятельныя лица, и всѣ дѣла были переданы мнѣ и нѣсколькимъ мѣстнымъ людямъ, мало извѣстнымъ въ революціонномъ мірѣ. Я оставалась въ Одессѣ до іюля 1880 года; за это время моимъ занятіемъ была пропаганда. Просидѣвъ три мѣсяца на квартирѣ, требовавшей осторожности и не позволявшей частыхъ сношеній съ вѣшнимъ міромъ, съ людьми посторонними, я жаждала знакомствъ, общества и живой дѣятельности. Въ то время я, дѣйствительно, могла бы оказать значительныя услуги организаціи, если-бъ мои проводники въ различныя сферы были людьми, болѣе способными или, лучше сказать, чуткими въ выборѣ сырого матеріала; долго сдерживаемая энергія была во мнѣ ключемъ, но то, что я получила въ наслѣдіе, было вяло, трусливо и не смотрѣло съ большой вѣрой впередъ; всѣхъ этихъ людей пришлось впослѣдствіи откинуть, какъ неподходящихъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ отъѣзда Кибальчича я быстро завела обширный кругъ знакомствъ, въ которомъ фигурировали представители всѣхъ классовъ общества, начиная отъ профессора и генерала, помѣщика и студента, врача и чиновника до рабочаго и швеи, и вездѣ, гдѣ могла, проводила революціонныя идеи и защищала образъ дѣйствія партіи «Народной Воли», но моею любимой сферой была молодежь, у которой такъ сильно чувство и такъ искренно увлеченіе; къ сожалѣнію, у меня было мало знакомыхъ между студентами, а тѣ, которые были, относились пессимистически къ своей средѣ и рѣшительно не вѣрили въ существованіе въ ней хорошихъ элементовъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ произошелъ 5 февраля взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ; виновникъ взрыва скрылся и остался неразысканнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ было объявлено назначеніе графа Лорисъ-Меликова. 2-е апрѣля, 19-е ноября и 5-е февраля создали

такое настроеніе, что, если бы въ то время Комитетъ и вся организація «Народной Воли» отказались отъ своей разрушительной дѣятельности, то явились бы волонтеры или какая-нибудь новая организація, которые взяли бы на себя миссію царевубійства. Новыя покушенія были совершенно неизбѣжны, и Исполнительный Комитетъ предпринялъ ихъ. Въ мартѣ или апрѣлѣ 1880 г. въ Одессу пріѣхалъ сначала Саблинъ, потомъ Перовская. Явившись ко мнѣ, они заявили, что присланы Комитетомъ для приготовленія въ Одессѣ мины на случай проѣзда государя въ Крымъ. Въ это время я жила на Ямской улицѣ, въ домѣ Ставрова, подъ именемъ Антонины Александровны Головлевой. Этотъ документъ былъ выправленъ мной у нотариуса по паспорту Головлева, съ которымъ (не помню навѣрное, кажется въ февралѣ 1880 г.) проживалъ въ Одессѣ, а позднѣе былъ арестованъ въ Курской губерніи, Федоръ Юрковский. При пріѣздѣ Перовской я была занята подготовленіемъ террористическаго факта—убійства правителя канцеляріи графа Тотлебена, статсъ-секретаря Панютина. Онъ былъ правой рукой генералъ-губернатора, который, кажется, всецѣло отдавалъ въ его распоряженіе внутреннюю политику ввѣреннаго ему края. Исполнитель для этого дѣла былъ; онъ долженъ былъ поразить Панютина кинжаломъ въ одну изъ его прогулокъ; былъ уже составленъ планъ относительно мѣста и времени; чтобъ дать возможность убійцѣ скрыться, я думала приготовить лошадь. Но пріѣздъ Перовской съ порученіемъ Комитета заставилъ бросить этотъ проектъ.

Перовская сообщила мнѣ, что привезла письмо отъ Желябова или Колодкевича къ рабочему Василию, который можетъ принять участіе въ предпринимаемому покушеніи, и что она желаетъ видѣть его. Этотъ Василій былъ Меркуловъ, выдавшій потомъ массу одесскихъ рабочихъ, Свѣденцева и обличавшій своихъ бывшихъ товарищей на судѣ по процессу 20-ти. Я познакомилась съ нимъ до пріѣзда Перовской, когда вздумала учиться у него искусству рѣзбы на камнѣ. Такъ какъ я слышала о немъ еще осенью отъ Колодкевича, какъ о парнѣ въ высшей степени честномъ и хорошемъ, и знала, что онъ помогалъ кое чѣмъ въ приготовленіяхъ въ Гниляковѣ, то я не задумалась сообщить ему адресъ моей квартиры на Ямской, куда онъ долженъ былъ приходиться учить меня рѣзбѣ. Поэтому свести Перовскую съ нимъ ничего не стоило, и чрезъ нѣсколько дней они свидѣлись. Саблинъ и Перовская явились уже съ готовымъ планомъ относительно покушенія: они должны были выбрать улицу, которая имѣла наибольше шансовъ на проѣздъ государя отъ вокзала къ пароходной пристани; на этой улицѣ они должны были, въ качествѣ мужа и жены, снять лавочку и завести торговлю; изъ лавочки должно было провести мину подъ мостовую улицы. Словомъ, это былъ проектъ, осуществленный потомъ на Малой Садовой въ Петербургѣ. Технической стороной долженъ былъ руководить Григорій Исаевъ, вскорѣ пріѣхавшій вмѣстѣ съ Якимовой. Перовская не привезла съ собой денегъ:

она должна была, вмѣстѣ со всѣми нами, составить смѣту расходовъ и представить ее въ Комитетъ, который долженъ былъ выслать требуемую сумму. Мы рассчитали, что потребуются не меньше 1.000 руб. Я предложила извѣстить Комитетъ, что деньги не нужны, такъ какъ я берусь доставить средства, требуемые для выполненія покушенія. Дѣйствительно я передала Перовской въ разное время около 900 рублей, которые пошли на плату за помѣщеніе, покупку бакалейнаго товара, буравъ, на содержаніе всѣхъ участниковъ и послѣдующій разъѣздъ ихъ. Лавка была навята на Итальянской улицѣ, и тотчасъ же было приступлено къ работѣ: надо было спѣшить—государя ждали въ маѣ, а наши приготовления происходили въ апрѣлѣ; между тѣмъ работать было можно только ночью, такъ какъ проведеніе мины начато было не изъ жилыхъ комнатъ, а изъ самой лавочки, куда приходили покупатели. Мы предполагали провести ее не посредствомъ подкопа, а при помощи бурава. Работа имъ оказалась очень трудна, почва состояла изъ глины, которая забивала буравъ, онъ двигался при громадныхъ физическихъ усиліяхъ и съ медленностью поразительной; въ концѣ концовъ мы очутились подъ камнями мостовой, буравъ пошелъ кверху и вышелъ на свѣтъ Божій. Вскорѣ при неосторожномъ обращеніи съ гремучей ртутью Григорію Исаеву оторвало три пальца. Онъ перенесъ это, какъ стойкъ, но мы были въ высшей степени огорчены; онъ долженъ былъ лечь въ больницу; послѣ этого всѣ вещи (динамитъ, гремучая ртуть, проволока и проч.) хранившіяся у него, были перенесены ко мнѣ, такъ какъ мы боялись, что грохотъ взрыва въ его квартирѣ могъ обратить на себя вниманіе всего дома. Однимъ работникомъ сдѣлалось меньше. Я предлагала привлечь нѣкоторыхъ мѣстныхъ людей, мнѣ извѣстныхъ, но всѣ высказались противъ этого. Было рѣшено, бросивъ буравъ, провести подкопъ въ нѣсколько аршинъ длины и уже съ конца его дѣйствовать буравомъ, землю должны были складывать въ одну изъ жилыхъ комнатъ, по окончаніи работы мы рѣшили непременно всю ее вынести вонъ, на случай осмотра домовъ на пути слѣдованія царя. Поэтому мы заранѣе начали уносить ее, кто сколько могъ, и выбрасывать. У себя въ квартирѣ я нашла мѣсто, куда можно было сложить массу этой земли, ее привозили и приносили ко мнѣ въ корзинахъ, пакетахъ, узлахъ, которые я опорожняла, пользуясь отсутствіемъ домашнихъ и отсылая прислугу съ порученіями.

Между тѣмъ слухи о поѣздкѣ государя въ Ливадію замолкли; потомъ мы получили отъ Комитета увѣдомленіе прекратить приготовленія. Тогда мы предложили ему воспользоваться начатою работой, чтобъ взорвать графа Тотлебена; но это было отвергнуто, причемъ однако мы получили разрѣшеніе на покушеніе противъ графа каквмъ-нибудь другимъ способомъ. Послѣ этого Саблинъ, я и нѣсколько лицъ, мною привлеченныхъ, стали слѣдить за генераль-губернаторомъ. Мы думали примѣнить метательный снарядъ и, если бы тогда уже существовало позднѣйшее изо-

брѣтеніе Исаева и Кибальчича, то, конечно, графа не было бы въ живыхъ, но мы имѣли лишь динамитъ и неусовершенствованные запалы: поэтому снарядъ былъ неудобенъ по объему и могъ быть невѣренъ по дѣйствию. Все-таки мы выполнили бы свои замыслы, если бы графъ Тотлебенъ не былъ переведенъ изъ Одессы. Тогда мы имѣли въ виду систематическимъ истребленіемъ генераль - губернаторовъ добиться уничтоженія самого учрежденія, представителями котораго они были. Послѣ отъѣзда графа Тотлебена, всѣ приготовления пришлось ликвидировать, лавка на Итальянской была закрыта, подкопъ въ ней, еще ранѣе, зарытъ съ помощью земли, вынутой изъ него; въ этой нетрудной работѣ помогала и я, таская ночью мѣшки съ землею изъ жилой комнаты и опуская ихъ въ подвалъ, гдѣ работающіе мужчины утапывали рыхлую землю. Когда все было приведено въ надлежащій порядокъ, то Саблинъ и Перовская уѣхали, за ними послѣдовали Исаевъ и Якимова.

Я передала съ ними заявленіе въ Комитетъ, что прошу отозвать меня изъ Одессы и назначить лицо, которому я могла бы передать мѣстныя дѣла и связи. Должно быть, въ іюлѣ я выѣхала въ Петербургъ, не дождавшись своего преемника. Петербургъ меня встрѣтилъ выговоромъ за самовольную отлучку, вслѣдствіе которой исчезла возможность личной передачи новому агенту всѣхъ знакомствъ. Въ это время въ С.-Петербургѣ шли подготовленія къ несостоявшемуся покушенію подъ Каменнымъ мостомъ; подробности его мнѣ не были сообщены; я знала только въ общихъ чертахъ, что готовится новый взрывъ и на этотъ разъ изъ подъ воды; участники его мнѣ были тоже неизвѣстны. Какъ извѣстно, покушеніе это не состоялось.

Осень 1880 и начало 1881 года были временемъ усиленной пропаганды и организаціонной работы партіи «Народной Воли». Къ этому времени относится заведеніе обширныхъ связей съ провинціями, организація въ нихъ мѣстныхъ группъ, подробная выработка плана дѣствий по отдѣльнымъ мѣстностямъ; многіе агенты Комитета занимались развѣдами по опредѣленнымъ районамъ, другіе были командированы для постоянного пребыванія въ главныхъ пунктахъ имперіи. Всѣ предыдущія событія подготовили уже достаточную почву: «Черный Передѣлъ» исчезъ, какъ обширная организація; его предводители скрылись за границу; обширная группа Михаила Родіоновича Попова въ Кіевѣ погибла отъ предательства завѣдомаго сыщика Забрамскаго, пробравшагося въ ея среду; усиленное распространеніе органа «Народной Воли», устная пропаганда программы Комитета, а главное громкіе эпизоды борьбы, говорившіе сами за себя, привлекли общія симпатіи къ принципамъ «Народной Воли». Отовсюду являлись въ Петербургъ делегаты къ Комитету для заведенія сношеній съ нимъ, съ предложеніемъ услугъ для выполненія какихъ-либо новыхъ плановъ, съ просьбами прислать агента для организаціи мѣстныхъ силъ. Такимъ

благоприятнымъ настроеніемъ Комитетъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться, онъ пожиналъ плоды своихъ трудовъ и своихъ жертвъ. Въ ясно выраженномъ стремленіи кружковъ и отдѣльныхъ лицъ къ объединенію, въ домогательствахъ ихъ примкнуть къ партіи и въ постоянныхъ заявленіяхъ готовности принять участіе въ активной борьбѣ съ правительствомъ—сказалось то громадное возбужденіе умовъ, которое явилось слѣдствіемъ дѣятельности Комитета «Народной Воли».

Въ самомъ Петербургѣ пропаганда, агитація и организація велись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; отсутствіе полицейскихъ придирокъ и жандармскихъ обысковъ за этотъ періодъ очень благоприятствовало работѣ среди учащейся молодежи и рабочихъ. Это было время общаго оживленія и надеждъ. Всѣ слѣды подавленности, явившейся послѣ неудачъ первой половины 70-хъ г.г. и послѣдовавшей за ними реакціи, исчезли всецѣло. Но требованіе царевубійства раздавалось громко, потому что политика графа Лорисъ-Меликова не обманула никого, такъ какъ ничуть не измѣняла сущности отношеній правительства къ обществу, народу и къ партіи. Графъ измѣнилъ лишь грубыя и рѣзкія формы на болѣе мягкія. Поэтому общественное мнѣніе въ революціонномъ мірѣ требовало продолженія террора и умерщвленія какъ самого императора, такъ и его министра, и въ то время, какъ большинство агентовъ было занято пропагандой и организаціей, техники Комитета работали надъ усовершенствованіемъ метательныхъ снарядовъ, которые должны были играть вспомогательную роль при взрывахъ минъ, до сихъ поръ обнаруживавшихъ недостаточную силу.

Въ ноябрѣ былъ арестованъ Александръ Михайловъ, этотъ неоцѣненный стражъ всей организаціи, типъ ховяина-устроителя, отъ бдительности котораго не ускользала ни одна мелочь, касающаяся нашей общественной безопасности. Онъ былъ, можно сказать, всевидящимъ окомъ организаціи и блюстителемъ дисциплины, столь необходимой въ революціонномъ дѣлѣ; въ его лицѣ мы понесли тяжелую и незамѣнимую утрату. Его гибель была ударомъ, который мы вспоминали при всѣхъ несчастіяхъ, поразившихъ насъ впоследствии.

Еще въ бытность Александра Михайлова на свободѣ, Комитетъ составилъ проектъ снять магазинъ или лавку на одной изъ тѣхъ улицъ Петербурга, по которымъ наиболѣе часто совершался проѣздъ императора; изъ лавки должна была быть проведена мина для взрыва. Съ этой цѣлью нѣкоторые изъ агентовъ должны были присматриваться ко всѣмъ сдаваемымъ помѣщеніямъ, пригоднымъ для осуществленія плана, а такъ какъ государь обязательно долженъ былъ ѣздить въ манежъ, то магазинъ искали по улицамъ, ведущимъ къ нему; такихъ магазиновъ при Михайловѣ и, кажется, имъ самимъ было найдено два, и на одномъ изъ нихъ остановился выборъ Комитета. Когда агентамъ стало извѣстно, какъ это, такъ и то, что Комитетъ подбираетъ составъ, необходимый для обста-

новки, то я предложила комитету для роли хозяина моего друга и товарища Юрія Николаевича Богдановича.

Все время послѣ выѣзда изъ Саратова въ 1879 г. до осени 1880 года онъ находился въ отлучкѣ (отлучка эта объясняется участіемъ, принятымъ имъ въ устройствѣ побѣга изъ Сибири Бардиной), и у меня прервалась съ нимъ даже переписка; но, пріѣхавъ въ Петербургъ и свидѣвшись съ стариннымъ пріятелемъ Писаревымъ, я рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы найти его и вызвать къ себѣ. Такъ какъ онъ не отвѣчалъ на письма, посланные по его адресу, то я воспользовалась адресомъ моихъ знакомыхъ, къ которымъ я дала ему рекомендаціи при его отъздѣ, въ надеждѣ, что они знаютъ, гдѣ онъ находится, и что съ нимъ происходитъ. Я послала ему горячее письмо, въ которомъ упрекала за то, что онъ вполне оторвался отъ старыхъ друзей и призывала его настоятельно въ Петербургъ для свиданія. Онъ не замедлилъ явиться на призывъ. Ему пришлось осмотрѣться, познакомиться съ людьми и со всѣми переменами въ программѣ и въ партіи, которыя произошли за время его отсутствія; послѣ этого онъ примкнулъ къ практическимъ занятіямъ по организаціи, которыя вели нѣкоторые агенты Комитета, а потомъ принялъ самъ агентуру Комитета. Въ это то время я, какъ болѣе знающая его лично, и предложила Комитету, указывая на его практичность и чрезвычайную находчивость, сдѣлать его хозяиномъ лавки, что и было приведено въ исполненіе. Мѣстонахожденіе лавки и фамилія ея хозяина были мнѣ неизвѣстны, вплоть до того момента, когда, должно быть, въ концѣ февраля, Богдановичъ попросилъ меня написать текстъ второго паспорта на имя Кобозева, который, кажется, такъ и остался въ рукахъ дворниковъ дома Менгдена, послѣ прописки его, когда срокъ первому дубликату истекъ. Къ новому году Богдановичъ съ женой устроился и началась работа. Участниковъ ея мы узнавали по утомленнымъ и измученнымъ лицамъ тѣхъ, съ кѣмъ чаще сталкивались, но, вообще, они были неизвѣстны неработающимъ въ подпольѣ. Дальнѣйшее мое отношеніе къ торговлѣ Кобозева выразилось только въ томъ, что когда, однажды, Богдановичъ заявилъ, что въ лавкѣ мало товару, и что на покупку его нужно 300 руб., то я предложила достать эту сумму и на другой же день вручила ее по принадлежности.

Мои занятія тогда пропаганда и организація, и я участвовала, въ качествѣ агента Комитета, въ двухъ организаціонныхъ группахъ, которыя вели дѣло въ двухъ различныхъ сферахъ; кромѣ того Желябовъ приглашалъ меня иногда съ собой на бесѣды съ людьми той категоріи (военными), въ которой дѣйствовалъ онъ специально. Въ октябрѣ или еще въ сентябрѣ я познакомилась съ Ольгой Евгеньевной Сухановой, отрекомендовавшись ей Вѣрой Павловной Лопатинской, псевдонимомъ, подъ которымъ я слыла весь этотъ сезонъ въ Петербургѣ. Встрѣтившись съ ней совершенно случайно, я сблизилась съ ней, заходя къ ней иногда ночевать. Суханова

много говорила мнѣ о своемъ братѣ Николаѣ, котораго въ то время въ Петербургѣ не было; по ея разсказамъ я съ нимъ познакомилась гораздо раньше, чѣмъ увидала его, а когда онъ пріѣхалъ, и мы увидѣлись, то очень скоро между нами завязались самыя хорошія, дружескія отношенія. Въ первое время нашего знакомства, онъ былъ еще далеко не тѣмъ Сухановымъ, какимъ увидали его наши другіе товарищи въ мартѣ и апрѣлѣ, но было уже видно, что недостаетъ только искры, чтобъ онъ вспыхнулъ. Этой искрой была идея организаціи и привлеченіе его въ среду организаціи; въ февралѣ мѣсяцѣ можно было уже сказать, что Сухановъ умретъ на эшафотѣ.

Здѣсь мнѣ приходится говорить о сношеніяхъ партіи «Народной Воли» съ заграницей. Вліяніе постановки социальнаго вопроса на Западѣ на русское революціонное движеніе въ 1876 году исчезло совершенно: съ этой поры оно сдѣлалось самобытнымъ и приняло вполне своеобразную форму и направление. Выѣстъ съ тѣмъ прекратилось значеніе русской эмиграціи для революціонной Россіи, литература, служившая проводникомъ вліянія эмигрантовъ и находившаяся дотолѣ всецѣло въ ихъ рукахъ, перенеслась на русскую почву, чтобъ служить живымъ откликомъ новыхъ теченій и вопросовъ жизни. Послѣ этого правильныя сношенія революціонныхъ организацій съ русскими выходцами прерываются: они становятся отрѣзаннымъ ломтемъ для партіи дѣйствія. Такъ было до событій 19 ноября 1879 и 5 февраля 1880 г., когда два взрыва Исполнительнаго Комитета потрясли всю Европу и пробудили во всѣхъ слояхъ западно-европейскаго общества громаднѣйшій интересъ и вниманіе къ дѣятельности революціонной партіи въ Россіи. Поэтому «Народная Воля», сообразивъ значеніе, которое можетъ имѣть для партіи общественное мнѣніе Европы, рѣшила организовать за границей пропаганду своихъ истинныхъ цѣлей и стремленій и завоевать симпатіи европейскаго общества путемъ ознакомленія его съ внутренней политикой правительства. Для такой цѣли мы могли утилизировать тѣ революціонныя силы, которыя потеряны для революціонной работы внутри Россіи, т. е. эмигрантовъ. Вскорѣ Гартманъ и Лавровъ были приглашены Комитетомъ, въ качествѣ уполномоченныхъ партіи, предпринять за границей агитацію въ духѣ программы «Народной Воли». Чтобъ прекратить массу ложныхъ слуховъ и всевозможныхъ утокъ, которыя предносилась европейской публикѣ ежедневной прессой, необходимо было правильное доставленіе заграничнымъ агентамъ корреспонденцій изъ Россіи о всемъ, происходящемъ въ русскомъ революціонномъ мірѣ. Комитетъ избралъ меня осенью 1880 г. секретаремъ для заграничныхъ сношеній. Я вела его дѣловую переписку съ Гартманомъ, посылала ему корреспонденціи, біографіи казненныхъ, снабжала всякими выходящими революціонными изданіями, доставляла карточки арестованныхъ и осужденныхъ, посылала русскіе журналы, газеты и вообще удовлетворяла по-возможности

всѣ его требованія. Послѣ 1-го марта я послала ему свою послѣднюю корреспонденцію объ этомъ событіи, письмо Комитета къ императору Александру III и рисунокъ, изображающій внутренность магазина Кобозева, исполненный самимъ Кобозевымъ.

Въ январѣ 1881 года Исаевъ и я должны были, по предложенію Исполнительнаго Комитета, основать квартиру, которой должны были пользоваться одни лишь агенты 3-ей степени. Квартира была нанята на Вознесенскомъ проспектѣ у Вознесенскаго моста, № дома не помню; мы прописались подъ именемъ Кохановскихъ и прожили въ ней, Исаевъ до 3-го, а до 5-го Апрѣля того же года. Въ февралѣ мѣсяцѣ Исполнительный Комитетъ созвалъ своихъ агентовъ изъ всѣхъ провинцій и потребовалъ какъ отъ нихъ, такъ и отъ петербургскихъ и московскихъ агентовъ, подробный отчетъ о положеніи дѣлъ партіи по всѣмъ мѣстностямъ и по всѣмъ отдѣламъ дѣятельности. Сводъ этихъ частныхъ отчетовъ въ одинъ общій былъ представленъ Комитетомъ общему собранію агентовъ. На основаніи этого отчета Комитетъ предложилъ имъ высказаться по нѣкоторымъ организаціоннымъ внутреннимъ вопросамъ, а также и по вопросу о внѣшней политикѣ партіи. Относительно послѣдней Комитетъ желалъ знать, считаютъ ли агенты организацію партіи достаточно обширной и окрѣпшей, а общественное настроеніе достаточно благоприятнымъ для того, чтобъ вопросъ объ инсurreкціи былъ поставленъ теперь же въ число очередныхъ вопросовъ, т. е., чтобы вся дальнѣйшая работа членовъ партіи подгонялась къ осуществленію въ ближайшемъ будущемъ попытки къ инсurreкціи, а центръ занялся бы серьезной детальною разработкой практическаго плана ея. На этотъ запросъ агенты, громаднымъ большинствомъ голосовъ, отвѣтили, что практическая постановка вопроса объ инсurreкціи—своевременна и желательна. Совѣщанія по вопросамъ, поднятымъ Комитетомъ, потребовали многихъ собраній; эти собранія происходили черезъ день на квартирѣ Кохановскихъ; по окончаніи ихъ, агенты были распущены Комитетомъ, чтобъ принятыя за работу, въ ожиданіи новыхъ подробныхъ инструкцій центра.

Во время этихъ собраній (но, можетъ быть, и ранѣе) были арестованы агенты Колодкевичъ и Баранниковъ, одни изъ наиболѣе любимыхъ нашихъ товарищей; ихъ арестъ повлекъ за собой гибель самаго цѣннаго для всей организаціи чловѣка—Клѣточникова, который, будучи членомъ партіи, пробрался въ III Отдѣленіе и, въ теченіе двухъ лѣтъ, отражалъ удары, направляемые правительствомъ на организацію. Онъ охранялъ ея безопасность извнѣ, какъ Александръ Михайловъ заботился о ней внутри. Такъ доживали мы февральскіе дни, когда у Тригопи былъ арестованъ Желябовъ.

Въ это время пріѣзжіе агенты уже выѣхали, и подкопъ въ лавкѣ Кобозева былъ конченъ. За двѣ недѣли до 1-го марта императоръ, вѣднвшій въ манежъ по воскресеньямъ, проѣхалъ по Малой Садовой, но мива не была готова; когда это стало вѣстно, то поднялся общій ропотъ: слѣдующаго проѣзда прихо-

дилось ожидать, быть может, еще цѣлый мѣсяць. Поэтому Комитетъ распорядился тогда же, чтобъ къ воскресенью 1-го марта всѣ приготовления были кончены какъ относительно мины, такъ и относительно снарядовъ. Тогда агентамъ былъ уже извѣстенъ планъ покушенія: подземный взрывъ при проѣздѣ государя и метальщики разрывныхъ снарядовъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, на случай, если взрывъ произойдетъ раньше или позже проѣзда или окажется недостаточно сильнымъ и не достигнетъ предполагаемой цѣли; о назначеніи лицъ всего дѣйствующаго персонала было также извѣстно, что оно уже состоялось. Такимъ образомъ, начиная съ 1-го марта, каждое воскресенье, мы должны были ожидать покушенія. Я совершенно не помню дня 27-го февраля, тогда какъ 28-е сохранилось отчетливо въ моей памяти, поэтому, мнѣ кажется, что Желябовъ былъ арестованъ 27-го вечеромъ, а 28-го утромъ Сухановъ принесъ это извѣстіе къ намъ на квартиру, но, можетъ, быть это было и днемъ раньше. Все же послѣдующее относится къ 28-му.

Въ этотъ день Исаевъ былъ отозванъ Комитетомъ въ магазинъ Кобозева для заложения мины и ночь на 1-е марта не ночевалъ дома; въ этотъ же день мы узнали, что еще нѣтъ ни одного готоваго метательнаго снаряда; вмѣстѣ съ тѣмъ, ховяева квартиры, гдѣ должны были происходить всѣ техническія приспособленія, еще наканунѣ заявили, что они считаютъ свою квартиру не безопасной и предполагаютъ, что за нею слѣдятъ. Въ то же время, по городу разнесся слухъ, что полиція считаетъ себя на слѣдахъ чрезвычайнаго открытія, при этомъ назывался тотъ самый участокъ, въ которомъ находился магазинъ Кобозева; молодежь передавала предостереженіе о подслушанномъ разговорѣ дворника дома Менгдена съ полицейскимъ, о какомъ-то обыскѣ въ этомъ домѣ. Явившійся Кобозевъ рассказалъ о посѣщеніи лавки какой-то, якобы санитарной комиссіей, полицейская цѣль которой была очевидна. Хотя, по его выраженію, этотъ осмотръ, подробности котораго были какой-то счастливой игрой въ «быть или не быть», вполнѣ легализировалъ его, но мы, слушатели, были поражены, какъ громомъ. Ясно было, что дѣло, давно задуманное, съ трудомъ и опасностями доведенное до конца, дѣло, долженствовавшее закончить двухлѣтнюю борьбу, связывавшую намъ руки, висѣло на волоскѣ и наканунѣ своего осуществленія могло погибнуть. Все можно было перенести, но не это! Не личная безопасность тѣхъ или другихъ изъ насъ волновала насъ: все наше прошлое и все наше будущее было поставлено на карту въ ночь на 1-е марта. Никакая нервная система не могла бы вынести долгое время такого сильнаго напряженія; поэтому, когда Перовская поставила Исполнительному Комитету вопросъ, какъ поступить въ случаѣ, если 1-го марта императоръ не поѣдетъ по Малой Садовой, и не дѣйствовать ли тогда одними снарядами, то Комитетъ отвѣтилъ: «дѣйствовать во всякомъ случаѣ» и указалъ планъ. Одинъ Сухановъ заявилъ, что

онъ не можетъ сказать ни да, ни нѣтъ, потому что снаряды еще никогда не были въ дѣйствиіи. Это рѣшеніе Комитета состоялось только 28-го февраля. Тогда же мнѣ было объявлено, что въ 5 часовъ вечера три человѣка явятся на нашу квартиру и будутъ работать всю ночь надъ метательными снарядами. Это были: Сухановъ, Кибальчичъ и еще одна личность (Грачевскій). До восьми часовъ вечера на квартиру безпрестанно заходили агенты, то съ извѣстіями, то по текущимъ надобностямъ, но такъ какъ это мѣшало работѣ, то къ 8-ми часамъ всѣ разошлись, и на квартирѣ осталось, вмѣстѣ со мной и Перовской, 5 человѣкъ. Уговоривъ измученную Перовскую прилечь, чтобы собраться съ силами для слѣдующаго дня, я принялась за помощь работающимъ, тамъ гдѣ имъ была нужна посторонняя неопытная рука: то отливала грузы съ Кибальчичемъ, то обрѣзывала съ Сухановымъ купленные мной жестянки для керосина, послужившія формой для снарядовъ. Въ два часа ночи я оставила ихъ, потому что мои услуги не были болѣе нужны. Когда, въ 7 часовъ утра, Перовская и я встали, то мужчины все еще продолжали работу, но два снаряда были совсѣмъ готовы, и ихъ унесла Перовская; вслѣдъ за ней ушелъ Сухановъ; потомъ я помогла двумъ остальнымъ наполнить гремучимъ студнемъ дѣя остальныя жестянки, и ихъ вынесъ Кибальчичъ. Итакъ, въ 8 часовъ утра, 1-го марта, четыре снаряда были готовы послѣ 15-ти часовой работы трехъ человѣкъ.

По распоряженію Комитета, 1-го марта я должна была оставаться до 2-хъ часовъ дня дома для приѣма Кобозевыхъ, такъ какъ они должны были выйти изъ магазина, она — за часъ до проѣзда государя, а онъ вслѣдъ за сигналомъ, что Государь показался на Невскомъ; сомкнуть же электрическій токъ должно было третье лицо, которое могло выйти изъ лавки, въ качествѣ посторонняго человѣка, въ томъ случаѣ, если-бъ ему не было суждено погибнуть подъ развалинами взрыва, произведеннаго его рукой. Но ни Богдановичъ, ни Якимова къ намъ не явились; воротился Исаевъ и съ нимъ нѣсколько сигнальщиковъ съ извѣстіемъ, что государь мимо лавки не проѣхалъ, и что изъ манежа онъ прослѣдовалъ домой. Упустивъ совершенно изъ виду, что они не изучали и не слѣдили за послѣдующимъ маршрутомъ государя и что они не оповѣщены о послѣднемъ рѣшеніи Комитета—дѣйствовать на определенномъ мѣстѣ обратнаго пути бомбами, я ушла изъ дому, думая, что покушеніе не состоялось вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ причинъ.

Когда я шла по улицамъ, то все было покойно; но чрезъ полчаса послѣ того, какъ я зашла къ знакомымъ, къ нимъ явился человѣкъ съ извѣстіемъ, что были какіе-то два удара, похожіе на пушечныя выстрѣлы, и что на улицахъ идетъ молва, что государь убитъ и что происходитъ уже присяга наслѣднику. Я бросилась къ своимъ; на улицѣ, повсюду шелъ говоръ, и было замѣтно волненіе: говорили о государѣ, о ранахъ, о смерти, о крови...

3-го марта Кибальчичъ принесъ на нашу квартиру вѣсть, что открыта квартира Гельфманъ (на Тельжной улицѣ), что она арестована, а Саблинъ застрѣлился. Онъ разсказалъ также о вооруженномъ сопротивленіи человѣка, явившагося въ домъ послѣ ареста Гельфманъ и оказавшагося рабочимъ Михайловымъ. Первою мыслью лицъ, знавшихъ составъ посѣтителей квартиры Гельфманъ, имѣвшей специальное назначеніе и потому для большинства агентовъ неизвѣстной, было, что она указана Рысаковымъ. Въ виду этого соображенія Комитетъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобъ Кобозевы оставили свою лавку лишь послѣ того, какъ мина будетъ очищена отъ динамитнаго заряда: они должны были не только бросить ее въ тотъ же день, но вечеромъ же выѣхать изъ Петербурга. Въ три часа зашелъ Богдановичъ, чтобъ проститься со мной предъ отъѣздомъ—онъ выѣзжалъ первымъ. Съ тѣхъ поръ я не видалась съ нимъ до октября и ноября того же года, которые я провела въ Москвѣ, гдѣ находился и онъ; это было въ послѣдній разъ, потому что, когда я явилась, въ концѣ марта 1882 года въ Москву, то онъ былъ уже арестованъ. Вечеромъ, 3-го марта, на квартиру зашла Якимова, чтобъ переѣхать костюмъ предъ выѣздомъ. Въ тотъ же день изъ Петербурга были посланы Комитетомъ еще нѣкоторые агенты.

Прошло не болѣе недѣли—и мы потеряли Перовскую, арестованную на улицѣ. Вслѣдъ за ней погибъ Кибальчичъ, у него былъ арестованъ Фроленко. Въ виду этого многіе изъ насъ, по предложенію Комитета, должны были выѣхать, въ томъ числѣ и я. Но я представила Комитету такіе аргументы, въ защиту моего желанія остаться на мѣстѣ, что Комитетъ разрѣшилъ мнѣ это. Къ сожалѣнію, какъ оказалось, не надолго: 1-го апрѣля Исаевъ не вернулся домой, онъ былъ арестованъ на улицѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ агентамъ, задержаннымъ въ теченіе марта мѣсяца. Такъ какъ, во избѣжаніе беспокойства и недоразумѣній, мы придерживались правила, что хозяйка общественныхъ квартиръ не имѣютъ права проводить ночь внѣ дома безъ предварительнаго уговора объ этомъ, то въ 12 часовъ ночи, 1-го апрѣля, я уже не сомнѣвалась, что Исаевъ арестованъ.

Въ это время наша квартира, въ силу разныхъ обстоятельствъ, превратилась мало-по-малу въ складъ для всевозможныхъ вещей: послѣ ликвидаціи рабочей типографіи, къ намъ былъ перенесенъ шрифтъ и прочія ея принадлежности; когда закрылась химическая лабораторія, Исаевъ привезъ къ намъ всю ея утварь и большую запасъ динамита; Перовская передала намъ же все, что сочла нужнымъ вынести изъ своей квартиры; послѣ ареста Фроленко мы получили половину паспортнаго стола; въ довершеніе всего, вся литература, всѣ изданія шли изъ типографіи «Народной Воли» къ намъ и наполняли громадный чемоданъ, найденный пустымъ въ нашей квартирѣ. Такое богатство не должно было погибнуть, я рѣшила спасти все и уйти изъ квартиры, оставляя ее абсолютно пустой. 4-го апрѣля, вмѣсто того, чтобъ искать кого-нибудь

изъ своихъ, я рѣшилась ждать прихода къ себѣ, и принялась приводить революціонное имущество въ удобовыносимый видъ. Былъ уже часъ дня, когда на квартиру зашелъ агентъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что товарищи считаютъ меня уже погибшей. Тѣмъ не менѣе, онъ, пришедшій, одобрилъ желаніе спасти вещи; я просила его дать знать объ этомъ Суханову. Черезъ нѣсколько часовъ Сухановъ явился и съ своей обычной распорядительностью въ теченіе двухъ часовъ удалилъ съ квартиры все—осталось два узла съ вещами, не представляющими особой цѣнности. Это было уже въ 8 часовъ вечера. Тогда онъ потребовалъ, чтобъ я тотчасъ же ушла изъ дома; но я не видѣла никакой нужды уходить до утра, потому что была увѣрена, что Исаевъ квартиры не назоветъ. Дождавшись слѣдующаго утра и спровадивши подъ приличнымъ предлогомъ женщину, которая приходила убирать нашу квартиру, я вышла, заперевъ свое опустошенное жилище. Говорятъ, что власти прибыли на квартиру, когда еще не остылъ самоваръ, изъ котораго я пила чай.

Періодъ времени съ мая по октябрь 81 года я прожила въ разныхъ мѣстахъ юга, частью въ Одессѣ. Въ октябрѣ я была приглашена Исполнительнымъ Комитомъ въ Москву для совѣщаній по поводу измѣненія плана организаціи для Петербурга, сообразно тѣмъ новымъ условіямъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать тамъ послѣ событія 1-го марта. вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ хотѣлъ выслушать мнѣніе агентовъ о программѣ новаго отдѣла дѣятельности, новой отрасли организаціи (Общества Краснаго Креста Народной Воли), основаніе которой въ то время было задумано Комитетомъ. Тогда же я передала Комитету многочисленныя жалобы на генерала Стрѣльникова. Я передала Комитету общій говоръ и мольбу устранить его съ поста, на которомъ онъ могъ дѣлать столько зла. вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщила Комитету о томъ вредѣ, который наноситъ система дѣйствій Стрѣльникова партіи вообще. Этотъ вредъ заключался въ дискредитированіи ея въ общественномъ мнѣніи, вслѣдствіе огульныхъ оговоровъ и запутыванія массы лицъ со стороны людей, терроризированныхъ и деморализованныхъ Стрѣльниковымъ. Напоминая Комитету предыдущую дѣятельность Стрѣльникова, я настоятельно предлагала поставить на очередь вопросъ объ убійствѣ Стрѣльникова. вмѣстѣ съ тѣмъ я указывала на Одессу, какъ пунктъ, гдѣ самый фактъ могъ быть совершенъ съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ у него семья и масса знакомыхъ, и гдѣ онъ долженъ быть болѣе на сторожѣ, въ силу своей давней извѣстности тамъ и многочисленныхъ указаній, которыя онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ о различныхъ проектахъ покушеній на его жизнь. Мое предложеніе было принято, и участь Стрѣльникова рѣшена. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ согласился, что Одесса представляетъ шансы болѣе благоприятныя, чѣмъ Кіевъ, то необходимо было тотчасъ же послать туда чело-вѣка, который собралъ бы весь матеріалъ, необходимый для приведенія въ исполненіе задуманнаго. Такимъ чело-вѣкомъ всего удоб-

нѣе было явиться мнѣ, какъ знакомой съ Одессой и съ нѣкоторыми лицами, которыя могли въ той или иной формѣ помочь изученію всѣхъ условій жизни Стрѣльникова. Съ этой цѣлью Комитетъ и отправилъ меня въ Одессу съ тѣмъ, чтобы, собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я дала знать о высылкѣ исполнителей.

Я воротилась въ Одессу въ началѣ декабря и черезъ двѣ недѣли сообщила на сѣверъ, что всѣ данныя о Стрѣльниковѣ находятся въ моихъ рукахъ. Комитетъ выслалъ двухъ человѣкъ, но пріѣхалъ изъ нихъ только одинъ Халтуринъ. Это было 31-го декабря. Я передала ему для провѣрки все, что знала о Стрѣльниковѣ, т. е. мѣстожителство, часы и условія приѣма посѣтителей, время и мѣсто обѣда, часы прогулки и посѣщенія казармы № 5, куда онъ ѣздилъ для допросовъ, нѣкоторыя улицы, по которымъ онъ ходилъ, и дома, въ которыхъ онъ бывалъ. Когда мы узнали, что товарищъ Халтурина не можетъ пріѣхать, какъ было условлено, мы выписали другого агента, такъ какъ было рѣшеніе мѣстныхъ людей къ дѣлу не привлекать; но не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ Стрѣльниковъ уѣхалъ изъ Одессы, уже послѣ того, какъ Халтуринъ нѣсколько разъ видѣлъ его. Онъ не возвращался, должно быть, съ мѣсяцъ и былъ въ это время, кажется, въ Кіевѣ. За это время Халтуринъ выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнья и нѣсколько разъ собирался ѣхать въ Кіевъ, чтобъ тамъ организовать покушеніе; мнѣ стоило много труда уговорить его остаться на мѣстѣ и ждать возвращенія Стрѣльникова вмѣсто того, чтобъ напасть на него въ Кіевѣ среди условій, вполне неизвѣстныхъ. Въ началѣ или срединѣ февраля Стрѣльниковъ явился вновь въ Одессу и произвелъ новую очистку, захвативъ сначала 12—16 человѣкъ, а потомъ продолжая аресты вплоть до своей смерти. Вскорѣ мы окончательно остановились на томъ, чтобъ совершить покушеніе во время послѣобѣденной прогулки Стрѣльникова по Приморскому бульвару, около 5 часовъ вечера, и приготовить лошадь и кабриолетъ для бѣгства; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ опасенія, что онъ носитъ кольчугу, было рѣшено цѣлить ему въ голову и стрѣлять по-возможности въ упоръ. Но Комитетъ не высылалъ намъ денегъ; впоследствии оказалось, что триста рублей, которые были высланы намъ, не дошли по назначенію. Въ виду арестовъ, которые постоянно происходили вокругъ, и которые могли зацѣпить и кого-нибудь изъ тѣхъ, кто долженъ былъ дѣйствовать, откладывать дѣло было невозможно. Тогда я достала 600 руб. на покупку лошади и акипажа, которые и были переданы мною Халтурину. Дальше мое присутствіе было излишнимъ и могло быть даже вреднымъ, такъ какъ меня искали по всему городу. Кромѣ того Комитетъ и раньше отправлялъ меня въ Одессу на время со специальной цѣлью, которая была уже исполнена. Передъ отъѣздомъ мы получили извѣстіе, что къ намъ ѣдетъ агентъ Желваковъ, который можетъ принять участіе въ дѣлѣ, но я съ Желваковымъ разѣхалась и съ нимъ не видалась».

Орлица, Турухтанъ и Тетеревъ.

(Басня, приписываемая Д. В. Давыдову).

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, извѣстный генераль и поэтъ, началъ писать въ раннемъ возрастѣ. На 17-мъ году его отправили на службу въ Петербургъ; здѣсь онъ зачислился въ Кавалергардскій полкъ, 9 сентября 1802 года получилъ чинъ корнета, а 2 ноября 1803—поручика. Но военная служба не мѣшала литературнымъ занятіямъ. Давыдовъ, по его собственнымъ словамъ, „не оставлялъ и бесѣды съ музами: призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ въ казармы, въ госпиталь и даже въ эскадронную конюшню. Онъ часто на нарахъ солдатскихъ, на столикѣ больниці, на полу порожняго стойла, гдѣ избиралъ свое логовище, писалъ сатиры и эпиграммы, коими началъ ограниченное словесное поприще свое“. Эти сатирическія произведенія навлекли грозу на голову молодого офицера. „Въ 1804 году—пишетъ Давыдовъ въ своей автобіографіи—судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ее ударами, принудили повѣсу нашего выйти въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда въ Кіевской губерніи“. Сынъ Д. В. Давыдова напечаталъ двѣ басни, которыя вызвали переводъ его отца изъ Петербурга въ армію. Одна изъ нихъ „Голова и Ноги“ говоритъ о томъ, какъ Ноги возмутились противъ Головы.

—„Молчите, дерзкія“—имъ Голова сказала.
Какъ смѣете вы бунтовать,
Когда природой Намъ дано повелѣвать?“

Ноги отвѣчаютъ на слова Головы:

Коль право ты имѣешь управляться,
То мы имѣемъ право спотыкаться,
И можемъ иногда, споткнувшись—какъ же быть—
Твое могущество объ камень расшибить“.

Другая басня „Рѣка и Зеркало“ заключаетъ притчу, рассказанную вельможей-философомъ царю-деспоту, осудившему его на смерть. Ребенокъ разсердился, увидавъ въ зеркалѣ свой безобразный видъ, и разбилъ его, но на утро

Свой гнусный видъ въ рѣкѣ увидѣлъ онъ опять.
Какъ рѣку истребить? нельзя, и поневолѣ
Онъ долженъ былъ и стыдъ и срамъ питать.

Вельможа сравниваетъ себя съ зеркаломъ и говорить деспоту:

Я Зеркало—разбей меня,
Рѣка—твое потомство,
Ты въ ней найдешь еще себя".
Монарха рѣчь сія такъ сильно убѣдила,
Что онъ велѣлъ ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виновать,—велѣлъ въ Сибирь сослать;
А то бы эта была на сказку походила.

Но вѣрнѣе предположить, что кара постигла Давыдова не за эти басни, а за печатаемую нами басню, впервые появляющуюся въ печати и сохранившуюся въ спискѣ у П. А. Ефремова. Басня эта имѣетъ въ виду извѣстныя событія начала вѣка, и чрезвычайно любопытна, какъ отраженіе современныхъ взглядовъ на происшедшія событія и на главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Орлица, Турухтанъ и Тетеревъ.

Орлица
Царица '

Надъ стадомъ птицъ была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету съ престола презирала.
За то премудрою она изъ птицъ слыла,
За то ее любили,
Покой ея хранили.
Но наконецъ она Всемошноу Рукой,
По правиламъ природы,
Проживъ несчетны годы,
Взята была судьбой,
А по-просту сказать—Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичій родъ нагнала;
И всѣ въ отчаяннѣ горчайши слезы льютъ,
Унылымъ тономъ
И со стономъ
Хвалы покойницѣ поютъ.
Что сердцу горестно, легко-ли то забыть?
Слеза души отрада
И доброй памяти награда.
Но какъ не горестно—ея не возвратить...
Пернаты разсуждаютъ,
Другъ друга увѣряютъ,
Что безъ царя нельзя никакъ на свѣтѣ жить,
И что царю у насъ, конечно, должно быть!
И стали толковать,
Кого въ цари избрать?
Но наконецъ избрали

Великій Боже!

Кого-же?

Турухтана!

Хоть знали многіе, что нравъ его крутой,
Что будетъ царь лихой,
Что сущаго тирана
Не надо было набирать,
Не должно было потакать,
И тысячью похвалъ вездѣ его хвалили,
Иной разумнымъ звалъ, другіе говорили,
Что будетъ онъ отецъ отечества,
Иные до небесъ ту птицу возносили,
А ояъ—

Лишь шагъ на тронъ,

То хищной тварью всей себя и оградилъ:
Сычей, сорокъ, воронъ—въ павлины нарядилъ,
И съ сею сволочью онъ тѣмъ лишь забавлялся,
Что доброй дичью онъ безъ милости ругался:
Кого велить до смерти заклевать,
Кого въ лѣса дальнѣйшіе сослать
Кого велить терзать сорокопугу—
И всякую минуту

Несчастья всякій ждалъ.

Томился птичій родъ, стоналъ...

Въ ужасномъ страхѣ всѣ и дѣлать что не знаютъ!

„Виновны сами мы—пернаты разсуждаютъ,—
И, зная, караетъ насъ вселенныя Творецъ,
За наши каверзы, тираномъ сямъ въ конецъ,
Или за то, что мы въ цари избрали птицу
Кровопійцу!“

И въ горести они летать толпой къ лѣску,
Разсѣять тамъ свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтанъ, тебѣ дичина свищетъ,
Возмездія дѣламъ твоимъ тиранскимъ ищетъ.
Когда народъ стоналъ, всякъ часъ бѣда, напасть!
Пернаты, зная, злодѣйствъ терпѣть не будутъ болѣ!!
Имъ нуженъ добрый царь, ты-жъ гнусенъ на престолѣ!
Какъ ты не обуздаль свою несносну власть!

И птичій весь совѣтъ рѣшился.

Чтобъ жизни Турухтанъ и царствія лишился.
Къ такому приступить гораздо дѣлу трудно!
Однако, какъ-же быть?
Казалось многимъ то безумно,
Но чѣмъ инымъ перемѣнить?

Ужасно дѣйствіе и пропасть въ немъ грѣха!

Да какъ ни есть

Убили пѣтуха!

Не стало Турухтана,
Избавились тирана!
Въ восторгѣ, въ радости, всѣ птицы внѣ-себя,
Злодѣя истребя,
Другъ друга лобызають
И такъ болтають:
„Теперь въ спокойствіи и нѣгѣ заживемъ,
Какъ птицу смирную на царство изберемъ!“
И въ той сумятицѣ на тронъ всякъ предлагаетъ:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желаетъ,
И въ выборѣ царя у птицъ различный толкъ.
О, рокъ!
Проникнуть можно-ли судебъ твоихъ причину?
Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдругъ сомкнулись всѣ, во всѣхъ мѣстахъ запѣли,
Чтобъ Тетеревъ быть царь.
Хоть онъ глухая тварь,
Хоть онъ розиня безтолковый,
Хоть всякому стрѣлку подарокъ онъ готовый;
Но всѣ въ надеждѣ той,
Что Тетеревъ глухой
Пойдетъ стезей Орлицы...
Ошиблись бѣдны птицы!
Глухарь безумный ихъ—
Скупяга изъ скупыхъ,
Не царствуетъ—коршитъ надъ скопленной добычью.
И управлять другимъ несчастной отдасть дичью.
Не бьетъ онъ, не клюетъ,
Но крохи бережетъ.
Любимцы царство разоряють
Невинность гнуть въ дугу,
Срамцовъ обогащаютъ;
Ихъ гнусной прибылью: кто по-міру пошелъ,
Иной лишень гнѣзда—у нихъ коль не нашель.
Нѣтъ честности ни въ чемъ, идетъ все на коварствѣ,
И сущій сталъ развратъ во всемъ дичинномъ царствѣ.
Вѣдь выборъ безъ ума урокъ вамъ даль таковъ:
Не выбирать ни злыхъ, ни глупыхъ пѣтуховъ.

Мой процесс¹⁾).

Въ Харьковѣ, въ январѣ 1884 года, былъ убитъ рабочій Шкряба за предательство. Въ связи съ этимъ былъ произведенъ обыскъ у студента ветеринара Николая Владиміровича Иордана. У него на квартирѣ была типографія. Я въ ней работалъ, живя съ Иорданомъ, и только за недѣлю до ареста переѣхалъ къ земляку, студенту университета Шахназарову. Самъ я, хотя былъ исключенъ изъ Петербургскаго университета осенью 1882 г. съ правомъ немедленнаго поступленія въ другіе университеты, въ Харьковскій принять не былъ и проживалъ въ городѣ, занимаясь частными уроками.

Типографія была открыта недавно и кромѣ нѣсколькихъ прокламацій успѣла выпустить три брошюры: «Что такое социализмъ», «Роль интеллигенціи въ революціонномъ движеніи» и «Хитрая механика»—перепечатка стараго изданія съ исправленіемъ соотвѣтствующихъ цифровыхъ данныхъ.

Группа, которая руководила издательствомъ этой типографіи, принадлежала къ чернопредѣльческимъ остаткамъ и къ террору относилась, какъ будто, отрицательно. Я, сочувствуя болѣе террористической дѣятельности, тѣмъ не менѣе обрадовался, когда представилась возможность вступить на путь нелегальной дѣятельности, занявшись печатаніемъ «подпольной» литературы.

Кажется, 11 января, подходя къ воротамъ дома, гдѣ жилъ Иорданъ, я замѣтилъ, что что-то неладно, и прошелъ мимо, но былъ схваченъ городовыми, вышедшими со двора сосѣдняго дома, доставленъ въ комнату Иордана и оттуда отправленъ въ тюрьму.

Когда меня вызвали на допросъ къ жандармскому полковнику и прокурору, я отказался отъ дачи показаній, не желая своими отвѣтами признавать компетентность жандармовъ въ спорѣ нашемъ (спорѣ революціонеровъ) съ правительствомъ. И меня не беспокоили. Но когда я увналъ, что мое молчаніе по одному вопросу можетъ повредить товарищу, я написалъ въ судебную

---

¹⁾ Настоящая статья принадлежитъ Ивану Львовичу Манузарову. Въ 1885 году Манузаровъ (его настоящее имя Ованесъ Арсланьянъ Мануцарьянцъ) былъ присужденъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Смертная казнь замѣнена десятилѣтней каторгой. Весь свой каторжный срокъ Манузаровъ отбылъ въ Шлиссельбургской крѣпости, въ 1896 году былъ освобожденъ и въ настоящее время живетъ въ Сибири. До сихъ поръ о процессѣ Манузарова мы не имѣли рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

палату заявленіе о томъ, что французскій сундукъ, въ которомъ нашли бабку съ типографскою краскою, привезенъ въ Харьковъ мною. По поводу этого заявленія жандармскій полковникъ попытался получить отъ меня дополнителныя свѣдѣнія, но я уклонился отъ отвѣтовъ ему, повторивъ, что съ жандармами говорить о дѣлѣ не желаю.

Кромѣ меня и Иордана въ этотъ разъ арестовали вольнослушателя Харьковскаго университета Дмитрія Крыжановскаго, ученика сельско-хозяйственной школы Дмитрія Ослопова (изъ Владикавказа) и (Клюге не помню ни имени, ни отчества—онъ былъ германскій подданный).

Никто изъ насъ не былъ причастенъ къ убійству Шкрябы. Онъ былъ убитъ по рѣшенію изъ Петербурга, гдѣ имѣлись точныя свѣдѣнія о его предательствѣ. Такъ какъ Шкряба велъ знакомство съ нами, то одновременно съ рѣшеніемъ убить его было поручено одному лицу предупредить насъ объ этомъ, но лицо это (кажется, Браунъ) было арестовано на улицѣ, когда шло къ намъ, и исполнить порученія не могло. Поэтому типографія не была своевременно унесена изъ квартиры Иордана.

Было констатировано, что кромѣ меня, какъ постояннаго работника, въ типографіи работалъ еще Ослоповъ. Поэтому я и Иорданъ были приговорены административно къ ссылкѣ въ Восточную Сибирь на 5 лѣтъ, Ослоповъ на 3 года, Крыжановскій отданъ подъ надзоръ полиціи, а Клюге высланъ за границу.

Отправки въ московскую пересыльную тюрьму я съ Иорданомъ не дождались. Воспользовавшись тѣмъ, что насъ соединили въ одну камеру въ тюрьмѣ на Холодной горѣ, изъ которой легко было бѣжать, я съ нимъ 23 сентября 1884 г. бѣжалъ, перепиливъ желѣзную рѣшетку. Иорданъ погулялъ на волѣ только нѣсколько дней, былъ скоро арестованъ и въ послѣдствіи умеръ въ Якутской области.

Я выѣхалъ въ Новочеркасскъ.

Черезъ два мѣсяца, кажется, 16 ноября (1884 г.) я натѣнулся на обыскъ въ квартирѣ учителя Богдана Марковича въ Ростовѣ на Дону, куда пріѣхалъ по дѣламъ типографіи, затѣвавшейся въ Новочеркасскѣ.

Изъ Новочеркасска я пріѣхалъ съ бывшимъ студентомъ Харитоновымъ и братомъ его, казачьимъ офицеромъ. Заночевали у Марковича. На разсвѣтѣ я проснулся отъ стука въ дверь, выглянулъ въ окно и, увидѣвъ полицію, наскоро одѣлся и пошелъ на кухню хозяина дома (Марковичъ снималъ двѣ комнаты, отдѣленныя корридормъ отъ хозяйской половины). У кухонныхъ дверей на дворѣ стоялъ городской. Я отстранилъ его и пошелъ къ воротамъ. Тамъ стоялъ другой городской. Я вынулъ изъ кармана револьверъ, городской отскочилъ отъ воротъ, и я вышелъ на улицу. Города я совершенно не зналъ. Побѣжалъ по улицѣ налѣво, попалъ въ центръ города. Полицейскіе бѣжали за мной и свистѣли. Было свѣтло, попадались рабочіе. Одинъ, призванный

городовыми, хотѣлъ схватить меня, но я сдѣлалъ въ него выстрѣлъ, и онъ отсталъ. Я хотѣлъ вскочить на извозчика и заставить везти себя, но извозчикъ отѣхалъ при моемъ приближеніи. Дѣло мое было проиграно. Я ходилъ по улицамъ, а за мной слѣдовали городовые и десятка два зѣвакъ. Прошло не менѣе часа, прежде чѣмъ на двухъ извозчикахъ не пріѣхали четыре солдата, прежде околоточнымъ Цвѣтковымъ. Окруживъ меня полукругомъ цѣпью солдатъ, околоточный предлагалъ сдаться.

Сдаться!?

Я зналъ, что герои при такихъ обстоятельствахъ не сдаются, а умираютъ подъ пулями, стараясь, въ свою очередь, убить возможно большее число враговъ...

... Значить, нужно стрѣлять, цѣлясь въ околоточнаго, въ солдата, стараться ихъ убить. У меня пять зарядовъ... Постараться убить пять человѣкъ...

... Я буду убить, но зато убью и ихъ...

... За что?!.. проносится у меня въ головѣ.

А околоточный кричитъ: «Сдавайтесь, бросайте револьверъ!».

... У меня быстро, быстро бьются въ головѣ мысли... Одинъ тонувшій и потомъ спасенный товарищъ рассказывалъ: «Нельзя себѣ представить, какъ быстро проносится мысли въ головѣ въ тотъ короткій промежутокъ времени, который протекаетъ между потерей надежды выплыть изъ воды и моментомъ потери сознанія»... Въ эту минуту я вспомнилъ этого товарища по гимназіи, Ивана Бѣлова; вспомнилъ Куру, гдѣ онъ тонулъ; вспомнилъ Тифлисъ, гдѣ я родился; вспомнилъ мать...

А околоточный кричитъ: «Сдавайтесь! Бросайте револьверъ!».

Солдаты смыкаютъ цѣпь, приближаются, а за солдатами стоитъ уже большая толпа...

Сдаваться?!... Бросить оружіе! Какой поворъ!

...Такъ значить стрѣлять. Убить околоточнаго... не попаду въ него, попаду вотъ въ мальчика, стоящаго за нимъ...

... Господи, что же дѣлать?...

... Сдаться съ заряженнымъ оружіемъ?..

«Сдавайтесь! Бросайте оружіе!» слышу голосъ околоточнаго.

... И какъ будто найдя выходъ изъ своего положенія, я поднялъ вверхъ руку и разрядилъ въ воздухъ револьверъ... и бросилъ его околоточному.

Тогда окружили меня солдаты. Я стоялъ въ нишѣ каменнаго дома.

Когда меня усаживали на извозчика, нѣсколько человѣкъ толкнули меня въ спину и въ шею, но околоточный и солдаты отогнали патріотовъ, и меня доставили на извозчикъ въ участокъ, а оттуда въ тюрьму.

Я здѣсь также никакихъ показаній не давалъ и не называлъ себя.

Въ Ростовѣ-на-Дону тюрьма свободная. Зданіе—въ 3 этажа, нижній на половину подвальный. Всѣ одиночныя камеры сосре-

доточены въ двухъ крыльяхъ огромнаго зданія по 18 камеръ въ каждомъ крылѣ (по 6 въ каждомъ этажѣ).

Мы свободно разговаривали, крича въ двери и въ окна, а гулять выводили подѣ наши же окна, такъ что въ окна видѣли другъ друга. А насъ, политическихъ, въ зиму 1884—85 года было много. На югѣ производились аресты по дѣлу Лопатина. Въ нашей тюрьмѣ, кромѣ насъ, сидѣли Бялецкій (пом. нач. ж. д. станціи), Пешенеровъ, Ранцъ (аптекарь, служ.) Чернышевъ Рафаилъ, Вейнбергъ, Цейтлинъ, Наумъ Гуттерманъ, Харитоновъ, Бартеневъ съ женой, Ратнеръ (сестра Бартеневой) и Марковичъ. Жили мы дружно, а если ссорились, то не на долго. Меня всѣ звали «неизвѣстнымъ», хотя черезъ мѣсяца полтора меня уличили по карточкѣ, присланной изъ Харькова. Смотритель не преслѣдовалъ разговоровъ. Марковичъ, сынъ писательницы Марко-Вовчокъ, задавалъ даже концерты, пѣлъ изъ оперъ большія аріи, читалъ стихотворенія чужія и собственныя.

Въ Ростовской тюрьмѣ я просидѣлъ годъ; въ ноябрѣ привезли въ Одессу. Конвоировалъ меня помощникъ пристава Цвѣтковъ (повышенный по службѣ изъ околоточныхъ за распорядительность при моемъ арестѣ), одинъ околоточный, который все время шокировалъ г. помощника пристава, обращаясь къ нему по-товарищески на «ты», и двое городовыхъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ меня привезли въ Одессу, меня повезли въ военно-окружный судъ и тутъ хотѣли вручить мнѣ обвинительный актъ. Я отказался.

— Почему?—спросилъ меня генераль Ушаковъ.

— Потому что хочу быть послѣдовательнымъ: разъ я обвинюсь въ государственномъ преступленіи, то я не могу согласиться, чтобы слуги этого правительства были судьями въ моемъ спорѣ съ этимъ правительствомъ. Поэтому я не давалъ никакихъ показаній и не хочу принимать обвинительнаго акта, чтобы ничѣмъ не признавать за правительственными чиновниками права судить меня.

— Ну такъ подпишитесь, что отказываетесь принять обвинительный актъ,—сказалъ генераль.

Я, ничто же сумняшеся, подписалъ и въ первый разъ со времени послѣдняго ареста подписался своей фамиліей—«Манучаровъ». Совсѣмъ забылся. Годъ не называлъ себя, а передъ судомъ назвался. Конечно, это ничего новаго не внесло въ дѣло, такъ какъ личность моя вполне была установлена пріѣзжавшими еще въ Ростовъ изъ Харьковской тюрьмы стражниками.

19 декабря 1885 года состоялся судъ ¹⁾. Предсѣдательствовалъ

¹⁾ (Остальные, арестованные одновременно съ Манучаровымъ, приговорены были административнымъ порядкомъ: Богданъ Марковичъ—на 3 года подѣ надзоръ полиціи въ Ново-московскѣ, а студентъ Харитоновъ на 3 года надзора, кажется, въ Новочеркасскѣ.

генералъ-майоръ Ушаковъ, обвинялъ полковникъ Рыльке. Судей, кромѣ предсѣдателя было четыре, фамилій не знаю.

— Подсудимый,—начальгенералъУшаковъ,—назовите свою фамилію, имя, отчество, званіе.

— Я уже заявилъ, что я отказываюсь отъ дачи какихъ-либо свидѣній о себѣ, я не признаю вашей компетенціи.

— Но вы знаете, что васъ же будутъ судить!

— О, конечно, я это знаю... Мнѣ говорятъ, что здѣсь сидитъ мой защитникъ. Прошу освободить его, онъ мнѣ не нуженъ.

Началось чтеніе обвинительнаго акта.

Я обвинялся въ работѣ въ тайной типографіи, въ побѣгѣ изъ Харьковской тюрьмы посредствомъ взлома рѣшетки, въ вооруженномъ сопротивленіи, сопровождавшемся покуше ніемъ на жизнь полицейскаго чиновника.

Никто изъ свидѣтелей не явился, а вызывалось до 15 чело-вѣкъ. Судъ призналъ неявку законной и постановилъ читать ихъ показанія по жрѣ надобности.

Прокуроръ сказалъ рѣчь съ дрожаніемъ въ голосѣ, вспо-мнивъ событіе 1 марта 1881 г., къ которому обратился для доказательства того, что революціонная партія существуетъ, и закончилъ требованіемъ примѣненія ко мнѣ 249 ст. стараго уло-женія.

Послѣ рѣчи прокурора генералъ Ушаковъ обратился ко мнѣ:

— Подсудимый! Можетъ быть, въ виду рѣчи прокурора вы воспользуетесь своимъ правомъ сказать что-нибудь въ свою защиту—вамъ угрожаетъ тяжкое наказаніе!

— Нѣтъ!—сказалъ я и отрицательно качнулъ головой.

Было тихо. Я сказалъ убѣжденнымъ внутреннимъ голосомъ. Мнѣ кажется, что за моимъ «нѣтъ» послѣдовалъ небольшой мо-ментъ затаеннаго молчанія, и генералъ не тотчасъ объявилъ пре-нія сторонъ законченными.

Черезъ 1½ или 2 часа ген. Ушаковъ прочелъ: «приговари-вается къ смертной казни». Листъ въ рукахъ генерала заколе-бался. Несмотря на то, что я ожидалъ такого приговора, что-то отхлынуло отъ головы, сжало. «Должно быть, я поблѣднѣлъ»,—по-думалъ я и посмотрѣлъ направо, на стоявшихъ чиновниковъ канцеляріи, и потомъ налево, на караульнаго офицера. Это былъ мой землякъ—молодой офицеръ Лазаревъ. У него по щекамъ кати-лась слеза. Что выражало въ это время мое лицо—не знаю; я хотѣлъ смотрѣть и равнодушно и гордо...

— Пожалуйте,—сказалъ жандармскій офицеръ—и я вышелъ изъ залы суда, окруженный жандармами.

Въ тюрьмѣ меня совершенно изолировали, а на ночь по-садили въ камерѣ надзирателя, чтобъ я не предупредилъ па-лача.

Прошелъ день, другой. Мнѣ прочли въ тюремной канцеляріи приговоръ въ окончательной формѣ. Утромъ на другой день я ждалъ на разсвѣтѣ прихода палача. Шаги часового въ тюремной оградѣ

и хлопанье имъ озябшими руками казались мнѣ сколачиваніемъ эшафота. Но наступилъ разсвѣтъ, утро, день... меня никуда не повели. У меня было хорошее настроеніе. Я думалъ: казнятъ— хорошо; не казнятъ—я останусь жить, меня поведаютъ туда, гдѣ столько благородныхъ людей будутъ моими товарищами. И я былъ спокоенъ.

Гадаю, я больше думалъ, что не казнятъ, а когда наступили и прошли праздники Рождества, то я почти увѣрился, что меня не казнятъ. Но только 8 января объявили мнѣ, что казнь замѣнена каторгою на 10 лѣтъ... Я былъ возмущенъ и помощнику начальника тюрьмы, который объявилъ мнѣ это, я выразилъ протестъ, призывая его въ свидѣтели, что ничѣмъ не далъ повода для такого рѣдкаго въ судебной исторіи «смягченія» приговора. Меня очень забеспокоила мысль, не будутъ ли друзья и враги объяснять это какимъ-нибудь выраженіемъ моего раскаянія. Я чѣмъ-нибудь хотѣлъ предотвратить такіа предположенія, но ничего не придумалъ.

На другой день меня вызвали къ фотографу, который расположился тутъ же, на тюремномъ дворѣ, снять меня. Когда я увидѣлъ, для чего меня вызвали, то я заявилъ, что карточки съ себя снять я не дамъ. Пожало начальство плечами: «Почему?»—«Какъ почему, вѣдь вы снимаете карточку, чтобы, въ случаѣ моего побѣга, могли меня поймать и уличить, такъ съ какой же стати я добровольно буду давать вамъ это средство противъ себя?»

Говорилъ я это, конечно, принципиально, потому что по карточкѣ рѣдко кого разыщутъ. Со мной лично былъ случай, когда предо мной жандармъ стоялъ съ моей карточкой и не узналъ меня. Это было по дорогѣ изъ Харькова на Донъ послѣ побѣга изъ тюрьмы. Только что отъѣхалъ поѣздъ отъ станціи, какъ вошли въ вагонъ жандармы и штатскіе шпіоны. Въ рукахъ одного изъ нихъ была карточка. Онъ остановился въ проходѣ и сравнивалъ пассажировъ съ моей карточкой. Правда, на карточкѣ я былъ съ бородой, а теперь сидѣлъ въ вагонѣ подстриженный и подбритый съ одними усами съ картузомъ на головѣ, котораго я никогда раньше не носилъ, но все же онъ меня не узналъ. Изъ Харькова проважалъ меня извѣстный впоследствии по процессу Лопатина предатель Елько. Онъ говорилъ мнѣ, что, когда жандармъ остановился передо мной, я поблѣднѣлъ, какъ смерть. Вѣрно, я сильно волновался и крѣпко сжалъ въ рукахъ револьверъ, полагая, что сейчасъ начнется бой. Я съ Елько расположились у входа такъ, чтобы въ случаѣ ареста попытаться выйти изъ вагона. И несмотря на мою смертельную блѣдность меня все же не узнали.

Тѣмъ не менѣе, въ Одессѣ я всетаки не хотѣлъ дать снять съ себя карточку. Сдѣлалъ я это въ Харьковѣ, какъ только меня арестовали въ первый разъ, и теперь повторять этой глупости не хотѣлъ.

Вечеромъ смотритель Одесской тюрьмы передалъ мнѣ, что

градоначальникъ велѣлъ приготовить розги и, если я снова откажусь дать снять съ себя карточку, то я буду тѣлесно наказанъ.

— Найдутся люди, которые отомстятъ ему за это. Пусть вспомнить Трепова и Вѣру Засуличъ!—сказалъ я.

Меня не наказали, а безъ карточки на другой день, закованнаго и съ головой, наполовину обритой (несмотря на протестъ и сопротивленіе), подъ конвоемъ четырехъ жандармовъ отправили въ Шлиссельбургъ.

И. Манучаровъ.

Благовѣщенскъ на Амурѣ
25 апрѣля 1906 г.

Въ Шлиссельбургской крѣпости ¹⁾).

Начало общенія и зародышъ промышленной дѣятельности.

„Все течеть, все измѣняется“ (Гераклитъ).

I.

Наслаждаться огородомъ мнѣ приходилось большею частью одному. Лукашевича водили въ тотъ же самый огородъ, но по какимъ-то соображеніямъ не одновременно со мной. Точно они считали ужъ слишкомъ большимъ и потому недопустимымъ благомъ соединять вмѣстѣ удовольствіе свиданія съ удовольствіемъ быть среди зелени. А можетъ быть, здѣсь просто сказывались тѣ практическія затрудненія, которыя создала для себя администрація, поставивши своей задачей пускать 28 человекъ въ 12 клѣтокъ и соблюдать при этомъ строжайшія правила изоляціи. А сдѣлать это было весьма не легко. Нужно было принять во вниманіе дарованныя льготы каждаго изъ 28 человекъ и осуществить ихъ, не нарушая ничьихъ другихъ. Большинство гуляло только одну смѣну (отъ 8 до 10 или отъ 10 до 12 ч.), либо первую, либо вторую, а нѣкоторые по двѣ (по назначенію врача). Затѣмъ, многіе гуляли попарно, либо на пескахъ, либо на огородахъ. Чтобы привести на вторую смѣну кого-либо изъ сидящихъ дома, Соколовъ долженъ былъ сначала освободить мѣсто, т. е. увести въ камеру одного или двоихъ (конечно поодиночкѣ, хотя бы гуляли они вмѣстѣ), либо изъ огорода, либо изъ клѣтки, смотря по тому, куда предлежитъ отправить того, кого онъ выведетъ. Самъ Соколовъ, съ присущимъ ему терпѣніемъ и усердіемъ, управлялся безъ затрудненій съ этой задачей, ежедневно мѣнявшейся, потому что, кто сегодня гулялъ въ парѣ, завтра будетъ одинъ, и обратно, и столкновеній «поѣздовъ», насколько помню, при немъ не происходило. Послѣ же него, особенно когда «разводъ съ церемоніей» перешелъ въ руки вахмистра, и когда почти всѣ стали гулять въ парѣ, дѣло пошло не такъ гладко. Помню, какъ отъ его недосмотра со мной произошло однажды «событіе», должно быть, ужъ не первое въ нашей тюрьмѣ. Меня пу-

¹⁾ См. „Былое“, кн. 4 и 6.

стили на 2-ю смѣну въ 4-ю клѣтку, въ увѣренности, что она пустая, такъ какъ одного только что увели оттуда. Между тѣмъ тамъ гуляли двое: Шебалинъ и Похитоновъ, и про послѣдняго забыли. Конечно, мы очень обрадовались другъ другу, отрекомендовались, обнялись, и не успѣли обмѣняться нѣсколькими словами, какъ ошибка была замѣчена, и насъ разъединили. Года черезъ четыре со мной повторилось такое же «событіе», но еще болѣе важное, причемъ аналогичная встрѣча произошла съ Вѣрой Николаевной, что для жандармовъ казалось тогда равносильнымъ скандалу. О всякомъ такомъ «событіи» у нихъ дѣлались доклады по начальству и, чего добраго, писались какія-нибудь бумаги. До самыхъ послѣднихъ дней вахмистръ велъ какія-то записки въ особой конторской книгѣ,—должно быть это былъ нашъ «кондуитъ», и, если онъ сохранится, будущій историкъ найдетъ въ немъ неисчерпаемый родникъ бюрократической мелочности и глупости ¹⁾.

Эти затрудненія при размѣщеніи насъ на дворѣ долгое время были, можетъ быть, однимъ изъ главныхъ препятствій мѣнять чаще товарищей для свиданій. А между тѣмъ, для лицъ, сидѣвшихъ уже давно, свѣжесть и разнообразіе впечатлѣній, даваемыхъ знакомствомъ съ новымъ человѣкомъ, были единственнымъ жизненнымъ явленіемъ, нарушавшимъ монотонное и унылое прозябаніе. Я помню, какъ въ самый, можно сказать, медовый мѣсяцъ нашихъ свиданій съ Лукашевичемъ, мы услышали, что наши сосѣди по клѣткѣ (кажется, Шебалинъ и Похитоновъ) проводили свои часы за чтеніемъ книги. Въ нашей наивности намъ казалось тогда чистѣйшимъ святотатствомъ посвящать чтенію, доступному и въ камерѣ, немногіе часы, единственно доступные для разговора. Мы еще не подозрѣвали тогда, что современемъ всѣ къ тому придемъ. Про душевное настроеніе другъ друга, въ общемъ, знали всегда по стуку и при полной изоляціи, и, если съ кѣмъ-нибудь начинались приступы меланхоліи, спѣшили устроить ему новую пару для свиданій, облегчая тѣмъ и здороваго товарища отъ тяжелой необходимости быть въ постоянномъ и исключительномъ общеніи съ мрачно настроеннымъ человѣкомъ. Для перваго, кажется, Щедрина, мы добились разрѣшенія, въ виду его явной ненормальности, мѣнять ему товарища какъ можно чаще. Сама администрація, въ интересы коей не входило превратить поскорѣе наше Эльдorado въ сумасшедшій домъ, сравнительно легко уступала здѣсь нашимъ притязаніямъ.

Не такъ легко она уступала въ нашихъ притязаніяхъ удлинить прогулку до двухъ смѣнъ для всѣхъ безъ различія. А какимъ это казалось тогда наслажденіемъ, особенно въ лѣтнее время!

¹⁾ По выходѣ на свободу, мнѣ часто приходилось слышать самые удивительные и неожиданные вопросы о нашей жизни. Между прочимъ, одинъ благонамѣренный гражданинъ спрашивалъ: „А правда ли, что Александръ III приказалъ вамъ вести дневники и самолично ихъ перечитывать?“ Не относился ли этотъ наивный вопросъ, заключавшій въ себѣ какой-то отголосокъ изъ департаментскихъ сферъ, къ тому кондуиту, который такъ заботливо велъ нашъ вахмистръ?

Однажды Классикъ, въ награду за возвращеніе иголки (объ этомъ послѣ), пускалъ насъ съ Лукашевичемъ ежедневно въ теченіе цѣлой недѣли. Я отлично помню, какое удовольствіе доставляла тогда намъ обоимъ эта прогулка въ теченіе 4 часовъ подъ рядъ. Она не только не утомляла и не надоѣдала, но влекла къ себѣ все больше и больше, согласно извѣстной французской пословицѣ: «L'appétit vient en mangeant» (аппетитъ является во время ѣды). Казалось, гулять бы такимъ образомъ цѣлый день, и никогда бы не насытился. Радость, доставляемая свѣжимъ воздухомъ и солнечными лучами, обыкновенно не ощущается, или ощущается въ весьма слабой степени, и едва ли кто, не испытавши ея въ условіяхъ, подобныхъ нашимъ, можетъ хорошо понять, тѣ пріятныя волненія, которыя возникаютъ при видѣ такихъ ординарныхъ вещей, какъ облако, или голубое небо. Конечно, это—въ минуты большей или меньшей уравниваемости. Но гулять всѣмъ по 2 смѣны на первыхъ порахъ было невозможно ужъ потому, что число жителей тогда было болѣе, чѣмъ вдвое противъ назначенныхъ для нихъ территорій. А когда умерли Арончикъ, Богдановичъ, Грачевскій, Варынский, и были построены два новыхъ огорода (7-й и 8-й), рѣшеніе вопроса объ удлиненіи прогулки облегчилось.

Облегчить же «спариваніе», и вообще всю эту сложную механику распредѣленія людей по клѣткамъ, помогъ жандармамъ Оржихъ уже тогда, когда въ ходу были наши мастерскія, и намъ, въ интересахъ труда, требовались болѣе частыя свиданія другъ съ другомъ. Онъ началъ самъ составлять «нарядъ» на прогулку (какъ выражались унтера) и предложилъ имъ подавать его ежедневно. Въ «нарядѣ» этомъ указывалось, кто, гдѣ, въ какую смѣну и съ кѣмъ будетъ гулять. Это было очень соблазнительно, особенно для безтолковой Феклы¹⁾, и ему оставалось только использовать даровую помощь и исполнять ежедневно готовое распisanіе. Вначалѣ оно не пугало новшествами, представляя собой только то, что уже установилось обычаемъ. А потомъ всякая перемѣна въ свиданіяхъ стала осуществляться, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ. Въмѣсто того, чтобы звать смотрителя и торговаться съ нимъ, стоило прямо внести соотвѣтственное измѣненіе «въ нарядъ», и вахмистръ, разводившій на прогулку, механически осуществлялъ его. Это былъ первый зародышъ самоуправленія, чреватый послѣдствіями.

И чтобъ яснѣе сдѣлать для непосвященныхъ эту механику, я приведу по памяти одинъ изъ такихъ «нарядовъ», которыхъ появилось въ свѣтъ, должно быть, больше 1000 изданій.

---

¹⁾ Такъ звали мы смотрителя, который былъ присланъ, наконецъ, послѣ долгаго промежутка на мѣсто Ирода. Фамилія его—Федоровъ. Прозвище это, выразившее всю его духовную сущность, дано было ему Г. А. Лопатинимъ, который всегда жѣтко нарекалъ имена животнымъ, появлявшимся въ огородѣ нашего «рая».

№№ квѣткѣ	1-я сѣѣна.	2-я сѣѣна.	№№ огоро- довъ.	1 я сѣѣна.	2-я сѣѣна.
1	11	25	II	13, 14	13/23
2	27/18	20/22	III	26/25	26/4
3	30	30	IV	31/16	31/10
4	23/1	15	V	9/29	29/32
5	12	11/12	VI	20/17	18/9
6	4/15	1 28	VII	10/22	2/21
I	21/28	14/27	VIII	2/5	5/17

Здѣсь лица обозначены номерами, присвоенными имъ, такъ какъ, по правиламъ, жандармы имѣли дѣло только съ номерами и не должны были знать нашихъ фамилій. Чтобы сдѣлать удобочитаемой эту таблицу, я повторю ее, замѣнивши номера соответствующими имъ фамиліями.

№№ квѣткѣ	1-я сѣѣна.	2-я сѣѣна.	№№ огоро- довъ.	1-я сѣѣна.	2-я сѣѣна.
1	Вѣра Никол.	Новор.	II	В. Ивановъ. Ашенбреннеръ.	В. Ивановъ. Яновичъ.
2	Лопатинъ. Шебалинъ.	Панкратовъ. Манучаровъ.	III	Лукашевичъ. Новор.	Лукашевичъ. Морозовъ.
3	К о н а ш е в и ч ъ .		IV	Антоновъ. Суровцевъ.	Антоновъ. Юрковский.
4	Яновичъ. Тригони.	Похитоновъ.	V	Полывановъ. Стародворскій.	Стародворскій. Оржихъ.
5	Людмила Ал.	Людмила Ал. Вѣра Никол.	VI	Панкратовъ. Мартыновъ.	Шебалинъ. Полывановъ.
6	Морозовъ. Похитоновъ.	Тригони. С. Ивановъ.	VII	Юрковский. Манучаровъ.	Фроленко. Лаговскій.
I	Лаговскій. С. Ивановъ.	Ашенбреннеръ. Лопатинъ.	VIII	Фроленко. Поповъ.	Поповъ. Мартыновъ.

Отсюда легко видѣть, кто и съ кѣмъ могъ видѣться по данному наряду, а также, кто гулялъ только одну смѣну. Насколько неблагоприятна такая задача ежедневно комбинировать вновь пары и группы согласно заявленнымъ желаніямъ, понять не трудно, особенно, если было лѣто, и cadaго въ интересахъ земледѣльческихъ нужно было помѣстить въ его собственный огородъ хоть на одну смѣну, хотя бы его сосѣди и замышляли какую-нибудь другую сложную комбинацію. Наконецъ, нужно помнить, что вся процедура сношеній и предварительныхъ соглашеній совершается посредствомъ стуковъ, и что часто заинтересованныя лица сидятъ совершенно въ противоположныхъ углахъ корридора. Понятно поэтому, что понадобилась особая должность для осуществления такихъ сложныхъ и необычайныхъ функций. Къ такой щекотливой должности какъ нельзя лучше подходилъ нашъ при-снопамятный променадмейстеръ И. Л. Мануcharовъ, который одинъ только и могъ осуществлять ее безъ раздраженій, благодаря своей удивительной невлобивости, услужливости и всегдашней внимательности, почему и пришлось ему не одинъ годъ нести на себѣ это нелегкое бремя, кажется, вплоть до своего отъѣзда.

Вся эта египетская работа держалась цѣлые годы благодаря одному нелѣпому условію: каждый обязанъ былъ пробыть въ теченіе цѣлой смѣны тамъ, куда онъ записанъ. Едва это обязательство было сброшено и добыто право передвиженія (хоть и крайне ограниченнаго), я могъ спокойно идти гулять безъ всякихъ предварительныхъ «предначертаній». Выходя на дворъ, я просто спрашивалъ дежурнаго, гдѣ гуляетъ такой-то, шелъ къ нему и оставался тамъ столько времени, сколько хотѣлъ, отъ него къ другому, къ 3-му и т. д. Въ теченіе 4 часовъ я могъ обойти хоть всѣхъ поголовно, какъ это и дѣлалъ потомъ староста, голосуя какой-нибудь вопросъ, или предлагая свѣжепривозные фрукты и свѣди. Если лицо, которое мнѣ было нужно, было занято съ кѣмъ-нибудь, мы тутъ же у открытой двери условливались, когда оно будетъ свободно, и гдѣ лучше свидѣться. А то просто узнавалъ у дежурнаго, гдѣ есть свободное мѣсто, шелъ туда и просилъ его привести ко мнѣ такого-то, а рядомъ, если нужно, такихъ-то. Правда, много нужно было расхлебать горя, чтобъ добиться такихъ простыхъ вещей и разрушить прежніе порядки до основанія.

II.

Первое лѣто мы съ Лукашевичемъ провели въ готовомъ огородѣ, который былъ засѣянъ не нами, и были въ немъ только простыми зрителями. На слѣдующую весну, какъ только оттаяла почва, намъ предложили занять III огородъ, не весь, конечно, а только половину. Другая половина предназначалась другой парѣ. Вся же поверхность [этого огорода (съ дорожками и пр.)] заключала въ себѣ, кажется, около 140 кв. арш. Мы расположились въ немъ, черезъ 2 года (съ расширеніемъ огородной площади)

заняли его весь и просидѣли въ немъ почти 17 лѣтъ. Только въ послѣдніе годы я эмигрировалъ въ V огородъ, оставивши въ III-мъ за собой только небольшой участокъ. Почти всѣ остальные товарищи многократно мѣняли мѣста и, переходя изъ огорода въ огородъ, переносили съ собой и свои многолѣтнія насажденія. Благодаря такому хозяйничанью нѣкоторые кустарники стали у насъ настоящимъ движимымъ имуществомъ и такъ же легко мѣняли мѣсто своего жительства, какъ и ихъ владѣльцы. Въ 1904 году я водворилъ на 5-ое мѣсто тотъ же самый кустъ крупнаго крыжовника, который я получилъ въ наследство послѣ Щедрина, увезеннаго въ лѣчебницу въ 1896 году. Вслѣдствіе этого физономія того или другого огорода мѣнялась многократно, въ зависимости отъ вкусовъ владѣльцевъ, которые у одного и того же лица мѣнялись тоже часто. Нынѣшній огородъ превращался на будущій годъ въ земляничную плантацію, на слѣдующій—въ табачную, далѣе весь онъ засаживался цвѣтами, или пускался подь малину. То появлялся въ немъ парникъ, то насыпныя оригинальныя клумбы, обдѣланныя камнемъ, досками, колышками, или дерномъ; то все это исчезало точно по манію волшебника, и глазъ случайнаго посѣтителя, давно тамъ не бывавшаго, находилъ опять гладкую равнину и какую-нибудь провѣнческую культуру, а то и просто лужайку, разведенную человекомъ, стосковавшимся по роднымъ полямъ.

Прекрасно помню я нашъ первый огородный дебютъ. Прежде всего при работѣ оказалось, что я безъ очковъ даже копать землю не могу, и мнѣ первому удалось получить отъ доктора какой-то старенькій и плохенькій экземпляръ очковъ. Затѣмъ, лопату, конечно, дали деревянную, ту самую, которая служила для песочныхъ пересыпаній, и которой пользовался зимою для разгребанія снѣга. Но слѣдовъ желѣза на ней не было, и потому «земледѣльческимъ орудіемъ» она служить никоимъ образомъ не могла. Сразу мы отодвинуты были дальше каменнаго вѣка—къ тому времени, когда первобытный человѣкъ ковырялъ землю первымъ попавшимся сукомъ дерева. Ужъ коли начинать культуру, такъ начинать съ начала! За этимъ послѣдовало не менѣе оригинальное продолженіе, зависѣвшее, правда, исключительно отъ насъ самихъ. Мы съ Лукашевичемъ, какъ истые интеллигенты, неопытные въ трудѣ, предварительно взвѣшивали и обсуждали каждый шагъ до мелочей. И вотъ, по зрѣломъ размысленіи, мы опредѣлили примѣрный, и даже максимальный, діаметръ брюквы, и сообразивши, что ничто не мѣшаетъ корнямъ сидѣть вплотную другъ къ другу, мы по этому расчету намѣтили гнѣздо, гдѣ посадить рассаду. И конечно, посадили ее такъ часто, что ничего не получили. Думая все время о корняхъ брюквы, мы забыли о ея листьяхъ, которые требуютъ для своего развитія надлежащаго простора и безъ развитія которыхъ не растетъ и корень. Другіе, не менѣе насъ опытные огородники, сажали напр., лукъ рѣпчатый не иначе, какъ «вверхъ тормашками», и потомъ крайне удивлялись, видя, какъ изъ того

мѣста, гдѣ бы должна появиться луковая зелень, на самомъ дѣлѣ лѣзутъ корни! Впослѣдствіи, сдѣлавшись знаменитыми огородниками, мы стали тщательно замалчивать свои не менѣе знаменитые первые шаги. И только вотъ теперь, въ интересахъ истины, приходится извлекать ихъ изъ старой памяти.

Сѣмена огородныхъ растеній вначалѣ выдавались жандармами; давалась также и рассада капусты и брюквы. Цвѣты же привозились изъ Петербурга въ горшкахъ въ молодомъ возрастѣ уже въ срединѣ юня. Потомъ, когда мы помаленьку стали забирать все хозяйство въ свои руки, мы сами стали выписывать и сѣмена, и луковицы, и клубни, и готовые растенія. Если не ошибаюсь, В. Г. Ивановъ первый выхлопоталъ разрѣшеніе купить осенью нѣсколько луковицъ въ счетъ суммъ, отпускаявшихся на наши ремесленные и огородныя нужды и еще не находившихся въ нашемъ распоряженіи; и Лукашевичъ, бывший здѣсь истиннымъ инициаторомъ, произвелъ не малую сенсацию, когда неожиданно выгналъ глицинтъ зимой и напустилъ неслыханныхъ у насъ ароматовъ чуть не на весь корридоръ. Впослѣдствіи, дѣло это широко развилось, и у насъ за всѣ годы перебивало множество самыхъ разнообразныхъ садовыхъ и огородныхъ растеній, поставщикомъ которыхъ былъ главнымъ образомъ Лукашевичъ, какъ ботаникъ и знатокъ флоры, затѣмъ В. и С. Ивановы, Оржихъ и Похитоновъ. У меня сейчасъ подъ руками «Каталогъ Грачева сѣмянъ, растеній» и т. п. Я насчиталъ въ немъ болѣе 175 родовъ (не считая видовъ) садовыхъ растеній, которыхъ разводились нами въ разное время. Такъ какъ мы выписывали еще главнымъ образомъ отъ Иммера (изъ Москвы), иногда—Регеля, Фрика и Загѣвалова, то я не погрѣшу, увеличивши общее число садовыхъ растеній до 200 родовъ. Изъ огородныхъ растеній я дѣлалъ гербаріи для Подвижнаго Музея, и въ нихъ помѣщалъ болѣе 50 видовъ. Теперь цвѣты мы могли имѣть уже круглый годъ. Грунтовые цвѣли почти непрерывно, начиная съ первыхъ чиселъ апрѣля, а комнатные и особенно луковичные можно было выгонять всегда по желанію. Когда развелось много ландышей изъ нѣсколькихъ купленныхъ кустиковъ, я каждый годъ (лѣтъ 9 подъ рядъ) выгонялъ нѣсколько горшковъ съ ними къ Рождеству и къ Новому году, и даже, уѣзжая 28 октября 1905 г., поручилъ М. М. Мельникову нѣсколько заготовленныхъ экземпляровъ, чтобы онъ выгналъ ихъ зимой согласно данному рецепту.

Выписывая сѣмена, Лукашевичъ съ самаго начала сталъ обозначать ихъ латинскими названіями. Чуть ли не въ первый годъ онъ, по желанію курильщиковъ, записалъ *Nicotiana Tabacum*, и сѣмена, по невѣдѣнію администраціи, были спокойно переданы въ наши руки, затѣмъ выращены въ парникахъ, рассада высажена на грядку, а когда къ осени развились настоящіе листья, они были собраны, заморожены и высушены. Все это было продѣлано на глазахъ жандармовъ, ничего не подозрѣвавшихъ до тѣхъ поръ, пока всюду не запахло табачнымъ дымомъ. Эта земледѣль-

ческая операція помогла доктору Безродному добиться разрѣшенія въ департаментѣ покупать табакъ на казенный счетъ.

Не менѣе оригинальнымъ способомъ (точь въ точь—изъ Робинзона) получилась у насъ плантація полевой земляники. Лукашевичъ, просматривая какъ-то «Русскую Старину», присланную изъ департамента, замѣтилъ внутри книги одно сѣмячко, которое онъ легко призналъ за сѣмя земляники. Онъ посѣялъ его на пробу и получилъ всходъ, а затѣмъ кустикъ. Отъ него на второй же годъ на жирной почвѣ пошли уже цѣлыя заросли, которыя я рассадилъ въ тѣнистое мѣсто и съ тѣхъ поръ ежегодно держалъ цѣлую грядку. Она плодоносила все лѣто, иногда до сентября.

III.

Но самые интенсивные сельско-хозяйственные успѣхи ожидали насъ въ будущемъ, когда мы постепенно перешли къ парниковой культурѣ. Попытки устроить парникъ начались вскорѣ послѣ того, какъ открылись мастерскія, и мы приобрѣли ремесленные навыки. Первый, съ позволенія сказать, парникъ, устроили мы съ Лукашевичемъ. Я сколотилъ изъ досокъ, которыя я самъ же вытесалъ изъ плахъ, ящикъ въ $\frac{3}{4}$ арш. шириной и около $1\frac{3}{4}$ арш. длиной. Этотъ ящикъ (безъ дна) мы поставили прямо на мелкую ямку, наполненную коровьимъ навозомъ, такъ какъ горячаго конскаго тогда не было, а затѣмъ накрыли этотъ ящикъ промасленной бумагой. Стеколъ у насъ еще не было, и мы вообще старались обходиться тѣми матеріалами, которые были подъ рукой. Въ этомъ парникѣ, кромѣ разной расады, мы получили десятка 3 редисокъ къ 9 мая и считали, что мы сильно ускорили естественный ходъ роста! На другое лѣто смотритель обѣщалъ дать намъ готовую раму, которую онъ вынулъ гдѣ-то изъ башни, чуть ли не той самой, гдѣ сидѣла когда-то царица Евдокія Лопухина. Рама эта была въ формѣ трапеціи и имѣла весьма древній видъ. Точно такую же другую раму онъ далъ Похитонову. Соответственно такой необыкновенной формѣ рамы мы сдѣлали въ III огородѣ яму со срубомъ такого же фазона, и этотъ парникъ просуществовалъ, должно быть, лѣтъ 12. На третій годъ появилось уже нѣсколько парниковъ съ самодѣльными рамами.

Теперь за это дѣло въ серьезъ взялся М. Р. Поповъ, въ рукахъ котораго оно расцвѣло вполнѣ. Главное наше горе съ этой культурой состояло въ недостаткѣ солнца. Въ III огородѣ на парникъ солнце заглядывало только въ 9 часовъ, а въ 2 часа уже уходило оттуда. Во всѣхъ другихъ огородахъ дѣло было не лучше. Поповъ облюбовалъ себѣ мѣсто на старомъ дворѣ, возлѣ «сарая», гдѣ солнце свѣтило чуть не вдвое дольше и, поторговавшись, какъ водится, съ администраціей, заложилъ сначала тамъ небольшую яму. Это было скромное начало, за которымъ послѣдовало блестящее развитіе. Въ 1904 году, когда насъ по-

гнали съ того двора и заставили переносить всѣ парники опять къ себѣ въ огородъ, я насчиталъ тамъ ровно 52 парниковыхъ рамы разной величины. Частью это было наслѣдство отъ уѣхавшихъ. Но строительныя работы въ этой области никогда не прекращались, и каждый годъ появлялись новыя рамы и новыя срубы. Въ это время большая часть первыхъ рамы уже отслуживала свой вѣкъ, и мы замѣнили ихъ новыми, сдѣланными болѣе прочно, какъ разъ для того, чтобы бросить ихъ тамъ навсегда. Навѣрное, этимъ наслѣдствомъ, безъ нашего дозволенія и завѣщанія, воспользовался кто-нибудь изъ близкихъ къ жандармскому міру. Стекла сначала рѣзали намъ жандармы и солдаты, а затѣмъ мы купили свой алмазъ, и я скоро обучился дѣйствовать имъ.

Въ парникахъ всякій насаждалъ то, что ему нравилось, кто руководясь только личными вкусами, а кто, войдя въ соглашеніе съ другими, съ цѣлью поставлять товаръ на цѣлую компанію. Больше всего тутъ трудился тотъ же М. Р. Поповъ, за что Поливановъ и острилъ надъ нимъ, что онъ приговоренъ къ «каторжнымъ работамъ въ парникахъ безъ срока». Онъ же, вмѣстѣ съ С. Ивановымъ, не разъ побивалъ рекордъ, доставляя на какое-нибудь наше празднество дыню либо арбузъ собственнаго издѣлія. Но самой распространенной культурой, насаждаемой всѣми безъ исключенія, были, конечно, огурцы, которые въ хорошее лѣто появлялись въ количествѣ, превосходящемъ потребность въ нихъ. Въ послѣднее напр. лѣто ихъ было такъ много, что мы съ ранней весны и въ теченіе всего лѣта сдавали ихъ своей администраціи «на книжку», а потомъ осенью получали отъ нея соотвѣтствующій эквивалентъ огурцами же (для солки) или фруктами. Послѣ такихъ успѣховъ, какихъ мы достигли съ парниками, долженъ казаться дѣтской забавой мой первый ящикъ съ промасленной бумагой, въ которомъ редисъ могъ вырасти только къ 9 мая. Теперь мы старались на спортъ и получали его иногда къ 1 апрѣля, а первые огурцы къ 1 мая. Въ послѣдній годъ П. Л. Антоновъ заложилъ свой парникъ уже въ началѣ февраля и имѣлъ зелень въ мартѣ. Для парниковъ специально покупался конскій навозъ, который привозили изъ города рано, иногда въ январѣ, пока ледъ на рѣкѣ былъ надеженъ. А всего требовалось намъ, въ эпоху расцвѣта, возовъ до 60-ти, и взимали за нихъ по 50—60 коп. за маленькій возъ.

IV.

Первый опытъ расширенія земледѣльческой площади былъ сдѣланъ очень рано и состоялъ въ захватѣ «песковъ» подъ культуру. Форменные «пески» существовали при мнѣ, должно быть, только одно лѣто, т. е. только при Иродѣ. Еще годъ или два они сохраняли прежній пустынный видъ, но трава уже не искоренялась, и кое-гдѣ свободно пробивались сквозь толщу песка

кустики зелени. Само собой являлось желаніе превратить эти пустоши въ культурную площадь. Но какъ ни естественно и ни похвально это желаніе, оно встрѣтило со стороны начальства полное неодобреніе, и только послѣ неоднократныхъ настояній разрѣшено было сдѣлать и въ клѣткахъ по узенькой грядкѣ, и то исключительно вдоль заборовъ. И у меня осталось въ памяти, точно «событіе» особой важности, какъ мы съ Лукашевичемъ впервые вонзили лопаты (уже желѣзныя!) въ песчаную грудь своего стояла, и затѣмъ совершенно негодный каменистый грунтъ превратили въ сносную культурную почву. Кончилось, конечно, тѣмъ, чѣмъ и должно было кончиться: торжествомъ разума надъ нелѣпностью. «Пески» были засажены вплотную, и такъ какъ солнца въ нихъ было очень мало, то сюда помѣщали больше кустарники и деревья (сирень, рябина, черемуха, смородина, малина, яблоня), верхушки которыхъ достигали желаннаго свѣта.

Должно быть, въ концѣ концовъ изъ нашихъ стоялъ получились уголки, не лишённые привлекательности, особенно, если взглянуть на нихъ, конечно, лѣтомъ, издали и сверху. Но эти уголки до такой степени опротивѣли намъ своей безысходностью и повторяемостью, что мы совсѣмъ не замѣчали созданной нами поэтической прелести. Жандармы не переставали вносить въ наши насажденія свое специально жандармское содѣйствіе. Такъ, если тотъ или другой кустъ имъ почему-либо не нравился (можетъ быть, давалъ слишкомъ густую зелень, непроницаемую для ихъ глазъ), они тайно въ наше отсутствіе подливали подъ корень кипятку, и черезъ нѣсколько дней хозяинъ, лелѣявшій свой кустарникъ, и, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ ботаническій видъ, замѣчалъ, что его насажденіе быстро и безъ всякой причины засыхаетъ. Исслѣдованіе почвы обнаруживало, что близъ корней она была истыкана ломомъ и въ сдѣланныя такимъ образомъ ямки наливался кипяткокъ изъ чайника. Такой «культуркампфъ» особенно практиковался при полковникѣ Яковлевѣ и, по всей вѣроятности, былъ продуктомъ его изобрѣтательнаго ума.

V.

Не мало труда потрачено было нами на то, чтобы всѣ свои мѣста для прогулокъ превратить въ удобный для этой цѣли видъ. Въ позднѣйшей инструкціи было сказано, что «заключенные гуляютъ въ особо для сего назначенныхъ дворикахъ». А были ли эти дворики защищены отъ дождя, снѣга, слякоти, наводненія и грязи, объ этомъ въ инструкціи не говорилось, а на практикѣ игнорировалось.

Теперь я совсѣмъ не представляю себѣ, какъ мы гуляли въ первые годы во время дождя и слякоти безъ малѣйшаго прикрытія. Помню, какъ въ III огородѣ мы съ Лукашевичемъ устроили «бесѣдку» изъ хмѣля, который надъ головой образовалъ густое сплетеніе, не пропускавшее свѣта. Временно онъ защищалъ и отъ

дождя, но скоро съ такой крыши начинало течь за шею. Со временемъ, научившись мастерству, мы понадѣлали себѣ досчатыхъ навѣсовъ по всѣмъ клѣткамъ и огородамъ. И много было потрачено остроумія, творческихъ силъ, художественныхъ способностей, труда и усердія на созиданіе этихъ навѣсовъ! Здѣсь, какъ и всюду, насъ учила практика, скоро показавшая намъ, что наши первые навѣсы были съ большой «протекціей», особенно послѣ лѣтнихъ жаровъ, отъ которыхъ коробились и трескались тонкія доски. А потому мы стали крыть ихъ потомъ желѣзомъ, либо толемъ. Не мало и я лично соорудилъ такихъ навѣсовъ. Помню, я имѣлъ удовольствіе сдѣлать таковое убѣжище для Вѣры Николаевны въ углу въ 1-ой клѣткѣ, съ точеными колонками и клѣтчатой рѣшеткой, которая лѣтомъ вся обростала хмѣлемъ, и имѣлъ же удовольствіе пережить потомъ это сооруженіе, которое было разрушено временемъ и гнилостными бактеріями. Въ послѣдніе годы, когда насъ было почти столько же, сколько и клѣтокъ, каждый имѣлъ для себя особое убѣжище, гдѣ онъ по желанію могъ уединиться, и гдѣ онъ устраивалъ по своему вкусу столикъ, шкапикъ, полки, скамью или кресло и прочія принадлежности, требуемыя преобладающимъ родомъ его занятій.

Устроивши первымъ долгомъ мѣста для сидѣнья, устроили потомъ и дороги для ходьбы. При постоянныхъ перекопкахъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, особенно на старомъ дворѣ, гдѣ рылись ямы для парниковъ, у насъ накоплялось много известковыхъ плитъ разной величины, формы и толщины. Такъ какъ стѣны крѣпости сложены изъ этого плитняка, то на землѣ, очевидно, валялись остатки матеріаловъ, не пошедшихъ въ свое время въ дѣло. Отчего бы не употребить этотъ матеріалъ, данный природой, въ качествѣ мостильнаго? И вотъ начинается возка плитъ на тачкѣ и носка ихъ на носилкахъ, а затѣмъ изученіе мостильнаго дѣла прямо на практикѣ. На это способенъ былъ всякій, хотя ворочать тяжелыя плиты было не всякому подъ силу. Задача состояла въ томъ, чтобы плиты неравной толщины уложить въ одной плоскости, и плиты произвольной формы подобрать такъ, чтобы онѣ легли вплотную другъ къ другу. Затѣмъ нужно было устроить потребный скатъ для дождевыхъ и весеннихъ водъ. А такъ какъ огороды и клѣтки мѣняли хозяевъ, и у cadaго хозяина появлялись новые планы и новое размѣщеніе насажденій, то мостовыя наши такъ же передвигались съ мѣста на мѣсто, какъ и цѣлые кустарники. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что, несмотря на наше стараніе, въ осеннюю непогоду не легко было найти дорожку, гдѣ бы можно было ходить по суху, ибо наши самодѣльные тротуары отнюдь не были похожи на тѣ, которыми гордится Невскій проспектъ, хотя и очень близко напоминали тѣ, какіе преобладаютъ напр. въ городѣ Уфѣ.

Послѣ всего сказаннаго для всякаго будетъ очевидно безъ поясненій, что у насъ на дворѣ шла непрерывная строительная

и реформаторская дѣятельность: къ ней большинство стремилось инстинктивно, какъ къ единственному спасительному средству, поддерживавшему въ насъ физическую бодрость.

VI.

Я уже говорилъ ранѣе, какъ сильно было на первыхъ порахъ стремленіе къ свѣжему воздуху и желаніе удлинить прогулку какъ можно долѣе. И когда всѣ стали гулять по двѣ смѣны (8—12 ч.), т. е. все время до обѣда, этого казалось еще мало, и потому не разъ поднимался вопросъ, какъ бы устроить прогулку и послѣ обѣда. Я помню только, какъ я получилъ отъ полковника рѣшительный отказъ на такую просьбу. Онъ завѣрялъ, что никакъ не можетъ сдѣлать этого, потому что ему предписаны изъ департамента прямо опредѣленные часы для прогулокъ. Современемъ, однако, съ этимъ предписаніемъ было поступлено такъ же, какъ поступаютъ на Руси со всякимъ предписаніемъ: предають его забвенію. И въ этомъ дѣлѣ большую услугу оказали намъ наши парники. Всю весну нужно было ихъ закрывать матами на ночь, что дѣлалось, смотря по температурѣ, между 3 и 6 часами вечера. Очевидно, специально для этого нужно было выпускать на дворъ. Такъ какъ парники встрѣтили благосклонное отношеніе и даже поощреніе свыше, то для этого не дѣлалось никакихъ препятствій. Процедура эта продолжалась сначала минуты по 10, и выходили сначала только хозяева парниковъ. Затѣмъ, минуты эти, столь пріятныя послѣ душевой камеры, стали растягивать; начали выходить, якобы къ парнику, и тѣ, кому просто только хотѣлось освѣжиться; наконецъ, глядя на многихъ, стали выходить всѣ и кончили тѣмъ, что узаконили и ввели въ норму послѣобѣденную прогулку. Такимъ образомъ, лѣтомъ мы получили возможность проводить на дворѣ почти весь день отъ 8 до 6¹/₂ часовъ, съ перерывами по одному часу на обѣдъ и чай. А одно лѣто, по добротѣ Гудзя, насъ выпускали даже послѣ ужина съ 7¹/₂ часовъ на 1 часъ или ¹/₂ часа, смотря по времени захода солнца.

Но такова натура человѣка: его больше соблазняетъ недозволенное. Получивши желаемое, мы, за немногими исключеніями, не пользовались тѣмъ, чтобы проводить цѣлые дни на дворѣ. Увлеченіе ремеслами никакъ нельзя было совмѣстить съ прелестями свѣжаго воздуха и пр. Кто работалъ въ мастерской, тотъ неизбѣжно долженъ былъ лишать себя удовольствій прогулки. А потому, освѣжившись на дворѣ столько времени, сколько ему требовалось, онъ уходилъ работать. Но возможность выйти изъ камеры на дворъ въ любое время и снова вздохнуть свѣжимъ воздухомъ была уже великимъ благомъ, которое тѣмъ необходимо было для работающаго, что послѣ иной шлифовки въ тѣсной камеркѣ ему пришлось бы тамъ совсѣмъ задыхаться. Я, какъ работающій въ очкахъ, постоянно имѣлъ случай убѣждаться, по

осаду пыли на ихъ стеклахъ, до какой, такъ сказать, насыщенности доходила атмосфера въ такихъ невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ мы работали. И сколько мы ни добивались устроить приспособленныя для работъ помѣщенія, такъ и уѣхали не добившись. Конечно, и сами мы дѣлали попытки устроиться съ верстакомъ на дворѣ, но за разными неудобствами это не удалось, и только кузница, какъ ей и полагается, помѣщалась на дворѣ и дышала воздухомъ во всю. Нерѣдко располагались на дворѣ съ какими-нибудь деталями работъ, не требовавшими большихъ станковъ, особенно съ переплетными, каковы: разборка и сшивка книгъ, обрѣзка ихъ и пр. Для этого выносились туда цѣлыя партіи книгъ и оставлялись подъ какимъ-нибудь утлымъ прикрытіемъ. Но налетѣвшій въ наше отсутствіе шкваль или неожиданная тучка подчасъ вносили много переполоху въ эти книжные залежи на дворѣ. А весной ими не брезговали и галки, таскавшія бумагу на устройство своихъ гнѣздъ.

VII.

По ходу разсказа, мнѣ волей-неволей приходится перебѣгать отъ впечатлѣній первыхъ дней къ позднѣйшимъ временамъ, чтобы прослѣдить, такъ сказать, эволюцію той или другой стороны нашей жизни. Возвращаюсь опять къ первому лѣту, хотя упомянуть его, кажется, больше нечѣмъ. Время дѣлилось на три неравныя доли: на дворѣ разговоры и споры съ Лукашевичемъ; на дворѣ же созерцаніе небеснаго свода въ одиночку, либо спокойное и поэтизирующее, либо тревожное и грустное, и, наконецъ, въ камерѣ, чтеніе и размышленіе, прерываемое приступами тоски и наплывомъ воспоминаній. Съ сосѣдями я пока не стучалъ, потому что не стучали они, знавшіе хорошо условія проходимости звуковъ, я же не прислушался еще къ звукамъ, идущимъ сверху, а внизу рядомъ сосѣдній вомеръ былъ пустой. Когда же лѣтомъ на время ремонта перевели въ него М. Ф. Фроленко, мы тотчасъ же вошли въ сношенія, и отъ него впервые узналъ я, кто здѣсь сидитъ и за что судился. Это обыкновенно первые вопросы, которые задаются въ тюремѣ сосѣду новопривывшимъ новичкомъ. А когда Фроленко возвратился опять на старое мѣсто, мы стали стучать съ Юрковскимъ, сидѣвшимъ надо мной, но украдкой, изрѣдка и по-немногу. Однако, какъ мы ни ухитрялись сдѣлать тайнымъ это преступное занятіе, мы были, очевидно, изловлены, потому что на другой день Соколовъ, выведя меня изъ тюрьмы, остановилъ на дорогѣ и сдѣлалъ конфиденціальное замѣчаніе. Очевидно, времена и нравы смягчались, ибо прежде, говорятъ, безъ всякихъ замѣчаній влекли за это въ карцеръ. Матвѣй Ефимычъ попробовалъ дѣйствовать силой убѣжденія, сказалъ почему-то нѣсколько лестныхъ словъ на счетъ моей образованности, точно желалъ подкупить меня ими, или убѣдить, что всякому образованному человѣку не должно быть свойственно

*

желаніе искать общенія съ себѣ подобными, и, должно быть, увидавши, что это не дѣйствуетъ, употребилъ обычный приемъ, затасканный уже имъ, а именно—выставилъ Юрковского сумасшедшимъ.

Дѣло стука отъ этого нисколько не измѣнилось, и новыхъ репримандовъ я уже не получалъ. Матвей Ефимычъ, должно быть, предчувствовалъ, что дни его сочтены. И дѣйствительно, съ его уходомъ на стукъ стали смотрѣть все легче и легче. Всегда курьезно видѣть, какъ тѣ же самыя власти, которыя еще недавно преслѣдовали какое-нибудь «преступленіе», затѣмъ сами начинаютъ поощрять его. Еще недавно мысль о введеніи въ Россію представительнаго правленія объявлялась чудовищной и возмутительной тѣми самыми лицами, которыя сами теперь (мартъ 1906 г.) не только организуютъ представительство, но даже заставляютъ во что бы то ни стало выбирать представитель. Точно также и у насъ, стукъ, жестоко преслѣдуемый и караемый, затѣмъ едва терпимый и игнорируемый, сталъ официально признаннымъ способомъ сношеній между нами, къ которому сама администрація обращалась въ экстренныхъ и спѣшныхъ случаяхъ.

Первое время, когда стукъ сталъ только что терпимымъ, мы стучали иногда цѣлыми часами. Лукашевичъ, напр., передавалъ Юрковскому стукомъ всю политическую программу социаль-демократической партіи въ томъ видѣ, какъ она тогда печаталась и была конфискована передъ самымъ нашимъ процессомъ. Послѣ, на мѣстѣ Юрковского сидѣла Вѣра Николаевна, и съ ней иногда мы «сумерничали» стукомъ, особенно въ пасмурные дни, когда читать нельзя было уже задолго до захода солнца, лампъ не давали, а длинные сумерки нужно было убить какъ-нибудь. Иногда же послѣ обѣда каждый ложился на свою кровать и, по данному стукомъ сигналу, тотчасъ оказывался въ «клубѣ», такъ какъ кровати четырехъ камеръ (2 вверху и 2 внизу) примыкали къ одной и той же стѣнѣ, звукъ по которой передавался и слышался привычнымъ ухомъ такъ, какъ будто бы потолка вовсе не было. Но и другіе ближайшіе сосѣди, хотя не такъ отчетливо, могли слышать разговоръ. Въ этомъ оригинальномъ «клубѣ» бесѣды длились по долгу, но были немногословны, ибо рѣчи, продолжавшіяся по 5 минутъ, состояли всего изъ 2—3 фразъ. Поэтому въ нихъ чаще преобладалъ легкій послѣобѣденный жанръ, гдѣ остроумная шутка встрѣчала наибольшее одобреніе, выражавшееся въ своеобразномъ смѣхѣ. Этотъ смѣхъ всякій, даже «не учившійся въ семинаріи», сумѣетъ воспроизвести, если простучить такъ ..... т. е. пять частыхъ ударовъ и три болѣе рѣдкихъ.

Самый принципъ разговора посредствомъ стука, изобрѣтенный, какъ говорятъ, декабристомъ Бестужевымъ, общеизвѣстенъ. Мы только немножко усовершенствовали его, введя массу сокращеній въ словахъ, напр. вмѣсто «хорошо», стучали «хр.», вмѣсто

«человѣкъ»—«чл.» и т. д. Наконецъ, темпъ ударовъ, по мѣрѣ на выка, все учащался, и нѣкоторые виртуозы дошли до такой степени совершенства, что ихъ стукъ для непривычнаго уха слышался, какъ сплошная трещетка, въ которой отдѣльные удары неразличимы. Вначалѣ стучали конечно косточкой указательнаго пальца, грифелемъ, или ложкой. Изобрѣтательные люди лѣпили нарочно изъ мякиша недопеченаго хлѣба орудіе въ видѣ толстой и короткой палочки, высушивали его на печкѣ и получали твердый «языкъ», чрезвычайно удобный для своей цѣли. А съ появленіемъ мастерскихъ каждый обзавелся какой-нибудь примитивной колотушкой. На первыхъ порахъ всѣ эти орудія отбирались во время субботнихъ обысковъ, а на заявленную претензію смотритель отвѣчалъ: «Стучать можно, но имѣть орудіе для стука нельзя». Очевидно, старались пока соблюсти такимъ образомъ пунктъ инструкціи, гласившей о ненарушимости тишины въ тюрьмѣ и показать, что они нарушеній ея не поощряютъ. Въ концѣ концовъ стучали чѣмъ угодно, а стукъ черезъ корридоръ, производившійся въ дверь, былъ такъ громокъ, что могъ разбудить мертваго.

VIII.

Но стукъ былъ первобытнымъ способомъ сношеній, крайне несовершеннымъ и потому весьма неудовлетворительнымъ. И потому мысль, запертая въ тиски и дѣятельная въ молодые годы, упорно искала выхода и становилась изобрѣтательной. Одинаковыя условія часто порождаютъ одинаковыя идеи. Въ 70-хъ годахъ, сидѣвшіе въ Домѣ Предварительнаго Заключенія по процессу 193-хъ, говорятъ, устраивали общіе клубы посредствомъ ватерклозетныхъ трубъ. Я не зналъ этого факта, когда самъ додумался до такого открытія. Додуматься же было чрезвычайно легко. Я сидѣлъ внизу и постоянно слышалъ, какъ вода, спускаемая верхнимъ жильцомъ бѣжитъ внизъ по трубѣ, которая, навѣрное, сообщается гдѣ-нибудь съ моей трубой. Попробовать ничего не стоило. Отъ стульчака непосредственно шла широкая труба съ просвѣтомъ около 1½ вершковъ, изогнутая въ самомъ началѣ въ видѣ буквы s.

Благодаря этому, въ изгибѣ стояла всегда вода и не пропускала изъ трубы газовъ внутрь камеры. Когда я выплеснулъ вонъ (посредствомъ тряпки) воду изъ колѣна, то сейчасъ же услышалъ громкое журчаніе ея,—она текла отъ какого-то сосѣда, очевидно, по общимъ трубамъ. Если сосѣдъ выплеснетъ и у себя воду, то всѣ звуки отъ него ко мнѣ и обратно пойдутъ по трубѣ полностью, и ни малѣйшій шорохъ не затеряется. Попробовать было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и мы съ Юрковскимъ, уговорившись сначала стукомъ, заговорили, наконецъ, человѣческой рѣчью. Какъ тайно мы это ни дѣлали (только во время раздачи обѣда и шума на коридорѣ), но, конечно, сейчасъ по-

пались. Между тѣмъ, идея уже облетѣла всѣхъ, и заговорили во всѣхъ углахъ. Трубы были такъ устроены, что общая канализация ограничивалась только однимъ угломъ зданія, съ другими же сообщенія не было. Благодаря этому всѣ, сидѣвшіе въ одномъ углу, оказались связанными въ одинъ «клубъ». Начальство, конечно, растерялось, но скоро поняло, что бороться съ этимъ «зломъ» не легко. Нужно или всѣхъ посадить въ карцеръ,—на что не хватить и карцеровъ,—или же сдѣлать генеральную перестройку всей канализации. Поэтому къ такому беззаконію оно долго относилось терпимо. Бывало, едва вызовешь своего сосѣда на это оригинальное интервью, какъ слышишь, въ сосѣднюю пустую камеру идетъ дежурный и также усаживается у ватер-клозета, всегда стоявшаго для этой цѣли наготовѣ, и напрягаетъ свое вниманіе къ нашимъ словамъ для донесенія по начальству о характерѣ этихъ поистинѣ подпольныхъ рѣчей. Я говорю подпольныхъ, потому, что трубы изъ каждой камеры шли въ подвалъ и только тамъ гдѣ-то соединялись общей трубой, такъ что звуки изъ верхней камеры ко мнѣ должны были сначала прогуляться внизъ, въ подполье, затѣмъ опять вернуться вверхъ. Несмотря на это, разговоръ на близкихъ разстояніяхъ былъ прекрасно слышенъ, даже шепотомъ. Иногда дежурный пробовалъ записывать для точности наши крамольныя рѣчи. Можно себѣ представить, что у него получалось, при снѣжности и неудобствѣ работы, да при его малограмотности!

Не скажу, чтобы мы особенно увлекались этой «телефоніей». Помнится, бывали періоды, когда не заглядывали въ нихъ по долгу. Все таки не легко было преодолевать естественную брезгливость! И только тяжкая доля, да глущая потребность общенія заставляли игнорировать такіа «условности». Нѣкоторые все таки выдерживали характеръ, и почти никогда не нисходили до общенія со своимъ ближнимъ посредствомъ трубы съ тлетворнымъ дыханіемъ. А дыханіе это было, хоть и не часто. Иные же относились къ этому вполне философски. Напр., у Юрковского съ Лукашевичемъ съ самаго же начала открылись самые горячіе программные дебаты, которые продолжались цѣлыми недѣлями. У меня случайно сохранился отрывокъ съ записью этихъ дебатовъ по числамъ, откуда вижу, что они велись непрерывно и начинались завтра прямо съ того, чѣмъ окончились вчера. Но когда первый жаръ обмѣна мыслей поостылъ, и знакомство установилось, неудобства такихъ сношеній стали ощущаться сильнѣе потребности въ нихъ. Хотѣлось не просто слышать голосъ, искаженный трубнымъ резонансомъ, а видѣть живого человѣка и говорить съ нимъ лицомъ къ лицу. Насколько прочно ассоціировалась въ насъ звуковая рѣчь говорящаго съ нами человѣка и зрительный образъ его, показываетъ то чувство неловкости, которое возникаетъ въ насъ, если мы вынуждены говорить постоянно съ невидимкой. Всѣ мы убѣдились въ этомъ еще разъ, когда къ намъ привезли Карповича, и на первыхъ порахъ мы

должны были говорить съ нимъ, стоя у двери его клѣтки, въ которой онъ былъ замкнутъ. Мы стояли, можно сказать, плечомъ къ плечу, разъединенные только доской двери. Получалось то, да не то!

Отчасти по этой причинѣ произошло само собой и охлажденіе къ «телефонамъ», и когда начальство черезъ годъ или два, наконецъ, задѣлало ихъ, прекративши сообщеніе между трубами посредствомъ какого-то подвального запирателя, мы нисколько не были на это въ претензій. Только благодаря этому запирателю промывка клозета сильно ухудшилась, на что мы многократно жаловались. Жалобы не принимались, потому что въ нашемъ желаніи уничтожить загражденіе, неудачно устроенное, жандармы видѣли умыселъ иной. Впослѣдствіи они уничтожили эти загражденія, но зато перемѣнили всѣ клозеты, и упомянутый выше изгнѣвъ, наполнявшійся водой, установили такъ далеко, что выплеснуть изъ него воду было почти невозможно. Дорого, должно быть, обошлась русскому правительству эта борьба съ преступными стремленіями заключенныхъ ко взаимобоженію!

IX.

Тѣмъ временемъ общеніе болѣе свободное налаживалось уже на дворѣ. Первымъ шагамъ на этомъ пути помогла сама природа. Заборы въ огородахъ были приставлены къ крѣпостной стѣнѣ подъ прямымъ угломъ. Какъ ни плотно были они къ ней пригнаны, но время сдѣлало свое. Заборъ немного осѣлъ и откатнулся отъ стѣны. Въ то же время съ наружной поверхности стѣны непрерывно осыпалась известь, служившая цементомъ при кладкѣ ея. И безъ того-то она была рыхлая, но подъ вліяніемъ атмосферныхъ агентовъ совсѣмъ разсыпалась. Нѣсколько ничтожныхъ операцій палкой, и въ стѣнѣ не трудно было выдолбить небольшую нишу. Если эта ниша приходилась какъ разъ въ углу, образуемомъ стѣной и заборомъ, то получалась лазейка въ сосѣдній огородъ, въ которую можно было просунуть руку.

Это былъ большой шагъ впередъ. Прежде, чтобы передать кому-нибудь записку или другую посылку, мы должны были пускаться на всевозможныя ухищренія: подкапываться подъ заборъ, если гуляли рядомъ, или зарывать въ огородную почву, среди рѣпы и капусты, если гуляли въ томъ же огородѣ послѣдовательно. Я помню, какъ Фекла производилъ дознаніе, допрашивая меня съ моей тетрадью въ рукахъ, которую онъ нашелъ въ камерѣ у Юрковскаго. Ему очень хотѣлось узнать, какимъ именно образомъ я ухитрился передать ее. Конечно, узнать ему не удалось. Но времена уже были не столь строгія, и возмездія за это преступленіе я не понесъ, хотя конфискованная тетрадь погибла для меня навѣки.

Когда мы съ Лукашевичемъ, при содѣйствіи ближайшихъ товарищей, выпустили въ свѣтъ свой первый опытъ тюремной

журналистики, мы долго ломали голову, какимъ образомъ передать эту книжку (она была въ переплетѣ) дамамъ. Между собой въ это время мы уже могли передавать, чередуясь въ свиданіяхъ другъ съ другомъ; пути же къ дамамъ и обратно были заграждены совершенно. Мы рѣшили передать не въ огородъ, гдѣ нелегко было закопать цѣлую книгу на глазахъ дежурнаго, а въ столярной мастерской, въ которую мы ходили по очереди съ дамами. Но такъ какъ тамъ каждый разъ производился тщательный обыскъ, съ цѣлью пресѣчь наши взаимныя сношенія, то мы нарочно для этой цѣли выдолбили двѣ доски въ видѣ футляра и, соединивши ихъ шипами (какъ это дѣлается при склейкѣ щитовъ), устроили конспиративное хранилище. Но воспользоваться имъ, кажется, не пришлось ни разу, ибо открытіе разныхъ новыхъ путей для сношеній шло впередъ очень быстро.

Теперь, съ образованіемъ между огородами отверстій, дѣло всякихъ передачъ сразу упросталось. Вообще присутствіе въ нашей средѣ дамъ сыграло огромную роль въ устраненіи преградъ, стоявшихъ на пути къ общенію. Не говоря уже о естественномъ стремленіи къ лицу другого пола, насъ постоянно раздражала та явная несправедливость, что дамы среди насъ поставлены были въ худшія условія, чѣмъ мы. Имѣть общеніе только съ однимъ человѣкомъ ежедневно десятокъ годовъ—на это не хватаетъ человѣческихъ силъ. Извѣстный Нансенъ только одну зиму провѣлъ съ глазу на глазъ съ Югансеномъ въ шалагѣ на землѣ Франца Иосифа, да и то, по собственному признанію, въ концѣ зимы они съ трудомъ выносили присутствіе другъ друга. Мы, мужчины, могли мѣнять товарищей по прогулкѣ, сначала рѣдко, потомъ все чаще и чаще, и, наконецъ, каждый день, и даже по нѣскольку разъ въ день. Получалось подобіе общественныхъ сношеній. Дамы же были безусловно лишены этого, и все, что онѣ могли себѣ позволить, это—переписка. На первыхъ порахъ, когда бумаги не было, эта переписка шла чрезъ двѣ—три руки (конечно, совершенно открыто) и передавалась стукомъ. Такъ напр., если Вѣрѣ Николаевнѣ нужно было передать нѣсколько строкъ старому другу или товарищу, который сидѣлъ на другомъ концѣ тюрьмы, положимъ въ 3-мъ углу, она стучала эти строки сначала мнѣ (первый этапъ). Я записывалъ ихъ подъ диктовку на аспидной доскѣ и на-завтра несъ ихъ на свиданіе товарищу, съ которымъ я гулялъ, и который жилъ, положимъ, во 2-мъ углу. Онъ переписывалъ эти строки въ свою аспидную доску и дома стучалъ ихъ сосѣду, который гулялъ съ товарищемъ, сидѣвшимъ въ 3-мъ углу (второй этапъ). Этотъ также записывалъ подъ диктовку и на слѣдующій день несъ ихъ своему товарищу, который также списывалъ и ужъ потомъ выстукивалъ дома адресату (3-ій этапъ). Письмо шло 2 либо 3 дня и чрезъ столько же времени, и тѣмъ же путемъ возвращалось назадъ.

Просьбы о томъ, чтобы перемѣстили на житѣ въ другую камеру, ближайшую къ человѣку, съ которымъ хотѣлось бы отвести

душу, въ первые годы встрѣчали постоянный отказъ. Если бы этотъ человѣкъ лежалъ на смертномъ одрѣ, и если бы ты хотѣлъ, сѣвши съ нимъ рядомъ, облегчить хоть стукомъ его послѣднія минуты, ты все-таки не получилъ бы этого утѣшенія. Всѣ человѣческія и самыя святыя чувства тутъ безжалостно попирались, и это не только въ сферѣ сношеній насъ другъ съ другомъ, въ которой власти могли еще кое-какъ опереться на формальное противорѣчіе такихъ «чувствъ» принципамъ одиночной тюрьмы. Что за нами не признавалась личность съ ея высшими запросами, это еще не удивительно: по каторжному положенію ты № такой-то и больше ничего! Но нашимъ властямъ этого было мало. Онѣ не скрывали отъ насъ, что въ ихъ глазахъ мы не только преступники, лишенные всѣхъ правъ, но и нравственные выродки, которымъ чуждо все человѣчное, благородное и высокое. Однажды онѣ особенно наглядно подчеркнули такое отношеніе къ намъ. Это было, кажется, въ 1892 г., когда мы узнали о голодѣ на Руси. Мы собрали всякія свои издѣлія, превратили ихъ въ деньги и просили начальника управленія (Гангарта) собранную такимъ образомъ сумму въ 25 руб. передать въ пользу голодающихъ. Онъ былъ почему-то очень тронутъ такимъ проявленіемъ нашихъ добрыхъ чувствъ, разсыпался въ благодареніяхъ и даже говорилъ, что это счастливѣйшій день въ его жизни. Но изъ департамента, куда онъ, вѣроятно, направилъ деньги, онъ получилъ выговоръ за это приношеніе. И при позднѣйшей попыткѣ повторить свою лепту (въ 1901 г.) мы встрѣтили отъ своей администраціи рѣшительный и упорный отказъ, со ссылкой на взглядъ департамента. Этотъ взглядъ тогда, точно такъ же, какъ и теперь, остается неизмѣннымъ: ты кровожадное чудовище; объ этомъ они всюду будутъ говорить и писать, и потому все, что рисуетъ тебя съ другой стороны, будетъ ими тщательно замазано и искажено.

Я уклонился въ сторону. Когда сажали нашихъ дамъ въ Шлиссельбургъ, конечно, не рассчитывали на долговременное ихъ тамъ пребываніе. Это была морилка, гдѣ людей «выводили въ расходъ», чтобы тотчасъ замѣнить ихъ новыми. Но оказалось, что тамъ приходится устраивать для долгоживущихъ продолжительный *modus vivendi* и притомъ неслыханный въ исторіи всѣхъ временъ симбіозъ лицъ разнаго пола. Такъ или иначе, мы числились осужденными по суду и, значить, отбывающими наказаніе, которое, очевидно, должно быть одинаково за одинаковыя преступленія. Это было такъ элементарно, что понятно даже департаментскимъ чиновникамъ, которыхъ самъ Яковлевъ обзывалъ нелестными для нихъ названіями. Что насъ возмущала полная изоляція нашихъ дамъ, которая усугубляла имъ наказаніе, это ихъ не удивляло. Но когда начались съ нашей стороны агрессивныя попытки добиться здѣсь нѣкотораго равноправія, они не могли отвѣчать репрессіями, чувствуя, что на этотъ разъ право, даже ихнее право, на нашей сторонѣ. Вотъ почему на расширеніе первыхъ отверстій и на разговоры возлѣ нихъ съ дамами они

смотрѣли сквозь пальцы, хотя еще недавно за малѣйшую попытку сказать на дворѣ 2 слова своему сосѣду прямо уводили домой.

Такъ вошли въ употребленіе естественныя отверстія, которыхъ было немного. Въ нихъ легко было не только говорить, но даже видѣть добрую половину лица сосѣда. Когда живешь съ человѣкомъ бокъ о бокъ, ведешь съ нимъ сношенія, но ни разу не видалъ его, желаніе взглянуть на него хоть однимъ глазкомъ особенно обостряется. *Такого* знакомаго мы непремѣнно представляемъ съ извѣстной внѣшней фигурой, и намъ хочется провѣрить себя и убѣдиться, насколько воображаемое подходитъ къ дѣйствительности. Еще ранѣе открытія этихъ отверстій, мы искали случаевъ для лицезрѣнія. И когда въ заборахъ, среди разсыхающихся досокъ стали появляться щели въ разныхъ мѣстахъ, мы пользовались ими изрѣдка, чтобы удовлетворить этой законной потребности. И я помню, съ какимъ чисто институтскимъ любопытствомъ я прильнулъ однажды глазомъ къ такой щели, чтобы взглянуть впервые на гуляющихъ рядомъ дамъ. Точно такимъ же образомъ и въ томъ же мѣстѣ (изъ IV огорода въ III-ий) Людмила Александровна однажды устроила намъ съ С. Ивановымъ «смотреть». Для того, чтобы оказаться въ полѣ лучей ея зрѣнія, мы должны были по ея указанію встать на скамью и стоять тѣсно рядомъ. Вѣроятно, у нея, какъ и у меня, изображеніе получалось со значительной интерференціей, благодаря уности щели.

X.

Это было начало. Тамъ, гдѣ помогаетъ природа, было бы странно, чтобъ не помогъ себѣ самъ человѣкъ. А потому естественно, что щели природныя расширились искусственно до предѣловъ возможнаго. Когда ихъ забивали, пластыри отбивали. И такъ какъ орудіемъ для этой цѣли служилъ иногда ломъ, то онъ вмѣстѣ съ пластыремъ отдиравъ и основную доску забора. Получался вмѣсто маленькой рыбки большой тараканъ. На дежурныхъ такіе разрушительные приемы производили ошеломляющее дѣйствіе, и они въ тревогѣ экстренно вызывали смотрителя. Смотрителемъ былъ Фекла—весьма недалекій, простоватый и трусливый старикъ, которымъ помыкало начальство, какъ хотѣло, и который вълѣдствіе этого тотчасъ таялъ, если ему напомнишь, бывало, объ его прерогативахъ. Онъ, между прочимъ, признавался въ минуту откровенности, какъ на него кричить и топчетъ ногами Дурново, и какъ онъ трепещетъ передъ своимъ строптивымъ начальствомъ. «Департаментъ, это — Богъ нашъ», сказалъ онъ мнѣ какъ-то тономъ глубокаго убѣжденія. Этой-то Феклѣ приходилось теперь отражать натиски, повторявшіеся ежедневно на заборы въ разныхъ углахъ.

Однажды прибѣжалъ онъ ко мнѣ въ такую критическую минуту (я былъ старостой), сильно взволнованный, и началъ жаловаться, что мои товарищи ломаютъ казенныя вещи, и ему ничего

не остается, какъ сейчасъ же дать телеграмму въ департаментъ. Начались переговоры, въ результатѣ которыхъ оказалось, что если онъ не хочетъ, чтобы проломали большія окна, долженъ согласиться на маленькія и оставить ихъ неприкосновенными. Такимъ образомъ, окна, уже прорѣзанныя, рѣшено было сохранить и не забивать, а гдѣ не прорѣзаны, предоставить хозяевамъ прорѣзывать по своему усмотрѣнію, но не шире указанныхъ размѣровъ, — величиной, примѣрно, въ книгу средняго формата. Удовольствие, завоеванное нами, было не высокаго калибра. Представьте себѣ дыру въ двойномъ толстомъ заборѣ, на высотѣ лица сидящаго человѣка. Въ эту дыру можно было видѣть фигуру человѣка на близкомъ разстояніи только по частямъ. Лѣтомъ застѣданіе у этой дыры шло легко, гладко и приятно. Зимой же оно было почти несносно: неподвижное пребываніе на снѣгу, при нашей истощенной организаціи, трудно было вынести больше $\frac{1}{4}$ часа подъ рядъ безъ серьезнаго риска. Мы, мужчины, большею частью довольствовались случайными собесѣдами, и только въ рѣдкихъ случаяхъ собирались для какихъ-нибудь бесѣдъ послѣ предварительнаго соглашенія. Дамы же назначали себѣ почти ежедневно пару или двѣ собесѣды, чередуя ихъ постоянно между собой. Тогда то именно и расцвѣли променадамейстерскія функціи.

О послѣднихъ я забылъ сказать ранѣе, что къ нимъ относилось не только самое комбинированіе гуляющихъ и составленіе расписанія для вахмистра, но и отпечатываніе ихъ въ столькихъ экземплярахъ, сколько было у насъ налицо душъ. Дѣлалось это посредствомъ копировальной бумаги, которая давала до 9 хорошихъ оттисковъ сразу, и значить нужно было переписать то же расписаніе ежедневно разъ пять. Когда мы вошли въ променадамейстерскую организацію, каждый утратилъ частицу своихъ правъ на самого себя: онъ не только самъ назначалъ себѣ мѣсто и товарища, но и былъ назначаемъ по заказу другихъ, или по усмотрѣнію самого мастера. Полезно было знать заранее, гдѣ и съ кѣмъ придется завтра быть на той или другой смѣнѣ. Отсюда понятна надобность въ ежедневныхъ изданіяхъ променадамейстерскаго листка, который онъ разсылалъ всѣмъ черезъ того же вахмистра. Какъ кажется, это было первое начало передачи записокъ другъ къ другу черезъ нашу полицію. Впослѣдствіи она постоянно и регулярно исполняла обязанности почтальоновъ, передавая не только то, что писалось относительно нашихъ текущихъ нуждъ, но и то, что совершенно выходило за предѣлы ихъ. Только наши корреспонденціи никогда не назывались письмами, а всегда «записками».

При этихъ окошкахъ въ первый разъ былъ сдѣланъ въ III огородѣ весьма скромный опытъ празднованія дамскихъ именинъ, при усердномъ содѣйствіи покойнаго Н. Д. Похитонова, великаго охотника и мастера сихъ дѣлъ. На свою долю я взялъ декоративную часть устройства не то шатра, не то будки изъ зелени и цвѣтовъ. Впослѣдствіи это дѣло расцвѣло, попавши въ болѣе

опытныя руки; и особенно декоративная часть иногда достигала высокой степени совершенства.

При этихъ же окнахъ мы устроили, и тоже въ III-мъ огородѣ, первую и послѣднюю свою сельско-хозяйственную выставку. На импровизированномъ помостѣ поперекъ всего огорода, накрытомъ простынями, помѣщались горы овощей всевозможныхъ видовъ и сортовъ. Надъ каждымъ продуктомъ значилось имя его хозяина и вѣсъ или объемъ, всегда очень внушительный. Эти вѣсовыя записи съ выставки у меня хранились случайно до послѣднихъ дней, и, къ сожалѣнію, были сожжены вмѣстѣ съ другимъ хламомъ наканунѣ отъѣзда. А то мы теперь могли бы предъявить ихъ какому-нибудь «Отдѣлу земельныхъ усовершенствованій» и требовать отъ него поддержки и поощреній сообразно нашимъ доказаннымъ успѣхамъ и талантамъ. И эти успѣхи были достигнуты всего черезъ какіе-нибудь 4—5 лѣтъ послѣ того, какъ мы съ Лукашевичемъ такъ не блестяще дебютировали съ первой брюквой. Выставку посѣтилъ Гангартъ и прочіе чины нашей администраціи, выразилъ не малое удивленіе нашему искусству, одобреніе усердію и пожелалъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

XI.

Видя такое вниманіе начальства, мы ополчились противъ самаго большого мѣста нашихъ огородовъ—противъ высокихъ заборовъ. Когда я говорю «мы», подъ этимъ обыкновенно разумѣю какое-нибудь коллективное мѣропріятіе, предпринятое по взаимному соглашенію. Когда стало возможнымъ устраивать такое соглашеніе путемъ взаимныхъ переговоровъ, мы обыкновенно рѣпали каждый за себя, что такія-то и такія-то лица, наиболѣе заинтересованныя въ задуманной реформѣ, позовутъ разомъ начальника управленія и, путемъ устнаго убѣжденія, начнутъ воздѣйствовать на него въ желаемомъ смыслѣ. Чѣмъ больше было количество лицъ, повзавшихъ его, тѣмъ вѣрнѣе бывалъ успѣхъ. Вопросъ, такимъ образомъ, освѣщался со всевозможныхъ сторонъ, и коллективная аргументація, складываясь въ одной и той же головѣ, производила максимальный эффектъ. Если дѣло превышало компетенцію мѣстныхъ властей, онѣ обѣщали въ бытность въ Петербургѣ «ходатайствовать» тамъ за наши интересы, и рѣшеніе привозилось уже оттуда. Гангартъ велъ дѣло довольно самостоятельно и бралъ на свой рискъ такія нововведенія, на которыя болѣе робкіе преемники его никакъ не осмѣливались. И только единственный, кажется, разъ ему пришлось вскорѣ же прекратить такое нововведеніе по требованію департамента: онъ согласился абонироваться для насъ въ Петербургѣ въ общественной библіотекѣ Иванова, и мы уже нѣсколько разъ получили и обмѣняли книги, какъ вдругъ «зло» было пресѣчено въ корнѣ.

Такимъ же путемъ мы открыли походъ и противъ заборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, у солнечнаго забора, по узкой полосѣ, доступной лучамъ солнца, овощи росли хорошо. Въ тѣни же, у тѣневого забора, ничего не выходило.

Заборъ этотъ отънялъ почти половину огорода и, такимъ образомъ, лишалъ насъ простора, столь необходимаго въ нашихъ полезныхъ и плодотворныхъ трудахъ. Резоны, приведенные съ нашей стороны, были настолько убѣдительны, что Гангартъ внялъ имъ и приказалъ унтерамъ снять верхнюю часть забора (3—4 доски), высотой въ 1 арш., а въ клѣткахъ понизилъ еще болѣе и всюду вмѣсто снятой части устроилъ деревянную рѣшетку изъ вертикально поставленныхъ брусковъ, толщиною въ одинъ вершокъ. Когда былъ произведенъ первый опытъ пониженія съ однимъ заборомъ, и Фекла увидалъ въ натурѣ плодъ либеральнаго предписанія, онъ пришелъ въ большое волненіе. Помилуйте! Если немного приподняться, то можно видѣть все, что дѣлается въ сосѣднемъ огородѣ! Но волненіе его скоро успокоили, — на то онъ и былъ Феклой; а когда заборы всѣ были передѣланы, то въ укромныхъ уголкахъ, гдѣ предполагалось сидѣть и бесѣдовать съ сосѣдями, появились платформы собственнаго издѣлія на такой высотѣ, какая требовалась въ интересахъ удобства сношеній. Конечно, долгіе дипломатическіе переговоры велись изъ-за каждаго такого помоста, и каждый вершокъ высоты его отстаивался рѣшительно, какъ вообще въ дипломатическихъ сношеніяхъ — доводами важными, убѣдительными и неотразимыми: одинъ боялся сырости, и потому устраивался выше почвы, другой вспоминалъ про зимніе заносы и заботился о томъ, чтобы помостъ всегда былъ сухъ и расположенъ выше толстаго слоя снѣга, третій былъ слѣпъ и тянулся къ солнцу и т. д. На этотъ разъ дипломатія тоже одержала верхъ. И платформы были устроены въ такомъ расчетѣ, чтобы стоя на нихъ можно было быть лицомъ къ лицу съ сосѣдями, отдѣленными только одной рѣдкой рѣшеткой¹⁾. Отъ дождя платформы были защищены навѣсами, которые установили выше заборовъ; и такимъ образомъ расширеніе сферы сношеній сдѣлало еще большой шагъ впередъ и было обставлено всѣми удобствами, какія только допускало мѣсто, засаженное всюду разными растеніями.

Наибольшія удобства давалъ единственный пунктъ, гдѣ соприкасались 5 и 6 клѣтки съ I огородомъ, и гдѣ могли совместно бесѣдовать 6 человекъ, и всѣ шестеро говорить еще съ двумя помѣщавшимися въ 4-й клѣткѣ. И подобно тому, какъ всюду удобства мѣстности предопредѣляютъ судьбы великаго города, такъ и у насъ образованіе настоящаго «клуба» было предначертано, такъ сказать, самой природой. Здѣсь-то и протекала отнынѣ вся наша публичная жизнь, пока черезъ нѣсколько лѣтъ для нея не нашлось другого, еще лучшаго мѣста. И здѣсь не только читались рефераты и лекціи и происходили всевозможные предметные уроки изъ области науки и техники; сюда приносилась даже иногда классная доска (обычно висѣвшая у

¹⁾ Разстояніе между брусками, составлявшими эту рѣшетку, было установлено администраціей — въ томъ расчетѣ, чтобы въ промежутки нельзя было просунуть голову.

Морозова въ камерѣ), гдѣ Лукашевичъ наглядно изображалъ разныя мудренныя вещи, бывшія предметомъ интереса для собравшихся слушателей. Впрочемъ начало нашимъ «ученымъ» занятіямъ было положено въ менѣе удобной обстановкѣ въ III огородѣ, и инициаторомъ ихъ былъ я, открывшій для своей огромной аудиторіи (въ 5 человекъ) курсъ чтеній по русскому государственному праву, точнѣе—объ учрежденіяхъ земскихъ и крестьянскихъ. Шли они, впрочемъ, довольно вяло, что зависѣло въ равной мѣрѣ, какъ отъ предмета, такъ и отъ лектора, читавшаго исключительно по запискамъ. Впослѣдствіи самымъ усерднымъ насадителемъ и организаторомъ этихъ лекцій всегда была Вѣра Николаевна, сохранившая до конца самый живой интересъ ко всевозможнымъ отраслямъ знанія и искусства и проявлявшая много настойчивости и упорства въ преслѣдованіи своихъ художественныхъ и научныхъ цѣлей. Особенно много усердія обнаруживала она въ стремленіи овладѣть предметомъ, который наименѣе поддавался ея усиліямъ. И было время напр., когда кристаллографическія системы и изученіе ихъ на моделяхъ (работы Лукашевича) составляли не только злобу дня, но и преобладающій интересъ въ совмѣстныхъ свиданіяхъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Тогда термины: «икоситетраэдръ» и «базопинакоидъ», «геміэдрія тетартоэдрическая и скаленоздрическая» оглашали воздухъ по цѣлымъ часамъ къ великому изумленію и смущенію нашихъ унтеровъ, которые должны были по долгу службы доносить о всѣхъ нашихъ разговорахъ, и едва ли могли повторить съ приблизительною правильностью эти необыкновенно странныя названія.

Впрочемъ, чтобы читатель не подумалъ, что мы въ клубахъ только и дѣлали, что занимались науками, я долженъ предупредить, что эти занятія были все же исключеніемъ, которое остается въ памяти, какъ явленіе, выходящее изъ ряду вонъ. Обычно же въ клубѣ занимались простыми разговорами на всевозможныя злободневныя темы, главнымъ же образомъ, изъ области свѣжихъ и старыхъ административныхъ мѣропріятій, или изъ области только что прочитанныхъ журнальныхъ хроникъ. Это называлось общѣномъ «новостей» и переходило часто въ пренія, которыя сопровождались галдѣніемъ. Оттого за клубомъ, особенно въ послѣднее время, все больше и больше упрочивалось менѣе лестное названіе «толкучки».

При всякомъ клубѣ, говорятъ, полагается и буфетъ. Устранялся онъ здѣсь и у насъ, конечно въ исключительныхъ случаяхъ, раза 3—4 въ годъ, съ крѣпкими напитками, или безъ оныхъ, смотря по политическому барометру. Хозяйками при этомъ были, конечно, дамы, сначала обѣ, а потомъ одна Вѣра Николаевна а организаторами и исполнителями—всѣ, чувствовавшіе себя особо одаренными въ области кулинарныхъ искусствъ, относимыхъ почему-то до сихъ поръ къ разряду неизящныхъ. Такъ какъ мы были народъ безъ предрасудковъ, и притомъ «ничто человѣческое намъ не было чуждо», то въ нашей жизни было не безъ

крайностей, и сторонний наблюдатель (если бы онъ былъ возможенъ) не безъ ужаса усмотрѣлъ бы, какъ иной даровитый субъектъ, только что набившій парникъ навовомъ, шелъ затѣмъ къ себѣ и приготовлялъ безе. А другой, еще болѣе даровитый, ободравши крысу и сдѣлавши изъ нея прекрасное чучело, вслѣдъ затѣмъ созидалъ не менѣе очаровательный и весьма живописный тортъ. Конечно, слухи о такихъ празднествахъ, вѣроятно, преувеличенные, доходили до департамента, и директоръ Зволянской съ большимъ укоромъ выговаривалъ смотрителю Дубровину:

«Они тамъ у васъ цѣлые фестивали устраиваютъ!»

XII.

Здѣсь будетъ умѣстно разсказать кстати и конечную судьбу нашихъ череззаборныхъ сношеній. Съ появленіемъ у насъ Яковлева и воцареніемъ на Руси Плева, наши прежніе порядки, какъ слишкомъ либеральные, скоро пошли на смарку. Осталася конституція, но сугубо куца. Заборы, очевидно, мѣшали крѣпко спать Яковлеву, какъ поклоннику старыхъ традицій, вѣроятно, слыхавшему отъ мудрыхъ людей, что правило «*divide et impera*» никогда не старѣетъ. Къ этому времени наши заборы уже порядочно подгнили, хотя стояли еще прочно на своихъ мѣстахъ и простояли бы еще хоть 5 лѣтъ. Но новая метла всегда чисто мететъ, и потому рѣшено было эти заборы замѣнить другими. Кому же неизвѣстно, что всякая новая постройка для чиновниковъ—чистая находка, и что въ частности жандармское вѣдомство, какъ удостовѣрилъ насъ военный инженеръ, часто пріѣзжавшій туда по поводу ремонтовъ, «любитъ строиться». Моментъ былъ очень удобенъ для того, чтобъ не только организовать новую постройку, т. е. получить деньги, но и усердіемъ въ надстройкѣ заборовъ доказать, такъ сказать, свою плевеальность (я чуть не сказалъ—свою лояльность).

По привычкѣ дѣйствовать тайно (онъ всячески ухитрился скрыть отъ насъ даже рожденіе наслѣдника), не предупредивъ насъ заранее, точно готовилъ пріятный сюрпризъ, онъ въ одинъ прекрасный день весной 1903 г., сломалъ заборы VII и VIII огородовъ, которые были недавно еще строены и отнюдь не требовали ремонта, и воздвигъ на ихъ мѣсто другіе, ровно въ 4 арш. высотой, уничтоживши рѣшетку совершенно. Мы предъявили къ нему коллективную претензію и, должно быть, многіе наговорили ему не очень лестныхъ для него вещей, судя по тому, что у меня, послѣ всѣхъ, онъ былъ необычайно красенъ и общался, какъ всегда, поѣхать въ Петербургъ и хлопотать въ нашу пользу. Оттуда онъ привезъ резолюцію—сохранить рѣшетки, но не во всякомъ огородѣ, какъ было ранѣе, а черезъ огородъ. Высота же заборовъ осталась, какъ онъ выстроилъ, въ 4 арш. Благодаря этому, у новыхъ заборовъ рѣшетка должна была начаться тамъ, гдѣ у старыхъ была верхушка всего забора. Все было

устроено какъ будто нарочно для того, чтобы доставить намъ побольше неудобствъ. Подняться выше, до возможности говорить опять сквозь рѣшетку, было не трудно, хотя бы для этого понадобилось дѣлать спеціальныя лѣстницы. Но для достиженія цѣли это было всетаки очень неудобно. Затѣмъ стоять и говорить было легко еще въ ясную погоду, а въ дождь общеніе должно было прекращаться, потому что навѣсы, по требованію Яковлева, мы должны были устроить ниже рѣшетокъ.

Много труда было потрачено на то, чтобы преодолѣть всѣ эти препоны и устроить хоть что-нибудь практичное, главнымъ образомъ для Вѣры Николаевны, которая давно была у насъ одна и, не имѣя возможности официально видѣться съ мужчинами, должна была, послѣ 20 лѣтъ заключенія, очутиться опять въ полномъ одиночествѣ. Яковлевъ, конечно, понималъ это, тѣмъ болѣе, что Н. П. Стародворскій предупредительно напомнилъ ему, какъ онъ ломалъ прежніе заборы ломомъ подъ вліяніемъ совершенно аналогичныхъ побужденій. И потому, затруднивши, елико возможно, пользованіе рѣшетками (можетъ быть, для уничтоженія «фестивалей!»), онъ все же не запрещалъ намъ цѣпляться за нихъ подобно акробатамъ и дѣлать для этого кой какія передвижныя и переносныя приспособленія.

Когда началась «эпоха довѣрія», осенью 1904 г. Яковлевъ, какъ было сказано, выжилъ-таки насъ съ того двора, гдѣ процвѣтала наша парниковая культура, очевидно, приготовляя его заранѣе подъ лобное мѣсто.

Но чтобы не лишитъ насъ окончательно парниковъ, онъ распорядился устроить для нихъ спеціальныя дворикъ, разгородивши для этой цѣли заборы у I огорода между II огородомъ 5 и 6 клѣткой.

И эти новые заборы, такъ прочно и основательно воздвигавшіеся всего годъ назадъ, тѣ же самые солдаты, которые строили ихъ, съ большимъ трудомъ извлекли изъ земли (столбы вкопаны были очень глубоко) и увезли со двора.

Тогда же, подъ горячую руку, онъ обѣщалъ и понизить только что повышенные заборы. Это дало поводъ Н. А. Морозову сострить, что передъ манифестомъ нарочно повысили заборы, чтобы имѣть возможность «даровать» намъ что-нибудь послѣ манифеста.

Но наши взоры въ это время были устремлены уже за предѣлы крѣпости, гдѣ разыгрывалась трагедія повыше нашихъ заборныхъ передрагъ, и гдѣ рѣшались судьбы и насъ самихъ, и нашихъ охранителей.

Такъ и погибли теперь эти никчемные заборы, на стоимость которыхъ можно бы было построить не одну деревенскую школу.

М. В. Новорусскій.

Выборгъ.
24-го марта
1906 г.

Процессъ «Великорусцевъ».

1861 г.

(По неизданнымъ источникамъ).

I.

«Незаконная» шестидесятихъ годовъ началась съ небольшого листка «Великорусь» № 1, разбросаннаго кое-гдѣ въ Петербургѣ, а вскорѣ и въ Москвѣ, въ июль 1861 года.

Въ немъ не было достаточной ясности и опредѣленности, но было что-то иное, чѣмъ печатавшееся въ цензуруемой прессѣ.

Воспроизвожу его полностью.

«Помѣщицки крестьяне недовольны обременительною переменною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которыми сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смуть. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно, оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

«Если образованные классы почтутъ себя бессильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя бессильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупаго и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

«Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи.

«Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо?»

«Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣляются и способы дѣйствія, а опредѣливъ способъ дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать.»

Мѣсяца черезъ два вышелъ второй номеръ, посвященный разсмотрѣнію мнѣній разныхъ группъ и отгѣнковъ общества по первому изъ двухъ поставленныхъ вопросовъ.

«Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: *хорошее разрѣшеніе крепостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція*».

Что касается крестьянскаго вопроса, то самъ «Великорусскъ» полагалъ, что «для мирнаго водворенія законности, необходимо рѣшить его въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крепостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи».

«Газета» находила далѣе, что приверженцы законности обязаны требовать безусловнаго освобожденія Польши.

«Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть наша надъ нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства». Поэтому «вопросъ о Польшѣ для насъ, русскихъ, состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши. Освободившаяся нація останется тогда враждебна намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества, разорительнаго для насъ, и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ.»

Но мало отказаться отъ Польши, надо имѣть благоразуміе отказать и отъ всей южной Россіи...

«Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполне признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою. Но вопросъ о южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе

южноруссовъ. Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно—выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говорить по-польски, или привязана къ прежней униатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ.»

Дальше «Великоруссъ» продолжалъ:

«Еще не всѣ либеральные русскіе убѣждены въ необходимости такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ; нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такіе взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Разсмотрѣвъ же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть, что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ изложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли—упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крѣпостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціонистовъ.»

«Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволь, потому подъ именемъ конституціи, издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надобно, не октроирования конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики.»

Наконецъ, еще черезъ двѣ недѣли, въ серединѣ сентября, былъ выпущенъ третій номеръ «Великорусса», посвященный разсмотрѣнію мнѣній русскаго общества по вопросу о томъ, насколько царствовавшая династія способна добросовѣстно и твердо отказаться отъ произвольной власти.

Комитетъ «Великорусса» находилъ, что при массѣ разногласій по такому очень острому тогда вопросу, для блага націи необходимо дать нѣкоторое время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи совмѣстимымъ съ конституціоннымъ правленіемъ. По его мнѣнію, «если нынѣшній государь

добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики. Что касается комитета, онъ, вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ, увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія—вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе, онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія массы. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно. Для этого передовые прогрессисты должны подождать (ждать придется не долго), пока отставшіе отъ нихъ въ своемъ политическомъ развитіи конституціоналисты будутъ приведены событіями къ принятію истины, которую теперь они еще не замѣчаютъ. Быть снисходительными и терпѣливыми—дѣло тѣхъ, которые убѣждены, что довольно скоро всѣми будетъ признана вѣрность ихъ взгляда.

«Сообразно этому слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адресъ. Проектъ адреса мы рассылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его. Что же дѣлать съ нимъ? Должно пользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать его принципы и мысль о необходимости подать его государю. Сначала пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ расти, руководители ихъ—сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адресѣ одинаково съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ, вездѣ бываютъ балы, вечера. Тутъ въ числѣ другихъ предметовъ разговора, будетъ идти рѣчь и объ адресѣ. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ себѣ ничего опаснаго; полиція не можетъ сдѣлать большихъ непріятностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говоритъ со своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ повсюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли. Цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса. Разумѣется, дѣйствовать надобно спокойно, удерживая опрометчивыхъ людей отъ выходокъ, которыя подвергли бы ихъ бѣдамъ безъ пользы дѣлу. Пропагандою будетъ заниматься каждый, въ комъ есть убѣжденія.

«На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность,—организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили бы партіями.

«Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ комитетъ вступить въ сношенія съ ними. Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ,

кому будетъ нужно знать ихъ, для пользы дѣла. А наши намѣренія теперь явны всѣмъ. Въ первомъ номерѣ «Великорусса» мы съ расчетомъ только ставили вопросы, и при томъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, чтобы не навязывать публикѣ нашихъ мнѣній, а узнать ея желанія и сообразовать наши дѣйствія съ ними. Давъ публикѣ время высказаться, теперь мы выставляемъ программу, которую потребовала она сама.

«Итакъ, на первое время должно ограничиться пропагандою мысли объ адресѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка. Рѣшительныя дѣйствія, собраніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю, надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью комитетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписанію и подачѣ адреса только тогда, когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несомнѣстности нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутации русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представляютъ собою могущество, передъ которыми опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь. Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь.

«Этимъ номеромъ и проектомъ наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся, къ нимъ, какъ общали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патриоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ.»

Въ томъ же номерѣ газеты былъ напечатанъ и самый проектъ адреса къ государю. Тамъ вкратцѣ было обрисовано критическое положеніе родины и дана оцѣнка самодержавію, одобренному желѣзнымъ бюрократизмомъ.

Въ концѣ адреса Александра II убѣждали въ такихъ словахъ: «Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготящаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе—чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы.

«Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ.

«Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи.»

II.

Разумѣется, «Великоруссъ» очень обезпокоилъ III Отдѣленіе. Энергичные поиски быстро дали кончикъ нити: конспирація вообще всегда совершенствуется съ годами, а тогда, при самомъ началѣ революціоннаго дѣла, она была не довольно высока.

30 ноября 1861 года шефъ жандармовъ и главноуправляющій III Отдѣленіемъ, князь Долгорукій, сообщалъ министру юстиціи, графу Панину, что по даннымъ его тайной канцеляріи, «Великоруссъ» развозился по городу отставнымъ поручикомъ Обручевымъ, который и былъ арестованъ 5 октября, послѣ основательнаго обыска и опечатанія бумагъ. Осмотръ послѣднихъ не далъ прямыхъ уликъ, но усилилъ подозрѣнія: почеркъ его очень похожъ на тотъ, которымъ надписаны конверты съ «Великоруссомъ». Кромѣ того, въ бумагахъ Обручева оказалось письмо доктора Бокова съ печатью «I. A.», а ею были запечатаны многіе конверты съ нелегальной газетой. Обручевъ, однако, ни въ чемъ не сознался, сказавъ, что перваго номера «Великорусса» не видалъ, а второй получилъ самъ по почтѣ и немедленно сжегъ. Боковъ показалъ, что не помнитъ, гдѣ писалъ Обручеву найденное на обыскѣ у послѣдняго его письмо, но думаетъ, что у какого-нибудь больного ¹⁾. Въ бумагахъ его ничего не найдено.

Далѣе Долгоруковъ сообщалъ, что немного спустя Обручевъ «добровольно объяснился», что знаетъ составителей «Велико-

¹⁾ Въ письмѣ этомъ отъ 17 іюня Боковъ писалъ, между прочимъ: „О вашей брошюрѣ рѣчь впереди“. На допросѣ въ III Отдѣленіи, о какой брошюрѣ шла рѣчь, Боковъ сказалъ, что не помнитъ, знаетъ только, что Обручевъ говорилъ ему, что напечатаетъ сочиненіе, которое дастъ ему значительную сумму, которую онъ предоставитъ Бокову на его нужды.

русса» и что самъ распространялъ его, но никого не назоветъ изъ прикосновенныхъ лицъ, — «предоставляя обнаруженіе ихъ правительству». При этомъ онъ заявилъ, что, «совнавъ рановременность и бесполезность подобнаго воззванія, онъ обѣщалъ, желая оказать правительству услугу, прекратить дальнѣйшія дѣйствія распространителей «Великорусса», для чего и вызвался забрать всѣ остающіеся въ рукахъ ихъ экземпляры онаго, со всѣми принадлежностями для печатанія и представить все это правительству, но для этого просилъ освободить его на нѣсколько дней». Когда же III Отдѣленіе предложило ему изложить все это письменно, то получило отказъ... Черезъ нѣсколько дней онъ, всетаки, написалъ записку (которую я приведу ниже вмѣстѣ съ другой его запиской и всеподданнѣйшимъ прошеніемъ).

Кромѣ доктора Бокова, были допрошены студенты Данненбергъ, Лобановъ, привлекавшійся, какъ, можетъ быть, помнѣть читатели «Былого», по дѣлу Писарева, и Сваричевскій. Въ бумагахъ ихъ ничего серьезнаго не оказалось, и потому единственный матеріалъ—это ихъ показанія.

Лобановъ сказалъ, что не читалъ «Великорусса», хотя получилъ его отъ Сваричевского, принесшаго нѣсколько экземпляровъ въ студенческую бібліотеку, но что, по слухамъ, въ печатаніи участвовалъ Данненбергъ.

Данненбергъ перваго номера не видѣлъ, второй читалъ, но отъ кого получилъ — не помнитъ. Обручева видѣлъ всего нѣсколько разъ, при чемъ послѣдній разъ весною 1861 года, т. е. до напечатанія «Великорусса».

Сваричевскій показалъ, что въ первыхъ числахъ іюля онъ, какъ одинъ изъ выборныхъ редакторовъ студенческаго сборника, вскрылъ адресованное въ редакцію письмо съ десятью экземплярами «Великорусса», которые и были у него тутъ же разобраны товарищами, какъ выдающаяся новость. Въ бумагахъ Сваричевского было нѣсколько писемъ, указывающихъ на него, какъ вообще на распространителя запрещенныхъ сочиненій. Они посланы въ особо учрежденную слѣдственную комиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ д. ст. совѣтника Собѣщанскаго.

Въ заключеніе князь Долгорукій сообщалъ Панину, что съ 3 ноября Обручевъ, Лобановъ, Данненбергъ и Сваричевскій заключены въ Петропавловской крѣпости, мѣстѣ успокоенія всѣхъ враговъ отечества, и передавалъ ему волю государя: предать Обручева, Бокова, Лобанова, Данненберга и Сваричевского суду сената, но «дѣло о нихъ производить безъ очереди и сколь можно поспѣшнѣ».

Панинъ, разумѣется, не замедлилъ дать дѣлу «ходъ незамедлительный», какъ онъ выражался, и 7-го декабря общее собраніе Сената передало это дѣло въ первое отдѣленіе пятаго департамента, уже разбившее дѣло Михайлова.

III.

Арестованный, какъ мы знаемъ, 5 октября въ III Отдѣленіи, Обручевъ 28 октября написалъ ту записку, о которой только что упоминалось мною. Вотъ она полностью:

«Я, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что дѣйствительно принималъ участіе въ распространеніи второго номера «Великорусса». О первомъ же номерѣ я узналъ уже послѣ его распространенія. Значительная часть конвертовъ, показанная мнѣ при допросѣ, дѣйствительно заадресована мною и мною же отправлена на почту. Лица, которымъ адресованы эти конверты, почти все неизвѣстны мнѣ даже по имени. Я составлялъ адреса по списку, доставленному мнѣ вмѣстѣ съ запечатанными конвертами, содержащими экземпляры «Великорусса». Списокъ этотъ мною впослѣдствіи сожженъ. Человѣка, отъ котораго я получилъ списокъ и конверты, я не могу рѣшиться назвать, несмотря на всю искренность моего раскаянія. Не могу этого сдѣлать, какъ потому, что человѣкъ этотъ доврчиво предалъ судьбу свою въ мои руки, такъ и потому, что я не знаю степени его участія въ этомъ дѣлѣ и долженъ признать гораздо вѣроятнѣйшимъ, что онъ игралъ въ немъ лишь весьма второстепенную роль. Рѣшившись назвать его, я, значитъ, не могъ бы даже успокоить себя мыслью, что доставилъ правительству средство сразу покончить со зломъ. Въ томъ же списокѣ находились адреса нѣсколькихъ лицъ, которымъ мнѣ предлагалось доставить экземпляры «Великорусса» лично. Нѣкоторые адреса были именныя, другіе заключали только указаніе дома и квартиры. Согласно сдѣланымъ противъ меня показаніямъ, я въ началѣ сентября (не помню, котораго именно числа), дѣйствительно, развозилъ эти экземпляры на легковомъ извозчикѣ. Большая часть лицъ, которыхъ мнѣ приходилось отыскивать, мнѣ совершенно незнакома. Никому изъ нихъ я не отдавалъ конверта въ руки, а бросалъ у дверей или послѣшно отдавалъ отворившему дверь, не смотря на него и стараясь уйти сколько возможно скорѣе. Теперь я совершенно не въ состояніи показать, кто именно были эти лица, и положительно не ручаюсь, что брошенные имъ конверты дошли по адресу. Нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ я не успѣлъ отыскать и черезъ нѣсколько времени сжегъ назначенные имъ конверты.

Отставной гвардіи поручикъ

Владиміръ Обручевъ».

Въ тотъ же день Обручевъ написалъ слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

«Ваше Императорское Величество Всемиловѣйшій Государь!

«Осмѣливаясь припасть къ стопамъ Вашего Величества съ покаянной мольбой о помилованіи, возлагаю всю надежду мою

на то, что благость Царя не отвергнетъ задушевной исповѣди чловѣка, бывшаго искреннимъ въ своихъ заблужденіяхъ и искренняго теперь въ своемъ раскаяніи. Я былъ приведенъ къ желанію крутыхъ реформъ тяжкою участью нашего простаго народа, бѣдностью его жилищъ и одежды, негодностью пищи, грубостью нравовъ, случайностями, которымъ подвержена вся жизнь его, почти полною невозможностью для него достигнуть лучшей доли. Рѣшившись по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать перемѣнѣ этого порядка вещей, я, однако, не думалъ, Государь, идти наперекоръ тремъ единственнымъ желаніямъ, какія можетъ питать сердце Царя: желанію блага подданныхъ, желанію славы, наконецъ, желанію матеріальныхъ выгодъ для себя и людей близкихъ сердцу. Я говорилъ себѣ, что коренныя реформы, несомнѣнно, должны улучшить участь подданныхъ Вашего Величества; что слава теперь жадно рукоплещетъ каждому шагу правителей на пути прогресса, что, наконецъ, среди восторженныхъ вликовъ энтузіазма въ честь Царя-Благодѣтеля, не можетъ быть рѣчи объ ограниченіи его личныхъ издержекъ.

«Таковъ былъ мой образъ мыслей, когда я согласился принять участие въ распространеніи тайно-печатнаго изданія. Судьба остановила меня еще на первомъ шагѣ. Улики, представленныя мнѣ на допросѣ, дали мнѣ понять, что какъ бы ни желательно было достиженіе цѣли, о которой мечталъ я,—средство, принятое мною, было несвоевременно, бесполезно, преступно. Покаявшись быстро и чистосердечно, я предложилъ графу Шувалову ¹⁾, доставить ему фактическое доказательство искренности перемѣны въ моемъ образѣ мыслей. Только обстоятельства, независимыя отъ моей воли и распорядительности, помѣшали осуществленію этого плана. Мнѣ былъ тогда предложенъ другой путь для доказательства моей искренности—названіе именъ людей, довѣрившихъ мнѣ судьбу свою... Государь, такія обличенія выше силъ моихъ! Я надѣюсь, что въ виду бесплодности своихъ попытокъ, эти люди одумаются и такъ.

«Зная строгость закона къ преступникамъ того разряда, къ которому я принадлежу, я вполне чувствую, Государь, какъ неумѣстна была бы съ моей стороны просьба о помилованіи совершенномъ. Но для чловѣка, еще молодого и не лишеннаго нѣкоторыхъ способностей, невыносимо тяжела мысль о гибели безусловной, безвозвратной. При расположеніи моемъ къ болѣзненной тоскливости, при слабости здоровья, возрастающей съ каждымъ годомъ, многія наказанія необходимо обратятся для меня въ смертную казнь и въ казнь, полную лишникъ мученій. Отчужденіе отъ общества, строгое заточеніе, жизнь въ слишкомъ суровомъ климатѣ превосходятъ слабую сумму моихъ физическихъ

---

¹⁾ Управлявшему III Отдѣленіемъ.

и нравственныхъ силъ. Быть наказаннымъ, но въ то же время остаться человѣкомъ—вотъ мечта, объ осуществленіи которой осмѣливается умолять Васъ, Государь,

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный

Владиміръ Обручевъ.

Черезъ день, 30 октября, Обручевъ написалъ еще одну записку которую я тоже привожу съ буквальной точностью:

«На сдѣланные мнѣ два дополнительные вопроса имѣю честь отвѣтить слѣдующее:

«1. О существованіи третьяго номера «Великорусса» я зналъ изъ разговора съ тѣмъ самымъ лицомъ, отъ котораго получилъ экземпляры втораго номера. Содержаніе его было глухо указано въ томъ же второмъ номерѣ и, кромѣ того, нѣсколько пояснено мнѣ въ томъ же разговорѣ.

«2. Прося объ освобожденіи меня съ цѣлью доставить въ руки правительства матеріалы, служившіе для печатанія «Великорусса», я надѣялся, что мнѣ удастся войти въ сношеніе съ человѣкомъ, отъ котораго я получилъ экземпляры втораго номера и черезъ него, можетъ быть, склонить на сторону своего мнѣнія главныхъ участниковъ дѣла. Не могу, однако, вывести изъ этого никакихъ прямыхъ предположеній на счетъ мѣста изданія «Великорусса» и мѣстожителства его издателей.

Отставной гвардіи поручикъ

Владиміръ Обручевъ».

IV.

Сенатъ въ составѣ первоприсутствовавшего Г. П. Митусова и сенаторовъ: Н. М. Карнѣева, К. Б. фонъ-Венцеля, А. П. Вутурлина, А. А. Волоцкаго и М. М. Карніолинъ-Пинскаго, не нашелъ нужнымъ стѣснять свободу доктора Бокова и взялъ лишь отъ него подписку съ обязательствомъ явиться по первому требованію.

Одновременно работала «Особая комиссія для разбирательства степени виновности лицъ, арестованныхъ по случаю безпорядковъ, бывшихъ въ Петербургскомъ университетѣ». Среди этихъ лицъ были Данненбергъ и Лобановъ. Поэтому Сенатъ получилъ оттуда свѣдѣнія о степени ихъ прикосновенности. Первый изъ нихъ въ показаніяхъ комиссіи настаивалъ на томъ, что въ происшедшихъ безпорядкахъ виноваты исключительно попечитель учебнаго округа, генералъ Филипсонъ, ректоръ Плетневъ и войска, призванные для подавленія. Лобановъ въ безпорядкахъ не участвовалъ по болѣзни, но въ крѣпость, всетаки, попалъ тогда прямо съ кровати.

13 декабра Обручеву былъ сдѣланъ первый допросъ Сенатомъ.

1. «Владиміръ Александровичъ Обручевъ, 25 лѣтъ, православный, холостъ, за окончаніе академіи генеральнаго штаба получилъ малую серебряную медаль. У матери имѣніе въ 130 душъ въ Тверской губерніи».

Къ этимъ біографическимъ даннымъ необходимо присоединить, что Обручевъ былъ однимъ изъ близкихъ къ Чернышевскому сотрудниковъ «Современника»¹⁾. Теперь онъ генераль-майоръ по адмиралтейству. На обращенную мною просьбу помочь выясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, генераль письменно отвѣтилъ, что, въ виду своего служебнаго положенія, не считаетъ возможнымъ прибавить что-либо къ имѣющимся въ моемъ распоряженіи сенатскимъ матеріаламъ... Такимъ образомъ остается надѣяться, что кто-нибудь изъ другихъ участниковъ или ихъ родственниковъ подѣлится со мною или съ «Былымъ» интересными матеріалами.

2. «Призванный для допроса къ начальнику штаба корпуса жандармовъ²⁾, я рѣшился быть откровеннымъ и покаяться, по двумъ соображеніямъ: 1) потому, что дѣйствительно убѣдился въ преступности своихъ дѣйствій, 2) потому, что покаяніемъ надѣялся облегчить свою участь, тѣмъ болѣе, что графъ Шуваловъ обѣщалъ мнѣ тогда облегченіе. Но при всей откровенности я не могъ сказать того, чего не знаю, т. е. объявить, что имѣю свѣдѣніе о главныхъ участникахъ дѣла. На сдѣланное мнѣ въ послѣдствіи предложеніе подтвердить слова мои письменно, я сначала отвѣтилъ отказомъ, потому что графъ Шуваловъ обѣщалъ мнѣ, что разговоръ нашъ останется въ тайнѣ. Прося о временномъ освобожденіи, я только говорилъ, что мнѣ, можетъ быть, удастся достигнуть предполагаемой цѣли, и на словахъ не далъ никакихъ поясненій на этотъ счетъ, какъ сдѣлалъ это въ послѣдствіи, въ письменномъ показаніи. Я назвалъ лицо, отъ котораго получалъ списокъ и конверты, игравшимъ второстепенную роль, потому что мнѣ такъ казалось по тону его разговора. Итакъ, могу только повторить, что не знаю никакихъ участниковъ этого дѣла, кромѣ лица, отъ котораго получилъ списокъ и конверты. Къ сдѣланному мною предположенію, что это лицо играло второстепенную роль, не имѣю средствъ прибавить никакихъ объясненій на счетъ характера этой роли. Самъ я участникомъ въ составленіи «Великорусса» не былъ. Не зная составителей этого листка, не могу знать ни мѣста ихъ жительства, ни мѣста изданія «Великорусса». Конверты съ экземплярами «Великорусса» были мнѣ переданы лицомъ, котораго имени, по причинамъ мною объясненнымъ, я объявить не могу».

3. «Лѣтчикъ Воковъ женатъ на моей родной сестрѣ. Письмо отъ

¹⁾ Л. О. Пантелѣевъ (стр. 285 его „Изъ воспоминаній прошлаго“) называетъ г. Обручева „любимцемъ Чернышевскаго“. Ни у меня, ни у сына Н. Г.—ча нѣтъ доказательствъ справедливости этого утвержденія.

²⁾ Вторая должность гр. Шувалова, помощника кн. Долгорукова.

него было получено мною лѣтомъ, въ июнѣ мѣсяцѣ. Онъ не участвовалъ въ разсылкѣ воззванія мною. На счетъ того, какъ письмо отъ него могло быть запечатано этою печатью, я никакихъ объясненій дать не могу».

4. «Брошюра эта (упоминаемая Боковымъ въ письмѣ къ Обручеву—*М. Л.*), озаглавленная мною «*Un peu de bon sens mesdames et d'impartialité*», была написана мною на французскомъ языкѣ. Она касалась средствъ къ предупрежденію рожденія дѣтей въ случаяхъ, когда это пагубно и для родителей и для ребенка».

5. «Я читалъ только второй номеръ «*Великорусса*» и сознаю преступность изложенныхъ тамъ соображеній и стремленій».

6. «Я зналъ весьма поверхностно студентовъ Лобанова и Данненберга. Г. Сваричевского я не зналъ. Эти лица не участвовали со мною въ распространеніи воззванія «*Великоруссъ*». Не участвовавши въ составленіи этого листка, не могу знать, участвовали ли въ немъ эти лица».

7. «Хотя я искренно и чистосердечно раскаялся, но вижу, что по закону эта степень раскаянія не признается достаточной, если не сопровождается указаніемъ участниковъ преступления. О числѣ разосланныхъ мною экземпляровъ не имѣю свѣдѣній, потому что они были мнѣ доставлены въ запечатанныхъ конвертахъ. Числа конвертовъ, какъ разосланныхъ мною, такъ и сожженныхъ, не помню. Знаю только, что почти всѣ они доставлены въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи».

Такимъ образомъ Сенатъ увидѣлъ, что главныхъ нитей къ «*Великоруссу*» онъ тоже не получитъ... Не было ихъ у правительства и позже; дѣло созданія, выпуска и распространенія этой первой русской прокламаціи такъ и кануло въ неизвѣстность... Можетъ быть, впрочемъ, живые свидѣтели этого дѣла позаботятся оставить небезынтересныя свѣдѣнія о немъ. Есть серьезное основаніе предполагать, что «*Великоруссъ*» былъ отчасти дѣломъ рукъ Чернышевскаго. Основаніе это дается свидѣтельствомъ г. Стахевича, пострадавшаго въ тѣ годы по другому дѣлу и много лѣтъ проведеннаго съ Чернышевскимъ въ Сибири. «Я замѣтилъ,—говоритъ г. Стахевичъ—что Чернышевскій съ явственнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки подъ заглавіемъ «*Великоруссъ*»; вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ «*Великоруссъ*», и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или, по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листовъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ преобразованій»¹⁾.

¹⁾ „Закаспійское Обозрѣніе“, 1905 г., № 143.

Лобановъ ¹⁾ показалъ въ Сенатѣ, что, получивъ первый номеръ «Великорусса» отъ Сваричевского, онъ отправился съ нимъ домой, но встрѣтилъ студента Назаревского, который почти отнял у него газету. Лобановъ прибавилъ, что на устномъ допросѣ въ III Отдѣленіи показалъ то же самое, но потомъ былъ сбить допрашивавшимъ Путилинымъ. Кто ему говорилъ, что Данненбергъ печаталъ «Великоруссъ»,—припомнить не могъ. Обручева видѣлъ одинъ разъ въ воскресной школѣ, Бокова не знаетъ совершенно. Въ заключеніе своихъ непространныхъ показаній Лобановъ написалъ: «Откровенно и чистосердечно передъ Богомъ и совѣстью моею отвѣчаю, что ни о составленіи, ни о распространеніи «Великорусса» я ничего не знаю и самъ ни въ чемъ противозаконномъ не участвовалъ и болѣе ничего объяснить не могу».

Сенатъ рѣшилъ освободить Лобанова на поруки отца.

19 декабря былъ допрошенъ Данненбергъ ²⁾. Его прежде всего спросили по поводу письма нѣкогого Алексѣева, найденнаго при обыскѣ. Тамъ упоминалось о какомъ то-«заговорѣ». По этому поводу Данненбергъ сильно расколодилъ своихъ судей: Алексѣевъ разумѣлъ аристократическій заговоръ, слухъ о которомъ распространилъ журналъ «Kladerradtsch». Онъ напечаталъ остроту, состоящую въ слѣдующемъ. Одна знатная русская дама передала одному тоже знатному русскому письмо со словами: «vom Herzen». Онъ же передалъ ей другое письмо со словами: «am Herzen». Это подслушали и донесли, что упомянутыя особы въ перепискѣ съ Герценомъ (Herzen) и что, слѣдовательно, есть аристократическій обширный заговоръ...

Что касается «Великорусса», то Данненбергъ сказалъ, что первый номеръ читалъ въ рукописной копіи, но составителей не знаетъ. Второй номеръ читалъ, но отъ кого получилъ его—не помнитъ. Обручева встрѣчалъ дважды у капитана Тихменева. Видѣлъ его издали и на лекціяхъ Костомарова въ университетѣ. О прикосновенности его къ «Великоруссу» ничего не знаетъ и не слыхалъ. Бокова не знаетъ совсѣмъ.

Относительно ходившихъ будто слуховъ о его собственномъ участіи въ печатаніи «Великорусса» Данненбергъ отозвался, что Лобановъ все это сочинилъ изъ страха. Въ февралѣ онъ былъ освобожденъ подъ надзоръ полиціи.

На другой день допросили Сваричевского. ³⁾

Кромѣ показаннаго въ III Отдѣленіи, онъ ничего прибавить

¹⁾ Василий Васильевичъ Лобановъ, 19 лѣтъ, православный; у отца собственный домъ на Средней Мѣщанской; учился во 2-ой Петербургской гимназій и въ 1859 г. поступилъ въ университетъ.

²⁾ Федоръ Ростиславичъ, 18 лѣтъ, православный; мать урожденная Каховская; родители живутъ въ имѣніи въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Въ Петербургъ пріѣхалъ въ 1852 г. во 2-ю гимназію и вмѣстѣ съ Лобановымъ поступилъ въ университетъ.

³⁾ Михаилъ Николаевичъ, 22 лѣтъ, православный. Учился въ 1-й кievской гимназій и потомъ въ Кіевскомъ университетѣ, откуда въ апрѣлѣ 1859 г. Переехалъ въ петербургскій.

не могъ. Что же касается привлеченія еще по московскому дѣлу, то пояснялъ, что участіе его въ распространеніи запрещенныхъ сочиненій состояло въ томъ, что онъ продавалъ огаревскій разборъ книги барона Корфа, который получилъ въ 30 экземплярахъ отъ Петровскаго (молодого человѣка 22 лѣтъ). Назвать имена покупавшихъ не могъ, потому что связанъ честнымъ словомъ.

Дѣло Сваричевского было присоединено къ тому, и оба слушались потомъ въ московскомъ Сенатѣ.

21 декабря призванъ былъ для допроса и докторъ Петръ Ивановичъ Боковъ, женатый на сестрѣ Обручева. Онъ происходитъ изъ коннозаводскихъ воспитанниковъ. Въ 1850 г. вступилъ въ Медико-Хирургическую академію, въ 1854 г. признанъ ветеринаромъ и опредѣленъ въ управленіе государственнымъ коннозаводствомъ. Потомъ въ той же академіи слушалъ курсъ медицины и въ 1859 г. признанъ лѣкаремъ съ золотой медалью. Въ 1860 г. уволенъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго секретаря. И тогда уже довольно популярный врачъ, Боковъ потомъ имѣлъ прекрасную практику. Теперь онъ живетъ уже много лѣтъ въ Москвѣ.

Относительно «Великорусса» онъ отвѣтилъ полнымъ незнакоміемъ. Обручевъ ни въ дружбѣ, ни во враждѣ съ нимъ не состоялъ.

Что касается печати на конвертѣ его письма къ Обручеву, то Боковъ отвѣтилъ то же, что говорилъ раньше и въ III Отдѣленіи: по всей вѣроятности, онъ воспользовался печаткой одного изъ своихъ многочисленныхъ паціентовъ.

Приведу, кстати, здѣсь и самое письмо, вложенное въ инкриминируемый конвертъ.

Оно состояло изъ двухъ частей. Первая писана Чернышевскимъ, вторая—Боковымъ.

«Добрый другъ, Владиміръ Александровичъ,—писалъ Чернышевскій,—очень можетъ быть, что недѣли черезъ двѣ Серно-Соловьевичъ будетъ имѣть въ рукахъ деньги. Въ этомъ онъ положительно увѣренъ. Но, разумѣется, лучше всего отложить полную увѣренность до времени, когда это исполнится. А когда онъ будетъ имѣть деньги, онъ съ удовольствіемъ отдастъ Вамъ сумму, нужную для Заремба.

Вы сами, пожалуйста, не хандрите, а лучше присылайте намъ (хоть черезъ Петра Ивановича или прямо адресуя въ редакцію «Современника») переводъ Шлоссера, по мѣрѣ изготовленія; объ этомъ усердно прошу Васъ.

Покалуйте отъ меня ручку Маріи Александровны и передайте глубокое мое уваженіе Вашей матушкѣ.

Вашъ

Н. Чернышевскій».

Приписка Бокова: «Владиміръ Александровичъ, въ этомъ письмѣ Ник. Гав. пишетъ Вамъ о томъ, что Серно-Соловьевичъ

предполагаетъ имѣть деньги недѣли черезъ двѣ и изъ нихъ вручить Вамъ сумму, нужную Вамъ для уплаты Зарембѣ. Я сказалъ Ник. Гавр., что Вы должны 550 р. Кажется, не ошибся? Николай Гавр. проситъ Васъ спѣшить переводить Шлоссера и по частямъ пересылать въ Петербургъ. Чернышевскіе переѣхали на новую квартиру, въ Кабинетскую улицу, домъ и № дома еще не знаю, поэтому письма пока пишите на мое имя. Въ случаѣ деньги С.-С-чъ отдастъ Ник. Гавр., то кому поручить отдать ихъ Зарембѣ, и гдѣ его можно отыскать?

«Изъ-за границы извѣстій нѣтъ.

3 іюня.

П. Бокковъ.

Р. S. Физіологія Льюиса переведена профессорами Московскаго университета».

На конвертѣ значилось: «Тверской губерніи, въ городѣ Ржевѣ, Его Превосходительству Александру Афанасьевичу Обручеву для передачи Владиміру Александровичу Обручеву». Около совершенно безформенной и гладкой печати надпись, сдѣланная въ III Отдѣленіи: «На печати этой, слившейся послѣ, были буквы I. A.»

На обыскѣ у Обручева было взято еще и другое письмо Боккова, которое все испещрено всевозможными отгѣтками, сдѣланными въ III Отдѣленіи.

Приведу и его:

«Владиміръ Александровичъ, изъ Парижа (отъ 31 мая — 12 іюня) между прочимъ есть слѣдующее: жена была молодцомъ все время, только явилась мигрень и рвота, да сходявъ при этомъ довольно далеко, она растерла себѣ ноги до красной опухоли и теперь сидитъ дома, боясь чѣмъ нибудь заняться, чтобы головная боль не возвратилась. 3 (15) іюня мы думаемъ выѣхать въ Діеппо...

«Полина и Евгенія Николаевны (Полина Пыпина была потомъ замужемъ за Фанъ-деръ-Флитомъ — *М. Л.*) живутъ вмѣстѣ съ Александромъ и Сергѣемъ Николаевичами на отдѣльной квартирѣ, отдѣльно отъ Чернышевскихъ. Полина благодаритъ за поклонъ и посылаетъ свой, самый дружескій. Ев. Н. давно не видалъ.

«Николай Гавриловичъ остался очень доволенъ, узнавъ о томъ, что къ 1 сентября 1-й томъ Шлоссера будетъ переведенъ. Онъ проситъ по мѣрѣ перевода пересылать въ Петербургъ рукопись.

«Адресъ Ник. Гавр.: Кабинетская ул. д. № 4, кв. № 4.

«У С.-С. деньги въ рукахъ, Ник. Гавр. ихъ возьметъ сегодня же. Лучше я самъ отвезу деньги Зарембѣ, чѣмъ ему пріѣзжать ко мнѣ. Полагаю болѣе удобнымъ (рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ!) о займѣ у Зарембы денегъ теперь ему и не упоминать и отложить до возвращенія «нашего» изъ (неразборчиво).

«Для успѣшности займа у Зар. прибѣгать къ поручительству

Н. Г. неудобно. Н. Г. не любить всѣхъ людей, такъ называемыхъ «*коммерческихъ*» и «умѣющихъ пользоваться обстоятельствами», и поэтому обязываться предъ ними ему *тяжело*.¹⁾

«Теперь 5 пунктъ Вашего письма на очереди. Быть великодушнымъ и дѣлать «подарки» я не могу; но много разъ я желалъ писать Вамъ, и это желаніе было прямо потребностью «души», и каждый разъ останавливался, находя все это напраснымъ. «Размышлять» готовъ съ тѣмъ, кто, убѣдившись въ какой-нибудь нелѣпости, не послѣдуетъ ей больше. Этимъ я не хочу ни слова говорить о К. В., а хотѣлъ бы поговорить о коренномъ преобразованіи Вашей жизни и тогда, повѣрьте мнѣ, Вы будете спокойны, жизнь полнѣй и желанія будутъ всѣ исполнены и не будете горевать безплодно, какъ теперь.

«Рѣдко люди умѣли держаться на разумной серединѣ, состоящей въ томъ, чтобы во время работы работать всею своею силою и особенно всей своею душой, но посвящать труду для одной денежной выгоды менѣе часовъ въ днѣ, менѣе дней въ году и менѣе лѣтъ въ жизни» (Милль).

«О Вашей брошюрѣ рѣчь впереди.

П. Божовъ.

«О здоровьѣ Вашемъ пока нечего прибавлять посланному лично.

«О Дуняшѣ Бога ради хлопчите, сколько есть силы у Васъ, и въ концѣ іюля пошлите ее ко мнѣ. Пожалуйста же».

Божовъ, однако, разочаровалъ сенаторовъ. Онъ показалъ, что начало только что приведеннаго письма относится до родственника Обручева—Мотовилова, семью котораго онъ пользовалъ, какъ врачъ, и получалъ затѣмъ свѣдѣнія о ходѣ лѣченія за границей. Дуняша—прислуга, которую надо было отправить въ Петербургъ.

V.

Наканунѣ новаго года петербургскій генералъ-губернаторъ, кн. Суворовъ, сообщилъ Сенату, что не можетъ доставить такъ называемыхъ «повальныхъ обысковъ о поведеніи» Обручева, Данненберга и Сваричевского, потому что первый до своего ареста пробылъ въ Петербургѣ менѣе сутокъ, второй—двое, а третій—16 дней, и лицъ, ихъ знающихъ хоть сколько-нибудь, въ данное время въ Петербургѣ не находится.

Въ показаніяхъ Обручева Сенатъ остановился на одномъ противорѣчій: почему же онъ распространялъ второй номеръ «Великорусса», въ которомъ нѣтъ ничего о крестьянахъ, пользующихся его особой симпатіей? На вопросъ по этому поводу Обручевъ отвѣчалъ: «Давая обѣщаніе распространить второй

¹⁾ Далѣе пропускаю нѣсколько семейныхъ интимностей.

номеръ «Великорусса», я не зналъ о его содержаніи въ подробности. Впослѣдствіи я увидѣлъ, что его направленіе не вполне соответствовало дѣлу, которую я имѣлъ въ виду. Но нѣкоторое отношеніе къ ней я, всетаки, находилъ. Поэтому, а также потому, что далъ уже обѣщаніе, я привелъ дѣло въ исполненіе. Хотя легкомысліе этого поступка и не соответствуетъ моимъ лѣтамъ, но могу сказать подѣ честнымъ словомъ, что я, всетаки, не былъ при этомъ руководимъ никакимъ другимъ побужденіемъ, и что вопросъ объ отдѣленіи Польши и Малороссіи не занималъ меня. Матеріальныхъ расчетовъ при этомъ я также не имѣлъ. Не принадлежалъ и не принадлежу ни къ какому тайному обществу, не нахожусь подѣ такого рода вліяніемъ и даже не знаю о существованіи какого бы то ни было тайнаго общества».

18 января 1862 г. въ Сенатъ были вызваны два рѣзчика, Гансонъ и Бергманъ, и граверъ Жозефъ для сличенія оттисковъ печатей съ буквами «I. A.» на конвертахъ, въ которыхъ Обручевъ рассылалъ «Великоруссъ», и на конвертѣ, въ которомъ Бокковъ послалъ ему письмо. Они заявили, что имъ необходимъ гипсъ и нѣкоторыя принадлежности, и потому сличеніе было отложено на 22 число. Но оно не дало результатовъ, на которые рассчитывало III Отдѣленіе... Эксперты нашли большое сходство въ рѣшеткахъ обоихъ оттисковъ, но «положительно удостовѣрить, что это оттиски одной и той же печати не могли», потому что на одной изъ нихъ вензель былъ размятъ, а произошло это потому, что почему-то III Отдѣленіе испортило раньше печать на боковомъ конвертѣ. Зачѣмъ это было сдѣлано—такъ и осталось неизвѣстнымъ... Впрочемъ, этотъ фактъ имѣетъ связь съ другимъ: III Отдѣленіе утверждало, что было еще одно письмо, гдѣ Бокковъ писалъ Обручеву о первыхъ двухъ номерахъ «Великорусса». Письмо это, конечно, было бы очень важнымъ фактомъ для обвиненія, но... но его не нашли, когда нужно было представить Сенату...

VI.

Сенатъ послѣ всего этого составилъ опредѣленіе, изъ котораго привожу наиболѣе существенную часть.

«Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, относящіяся до cadaго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, правительствующій Сенатъ находитъ:

«1. Въ отношеніи поручика Обручева. Онъ, будучи арестованъ вслѣдствіе павшаго на него подозрѣнія, сначала ни въ чемъ не сознавался, но потомъ на словесномъ допросѣ въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи сознался, какъ въ распространеніи воззванія «Великоруссъ», такъ и въ знаніи составителей его, обѣщая даже прекратить дальнѣйшія дѣйствія распространителей, забрать всѣ остающіеся въ рукахъ ихъ экземпляры съ принадлежностями для напечатанія и представить все это правительству, для чего просилъ освободить его

на нѣсколько дней. Когда предложено было ему изложить это объясненіе письменно, то онъ отказался отъ сего, а когда объявлено было ему, что онъ изъ-подъ ареста освобожденъ быть не можетъ, то въ собственноручной запискѣ и на допросѣ въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи, а впоследствии и въ присутствіи I отдѣленія 5 департамента правительствующаго Сената онъ объяснилъ, что распространялъ одинъ только второй номеръ «Великорусса», который получилъ отъ одного лица, по его мнѣнію, второстепеннаго въ дѣлѣ, наименованіе коего не послужило бы къ полному раскрытію дѣла, въ запечатанныхъ конвертахъ и списокъ адресовъ лицъ, по коему онъ распространялъ воззваніе, но лица этого не открылъ, отъ знанія же составителей и другихъ распространителей совершенно отрекся. Изъ показаній его не видно было цѣли, для которой рѣшился онъ на такое преступленіе. Только во всеподданнѣйшей просьбѣ государю императору о помилованіи онъ изъяснилъ, что былъ приведенъ къ принятію крутыхъ реформъ тяжкою участью простого народа, бѣдностью его жилищъ и одежды, негодностью пищи, грубостью его нравовъ, случайностями, которымъ подвержена вся жизнь его, почти полною невозможностью для него достигнуть лучшей доли. Между тѣмъ, во второмъ номерѣ «Великорусса», который распространялъ онъ, вовсе не упоминалось о такомъ положеніи народа. Въ немъ только говорилось, какого мнѣнія крестьяне о вновь вышедшемъ о нихъ положеніи, предлагалось освобожденіе Польши и Южной Россіи и, наконецъ, замыселъ конституціи. При такомъ явномъ противорѣчій и показаній объясненій Обручева съ его дѣйствіями, правительствующій Сенатъ предложилъ ему объяснить откровенно, какими побужденіями руководствовался онъ, распространяя второй номеръ «Великорусса». Но онъ объяснилъ, что, давши обѣщаніе распространить второй номеръ, онъ не зналъ въ подробности его содержанія, а впоследствии хотя и увидѣлъ, что направленіе его не вполне соответствуетъ цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду, но всетаки находилъ нѣкоторое отношеніе къ ней, а посему и такъ какъ онъ далъ уже обѣщаніе распространить «Великоруссъ», то и привелъ дѣло въ исполненіе. Хотя легкомысліе поступка его и не соответствуетъ его лѣтамъ, но онъ, всетаки, подъ честнымъ словомъ завѣряетъ, что не былъ руководимъ при этомъ никакими другими побужденіями; вопросъ о Польшѣ и Малороссіи не занималъ его. Ни къ какому тайному обществу онъ не принадлежитъ и не находится подъ вліяніемъ такового. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что отставной поручикъ Обручевъ по собственному сознанію, съ обстоятельными дѣла согласному, виновенъ въ распространеніи второго номера «Великорусса». Обращаясь къ опредѣленію слѣдуемаго ему за сіе преступленіе, по законамъ, наказанія, правительствующій Сенатъ находитъ, что преступленіе, совершенное Обручевымъ, предусматрѣно въ раздѣлѣ 3-мъ о преступленіяхъ государственныхъ, въ главѣ 2-й, въ статьяхъ 285 и 286. Въ

первой изъ нихъ опредѣляется наказаніе виновнымъ въ распространеніи воззванія съ цѣлью возбудить къ бунту, а бунтомъ, по ст. 283 той же главы, признается возстаніе скопомъ или заговоромъ противъ государя и государства, умысль ниспровергнуть правительство или переимѣнить образъ правленія и составленіе на сей предметъ заговора или принятіе участія въ составленномъ уже заговорѣ. Во 2-й статьѣ, 286-й, опредѣляется наказаніе виновнымъ въ распространеніи такого сочиненія, которое, хотя безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливается оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея или дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія. Второй номеръ «Великорусса», распространенный Обручевымъ, какъ выше изложено, заключаетъ въ себѣ: а) порицаніе дѣйствій правительства, съ употребленіемъ дерзкихъ противъ онаго выраженій и б) желаніе освобожденія Польши и Южной Россіи и введенія конституціи,—но въ немъ не усматривается прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, а посему къ настоящему преступленію Обручева правительствующей Сенатъ признаетъ справедливымъ примѣнить послѣднюю, т. е. 286, статью и вслѣдствіе сего подвергнуть его наказанію, въ сей статьѣ опредѣленному. Опредѣливъ такимъ образомъ родъ преступленія и степень наказанія, слѣдующаго подсудимому, и обращаясь къ опредѣленію мѣры онаго, Сенатъ изъ всѣхъ объясненій Обручева видитъ неискренность и нечистосердечность въ его сознаніи, ибо онъ, несмотря на всѣ дѣлаемые ему увѣщанія и убѣжденія о показаніи истины безъ малѣйшей утайки, упорно скрываетъ сообщниковъ своего преступленія, а посему, руководствуясь 10 п. 141 ст. уложенія, мѣру наказанія должно назначить ему среднюю, т. е. онъ долженъ быть лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на заводахъ на 5 лѣтъ и потомъ поселенъ въ Сибири навсегда (29 ст. уложенія).

«2. Другое прикосновенное къ дѣлу сему лицо есть *студентъ здѣшняго университета Федоръ Ростиславовъ Дамменбергъ*. Вслѣдствіе павшаго на него подозрѣнія въ участіи въ распространеніи воззванія «Великоруссъ», сдѣланъ былъ въ бумагахъ его обыскъ, но не найдено ничего, что бы могло служить подтвержденіемъ павшаго на него подозрѣнія; самъ онъ ни въ какомъ участіи въ распространеніи «Великорусса» или въ знаніи составителей и распространителей его не сознался и никакихъ другихъ доказательствъ къ изобличенію его въ томъ дѣлѣ нѣтъ, а посему въ семъ отношеніи и долженъ быть отъ всякой отвѣтственности освобожденъ, но онъ самъ сознался въ томъ, что имѣлъ въ рукописи первый номеръ «Великорусса», зналъ содержаніе его и давалъ читать другимъ, но кому—не помнитъ. Имѣвшіе у себя такіа сочиненія съ знаніемъ содержанія оныхъ, не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи ихъ, подвергаются за сіе, какъ за недонесеніе о извѣстномъ преступленіи или преступномъ

*

умыслѣ, аресту на время отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ и потомъ могутъ быть отдаваемы подъ надзоръ полиціи на время отъ одного года до трехъ лѣтъ (3 ч. 286 ст. уложенія); посему Данненбергъ долженъ быть подвергнутъ сему наказанію съ уменьшеніемъ онаго 2-мя степенями по несовершеннолѣтію его (ст. 152 уложенія) и въ самой низшей онаго мѣрѣ, по уваженію добровольнаго и чистосердечнаго его сознанія (1 п. 146 ст.), т. е. онъ долженъ быть подвергнутъ аресту на одинъ день и отданъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, но, принимая во вниманіе, что Данненбергъ, не подлежащій за проступокъ свой наказанію, съ лишеніемъ всѣхъ правъ сопряженному, съ 3 ноября 1861 г., до послѣднихъ чиселъ февраля 1862 г., содержался въ Петербургской Петропавловской крѣпости, правительствующій Сенатъ, руководствуясь 4. п. 166 ст., признаетъ справедливымъ ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ, на основаніи 168 ст., объ избавленіи Данненберга отъ сего наказанія. Для совокупнаго сужденія съ означеннымъ обвиненіемъ Данненберга передано въ I отдѣленіе 5 департамента, по высочайшему повелѣнію, обвиненіе его по дѣлу о безпорядкахъ, происходившихъ между студентами здѣшняго университета. Такъ какъ по сему послѣднему дѣлу онъ отнесенъ къ категоріи студентовъ, изобличенныхъ или сознавшихъ въ намѣреніи не исполнять предписаній правительства, то, руководствуясь высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 4 декабря прошлаго года въ отношеніи студентовъ, причисленныхъ къ этой категоріи, правительствующій Сенатъ полагалъ бы его, Данненберга, по исключеніи изъ университета выслать въ уѣздный городъ одной изъ отдаленныхъ губерній, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ, подъ строгій надзоръ мѣстнаго городничаго съ допущеніемъ на службу въ уѣзныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстахъ того города, гдѣ ему опредѣлено будетъ жительство, но не внѣ онаго, на что испросить высочайшее соизволеніе.

«3. Третій подсудимый по сему дѣлу есть *студентъ здѣшняго университета Василій Лобановъ*. По упавшему на него подозрѣнію въ участіи въ распространеніи воззванія «Великорусь» сдѣланъ былъ осмотръ въ бумагахъ его, но оныя не указали обстоятельствъ, которыя могли бы служить доказательствомъ павшаго на него подозрѣнія. Самъ онъ ни въ участіи въ распространеніи «Великорусса», ни въ знаніи составителей или распространителей онаго не сознался, а объяснилъ, что, бывши въ студенческой библіотекѣ (въ которой онъ былъ библіотекаремъ), онъ получилъ отъ студента Сваричевского первый номеръ «Великорусса» и, еще не зная содержанія его, несъ домой, но на Адмиралтейскомъ бульварѣ встрѣтился съ знакомымъ ему вольнослушателемъ университета Назаревскимъ, который, увидавъ у него въ книгахъ, ввзятыхъ имъ изъ университета, означенный номеръ, ввзялъ его у него, противъ его воли; хотя Назаревскій въ пока-

заніи, данномъ въ I отдѣленіи 5 департамента, объяснилъ, что Лобановъ далъ ему этотъ номеръ не противъ воли, а добровольно, и уличалъ въ томъ Лобанова на очной ставкѣ, но уличить не могъ, и Лобановъ утвердилъ свое показаніе. Студентъ Сваричевскій, съ своей стороны, не отвергъ ссылки Лобанова въ передачѣ ему «Великорусса», объяснивъ, что, придя однажды въ университетъ, онъ получилъ отъ швейцара конвертъ, адресованный въ редакцію студенческаго сборника (такъ какъ онъ былъ одинъ изъ редакторовъ, выборныхъ изъ математическаго факультета), и вскрывъ его, нашелъ 10 экземпляровъ перваго номера «Великорусса», которые, придя въ студенческую бібліотеку, роздалъ студентамъ, въ числѣ которыхъ, помнится, былъ и Лобановъ. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что вся прикосновенность Лобанова къ настоящему дѣлу состоитъ въ томъ только, что онъ имѣлъ у себя самое короткое время первый номеръ «Великорусса», полученный имъ отъ Сваричевского, но не зналъ даже содержанія его, ибо у него взялъ оный Назаревскій тогда, когда онъ несъ его домой. Посему нѣтъ основанія обвинять Лобанова не только въ какомъ-либо участіи въ распространеніи «Великорусса» или въ знаніи составителей и распространителей его, но даже и въ томъ, что онъ, имѣя короткое время у себя въ рукахъ первый номеръ «Великорусса», зналъ содержаніе его. Для совокупнаго сужденія съ означеннымъ обвиненіемъ Лобанова передано въ I отдѣленіе 5 департамента, по высочайшему повелѣнію, обвиненіе его по дѣлу о беспорядкахъ, происшедшихъ между студентами здѣшняго университета. Такъ какъ по сему послѣднему дѣлу Лобановъ отнесенъ къ числу студентовъ, въ дѣйствіяхъ коихъ не обнаружено предумышленнаго намѣренія сопротивляться распоряженіямъ правительства, то, руководствуясь высочайшими повелѣніями 4 декабря 1861 года и 15 февраля 1862 г. о студентахъ второго курса Петербургскаго университета, кои, по мѣрѣ участія въ беспорядкахъ, отнесены къ сей категоріи, правительствующій Сенатъ полагалъ бы ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ сдѣлать ему, Лобанову, строгое внушеніе за участіе въ беспорядкахъ и затѣмъ даровать всемилостивѣйшее прощеніе.

«4. Что касается до студента Сваричевскаго, то изъ имѣющихся въ дѣлѣ свидѣній оказалось, что онъ, кромѣ настоящаго, прикосновененъ къ дѣлу о виновныхъ въ печатаніи и распространеніи запрещенныхъ сочиненій въ Москвѣ, и сіе послѣднее дѣло, по высочайшему повелѣнію, передано на разсмотрѣніе I отдѣленія 6 департамента Сената, а какъ прикосновенность его къ сему послѣднему дѣлу оказалась важнѣе, чѣмъ къ настоящему, то на передачу всѣхъ бумагъ, до него относящихся, въ I отдѣленіе 6 департамента для совокупнаго разсмотрѣнія исполнено высочайшее соизволеніе, которое въ настоящее время исполняется, а посему сужденія о немъ въ I отдѣленіи 5 департамента имѣть не слѣдуетъ.

«5. На *отставного лѣкаря Бокова*, мужа сестры *отставного* поручика *Обручева*, пало обвиненіе въ участіи въ распространеніи воззванія «*Великоруссь*» по тремъ причинамъ: 1) въ бумагахъ *Обручева* найдено было письмо къ нему *Бокова* въ конвертѣ съ такою же печатью (буквы *I. A.*), какою запечатаны были конверты, разсланные съ воззваніемъ «*Великоруссь*»; во 2-хъ, въ одномъ изъ его писемъ упоминалось будто бы о номерахъ первомъ и второмъ «*Великорусса*» и въ 3) въ одномъ изъ писемъ къ *Обручеву* есть сомнительное выраженіе слѣдующаго содержанія: «*О вашей брошюрѣ рѣчь впереди*». *Боковъ*, не сознаваясь ни въ какомъ участіи съ *Обручевымъ* въ распространеніи «*Великорусса*», ни въ знаніи составителей и распространителей его, объяснилъ, что означенная печать не его, и онъ не помнитъ, чьею печатью запечатано письмо это, такъ какъ оно могло быть писано имъ въ домѣ одного изъ больныхъ, имъ пользуемыхъ. По случаю сомнѣнія въ тождественности оттисковъ сихъ печатей, дѣлаемо было въ присутствіи правительствующаго Сената сличенія ихъ чрезъ трехъ экспертовъ, которые объявили, что они находятъ большое сходство въ рѣшеткахъ обоихъ оттисковъ печатей, но положительно удостовѣрить, что это оттиски одной и той же печати, не могутъ, потому что на одномъ изъ оттисковъ вензель размятъ на конвертѣ письма *Бокова* къ *Обручеву*. По второму пункту обвиненія *Боковъ* объяснилъ, что онъ не только не писалъ *Обручеву* о «*Великоруссѣ*», но и о существованіи его узналъ лишь въ III Отдѣленіи, гдѣ ему его показывали. Справедливость сего объясненія *Бокова* подтвердилась вырѣванными изъ III Отдѣленія подлинными письмами *Бокова*. И, наконецъ, о брошюрѣ *Боковъ* показалъ, что *Обручевъ* говорилъ ему, что издастъ на французскомъ языкѣ какую-то брошюру, но о чемъ—онъ не зналъ. *Обручевъ* объяснилъ, что онъ намѣревался издать брошюру о средствахъ къ предупрежденію рожденія дѣтей въ случаяхъ, когда это пагубно и для родителей и для ребенка. При такихъ обстоятельствахъ дѣла, касающихся лѣкаря *Бокова*, Сенатъ не находитъ основаній не только подозрѣвать его въ знаніи составителей и распространителей «*Великорусса*», но и въ какомъ бы то ни было участіи по сему преступленію, а посему отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу онъ долженъ быть освобожденъ».

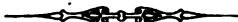
Это опредѣленіе прошло черезъ вполне его одобрившій Государственный совѣтъ, и поступило затѣмъ на высочайшее разсмотрѣніе. 8 мая *Александръ II* положилъ резолюцію: «*Обручева* сослать въ каторжную работу вмѣсто пяти лѣтъ, на три года, а въ прочемъ быть по сему».

21 мая приговоръ этотъ былъ объявленъ въ публичномъ засѣданіи Сената, а 31 мая, послѣ совершенія постыднаго для правительства обряда гражданской казни, *Обручевъ* былъ отправленъ въ Сибирь.

Такъ кончился процессъ «*великорусцевъ*».

Г. Пантелѣевъ рассказываетъ, что толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на поворномъ столбѣ внизъ головою за то, что онъ смѣлъ идти противъ царя... Для психологiи растущей толпы этотъ фактъ знаменателенъ: теперь она вела бы себя совершенно иначе.

Мих. Лемке.

Дѣло Бензенгера ¹⁾.

Въ 1864 г. былъ преданъ военному суду рекрутъ Нижегородскаго губернскаго батальона Юлій Бензенгеръ за „написаніе и представленіе начальству рукописи возмутительнаго содержанія“.

Происходя изъ незаконнорожденныхъ дѣтей, Бензенгеръ былъ причисленъ своимъ отцомъ, надворнымъ совѣтникомъ Бензенгеромъ, къ 3-ей гильдіи купцовъ и поступилъ затѣмъ въ Московскій университетъ, гдѣ, однако, прослушалъ курсъ только два года, послѣ чего, въ 1861 г., опредѣлился на недолгое время въ канцелярію С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора. Въ 1862 г. Бензенгеръ поступилъ рекрутомъ по найму за мѣщанина, и, слѣдуя на службу изъ С.-Петербурга въ Нижегородскій батальонъ, по прибытіи въ Москву, совершилъ побѣгъ, изъ котораго добровольно вернулся, спустя мѣсяць съ небольшимъ. По доставленіи въ Нижній-Новгородъ, онъ былъ заключенъ подъ стражу и здѣсь, за оскорбленіе словами офицера и покушеніе на убійство рядового былъ преданъ суду и приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 17 лѣтъ. По объявленіи приговора, Бензенгеръ представилъ собственноручную рукопись, выражавшую, по его словамъ, его политическій образъ мыслей, причемъ онъ выразилъ желаніе на представленіе этой рукописи, кому слѣдуетъ, и на оцѣнку справедливости его убѣжденій.

Эта рукопись озаглавлена: „Голосъ изъ народа“. Начинается она воззваніемъ: „Встаньте, братья-товарищи! На горизонтѣ запада явилась заря нашей свободы. Наши братья-славяне (поляки) подають намъ руку и призываютъ насъ къ оружію. Пора, давно пора стяхнуть съ себя ледяную кору деспотизма“. Далѣе, по изложеніи отношенія дворянства къ Петру I, авторъ говоритъ, что при преемникахъ Петра I, „благодаря тому счастливому обстоятельству, что Императрица Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна и Елизавета Петровна были любовницами русскихъ и германскихъ бояръ“, русскіе дворяне воспользовались только для того, чтобы выучиться болтать на томъ, невѣдомомъ въ Европѣ языкѣ, который называютъ смѣсью французскаго съ нижегородскимъ; при Екатеринѣ II-ой дворяне получили обширныя права. Строчки, касающіяся вопроса, почему не было отмѣнено крѣпостное право при Николаѣ I, исполнены негодованія: „Отравившійся Николай лежитъ на смертномъ одрѣ; цѣпенѣющимъ ухомъ слышитъ онъ проклятіе Бога равенства; онъ видитъ дьявола, со смѣхомъ предлагающаго ему почетное мѣсто въ пеклѣ. И вотъ онъ, трусъ, какъ всѣ тираны, призываетъ къ себѣ наслѣдника-сына и говоритъ: „Саха, сдѣлай доброе дѣло—освободи крестьянъ, сократи срокъ службы твоимъ солдатамъ; я не могъ этого

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго доклада генераль-аудитора.

сдѣлать. Быть можетъ, этимъ освободишь ты меня и себя отъ проклятія Бога и народа“. Нѣтъ, Николай! да не простишь тебѣ Богъ, какъ не простишь Россія! Зло, которое ты сдѣлалъ своему народу, несчастной Польшѣ и Венгріи—слишкомъ велико. Твой деспотизмъ былъ безграниченъ, и твои злодѣянія слишкомъ многочисленны и велики! Кровь и гибель всего твоего дома, всѣхъ твоихъ приверженцевъ, будетъ слабою искупительною жертвою за столько тираній, за столько невинныхъ жертвъ любви къ родинѣ и свободѣ. *Vive la mort!*“. Замѣчая, что русское дворянство не способно къ прогрессу, авторъ говоритъ, что „въ дѣлѣ освобожденія отчизны“ не поможетъ и духовенство, состоящее изъ послушныхъ служителей не Всевышняго Бога, а самодержца, изъ полицейскихъ чиновниковъ монголо-германской тираніи, проповѣдующихъ догматы, основанные на мертвыхъ и узкихъ идеяхъ Вѣблии, вродѣ: рабы, повинуйтесь своимъ господамъ. По выраженію Бензенгера, „всѣми пожертвованіями должно противиться осуществленію плана воспитанія народа духовными лицами, отъ чего произошла-бы новая крѣпостная зависимость, зависимость тѣмъ болѣе страшная и опасная для развитія народной жизни, что этотъ планъ, очевидно, истекаетъ изъ ненавистнаго всѣмъ намъ III-го Отдѣленія. Воспитывать народъ должны Бѣлинскіе, Герцены, Долгоруковы, Трубецкіе и вы, мои юные друзья! Да, вамъ предназначена честь приготовить народъ къ возстанію, къ сверженію съ себя ига монголо-голландской династіи“. Осуществить этотъ планъ Бензенгеръ предлагаетъ слѣдующими средствами:

„1) распространеніемъ въ народѣ общепонятныхъ результатовъ европейской науки, но не въ той мѣрѣ, въ какой дозволить это царская цензура, а разумно-свободно, какъ дѣлали это въ его время въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, т. е. распространеніемъ идей равенства, свободы и самоуправленія всѣхъ классовъ народа, доказательствомъ ему, что раздѣленіе на касты—противоестественное дѣло, что оно возможно только въ мертвомъ государствѣ деспотизма; 2) стараніемъ слить нашу армію съ народомъ, отторгнуть войско отъ царя, поселить въ немъ недоверіе къ тиранамъ, начальникамъ-нѣмцамъ, открыть этимъ бѣднымъ людямъ глаза; доказать имъ, что царь употребляетъ войско только для позорныхъ цѣлей, для угнетенія стремящагося къ освобожденію польскаго народа, для экзекуцій, для колотія штыками и битья прикладами цвѣта народной молодежи; стараніемъ объяснить солдатамъ ихъ высокое назначеніе—защищать честь родины, а не быть наемниками деспота-тирана. Когда войско солется съ народомъ,—пишетъ Бензенгеръ,—когда этотъ послѣдній не будетъ бояться солдатчины, какъ огня, какъ чумы, тогда остается еще два подготовительныя дѣла. Первое—попытаться привлечь на сторону возстанія духовенство и дворянство; если же они останутся равнодушными къ народному дѣлу, если они откажутся служить отечеству—объявить имъ непримиримую вражду, объявить ихъ злѣйшими врагами народа и тогда принять всѣ мѣры, не останавливаясь ни передъ какимъ средствомъ, хотя бы пролитіемъ ихъ подлой крови, для устраненія этого препятствія къ освобожденію народа и отчизны отъ ига. Второе — подать руку нашимъ братьямъ славянамъ, соединиться съ храбрыми поляками и биться съ ними противъ тирановъ, какъ это

дѣлають уже многіе честные люди русскіе; въ случаѣ же, если Польша сдѣлается независимою, слѣдуетъ просить ея содѣйствія, въ которомъ она, конечно, не откажетъ, какъ никогда не отказывала служить великимъ требованіямъ рода славянскаго и святому дѣлу свободы". Распоряженія правительства отъ 26-го сентября 1862 г. о преобразованіи судопроизводства и 17-го апрѣля 1863 г. объ отмѣнѣ прежняго тѣлеснаго наказанія, рукопись называетъ хитрою уловкою для избѣжанія возстанія, причемъ Бензенгеръ выражается, что „прошло уже два года, а комиссіи военныхъ судовъ по-прежнему собраніе глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ: презуса, не знающаго іоты въ дѣлопроизводствѣ, и ассесоровъ, думающихъ, при чтеніи выписки и приговора, о десяти безъ козырей и милашгѣ-Александринѣ". Указъ же 17-го апрѣля Бензенгеръ хотя и считаетъ въ первоначальномъ видѣ прекраснымъ и либеральнымъ, но признаетъ, что онъ всетаки „подгаженъ героями розги и палки". Рукопись была датирована 30-го марта 1864 г.

За составленіе и представленіе рукописи, приведенной выше въ отрывкахъ, Бензенгеръ былъ снова преданъ военному суду. На судѣ онъ объяснилъ, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ, вслѣдствіе даннаго ему воспитанія и того круга общества, въ которомъ онъ выросъ, его образъ мыслей былъ инстинктивно враждебенъ деспотизму; послѣднія же событія въ Москвѣ (исторія университетская) окончательно закрѣпили въ немъ эти чувства. Кромѣ того, Бензенгеръ призналъ, что, по справедливости, онъ не столько обвиняетъ Монарха, сколько людей, которымъ онъ поручаетъ высшее управленіе государствомъ; онъ убѣжденъ, что, если бы Монархъ былъ окруженъ другими людьми, не произошло бы въ Польшѣ послѣднихъ грустныхъ событій, и его задушевныя желанія, т. е. свободно-конституціонный образъ правленія съ Монархомъ истинно просвѣщеннымъ во главѣ, давно бы исполнились.

Военный судъ приговорилъ Бензенгера къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Генераль-аудиторіатъ ходатайствовалъ о замѣнѣ смертной казни безсрочными каторжными работами. 21-го января 1865 г. послѣдовала Высочайшая резолюція: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Бензенгеру былъ ограниченъ десятью годами".

Централка.

(Изъ воспоминаній.)

I.

Поѣздъ, который трогался вечеромъ 2 августа 1878 г. изъ Одессы на Харьковъ, былъ необычный поѣздъ. Въ числѣ пассажировъ находились 4 интеллигентныхъ молодыхъ человѣка во всемъ, до нитки, казенномъ арестантскомъ одѣяніи и съ кандалами на ногахъ. Спутниками ихъ были 8 жандармовъ подъ командой жандармскаго офицера. Для всѣхъ этихъ лицъ былъ отведенъ, конечно, отдѣльный вагонъ-салонъ—арестантскій.

Во время пути между этими пассажирами шла оживленная бесѣда. Вспоминали подробности вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго жандармамъ въ Одессѣ около полугода тому назадъ, недавняго суда, демонстраціи послѣ объявленія приговора. Два—три человѣка изъ жандармовъ, какъ оказалось, были въ числѣ тѣхъ, что брали «фортъ-Шаброль» на Садовой, а «старшій» даже присутствовалъ утромъ того-же дня (т. е. 2 августа) при казни Ковальскаго.

Картина была бы не полна, если бы я не прибавилъ, что на другой день, ко времени обѣда, при остановкѣ поѣзда на одной изъ большихъ станцій, въ вагонъ вошелъ лакей станціоннаго буфета, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, и принесъ для четырехъ молодыхъ каторжниковъ прекрасно сервированный обѣдъ....

Едва-ли нужно говорить, что рѣчь идетъ объ осужденныхъ въ каторжныя работы по процессу Ковальскаго. Здѣсь были: Свистычъ, Студзинскій, Кленовъ и я ¹⁾).

М. Ф. Фроленко, въ началѣ своихъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ, дышащихъ такою неподдѣльною простотою и правдивостью, между прочимъ пишетъ: «о приговорѣ, о тѣхъ ужасахъ, что ожидаютъ насъ впереди, какъ-то не думалось: *не было яснаго представленія въ головахъ*».

Если это справедливо относительно осужденныхъ въ 1882 году, такъ много выдавшихъ на своемъ революціонномъ вѣку, то оно еще болѣе можетъ быть примѣнено къ намъ, людямъ съ неболь-

---

¹⁾ Посильное описаніе „процесса Ковальскаго“ дано мною въ февральской книжкѣ „Былого“.

шимъ революціоннымъ прошлымъ, осужденнымъ за 3½ года до того, какъ вынесенъ былъ приговоръ по процессу 20-ти.

Въ наше время каторжныя тюрьмы только еще начали наполняться. О централкѣ до насъ доходили смутныя и неопредѣленныя слухи, о Петропавловкѣ было извѣстно развѣ то, что это—мѣсто предварительнаго заключенія для особо важныхъ преступниковъ, а изъ осужденныхъ тамъ томится одинъ Нечаевъ; о «каторгѣ» въ Сибири едва-ли что и слышали, и вообще отправки на *настоящую* каторгу были въ то время явленіемъ крайне рѣдкимъ (послѣдними, посланными туда до нашего осужденія каторжанами, были, кажется, нечаевцы—Успенскій и др.).

Въ частности, въ централкѣ тогда содержалось всего нѣсколько человѣкъ (долгушинцы, по процессу 50-ти и по мелкимъ процессамъ), и лишь почти одновременно съ нами четверьма присланы были пять каторжанъ по «Большому процессу» (Рогачевъ, Войноральскій, Сажинъ, Коваликъ и Мышкинъ). Такимъ образомъ число всѣхъ, перебивавшихъ въ централкахъ было доведено до 32 человѣкъ, изъ которыхъ 4 къ тому времени умерли (Дьяковъ, Гамовъ, Малиновскій и Елецкій). Тогда же послали впервые и въ Новоборисоглѣбскую тюрьму, а именно—по Большому процессу, четырехъ (Мышкина привезли къ намъ, въ Новобѣлгородскую).

Путь нашъ лежалъ черезъ Харьковъ. Отсюда на почтовыхъ насъ должны были доставить черезъ Чугуевъ въ Новобѣлгородъ. Но во избѣжаніе излишней огласки, а можетъ быть, и изъ опасенія инцидентовъ вродѣ того, который имѣлъ мѣсто, незадолго передъ тѣмъ, при перевозкѣ изъ Харькова въ Новоборисоглѣбскъ Войноральскаго ¹⁾, насъ высадили не въ самомъ Харьковѣ, а гдѣ-то поближе.

На станціи встрѣтилъ насъ, очевидно, командированный изъ Харькова жандармскій офицеръ. Тройки были готовы, и мы были разсажены каждый на отдѣльный тарантасъ подъ конвоемъ 2 жандармовъ. Офицеры, т. е. конвоировавшій насъ изъ Одессы и присланный изъ Харькова, ѣхали въ одномъ тарантасѣ, замыкая поѣздъ.

Везли насъ хорошо. Тарантасы, лошади, сбруя, платье у ямщиковъ—все было форменное и доброкачественное. Я въ первый разъ ѣхалъ на настоящей русской тройкѣ, и все меня занимало и развлекало. Оставила во мнѣ впечатлѣніе и живописная мѣстность у Новобѣлгорода.

Въ централку мы пріѣхали что-то очень поздно. Принимали насъ въ «корпусѣ», т. е. главномъ зданіи. Обыскивали и отбирали лишнія вещи надзиратели. Помню, я спросилъ, можно ли оставить при себѣ кое-какія вещи (вѣроятно, очки и носовой

¹⁾ Нѣсколькими революціонерами была сдѣлана попытка къ освобожденію Войноральскаго.

платокъ) и табакъ. Надзиратель сказалъ, что о вещахъ онъ освѣдомится у смотрителя, а о табакѣ нечего и заикайся.

Вся эта процедура происходила довольно долго, и я не могу сказать, чтобы она, послѣ всего пережитого, произвела на меня особенно удручающее впечатлѣніе.

Но былъ одинъ пунктъ, который заставилъ задуматься; надзиратели нѣсколько разъ, и, какъ мнѣ показалось, умышленно подчеркивая, обращались къ намъ на «ты»...

Въ послѣдній разъ мы пожали другъ другу руки, и насъ развели по камерамъ: меня—въ лѣвую «одиночку», Кленова Студзинскаго и Свитыча—въ правую.

Камеры оказались настоящими кельями-одиночками. Кровать и столъ прибиты къ стѣнамъ, табуретка прикрѣплена къ полу, а затѣмъ—никакой мебели. На кровати—тощій войлокъ, подушки нѣтъ. На столѣ—жестяная кружка. Окна—маленькія, гдѣ-то подъ потолкомъ.

Теперь ужъ все, все кончено. Впереди—годы, дни которыхъ похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Началось настоящее «заточеніе»...

Я привезенъ въ централку въ августѣ (а именно: 4-го числа) 1878 г. Но съ іюля того же года режимъ былъ нѣсколько смягченъ (послѣ голодовки), и именно въ отношеніи обращенія тюремной администраціи съ заключенными,—т. е. въ томъ, къ чему заключенные всегда относятся съ особенно повышенной чувствительностью. На недолгое время и при мнѣ администрація повысила было тонъ. Это было при смотрителѣ Кошнинѣ, котораго фонъ-Валь, занявшій губернаторское мѣсто послѣ убитаго Крапоткина, поставилъ на мѣсто недостаточно жестокаго Грацилевскаго. Но, во-первыхъ, этотъ періодъ былъ очень непродолжителенъ, а во-вторыхъ, и Кошнинъ обращался съ нами, если не было вызова съ нашей стороны, чрезвычайно вѣжливо (говорилъ всегда «вы»), и лишь въ случаѣ упорства повышалъ тонъ до выкрикиванія: «Ты кто такой?—каторжникъ, и долженъ безпрекословно исполнять то, что приказываютъ».

Итакъ, мнѣ придется описывать сравнительно недолгій періодъ жизни централки (2 года 1 мѣсяць и 9 дней) и притомъ періодъ болѣе мягкаго режима...

II.

Новобѣгородская центральная для ссыльно-каторжныхъ тюрьма была сооружена для уголовныхъ преступниковъ, и только спустя нѣкоторое время додумались до мысли устроить тамъ центральное мѣсто заключенія и для государственныхъ преступниковъ, присуденныхъ къ каторжнымъ работамъ. Впослѣдствіи, когда число такихъ политическихъ стало быстро увеличиваться, стали изыскивать новыя мѣста заключенія. Мы, судившіеся по процессу Коваль-

скаго,—послѣдніе, перевезенные въ централки ¹⁾). Послѣ того начали содержать—временно въ Петропавловкѣ съ послѣдующимъ переводомъ на Кару (по процессу 16-ти), а затѣмъ—въ Александровскомъ рavelинѣ и, наконецъ, въ Шлиссельбургѣ. Одновременно съ этимъ увеличилось и население Кары: въ мое время (1882—1883 гт.) тамъ, считая и женскую тюрьму, было болѣе ста человѣкъ. Настъ, централистовъ, также перевезли (въ 1880—1881 гт.) туда. Кару скоро упразднили, и изъ нея перевезли оставшихся, за выходомъ на поселеніе и переводомъ въ Шлиссельбургъ, въ Акатуй.

Самое зданіе Новобѣлгородской тюрьмы было «приспособленное»: оно было передѣлано подъ тюрьму изъ какого-то склада военныхъ припасовъ или чего-то въ этомъ родѣ.

Ограда была очень обширная. Между передней стѣной и тюремными зданіями располагался довольно большой садъ. Растительность въ этомъ саду не достигала большого развитія; за нимъ присматривалъ садовникъ изъ уголовныхъ каторжанъ. Въ этомъ саду мы гуляли.

Въ центрѣ ограды расположенъ былъ «корпусъ» — обширное зданіе съ большими камерами, гдѣ содержались уголовные. Тамъ находилась и тюремная церковь. По обѣ стороны корпуса были расположены «одиночки», т. е. небольшіе корпуса съ камерами для одиночнаго заключенія. Построены они были также не съ расчетомъ на содержаніе здѣсь государственныхъ преступниковъ: одиночныя камеры имѣются при всякой, даже каторжной тюрьмѣ. Говорю: «даже каторжной», такъ какъ изолированіе уголовныхъ подсѣдственныхъ практикуется сравнительно часто. Въ каторжныхъ же тюрьмахъ (или отдѣленіяхъ тюремъ) изолируются или въ наказаніе за провинности противъ тюремной дисциплины или же въ видахъ отягченія наказанія, отцеубійцы, такъ называемые «отцы», т. е. осужденные за изнасилованіе своихъ дочерей, профессиональные разбойники и т. п.

У лѣвой и правой стѣны, передъ одиночками, расположены были: съ одной стороны — больница, съ другой — кухня и мастерскія. За корпусомъ складывались бревна для дровъ, которыя распиливались и раскалывались въ полѣнья арестантами. Отсюда дрова развозились на обыкновенныхъ телѣгахъ арестантами, для чего впрягалось ихъ въ телѣгу по 4—6 человѣкъ. Воду изъ колодца, который былъ вырытъ тутъ же въ оградѣ, развозили также арестанты въ обыкновенныхъ 40-ведерныхъ бочкахъ. Въ глубинѣ ограды помѣщались: въ лѣвомъ углу — амбаръ, въ правомъ—баня и прачечная. Къ лѣвой стѣнѣ ограды, съ наружной стороны послѣдней, непосредственно примыкала квартира смотрителя (вѣроятно,—и эконома), такъ что окна ея вы-

---

¹⁾ Не считая заключенныхъ туда долго спустя, которые содержались при совершенно другомъ режимѣ и при другихъ условіяхъ.

ходили въ тюремную ограду, какъ разъ противъ мѣста, куда выводили на прогулку изъ лѣвой одиночки.

Во главѣ спасительнаго учрежденія стоялъ смотритель (сначала Грацилевскій, а затѣмъ Копнинъ). Ему подчинена была многочисленная команда надзирателей. Одинъ былъ старшимъ на всю тюрьму, нѣсколько—старшими по отдѣленіямъ (въ корпусѣ—человѣка 4 или 5, въ одиночныхъ—по одному), и цѣлая свора младшихъ. Старшіе были вооружены револьверами, младшіе—полицейскими пашками. Изъ офицерскихъ чиновъ у смотрителя помощника не было. Но въ офицерской полицейской формѣ¹⁾ щеголялъ и экономъ, который завѣдывалъ только хозяйственною частью. При тюрьмѣ находились врачъ и священникъ.

Долженъ сказать, что я все время просидѣлъ въ одной лѣвой одиночкѣ, и на правую сторону тюремнаго двора ходилъ только, когда водили въ баню. И потому я за точность своего описанія топографіи правой части двора не ручаюсь. Не знаю я совершенно и расположенія камеръ правой одиночки.

Что касается лѣвой, то входъ въ нее былъ противъ корпуса. Сюда вели три или четыре ступеньки, такъ что полъ зданія былъ чуть ли не на аршинъ выше земли. Изъ входной двери вступали въ переднюю, а черезъ нее—въ корридоръ налѣво. Противъ передней находилась, по ту сторону корридора, комната для надзирателей. Подавшись влѣво по корридору, вы встрѣчаете рядъ расположенныхъ другъ противъ друга камеръ для заключенныхъ. Въ предпоследнемъ помѣщеніи вполнѣдствіи была устроена наша мастерская.

Камеры, обращенныя къ тюремной оградѣ, были чуть-чуть длиннѣе тѣхъ, которыя выходили окнами къ корпусу. Двери, ведущія въ камеры, были, конечно, и снаружи, и изнутри оклеены желѣзомъ, въ нихъ были продѣланы форточки для сообщенія съ заключенными, а въ форточкахъ—«глазки», прикрывающіяся заслонками, для заглядыванія изъ коридора внутрь камеры. Надъ дверьми—окошечки, въ которыя ставились на ночь лампы керосиновыя. Полы въ камерахъ—деревянные. Изъ мебели, какъ я уже упоминалъ выше, находились лишь кровать, табуретка и столъ. Кровать представляла изъ себя деревянный ящикъ верхка въ два вышиною. Ящикъ этотъ на шарнирахъ могъ быть поднятъ къ стѣнѣ и тамъ укрѣпленъ. Подъ нимъ находились складныя ножки. Подстилкою служилъ только войлокъ. Въ изголовьи—наклонно поставленная дощечка. Табуретъ былъ прибитъ къ полу. Что касается стола, то онъ также былъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ шарнирами и имѣлъ подгибающуюся ножку. Его можно было опустить и прикрѣпить въ такомъ положеніи къ стѣнѣ. Изъ посуды была только кружка для воды. Въ углу—печка, окрашенная въ черный цвѣтъ. Окно когда-то было обыкновенное.

¹⁾ Въ то время тюремное вѣдомство находилось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и всѣ служажіе при тюрьмахъ имѣли полицейскую форму.

Но при передѣлкѣ зданія подъ тюрьму оно до верхнихъ стеколъ было заложено и при томъ такъ, что камень шелъ наклонно: внизу начинаясь шириною бывшаго подоконника, онъ къ стекламъ сходилъ на нѣтъ. Такимъ образомъ, взобраться къ стекламъ, чтобы заглянуть во дворъ, было чрезвычайно трудно. Да и свѣту окно давало не много, хотя можно было свободно читать и даже писать красками.

Три обстоятельства выгодно отличали наши камеры отъ того, что, судя по описаніямъ, было въ другихъ тюрьмахъ для политическихъ каторжанъ.

Это во-первыхъ населенность тюрьмы. Не было мертвящей тишины. По двору въ теченіе всего дня ходили взадъ и впередъ арестанты,—по одиночкѣ и группами (всегда съ конвоемъ; даже за садовникомъ, когда онъ работалъ въ саду, по пятамъ слѣдовалъ надзиратель). Провозились телѣги съ дровами, бочки съ водой, проносились провизія изъ амбара, разносилась пища. За корпусомъ также весь день слышались удары топора и визгъ пилы. Наконецъ, на крыльцѣ больницы постоянно собирались легко больные, и тамъ шли неумолчные разговоры, что было слышно и въ нашей одиночкѣ. Обитатели правой, вѣроятно, слышали шумъ отъ работы въ мастерскихъ, въ кухнѣ и прачечной съ баней. Не лишнее отмѣтить, что до и послѣ обѣда и ужина арестанты хоромъ пѣли молитвы, и звуки этого пѣнія всегда ясно доносились до обѣихъ одиночекъ. Итакъ, тишина мертвенная, если и наступала, то только послѣ повѣрки.

Во-вторыхъ, не малое значеніе имѣло то обстоятельство, что одиночки не одиноко стояли въ какомъ-нибудь тѣсномъ дворикѣ, а расположены были въ обширномъ дворѣ рядомъ со многими другими зданіями. И потому, хотя въ окна заглядывать намъ приходилось и не часто (нѣкоторые умудрялись подвѣшивать себя на полотенцѣ за рѣшетку окна), но въ каждомъ жило сознаніе, что за окномъ не глухая стѣна. Даже въ тѣхъ камерахъ, которые были обращены къ оградѣ, не чувствовалось гнетущей пустоты или давящей стѣны, такъ какъ ограда была на разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ оконъ, очень не высока и изъ-за нея можно было кое что иногда видѣть изъ вольной жизни (напр. дымъ изъ трубы обывательскихъ домовъ, перелеты домашнихъ гусей и т. п.).

Наконецъ, третье обстоятельство указаннаго характера заключалось въ томъ, что камеры были расположены не на одной сторонѣ помѣщенія, а на обѣихъ. Такимъ образомъ, передъ дверьми своей камеры, каждый чувствовалъ не глухую и мрачную стѣну, а присутствіе товарища. Хотя съ этимъ товарищемъ никогда не видѣлся, но на психику каждого это, несомнѣнно, имѣло свою долю вліянія.

III.

На прогулку насъ выводили два раза въ день на 1/2 часа, и притомъ гуляли мы въ саду. Правда, для прогулокъ отведенъ

были опредѣленные аллеи, и, конечно, чрезвычайно надоѣдало изо-дня въ день мѣрить шагами одну и ту же узенькую полоску земли. Но въ смыслѣ пользованія воздухомъ (а отчасти и движеніемъ) прогулки, какъ мы ими пользовались, несомнѣнно, значительно поддерживали наше здоровье. Надо замѣтить, что, конечно, въ холодную погоду намъ выдавались полушубки, и, на сколько помню, изъ-за холода, кажется, никогда никто изъ насъ не отказывался отъ прогулки. Повидимому, вообще за эту сторону режима слѣдили хорошо.

Хуже обстояло дѣло съ одеждою. Нѣкоторое стараніе, повидимому, прилагали къ тому, чтобы намъ выдавалась нѣсколько лучшая одежда и бѣлье, чѣмъ уголовнымъ. Но все же оно было изъ рукъ вонъ плохо и «построено» изъ отвратительнаго и недоброкачественнаго матеріала. И мы часто ходили оборванцами. Но что особенно угнетало,—такъ это недостаточная простиранность бѣлья.

Нужно добавить, что разрѣшалось пользоваться собственными носовыми платками и очками.

Но изъ внѣшняго режима хуже всего была пища. Можно сказать, что она была, въ общемъ, отвратительна. Пищевой режимъ былъ такой: часовъ въ 10—11 обѣдъ, около 5—ужинъ. Хлѣбъ (2 фунта съ чѣмъ-то) приносили обыкновенно утромъ. Онъ былъ плохо выпеченъ, а кромѣ того къ нижней коркѣ обыкновенно приставало не мало золы или даже кирпича. Но голодъ былъ такъ чувствителенъ, что я, наприимѣръ, консумировалъ обыкновенно всю корку съ посторонними ингредиентами въ расчетѣ, что такимъ образомъ ни одинъ атомъ питательнаго вещества не пропадетъ, а что лишнее, то желудокъ выведетъ наружу и безъ специальныхъ моихъ заботъ объ этомъ. При этомъ все-таки приходилось съ утра распределять паекъ на порціи: «это, молъ, сейчасъ съѣмъ, а вотъ это—въ обѣдъ, это—къ ужину, а это вечеромъ». Но когда голодъ давалъ себя знать, то начиналось обманываніе самого себя: нѣтъ-нѣтъ,—да и урвешь что-нибудь изъ слѣдующей порціи, увѣряя себя, что зато послѣ не захочется уже ѣсть. Конечно, «послѣ» такъ же хотѣлось ѣсть, какъ и «до»...

Мяса полагалось на человѣка 42 золотника. Экономъ, понятно, неукоснительно заботился о томъ, чтобы мясо не было перво-сортнымъ. И если при этихъ условіяхъ отбросить кости, то оставалось ничтожнѣйшее количество мяса въ супѣ; да и какой это, въ самомъ дѣлѣ, «супъ»? На засыпку шла крупа, клался и кортофель. Въ общемъ получался очень мало питательный брандахлысть.

На обѣдъ, кромѣ суда, полагалась еще и каша. Не говоря о томъ, что крупа была скверная, и каша приготовлялась скверно, въ ней обнаруживали мы такое количество крысиныхъ экскрементовъ, что многіе, несмотря на голодъ, вовсе отказывались ѣсть кашу. Другіе старались выбрать этотъ непріятный ингре-

дiентъ; но, въ сущности, это была бесплодная работа: на выбранную крупинку оставалось десять невыбранныхъ. И приходилось относиться къ дѣлу столь-же философски, какъ и къ припеченному къ хлѣбной коржѣ кирпичу...

На ужинъ выдавали жидкую кашу или что-нибудь въ этомъ родѣ,—во всякомъ случаѣ какую нибудь дрянъ.

Съ удовольствiемъ пили мы квасъ. Его приготавливали на остатки отъ «хлѣбнаго довольствiя». Квасъ выдавали безъ ограниченiя всѣмъ желающимъ; но нерѣдко приходилось выслушивать отказъ, такъ какъ, моль, весь квасъ вышелъ. Обыкновенно же запивали ѣду водой. Воду подавали въ камеры черезъ форточку надзиратели; надо было постучать въ дверь и передать надзирателю кружку.

Табакъ никому и никогда не разрѣшался.

Чай выдавали только тѣмъ, кто былъ на больничномъ положенiи.

Въ больницу никого изъ насъ не переводили. Даже умирающiе умирали въ камерахъ. Но на больничное положенiе переводили сравнительно легко. Это означало, прежде всего, для пищевого режима, то, что вмѣсто 2 съ тѣмъ-то фунтовъ чернаго хлѣба выдавали... 1 ф. бѣлой булки. Это, доложу вамъ, нѣчто убiйственное! Конечно, въ общемъ больничный режимъ былъ питательнѣе обыкновеннаго: давали утромъ кружку чаю съ маленькимъ кусочкомъ сахару, болѣе слабымъ—стаканъ молока, мясо шло лучшаго качества, да и по количеству его было больше (приносили до раздачи обѣда, кусокъ—этакъ въ $\frac{3}{4}$ ф.), иногда назначалась курица или кисель. Но въ общемъ количество вводимой въ желудокъ пищи было чрезвычайно мало, и чувство голода не покидало насъ на больничномъ режимѣ, какъ и на обыкновенномъ.

Подаянiе, поступавшее съ воли «отъ добродѣтельныхъ дателей» на всю тюрьму, не могло, конечно, восполнять въ сколько нибудь значительной степени недостатки тюремнаго пищевого режима. Но, кромѣ этого, намъ передавали на всѣхъ государственныхъ то, что доставлялось родственниками (моею матерью, матерью Дмоховскаго и женою Долгушина, которыя имѣли свиданiя). Кромѣ личныхъ средствъ, на это шли и собираемыя въ Харьковѣ въ нашу пользу деньги. Пока были свиданiя, режимъ нашъ иногда въ теченiе болѣе или менѣе продолжительнаго времени значительно улучшался.

Надо упомянуть, что на Пасху, на Рождество и въ Новый годъ выдавалась улучшенная и дѣйствительно хорошая пища (обыкновенно похлебка съ большимъ количествомъ хорошей жирной свинины). Но всѣ эти мелкiя и временныя нарушенiя режима не оставили по себѣ сколько-нибудь замѣтнаго слѣда въ воспоминанiяхъ, и здѣсь преобладаетъ ощущение голоданья, систематическаго и непрерывнаго, въ теченiе всего времени; что провели мы въ централкѣ.

Я долженъ въ заключеніе прибавить, что, въ сущности, мы не были лишены и табаку. Помню, какъ былъ я удивленъ на другой же день по прибытіи въ централку, когда послѣ обѣда форточка тихо отворилась и вмѣстѣ съ кружкой воды, которой я не просилъ, надзиратель передалъ мнѣ горсть табаку-махорки («крупка» или «корешки»). Оказалось, что этотъ надзиратель получалъ отъ нашихъ родныхъ, пріѣзжающихъ на свиданія, деньги на табакъ и въ вознагражденіе за доставку его намъ; онъ же передавалъ намъ и записки съ воли.

Но табакъ бывалъ у насъ не постоянно. Промежутки табачнаго голоданья были иногда продолжительны и въ поддержаніи здоровья (какъ, наприм., противоцынготное) куренье не играло сколько-нибудь замѣтной роли.

Замѣчу здѣсь, что иногда нѣсколько папиросъ оставлялъ и смотритель Грацилевскій Долгушину. Не знаю, дѣлалъ-ли онъ это для послѣдняго въ видѣ исключенія; возможно, что и такъ, хотя Долгушинъ ничѣмъ не заслуживалъ такого къ себѣ исключительнаго вниманія, кромѣ развѣ открытости своего характера и общительности. О Долгушинѣ я знаю это потому, что сидѣлъ рядомъ съ нимъ, и онъ, конечно, всегда дѣлился со мной папиросами, полученными отъ Грацилевскаго.

Помню, одинъ разъ я чуть съ ними не нарвался самымъ скандальнымъ образомъ. Только что я получилъ отъ Долгушина 2—3 папиросы, какъ меня позвали на свиданіе съ матерью. И если бы меня вздумали на обратномъ пути обыскать, то, конечно, подумали бы, что папиросы принесла мнѣ мать, если бы я не сказалъ, что они—смотрительскія и переданы мнѣ Долгушинымъ. Не знаю, какъ я выпутался бы изъ этого положенія; но, къ счастью, на этотъ разъ меня по возвращеніи въ тюрьму не обыскали.

Вотъ—все, что припоминаю о матеріальной сторонѣ нашего режима въ централкѣ.

IV.

Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ поддержанія бодрости заключенныхъ является, безспорно, разрѣшеніе переписки. Мы въ централкѣ не были лишены права переписываться съ родными, и право это не было чѣмъ-либо ограничено,—за исключеніемъ, конечно, цензуры. Вся моя переписка съ родными сохранилась почти цѣликомъ, и въ ней находится, напримѣръ, мое письмо 16 марта 1880 г., писанное послѣ письма отъ 14 марта того же года, т. е. черезъ день.

Письма шли не особенно долго, принимая въ соображеніе, что цензуровались они не смотрителями, а въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи. Такъ, письмо изъ Одессы отъ 24 августа 1880 г. было много получено 12 сентября, письмо отъ 1 августа того-же года—15 августа, отъ 16 марта—28 марта,—словомъ, письма изъ Одессы доходили приблизительно черезъ 2 недѣли.

И нельзя сказать, чтобы мы были черезчур стѣснены цензурой. А характеръ переписки, которую намъ разрѣшалось вести въ централкѣ, былъ довольно благоприятенъ для состоянія нашего духа. Изъ писемъ сестры узнавалъ я, а черезъ меня и вся централка, что такія-то лица арестованы, сосланы административно или осуждены на каторгу, поселены тамъ-то, узнавали о такомъ выдающемся фактѣ, какъ кража денегъ изъ казначейства; словомъ, получали свѣдѣнія, характеризующія революціонное движеніе и политику правительства по отношенію къ государственнымъ преступникамъ.

Я долженъ добавить къ этому, что за выборомъ лицъ, съ которыми разрѣшалось намъ переписываться, слѣдили не слишкомъ строго. Передано было мое письмо къ моей подругѣ юности, — и изъ этого письма ясно было видно, что она — вовсе и не родственница моя. Обмѣнивался я письмами также съ не родственникомъ, хотя и близкимъ человѣкомъ, воспитанникомъ моего дѣда, и никто меня не спрашивалъ, въ какомъ родствѣ нахожусь я съ этимъ «Петрусемъ», фамилія котораго я въ письмахъ никогда и не называлъ.

Кромѣ писемъ, передавались намъ и посылки, или, по крайней мѣрѣ, то изъ нихъ, что вообще разрѣшалось намъ имѣть въ камерахъ. Такъ, не говоря о книгахъ, я постоянно получалъ письменныя и рисовальныя принадлежности, краски, лакъ и кисти для живописи, очки, платки и т. п. Съ другой стороны, двѣ картины масляными красками, написанныя мною въ тюрьмѣ, были пересланы, по моей просьбѣ, моимъ роднымъ.

Свободно пропускались и стихотворенія, написанныя въ тюрьмѣ. Конечно, стихотворенія должны были быть цензурными, но важно это для выясненія того, что переписка наша не носила казеннаго характера. Такъ, мое стихотвореніе, посвященное матери, и другое, чисто личнаго характера, я переслалъ на волю; но поэму, посвященную Ковальскому, и стихи, гдѣ я рисовалъ картину предстоящей гибели государственнаго строя (частнѣе: самодержавія) при сохраненіи, впрочемъ, укладовъ народной жизни, я конечно, и не пытался сообщить въ письмахъ.

Перехожу къ другому фактору, который поддерживаетъ заключенныхъ, въ особенности въ одиночкахъ, — къ чтенію и письменнымъ занятіямъ.

Намъ разрѣшалось не только читать, но и вести какія угодно письменныя занятія ¹⁾. Къ сожалѣнію, наша бібліотека была довольно убога. Само собою разумѣется, книги разрѣшалось имѣть далеко не всѣ; но и при этомъ условіи подборъ книгъ могъ бы быть болѣе разнообразнымъ, и по количеству ихъ могло бы быть значительнѣе. Тѣмъ не менѣе, кажется, по всѣмъ отраслямъ знанія у насъ были кое-какія сочиненія: по математикѣ (учебники

¹⁾ Долгушинъ увлекался составленіемъ учебниковъ для своего сына по всѣмъ предметамъ первоначальнаго образованія.

низшей и высшей математики, теорія перспективы), по зоологіи, геологіи, ботаникѣ (все—университетскіе курсы), по исторіи (Шлоссеръ и др.), по древнѣйшей исторіи права (Мэнъ, Ковалевскій), по антропологіи (Топинаръ), по языкамъ (серія учебниковъ нѣмецкаго, англійскаго, французскаго), по политической экономіи (Марксъ,—зайцемъ: подъ обложкой «Сельско-хозяйственнаго дѣла» Ермолова), по правовѣдѣнію («Сборники Государственныхъ Знаній», университетскія лекціи),—наконецъ, по беллетристикѣ и драмѣ (Шекспиръ, Островскій, Л. Толстой, Гоголь, Диккенсъ, второстепенные авторы въ оригиналахъ и переводахъ). Однимъ словомъ, можно было заниматься, если и не систематически, то серьезно.

И дѣйствительно, многіе изъ насъ занимались весьма серьезно (малообразованные и неуспѣвшіе окончить своего образованія), другіе имѣли возможность читать «запоемъ». Насколько то и другое оказывалось продуктивнымъ, это зависѣло не отъ обстановки этого дѣла по инструкціи, а во-первыхъ, отъ недостаточнаго строгаго подбора книгъ и недостаточнаго ихъ количества, а во-вторыхъ, отъ общихъ условій пребыванія въ одиночномъ заключеніи.

Для письменныхъ занятій намъ выдавались перенумерованныя тетради. Новая выдавалась по предъявленіи прежде исписанной. Выдавали желающимъ и по двѣ тетради. Чернила и перья отпускались въ нужномъ количествѣ. Благодаря всему этому, можно было не только читать книги, но и штудировать ихъ. Можно было составлять конспекты, заниматься переводами, записывать мысли и выводы, даже писать сочиненія. Само собою, отъ цензурнаго мы воздерживались. И я разсматриваю наши занятія съ точки зрѣнія вліянія, которое они могли оказывать на поддержаніе нашихъ умственныхъ и душевныхъ силъ, какъ необходимая гимнастика.

Когда я выразилъ желаніе заниматься рисованіемъ и живописью, то мнѣ это было разрѣшено. Я получилъ въ камеру перочинный ножикъ, карандаши и ватманскую бумагу *à discretion*, краски, кисти, холстъ на рамахъ, которыя для меня приготовляли въ мастерской уголовные, и приготовленный тамъ же мольбертъ.

Мнѣ остается сказать, что ни газетъ, ни журналовъ мы не имѣли, но духовные журналы намъ передавали. Между прочимъ, изъ какого-то такого журнала мы, наприм., узнали всѣ подробности о покушеніи Соловьева. Разрѣшенъ былъ и «Русскій Календарь», и изъ лѣтописи событій, помѣщаемыхъ въ этомъ календарѣ, мы узнали о всѣхъ выдающихся проявленіяхъ общественной, а въ частности революціонной дѣятельности въ Россіи и за границей.

Надо при всемъ этомъ имѣть въ виду, что фактически при мнѣ никогда кровати на день не подымались, столы не опускались, и табуреты были освобождены отъ прикрѣпленія къ полу. Е сли и были временныя исключенія, то я ихъ не могу припом-

нить. У меня, наприм., табуретку отбили отъ пола, какъ только я сталъ заниматься живописью, по первой же моей просьбѣ объ этомъ, и съ тѣхъ поръ табуретку уже не приколачивали ни разу.

Лампу также, какъ общее правило, разрѣшалось держать вечеромъ въ камерѣ часовъ до 10 или 11, не помню точно.

Третій факторъ въ ряду тѣхъ, которые поддерживали въ насъ до извѣстной степени бодрость духа, это—свиданія.

Конечно, далеко не всѣ изъ товарищей имѣли свиданія. Но по крайней мѣрѣ Долгушинъ съ женою, а я и Дмоховскій—съ матерями имѣли систематическія свиданія разъ въ двѣ недѣли. Весьма вѣроятно, что право на свиданіе, даже при невозможности реализовать это право, не оставалось безъ нѣкотораго бодрящаго вліянія на всѣхъ заключенныхъ. Долженъ, впрочемъ, замѣтить, что при мнѣ свиданія были прерваны на долгое время убійствомъ Крапоткина (можетъ быть, такіе перерывы случались и раньше, я этого не знаю). И послѣ этого моимъ родителямъ было разрѣшено повидаться со мною всего два раза въ продолженіе немногихъ дней,—въ періодъ «диктатуры сердца», незадолго до вывоза насъ изъ централки.

Свиданія происходили при довольно сносной обстановкѣ. Насъ вводили въ квартиру смотрителя и мы видѣлись съ родными въ залѣ смотрительскихъ апартаментовъ. Обыкновенно, я съ матерью сидѣлъ на креслахъ у преддиваннаго стола, а противъ насъ располагался въ креслѣ смотритель. Держался онъ при этомъ всегда вполне корректно. Одинъ разъ онъ несомнѣнно замѣтилъ, что мать мнѣ что-то передала, но и тутъ онъ не сдѣлалъ по этому поводу никакихъ «зависящихъ распоряженій», т. е. не приказалъ меня обыскать болѣе тщательно (въ сущности онъ могъ бы приказать найти, и надзиратели, конечно, нашли бы). И дѣло ограничилось тѣмъ, что на слѣдующее свиданіе насъ съ матерью не отдѣлялъ отъ него столъ и передать что-либо было уже невозможно. Свиданіе продолжалось $\frac{1}{2}$ часа или часъ,—теперь не помню.

Такъ было при смотрителѣ Грацилевскомъ. Инымъ способомъ обставлялъ свиданія смѣнившій Грацилевскаго Копнинъ.

Первое свиданіе при этомъ послѣднемъ происходило гдѣ-то въ передней, и онъ не приготовилъ для меня даже и стула, такъ что я все время стоялъ около отца, который, по болѣзни, принужденъ былъ сидѣть. Слѣдующія два происходили уже не въ передней, и для меня былъ стулъ; но все же не въ гостинной и не на мягкой мебели. Но зато Копнинъ значительную часть времени свиданія оставлялъ насъ однихъ, уходя въ сосѣдную комнату, въ свой кабинетъ.

Я упомянулъ, что мать кое-что мнѣ передала на свиданіи. Это было явленіе обычное. Мы получали на свиданіяхъ записки и деньги. Кромѣ того переписка съ родственниками, жившими у тюрьмы, у насъ велась и черезъ того надзирателя, который доставлялъ намъ табакъ. Такимъ образомъ, кромѣ переписки че-

резъ начальство, мы временами не были лишены возможности сообщаться съ волею и тайно. Этому обстоятельству, между прочимъ, обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ и «Заживо-погребенные»¹⁾.

V.

Все, до сихъ поръ изложенное, само собою должно привести читателя къ предположенію, что не обходилось дѣло и безъ сношеній между товарищами.

Здѣсь прежде всего нужно упомянуть о традиціонномъ перестукиваніи. При Грацилевскомъ оно въ мое время никогда не преслѣдовалось. Копнинъ сдѣлалъ было попытку вывести его, и, если не ошибаюсь, Здановичъ за отказъ прекратить перестукиваніе и за разговоръ объ этомъ съ Копнинымъ въ повышенномъ тонѣ просидѣлъ чуть-ли не 6 дней въ карцерѣ. Но при недостаточномъ надзорѣ (у насъ былъ одинъ надзиратель, при томъ почти совершенно глухой) достигнуть исполненія своего требованія Копнину оказалось не подъ силу.

Перестукиваться могли только сосѣди. Для сообщеній между товарищами, сидящими далеко другъ отъ друга а также между обѣими одиночками служила переписка. Бумагу для нея мы вырывали изъ книгъ. Чтобы предотвратить это (конечно, о перепискѣ начальство знало), Грацилевскій приказалъ нашему старшему, Черняку, исполосовать чистые листы книгъ чернильными полосами. Понятно, это не достигало своей цѣли. Я до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить комическую фигуру пожилого, въ очкахъ, Черняка, своими закорючлыми руками проводящаго толстенныя линіи испорченнымъ перомъ по бѣлымъ листамъ бумаги, встрѣчающимся въ книгахъ.

Записки клали въ условленное мѣсто въ клозетѣ или задѣлывали въ корешки книгъ.

Кромѣ обыкновенныхъ чернилъ, мы пользовались въ экстренныхъ случаяхъ для переписки и «химическими»,—молокомъ. Если исписанную молокомъ бумажку слегка протереть пепломъ сожженной бумаги, то написанная проступаетъ.

Въ 1880 году, помню, по инициативѣ Мышкина у насъ завязалась переписка дискусіоннаго характера. Мышкину хотѣлось выяснитъ программы возникшихъ послѣ него партій. Мнѣ пришлось выяснять нео-якобинизмъ. Припоминаю, что для Мышкина было странно слышать о захватѣ власти. Въ памяти моей сохранилась одна фраза изъ его письма приблизительно такого содержанія: «Я понимаю власть «милостію божіею» и «волею народа», но что такое власть, которая будетъ находится въ ру-

¹⁾ «Заживо-погребенные» были написаны Долгушинымъ и въ 1878 году были напечатаны редакціей «Земли и Воли» (Кравчинскимъ и Клеменцомъ) въ ея типографіи. Нѣсколько позже въ 1881 году въ Иркутской тюрьмѣ была написана другая статья о Централкѣ. Она принадлежала Святыху и напечатана въ 3 № «Вѣстника Народной Воли» въ 1885 году подъ заглавіемъ «Надгробное слово Александру II».

какъ яacobинцевъ?—Власть «по захвату»—это какъ-то странно!»— За точность выраженія не ручаюсь, но за смыслъ—безусловно.

При режимѣ и условіяхъ, которые окружали насъ въ центральнѣ, немислимо было провести систему одиночнаго заключенія въ абсолютномъ видѣ.

Случалось, что по недосмотру надзирателя двое изъ насъ встрѣчались на корридорѣ или на прогулкѣ. Удавалось пожать товарищу руку и обмѣняться двумя—тремя словами. Надзиратели при этомъ торопили встрѣтившихся разойтись. Но послѣдствій подобныхъ случаевъ ни для кого никакъхъ не имѣли.

Гораздо важнѣе были сношенія черезъ печь. Попарно камеры имѣли общую печь, отдушина которой,—прямой цилиндръ,—выходила и въ одну, и въ другую камеру. Каждый изъ сосѣдей становился на табуретку и черезъ отдушину сосѣди вели нескончаемую устную бесѣду. Для передачи черезъ отдушину записокъ и т. п. служили длинныя тонкія палочки (не могу припомнить, откуда мы ихъ добывали). Этимъ путемъ мнѣ передавалъ раза 2—3 Долгушинъ часть папирозъ, которыя ему оставлялъ смотритель Грацилевскій.

Изрѣдка выпускали насъ на работу. Но это была одна пародія на работу и на общеніе. Мы пилили (и кололи?—не припомню) дрова. Партнеромъ для насъ выбирали всегда очень плохо говорящаго порусски уголовнаго, въ каковыхъ не было недостатка, благодаря наличности среди арестантовъ большого контингента башкирѣ и татарѣ. Признаюсь, меня не очень привлекала эта работа. Конечно, истощенный организмъ съ совершенно одряблыми мускулами не могъ надлежащимъ образомъ функционировать; я, по крайней мѣрѣ, очень быстро уставалъ. Съ другой стороны, разговоры съ еле владѣющимъ русскою рѣчью субъектомъ, да еще въ присутствіи надзирателя, были, можно сказать, «коротки».

Здѣсь же упомяну о бесѣдахъ съ докторами, священникомъ и смотрителемъ.

Докторовъ даже за мое время у насъ переимѣнилось нѣсколько. Первый, старикъ, повидимому, былъ не особенно свѣдущъ въ медицинѣ, и при взглядѣ на него мнѣ всегда припоминалась классическая фраза Сквозника-Дмухановскаго: «простой народъ, если суждено умереть, такъ и безъ лѣкарствъ умретъ». Но онъ былъ очень обходителенъ и словоохотливъ. Нерѣдко онъ подходилъ къ намъ на прогулкѣ и долго велъ разговоры на разныя темы, частью—политическія. При этомъ, конечно, онъ высказывалъ неуклонно свое глубокое сожалѣніе по поводу того, что такіе «славные» молодые люди являются жертвами своихъ увлеченій и своего легкомыслія. Онъ серьезно полагалъ, что не будь «агитаторовъ», не было бы и революціи. Затѣмъ, былъ у насъ молоденькій студентикъ, по случаю войны съ Турціей взятый чуть-ли не съ 3 курса университета и временно оставленный въ батальонѣ для исполненія обязанностей врача. Онъ держался съ нами по-пріятельски, немедленно же всѣхъ поголовно перевелъ на боль-

ничное положеніе и далъ намъ значительное улучшеніе пищи. Само собою, съ нимъ было интереснѣе вести разговоры, хотя они политическаго характера не носили; бесѣдовалъ онъ съ нами лишь въ камерахъ, во время визитаціи, а посѣщалъ онъ чуть ли не ежедневно каждаго изъ насъ. Познанія его въ медицинѣ были чисто студенческія, и мы въ немъ цѣнили едва ли не исключительно человѣка, искренно расположеннаго къ намъ. Ходили смутныя слухи, что его и смѣстили за слишкомъ большое вниманіе къ намъ. Его мѣсто занялъ настоящій военный врачъ, нерусскаго типа (какъ кажется, еврей). Онъ на меня производилъ впечатлѣніе знающаго и работающаго врача, въ то же время очень дорожащаго своимъ положеніемъ (котораго онъ, можетъ быть, достигъ путемъ упорнаго труда), и потому чрезвычайно осмотрительнаго и осторожнаго. Фактъ тотъ, что онъ никогда ни о чемъ съ нами не говорилъ, кромѣ того, что касалось исполненія имъ его обязанностей. У меня было даже съ нимъ маленькое столкновеніе. Какъ-то онъ не явился ко мнѣ послѣ двукратнаго приглашенія, а я, между тѣмъ, страшно страдалъ отъ зубной боли и хотѣлъ экстрасигривать больной зубъ. Я принужденъ былъ обратиться къ смотрителю, и врачъ явился черезъ 1/2 часа, въ необычное время. Остановившись, по обыкновенію, почти у самой двери, онъ выслушалъ меня, заглянулъ въ ротъ и процѣдилъ: «будетъ удаленъ». На другой день онъ съ поразительной ловкостью извлекъ у меня больной зубъ. Я отношу этотъ случай не на счетъ небрежности этого субъекта, а на счетъ его трусости: ему доложили, что зубъ болитъ, а онъ счелъ эту болѣзнь не заслуживающею того, чтобы рисковать лишнимъ посѣщеніемъ камеры «политическаго». Послѣднимъ врачомъ былъ человѣкъ «такъ-себѣ»,—ни рыба, ни мясо; я помню его только потому, что онъ обходилъ камеры со смотрителемъ, когда послѣдній объявлялъ намъ о переводѣ изъ централки въ Сибирь.

Священникъ заходилъ къ намъ для бесѣды въ камеры. Это былъ пухлый молодой «іерей», недалекій, но безспорно старавшійся внести своимъ посѣщеніемъ нѣчто въ однообразіе нашей жизни. Но онъ былъ духовно и умственно плутовать, и намъ всегда казалось, что онъ является для бесѣды съ нами въ силу обязанности, а не по собственному желанію. Вообще, его недолюбливали, и, если мнѣ не измѣняетъ память, кое кто отказывался его принимать.

Упомяну тутъ-же, что желающіе изъ насъ могли посѣщать церковь. Разумѣется, насъ ставили отдѣльно подъ наблюденіемъ особаго надзирателя. Чтобъ внести разнообразіе въ свое существованіе, кое кто ходилъ частенько. Былъ въ церкви и я нѣсколько разъ; но, признаться, никогда не выносилъ «отрадныхъ» впечатлѣній изъ посѣщеній этого удивительнаго «храма божія», гдѣ и пѣвчіе съ перебритыми головами, и звонъ кандаловъ, и свирѣпыя лица надзирателей заставляли думать, что именно отсюда-то и изгнано все божеское.

Что касается зрителя Грацилевскаго, то онъ иногда тоже бесѣдовалъ кое съ кѣмъ не на казенныя темы. У Долгушина онъ, видимо, находилъ удовольствіе просиживать нѣсколько времени (усаживая передъ собой и Долгушина); но въдъ Долгушинъ былъ въ этомъ смыслѣ прямо удивительное существо: онъ располагалъ къ себѣ человѣка даже тогда, когда говорилъ ему въ глаза самыя рѣзкія вещи. Со мной Грацилевскій велъ бесѣды почти исключительно о моихъ занятіяхъ рисованіемъ и живописью: занятіями этими онъ очень заинтересовался, и не какъ зритель тюрьмы, гдѣ «политическій» увлекается живописью, а какъ человѣкъ, интересующійся самымъ дѣломъ. Присутствуя при моихъ свиданіяхъ съ матерью, онъ старался поддерживать въ салонномъ тонѣ бесѣду, ведя себя джентльмэномъ, поскольку это возможно было совмѣстить съ исполненіемъ его «обязанностей».

Такова была внѣшняя обстановка нашей физической и духовной жизни въ централкѣ. Теперь я долженъ перейти къ анализу своего душевнаго состоянія.

VI.

Восемь—девять часовъ вечера. Передѣлано все, что на сегодняшній день полагается по росписанію.

Другъ дѣтства и юности какъ-то писалъ мнѣ: «тебѣ я запрещаю отчаиваться! Въ силу братскаго своего авторитета я запрещаю тебѣ это! Я запрещаю тебѣ безъ толку, неразсчитливо тратить свой капиталъ,—сирѣчь, запасы организма! Я запрещаю тебѣ банкротиться преждевременно! А потому совѣтую тебѣ: работай, занимайся, насколько это возможно въ твоимъ положеніи, а что самое главное—почаще отворяй свои «клапаны», какъ можно чаще отворяй ихъ. Въ этомъ отношеніи дѣйствуй безъ стѣсненія: пиши, какъ можно больше и чаще, все, что взбредетъ въ голову». То же самое, въ менѣе сильныхъ, но болѣе теплыхъ выраженіяхъ, совѣтуетъ мнѣ и мать чуть не въ каждомъ письмѣ.

Но я не заставляю себя много просить. Вскользь выше было уже мною замѣчено, что у насъ особенно усердно занимались всѣ, кто вошелъ въ тюрьму съ недостаточнымъ образованіемъ или не успѣлъ закончить таковое. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и я. Я былъ арестованъ, когда мнѣ было 20 лѣтъ и 4¹/₂ мѣсяца: въ такіе годы закончить образованіе невозможно.

Я накинулъ на науку.

Я сталъ штудировать книги и учебники по естествознанію, и даже отчасти по медицинѣ. Менделѣевскія «Основы химіи», наприм., зналъ чуть не на зубокъ, и даже началъ перерабатывать ихъ въ нѣсколькихъ мелко исписанныхъ тетрадяхъ. Найдя на

прогулкѣ почти высохшій трупъ лягушки, я его подобралъ и принесъ въ камеру... для препарированія (его у меня при обыскѣ отобрали). Къ счастью, въ библиотекѣ оказался учебникъ зоологій Клауса, который былъ рекомендованъ студентамъ Новороссійскаго университета самимъ Мечниковымъ, когда я слушалъ его лекціи. И мнѣ было особенно пріятно продолжать въ централкѣ свои университетскія занятія. А я, при всемъ этомъ напередъ рѣшилъ, пройдя курсъ естественныхъ наукъ, обратиться къ изученію соціальныхъ. И дѣйствительно, съ нѣкотораго момента съ моего стола исчезли Траутшолты, Менделѣвы, Клаусы, Петрушевскіе, и я обложилъ себя Мэнами, Ковалевскими, Шлоссерами, Марксами и лекціями по различнымъ отраслямъ правовѣдѣнія (не брезговалъ даже Иловайскимъ). Мало того. Только на удивленіе уродливая русская жнать могла сдѣлать чрезвычайно важнымъ, въ глазахъ молодежи вопросъ, можно ли заниматься при какомъ угодно запасѣ положительныхъ знаній практической политикою (читай: революціонною дѣятельностью), или нужно приступать къ этому дѣлу только послѣ приобрѣтенія этихъ знаній, и въ такомъ случаѣ—при какомъ ихъ минимумѣ допустимо всецѣло отдаваться практической работѣ. И вотъ во все время заключенія въ централкѣ я веду съ сестрой (а отчасти съ другомъ дѣтства, о которомъ только что упоминалъ) переписку объ одномъ единственномъ предметѣ; о значеніи науки для занятія практической политикой!

А тѣмъ временемъ идетъ и «самоопредѣленіе». Я серьезно задаю вопросъ сестрѣ, не замѣчала-ли она во мнѣ исключительнаго спеническаго дарованія,—я останавливаюсь на мысли «пристегнуть къ себѣ съ одного боку» искусство живописи «на всю жизнь»;—и сообразно съ этимъ я по-ученически штудирую какой-то «учебникъ» живописи (!), по-ученически «прохожу» теорію перспективы, по-ученически занимаюсь элементарнымъ рисованіемъ...

Но чтобы «произойти» науку, нужно знаніе иностранныхъ языковъ. И у меня назначены часы въ недѣлю на занятіе нѣмецкимъ и французскимъ языкомъ по гимназическимъ учебникамъ Кайзера и Игнатовича (въ свое время уже пройденнымъ), я изучаю англійскій языкъ по Больцу и, наконецъ, собираюсь изучать латинскій.

Читатель, конечно, понимаетъ, что съ такими запросами къ своимъ занятіямъ нельзя было обойтись и безъ изученія математики. И—*me voila!*—я—за штудированіемъ, съ бумагой на столѣ и съ карандашами въ рукахъ, математическихъ истинъ, благо, что въ библиотекѣ, кромѣ спеціального курса по анализу, нашлось переводное сочиненіе въ 2 томищахъ какого-то француза, дающее основы математики отъ элементарной ариметики до дифференціального и интегрального исчисленія.

Итакъ, окончился *мой* день, какимъ его себѣ легко предста-

вить читатель послѣ только что изложеннаго, т. е. раздѣленный между разсужденіями «о пользѣ наукъ», приобрѣтеніями положительныхъ знаній, развитіемъ задатковъ къ живописи и самоопредѣленіемъ. Я чувствую себя страшно утомленнымъ, химическія или математическія формулы у меня двоются въ глазахъ,—и я отдаю свою лампу надзирателю, который ставитъ ее съ коридора въ окошечко надъ дверью.

Но не одна физическая или умственная усталость заставляетъ меня бросать работу.

Повѣрка давно уже прошла, а послѣ нея поступаетъ у насъ уже настоящая тюремная, т. е. могильная тишина. Тихо на дворѣ, гдѣ уже не ходятъ, подъ конвоемъ надзирателей, уголовные,—тихо и у насъ, въ одиночкѣ. Но и эта тишина—особенная, «нарочитая». Гдѣ-то слышится перестукиваніе; кто-то вотъ уже цѣлый часъ мѣряетъ шагами свою камеру-келью, и кандалы лязгаютъ и лязгаютъ... Вотъ раздается въ одной изъ камеръ сдавленный крикъ спящаго товарища, котораго душитъ кошмаръ, и надзиратель поспѣшно отворяетъ форточку и будитъ... А вотъ—о, ужасъ!—начинаетъ «говорить» Боголюбовъ... Сколько времени онъ будетъ говорить? не пойдетъ-ли этотъ говоръ сумасшедшаго *scensendo* и не превратится ли въ выкрикиванія на всю ночь?..

Латинскій языкъ, живопись, разсужденія о пользѣ наукъ,—все уходитъ, какъ миражъ куда-то вдаль, и передъ тобой фактъ, что люди перестукиваются вмѣсто того, чтобы разговаривать; что за стѣной мечется, какъ звѣрь въ клѣткѣ, товарищъ съ кандалами на ногахъ; что не ласковая рука друга, а грубый окрикъ тюремщика освобождаетъ твоего брата отъ кошмара; что, наконецъ, ты ничѣмъ не можешь облегчить участи страшно-больного товарища, мало того: не можешь даже уйти отъ вида его страданій, хотя бы изъ чувства собственнаго самосохраненія.

И надъ всѣмъ этимъ вырисовывается основная причина твоего и твоихъ братьевъ положенія: ты и они—въ неволѣ!

Дѣло не ограничивается тѣмъ, что ты заключенъ въ тюрьму,—даже тѣмъ, что ты сидишь въ одиночкѣ. Всѣ *обязаны* говорить тебѣ «ты»; тебѣ тупой бритвой оголяютъ половину головы и скребутъ каждыя двѣ недѣли волосы усомъ и бороды; тебя унижаютъ наложеніемъ оковъ; ты поставленъ въ необходимость подчиняться «инструкціи» и не разговаривать съ товарищами, хотя изъ любой камеры твой голосъ былъ бы слышенъ всѣмъ въ одиночкѣ; наконецъ, твою совѣсть мучатъ угрызения, когда ты подумаешь, что перестукиваніе—ужасный компромиссъ, потому что «начальство», *твое* начальство, знаетъ объ этомъ способѣ сообщенія и допускаетъ его только потому, что хочетъ допустить, и, по капризу допуская сношенія въ одной формѣ, не желаетъ разрѣшить другихъ, менѣе оскорбляющихъ человѣческое достоинство.

Да, ты—въ неволѣ. И чувствуешь ты это не столько потому, что ты «содержишься» въ одиночномъ заключеніи, сколько по-

тому, что на каждом шагу тебѣ стараются показать и подчеркнуть твое подневольное положеніе и свою власть надъ твоею личностью, свою возможность оскорблять тебя поистинѣ въ твоихъ лучшихъ, благороднѣйшихъ чувствахъ!

Я уже замѣтилъ, что первое, что обратило на себя мое вниманіе при вступленіи подъ своды центральной тюрьмы, было обращеніе надзирателей съ нами на «ты». Старшій, Чернякъ, обыскивая меня, умышленно, безъ видимой надобности, произнесъ или «ты», или повелительное наклоненіе единственного числа. Оказалось, что надзирателямъ вмѣнено въ обязанность говорить съ нами въ такихъ формахъ. Помню случай, когда къ намъ поступилъ младшимъ бравый отставной гусарь, красивый, статный, изъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ. Можетъ быть, онъ былъ членомъ болѣе или менѣе культурной семьи, или состоялъ при комъ-нибудь изъ порядочныхъ офицеровъ денщикомъ, или что нибудь въ этомъ родѣ; онъ говорилъ съ нами на «вы», чрезвычайно деликатно, чувствуя нашу интеллигентность или видя въ насъ людей дворянскаго происхожденія. Не прошло, однако, и 2—3 дней, какъ этотъ субъектъ, стараясь избѣгать нашего взгляда, какъ-то неумѣло перешелъ на «ты», а спустя нѣкоторое время перевелся въ корпусъ.

Остальное начальство не говорило намъ «ты». Смотритель Грацилевскій прибѣгалъ всегда къ безличной формѣ, Копнинъ даже говорилъ обыкновенно «вы» и, лишь желая сломить упорство, переходилъ на совершенно открытое «ты», докторъ и священникъ говорили всегда «вы», а губернаторы (при мнѣ былъ Валь и Грессеръ) почти не обращались къ намъ непосредственно. Но это все лишь подчеркивало оскорбительность обращенія съ нами. Ясно было, что не обстоятельства (хотя и трудно было бы себѣ представить подобнаго рода обстоятельства!), а капризъ, желаніе подчеркнуть наше ужасное положеніе внушили кому-то мысль обязать низшую администрацію говорить намъ «ты».

Ежеминутно это давало себя чувствовать. Большинство изъ насъ, насколько знаю, говорило надзирателю «вы», но нѣкоторые заставляли себя говорить имъ «ты». Именно: «заставляли»,— это я знаю по собственному опыту. Я съ перваго же дня сталъ говорить «ты»,—и чувствовалъ, что это—самообманъ. Рѣшеніе вопроса заключалось въ томъ, чтобы добиться «вы» со стороны администраціи, и это рѣшеніе—единственное. Но мы не въ силахъ были этого добиться, и приходилось, въ видѣ компенсации, говорить «ты» надзирателямъ, хотя, ясно, это нисколько не умаляло принижности нашего положенія.

То же самое относилось и къ бритью усовъ и бороды, а еще болѣе къ перебриванію головы. Конечно, это вызывалось, въ глазахъ начальства, соображеніями не санитарнаго свойства. Есть тюрьмы, которыя набиты гораздо плотнѣе, нежели была набита централка; но тамъ никто не прикасается къ волосамъ заключенныхъ. Здѣсь насъ регулярно (кажется, въ 2 недѣли разъ) брили, кромѣ того—

сбривали волосы съ правой половины головы, а лѣвую стригли подъ гребенку. Другими словами: это былъ видъ «тѣлеснаго» наказанія, вродѣ наложенія кандаловъ. Я легко допускаю, что всѣ эти операціи были для многихъ и въ физическомъ отношеніи невыносимы. Большинство изъ насъ на волѣ не брилось (а мнѣ, на прим., на лицѣ и брить-то нечего было, такъ что я былъ искренно удивленъ, когда на другой день по прибытіи въ централку мнѣ стали намыливать щеки), и, конечно, многимъ органически было противно прикосновеніе къ тѣлу бритвы. Но о себѣ я этого сказать не могу, — не только по отношенію къ бритвѣ, но даже и по отношенію къ кандаламъ. Однако, это обстоятельство еще съ большей рѣзкостью подчеркивало нравственную сторону этихъ дѣйствій администраціи. И я помню, что не было случая, чтобы я не испытывалъ ужасныхъ нравственныхъ мукъ всякій разъ, какъ входилъ ко мнѣ надзиратель-цирюльникъ, со своими грязными и далеко не совершенными инструментами... На бѣду, нашъ истязатель не былъ чуждъ профессиональной слабости своихъ коллегъ: онъ былъ болтливъ. И вотъ подставляешь для «тѣлеснаго» наказанія свою голову и свое лицо, и при этомъ выслушиваешь болтовню цирюльника-тюремщика! А оборвать его нѣтъ силъ, можетъ быть, потому, что онъ, для тюремщика, былъ очень добродушенъ, а можетъ быть, и потому, что изголодался по живой человѣческой рѣчи.

Добавлю здѣсь, что для облегченія неудобствъ отъ ношенія кандаловъ полагалось приспособленіе: особой формы ремни, пользование которыми даетъ возможность притянуть, какъ можно выше, кольца кандаловъ по ногъ, такъ что кандалы беспокоятъ гораздо меньше и меньше звенятъ. Кромѣ того, всѣхъ (и уголовныхъ, и политическихъ), кого переводили на болыничное положеніе, освобождали отъ кандаловъ и головы имъ не сбривали, но бритье усовъ и бороды, а также стрижка головы подъ гребенку производились.

М. Ю. Ашенбреннеръ о состояніи шлессельбуржцевъ пишетъ («Былое», I. 59): «Наша жизнь была безцвѣтна, пуста, безсодержательна; но недостатокъ внѣшнихъ впечатлѣній съ избыткомъ пополнялся испытаніями и переживаніями того матеріала, который давала тюрьма. Мы жили интенсивно, находясь въ состояніи кипѣнія, прерываемаго только изнеможеніями. Въ этомъ и состоялъ трагизмъ нашего положенія. Въ минуту же отдыха оставалось жить воспоминаніями, часто созерцательной жизнью, одурманиваться мечтаніями».

«Мечтанія» принимали форму болѣзненности. Помню, много разъ я доходилъ до того, что чисто искусственными приѣмами старался перервать нить мечтаній; но это не вело ни къ чему. Начнешь рисовать себѣ воображаемый эпизодъ, и дорисовы-

взвешь его до мельчайшихъ подробностей. Но вотъ дошелъ до умственнаго и душевнаго изнеможенія и попробуешь сбросить съ себя этотъ умственный кошмаръ... Но никакими усиленіями воли не побѣдишь разошедшихся мечтаній; черезъ нѣсколько секундъ начнешь опять представлять себѣ картины «съ момента, на которомъ остановился»... Это—преддверіе сумасшествія.

Тому же содѣйствовала и склонность къ чисто созерцательной жизни. Достаточно сказать, что человѣкъ съ такимъ крѣпкимъ организмомъ, какъ Дмитрій Рогачевъ, доходилъ въ данномъ направленіи и до мистицизма...

Что касается до воспоминаній, то, навѣрно, у каждаго изъ насъ не оставалось ни одного момента жизни до ареста, который не вызывалъ къ себѣ страстнаго отношенія.

А тутъ происходило еще сочетаніе и комбинированіе всѣхъ этихъ моментовъ тюремной душевной дѣятельности. Отдаваясь воспоминаніямъ о фактахъ революціонной жизни, незамѣтно для себя переходилъ къ размышленіямъ, что было бы, если бы то-то и то-то случилось не такъ-то, а... вотъ этакъ. И здѣсь все и всегда неизбѣжно сводилось къ тому, что я тогда былъ бы... на волѣ!

Мечтанія, одурманивающія мечтанія, касались именно главнымъ образомъ «воли»: какъ я могъ бы когда-то остаться на волѣ,—какъ я могъ бы очутиться теперь на волѣ.

Здѣсь оказывалось недостаточнымъ время бодрствованія: разслабленный организмъ, развинченные нервы, распатанная душевная дѣятельность продолжали свою болѣзненную работу и во время сна.

Кошмары — обычное у насъ въ централкѣ явленіе. Помню, одно время я дошелъ до того, что съ ужасомъ думалъ, что нужно ложиться спать: я зналъ, что черезъ 10—15 минутъ меня будетъ душить кошмаръ... И я боялся уснуть, откладывалъ сонъ до послѣдней степени изнеможенія. Замѣчу, что и чисто физическія условія содѣйствовали развитію кошмаровъ. Подушекъ, на обыкновенномъ положеніи, намъ не давали. Я устраивался обыкновенно такъ: въ полотенце (полагались каменные) я заворачивалъ 4—5 книгъ и ихъ подкладывалъ подъ голову.

Если не кошмаръ, то сновидѣніе. Бывали и пріятныя, и непріятныя сновидѣнія: но во всякомъ случаѣ и эта сторона пассивной душевной дѣятельности доведена была у насъ централкою до болѣзненности.

Часто сновидѣнія находились въ непосредственной связи съ «мечтаніями». Помню, однажды, вызванный голоданіемъ мечтанія довели меня до того, что мнѣ приснилось... нѣсколько вкусныхъ пирожковъ, которые я нахожу у себя въ камерѣ подъ войлокомъ кровати. Это меня на утро ошеломило. Мнѣ сдѣлалось и совѣстно, и досадно; но, главное, это еще больше озлобило меня противъ режима, который меня довелъ до такого состоянія. Въ другой разъ, «мечтанія» о бѣгствѣ черезъ Америку повели къ сновидѣнію, будто я сижу гдѣ-то за табль-д'о томъ, и ко мнѣ обращается какая-

то lady на англійскомъ языкѣ, а я... ни слова не могу понять,— къ своей досадѣ и къ своему величайшему смущенію (это—въ разгаръ моихъ занятій англійскимъ языкомъ).

Замѣчу, въ заключеніе, что жизнь въ централкѣ навсегда оставила свой слѣдъ въ моей душевной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ, переживая сколько-нибудь тревожныя обстоятельства, я поддаюсь вынесенной изъ централки болѣзненности «мечтаній» и сновидѣній,—само собою разумѣется, въ несравненно менѣе интенсивной формѣ. До централки этого со мной не было.

Отмѣчу еще одну особенность тюремной душевной дѣятельности.

Всякое необычное зрительное впечатлѣніе вызывало болѣзненные послѣдствія. Напрямѣръ, засыпая послѣ колки и пилки дровъ, я не могъ отогнать отъ своего умственного взора картины этой операціи. До момента, когда наступало забытѣе, я все видѣлъ, лежа уже съ закрытыми глазами, какъ опускается топоръ на полѣно и какъ это послѣднее раскалывается на два...

Я не думаю, чтобы всѣ эти подробности были малознаменательны, и потому-то ихъ и сообщаю. А не думаю я этого потому, что все это являлось преддверіемъ сумасшествія, которое представляетъ собою крупный фактъ въ исторіи централки.

VII.

Я въ своемъ мѣстѣ достаточно подробно останавливался на «мягкости» режима въ централкѣ. Казалось бы, при этомъ условіи мы должны были бы хотя физически чувствовать себя сравнительно сносно. На самомъ дѣлѣ этого не было. Состояніе нашего здоровья было отвратительно. Отъ недостатка питанія, свѣта и воздуха организмъ нашъ слабѣлъ, и, по законамъ патологіи, у каждаго изъ насъ тотъ или другой органъ, какъ болѣе слабый въ организмѣ, начиналъ плохо функционировать. Если бы насъ во время не вывезли, то, несомнѣнно, нѣкоторые изъ насъ пали бы жертвою чахотки. По крайней мѣрѣ, кашель, который по вечерамъ, въ могильной тюремной тишинѣ, раздавался то изъ одной, то изъ другой камеры, наводилъ меня всегда на тревожныя размышленія. Между прочимъ, у меня страшно болѣла грудь, и докторъ мнѣ предписалъ производить утромъ и вечеромъ холодныя обтиранія груди.

Но, конечно, болѣе хрупкій аппаратъ, нервно-мозговой, скорѣе всего поддавался разрушительному вліянію обстановки. Я нарисовалъ выше картину явленій, которыя можно было бы назвать преддверіемъ сумасшествія. Начиналось оно, какъ кажется, упорными головными болями. Помню, какое ужасно-тяжелое впечатлѣніе произвело на меня сообщеніе моего сосѣда-товарища слѣва, Джабадари, переданное тревожнымъ стукомъ, о состояніи Сирякова, который сидѣлъ рядомъ съ Джабадари. Послѣдній сообщилъ мнѣ, что Сиряковъ пожаловался ему на продолжающуюся уже

очень долгое время головную боль. Мы перестукивались съ Джабадари по этому поводу, и оба съ тревогой встрѣтили признаніе Сирякова.

Къ счастью, тревога эта оказалась напрасною, и товарищъ Сиряковъ вышелъ вмѣстѣ съ нами изъ централки хотя и очень изнуреннымъ, но въ здоровомъ умѣ. У Боголюбова сумасшествіе началось съ галлюцинацій обонянія и вкуса. Ему казалось, что въ камеру къ нему напускають надзиратели какой-то газъ, а къ пищѣ подмѣшивается ядъ. Объ этомъ мнѣ говорилъ Сиряковъ, который бесѣдовалъ съ Боголюбовымъ въ первый періодъ его болѣзни. Сиряковъ ссылался, по его словамъ, въ разговорѣ съ Боголюбовымъ на то, что собственныя впечатлѣнія и ощущенія необходимо провѣрить впечатлѣніями и ощущеніями другихъ, и разъ всѣ товарищи утверждаютъ, что заключенія его, Боголюбова, невѣрны, то онъ долженъ и самъ признать ихъ таковыми. Но когда душевная дѣятельность человѣка перестаетъ быть нормальной, то, конечно, логикою на него не повліяешь. Такъ было и съ Боголюбовымъ. Онъ окончательно сошелъ съ ума, и впоследствии изъ Мценска его увезли отъ насъ въ Казань. Онъ былъ одержимъ маніей преслѣдованія въ ужасающей формѣ. Пунктъ помѣшательства другого товарища, поляка-рабочаго Александрова (былъ у насъ другой Александровъ, русскій, Діомидъ, тоже рабочій), заключался въ томъ, что его давно уже предписали освободить изъ тюрьмы, но ближайшее начальство не хочетъ выполнить этого предписанія. Больно было наблюдать его (а его увезли отъ насъ опять таки только изъ Мценска), когда онъ въ верхнемъ платьѣ и съ шапкою на головѣ весь день простаивалъ у дверей камеры и пользовался каждымъ случаемъ отмыканія дверей, чтобы сдѣлать попытку уйти вонъ. Благодаря этому, его камеру отмыкали какъ можно рѣже, и всегда одинъ надзиратель отмыкалъ и дѣлалъ, что нужно, а другой удерживалъ его въ камерѣ. Помѣшательство его было очень тихое, и впечатлѣніе производилъ онъ самое жалкое.

Вотъ истинная картина положенія, въ которомъ мы, централисты, находились¹⁾. Но картина эта была бы неполна, если бы я не упомянулъ объ одномъ, едва ли не самомъ важномъ обстоятельстве. Это — сознаніе безнадежности нашего положенія.

Объ этомъ у насъ шли весьма часто разговоры. Помню, въ первое же время Долгушинъ передавалъ мнѣ слова зрителя Литовскаго замка при отправкѣ ихъ, долгушинцевъ, въ каторгу. Смотритель, именно, сказалъ тогда по какому-то поводу, обращаясь къ подчиненнымъ: «вѣдь ихъ на вѣкъ въ каторгу посылають!» Конечно, не сразу можно было «проникнуться» этою мыслью. Не прониклись мы ею и тогда, когда Плотникову и Папину (кажется, именно имъ) объявили, что за какія-то нарушенія дисциплины

¹⁾ Гамовъ, Елецкій, Малиновскій и Дьяковъ умерли до меня; изъ сошедшихъ съ ума при насъ были только Александровъ и Боголюбовъ.

приказано ихъ держать въ централкѣ въ теченіе всего срока, на который они приговорены судомъ, т. е. не давать имъ положенныхъ по «Уставу о ссыльныхъ» сокращеній. Мы считали это жестокостью, но все же рассчитывали, что по окончаніи «срока» ихъ выпустятъ. Примирились мы и съ фактомъ, что послѣ перевода въ разрядъ исправляющихся насъ оставляли все же въ одиночкахъ. Но когда кому-то изъ насъ окончился срокъ, и его не выслали на поселеніе, то для насъ не могло уже подлежать сомнѣнію, что мы заключены въ централку на неопредѣленное время. Говорю: «неопредѣленное»,—такъ какъ тогда мы всѣ вѣрили въ близость революціи (Мышкинъ опредѣлялъ для нея срокъ не далѣе 5 лѣтъ) и были вполне увѣрены, что всѣ, кто выживетъ, будетъ еще на свободѣ. Но «неопредѣленный» срокъ—это довольно опредѣленный факторъ для того, чтобы окончательно отравить наше существованіе,—факторъ, который, воистину, самымъ разрушительнымъ образомъ вліялъ на состояніе нашей душевной дѣятельности. И главнымъ образомъ это происходило оттого, что въ лицѣ Боголюбова и Александрова мы видѣли живое указаніе на то, къ чему неизбежно въ концѣ концовъ приведетъ всѣхъ насъ безъ исключенія централка.

По этому поводу хорошо припоминаю такое обстоятельство.

По всей вѣроятности, караулы стали занимать новый батальонъ. Караульный офицеръ (обыкновенно мы ихъ не видимъ), очевидно, полюбопытствовалъ заглянуть къ намъ въ одиночки. Онъ прошелся по коридору и заглядывалъ въ камеры черезъ «глазокъ». И вотъ у моей именно камеры онъ произнесъ въ полголоса: «да вѣдь это съ ума можно сойти, сидя въ такой обстановкѣ!» А нашъ старшій надзиратель ему отвѣтилъ: «да половина и такъ сумасшедшіе, а остальные тоже скоро сойдутъ съ ума».

Я предоставляю читателямъ представить себѣ то впечатлѣніе, какое произвели на меня эти слова...

Я кончилъ.

Много исписанной бумаги лежитъ передо мной. Но я чувствую, что все же не передалъ истинной сущности нашихъ страданій. Есть тайники души, куда подчасъ и самъ не рѣшаешься заглянуть, а, заглянувши, боишься облечь то, что тамъ находишь, въ плоть и кровь человѣческой рѣчи.

Но, можетъ быть, я скажу *все* чувствующей душѣ и бющемуся сердцу читателя, если добавлю, что надъ описанными страданіями гордо высилось одно: это—тоска по загубленной жизни...

VIII.

Сравнительно немного могу я сообщить о послѣднемъ періодѣ жизни въ централкѣ.

Какъ сказано выше, назначенный на мѣсто убитаго кн. Кра-

поткина харьковскимъ губернаторомъ, получившій впоследствіи печальную извѣстность на всю Россію (Вильна и Петербургъ), ген. фонъ-Валь нашель Грацилевскаго недостаточно жестоко для роли тюремщика въ централкѣ, и назначилъ намъ Копнина, которому не задолго передъ тѣмъ далъ оплеуху въ Харьковской тюрьмѣ товарищъ Ястремскій. Грацилевскій былъ простой *исполнитель*, хотя и *хорошій* исполнитель. Валю нуженъ былъ виртуозъ, аматеръ. Такимъ и былъ на самомъ дѣлѣ Копнинъ. Онъ, какъ я уже упоминалъ, не стѣснялся инструкціей и даже говорилъ намъ «вы». Но когда того «требовали» обстоятельства, онъ могъ обнаружить во всей ея обнаженности самую дикую свирѣпость.

Одно изъ первыхъ, хотя и самыхъ слабыхъ, столбцовъ у него было со мною. Измучившись болѣзнью (боль въ груди и ужасный шумъ въ ушахъ), я написалъ очень рѣзкое, по адресу гюремной администраціи, письмо матери, прося ее посоветоваться съ нашимъ домашнимъ врачомъ, который прекрасно зналъ мой организмъ (спасъ меня отъ смерти, когда я былъ еще груднымъ ребенкомъ).

Входитъ ко мнѣ Копнинъ съ этимъ письмомъ и заявляетъ въ рѣзкой и рѣшительной формѣ, что онъ этого письма не пропуститъ. Я вступилъ въ препирательство. Копнинъ также началъ повышать тонъ. Наконецъ, я его спросилъ, на какомъ основаніи онъ собственно властью хочетъ задержать мое письмо, когда письма должны проходить цензуру Харьковскаго губернскаго правленія. Онъ сказалъ, что получилъ на этотъ счетъ полномочія губернатора. Я не унимался и просилъ показать мнѣ бумагу губернатора. Копнинъ, безъ малѣйшаго раздраженія, отвѣтилъ, что распоряженіе было сдѣлано словесно.

По существу, все это не имѣло особаго значенія. Но меня поразилъ тонъ Копнина, тонъ человѣка, который чувствуетъ за собою силу и власть, и котораго ничто не остановитъ отъ примѣненія того и другого, во что бы это ни обошлось его подчиненнымъ.

Въ этомъ смыслѣ я передавалъ свою бесѣду съ Копнинымъ товарищамъ. Насколько это шло вразрѣзъ съ обращеніемъ Грацилевскаго, видно между прочимъ изъ того, что, напримѣръ, Джабадари не сразу даже уяснилъ себѣ смыслъ новаго курса.

Но дальнѣйшее поведеніе Копнина разсѣяло всѣ недоразумѣнія и сомнѣнія.

Онъ отдалъ распоряженіе запрещать перестукиваніе. Здановичъ не послушался надзирателя, который доложилъ объ этомъ черезъ старшаго Копнину. Явился Копнинъ и, обращаясь къ Здановичу на «вы», сказалъ, что отнынѣ перестукиваться запрещается.

— Стучалъ и буду стучать,—отвѣтилъ Здановичъ.

Тутъ Копнинъ повысилъ тонъ, довелъ рѣчь до крика и произнесъ, между прочимъ:

— Ты забываешь, кто ты, ты—каторжникъ и долженъ безпрекословно исполнять приказанія начальства.

Понятно, эти слова, раздавшіяся изъ камеры Здановича на всю одиночку, окончательно выяснили для всѣхъ насъ, съ кѣмъ, въ лицѣ Копнина, мы имѣемъ дѣло.

Но, какъ я и упоминалъ выше, Копнинъ не могъ, несмотря на всю свою энергію и жестокость, водворить въ централкѣ тотъ «порядокъ», котораго, по мнѣнію фонъ-Валя, тамъ недоставало.

Въ значительной степени, помимо прочаго, здѣсь оказало свое вліяніе и то обстоятельство, что скоро наступила «диктатура сердца». Но прежде, чѣмъ перейти къ описанію этого, самаго уже поздняго періода нашей жизни въ централкѣ, я долженъ остановиться на попыткѣ Мышкина къ побѣгу и на обстоятельствахъ, имѣвшихъ близкое къ ней отношеніе ¹⁾.

Дѣятельная натура Мышкина искала исхода изъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Съ одной стороны, отсутствіе «работы» (а подъ нею Мышкинъ только и могъ всегда разумѣть революціонную дѣятельность), съ другой—продолжительность срока заключенія въ централкѣ (Мышкинъ былъ осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ), наконецъ, съ третьей—отсутствіе надежды быть переведеннымъ изъ централки хоть когда-нибудь, — все это побудило Мышкина задуматься надъ мыслью, что надо бѣжать. Онъ остановился на подкопѣ. Чтобы замаскировать свою работу, а съ другой стороны, чтобы приобрести матеріалъ для приготовления себѣ вольнаго платья, Мышкинъ попросилъ разрѣшенія заняться наклеиваніемъ картъ на холсты. Ему позволили. Съ тѣхъ поръ полъ его камеры вѣчно былъ засланъ холстомъ съ наклеенными на него географическими картами. Но предпріятіе Мышкина было химеричное: очень скоро обыскъ (а обыски у насъ производились въ камерахъ чуть-ли не каждый разъ, когда насъ выводили на прогулку) обнаружилъ работу Мышкина надъ проведеніемъ подкопа.

Мышкина, конечно, перевели въ другую камеру и стали за нимъ усиленно наблюдать. Были-ли примѣнены къ нему какія-нибудь исключительныя строгости, я не помню. Фактъ же заключается въ томъ, что Мышкинъ вознамѣрился такъ или иначе добиться измѣненія своего положенія, рассчитывая въ новой обстановкѣ изыскать средства къ побѣгу.

Въ какой-то «высокоторжественный» день, когда Копнинъ явился въ церковь въ полной парадной формѣ и при всѣхъ своихъ орденахъ и медаляхъ, въ церкви оказался и Мышкинъ. По окончаніи службы Копнинъ первымъ подошелъ прикладываться:

¹⁾ Кое какія подробности, сообщенныя какъ объ этихъ обстоятельствахъ, такъ и вообще о жизни въ централкѣ М. Р. Поповымъ въ его статьѣ „Къ біографіи И. Н. Мышкина“ („Былое“, II, 254) не совсѣмъ точны. Даже голъ вывоза насъ изъ централки показанъ не вѣрно: 1881-ый вмѣсто 1880-го.

къ кресту, за нимъ слѣдомъ потянулся Мышкинъ. И едва успѣлъ Копнинъ, приложившись, повернуться къ Мышкину, какъ этотъ послѣдній размахнулся и, въ свою очередь, «приложился» къ физиономіи Копнина.

Это была для Копнина вторая «непріятность по службѣ»: въ Харьковѣ ему отвѣсилъ пощечину Ястремскій, въ централкѣ— Мышкинъ.

Когда мы узнали объ этомъ инцидентѣ, то ахнули. Мы были вполне увѣрены, что Мышкина повѣсятъ. Тревоги наши усугубились, когда мы узнали, что его куда-то увезли. Какова же была наша радость, когда, пріѣхавши черезъ небольшой промежутокъ времени въ Харьковъ, мы, въ числѣ привезенныхъ изъ Новоборисоглѣбской центральной тюрьмы, увидѣли и Мышкина здоровымъ и невредимымъ. Оказалооь, что его не только не судили и не наказали, но перевели въ сущности въ лучшія условія,— въ сосѣднюю централку.

Дѣло объясняется именно тѣмъ, что во время всѣхъ этихъ событій на Руси уже царила «диктатура сердца».

Мы это скоро почувствовали и по измѣненію режима въ нашей тюрьмѣ. Съ нами стали обращаться мягче, разрѣшили (впрочемъ, это продолжалось почему-то очень короткое время) прогулки вдвоемъ по нашему выбору, соотвѣтственно съ чѣмъ время прогулокъ увеличилось вдвое; устроили для насъ столарную, а затѣмъ и токарную мастерскую, позволили намъ продавать произведенія нашихъ рукъ, а на вырученныя деньги—улучшить пищу. Но подробностей того, что происходитъ въ Россіи, мы не знали до пріѣзда моихъ родителей на свиданіе. На одномъ изъ этихъ свиданій, какъ я упомянулъ выше, Копнинъ оставилъ насъ, и тутъ-то мать успѣла передать мнѣ о воцареніи Лорисъ-Меликова и о всѣхъ чаяніяхъ, которыя возникаютъ на Руси въ связи съ этимъ обстоятельствомъ вообще, и по отношенію къ измѣненію нашего положенія, въ частности. А тутъ еще Копнинъ, возвратившись въ комнату, гдѣ происходило свиданіе, какъ-то навелъ разговоръ на то, что, подавши прошеніе о помилованіи или смягченіи своей участи, я могъ бы добиться серьезнаго улучшенія своего положенія. Мать и отецъ его поддерживали, и въ такомъ, какъ понимаетъ читатель, очень непріятномъ для меня разговорѣ мы четверо провели чуть-ли не цѣлый часъ.

Въ связи со всѣмъ этимъ находилось и посѣщеніе насъ профессоромъ Доброславинымъ. Это—единственное посѣщеніе начальства, которое оставило въ насъ свѣтлое впечатлѣніе. Даже главный начальникъ тюремнаго отдѣленія, Галкинъ-Врасскій, обходя наши замеры, не только ни о чемъ не спрашивалъ, но даже немедленно уходилъ, какъ только мы начинали ему излагать свои жалобы и нужды (такъ было по крайней мѣрѣ со мной; впоследствии, въ Иркутскѣ и на Карѣ, онъ держалъ себя лучше; такъ онъ оказалъ мнѣ поддержку въ полученіи свиданія съ Марією Сыщанко).

Проф. Доброславинъ былъ посланъ, кажется, самимъ Лорисъ-Меликовымъ, и ему было поручено выяснить наше положеніе. Онъ отнесся къ выполненію этого порученія честно и добросовѣстно.

Меня онъ засталъ въ мастерской. Едва я началъ говорить о «щекотливыхъ» предметахъ, какъ смотритель, а за нимъ и вся его свора, вышли изъ мастерской, и я имѣлъ возможность наединѣ передать профессору *все*. Онъ слушалъ чрезвычайно внимательно, — даже болѣе: явно доброжелательно-внимательно, — записалъ, ставилъ мнѣ въ свою очередь вопросы, и въ заключеніе, вѣжливо и низко раскланявшись (руки все же не рѣшился подать), сказалъ: «все, все будетъ передано, кому слѣдуетъ, и ваше положеніе будетъ улучшено».

Казалось, все это должно было бы насъ приготовить къ послѣдующему. Но такъ велико было отчаяніе, до котораго мы въ то время были уже доведены, что, когда 11 октября 1880 г. ¹⁾ намъ было объявлено, что насъ вывозятъ изъ централки, то извѣстіе это произвело на насъ ошеломляющее дѣйствіе...

Я только что окончилъ «урокъ» рисованія (по странной случайности, это было вмѣстѣ съ тѣмъ и завершеніе цѣлаго отдѣла), какъ замѣтилъ, что кто-то обходитъ камеры, при чемъ послѣ ухода, въ камерѣ начинается легко уловимое привычнымъ ухомъ усиленное движеніе. И въ моей камерѣ отворилась дверь, и вошли смотритель и докторъ. Что они мнѣ сказали, что я имъ отвѣтилъ, — я, вѣроятно, не помнилъ уже черезъ 1/2 часа послѣ ихъ ухода. Я былъ весь подъ впечатлѣніемъ того громаднаго факта, что послѣ завтра уѣзжалъ навсегда изъ ихъ ужаснаго жилища.

Въ правой одиночкѣ догадались немедленно же начать громкіе разговоры. У насъ этого не было, — и вотъ мы двое сутокъ провели въ необыкновенномъ нервномъ возбужденіи, не давая никакого исхода волнующимъ насъ чувствамъ.

И оказалась ужасная вещь: въ нашей лѣвой одиночкѣ два дня и двѣ ночи подъ рядъ никто не сомкнулъ глазъ ни на одну минуту.

Что сдѣлалось изъ нашихъ нервовъ за этотъ промежутокъ времени, читатель составитъ себѣ и самъ надлежащее понятіе. Добавлю, что на другой день намъ выдали на руки всю хранившуюся въ цейхгаузѣ нашу собственную одежду, — и видъ вольныхъ, собственныхъ вещей, ощущеніе на тѣлѣ собственного бѣлья, на головѣ — собственной шапки, — все это еще болѣе развило наши нервы.

Это скоро сказалось.

IX.

Увели насъ на обывательскихъ, т. е. крестьянскихъ телѣгахъ, посадивши попарно. На телѣгахъ съ нами конвоя не было: по бокамъ ряда телѣгъ скакали гусары. Помню, вѣзжая на какую-то

¹⁾ Въ своей статьѣ «Первое вооруженное сопротивленіе» («Былое», II. 242) я допустилъ, руководствуясь памятью, ошибку: не въ ноябрѣ, а въ октябрѣ вывели насъ изъ централки. Говорю это, провѣривши даты по письмамъ.

гору, крестьяне попросили насъ встать съ телѣгъ. Мы соскочили, и, идя по дорогѣ, сбились въ кучки. Сколько радости, простой, неприкрашенной, обыкновенной человѣческой радости было въ нашихъ разговорахъ, привѣтствіяхъ! Я въ свое время расскажу о своемъ выходѣ съ Кары; тогда я шелъ уже, несомнѣнно, на поселеніе. Но все же, чувство, которое я тогда испыталъ, ни въ какое сравненіе не идетъ съ тѣмъ, которое я испытывалъ при выходѣ изъ централки: тамъ праздновалось воскресеніе изъ мертвыхъ, тогда какъ переходъ съ Кары на поселеніе былъ простымъ «лучшеніемъ положенія».

Въ pendant къ этому чувству и природа была дивно хороша. Солнце закатывалось, и восхитительная картина рисовалась намъ, когда мы поднимались, оживленно и радостно бесѣдуя, вслѣдъ за телѣгами въ гору.

Ночевали мы въ какой-то кордегардіи въ Чугуевѣ. Здѣсь насъ хорошо накормили и, главное, разрѣшили намъ курить. Необычайное нервное возбужденіе, двѣ бессонныхъ ночи, проведенныхъ передъ отъѣздомъ въ централкѣ, духота въ тѣсномъ помѣщеніи отъ скопленія 20 съ лишнимъ лицъ, наконецъ, усиленное куреніе,—все это подъ конецъ повело къ обморокамъ. Кажется, первый почувствовалъ себя дурно Студзинскій, а затѣмъ я, стоя со Свитычемъ и еще съ кѣмъ-то и оживленно бесѣдуя, вдругъ упалъ на руки товарищей. Помню, у меня сильно стучало въ головѣ; но это продолжалось, конечно, нѣсколько секундъ, и меня въ безсознательномъ состояніи, вѣрнѣе, въ состояніи отчаянно крѣпикаго усыпленія, перенесли на нары, гдѣ я и проспалъ до утра.

Къ слѣдующей ночи мы прибыли въ Харьковскую тюрьму, гдѣ передъ самымъ отъѣздомъ дальше къ намъ присоединились изъ Новоборисоглѣбской тюрьмы Рогачевъ, Войноральскій, Коваликъ и Сажинъ, а съ ними вмѣстѣ—и нашъ Мышкинъ.

Въ вагонѣ, при переѣздѣ изъ Харькова во Мценскъ, у насъ также были обмороки (помню, что не выдержали я и Выда-ринъ).

Но въ концѣ концовъ мы «благополучно» добрались до такой пристани, Мценской пересыльной для политическихъ тюремъ.

И дѣйствительно, здѣсь мы отдохнули, укрѣпили свои силы,— конечно, лишь для того, чтобы встрѣтить въ будущемъ новыя испытанія, которыя для многихъ изъ насъ были роковыми...

Н. Виташевскій.

Сергѣй Геннадьевичъ Нечаевъ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

„Il est encore vrai que Netchaieff est un des hommes les plus actifs et les plus énergiques que j'aie jamais rencontré. Lorsqu'il s'agit de servir ce qu'il appelle la cause il n'hésite et ne s'arrête devant rien et se montre aussi impitoyable pour lui-même que pour tous les autres“.

(Изъ письма Бакунина къ Talandier).

Съ Сергѣемъ Геннадьевичемъ я познакомился въ 1868 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени, когда началось известное движеніе среди петербургскаго студенчества. Познакомился я съ Нечаевымъ чрезъ товарища своего по Медико-Хирургической Академіи Евлампія Аметистова. Жилъ же я тогда у домика Петра Великаго на набережной Петербургской стороны вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по Академіи, Ѳедоромъ и Валентиномъ Покровскими, М. Коринескимъ и Дмитріемъ Урсати, братомъ Семена Урсати, студента Академіи. На нашей квартирѣ, состоявшей изъ трехъ клѣтушекъ, носившихъ названіе комнатъ, собиралась вся бурсацкая часть студенчества Академіи; сюда же заходили часто и студенты университета, Технологическаго института, Инженернаго института, два-три кадета Морского корпуса, изъ которыхъ помню фамилію одного—Кисель-Загорянской, а также двоюродный мой братъ Михаилъ Ватіась, который былъ потомъ профессоромъ Пажескаго корпуса и умеръ генераломъ. Однимъ словомъ, самая разнообразная публика.

Въ домѣ Степанова, во дворѣ, жили двѣ большія артели рабочихъ, много другихъ жильцовъ и старушка-чиновница со своей молоденькой дочкой Вѣрой Засуличъ, тогда 15-лѣтней сдоровой барышней-подросткомъ. Всѣ эти жильцы, начиная съ чиновниковъ и до рабочихъ, любили нашу студенческую группу, такъ какъ всѣ мы вели себя до-нельзя корректно и готовы были услужить всякому человѣку, нуждавшемуся въ нашей посильной помощи: больные получали лѣкарства, медицинскую помощь, рабочіе забѣгали попросить книжку почитать или письмо къ роднымъ написать въ деревню и т. д. Одинъ только лавочникъ, имѣвшій свою лавченку у самыхъ воротъ, дулся всегда изъ-за нашихъ неоплатныхъ долговъ за забранный въ

долгъ черный хлѣбъ, огурцы да жареную печенку,—продукты, которые служили намъ главнымъ подспорьемъ для скуднаго питания почти круглый годъ. О собраніяхъ студентовъ на этой квартирѣ, о томъ, что тамъ существуетъ кружокъ, который откуда-то получаетъ старые номера Герценовскаго *Колокола*, Нечаевъ узналъ отъ Евлампія Аметистова и пожелалъ свести знакомство со мною. Первое наше свиданіе съ Сергѣемъ Геннадьевичемъ произошло въ зданіи приходскаго училища, гдѣ Нечаевъ имѣлъ квартиру, будучи учителемъ Сергѣевского училища.

Предметомъ первыхъ нашихъ разговоровъ, конечно, служило начавшееся въ Медико-Хирургической Академіи движеніе по случаю избранія въ руководители библіотеки и студенческой кассы нѣсколькихъ студентовъ-семинаристовъ, между которыми наша группа успѣла провести М. Коринескаго. Нечаевъ выразилъ мнѣніе, что слѣдовало бы приобщить къ этому движенію и студентовъ другихъ учебныхъ заведеній, т. е. студентовъ Университета, Технологическаго института и, если возможно, то и Инженернаго корпуса. Я возражалъ на это, указывая, что трудно будетъ убѣдить студентовъ Академіи, которые пользуются правомъ имѣть студенческую кассу и библіотеку, бороться за приобщеніе таковыхъ же правъ другими учебными заведеніями, сихъ правъ не имѣющими, но я высказывался, что попробовать не мѣшаетъ во всякомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что существуетъ тѣсное общеніе между студентами всѣхъ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣ такихъ разговоровъ мы переходили къ моимъ рассказамъ о моемъ знакомствѣ съ караковцами въ бытность мою студентомъ Московскаго университета въ 1865—1866 годахъ. Нечаевъ съ жадностью выслушивалъ эти рассказы и просилъ меня дать ему для прочтенія тѣ номера *Колокола*, которые я недавно привезъ изъ Москвы, и въ которыхъ были напечатаны статьи о караковскомъ процессѣ подъ общимъ заглавіемъ *Блвый терроръ*. Номера эти я получилъ въ Москвѣ отъ своего знакомаго Петра Гавриловича Успенскаго.

Здѣсь же, въ Сергѣевскомъ училищѣ я познакомился вскорѣ съ товарищемъ Нечаева, Владиміромъ Орловымъ, бывшимъ сельскимъ учителемъ, недавно прибывшимъ въ столицу и поселившимся у своего знакомаго, такого же учителя, какъ онъ. Собираясь по вечерамъ въ квартирѣ Нечаева, я, Орловъ, братья Аметистовы и вскорѣ еще нѣсколько другихъ студентовъ, между которыми былъ и Чубаровъ, повѣшенный много позже Тотлебекомъ, мы читали «Lanterne» Рошфора, книженку, изданную полиціей объ *Юсафатъ Огрызъ*, и старія *Отечественныя Записки* съ статьями о Робертѣ Оуэнѣ и, наконецъ, добытую нами книгу Буонаротти о заговорѣ Бабѣфа. Эта послѣдняя книга произвела на нѣкоторыхъ изъ насъ потрясающее впечатлѣніе, и мы заговорили объ организаціи политическаго общества въ Россіи. Исторія декабристовъ, петрашевцевъ и воспоминанія о Худяковѣ и его рассказахъ о существованіи какого-то

тайнаго общества за границей были излюбленными сюжетами разговоровъ нашихъ на этихъ вечерахъ. Нечаевъ зналъ очень плохо по-французски, а потому при чтеніи приходилось дѣлать дословный переводъ, что въ особенности было обременительно при чтеніи французской революціи Луи Блана: ее и пришлось бросить на второмъ томѣ и взяться за Карлейля по-русски.

Вечера эти съ чтеніемъ происходили въ декабрѣ 1868 г. Вскорѣ, однако, они прекратились, такъ какъ многіе изъ насъ, будучи заняты движеніемъ среди студенчества, перестали посѣщать Сергѣевское училище. Нечаевъ, однако, интересовался студенческими сходками и имѣлъ о нихъ свѣдѣнія отъ братьевъ Аметистовыхъ, изъ коихъ Иванъ былъ студентомъ университета, а Евлампій—Медико-Хирургической Академіи; отъ времени до времени онъ заходилъ на собранія, бывшія у насъ на квартирѣ на Петербургской сторонѣ, а одинъ разъ даже я встрѣтилъ его на большой студенческой сходкѣ, происходившей въ зданіи Академіи.

Въ началѣ февраля мѣсяца 1869 года онъ зашелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Орловымъ и пригласилъ меня на собраніе нѣсколькихъ лицъ, которое должно было быть у писателя Ткачева. Желая знать цѣль собранія, я спросилъ объ этомъ Нечаева, который сказалъ мнѣ, что предполагается составить группу изъ среды писателей для поддержки студентовъ и ихъ движенія.

Поддержка печати была, конечно, желательна; я принялъ приглашеніе, и вмѣстѣ съ Нечаевымъ и Орловымъ былъ у Ткачева, съ которымъ въ это время и познакомился. На сходкѣ этой насъ было не много, изъ женщинъ помню Дементьеву и, если не ошибаюсь, Томилову. Говорили о привлеченіи печати на сторону студенческаго движенія, послѣ же собранія, когда большая часть присутствовавшихъ уже разошлась, и я тоже взялся за фуражку, Ткачевъ и Нечаевъ удержали меня, попросивъ остаться еще на полчаса. Мы перешли въ другую комнату, гдѣ насъ оказалось только трое. Ткачевъ предложилъ тогда составить временный Комитетъ для руководства движеніемъ студентовъ, указывая, что желательно бы было привлечь къ движенію всѣ другіе университеты. Организацію Комитета я нашелъ цѣлесообразной, но призналъ необходимымъ составить его изъ делегатовъ отъ существующихъ студенческихъ кружковъ, а Нечаевъ былъ противъ этого мнѣнія, находя лучшимъ создать Комитетъ изъ студентовъ, уже намѣченныхъ движеніемъ, и отнюдь не обращаться къ кружкамъ. Разошлись мы на этотъ разъ, не порѣшивъ ничего относительно Комитета, но согласившись, однако, собраться еще нѣсколько разъ для разрѣшенія этого вопроса. На второмъ, однако, собраніи, вопросъ объ организаціи Комитета для руководства движеніемъ студентовъ уже не поднимался, потому что Комитетъ уже составилъ изъ среды самого студенчества; избраны были даже делегаты для отъѣзда въ другіе университетскіе города съ цѣлью приобщить студенчество университетовъ Казани, Харькова, Кіева и Москвы къ движенію студентовъ Петербурга.

Въ Москву общая сходка студентовъ Петербурга послала Л. Никифорова и меня.

Въ февралѣ мѣсяцѣ делегаты разѣхались; мы съ Л. Никифоровымъ уѣхали въ Москву, гдѣ я остановился у своего знакомаго Петра Успенскаго, жившаго тогда на углу Садовой и Тверской, въ домѣ Кашалкина. Черезъ посредство Петра Гавриловича, на второй же день моего приѣзда, я познакомился съ слушателемъ Петровско-Разумовской Академіи Викторомъ Лукинымъ и переехалъ въ Петровскую Академію, гдѣ посѣтилъ нѣсколько студенческихъ сходокъ. На этихъ сходкахъ, какъ въ Петровско-Разумовскомъ, такъ и въ самой Москвѣ, мы, делегаты отъ петербургскихъ студентовъ, поставили вопросъ о поднятїи общаго студенческаго движенія во всѣхъ университетахъ и высшихъ школахъ за право собраній, устройство своихъ кассъ вспомошествованія и библиотекъ. Однако, на однѣхъ изъ сходокъ, вскорѣ, движеніе приняло другое направленіе; такъ, напримѣръ, припоминаю, что на одной большой сходкѣ на Конюшенной, во время рѣчей, произнесенныхъ присутствовавшими, предварительно уже сговорившимися, былъ посвященъ на стѣну портретъ Александра Герцена, и потомъ была прочитана какая-то статья изъ *Колокола*. На другой сходкѣ, тоже въ самой Москвѣ меня попросили рассказать о моемъ знакомствѣ съ Ишутинымъ и Дмитріемъ Караковымъ, что я и исполнилъ, рассказавъ и о томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое произвело на насъ, молодежь московскую, поведеніе поэта Некрасова въ то время. По этому случаю было прочитано длинное стихотвореніе поэта Жемчужникова на смерть Каракова. Всѣ эти уклоненія отъ намѣченной цѣли сходокъ подали поводъ на одномъ собраніи Феликсу Вадимовичу Волховскому произнести небольшой спичъ противъ меня. Онъ указалъ собравшимся студентамъ, что петербургскій делегатъ плететь что-то, не имѣющее ничего общаго съ правами студентовъ на устройство кассъ вспомошествованія и библиотекъ. Упрекъ былъ не въ бровь, а въ глазъ, и я очень былъ сердитъ на него тогда. Относительно этого инцидента я получилъ въ тотъ же вечеръ большой нагоняй отъ П. Г. Успенскаго, указавшаго мнѣ, что на сходкахъ бываютъ разные люди, и что слѣдуетъ поэтому быть болѣе осторожнымъ; тоже самое предостереженіе я выслушалъ вскорѣ и отъ Пимена Ежуватова и др.

Возвратившись обратно въ Петербургъ, я встрѣтился вскорѣ съ Сергѣемъ Геннадьевичемъ на одной изъ сходокъ, бывшихъ въ Измайловскомъ полку. На этой сходкѣ читался *Колоколъ*, привезенный мною изъ Москвы отъ Успенскаго. Нечаевъ, по обыкновенію, на сходкѣ не говорилъ, ограничиваясь однимъ присутствіемъ и знакомствомъ съ нѣсколькими новыми личностями. Въ это время онъ еще всѣмъ былъ рекомендованъ въ качествѣ вольнослушателя университета С. Нечаева. Послѣ сходки, которая окончилась въ первомъ часу ночи, Сергѣй Геннадьевичъ пригласилъ меня и еще нѣсколькихъ студентовъ, изъ коихъ помню Ев.

Аметистова, Енишерлова и Орлова, зайти къ нему на квартиру. Всѣ мы и пошли въ Сергѣевское училище.

Здѣсь Сергѣй Геннадѣевичъ предложилъ собравшимся составить опять-таки комитетъ для руководства студенческимъ движеніемъ, а Орловъ, рисуя схему централистической организаціи, какъ-бы дополняя предложеніе Сергѣя Геннадѣевича предложилъ составить внѣ-студенческую организацію изъ людей, выбираемыхъ среди студенческаго движенія. На собраніи, однако, не было принято никакого рѣшенія, такъ какъ приглашенные Нечаевымъ, по его вѣбору, люди были между собой мало знакомы, что я и высказалъ тогда. Послѣдствіемъ этого собранія былъ слѣдующій казусъ, который, позже, чуть не имѣлъ самыхъ плачевныхъ результатовъ, когда началось слѣдствіе по Нечаевскому процессу. На собраніи между прочимъ присутствовалъ молодой человѣкъ, по имени Енишерловъ, извѣстный только двумъ, тремъ изъ насъ, я же, напр., лично не былъ знакомъ съ нимъ. Выходя изъ квартиры, Енишерловъ остановилъ меня и попросилъ зайти къ нему; было уже поудно, и такъ какъ я очень усталъ, то и спросилъ, нельзя-ли отложить мое посѣщеніе на другой разъ. Енишерловъ, однако, заявилъ мнѣ, что завтра можетъ быть уже поудно, и что онъ имѣетъ передать мнѣ нѣчто очень важное. Дѣлать было нечего, пришлось согласиться исполнить странную просьбу.

Такъ какъ я посѣщалъ всѣ студенческія сходки, на которыхъ говорилъ много, и былъ поэтому извѣстенъ сотнямъ молодыхъ людей, которыхъ не зналъ лично, то я предположилъ, что это одинъ изъ студентовъ Технологическаго института, такъ какъ онъ жилъ въ Измайловскомъ полку.

Комната, занимаемая Енишерловымъ, была хорошо меблирована, обширна, два стола были завалены книгами, и вообще вся обстановка указывала на то, что ея хозяинъ обладаетъ достаточными средствами. Зажегши лампу и усадивъ меня около одного изъ столовъ, Енишерловъ взялъ кусокъ бумаги и сталъ что-то писать на ней, потомъ протянулъ этотъ лоскутъ бумаги мнѣ, прося сохранить его на память о немъ, заявляя мнѣ въ то же время, что, по всему вѣроятію, завтра онъ будетъ арестованъ, такъ какъ его квартира съ нѣкотораго времени окружена шпионами. Развернувъ бумажку, я на ней прочелъ слѣдующее (подлинный текстъ я не помню, конечно): «когда Ралли понадобится человѣкъ, готовый стрѣлять въ государя, онъ можетъ обратиться ко мнѣ, и я это исполню».

Когда я прочелъ записочку, первой моей мыслью было, что Енишерловъ—шпионъ, что я попалъ въ ловушку и лишь только выйду изъ квартиры, буду арестованъ. Поэтому я записку скомкалъ и, не простившись съ хозяиномъ, почти что выбѣжалъ изъ квартиры; бросилъ ли я записку, порвалъ ли ее въ комнатѣ, или же на улицѣ,—не помню; знаю только положительно, что я ее тутъ-же уничтожилъ.

Когда я рассказалъ объ этомъ приключеніи на другой день

Сергію Геннадьевичу и предупредилъ его относительно наивности Енишерлова, Нечаевъ былъ очень недоволенъ, что я уничтожилъ записку, но потомъ согласился со мною, что такъ и слѣдовало дѣлать. Енишерловъ оказался вовсе не шпионъ, а очень порядочный малый, который, будучи арестованъ, пуще всего боялся сознаться въ знакомствѣ со мною, предполагая, по всему вѣроятію, что я сохранилъ его ужасную записочку. Къ этому эпизоду я однако еще возвращусь.

Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, уже всѣ высшія учебныя учрежденія Петербурга приняли участіе въ студенческомъ движеніи. На сходкахъ, которыя устраивались въ разныхъ частяхъ города, совмѣстно участвовали студенты Университета, Медико-Хирургической Академіи, Технологическаго института и даже института инженеровъ путей сообщенія. Все студенчество, однако, вскорѣ разбилось на двѣ партіи: одни, во главѣ съ студентомъ Езерскимъ, заявили себя сторонниками кружковой организаціи студенчества, каковая уже существовала и прежде, и были противъ всякихъ коллективныхъ заявленій требованій къ начальству, признавая таковыя безрезультатными; Езерскій указывалъ на насъ, какъ на людей, подвергающихъ студентовъ опасности быть изгнанными изъ университета и даже сосланными. Другая группа, состоящая изъ меньшинства, высказалась за манифестаціи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, съ цѣлью требовать права на сходки, устройства студенческихъ кассъ и бібліотекъ.

Такая постановка вопроса была крайне невыгодна для студентовъ Медико-Хирургической Академіи, которые, собственно говоря, были «зачинщиками» движенія. Академія пользовалась льготою, которой не имѣлъ Университетъ: здѣсь уже существовала и студенческая касса и бібліотека, которымъ покровительствовало академическое начальство, съ разрѣшенія генерала Милютяна, ея непосредственнаго начальника. Большинство студентовъ Академіи упорно не хотѣло принять участіе въ общемъ движеніи студенчества, ссылаясь на то, что Академія пользуется уже тѣми привилегіями, во имя которыхъ поднято движеніе среди студенчества. Къ этому теченію присоединились и тѣ изъ женщинъ, которымъ разрѣшено было слушать лекціи въ Академіи и работать въ анатомическомъ театрѣ профессора Грубера. Женщины прислали даже своихъ делегатовъ съ просьбой прекратить движеніе, такъ какъ иначе право ихъ посѣщать лекціи можетъ быть у нихъ отнято реакціей. Всѣ эти обстоятельства сильно тормозили дѣло, главнымъ образомъ потому, что кружки студенческіе, стоявшіе впереди движенія, состояли изъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи.

Принимая во вниманіе все это, на одномъ изъ собраній, бывшемъ на Петербургской сторонѣ, принято было рѣшеніе сплотиться въ одинъ кружокъ всѣмъ тѣмъ, которые уже поняли, что студенческое движеніе поднято для того, чтобы перезнакомить

людей между собой и, такимъ образомъ, составить кружокъ изъ людей, имѣющихъ цѣлью поднять возстаніе въ Россіи и уничтожить существующій порядокъ вещей. На этомъ собраніи было рѣшено, чтобы Чубаровъ ¹⁾ уѣхалъ за границу, такъ какъ стало положительно извѣстно, что онъ будетъ вскорѣ арестованъ. Сергѣй Геннадьевичъ также принялъ рѣшеніе удалиться изъ Петербурга на время, и, если будетъ возможно, то поселиться въ Москвѣ, гдѣ элементы среди студенчества были болѣе подходящи для сформирования перваго кружка. На послѣдовавшихъ послѣ этого собраній студенческихъ было рѣшено дѣйствовать болѣе открыто, т. е., не ограничивать дискуссіи дѣлами чисто студенческими, но направлять ораторовъ на темы чисто политическія; для этого, предварительно устраивалась особенная обстановка комнатъ, гдѣ назначалась сходка: на столахъ ставились фотографическія карточки Робеспьера, Сень-Жуста и т. д., на стѣнахъ вѣшались карточки въ рамкахъ поэта Михайлова, Михаила Ларіоновича, А. И. Герцена, Чернышевскаго и т. д. Для составленія программы этихъ собраній мы собирались у Томиловой, гдѣ жила сестра Нечаева, тогда еще дѣвочка, которая, конечно, никакого участія не принимала, или же у меня и Коринескаго на Петербургской сторонѣ.

Въ самый разгаръ движенія полиція вскорѣ начала аресты, и Медико-Хирургическая Академія поплатилась первая. Въ мартѣ 1869 года я былъ арестованъ у себя на квартирѣ, гдѣ, однако, не нашли ничего, такъ какъ о предстоящемъ арестѣ я былъ предупрежденъ хозяйкой, которая успѣла дать знать намъ, что полиція интересуется мною и Коринескимъ. Узнавши это, мы постарались очистить квартиру отъ немногихъ экземпляровъ *Колокола* и *Отщепенцовъ* Соколова (единственная подпольная литература, существовавшая въ то время и цѣнившаяся нами на вѣсѣ золота). Арестованъ я былъ ночью, когда въ моей квартирѣ ночевало нѣсколько человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и покойный Ткачевъ. Полиція, однако, ограничилась лишь тѣмъ, что переписала всѣхъ присутствовавшихъ, но арестовала меня и Ѳедора Покровскаго; Коринескаго не нашли въ квартирѣ, такъ какъ онъ успѣлъ убраться на эту ночь въ Лѣсной институтъ.

Съ этихъ поръ, вплоть до моего бѣгства за границу, я уже не встрѣчался болѣе въ Россіи съ Сергѣемъ Нечаевымъ. Будучи арестованъ сначала по студенческому движенію, я просидѣлъ не болѣе одного мѣсяца и былъ приговоренъ академическимъ судомъ къ исключенію изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, «за участіе въ безпорядкахъ и подстрекательство къ онымъ», какъ гласилъ приговоръ. Полиція же присовокупила отъ себя уже ссылку въ мѣста не столь отдаленныя.

Третье Отдѣленіе, хотя и не могло имѣть какихъ-либо данныхъ для усмотрѣнія въ студенческомъ движеніи политическаго

¹⁾ Повѣщенный Тотлебенюкъ.

заговора, такъ какъ такового еще не было въ это время, однако, интуитивно, по всему вѣроятію, предчувствовало, что это движеніе однято группою людей взаимно столковавшихся, а поэтому, по всему вѣроятію, уже сформировавшейся въ нѣчто организованное. Вѣдѣнія она получала, конечно, отъ студентовъ-шпіоновъ; сидѣлъ въ одиночкахъ у Цѣпного моста мы всѣ зачастую видѣли молодыхъ людей въ формѣ Медико-Хирургической Академіи прогуливавшихся отъ воротъ третьяго двора до канцеляріи г-на Филипеуса, оберъ-шпіона того времени.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года я былъ снова арестованъ въ г. Клиппенвѣ и привезенъ въ Петербургъ, гдѣ предварительно былъ посаженъ въ одну изъ одиночекъ Литовскаго Замка, а черезъ два мѣсяца, въ концѣ іюня, перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость; здѣсь я пробылъ вплоть до октября 1871 года, когда пять былъ отправленъ административнымъ порядкомъ въ ссылку, въ которой и бѣжалъ за границу. Въ архивѣ III-го отдѣленія олжны существовать мои показанія, такъ какъ я ихъ подписывалъ уже печатанными на большомъ листѣ; въ этихъ показаніяхъ отрицаю участіе свое въ заговорѣ Нечаева, заявляя, что такого до моего ареста и не существовало, на вопросъ о моихъ сужденіяхъ я заявляю себя фурьеристомъ и излагаю теорію Сенъ-Симона и Фурье. Въ бытность мою за III-мъ отдѣленіемъ нѣ были прочитаны показанія братьевъ Кузнецовыхъ самимъ Филипеусомъ и произвели на меня крайне удручающее впечатлѣніе, такъ какъ я зналъ лично Иванова, убитаго въ гротѣ Раумовской Академіи. Мое мнѣніе — Ивановъ былъ порядочнымъ человекомъ и никогда не сдѣлался бы шпіономъ. Убіеніе его — великое несчастье!

Бѣжалъ я за границу большой ревматизмомъ, полученнымъ въ Трубецкомъ равелинѣ; подлѣчившись немного въ Цюрихѣ, я бѣжалъ въ Италію, откуда проѣхалъ въ Лакарно къ М. А. Баунину. Старика Бакунина я нашелъ сильно возбужденнымъ противъ Нечаева; подозрѣвая во мнѣ человека, близкаго къ Сергію Геннадьевичу, онъ заявилъ мнѣ при двухъ другихъ бывшихъ въ то время у него эмигрантахъ, докторѣ Ал. Эльсницѣ и докторѣ Владимірѣ Гольштейнѣ, что предварительно, дабы продолжать съ нимъ знакомство, я долженъ раззнакомиться съ Нечаевымъ и отнюдь болѣе не имѣть съ нимъ ничего общаго. Пройдя однако съ недѣлю въ Лакарно, мнѣ удалось сблизиться съ Михаиломъ Александровичемъ настолько, что онъ не повторялъ болѣе своего условія. Вернувшись въ Цюрихъ, я вскорѣ получилъ отъ Сергія Геннадьевича письмо изъ Парижа, въ которомъ онъ просилъ извѣстить меня, можно ли ему остановиться у меня, такъ какъ онъ намѣревается посѣтить въ Швейцаріи своихъ друзей. Зная, что ему небезопасно поселиться въ Швейцаріи, гдѣ его чуть было не выдали, я написалъ ему объ этомъ, предупреждая его, что въ Цюрихѣ, по всему вѣроятію, много русскихъ шпіоновъ. Весною 1872 года Нечаевъ пріѣхалъ въ Цюрихъ и поселился у меня.

Это было первое наше свиданіе съ нимъ за границею. Я нашель его совершенно не измѣнившимся, даже не возмужавшимъ. Это былъ тотъ-же худенькій, небольшого роста, нервный, вѣчно кусающій свои изъѣденные до крови ногти молодой человѣкъ, съ горячими глазами, съ рѣзкими жестами. Нечаевъ не былъ рѣчиствъ, по-русски говорилъ на о, какъ говорятъ владимирцы; по-французски такъ-таки и не выучился, хотя могъ объясняться и читалъ уже почти безъ словаря. Пріѣхаль онъ ко мнѣ съ маленькимъ ручнымъ чемоданомъ и двумя книгами «Confessions» J. J. Rousseau и «Mémoires authentiques» de Max. de Robespierre. Книги эти такъ и остались съ тѣхъ поръ у меня. Во всю бытность свою у меня, ни Сергій Геннадьевичъ, ни я ни разу не упомянули о несчастномъ Ивановѣ; онъ зналъ мое мнѣніе о покойникѣ, я же не могъ говорить о немъ съ нимъ, такъ какъ именно я и познакомилъ Иванова съ Успенскимъ, въ бытность мою въ Москвѣ.

О пребываніи Нечаева у меня вскорѣ узналъ М. А. Бакунинъ, который, совмѣстно съ Сажинымъ и моими товарищами Эльсницомъ и Гольштейномъ, потребовалъ у меня разрыва съ Нечаевымъ, предполагая, конечно, что у насъ затѣвалось что-нибудь общее. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ эмигрантовъ, съ Бакунинымъ во главѣ, никто не зналъ, однако, о пребываніи Нечаева въ Цюрихъ, гдѣ онъ проживалъ подъ псевдонимомъ Лидерса. Объясненія мои съ бывшими бакунистами окончились благополучно: было признано, что я, какъ членъ бакунинской организаціи, формирующей интернациональную славянскую секцію, могу имѣть связь чисто личную съ Нечаевымъ, который не представляетъ никакой опасности для насъ, не согласныхъ съ его образомъ дѣйствій.

Однако, уѣзжая на время изъ Цюриха въ Юру (Шодефонъ), Нечаевъ просилъ меня написать ему письмо и высказаться опредѣленно, съ кѣмъ именно намѣреваюсь я работать, съ нимъ и его друзьями или съ Бакунинымъ. Зная прекрасно, что никакихъ «друзей» за Нечаевымъ нѣтъ, я высказалъ ему это, но онъ, продолжая свою старую тактику, утврждалъ, что я ошибаюсь; раздосадованный этимъ упорствомъ съ его стороны, я наговорилъ ему много такого, что охладило окончательно наши взаимныя отношенія. Нечаевъ уѣхаль, и вскорѣ я получилъ по почтѣ письмо изъ Лондона, написанное шифромъ съ красною печатью *Народной Расправы*; письмо было для передачи Лидерсу, т. е. Сергію Геннадьевичу; послѣ этого письма на мое имя пришло еще нѣсколько такихъ писемъ. Желая переслать ему всѣ эти письма, я написалъ, наконецъ, Нечаеву въ Шодефонъ длинное письмо, въ которомъ иронически просилъ его написать Владимиру Серебренникову, бывшему студенту Медико-Хирургической Академіи, который былъ, какъ я зналъ, въ Лондонѣ и имѣлъ связи съ Нечаевымъ, чтобы онъ пересталъ играть въ «Народную Расправу», такъ какъ это совершенно смѣшно. Въ этомъ же письмѣ я писалъ ему о моемъ рѣшеніи оставаться въ Цюрихѣ, гдѣ я

намѣренъ заняться чтеніемъ. Слѣдующее письмо Нечаева было отвѣтомъ на это мое письмо. Подписано оно псевдонимомъ Нечаева: *Лидерсъ*.

«Вслѣдствіе ошибки отправлено (вѣроятно тебѣ) письмо, предназначенное другому. Если ты получилъ такое, то перечеркни его карандашомъ и отошли на извѣстный тебѣ адресъ. Твое письмо получилъ. Желаю успѣха! За тебя вообще я *еще* не отчаялся. Что Сл—ская секція? Извѣсти, это всего важнѣе. Пришли адресъ Т—скаго. Да что онъ? Вѣроятно уже разболтали, и онъ знаетъ, кто былъ. Кто онъ?»

Если ты не просто хотѣлъ отдѣлаться отъ меня, если въ твоемъ рѣшеніи лежитъ серьезное желаніе приобрести политическое образованіе, то вѣдь это въ Цюр. невозможно. Не хочешь ли побывать здѣсь на дняхъ, то есть, во время уже начавшагося карнавала? Если вздумаешь, то предувѣдомь. Какъ твой полный адресъ? Вообще пиши.

Лидерсъ.

Р. S. А жаль! Кто изъ нашихъ старыхъ не удивится, что изъ встрѣчи толку не вышло! А они скоро объ этомъ узнаютъ.

Пока по-прежнему жму твою руку».

Въ письмѣ Нечаевъ спрашиваетъ о славянской секціи, организованной уже въ Цюрихѣ, проситъ прислать ему адресъ польскаго эмигранта Турскаго, съ которымъ познакомился подъ фамиліей Лидерса, и который узналъ вскорѣ, что Лидерсъ—Нечаевъ. Въ своемъ письмѣ, Сергѣй Геннадьевичъ продолжаетъ свою тактику, упоминая о «старыхъ друзьяхъ», съ которыми будто онъ продолжаетъ быть въ связи, между тѣмъ изъ всѣхъ этихъ друзей вокругъ него уже никого не было, кромѣ того же Вл. Серебренникова. Конечно, тяжело было ему въ этомъ сознаться, хотя и надобно было.

Осенью того же 1872 года онъ опять вернулся въ Цюрихъ но не пожелалъ уже поселиться у меня, а остановился у Турскаго, который познакомилъ его съ Адольфомъ Стемпковскимъ.

Ад. Стемпковскій былъ въ то время секретаремъ интернаціональной марксистской секціи и, какъ таковой, сумѣлъ втереться въ знакомство со всѣми эмигрантами, проживавшими въ Цюрихѣ; былъ лично знакомъ съ Бакунинымъ и близкимъ членомъ Грейлиха, главы цюрихскихъ марксистовъ того времени. При посредствѣ-то этого Стемпковскаго русское правительство оборудовало поимку Сергѣя Геннадьевича, выдача котораго была уже предрѣшена швейцарскимъ правительствомъ, признавшимъ Нечаева за уголовного преступника. Стемпковскій завлекъ Нечаева, прежде всего давши согласіе на образованіе кружка среди поляковъ, жившихъ въ Цюрихѣ; что хотѣлъ сдѣлать изъ этого кружка Сергѣй Геннадьевичъ, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ, хотя

мы и встрѣчались съ нимъ въ это время, хотя онъ и посѣщаль меня, оставивъ у меня для сохраненія какія-то бумаги въ кожаномъ переплетѣ, однако не говорилъ со мною ни о какихъ своихъ дѣлахъ съ поляками. Передъ арестомъ своимъ онъ пришель ко мнѣ проститься, заявивъ, что уѣзжаетъ, что приобрѣлъ хорошій паспортъ при посредствѣ Ад. Стемпковскаго, взялъ у меня свой портфель и далъ мнѣ адресъ на Парижъ, въ случаѣ, если буду имѣть желаніе написать ему. Это было послѣднее наше свиданіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ былъ арестованъ въ глухой части города Цюриха, куда его завлекъ Стемпковскій ¹⁾).

Послѣ ареста Нечаева былъ наряженъ судъ надъ Стемповскимъ. Въ составъ суда вошли делегаты рабочихъ организаціи Цюриха; судъ этотъ приговорилъ Стемповскаго къ изгнанію изъ среды своей, какъ шпиона. Этимъ вердиктомъ не удовольствовалась одна группа поляковъ и сербовъ и приговорила его къ смерти, та же самая группа рѣшила воспротивиться выдачѣ Нечаева, организовавъ его освобожденіе вооруженной рукой.

Но приговоръ къ смерти Стемповскаго не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ стрѣлявшій въ него въ упоръ пять разъ не ранилъ даже шпиона, упавшаго и представившагося убитымъ, освобожденіе также не удалось, такъ какъ вываченнаго изъ рукъ жандармовъ Нечаева окружила публика и помогла полиціи снова поймать его тутъ же на вокзалѣ, арестовавъ двухъ изъ пытавшихся спасти Сергѣя Геннадьевича.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого я былъ арестованъ въ Бернѣ и посаженъ въ тюрьму по обвиненію въ устройствѣ заговора на живнѣ шпиона Стемповскаго.

Нечаевъ былъ увезенъ въ Россію, приговоренъ къ каторгѣ и замуравленъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ и умеръ. Относительно его пребыванія въ крѣпости была написана небольшая замѣтка мною *совмѣстно* съ Л. Тихомировымъ въ 1 № *Вѣстника Народной Воли*, изданномъ за границею.

Вскорѣ послѣ ареста Сергѣя Геннадьевича явился ко мнѣ въ Цюрихѣ Владиміръ Серебренниковъ и предложилъ купить у него архивъ Нечаева; требовалъ же онъ за этотъ архивъ 400 франковъ. Возмущенный этимъ предложеніемъ, я отнялъ у него архивъ силою и выгналъ его. Архивъ Нечаева былъ разобранъ мною, совмѣстно съ Бакунинымъ и Сажинымъ; часть документовъ была тутъ же сожжена, а часть осталась у Сажина.

Земфиръ Ралли-Арборе.

¹⁾ Обстоятельства ареста Нечаева изложены въ слѣдующей за воспоминаніями З. Ралли статьѣ г. Д—а.

Арестъ С. Г. Нечаева въ Цюрихѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Въ концѣ лѣта 1872 года я жилъ въ Цюрихѣ. Русскихъ тогда тамъ было сравнительно немного, и я, не думая возвращаться въ Россію и мечтая переселиться навсегда въ Америку, мало съ кѣмъ изъ нихъ былъ знакомъ, вращался же болѣе среди мѣстныхъ социалистовъ, группировавшихся около цюрихской секціи Интернаціонала, душою которыхъ былъ рабочій-переpletчикъ Германъ Грейлихъ ¹⁾). Въ то же время въ Цюрихѣ временно проживалъ и С. Г. Нечаевъ подъ вымышленнымъ, теперь не помню какимъ, болгарскимъ или сербскимъ именемъ; это было довольно извѣстно, но такъ какъ Нечаевъ жилъ очень замкнуто, то въ лицо его знали очень немногіе. Я лично его не зналъ. Среди немногихъ знакомыхъ Нечаева былъ нѣкто полякъ Стемпковскій.

Стемпковскій былъ эмигрантъ, бѣжавшій изъ Россіи послѣ польскаго возстанія 1863 года, во время котораго онъ былъ у повстанцевъ такъ называемымъ «жандармомъ-вѣшателемъ». Онъ былъ хорошій мастеръ, помнится, кожевенныхъ издѣлій и много зарабатывалъ. По-русски Стемпковскій говорилъ совершенно свободно, только съ польскимъ акцентомъ. Въ Цюрихѣ онъ жилъ сравнительно недавно, былъ членомъ многихъ революціонныхъ и социалистическихъ кружковъ, въ томъ числѣ обѣихъ цюрихскихъ секціи Интернаціонала (мѣстной — нѣмецкой и славянской). Смутно ходили слухи, что Стемпковскій не вполне надеженъ въ смыслѣ политическомъ, что у него есть связи съ русской полиціей, но все это приписывалось эмигрантскимъ сплетнямъ. Оказалось, что сплетни были не безосновательны: именно этого-то человѣка и выбрали агенты полиціи ²⁾, пріѣхавшіе изъ Россіи для ареста С. Г. Нечаева. Самый арестъ произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ одномъ изъ предмѣстій Цюриха, Готтингенѣ, вблизи квартиры упомянутаго выше Грейлиха, былъ небольшой дене-

¹⁾ Г. Грейлихъ, нынѣ уже глубокой старикъ, до настоящаго времени стоитъ во главѣ швейцарскихъ социалистовъ.

²⁾ Кто были агенты русской полиціи, пріѣхавшіе въ Цюрихъ съ цѣлью добиться отъ швейцарскихъ властей ареста и выдачи С. Г. Нечаева, я не знаю; впоследствии въ Россіи я слышалъ, что это былъ жандармскій офицеръ Рёмеръ, по другимъ свидѣніямъ — нѣкто Николайчъ, сербъ по происхожденію, перешедшій на службу въ русскую жандармерію.

Прим. автора.

вый ресторанчикъ съ садомъ. Однажды днемъ въ этомъ ресторанчикѣ Грейлихъ назначилъ своему другу и товарищу по Интернационалу, учителю Рэми (старика—нѣмецкому эмигранту 1848 года), свиданіе. По приходѣ въ ресторанъ они застали въ немъ Стемпковскаго въ компаніи трехъ лицъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтый въ штатское платье мѣстный полицейскій комиссаръ (вродѣ нашего частнаго пристава), остальные двое, очевидно, были иностранцы—поляки или русскіе—такъ какъ Стемпковскій говорилъ съ ними по-польски или по-русски, но какъ именно, Грейлихъ и Рэми, не зная ни одного изъ этихъ языковъ, опредѣлить не могли. Компанія ничего подозрительнаго не внушала, ибо полицейскіе чины во внѣслужебное время въ Швейцаріи обыкновенно ходятъ въ штатскомъ платьѣ, иностранцевъ-же въ Цюрихѣ было много, такъ что подобныя встрѣчи могли носить чисто случайный характеръ, тѣмъ болѣе что Стемпковскій, поздоровавшись съ вошедшими Грейлихомъ и Рэми, сѣлъ за отдѣльный столикъ. Одно удивило послѣднихъ, что застали Стемпковскаго въ ресторанѣ днемъ, въ рабочее время, и, какъ имъ показалось, на-веселѣ, чего за нимъ раньше не замѣчалось. Грейлихъ и Рэми, которымъ необходимо было между собою о чемъ-то переговорить, заняли тоже отдѣльный столикъ. Вскорѣ въ ресторанъ вошелъ молодой человѣкъ, прямо подсѣлъ къ Стемпковскому и заговорилъ съ нимъ, какъ съ хорошо знакомымъ. Въ это время переодѣтый полицейскій вышелъ въ дверь, выходящую на улицу, а двое иностранцевъ—въ другую—въ садъ. Стемпковскій съ молодымъ человѣкомъ вскорѣ тоже вышли въ садъ, откуда затѣмъ послышался какой-то необычный шумъ; на послѣдній вышли въ садъ и Грейлихъ съ Рэми, гдѣ увидѣли, какъ молодого человѣка, бывшаго вмѣстѣ съ Стемпковскимъ, уже скованнаго въ наручники, полицейскіе выводятъ изъ сада въ сопровожденіи обонхъ иностранцевъ; Стемпковскій-же куда-то исчезъ. Молодой человѣкъ (то былъ С. Г. Нечаевъ), увидѣвъ Грейлиха и Рэми, которыхъ онъ, очевидно, зналъ въ лицо, громко крикнулъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Скажите русскимъ, что NN (фамилія, подъ которой С. Г. Нечаевъ жилъ въ Цюрихѣ), арестованъ». Не помню, что предпринялъ Рэми, но Грейлихъ сейчасъ-же пришелъ ко мнѣ и рассказалъ обо всемъ случившемся. Я немедленно пошелъ къ кому-то изъ русскихъ (кажется къ В. Н. Смирнову¹⁾); оказалось, тамъ уже знали о случившемся, такъ какъ случайно встрѣтился С. Г. Нечаева на улицѣ, когда его скованнаго вели въ тюрьму. Арестъ С. Г. Нечаева взволновалъ весь Цюрихъ; поведеніе-же въ этомъ дѣлѣ Стемпковскаго особенно поразило рабочихъ и колонию эмигрантовъ. Рѣшено было произвести разслѣдованіе; надъ

¹⁾ В. Н. Смирновъ—одинъ изъ видныхъ русскихъ эмигрантовъ того времени, впоследствии главный сотрудникъ П. Л. Лаврова по редакціи „Впередъ“. В. Н. Смирновъ умеръ въ Бернѣ въ 1900 г. Теплый вѣнокъ о немъ помѣщенъ въ издававшемся покойнымъ В. А. Мана-сеннымъ „Врачѣ“, (1900 г., № 18), сотрудникомъ котораго В. Н., медикъ по образова-нію, долго состоялъ.

Стемпковскимъ былъ назначенъ товарищескій судъ, въ составъ котораго вошли представители тѣхъ обществъ, членомъ которыхъ Стемпковскій состоялъ, по два человѣка отъ каждаго; я попалъ въ число судей по выбору мѣстной секціи Интернаціонала. Самого Стемпковского тоже пригласили на судъ, предоставляя ему возможность оправдаться, если бы все оказалось дѣломъ случайности, при этомъ письменно было заявлено, что личность его останется неприкосновенною. Въмѣсто того, чтобы явиться на судъ товарищей, Стемпковскій обратился къ полиціи съ просьбой защиты, такъ какъ онъ не былъ убѣжденъ, что его не убьютъ. Судъ собрался въ составѣ 10—12 человѣкъ (изъ числа ихъ помню одного вышеупомянутаго В. Н. Смирнова—отъ колоніи русскихъ эмигрантовъ); на немъ былъ выслушанъ рядъ свидѣтелей, среди которыхъ, кромѣ Грейлиха и Рэми, очевидцевъ ареста, главная роль выпала русскому эмигранту Турскому, жившему съ С. Г. Нечаевымъ на одной квартирѣ и хорошо его знавшему. По показанію Турскаго, С. Г. Нечаевъ сильно нуждался въ средствахъ, Стемпковскій вызвался что-то для него устроить и въ день ареста назначилъ ему свиданіе въ кабачкѣ, такъ что Турскій зналъ, куда идетъ С. Г. Остальное произошло такъ, какъ я рассказывалъ выше. Судъ объявилъ Стемпковского шпиономъ и постановилъ исключить его изъ всѣхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Это рѣшеніе суда было опубликовано въ мѣстномъ органѣ Интернаціонала «Tagwacht'ъ» и въ одной весьма распространенной въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ демократической газетѣ («Landbote?»). Стемпковскій послѣ этого нигдѣ болѣе не показывался и вскорѣ совершенно исчезъ изъ Цюриха.

С. Г. Нечаевъ былъ арестованъ, какъ убійца студента Иванова; соглашалось же швейцарское правительство выдать его Россіи по удостовѣренію, что убійство это не носило политическаго характера, и при условіи, чтобы судили его въ Россіи только какъ простаго убійцу, не касаясь политической, антиправительственной его дѣятельности. Агитація противъ выдачи, поднятая мѣстной печатью и путемъ ряда собраній, не оказала помощи арестованному; рѣшеніе-же самаго вопроса, согласно мѣстнымъ законамъ, подлежало правительственному совѣту Цюрихскаго кантона и только санкціонировалось федеральнымъ правительствомъ республики. Изъ 7 членовъ Цюрихскаго кантональнаго совѣта, четверо подали голосъ за выдачу, въ числѣ послѣднихъ вотировалъ и нѣкто Пфенингеръ—директоръ полиціи. Въ Цюрихѣ ходили слухи, что этотъ швейцарскій сановникъ былъ подкупленъ русскимъ правительствомъ, и что только благодаря этому обстоятельству составилось и самое большинство въ совѣтѣ. Многие отрицали возможность подобнаго факта и, считая Пфенингера неправымъ въ этомъ частномъ случаѣ, признавали его за человѣка честнаго и неспособнаго къ подкупу. Подобное мнѣніе мнѣ между прочимъ, пришлось слышать отъ нѣкоего Форрера, тоже члена правительственнаго совѣта въ Цюрихѣ, занимавшаго въ

то время постъ, соотвѣтствующій нашему министру юстиціи. Самъ Форреръ подалъ голосъ противъ выдачи С. Г. Нечаева Россіи, о чемъ не разъ заявлялъ публично въ собраніяхъ и въ печати. Получилъ ли что-либо Пфенингеръ отъ русскаго правительства или способствовалъ выдачѣ Нечаева по внутреннему убѣжденію, конечно, судить трудно; одно слѣдуетъ отмѣтить, что въ послѣдствіи онъ оказался человѣкомъ, далеко не безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описаннаго событія въ томъ-же Цюрихѣ попался въ какой-то мошеннической продѣлкѣ, былъ преданъ суду, но отъ послѣдняго уклонился, бѣжавши въ Америку, гдѣ окончательно и скрылся изъ виду.

Что же касается самого С. Г. Нечаева, то онъ, по окончаніи слѣдствія, въ октябрѣ (ноябрѣ) 1872 года былъ выданъ русскимъ властямъ. Слабая попытка нѣсколькихъ молодыхъ людей (русскихъ, сербовъ и, кажется, поляковъ) насильственно освободить его во время перевозки изъ тюрьмы на вокзалъ желѣзной дороги въ самомъ Цюрихѣ, не увѣнчалась успѣхомъ, и онъ былъ увезенъ въ Россію.

Д—ъ.

С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—1883 гг.

Въ 1873 г. Нечаевъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости и болѣе десяти лѣтъ безвыходно провелъ тамъ вплоть до своей смерти. До сихъ поръ пребываніе Нечаева въ этомъ равелинѣ, прославившемся въ русской исторіи ужасами политическихъ преслѣдованій, составляло непроницаемую тайну, но въ настоящее время всѣмъ этимъ тайнамъ приходитъ конецъ. Мы надѣемся скоро на страницахъ «Былого» дать обстоятельный разсказъ о пребываніи Нечаева въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Въ настоящемъ номерѣ «Былого» мы даемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Нечаева, писанныхъ имъ на волю изъ крѣпости къ членамъ Исполнительнаго Комитета «Народной Воли». Эти письма были Исполнительнымъ Комитетомъ переданы въ редакцію «Вѣстника Народной Воли», гдѣ они и были впервые помѣщены въ 1 № въ 1883 г. Много писемъ Нечаева не дошло до Исполнительнаго Комитета и попало въ Департаментъ Полиціи, гдѣ они, навѣрное, сохраняются и до сихъ поръ. Письма Нечаева проливаютъ яркій свѣтъ на его личность: *въ этомъ ихъ главная цѣнность.*

Въ одномъ изъ своихъ заявленій, поданномъ Нечаевымъ министру юстиціи (кажется, Половцеву,—въ именахъ у Нечаева могли, понятно, быть ошибки), онъ рассказываетъ объ его выдачѣ изъ Швейцаріи. Вотъ отрывокъ изъ этого заявленія:

«Годъ спустя (т. е. послѣ суда надъ нечаевцами), чтобы добиться отъ швейцарскаго правительства выдачи Нечаева, русскій царь приказалъ своимъ юристамъ объявить его обыкновеннымъ уголовнымъ преступникомъ, убившимъ Иванова изъ личной, будто бы, ненависти. Эта гнусная ложь и для всѣхъ очевидная клевета не смутила юристовъ. Оберъ-прокуроръ промолчалъ, малодушные представители нашей адвокатуры поворотно трусили и не протестовали, швейцарскіе олигархи по требованію царя выдали Нечаева не только безъ суда и безъ всякаго слѣдствія, но даже безъ соблюденія формальностей экстрадиціи, безъ всякаго предупрежденія и объясненія, при нарушеніи основныхъ принциповъ публичнаго права. Нечаева схватили, избили и ограбили, продержали нѣсколько недѣль въ казематѣ и потомъ ночью, безъ всякихъ объясненій, перевезли на баварскую границу и безъ условій выдали ждавшимъ тамъ русскимъ шпионамъ и герман-

ской полиціи. Всѣ бумаги политическаго содержанія, захваченныя при Нечаевѣ, были переданы въ III-е Отдѣленіе....

.....«Правительство буржуазной республики, найдя выг однимъ выдать Нечаева такимъ образомъ, конечно, уже не могло имѣть гарантіи за правильный ходъ правосудія и безпристрастность русской юстиціи въ этомъ дѣлѣ. Поэтому русское правительство не считало болѣе нужнымъ церемониться. Слѣдствіе было подтасовано съ крайней наглостью. Къ Нечаеву не допустили избраннаго имъ защитника. Ему не выдали даже копіи съ дѣла, не выполнили никакихъ, формальностей судопроизводства. На судѣ не выслушали его объясненій (какъ только онъ открывалъ ротъ—такъ его вытаскивали изъ залы засѣданія въ коридоръ, гдѣ били его до потери сознанія). На основаніи голословнаго обвиненія прокурора и только тѣхъ отрывковъ изъ показаній соучастниковъ Нечаева, въ которыхъ говорилось лишь о самомъ фактѣ убійства (объясненіе мотивовъ, данное Успенскимъ и другими, тщательно обойдено), Московскій окружной судъ приговорилъ Нечаева къ двадцатилѣтней каторгѣ, какъ обыкновеннаго уголовнаго преступника. При этомъ судъ предоставилъ приговоренному право апелляціи,—по истеченіи же срока для подачи, жалобы, Нечаева вывезли на эшафотъ, а потомъ тайно ночью, окольными путями (изъ Москвы на Смоленскъ и Динабургъ) перевезли въ петербургскую Петропавловскую крѣпость и похоронили его заживо въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, знаменитой исторической тюрьмѣ, стѣны которой были вѣковыми свидѣтелями ужасовъ тираніи»....

«Какъ только привезли Нечаева изъ Швейцаріи въ крѣпость, къ нему пришелъ въ казематъ графъ Левашевъ съ предложеніемъ составить записку для III-го Отдѣленія о составѣ, численности и средствахъ революціонной партіи, о ея планахъ и связяхъ. Нечаевъ отвергъ съ негодованіемъ «блестящія, выгодныя условія» (выраженіе Левашева). «Тѣмъ хуже для васъ», сказалъ графъ, уходя, «васъ будутъ судить, какъ обыкновеннаго убійцу, а на судѣ предсѣдатель вамъ не дастъ говорить!»

«На третій годъ одиночнаго заключенія въ ravelинѣ съ такими же гнусными предложеніями пріѣзжалъ къ Нечаеву шефъ жандармовъ, генералъ Потаповъ. На этотъ разъ отвѣтомъ было выраженіе презрѣнія къ правительству въ болѣе рѣзкой формѣ, а когда Потаповъ сталъ грозить Нечаеву тѣлеснымъ наказаніемъ какъ каторжнику, тогда онъ, въ отвѣтъ на эти угрозы, заклеилъ Потапова пощечиной въ присутствіи коменданта генерала Корсакова, офицеровъ, жандармовъ и рядовыхъ; отъ плюхи по лицу Потапова потекла кровь изъ носу и изо рта. Нечаева схватили за горло, но на этотъ разъ не били. Полгода спустя, въ іюлѣ 75-го года, комендантъ прислалъ Нечаева отъ имени правительства изложить свой образъ мыслей и взглядъ на положеніе русскихъ дѣлъ вообще. Нечаевъ въ отвѣтъ написалъ большое письмо царю Александру II, гдѣ, указавъ на главныя язвы политическаго

и социального строя Россіи, назвалъ этотъ строй отжившимъ и разлагающимся; онъ указалъ неминуемую близость революціи, разрушительный характеръ которой можетъ быть ослабленъ только немедленнымъ введеніемъ либеральныхъ конституціонныхъ учреждений и созваніемъ представителей народа для пересмотра основныхъ законовъ.

«Прокуроръ Московскаго суда, явившись первый разъ къ Нечаеву, предъявилъ ему полученное имъ предписаніе отъ министра юстиціи, въ которомъ говорилось, что Александръ II ручается швейцарскому правительству своимъ *императорскимъ словомъ* за правильность и безпристрастность суда надъ Нечаевымъ. На основаніи этого въ началѣ 1876 года (въ четвертый годъ одиночнаго заключенія), когда здоровье Нечаева было сильно разстроено, онъ послалъ царю формальное прошеніе о пересмотрѣ его дѣла, или, по крайней мѣрѣ, объ измѣненіи убійственныхъ условій жизни въ одиночномъ заключеніи. Въ отвѣтъ на это Нечаева лишили послѣдняго, единственнаго занятія — письменныхъ принадлежностей и книгъ наложили на него тяжелыя цѣпи и заковали въ ножные и ручные кандалы, которые онъ и влачилъ въ теченіе двухъ лѣтъ...

«Нечаевъ, на основаніи вышеизложенныхъ чудовищныхъ, противозаконныхъ обстоятельствъ дѣла, обращается къ новому министру юстиціи Половцеву, какъ къ бывшему обвинителю его соучастниками, официально признавшему ихъ политическими преступниками, и, во имя поруганнаго права, поправной справедливости внутреннихъ основныхъ формъ судопроизводства, просить о пересмотрѣ его дѣла порядкомъ гласнаго суда, правильнаго и безпристрастнаго.

«Говорятъ, что швейцарское правительство напечатало потомъ заявленіе по поводу экстрадиціи, гдѣ упоминало о какихъ-то, будто бы, данныхъ мною объясненіяхъ, которыя республиканскія власти нашли невѣрными. Это — подлая ложь, а если они опираются на документы, то они поддѣланы художниками полиціи. Швейцарская полиція начала съ того, что избила Нечаева и ограбила прежде всякаго допроса, а потому Нечаевъ никакихъ объясненій ни письменныхъ, ни устныхъ не давалъ и требовалъ судебнаго слѣдствія и свиданія съ эмигрантами».

Редакція «Вѣстника Народной Воли», въ которой были лица, принимавшія непосредственное участіе въ перепискѣ съ Нечаевымъ и въ сношеніяхъ съ лицами, доставлявшими письма отъ Нечаева Исполнительному Комитету, пишетъ по поводу приведеннаго нами заявленія Нечаева:

«Частныя свѣдѣнія, нами полученныя, показываютъ, что правительство, при отправкѣ Нечаева изъ Москвы, опасалось, повидимому, какой-нибудь попытки его освобожденія. Изъ тюрьмы его отправили на Николаевскій вокзалъ, а оттуда въ вагонъ по соединительной вѣтви перетащили на Смоленскій, со-

храняя всё эти хитросплетенія въ величайшей тайнѣ. Одинъ адвокатъ, случайно присутствуя на Смоленскомъ вокзалѣ, видѣлъ, однако, этотъ вагонъ, который кучка рабочихъ подъ прикрытіемъ жандармовъ тащила по соединительной вѣтви. Эти же рабочіе и рассказали адвокату, что въ вагонѣ сидитъ государственный преступникъ Нечаевъ. Перевезенный такимъ образомъ въ равелинъ, Нечаевъ сперва былъ поставленъ въ условія сравнительно не столь ужасныя—вплоть до исторіи съ Потаповымъ. Въ заявленіи Половцеву онъ говоритъ, что его при этомъ не били. Однако служащій въ равелинѣ рассказываетъ, что его жестоко исколотили за пощечину; во всякомъ случаѣ, онъ былъ послѣ этого скованъ по рукамъ и ногамъ и сверхъ того прикованъ къ стѣнѣ каземата. Все это передавали какъ служащіе въ равелинѣ, между которыми было нѣсколько свидѣтелей пощечины, такъ и самъ Нечаевъ въ письмахъ, нынѣ уже утраченныхъ».

«Первые годы Нечаевъ сидѣлъ въ равелинѣ одинъ, или, можетъ быть, хуже, чѣмъ одинъ, онъ сидѣлъ съ сумасшедшимъ Шевичемъ. Кто такой это былъ Шевичъ, остается загадкой. Кажется, это—бывшій гвардейскій офицеръ, посаженный изъ за личнаго столкновенія съ кѣмъ-то изъ очень высокопоставленныхъ лицъ. Впослѣдствіи Шевичъ, говорятъ, былъ совершенно сумасшедшимъ переведенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ. Если условія заключенія для Нечаева были вначалѣ очень суровы, то послѣ пощечины, данной имъ Потапову, они ухудшились еще болѣе.

«Несомнѣнно,—пишетъ редакция «Вѣстника Народной Воли» объ этомъ періодѣ тюремной жизни Нечаева, когда онъ былъ закованъ и прикованъ къ стѣнѣ и два года провалялся на полу каземата—этотъ человекъ обнаружилъ тутъ живучесть и силу воли, едва ли имѣющія гдѣ-либо примѣръ. Чѣмъ онъ могъ поддержать себя въ эти страшные два года, мы не знаемъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ сохранилъ не только разумъ и способность, но и всю свою могучую энергію. Обстоятельства между тѣмъ начали складываться для него болѣе благоприятно. Время шло; новые люди, новыя событія затирали въ памяти правительства когда-то страшнаго Нечаева... Съ него сняли оковы. Свыше перестали требовать для него бдительнѣйшаго надзора и неукоснительной строгости. Этого было достаточно. Нечаевъ получилъ возможность вліять на своихъ тюремщиковъ... Это вліяніе иногда кажется чѣмъ-то просто сказочнымъ, и однако, по нашимъ свѣдѣніямъ, оно, несомнѣнно подтверждается массой показаній солдатъ и другихъ служащихъ, превратившихся въ покорное орудіе своего арестанта.

«Нечаевъ прежде всего началъ добиваться права получать книги и письменныя принадлежности добился желаемого. Книгъ въ равелинѣ было мало. Нечаевъ требовалъ выписки новыхъ. Смотритель, значительно ему подчинившійся, долженъ былъ, однако, отказать въ этомъ. Тогда Нечаевъ объявилъ, что заморить себя голодомъ, нѣсколько дней не бралъ ничего въ ротъ и уже

дѣйствительно, впалъ въ полное оцѣпенѣніе, когда смотритель успѣлъ выхлопотать у коменданта отпускъ нѣкоторой суммы на пополненіе бібліотеки равелина. Нечаева едва возвратили къ жизни, но онъ добился своего. Съ тѣхъ поръ онъ могъ начать правильную жизнь. Весь день у него былъ строго распредѣленъ между гимнастикой, чтеніемъ и писаніемъ. Онъ началъ поправляться здоровьемъ, и... вмѣстѣ съ тѣмъ у него появились планы, одинъ другого шире.

«Въ равелинѣ служащіе не смѣняются нѣсколько лѣтъ. Нечаевъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ каждому и, пользуясь этимъ, намѣтитъ много лицъ, пригодныхъ для его плановъ. Еще сидя на цѣпи, онъ умѣлъ лично повліять на многихъ изъ своихъ сторожей. Онъ заговаривалъ со многими изъ нихъ. Случалось, что, согласно приказу, тюремщикъ ничего не отвѣчалъ, но Нечаевъ не смущался. Со всей страстностью мученика онъ продолжалъ говорить о своихъ страданіяхъ, о всей несправедливости судьбы и людей. «Молчишь?.. Тебѣ запрещено говорить? Да ты знаешь ли, другъ, за что я сижу?.. Вотъ судьба — разсуждалъ онъ самъ съ собой, — вотъ будь честнымъ человѣкомъ: за нихъ же, за его же отцовъ и братьевъ погубишь свою жизнь, а заберутъ тебя, да на цѣпь посадятъ, и этого же дурака къ тебѣ приставятъ. И стережетъ онъ тебя, лучше собаки. Ужъ, дѣйствительно, не люди вы, а скоты несмысленные»... Случалось, что солдатъ, задѣтый за живое, не выдерживалъ и бормоталъ что-нибудь о долгѣ, о присягѣ. Но Нечаевъ только этого и ждалъ. Онъ начиналъ говорить о царѣ, о народѣ, о томъ, что такое долгъ и т. д.; онъ цитировалъ священное писаніе, основательно изученное имъ въ равелинѣ, и солдатъ уходилъ смущенный, растроганный, наполовину убѣжденный. Иногда Нечаевъ употреблялъ другой пріемъ. Онъ вообще разспрашивалъ всѣхъ обо всемъ и между прочимъ узнавалъ иногда самые интимные случаи жизни даже о сторожахъ, его самого почти не знавшихъ. Пользуясь этимъ, онъ иногда поражалъ ихъ своею, якобы, прозорливостью, казавшеяся имъ сверхъестественной. Пользуясь исключительностью своего положенія, наводившею солдатъ на мысль, что передъ ними находился какой-то очень важный человѣкъ, Нечаевъ намекалъ на своихъ товарищей, на свои связи, говорилъ царѣ, о намекалъ о дворѣ, на то, что наслѣдникъ за него...

«Когда съ него сняли цѣпи, Нечаевъ умѣлъ это представить въ видѣ результата хлопотъ высокопоставленныхъ покровителей, начинающихъ брать силу при дворѣ. То же самое повторилось при исторіи съ книгами и заднимъ числомъ распространилось на потаповскую оплеуху. Конечно, Нечаевъ ничего не говорилъ прямо, но тѣмъ сильнѣе работало воображеніе солдатъ, ловко настроенное его таинственными намеками. Впослѣдствіи, когда положеніе Нечаева улучшилось, и онъ сталъ получать книги и газеты, когда разговоръ съ нимъ пересталъ быть преступленіемъ, вліяніе его сдѣлалось чрезвычайнымъ. Его, дѣйствительно, не только счи-

тали важной особой, не только уважали и боялись, но нерѣдко трогательно любили; нѣкоторые изъ солдатъ, напр., старались доставить ему удовольствіе, покупая ему газеты или что-нибудь изъ пищи на собственный счетъ; особенно привязанные прозвали его «орломъ», «нашимъ орломъ», такъ называли они его между собою».

«Покушеніе Соловьева чрезвычайно подняло фонды Нечаева. Онъ давно говорилъ, что партія наслѣдника (къ которой самъ будто бы принадлежалъ) сгонить съ престола Александра II. Онъ предвидѣлъ дальнѣйшія покушенія и говорилъ объ этомъ своимъ сторожамъ. Онъ тутъ началъ прямо доказывать нѣкоторымъ изъ нихъ, будто у него есть сношенія съ волей, будто другіе сторожа уже перешли на сторону наслѣдника и служатъ ему, Нечаеву. Когда люди, особенно его любившіе, привыкли такимъ образомъ къ мысли о возможности служить Нечаеву, онъ сталъ имъ это прямо предлагать, и первый, согласившійся на это, былъ вполне увѣренъ, что онъ чуть не послѣдній, и что чуть не вся крѣпость принадлежитъ уже Нечаеву. Но Нечаевъ строго придерживался конспираціи, и его пособники почти никогда, особенно сначала, не имѣли никакихъ прямыхъ указаній одинъ на другого».

«Въ это время (въ ноябрѣ 1880 г.) былъ посаженъ въ равелинъ С. Ширяевъ. Онъ очень понравился Нечаеву, который, присмотрѣвшись къ нему, рѣшился открыть ему часть своей «организациі», какъ онъ выражался, и часть своихъ плановъ. Еще раньше былъ посаженъ въ равелинъ Мирскій, но Нечаевъ не открылъ ему ничего. Планъ же у него былъ очень широкій. Бѣгство изъ крѣпости казалось ему уже слишкомъ недостаточнымъ. Изучивъ тщательно крѣпость (онъ зналъ ее изумительно, и все черезъ перекрестные допросы «своихъ» людей и черезъ ихъ развѣдки), составъ ея войскъ, личности начальствующихъ и т. д. и, рассчитывая, что съ теченіемъ времени ему удастся спропагандировать достаточное число вполне преданныхъ людей, онъ задумалъ такой планъ: въ какой-то день года, когда вся царская фамилія должна присутствовать въ Петропавловскомъ соборѣ, Нечаевъ долженъ былъ овладѣть крѣпостью и соборомъ, заключить въ тюрьму царя и провозгласить царемъ наслѣдника. Этого фантастическаго плана не могъ одобрить Ширяевъ, несмотря на то, что былъ очарованъ силой и энергіей Нечаева. Но онъ нашелъ съ своей стороны способъ вступить въ сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ».

«Съ этого то времени и начинаются сношенія, о которыхъ гласитъ обвинительный актъ ¹⁾. Они, впрочемъ, имѣли не совсѣмъ такой характеръ, какъ тамъ указано. Нечаевъ

---

¹⁾ Въ 1 № «Вѣстника Народной Воли» былъ помѣщенъ обвинительный актъ по дѣлу солдатъ, судившихся за устройство сношеній Нечаева съ волей. Въ приложеніи мы даемъ неполубликованный еще приговоръ по этому дѣлу.

при сношеніяхъ строго устансвилъ свою обычную систему: вести параллельно нѣсколько дѣлъ одного характера, но другъ въ другомъ не связанныхъ. Этотъ параллелизмъ былъ его любимой системой, дававшей возможность провѣрять каждого изъ людей невидимыми ему путями, возбуждая во всѣхъ самую превеличленную увѣренность въ какомъ-то таинственномъ всевѣдѣніи заправителей Дубровинъ, школьный товарищъ Ширяева, иновать только въ томъ, что получилъ отъ него записку изъ крѣпости, да сдѣлалъ для него двѣ, три филантропическія услуги. Главныя же сношенія велъ Нечаевъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ въ лицѣ Желябова»¹⁾.

«Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній, чтобы обрисовать весь ходъ этихъ сношеній. Во всякомъ случаѣ, Исполнительный Комитетъ призналъ, что планъ овладѣнія крѣпостью и царской фамиліей совершенно невозможенъ; гораздо осуществимѣе представлялось освобожденіе заключенныхъ изъ рavelина. Нечаевъ получилъ главное, чего ему до сихъ поръ не доставало,—деньги, и съгъ поэтому гораздо успѣшнѣе подготавливать свое дѣло. Къ нечастью для него, новое покушеніе на жизнь царя сталкивалось съ этимъ освобожденіемъ. Очевидно было, что освобожденіе, можетъ быть даже вооруженной рукой, изъ такого государственнаго тайника, какъ Алексѣевскій рavelинъ, должно было возбудить въ правительствѣ панику и сдѣлать надолго невозможнымъ нападеніе на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самимъ рѣшить, какое изъ двухъ предпріятій ставить въ первую очередь, и они подали свои голоса за 1-ое марта, несмотря на то, что Желябовъ уже лично осмотрѣлъ рavelинъ и призналъ погъ, при хорошей помощи извнѣ, не только осуществимымъ, но даже не особенно труднымъ. Отказываясь отъ свободы, Нечаевъ имѣлъ деликатность въ своихъ письмахъ сохранить самый веселый тонъ и усиленно доказывалъ, что дѣло ихъ, заключенныхъ, ничего не проиграетъ отъ отсрочки, хотя самъ Желябовъ былъ увѣренъ въ противномъ, и нѣтъ сомнѣнія, что такой ловкій чловѣкъ, какъ Нечаевъ, долженъ былъ прекрасно понимать всю справедливость опасеній Желябова».

«Въ это время Нечаевъ поддерживалъ оживленную переписку съ Исполнительнымъ Комитетомъ и вообще съ разными народолюбцами. Онъ вообще очень симпатизировалъ народолюбчеству и былъ въ большой радости, узнавши о существованіи организціи Исполнительнаго Комитета и ея средствахъ. Но въ дѣятельности Исполнительнаго Комитета онъ находилъ очень много ошибокъ. Ошибки эти всѣ сводились, по его мнѣнію, къ чрезмѣр-

¹⁾ Кромѣ Желябова эти сношенія съ Нечаевымъ вели Франжолі, Перовская, Арончикъ и др. Сношенія велись черезъ солдатъ, служившихъ въ рavelинѣ, и чрезъ другихъ лицъ. Лицо, очень близко знавшее тогдашнія дѣла Исполнительнаго Комитета, съ увѣренностью передавало мнѣ, что Желябовъ видѣлъ даже Нечаева и лично говорилъ съ нимъ.

ной «добросовѣстности» лицъ, заправляющихъ дѣлами партіи. «Не принимайте этого за комплиментъ,—писалъ Нечаевъ,—не забудьте, что изъ-за этой буржуазной добросовѣстности задерживается успѣшная организація, а стало быть, дается время окрѣпнуть врагамъ народа. Изъ-за этой добросовѣстности затрудняется борьба, и потомъ придется уничтожать не сотни, а сотни тысячъ человѣкъ». Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Нечаева, Комитетъ не умѣетъ показывать товаръ лицомъ, не умѣетъ ослѣпить и враговъ и друзей блескомъ своей силы. Имѣя въ рукахъ такія побѣды, какія уже были у Комитета, ловкіе люди на мѣстѣ его могли бы раздуть себя во всероссійскую силу и давно заставить врага капитулировать безъ боя. А Комитетъ не только не умѣетъ «раскричать» себя, но не умѣетъ даже хотъ молчать. «Возможно ли, напримѣръ,—говоритъ Нечаевъ,—печатать отчеты о жертвованіяхъ, сумма которыхъ въ одномъ номерѣ составляетъ всего какихъ-нибудь 5—8 тыс. рублей? И это, во-первыхъ, не вѣрно, потому что на самомъ дѣлѣ въ отчетахъ почти никогда не показывались именно крупныя суммы, оглаской которыхъ жертвователи боялись выдать себя знакомымъ и полиціи. Есть ли смыслъ печатать такіе отчеты? Да ихъ нужно,—говоритъ Нечаевъ,—увеличивать *ужь по крайней мѣрѣ* двумя нулями. Или какой смыслъ обращаться къ обществу и народу съ воззваніемъ о поддержкѣ, даже указывая, что въ противномъ случаѣ организація можетъ быть разбита? Комитетъ не долженъ допускать я мыслить объ этомъ; онъ долженъ только *возбуждать* общество или народъ и обѣщать имъ свою поддержку, а не просить ея у нихъ». Замѣчаній въ этомъ родѣ Нечаевъ дѣлалъ очень много и очень досадовалъ, что онъ, не будучи, въ силу своего положенія, членомъ организаціи, не можетъ активно вліять на ходъ дѣлъ. Наконецъ онъ предложилъ Исполнительному Комитету цѣлый планъ дѣйствій. Мы получили относящіеся къ нему документы, но полагаемъ, что достаточно будетъ изложить дѣло вкратцѣ.

«Нечаевъ предложилъ выпустить сперва для мѣстностей, гдѣ сильна вѣра въ царя, подложный царскій манифестъ, въ которомъ царь, будто бы, объявляетъ своимъ вѣрноподаннымъ: «По совѣту любезнѣйшей супруги нашей государыни императрицы и также по совѣту князей, графовъ и т. д. ¹⁾ и по просьбѣ всѣхъ дворянскаго сословія, мы признали за благо»—возвратить крестьянъ помѣщикамъ, увеличить срокъ солдатской службы, вернуть всѣ старообрядческія молельни и т. д. Въ то же время долженъ быть разосланъ священникамъ подложный же «Секретный Указъ» святѣйшаго синода, гдѣ сказано, что: «Всемогущему Богу угодно было послать Россіи тяжелое испытаніе: новый императоръ Александръ III заболѣлъ недугомъ умопомѣшательства и впалъ въ неразуміе», вслѣдствіе чего священники должны тайно возсылать съ алтаря молитвы о дарованіи ему исцѣленія, и

1) Сокращаемъ эти выписки.

тому не открывая сей важной государственной тайны». Разсчитать, конечно, на то, что священники именно разболтают всѣмъ скандальное извѣстіе. Послѣ этихъ подготовленій нужно было спустить манифесты отъ, якобы, тайнаго «Великаго Земскаго Собора всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи», во-первыхъ, къ крестьянамъ, во-вторыхъ, къ «православному русскому воинству, вардейскимъ, гренадерскимъ и армейскимъ полкамъ, конницѣ и артиллеріи, гарнизоннымъ войскамъ и мѣстнымъ командамъ». Въ первомъ объявить, что царя больше нѣтъ, старый убитъ, а новый съ ума сошелъ; что Соборъ рѣшилъ провозвести передѣлъ земли и освободить солдатъ отъ службы, и потомъ указать, чтобы «по полученіи сего манифеста не медля ни мало во всѣхъ селеніяхъ собирать мірскіе сходы и приступать къ справедливому передѣлу всей земли... прежде же всего отрѣшить отъ должности всѣхъ прежнихъ волостныхъ старшинъ и писарей, а на мѣсто ихъ для распоряженія дѣлами выбирать добросовѣстныхъ людей... приводя ихъ къ крестному цѣлованію и т. д. Всѣхъ помѣщиковъ и т. д., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять въ мірскіе сходы, а міръ долженъ творить съ ними строгую и короткую расправу... Всѣхъ исправниковъ, становыхъ и т. д. хватать, гдѣ кого пришлось, и немедленно предавать смерти»... Въ концѣ манифеста, довольно длиннаго, помѣчается, что составленъ онъ «на великомъ Земскомъ Соборѣ, по совѣту и приговору излюбленныхъ русскихъ людей, мірскихъ выборныхъ отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ», и предписывается всюду развозить манифестъ и исполнять. Въ самомъ концѣ подписано «быть по сему».

«Манифестъ къ войскамъ упоминаетъ о предыдущемъ манифестѣ, объявляетъ, что выраженнымъ тамъ мѣрамъ воспротивилась царяца съ генералами, и дѣлаетъ воззваніе къ военному бунту. Всѣ подробности этихъ плановъ, передаваемыхъ нами въ сокращеніи, вообще обдуманы, очевидно, очень тщательно.

«Всѣ эти планы оставлены были однако Исполнительнымъ Комитетомъ безъ всякихъ послѣдствій; корреспонденты же Нечаева обыкновенно отвѣчали ему, что шарлатанство—дѣло очень опасное, и если бы еще могло быть допущено до извѣстной степени въ самый моментъ возстанія, то ужъ никакъ не въ періодъ собиранія силъ, когда оно можетъ быть только вредно. Нечаевъ никакъ не могъ согласиться съ этой точкой зрѣнія: его глубокая вѣра въ близость революціоннаго взрыва и его необычайное личное умѣнье группировать и направлять людей тянули его совсѣмъ въ другую сторону.

«Впрочемъ, дѣлая вообще упреки Комитету, Нечаевъ всетаки очень цѣнилъ его и нерѣдко хвалилъ его агентовъ за ловкость въ исполненіи тѣхъ или другихъ плановъ, иногда ему сообщаемыхъ. Особенно высоко цѣнилъ онъ Желябова и, говоря однажды о необходимости учредить революціонную диктатуру въ средѣ организаціи, указывалъ на Желябова, какъ на человѣка, способнаго къ этой роли. Одновременно съ 1-мъ марта Исполнительный Комитетъ

на всякій случай дѣлалъ приготовленія и къ освобожденію. Оказалось однако, что благодаря арестамъ начать его было очень трудно, а самое главное, въ крѣпости начались строгости. Убийство царя сразу поставило крѣпость на военную ногу, хотя, впрочемъ, сношенія продолжались. Затѣмъ, при арестѣ Перовской у нея были найдены адреса нѣкоторыхъ женщинъ, любовницъ крѣпостныхъ солдатъ, и это заставило крѣпостное начальство усилить строгости. Въ рavelинѣ начались починки, поправки, задѣлывались всѣ слабыя мѣста, усилились кораулы и обходы, удвоился надворъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что захватъ адресовъ у Перовской всетаки не имѣлъ того значенія, какое ему усиливается придать обвинительный актъ. Достаточно вспомнить, что Перовская взята въ мартѣ 1881 г., а сношенія съ рavelинномъ продолжались еще въ мартѣ 1882 г. ¹⁾ Сверхъ того, кромѣ случая съ Перовской, въ крѣпости около того же времени произошелъ еще другой казусъ: въ мѣстѣ заключенія подслѣдственныхъ (Невская куртина²⁾) былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ заключенными сынъ смотрителя, Богородицкій, ²⁾ который и былъ по этому случаю арестованъ, а вслѣдъ за нимъ арестованъ былъ и самъ смотритель, полковникъ Богородицкій, заподозрѣнный въ пособничествѣ сыну при этихъ сношеніяхъ ³⁾. Все это наэлектризовало начальство и довело его бдительность до крайняго напряженія. Нечаевская конспирація была, однако, такъ крѣпко спита, что долго никто не попадался, и сношенія всетаки продолжались, хотя мысль объ освобожденіи заключенныхъ стала совсѣмъ химеричной, и жить въ рavelинѣ становилось все тяжелѣе».

«Вотъ въ какихъ ужасныхъ краскахъ начинаетъ описывать Нечаевъ положеніе заключенныхъ: // //

«Съ тѣхъ поръ угнетенія еще болѣе усилились. Оскорбляютъ, гровятъ кандалами, явно вызывая и раздражая. Не даютъ книгъ, обрекая на абсолютное физическое и умственное бездѣйствіе, толкая на дорогу къ самоубійству или сумасшествію. Послѣ убійства несчастнаго ⁴⁾, такъ удачно и безнаказанно сошедшаго съ рукъ палача, его звѣрскіе вкусы разыгрываются все болѣе и болѣе. На дняхъ принимая смотрителей съ докладами, онъ нагло объявилъ имъ, что «человѣколюбивое правительство» желаетъ по возможности избѣгать смертныхъ приговоровъ на судѣ, но изъ этого смотрители не должны заключать, что они обязаны излишне заботиться о здоровьи и жизни ввѣренныхъ имъ арестантовъ. *«Жизнь враговъ государя императора не особенно драгоценна истиннымъ вѣроподданымъ»*. Смотрители это такъ и поняли,

¹⁾ Осенью 1881 г. Савелій Златопольскій жилъ въ Петербургѣ специально съ дѣлью устроить побѣгъ Нечаева и вѣрнулъ въ свое предпріятіе.

²⁾ Богородицкій обвинялся въ томъ, что носилъ изъ Трубецкаго бастиона книги съ письмами заключенныхъ на квартиру Люстига для передачи Исп. Комитету.

³⁾ Въ концѣ 1880 г., одновременно съ Ширяевымъ, въ Петропавловской крѣпости (кажется, въ Трубецкомъ рavelинѣ) былъ посаженъ Окладскій; въ 1881 г., онъ далъ обстоятельныя показанія и выдалъ своихъ товарищей. Можетъ-быть, его разоблаченія тоже помогли правительству лучше раскрыть сношенія заключенныхъ съ волей.

⁴⁾ Нечаевъ говоритъ здѣсь, вѣроятно, о смерти Ширяева.

то, дескать, чѣмъ чаще у насъ будутъ покойники, тѣмъ больше намъ будетъ награда.

«Пришелъ докторъ и говорить: «Я, пожалуй, васъ полѣчу. Даужели вы жить хотите?...

«Довольно у насъ погнбло жертвъ невѣдомыхъ. Пора, по крайней мѣрѣ, оглашать звѣрства нашихъ палачей, если не хватаетъ силы отомстить за истерзанныхъ товарищей!»

Къ этому же времени—къ половинѣ 1881-го г. относится еще одно письмо Нечаева, написанное имъ отъ имени служащаго крѣпости.

«Нашъ комендантъ очень похожъ на лѣниваго короля Меровинга, при которомъ роль всемогущаго маіордома играетъ секретарь Денежкинъ, выслужившійся изъ писарьковъ. Эта деврчакая, гаденькая фигурка, пронирливая и хитрая, управляетъ крѣпостью неограниченно. Денежкинъ обложилъ поборами всѣхъ служащихъ офицеровъ и рядовыхъ; отъ однихъ онъ бралъ и беретъ сторублевыми билетами, съ другихъ полдюжиной голландскихъ рубашекъ. Онъ кладетъ въ свой бездонный карманъ солдатскую копейку и послѣднія арестантскія крохи. Лѣтомъ солдаты увольняются на заработки: секретарь позволяетъ ходить только тѣмъ изъ нихъ на поденщину, кто внесетъ ему двугривенный съ поденной платы ежедневно. Завѣдуя арестантскимъ рододольствиемъ, секретарь кормитъ ихъ кониной и тухлымъ саомомъ, хлѣбомъ съ пескомъ. Другой, еще болѣе наглый хищникъ, то—полковникъ Филимоновъ, смотритель Алексѣевского равелина. Это—знаменитая историческая тюрьма въ Россіи. Еще цѣла еминица, въ которой цесаревичъ Алексѣй задушенъ руками своего свирѣпаго отца; еще не совсѣмъ изгладилса маленькій холмикъ, подъ которымъ зарыли трупъ замученной княжны Тарановой; еще цѣлы мрачные, глухіе казематы безъ свѣта, безъ верей съ одними отверстиями для подачи пиши. Въ этихъ живыхъ могилахъ заживо погребались жертвы деспотизма еще въ недавнее прошлое. Два года назадъ, во время наводненія, въ эти размѣщенія хотѣли сложить солдатскія вещи; когда отворили ровной желѣзный затворъ и пролѣзли съ фонаремъ, въ мрачномъ слепѣ солдаты сдѣлали страшную находку, отъ которой у нихъ гали дыбомъ волосы. Они запнулись ногой за скелетъ, подняли и показали въ отверстие товарищамъ кости человеческого тѣла.

«Алексѣевскій равелинъ—тюрьма секретная. Въ крѣпости говорятъ о ней шепотомъ. На службу туда назначаютъ солдатъ заграмотныхъ, самыхъ неразвитыхъ и тупыхъ. Имъ запрещено же называть мѣсто своего служенія при выходѣ изъ крѣпости. Въ этой тюрьмѣ происходятъ теперь злоупотребленія, невозможныя въ отдаленной провинціи. Смотритель Филимоновъ пользуется именно этимъ секретомъ для своихъ злоупотребленій. Арестантамъ не даютъ ни пера, ни бумаги. Ни для какой ревизіи ворота равелина не отворяются. Филимоновъ пересталъ ото-

пять рavelинъ по зимамъ. Громадное количество дровъ, поставляемыхъ прежде въ рavelинъ, принимается имъ только на бумагѣ; изъ тридцати печекъ зданія протапливается кое-какъ только три. Всѣ казематы отсырѣли ужасно и стали погребями, температура зимой ниже нуля, арестанты мучаются хронической простудой, наживаютъ ужасные ревматизмы на всю жизнь, а смотритель ходитъ по камерамъ въ енотовой шубѣ. Несчастный узникъ, томившійся въ одиночномъ заключеніи болѣе 20 лѣтъ и утратившій рассудокъ, бѣгаетъ по холодному каземату изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ, и оглашаетъ рavelинъ безумными воплями. Проходя мимо воротъ рavelина въ тихую морозную ночь, обитатели крѣпости слышатъ эти вопли. Этотъ безумный узникъ—бывшій офицеръ-академикъ *Шевичъ*—доведенный тюрьмой до потери разсудка, не опасенъ для правительства; мучить его также не имѣло бы смысла; почему же держатъ несчастнаго въ заключеніи? На этотъ вопросъ политика... даетъ объясненіе, ужасающее своимъ безчеловѣчьемъ: безумнаго Шевича держатъ въ тюрьмѣ потому, что его примѣръ, его вопли и припадки бѣшенства производятъ потрясающее дѣйствіе на другихъ арестантовъ молодыхъ, мыслящихъ, еще не доведенныхъ до отчаянія. Праздное одиночество въ сыромъ склепѣ, грязное, непромытое бѣлье, паразиты, негодная пища, адскій холодъ, оскорбленія и поруганія, побои, веревки, колодки, цѣпи, кандалы—всего этого достаточно, чтобы искалѣчить человѣка, чтобы разрушить физическія силы, но сила нравственная не всегда можетъ быть раздавлена этимъ гнетомъ, и палачи ищутъ для этого другихъ средствъ. Рядомъ съ несчастнымъ Шевичемъ, въ сосѣднемъ казематѣ десятый годъ томится Нечаевъ: что долженъ былъ вынести этотъ человѣкъ, выслушивая въ бессонные ночи дикіе вопли бѣшеный и яростный вой, бессмысленный хохотъ? Нечаева долго держали въ цѣпяхъ: руки и ноги были закованы въ тяжкіе кандалы, причѣмъ цѣпь, соединявшая эти кандалы, была нарочито такъ укорочена, что узникъ былъ согнутъ въ дугу, не могъ ни встать прямо, ни лечь вытянувшись, а вынужденъ былъ постоянно сидѣть, скорчившись; два года онъ влачилъ оковы: руки и ноги покрылись язвами, силы ослабѣли, смерть могла освободить жертву изъ рукъ палачей, но палачи не хотѣли такъ расстаться со своей жертвой, и оковы съ Нечаева были сняты, но затѣмъ только, чтобы имѣть возможность постоянно угрожать новыми...

«Кромѣ Шевича и Нечаева теперь томятся въ рavelинѣ Мирскій и Шираевъ. Мирскій вступилъ въ рavelинъ статнымъ крѣпкимъ юношей, полнымъ здоровья и физическихъ силъ: прошло полтора года въ одиночномъ заключеніи, и онъ исхудалъ, какъ скелетъ, и кажется хилымъ старикомъ. Шираева привезли зимой и помѣстили въ отсырѣвшемъ, холодномъ казематѣ, гдѣ было такъ же удобно жить, какъ въ погребѣ; это сразу подорвало его здоровье, и новый узникъ на первомъ же году тюремной жизни уже харкаетъ кровью, изнуряемый развивающейся ча-

откой. У Нечаева было желѣзное здоровье и богатырская грудь, но и та не устояла. Пища заключенныхъ въ послѣднее время тала никуда негодной; въ этомъ отношеніи смотритель Филимоновъ довелъ свою жадность хипчника до самыхъ крайнихъ преѣловъ безстыдства и безчеловѣчія; подѣ названіемъ супа чаще сего дается одна вода, подправленная горстью муки, безъ всякаго навара, а вмѣсто полутора фунтовъ мяса, полагающихся по уставу, въ этой водѣ посылаютъ маленькіе кусочки конины, жесткой, какъ подошва, и оставшейся отъ вчерашняго обѣда. Эта конина жарится безъ масла, и узники, несмотря на хроническій голодъ, ея не ѣдятъ; каша тоже подается безъ масла, а между тѣмъ писаря говорятъ, что въ канцелярскихъ отчетахъ показывается очень изрядная сумма, будто бы отпускаемая на продовольствіе арестантовъ равелина, сумма, болѣе чѣмъ достаточная для того, чтобы давать прекрасное мясо, жирныя щи. Нѣтъ сомнѣнія, что комендантъ знаетъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, но изъ видовъ политики смотритъ на нихъ сквозь пальцы и слишкомъ явно позволяетъ себя обманывать; если, напр., на пищу начинаютъ жаловаться, онъ приказываетъ приносить порціи ему на показъ; тогда смотритель Филимоновъ посылаетъ ему на показъ со своей квартиры свой собственный отличный обѣдъ. Комендантъ прогулетъ и находитъ мнимую арестантскую пищу прекрасной. Что за отвратительную комедію разыгрываютъ эти господа! Въ прошломъ году Лорисъ-Меликовъ пріѣхалъ въ Трубецкую тюрьму и потребовалъ хлѣбъ арестантскій, сейчасъ же послали купить въ лавкѣ лучшаго сорта. Лорисъ не повѣрилъ и былъ настолько честенъ, что не притворился вѣрящимъ. Вилки и ножи къ обѣду не подаютъ, а ужъ о какихъ-нибудь инструментахъ и рѣчи быть не можетъ, и при такихъ условіяхъ существованія мыслящая человеческая личность обречена проводить не мѣсяцы, не годы, десятки лѣтъ, какъ бѣдный Шевичъ. Ясно, что потеря разсудка, сумасшествіе въ той или другой формѣ ожидаетъ неизбѣжно всѣхъ остальныхъ товарищей Шевича по участи. Одного раньше, другого позднѣе, но всѣхъ постигнетъ ужасная участь. Съ заключенными никто изъ служащихъ не говоритъ ни слова, на опросы ихъ не отвѣчаютъ; такъ предписываетъ варварская инструкція. Надзоръ за ними доведенъ до самыхъ крайнихъ разѣровъ, двѣ пары глазъ—часовой у дверей и часовой у окна наружи—непрерывно наблюдаютъ за каждымъ шагомъ арестанта; кромѣ того у дверей подслушиваетъ и подглядываетъ дежурный жандармъ. При такомъ надзорѣ, конечно, никакихъ сношеній завести между собой невозможно, и они даже не знаютъ другъ о другѣ. Я сказалъ, что равелинъ зимой не отапливается, но, на случай посѣщенія властей, во всѣхъ печкахъ для виду режутъ дрова и приготовлена даже растопка. Всѣ печи тотчасъ же затопляются, какъ только къ воротамъ тюрьмы приближается комендантъ или шефъ жандармовъ, что случается разъ въ годъ; если власти обратятъ вниманіе на ужасающую сырость арестант-

*

ских казематовъ, имъ докладываютъ, что это слѣдствіе наводненія двадцать четвертаго года, и власти удовлетворяются, хотя тутъ же рядомъ, въ томъ же корридорѣ, находится помѣщеніе смотрителя, въ которомъ стѣны совершенно сухи. Самъ смотритель живетъ въ теплѣ, у него исправно топятъ. Представьте себѣ жизнь заключенныхъ среди всевозможныхъ матеріальныхъ лишеній, изнуряемыхъ тоской, полнымъ одиночествомъ, жаждущихъ дѣятельности и обреченныхъ на молчаніе и вѣчную бессмысленную праздность. Бумагу и перо выдавать имъ строжайше запрещено; новыхъ книгъ или журналовъ тоже, хотя бы прошлогоднихъ, не выдаютъ; физическій трудъ совсѣмъ невозможенъ, потому что арестантъ даже...¹⁾

.... «Новый царь, такъ неудержимо бросившійся въ объятія разъяренной реакціи, не забылъ въ своей злобѣ и мучениковъ, заживо погребенныхъ его отцомъ въ стѣнахъ рavelина. Онъ приказалъ еще болѣе ухудшить и безъ того уже невыносимое положеніе; онъ запретилъ выпускать арестантовъ на прогулку въ маленький садикъ, расположенный внутри рavelина; онъ запретилъ несчастнымъ дышать свѣжимъ воздухомъ полчаса въ сутки; садикъ этотъ въ нѣсколько шаговъ пространствомъ, въ немъ полдюжины тощихъ березъ да десятокъ кустовъ; на полчаса выводили гулять заключенныхъ, cadaго по одиночкѣ и подъ прикрытіемъ конвойныхъ. Ключекъ неба сверху, шелестъ зеленыхъ листьевъ, чириканье залетѣвшихъ воробьевъ, жужжаніе насекомыхъ доставляли отраду узникамъ, задыхавшимся въ убійственномъ воздухѣ запертаго каземата, и нужно быть въ самомъ дѣлѣ звѣремъ въ душѣ, надо быть . . . . . , чтобы лишить несчастныхъ даже этого.

«Говорятъ, что узниковъ запретили выводить на прогулку затѣмъ, чтобы сохранить тайну ихъ мѣстопребыванія; правительство въ паникѣ и не довѣряетъ даже своимъ агентамъ. Вскорѣ послѣ катастрофы 1-го марта жандармы, служащіе въ рavelинѣ, были арестованы, по всей крѣпости производились обыски, раскопки; скандалъ былъ неслышанный, когда всѣ эти мерзавцы заподозрили другъ друга въ измѣнѣ....²⁾ Нѣтъ, только по внушенію одной злобной мести запрещено узникамъ выходить на полчаса въ садикъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, а не для предохраненія политической тайны, потому что всѣ секреты крѣпости остаются такими только на бумагѣ. Правда, говорится у насъ обо всемъ подобномъ шепотомъ, но зато говорится рѣшительно о каждой подробности мѣстныхъ происшествій, позорныхъ для правительства. Два года назадъ³⁾, когда по распоряженію генерала Дрентельна напоили до потери сознанія гарнизонныхъ солдатъ и повели ихъ толпами избивать арестантовъ, которые не

¹⁾ Пропускъ въ рукописи.

²⁾ Тутъ что-то слухано въ самой рукописи.

³⁾ Дѣло было въ 1878 г. и не при Дрентельнѣ, а при Мезенцевѣ.

котѣли принимать отвратительной пищи, обо всѣхъ подробностяхъ этой варварской исторіи говорили у насъ на другой день всѣ и каждый, крѣпостныя майорши и капитанши развѣдали отъ своихъ мужей фамилію дѣвушки, которой пьяный солдатъ раздробилъ прикладомъ грудь, называли и того юношу, которому проломилъ голову, когда его связаннаго топтали ногами. А когда В . . . . . а не допускала снимать съ себя фотографію, то въ тотъ же вечеръ вся крѣпость узнала, какую грязную, мерзкую услугу оказали правительству негодяй докторъ Вильмсъ. Когда Нечаевъ заклеилъ пощечиной шефа жандармовъ Потапова, объ этомъ тогда узнали всѣ также очень скоро, несмотря на все стараніе правительства сохранить этотъ позорный для него фактъ въ тайнѣ; молчалъ только тотъ офицеръ, которому Потаповъ далъ 5 тыс. рублей и обѣщалъ протекцію за молчаніе; но, вѣдь, при этомъ присутствовало, говорятъ, болѣе десяти человекъ, и всѣхъ еще любилъ рассказывать объ этой пощечинѣ самъ покойный комендантъ, генералъ Корсаковъ, также бывший свидѣтелемъ: старикъ былъ польщенъ тѣмъ, что Нечаевъ къ нему, николаевскому служацкѣ, относился съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ генераламъ новымъ, молодымъ»...

Новый комендантъ крѣпости, Ганецкій, по словамъ «Вѣстника Народной Воли», оказался звѣремъ и окрасилъ въ свой цвѣтъ всю крѣпостную администрацію. Сношенія заключенныхъ съ волею становились все труднѣе. Правда, выдачь не было, несмотря даже на аресты нѣкоторыхъ служащихъ, но страшный надзоръ связывалъ руки всѣмъ. С. Ширяевъ не въ состояніи былъ выдержать этой ужасной жизни: когда заключенныхъ перестали пускать гулять и заколотили ихъ окна и душники, у него быстро развились чахотка. 16 сентября 1881 г. онъ умеръ въ какомъ-то странномъ состояніи: былъ въ страшномъ возбужденіи, вскакивалъ на столъ, какъ въ горячечномъ бреду, говорилъ что-то такое; наконецъ, громко закричалъ и упалъ мертвый. Нечаевъ предполагалъ, что его отравили какимъ-то возбуждающимъ средствомъ, даннымъ ему для того, чтобы выпытать у него какія-то свѣдѣнія. Не имѣемъ никакихъ данныхъ судить объ основательности этого предположенія. Нечаевъ, наконецъ, не выдержалъ и обратился къ царю Александру III съ письмомъ или заявленіемъ, не знаемъ, какъ назвать:

«Государь!

«Вступивъ въ управленіе крѣпостью, новый комендантъ Ганецкій произнесъ рѣчь служащимъ въ рavelинѣ по поводу событія 1-го марта. Характеръ этой рѣчи, а также то обстоятельство, что произнесена она была не въ отдѣльномъ помѣщеніи, а въ отворенномъ корридорѣ, неподалеку отъ дверей каземата, громовымъ голосомъ, ясно показали мнѣ, что содержаніе ея, главнымъ образомъ, предназначалось для моихъ ушей, которыя и слышали отчетливо каждое слово. Интимидация этой цѣли не достигла.

Косвенныя угрозы генерала Ганецкаго меня не утратили, а показали только, что подъ влияніемъ событій послѣдняго времени даже крупнѣйшіе представители администраціи потеряли голову и утратили чувство собственнаго достоинства. Я не обратилъ бы вниманія на выходку его превосходительства, если бы эта рѣчь не повела къ отягченію моего и безъ того не легкаго положенія и не сдѣлала бы его, безъ всякаго съ моей стороны повода, окончательно невыносимымъ.

«Алексѣевскій рavelинъ—тюрьма секретная, никакой ревизіи не допускающая; въ ней и прежде происходили злоупотребленія, невозможныя ни въ какомъ отдаленномъ острогѣ. Но покойный комендантъ, уважаемый баронъ Майдель, понимая это, сдерживалъ до нѣкоторой степени хищника-смотрителя Филимонова и, исполняя суровый долгъ, не мучилъ заключенныхъ изъ личной жестокости. Теперь же, послѣ рѣчи Ганецкаго, хищникъ-Филимоновъ нагло отнимаетъ у насъ послѣдній кусокъ, безстыдно заявляя при этомъ, что поступаетъ такъ по приказанію коменданта. Я уже просилъ начальство, чтобы мнѣ позволено было пользоваться пищею изъ солдатскаго котла: грубыя щи и каша, несмотря на всѣ ихъ недостатки, при существующихъ злоупотребленіяхъ были бы всетаки питательнѣе тѣхъ обѣдовъ изъ негодной провизіи, которые поставляетъ Филимоновъ. Всѣ служащіе въ рavelинѣ послѣ вступленія коменданта считаютъ отягченіе политическихъ заключенныхъ вѣрнѣйшимъ средствомъ заслужить благосклонность начальства и поступаютъ въ силу этого соображенія самымъ наглымъ, вызывающимъ образомъ. Прежде мнѣ позволяли выходить подышать чистымъ воздухомъ два раза въ день. Теперь мою прогулку сократили съ двухъ часовъ до 20-ти минутъ. Мало того, меня по цѣлымъ мѣсяцамъ совсѣмъ не выводятъ изъ душнаго каземата, въ которомъ Ганецкій даже приказалъ задѣлать душники, будто съ цѣлю лишить меня возможности достать сажу для сѣставленія чернилъ. Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое, позволивши мнѣ видѣть клочекъ неба. Нужно знать ужасы долготѣннаго одиночнаго заключенія, чтобы понять, какую отраду доставляетъ узнику видъ проходящаго облака и сіяніе звѣздъ ночью.

Два коменданта: генераль Корсаковъ и баронъ Майдель, шесть шефовъ жандармовъ, начиная графомъ Шуваловымъ и кончая генераломъ Черевинымъ, самъ предсѣдатель Верховной Комиссіи, генераль Лорисъ-Меликовъ, посѣщая меня, видѣли это чистое стекло и не находили опаснымъ для государства тотъ фактъ, что я.... ¹⁾ подслѣдственный въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ. Но я не подслѣдственный узникъ, и вотъ уже десятый годъ, какъ я лишень свободы, слѣдовательно, отягченіе моей участи вызывается не высшими политическими соображеніями, а лишь однимъ безчеловѣчнымъ произволомъ лица, которому Ваше Величество ввѣрили управление крѣпостью. У меня былъ личный

¹⁾ Пропускъ въ рукописи.

врагъ—генераль Мезенцевъ; онъ два года терзалъ меня въ цѣпяхъ, но и тотъ не закрывалъ для меня вида неба. У меня былъ другой врагъ, генераль Потаповъ. Онъ оскорбилъ меня на словахъ, я за это заклеилъ его пощечиной. Онъ имѣлъ право меня ненавидѣть, но и онъ не мстилъ мнѣ. Онъ зналъ, что мститъ человѣку, лишенному свободы, можно только, имѣя душу звѣря, а генераль Потаповъ былъ человѣкъ. Свойственны ли гуманныя чувства генералу Ганецкому,—я не знаю, но судя по тому, что онъ днѣ посѣщаетъ равелинъ только затѣмъ, чтобы по часу стоять у дверей каземата и любоваться въ щель на отягченное имъ положеніе узниковъ, судя по этому, слѣдуетъ думать, что созерцаніе чужихъ страданій доставляетъ ему удовольствіе, которое человѣческимъ назвать нельзя. Не надѣется ли онъ довести меня до отчаянія, чтобы видѣть слезы и муки безсильнаго бѣшенства, чтобы слышать безумные крики ярости, подобные тѣмъ, которые доносятся изъ каземата моего несчастнаго сосѣда по тюрьмѣ, доведеннаго долготѣннимъ заключеніемъ до сумасшествія? О нѣтъ! Не доставлю Ганецкому такого удовольствія. Я желаю ему сохранить хоть сотую долю моего спокойствія и самообладанія, когда его самого повезутъ на эшафотъ.

Въ 75-мъ году, когда правительство предложило мнѣ изложить свой взглядъ на положеніе дѣлъ, я въ подробной запискѣ на Высочайшее имя заявилъ Вашему Августѣйшему Родителю, что абсолютизмъ отжилъ свой вѣкъ, что всѣ основы неограниченной монархіи окончательно распаты, и только дарованіемъ конституціи Державная воля можетъ спасти Россію отъ ужасовъ революціи. Я говорилъ, что неотлагаемое введеніе либеральныхъ представительныхъ учрежденій въ дорогомъ отечествѣ можетъ помѣшать развитію внутреннихъ смутъ и дерзкихъ покушеній, которыя ни передъ чѣмъ не остановятся. Я говорилъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, уже будетъ поздно. Ходъ событій послѣдняго времени подтвердилъ мои предположенія. Реакція послѣ катастрофы 1-го марта была неизбежна. Это—въ порядкѣ вещей... но размѣры реакціи и ея продолжительность могутъ быть также неизбежно гибельны для существующаго строя, если государственные дѣятели въ такое напряженное общественными ожиданиями время будутъ заниматься добиваніемъ лежачихъ. Будучи жертвой величайшей юридической несправедливости, я былъ осужденъ Московскимъ окружнымъ судомъ при полномъ нарушеніи основныхъ формальностей судопроизводства. Ко мнѣ не только не допустили избраннаго мною защитника, но даже не выдали мнѣ копій съ дѣла, такъ что введенный въ засѣданіе *гласнаго* суда, я не зналъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Чтобы добиться нужнаго для правительства приговора присяжныхъ (всѣхъ подчиненныхъ обвинительной власти), мнѣ буквально не дали говорить, и какъ только я открывалъ ротъ, чтобы дать объясненія,

меня тотчасъ же вытаскивали изъ залы засѣданія по знаку предсѣдателя въ корридоръ, гдѣ жандармскіе офицеры били меня въ голову до потери сознанія. Приговоривъ меня къ 20-лѣтней каторгѣ на основаніи голословныхъ обвиненій прокурора, вопреки фактическимъ даннымъ, всей Россіи извѣстнымъ, судъ предоставилъ мнѣ, *повидимому*, право апелляціи, въ дѣйствительности же, лишилъ меня всякой возможности воспользоваться этимъ правомъ, не выдавъ мнѣ копию съ приговора и запретивъ мнѣ давать чернилъ и бумаги для писанія жалобы. Переведенный тайно ночью прямо съ эшафота (окольными путями, исколесивъ половину Россіи) въ Петропавловскую крѣпость я былъ заживо погребенъ въ стѣнахъ Алексѣевского рavelина, гдѣ, заточенный въ одиночное заключеніе при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, я не ожидаю отъ новаго правительства облегченія своей участи, не удивлюсь, если это письмо еще болѣе ухудшитъ мое положеніе. Людовикъ XVI также понялъ всѣ ужасы страданій узниковъ Бастиліи только тогда, когда самъ попалъ въ государственную тюрьму. Но такъ какъ нигдѣ въ мірѣ произволъ представителей администраціи не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, такъ какъ ни въ одной странѣ воля и желаніе главы не искажаются до такой степени, какъ у насъ, то я и счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества объ отягченіи условій моей тюремной жизни безъ всякаго съ моей стороны повода. Теперь всякое дальнѣйшее угнетеніе меня будетъ уже совершаться съ Вашего Высочайшаго вѣдома, въ силу Вашей Царственной воли. Я буду безропотно выносить всевозможныя лишенія, коль скоро буду знать, что подвергаюсь имъ по распоряженію высшей власти. Но быть жертвой безчеловѣчнаго произвола его превосходительства и молчать.... я не въ состояніи.

С. Н.

«Пишу кровью, ногтемъ».

Этого письма Нечаевъ уже не могъ отправить иначе, какъ на удачу, и онъ его, кажется, не отправилъ. Но черезъ нѣсколько времени сношенія Нечаева съ волей снова возстановились и, присылая Исполнительному Комитету копию съ своего письма къ царю, онъ писалъ:

«Я не могъ отправить этого письма черезъ коменданта, потому что онъ, угнетая арестантовъ и дѣлая ихъ положеніе невыносимымъ, боится имъ показаться на глаза и не является къ нимъ даже тогда, когда они его просятъ придти (я, напримѣръ, три раза бесполезно звалъ его выслушать меня). Онъ приходитъ въ тюрьму только затѣмъ, чтобы любоваться на мученія заключенныхъ въ щелку двери. Передать письмо смотрителю я также не могъ, потому что былъ увѣренъ, что онъ его уничтожитъ, ничего о немъ не сообщивъ. Я долженъ былъ ждать, пока не представился благопріятный случай, когда я могъ ввѣрить его постороннему честному лицу. Въ рavelинѣ начались работы: подъ

номъ проходить и останавливаются разные мастеровые, при-
вочки, подрядчики, инженерные офицеры. Я пользуюсь оплош-
стью начальства, которое позабыло поставить часового у будки
окна, и ввѣряю это письмо судьбѣ: нашлись добрые люди,
которые обѣщали доставить это посланіе черезъ канцелярію гра-
начальника или министра».

Эта записка, какъ обозначено на оригиналѣ, писана также
ровью, погтемъ, въ книгѣ, на чистомъ листѣ, возлѣ пере-
ета»... Последнія строчки о томъ, какимъ путемъ посылалось
письмо, Нечаевымъ написаны, конечно, для того, чтобы откло-
нить подозрѣнія отъ того пути, которымъ онъ, дѣйствительно
осился съ Исполнительнымъ Комитетомъ.

Мы даемъ письма Нечаева въ такомъ видѣ, какъ они дошли
насъ, а ихъ расшифровка и провѣрка—дѣло будущаго.

Въ началѣ 1882 года правительство обнаружило сношенія
Нечаева съ волей,—произведены были массовые аресты среди
ддатъ Алексѣевского рavelина и на волѣ. Весь режимъ равели-
на былъ въ корнѣ измѣненъ. Смотрителемъ назначенъ былъ
коловъ, прославившійся впоследствии въ Шлиссельбургской
ѣпости и мѣтко прозванный Лопатынымъ «Иродомъ». Какіе
или порядки въ равелинѣ съ начала 1882 г., мы знаемъ теперь
сыма подробно изъ воспоминаній Поливанова и Фроленко,—
томъ же скоро читатели «Былого» прочтутъ новые матеріалы.
Въ мартѣ 1882 г. къ Нечаеву привели новыхъ товарищей—
астниковъ процесса 20-ти: А. Михайлова, Фроленко и др. Со-
ловъ поставилъ Нечаева въ такія условія, что никто изъ вновь
ибывшихъ участниковъ процесса 20-ти, сидѣвшихъ съ нимъ въ
номъ и томъ же зданіи Алексѣевского равелина, не подозрѣвалъ
ь его существованія,—они не знали, какъ въ продолженіе
2 лѣтъ около нихъ медленно умиралъ Нечаевъ.

Намъ удалось изъ совершенно достовѣрнаго источника узнать
смерти Нечаева. Мы дадимъ современемъ подробный рассказъ
обще о заключеніи Нечаева въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и въ
стности, о послѣднихъ 1½ годахъ жизни. Въ началѣ 1882 года,
видѣ мести за обнаруженные его сношенія съ волей, Нечаевъ
лъ лишенъ книгъ, своей пици, своей одежды, ему почти не
връшали прогулокъ. Его помѣстили въ одну изъ тѣхъ ужас-
хъ камеръ, описаніе которыхъ дали намъ Фроленко и Поли-
новъ, одѣли въ арестантскій костюмъ, стали кормить невозмож-
й пицей. «Иродъ» сумѣлъ устроить такой надзоръ за Нечаевымъ,
о онъ не могъ и двухъ словъ сказать кому-нибудь, его никто
могъ видѣть иначе, какъ въ присутствіи Ирода... Въ этихъ
ловіяхъ Нечаевъ сталъ медленно умирать отъ чахотки,—у него
шла кровь горломъ, онъ потерялъ силы и вяло бродилъ по
мерѣ... Но все время онъ велъ себя, какъ и раньше, смѣлымъ
рцомъ. Всѣ окружавшіе его, не исключая Соколова, чувствова-
ли его обаяніе и власть надъ собой.

Въ ночь съ 8 на 9 мая 1883 г. въ 2 часа ночи Нечаевъ тихо умеръ, такъ что этого не замѣтили въ «глазокъ» караулившіе его жандармы...

Ред.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Приговоръ къ дѣлу о пропагандѣ среди солдатъ.

1882 г., 28 мая, въ 1 часъ дня, приговоръ этотъ объявленъ, въ бытность, кромѣ унтеръ-офицера Федорова, подсудимымъ въ присутствіи Военнаго Прокурора Полковника Маслова, помощника Секретаря Кисличнаго, причемъ мною объявлено, въ какой срокъ и какимъ порядкомъ можетъ быть обжалованъ приговоръ:
Военный Судья Полковникъ Извольскій.

Приговоръ.

По указу Его Императорскаго Величества 1882 года, мая 25-го дня Петербургскій Военно-Окружный Судъ, подъ предсѣдательствомъ Генераль-Лейтенанта Лейхта, въ судебномъ засѣданіи при закрытыхъ дверяхъ, въ которомъ присутствовали: постоянный членъ полковникъ Извольскій, временные члены: Л.-Гв. 2 Стрѣльцоваго баталіона полковникъ Энгель, 86 пѣх. Вильманстранд. полка майоръ Марцыновскій, 2-го военно-телеграфнаго парка капитанъ Гнѣдичъ, 95-го пѣхотнаго Красноярскаго полка полковникъ Павловъ, Гв. Конно-Артиллер. бригады шт.-капитанъ Вороновичъ, Л.-гв. сводно-казачьяго Его Величества пол. поручикъ Чеботаревъ, при военномъ прокурорѣ полковникъ Масловъ и при помощникѣ секретаря титул. совѣт. Кисличномъ, слушалъ дѣло о бывшемъ смотрителѣ Алексѣевскаго Равелина С.-Петербургскія крѣпости—нынѣ состоящаго по армейской кавалеріи подполковникъ Петръ Матвѣевичъ *Филимоновъ*, помощникъ его, поручикъ петербургской мѣстной команды, Николаѣ Андреевичъ *Андреевъ*, объ унтеръ-офицерахъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Карлъ Петровъ *Лепингъ*, Александръ Александровъ *Александровъ*, Николаѣ Исаковъ *Исаковъ*, Захаръ Федоровъ *Федоровъ*, о запасныхъ рядовыхъ: Ефимъ Петровъ *Тихоновъ* и Василии Васильевъ *Попковъ*, и рядовыхъ петербургской мѣстной команды: Кузьмъ Ивановъ *Березинъ*, Михаилъ Ивановъ *Ульяновъ*, Иванъ Андреевъ *Мыркинъ*, Иванъ Тихоновъ *Тихоновъ*, Алексѣй Леоновъ *Леоновъ*, Василии Ивановъ *Ивановъ*, Федоръ Степановъ *Степановъ*, Силъ Андреевъ *Андреевъ*, Ильѣ Ильинъ *Ильинъ*, Андрианъ Ивановъ *Чернышевъ*, Дмитрій Яковлевъ *Яковлевъ*, Василии Кузьминъ *Кузьминъ*, Павлѣ Сергѣевъ, Дмитрій Ивановъ *Ивановъ*, Яковъ Савельевъ *Шарковъ*, Фодотъ Марковъ *Ермолинъ*, и Кириллъ Никифоровъ *Никифоровъ* по обвиненію: подполковника Филимонова и поручика Андреева въ противозаконномъ бездѣйствіи

ности, имѣвшемъ особенно важныя послѣдствія, а поименованныхъ нижнихъ чиновъ въ несоблюденіи особыхъ обязанностей армейской службы.

Изъ послужныхъ списковъ подсудимыхъ видно: подполковникъ *Ильионовъ* отъ роду имѣеть 61 годъ, происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей, вѣроисповѣданія православнаго, первоначальное образование получилъ въ школѣ военныхъ кантонистовъ, на службу поступилъ рядовымъ въ 1841 г., въ первый офицерскій чинъ произведенъ въ 1856 г., въ настоящемъ чинѣ съ 1879 года, имѣеть бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ, женатъ и имѣеть 11 человекъ дѣтей, подъ судомъ не былъ; поучикъ Николай *Андреевъ* 31 года, происходитъ изъ Оренбургскихъ мѣщанъ, воспитывался въ частной гимназiи, на службу поступилъ вольноопредѣляющимся 2 разряда въ 1875 г., въ первый офицерскій чинъ произведенъ въ 1878 году, въ настоящемъ чинѣ съ 1882 года; орденовъ и знаковъ отличія не имѣеть, подъ судомъ не былъ, женатъ и имѣеть двоихъ дѣтей. Унтеръ-офицеры: Сахаръ *Федоровъ*, 57 лѣтъ, происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей, въ службу съ 1844 года, въ корпусѣ жандармовъ съ 1871 года, имѣеть одну золотую и двѣ серебряныя медали съ надписью «за усердіе», медаль въ память войны 1853—1856 годовъ, шевроны: золотой и серебряный за сверхсрочную службу и двѣ нашивки изъ желтой тесьмы за 15-лѣтнюю безпорочную службу; подъ судомъ не былъ, холостъ. Карлъ *Летингъ* 36 лѣтъ, вѣроисповѣданія лютеранскаго, происходитъ изъ крестьянъ, въ службу въ 1868 года, въ корпусѣ жандармовъ съ 1872 года, имѣеть шевроны: золотой и серебряный за сверхсрочную службу и нашивку изъ желтой тесьмы за 6-лѣтнюю безпорочную службу, подъ судомъ не былъ, холостъ. Александръ *Александровъ* 37 лѣтъ, изъ питомцевъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома; на службу поступилъ вольноопредѣляющимся III разряда въ 1863 году, въ корпусѣ жандармовъ съ 1870 года, имѣеть золотой и серебряный шевроны за сверхсрочную службу, нашивку изъ желтой тесьмы за 6-ти лѣтнюю безпорочную службу и плечевые бассоны за отличную стрѣльбу, подъ судомъ не былъ, женатъ и имѣеть трехъ малолѣтнихъ дѣтей. Николай *Исаковъ* 55 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ, въ службу съ 1854 года, въ корпусѣ жандармовъ въ 1871 года, имѣеть серебряную медаль за усердіе, золотой шевронъ за отказъ отъ отставки, нашивку изъ желтой тесьмы за 6-лѣтнюю безпорочную службу и бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 года, женатъ, дѣтей не имѣеть, подъ судомъ не былъ. Рядовые: Кузьма *Березинъ* 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Архангельской губерніи, въ службу съ 1877 г., подъ судомъ не былъ и взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ не подвергался, холостъ. Михаилъ *Ульяновъ*, 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Архангельской губерніи, въ службу съ 1877 года, подъ судомъ не былъ, взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ не подвергался, холостъ. Иванъ *Мыркинъ*, 26 лѣтъ, происходитъ

изъ крестьянъ той же губерніи, въ службѣ съ 1877 года, подъ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Иванъ *Тихоновъ* 29 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подъ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Илья *Ильинъ* 26 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ той же губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подъ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Сила *Андреевъ* 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 г., подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Алексѣй *Леоновъ* 24 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подъ судомъ не былъ и взысканіемъ въ дисциплинарномъ порядкѣ не подвергался, холостъ. Василій *Ивановъ* 25 лѣтъ, изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подъ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Василій *Кузьминъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подъ судомъ не былъ, подвергался два раза взысканіемъ въ дисциплинарномъ порядкѣ за пьянство и отлучку. Федоръ *Степановъ*, 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 г., подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Дмитрій *Яковлевъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Павелъ *Сергеевъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подъ судомъ не былъ, взысканіемъ не подвергался, холостъ. Дмитрій *Ивановъ 2-ой*, 23 лѣтъ, изъ крестьянъ новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Яковъ *Шарковъ* 23 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Василій *Попковъ* 27 лѣтъ, изъ крестьянъ Вологодской губерніи, въ службѣ съ 1876 года, въ запасѣ съ 1881 г., по суду былъ наказанъ за неисправимо дурное поведеніе и 3 раза подвергался взысканіемъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, женатъ и имѣетъ дочь. Ефимъ *Тихоновъ* 28 лѣтъ, изъ крестьянъ Владимирской губерніи, въ службѣ съ 1875 года, въ запасѣ съ 1881 г., подъ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Кириллъ *Никифоровъ*, 25 лѣтъ, изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1888 г., подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ. Андрианъ *Чернышевъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіемъ не подвергался, холостъ, и Фодотъ *Ермолинъ* 26 лѣтъ, изъ крестьянъ Архангельской губерніи, въ службѣ съ 1877 г., по

ду наказанъ два раза: за пьянство, отлучки и промотаніе казенныхъ вещей, холостъ.

По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, разъясненныхъ судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями, Петербургскій Военно-Окружный Судъ призналъ виновными 1) рядовыхъ Ефима Тихонова, Ивана Тихонова, Ильина, Чернышева, Ермолина, Попова, Никифорова, Березина, Ульянова, Мыркина, Леонова, Валлія Иванова, Степанова, Андреева, Яковлева, Кузьмина, Сергеева, Дмитрія Иванова и Шаркова въ томъ, что, состоя въ числѣ нижнихъ чиновъ, которые, въ періодъ времени съ 1877 года до конца 1881 года, наряжались въ караулъ къ отдѣльнымъ камерамъ, находившимся въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крепости, въ коихъ содержались государственные преступники, они одновременно принимали участіе въ преступныхъ сношеніяхъ съ заключенными. Сношенія эти состояли въ томъ, что они вели съ арестантомъ камеры № 5¹⁾ разговоры преступнаго содержанія, передавали записки изъ одной камеры въ другую, принимали письма для передачи другимъ товарищамъ и отсылки ихъ въ городъ, доставляли арестантамъ періодическія изданія, отвѣтныя письма, приносимыя изъ города, и особыя выписки изъ караульнаго наряда о часовыхъ, назначаемыхъ къ камерамъ, получая за сѣбѣ таковыя преступныя дѣйствія деньги отъ одного изъ арестантовъ или непосредственно, или же чрезъ другихъ товарищей. При этомъ Ильинъ, Иванъ Тихоновъ, Чернышевъ и Ермолинъ не только сами принимали участіе въ означенныхъ преступныхъ сношеніяхъ съ арестантами, но и склоняли къ тому нѣкоторые изъ своихъ товарищей. Чернышева же въ томъ, а также Никифорова, то сами носили въ городъ записки отъ того же арестанта; унтеръ-офицеровъ Лепинга, Александрова и Исакова въ томъ, то, состоя при означенномъ караулѣ въ качествѣ дежурныхъ, вопреки возложенныхъ на нихъ обязанностей, принимали непосредственное участіе въ беспорядкахъ, происшедшихъ въ равелинѣ, вступаая въ частные разговоры съ арестантами во время бытности въ караулѣ дежурными, въ присутствіи караульныхъ, чѣмъ не только дали возможность развиться вышеуказаннымъ преступнымъ сношеніямъ нижнихъ чиновъ съ заключенными, но и способствовали ихъ возникновенію; 3) подполковника Филимонова въ томъ, то, состоя въ должности смотрителя Алексѣевского равелина, не принималъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для наблюденія за исполненіемъ чинами караула ихъ обязанностей, а также не предпринималъ предупреденія указанныхъ выше преступныхъ сношеній нижнихъ чиновъ съ заключенными, при этомъ оставляя безъ слѣдствій доклады дежурныхъ жандармовъ о неудовлетворительномъ состояніи оконъ камеры № 5, о необходимости ихъ исправленія и обысковъ арестанта той же камеры, хотя въ обыскахъ этихъ представлялась настоятельная надобность; не обра-

1) С. Г. Нечаевъ.

щалъ вниманія на неудовлетворительное состояніе дверной форточки, чрезъ которую оказалась возможною передача нижними чинами арестантамъ писемъ и газетъ; посѣщалъ караульную комнату недостаточно часто и не съ должнымъ вниманіемъ, не повѣрялъ часовыхъ, а лишь иногда обходилъ ихъ и не съ должнымъ вниманіемъ, не разрѣшалъ, находя это излишнимъ, производить жандармамъ ночью секретное наблюденіе за наружными часовыми, хотя мѣра эта имѣла цѣлью обнаружить существовавшія сношенія часовыхъ съ арестантами и, наконецъ, не наблюдалъ за тѣмъ, чтобы жандармскіе унтеръ-офицеры приближались къ часовымъ, для наблюденія за ихъ дѣйствіями, не будучи ими заблаговременно услышаны, каковое неисполненіе своихъ прямыхъ обязанностей имѣло особенно важныя послѣдствія, состоявшія въ развитіи вышеозначенныхъ, преступныхъ сношеній, какъ нижнихъ чиновъ съ государственными преступниками, такъ и этихъ между собою; 4) поручика Андреева въ томъ, что, состоя помощникомъ подполковника Филимонова и будучи непосредственнымъ отвѣтственнымъ начальникомъ команды Алексѣевского рavelина и завѣдуя ею во всѣхъ отношеніяхъ, оставлялъ нижнихъ чиновъ въ казармѣ безъ всякаго дѣйствительнаго надзора, лично посѣщая казармы лишь по три, по два и даже по одному разу въ недѣлю; кромѣ того отпускалъ людей со двора безъ всякой осмотрительности, не снабжалъ ихъ даже билетами, предоставляя нерѣдко ихъ увольнять старшему въ командѣ унтеръ-офицеру Рябову, который самъ иногда возвращался въ команду лишь на другой день, не присутствовалъ при отправленіи нижнихъ чиновъ въ карауль, а вышніе чины приходили въ караульный домъ безъ всякаго порядка по одиночкѣ, и, наконецъ, вопреки лежавшей на немъ обязанности никогда не докладывалъ коменданту крѣпости о безпорядкахъ въ командѣ и проступкахъ нижнихъ чиновъ, послѣдствіемъ изъ чего неисполненія прямыхъ его обязанностей было впаденіе почти цѣлой команды въ тяжкое преступленіе, причемъ нижніе чины въ казармахъ открыто учились переписываться съ арестантами шифрами, пьянствовали, являлись въ нетрезвомъ видѣ въ карауль, опаздывали изъ разрѣшавшихся имъ отпусковъ, и возвращались изъ таковыхъ точно также въ нетрезвомъ состояніи, иногда вовсе не ночевали въ казармахъ и даже доставлялись на другой день полиціей при протоколахъ, каковыя безпорядки въ командѣ судъ призналъ особенно важными.—А обвиненіе унтеръ-офицера Федорова въ томъ, что, состоя въ означенный періодъ времени при томъ же рavelинѣ для дежурства и имѣя обязанностью наблюдать за караульными и заключенными и о всякомъ замѣченномъ безпорядкѣ въ рavelинѣ докладывать коменданту крѣпости, сего не исполнялъ, а также не докладывалъ о бездѣйствіи со стороны смотрителя и его помощника, и что таковую же обязанность докладывать коменданту крѣпости не исполняли унтеръ-офицеры Ленингъ, Александровъ и Исаковъ судъ призналъ недоказаннымъ.

Обращаясь къ опредѣленію виновности подсудимыхъ и слѣдующаго имъ наказанія, по закону, судъ нашелъ:

во-первыхъ, что дѣянія подполковника Филимонова и поручика Андреева, заключающіяся въ томъ, что первый изъ нихъ, въ бытность его смотрителемъ Алексѣевского рavelина, а второй—начальникомъ команды, состоявшей при рavelинѣ, не исполнили возложенныхъ на нихъ обязанностей, совершивъ цѣлый рядъ отступленій отъ ихъ прямыхъ обязанностей и не принявъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ предупрежденію происходившихъ беспорядковъ, и что въ этихъ случаяхъ, когда ими исполнялись нѣкоторыя служебныя обязанности, исполненіе это было чисто формальное и безъ всякой пользы для службы, то таковыя дѣянія въ совокупности составляютъ «противозаконное бездѣйствіе власти», предусмотрѣнное 142 ст. XXII кн. С. В. П., а такъ какъ судомъ признано, что происшедшія отъ такого рода исполненія обязанностей службы послѣдствія представляются особенно важными, каковыя послѣдствія состояли 1) въ томъ, что въ командѣ при рavelинѣ не только было полное отсутствіе какого-либо порядка и дисциплины, но что команда эта дошла до такой деморализаціи, что почти въ цѣломъ составѣ впала въ тяжкое преступленіе, и 2) что, невзирая на чрезвычайныя средства, предоставляемыя правительствомъ для надлежащаго надзора за государственными преступниками, заключенными въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, состоящія какъ въ учрежденіи особой рavelинной команды, такъ и въ назначеніи смотрителя рavelина и въ помощь ему одного офицера и нѣсколькихъ сандармскихъ унтеръ-офицеровъ, преступники эти, содержавшіеся въ отдѣльныхъ казематахъ, имѣли возможность установить прамыслыныя сношенія какъ между собой, такъ и съ сообщниками внѣ рavelина, причемъ сношенія эти продолжались безпрерывно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то судъ и примѣнилъ къ виновности обоихъ подсудимыхъ вторую часть 145 ст. XXII кн. С. В. П., по которой они подлежатъ ссылкѣ на житье въ Сибирь; но затѣмъ, принявъ во вниманіе обстоятельства, уменьшающія вину: а., ходившіе отзывы объ этихъ офицерахъ коменданта С.-Петербургской крепости и б., по отношенію къ подполковнику Филимонову, прежнюю его долговременную службу», а по отношенію къ поручику Андрееву «его служебную неопытность вслѣдствіе кратковременнаго нахождения на дѣйствительной службѣ въ офицерскомъ рангѣ», судъ, по уменьшеніи наказанія на двѣ степени, согласно 140 ст. XXIV кн. С. В. П., назначилъ имъ обоимъ ссылку въ архангельскую губернію по 2 степ. 22 ст. XXII кн. С. В. П., въ низшей мѣрѣ, съ правоприличіями, въ слѣдующей 23 ст. опредѣленными;

во-вторыхъ виновность унтеръ-офицеровъ Исакова, Александрова и Лепинга и девятнадцати поименованныхъ рядовыхъ заключающаяся въ томъ, что они въ бытность караульными и часовыми въ Алексѣевскомъ рavelинѣ дозволяли себѣ вступать: унтеръ-офицеры въ частныя бесѣды, а рядовые въ разнородныя

сношенія съ заключенными, чѣмъ совершили прямое отступленіе отъ правилъ, предписанныхъ закономъ, составляетъ «несоблюденіе особыхъ обязанностей караульной службы», предусмотрѣнное 154 ст. XXII кн. С. В. П., за какое преступленіе виновные подлежатъ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны отъ одного года до трехъ лѣтъ. Наказаніе это судъ назначилъ подсудимымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) по отношенію къ поименованнымъ унтеръ-офицерамъ, принимая во вниманіе, что они, бывъ старшими въ караулѣ, примѣромъ своимъ оказали дурное вліяніе на прочихъ чиновъ караула, судъ призналъ, что къ винѣ ихъ должна быть примѣнена и послѣдующая 156 ст., по которой наказаніе можетъ быть увеличено одною или двумя степенями, во злѣтѣмъ, имѣя въ виду прежнюю ихъ долговременную усердную службу, руководствуясь 89 ст. XXII кн. С. В. П., счелъ возможнымъ, не возвышая наказанія, назначить имъ высшую мѣру отдачи въ дисциплинарные батальоны, а именно срокомъ на три года, по 1-й ст. 49 ст. XXII кн. съ правилишеніями, въ слѣдующей 50 ст. означенными, причемъ Александрова, пользующагося особенными правами состоянія, какъ вольноопредѣляющагося III разряда, согласно той же 50 статьи, не переводить въ разрядъ штрафованныхъ. Что же касается до рядовыхъ, то изъ нихъ семерымъ: Ефиму Тихонову, Ивану Тихонову, Ильину, Чернышеву, Ермолину, Попкову и Никифорову судъ назначилъ высшую мѣру наказанія, т. е. отдачу въ дисциплинарные батальоны по 1-й степ. 49 ст. срокомъ на три года, по слѣдующимъ соображеніямъ: Ивану Тихонову, Ильину, Ермолину, Чернышеву въ виду того, что они склоняли ко вступленію въ сношенія съ заключенными своихъ товарищей; Никифорову и тому же Чернышеву за личное ихъ участіе въ передачѣ записокъ отъ заключенныхъ къ сообщникамъ ихъ, живущимъ въ городѣ; а Попкову и Ефиму Тихонову за сокрытіе ими нѣкоторыхъ обстоятельствъ участія ихъ въ сношеніяхъ съ государственными преступниками. Остальнымъ же двѣнадцати рядовымъ: Березину, Ульянову, Мыркину, Леонову, Василию Иванову, Степанову, Андрееву, Яковлеву, Кузьмину, Сергѣеву, Дмитрію Иванову и Шаркову, въ виду оказаннаго имъ сознанія, судъ назначилъ низшую мѣру 1-й степ. 49 ст., т. е. отдачу въ дисциплинарные батальоны на два года и шесть мѣсяцевъ, и опредѣлилъ всѣмъ девятнадцати рядовымъ правилишенія, означенныя въ ст. 50-й.

По всѣмъ этимъ основаніямъ Петербургскій военно-окружный судъ постановилъ: 1) подполковника Филимонова и поручика Андреева, признанныхъ виновными въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особенно важныя послѣдствія, по лишеніи чиновъ, а Филимонова и медали въ память войны 1853—56 годовъ, и всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ исключить изъ службы и сослать на житье въ Архангельскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ихъ жительства, въ продолженіе двухъ лѣтъ и съ по-

тѣдствіями, въ ст. 43, 44, 46 и 47 Уложенія о Наказаніяхъ обобначенными; 2) унтеръ-офицеровъ: Лепинга, Александрова, Исаова и девятнадцать поименованныхъ рядовыхъ, по лишеніи нѣоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ службою приобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, а унтеръ-офицеровъ ихъ званія, шевроновъ, нашивокъ, а Исакова, кромѣ ого, и серебряной медали «за усердіе», перевести всѣхъ, за исклюеніемъ Александрова, въ разрядъ штрафованныхъ и отдать въ дисциплинарные батальоны: Лепинга, Александрова, Исакова, Фима Тихонова, Ивана Тихонова, Ильина, Чернышева, Ермолина, Попкова и Никифорова на *три* года; Березина, Ульянова, Мырина, Леонова, Василия Иванова, Степанова, Андреева, Яковлева, Кузьмина, Сергѣева, Дмитрія Иванова и Шаркова на *два* года и *шесть* мѣсяцевъ; 3) судебныя издержки, по приведеніи ихъ въ адлежащую извѣстность, на основаніи 1068 и 1073 ст. XXIV кн. . В. П., взыскать съ осужденныхъ, за общей ихъ круговой отѣтственности, а въ случаѣ ихъ несостоятельности—принять на четъ казны; 4) унтеръ-офицера Федорова по обвиненіи его въ неисполненіи возложенныхъ на него обязанностей въ качествѣ аблюдавшаго за карауломъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, согласно г. 834, XXIV кн. С. В. П., считать по суду оправданнымъ; 5) представленные изъ Комендантскаго Управленія с.-петербургской крѣости постовыя книги возвратить по принадлежности; 6) пригооръ этотъ, по вступленіи въ законную силу, прежде обращенія въ исполненію, относительно подполковника Филимонова и поруика Андреева, на основаніи 1020 ст. XXIV кн. С. В. П., предстаить военному министру для поднесенія на Высочайшее усмотѣніе. Подлинный подписали: Предсѣдатель, Военный Судья, временные члены и скрѣпилъ помощникъ секретаря.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Военный судья

Генераль-майоръ Извольскій.

Свѣрлялъ помощникъ секретаря.

Къ дѣлу В. И. Засуличъ.

Въ настоящемъ номерѣ «Былого» мы даемъ портретъ Вѣры Ивановны Засуличъ, снятый съ нея тотчасъ же послѣ ея ареста въ 1878 году, когда она стрѣляла въ Трепова. Кромѣ того мы цѣликомъ воспроизводимъ съ оригиналовъ два листка, изданныхъ въ то время въ «Вольной Русской типографіи» по поводу оправданія В. И. присяженными.

I.

Ко всѣмъ честнымъ людямъ.

18 іюля петербургскій градоначальникъ Треповъ нанесъ въ лицѣ Боголюбова¹⁾ оскорбленіе всѣмъ честнымъ людямъ, отказывающимся лизать руку своихъ злодѣевъ. Торжествуя свою легкую побѣду, Треповъ думалъ, что укротилъ всѣхъ непримиримыхъ враговъ произвола. Несмотря на жалобы и протесты, его не предали суду. Его покрыли. Нѣсколько мѣсяцевъ ликовалъ грубый опричникъ и насмѣхался надъ своими жертвами. Но пробилъ и его часъ. 24 января Вѣра Засуличъ явно, на глазахъ у вооруженныхъ полицейскихъ, исполнила надъ Треповымъ приговоръ общественной совѣсти. Ей не пришлось убить его. Судьба сберегла ему остатки жизни, чтобы поразить его еще сильнѣе и безвозвратно убить его приговоромъ общественнаго мнѣнія въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, оправдавшихъ вѣл. ю дѣвушку. Всѣ присутствовавшіе на судѣ, и старые, и молодые, и люди нашего лагеря, и чужіе, все, что сохранило въ себѣ хоть сколько-нибудь честности и чувства собственнаго достоинства,—все поддержало этотъ приговоръ и скрѣпило его восторженными заявленіями Вѣры Засуличъ, ея защитнику и присяжнымъ засѣдателямъ.

Оправдывая Засуличъ, представители общественнаго суда обвинили всю систему, на которую Засуличъ такъ самоотверженно подняла свою руку.

Давно русское общество не торжествовало такой побѣды!

Восторженная толпа, бывшая въ судѣ и окружавшая его зданіе, направилась къ Дому Предварительнаго Заключенія дожидаться

¹⁾ Настоящая фамилія Боголюбова—Емельяновъ; онъ былъ наказанъ розгами по приказу Трепова, 18 іюля 1877 года.

выхода молодой героини. Около тюрьмы собрались не одни наши друзья. Туда стекались люди всѣхъ званій, всѣхъ сословій, даже высокопоставленные звѣздоносцы. (Это ли не знаменіе времени!). Когда Засуличъ вышла, ее подняли на руки и при восторженныхъ крикахъ понесли по улицѣ.

Жандармы напали на ликующее шествіе, но, остановленные общимъ негодованіемъ, отступили передъ толпою въ 1500 человекъ. Воздавши должное своей любимицѣ, толпа усадила ее въ карету вмѣстѣ съ ея доброжелателями, и карета поѣхала. Всѣ думали, что этимъ дѣло окончится, и многіе съ радостнымъ сердцемъ начали расходиться. Но они ошиблись. Жандармы не покорились общественному мнѣнію—они только обманули его. Когда толпа порѣдѣла, жандармы, получивши полкрѣпленіе, напали на двигавшуюся карету и вздумали похитить Засуличъ. Они окружили карету и немедленно прибѣгли къ насилію: они уже стащили съ козелъ одного изъ сопровождавшихъ Вѣру Ивановну и намѣревались полѣзть въ карету... Но въ это время одинъ юноша—Григорій Сидорацкій¹⁾—выстрѣлилъ въ злодѣевъ и самъ погибъ въ происшедшей свалкѣ. Своимъ выстрѣломъ онъ спасъ Вѣру Засуличъ: во время суматохи, произведенной его выстрѣломъ, карета умчалась. Ошалѣлые жандармы потерялись и не нашлись. Засуличъ была спасена.

Миръ праху твоему, честный юноша, своею грудью защитившій дорогую дѣвушку!

Одновременно съ нападеніемъ на карету, пѣшіе и конные жандармы бросались на толпу, гнали ее, мяли лошадыми, но все-таки ничего не подѣлали. Жертва ускользнула изъ ихъ рукъ.

И было пора! Нельзя было терять ни минуты. Въ тотъ же вечеръ явилось секретное предписаніе по полиціи арестовать ее. Но полиція и тутъ опоздала. Вѣру Засуличъ успѣли спрятать, и теперь она въ безопасности...

Взрывъ общественнаго мнѣнія не ограничился минутой увлеченія. Два дня подъ рядъ всѣ газеты, впервые сплоченныя общимъ интересомъ, были наполнены восторженными статьями, требовавшими прекращенія правительственнаго произвола. Даже самыя подлыя газеты—и тѣ увлеклись общимъ движеніемъ и печатали такія статьи, подъ которыми могъ бы подписаться довольно честный человекъ. Это не сошло имъ даромъ. Безсильное правительство принялось направо и налево расточать предостереженія, запрещать розничную продажу и торжественно объявило всѣ редакціи обманщиками, сообщающими ложныя извѣстія. Оно даже снизошло до опроверженія. Но опроверженіе его оказалось лживо отъ начала до конца. Вотъ нѣкоторыя изъ выдумокъ, которыми правительство полагаетъ обмануть русское общество, и отвѣтъ на нихъ, который можетъ быть подтвержденъ тысячею свидѣтелей:

1. Правительственное сообщеніе утверждаетъ, будто Засуличъ была встрѣчена толпою „молодыхъ людей“. Явное желаніе свести все дѣло

¹⁾ Сидорацкій судился въ прошломъ году по Московскому дѣлу и послѣ двухлѣтнаго заключенія былъ приговоренъ къ шестиндѣльному аресту въ смиренномъ домѣ уласнымъ особымъ присутствіемъ.

на почву уличныхъ безпорядковъ! Это ложь! Засуличь привѣтствовали люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ положеній.

2. Карету привела не предупредительная полиція, а публика.

3. Правит. Вѣстникъ утверждаетъ, будто на углу Фурштадской карету остановили лишь для того, чтобы упросить публику разойтись. Неумѣлая выдумка! Чтобы публика разошлась, надо было не останавливать, а погонять карету.

4. То же сообщеніе говоритъ, будто жандармы ограничились выжидательною ролью. Но и эта попытка скрыть истину и подтасовывать факты опровергается сама собою людьми, пострадавшими отъ натиска пѣшихъ и конныхъ жандармовъ, и цѣлымъ рядомъ статей, напечатанныхъ очевидцами.

Ложь, ложь и клевета—вотъ единственная характеристика правительственнаго сообщенія!

Правительство до того растерялось, что прибѣгло къ цѣлому ряду беззаконій. Оправданную судомъ присяжныхъ усиленно разыскиваютъ, и уже предписано заключить ее въ тюрьму, какъ обвиненную злодѣйку. Ее хотятъ сгноить и этимъ показать свою силу. Жалкая сила! Слѣдствіе о безпорядкахъ, вызванныхъ жандармами, отнято отъ слѣдователя Русинава и передано жандармамъ же, т. е. главному обвиняемому. Хорошо будетъ слѣдствіе! Правительство боится правильнаго общественнаго суда. Ему нужны органы, способные на всякія гнусности, лишь бы добиться предположенной цѣли! Но какъ бы оно ни направило слѣдствіе, какими бы извращеніями, лжесвидѣтельствами, заугиваніями и подлогами ни наполнило его,—никогда ему не удастся смыть съ себя позора и уничтожить событія, получившаго значеніе историческаго факта.

31 марта будетъ играть не послѣднюю роль въ лѣтописяхъ развитія русскаго сознанія: въ этотъ день выборные общественные судьи впервые явно отвернулись отъ цѣлой правительственной системы; въ этотъ день русское общество впервые показало, что оно можетъ не бѣгаться открыто заявлять свои желанія и симпатіи.

Не станемъ преувеличивать событій. Мы знаемъ, что этотъ расколъ, это отреченіе имѣетъ значеніе только начала, только перваго самостоятельнаго шага ребенка—нашего общества. Если бы оно обладало большимъ запасомъ гражданскаго мужества и имѣло болѣе гражданскаго развитія, 31-е марта кончилось бы баррикадами. Но мы привѣтствуемъ и это начало, и эти признаки пробужденія отъ вѣковой летаргіи; привѣтствуемъ ихъ, несмотря на то, что только дальнѣйшія событія должны непреложно доказать, правы ли мы, придавая столь серьезное значеніе событіямъ послѣдующихъ дней. Если мы угадали, то дѣло не ограничится вспысками, вызванными минутнымъ настроеніемъ. Это настроеніе должно расти и вызывать новыя событія. Люди, обладающіе чувствомъ долга и гражданскаго мужества, сплотятся и смѣло выступятъ на борьбу съ каждымъ проявленіемъ правительственнаго произвола. Но если наше общество заснетъ на другой же день послѣ своего перваго порыва, то оно подтвердитъ правильность приговора тѣхъ историковъ, которые утверждаютъ, что каждый народъ надѣленъ именно тѣмъ правительствомъ, какого онъ наиболѣе заслуживаетъ.

Обращаемся съ этимъ предостереженіемъ ко всѣмъ, не отчаявшимся въ своихъ силахъ, и зовемъ ихъ на борьбу съ произволомъ. Мы не предъѣлываемъ формы этой борьбы. Форму указываютъ обстоятельства и создаютъ сами событія.

Повторяемъ: мы отъ всей души привѣтствуемъ начало возможнаго конца теперешнему плачевому состоянію русскаго общества!

II.

Къ русскому обществу.

31 марта 1878 года для Россіи начался прологъ той великой исторической драмы, которая называется судомъ народа надъ правительствомъ. Обвинительный актъ—это вся русская исторія, на страницахъ своихъ не представляющая ничего, кромѣ батоужья, палокъ, плетей и шпицрутеновъ, съ одной стороны, и систематическаго разоренія народа „ради его государевыхъ доходовъ“—съ другой.

Послѣ событій 31 марта нѣсколько совѣстно говорить о томъ, что правительство русское держится апатіей и индифферентизмомъ русскаго общества; въ этотъ день разрывъ русскаго общества съ правительствомъ выразился *de facto*, въ зданіи окружнаго суда оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ и поведеніемъ публики, аплодировавшей приговору. Присяжные отказались обвинить ту, которая рѣшилась противопоставить насилію—насиліе, они отказались подписаться подъ политикою душенія всякаго самостоятельнаго проявленія общественной мысли и жизни, они открыто признали невинность враговъ существующаго порядка.

Этимъ ознаменовалось пробужденіе нашей общественной жизни, а полиція и жандармерія и не думали измѣнять своего обращенія съ публикою. На оправданную общественною совѣстью Засуличъ кинулись жандармы, съ цѣлью расправиться съ нею административнымъ порядкомъ. Людей, радовавшихся ея оправданію, били и мяли лошадьми, не пощадили даже беременныхъ женщинъ... Результатомъ свалки оказался одинъ убитый и двое раненыхъ. Самое слѣдствіе объ этихъ „уличныхъ безпорядкахъ“ передано въ руки III отдѣленія, которому приходится, такимъ образомъ, произнести приговоръ надъ своимъ собственнымъ поступкомъ. Въ довершеніе всего, секретнымъ отдѣленіемъ отданъ приказъ участковымъ приставамъ „разыскать и арестовать оправданную судомъ присяжныхъ Засуличъ“.

Русское общество долго молчало.

Оно молчало, когда въ теченіе столѣтій его лучшіе, свободомыслящіе люди погибали въ рудникахъ Сибири; когда русская наука несла такія потери, какъ потеря великаго экономиста Н. Г. Чернышевскаго.

Оно молчало, когда надежда Россіи—молодое поколѣніе—подвергалось такимъ систематическимъ преслѣдованіямъ, какъ въ 60-хъ годахъ и въ настоящее время, когда нѣтъ семейства, гдѣ бы не дрожали за участь своихъ дѣтей, сколько-нибудь способныхъ и чуткихъ.

Оно давало обманывать себя перспективой освобождения болгаръ когда собственный народъ голодалъ, когда нѣсколько сотъ тысячъ чиншевиковъ югозападныхъ губерній разоряли до тла и пускали по міру.

Оно молчало и теперъ, когда со всѣхъ сторонъ газеты приносятъ извѣстія о народномъ голодѣ и разореніи.

Оно довольствовалось лицемѣрными полуреформами въ то время когда даже турецкій султанъ счелъ себя вынужденнымъ дать своему народу извѣстныя гарантіи свободы и самоуправленія.

Оно занималось сборомъ пожертвованій въ пользу „братъевъ-славянъ“ и оставалось равнодушнымъ, когда истязали розгами Боголюбова.

Оно молчало, молчало и молчало.

Мы не знали, заговорить ли оно когда-нибудь.

Но 31 марта и въ слѣдующіе дни петербургское общество заговорило, наконецъ, человѣческимъ языкомъ.

Правительство игнорируетъ подобные симптомы общественнаго пробужденія. Какъ бы въ насмѣшку надъ приговоромъ Петербургскаго Окружнаго Суда, полиція отдается вышеупомянутый приказъ объ арестованіи Засуличъ. Полиція вызываетъ столкновение на улицѣ, и въ первый разъ послѣ 14 декабря 1825 года петербургскія улицы орошаются кровью борцовъ за свободу!

Прологъ начался. Общество не должно, оно не можетъ долѣе молчать, когда низводятся до нуля даже такія реформы, какъ институтъ присяжныхъ, когда надъ общественнымъ мнѣніемъ издѣваются такъ нагло, такъ открыто.

Всякій, кто не за правительство, въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть противъ него. Все общество должно было такъ или иначе, въ той или другой формѣ выразить свой протестъ противъ варварской администраціи.

Мы приглашаемъ учащуюся молодежь, приглашаемъ всѣ партіи кромѣ партіи кнута и палокъ, соединиться въ одномъ общемъ и дружномъ натискѣ для пріобрѣтенія своихъ издавна попираемыхъ человѣческихъ правъ, для защиты своихъ свободомыслящихъ согражданъ отъ адскихъ казематовъ центральной тюрьмы и Петропавловской крѣпости, для защиты русскаго народа отъ поголовнаго разоренія, для защиты русскаго народа отъ поголовнаго разоренія, для защиты русской науки и мысли отъ жалкой и безславной смерти подъ рукою цензора-палача...

Пусть разныя политическія партіи преслѣдуютъ разныя цѣли, но ни одна изъ нихъ не позволяетъ господствовать надъ собою тѣмъ, вся политика которыхъ исчерпывается двумя мрачными, давно вездѣ забытыми словами: „Слово и дѣло!“.

Вездѣ и всегда, у всѣхъ народовъ, когда-либо возстававшихъ за свободу, имена первыхъ павшихъ бойцовъ становились святынею, а смерть ихъ не оставалась безнаказанною...

Восемнадцать писемъ М. А. Бакунина.

По справедливому замѣчанію Драгоманова, написавшаго недурную, хотя и очень краткую, біографію «вѣчнаго бунтаря»—Михаила Александровича Бакунина, писательство не было сильнѣйшею стороною дѣятельности этого выдающагося революціонера. Онъ былъ прежде всего ораторъ и агитаторъ. Поэтому, понятно, послѣ рѣчей и разговоровъ важнѣйшими матеріалами для изученія его фигуры должны считаться письма. И если Герценъ былъ правъ, говоря: «мои письма—это я», то относительно Бакунина это еще болѣе правильно. Къ сожалѣнію, масса бакунинскихъ писемъ исчезла и, повидимому, безвозвратно. Напечатанное не равняется даже и сотой долѣ написаннаго этимъ неутомимымъ человѣкомъ.

Изучая дѣло Николая Александровича Серно-Соловьевича и многихъ другихъ, хранящееся въ сенатскомъ архивѣ, я нашелъ тамъ довольно много писемъ Герцена, Огарева, Кельсиева и Бакунина. Всѣ они приложены къ «дѣлу» въ подлинникахъ и никогда опубликованы не были. Въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» я помѣщу пространное изложеніе всего этого крайне характернаго и необыкновенно интереснаго дѣла, а теперь предварительно хочу познакомить читателя съ тѣми письмами Бакунина, которыя, имѣя самостоятельный интересъ и значеніе, потерялись бы въ общемъ изложеніи дѣла и отвлекали бы вниманіе отъ главной нити разсказа.

Ниже я привожу восемнадцать такихъ писемъ. Первое—очень важно по заключающемуся въ немъ разсказу о грандіозномъ побѣгѣ Бакунина изъ Сибири. Впервые мы узнаемъ *точный* маршрутъ слѣдованія Бакунина и время, употребленное на совершеніе 30000 верстъ. Кое что о побѣгѣ мы знаемъ по разсказу Герцена («М. Б. и польское дѣло») и Арн. Руте (въ біографическомъ очеркѣ Драгоманова). Здѣсь самъ Бакунинъ даетъ его описаніе.

Будучи въ Иркутскѣ, Бакунинъ женился на дочери тамошняго чиновника Квятковскаго. Рѣшено было бѣжать безъ жены, она должна была пріѣхать въ Лондонъ потомъ, съ помощью родныхъ и знакомыхъ.

Слѣдующія семнадцать писемъ очень драгоценны для изуче-

ня Бакунина: они съ выпуклой ясностью рисуютъ его, какъ любящаго мужа, нѣжнаго, заботливаго.. Эта сторона въ психологии «вѣчнаго бунтаря» нигдѣ еще не обнаруживалась съ такой рельефностью. Читатель вмѣстѣ съ Бакунинымъ переживаетъ все его волненія за дорогого человѣка, который нѣкоторое время поглощаетъ досугъ знаменитаго революціонера...

На этомъ пути было не мало препятствій.

Первое и довольно значительное это—арестъ двухъ братьевъ: Николая и Алексѣя. Въ февралѣ 1862 г. тринадцать тверскихъ дворянъ, въ ихъ числѣ и оба Бакунины (одинъ—членъ губернскаго присутствія, другой—уѣздный предводитель дворянства), письменно заявили губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что впредь намѣрены руководствоваться воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніями 19 февраля 1861 г., такъ какъ всякій другой образъ дѣйствій считаютъ враждебнымъ обществу. Вскорѣ они были преданы суду сената и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Оставался третій братъ, Павелъ, мало расположенный къ энергичной помощи Михаилу въ отношеніи устройства дальняго путешествія его жены. Бакунинъ атакуетъ письмами жену Павла, Наталію Семеновну, но не видитъ въ ней настоющаго помощника. Приходится остановиться на молодомъ пріятелѣ, армянскомъ дѣятелѣ, Михаилѣ Лазаревичѣ Налбандовѣ, (Налбандьянѣ) съ которымъ онъ недавно познакомился въ Лондонѣ, и на И. С. Тургеневѣ. Первый былъ дорогъ энергіей и предприимчивостью, второй—возможностью помочь денежно.

Какъ только Бакунинъ пріѣхалъ въ Лондонъ, Герценъ обратился къ жившему въ Парижѣ Тургеневу за постоянною помощью бѣглецу. Тургеневъ обѣщалъ давать ежегодно 1500 франковъ и часть уже послалъ. Потомъ Тургеневъ далъ денегъ и на переѣздъ Бакуниной, пріѣхавшей въ Тверскую губернію только въ декабрѣ 1862 г.

За такое содѣйствіе Тургеневъ былъ привлеченъ сенатомъ къ дѣлу, которое и будетъ дано мною подъ названіемъ «Дѣло Серво-Соловьевича». Тамъ же читатель ознакомится и съ массою подробностей, которымъ здѣсь я не даю мѣста просто потому, что это заставило бы повторяться.

Послѣднее, девятнадцатое письмо Бакунина къ Тургеневу не вошло въ мой счетъ, потому что было уже напечатано въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ инспекторомъ сенатскаго архива, г. Безроднымъ. Привожу его для большей законченности.

Мих. Лемне.

I.

П. П. Лялину ¹⁾.

27 февраля 1862 г. Лондонъ.
10 Grove terrau. Grove Road—
Saint Johns Wood—N. W.

И вотъ, Пименъ Петровичъ, я опять на свободѣ. — Вы видите, жена моя меня не связала. — Но я жду жену съ сердечною тревогою; она должна была выѣхать изъ Сибири въ октябрѣ (1861) и прямо въ Тверскую губернію, къ намъ, въ извѣстное вамъ село Прямухино. Оттуда братья должны доставить ее ко мнѣ. — Вашъ знакомый маркизъ ²⁾ долженъ вамъ доставить мое письмо и экземпляръ моей первой статьи въ „Колоколѣ“ ³⁾. Дай Богъ, чтобъ моя вступительная рѣчь вамъ понравилась. Я остался вѣренъ нашей дружбѣ, не знаю, какъ вы. Между нами въ послѣднее время сталъ дуракъ, котораго вы ко мнѣ прислали, студентъ Подлѣбный ⁴⁾ — я принялъ его, какъ рекомендуемаго вами человѣка, со всѣмъ возможнымъ радушіемъ, но онъ изъ руки вонъ глупъ — сошелся съ шайкою мерзавцевъ, доносчиковъ въ 3 отдѣленіе, съ отъявленными шпионами, какъ напримѣръ Розенталь, такъ что я долженъ былъ запереть ему мою дверь. — Онъ вамъ, безъ сомнѣнія, на меня жаловался, — и я не находилъ нужнымъ передъ вами извиняться, — но вѣренъ въ душѣ я вамъ остался, Пименъ Петровичъ, и для меня сдѣлалось необходимою написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобъ напомнить вамъ о себѣ. Неужели вы меня забыли? — Я васъ не забылъ. Я прожилъ въ Томскѣ вторую молодость свою, свое возрожденіе послѣ 8-ми лѣтней крѣпостной смерти, и вы мнѣ дороги, какъ другъ юности, сами юный, свѣжій и бодрый, несмотря на ваши 60 лѣтъ. Я никогда не умѣлъ выразить вамъ, какъ глубоко я васъ люблю, уважаю и какъ дорого цѣню вашу дружбу. — Подъ конецъ я сталъ молчаливъ, потому что вы перестали отвѣчать на мои письма, но вѣренъ вамъ я остался и останусь до гроба. — Вотъ вамъ и декларация въ наказаніе за ваше грѣшное молчаніе.

Гдѣ вы теперь, какъ, чѣмъ, съ кѣмъ живете? Дайте вѣсть о себѣ. А я рѣшился уѣхать потому, что убѣдился, что Петербургъ намѣренъ былъ прoderжать меня слишкомъ долго въ Сибири. Не могъ же я со-

¹⁾ Со старикомъ Лялинымъ Бакунинъ познакомился въ Томскѣ въ 1856 году, когда тотъ жилъ тамъ по дѣламъ винокуреннаго завода Базилевскаго. Арестованный въ 1862 году за переписку съ Бакуниннымъ, Лялинъ велъ себя недостаточно прилично.

²⁾ Маркизъ Н. А. де-Траверсе, человѣкъ изъ великосвѣтскаго общества, сгдовавшій наѣдъ козловскаго Гердану, Бакунину и ихъ друзьямъ. Онъ былъ въ перепискѣ съ Михаиломъ Александровичемъ по поводу субсидированія его жены на поѣздку въ Англію; Кватковскому ширшъ зналъ еще во время службы въ Сибири.

³⁾ Статья была озаглавлена: „Русскіи, польскіи и всѣи славянскіи друзьяи“, и была приложена къ № 122—123 „Колокола“ (15 февраля 1862 г.).

⁴⁾ Подлѣбный — студентъ, познакомившійся съ Бакуниннымъ въ 1859 году въ Иркутскѣ и мнѣи приѣхавшій зачѣмъ-то въ Англію.

гласиться на то, чтобы силы мои пропали даромъ, когда всё въ и вскому предстоить такъ много хорошаго дѣла. Вотъ я и рѣшился. Пристился съ женою, назначилъ ей свиданіе въ Лондонѣ, и, пользуясь тѣмъ что послѣднее время мнѣ было дано право свободнаго движенія по Сибири, 5-го іюня по русскому счету выѣхалъ изъ Иркутска,—2-го іюля прибылъ на пароходъ внизъ по Амуру, въ Николаевскъ на устьѣ Амура. 8-го іюля сѣлъ на американское судно и съ нимъ отправился въ гавань Ольгу въ Японскомъ морѣ, оттуда въ Японію на немъ же.—Прибылъ сначала въ Хокодате, 4-го августа, и въ Йокогаму, верстахъ въ 25 отъ Иедо, 24-го августа. 5-го сентября сѣлъ на другой американскій клиперъ и прибылъ въ С-нъ Франциско (въ Калифорніи) ^{3/15} октября.—^{9/21} октября на пароходъ отправился въ Панаму, куда и прибылъ 24-го октября, ^{3/15} ноября въ Нью-Йоркъ. Въ Америкѣ пробылъ съ мѣсяцъ и многому поучился. Увидѣлъ, какъ край путемъ демагогій дошелъ до тѣхъ жалкихъ результатовъ, какихъ мы достигли путемъ деспотизма. Между Америкой и Россіею, въ самомъ дѣлѣ, много общаго,—а что для меня главное, я нашелъ въ Америкѣ такую повсемѣстную и безусловную симпатію къ Россіи и вѣру въ русскую народную будущность, что, несмотря на все мною самимъ видѣнное и слышанное, я уѣхалъ изъ Америки рѣшительнымъ партизаномъ Соединенныхъ Штатовъ.—Изъ Нью-Йорка уѣхалъ на пароходъ ^{2/14} декабря, а въ Лондонъ прибылъ ^{15/27} декабря 1861 года—сдѣлавъ такимъ образомъ 30.000 верстъ въ шесть мѣсяцевъ дороги.—Здѣсь Герценъ и Огаревъ встрѣтили меня, какъ брата, и какъ братъ я соединился съ ними.

Дѣла много, и я былъ бы вполне доволенъ своею судьбою, если бы меня не мучила неизвѣстность о женѣ.—Меня увѣряютъ, что правительство ее не задержитъ.—Судьба меня до сихъ поръ выносила, надѣюсь что и теперь вынесетъ.—Я люблю жену, Пименъ Петровичъ, люблю всею душою.—И вы видите, она не остановила меня и не была и никогда не будетъ препятствіемъ къ дѣлу и къ моей свободѣ.—Дай Богъ мнѣ свидѣній объять ее.—А вы, добрый и благороднѣйшій другъ мой, вѣрно, и радовались, узнавъ о моемъ освобожденіи.—Пишите мнѣ скорѣе прошу васъ, пришлите мнѣ свою фотографію. Прилагаю при семъ свои дабы вамъ напомнить живѣе о себѣ и вмѣстѣ дать вамъ хорошій промѣръ.—Ваше письмо съ фотографіею отправьте къ маркизу де-Траверсе въ Петербургѣ, въ Гончарной улицѣ въ домъ Прокоповича.—По этому адресу пишите мнѣ всегда, и ваши письма будутъ доходить до меня скоро, вѣрно и безопасно.—Я жду ихъ.—Вашъ неизмѣнный

М. Вакуининъ.

Если вамъ вздумается писать мнѣ прямо чрезъ путешествующаго то пусть спроситъ о моемъ жилищѣ г-на Тхоржевскаго ¹⁾ въ Лондонѣ 1 Gerard Street—Maulefield Street. Soho.

¹⁾ Русскій эмигрантъ-полякъ, преданный Герцену и не мало поработавшій съ нимъ въ „Вольной русской типографіи“.

II.

М. Л. Налбандову.

24 апреля 1862. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

Мой милый Налбандовъ, вы вѣрный другъ и славно исполнили мое обѣщаніе. Спасибо вамъ. Теперь только двѣ просьбы, постарайтесь, чтобъ деньги женѣ были высланы скорѣе, если можно въ маѣ, и ужъ никакъ не позже, какъ въ юнѣ по русскому исчисленію. А, во-вторыхъ, томъ, слѣдуетъ ли ей или нѣтъ ѣхать въ Лондонъ, ни съ кѣмъ, даже моимъ семействомъ, не говорите—это только помѣшало бы пріѣзду моей жены въ Россію, потому что, не зная моего семейства и даже нѣсколько чуждаясь его, она скорѣе согласится ждать лучшихъ дней у своихъ родныхъ въ Иркутскѣ, чѣмъ ѣхать къ моимъ на неопредѣленное время. И, какъ вы сами говорите, это ужъ дѣло мое, я одинъ, взвѣсивъ въ душѣ лишь лишь одному извѣстныя обстоятельства, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, могу правильно обсудить его.—Другіе же, и самые лучшіе, самые умные, и самые симпатичные и близкіе люди могутъ только о немъ резонировать.—Моя-жъ непремѣнная воля, чтобъ она какъ можно скорѣе прибыла въ Лондонъ.—А какими средствами мы будемъ жить?.. я подумаемъ—средства найдутся. Итакъ, любезный другъ, сосредоточьте на первое время всю свою энергію на скорѣйшій переѣздъ моей жены изъ Иркутска въ Тверскую губернію, въ деревню къ матушкѣ. Объ остальномъ перепишемся послѣ, вѣдь у меня вашъ адресъ есть. Вы знаете куда адресовать ваши письма, и лексиконъ у насъ также есть.¹⁾ Все въ порядкѣ.

Ну-съ, теперь приступаю къ лондонскому рапорту. А tout seigneur, tout honneur: начинаю съ старшова. Private gentlemen²⁾ отправляется сегодня съ Junior³⁾ отыскивать дачу. Погода прекрасная, оба въ веселомъ расположеніи духа, имъ будетъ весело. Поэтъ⁴⁾ сидитъ дома, такой же твердый—страдалецъ, милый и тихій, какъ всегда.—Мы обѣдали вчера у нихъ съ Марціановымъ и Альбертини⁵⁾—послѣдній подлилъ. Privat поднесъ двѣ бутылки шампанскаго да потомъ коньячку—не выдержалъ Альбертини, проспалъ цѣлый вечеръ—ну даже до рвоты. Сингль⁶⁾ ни слова, я его давно не видалъ,—а Рап⁷⁾ безъ васъ скушаетъ, хотя здоровьемъ и процвѣтаетъ. Недавно мы въ угоду ему обѣ-

1) Образецъ шифрованнаго лексикона приводится ниже.

2) А. И. Герценъ.

3) Сынъ его, А. А. Герценъ.

4) Н. П. Огаревъ.

5) Писатель Н. В. Альбертини, пресмыкавшійся около Герцена и его друзей, пока об этомъ не узнало русское правительство.

6) ?

7) Чернецкій—полякъ-эмигрантъ. завѣдующій типографіей Герцена.

дали вмѣстѣ съ нимъ у Вибера, какого-то нѣмца и венгерца—потомъ что бы вы думали?—въ Ельдорадо пошли смотрѣть живыя картины.—А передъ тѣмъ руководимый Паномъ, я заказалъ себѣ цѣлое лѣтнее платье за 4½ фунта.—Вотъ вамъ, кажется, полный отчетъ, и отъ васъ жду такого же.—Я, мы всѣ очень рады, что вы такъ полюбились старому Тургеневу¹⁾, а такъ какъ чувства всегда бываютъ взаимны, то и онъ, безъ сомнѣнiя, вамъ полюбился не менѣе.—Я получилъ его письмо и буду отвѣчать сегодня вечеромъ.—Да вытолкайте же его скорѣе изъ Парижа, намъ смерть хочется съ нимъ повидаться, и я надѣюсь, что онъ пробудетъ съ нами никакъ не менѣе недѣли.

Прощайте, обнимаю васъ
М. Вакунинъ.

III.

М. Л. Налбандову.

6 мая 1862 г. Лондонъ.
10 Paddington Green W.

Любезный другъ, надѣюсь, что это письмо застанетъ васъ еще въ Парижѣ.—Тургеневъ, въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ превращаться въ сказочное существо, не подчиняющееся ни логическимъ законамъ, ни математической вѣроятности. Когда онъ выѣдетъ изъ Парижа, когда будетъ въ Лондонѣ, когда возвратится въ Россiю,—этого, видно, никто, даже онъ самъ, сказать не можетъ. А между тѣмъ деньги должны быть посланы моей женѣ какъ можно скорѣе, и если можно будетъ, не позже конца мая по русскому календарю, а еслибъ было возможно, то и гораздо прежде. Поэтому прошу васъ, переговорите съ нимъ толкомъ, или лучше еще покажите ему это письмо. Онъ не разсердится. Постарайтесь узнать отъ него какъ можно точнѣе и опредѣленнѣе, въ какое время вы можете получить отъ него, разумѣется взаимы, на имя братьевъ, обѣщанныя имъ 2000 рубл.—Тогда, переговоривъ потомъ съ братьями, вамъ легко будетъ достать ихъ въ займы. Нужно дѣйствовать энергически и ясно,—иначе моя бѣдная жена просидитъ еще годъ въ Сибири.—А это *рѣшительно невозможно*. Переговорите-жъ съ Тургеновымъ, пусть же онъ вамъ дастъ опредѣленный путный, *дѣловой* отвѣтъ.—Можетъ или не можетъ? и когда можетъ? Чтобы вамъ можно на это положиться.—Если не можетъ, и если есть даже невѣрность, неопредѣленность, сомнѣнiе въ возможности,—пусть скажетъ ясно. Тогда я долженъ буду прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, повинувшись необходимости, ибо, повторяю еще разъ, *жена не должна оставаться ни минуты долге въ Сибири*.—А почему не должна и не можетъ, это ужъ мое дѣло, не подлежащее ничьему сужденiю.—Въ Тургенева вѣра моя была бы безусловна, если-бъ въ немъ не было чего-

¹⁾ И. С. Тургеневъ.

ирраціональнаго, непредвидѣннаго, — а главное — магнитически его удерживающаго въ Парижѣ и отталкивающаго отъ Лондона, чего-то обманывающаго всѣ расчеты. На васъ же я полагаюсь вполне. — Жду, прилагаюсь, съ нетерпѣніемъ, вашего послѣдняго письма изъ Парижа.

Здѣсь много русскихъ — между ними много безтолчи, но есть и рошіе люди. — Между ними я сошелся особенно съ однимъ положительно рошимъ и полезнымъ человѣкомъ, съ Николаемъ Ильичемъ Ворономъ. — Онъ будетъ въ Питерѣ въ іюнѣ и привезетъ вамъ отъ меня письмо. Примите его, какъ хорошаго человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія. — Онъ былъ учителемъ гимназіи въ Ставрополѣ, потомъ въ Екатеринодарѣ. Теперь, немедленно по возвращеніи изъ-за границы, идетъ въ Тифлисъ. — Во-первыхъ, научите его, какъ переписываться со мною и черезъ Петербургъ и черезъ Москву — а также и черезъ Одессу и черезъ Тифлисъ, т. е. черезъ Константинополь, куда ему долженъ быть мой адресъ. Онъ и въ Европейскомъ и въ Азіатскомъ отношеніи будетъ полезенъ. — Потому не худо бы было рекомендовать его добрымъ людямъ въ Тифлисъ, которые были бы знакомы съ добрыми людьми въ Константинополѣ. — Я вамъ пишу черезъ вашего парижскаго друга, потому что онъ увѣренъ, чтобы вы еще были въ Парижѣ. — А ваши письма пусть будутъ посылать лучше всего ко мнѣ въ Лондонъ, на слѣдующій адресъ:

London.

0. Paddington Green—W. Mis W. F. Wesche. For remitting so Miss Eliza Jones.

Этотъ же адресъ дайте и вашему пріятелю въ Парижѣ.

Черезъ недѣлю я съ Альбертини и Марціановымъ переѣзжаю за городъ. На девяти-пенсовомъ разстояніи по желѣзной дорогѣ отъ Orsetthouse — и дешевле будетъ и свѣжѣе.

Прощайте, любезный другъ.

Крѣпко васъ обнимаю.

Сейчасъ спохватился — вѣдь, у меня нѣтъ еще адреса вашего парижскаго соотечественника ¹⁾,

Пожалуйста, напишите его.

Инструкція.

1. По приѣздѣ въ Петербургъ немедленно доставить письмо мое Натальѣ Семеновнѣ Бакуниной, урожденной Корсаковой, или мужу ея, моему брату Павлу Александровичу. — Найти ихъ вы можете:

а) или съ помощію Ивана Сергѣевича или своимъ умомъ въ Петербургѣ, гдѣ живетъ постоянно все семейство Корсаковыхъ.

б) или въ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, село *Прямухино*. По желѣзной дорогѣ изъ Вышняго Волочка въ Тверь, въ верстахъ 90 отъ перваго и въ 60 отъ втораго, есть станція и село *Осташково*. Тамъ выйти изъ вагона, взять любого ящика, всякій знаетъ Бакунинныхъ и

¹⁾ И. С. Тургенева.

въ часовъ пять довезеть черезъ Торжокъ (80 верстъ отъ Осташкова) въ Прямухино (80 верстъ отъ Торжка).

2. Цѣль свиданія или поѣздки—переговорить съ моимъ семействомъ о мѣрахъ, необходимыхъ для немедленнаго прїѣзда моей жены изъ Иркутска въ деревню къ матушкѣ. — Прежде всего — матушка, сестры и братъ, оставшійся на свободѣ, должны *непретѣнно*, не теряя ни одной минуты времени, написать къ ней соборное посланіе, въ которомъ въ выраженіяхъ искреннихъ, по возможности горячихъ, они должны звать ее къ себѣ. Если они не знаютъ, какъ послать къ ней это письмо, то, заставивъ его написать, возьмите ихъ письмо и отправьте его въ Иркутскъ изъ Петербурга.

3. Заняться съ помощію и съ совѣтомъ И. С. Тургенева и брата составленіемъ суммы 2000 руб. сер. для пересылки оной женѣ—какъ можно скорѣй, такъ чтобы она могла получить эти деньги, если возможно, еще въ маѣ. Если же не можно будетъ сдѣлать это такъ скоро, то написать ей, не теряя времени, и предупредить ее, что къ такому времени она получить такую-то сумму.

4. Переслать ей сейчасъ-же по прїѣздѣ въ Петербургъ мое письмо и вступить съ ней въ переписку—она предупреждена мною, что Петръ Александровичъ Цуриковъ ¹⁾ будетъ писать ей отъ моего имени и по моему порученію.—Въ письмѣ своемъ просите ее о немедленномъ отвѣтѣ и дайте ей свой адресъ для того, чтобы она могла отвѣчать вамъ.

5. Писать къ ней можно двоякимъ способомъ:

a) или черезъ курьера, если такой въ скоромъ времени найдется,

b) или по почтѣ, на имя ея матери: Ея благ. Юліи Михайловнѣ Квятковской, въ г—дѣ Иркутскѣ Восточной Сибири—болѣе ничего,—только письмо застраховать.—На имя Юліи Михайловны можно послать и деньги, а, въ случаѣ нужды, и письмо мое къ женѣ.

c) А если найдете Наталью Семеновну въ Петербургѣ, или въ скоромъ времени увидите ее въ Прямухинѣ, то она, можетъ быть, рѣшится послать мое письмо прямо къ брату своему, Михайлу Семеновичу Корсакову, который хоть и не жалуется меня и теперь на меня особенно сердится, но человекъ добрый и благородный и пакости не сдѣлаетъ.

d) Прилагаемое письмо М. С. Корсакову, завернувъ въ другой конвертъ и, надписавъ адресъ, послать прямо къ нему по почтѣ:

Его Высокопревосх.

Михайлу Семеновичу Корсакову Генераль Губернатору Восточной Сибири.—Послать немедленно.

6) Дать мнѣ знать о всемъ сдѣланномъ—и писать:

Надбандовъ—Петръ Александровичъ Цуриковъ.

Я—Брыкаловъ.

Жена—Марія Осиповна.

Natalie—Олимпія Сергѣевна Виноградка.

Вакунины—Бабарыкины.

¹⁾ Т. е. Надбандовъ.

братья:

Николай—Петръ Савельевичъ.

Павель—Илья Михайловичъ.

Алексѣй—Сергѣй Федоровичъ.

И. С. Тургеневъ—Ларионъ Андреевичъ

Лидовъ—Андрей Ивановичъ.

Корсаковы—Пафнутьевы.

Михаиль Семеновичъ, Корсаковъ—Александръ Петровичъ.

Кетчеръ—Кульманъ.

Квятковскіе—Пантелеевы.

Юлія Михайловна } Анна

Квятковская } Андреевна.

Герцень—баронъ Тизенгаузенъ.

Сынъ его—Дмитрій Сергѣевичъ.

Огаревъ—Костеровъ.

Rap—Owander.

Szenceŋy—Reinolds.

Кельсіевъ—Рудаковъ.

Государь—Гавриловъ.

Константинъ }
Николаевичъ } Рюминъ.

Правительство—Дурновъ.

Тайная полиція—Слѣшневъ.

Потаповъ—Pedrotti.

Шуваловъ—Ламбертъ.

Князь Лобановъ—Марыновъ.

Горчаковъ или другой }
министръ иностран. дѣлъ } Сафоновъ.

Армяне—Жида.

Греки—Татары.

Турки—Сапожники.

Славяне—Нѣмцы.

Грузія, Кавказъ—Тула.

Арменія—Москва.

Турція—Крымъ.

Сосланъ—поѣхалъ по дѣламъ

Петербургу—Або.

Крѣпость—кондитерская

Тюрьма—кофейная.

Арестъ—Table d'hote.

Кронштадтъ—Керча.

Шлиссельбургъ—Таганрогъ.

Сибирь Вост.—Крымъ.

Сибирь Западная—Литва.

Иркутскъ—Калуга.

Томскъ—Одесса.

Омскъ—Полтава.

Москва—Мценскъ.

Екатеринославъ—Рязань.
Тверь—Орель.
Торжокъ—Моршанскъ.
Ст. Осташковъ—Красное.
Прямухино—Рыбное.

IV.

М. Л. Налбандову.

10 мая 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

Любезный другъ, этакъ-то вы изъ Парижа выѣзжаете? Зажили тамъ, какъ Тургеневъ, да и ни гугу! — Ну, да видно дѣла есть — и меня также есть до васъ дѣло. — Явится къ вамъ въ Питерѣ съ писмомъ отъ меня Николай Ильичъ Вороновъ, котораго мы будемъ впередъ называть: *Александръ Петровичъ Вандерманъ*. Примите его, какъ нашего друга, вамъ всѣми тремя ²⁾ рекомендуемаго. Онъ крѣпкій и умный хохоль, долго прожившій въ Новороссійскомъ краѣ и хорошо знающій Кавказъ; — въ юнѣ будетъ въ Питерѣ, а въ сентябрѣ въ Тифлисѣ. Онъ переговорить съ вами о новомъ средствѣ доставленія нашихъ товаровъ въ Кавказскій край. — Его мысль слѣдующая: — изъ Трапезунта ходятъ на Кавказскій берегъ малыя турецкія суда съ контрабандою, которую провозятъ во множествѣ. Горцы же, пользуясь правомъ возить съ гор дрова на всѣ русскіе посты, т. е. на всю линію, примыкающую къ Черному морю, не разъ ввозили между дровами и наши лондонскіе запрещенные товары. А на русской линіи покупаютъ ихъ съ чрезмѣрною охотою и готовы платить большія деньги. Показаніе ясно, слѣдуетъ имъ воспользоваться и регулировать его. —

По полученіи сего, напишите кому изъ своихъ, дѣльному и торговому человѣку въ Константинополь, за честность и дѣльность котораго вы передъ нами отвѣчать можете, и уговорите его устроить отношенія по этому дѣлу съ контрабандистами въ Трапезунтѣ — такъ что намъ была бы возвращаема имъ только лондонская цѣна посылаемыхъ товаровъ, плюсъ цѣнность пересылки ихъ изъ Лондона въ Константинополь. Всѣ же остальные барыши предоставляются ему. Если такой человекъ въ Константинополь найдется, то попросите его написать прямо ко мнѣ на слѣдующій адресъ, которымъ и вы пользуетесь при случаѣ

London.

Mis. W. F. Wesche.

10 Paddington Green. W.

For. remitting so Miss Eliza Jones

1) Герценомъ, Бакуннымъ и Огаревымъ.

2) Т. е. изданій вольной русской лондонской типографіи.

Пусть, называя васъ: *Monsieur Leonardi* (пользуйтесь и впередъ этимъ именемъ), скажетъ, что на основаніи вашего приглашенія сдѣлалъ то-то и то, желаетъ того-то, предлагаетъ то-то и то, ясно обозначивъ всѣ желанія, условія, требованія, время и также адресъ, на который ему должны посылаться наши товары и письма. Постарайтесь устроить это дѣло, любезный другъ, не я одинъ, самъ Privat просить васъ о томъ же.—А когда увидите съ г-номъ Вандерманомъ, ¹⁾ вы научите его, къ кому обратиться въ Тифлисѣ для того, чтобы прійти въ сношенія съ главою Константинопольской контрабанды. Смѣло рекомендуйте ему вашихъ торговыхъ друзей въ Тифлисѣ и въ другихъ мѣстахъ. Нашъ домъ вамъ за него отвѣчаетъ и онъ готовъ служить вашимъ интересамъ точно такъ же, какъ служить нашимъ.

Прочтите и сожгите.

А вы мнѣ не дали обѣщаннаго адреса вашего, постоянно въ Парижѣ пребывающаго друга. Такая забывчивость не похвальна.—Жду корого отвѣта.

Вашъ Леонтій Федоровъ Брыкаловъ.

Прибавка къ словарю.

Я—*Леонтии Федоровъ Брыкаловъ.*

Вороновъ—*Вандерманъ.*

маркизъ-де-Траверсе—*Графъ.*

Турція—*Астрія.*

Константинополь—*Вѣна.*

Трапезундъ—*Триестъ.*

Тифлисъ—*Берлинъ.*

Кавказскій край—*Пруссія.*

Вотъ вамъ вѣрное и совершенно безопасное средство переписываться со мной изъ Петербурга: передавайте всѣ ваши письма ко мнѣ *маркизу де-Траверсе въ Петербургъ, въ Гончарной улицѣ, въ домъ Прокоповича*—безъ всякаго адреса.—Если жъ будете пересылать ихъ, то надписывайте:

Петру Александровичу Курдюмову.

А для того, чтобы вы могли съ маркизомъ познакомиться, прилагаю записочку на имя *M-lle Serpouchowska* (онъ самъ), которую вы только отдайте ему.

Вашъ Л. В.

Серьезный вопросъ, могу ли я, въ самомъ дѣлѣ, обращаться съ письмомъ къ г-ну Paul Corisse ²⁾—и буду ли получать отъ него отвѣты? Теперь только что дѣла загораются.

¹⁾ Т. е. съ Н. И. Вороновымъ.

²⁾ Кто скрытъ здѣсь—неизвѣстно.

V.

М. Л. Налбандову.

16—4 мая 1862—London.
10. Paddington Green.—IV.

Любезный другъ, съ И. С. ¹⁾я переговорилъ и обо всемъ условился. Все ладно. Теперь дѣло въ дѣлѣ. Повторяю еще: на него надѣюсь крѣпко,—а на васъ еще крѣпче. Онъ человѣкъ созерцательный, услужительный. Вы—дѣятельный. Для того, чтобъ онъ не забылъ чего, я написалъ ему инструкцію въ видѣ письма. Прочтите и съ Саваофовою помощью дѣйствуйте. Познакомьтесь непременно съ маркизомъ де-Траверсе—Гончарная улица, въ домѣ Прокоповича—онъ вамъ поможетъ въ моемъ дѣлѣ.—Вы увидите, что письмо, которое я написалъ съ И. С. къ братьямъ, еще хуже посланнаго съ вами—хуже потому, что совсѣмъ холодно, но зато учтиво.—Да, я окончательно потерялъ въ нихъ вѣру. А, все-таки, вы должны будете начать дѣйствіе съ нихъ, хотя бы для очистки совѣсти.—Потомъ дѣлайте какъ знаете—только ради Бога возвратите мнѣ мою милую жену, привезите мнѣ ее въ Лондонъ.—Если захотите писать мнѣ—отдайте свое письмо, написанное и подписанное какъ знаете, маркизу.

Я вамъ буду отвѣчать черезъ него же. О (слово не разобрано М. Л.) расскажетъ вамъ И. С. и потому не пишу—а только обнимаю васъ.—
Вашъ М.

Когда вы будете писать мнѣ изъ Петербурга, то надпишите адресъ данный мною маркизу де-Траверсе. Когда жъ будете пересылать ваше письмо ко мнѣ ему по почтѣ, то адресуйте ихъ такъ:

въ С-тѣ Петербургъ.

Маркизъ Маріи Николаевнѣ
де-Траверсе.

Въ Гончарной улицѣ—въ домѣ Прокоповича,

Для передачи Петру Александровичу Курдюмову.

Такимъ образомъ написанныя они, не распечатанныя, вѣрно дойдутъ ко мнѣ.

VI.

М. Л. Налбандову.

6 іюня—18 мая 1862—London
10. Paddington Green. W.

Здравствуйте, почтеннѣйшій мой Петръ Александровичъ. ²⁾ Счастливы ли изволили доѣхать до Питера?—И. С. пріѣхалъ ли съ вами или остался

¹⁾ И. С. Тургеневъ.

²⁾ Петромъ Александровичемъ Цуриковымъ условлено было называть Налбандова.

Парижѣ? Наконецъ видѣли ли вы Графа ¹⁾ или кого изъ Бабарыкиныхъ ²⁾ и что сдѣлали по дѣлу Брыкалова? ³⁾—Есть ли извѣстія о Маріи Осиповнѣ ⁴⁾, писали ли вы ей? Вы можете себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вашихъ писемъ.—Посылаю вамъ брошюру, о которой вы просили для вашего пріятеля, на тарабарскомъ языкѣ—т. е. пошлю, если Панъ ее получилъ и выдастъ мнѣ ее сегодня.—Писалъ къ нему еще третьяго дня на этотъ счетъ, но никакого отвѣта еще не получилъ—сейчасъ самъ къ нему отправлюсь.—Сколько дастъ, столько и пошлю—вѣдь онъ бѣдовый.—Спасибо вамъ за фотографію. Я себѣ взялъ двѣ: одну сидячую, другую стоячую—вотъ какъ васъ люблю, то даже Юніора ⁵⁾ обидѣлъ. — Вы бы порадовались, если бы видѣли, съ какою радостью и Баронъ Тизенгаузенъ ⁶⁾ и другъ его Костеровъ ⁷⁾ пріяли отъ меня ваши портреты.—Не говорю ужъ о Панѣ — онъ теперь ченно занять торговлею. — Баронъ съ другомъ уѣхали на нѣсколько дней въ Isle of Witr, но я сижу дома, работаю, да пью Карлсбадскія воды, ожидая у моря погоды. — Пишите о всѣхъ знакомыхъ—что дѣлаетъ Дурновъ? ⁸⁾ Правда ли что Рюминъ ⁹⁾ назначается служить въ Польшу?—Что новаго у васъ, пишите—а главное, ради Вога подталкивайте Ларіона Андреевича ¹⁰⁾, чтобъ онъ дѣлалъ дѣло. И вы, говорятъ, взялись за доброе дѣло, учитесь по-французски—для поощренія вашего и дайте Ларіону Андреевичу прекрасный, пространный словарь, лучше того, который далъ вамъ прежде. Сядьте-ка, да перепишите его цѣликомъ, и тогда будете въ состояніи, право, написать мнѣ правильное французское письмо ¹¹⁾.

Ну да я заврался, прощайте.

Преданный вамъ

М. Брыкаловъ.

VII.

Женѣ.

14/2 іюня 1862 г., Лондонъ.

Мой милый, неоцѣненный другъ! Ужъ много писемъ написалъ я тебѣ. Одно, я знаю, было истреблено испугавшимся путешественникомъ

¹⁾ т. е. маркиза де-Траверсе.

²⁾ т. е. Бакунинныхъ.

³⁾ т. е. самого Бакунина.

⁴⁾ т. е. женѣ Бакунина.

⁵⁾ Сына Герцена.

⁶⁾ т. е. самъ Герценъ.

⁷⁾ т. е. Огаревъ.

⁸⁾ т. е. русское правительство.

⁹⁾ т. е. великій князь Константивъ Николаевичъ.

¹⁰⁾ т. е. Тургенева.

¹¹⁾ т. е. написать письмо съ условнымъ ключомъ. Тургеневъ категорически отрицалъ возможность полученіе отъ Бакунина какого бы то ни было словаря, но онъ, несомнѣнно, его получилъ.

на русской границѣ. Это несомнѣнно дойдетъ до тебя. Я жду тебѣ Antonie. Деньги къ тебѣ прійдутъ прежде этого письма. Не задумывайся другъ, не медли — собирайся въ дорогу и поѣзжай прямо въ Прямухино — черезъ Казань, Нижній-Новгородъ, Москву и Тверь, въ 30 верстахъ отъ города Торжка; а если хочешь ѣхать покойнѣе — въ Перми садись на пароходъ и на пароходахъ доѣдешь прямо до Твери. Ты пробудешь нѣсколько дней больше въ дорогѣ, но зато поѣдешь гораздо покойнѣе и, кажется, дешевле. Отъ Прямухина до меня рукой подать — и мы скорѣе пожалуй, еще въ сентябрѣ, будемъ вмѣстѣ — я буду счастливъ. Сердце мое по тебѣ изныло. Я днемъ и ночью вижу только тебя. Лишь только ты прійдешь ко мнѣ, мы съ тобой поѣдемъ въ Италію — тамъ и дешево и веселѣе, и дѣла будетъ много. Не бойся, душевненька, и горничная дѣвушка у тебя будетъ, и жить чѣмъ будетъ — только пріѣзжай. Не порли будетъ и брату Александру¹⁾ ѣхать въ университетъ? Какъ бы хорошо, если-бъ онъ поѣхалъ съ тобою въ Россію. Въ Прямухинѣ въ общемъ совѣтомъ рѣшили бы, куда ему окончателно ѣхать: въ Москву ли, въ Петербургъ? Я начинаю думать, что лучше въ Петербургъ. Тамъ мой добрый, умный пріятель, полякъ, профессоръ Калиновскій — который теперь здѣсь и общаетъ мнѣ выхлопотать Александру стипендію, т. е. даровое содержаніе. Въ Питерѣ также и Маткевичъ. Пользуясь опорой и совѣтами такихъ положительныхъ, умныхъ людей, добрыхъ поляковъ но умѣренныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ, Саша пойдетъ хорошо.

Что-жъ, мои милые, рѣшайтесь²⁾. Грустно вамъ будетъ и съ Антошей и съ Сашей разставаться — да надо, для ихъ же блага надо. Да вы сами, я въ этомъ увѣренъ, не останетесь долго въ Сибири, въ такомъ безмѣрномъ разстояніи отъ насъ всѣхъ. Ужъ одинъ большой очень дѣльный капиталистъ, взявшій у меня родъ докладной записки о панѣ Ксаверіѣ³⁾, общаетъ мнѣ достать ему въ Россію, гдѣ-нибудь на Югѣ, и выгодное, и твердое, и вмѣстѣ безопасное мѣсто. Тамъ встрѣчается много поляковъ, и Зося и Юлька⁴⁾ легче найдутъ добрыхъ мужей. Къ тому-жъ желѣзныя дороги связываютъ югъ Россіи съ Москвою съ Петербургомъ. Итакъ, рѣшитесь, друзья, — отпустите брата Александра съ Антошей — онъ ей и кавалеромъ послужить, да и дешево будетъ.

Антося, жду тебя, будь умна, рѣшительна. Казенныхъ препятствій ты не встрѣтишь — было бы и незаконно и глупо, а если-бъ тебѣ захотѣли остановить — на что-жъ умъ и воля. Я жду тебя — пріѣзжай только въ Россію, въ Прямухино — тамъ у тебя въ друзьяхъ недостатка не будетъ. Да забери съ собою мою записку къ Маткевичу, чтобъ онъ видѣлъ, что уѣзжая изъ Сибири, я его не забылъ. Ты непременно постарайся увидѣться съ нимъ въ Петербургѣ — и сама рекомендуй ему брата Александра.

Мои милые, Зося, Мама, Паро — грустно и тяжело вамъ будетъ, и

1) Братъ жены Бакунина, Квятковскій.

2) Здѣсь Бакунинъ обращается къ роднымъ своей жены, у которыхъ она и жила тогда въ Иркутскѣ.

3) Отецъ жены Бакунина.

4) Сестры жены.

не унывайте, вѣрьте, что я непрестанно о васъ думаю и не успокоюсь, пока не перетяну васъ поближе къ намъ. Право, теперь ни пространства, ни вѣчныя разлуки не существуютъ. Вы опять молчите. Пишите-же чаще и отдавайте письма Болеславу Казиміровичу¹⁾. Отдайте ему прилагаемое письмо²⁾. — Его письмо меня тронуло. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, добрый и благородный столько же, сколько и умный человекъ. Онъ придетъ, надѣюсь, вамъ совѣтомъ и помощью, пока вы останетесь въ Сибири. А что Василій Петровичъ³⁾? Бываетъ ли онъ у васъ? Я въ этомъ сомнѣнъ. Скажите ему, что я люблю и уважаю его по прежнему. Я писалъ ему нѣсколько писемъ—но отвѣта еще не получалъ, и потому не держусь теперь. А Модестъ Николаевичъ⁴⁾ и милая жена⁵⁾ его, гдѣ они теперь?—И имъ также много писалъ, и отъ нихъ также ни слова. Обнимите ихъ, если они еще въ Иркутскѣ. Обнимите и нашего добраго почтеннаго друга Ть-каго⁶⁾—этотъ вамъ никогда не измѣнитъ.

Зося, вообрази себѣ, какая жалость: я не только послалъ тебѣ съ своимъ пугливымъ путешественникомъ⁴⁾ *особенно* длинное письмо,—но вложилъ еще въ него, какъ рѣдкость, *дружескую записку* отъ Garibaldi—и все это было имъ безжалостно истреблено. — Mais ce n'est que partie remise. Теперь не пишу особенно потому, что спѣшу, но при первомъ удобнѣйшѣ и постоянно буду тебѣ много писать, милый другъ—и буду тебѣ постоянно посылать и интересныя автографіи и фотографіи. Получила ты мою первую посылку, состоявшую изъ оригинальныхъ американскихъ конвертовъ и изъ множества американскихъ портретовъ?

Антося, другъ неоцѣненный, пріѣзжай, скорѣй пріѣзжай.

Твой М. В.

Милые мои, пишите-же чаще, непремѣнно разъ въ двѣ недѣли—а вы, Зося, обязана мнѣ каждый разъ отдавать подробный отчетъ до подробностей мелочей въ вашихъ занятяхъ, жизни, новыхъ и старыхъ знакомствахъ, въ сплетняхъ, удовольствіяхъ и непріятностяхъ— всю истинную правду—также подробно, какъ ты писала, бывало, кузинѣ Моду Катѣ.

Обнимаю васъ вмѣстѣ и каждого на перечесть крѣпко.

VIII.

Б. К. Кукелю.

14/2 іюня 1862—London.

10 Paddington. Green. W.

Болеславъ Казиміровичъ!—На-дняхъ, къ большому моему сожалѣнію, узналъ, что длинное письмо, посланное мною вамъ съ однимъ рус-

1) Кукелю, начальнику штаба войскъ, расположенныхъ въ Восточной Сибири.

2) Приводится ниже.

3) Неизвѣстно, кто эти лица.

4) Имя вторично упоминаемаго пугливаго путешественника, взявшагося передать въ Россію нѣсколько писемъ Бакунина и вмѣсто того уничтожившаго ихъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

скимъ путешественникомъ, съ приложеніемъ моей фотографіи, которую и здѣсь прилагаю, было истреблено имъ съ другими письмами на русской границѣ. Теперь не успѣю написать вамъ много—только нѣсколько словъ.

Я спѣшу выразить вамъ мою глубокую благодарность за ваше доброе, благородное письмо. Да, я былъ виноватъ передъ вами, судить васъ несправедливо и приношу вамъ въ томъ мое полное, искреннее покаяніе.—Простите меня и будемте друзьями, теперь pour tout de bon до гроба. Съ вниманіемъ я прочелъ все, что вы говорите о себѣ—да трудно ваше положеніе—но потерпите еще немного, не спѣшите пока мѣсть въ Польшу—дайте обрисоваться нѣсколько новому направленію подъ предводительствомъ В. К. К. Н. ¹⁾, чтобъ узнать напередъ, можетъ ли добрый полякъ съ нимъ помириться—не то пропадете, какъ пропалъ Крыжановскій, какъ пропало тамъ много порядочныхъ людей. Польша теперь страшно заѣдаетъ людей—Qui sait attendre sera puissant.—Теперь еще переходное положеніе, а такія положенія бывають опасны—кто сумѣетъ потерпѣть да выждать, тотъ будетъ паномъ. Впрочемъ, и времени терять не надо—готовьте себѣ тамъ мѣсто, но вступите на него только тогда, когда все станетъ яснѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей польской политикѣ, да и вообще во всей иностранной политикѣ, теперь совершается переломъ. Несомнѣненъ союзъ съ Франціею, а это значитъ союзъ противъ нѣмцевъ и противъ Англіи,—значитъ, славянская политика, разумѣется отравленная Наполеоновскою и Петербургскою микстурою,—а, все-таки, лучше, чѣмъ нѣмецкая.—Поляки, если будутъ умны, могутъ много выиграть: Галицію, Познань, Западную Пруссію, а со временемъ, можетъ быть, и Литву.—Хорошо бы было если-бъ вы прежде прожили немного въ Петербургѣ—тамъ легче вы смотрѣть. Съ графомъ ²⁾ я иногда переписываюсь—онъ все будируетъ и живетъ во Франціи, теперь, кажется, въ Крейцнахѣ. Я не потерялъ моей вѣры въ него, дай Богъ чтобъ онъ только вѣрилъ въ себя,—искалъ бы своего пути на широкой дорогѣ, а не въ придворныхъ проулкахъ: наше время страшно ѣстъ людей.—На первый разъ довольно объ общихъ вопросахъ.

Теперь къ моему дорогому, частному.—Да, Болеславъ Казиміровичъ я рассчитываю на васъ не только, чтобъ выпроводить мою жену изъ Иркутска, какъ можно скорѣе, въ іюль, *съ вѣрными и приличными попутчиками*—но надѣюсь, что въ нашемъ отсутствіи вы будете другомъ, советникомъ и, гдѣ можно, помощникомъ ея, нашей милой семьи.—Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что все, что вы сдѣлаете для жены, для всѣхъ нашихъ, будетъ принято мною, какъ благодареніе мнѣ лично, и что моя благодарность никогда не умретъ въ сердцѣ моемъ. Когда вы получите это письмо, жена получитъ. Итакъ, мѣшкать нечего.—Отправляйте ее немедленно въ путь.

Въ замѣнъ моей фотографіи — пришлите мнѣ непременно вашу и Екатерины Васильевны и Надежды Терентьевны ²⁾ и Василя Василье-

¹⁾ Великій князь Константинъ Николаевичъ.

²⁾ Невзвѣстно кто.

вича ¹⁾),—которымъ прошу передать мой дружескій поклонъ.—Въ истребленномъ письмѣ я жалѣлъ о томъ, что совершенно по недосмотру, вслѣдствіе недостатка матеріала, въ „Колоколѣ“ прошла преглупая статья о Сибири, гдѣ зацѣплены и Корсаковъ и многіе другіе. Я побранился съ Герценомъ и съ тѣхъ поръ положено, что ни одна сибирская статья не будетъ помѣщена безъ моего предварительнаго просмотра. Читали ли вы мою статью въ „Колоколѣ“, подъ заглавіемъ: „Къ русскимъ, польскимъ и славянскимъ друзьямъ“?—Напишите мнѣ, какое она произвела на васъ впечатлѣніе. Она имѣла, впрочемъ, хорошій результатъ. Наши отношенія, союзъ нашъ съ поляками, становятся каждый день тѣснѣе и серьезнѣе. Однимъ словомъ, всё дѣла подвигаются впередъ—иногда медленно, но вѣрно и твердо. Итакъ, все ладно. Пришлите мнѣ только мою жену—и пишите какъ можно чаще, будете ли въ Польшѣ или въ Сибири. Я буду вамъ отвѣчать акуратно—дайте мнѣ только адресъ какаго-нибудь Вашего друга въ Петербургѣ, чтобъ могли предавать ему мои письма.

Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ М. В.

IX.

Н. С. Бакуниной.

Милая Natalie, нарочно распечаталъ письмо, чтобъ еще прибавить нѣсколько словъ ²⁾. Сейчасъ получилъ письмо, отъ брата Александра ³⁾ изъ Флоренціи—кажется, съ нимъ совершился спасительный кризисъ и онъ хочетъ ѣхать въ Россію.—Бѣда—денегъ нѣтъ. Онъ пишетъ, что у него всего только 160 франковъ въ карманѣ! Съ этимъ онъ не дождеть.—У меня-жъ, пожалуй, и есть деньги, да не мои, а славянскія, т. е. посвященныя разными лицами на славянское дѣло. Ты видишь, сумма священная.—Я не позволяю себѣ истратить изъ нея на себя ни копѣйки, но мнѣ кажется такъ важно для спасенія его, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ къ вамъ, что я готовъ ссудить ему франковъ 500—только ради Бога возвратите ихъ мнѣ какъ можно скорѣе.—Еще разъ для меня это дѣло чести, дѣло священное.—Итакъ, вотъ какъ рѣшимъ.

Это письмо дойдетъ до васъ, вѣроятно, около 20 іюня по вашему, т. е. черезъ двѣ недѣли.—Если вамъ будетъ возможно, пошлите ему *немедленно* 200 руб. серебромъ. Онъ ихъ получить около 27-го іюня, т. е. черезъ три недѣли.—Я ему сейчасъ же напишу, чтобъ онъ подождалъ бы еще недѣли три, и если онъ въ концѣ іюня по старому стилю, по нашему въ первой половинѣ іюля, не получитъ отъ васъ денегъ, то нечего дѣлать—я дамъ ему франковъ 500 изъ славянскихъ. Рѣшусь на

¹⁾ Невѣдомо кто.

²⁾ Письма, къ которому настоящее приписано, нѣтъ.

³⁾ Братъ Бакунина.

это потому, что знаю, до какой степени ему во всёх отношеніяхъ необходимо ѣхать въ Россію.—Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что онъ въ Италіи былъ страстно влюбленъ.—Что у него тамъ случилось, чѣмъ все это кончилось—я не знаю. Онъ прервалъ, было, со мной всякую переписку,—en sauvage qu'il a été et qu'il est toujours.—Ну, да не въ этомъ дѣло. Прилагаю его письмо, оно вамъ лучше всего покажетъ состояніе его духа.—А съ нимъ, вѣдь, шутить не слѣдуетъ, онъ на всякое сумасшествіе способенъ. Намъ его не надо,—наша жизнь строга и безъ вознагражденія—ему нужна еще поэзія.—У насъ ее, къ несчастію, нѣтъ. У васъ онъ найдетъ любовь да родной міръ, къ которому онъ страстно привязанъ—братья, сестры, ты, моя милая сестра,—все вмѣстѣ вы его оживите—и между вами онъ можетъ сдѣлаться человѣкомъ.—Пусть же ѣдетъ къ вамъ—а мнѣ въ замѣнъ дайте вы мнѣ мою Antonie. Не медлите, друзья, не берите грѣха на свою душу—и не равнодушничайте тамъ, гдѣ равнодушіе измѣна. Энергією, доброю волею все дѣлается. Но вы разучили меня полагаться на вашу энергію да на ваше участіе и на вашу добрую волю—и потому я долженъ былъ выбрать себѣ посредниковъ и болѣе вѣрныхъ друзей, на которыхъ исключительно полагаюсь—и васъ только прошу не мѣшать, а если доброй воли станеть то хоть сколько нибудь помочь имъ¹⁾.

Обнимаю васъ всёхъ—М. В.

X.

Н. С. Бакуниной.

16 іюня.

Ну, Natalie, помиримся.—Постараюсь написать нѣсколько словъ не бранясь—Надо-жъ, наконецъ, побѣдить сварливый характеръ.

Познакомься ты хорошенко съ Налбандовымъ, приласкай его.—Онъ золотой человѣкъ—весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его съ перваго раза. Вотъ И. С. Тургеневъ, напр., другое дѣло—онъ также очень добръ, да Богъ и знаетъ, что Богъ. Онъ и уменъ и любезенъ, да помнить себя—нѣтъ той святой простоты, что въ Налбандовѣ, который беретъ не умомъ, а сердцемъ—хотя, пожалуй, какъ истый армянинъ, и очень хитеръ, когда надо. Письма моего къ нему ты не отсылай по почтѣ, лучше удержи у себя,—или нѣтъ, лучше отдай Тургеневу, или вели передать въ Петербургъ-жъ: *и-ну Хабадову*, на Васильевскомъ островѣ, въ Биржевомъ переулкѣ, въ домѣ Мѣняева, подъ № 46, для передачи Петру Александровичу Цурикову²⁾.

Я радъ, что ты встрѣтилась съ другомъ моимъ Гейнрихомъ Краевскимъ.—Ты просто обворожила его.—Онъ называетъ тебя: „ange de Dieu

¹⁾ Т. е. Тургеневу и Налбандову.

²⁾ Т. е. Налбандову.

scendu sur la terre". Ты, въ самомъ дѣлѣ, должно быть, славная. Natalie,—всѣ тебя любятъ и отъ тебя безъ ума. Не прійдется, кажется, съ встрѣтиться съ тобою. Ну, такъ будемъ друзьями вдаль—хоть и много теорій между нами—теорій бы еще ничего, да нынче то время практическое—а обманывать себя нечего; идемъ мы, правда, къ одной цели, но совершенно различными путями. Я не осуждаю пути братьевъ,—только же они постараются не осуждать и моей тропинки. А главное, чтобы они вѣрять лично мнѣ, такъ же, какъ я опять готовъ вѣрить въ нихъ,—или лучше сказать, какъ не переставалъ вѣрить имъ, во всемъ, не до меня, а до общаго дѣла касалось. Ну, да объясняться болѣе стану, а то опять допишусь до брани.

Скажу-жъ что-нибудь и о моей настоящей дѣятельности. Я исключительно занимаюсь вопросомъ польскимъ и русскимъ и общеславянскимъ дѣломъ, проповѣдую систематически и по горячему убѣжденію ненависть къ нѣмцамъ,—и говорю, какъ Вольтеръ про Бога: „s'il n'y avait pas d'Allemande, nous devrions les indénier"—потому что, ничто такъ способно соединить славянъ между собою, какъ коренная ненависть къ нимъ. Лишь только прійдетъ жена, отправлюсь въ Италію—гдѣ стану звать итальянцевъ съ славянами. По этому предмету я ужъ надулся съ Garibaldi въ дружеской перепискѣ. Въ Италіи и жить будетъ легче, и жить дешевле, и дѣла много. Можетъ быть, зимою рѣшусь ѣхать и турецкія владѣнія. Моя-жъ специальная страсть это—разрушеніе Австріи. Авось, такъ или иначе удовлетворится.

Милая Natalie, прилагаю еще письмецо къ моему сибирскому другу, поляку, доктору Фердинанду Леопольдовичу Маткевичу. — Онъ давно знакомъ съ г. Калиновскимъ. Адресъ его: Въ Медико-хирургической Академіи на Петербургской сторонѣ. Прошу тебя черезъ какого-нибудь знакомаго разузнать о немъ и позови его къ себѣ, и собственно передай ему мое письмо. Ты найдешь въ немъ чрезвычайно умнаго, образованнаго и благороднаго молодого человѣка. Я съ нимъ не такъ ужь знакомъ, какъ съ Краевскимъ, но провелъ съ нимъ много пріятныхъ минутъ. Онъ хорошо знаетъ жену и все семейство ея. Познакомь его съ вломъ¹⁾ и, если можно будетъ, пригласите его въ Прямухино.

Ну, прощай, моя милая сестра,

Твой братъ и, право, другъ

М. Вах.

Обними за меня маменьку и сестеръ, а также крѣпко и всѣхъ твоихъ.

XI.

Ф. Л. Маткевичу.

16/4 іюня 1862 г.—Лондонъ.
10. Paddington Green, W.

Маткевичъ! Вѣроятно, жена не успѣла переслать тебѣ моего прощальнаго письма изъ Иркутска. Ты, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ бы мнѣ

¹⁾ Братъ Бакунина, мужъ Наталіи Семеновны.

И ты и я—мы теперь въ новыхъ мірахъ — на свѣжемъ воздухѣ, въ которомъ для мелкихъ ссоръ, порожденныхъ душною томскою атмосферою, не можетъ быть мѣста. Итакъ, я обращаюсь къ тебѣ, какъ къ старому другу, съ полной увѣренностью, что ты подашь мнѣ руку. Я радъ былъ, очень радъ, узнавъ отъ К. ¹⁾, что ты теперь въ Петербургѣ. Надѣюсь, что ты былъ радъ, узнавъ, что я въ Лондонѣ. Время серьезное. Вспомни наши частые разговоры—время переводить слова на дѣло. Болтуновъ много—умныхъ дѣятелей мало. Мы съ тобой не болтуны. Не подадимъ ли другъ другу руки и на дѣло? Ты, безъ сомнѣнія, читалъ мою статью ²⁾. Оставивъ въ сторонѣ чисто соціальную часть вопроса, которая на первый разъ касается исключительно Великой Руси, — неужели ты со мной не согласенъ въ другихъ частяхъ?—Мы ведемъ здѣсь игру чистую, безъ *arrière pensées, cartes sur table*. Неужели-жъ вы не поймете, что вамъ можно, что вамъ должно съ нами соединиться?—Перечти въ исторіи Мохнацкаго, что онъ говоритъ о *Stosunkach spiskowych moskiewskich z Polakami*—второго изданія томъ второй, стр. 99, 101—102, и 90—спроси себя, не пришло ли такое-жъ, лучшее время и суждено ли вамъ сдѣлать ту-жъ ошибку?

Расширьте-жъ голову и сердце свое. Пожалуйста, отвѣчай мнѣ не только, какъ полякъ, но какъ старый другъ—безъ обиняковъ, съ полною откровенностію. А случай ты найдешь легко; если-жъ самъ не сумѣешь найти, то отдай свое письмо Наталіи Семеновнѣ Бакуниной, женѣ брата Павла, которая собственноручно передастъ тебѣ это письмо. Постарайся съ нею, а черезъ нее съ братьями сблизиться. Она, надѣюсь, будетъ стараться о томъ же.

Жена, вѣроятно, будетъ въ Петербургѣ въ августѣ или въ сентябрѣ, чтобъ ѣхать ко мнѣ. Не правда ли, вѣдь, ты стараешься встрѣтить ее? Она передастъ тебѣ мое письмо, писанное нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ или, лучше сказать, бѣгствомъ. А у меня будетъ къ тебѣ просьба, Маткевичъ. К. сказалъ мнѣ, что ты, по всей вѣроятности, пробудешь нѣсколько лѣтъ въ Питерѣ. — Я уговариваю Юлію Миловну ³⁾ послать Сашу, брата Antonie, въ Петербургскій университетъ. Будь ему путеводителемъ и старшимъ братомъ, чтобъ онъ сдѣлался добрымъ полякомъ, и вмѣстѣ не руссофдомъ, -- а главное—пиши мнѣ. Обнимаю тебя съ старымъ чувствомъ и старою дружбою.

М. Бак.

1) Калиновскаго.

2) Рѣчь идетъ о статьѣ „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ братьямъ“, которую Бакунина справедливо придавалъ большое значеніе.

3) Квятковскую, мать своей жены.

XII.

Н. С. Бакуниной.

16/4 июня 1862—London.

10. Paddington Green. W.

Милая Natalie, короткій отвѣтъ на твое послѣднее, очаровавшее, боко тронувшее и устыдившее меня письмо ты ужъ получила.—Да, я виноватъ передъ братьями. Но войди жъ ты и въ мое положеніе. Вотъ годъ, какъ я оставилъ мою бѣдную жену въ Иркутскѣ, и все: моліе братьевъ, ихъ непонятная для меня до сихъ поръ упорная не-га написать ей нѣсколько ободрительныхъ словъ,—письмо Николая Ивану Сергѣевичу Тургеневу, и наконецъ, множество разныхъ другъ-га подтверждающихъ слуховъ, и даже твое послѣднее письмо, въ которомъ ты говоришь о женѣ моей и о томъ, что знаешь о ней только въ томъ—все это не должно ли было потрясти во мнѣ вѣру не въ благодетство и не въ чистоту, но въ дружбу братьевъ?—Да, я до сихъ поръ не чувствую и признаю ее, только вѣря тебѣ.—И не могу не гордиться, что она мнѣ измѣнила въ дѣлѣ, въ которомъ я на нее болѣе всего надѣялся и въ которомъ она мнѣ болѣе всего нужна.—Вѣдь, о старости лѣтъ естественнымъ образомъ перешель изъ вѣры апостола Павла на вѣру Якова. Къ тому-жъ теперь время не словъ, а дѣла, жена моя все сидитъ въ Иркутскѣ и никто не попытался еще уяснить: пустятъ ли ее правительство?—Однимъ словомъ, мои братья дѣйствовали во всемъ этомъ дѣлѣ, *наиболѣе близко къ моему сердцу*, не какъ друзья, отчасти же какъ резонеры, а болѣею частію, какъ совершенно неподушные чужіе. — Я солгалъ бы, если-бъ сказалъ, что чувствую къ тебѣ.—Ты видишь, Natalie, я неисправимъ. Но не сомнѣвайся въ сердцѣ моемъ и въ моей любви ко всѣмъ вамъ—только сердце во мнѣ глубоко ранено, уязвлено, и потому слова любви становятся, право, по нѣскольку словъ горькаго упрека.

Ну, да довольно объясненій, Прошедшее позабудемъ, а поговоримъ о настоящемъ.

Милая сестра, ты, вѣроятно, видѣла ужъ И. С. Тургенева и Налбанова.—На этихъ двухъ людей я полагаюсь исключительно.—Они пошлютъ деньги и, думаю, ужъ послали. Помоги имъ пожалуйста. Если Наталья еще не написала женѣ, уговори ее какъ-нибудь, чтобъ она ей написала, и чтобъ позвала ее въ Прямухино, — сестеръ также, — скажи ей, что она останется въ Прямухинѣ не долго, и потому много бездѣлностей не причинить никому.—И ты также ей напиши одно изъ твоихъ хорошихъ и добрыхъ писемъ, которыми ты умѣешь пробуждать и любовь къ вѣрѣ въ сердцахъ. Вѣдь ей, бѣдной, будетъ холодно между чужими людьми.—И, пожалуйста, въ этомъ дѣлѣ, единственно ея и меня касающемся, не давай себя увлекать ничѣмъ противоположными разсужденіями, какъ бы они, впрочемъ, умны и разсудительны ни казались.

Она хочет ѣхать, я хочу, чтобъ она пріѣхала ко мнѣ немедленно. Къ этому противенъ, тотъ мнѣ врагъ и тому ненависть моя непримиримая. Я жертвъ не требую, прошу только о томъ, чтобъ не было помѣхи, тебя-жь прошу о помощи—если помочь этому дѣлу тебѣ покажется возможнымъ.—Деньги получить она не позже начала іюля—въ августъ она будетъ въ Прямухинѣ—а въ сентябрѣ я долженъ встрѣтить ее въ Парижѣ. Понимаю, какъ тебѣ будетъ непріятно писать объ этомъ М. хаилу Семеновичу ¹⁾, которому такъ легко будетъ помочь ей выѣхать изъ Иркутска съ приличными и добрыми попутчиками, но надѣюсь, все таки, что ты это сдѣлаешь—или по крайней (мѣрѣ?) попросишь маменьку свою ему написать.—Однимъ словомъ, крѣпко надѣюсь на Тургенева и на Налбандова, но надѣюсь также и на тебя. Мнѣ очень жаль, что не получилъ письма Павла—можетъ быть, оно мнѣ дало бы возможность писать иначе, чѣмъ я теперь пишу. Да, мы давно разучились понимать другъ друга съ братомъ Павломъ, а теперь мы оба такъ стары, что и съ той, ни съ другой стороны нѣтъ надежды на перемѣну. Теоретическое и практически-политическое сближеніе между нами мнѣ кажется невозможнымъ. Личное свиданіе, можетъ быть, еще могло бы произвестъ чудо—тогда бы, можетъ быть, мы опять почувствовали другъ друга. Вѣдь для любви не надо много словъ—а уразумѣніе черезъ письмо дѣло трудное.—Вонъ съ Александромъ мы встрѣтились и даже ничемъ другъ въ другѣ не поняли. Я понялъ только, что онъ боленъ и тѣломъ и духомъ, старался уговорить его, оставивъ общія разсужденія въ сторонѣ, сохранить со мною братское любовное отношеніе,—написалъ ему нѣсколько писемъ,—но, не получая отвѣта, пересталъ писать. И такъ пришлось жить въ полномъ разъединеніи съ тѣмъ, кого я любилъ всю жизнь. Пусть будетъ такъ. Пойдемъ каждый своею дорогою, но сохранимъ вѣру въ благородство и въ чистоту стремленій другъ друга.

Прощай, Natalie, еще разъ, надѣюсь на тебя твой братъ М. Б.

Передай, пожалуйста, прилагаемое письмо или Тургеневу или Налбандову, а если ни того ни другого нѣтъ въ Петербургѣ, перешли, какъ знаешь, Налбандову.

XIII.

М. Л. Налбандову.

16/4 іюня 1862. London.

10. Paddington Green. W.

Любезный другъ, Вы добрый и вѣрный другъ! На васъ разстояніе не дѣйствуетъ и такъ же горячо чувствуете вы вдаль, какъ вблизи. На васъ и вся надежда. Время уходитъ, а жена должна быть непремѣнно въ Парижѣ, куда ѣхать я, наконецъ, получилъ разрѣшеніе въ сентябрѣ или ужъ никакъ не позже октября. Разсудите: деньги она получитъ

¹⁾ Корсакову.

вно мѣсяцъ спустя по отправкѣ ихъ изъ Петербурга, двѣ недѣли на морю и на принсканіе попутчиковъ, мѣсяцъ на дорогу изъ Иркутска въ матушкѣ въ деревню—и потомъ за границу. Итакъ, времени терять нечего. Я надѣюсь, что И. С. и вы послали ужъ ей деньги, т. е. 1500 рубл.— теперь надо думать о средствахъ препровожденія ея изъ Россіи за границу. Вся надежда на васъ да на И. С. Вы, безъ сомнѣнія, видѣлись или съ братомъ Павломъ, или съ женою его, Натальей Семеновной, которая теперь живетъ въ Петербургѣ (кажется на Сергіевской въ домѣ *Титышъ-Каметскаго*), передали имъ мои письма и переговорили съ ними о томъ, что имъ слѣдуетъ. Будьте со мною вполне откровенны, я прошу васъ о томъ, я этого требую отъ васъ именемъ нашей дружбы. Скажите: справедливы были въ какомъ бы то ни было отношеніи мои жалобы на васъ или нѣтъ?—Почему они не писали женѣ? Почему они мнѣ не писали? Почему вообще оказали себя во всемъ этомъ дѣлѣ и въ отношеніи къ ней и въ отношеніи ко мнѣ столь мало охотными и рачительными?—Холодъ ли, неумѣніе или то и другое вмѣстѣ были тому причиною?—Скажите правду, и какъ бы я желалъ, чтобъ правда эта была въ вашу пользу.—Всю жизнь я вѣрилъ въ нихъ, трудно отвыкать подлостью отъ любимой привычки, но во всякомъ случаѣ, именемъ дружбы требую отъ васъ правды.

Еще разъ, на васъ и на И. С. вся надежда—дайте мнѣ мою копию.—Я не пишу теперь ему особенно—недавно писалъ—но жду отъ него письма—и вашихъ писемъ, многихъ и частыхъ писемъ,—милый другъ мой,—чтобъ я зналъ о каждомъ дѣйстви, о каждомъ шагѣ впередъ въ этомъ дорогомъ для меня дѣлѣ. Врядъ ли это письмо станетъ васъ въ Петербургѣ. Брошюры ваши я получилъ только на дняхъ,—и дня черезъ четыре отошло къ вамъ двѣ. Костеровъ ¹⁾ также я слалъ переслать вамъ нѣсколько экземпляровъ.

Или нѣтъ, буду лучше писать вамъ по словарю И. С.—перепишите и будемъ употреблять его, онъ полнѣе и удобнѣе.—Итакъ, лишь только придетъ Лизавета Семеновна, ²⁾ Сергій Павловичъ Крапоткинъ ²⁾ отъѣдетъ къ Валентинѣ ²⁾, съ которой у него завязались теперь большія сношенія въ компаніи съ Ростиславомъ Ростиславовичемъ ²⁾—у нихъ даже денежки завелись. Singli Gentleman крѣпко о нихъ, а также и объ Агафоклѣ ²⁾ нашей заботится.—А что вы скажете про путешествіе Рюрика ²⁾ въ Александровское ⁴⁾? и про новую, кажется, тѣсную дружбу Маргариты Трофимовны ²⁾ съ M-lle Julie Boret ²⁾? Не одобровать Ивану Ивановичу ²⁾—и Ростиславу ²⁾, пожалуй, лучше, да также и не безопасно имъ долженъ глядѣть въ оба.—Даже Левъ Львовичъ ²⁾ видимо поумнѣлъ—ищетъ дружбы Ростислава, и отказался громогласно отъ своихъ неопредѣленныхъ неумѣстныхъ требованій. Агафокля очень больна, не можетъ ей даже и дружба miss Fenny Evgerton ²⁾,—а Леонтина Валентиновна ²⁾ въ страшныхъ тревогахъ.—Что-то подѣлываетъ Евгения Маргаритовна ²⁾?—О ней ни слуха ни духа.

¹⁾ Т. е. Огаревъ.

²⁾ Неизвѣстно, кто эти лица.

³⁾ Т. е. Великій князь Константинъ Николаевичъ.

⁴⁾ Т. е. Варшава.

Это письмо достанется вамъ изъ рукъ въ руки, но вы его сжгите.—Я нарочно употребилъ словарь, данный мною И. С., чтобъ вы его переписали—онъ намъ будетъ полезенъ.—Прибавлю еще, что мы вѣдь наконецъ, встрѣтили нѣсколькихъ людей изъ самаго Александровскаго, которыми могли тѣсно связаться—и сдружились также съ проживавшею тамъ Вѣрою Николаевною, которая не только съ нами согласна, но положительно съ самоотверженіемъ геройскимъ требуетъ дѣла ¹⁾. Берите вы, какъ зеницу ока, Петра Александровича Цурикова ²⁾, онъ чело-вѣкъ золотой.

Ну, вотъ вамъ, любезный другъ, навралъ вамъ съ три короба, читайте да разбирайте.

Возвращаюсь къ моему дѣлу. Обдумайте напередъ планъ, т. е. время, дорогу, спутника, для препровожденія жены изъ Россіи за границу. Хорошо бы было, если-бъ спутникомъ могли быть вы!—Переговорите обо всемъ съ И. С. и [моими?—слово не разобрано]—Постарайтесь сблизиться съ Натальей Семеновной. Она, кажется, золотая душа.

Прощайте

Вашъ М.

XIV.

Н. С. Бакуниной.

^{20/8} июня 1862 г.—Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

Милая Наташа, ты видишь, какъ я расписался. Прилагаю письмо къ И. С. Тургеневу,—написанное И. С. Т.—Прочти его, и передай ему, если онъ въ Петербургѣ, а если его нѣтъ, передай Налбадову, а если и того нѣтъ и ты не имѣешь *вернаго* случая препроводить письмо и тому или другому—то сохрани до ихъ приѣзда или передай, пожалуй маркизу де-Траверсе, если ты съ нимъ знакома, въ такомъ только случаѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность письмо имъ доставить, а иначе держи его у себя. Ты увидишь изъ него мои настоятельныя и окончателльныя желанія, и я надѣюсь, что такъ какъ онѣ касаются до дѣла исключительно моего, то Прямухинская премудрость передъ ними преклонится.

Милая сестра, не брани меня, не сердись на меня.—Я васъ, пожалуйста люблю по прежнему; но пересталъ на васъ полагаться, потому что пересталъ васъ понимать—а въ этомъ дѣлѣ я ни ждать, ни шутить, и диспутировать не могу.—И сердце и умъ говорятъ мнѣ, что я долженъ дѣлать. Въ моемъ дѣлѣ да будетъ же *моя* воля. А все-таки, несмотря на всѣ мои жестокости и грубости, знай во мнѣ горячаго и неизмѣннаго друга,—который, ты видишь, тебѣ грубилъ и, все-таки, даетъ тебе

¹⁾ Рѣчь идетъ, разумѣется, о полякахъ изъ Варшавы.

²⁾ Т. е. Налбадова.

порученія безцеремонно. Видно, вѣра въ васъ во мнѣ крѣпка, что не смотря на все, я все еще вѣрю. *Credo quia absurdum est.*—Кажется такъ по латыни, спроси братьевъ. Если ты не знакома еще ни съ И. С. Тургеневымъ, ни съ Налбандовымъ, ни съ маркизомъ де-Траверсе, то прошу тебя, *Natalie*, познакомься съ ними, особливо съ двумя первыми, позови ихъ просто къ себѣ, черезъ-кого нибудь, хоть моимъ именемъ. Адресъ Налбандова ты найдешь въ другомъ пакетѣ, а адресъ И. С. легко узнать—онъ знаменитость. Всѣ говорятъ и пишутъ, что братья скоро будутъ выпущены на свободу, Слава Богу. Въ „*Revue des deux Mondes*“ о нихъ есть статья, о нихъ и о всемъ [слово не разобрано] движеніи.—Обними ихъ за меня.

Твой братъ и другъ М. Б.

XV.

И. С. Тургеневу.

И. С. Т.

20/8 июня 1862—Лондонъ.

Мой милый другъ, спасибо тебѣ. Сегодня получилъ твое письмо и сейчасъ же сажусь за столъ и отвѣчаю тебѣ—благо, есть вѣрный случай. Только боюсь, что это письмо ужъ не застанетъ тебя въ Питерѣ. Спасибо тебѣ, добрый и вѣрный другъ. Но въ письмѣ твоемъ одно меня озадачило: черезъ шесть недѣль, пишешь ты—значитъ, жена получить деньги не прежде половины вашего августа.—Значитъ, она будетъ въ Прямухинѣ не прежде конца сентября или даже начала октября.—А еще, если въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября изъ Иркутска въ Россію не будетъ случая—одна она никакимъ образомъ не можетъ ѣхать, а попутчики не растутъ, какъ грибы. Да и не со всякимъ попутчикомъ можно будетъ ей ѣхать. Кромѣ того, ты, кажется, ждѣшь съ братьями положилъ, что она должна будетъ остаться въ моемъ семействѣ на неопредѣленное время, т. е. до тѣхъ поръ, пока я не стану Крезомъ¹⁾.—Я ни съ тобой, ни съ ними не могу согласиться.—Вѣдь ты знаешь, что мы и въ политикѣ враги всякой регламентаціи сверху, такъ ради Бога-жъ не регламентируйте вы моей жизни!—А если я, по вашему, дѣлаю глупость, предоставьте мнѣ право глупости—а я, согласно съ желаніемъ жены, положилъ, что она должна ѣхать ко мнѣ не въ Лондонъ, а въ Парижъ, куда, благодаря одному серу и Мериме, я, наконецъ, получилъ позволеніе явиться. Она должна выѣхать ко мнѣ изъ Прямухина, отдохнувъ тамъ двѣ, много три недѣли.—У меня на то причинъ множество. Во-первыхъ, и это главное, мы того хотимъ. Во-

¹⁾ Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ Тургеневъ, исполняя просьбу Бакунина, видѣлся съ его братьями. Для этого слѣ обратился къ генералъ-губернатору кн. Суворову, откровенно объяснивъ, почему свиданіе необходимо. Съ него было взято слово, что разговоръ будетъ касаться исключительно однихъ частныхъ дѣлъ. Тургеневъ выяснилъ, что братья вполне сочувствуютъ пріѣзду жены Михаила и даже готовы помочь ей денежно.

вторыхъ, потому, что въ такомъ дѣлѣ, при такихъ разстояніяхъ и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ,—откладывать и рассчитывать на дальнѣе болѣе удобныя обстоятельства просто дѣтски и глупо. Нынче много, что за три мѣсяца впередъ рассчитывать можно. И потому надѣйсь дѣйствовать рѣшительно, опредѣленно, ясно—не теряя ни одного дня ни одной минуты. Такъ я дѣйствовать и намѣренъ—и требую отъ тебя и Н. ¹⁾ именемъ дружбы, чтобы ее ни минуты лишней не задерживали. А будемъ мы существовать по возможности и по лучшему умѣнію, увѣренъ,—не пропадемъ.—Итакъ, другъ, прошу тебя именемъ всехъ святыхъ, ради Бога сдѣлай посылкою денегъ—какъ ты писалъ: 1500 руб. въ Иркутскъ—а тамъ постарайся достать еще руб. 500—если у братьевъ ихъ не будетъ—чтобъ, не откладывая, дать возможность женѣ выѣхать изъ Россіи за границу.—Вѣдь, она должна и за границу ѣхать съ кѣмъ-нибудь—и это нужно *вамъ* будетъ устроить. На способность братьевъ устраивать я по всему испытанному ужъ совѣмъ болѣе не полагаюсь.

Наконецъ, вѣрно ли то, что правительство не воспротивится ея поѣздкѣ за границу?—Я видѣлъ здѣсь нѣкоторыхъ серьезныхъ людей, которые въ этомъ сомнѣваются сильно.—Тогда нужно будетъ ее просто выкрасть. А тамъ подъ деморализующимъ вліяніемъ моихъ разсудительныхъ братцевъ, а, можетъ, и по собственному движенью, заговоритъ о выжиданіяхъ и объ откладываніяхъ. Нѣтъ, братъ, ковать надо желѣзо пока горячо. Вѣдь, вы не вѣрите въ движеніе воды,—вы въ лѣсу, а потому за деревьями лѣса не видите—а мы издали видимъ, что васъ ужъ буря захватываетъ.—Скоро будетъ поздно устраивать да перевозить—да и правительство можетъ сдѣлаться злѣе.—Итакъ, я рѣшительно не соглашаюсь ни на какія оттягиванія, а требую именемъ дружбы дѣйствія быстро и рѣшительнаго—а будущее въ рукахъ Божіихъ. Хотите сохранить и помиловать, такъ помилуйте. Итакъ, пошлите еѣ, если можно *немедленно* 1500 руб. въ Иркутскъ, дайте ей 500 руб. и деньги попутчиковъ изъ Россіи за границу, устройте какъ можно вѣрнѣе и скорѣе ея поѣздку за границу—и я вамъ поклонюсь въ ноги. Меньшаго я отъ васъ не жду, а большаго требовать не стану, но вамъ нужно.

Прощай, другъ, обнимаю и благодарю тебя отъ всей души, у насъ всѣ здоровы—а вы какъ?

Твой М. В.

XVI.

Н. С. Бакуниной.

5-10 *юля*
23-10 *юля* 1862—London.

10. *Paddington Green. W.*

Милая Natalie!—Ты видишь, какъ я расписался: еле прошла недѣля послѣ отправки моего послѣдняго письма и вотъ тебѣ опять письмо

¹⁾ Налбандова.

*Съ нею увидаюсь скоро — но со мною Богъ знаетъ гдѣ и когда —
 « Сердцемъ же будемъ всегда вмѣстѣ »
 3го Июня 1861 — Иркутскъ. М. Бакунинъ*

М. А. БАКУНИНЪ съ женой.

Надпись на портретѣ:

«Съ нею увидаюсь скоро—но со мною Богъ знаетъ гдѣ и когда—
 сердцемъ же будемъ всегда вмѣстѣ».

3 июня 1861—Иркутскъ.

М. Бакунинъ.

отъ меня—и очень можетъ быть, что это письмо прійдетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, если не прежде его. Податель этого письма—Павелъ Александровичъ Ветошниковъ, служащій въ конторѣ С-тъ Петербургскихъ негодантовъ Groom, Gregori & Comp. (тамъ же и его адресъ, тамъ его отыскать можешь, если-бъ онъ не засталъ тебя дома)—человѣкъ очень вѣрный, намъ преданный и для насъ драгоцѣнный. Черезъ него ты можешь безопасно получать отъ меня, писать мнѣ и посылать всякія письма каждую недѣлю. Только ради Бога будь осторожна и никому въ мірѣ, кромѣ Павла, не говори о немъ. Еще Налбандову можешь сказать, если онъ въ Петербургѣ ¹⁾.—Да, кстати, прошу тебя, зги рѣшительно всѣ мои письма, особливо тѣ, въ которыхъ названы имена,—выплавъ изъ нихъ предварительно, въ самой невинной формѣ, что сохранить нужно.—Теперь время очень опасное и дамы не свободны отъ обысковъ—и потому дорожить письмами да бумагами нечего.

Что это у васъ дѣлается и неужели студенты участвовали въ пожарахъ?—А, впрочемъ, дивиться нечего: на глупость сверху отвѣчаетъ изувѣрство снизу. Молодежь еще далеко не дисциплинирована и, главное, къ несчастью, еще не понимаетъ, что она не народъ—и что продукты ея перепаренныхъ теоретическихъ воззрѣній далеко не выражаютъ ни народнаго инстинкта, ни народной воли. Дошло до меня, что у васъ многіе приписываютъ мнѣ и нелѣпыя прокламаціи и преступные, потому что безцѣльные, пожары. — Въ другое время я надъ этимъ сталъ бы смѣяться, но теперь дѣло иное: время серьезное и ничѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Очень можетъ быть, что само правительство распускаетъ такіе слухи, чтобъ имѣть предлогъ поступать съ братьями по-строже.—И, наконецъ, я не могу молчать на такія уродливыя обвиненія. Вслѣдствіе этого, на-дняхъ явится въ „Колоколѣ“ моя статья подъ названіемъ—„Наше положеніе, нѣсколько словъ о доктринеризмѣ революціонеровъ“. Не сердись на меня, Natalie, она рѣзко написана.—Я молчалъ сколько могъ, но теперь молчать не могу. Сегодня узнали по телеграфу о попыткѣ убить В. К. Константина Николаевича въ Варшавѣ.—И тамъ также недисциплинированная молодежь,—и что еще болѣе—молодежь, разъяренная послѣдними оскорбленіями женщинъ, дѣвушекъ, которыхъ по всему царству хватили десятками за пѣніе гимновъ въ церквахъ, приводили въ полицію и тамъ публично, т. е. при офицерахъ и солдатахъ, раздѣвали, подъ предлогомъ исканія бумагъ,—а потомъ ссылали въ разныя монастыри—и чуть ли не образовалось общество фанатическихъ молодыхъ людей съ цѣлью убивать всѣхъ главныхъ русскихъ людей... По моему, этотъ выстрѣлъ — промахъ ужасный — вѣдь Константинъ ²⁾ не успѣлъ еще высказаться. Тяжелое время, сурово и страшно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ грознѣе.

Будемъ же любить другъ друга и вѣрить другъ въ друга, чтобъ намъ было и легче и веселѣй... Будемъ крѣпки другъ другомъ. Послѣ

¹⁾ П. А. Ветошниковъ везъ не только письма Бакунина, но и Герцена, Огарева и Кельсева. По чьему-то доводу, онъ былъ арестованъ на границѣ и привезенъ въ Петербургъ. Отсюда начались дѣла Чернышевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, Тургенева и многихъ другихъ.

²⁾ Николаевичъ.

трехъ или четырехъ худыхъ писемъ, написанныхъ мною въ послѣднее время, включая послѣднее,—я съ братьями, съ Прямухиномъ совсѣмъ примирился. Пусть же и они простятъ меня, пусть они поймутъ, какъ невыносимо тяжело мнѣ не знать ничего о моей бѣдной женѣ и оставаться на ея счетъ въ такой глухой, тупой, безвыходной неопредѣленности. Но теперь вы, кажется, взялись за дѣло рѣшительно. Спасибо вамъ, спасибо тебѣ, Natalie. Теперь надѣюсь съ нею скоро увидѣться.— Налбандовъ мнѣ пишетъ, что онъ далъ тебѣ 300 руб.,—что маркизь хотѣлъ дать 200, И. С. Тургеневъ—прислать 500, а, наконецъ, братья положить 500.—Но такимъ образомъ, скоро ли вы соберете нужныя деньги?—Дастъ ли маркизь, пришлетъ ли Тургеневъ и успѣютъ ли оборотиться братья?

Думалъ я, думалъ, и вотъ на что я рѣшился.—Возьму я у Герцена завтра въ займы 80 фунтовъ стерлинговъ, немного болѣе 2000 франковъ. болѣе 500 руб. серебромъ—и пошлю тебѣ съ г-номъ Ветошниковымъ. Такимъ образомъ у тебя, можетъ быть, къ приѣзду его соберется около 1500 руб. сер. И тогда, милая Natalie, умоляю тебя, не теряя минуты, пошли ихъ къ женѣ и зови ее немедленно въ Прямухино. За отсутствіемъ Михаила Семеновича ¹⁾, пошли ихъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ тебя, по почтѣ къ генералу Болеславу Казиміровичу Кукелю, съ просьбою передать ихъ Антонію Ксаверіевнѣ ²⁾, безъ фамиліи,—съ просьбою также помочъ ей какъ можно приличнѣе и покойнѣе выбраться изъ Иркутска и съ означеніемъ адреса добраго человѣка (еще лучше дамы въ Москвѣ или въ Твери, который препроводитъ ее въ Прямухино.— для того, чтобъ она, моя бѣдная и неопытная, не затерялась въ дикомъ для нея мірѣ.—Если и безъ моихъ 80 фунт. стерл. у тебя ужъ собралось 1500 рубл. или когда они соберутся, отошли мнѣ черезъ того же Ветошникова мои 80 фунт. ст. назадъ,—но только въ такомъ случаѣ, если по расчету братьевъ, съ помощью друзей вамъ будетъ возможно дать ей еще 500 руб. на дорогу изъ Прямухина за границу,—иначе удержи ихъ у себя и пусть они ей послужатъ на эту дорогу. — Въ Прямухинѣ пусть Antonie остается не болѣе двухъ недѣль, много три недѣли, а тамъ прямо ко мнѣ. Если-жъ правительство захочетъ ее задержать, то я ее съ помощью друзей выкраду. Она у меня молодець,—не даромъ полька.— Милый другъ, ты видишь, я не теряю ни вѣры, ни духа и ничего не боюсь—неизвѣстность только одна тяжела и притупляетъ во мнѣ всѣ способности—и потому прошу тебя, пиши чаще, увѣдомляй меня шагъ за шагомъ обо всемъ, что будетъ сдѣлано, обо всемъ, что будетъ тебѣ извѣстно... не о женѣ только, но и о братьяхъ... скоро ли ихъ выпустятъ, и не помѣшаетъ ли ихъ дѣлу реакція, естественно вытекшая изъ пожаровъ?

Я хочу поговорить съ тобой еще о другомъ предметѣ: въ какомъ положеніи дѣла братьевъ? Есть ли у нихъ, есть ли у меня что-нибудь?—Послѣ заплаты долга Бенардини, Извольскому, въ Вост. Сибири, включая деньги, которыя вы пошлете женѣ, — останется ли на мою долю

¹⁾ Борсакова.

²⁾ Женѣ Бакунина.

500 руб., необходимыхъ для ея поѣздки за границу? Не передержалъ ли ужъ я болѣе, чѣмъ мнѣ приходится—и по теперешнему состоянію имѣнія приходится ли мнѣ вообще что-нибудь?—Вѣдь я ни за что въ мірѣ не хочу, чтобъ братья, семейство жертвовали собою мнѣ.—Между другими такіе вопросы были бы щекотливы, между нами не можетъ быть такой щекотливости. Вѣдь, между нами не можетъ быть ни тѣни, ни сомнѣнія, ни несправедливости. Пусть Павелъ напишетъ мнѣ въ короткихъ словахъ, какой у меня плюсъ, какой—минусъ, и, если есть плюсъ, какой онъ не по праву, а факту—безъ доказательствъ, потому что—еще разъ—доказательства между нами излишни и взаимной вѣрѣ, по крайней мѣрѣ въ денежныхъ дѣлахъ, нѣтъ и не можетъ быть границъ. Мнѣ необходимы эти нѣсколько словъ о дѣлахъ не для повѣрки, а для приведенія въ совершенную ясность своего положенія.—Хотѣлось бы мнѣ знать также, чѣмъ и какъ будутъ жить братья, все семейство. Ты, безъ сомнѣнія, ужъ получила мое письмо о братѣ Александрѣ? Будете ли вы въ состояніи послать ему 200 руб. на его возвращеніе въ Россію?—Если нѣтъ, сейчасъ же напиши. Я постараюсь его отправить, а это для него необходимо. Теперь ты можешь писать мнѣ часто, путь тебѣ открытъ вѣрный и скорый: Ветошниковъ—лишь была бы охота.—Да, милая Natalie,—напишите что-нибудь о сестрахъ, о маменькѣ. Вѣдь, я о нихъ ничего, ничего не знаю и разучился ждать отъ нихъ писемъ.

Ну, ну, ничего, молчаніе... а то опять браниться стану.—Да пусть же Павелъ, наконецъ, напишетъ ко мнѣ,—да не теоретическое, а доброе, фактическое письмо. Вѣдь, въ письмахъ убѣждать и разубѣждать въ принципахъ трудно—а любовь, живая любовь, право, лучше всякой теоріи, я же здѣсь жажду любви, а потому и бранюсь, что давно не чувствовалъ родной любви. И на тебя бѣдную, невинную, великодушную упала вся моя брань. Прости меня, Natalie.

Милая сестра, я жду съ нетерпѣніемъ писемъ твоихъ: извѣстій о женѣ, о тебѣ, о братьяхъ, о Прямухинѣ.

Прощай обнимаю тебя

Твой братъ и другъ

М. В.

Отдай маркизу прилагаемое письмо.—Познакомилась ли ты съ нимъ? Если онъ захочетъ отвѣчать мнѣ, то возьми у него письмо,—(не говоря какимъ образомъ ты намѣрена отослать его, т. е. о Ветошниковѣ) и пошли вмѣстѣ съ своимъ,—а маркизу скажи, что черезъ вѣрнаго путешественника.

Денегъ теперь не посылаю, потому что у Герцена самого нѣтъ.—Но если нужно, дай сейчасъ знать. Тогда сейчасъ же пришло.

XVII.

М. Л. Налбандову.

5 июля
23 июня 1862 г.

Любезный другъ—посылаю вамъ еще 10 экземпляровъ поваренной

книги ¹⁾. Всего посланныхъ будетъ теперь 14. Если пожелаете, пришлю еще болѣе. Спасибо вамъ за все, что вы сдѣлали для Маріи Осиповны. ²⁾— Брыкаловъ ³⁾ надѣется теперь съ нею скоро встрѣтиться—онъ увѣренъ, что вы спать не станете и до тѣхъ поръ не успокоитесь, пока не докончите дѣла. — Надѣется даже, что вы сами привезете ее изъ Рыбнаго. ⁴⁾ — Только боится онъ, что на собраніе нужной суммы понадобится болѣе времени, чѣмъ назначено, и потому взялъ у Прейвата ⁵⁾ 80 фунтовъ, которые онъ и посылаетъ Олимпіѣ Сергѣевнѣ ⁶⁾ съ подателемъ этого письма, Павломъ Александровичемъ Ветошниковымъ (спросить въ конторѣ Froom Gregory et Comp. въ Петербургѣ), котораго я вамъ рекомендую, какъ совсѣмъ вѣрнаго человѣка, черезъ котораго можете вести вашу торговую корреспонденцію ⁷⁾.—Познакомьтесь съ нимъ поближе.

Дѣла идутъ ни то, ни се; сало упало — пшеница поднялась немало ⁸⁾. — Здѣсь не знаютъ, что думать о вашихъ пожарахъ.—Неужели студенты въ самомъ дѣлѣ участвовали въ нихъ? Что-то не вѣрится. Напишите о себѣ, какъ живете, гдѣ когда будете? Когда возвратитесь въ Питеръ?—Если посылаемые 80 фунтовъ не нужны, если можно обойтись безъ нихъ, пусть Олимпія Сергѣевна пришлетъ ихъ обратно. Впрочемъ, я самъ пишу ей объ этомъ, а вы поговорите.

Прощайте, преданный вамъ

Леснѣ . . . . .

XVIII.

М. Л. Налбандову.

6 июля
24 июля Лондонъ 1862.

10. Paddington Green. W.

Любезный другъ—спасибо Вамъ за участіе, принимаемое вами въ моемъ дѣлѣ.—Но зачѣмъ же Вы не пишете? Если не знаете какъ, то отдавайте свои письма Натальѣ Семеновнѣ, съ которой Вы, безъ сомнѣнія, познакомились и которая передастъ Вамъ это письмо.—Пишите же и подробнѣе, и скорѣе.—Будете ли Вы къ намъ или нѣтъ? Какъ ваши дѣла—общія и частныя? Успокоились ли Вы немного—что M-II Albrecht? Неужели все предается мечтамъ педагогическимъ? Не совращайтесь

---

¹⁾ На самомъ дѣлѣ посылаю сочиненіе на армянскомъ языкѣ Симеона Маньяна „Земледѣліе“, направленное противъ русскаго правительства.

²⁾ Т. е. жена Бакунина.

³⁾ Т. е. самъ Бакунинъ.

⁴⁾ т. е. Прямухина.

⁵⁾ т. е. А. И. Герцена.

⁶⁾ т. е. женой Бакунина.

⁷⁾ Деньги, какъ мы уже видѣли, не посылались.

⁸⁾ Вставлено просто для придаванія письму коммерческой дѣловитости.

сами съ тернистаго, но едино истиннаго пути—любите и не забывайте. преданнаго Вамъ

П. Бурдюмова.

XIX.

И. С. Тургеневу.

23 октября 1862 г. Londres 10.
Paddington Green. W.

Ты правъ, Тургеневъ, прекратимъ бесполезныя разсужденія о вопросахъ политическихъ, которые насъ только раздраживаютъ, ссорятъ и ни на шагъ не подвигаютъ. Мы оба слишкомъ стары, чтобы мѣнять шкуру, останемся каждый при своей старой, но также останемся и друзьями. Правда, что въ этой дружбѣ весь выигрышъ мой, ты для меня много дѣлаешь, я же для тебя сдѣлать ничего не могу. Но пусть будетъ это неравенство, лишь бы оно не надоѣло тебѣ, я съ нимъ мирюсь, и въ доказательство сейчасъ же начинаю говорить о своихъ дѣлахъ.

Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, я получилъ письмо не отъ братьевъ, которые остаются вѣрны, если не старой дружбѣ, то, по крайней мѣрѣ, новому равнодушію, но отъ жены, изъ Иркутска, отъ 5 юня. Вотъ что она мнѣ пишетъ: она совсѣмъ было собралась ѣхать въ Россію, еще до полученія денегъ, своими средствами, или, вѣрнѣе, средствами своихъ родителей, но ея не пустили, объявивъ, что надо напередъ испросить соизволенія верховной власти,—однимъ словомъ не дали паспорта. Она—въ отчаяніи. Правда, что въ это время Корсаковъ былъ на Амурѣ, и мѣсто его временно занималъ ограниченный формальность Николаевскій, генералъ Жуковскій,—правда, что передъ отъѣздомъ своимъ Корсаковъ обѣщаль ей выдать паспортъ не въ Лондонъ и не въ С.-Петербургъ, а въ Тверь, тѣмъ не менѣе, обстоятельства могли измѣниться, а съ ними вмѣстѣ и гуморъ правительства. У нея въ Иркутскѣ дѣятельныхъ помощниковъ нѣтъ, братья спятъ сномъ молодецкимъ, и если ты черезъ своихъ друзей, умныхъ и хорошихъ, о которыхъ ты пишешь, мнѣ не поможешь, я, право, не буду знать, куда дѣваться и что дѣлать съ своимъ горемъ. Жена пишетъ, что она послала въ Петербургъ просьбу о дозволеніи ей выѣхать изъ Сибири, или что начальство сдѣлало запросъ, навѣрное не знаю, потому что она говоритъ объ этомъ съ женскою безтолковостію.

Все это въ высшей степени нелѣпо и бесполезно, и глупо и незаконно. Но вѣдь у насъ, не въ укоръ вашей милости, законъ, даже пресловутый проектъ о юридическихъ и гражданскихъ реформахъ,—ловушка, чтобы отвлечь вниманіе отъ дѣйствительно повсюду вводимаго военнаго положенія,—это ясно, какъ ты самъ еще лучше меня знаешь, вздоръ, одинъ произволъ, глупый, дикій, безстыдный произволъ. Ужъ если они мнѣ дѣлаютъ честь меня бояться, то, по крайней мѣрѣ, они должны бы были понять, что человекъ съ женою въ сто кратъ безопас-

нѣе человѣка безъ жены. Тургеневъ, помоги,—и разузнай и помоги.— если можешь, чрезъ кого-нибудь жигани братьевъ, чтобы они наконецъ проснулись, устыдились и поняли, что мало быть добрыми людьми. что вѣра безъ дѣла мертва есть. Пусть же наконецъ они мнѣ напишутъ хоть слово не о своихъ политически-философскихъ стремленіяхъ, до которыхъ мнѣ, право, нѣтъ дѣла, но о моихъ дѣлахъ, о моей женѣ, томъ, что они сдѣлали и собираются сдѣлать для того, чтобы освободить ее.

Правительство не разсердится на братьевъ, которые пишутъ брату о предметѣ, столь дорогомъ для него, какъ жена. Само наше правительство, пожалуй, удивится ихъ добродѣтельной скромности и воздержанности, которую, за неимѣніемъ русскаго слова, я, пожалуй, готовъ окрестить словомъ: „lâcheté“. Братъ Павелъ въ отвѣтъ на мои безчисленныя, измученныя письма, въ которыхъ я умолялъ ихъ всѣхъ обидѣствіяхъ о женѣ, о помощи ей, о тепломъ для нея словѣ,—братъ Павелъ послалъ мнѣ, правда, въ началѣ нынѣшняго лѣта длинную, длинную философскую диссертацию, но она до меня не доплыла. Должна была на дорогѣ пропасть. Укралъ ее какой-нибудь нѣмецъ, а онъ, вероятно, пишетъ другую. А сестра жены пишетъ, что она, бѣдная, съ тоски заболѣла. Вѣдь, право, можно съ ума сойти. Помоги, Тургеневъ!

Другая моя забота—Налбандовъ: говорятъ, что онъ былъ въ Петербургской павловской крѣпости, а теперь пропалъ, никто не знаетъ куда. Узнай, Тургеневъ. Вотъ видишь ли, и безъ политики наполнилъ цѣлое письмо а подъ конецъ тебя обнимаю и на тебя уповаю.

Твой М. Б.

Годы Скорби.

(Воспоминанія матери).

Я знаю, что эти воспоминанія заставятъ меня вновь страдать и вновь переживать прошедшее, но вѣдь это жизнь не моя только, а многихъ... Не мнѣ одной пришлось на самой себѣ испытать желѣзную руку правительственнаго режима; такихъ, какъ я, несчастныхъ матерей, тысячи... И потому мой искренній рассказъ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе... Иначе, какой интересъ былъ бы въ горестяхъ одного изъ миллионовъ людей?

Первый громъ для моей семьи грянулъ въ 1897 году. До тѣхъ поръ мы жили, какъ всѣ тогда жили въ провинціи: безъ особыхъ заботъ, безъ особыхъ общественныхъ интересовъ, безъ запросовъ... такъ себѣ, изо дня въ день, какъ живутъ чиновники. Мужъ мой служилъ по министерству юстиціи на западной окраинѣ и получалъ хорошее содержаніе. Это былъ человѣкъ интеллигентный, чрезвычайно чуткій къ справедливому и широкому толкованію законовъ, не видѣвшій никакой разницы между евреемъ, русскимъ и полякомъ, между интеллигентомъ и рабочимъ, между богачемъ и бѣднякомъ. Какъ судья, онъ очень скоро приобрѣлъ популярность среди запуганнаго населенія этого края, и его и въ глаза, и за глаза стали называть: «защны сендвѣя», т. е. честный судья.

И дѣйствительно, за всю свою двадцатилѣтнюю службу въ западномъ краѣ, онъ ни разу въ своихъ рѣшеніяхъ не покривилъ душой и не поддавался волѣ начальства, за что также скоро среди сослуживцевъ приобрѣлъ славу человѣка неуживчиваго и краснаго, что его, впрочемъ, нисколько не огорчало.

Пока наши дѣти учились и подростали, повторяю, въ нашей жизни—кромѣ обыденныхъ заботъ о здоровьи, благоудобствахъ и воспитаніи дѣтей—ничего особеннаго не было. Но вотъ наши два старшіе сына отправились въ Петербургъ—одинъ въ Горный институтъ, другой въ Университетъ, и тотчасъ же наша жизнь переломилась на двое: мирное существованіе стало областью прошедшаго, и въ жизнь ворвалась цѣлая буря новыхъ заботъ, тревогъ и волненій.

Въ Петербургѣ уже тогда начиналось броженіе, окончившееся переживаемой нами революціей. Неудовлетворительность постановки высшаго образованія, стѣсненіе учащейся молодежи въ ея самыхъ естественныхъ порывахъ къ общему благу, нелѣзная тиранія, терзавшая нервы молодыхъ людей,—все давало обильную пищу для негодованія юнымъ сердцамъ. Тогда уже разразилась бурная исторія по поводу постановки памятника Муравьеву-Вѣстителю въ Вильнѣ. Я упомяну объ ней лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Затѣянная высшей администраціей постановка въ Вильнѣ памятника Муравьеву, несмотря на свою громадную безтактность быть можетъ, и не имѣла бы большихъ послѣдствій, если бы не недостойное желаніе выслужиться и показать передъ начальствомъ свой квасной патріотизмъ, со стороны нѣсколькихъ варшавскихъ профессоровъ пославшихъ привѣтственную телеграмму отъ имени университета.

Надо вспомнить какъ ненавистно имя Муравьева каждому коренному поляку, когда почти въ каждой польской семьѣ хранится память о погибшемъ отъ руки палача членѣ семейства, какъ не заживаемы эти раны въ такомъ чуткомъ народѣ, чтобы понять, какое глубокое оскорбленіе было нанесено пѣлой націи этимъ памятникомъ «висѣльнику», какъ зовутъ Муравьева поляки!

Но забитый народъ притаялся и молчалъ, и только учащаяся молодежь глухо заволновалась. Въ отвѣтъ ей откликнулись Петербургскій и Московскій университеты, а за ними и всѣ провинціальныя. Можно думать, что эта исторія послужила какъ бы толчкомъ къ долготѣнимъ волненіямъ: со времени муравьевской исторіи университетская молодежь Россіи не переставала волноваться и до настоящаго дня, хотя причины волненій—разныя. Эта же исторія рѣшила судьбу и моихъ дѣтей. Первый ихъ арестъ и сопряженный съ нимъ обыскъ оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Это случилось въ 1897 году. Наступили Рождественскіе праздники, и мы съ мужемъ съ нетерпѣніемъ ждали сыновей нашихъ на зимніе каникулы. Они были такъ юны, такъ недавно оторвались отъ родной семьи! Интересно было посмотрѣть, какъ кипучая петербургская жизнь отразилась на нихъ, какъ употребили они свою свободу. За три дня до праздника они пріѣхали живнерадостные, полные новыхъ впечатлѣній и надеждъ. Мы съ мужемъ положительно не узнавали ихъ, такъ они возмужали и развились во время нашей разлуки: въ нихъ проснулось самосознаніе, и они сильно интересовались общественными вопросами. И слушая ихъ живыя, смѣлыя рѣчи, мы обмѣнивались съ мужемъ горделивыми взглядами: въ ихъ словахъ сквозила такая горячая жажда добра, такое яркое стремленіе къ правдѣ и свѣту, что возражать намъ было нечего, и мы чувствовали себя счастливыми, видя, что изъ нашихъ дѣтей выйдутъ хорошіе, честные дѣятели, полезные граждане нашей родины. Мы и не по-

дозрѣвали, какъ горько мы ошибались: родинѣ нужны горячіе, честные дѣятели, но правительству они не нужны. Мы съ мужемъ поняли это потомъ, но въ этотъ вечеръ мы были счастливы. Увы! Мы не могли подозрѣвать, что то былъ послѣдній счастливый и спокойный вечеръ въ нашей жизни!

Около часу ночи, послѣ самыхъ оживленныхъ бесѣдъ, мы рѣшились, наконецъ, разойтись по своимъ комнатамъ. Лампы были потушены—я стала раздѣваться. Какъ вдругъ среди наступившей тишины раздался громкій, рѣзкій звонокъ. Подумавай, что это телеграмма, я послѣдила въ переднюю. Горничная уже была у двери и спрашивала: «Кто тамъ?»—«Полиція» раздалось изъ-за двери, громко и властно. Наша жизнь текла такъ мирно, и мы такъ мало имѣли сношеній съ этимъ учрежденіемъ, что я только удивилась, но не испугалась. Но за дверью раздавался сердитый голосъ: «Скорѣе! отворяйте!»

Пока дверь отворяли, я инстинктивно бросилась въ комнату сыновей; они спѣшно одѣвались, около нихъ стоялъ озадаченный мужъ. Въ это время раздались звенящіе шпорами шаги, и въ комнату вошелъ сопровождаемый полиціей, понятыми и дворникомъ жандармскій полковникъ Утгофъ.

— Извините,—элегантно расшаркался онъ.—По предписанію начальства, я долженъ произвести обыскъ.

Мы съ мужемъ съ ужасомъ переглянулись. Тогда было не то, что теперь, когда обыски и аресты стали обыденнымъ явленіемъ. Въ то время обыскъ у правительственнаго чиновника былъ случаемъ рѣдкимъ. И какъ описать то чувство униженія и негодованія, какое нами овладѣло при этомъ первомъ насиліи? Кто можетъ спокойно перенести, что въ вашемъ домашнемъ очагѣ не остается ничего святаго: всѣ вещи перетроганы, фотографіи близкихъ перехватаны и перекиданы, ваша интимная переписка перечитана, ваши дѣти оцупаны чужими грубыми руками! Я, по крайней мѣрѣ, испытывала такое чувство, какъ будто меня раздѣли до гола и вывели такъ на площадь.

До сихъ поръ еще, при воспоминаніи объ обыскѣ, я не могу отдѣлаться отъ мучительнаго чувства стыда и униженія! Къ тому же онъ сопровождался совершенно непонятнымъ многолюдствомъ: въ квартирѣ нашей сновало и распоряжалось человекъ двѣнадцать, на кухнѣ оставалось шесть человекъ на запасъ, при каждой двери стояло по жандарму, да и домъ былъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ. И все это только для того, чтобы захватить двухъ беззащитныхъ юношей... Когда полковникъ перерылъ дорожную корзину моихъ сыновей, онъ нашелъ въ ней нѣсколько воззваній къ варшавскимъ профессорамъ, отъ высшихъ учебныхъ заведеній, по поводу профессорской телеграммы.

Въ пять часовъ утра, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, причемъ младшіе дѣти шести и семи лѣтъ были подняты жандармами съ постелей для осмотра ихъ матрацевъ и подушекъ, полковникъ обратился къ сыновьямъ:

— Проститесь съ родителями—вы поѣдете со мной!

Съ рыданіемъ обняли мы своихъ дѣтей. Они были блѣдны, но спокойны. Полковникъ распаркался, дверь отворилась, онъ пропустилъ ихъ впередъ, за нимъ двинулась вся свора и... дѣтей нашихъ не стало!..

Съ тоской прошлась я по комнатамъ: все было сдвинуто съ мѣста, опрокинуто, скатерти сброшены со столовъ, диванныя подушки распороты; вездѣ были пятна грязныхъ ногъ, мокрыхъ слѣдовъ... Не вѣрилось, что это нашъ такой мирный и уютный до сихъ поръ домашній очагъ! Я взглянула на мужа и испугалась: смертельно блѣдный, онъ судорожно хватался за грудь—ему не хватало воздуха! Поспѣшно уложивъ его въ постель, я послала за докторомъ.

Ночь прошла, мужъ заснулъ, но я не могла успокоиться... Гдѣ теперь мои дѣти? Что ждетъ ихъ? Но къ чувству скорби примѣшивалось и чувство глубокаго негодованія противъ совершеннаго насилія... Если виновны были наши сыновья, то мы съ мужемъ ни въ чемъ не были замѣшаны, почему же и за что было намъ нанесено такое оскорбленіе? Если, по словамъ полковника, ихъ арестовали по телеграммѣ изъ Петербурга, то почему же и не обыскали на мѣстѣ, или даже въ вагонѣ? Почему дали имъ пріѣхать домой, чтобы затѣмъ ворваться въ мирное жилище, среди ночи поднять весь домъ на ноги и встревожить лицъ, ни къ чему не причастныхъ? Если эти протесты должны были быть разсматриваемы, какъ преступленіе, то почему не отобрали ихъ ранѣе, чѣмъ сыновья наши переступили порогъ родительскаго дома? Волнуемая душившимся меня негодованіемъ, я ушла въ свою комнату и, написавъ въ одинъ присѣсть письмо съ жалобой на это насиліе генераль-губернатору, я приклеила марку и сама бросила письмо въ ящикъ.

Въ то время генераль-губернаторомъ Западнаго края былъ князь Имеретинскій, одинъ изъ наиболѣе гуманныхъ правителей этого несчастнаго края, несчастнаго потому, что цѣлый рядъ генераль-губернаторовъ, изъ которыхъ на первыя мѣста надо поставить генераловъ Гурко, а впослѣдствіи Черткова, проводили идею руссификаціи совершенно аракеевскими приѣмами. Одна національность «русскій» давала массу привилегій и ставила лицо превыше закона. За двадцать лѣтъ жизни въ краѣ мы съ мужемъ всего насмотрѣлись: насиліе, грубые приѣмы, окрики, кулаки—все было дозволено русскимъ, все пускалось въ ходъ. Не разъ мужъ мой, возвратясь со службы, съ негодованіемъ рассказывалъ о неслыханномъ произволѣ полиціи, противъ которой никакой управы не было, и приводилъ такіе факты, отъ которыхъ становилось стыдно, что самъ русскій! При князѣ Имеретинскомъ впервые для поляковъ наступило нѣчто похожее на снисходительность и вниманіе къ національнымъ нуждамъ. Князь принималъ поляковъ охотно, толковалъ съ ними и мало-помалу допускалъ нѣкоторыя облегченія. Такъ, разрѣшено было

въ учебныхъ заведеніяхъ молиться на родномъ языкѣ, перестали преслѣдовать учащихся, говорившихъ во время рекреациі между собою по-польски и т. д.

Вотъ почему я и обратилась къ нему съ письмомъ по поводу произведеннаго въ нашемъ домѣ обыска. Будь это позднѣе, на примѣръ, при генералѣ Чертковѣ, мнѣ и въ голову бы не пришло протестовать, такъ какъ тогда произволъ только поощрялся.

Въ письмѣ моемъ я описывала происшедшее и обращалась къ князю съ вопросомъ, что происходитъ на чердакахъ и въ подвалахъ, если подобное насиліе возможно въ домѣ правительственнаго чиновника?

Къ чести князя Имеретинскаго, надо сказать, что онъ не оставилъ моего письма безъ вниманія. Онъ потребовалъ къ себѣ прокурора палаты и жандармскаго генерала для объясненій и прислалъ къ намъ своего адъютанта съ выраженіемъ сожалѣнія о случившемся, и не прошло трехъ дней, какъ наши сыновья были выпущены изъ цитадели и возвращены намъ.

Правдники мы провели вмѣстѣ и старались отдохнуть отъ пережитыхъ волненій. Но этотъ обыскъ и арестъ не остались безъ слѣда въ юныхъ сердцахъ моихъ дѣтей: всѣ подробности обыска постоянно служили предметомъ ихъ бесѣдъ, и глаза ихъ загорались враждою къ произволу, допускающему постановку памятника ненавистному дѣлому населенію челоуѣку и не допускающему ни малѣйшаго протеста по этому поводу.

Возмущались сыновья наши, а мы съ мужемъ и не пытались удерживать ихъ: факты были налицо, и сказать намъ было нечего. Съ грустью проводили мы ихъ въ Петербургъ: по настроенію ихъ было видно, что они на этомъ не остановятся.

И дѣйствительно, не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ въ февралѣ 1898 года мы получили отъ младшаго сына извѣстіе, что старшій арестованъ. Я выѣхала въ Петербургъ.

Я была совершенно незнакома съ тѣмъ міромъ, вращаться въ которомъ мнѣ было отнынѣ суждено: тюрьма, штыки, солдаты, жандармы были для меня понятіями отвлеченными, извѣстными лишь по наименованію. Поэтому, пріѣхавъ въ Петербургъ, я по неопытности потеряла много времени: если я обращалась въ охранное отдѣленіе, то меня посылали въ жандармское управленіе; отсюда направляли опять въ только что покинутую охрану. Здѣсь совѣтовали обратиться къ жандармскому генералу. Тутъ я узнавала, что онъ принимаетъ посѣтителей не иначе, какъ въ назначенные дни и часы. При тревожномъ моемъ состояніи это было сущей пыткой. Наконецъ я, какъ жена юриста, рѣшилась обратиться къ прокурору палаты. Былъ ли онъ мягче жандармовъ или горе мое на него подѣйствовало, но я вышла отъ него съ разрѣшеніемъ свиданія съ сыномъ. Вообще, я тогда еще впервые ознакомилась съ главною особенностью дѣятельности жандармовъ: обставлять дѣло, хотя бы оно выѣденнаго яйца не стоило, необычайной таинственностью и въ тысячу разъ преувеличивать

его серьезность и значение. Когда жандармы говорят съ родителями политиковъ, то они всегда сулятъ каторгу и смертную казнь и, въ лучшемъ случаѣ, Восточную Сибирь.

Такъ и теперь, когда я просила о свиданіи, мнѣ въ отвѣтъ тайнословно пожимали плечами, вздыхали, качали головой и, находя невозможнымъ удовлетвореніе моея просьбы, отсылали отъ одного къ другому. Одинъ прокуроръ палаты безъ всякихъ проволочекъ разрѣшилъ свиданіе. Но я уже была напугана и потому съ замираніемъ сердца подѣхала къ Дому Предварительнаго Заключенія. Сознаніе, что это тюрьма, что мой сынъ заключенъ въ ней, дѣйствовало на меня удручающе, а полная неизвѣстность его вины заставляла предполагать самое худшее.

Не зная, что заключенные содержатся не въ первомъ дворѣ, я пристально всматривалась въ окна флигеля, надѣясь угадать гдѣ сынъ, но грубый окрикъ солдата «не останавливаться» заставилъ меня направиться къ двери, надъ которой видна была надпись: «Контора».

Контора была переполнена разношерстной публикой: были хо-рошо одѣтыя дамы, были и очень бѣдныя, на глазъ, старушки... прохаживались студенты, было много молодыхъ дѣвушекъ, но особо симпатичному виду которыхъ можно было угадать въ нихъ курсистокъ. Онѣ были здѣсь, какъ свои, и, видимо, знали мѣстные порядки. У нихъ были цвѣты въ рукахъ для передачи, были и узелки. Непривычная обстановка и душевная тревога такъ на меня подѣйствовали, что я со слезами опустила на ближайшую скамейку. Молодые дѣвушки тотчасъ окружили меня. Со всѣхъ сторонъ слышалось:

— Вѣрно впервые! Къ сыну? Какъ фамилія?—Я не въ силахъ была отвѣтить.

— Ничего, привыкнете, — грустно говорили мнѣ. — Не вы первая, не вы и послѣдняя. Много ихъ тутъ сидитъ.

Въ это время выкрикнули мой номеръ.

Я пошла за сторожемъ. Насъ было десять человѣкъ, самыхъ разнообразныхъ положеній. Позади насъ шелъ солдатъ. Сторожъ показалъ пропускъ у воротъ, загремѣли замки, застучали засовы. Я приготовилась, воображая, что сейчасъ увижу сына! Но войдя въ ворота, мы пошли далѣе. Новые запертыя ворота—и та же процедура: пропускъ и засовы. Наконецъ, насъ ввели въ зданіе, и въ это самое время мимо насъ прошли два жандарма съ саблями на-голо. Между ними въ срединѣ шелъ совѣтъ молоденькій студентикъ съ юношескимъ румянцемъ на лицѣ.

— Экій какой молоденькій!—съ сокрушеніемъ сказала около меня какая-то старушка и горестно перекрестилась. Мы всѣ вздохнули: у cadaго изъ насъ было заперто по такому же сыну. Даже сторожъ покачалъ головой.

— И чего такихъ запираютъ!—сердито сказалъ купецъ, но жандармъ строго на него оглянулся и наставительно произнесъ:

А зачѣмъ сопротивляются начальству?

Черезъ минуту вызвали мой номеръ, и я торопливо пошла за солдатомъ. Мы прошли два корридора. Въ концѣ, у стола сидѣлъ офицеръ, и стояла кучка солдатъ. У меня отобрали муфту и зонтикъ. Офицеръ подозрительно оглядѣлъ всю мою фигуру.

— Проводи,—коротко приказалъ онъ унтеру. Мнѣ отворили дверь налѣво и впустили въ мрачную, безъ солнца, шагавъ въ шесть, комнату. Она была пуста. Я съ недоумѣніемъ поглядѣла на жандарма.

— Сейчасъ придетъ,—коротко сказалъ онъ.

Дѣйствительно откуда-то сверху послышались шаги... ближе, ближе... Дверь отворилась, и я увидѣла сына. Боже! Съ какимъ мучительнымъ чувствомъ я обнимала его!

Ко всему привыкаешь! Привыкла я потомъ болѣе или менѣе и къ тюрьмѣ. Но это первое свиданіе съ стнатымъ у меня сыномъ оставило неизгладимое впечатлѣніе... Тюрьма владѣла имъ, и никто для меня не могъ раздвинуть ея стѣнъ! Времени для свиданія было мало. Торопясь передавала я сыну вѣсти съ воли, но когда заговорила по-французски, тотчасъ же послышалось: «по иностранному говорить не полагается». — Мы были не одни... Мнѣ еще въ конторѣ объявили, что нельзя ни о чемъ спрашивать, нельзя говорить о дѣлѣ, нельзя упоминать фамилій... И много, много еще разныхъ нелѣпныхъ «нельзя»...

Свиданіе пролетѣло, какъ мгновеніе. Глядя на сына, я съ тоской убѣждалась, что одиночное заключеніе уже оказало на него свое дѣйствіе: онъ былъ очень блѣденъ, и лицо его стало одутловатымъ. Со времени ареста, его ни разу не вызывали къ допросу, и я была первой живой душой, съ которой онъ могъ поговорить.

И потянулось время отъ свиданія до свиданія. Тогда еще было лучше, чѣмъ впослѣдствіи. Пріѣзжимъ родителямъ разрешались свиданія два раза въ недѣлю, по двадцать минутъ каждое. Позволялись передачи книгъ, папиросъ и съѣстнаго. Можно было писать и получать письма. Но сознаніе, что сынъ въ тюрьмѣ, отравляло жизнь.

Каждое свиданіе приносило тоскливое убѣжденіе, что организмъ сына поддается: руки его дрожали, лицо покрылось налетомъ. Я отправилась къ прокурору палаты и заявила ему о губительномъ дѣйствіи тюрьмы на здоровье сына. Онъ меня вѣжливо выслушалъ, но сказалъ, что выпустить сына не въ его власти, что дознаніе только въ началѣ, и на мой вопросъ, въ чемъ сынъ обвиняется, только пожалъ плечами и заявилъ, что объяснить этого не вправѣ.

Время шло—сына не выпускали. Уже два мѣсяца былъ онъ въ заключеніи. Между тѣмъ я была нужна дома: маленькія дѣти захворали, а мужъ, занятый службой, не могъ вовиться съ ними. Приходилось ѣхать, но жалко до отчаянія было оставить сына одного. Напрасно я обращалась съ вопросами къ прокурору, въ жандармское управленіе и въ охрану. Воздѣ старались отъ меня

отдѣлаться, увѣряя, что ничего не знаютъ. И только жандармскій генераль спросилъ:

— Да зачѣмъ вамъ нужно знать, когда?

Я объяснила свой отъѣздъ и учительную жалость оставит сына. Онъ грубо засмѣялся.

— Ну, сударыня,—сказалъ онъ,—если бы мы обращали вниманіе на печали родителей, то у насъ тюрьмы были бы пусты!

Съ тоской прощалась я съ сыномъ. Какъ онъ ни бодрился, но въ глазахъ его свѣтилась грусть: свиданія со мной были его единственной поддержкой! Обѣщавъ другъ другу писать, какъ можно чаще, мы разстались.

Наше отношеніе къ обществу и знакомымъ со времени ареста сына очень измѣнилось: испытавъ теперь настоящее горе мы инстинктивно стали сторониться людей съ чиновничьимъ кругозоромъ, и у насъ взаимно образовался небольшой, но очень тѣсный кружокъ единомышленниковъ. Мы же съ мужемъ, подвліяніемъ событій, стали тревожно присматриваться къ дѣйствіямъ администраціи и изъ людей мирныхъ, довольствовавшихся чиновничьимъ благополучіемъ, мало-по-малу обратились въ людей относящихся критически къ правительственному произволу. Факты нашей жизни сами собой на это насъ наталкивали.

Между тѣмъ завязалась переписка съ сыномъ. Но что можно было писать, зная, что каждое письмо прежде всего попадетъ въ руки жандармовъ? Эта мысль отравляла всякое желаніе приласкать сына, сказать ему гнѣзныя слова... Въдь прежде, чѣмъ прочтеть ихъ, онъ, прочтутъ синіе мундиры, и чувства матери станутъ предметомъ пошлой и подлой насмѣшки! Получаемыя отъ сына письма всѣ были перечеркнуты какимъ-то рыжимъ составомъ и внизу имѣлся штампель: «дозволено». И письма его были короткія, не договоренныя... Такимъ образомъ, самыя интимныя чувства были оскорблены грубымъ, беспощаднымъ произволомъ... И въ душѣ подымался глухой протестъ и росло озлобленіе.

Такъ прошло четыре мѣсяца... За это время мы узнали, что и у младшаго сына былъ обыскъ, и хотя онъ былъ на свободѣ, тѣмъ не менѣе это извѣстіе спокойствія намъ не прибавило. Нервы были въ постоянномъ напряженіи. Ложась спать, я представляла себѣ тюрьму, сырую коморку, шаги часовыхъ и звонъ замковъ. Что дѣлаетъ мой бѣдный сынъ? Спитъ ли? Ходить ли по камерѣ? Тоскуетъ?.. И я ворочалась безъ сна. Въ воспоминаніи моемъ осталась похудѣвшая фигура сына и его изможденное лицо, и чѣмъ дальше подвигалось время его одиночнаго заключенія, тѣмъ болѣе я беспокоилась о его здоровьи. И не напрасно. Къ концу пятаго мѣсяца я получила письмо, съ совѣтомъ хлопотать объ освобожденіи сына хоть на поруки, такъ какъ здоровье его сильно ухудшилось. Я тотчасъ же собралась въ дорогу и, пріѣхавъ въ Петербургъ, въ тотъ же день отправилась въ департаментъ полиціи, такъ какъ это былъ четвергъ—день приѣма у директора. Процедура приѣма въ департаментѣ была сложная, при

ходилось ждать нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ быть принятой. Народу въ приѣмной всегда было множество. Кого только тутъ не было! Высшіе сановники въ орденахъ и лентахъ, дамы, шумящія шелковыми платьями, и дамы скромныя; профессора, священники, студенты, писатели, курсистки—всѣ ждали терпѣливо лицезрѣнія директора.

Напрасно вылощенный секретарь старался фильтровать публику, увѣряя, что дѣло отъ директора не зависитъ, напрасно и начальникъ отдѣленія объявлялъ вызываемымъ лицамъ положенныя уже резолюціи—ничто не помогало; всѣ хотѣли видѣть самого директора, надѣясь черезъ него получить какое-нибудь облегченіе участи политиковъ. Не ушла и я, и въ семь часовъ вечера дождалась своей очереди.

Директоромъ департамента полиціи въ то время былъ Зволянскій. Изъ правовѣдцовъ, съ весьма любезными приѣмами, элегантною внѣшностію, онъ на первыхъ порахъ производилъ довольно хорошее впечатлѣніе, и только послѣ многократнаго опыта просители убѣждались, что всѣ любезности и ласковыя обѣщанія директора—своего рода мыльные пувыри, лопавшіеся тотчасъ же, какъ затворялась за просителемъ дверь.

Когда я вошла въ его кабинетъ, директоръ, увидя входящую даму, любезно поднялся мнѣ на встрѣчу, подвинулъ кресло, съ ласковымъ вниманіемъ выслушалъ, качалъ головой, всплескивалъ руками, говорилъ сострадательнымъ тономъ о несчастныхъ родителяхъ и о заблуждающихся дѣтяхъ, обѣщалъ завтра же, никакъ не позже, назначить освидѣтельствованіе сына и, если онъ боленъ, тотчасъ же освободить его и, расшаркавшись самымъ галантнымъ образомъ, проводилъ меня до самой двери. Я вышла съ ликованіемъ въ душѣ... Я забыла усталость, тревогу, горе... Мысль, что, быть можетъ, завтра, освободятъ сына, опьяняла меня! Я вернулась въ отель утѣшенной! И скажу теперь же: прошелъ еще четвергъ, и еще, и еще, и мѣсяць, и другой, прежде чѣмъ, послѣ величайшихъ мытарствъ и хлопотъ, удалось мнѣ вырвать сына изъ тюрьмы.

Впоследствии, когда мнѣ опять приходилось хлопотать въ департаментѣ полиціи по дѣламъ сыновей при директорѣ Лопухинѣ, я вынесла гораздо лучшее впечатлѣніе. Я не знаю, что вызвало его отставку, и правдивы-ли ходившіе о ней слухи. Могу утверждать только то, что испытала сама: Лопухинъ былъ совершенной противоположностію Зволянскому; принималъ очень холодно и серьезно, состраданія не выражалъ, ни въ какіе лишніе разговоры не входилъ и обѣщалъ очень мало; но то, что обѣщавалъ, исполнялъ скоро, и я нѣсколько разъ имѣла случай убѣждаться, что обѣщанная телеграмма дѣйствительно послана; что необходимая справка немедленно наведена и что вообще, что сказано, исполнено. И ужъ конечно такіе приемы были много симпатичнѣе любезныхъ манеръ господина Зволянскаго.

Скоро я выхлопотала себѣ разрѣшеніе свиданій съ сыномъ.

Боже мой, какъ скалось мое сердце, когда послѣ четырехъ-мѣсячной разлуки я увидѣла его... На улицѣ я бы его не узнала, такъ онъ измѣнился: худой, блѣдный, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ щекъ, согбенный...

— Голубчикъ мой! Да что же сдѣлалъ ты, что они такъ тебѣ мучать?—воскликнула я.

— О дѣлѣ говорить не дозволяется,—раздался безстрастный голосъ.

Скажу еще разъ: много разъ пришлось мнѣ еще выслушивать ласковыя обѣщанія Зволянскаго, много разъ пришлось терпѣться по приемнымъ охраны и жандармскаго управленія, по цѣлымъ часамъ ожидая минутнаго приѣма власти, съ неизмѣннымъ «завтра», прежде чѣмъ совершенно изможденный сынъ мой былъ освидѣтельствованъ и выпущенъ на поруки родителямъ под залогъ.

Въ ожиданіи этого рѣшенія, мнѣ въ то время, пришлось довольно долго пробыть въ Петербургѣ. Молодежь уже сильно волновалась, но волненія эти носили иной характеръ, чѣмъ теперь. До сихъ поръ происходили строго воспрещенныя, тайныя сходки, но не выходили еще на улицу. Но онѣ бывали очень многолюдны и отличались большой страстностью. Многочисленные аресты, тайная полиція, отравлявшая шпионами каждый шагъ подозрѣваемаго студента плохой университетскій уставъ, ретрограды, за малыми исключеніями, профессора, мертвенно-педантичный министръ народнаго просвѣщенія, массовыя высылки и исключенія безъ права постыженія въ другія заведенія—все соединилось вмѣстѣ, чтобы вызвать бурное негодованіе и протестъ учащейся молодежи. Поводомъ для недовольства слишкомъ бросались въ глаза, а строгія мѣры правительства привели къ совершенно противоположнымъ результатамъ: молодежь сплотилась, заколыхалась и вынесла свои протесты на улицу. Такимъ образомъ, въ тотъ годъ состоялось многолюдное собраніе студентовъ всѣхъ высшихъ заведеній передъ Казанскимъ соборомъ.

Въ день казанской исторіи у меня не было свиданія съ сыномъ, и я вышла пройтись. На Невскомъ, у Литейнаго, была масса бѣгущаго въ сторону Адмиралтейства народа. Я спросила у городского, въ чемъ дѣло?

— Студенты у Казанскаго бунтуютъ—спокойно отвѣтилъ онъ.

Я тотчасъ подумала о младшемъ сынѣ студентѣ и, взявъ въ возчика, поторопилась на Петербургскую сторону, гдѣ онъ жилъ съ женой и крошечнымъ ребенкомъ. По Невскому ѣзды не было, но по боковымъ улицамъ было спокойно, и только черезъ сквозныя улицы къ Невскому можно было видѣть, что тамъ собираются толпы народа.

Я не застала ни сына, ни невѣстки и, взявъ маленькую внучку на руки, съ тоской стала ждать ихъ возвращенія. Часы проходили, безпокойство мое росло. Я постоянно высылала вян

на улицу узнавать, что слышно, и всякій разъ, какъ она возвращалась, она приносила все худшія и худшія вѣсти:

— Студенты пошли въ Аничкову. Бьютъ ихъ—страсть! Много лошадыми потоптано! Говорять, мертвыхъ провезли.

Я сильно волновалась. Наконецъ, часовъ въ шесть, мои вернулись. Но, Боже мой, въ какомъ видѣ: у невѣстки распухла рука и было порвано пальто; сынъ получилъ ударъ въ голову! Они бросились защищать курсистку и, конечно, попали подъ нагайки казаковъ. Съ негодованіемъ передавали они подробности возмутительныхъ истязаній безоружной молодежи полиціей и казаками.

Мало-по-малу въ квартиру сына стали приходять товарищи, почти всѣ болѣе или менѣе потерпѣвшіе. Факты за фактами сыпались изъ ихъ устъ, глаза горѣли, губы дрожали, и не надо было быть пророкомъ, чтобъ, слушая ихъ пылкія, враждебныя правительству рѣчи, не предсказать, что сегодняшнее событіе—узелъ многихъ грядущихъ.

Наконецъ, старшаго сына моего выпустили. Уѣзжая съ нимъ изъ Петербурга, я тревожно прощалась съ младшимъ—ужъ очень онъ горячо относился къ текущимъ событіямъ. «Быть бѣдѣ», подумала я прощаясь съ нимъ. И я не обманулась. Не успѣла я вернуться домой съ старшимъ сыномъ и прожить не болѣе недѣли, какъ получила письмо отъ невѣстки, въ которомъ та извѣщала меня, что младшій сынъ также арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Мужественная женщина изо всѣхъ силъ старалась представить дѣло въ успокоительномъ тонѣ, но фактъ, что сынъ въ крѣпости, говорилъ самъ за себя. Между прочимъ она убѣждала меня не пріѣзжать въ Петербургъ, такъ какъ я все равно ничего помочь не могла, ибо даже ее, жену, на свиданія съ нимъ не пускали. Нечего и говорить, что извѣстіе объ этой новой бѣдѣ привело меня въ отчаяніе, но, изъ жалости къ мужу и къ издерганнымъ нервамъ старшаго сына, я скрыла отъ нихъ, что младшій въ крѣпости, сказавъ просто, что онъ арестованъ.

Настало тяжелое время. Крѣпость, разстроенное здоровье старшаго сына, нервность мужа—все дѣлало жизнь горестной. Къ тому же душа рвалась къ новому узнику; крѣпость вѣдь—погребеніе живо. Сынъ послѣ рассказывалъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости, онъ такъ привыкъ къ гробовой тишинѣ и безмолвію, что, когда его потомъ перевели въ Домъ Преварительнаго Заключенія въ одиночное заключеніе, куда доносились нѣкоторые звуки, какъ шаги, голоса и звонки конокъ, то этотъ ничтожный шумъ на первыхъ порахъ казался ему невыносимо громкимъ. Нарушавшіе гробовую тишину крѣпости куранты казались узникамъ погребальнымъ звономъ. И, конечно, это заключеніе не прошло безслѣдно для нервной системы моего младшаго сына... Къ какимъ результатамъ приводитъ одиночное заключеніе—я могла воочию убѣдиться на своемъ старшемъ сынѣ: изъ полного жизни, цвѣтущаго юноши онъ превратился въ живую

тѣнь, вздрагивалъ отъ малѣйшаго звука, не выносилъ разговора, избѣгалъ людей. Въ былое время онъ былъ очень энергиченъ и работоспособенъ... теперь же все валилось изъ рукъ его, и душевное состояніе его было самое угнетенное. Я понимала всю тяжесть его положенія: помимо только что вынесеннаго заключенія и настоящее не могло не угнетать его; работы по его специальности въ нашемъ городѣ достать было нельзя, о Горномъ нечего было и думать, такъ какъ вѣздъ въ столицу былъ ему воспрещенъ, слѣдовательно, онъ былъ обреченъ на бездѣятельность, что при его натурѣ было невыносимо. Хотя время и поправило его физическое состояніе, но нравственно онъ продолжалъ оставаться въ такомъ угнетенномъ состояніи духа, что на него тяжело было смотрѣть. Я обратилась къ докторамъ. Они нашли его нервную систему очень потрясенной и совѣтовали перемѣну климата и обстановки; особенно рекомендовали они какой-нибудь интересный трудъ на свѣжемъ воздухѣ. Я предложила сыну похлопотать о разрѣшеніи до окончанія приговора отправиться ему на Уральскіе заводы, гдѣ онъ уже лѣтомъ не разъ занимался, какъ горный инженеръ, практическими работами.

Дѣло о немъ велось административнымъ порядкомъ, ни на какой судъ надѣяться было нечего, а что придумаетъ для него охрана и жандармы, того и надо было ждать.

Мое предложеніе сыну поѣздки на Уралъ было имъ встрѣчено съ радостью. Онъ горячо ухватился за эту идею. Мы послали просьбу о разрѣшеніи. Я сильно надѣялась, что не откажутъ, такъ какъ Уралъ—та же Сибирь. Отвѣта ждали нетерпѣливо. Но прошло много времени прежде его полученія.

За это время младшій сынъ мой, отсидѣвъ пять мѣсяцевъ въ крѣпости и четыре въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, былъ до окончанія приговора административно высланъ на житье въ Вологду и получилъ разрѣшеніе пріѣхать на три дня, проститься съ родителями. Онъ тоже очень измѣнился, похудѣлъ, поблѣнѣлъ и сталъ гораздо нервнѣе. Но онъ былъ крѣпче старшаго, и возможность жить съ семьей сильно поддержала его. Старался онъ подбодрить и насъ съ мужемъ, увѣряя, что ожидаль худшаго.

Наконецъ, пришло разрѣшеніе и старшему отправиться до окончательнаго приговора на Уральскіе заводы. Мысль, что онъ будетъ работать, а стало быть будетъ и полезенъ, совершенно воскресила его, и онъ пылко сталъ собираться въ дорогу: купилъ книгъ, приобрѣлъ скринку и, сопровождаемый горячими пожеланіями родныхъ и друзей, радостный и оживленный, увѣхалъ. пообѣщавъ прислать изъ Москвы телеграмму. Какъ ни тяжела была для насъ съ мужемъ разлука съ нимъ, но, видя его бодрое настроеніе, мы уже не смѣли печалиться и старались ждать извѣстій отъ него. Однако ихъ не было. Прошло уже нѣсколько дней,—а ни телеграммы, ни письма. По нашимъ расчетамъ онъ давно уже долженъ былъ выѣхать изъ Москвы, почему же онъ молчалъ? Мы подождали еще—то же зловѣщее молчаніе. Тогда

мы запросили друзей нашихъ въ Москвѣ телеграммой, проѣхалъ ли сынъ нашъ, и что съ нимъ?

И каковъ же былъ нашъ ужасъ, наше отчаяніе, когда въ отвѣтъ мы получили сообщеніе, что сынъ въ Москвѣ, но немедленно по прибытіи арестованъ и опять заключенъ въ тюрьму!

Это было невѣроятно! За что арестованъ? Девять мѣсяцевъ прожилъ онъ съ нами, почти не выходя изъ дому, видя только ближайшихъ друзей нашихъ. Въ его дѣйствіяхъ не было рѣшительно ничего подозрительнаго, а мы знали каждый его шагъ... Голова шла кругомъ отъ предположеній! Мы вспоминали съ какой вѣрой, съ какой радостью онъ уѣзжалъ!... Негодование душило насъ... Но медлить было нельзя, надо было такъ или иначе помочь ему: при его нервности опять тюрьма могла со-всѣмъ погубить его.

Наладивъ кое-какъ домашнія дѣла и поручивъ убитаго горемъ мужа друзьямъ, я выѣхала въ Москву.

Я пріѣхала въ нее вечеромъ. Но отчаяніе мое было такъ велико, что я не въ состояніи была ждать утра и рѣшилась дѣйствовать немедленно.

Тогдашній прокуроръ судебной палаты Клуценъ былъ мнѣ знакомъ издавна... Поэтому, переодѣвшись съ дороги, несмотря на девятый часъ вечера, я отправилась къ нему на квартиру и черезъ дежурнаго внизу курьера передала свою карточку. Меня тотчасъ-же попросили наверхъ, и прокуроръ весело и любезно вышелъ ко мнѣ на встрѣчу.

Онъ встрѣтилъ меня, какъ старую знакомую и, несмотря на отсутствіе жены, просилъ непременно остаться. Посыпались обычные вопросы: «Давно-ли пріѣхала? Какъ здоровье мужа? Что дѣти?» Пока онъ меня усаживалъ, я молчала, меня душили слезы. Онъ взглянулъ на меня пристальнѣе и ужаснулся: «Что съ вами? Ради Бога, что съ вами?»

Но когда я объяснила, зачѣмъ пріѣхала, когда онъ узналъ о томъ, что сынъ мой политическій заключенный, лицо его измѣнилось, тонъ сталъ суше, и въ концѣ концовъ онъ перешелъ на совершенно официальную почву и объяснилъ, что объ арестѣ сына ему ничего не извѣстно, и что сдѣлать что-либо онъ для меня не можетъ, такъ какъ это—дѣло жандармскаго управленія...

Я не скажу, что этотъ прокуроръ былъ дурнымъ человекомъ... Нѣтъ, онъ былъ просто чиновникъ! Пока онъ думалъ, что я пріѣхала къ нему, какъ свѣтская знакомая, у него нашились для меня и улыбки, и привѣты. Но какъ мать политическаго заключеннаго, я являлась для него личностью, неудобной для знакомства. Мундиръ чиновника—это совсѣмъ особенная, тѣсная оболочка, подъ которой сердце принимаетъ минимальные размѣры. И не разъ потомъ мнѣ пришлось видѣть такія метаморфозы среди добрыхъ знакомыхъ чиновничьяго круга.

Къ тому же, то были времена Плеве. Мягкосердіе для чиновника было преступленіемъ! Тѣмъ не менѣе прокуроръ «сдѣлалъ,

*

что могъ»: онъ вынулъ свою визитную карточку и, сдѣлавъ на ней надпись, посовѣтовалъ отправиться съ ней къ начальнику жандармскаго управленія, который могъ мнѣ объяснить, за что сынъ арестованъ, и могъ разрѣшить свиданіе.

Я была рада и этому. Провожая меня совѣмъ иначе, чѣмъ встрѣтилъ, прокуроръ заявилъ мнѣ, что если-бъ случилась въ немъ надобность, то онъ принимаетъ въ судебной палатѣ въ такой-то день и въ такой-то часъ. Я, конечно, поняла: личное наше знакомство, какъ несоответственное, прекращалось...

Я не спала всю ночь.

Въ десять часовъ утра я уже входила по лѣстницѣ московскаго жандармскаго управленія. Я ли не была знакома съ обычаями и приемами жандармовъ? Мало ли я перенесла униженій, суровыхъ отказовъ и полнаго равнодушія къ своему горю? Казалось, что бы могло меня удивить? И тѣмъ не менѣе порядки московскихъ жандармовъ, ихъ безсердечіе, ихъ глумленіе надъ человѣческими страданіями оказались таковы, что, по сравненію съ ними, петербургскіе жандармы стали казаться мнѣ прямо таки ангелами. а петербургскіе порядки—идеаломъ снисхожденія и мягкости. До сихъ поръ безъ содроганія не могу вспомнить того, что пережила я въ Москвѣ, за время заключенія сына.

Прежде всего поражало то, что въ управленіи не было для просителей отдѣльной приемной. Посѣтителі толклись въ маленькой, полутемной прихожей, вмѣстѣ съ жандармскими унтеръ-офицерами. Тутъ приходилось проводить положительно часы въ ожиданіи, пока выйдетъ нужный офицеръ. А во время этого томительнаго ожиданія, изъ сосѣднихъ комнатъ, гдѣ находились господа офицеры, доносился голосъ ожидаемаго, рассказывавшаго о вчерашнемъ времяпровожденіи, очень неторопливо. Иногда ожидаемый офицеръ, съ папиросою въ зубахъ, проходилъ изъ одной комнаты въ другую черезъ переднюю, мимо ожидавшаго просителя и, скользя по немъ взглядомъ и нагло усмѣхнувшись, скрывался за дверь. Господа офицеры, видимо, наслаждались возможностью мучить и терзать людей. Если случалось, сунувъ унтеру въ руку полтинникъ, упросить его напомнить офицеру, что ждешь его больше часу, въ отвѣтъ изъ сосѣдней комнаты раздавался намѣренно громкій возгласъ: «пусть ждетъ!» и одобрительный смѣхъ товарищей.

Иногда, послѣ томительнаго ожиданія, приходилось увидѣть нужнаго офицера, входящаго въ переднюю, быстро надѣвающаго пальто и хлопающаго дверь, послѣ чего подходилъ унтеръ-офицеръ и твердо говорилъ:

— Поручикъ ушли—пожалуйте завтра!

А завтра приходилось ждать опять. Избѣжать это учрежденіе не было никакой возможности: всѣ передачи денегъ, вещей, книгъ, писемъ, всѣ разрѣшенія свиданій, т. е. рѣшительно все, относящееся къ заключеннымъ надо было дѣлать черезъ жандармское управленіе. Оно было неизбѣжно!

Въ первое же посѣщеніе этого учрежденія, я наткнулась на очень тяжелую сцену: по передней,—изъ угла въ уголъ, ходила не молодая, хорошо одѣтая женщина. Я никогда не забуду того выраженія скорби, которое читалось въ ея большихъ глазахъ. Она не плакала, но по мѣрѣ того, какъ проходило время, лицо ея становилось все блѣднѣе.

Наконецъ, вошелъ ротмистръ и, не глядя на нее, сунулъ въ руку унтеръ-офицера какую-то бумагу.

— Передай,—онъ назвалъ фамилію (безъ прибавленія господжѣ)— что ей въ свиданіи отказано!— Очевидно, это касалось этой несчастной дамы, потому что она остановилась, какъ вкопанная.

— Какъ! опять отказано?— закричала она.— Господинъ ротмистръ! Именемъ Бога!

— Нельзя-съ,—злорадно усмѣхаясь, отвѣтилъ ротмистръ и съ торжествующимъ видомъ ушелъ въ сосѣднюю комнату.

— Такъ будьте же вы прокляты, всѣ прокляты, прокляты!— во весь голосъ закричала посѣтельница. Изъ всѣхъ дверей появились офицерскія фигуры:

— Это что? Это что такое?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да, прокляты, прокляты, прокляты!—въ изступленіи кричала женщина, доведенная до потери разсудка.— Берите меня арестуйте, надѣньте кандалы, но не разлучайте съ нимъ! Я должна быть съ нимъ... Я должна его видѣть... Слышите, проклятые? Пустите меня къ нему! Куда вы его запрятали? Гдѣ онъ? О, если бы ножъ, я бы убила васъ, проклятые!—Она металась, какъ изступленная, но въ крикѣ было нѣчто до того хватавшее за сердце, было такое нечеловѣческое страданіе, что даже жандармы не рѣшились ее схватить и арестовать, а ограничились тѣмъ, что попрятались кто куда и только изъ-за двери послышался голосъ:

— Это сумасшедшая! Оставьте, господа, не стойте! Семеновъ! Выведи ее вонъ!

И ужъ на что безстрастный Семеновъ, и, у того сердце, видимо, дрогнуло и проняла эта безграничная скорбь, потому что онъ, подойдя къ ней и взявъ ее за локоть почти нѣжно сказалъ:

— Пожалуйте! Не тревожьтесь такъ! Что хорошаго? И впрямь вѣдь арестуютъ!

Мы тоже, всѣ здѣсь находившіеся просители, бросились ее уговаривать. Ни на кого не глядя, она дрожащими руками завязала на шеѣ косынку и, едва дыша отъ волненія, молча вышла. Я видѣла черезъ окно, какъ Семеновъ бережно ее свелъ съ лѣстницы.

Эта сцена потрясла мои нервы. Я почувствовала себя еще болѣе несчастной. Но нечего было дѣлать—надо было дѣйствовать. Я вынула карточку прокурора. Подъ его фамиліей было приписано: «покорнѣйше просить оказать содѣйствіе г-жѣ такой-то». Вернувшемуся Семенову я передала эту карточку съ просьбой передать ее генералу. Онъ вернулся не скоро.

— Что-же?—спросила я.

Онъ неопредѣленно мотнулъ головой и сталъ равнодушно смотрѣть въ окно. Время шло, генераль не подавалъ признаковъ жизни. Я сунула въ руку Семенова полтинникъ. Онъ молча отстиль его въ карманъ и куда-то отправился. Вернувшись, онъ мотнулъ головой и опять сталъ смотрѣть въ окно. Меня раздражало нетерпѣніе. Вѣдь я вообразила, что нѣтъ ничего проще какъ выйти ко мнѣ, объяснить дѣло сына и пустить меня к нему на свиданіе!

Я опять подошла къ Семенову:

— Что же генераль?

Семеновъ посмотрѣлъ на меня съ снисходительнымъ сожалѣніемъ:

— Вотъ еще, генераль!—протянулъ онъ и рѣшительно двинулся виль:—Поручикъ выйдетъ.

— Но мнѣ надо видѣть генерала!

Семеновъ мотнулъ головой сверху внизъ и отвернулся отъ меня и сѣла. Съ каждой минутой я все болѣе падала духомъ.

Наконецъ, послѣ ожиданія, показавшагося мнѣ вѣчностью, передней появился какой-то офицеръ, съ моей карточкой въ рукахъ. Онъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Вы такая-то?—спросилъ онъ, тоже не прибавляя ничего фамиліи.

— Да, я.

— Что вамъ нужно?

— Мнѣ нужно видѣть генерала!

— Зачѣмъ?

— По дѣлу сына.

— Вы можете объяснить мнѣ.

— Нѣтъ,—сказала я твердо.—Прокуроръ далъ мнѣ карточку генералу, а не къ вамъ. И я именно генерала хочу видѣть!

Офицеръ поглядѣлъ на меня сверху внизъ, пожалъ плечами и ушелъ.

Опять потянулось время. Я встала и заглянула въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣли офицеры. Увидя меня, они переглянулись и одинъ изъ нихъ громко крикнулъ:

— Семеновъ! Ты чего смотришь?

Семеновъ направился ко мнѣ.

— Сидите смирно,—внушительно сказалъ онъ. Немного погодя вышелъ другой офицеръ:

— Вы непременно хотите видѣть генерала?

— Да, хочу!

— Но вы можете мнѣ сказать все, что вамъ нужно.

— Нѣтъ, я хочу видѣть генерала.

Потомъ-то я поняла, насколько мое желаніе было бесполезно и нелѣпно. Но я воображала, что карточка прокурора пала подѣйствуетъ, что генераль меня выслушаетъ; вообще изъ того что я видѣла и слышала въ передней, я вынесла впечатлѣніе,

что надо просить кого-нибудь другого, а не этихъ безчувственныхъ офицеровъ.

Спустя еще полчаса, въ дверяхъ, наконецъ, показался третій офицеръ.

— Пожалуйте!—сказаль онъ.

Обрадованная, я бросилась къ двери. Онъ быстро загородилъ ее.

— Не торопитесь! Слѣдуйте за мной!

Мы прошли двѣ комнаты. Въ третьей, у противоположной двери стоялъ сѣдой, съ густыми бровями генераль и держаль въ рукахъ мою карточку. То былъ генераль Шраммъ. Его окружали офицеры, какъ бы охраная. Мой провожатый остановилъ меня на порогѣ входной двери, такъ что между мной и генераломъ была цѣлая комната.

— Говорите отсюда!—сказаль офицеръ, смотря на меня въ упоръ и слѣдя за каждымъ моимъ движеніемъ.

Только послѣ, вспоминая эту дикую обстановку, я сообразила, что во мнѣ видѣли опасную женщину... Входя сюда, я надѣялась рассказать исторію сына и выяснить всю жестокость его ареста. Но обстановка была такова, что я была совершенно уничтожена. Генераль тоже оглядѣль меня съ головы до ногъ.

— Что вамъ нужно?—сурово спросилъ онъ.

— Вы арестовали моего сына, вы держите его въ тюрьмѣ, и вамъ, родителямъ, совершенно неизвѣстно, за что,—заторопилась я. Онъ тотчасъ же прерваль меня.

— Да, арестовали! Да, держимъ въ тюрьмѣ! А родителямъ мы и не обязаны объяснять, за что.

— Но мой сынъ не могъ совершить государственнаго преступления въ дорогѣ. Онъ жилъ у насъ девять мѣсяцевъ, мы знали каждый его шагъ, и вдругъ, когда ему разрѣшено ѣхать на Уралъ, вы здѣсь, въ Москвѣ, перехватываете его и арестуете! За что?

— Повторяю вамъ, сударыня, я не намѣренъ объяснять за что! Арестовали—значитъ такъ нужно было.

— Но вѣдь это незаконно!—сказала я. Онъ только усмѣхнулся.

— Не вамъ объ этомъ судить. Имѣю честь кланяться.

— Но разрѣшите же мнѣ хоть свиданіе!—закричала я.

— Поручикъ Орчинскій, поговорите съ этой госпожей!—И... только я и видѣла генерала.

Участь моего сына оказалась въ рукахъ двухъ жандармскихъ поручиковъ. Одинъ изъ нихъ носилъ совершенно неподходящую для своего ремесла фамилію Анжело. Я должна сказать правду, о немъ у меня не осталось дурного воспоминанія. Онъ былъ еще очень молодъ, жандармскій мундиръ надѣль недавно и еще сохраниль въ себѣ кое-что человѣческое, разумѣется, въ предѣлахъ служебнаго долга. Въ немъ была мягкость, не та фальшивая, извѣстная каждому побывавшему въ жандармскихъ рукахъ, а настоящая житейская. Его товарищъ Орчинскій былъ жандармъ

съ ногъ до головы, въ самомъ противномъ значеніи этого слова; жан-дармъ по призванію, обладавшій истиннымъ талантомъ доводить людей до отчаянія, до безнадежности. Впрочемъ, я говорю только за себя; каковъ онъ былъ съ другими, я не знаю; но возненавидѣлъ-ли онъ почему-либо особенно меня, или ненавидѣлъ за что-либо сына, я не могу рѣшить; знаю только, что для насъ обоихъ онъ былъ истиннымъ палачемъ.

Мнѣ въ жизни какъ-то случилось увидѣть выраженіе глазъ кошки, когда она играла съ пойманной мышью: оно было такъ злорадно, что съ тѣхъ поръ мнѣ противны кошки. Такое выраженіе глазъ было у поручика Орчинскаго.

Обыкновенно, прежде чѣмъ онъ подумаетъ допустить меня до разговора съ нимъ, мнѣ приходилось сидѣть въ передней не менѣе часа. Затѣмъ меня звали въ комнату, гдѣ онъ ждалъ меня за столомъ. Тутъ же стоялъ, можетъ быть, нарочно поставленный стулъ, на который онъ никогда не приглашалъ меня сѣсть, какъ бы длиненъ ни былъ нашъ разговоръ. Самъ же онъ сидѣлъ, закинувъ ногу за ногу, откинувшись на спинку кресла и съ злораднымъ выраженіемъ глазъ всегда отказывалъ мнѣ, хотя бы въ самой невинной просьбѣ. Тогда я всегда вспоминала гнусную кошку. Предлоги для отказовъ у него были безчисленны. Надо знать, что я жила и проживалась въ Москвѣ единственно ради сына, чтобы понять, какое значеніе имѣли для меня, свиданія съ нимъ!..

Поручикъ Орчинскій, всегда утверждалъ, что по закону онъ обязанъ давать мнѣ свиданія—разъ въ десять дней, хотя я знала навѣрное, что какъ пріѣзжая я имѣла право видѣть сына два раза въ недѣлю. Но кому было жаловаться? Не генералу-же! Я понимала, что это бесполезно. Къ тому же у Орчинскаго всегда были наготовѣ десятки явно выдуманыхъ предлоговъ: то не хватало офицеровъ, то бѣдили зданіе, то боялись эпидеміи, то ожидали посѣщенія какого-то сановника, и такъ безъ конца.

— Но вѣдь я пріѣзжая!—говорила я.

— А мнѣ какое дѣло?—отвѣчалъ онъ.

— Мой сынъ нездоровъ!—пробовала я его тронуть.

— Вылѣчатъ!—былъ лаконическій отвѣтъ.

— Но я бы хотѣла навѣстить его!—настаивала я.

— Свиданіе съ нѣжной маменькой можетъ повредить его здоровью!—съ злораднымъ смѣхомъ говорилъ синій мундиръ.

Одинъ разъ, доведенная до отчаянія, я сказала ему, глядя на него въ упоръ, внѣ себя отъ негодованія:

— Поручикъ, у васъ, вѣрно, никогда не было матери!

— Не помню-съ!—лаконично отвѣтилъ онъ.

И всѣ эти издѣвательства были такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего! Я его раньше не знала и послѣ, къ счастью, не встрѣчала.

Онъ также меня совсѣмъ не зналъ. Была-ли то профессиональ-

ная злоба? Была-ли месть сыну за упорное молчаніе на вопросахъ? Не знаю. Но я жестоко страдала отъ такого обращенія.

На своего товарища Анжело онъ имѣлъ огромное вліяніе. Тотъ былъ еще неопытенъ и, видимо, ему подчинялся. Однако не разъ случалось, что послѣ отказа Орчинскаго мнѣ въ свиданіи съ сыномъ, въ переднюю выходилъ Анжело и тихо говорилъ: «пріѣзжайте въ семь часовъ—я тамъ буду и допущу!» Или бралъ принесенныя сыну книги и говорилъ:—«Пересмотрю сегодня, завтра онъ получитъ!»

А черезъ Орчинскаго книги доходили черезъ десять дней. Понятно, что я чувствовала къ Анжело живую благодарность.

Къ сыну тоже онъ относился корректно: присутствуя при свиданіяхъ, подавалъ ему руку, бралъ газету для чтенія, не слушая будто бы нашего разговора, вмѣсто двадцати минутъ—сидѣлъ часъ.

Если можно имѣть доброе чувство къ жандарму, я его сохранила къ поручику Анжело. Да и сынъ мой, когда былъ выпущенъ на свободу, счелъ возможнымъ пожать руку только ему.

Но такимъ, однако, онъ былъ только тогда, когда его не видѣлъ Орчинскій; при немъ же онъ не смѣлъ выказывать человѣческія чувства. Я очень хорошо запомнила разговоръ между ними, услышанный мною во время обычнаго ожиданія въ передней. Оба были въ сосѣдней комнатѣ; была упомянута моя фамилія; я прислушалась.

— Какъ ни какъ—мать!—сказалъ Анжело.

— Фю-фю-фю!—засвисталъ Орчинскій—мало тутъ матерей шляется!

— Бросила семью, живетъ одна-одинешенька для сына, никого здѣсь у нея знакомыхъ!—все еще соболѣзновалъ первый.

— Ну ты развѣжился!—заоралъ второй.—Небось такое-же отродье, какъ и сынъ! Обыскать бы ее, какъ слѣдуетъ, пошарить—такъ я увѣренъ, что тоже можно бы подъ замокъ посадить. Глупъ ты еще, я вижу!

И Анжело въ этотъ день отказалъ мнѣ въ свиданіи.

Сына въ этотъ разъ я нашла не въ тюрьмѣ—тюрьмы всѣ были переполнены. Царство Плеве сказывалось во всемъ: хватили направо и налево, цѣлыми партіями отправляли въ Сибирь, и никакого снисхожденія къ малѣйшему проявленію свободомыслія не было. Сынъ былъ помѣщенъ въ Срѣтенской части. Когда я, въ первый разъ пріѣхавъ на свиданіе, вѣхала во дворъ части, я прямо противъ воротъ въ окнѣ за рѣшеткой увидѣла его голову. У меня немного отлегло отъ сердца. Былъ июнь мѣсяцъ, окно было открыто, и онъ могъ видѣть происходящее во дворѣ. Правда, хорошаго видѣть не приходилось: привозили пьяныхъ десятками, да усердно колотили ихъ. Но все же это была не настоящая тюрьма. Какъ онъ мнѣ обрадовался, увидѣвъ меня изъ окна! Какъ замахалъ платкомъ! Сердце мое тре-

петало: опять взаперти! Но когда его привели въ приемную, могла свободно его обнять. Однако, едва я спросила, за что онъ опять арестованъ, какъ изъ-за газеты раздался голосъ Анжелъ «По дѣлу говорить не полагается!» Сынъ, только пожалъ плечами.

Какъ бы то ни было, положеніе сына относительно, конечно было сносно. По крайней мѣрѣ онъ не задыхался: окна были открыты, и заключенные могли переговариваться, а и это утѣшало много для узниковъ. Съ своей стороны я дѣлала, что могла, чтобы облегчить сыну жизнь: снабжала его книгами, хорошей пищей, цвѣтами... Но добиться, за что онъ былъ арестованъ, было невозможно. На всѣ мои вопросы господъ жандармовъ отвечали такъ, чтобы можно было предположить самое худшее. Но знала хорошо, что преступленія со стороны сына быть не могли. Знала я и повадку жандармовъ преувеличивать во много разъ вину политиковъ.

Время быстро летѣло отъ свиданія къ свиданію, и подошелъ августъ. Мои младшія дѣти учились въ гимназіи, и наступающее учебное время требовало настоятельно моего присутствія дома, пока не наладятся ихъ уроки. Что было дѣлать? Безконечно жаль оставить сына одного въ Москвѣ, гдѣ у него не было души близкой, невозможно было также не позаботиться о младшихъ. Я рѣшилась добиться узнать хоть приблизительный срокъ освобожденія сына, чтобы, устроивъ все дома, вернуться къ этому времени. Мнѣ пришлось говорить объ этомъ съ Орчинскимъ. Узнавъ, что мнѣ необходимо ѣхать, онъ какъ-то оживился, и въ глазахъ его мелькнуло странное выраженіе. Онъ вдругъ сталъ вѣжливъ и словоохотливъ:

— Конечно, конечно поѣзжайте!—совѣтовалъ онъ.—Надо еще навести справки, получить отвѣты, вѣроятно, мы черезъ мѣсяцъ отпустимъ вашего сына продолжать путь на Уралъ!

Я была рада и этой надеждѣ. Могла-ли я подозревать, что мнѣ готовили западню?

Но прежде, чѣмъ ѣхать домой, я ранѣе проѣхала въ Петербургъ, надѣясь сдѣлать тамъ что-нибудь для него. Директоръ Лопухинъ меня тотчасъ же принялъ, но къ моему изумленію оказалось, что онъ ничего не зналъ о задержкѣ сына въ Москвѣ. Онъ отнесся къ этому серьезно, обѣщалъ немедленно узнать, чѣмъ дѣло, и сказалъ мнѣ на прощанье:

— Я думаю, что тутъ какое-то недоразумѣніе, иначе у насъ департаментъ было бы что-нибудь извѣстно!

— Хорошо недоразумѣніе!—не удержалась я.—Изъ-за недоразумѣнія держать человѣка уже три мѣсяца взаперти!

Лопухинъ сконфузился немного и сказалъ, что если это такъ окажется, то онъ допустить сына вернуться въ Петербургъ для сдачи экзаменъ въ Горномъ институтѣ, прежде исполненія приговора.

Окрыленная этой надеждой, вернувшись домой, я нѣсколько

успокоила встревоженного мужа этимъ обѣщаніемъ. Значить, дѣло было не такъ плохо, и нашимъ тревогамъ могъ настать скорый оконецъ. Не тутъ-то было! Пока я устраивала младшихъ дѣтей, отъ сына получались письма, но что-то ужъ очень короткія: онъ писалъ только, что здоровъ и ни въ чемъ не нуждается. Краткость эта меня тревожила: обыкновенно онъ писалъ обстоятельно. Поэтому, наладивъ кое-какъ учебную часть младшихъ, въ началѣ сентября я поспѣшила опять въ Москву, тотчасъ же отправилась въ жандармское управленіе и вызвала Орчинскаго. Послѣ обычныхъ пріемовъ ожиданія, онъ, наконецъ, вышелъ ко мнѣ. Лице его имѣло злорадное выраженіе, и онъ иронически улыбался.

— Опять пожаловали?—усмѣхнулся онъ и на мой вопросъ объ освобожденіи сына беззаботно прибавилъ:

— Да не скоро! мѣсяца черезъ три!

— Какъ?—спросила я.—Вы же сами обѣщали освободить сына въ сентябрѣ?

— Мало-ли что я обѣщаль! Открылись новыя обстоятельства... Пришлось перевести вашего сына въ тюрьму,—и глаза его приняли кошачье выраженіе.

— Какъ въ тюрьму? Опять? Въ одиночное заключеніе?—закричала я.

— Да-съ, въ одиночное заключеніе!—былъ отвѣтъ. Я едва удержалась на ногахъ... Но я не хотѣла дать ему наслаждаться мимъ отчаяніемъ. Я поборола себя и сказала:

— Потрудитесь дать мнѣ свиданіе съ сыномъ!

— Но это ужасно далеко!—сказалъ поручикъ Орчинскій съ видимою насмѣшкой.—Это у Бутырской заставы—долго ѣхать!

Я видѣла, что онъ издѣвается.

— Я прошу свиданія съ сыномъ на законномъ основаніи, какъ мать и какъ пріѣзжая. Я желаю видѣть сына!

Онъ щелкнулъ шпорами.

— Завтра, въ два часа!

Нечего и говорить, что въ тюрьму я пріѣхала своевременно. Меня встрѣтилъ Анжело. Онъ почему-то былъ смущенъ, но, взволнованная предстоящимъ свиданіемъ, я не обратила на это вниманія. Скоро, однако, я поняла причину этого смущенія, когда онъ привелъ меня въ какую-то коморку, въ которой, за двумя частыми, какъ рѣшето, рѣшетками, я едва могла различить какую-то человѣческую фигуру. И только хорошо присмотрѣвшись, я съ ужасомъ и отчаяніемъ убѣдилась, что это мой сынъ! Да! За двумя рѣшетками, какъ звѣрь, худой, какъ скелетъ, смертельно блѣдный, съ глубоко впавшими глазами, тяжело дышавшій, онъ не имѣлъ силы даже обрадоваться мнѣ. Тихо, апатично сказалъ онъ:

— Ты опять пріѣхала!

— Но что же это? Ты боленъ? Ты едва стоишь!—спросила я его.

— Они лишили меня свѣта!—послышался прерывистый голосъ:— Я все могъ перенести, но не это! Я—въ могилѣ!

Я обернулась къ стоявшему около меня Анжело.

— Это злодѣйство!—внѣ себя сказала я.—И вы допустили? Вы могли? — Онъ молчалъ. Я обернулась къ сыну.— Мужайся!— твердо сказала я,—я вырву тебя отсюда. Прекратите свиданіе!— обратилась я къ Анжело, чувствуя, что сейчасъ упаду...

Какъ безумная, ѣхала я назадъ. Я знала одно, что къ жандармамъ болѣе не вернусь; всякое обращеніе къ нимъ было глупо и бокомъ униженіемъ. Теперь я поняла желаніе Орчинскаго въпроводить меня изъ Москвы...

И, какъ послѣ оказалось, на другой же день послѣ моего отъѣзда, сынъ мой былъ переведенъ въ тюрьму и лишенъ свѣта. Эта пытка была придумана для того, чтобы заставить его говорить на допросахъ. Впослѣдствіи сынъ рассказывалъ мнѣ, что въ его камеру не доносилось ни единого звука, не было слышно даже шаговъ часовыхъ. Въ окнѣ же, съ наружной стороны, были вставлены щиты такимъ образомъ, чтобы не было видно даже неба. Въ комнатѣ былъ вѣчный полумракъ, нельзя было читать, нельзя было различать ясно маленькіе предметы. И онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у щита, въ которомъ была крошечная дырочка. Черезъ эту дырочку что-то будто блестяло вдали, и онъ, не отрываясь, глядѣлъ въ нее.

Когда я впослѣдствіи жаловалась, то виноватыхъ не оказалось: жандармы ссылались на тюремное управленіе, это—на охрану, охрана на прокурорскій надзоръ, прокурорскій надзоръ—на департаментъ полиціи, департаментъ возвращался къ жандармскому управленію.

Изъ тюрьмы я прямо отправилась къ прокурору палаты. Въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ я заявила протестъ противъ примѣненной къ сыну пытки. Я предупредила прокурора, что не останусь ни передъ чѣмъ, если мнѣ, наконецъ, не объявятъ, за что истязаютъ сына, что нынче же ночью я выѣду въ Петербургъ, гдѣ буду хлопотать объ освобожденіи сына на мою поруку. Я твердо рѣшилась добиться истины.

— Если-бъ сынъ мой былъ царубійцей,—сказала я—то и тогда не могли обращаться съ нимъ хуже... Между тѣмъ директоръ департамента полиціи, очевидно, не считаетъ его столь важнымъ государственнымъ преступникомъ, если счелъ возможнымъ обѣщать мнѣ допустить его, по освобожденіи, вернуться въ Петербургъ для сдачи экзаменовъ. Какъ согласить, что въ Петербургѣ считаютъ возможнымъ оказать снисхожденіе; а въ Москвѣ предають истязаніямъ?

Послѣ оказалось, что директоръ департамента исполнилъ свое обѣщаніе и навелъ справки, но жандармское управленіе послало такое донесеніе объ открытіи якобы новаго заговора, съ участіемъ сына, что Лопухину ничего не оставалось, какъ вѣрить.

Мой отчаянный протестъ подѣйствовалъ. Прокуроръ потребовалъ къ себѣ товарища прокурора по политическимъ дѣламъ

Добрынина, и они долго говорили между собой въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ, товарищъ прокурора вышелъ ко мнѣ:

— Вы увѣрены въ томъ, что сынъ вашъ лишенъ свѣта?—спросилъ онъ.

— Я прямо отъ него—заявила я.—Онъ близокъ къ помѣшательству, и если вы ничего сегодня не предпримете, я ночью ѣду въ Петербургъ.

Товарищъ прокурора успокаивалъ меня обѣщаніемъ сейчасъ же поѣхать въ тюрьму и произвести разслѣдованіе и предлагалъ подождать съ поѣздкой хоть до завтра, когда онъ объяснится съ жандармскимъ генераломъ. Я была сильно взволнована и не знала, на что рѣшиться. И онъ, и прокуроръ однако уговорили меня поѣхать домой и отдохнуть и взяли мой адресъ, съ обѣщаніемъ извѣстить меня завтра же о результатѣ.

На другой день утромъ, едва я успѣла встать, какъ мнѣ дали знать въ отель по телефону, что прокуроръ палаты проситъ меня пріѣхать въ часъ дня въ жандармское управленіе.

Какъ ни ненавистно было оно мнѣ, дѣлать было нечего; приходилось отправиться.

Меня встрѣтилъ очень любившій мои полтинники Семеновъ.

— Сыновъ вашъ здѣсь!—прошепталъ онъ мнѣ. Не успѣла я опомниться отъ этой ошеломляющей вѣсти, какъ ко мнѣ вышелъ вечерашній товарищъ прокурора Добрынинъ.

— Ну—сказалъ онъ мнѣ съ радостнымъ лицомъ.—Вамъ удивительно повезло. Сегодня ночью были получены важные отвѣты, которыхъ давно ждали по дѣлу вашего сына, благодаря которымъ является возможность освободить его!

Я не вѣрила своимъ ушамъ! Вчера еще—пытка, сегодня—освобожденіе! Я понимала, конечно, что слова прокурора—неправда: никакихъ отвѣтовъ не получено; просто они увидѣли, что зашли слишкомъ далеко, что молчать я не буду, и, чтобы закрыть мнѣ ротъ, освободили сына! Я могла бы спросить, почему же ранѣе полученія этихъ таинственныхъ отвѣтовъ была примѣнена пытка, почему его держали въ сырой и темной камерѣ, почему лишили даже книгъ. Но мысль, что сынъ будетъ свободенъ, заслоняла все. Только бы отпустили его.

Ко мнѣ позвали сына: какъ онъ былъ худъ, блѣденъ, слабъ! Но на губахъ его блуждала теперь улыбка, и онъ протянулъ мнѣ руки...

Однако предстояло еще ѣхать въ охранное отдѣленіе, для полученія отпускного билета. Я боялась отойти отъ сына, боялась оставить его руку изъ опасенія новой каверзы.

Въ охранѣ пришлось выдержать сущую пытку. Все, что можно сдѣлать, чтобы испытать человѣческое терпѣніе, было сдѣлано. Насъ продержали отъ часу до четырехъ, насъ неизвѣстно для чего разъединили—его въ одну комнату, меня въ другую; намъ объявили, что вмѣстѣ ѣхать намъ вельзя, намъ запретили оставаться на ночь въ Москвѣ и, только послѣ долгихъ протестовъ съ на-

шей стороны, намъ было объявлено, что мнѣ разрѣшается проводить сына и сыну заѣхать въ Вологду проститься съ братомъ причѣмъ непрѣмѣннымъ условіемъ было поставлено выѣхать съ девятичасовымъ вечернимъ поѣздомъ.

Не стану рассказывать подробно, какую горячку пришлось намъ пороть, чтобы успѣть заѣхать въ отель, уложиться, пообѣдать, купить необходимыя вещи, послать мужу телеграмму... И только когда мы сѣли въ вагонъ, и поѣздъ тронулся, мы свободно вздохнули, просыпаясь отъ страшнаго кошмара.

Только теперь могла я узнать отъ сына причину его безчеловѣчнаго ареста. Дѣло было такъ просто: ему, послѣ долгой разлуки, захотѣлось повидать свою невѣсту. Она была нелегальная и проживала за границей. Они списались, и она пріѣхала въ Москву конечно, подъ чужимъ именемъ, надѣясь, что въ такомъ большомъ городѣ ихъ не выслѣдятъ. Но ихъ переписка была перехвачена жандармами, и сыну моему нарочно дали возможность пріѣхать въ Москву, чтобы захватить его невѣсту. Едва они встрѣтились въ назначенномъ мѣстѣ, какъ ихъ схватили; они не успѣли даже обмѣняться нѣсколькими фразами. Поэтому, боясь повредить своей невѣстѣ, сынъ упорно молчалъ на допросахъ, и жандармы ему мстили... Тяжело поплатился онъ за свое кратковременное свиданіе съ любимой женщиной!

Съ глубокой печалью покидалъ сынъ Москву, и немудрено: въ ней оставалась въ тюремномъ заключеніи его невѣста; они свидѣлись впоследствии въ Иркутской пересыльной тюрьмѣ.

Тяжело провелъ сынъ мой ночь своего освобожденія. Онъ бредилъ, вскакивалъ, долго смотрѣлъ на меня не узнавая, осматривалъ глазами стѣны купе: его, видимо, душилъ тюремный кошмаръ! И только утромъ заснулъ онъ спокойнѣе. Я смотрѣла на его исхудалое лицо, покрытое зеленымъ налетомъ, на его впалые глаза... Какъ много выпало на его долю страданій... И за что? За то, что онъ былъ не тѣхъ убѣжденій, какихъ требовало правительство...

Три дня въ Вологдѣ прошли быстро... Эти дни остались одной изъ немногихъ свѣтлыхъ точекъ нашего существованія; по крайней мѣрѣ я видѣла обоихъ сыновей хоть въ ссылкѣ, но не въ тюрьмѣ! О многомъ мы тогда поговорили...

Младшій сынъ мой жилъ въ ссылкѣ вмѣстѣ съ семьей, и относительно ему жилось не плохо... Но ожидаемый приговоръ висѣлъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ! Тогда впервые сказала онъ мнѣ, что если его сошлютъ въ Восточную Сибирь, онъ туда не пойдетъ. Я тогда не поняла. Я думала, что это сказано невзначай, какъ иногда говорится о томъ, что неприятно. Но, зная его полную жизни и энергіи натуру, я сознавала, что Якутская область для него равна заживо-погребенію. Я увѣряла его; что его не ждетъ такое жестокое наказаніе, но онъ качалъ головой: свирѣпость Плеве была извѣстна... Съ глубокой скорбью разставались мы другъ съ другомъ... И братья больше не увидѣлись!...

Я проводила старшаго сына по Волгѣ до Нижняго Новгорода и долго, долго стояла на пристани, пока скрывался изъ виду пароходъ, и пока мелькалъ въ воздухѣ бѣлый платокъ...

Эта зима прошла нѣсколько спокойнѣе... Сыновья хоть и были въ ссылкѣ, но по крайней мѣрѣ на свободѣ. И то ужъ было счастье! Ихъ письма, въ которыхъ они всячески старались подбодрить насъ, были для насъ большимъ утѣшеніемъ.

Но весна уже принесла съ собой новыя тревоги. Прежде всего до насъ дошелъ слухъ о приговорѣ по дѣлу младшаго сына—его сослали въ Якутскую область. И сейчасъ же письма отъ него изъ Вологды прекратились... Напрасно я посылала письмо за письмомъ, телеграмму за телеграммой—отвѣта не было. Тогда я вспомнила нашъ разговоръ. Въ душѣ росло мучительное сомнѣніе. И много пришлось перечувствовать мнѣ, пока, наконецъ, я не была обрадована открыткой изъ Норвегіи, въ которой стояло единое слово: «Привѣтъ!» Но оно было написано дорогой, любимой рукой. Итакъ, нашъ младшій сынъ сталъ эмигрантомъ! Не зная, гдѣ онъ, что съ нимъ, живѣ-ли, вотъ что стало суждено намъ отнынѣ.

Все лѣто прошло въ великой тревогѣ за младшаго сына, а въ августѣ уже насъ ждалъ новый ударъ: старшаго сослали тоже въ Якутскую область. Но мало того, что сослали! онъ долженъ былъ еще отправиться къ мѣсту назначенія по этапу! Напрасно я обращалась къ властямъ, напрасно подала просьбу въ департаментъ полиціи о разрѣшеніи сыну ѣхать на свой счетъ. Я получила категорическій отказъ. Велико было мое горе, но прежде всего надо было позаботиться скрыть этотъ ужасъ отъ совершенно измученнаго тревогами мужа. Пришлось сочинить дѣлую исторію о томъ, что сынъ добровольно предпринялъ поездку, чтобы заранѣе прибыть къ мѣсту назначенія. Я научилась писать письма отъ имени сына и громко читать ихъ мужу. Къ моему счастью, онъ вѣрилъ имъ!

Наконецъ, послѣ долгаго, мучительнаго ожиданія, было получено отъ сына письмо о томъ, что онъ, наконецъ, прибылъ въ Иркутскъ.

Тонъ письма былъ бодрый, рассчитанный на то, чтобъ насъ успокоить. Онъ писалъ, что за наступленіемъ зимнихъ холодовъ, онъ остается до весны въ Александровской пересыльной тюрьмѣ. Описывалъ свою жизнь... Конечно, сравнительно съ жизнью всѣхъ живущихъ на свободѣ, она была ужасна! Но какъ тюрьма, въ сравненіи съ прошлыми, она была изъ лучшихъ. Смотритель былъ хорошій, сынъ жилъ между товарищами и пользовался свободой въ районѣ тюремнаго двора.

«Еслибъ вы могли быть здѣсь», писалъ онъ однажды намъ, «чтобы видѣть сколько сосыльныхъ—вы бы ужаснулись! Каждые понедѣльникъ, среду и пятницу прибываютъ сюда партіи политиковъ, по 70—80 человекъ въ каждой. Все молодые и большей частью интеллигентные! Но какая бѣдность! У большинства нѣтъ ничего, кромѣ того, что надѣто, въ чемъ кто захваченъ. У иного

только и теплога, что шарфъ на шеѣ, а вѣдь идутъ на ужасающія условія суровѣйшаго климата. Хорошо, что мы имѣемъ свою собственную организацію помощи ссыльнымъ—иначе они бы замерзли. Мы одѣваемъ тулупами, полушубками, рукавицами и прочимъ. И какая это славная молодежь! Никто не падаетъ духомъ—всѣ идутъ смѣло, гордо! Каждый знаетъ, что жертвуетъ собой во имя свободы и не поддается! Но столько ссыльныхъ, столько, что иногда кажется, что Плева задумалъ переселить сюда все, что есть въ Россіи мыслящаго и свѣтлаго!»

Такъ прошла зима. По письмамъ сына надо было ожидать его отъѣзда въ Якутскую область въ маѣ мѣсяцѣ. Съ первой весенней партіей случилась катастрофа, приведшая политическихъ ссыльныхъ на скамью подсудимыхъ, разыгралась такъ называемая «Якутская исторія». Ужасающій произволъ конвойныхъ, невыносимая обстановка пересылки привели къ отчаянному протесту. Объ избіеніи ссыльныхъ въ пути, объ истязаніяхъ ихъ ходили въ обществѣ глухіе, но душу возмущавшіе слухи. Я трепетала за участь сына, я ждала самаго худшаго! Случаю было угодно, чтобы онъ не попалъ въ эту фатальную партію, и только 15-го мая была нами получена телеграмма: «Завтра ѣду на мѣсто своей ссылки.»

Весенній путь былъ лучше зимняго. Ссылные совершали еше на баржѣ по Ленѣ, и онъ продолжался три недѣли до Якутска. Сынъ обѣщалъ писать съ каждой пристани, гдѣ принимали по чту, увѣрялъ, что съ радостью покидаетъ опостылѣвшую ему тюрьму... Мы тоже вздохнули немного свободнѣе: какъ ни какъ, тюрьма была навади. Съ волненіемъ стали мы слѣдить по картѣ за его предполагаемымъ путешествіемъ. Но дни проходили—письма не было. Прошла недѣля, прошла другая, прошелъ мѣсяцъ. Тревога наша росла... Ужъ онъ долженъ былъ быть въ Якутскѣ... Почему же онъ молчитъ? Наконецъ прошло шесть недѣль—зловѣщее молчаніе продолжалось... Мужъ былъ самъ не свой отъ безпокойства, обо мнѣ и говорить нечего: я слишкомъ много знала, чего не зналъ мужъ изъ обстановки сына, чтобы приписывать отсутствіе вѣстей случайности... Наконецъ, не въ силахъ болѣе выносить неизвѣстности, я потихоньку отъ мужа послала телеграмму въ Иркутское тюремное управленіе, съ запросомъ, гдѣ въ настоящее время находится сынъ мой?

Какими словами могу я изобразить мое отчаяніе, когда получила оплаченный отвѣтъ: «Сынъ не отправленъ, заключенъ Иркутскую тюрьму!» Да что же это, наконецъ? Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ нимъ! Кто могъ заключить его? Кто имѣлъ право измѣнить наказаніе? Надо сказать, что Иркутская тюрьма была совершенно отдѣльно отъ Александровской пересыльной, и я давно слышала, что условія заключенія въ ней ужасны! Мое отчаяніе было безгранично: опять тюрьма, опять одиночество, часовые, жандармы и это за нѣсколько тысячъ верстъ, безъ возможности помочь, безъ надежды увидѣть, облегчить! Съ величай-

шимъ трудомъ удалось мнѣ скрыть отъ мужа этотъ новый ударъ, убѣдивъ его, что сынъ заболѣлъ и остался до выздоровленія въ Иркутскѣ. На другой день послѣ телеграммы, мнѣ было доставлено окольнымъ путемъ слѣдующее письмо отъ сына, писанное карандашомъ на клочкѣ бумаги: «15-го мая меня и трехъ товарищей, обманомъ, якобы отправляя къ мѣсту ссылки, увезли въ Иркутскѣ. Всѣхъ насъ посадили въ одиночное заключеніе. Не даютъ курить, не даютъ книгъ, не позволяютъ писать письма. Ничего не знаемъ о своей участи. Если дойдетъ до васъ эта записка, помогите. Посылаю случайно».

Нечего и говорить, что я въ тотъ же день выѣхала въ Петербургъ. Въ департаментѣ полиціи, куда я поспѣшила, Лопухинъ меня тотчасъ же принялъ: ему слишкомъ хорошо была извѣстна моя фамилія. Когда я показала ему записку сына, даже онъ, несмотря на все его хладнокровіе, смутился. Онъ долго держалъ записку въ рукахъ и нѣсколько разъ перечиталъ ее. Затѣмъ тутъ же при мнѣ позвалъ начальника отдѣленія и поручилъ ему тотчасъ же запросить по телеграфу генераль-губернатора Восточной Сибири о причинѣ задержанія сына. Отвѣтъ былъ полученъ черезъ нѣсколько дней и гласилъ слѣдующее: «вчера отправленъ по назначенію».

Итакъ, его продержали, промучили неизвѣстно за что два мѣсяца въ одиночномъ заключеніи и, Богъ знаетъ, сколько бы еще пытали его такимъ образомъ, если бы не запросъ директора! Но безграниченъ былъ произволъ и безпредѣльны издѣвательства надъ человѣческой личностью!

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, я старалась развѣдать, куда направляютъ моего сына, и узнала, что ему назначенъ Колымскъ! Мнѣ было извѣстно это роковое мѣсто ссылки. Къ счастью, я узнала, что въ Петербургъ ожидается генераль-губернаторъ Восточной Сибири. Я рѣшилась ждать его и добиться у него свиданія. Была вторая половина іюля, и мой пріѣздъ совпалъ съ недавнимъ убійствомъ Плеве. Не одна материнская рука, я думаю, сотворила тогда крестное знаменіе при извѣстіи о его смерти!...

Въ концѣ іюля пріѣхалъ графъ Кутайсовъ, восточный генераль-губернаторъ, и я немедленно принялась дѣйствовать. На счастье оказалось, что онъ остановился на той же улицѣ, гдѣ поселилась я въ меблированныхъ комнатахъ. И вотъ начались мои мытарства: изо дня въ день появлялась я въ швейцарской его квартиры, съ просьбой принять меня, и изо дня въ день получала отказъ:

«Его сіятельство только что выѣхалъ!» «Его сіятельство у Государя Императора!» «Его сіятельство почиваютъ!».

Такъ прошло 10 дней. На одиннадцатый, вернувшись въ свою комнату, я сѣла къ столу и написала слѣдующее письмо:

«Графъ! Десять дней сряду я не была Вами принята. Однако, мнѣ необходимо видѣть Васъ по дѣлу сына. Сынъ мой, находив-

пійся въ Александровской пересыльной тюрьмѣ въ ожиданіи отправки къ мѣсту ссылки, былъ 15-го мая сего года, совершенно незаконно заключенъ администраціей въ одиночную тюрьму, гдѣ и безъ того слабое здоровье его сильно пострадало, такъ что онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Желая по этому поводу, имѣть съ Вами личное объясненіе, я позволяю себѣ предложить Вамъ, графъ, что если въ теченіе трехъ дней по этому письму я не буду Вами принята, то подаю прошеніе Высочайшее Имя съ изложеніемъ всего вышесказаннаго. Жити твою имѣю и пр. пр.».

Конечно, только отчаяніе продиктовало мнѣ это письмо, если бы не смерть Плева, то, разумѣется, оно осталось бы безъ послѣдствій.

Но подъ вліяніемъ переменъ въ политикѣ и начавшейся тогда знаменитой «весны», оно подѣйствовало скорѣе, чѣмъ я думала.

На другой же день, въ восемь часовъ утра, я была разбужена стукомъ въ мою дверь, и на мой вопросъ, я получила жественный отвѣтъ:

«Отъ его сіятельства генераль-губернатора Восточной Сибири Графъ требуетъ Васъ немедленно къ себѣ».

Разумѣется я моментально одѣлась и черезъ полчаса вошла въ столь негостепріимную для меня до сихъ поръ швейцарскую квартиру графа Кутайсова. Мой разговоръ съ нимъ показался мнѣ столь замѣчательнымъ, что, вернувшись къ себѣ, я записала его дословно.

Меня провели въ гостиную, и ждать мнѣ пришлось недолго. Послышался звонъ пшоръ, и ко мнѣ вышелъ старый, плотный генераль, бритый и съ густыми, нависшими надъ глазами, бровями. Я встала. Такъ вотъ онъ, тотъ, въ рукахъ котораго учеными нашими дѣтей, тотъ, первымъ дѣломъ котораго было, по приѣздѣ въ край лишить ссыльныхъ свиданія съ ихъ товарищами, идущихъ по тракту! Я съ любопытствомъ смотрѣла на этого старца, и въ чертахъ его слѣдовъ лютости. Но ихъ не было. Передо мной было ласково улыбавшееся, привѣтливое лицо.

— Прошу въ кабинетъ!—Онъ указалъ на кресло, я сѣла.

— Позвольте курить?—Я молча поклонилась. Однако, жандармская привычка сейчасъ же сказала: графъ посадилъ меня лицомъ къ свѣту, самъ сѣлъ въ тѣни.

— Вы писали мнѣ?

— Да, я!

— Въ письмѣ вашемъ—угроза!

— Просьба, графъ!.

— Нѣтъ, угроза!

— Нѣтъ, просьба принять меня, графъ!—Онъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Не будемъ спорить о словахъ. Вы пишете, что надъ вашимъ сыномъ, будто-бы, совершено беззаконіе...—Мнѣ понравилось «будто-бы»!

— Да, графъ! Возмутительное беззаконіе... Сынъ мой приговоренъ къ ссылкѣ на свободное поселеніе, и никто не имѣлъ права безъ новаго рѣшенія заключить его въ тюрьму и такимъ образомъ наложить новое взысканіе. Это жестокой произволъ!

Графъ насмѣшливо улыбнулся:

— Вашъ сынъ вовсе не былъ заключенъ въ тюрьму: онъ заболѣлъ, не могъ продолжать путешествія и былъ переведенъ въ больницу.

Теперь меня передернуло отъ негодованія.

— Извините, графъ, я хорошо знаю всѣ обстоятельства этого дѣла. Сынъ мой въ то время не былъ боленъ. Его посадили на телегу со всѣми вещами, онъ простился съ товарищами, думая, что ѣдетъ въ Якутскую область, но его отвезли въ Иркутскъ, прямо въ тюрьму, гдѣ посадили въ одиночное заключеніе. Постѣ, въ тюрьмѣ, онъ захворалъ, тѣмъ не менѣе все время оставался въ камерѣ; въ больницу его не перевели.

— Да, да, да!—сказалъ графъ,—теперь я вспоминаю; это случилось, вѣроятно, по недоразумѣнію. Это была ошибка одного чиновника моей канцеляріи.

— Какъ?—вскричала я.—Такъ участь нашихъ дѣтей въ рукахъ не только высшихъ властей, но зависитъ также отъ каждаго канцелярскаго чиновника? До сихъ поръ это было неизвѣстно родителямъ...

Графъ злобно бросилъ папиросу.

— Ну,—сказалъ онъ,—я не хотѣлъ вамъ говорить, такъ какъ это тайныя дѣла. Но какъ матери, по секрету, я сообщу вамъ: вашъ сынъ былъ арестованъ по распоряженію директора департамента полиціи.

Это была неправда отъ перваго слова до послѣдняго.

— Графъ, это невѣрно. Я лично была у директора департамента полиціи и сама видѣла посланную имъ генераль-губернатору Восточной Сибири телеграмму, съ запросомъ о причинѣ ареста сына, читала и отвѣтъ, что сынъ мой прослѣдовалъ дальше, но уже послѣ запроса!

Лицо генерала приняло багровый оттѣнокъ.

— Впрочемъ—разсердился онъ,—все это меня не касается, я выѣхалъ ранѣе, чѣмъ былъ арестованъ вашъ сынъ...

Чѣмъ болѣе онъ запутывался въ неправдѣ, тѣмъ сильнѣе я себя чувствовала; къ счастью я навела серьезныя справки и была очень хорошо освѣдомлена.

— Сынъ мой,—спокойно возразила я,—былъ заключенъ въ тюрьму 15-го мая, а вы, графъ, выѣхали изъ Иркутска 26-го іюня.

Улыбка совершенно исчезла съ лица генерала, грозныя брови зловѣще нахмурились, и фізіономія сразу стала свирѣпой.

— Но что же вамъ, наконецъ, угодно отъ меня, сударыня?—почти закричалъ онъ.

Я собралась съ духомъ и быстро рѣшилась:

— Въ виду того, что здоровье моего сына сильно пострадало отъ незаконнаго (я сдѣлала удареніе на этомъ словѣ) содержанія въ одиночномъ заключеніи въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль, я прошу васъ, какъ лицо, отъ котораго это вполне зависитъ, назначить ему такое мѣстопробываніе, гдѣ былъ бы докторъ, и гдѣ бы онъ могъ пользоваться всѣми медицинскими средствами. Я прошу оставить его въ Якутскѣ.

— Никогда!—закричалъ генераль.—Никогда! Вы бы пожелали еще поселить его въ Петербургъ!

— Но почему же, графъ? Неужели же Якутская исторія...

Генераль едва не подскочилъ. Онъ пріѣхалъ съ докладомъ именно по этому дѣлу и воображалъ, что слухи до публики по этому поводу сюда не дошли, и что это тайна.

— Что вы знаете о Якутской исторіи? Какая такая Якутская исторія?—почти крича, перебилъ онъ меня.—Никакой исторіи не было!

Я старалась говорить совершенно спокойно.

— Неужели никакой исторіи не было? А у насъ тутъ разсказываютъ ужасы: говорятъ, несчастныхъ политиковъ привязывали къ столбамъ, били ихъ веревками и палками, связывали. Говорятъ даже объ убійствѣ...

— Вздоръ, вздоръ, вздоръ! — кричалъ генераль—«Освобожденія» начитались! «Освобожденіе» жгетъ! Все ложь!..

Я молчала, видя, что попала въ больное мѣсто. Вдругъ генераль переѣвилъ тонъ:

— Меня выставляютъ звѣремъ, палачомъ! А я... я только исполнитель приказаній свыше... Этотъ мерзавецъ Плева...

...Да, я не ослышалась... Генераль произнесъ именно это слово: «мерзавецъ!» Всего три недѣли назадъ, когда Плева не былъ еще въ могилѣ, этого не могло случиться никакою цѣной. Генераль скорѣе вырвалъ бы себѣ языкъ, чѣмъ назвалъ всемогущаго, парившаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ подобающимъ ему именемъ! Теперь, когда Плева не могъ этого слышать, не могъ узнать, его ставленникъ, сотрудникъ, рабскій исполнитель его предначертаній отрекался отъ него при первомъ случаѣ, передъ совершенно незнакомымъ ему человѣкомъ! Я съ любопытствомъ слушала генерала.

— Этотъ мерзавецъ Плева сыпалъ конфиденціальными предписаніями самаго возмутительнаго свойства, а отвѣчали передъ обществомъ за нихъ исполнители! А могъ-ли я не исполнять! Хоть бы взяли это во вниманіе: могъ-ли я не исполнять! Я вовсе не желаю угнетать несчастныхъ ссыльныхъ, я радъ, напротивъ, облегчить ихъ участь! Но я не властенъ! Я самъ подчиненный...

Я слушала съ негодованіемъ; сколько горя, слезъ, страданій прибавилъ своими лютыми приказами этотъ всемогущій и далекой окраинѣ владыка, а теперь валилъ все на мертваго! Мнѣ стало невыносимо тяжело—лучше кончить.

— Графъ,—настойчиво сказала я,—если вы не можете почему-либо разрѣшить сыну пребываніе въ Якутскѣ, то оставьте его хоть въ Олекминскѣ: тамъ есть аптека, докторъ... Самая простая человѣческая справедливость требуетъ, чтобы загладили сколько-нибудь то зло, которое ему нанесли незаконнымъ задержаніемъ. И если правда, что вы не желаете усвливать горести несчастныхъ политическихъ ссыльныхъ, такъ докажите это.

Графъ молчалъ, какъ будто что-то обдумывая... Наконецъ, онъ произнесъ:

— Я знаю вашего сына: онъ не изъ покладистыхъ; его слѣдовало бы послать подальше. Но, можетъ быть, къ нему дѣйствительно отнеслись черезчуръ строго... Хорошо, я соглашаюсь! Онъ будетъ поселенъ въ Олекминскѣ.

— Извините, я—мать и хлопочу за сына. Поэтому простите мое недоверіе: какая же гарантія этого?—недовѣрчиво спросила я.

Графъ нахмурился.

— Мое слово!—гордо отвѣтилъ онъ.

Увы! горькій опытъ научилъ меня давать мало вѣры словамъ высшей администраціи.

— Вы можете забыть... Мой сынъ не одинъ—въ вашемъ вѣдѣніи тысячи. Я прошу единственно для моего успокоенія дать мнѣ официальное подтвержденіе...

— Хорошо — сказалъ генераль-губернаторъ. — Вы его получите.

Я встала.

— И когда будете писать сыну, передайте, что вы здѣсь слышали: я не противъ нихъ дѣйствую, я дѣйствую за нихъ!—Онъ особенно выразительно произнесъ эту фразу. Я горько усмѣхнулась, поклонилась и вышла.

Справедливость требуетъ прибавить, что очень скоро я получила черезъ полицію официальную бумагу, гдѣ объявлялось матери политическаго ссыльнаго такого-то, что ея сынъ поселенъ въ г. Олекминскѣ.

Среди мрачныхъ условій жизни сына и это ужъ было облегченіемъ. Олекминскъ—одинъ изъ лучшихъ пунктовъ ссылки, на самой Ленѣ, въ 600 верстахъ отъ Якутска и довольно люденъ. Я поспѣшила домой, чтобы утѣшить этой вѣстью мужа, и мы порадовались этой относительной удачѣ.

Результатъ моего ходатайства скоро сказался: сынъ былъ обрадованъ своимъ мѣстожительствомъ. Не зная моей просьбы, онъ писалъ: «Не знаю, чему я обязанъ, что оставленъ здѣсь, но несказанно этому радъ, и послѣ проклятыхъ тюремъ мнѣ кажется, что я вновь родился. Ужъ одно то, что за мной не ходятъ часовые, что не вижу штыковъ, не слышу звона кандаловъ, способствуетъ моему благополучію. Не могу довольно надышаться свободнымъ воздухомъ и почти не возвращаюсь до-

мой: то иду къ рѣкѣ, то въ лѣсъ—такъ бы и не вернулся въ домъ».

Отраднo намъ было читать эти письма. Я стала надѣяться, что съ теченіемъ времени воспоминаніе жестокаго пережитаго изгладится; что потрясенная столькими тюрьмами, безъ воздуха въ мучительномъ одиночествѣ нервная система, подъ вліяніемъ относительной свободы оправится. Но Якутская область не такъ кое мѣсто, которое возрождаетъ людей... Хотя это былъ и не Колымскъ, но тѣмъ не менѣе, когда настала зима, жестокія климатическія условія, мало-по-малу, стали подтачивать силы моего сына. Онъ не могъ не страдать: бѣлоснѣжная безконечная равнина, пока достаеъ глазъ, сорока-восьми градусные морозы, полная невозможность отъ холода заняться чѣмъ-нибудь—скоро при вели его въ отчаяніе, и онъ писалъ мнѣ:

«Ахъ, эти холода! жестокіе, безсмѣнные, не поддающіеся описанію! дѣлый день сижу въ шубѣ, валенкахъ, рукавицахъ передъ пылающей печью, куда прямо въ огонь всовываю ноги. И вѣришь-ли: точно я весь изо льда; ничто не согрѣваетъ. Внутри тѣла такой же холодъ, какъ и снаружи. Парализованы все: нѣтъ охоты двинуться, думать, читать... А ужъ о работѣ говорить нечего. Какая работа, когда дыханіе замерзаетъ, когда пальцы околѣли! И вспоминается мнѣ Герценъ: «гибель, по туханье въ холодныхъ полянахъ, безъ участія, безъ отзывавотъ что остается несчастнымъ ссыльнымъ». Онъ писалъ это пятьдесятъ лѣтъ назадъ. А сегодня, какъ тогда... правительственная система безъ измѣненія... Такъ же карается мысль, чувство свободы, протестъ противъ насилія, тѣ же средства! И все то же безумное желаніе у людей—сбросить съ себя гнетъ и уничтожить тиранию».

Мало-по-малу письма сына стали принимать все болѣе и болѣе мрачный оттѣнокъ: имъ стала овладѣвать меланхолія. Что могла я сдѣлать? Разобшенная съ нимъ нѣсколькими тысячамъ верстъ, лишенная всякой возможности помочь ему, я могла только терпѣться... Къ тому же настала несчастная война съ Японіей—условія сообщенія еще ухудшились: посылки перестали приниматься, письма стали приходять все неаккуратнѣе, телеграммы получались не ранѣе десяти дней. А ссыльнымъ было еще хуже: продукты вздорожали, газеты не получались, и связь съ родной почтой прекратилась.

Россія между тѣмъ переживала горячее время. Смерть Плевицки имѣла рѣшающее историческое значеніе и сразу измѣнила политическія условія страны: масса зашевелилась и мало-по-малу стала стряхивать свою вѣковую спячку. Затѣмъ неудачи войны пробудили народъ; проснулись инстинкты самосохраненія, и то, что казалось мнѣомъ, мечтой, обѣщалось осуществиться. Свобода грѣзилась всѣмъ! Ожились и заброшенные въ далекой Сибири. Я тоже радовалась... Надѣясь подбодрить и воскресить сына, посылала ему письмо за письмомъ, описывая событія. Но отвѣты

но были печальны. Истрадавшись от жестокаго произвола, онъ не вѣрилъ, чтобы тѣ самые люди, которые съ легкимъ сердцемъ погребли заживо тысячи людей въ сутробахъ Азіи, могли бы всаправду начать уважать человѣческую личность и заботѣли предоставить людямъ свободу убѣжденій.

«Нѣтъ, нѣтъ!—писалъ онъ мнѣ,—у меня нѣтъ вѣры въ этихъ палачей! Не отдадутъ они добровольно свою власть. Не пожертвуютъ ни единой пядью своего благополучія во имя того, за что мы здѣсь страдаемъ! Зачѣмъ имъ давать конституцію, когда они сами въ ней не нуждаются? Имъ она не нужна, и, чтобы получить ее, придется ее вырвать у нихъ изъ горла!»

Меня огорчалъ пессимизмъ сына, а между тѣмъ время показало, что онъ былъ правъ!.. Тогда въ Россіи, среди постоянныхъ перемѣнъ правительственныхъ настроеній, жилось очень тревожно. И съ каждымъ днемъ положеніе ухудшалось. Наконецъ, наступили дни, когда казалось, что хуже уже не будетъ. Однако событія показали, что это была лишь прелюдія. Наступило время бомбъ, взрывовъ, убійствъ съ одной стороны, и ни передъ чѣмъ не останавливающегося яростнаго мщенія—съ другой. Общественная совѣсть была встревожена; все притаилось, притихло въ ожиданіи грозныхъ событий. На успокоеніе нельзя было рассчитывать, такъ какъ дѣйствія правительства лишь раздражали и возбуждали. И думали-ли мы съ мужемъ, что чаша нашего терпѣнія была еще не полна? Но то, что ждало насъ, затмило всѣ ужасы прошлаго...

Наступилъ 1905 годъ, роковой, какъ для несчастной нашей родины вообще, такъ и для моей бѣдной семьи въ частности.

Къ началу его, наши семейныя обстоятельства стояли такъ: старшій сынъ прозябалъ въ далекой ссылке и, судя по письмамъ, становился все нервнѣе и нервнѣе... О младшемъ же не было никакого слуха. Гдѣ скитался онъ, что дѣлалъ? При мысли о сыновьяхъ, сердце исходило тоской.

А дома было тоже горько: постоянныя невзгоды убивали мужа. Онъ хирѣлъ и видимо таялъ. Единственной его отрадой были письма его сыновей, и когда ихъ не было, мнѣ приходилось сочинять ихъ, чтобы сколько-нибудь поддержать бодрость старика. Но скоро новый, неожиданный ударъ совершенно сразилъ его.

Это случилось въ мартѣ. Въ два часа ночи, едва я заснула, какъ почувствовала, что кто-то сильно взялъ меня за руку. Я быстро поднялась. Въ комнатѣ горѣла свѣча, и передо мной стоялъ мой младшій сынъ, гимназистъ 7-го класса.

— Что такое?—съ испугомъ спросила я.

— Обыскъ, мама! Не пугайся. Полный домъ жандармовъ. Папа черезчуръ волнуется. Иди туда, мама!

Я растерянно глядѣла на сына... У меня мелькнула страшная мысль, что пришли за нимъ, за послѣднимъ!

Дрожа отъ волненія, я быстро одѣлась. За дверью слыша-

лись шаги, бряцанье шпоръ, и доносился громкій голосъ мужъ. Онъ волновался. Поспѣшно вошла я къ нему въ кабинетъ. Онъ стоялъ посреди комнаты и, прижимая къ груди карточку сына эмигранта, блѣдный, съ блуждающими глазами, говорилъ одно:

— Не дамъ сына! Не дамъ сына!

Видъ старика съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ глазами полными слезъ, былъ такъ трогателенъ, что и жандармскій ротмистръ, и приставъ, и начальникъ сыскаго отдѣленія—все молча стояли вокругъ, не зная, что предпринять, а онъ все вторялъ:

— Не дамъ сына, не дамъ!

Я пришла во время. Попросивъ у этихъ господъ позволенія уложить черезчуръ волновавшагося мужа вновь въ постель, съ которой они его подняли, я уговорила его лечь, съ тѣмъ, что портретъ останется у него. При немъ оставили пристава, а предложила всѣ ключи... Началась знакомая исторія... Я убѣдилась, что дѣло не въ сынѣ гимназистѣ, и стала спокойнѣе. Чемъ мнѣ было бояться? Что могло у насъ быть? Какого бы образа мыслей мы ни держались, но до заговоровъ ли намъ было, при нашихъ несчастіяхъ? Я спокойно водила ротмистра по дому, открывала шкафы, сундуки... Онъ былъ вѣжливъ, но не пропустилъ ничего, что могло подлежать осмотру. Наконецъ, въ 10 часовъ утра, обыскъ былъ конченъ: все перерыто, пересмотрѣно, безъ всякаго результата. Вся сысканая компанія откланялась и извинилась за беспокойство (приличія иногда соблюдаются жандармами) и удалилась... Я осталась въ полномъ недоумѣніи насчетъ причины обыска. Однако на другой же день все объяснилось и притомъ самымъ роковымъ образомъ.

Взявъ утромъ, по обыкновенію, для чтенія мѣстную газету, я была поражена, какъ громомъ! Въ отдѣлѣ телеграммъ изъ Петербурга было сообщеніе, что арестовано нѣскольکو важныхъ государственныхъ преступниковъ и въ числѣ фамилій я прочла, да, прочла фамилію нашего сына эмигранта! Въ глазахъ потемнѣло, газета выпала изъ рукъ!..

Вотъ онъ обыскъ! Какъ описать мое душевное состояніе! Тогда какъ разъ репрессія послѣ пресловутой «весны Святополькъ-Мирскаго» была въ разгарѣ. Царилъ Треповъ. Смертныя казни слѣдовали одна за другой. Я не могла сомнѣваться, я понимала, что грозитъ сыну! Тѣмъ болѣе, что въ телеграммѣ выраженіями не стѣснялись: «анархистъ, бомбы, заговоръ»... Но все это надо было скрыть отъ мужа. Съ улыбкой вошла я къ нему и, показавъ мною самой написанное подложное письмо съ тѣмъ, что меня экстренно вызываютъ въ Петербургъ по дѣлу о пенсіи, кое-какъ увѣрила его въ необходимости тотчасъ туда ѣхать. И въ ту же ночь, поручивъ бѣднаго мужа нашимъ друзьямъ, я выѣхала въ столицу.

Забросивъ вещи въ гостиницу, я прямо отправилась на Тверскую. Было всего одиннадцать часовъ утра, когда я вошла въ жандармское, столь знакомое мнѣ управленіе. Все было по-ста-

рому: у подъезда образъ и зажженная лампада, въ вестибюлѣ тоже, въ приемной тоже. «Есть что замаливать», подумала я, передавая дежурному свою карточку для вызова офицера.

Скорѣе, чѣмъ я ожидала, появился вылощенный и выдрессированный полковникъ; вѣжливо щелкнувъ шпорами, онъ самымъ мягкимъ голосомъ спросилъ, чего я желаю.

Я заявила, что, прочитавъ въ газетахъ объ арестѣ сына, я пріѣхала видѣть его.

Полковникъ съ огорченіемъ покачалъ головой; къ сожалѣнію, онъ долженъ отказать мнѣ въ этомъ. Почему? Потому что преступленіе сына такъ тяжело и такъ сложно, что рѣшительно никто къ нему допущенъ не будетъ. Но мать? Невозможно и матери. Въ чемъ онъ обвиняется? Полковникъ сообщить не вправѣ, но въ газетахъ вѣдь было сказано: «анархистъ, бомбы».

— О,—закричала я съ негодованіемъ,—мало-ли что вы скажете! Не первый разъ мнѣ приходится имѣть дѣло съ жандармами... Но пусть по вашему онъ анархистъ и государственный преступникъ, для меня онъ—сынъ! Я пріѣхала спасать его: взять защитниковъ, дѣйствовать... Такъ дайте же мнѣ хоть увидѣться съ нимъ!

Полковникъ все съ тѣмъ же огорченіемъ качалъ головой.

— Невозможно!—сказалъ онъ.—Но вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали, такъ какъ все равно пришлось бы вызвать васъ телеграммой, для дачи показаній. Генераль Иванъ самъ хочетъ допросить васъ... Онъ еще не прочелъ все дѣло, но часамъ къ пяти будетъ готовъ... Подождите здѣсь!

Я рѣшительно отказалась. Мнѣ слишкомъ нуженъ былъ отдыхъ. Тогда мнѣ было предложено уѣхать и вернуться къ пяти часамъ, съ условіемъ, за это время ни съ кѣмъ не видѣться. «Такъ какъ—прибавилъ полковникъ,—все равно намъ это будетъ извѣстно». Конечно, я поняла въ чемъ дѣло: сыщики не были для меня новостью: каждый разъ, какъ я пріѣзжала въ Петербургъ, за мной неизмѣнно всюду ходилъ шпионъ, а иногда и два. Я не обращала на нихъ никакого вниманія. Что мнѣ было скрывать?хлопоты о дѣтяхъ? Пусть ходятъ...

Невыносимые часы пережила я въ номерѣ, въ ожиданіи пяти часовъ! Жутко вспомнить, что мнѣ представлялось...

Въ назначенный часъ я явилась въ управленіе. Во мнѣ все еще жила надежда на свиданіе съ сыномъ. Я рѣшила послѣ допроса просить объ этомъ генерала...

Меня встрѣтилъ тотъ же полковникъ и опять выразилъ сожалѣніе, что свиданіе съ сыномъ для меня невозможно; это было, по его словамъ, окончательно рѣшено. Затѣмъ онъ попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы пошли какими-то внутренними корридорами, поднялись по лѣстницѣ и, наконецъ, остановились у закрытой двери. Пропустивъ меня впередъ, полковникъ какъ-то внезапно и широко открылъ дверь. Моимъ глазамъ представилась такая картина: посреди комнаты стоялъ письменный столъ; съ

лѣвой стороны его стоялъ на вытяжку генераль Ивано́въ; с правой стороны стояли офицеры, а впереди нихъ на стулѣ сидѣлъ какой-то молодой человекъ, въ пальто и котелкѣ. Онъ былъ очень спокоенъ и, улыбаясь, покручивалъ свои небольшие усики. Я замѣтила, что онъ былъ очень молодъ, замѣтила и то, что глаза всѣхъ, кромѣ юноши, внимательно впились въ мое лицо. Я приостановилась на порогѣ, не понимая происходящаго: если мѣня будутъ допрашивать, зачѣмъ же здѣсь этотъ молодой человекъ? Но генераль поднялъ руку и, указывая ею на юношу, театральнымъ произнесъ:

— Что-жъ, сударыня! Обнимите вашего сына!

Точно громъ грянулъ, такъ поразили меня эти слова. Я быстрой обернулась и пристально посмотрѣла на сидѣвшаго: я его не знала, я видѣла его въ первый разъ въ жизни! Это не былъ сынъ мой!

На мгновеніе я была ошеломлена, но затѣмъ опомнилась. Спазмы сжали мое горло... А затѣмъ... затѣмъ все, что я вынесла за эти дни, страданія матери, мое безвыходное горе при мысли объ ожидавшей сына участи, все это вылилось въ одинъ сплошной нервный крикъ. Никакой цѣной я не могла бы остановиться. Слова вылетали сами собой, и я говорила, говорила...

— Какъ?—кричала я,—вы думаете что это мой сынъ? Но это не онъ, не онъ! И вы рѣшились напечатать имя сына, не пренебреживъ личности? И вы не понимали, что дѣлали? Или вы не знаете, что значитъ несчастье? Вѣдь убивали цѣлую семью! Вѣдь вы наносили жесточайшій ударъ! За что? За что?

Генераль былъ пораженъ—онъ не ждалъ такого результата. Очевидно, нѣкоторое сходство фотографій ввело всѣхъ въ заблужденіе. Ярость была написана на его лицѣ, и онъ старался меня перекричать.

— Уведите, уведите его!—скомандовалъ онъ офицерамъ.—И надо, чтобы онъ слышалъ... Скорѣе, ведите!

Молодого человека быстро вывели.

Генераль былъ внѣ себя, я тоже; оба мы кричали другъ другу, забывая всякія приличія.

— Такъ вы утверждаете, что это не сынъ вашъ?—кричалъ онъ.

— Какъ же мнѣ не утверждать, когда это не онъ!—такимъ тономъ, отвѣчала я. Я все еще не могла опомниться отъ недавняго дованія...

— А вотъ вы потрудитесь мнѣ объяснить, когда вы перестанете меня мучить?—нервно кричала я.—Девять лѣтъ, девять долгихъ лѣтъ вы терзаете меня... За то, что я мать! Только за то! И теперь, теперь вы не посовѣстились играть материнскими чувствами! Вы хотѣли поймать мать... мать!.. Вы рассчитали, что если это мой сынъ, то я не выдержу и брошусь къ нему... Да что же вы или не люди? Вѣдь это истязаніе! Вы нарочно сказали, что не видите свиданія, чтобы я увидѣла сына внезапно?.. Вы любите мать, понимаете-ли вы?—мать!

— А зачѣмъ они убиваютъ!—кричалъ генераль.

— Теперь всѣ всѣхъ убиваютъ... Онъ васъ—вы ихъ!.. Но если вы ловите ихъ, чтобы потомъ повѣсить, такъ не ошибайтесь же хоть личностью!.. Проверьте ее, какъ слѣдуетъ..

— Но вѣдь мы не напечатали ни имени, ни аванія!— попробовать вывернуться генераль.

— А обыскъ?—пстерично перебила я.—Обыскъ! Что же значить этотъ безобразный, перетревожившій весь домъ, обыскъ? Какое же право имѣли вы, изъ-за ошибки, такъ испугать насъ?

— Позвольте!—раздался вдругъ спокойный голосъ и передо мной внезапно появился товарищъ прокурора петербургской судебной палаты по политическимъ дѣламъ Трусевичъ. Очевидно, онъ скрывался въ сосѣдней комнатѣ и все слышалъ. О, я хорошо его знала! Не разъ и мнѣ случалось разговаривать съ нимъ.

— Позвольте!—сказалъ онъ, глядя на меня съ нескрываемой насмѣшкой.—Ваше волненіе очень натурально, очень, можно сказать, даже естественно! А все же—это вашъ сынъ!

Очевидно, онъ подозрѣвалъ съ моей стороны комедію! Это было ужъ слишкомъ, и именно это заставило меня немного опомниться и притти въ себя: не стоитъ этотъ человѣкъ того, чтобы я выказывала передъ нимъ свои чувства. Я хрустнула пальцами, но сказала спокойнымъ тономъ:

— Мнѣ странно слышать это отъ васъ, именно отъ васъ! Не вы ли таскали по допросамъ моихъ сыновей и не вы ли сажали ихъ въ тюрьмы и крѣпости? Кажется, они должны быть вамъ хорошо знакомы...

— Да, но я не видалъ вашего сына три года, а этотъ господинъ, очень его напоминаетъ,—сказалъ прокуроръ.

— Пусть напоминаетъ!—рѣшительно отвѣтила я,—мнѣ это все равно. Я убѣдилась, что это не сынъ мой, и съ меня достаточно. А что вы полагаете, мнѣ это, право, все равно.

— Вотъ—виѣшался генераль,—то вы требуете гласности, а когда ее вамъ дадутъ, такъ вы кричите: зачѣмъ напечатано?

— Но развѣ это гласность?—опять возмущилась я.—Это безобразіе перепутывать личности и печатать на всю Россію! Однако, кончите, господа! Прошу меня отпустить!

Меня заставили подписать бумагу съ заявленіемъ, что въ предъявленной мнѣ личности я сына не признала, и затѣмъ ничего болѣе не оставалось, какъ отпустить меня. Но на этомъ еще не кончилось: въ вестибюлѣ, гдѣ я одѣвалась, я увидѣла спускающагося съ лѣстницы, видѣннаго мною только что молодого человѣка. Его нарочно пустили пройти мимо меня, удаливъ предвѣрительно жандармовъ, рассчитывая, что здѣсь я не выдержу, если это сынъ мой, и только, когда онъ прошелъ, жандармы опять подскочили съ вопросомъ: «такъ это не сынъ вашъ?» Я съ омерзѣніемъ поглядѣла на нихъ и отрицательно покачала головой.

Разбитая, усталая до изнеможенія, но счастливая сознаниемъ что буря пронеслась мимо, я не могла выѣхать въ тотъ же день

безъ памяти свалилась я на постель и послѣ нѣсколькихъ бо сонныхъ ночей заснула, какъ убитая.

На другой день, пославъ телеграмму о выѣздѣ, я поспѣвши домой. Какъ ни была я утѣшена сознаниемъ, что вся эта исторія оказалась ошибкой, что сына нѣтъ въ Россіи, но я не была покойна. Опасеніе, что мужъ могъ безъ меня прочесть, несмотря на принятыя мѣры, роковую телеграмму, сильно меня тревожило. Вѣдь не было газеты, въ которой бы наша фамилія не была напечатана всѣми буквами? Что, если онъ прочелъ жестокое и невѣстіе? Потрясающія событія моей жизни давно приучили меня быть готовой ко всему... Но это опасеніе угнетало меня. Вѣдь въ краскахъ не стѣснялись: анархистъ, бомбы! Я мучительно старалась не думать объ этомъ, но мысль эта меня не покидала. Ахъ, если онъ прочелъ!... Чѣмъ ближе я подвигалась къ дому тѣмъ сильнѣе терзало меня предчувствіе... И. оно не обмануло меня...

На вокзалѣ, черезъ окно вагона, я увидѣла своего сына гитлеризиста. Что онъ меня ждалъ — это меня не удивило... Но меня поразилъ видъ его: онъ былъ очень блѣденъ и какъ-то растерянъ. Когда я рассказала объ ошибкѣ, онъ не обрадовался, отвернулся и старался не встрѣтиться со мной глазами. Сердце мое сжалось — я почувствовала недоброе.

— Все благополучно? — спросила я.

Онъ молчалъ. Я схватила его руку; онъ высвободилъ ее, обнялъ меня и тихо сказалъ:

— Мужайся, бѣдная мамочка! Тебя ждетъ новый ударъ!

— Что? что? отецъ?

Онъ молча кивнулъ головой — его душили рыданія...

— Умеръ? — не своимъ голосомъ закричала я.

— Хуже, мама! Бѣдный папа помѣшался!

— Нѣтъ, нѣтъ! Это неправда! Не можетъ быть! — отчаянно бормотала я...

Увы! Увы! Это была правда. Мой несчастный мужъ не выдержалъ болѣе: послѣднія событія доканали его. На столѣ его, впоследствии, я нашла номеръ газеты съ подчеркнутой телеграммой о сынѣ. Вотъ къ чему привела роковая ошибка!...

— Когда я увидѣла мужа, его мутные глаза, услыкала его тревожный шопотъ: «жандармы! Обыскъ! Сыновей ищутъ, сыновей!», я поняла, что все погибло! Въ каждомъ лицѣ онъ видѣлъ шпиона, каждый звонокъ приводилъ его въ ужасъ... Иногда ночью я видѣла, какъ онъ тихонько пробирался къ входной двери и приложивъ къ ней ухо, прислушивался. Такъ притаившись, онъ готовъ былъ стоять цѣлую ночь. И когда я брала его за руку, старалась вернуть къ дѣйствительности, то онъ шепталъ мнѣ, глядя на меня безумными глазами:

— Не слышишь развѣ? Они идутъ... идутъ... Ихъ шаги... Звѣзды!.. Не давай, не давай! Кто донесетъ? Ты, ты донесла!

Отчаяніе овладѣло мною. Ничто не могло спасти мужа! И вѣ

моей жизни наступилъ безпросвѣтный мракъ! Съ каждымъ днемъ больной становился безпокойнѣе. Хотя бывали проблески сознанія, продолжавшіеся иногда даже по нѣскольку дней, но доктора не давали надежды на выздоровленіе. Эти минуты сознанія были особенно тяжелы, такъ какъ иногда мужъ мой начиналъ страдать тоской по отсутствовавшимъ сыновьямъ; всѣ его помыслы были направлены къ нимъ, всѣ разговоры — о нихъ! Тогда я читала ему подложныя отъ нихъ письма, и онъ радовался, какъ ребенокъ, когда въ нихъ было: «Скоро вернусь», «разрѣшено приѣхать!», «до скорого свиданія!» Но наступалъ опять мракъ... (свѣтлые промежутки были все рѣже... Наконецъ, доктора предложили послѣднее средство — помѣстить мужа въ лѣчебницу, въ надеждѣ, что перемена обстановки и лицъ подѣйствуетъ на него благотворно.

Ахъ, какъ мучительно тяжело было намъ, когда онъ выходилъ, окруженный семьей, изъ своей такой уютной, такой родной ему квартиры. Онъ улыбался! Онъ вѣрилъ доктору, отозвавшему его, якобы, на дачу... Мы обставили, какъ могли лучше, на шего бѣднаго больного и ежедневно посѣщали его. Но все было напрасно: директоръ, доктора, служители — тотчасъ же приняли въ его глазахъ форму жандармовъ и шпионовъ, и когда я приходила къ нему, онъ съ ужасомъ говорилъ: «Во всѣхъ углахъ здѣсь шпионы и жандармы. А самый главный притворяется докторомъ. Но не обманетъ меня, нѣтъ!»

Какое зло могло еще совершиться? Но худшее было... вперед!.. Тѣмъ временемъ отъ сына изъ Сибири приходили вѣсти... и вѣсти плохія. Тонъ его писемъ былъ угнетенный. Въ каждомъ почти письмѣ была приписка: «Я такъ одинокъ, мамочка, такъ одинокъ!»

Напрасно я посылала ему письмо за письмомъ, изъ всѣхъ силъ стараясь поддержать его, сообщая, что въ Россіи все идетъ къ обновленію, что ждуть амнистіи, свободы... Отвѣты были улыбки—онъ не вѣрилъ ни обновленію, ни амнистіи, ни свободѣ. «Повѣрь, все останется, какъ было»—писалъ онъ и прибавлялъ: «не стоитъ жить!» Эта приписка сводила меня съ ума... И опять, опять я писала ему... Нечего и говорить, что все, происходившее въ семьѣ, было отъ него скрыто. Отсутствие писемъ отъ отца я объясняла болѣзью руки. Посылала періодически и успокоительныя телеграммы: «все спокойно, все благополучно!»

Ничто не помогало—тоска его росла! И наконецъ были получены отъ его товарищей, одно за другимъ, два письма. Они меня извѣщали, что сыну плохо, что у него разыгрывается острая меланхолія, что надо хлопотать о разрѣшеніи взять его домой!

Надо сказать, что сыну до срока оставалось всего четыре мѣсяца. Въ концѣ іюля срокъ его ссылки кончался. Я была убѣждена, что ему разрѣшатъ вернуться до срока—вѣдь оставалось всего четыре мѣсяца! И поручивъ мужа, все еще находившагося въ лѣчебницѣ, друзьямъ и дѣтямъ, я поспѣшно выѣхала

въ опустыльвшій мнѣ Петербургъ. Но всё мои хлопоты бы напрасны. Лопухина уже не было, новый директоръ не приня меня... Я подала соотвѣтственное прошеніе. Прошла недѣля— вѣта не было. Я сдѣлала опять попытку видѣть директора — опять напрасно; онъ вновь меня не принималъ. Между тѣмъ пис сына были зловѣщи. Уже онъ писалъ: «Нѣтъ смысла жить! Е ждутъ конституціи, всё вѣрятъ въ амнистію. Одинъ я нич не жду и ничему не вѣрю. Не дадутъ свободу тѣ, кому помѣшаетъ наслаждаться живнью! А если и дадутъ, то такого сор что еще тошнѣе станетъ. И я предпочитаю умереть, чѣмъ жи среди насилія, произвола и угнетенія!»

Въ отчаяніи — я написала директору департамента част письмо, въ которомъ умоляла его обратить вниманіе на болѣ сына. Я кончала письмо словами: «спасите сына, пока не поздне Отвѣта не было.

Въ департаментѣ же мнѣ сказали, что пошлютъ запрос наведутъ справки! Наведутъ справки, то есть пройдетъ мѣсяц другой, а тутъ дорога каждая минута!...

И вернувшись домой, я нашла роковое извѣстіе... Свершлось!.. Сынъ мой застрѣлился!..

И я пережила это!

Да и какъ смѣла бы я не пережить, когда на рукахъ у ме оставался несчастный помѣшанный мужъ мой! Что было бы нимъ безъ меня? Это дало мнѣ силы жить. Лѣчебница ему помогла, онъ тосковалъ, и я взяла его домой, взяла, чтобы онъ умереть у себя, среди родной обстановки... И не забыть мнѣ, ко 17-го октября я прочла ему манифестъ о конституціи, онъ б нымъ затемненнымъ разсудкомъ своимъ понялъ одно: что теп вернуть ему сыновей! Хлопотливо требовалъ онъ одѣваться дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Ёду къ Витте! Ёду къ Скалону! Теперь они отдадутъ с новей! Теперь они не смѣютъ больше держать ихъ!

Отдадутъ!!! Одинъ былъ въ могилѣ, другой неизвѣстно гд И ровно черезъ мѣсяцъ послѣ знаменитой конституціи му моего не стало. Закрывая ему глаза, я подумала: «Спи спокой Ты счастливѣе меня!»

О, родина! Я жду твоего обновленія! Каждымъ нервомъ с нимъ я трепетно переживаю твое освободительное движеніе! И тотъ день, когда, наконецъ, надъ тобой засіяетъ солнце истинн свободы, въ тотъ день и я пойму чувствомъ, зачѣмъ нужны бы такія жертвы!..

С. А. Савинкова.

Февраль 1906 г.

Дѣло Делькевича.

(1863 г.).

3 мая 1861 г. военный кievскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ сообщилъ дежурному штабъ-офицеру своего управленія подполковнику Шаврову, что до него дошли слухи о распространеніи среди офицеровъ Кременчугскаго пѣхотнаго полка прокламаціи къ войскамъ, и поручилъ ему произвести негласное по этому предмету дознаніе.

На другой день былъ произведенъ обыскъ въ квартирахъ офицеровъ указаннаго полка, поручиковъ Вылежинскаго и Авраменко, подпоручика Жилина и прапорщика Суходольскаго, но ничего подозрительнаго найдено не было; 2-го же мая прапорщикъ Суходольскій представилъ полковому командиру литографированное воззваніе.

Воззваніе это начинается привѣтствіемъ Польшѣ и русскому воину, отказавшемуся стрѣлять въ безоружныхъ, вопреки приказу Заблоцкаго. „Русскій офицеръ, — излагается въ прокламаціи, — пересталъ быть рабомъ, палкою и штыкомъ въ рукахъ Заблоцкихъ и другихъ негодяевъ, выслужившихся кровью невинныхъ жертвъ“. Далѣе усовѣщается войско, чтобы оно шло въ арестантскія роты, въ крѣпости, въ казематы, на смерть, но чтобы не убивать ни поляка, который хочетъ быть самимъ собою, ни крестьянина, требующаго свободы. „Поглощеніе Польши Россією есть неслѣпость и насиліе; насильственныя соединенія увѣковѣчиваютъ только ненависть; только однимъ балтійскимъ нѣмцамъ пришлось по вкусу голштинно-татарское управленіе“. Съ похвалою отзываясь о польскихъ помѣщикахъ, рѣшившихъ отдать крестьянамъ полный надѣлъ земли, воззваніе замѣчаетъ: „Какъ русское правительство поступить въ настоящемъ случаѣ, трудно сказать, потому что въ Петербургѣ нѣтъ русскаго правительства; изъ русскихъ тамъ только одинъ Александръ Николаевичъ, а извѣстно, одинъ въ полѣ не воинъ; бѣда наша въ томъ, что эта богадѣльня эполетъ, чающихъ движенія воды, несмысленныхъ стариковъ совѣта, сенаторовъ, негодящихся во всякую другую службу, и прочее, состоитъ изъ нѣмецко-русскихъ татаръ; чисто русское въ нихъ только невѣжество, привычка драться и говорить ты, Правительство на нѣмецкій манеръ никогда не пойметъ, что для Россіи сильная, независимая Польша, какъ союзница, гораздо важнѣе, чѣмъ Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая“.

Суходольскій показалъ, что онъ получилъ воззваніе отъ подпоручика

Жилина, который, какъ оказалось, нашелъ его въ комнатѣ поручика Авраменко, послѣднему же передалъ его поручикъ Вылежинскій. Вылежинскій, въ свою очередь, пояснилъ, что однажды, въ Великомъ постѣ, онъ познакомился со студентомъ кievскаго университета Делькевичемъ, который нечаянно его толкнулъ и извинился, что и дало поводъ имъ познакомиться и разговориться. Черезъ нѣсколько дней Делькевичъ пришелъ на квартиру Вылежинскаго и здѣсь уже передалъ ему воззваніе, которое затѣмъ и ходило по рукамъ полковыхъ офицеровъ. Самъ Делькевичъ затѣмъ бѣжалъ въ Молдавію.

По происхожденію, Титъ Делькевичъ, 26 лѣтъ, былъ дворяниномъ Кіевской губерніи.

Военный судъ приговорилъ Делькевича за побѣгъ за границу и неявку оттуда въ судъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изгнанію изъ предѣловъ Россіи, а по предмету передачи Вылежинскомъ воззванія оставить въ подозрѣніи.

Генераль-Аудиторіатъ полагалъ: Делькевича объявить измѣнникомъ, а по поимкѣ, добровольной явкѣ или доставленіи въ Россію, лишивъ дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ.

Заключеніе Генераль-Аудиторіата было подтверждено 16 августомъ 1863 г.

Станиславъ КУНИЦКІЙ.

„Пролетаріатъ“ передъ судомъ ¹⁾.

I.

Послѣ массовыхъ арестовъ 1883 и 1884 гг. за рѣшетками X павильона варшавской цитадели очутилось около двухсотъ человѣкъ, принимавшихъ участіе въ дѣятельности «Пролетаріата». Тутъ были главные вожаки партіи и простые рядовые, интеллигенты и рабочіе, женщины и офицеры, поляки, евреи и русскіе. Правительство довольно долго колебалось, не зная, какъ отнестись къ арестованнымъ. Въ концѣ концовъ, осенью 1885 г., изъ Петербурга пришло распоряженіе предать военному суду 29 человѣкъ, остальныхъ же сослать въ Сибирь и рассадить по тюрьмамъ въ административномъ порядкѣ.

Засѣданія военного суда начались въ декабрѣ 1885 г., а до того времени арестованные томились въ цитадели въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ, переживая страшныя нравственныя, а подчасъ и физическія мученія. Слѣдствіе было ведено такъ, чтобы терроризовать болѣе слабыхъ, запугивать трусливыхъ и, такимъ образомъ, выпытывать отъ нихъ свѣдѣнія, могущія послужить къ распространенію обвиненія на возможно большее количество привлекаемыхъ къ отвѣтственности. Поддѣлка протоколовъ дознаній практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—особенно, если дѣло касалось рабочихъ. О переводѣ протоколовъ на польскій языкъ для рабочихъ, не знающихъ по-русски, не было и рѣчи, и они должны были подписывать предлагаемыя имъ бумаги, совершенно не зная, каково ихъ содержаніе. Бывало и такъ, что рабочіе подписывали чистые листы, которые затѣмъ заполнялись ведущими слѣдствіе.

Прошло 2¹/₂ года со времени первыхъ арестовъ до врученія подсудимымъ обвинительнаго акта. Въ теченіе этого времени многіе изъ заключенныхъ не вынесли ужасныхъ условій тюрьмы и слѣдствія. Нѣкоторые умерли, нѣкоторые сошли съ ума или подверглись близкому къ умопомѣшательству нервному разстройству. Однако, несмотря на все это, громадное большинство за-

¹⁾ Обзоръ дѣятельности соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“ данъ мною въ IV книгѣ „Былого“.

ключенныхъ мужественно выдержало всѣ преслѣдованія, величательно до побоевъ, которымъ подвергались нѣкоторые—особенно рабочіе. Среди 200 арестованныхъ членовъ партіи злостнымъ предателемъ оказался только одинъ Соломонъ Пацановскій (с. масхедскаго Загурскаго, конечно, нельзя считать предателемъ).

Обвинительный актъ по дѣлу 29 лицъ, преданныхъ военному суду, составляетъ томъ въ десять печатныхъ листовъ.

Первая часть этого документа посвящена исторіи и организаціи «Пролетаріата». Помѣщенные тутъ свѣдѣнія отличаются большой долей фантастическаго элемента, вслѣдствіе чего по судимымъ называли эту часть обвинительнаго акта «баснословная генеалогія Пролетаріата». Во второй части разбираются «цѣли партіи и ея сношенія съ «Народной Волей». Здѣсь приводились официальные документы «Пролетаріата», при чемъ обвинительный актъ подчеркиваетъ фактъ симпатій «Пролетаріата» къ террористической дѣятельности «Народной Воли». Посвятивъ вниманіе теоретической пропагандѣ партіи и распространенію ея изданій соціально-революціоннаго характера, обвинительный актъ переходитъ къ характеристикѣ «преступной дѣятельности» отдельныхъ членовъ «Пролетаріата».

Главарями «Пролетаріата» обвинительный актъ считаетъ Варынского, Плоскаго, Дулембу и Рехневскаго. Кромѣ нихъ самыми энергичными дѣятелями, по его мнѣнію, были: Куницкій, Шмаусъ, Бугайскій, Томашевскій, Петрусинскій, Влюхъ, Янъ Гельшеръ, Дегурскій, Поплавскій, Пацановскій, Оссовскій, Домбровский, Свросшевскій, Форминскій, Гладышъ, Кмѣцкій, Славикъ, Яновичъ, Госткевичъ, Конъ и Маньковскій. Они были членами-руководителями партіи, принимали участіе въ рядѣ убійствъ и покушеній. Только Бугайскій представляетъ собой исключеніе, потому что онъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ другихъ.

Обвинительный актъ заключаетъ въ себѣ сводъ всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ при слѣдствіи и относящихся къ вышеупомянутымъ, а также и къ остальнымъ участвующимъ въ процессѣ лицамъ. На основаніи этого матеріала прокуратура формулируетъ свое обвиненіе.

Варынскій, Плоскій, Дулемба, Рехневскій, Куницкій, Шмаусъ, Томашевскій, Петрусинскій, Влюхъ, Дегурскій, Янъ Гельшеръ, Поплавскій, Пацановскій, Оссовскій, Домбровский, Свросшевскій, Форминскій, Гладышъ, Кмѣцкій, Славикъ, Яновичъ, Госткевичъ, Конъ, Маньковскій, Бардовскій и Люри—обвиняются въ томъ, что они принадлежали къ тайному соціально-революціонному обществу «Пролетаріатъ», солидарному съ партіей «Народной Воли» и съ ея цѣлями,—сообществу, которое вошло въ соглашеніе съ послѣдней въ 1883 г. путемъ договора Исполнительнаго Комитета, представителя партіи «Народной Воли», съ Центральнымъ Комитетомъ въ качествѣ представителя сообщества «Пролетаріатъ». Сообщество это, для скорѣйшаго достиженія своихъ

дѣлей, прибѣгало: 1) къ пропагандѣ при помощи печати и слова; къ организаціи рабочихъ въ фабричныхъ центрахъ Царства Польскаго, именно путемъ основанія рабочихъ кружковъ и устройства собраний, на которыхъ произносились рѣчи, призывающія къ явному непослушанію верховной власти; путемъ распространенія и толкованія печатныхъ прокламацій, брошюръ и вообще сочиненій такого содержанія, тайно печатаемыхъ въ Россіи или привозимыхъ изъ-за границы; 2) сообщество имѣло свою тайную типографію, гдѣ оно печатало свои изданія вышеозначеннаго содержанія; 3) оно издавало періодическій органъ того же направленія; 4) оно устраивало свои конспиративныя квартиры и склады соціально-революціонныхъ изданій, писанныхъ, гектографированныхъ и печатныхъ; 5) сообщество организовало кассы и періодическіе денежные сборы; 6) располагало револьверами, кинжалами (въ томъ числѣ отравленными), кастетами, ядами, наконецъ, 7) сообщество, при помощи Центрального Комитета въ качествѣ своего представителя, публиковало приговоры заповѣрными въ предательствѣ и приговаривало къ смерти лицъ, находящихся на государственной службѣ; оно печатало эти приговоры, снабжало ихъ спеціальными печатами и исполняло вынесенные приговоры на томъ основаніи, что терроръ является самымъ успѣшнымъ средствомъ для достиженія намѣченной цѣли. Результатомъ этой дѣятельности были дѣльный рядъ убійствъ и покушеній на убійства, вслѣдствіе чего всѣ они привлекаются къ отвѣтственности на основаніи ст. 249 § 4 уложенія о наказаніяхъ.

Въ частности, каждому изъ вышеупомянутыхъ лицъ предъ-является спеціальное обвиненіе.

Такъ, *Людовигъ Варыинскій* обвиняется въ томъ, что, живя нелегально въ Варшавѣ, онъ завязалъ широкія сношенія въ рабочей сферѣ, устраивалъ многочисленныя рабочія собранія, велъ на нихъ революціонную пропаганду, подыскивалъ агентовъ для перевозки изъ-за границы революціонныхъ изданій, устроилъ при помощи Плоскаго, Дулембы и др. тайную типографію, былъ сотрудникомъ изданія «Пролетаріатъ», организовалъ сообщество того же названія, составилъ вмѣстѣ съ Куницкимъ его программу, вошелъ въ составъ Центрального Комитета, подстрекалъ рабочихъ къ убійству предателей, выписалъ изъ-за границы 10 револьверовъ и, наконецъ, уже находясь въ тюрьмѣ, вызвалъ фактъ убійства предателя Скъшыччинскаго.

Эдуардъ Плоскій обвиняется въ томъ, что, будучи агентомъ Центрального Комитета, бывалъ на собраніяхъ, поддерживалъ связи съ рабочими и учащейся молодежью, распространялъ революціонныя изданія, держалъ рѣчи, подстрекающія рабочихъ противъ фабрикантовъ и легальной власти, помогалъ организовать тайную типографію и былъ сотрудникомъ «Пролетаріата».

Генрихъ Дулемба обвиняется въ принадлежности къ Центральному Комитету и въ созданіи вмѣстѣ съ Варыинскимъ «Про-

летаріата», въ пропагандѣ революціонныхъ идей среди рабочихъ словомъ и печатью, въ участіи въ организаціи тайной типографіи.

Тадеушъ Резневскій обвиняется въ томъ, что онъ былъ членомъ Центрального Комитета и поддерживалъ постоянныя сношенія съ «Народной Волей», состоя въ то же время соредакторомъ «Пролетаріата» и распространяя польскія и русскія революціонныя изданія.

Станиславъ Куницкій обвиняется въ томъ, что онъ принялъ на себя роль агента «Пролетаріата» въ Парижѣ, ѣздилъ по порученію Центрального Комитета въ Петербургъ, Ригу и Вильну, чтобы основать тамъ «колоніи» «Пролетаріата», завязывалъ сношенія съ эмиграціей и основалъ заграничный органъ партіи «Walka Klas», не переставая быть главнымъ членомъ Центрального Комитета, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и агентомъ Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли» и, наконецъ, организовалъ убійства предателей Гельшера и Скшыпчинскаго.

Шмаусъ обвиняется въ перевозкѣ изъ-за границы социалистическихъ изданій, въ пропагандѣ среди рабочихъ, въ организаціи тайной типографіи и въ участіи въ неудачномъ покушеніи на жизнь предателя Сремскаго. *Томашевскій* обвиняется главнымъ образомъ въ томъ, что онъ склонилъ Бугайскаго къ убійству Сремскаго и вручилъ ему для этой цѣли кинжалъ, послѣ чего Бугайскій совершилъ опять-таки неудачное покушеніе на Сремскаго. *Бугайскій* обвиняется въ совершеніи послѣдняго покушенія.

Петрусинскій и Блюхъ обвиняются въ убійствѣ по приговору Центрального Комитета предателя Гельшера въ Згержѣ, гдѣ они руководили пропагандой социалистическихъ идей въ качествѣ видныхъ членовъ «Пролетаріата». *Янъ Гельшеръ, Поплавскій, Дегурскій* обвиняются въ содѣйствіи Петрусинскому и Блюху въ дѣлѣ исполненія смертнаго приговора Гельшеру. Въ томъ же обвиняется и *Пацановскій*, которому, кромѣ этого, ставится вину пропагандистская и организаторская дѣятельность въ партіи, а также сотрудничество въ «Пролетаріатѣ».

Оссовскій и Домбровскій обвиняются къ убійствѣ шпіона Скшыпчинскаго; первый—въ совершеніи этого убійства, а второй—въ содѣйствіи ему. Въ участіи въ этомъ убійствѣ обвиняется *Строшевскій*, относительно котораго обвинительный актъ утверждаетъ, что онъ принималъ участіе въ единогласномъ постановленіи убить въ интересахъ партіи товарища прокурора Янкулію жандармскаго подполковника Секержинскаго, точно такъ же какъ и въ приготовленіяхъ къ взрыву канцеляріи прокурора. Такое же обвиненіе распространяется и на *Форминскаго* и *Гладышевскаго*, причемъ обвинительный актъ выставляетъ участникомъ въ подготовленіи покушеній на Янкулію и Секержинскаго еще и *Янковича*, обвиняемаго въ поддержаніи «Пролетаріата» денежными

средствами и литературными работами, а кромѣ того—въ вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ полиціи при арестѣ.

Кмцицкѣ, Словикѣ и Госткевичѣ обвиняются главнымъ образомъ въ пропагандистской дѣятельности и въ косвенномъ участіи въ террористическихъ актахъ. То же самое относится и къ *Маньковскому*, обвиняемому еще и въ организаціи и перевозкѣ тайной типографіи.

Конъ обвиняется въ транспортировкѣ и распространеніи нелегальной литературы, а также въ оказаніи другихъ техническихъ услугъ партіи (работа въ типографіи и т. д.).

Мировой судья *Петръ Бардовскій* (русскій) обвиняется въ томъ, что онъ устроилъ у себя конспиративную квартиру, на которой сходились главные руководители «Пролетаріата», далѣе—организовалъ складъ изданій партіи, хранилъ у себя кассу послѣдней и стремился къ организаціи революціонной пропаганды въ арміи, для чего написалъ «Воззваніе къ военнымъ», подстрекавшее офицеровъ къ измѣнѣ долгу присяги и къ присоединенію къ революціи.

Три военныхъ: капитанъ *Люри* и подпоручики *Игельстромъ* и *Сокольскій* обвинялись главнымъ образомъ въ сношеніи съ членами «Пролетаріата», причемъ только Люри оказывалъ сознательное содѣйствіе партіи и принималъ участіе въ редактированіи написаннаго Бардовскимъ «Воззванія къ военнымъ».

Предсѣдатель суда, ген. *Фредериксъ*, вручая подсудимымъ обвинительные акты, сообщилъ имъ, что на время судебного разбирательства послѣдніе будутъ у нихъ отобраны. Это сообщеніе вызвало энергичный протестъ со стороны подсудимыхъ, и судебной власти пришлось уступить: обвинительные акты не были у подсудимыхъ отобраны. Зато адвокаты, готовящіеся защищать обвиняемыхъ, совсѣмъ не получили обвинительныхъ актовъ на руки. Имъ позволили только просматривать ихъ въ зданіи военного суда въ часы приѣма. Такая мѣра объясняется желаніемъ правительства, чтобы извѣстія о процессѣ не проникли черезъ адвокатовъ въ печать.

Передъ началомъ судебного разбирательства всѣмъ 16-ти адвокатамъ было сообщено предсѣдателемъ суда отъ имени генералъ-губернатора *Гурко*, что они обязаны хранить въ глубочайшей тайнѣ все, что будетъ происходить на судѣ, и что они могутъ жестоко поплатиться, если станутъ распространять свѣдѣнія о ходѣ судебныхъ преній. Мало того, онъ присовокупилъ, что задача адвокатуры въ данномъ процессѣ состоитъ не въ томъ, чтобы оправдывать дѣйствія подсудимыхъ, а въ томъ, чтобы помочь раскрыть истину. Во время судебныхъ преній у одного изъ адвокатовъ былъ произведенъ обыскъ, такъ какъ его заподозрили въ пересылкѣ за границу отчетовъ о процессѣ.

Процессъ продолжался цѣлый мѣсяцъ, начиная съ 23-го ноября 1885 г. Подсудимыхъ вводили по одиночкѣ въ зданіе Александровской цитадели, гдѣ происходилъ судъ, изъ расположеннаго

напротивъ X павильона. Каждого изъ подсудимыхъ сопровождали двое солдатъ и жандармъ. Во время перерыва засѣда подсудимыхъ, за исключеніемъ предателя Пацановскаго, сожимаго отдѣльно, переводили въ специальный залъ. Въ залѣ суда ихъ расположили на четырехъ возвышающихся амфиатромъ, скамьяхъ. На первой скамьѣ были помѣщены: Варынский, Куницкій, Рехневскій, Дулемба, Бардовскій, Конъ и Яновскій. Первоначально предсѣдатель суда старался сдѣлать совершенно невозможнымъ всякое общеніе подсудимыхъ съ ихъ адвокатами, но и первые, и послѣдніе такъ энергично протестовали противъ этого, что судебной власти пришлось уступить.

Въ залѣ суда присутствовало всего нѣсколько лицъ со стороны подсудимыхъ, и, такимъ образомъ, среди публики преобладали жандармы различныхъ степеней и разные военные. Во время допроса подсудимыхъ и также во время рѣчей адвоката Спирова и Варынскаго присутствовалъ генералъ-губернаторъ Гурьевъ со своей свитой.

У одной изъ стѣнъ зала засѣданій помѣщался столъ, на которомъ находились вещественныя доказательства въ видѣ жества книгъ революціоннаго содержанія, брошюръ, прокламаций, номеровъ «Пролетаріата» и другихъ изданій партіи, типографскихъ кассъ, револьверовъ, кинжаловъ и т. д. На столѣ старая лежало 26 томовъ, заключающихъ въ себѣ дѣло о «Пролетаріатѣ». Четыре изъ этихъ томовъ были недоступны для зрителей, хотя военный прокуроръ Стрѣльниковъ (братъ прокурора, убитаго революціонерами въ Одессѣ) имѣлъ къ нимъ доступъ.

За особымъ столомъ засѣдало четверо прокуроровъ, съ прокуроромъ Моравскимъ во главѣ. Тутъ же присутствовали и жандармскій подполковникъ Бѣлановскій, который первоначально терроризовалъ свидѣтелей, становясь противъ нихъ съ карашлемъ въ рукѣ и не спуская съ нихъ глазъ, когда же, по требованію Варынскаго, Бѣлановскій принужденъ былъ покинуть мѣсто, онъ перебрался на скамью подсудимыхъ и оттуда пытался магнетизировать взглядомъ свидѣтелей. Въ концѣ концовъ тестъ Варынскаго заставилъ его покинуть и это мѣсто.

II.

По прочтеніи обвинительнаго акта судъ приступилъ къ допросу обвиняемыхъ. Каждого изъ нихъ допрашивали въ отсутствіи остальныхъ, которыхъ на это время выводили изъ зала.

Варынский, на вопросъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, отвѣтилъ, что въ этомъ дѣлѣ, какъ политическомъ, не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь винѣ. То, что въ Варшавѣ являлось преступленіемъ, вовсе не преступленіе на разстояніи 12 часъ

къ западу отъ Варшавы. Пять лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ Галиціи оправданъ по дѣлу, совершенно аналогичному настоящему. Варынский не отрицаетъ, что онъ былъ агентомъ Центрального Комитета, велъ пропаганду и агитацію среди рабочихъ, принималъ участіе въ устраиваніи тайной типографіи и содѣйствовалъ изданію двухъ первыхъ номеровъ «Пролетаріата». Хотя его арестовали раньше всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ, однако онъ вполне солидаренъ съ ними во всемъ томъ, что они совершили послѣ его ареста. Особенно подчеркнул онъ свое сочувствіе сближенію съ «Народной Волей».

— Такъ вы солидарны съ «Народной Волей»?—прерываетъ его Стрѣльниковъ.

— Вполнѣ—отвѣчаетъ Варынский и переходитъ къ опроверженію страннаго пункта обвинительнаго акта, утверждающаго, будто Варынский уговаривалъ варшавскихъ работниковъ обратиться къ Александру III во время его пребыванія въ Варшавѣ съ требованіемъ уменьшенія налоговъ. Варынский удивляется, что ему можетъ быть приписываема подобная нелѣпость.

Передъ допросомъ *Куницкаго* прокуроръ потребовалъ удаленія изъ зала родственниковъ подсудимаго, что и было исполнено. Куницкій сознается въ принадлежности къ партіи «Пролетаріатъ». Начиная съ 1881 г. онъ велъ революціонную пропаганду среди польской молодежи въ Петербургѣ, въ началѣ 1883 г. сталъ агентомъ Центрального Комитета и предпринималъ по его порученію поѣздки въ Ригу, Вильно и Петербургъ. Въ убійствѣ Судейкина онъ не принималъ непосредственнаго участія, но зналъ, что оно готовится и сопутствовалъ Дегаеву въ его бѣгствѣ за границу. Въ концѣ января 1884 г. онъ получилъ порученіе отправиться за границу съ цѣлью основать тамъ теоретическій органъ партіи. Онъ дѣйствительно основалъ такой органъ «Walka Klas», сближалъ его редакцію съ редакціей «Вѣстника Народной Воли» и велъ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи «Народной Воли». Результатомъ этихъ переговоровъ былъ тайный договоръ между Центральнымъ Комитетомъ и Исполнительнымъ Комитетомъ. До утвержденія этого договора Куницкій былъ временнымъ представителемъ Исполнительнаго Комитета при центральномъ Комитетѣ. «Пролетаріатъ» вполне солидаренъ съ «Народной Волей», но такъ какъ изъ всѣхъ подсудимыхъ Куницкій одинъ былъ при составленіи тайнаго договора, документа, опредѣляющаго эту солидарность, и такъ какъ большинство подсудимыхъ было арестовано до утвержденія этого документа, поэтому Куницкій просить, чтобы судъ привлекалъ къ отвѣтственности, вытекающей изъ этого документа, только его одного. Начиная съ марта 1884 г. вплоть до своего ареста Куницкій постоянно пребывалъ въ Варшавѣ, руководя техникой партіи и содѣйствуя выходу № 5 «Пролетаріата». По распоряженію Центрального Комитета онъ переслалъ нѣкому Мелле смертный приговоръ Скрыпчинскому, не исполненный вслѣдствіе предательства Мелле. Въ покушеніи

Бутайскаго на жизнь Сремскаго Куницкій не принималъ никакого участія. Установивъ фактъ предательства Гельшера, Куницкій передалъ Пацановскому смертный приговоръ, вынесенный Гельшеру Центральнымъ Комитетомъ. По дѣлу приготовленнаго къ взрыву канцелярія товарища прокурора Куницкій далъ следующие указанія. Центральному Комитету стало извѣстно, что лица, ведущія слѣдствіе по дѣлу «Пролетаріата», истязаютъ допрашиваемыхъ, поддѣлываютъ протоколы и, вообще, позволяютъ себѣ всякія злоупотребленія. Это вызвало страшное негодованіе, особенно среди рабочихъ, которые настоятельно требовали наказанія особенно ретивыхъ истязателей—товарища прокурора Янкулію и подполковника жандармеріи Секержинскаго. Центральный Комитетъ счелъ необходимымъ исполнить это требованіе и поручилъ Куницкому заняться разработкой плана покушенія на Янкулію и Секержинскаго. Онъ предложилъ взорвать канцелярію прокурора во время пребыванія въ ней обоихъ вышеупомянутыхъ лицъ, причемъ были бы уничтожены и документарно касающіеся «Пролетаріата». Кое какія приготовления къ исполненію этого плана были Куницкимъ сдѣланы, но затѣмъ Центральный Комитетъ призналъ весь планъ не подходящимъ, и онъ былъ брошенъ. Куницкій сказалъ въ заключеніе своей рѣчи: «Партія относится съ отвращеніемъ къ убійству, но само правительство заставляетъ прибѣгать къ нему, особенно дѣйствуя при помощи такихъ своихъ агентовъ, какъ Янкулію, Бѣлановскій и Секержинскій».

Громадное впечатлѣніе вызвало заявленіе *Поплавскаго*, съзнававшагося въ томъ, что не Петрусинскій, а онъ собственно лично убилъ предателя Гельшера. Поплавскій подробно изложилъ всѣ обстоятельства этого дѣла и доказалъ, что Петрусинскій въ убійствѣ Гельшера неповиненъ. На всѣ вопросы, предложенные ему прокуратурой и защитниками, Поплавскій отвѣчалъ съ полнымъ спокойствіемъ, не позволяя сбить себя съ толку прокуратурѣ, для которой признаніе Поплавскаго было невыгодно, потому что оно дискредитировало показанія предателя Пацановскаго, между тѣмъ какъ именно на этихъ-то показаніяхъ и опиралось обвиненіе цѣлага ряда подсудимыхъ.

Оссовскій заявилъ, что онъ былъ членомъ партіи «Пролетаріата» и по порученію Центрального Комитета принялъ на себя обязанность убить предателя Скшыпчинскаго. Онъ самъ предложилъ свои услуги Центральному Комитету. По убѣжденію Оссовскаго, партія стремится къ соціальному перевороту, и главная ея задача въ настоящее время состоитъ въ пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Однако, при существующемъ политическомъ строе и средствахъ борьбы съ социализмомъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство, партія не можетъ избѣжать террористическихъ актовъ. Убійство Скшыпчинскаго было актомъ самозащиты со стороны партіи. Описавъ подробно всѣ обстоятельства, сопровождавшія убійство Скшыпчинскаго, Оссовскій взялъ обратно по-

казанія, данныя имъ подѣ слѣдствіемъ, указывающія на Домбровскаго, какъ на сообщника въ этомъ дѣлѣ. Оссовскій далъ это показаніе потому, что жандармерія убѣдила его путемъ подложныхъ протоколовъ, что Домбровскій донесъ на него, а онъ между тѣмъ не желалъ указать на истиннаго своего сообщника.

Послѣднимъ изъ первой группы подсудимыхъ допрашивали предателя *Пацановскаго*. Бывшій студентъ Варшавскаго университета, Пацановскій первоначально принадлежалъ къ партіи «Солидарность», когда же послѣдняя распалась, онъ перешелъ въ «Пролетаріатъ» и былъ его дѣятельнымъ членомъ, поддерживая сношенія съ рабочими организаціями Лодзи и Згержа. Онъ принималъ участіе въ убійствѣ Гельшера. Арестованный въ 1884 г., онъ сначала держался безукоризненно, но потомъ сталъ выдавать товарищей и, заявивъ о своемъ полномъ раскаяніи, сообщалъ жандармской власти все, что только зналъ или о чемъ только догадывался. На судѣ онъ подтвердилъ все, сказанное подѣ слѣдствіемъ, настаивая на томъ, что Гельшера убилъ не Поплавскій, а Петрусинскій. Пацановскій закончилъ свою рѣчь мольбой о снисхожденіи. Во время рѣчи Пацановскаго, родственники подсудимыхъ были устранены изъ зала суда—по просьбѣ допрашиваемаго.

Допросъ свидѣтелей и чтеніе свидѣтельскихъ показаній начались на другой день послѣ допроса подсудимыхъ, и тутъ обнаружилась во всей своей наготѣ тактика, примѣнявшаяся во время веденія слѣдствія. Масса свидѣтелей заявила, что протоколы ихъ показаній записывались безъ ихъ вѣдома или въ ихъ отсутствіе, причемъ жандармерія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовалась ихъ незнаніемъ русскаго языка. Многіе свидѣтели, принужденные подписать предъявленные имъ протоколы, только на судѣ узнавали о ихъ содержаніи и совершенно отказывались отъ записанныхъ, яко бы съ ихъ словъ, показаній. Оказалось, что нѣкоторые свидѣтели, ни о чемъ не знавшіе, рассказывали фантастическія исторіи, только бы избавиться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Въ результатѣ свидѣтели давали на судѣ показанія, совершенно несходныя съ тѣмъ, что ими было показано на предварительномъ слѣдствіи, и чего отъ нихъ ожидала прокуратура. Многіе изъ нихъ совершенно не понимали словъ и выраженій, находящихся въ ихъ показаніяхъ.

При чтеніи показаній свидѣтелей обращаетъ на себя вниманіе обстоятельство, что фамиліи Варынскаго, Плоскаго и Дулембы упоминаются всегда вмѣстѣ, когда дѣло идетъ объ агитаторахъ, возбуждавшихъ рабочія собранія и произносившихъ тамъ зажигательныя рѣчи. Между тѣмъ ни одинъ изъ свидѣтелей, знающихъ Варынскаго, не зналъ Плоскаго и наоборотъ. Варынскій и Плоскій утверждаютъ, что они никогда не ходили вмѣстѣ на одно и то же собраніе, а всегда на разныя. Оказывается, что три вышеупомянутыя фамиліи вписывались въ протоколы вмѣстѣ по привычкѣ. Одинъ изъ свидѣтелей, спрешенный, почему онъ го-

ворить, что Дембскій былъ у него только нѣсколько разъ, ес
въ протоколѣ записано 15, отвѣтилъ наивно: «я сказалъ, ч
Дембскій былъ у меня 10 разъ, а господинъ прокуроръ взя
да и записалъ 15».

На судѣ обнаружались также факты, свидѣтельствующіе
провокаторскихъ дѣйствіяхъ шпионовъ—Мелле, Скъшыпчинска
Сремскаго, Рутковскаго, Барановскаго и др. Вообще же сви
тельскія показанія заключали въ себѣ очень мало фактовъ,
которыя можно было воспользоваться противъ обвиняемыхъ. Э
показанія были настолько сбивчивы и неясны, что на ни
можно было опереться только съ явно предвзятой тенденціей. П
казанія Пацановскаго отличались обиліемъ преувеличенныхъ
прямо вымышленныхъ фактовъ, что выяснилось послѣ переж
стнаго опроса его защитой. Все это, однако, не помѣшало обви
тельской власти продолжать оперировать этимъ въ высшей ст
пени сомнительнымъ матеріаломъ какъ неопровержимыми до
зательствами виновности подсудимыхъ. Такъ, въ крайне запут
номъ вопросѣ, кто убилъ Гельшера, судъ, несмотря на сл
Поплавскаго и на противорѣчія, заключающіяся въ показаніи
Пацановскаго, призналъ виновнымъ Петрусинскаго единствен
на основаніи словъ Пацановскаго.

Относительно лицъ, обвиняемыхъ въ причастіи къ убійс
Скъшыпчинскаго, прокуратура утверждала, что они принадлеж
къ спеціальной «боевой дружинѣ», организованной Куницки
для совершенія террористическихъ актовъ. На судѣ прокур
не могъ сослаться ни на одно показаніе, подтверждающее
ществованіе такой «дружины». Характерно, что и Варыск
обвиняли въ подстрекательствѣ къ убійству Скъшыпчинскаго
томъ основаніи, что въ запискѣ, посылаемой имъ изъ X пави
она Куницкому и перехваченной жандармеріей, онъ писалъ: «
ратите вниманіе на шпиона, который выдалъ Дулембу». Его
вняли въ подстрекательствѣ къ этому убійству, несмотря
то, что за мѣсяцъ до обнаруженія этой записки смертный п
говоръ Скъшыпчинскому уже былъ вынесенъ Центральнымъ
митетомъ. И Куницкій былъ привлеченъ по этому же дѣлу, к
убійство Скъшыпчинскаго было совершено черезъ два мѣсяца по
ареста Куницкаго.

Строшевскій, Форминскій, Гладышъ, Кмѣцкій и Словицк
внялись въ участіи въ приготовленіяхъ къ покушенію на
кулію и Секержинскаго и въ обвинительномъ актѣ сгруппиров
обильный матеріалъ, касающійся этого дѣла. Между тѣмъ
судѣ оказалось, что весь этотъ матеріалъ состоялъ изъ одн
фантазій провокаторскаго свойства.

Вообще матеріалъ, сообщенный агентами-провокаторами,
гралъ на судѣ видную роль. Такъ, по дѣлу Госткевича свидѣ
лемъ былъ нѣкій Футерлейбъ—«сыщикъ по наслѣдству», т
какъ его отецъ былъ въ 1863 г. повѣшенъ повстанцами за ш
ство. Футерлейбъ, выманивавшій у рабочихъ прокламаціи,

которыми онъ затѣмъ являлся въ жандармское управленіе, чтобы указать на лицо, отъ котораго онъ ихъ получилъ, заявилъ, что онъ помнитъ наизусть распространяемую въ Лодзи прокламацію «Пролетаріата». И тутъ же онъ ее продекламировалъ отъ начала до конца, призывавшаго рабочихъ къ «ограбленію и убійству купцовъ и фабрикантовъ, къ истребленію царской фамиліи и ниспроверженію трона». Подсудимымъ стоило не малыхъ усилій доказать, что конецъ этой прокламаціи присочиненъ Футерлейбомъ. Обвиненіе Маньковского въ различныхъ террористическихъ планахъ и проектахъ основывалось на показаніяхъ провокатора Рутковского, не явившагося на судъ, такъ какъ его «не удалось» разыскать. Эти показанія умалчиваютъ объ одномъ—о томъ, что вышеупомянутые проекты и планы исходили отъ него, Рутковского, и были Маньковскимъ систематически отвергаемы.

Важную роль сыграли на судѣ показанія Загурскаго. Онъ былъ арестованъ большимъ и находящимся въ состояніи сильнаго нервнаго расстройствѣ. Обвиненный въ убійствѣ Судейкина (въ томъ же обвинялись Куницкій, Рыдзевскій и Онуфровичъ), онъ сошелъ съ ума и всѣми силами старался доказать, что не онъ убилъ Судейкина. Чтобы доказать свое алиби, Загурскій указалъ на квартиры Бардовскаго и Кшывоблоцкаго, гдѣ онъ жилъ нелегально во время убійства Судейкина, что могутъ подтвердить оба квартирновладѣльцы. Благодаря указаніямъ Загурскаго было обращено вниманіе на Бардовскаго, у котораго при обыскѣ найдены вещественныя доказательства его сношеній съ «Пролетаріатомъ». Далѣе Загурскій доказывалъ, что онъ знаетъ истинныхъ убійцъ Судейкина. Одинъ изъ нихъ—это Онуфровичъ, а другой—человѣкъ неизвѣстной фамиліи, пріѣхавшій изъ Петербурга въ Варшаву въ день убійства Судейкина. О проектѣ убійства Судейкина онъ, Загурскій, узналъ отъ Рехневскаго, который сообщилъ ему объ этомъ въ помѣщеніи тайной типографіи, гдѣ онъ, Загурскій, работалъ. Бредъ сумасшедшаго перемѣшивался въ этихъ показаніяхъ съ истинными фактами, которыми воспользовалась жандармерія.

На судѣ выяснилось, что жандармерія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовалась нервнымъ расстройствомъ подсудимыхъ. Такъ напр., жандармскій офицеръ Фурса, узнавъ, что обвиняемая Плоская находится въ бреду, явился въ ея камеру, представился ей въ качествѣ товарища ея мужа, технолога Болеслава, и завязалъ съ ней бесѣду, записывая произносимыя ею безсвязныя фразы. Жена Бардовскаго, Наталія Поль, была допрашиваема нѣсколько разъ, преимущественно ночью, въ состояніи полной невмѣняемости, во время нервныхъ припадковъ и галлюцинацій.

Подсудимые и защитники установили фактъ сбивчивости и фантастичности показаній Загурскаго и Поль. Тогда прокуроръ Моравскій потребовалъ, чтобы въ качествѣ свидѣтелей были допрошены подполковникъ Бѣлановскій и товарищъ прокурора судебной палаты Турау, которые вели слѣдствіе, чтобы, на осно-

вані ихъ показаній, судъ могъ убѣдиться о нормальности и аномальности состоянія обоихъ подсудимыхъ. Защита воспротивилась этому самымъ энергичнымъ образомъ. Спасовичъ доказывалъ, что въ данномъ случаѣ нельзя допрашивать Бѣлановскаго и Турау, хотя бы ужъ по одному тому, что, признавъ невѣрность Загурскаго и Поль во время слѣдствія, они должны были сами занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Вслѣдствіе этого ихъ собственные интересы требуютъ утвержденія противна. Несмотря на все это, судъ рѣшилъ допросить ихъ въ качествѣ свидѣтелей. Бѣлановскій и Турау, приведенные къ присягѣ, сказали, что и Загурскій, и Поль были вполне нормальны во время слѣдствія.

Допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей, чтеніе свидѣтельскихъ показаній, разборъ вещественныхъ доказательствъ и чтеніе документовъ, характеризующихъ дѣятельность партіи, заняли болѣе трехъ недѣль. Въ половинѣ четвертой недѣли начались пренія.

Первымъ ваялъ слово прокуроръ Моравскій, доказывавшій, что, такъ какъ дѣятельность партіи «Пролетаріатъ» цѣлкомъ подходитъ подъ опредѣленіе 249 статьи, то всѣ ея члены заслуживаютъ смертной казни, какъ зловерные террористы. Вторымъ говорилъ Борметовъ, обвинявшій Варынскаго, Плоскаго, Дулемъ и Рехневскаго. Большую часть своей рѣчи онъ посвятилъ послѣднему, такъ какъ доказательствъ виновности трехъ первыхъ было вполне достаточно, да и они сами сознались во многомъ. Моравскій старался представить Рехневскаго самымъ опаснымъ анархистомъ (всѣхъ членовъ «Пролетаріата» онъ называлъ «анархистами») и, выходя изъ рамокъ обвинительнаго акта, доказывалъ, что онъ игралъ важную роль и въ «Народной Волѣ». Борметовъ коснулся и теоретическихъ основъ социализма, обнаруживая свое полное невѣжество по этому вопросу. Вторая рѣчь Моравскаго была посвящена Куницкому, Шмаусу, Бугайскому, Томашевскому и подсудимымъ, обвинявшимся въ убійствѣ Гельшера и Скрычинскаго. Въ этой рѣчи Моравскій настаивалъ на необходимости примѣненія смертной казни къ Куницкому, Бардовскаго и трехъ военныхъ (Люри, Сокольскаго и Игельстрома) обвинялъ капитанъ Россовскій. И онъ, подобно двумъ предыдущимъ своимъ товарищамъ, оперировалъ, главнымъ образомъ, фантастическимъ матеріаломъ обвинительнаго акта. Одинъ только Джуричъ, обвинявшій Яновича, Кона, Госткевича и Маньковскаго опирался на фактическое матеріалъ, считаясь съ обстоятельствами дѣла, выяснившимися на судѣ, и не вдаваясь въ теоретическія мудствованія. Въ концѣ концовъ онъ даже отказался отъ обвиненія Яновича въ участіи въ приготовленіяхъ къ покушенію на Янкулю и Секержинскаго, какъ ничѣмъ не подтвержденнаго во время судебного разбирательства.

III.

Первымъ изъ защитниковъ говорилъ В. Д. Спасовичъ. Въ смѣлой рѣчи, произнесенной въ присутствіи генераль-губернатора Гурки, Спасовичъ подвергнулъ критическому разбору всѣ показанія, касающіяся Рехневскаго, доказывая ихъ полную несостоятельность. Съ другой стороны, онъ утверждалъ, на основаніи непреложныхъ фактовъ, выяснившихся на судѣ, что Рехневскій провель послѣдніе мѣсяцы 1883 г. въ Петербургѣ и поэтому не могъ совершить въ Варшавѣ приписываемыхъ ему дѣяній. Остается одно подозрѣніе, что Рехневскій намѣревался принять участіе въ революціонной дѣятельности, переселившись въ Варшаву. Если у него и было такое намѣреніе, то онъ все-таки не привелъ его въ исполненіе, такъ какъ его арестовали до пріѣзда въ Варшаву. Такимъ образомъ, въ вину Рехневскому можно поставить только два факта: онъ написалъ статью, заключающую оскорбленіе величества (статья, однако, не была напечатана), и въ моментъ ареста имѣлъ при себѣ пакетъ съ революціонными изданіями. За это онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи 2-ой части 245 и 3-ей части 251 статьи, но ни въ коемъ случаѣ не на основаніи 249-ой. Затѣмъ Спасовичъ охарактеризовалъ дѣятельность «Пролетаріата», доказывая, что она совершенно не подходитъ подъ статью 249. Самъ прокуроръ допускаетъ возможность юридическаго опредѣленія партіи «Пролетаріатъ» на основаніи признаковъ, указанныхъ въ первой части 250 статьи, однако онъ требуетъ примѣненія 249 статьи, въ виду того, что теперь время неспокойное, и слѣдуетъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Спасовичъ выражаетъ свое удивленіе по поводу столь пессимистическаго взгляда на настоящее время. Эта странная мотивировка доказываетъ, что прокуроръ не чувствуетъ подъ собою твердой почвы. Къ одному и тому же факту нельзя примѣнять произвольно двухъ различныхъ статей. Дѣло юридической логики выбрать самую подходящую изъ нихъ, не руководясь никакими посторонними побужденіями. Ничто не доказываетъ, чтобы непосредственной цѣлью партіи «Пролетаріатъ» было вооруженное восстаніе, чтобы уже былъ составленъ заговоръ съ цѣлью немедленнаго ниспроверженія существующаго порядка. Партія стремилась въ будущемъ къ революціи, но теперешняя ея дѣятельность состояла въ социалистической пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Допустимъ, что когда-нибудь эта дѣятельность приведетъ къ насильственному перевороту. Даже въ такомъ случаѣ нелѣпо примѣнять къ причинамъ такое наказаніе, котораго заслуживаютъ только весьма отдаленныя послѣдствія. Точно такъ же нелѣпо судить «Пролетаріатъ» на основаніи 249 статьи за сношеніе съ «Народной Волей». Даже не поднимая вопроса, поскольку эта статья можетъ быть примѣнена къ самой «Народной Волѣ», для осужденія членовъ «Пролетаріата» необхо-

димо доказать, что они лично и непосредственно принимали участие въ тѣхъ дѣяніяхъ «Народной Воли», которыя наказуемы статью 249. Называть политическимъ терроромъ тѣ немногочисленные убійства и покушенія, которыя были совершены нами «Пролетаріата», нельзя. Въдѣ лица, павшія жертвой этихъ покушеній, не были государственными чиновниками—это шпионы и предатели. Государственный строй не подвергается вслѣдствіе этихъ покушеній опасности.

Спасовичъ протестуетъ противъ заявленія одного изъ прорывовъ, что, хотя Варынского, Плоскаго, Дулембу и Рехневскіе арестовали раньше, нежели были совершены самыя тяжкія преступленія «Пролетаріата», однако наказаніе за эти преступления слѣдуетъ распространить и на вышепоименованныхъ лицъ, такъ какъ эти преступленія являются лишь слѣдствіемъ ихъ дѣятельности. Если бы мы согласились на такую постановку вопроса говорить Спасовичъ—то Христа мы должны были бы считать виновнымъ за всѣ еретическія ученія, возникшія въ теченіе вѣковъ, потому что они тоже до извѣстной степени являются послѣдствіями его дѣятельности. Агитація партіи—заключеніе Спасовичъ—вела къ усиленію классоваго антагонизма и притомъ всего подкапывала социальный порядокъ. Такимъ образомъ, юридическимъ лицомъ, терпящимъ въ этомъ случаѣ, является не само общество. Но это общество не является въ судъ со своей жалобой, не требуетъ наказанія для принесшихъ ему вредъ и не требуетъ его представителей—обвиняютъ наемные прокуроры.

Послѣ Спасовича говорилъ Варынский, защищавшійся самъ. Его рѣчь, продолжавшаяся болѣе часа, произвела громадное впечатлѣніе. Вотъ краткій ея содержаніе.

Я не юристъ и потому я не буду останавливаться на юридической сторонѣ дѣла, которая была подвергнута критикѣ блестящей рѣчи г. Спасовича. Я обращаю только вниманіе на одинъ странный фактъ изъ исторіи обвиненія. Послѣ ареста, мы вмѣстѣ съ нѣкоторыми моими товарищами обвиняли по 318 статьѣ. Черезъ годъ намъ объявили, что насъ обвиняютъ по 250 статьѣ. Наконецъ, по истеченіи двухъ лѣтъ мы узнаемъ изъ обвинительнаго акта, что мы судимся по 249 статьѣ. Лично я не думаю защищаться. Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы дать картину дѣйствительныхъ нашихъ стремленій и дѣятельности, представленную прокуратурой въ ложномъ освѣщеніи. Мы не сектанты, не оторванные отъ реальной жизни мечтатели, какими насъ считаютъ обвинительный актъ да и защита. Социалистическая теорія получила право гражданства въ наукѣ, и за нее говорятъ постоянно реальныя факты современной жизни. Серьезные мыслители создали уничтожающую критику современнаго социальнаго строя. Тѣ же мыслители указываютъ на недостатки лучшаго строя, быстро развивающіеся на почвѣ современныхъ условій. Парламенты и даже самодержавныя правительства проводятъ законодательнымъ путемъ реформы, находящіяся

полномъ противорѣчїи съ господствующими понятїями о власти. Концентрація государственной земли, происходящая во многихъ странахъ Европы, переходъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ руки государства, повсемѣстное введеніе фабричнаго законодательства— все это глубоко характеризуетъ наше время и приближаетъ моментъ торжества новаго соціального строя. Мы не игнорируемъ этихъ фактовъ, мы ясно видимъ ихъ значеніе и пользу для нашего дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены, что освобожденіе рабочаго класса отъ давящаго его гнета должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Даже тѣ палліативныя средства, которыми современныя правительства стараются предотвратить соціальныя бѣдствїя, вызваны напоромъ рабочаго движенїя. Нѣтъ такого правительства, которое бы находилось въ полной независимости отъ входящихъ въ составъ даннаго государства соціальныхъ классовъ. Ихъ вліяніе на государственный строй находится въ прямомъ отношенїи къ степени ихъ политическаго развитїя и организованности. До сихъ поръ перевѣсъ въ этомъ отношенїи оказывался на сторонѣ привилегированныхъ классовъ — буржуазїи и дворянства. Выступая на политическую арену, рабочїй классъ долженъ противопоставить организацію организаціи и во имя опредѣленныхъ идеаловъ вести борьбу съ существующимъ соціальнымъ строемъ.

Стремясь къ радикальному преобразованію соціального строя, рабочая партїя въ настоящее время ведетъ подготовительную работу, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы побудить рабочихъ къ сознательному отношенію къ ихъ интересамъ и призвать ихъ къ неуклонной защитѣ ихъ правъ. Рабочая партїя образуетъ и организуетъ рабочїй классъ и ведетъ его на борьбу съ правительствомъ и съ привилегированными классами. Мы стремились къ тому, чтобы вызвать рабочее движеніе и организовать рабочую партїю въ Польшѣ. Насколько наши усилїя увѣнчались успѣхомъ, вы можете судить по даннымъ, выяснившимся на слѣдствїи. Передъ вами продефилировалъ длинный рядъ свидѣтелей изъ рабочаго класса. Вы помните, судьи, какъ ихъ допрашивала прокуратура, какъ она домогалась желательныхъ для нея показанїй. Вы также помните, что отвѣчали свидѣтели на предлагаемый имъ вопросъ, что они знаютъ о стремленїяхъ партїи «Пролетарїата». Ихъ отвѣты можно подвести подъ одну общую формулу: партїя стремилась къ улучшенію быта рабочихъ и указывала на средства осуществленїя этого. Симпатїи рабочихъ на нашей сторонѣ. Мы гордимся тѣмъ, что брошенное нами зерно принялось и пустило корни.

Мы—враги правительства, но мы не патріоты въ политическомъ значенїи этого слова, и мы не поднимаемъ національнаго вопроса. Мы—враги имущихъ и привилегированныхъ классовъ, которые въ нашемъ краѣ, благодаря его развитїю и политическимъ традиціямъ, являются сильнымъ и опаснымъ противникомъ. Въ нашей дѣятельности мы прежде всего распространяли

соціалистическіе принципы, указывая рабочимъ на идеаль будущаго строя, къ которому они должны стремиться. Мы вели также агитацію во имя повседневныхъ интересовъ рабочаго класса, доказывая рабочимъ, какъ они должны защищать свои права, и чего они должны добиваться. Что наша агитація не была безплодна, доказательствомъ этого можетъ служить фактъ, что варшавскій оберъ-полицеймейстеръ принужденъ былъ отбыти распоряженіе, касающееся санитарнаго осмотра женщинъ, работающихъ на фабрикахъ.

Господинъ прокуроръ обвиняетъ «Пролетаріатъ» въ террористической дѣятельности. Однако убійства шпіоновъ и предателей нельзя называть терроромъ. Съ самимъ существованіемъ тайной организаціи связана необходимость извѣстныхъ мѣръ безопасности. Это до такой степени естественно, что въ уставѣ тайнаго общества «Иллюминатовъ», къ которому принадлежали коронованныя особы и даже папы, находился параграфъ, карающій смертью предательство.

Я долженъ объяснить, что такое политическій и экономическій терроръ, потому что взгляды г. прокурора на этотъ вопросъ превратны и спутаны. Политическій терроръ является однимъ изъ средствъ политической агитаціи. Онъ направляется противъ извѣстныхъ, если такъ можно выразиться, правительственныхъ постовъ съ той цѣлью, чтобы подкопать или низвергнуть данную политическую систему. Экономическій терроръ направляется противъ людей, которые пользуются своимъ положеніемъ во вредъ рабочимъ, угнетаютъ ихъ, надругаются надъ ихъ человѣческимъ достоинствомъ. Очевидно поэтому, что экономическій терроръ имѣетъ дѣло не съ системой, а съ отдѣльными личностями. Такимъ образомъ, нелѣпо приписывать намъ желаніе ввести новый соціальныи строй при помощи убійствъ. Убійство внушаетъ намъ отвращеніе. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить, что люди, одаренные высокоразвитымъ альтруистическимъ чувствомъ, людянаго характера, неспособные причинить ближнему малѣйшій вредъ, вступаютъ въ наши ряды и часто становятся виновными въ совершеніи кровавыхъ преступленій?

Употребленіе насилія является грустнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежнымъ послѣдствіемъ несовершенства современнаго строя. Экономическій терроръ—вовсе не средство достиженія нашихъ социальныхъ цѣлей. Но при извѣстныхъ условіяхъ онъ является единственнымъ средствомъ борьбы со зломъ, коренящимся въ современномъ соціальнои строѣ. Устранить экономическій терроръ можетъ только устраненіе условій, которыя его вызываютъ. Принявъ на себя обязанность защищать рабочихъ отъ ихъ угнетателей, соціалистическая партія должна помириться съ необходимостью политическаго террора. Но она должна стараться по-возможности уменьшить количество жертвъ экономическаго террора.

Организуя рабочій классъ для борьбы съ существующимъ стр

емъ, мы не организовали переворота, но мы организовали рабочий классъ для переворота. Мы знаемъ, что возрастающіе социальные антагонизмы и язвы социального организма ведутъ неуклонно къ взрыву. Мы знаемъ также, до какихъ ужасныхъ послѣдствій онъ можетъ довести, если мы не исполнимъ нашей задачи — не подготовимъ рабочего класса къ революціи, не сдѣлаемъ его движеніе сознательнымъ, организованнымъ и имѣющимъ опредѣленные цѣли и средства. На переворотъ, къ которому мы стремимся, мы смотримъ, какъ на результатъ историческаго развитія и социальныхъ условий. Мы его предвидимъ и стараемся, чтобы онъ насъ не застигнулъ врасплохъ.

Я кончилъ, гг. судьи. Какой бы вы мнѣ не вынесли приговоръ, я васъ прошу, не отдѣляйте моей судьбы отъ судьбы моихъ товарищей. Я былъ арестованъ раньше всѣхъ товарищей. Но то, что совершено ими, и я бы совершилъ, будучи на ихъ мѣстѣ. Я честно служилъ дѣлу, и я готовъ пожертвовать за него жизнью.

Послѣ рѣчи Варынскаго наступилъ рядъ рѣчей защитниковъ. Самыя смѣлыя рѣчи были произнесены Анцемъ, Каминскимъ и Харитоновымъ. Харитоновъ изобличилъ передъ судомъ тотъ фактъ, что прокуратура скрыла собственноручное заявленіе Наталіи Поль, опровергавшее содержаніе протоколовъ, писанныхъ не ея рукой. Новодворскій — защитникъ Дегурскаго, Петрусинскаго и Блюха — подробно рассмотрѣлъ матеріалъ, которымъ пользовалась прокуратура противъ его клиентовъ, и доказалъ съ замѣчательной послѣдовательностью, что эти матеріалы не выдерживаютъ критики. Съ другой стороны, онъ выяснилъ, что предатель Пацановскій, желая очистить себя, сваливалъ вину на нихъ въ чемъ неповинныхъ людей. Анць — защитникъ Поплавскаго — далъ широкую картину социальныхъ бѣдствій нашего времени, создавшихъ почву для социалистической агитаціи и вызвавшихъ ее. Вообще Анць былъ единственнымъ защитникомъ, поставившимъ защиту на широкую почву социального вопроса. Большинство адвокатовъ ¹⁾ настолько перетрусило, что считало своимъ долгомъ заявлять о полной своей несолидарности съ подсудимыми. Они доказывали также, что у социализма нѣтъ въ Польшѣ почвы, и что онъ является результатомъ обрусѣнія. Эти интеллигенты — говорилъ Спасовичъ о Варынскомъ, Плоскомъ, Куницкомъ, Дембскомъ, Загурскомъ, Яновичѣ — люди денационализировавшіеся, которые воспитались вдали отъ родины, жили въ Петербургѣ и въ другихъ еще болѣе отдаленныхъ городахъ, поляки только по языку, ученики, которые съ успѣхомъ прошли русскую социалистическую школу. На нихъ написаны слова Костюшки «Finis Poloniae!» Впрочемъ къ самому дѣлу защиты своихъ клиентовъ всѣ адвокаты отнеслись вполне добросовѣстно, за ис-

¹⁾ Защитниками пролетаріатцевъ были: Анць, Вагнеръ, Городецкій, Дзевульскій, Кіевскій, Каминскій, Кокели, Краевскій, Ланеттъ, Новодворскій, Рыдель, Спасовичъ, Сулиговскій, Харитоновъ, Шеллеръ, Шиферъ и Шуляковскій.

включеніемъ одного Городецкаго изъ Одессы, защищавшаго Куницкаго. Городецкій спалъ во время судебного разбирательства говорилъ поразительно бессмысленныя вещи, нападалъ самымъ безтактнымъ образомъ на подсудимыхъ и въ концѣ концовъ явилъ, что онъ никогда въ жизни не слышалъ о «Народной Воле», что и подтверждаетъ своимъ честнымъ словомъ. Куницкій несколько разъ протестовалъ противъ словъ Городецкаго, отказавшись отъ его защиты и просилъ лишить его слова.

Когда всѣ защитники уже высказались, начались реплики прокуратуры, сводившіяся къ цитированію опровергнутыхъ защитниками мѣстъ обвинительнаго акта. Одинъ изъ защитниковъ Краевскій, заявилъ по этому поводу, что доводы прокурора Морозова можно объяснить развѣ только его отсутствіемъ въ залѣ суда. Всѣ защитники рѣзко оппонировали представителямъ прокуратуры.

Для произнесенія послѣдняго слова обвиняемыхъ вводили сейчасъ же выводили изъ залы поодиночкѣ. *Варынский* сказалъ между прочимъ: «Настоящій моментъ имѣетъ историческое значеніе. Отъ вашего приговора зависитъ дальнѣйшее направленіе нашего движенія, его дальнѣйшій характеръ. Помните объ ответственности, которая на васъ лежитъ, помните что и вы подаете суду исторію». *Яновичъ* просилъ, чтобы рабочимъ были несены не столь суровые приговоры, какъ интеллигентамъ. Собственно горячую рѣчь произнесъ *Куницкій*. «Позвольте мнѣ, судья, въ моемъ послѣднемъ словѣ очистить себя отъ той грязи, которой забросали меня прокуроры и даже нѣкоторые изъ защитниковъ. Меня представили здѣсь какимъ-то кроваваднымъ чудовищемъ. По словамъ моихъ обвинителей, повсюду, куда я только являлся, лилась или должна была литься кровь. Мои убійства были признаны вредными для общества, мои поступки были охарактеризованы какъ преступленія. Чтобы еще болѣе повліять на васъ, судья, прокуратура подчеркивала фактъ нашей солидарности съ «Народной Волей», совершившей актъ 1-го марта. Да, я солидаренъ съ «Народной Волей», я былъ членомъ этой партіи и расписываюсь подо всѣмъ, что она совершила. Это не преступленіе, а исполненіе священной обязанности. Вся моя вина заключается въ моей любви къ народу, за освобожденіе котораго я готовъ пролить послѣднюю каплю крови. Давленіе необходимости заставило насъ войти на путь террора. Возьмите отъ насъ такихъ людей какъ Янкуліо и Бѣлановскіе, прекратите безчеловѣчныя преслѣдованія, и тогда борьба сама собой потеряетъ свой рѣзкій характеръ. Слышите плачъ и рыданія раздающіеся среди публики? Это плачутъ наши родные — отцы, матери и жены. Спросите ихъ, считаютъ ли они насъ преступниками. Вы можете насъ судить, можете и осудить — мы умремъ съ чувствомъ исполненнаго долга».

Комъ выяснялъ судьямъ причины, въ силу которыхъ онъ въ 20-мъ году жизни былъ арестованъ, а на 22-мъ очутился

скамъѣ подсудимыхъ. «Я былъ воспитанъ—говорилъ онъ—въ чисто патриотическихъ чувствахъ, съ малолѣтства во мнѣ воспитывали привязанность къ родному краю, между тѣмъ въ гимназiи это ставилось мнѣ въ вину, тамъ надругались надо всѣмъ тѣмъ, что для меня было свято и неприкосновенно. Гнетъ, которому подвергается современная молодежь въ гимназiяхъ, не поддается никакому описанiю. Въ университетѣ мы видимъ то же самое. Въ теченiе короткаго моего пребыванiя тамъ я имѣлъ не мало столкновенiй съ университетскими властями. Я получилъ выговоръ отъ ректора за организацiю студенческой кассы взаимопомощи. Гнетъ правительственнаго режима до такой степени стѣснилъ человѣческую жизнь, что стало прямо невозможнымъ не выйти изъ этихъ, созданныхъ правительствомъ рамокъ. Чтенiе и изученiе запрещенныхъ сочиненiй—а у насъ запрещены и Бюхнеръ и Милль—вотъ первое нарушенiе закона. Будучи гимназистомъ или студентомъ, я не пересталъ, однако, быть человѣкомъ, на котораго производятъ впечатлѣнiе факты повседневной жизни. Я, напримѣръ, не могъ не обратить вниманiя на громадную массу блѣдныхъ, голодныхъ рабочихъ, которыми перiодическiе кризисы заполняютъ улицы Варшавы. Всѣ эти факты вызывали у меня неудовлетворенность существующимъ порядкомъ. Познакомившись съ ученiемъ социализма, я проникнулся имъ^а и сталъ искать людей, принимающихъ дѣятельное участiе въ борьбѣ съ устарѣвшимъ социальнымъ строемъ. Найдя же ихъ, я умолялъ принять меня въ организацiю, чтобы и я могъ исполнить свой долгъ передъ народомъ. Не было и рѣчи о томъ, чтобы меня кто-нибудь завлекать, потому что самое согласiе на работу подъ тѣмъ же знаменемъ, подъ которымъ боролись они, я считалъ для себя величайшей честью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я былъ арестованъ, а въ настоящее время прокуроръ требуетъ для меня смертной казни. Я не думаю защищаться и ожидаю своей судьбы съ чувствомъ исполненнаго долга».

Маньковский, не знающiй русскаго языка, говорилъ по-польски. Онъ съ глубокой убѣжденностью выяснялъ причины и цѣли социалистическаго движенiя. «Во всѣхъ странахъ Европы—такъ закончилъ онъ свою рѣчь—наша дѣятельность допускается невозбранно, а въ случаѣ конфликта съ существующими законами намъ угрожаютъ ничтожныя наказанiя. Но здѣсь господствуетъ другой взглядъ на это дѣло, и г. прокуроръ требуетъ для насъ смертной казни. Если вы, судьи, приговорите меня къ смерти, я умру безъ страха, я умру съ убѣжденiемъ, что погибаю за правду и справедливость».

Оссовскiй доказывалъ, что только правительство виновато въ томъ, что социалисты прибѣгаютъ къ террористическимъ средствамъ борьбы, и требовалъ для рабочихъ и интеллигентовъ одинаковаго наказанiя, потому что рабочiе такъ же сознательно борются подъ знаменемъ социализма, какъ и интеллигенты.

Выслушавъ подсудимыхъ, судъ удалился для составленiя приговора.

IV.

Нѣкоторые члены суда считали смертную казнь допустимой исключительно по отношенію къ Куницкому, между тѣмъ Фридериксъ и Стрѣльниковъ настаивали на примѣненіи смертной казни къ цѣлому ряду подсудимыхъ. Когда аргументы, приведенные Стрѣльниковымъ и Фридериксомъ, не оказали ожидаемаго дѣйствія, предсѣдатель суда вынулъ изъ портфеля писменное распоряженіе Гурки, требующее смертнаго приговора Куницкому, Бардовскому, Люри, Оссовскому, Петрусинскому и Шмаусу. «Вы рискуете своей карьерой» — присовокупилъ Фридериксъ и оппозиція судей исчезла.

Приговоръ, вынесенный судомъ и прочтенный подсудимымъ въ ночь на 20-е декабря 1885 г., былъ для нихъ полной неожиданностью. Послѣ всего того, что выяснилось на судѣ, и послѣ рѣчи защитниковъ, можно было предполагать, что Петрусинскій, Блюхъ, Дегурскій, и Гельшеръ будутъ оправданы, то же самое думали о Словицкѣ, Домбровскомъ и Томашевскомъ. Рехновскій, Бардовскаго и Люри, вѣроятно, сошлуть административнымъ порядкомъ — на этомъ сходилось мнѣніе всѣхъ. Только судьба одного Куницкаго вызывала всеобщую тревогу.

Между тѣмъ оказалось, что ни судебное разбирательство, ни рѣчи защитниковъ не сыграли никакой роли. Мотивы приговора повторили дословно (даже съ тѣми же опечатками) отдѣльнымъ мѣста обвинительнаго акта. При этомъ въ приговорѣ не дѣлалось различія между руководителями и организаторами партіи съ одной стороны, и съ людьми, только сочувствовавшими ей или оказывавшими ей мелкія услуги; между участниками покушеній и убійство и обыкновенными пропагандистами. Самыя безсмѣлныя обвиненія, совершенно опровергнутыя на судѣ, опять появились въ мотивахъ вердикта. Такъ, напр., приговоръ привѣчалъ Яновича виновнымъ въ подготовленіи покушенія на Янкулю и Секержинскаго, несмотря на то, что сама прокуратура отказалась отъ обвиненія по этому пункту. Вообще весь судъ былъ сплошной комедіей, инсценированной только для формы, и судьба обвиняемыхъ была рѣшена заравѣ правительствомъ желавшимъ терроризировать сторонниковъ социализма въ Польшѣ.

Военный судъ приговорилъ:

I. Къ смертной казни: 1) Петра Бардовскаго, мирового судьи въ Варшавѣ; 2) Станислава Куницкаго, бывшаго студента института путей сообщенія; 3) Николая Люри, капитана, военнаго инженера; 4) Михаила Оссовскаго, сапожника изъ Варшавы; 5) Яна Петрусинскаго, ткача изъ Згержа; 6) Иосифа Шмауса, слеса изъ Варшавы.

II. Къ 16-лѣтней каторгѣ съ лишеніемъ всѣхъ правъ гражданства: 7) Теофиля Блюха, ткача изъ Згержа; 8) Петра Домбровскаго, сапожника изъ Варшавы; 9) Леона Дегурскаго, ткача и

Згержа; 10) Генриха Дулембу, рабочаго на мыловаренномъ заводѣ; 11) Адольфа Форминскаго, столяра изъ Варшавы; 12) Станислава Гладыша, конторщика изъ Варшавы; 13) Гилярія Гостевича, ткача изъ Лодзи; 14) Яна Гельшера, ткача изъ Згержа; 15) Людвига Яновича, бывшаго студента земледѣльческой академіи; 16) Иосифа Кмѣщика, разсыльнаго изъ Варшавы; 17) Мстислава Маньковского, столяра изъ Кракова; 18) Эдмунда Шлоскаго, кандидата правъ; 19) Антонія Поплавскаго, слесаря изъ Лодзи; 20) Тадеуша Рехневскаго, студента-юриста; 21) Адама Сѣрошевскаго, плотника изъ Варшавы; 22) Адама Словика, разсыльнаго изъ Варшавы; 23) Казимира Томашевскаго, ткача изъ Згержа; 24) Людвига Варынскаго, бывшаго студента агрономическаго института.

III. Къ 10 годамъ и 8 мѣсяцамъ каторги: 25) Фелликса Кона, бывшаго студента юриста; 26) предателя Соломона - Станислава Папановскаго, бывшаго студента-юриста.

IV. Къ 8 годамъ каторги: 27) Станислава Бугайскаго, ткача изъ Згержа.

V. Къ поселенію въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія: 28) Андрея Игельстрома, подпоручика саперной бригады телеграфнаго парка и 29) Захарія Сокольскаго, артиллерійскаго подпоручика.

Осужденные обратились къ товарищамъ на свободѣ со слѣдующимъ письмомъ:

«Братья рабочіе!

Вамъ, несомнѣнно, извѣстны приговоры военнаго суда: 6 человекъ осуждены на смерть, 21—на каторгу. Правительство хотѣло однимъ ударомъ отрубить голову революціонной гидрѣ—«Пролетаріату», надѣясь вызвать такими приговорами панику среди социалистовъ. Но его усилія тщетны: ни насъ, ни васъ оно этимъ же устрасило.

Мы спокойно приняли приговоры, жалѣя только о двухъ вещахъ: что мы не сдѣлали больше, и что мы надолго будемъ оторваны отъ работы.

Васъ же послѣдній процессъ еще больше убѣдилъ въ тѣсной связи между правительствомъ и капиталистами.

Тщетно мы доказывали передъ судомъ, что мы—рабочая партія, стремящаяся къ улучшенію быта рабочихъ, что мы стараемся завоевать для рабочихъ такія же права и такое же вліяніе, какими въ настоящее время пользуются капиталисты. (О революціи мы говорили, что не мы ее вызываемъ, а нынѣшнія экономическія отношенія, мы ее только предвидимъ). Все это было напрасно: судъ призвалъ насъ партией, которая желала ниспровергнуть правительство насильственнымъ путемъ, и примѣнилъ самую высшую степень наказанія, имѣющагося въ уложеніи о наказаніяхъ.

Мы предчувствуемъ крикъ негодованія, который долженъ раздаться въ рабочей Варшавѣ, потому, что судъ дѣйствительно въ наименьшей мѣрѣ руководился принципами справедливости.

Виновные и невинные, тотъ, кто совершилъ многое, и тотъ, кто мало сдѣлалъ—всѣ, кромѣ 6-ти, приговоренныхъ къ смертной казни, получили одинъ и тотъ же приговоръ: 16 лѣтъ каторги.

Мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ правительство ошиблось въ расчетѣ. Оно думало насъ запугать, между тѣмъ какъ онъ вызоветъ у всѣхъ чувство ужаса, такъ какъ даже люди, совсѣмъ не понимающіе въ чемъ дѣло, за что мы боремся, поймутъ, что не можетъ быть дурной та идея, за которую люди жертвуютъ жизнью. Всѣ тѣ, которые никогда не слыхали о социализмѣ и партіи «Пролетаріатъ», теперь узнаютъ о нихъ, потому что въ будущемъ въ Польшѣ чловѣка, который бы не услышалъ о столь жестокой казни.

Поэтому, да здравствуетъ судъ, который сдѣлалъ популярнымъ наше дѣло! Мы должны быть благодарны Гурку за то, что онъ этимъ процессомъ укрѣпилъ краеугольный камень, положенный нами.

Итакъ, не думайте, братья, о кровавой мести за насъ. Мести и гнѣвъ—плохіе совѣтники. Единственной местью съ нашей стороны должно быть развитіе нашего дѣла, кровавыя же средства слѣдуетъ употреблять единственно для самозащиты. Работайте же, братья-рабочіе, въ томъ же направленіи, чтобы всѣмъ рабочимъ стало ясно, что *улучшеніе судьбы рабочихъ возможно и зависитъ отъ соединенныхъ усилій всѣхъ трудящихся*. Когда всѣ поймутъ это и станутъ руководствоваться этимъ принципомъ, настанетъ давно желанный день. Прощайте, братья! Да здравствуетъ рабочее дѣло! Да здравствуетъ социальная революція!

Приговоренные 20-го декабря къ смерти и каторгѣ.

Представители власти прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы склонить осужденныхъ подать просьбы о помилованіи. Всѣ отвергли рѣшительнымъ отказомъ. Для подачи кассационной жалобы былъ назначенъ 2-хъ-недѣльный срокъ, причемъ, однако, защита было поставлено на видъ, что требованіе кассации приговоромъ будетъ принято очень неблагоприятно. Несмотря на это, большинство защитниковъ потребовало кассации, которой Гурко даже не далъ хода.

Первоначальный вердиктъ былъ измѣненъ въ Петербургѣ слѣдующимъ образомъ:

I. Смертный приговоръ получили: Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій;

II. 20 лѣтъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Люри и Шмаусъ;

III. 16 лѣтъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Ялиохъ, Домбровскій, Яновичъ, Маньковскій и Варынский;

IV. 15 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Томашевскій, Гельшеръ;

B V. 14 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Рехневскій, Сѣрошевскій;

VI. 13 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Дулемба, Госткевичъ, Плоскій, Поплавскій;

VII. 12 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Форминскій и Кмиѣцкѣ;

VIII. 10 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Дегурскій, Гладышъ и Словикъ;

IX. 8 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Конь;

X. 6 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Бугайскій;

XI. Ссылку въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири: предатель Пачановскій;

XII. Поселеніе въ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ: Игельстромъ и Сокольскій.

28-го января 1886 г. смертный приговоръ былъ исполненъ. Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій были повѣшены въ варшавской цитадели. 40 дней они ожидали вмѣстѣ съ товарищами рѣшенія своей судьбы, пребывая въ полной неизвѣстности. Ихъ вызвали подъ разными предлогами въ канцелярію, откуда имъ уже не суждено было вернуться къ товарищамъ. Куницкій передъ смертью крикнулъ: «Да здравствуетъ Пролетаріатъ!», Бардовскій: «Да здравствуетъ свобода!», а Петрусинскій выругалъ Брока и другихъ жандармовъ. Только Оссовскій молчалъ. Выходя во дворъ всѣ четверо воскликнули: «Да здравствуетъ социальная революція!»

Къ четыремъ висѣлицамъ, воздвигнутымъ въ январѣ 1886 г. въ Варшавѣ, вскорѣ прибавилась пятая. Среди множества лицъ, арестованныхъ лѣтомъ 1886 г., находились *Ковалевскій* и *Гипшерь*, преданные военному суду по обвиненію въ покушеніи на убійство предателя Пинскаго. Ихъ судили при закрытыхъ дверяхъ, безъ свидѣтелей и защитниковъ. Гипшерь былъ приговоренъ къ 14 годамъ каторжныхъ работъ, Ковалевскій же къ смерти. Его повѣсили въ сентябрѣ 1886 года.

Громадное количество лицъ, привлеченныхъ по дѣлу «Пролетаріата», въ 1884—1886 г. было административнымъ порядкомъ осуждено на тюремное заключеніе и ссылку. Они распредѣляются по тремъ группамъ.

Къ первой принадлежатъ лица, близко стоящія къ 29 осужденнымъ въ процессѣ 1885 г. Вотъ ихъ (къ сожалѣнію, не полный) списокъ съ обозначеніемъ полученныхъ ими административныхъ приговоровъ:

1. Амфиеръ—4 г. Вятской губ. 2. Быкъ Гершъ, студентъ ветеринарнаго института—4 г. Западной Сибири. 3. Ворнеховскій Казиміръ—6. ученикъ пинскаго реального училища—9 м. тюрьмы. 4. Вильбекъ Францишекъ—сапожникъ—1 г. 4 м. тюрьмы. 5. Випкій—портной—1 г. тюрьмы. 6. Вычановскій Янъ—5 л. Вост. Сибири. 7. Гандельсманъ Вацлавъ—ученикъ коммерческаго училища—5 л. Вост. Сибири. 8. Гореландъ Тытусъ—4 м. тюрьмы. 9. Дзянковская Софія (урожд. Пласковицкая)—5 л. Вост. Сибири. 10. Дрешеръ Юліанъ—слесарь—5 л. Зап. Сибири. 11. Дрон-

жевскій Станиславъ—ветеринарный врачъ—1 г. тюрьмы. 12. Енджеевскій Болеславъ—бухгалтеръ—9 м. тюрьмы и 2 г. надзора. 13. Ентысъ Александра—классная дама—5 л. Зап. Сибири. 14. Зарэмба Петръ—кузнецъ—5 л. Зап. Сибири. 15. Зачынскій портной—9 м. тюрьмы. 16. Каллентронъ Теодоръ—кузнецъ—4 г. Зап. Сибири. 17. Киферъ Ксаверій—столяръ—5 л. Вост. Сибири. 18. Ключевскій—токарь—1 г. тюрьмы. 19. Крохмальскій Теодоръ—кузнецъ—4 г. Зап. Сибири. 20. Кшывоблоцкій Игнатій—студ. ветеринарнаго инст.—1 г. 4 м. крѣпости. 21. Малиновскій—сапожникъ—4 г. Зап. Сибири. 22. Остерловъ—ученикъ коммерч. училища—1 г. тюрьмы. 23. Онуфровиць Болеславъ—фармацевтъ—5 л. Вост. Сибири. 24. Остепко Иосифъ—технологъ—5 л. Вост. Сибири. 25. Пенке Янъ—токарь—4 г. Зап. Сибири. 26. Плоска Софія—4 г. Зап. Сибири. 27. Подбѣльскій Константинъ—плотникъ—5 л. Зап. Сибири. 28. Поль Наталія Михайловна (Бардовская)—5 л. Зап. Сибири. 29. Пташинскій Янъ—слесарь—4 г. Зап. Сибири. 30. Рехневская Витольда—9 м. тюрьмы и 2 г. надзора. 31. Рудницкій Лукашъ—сапожникъ—4 г. Зап. Сибири. 32. Рыдзевскій Люціанъ—б. студентъ агрономическаго инст. тута—5 л. Вост. Сибири. 33. Савицкій Людвигъ—студентъ—4 г. Зап. Сибири. 34. Сандбергъ Софія—9 м. ареста. 35. Ставицкій—химикъ—5 л. Зап. Сибири. 36. Тшесковскій Габріель—сапожникъ—5 л. Вост. Сибири. 37. Фаворскій—рабочій на мыловаренномъ заводѣ—1 г. тюрьмы. 38. Яровскій М.—9 м. ареста.

Ко второй группѣ принадлежатъ арестованныя вмѣстѣ съ Маріей Богусевичъ (8 лѣтъ Сибири), Розалія Фельзенгардтъ, Иосифъ Разумѣйчикъ, Михаилъ Манцевичъ, Константинъ Стешинскій, Вильфридъ Войничъ и нѣсколько другихъ лицъ—всѣ приговорены къ ссылкѣ въ Восточную Сибирь.

Къ третьей, наконецъ, относятся лица, привлеченныя вмѣстѣ съ Ковалевскимъ и Гипшеромъ по дѣлу о покушеніи на предавателя Пинскаго или арестованныя сейчасъ же послѣ этого покушенія. Изъ нихъ къ 10-лѣтней ссылкѣ въ самыя отдаленныя мѣста Восточной Сибири приговорены:

1. Брониковскій Теофиль—слесарь; 2. Букшнисъ Винцентій—слесарь; 3. Вислоцкій Владиславъ—хористъ; 4. Крожевскій Янъ—слесарь; 5. Пшыбыславскій Тадеушъ—столяръ; 6. Ульрихъ Стефанъ—бывшій студентъ.

Къ 8 годамъ Восточной Сибири: 7. Графинскій Эдуаръ—сапожникъ.

Къ 6 годамъ Восточной Сибири: 8. Зында Михаилъ—столяръ.

Къ 4 годамъ Восточной Сибири: 9. Красускій Эвзебій—рабочій у золотыхъ дѣлъ мастера; 10. Брудневскій Владиславъ—лакировщикъ; 11. Эргардтъ Леонардъ—слесарь; 12) Манкевичъ Феликсъ—слесарь; 13. Пшыбыславскій Адамъ—слесарь; 14. Юзвякъ Яковъ—сапожникъ; 15. Малеванецъ Янъ—сапожникъ.

Къ 5 годамъ Зап. Сибири: 16. Ковальскій Леонъ—сапожникъ.

17. Ендрушекъ Брониславъ—сапожникъ; 18. Проховскій Антоній—мѣховщикъ; 19. Шмидтъ Стефанія—учительница.

Къ годичному заключенію въ крѣпости: 20. Сидорекъ Владиславъ—столяръ; 21. Курчевскій Николай. Къ годичному тюремному заключенію: 22. Плоска Марія.

Къ 6-мѣсячному тюремному заключенію: 23. Войцѣховекій Станиславъ—столяръ; 24. Срочынскій Юліанъ—слесарь; 25. Цесарскій, 26. Нейманъ и 27. Дружицкій — токари; 28. Азенбермеръ.

Къ тюремному заключенію отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ были приговорены: 29. Станкевичъ; 30. Аксенбермеръ; 31. Траусъ—сапожники; 32. Гловинская Олимпія и 33. Мателицкая Фердинанда.

Правительству казалось, что всѣ эти казни и жестокіе приговоры совершенно искоренятъ польское социалистическое движеніе. Между тѣмъ прошло всего нѣсколько лѣтъ, и оно вспыхнуло новымъ, еще болѣе яркимъ пламенемъ, котораго уже не удалось потушить никакими мѣрами.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Къ исторіи отношеній партіи «Народно-Воли» и партіи «Пролетаріатъ».

Въ настоящемъ номерѣ «Былого» мы перепечатаемъ несколько страницъ изъ одного крайне рѣдкаго правительственнаго изданія: *«Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія Царствъ Польскомъ съ 1877 по 1885 г.»*. Какъ видно изъ заголовка, это изданіе заключаетъ во себѣ «Заключенія Варшавской Судебной Палаты по дѣламъ о революціонномъ (патріотическомъ и социалистическомъ) движеніи въ Царствѣ Польскомъ. Напечатаны съ подлинныхъ заключеній безъ всякихъ измѣненій въ типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа исключительно для лицъ, наблюдающихъ за производствомъ упомянутыхъ дѣлъ и дающихъ послѣднимъ дальнѣйшее направленіе». Все изданіе было отпечатано всего въ 14 экземплярахъ и состоитъ изъ 4-хъ томовъ (227+267+157+107 стр.).¹⁾

Первый томъ открывается обстоятельнымъ докладомъ Пленарнаго бывшаго тогда только исправляющимъ должность прокурора Варшавской Судебной Палаты, посвященнымъ дѣлу Шиманскаго разбиравшемуся въ 1878 г. Далѣ слѣдуетъ 5 другихъ прокурорскихъ докладовъ о польско-русскомъ революціонномъ движеніи въ 1878—1881 г.г.,—здѣсь очень много говорится о дѣятельности Варынскаго, Кобылянскаго, Пласковинкой, Магильды, Длусскаго, Гласко, Сѣрошевскаго, Лянда, Геринга, и др. лицаго и др.

Второй томъ посвященъ дѣлу «Пролетаріатъ»,—причемъ на немъ возведены обвиненія противъ 190 лицъ,—4 изъ которыхъ мы и даемъ ниже.

Третій томъ заключаетъ обвинительный актъ по дѣлу 29-ти пролетаріатцевъ, извѣстный до сихъ поръ только въ пересказѣ а не подлинникѣ. Процессъ 29-ти въ свое время вызвалъ на себѣ общее вниманіе и правительства, и общества. «При самомъ поверхностномъ обзорѣнн настоящаго дѣла,—говорится въ пре-

¹⁾ Объ этомъ изданіи говорится на стр. 262, въ статьѣ Л. Платонова.

словіи къ 3-му тому о процессѣ 29-ти,—первое, что, такъ сказать, бросается въ глаза, это его громадность. Оно состоитъ изъ 26 объемистыхъ томовъ производства и изъ большого количества вещественныхъ доказательствъ, заключающихся въ 17 тюкахъ, изъ коихъ нѣкоторые наполнены письменными и печатными документами, подлежащими обстоятельному изученію».

Въ четвертомъ томѣ помѣщенъ докладъ о дѣятельности партіи «Пролетаріатъ» послѣ ареста Куницкаго и Бардовскаго въ 1884—1885 г.г., здѣсь, кромѣ характеристики дѣятельности «Пролетаріата», помѣщены очень интересныя свѣдѣнія о 55 лицахъ, привлечавшихся къ дѣлу, между прочимъ о Маріи Богушевичъ, I. Разумѣйчикъ, Фельзенгартъ, Лонцкомъ, Манцевичъ, Войничъ и др.

Варыньскій.

16-го сентября 1883 года, въ 8 часу пополудни, въ мелочную лавку, содержимую Лейзеромъ Бутлефомъ, въ домѣ подъ № 14, по Рымарской улицѣ, въ Варшавѣ, явился неизвѣстный молодой человекъ, высокаго роста, брюнетъ, въ пенснѣ, купилъ на 14 коп. почтовыхъ марокъ и, написавъ тутъ-же, въ лавкѣ, на бывшемъ у него въ рукахъ запечатанномъ конвертѣ, какой-то адресъ, съ этимъ конвертомъ вышелъ. Вслѣдъ за его уходомъ, Бутлефъ замѣтилъ на прилавкѣ какой-то узелокъ и изъ любопытства развернулъ его. Въ узелкѣ оказалось 40 экземпляровъ социально-революціоннаго стихотворенія на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Варшавянка“ (помѣщеннаго впервые въ газетѣ „Proletaryat“ № 1). Пока Бутлефъ, вмѣстѣ съ зашедшимъ къ нему Яковомъ Вальдомъ, разсматривали это стихотвореніе и совѣтовались, что предпринять, въ лавку вбѣжалъ тотъ же неизвѣстный человекъ, вырвалъ изъ рукъ Вальда означенный узелокъ свой и вышелъ. Замѣтивъ, что онъ вошелъ въ кондитерскую, помѣщавшуюся въ томъ же домѣ, Вальдъ, вмѣстѣ съ Бутлефомъ, стали караулить его, а между тѣмъ Абрамъ Софа отправился за полиціей. Вскорѣ прибылъ околочный надзиратель Жвачукъ, при содѣйствіи котораго означенный неизвѣстный молодой человекъ, несмотря на попытку бѣжать, задержанъ, находившаяся же съ нимъ въ кондитерской женщина (какъ впоследствии обнаружено познаніемъ—Варвара Шулепникова) успѣла скрыться (т. IX, л. 750 об., т. II, л. 7, 15—25, 44, 45, 54—62).

Самый поверхностный осмотръ найденныхъ при задержанномъ, оказавшемся разыскиваемымъ съ 1878 года Людвигомъ Варыньскимъ,—разной переписки, брошюръ, прокламацій, шрифта,—свидѣтельствоваль уже о серьезной руководительской роли его въ социально-революціонномъ сообществѣ. Именно, при обыскѣ этомъ, между прочимъ, обнаружены:

а) разные социальнo-революционныя изданія, б) рукописи—корреспонденціи о стачкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, выписки и вырѣзки изъ газетъ о случаяхъ смерти или изувѣченія рабочихъ во время работъ въ здѣшнемъ краѣ, разные замѣтки и часть статьи, начинающей словами: „Bedzie wojna“, (Статья эта въ нѣсколько измѣненномъ видѣ помѣщена въ № 2 газеты „Proletaryat“, подъ заглавіемъ „Mu w obwojuju“; обсуждая, съ точки зрѣнія социалистической, послѣдствія для рабочаго класса отъ войны, возможной въ Европѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что она только наноситъ вредъ рабочему дѣлу; но, заключаетъ онъ, „если бы желаніе воевать пришло имъ, рабочимъ: „Jeżeli chca iść, choć to i przedwczesne, my im przodować bedziemy. Niech idą ale z nami, pod naszym sztandarem“—„если хотятъ воевать—хотя это рано—мы пойдемъ впереди ихъ. Пусть идутъ, но съ нами, подъ нашимъ знаменемъ“); в) замѣтки, касающіяся свѣдѣній о Родзевичѣ, печатаемомъ партіей за измѣнника, и о шинкѣ Буйника (въ которомъ полиціей производился обыскъ, и также помѣщенные въ томъ же номерѣ); г) списки социальнo-революционныя изданія: д) письмо, частью зашифрованное, подписанное неразборчиво; е) корректурный листъ прокламаціи на нѣмецкомъ языкѣ къ рабочимъ г. Лодзи; ж) шрифтъ, наконецъ, з) паспорта: 1) на имя пруссака подданаго Карла Постоля (т. л. 57—62, 106, 120), 2) крестьянки Каролины Франковской и 3) свидѣтельство на имя дворянина Николая Черепова; два послѣдніе документа оказались подложными (т. II, л. 7—9).

По доставленіи затѣмъ изъ Варшавской Губернской Почтовой конторы письма, опущеннаго Варынскимъ въ почтовый ящикъ по выходу изъ лавки Бутлефа и адресованнаго въ „Парижъ“ „Аннѣ Лефрансесъ“ въ немъ найдены двѣ печатныя прокламаціи социальнo-революционнаго содержанія, на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, къ рабочимъ Лодзи окрестностей ¹⁾ и записка къ „пріятелициѣ“ ²⁾, при которой прокламаціи эти препровождались (т. II, л. 11, 46—51, 64, 65).

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Варынскій по существу падавашаго на него обвиненія отъ всякихъ показаній отказался; по поводу же обнаруженныхъ при немъ вещественныхъ доказательствъ далъ крайне уклончивыя объясненія, разновременно показавъ лишь, между прочимъ, что шрифтъ онъ привезъ въ видѣ образца, что подобный шрифтъ можетъ быть доставленъ для здѣшней тайной типографіи, паспортъ на имя Франковской ему дали за границую для передачи въ Варшавѣ, какъ равно и свидѣтельство на имя Черепова, которымъ онъ могъ воспользоваться; наконецъ, что прокламаціи онъ посылалъ въ Парижъ къ одному своему знакомому для того, чтобы тамъ знали ходъ пронаганды въ здѣшнемъ краѣ т. II л. 97, 104,

26 апрѣля 1884 года Варынскій заявилъ желаніе дать нѣкоторыя

¹⁾ Появилась только въ Лодзи (Прил. II, л. 66, 68, 101, 103, 112),

²⁾ Не обнаружена.

показанія и по предъявленіи всѣхъ собранныхъ противъ него данныхъ какъ по прежнему дѣлу, по которому онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, но не допрошенъ за неразъясненіемъ, такъ и по настоящему, объяснилъ, 1) что признаетъ принадлежность свою къ международной социальнo-революціонной партіи „Пролетаріатъ“, 2) что состоялъ агентомъ Центральнаго Комитета, съ которымъ и находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ, 3) что, въ качествѣ агента, онъ преобразовалъ „Рабочій Комитетъ“, озаботившись: а) присканіемъ людей для доставки брошюръ изъ-за границы, б) организаціею добровольныхъ денежныхъ сборовъ съ рабочихъ для увеличенія средствъ партіи, 4) что велъ, чрезъ агентовъ „Рабочаго Комитета“, пропаганду среди рабочихъ, первое время исключительно самъ, указывая рабочимъ на необходимость солидарности и на эксплуатацію ихъ фабрикантами {5} что, наконецъ, онъ сотрудничалъ въ газетѣ „Proletaryat“, и свидѣнія о Родзевичѣ и Буйникѣ и статья, при немъ оказавшаяся, написаны и собраны имъ для этой газеты.

Къ этому онъ присовокупилъ, что участвовалъ въ социальнo-революціонной пропагандѣ въ здѣшнемъ краѣ въ 1878 году, послѣ чего бѣжалъ за границу и прибылъ въ Варшаву впервые лишь въ 1882 году, желая узнать о положеніи революціоннаго дѣла въ Россіи и отыскать нѣкоторыя связи; проживалъ по подложнымъ паспортамъ Гроховскаго и Ходзынскаго до мая того-же года; затѣмъ, возвратясь сюда уже въ январѣ 1883 года, онъ жилъ здѣсь подъ фамиліей Постоля, наконецъ, въ августѣ выѣхалъ за границу и въ день возвращенія въ Варшаву былъ задержанъ. Таковы показанія Варынскаго. Затѣмъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній онъ отказался.

Но эти показанія Варынскаго далеко не исчерпываютъ его дѣятельности; въ разъясненіе роли, которую онъ игралъ въ дѣлѣ пропаганды дознаніемъ добыты еще нижеслѣдующія данныя (т. II л. 28—38, 72—87 89—94, 95, 97, 105, 106—120; т. V, л. 476):

Уроженецъ Кіевской губерніи, Каневскаго уѣзда, деревни Мартыновки, дворянинъ Людвигъ-Фаддей Севериновъ Варынскій, 26 лѣтъ, католикъ, по окончаніи курса наукъ въ Бѣлоцерковской гимназіи, въ сентябрѣ 1874 года поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго Технологическаго института. Исключенный въ ноябрѣ 1875 года за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ (противодѣйствіе распоряженію о релетиціяхъ) и высланный на родину, Варынскій въ декабрѣ 1876 года пріѣзжаетъ въ Варшаву и поступаетъ на фабрику Лильпопа и Рау, въ январѣ или февралѣ 1877 года, въ качествѣ простаго рабочаго (т. II л. 108). Съ этого момента, слѣдовательно, на 21-мъ году отъ рожденія, согласно собственнаго его объясненія, Варынскій начинаетъ свою дѣятельность по пропагандѣ. На фабрикѣ онъ остается до августа 1877 года, затѣмъ поступаетъ въ Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ п. Ново-Александрія, но вскорѣ оставляетъ Институтъ и съ февраля 1878 года проживаетъ уже безъ заявленія въ Варшавѣ. Въ августѣ онъ узнаетъ, что о предполагавшейся въ квартирѣ его сходкѣ извѣстно властямъ, отмѣняетъ сходку (т. III, л. 103 об.), скрывается еще двѣ недѣли въ Варшавѣ и затѣмъ бѣжитъ за границу; нѣкоторое время живетъ во

Львовѣ, послѣ чего поселяется въ Краковѣ. Тутъ въ 1879 году его держиваютъ по обвиненію въ преступной пропагандѣ и въ 1880 году высылаютъ изъ Австріи административнымъ порядкомъ до швейцарской границы. Въ 1880 и 1881 году Варынской живеть большею частью границею въ Парижѣ и Швейцаріи, гдѣ работаетъ въ типографіи; тѣмъ, съ декабря 1881 года, онъ уже появляется въ Варшавѣ, проживае здѣсь подѣ фамиліей Гроховскаго (т. II л. 29—38), то какъ Ходзынскій и Постолюк, то называетъ себя „торговымъ агентомъ“, то выдаетъ себя за „литографа“ или „помѣщика“; живеть здѣсь постоянно, рѣдко выѣзжаетъ но при каждой перемѣнѣ квартиры отмѣчается на выѣздъ. Съ 17 августа 1883 года, когда онъ выявленъ за границу изъ дома № 1 по Новгородской улицѣ, дальнѣйшее мѣсто пребыванія его дознаніемъ не выяснено, но часть вещей его оказалась у Плоскаго, который объяснилъ, что около этого времени Варынской сообщилъ ему, что долженъ куда-то ѣхать, прислалъ къ нему чемоданъ свой на храненіе, причемъ въ чемоданѣ оказались, кромѣ бѣлья, найденныя у него при обыскѣ фотографы Анны Сѣрошевской, группа Лянды Бейта и Сѣрошевскаго (осужденныя за социалистическую пропаганду) и визитныя карточки „Карль Постолюк“ (т. II л. 179 об., с. IX л. 949).

Съ первой минуты прибытія своего въ Варшаву, Варынской задумалъ сношенія съ рабочими, организуетъ „Рабочій Комитетъ“, вступае въ сношенія съ „Секретнымъ совѣтомъ“ (Центральный Комитатъ), заимаясь, главнымъ образомъ, пропагандою въ рабочей средѣ. Нѣтъ одного рабочаго изъ числа вовлеченныхъ въ сообщество „Пролетаріатъ“, который бы не зналъ, не видѣлъ или не слышалъ Варынскаго. Известный среди рабочихъ лишь подѣ прозвищемъ „Другаго“, Варынской былъ первый организаторъ и руководитель социально-революціоннаго движенія въ средѣ рабочихъ (т. III л. 214 об.). По показанію одного изъ наиболѣе развитыхъ и посвященныхъ въ дѣло рабочихъ Ивана Савинскаго,—съ прибытіемъ Варынскаго въ Варшаву социально-революціонная пропаганда принимаетъ громадныя размѣры; самъ Варынской показалъ (т. II л. 97), что, когда онъ прибылъ сюда въ 1882 году, онъ нашель, что пропаганда заглохла. Для достиженія своихъ цѣлей Варынской (т. III л. 96 об., 233 об., 302 об.):

1) озабочивается возможно широкимъ образованіемъ социально-революціонныхъ кружковъ и сходокъ. Окружая себя такими людьми какъ Пташинскій, Дулемба, Госткевичъ, Вихржицкій, Шмаусъ, имѣя также помощника какъ Плоскій, Варынской самъ, или чрезъ посредство ихъ, требуетъ отъ каждаго вновь! вовлеченнаго въ партію, чтобы онъ образовалъ кружокъ и занялся пропагандою. Объ этомъ онъ просилъ Щепанскаго, того же требовалъ и отъ Скурковскаго, предлагалъ Ельсоцкому знакомить какъ можно большее число лицъ съ социалистическимъ ученіемъ, посредствомъ раздачи брошюръ, а затѣмъ образовывать изъ такихъ привлеченныхъ рабочихъ кружки (т. III л. 98, 113, 213 об., 234, 257 об., 264, 290, 302 об.—304 об., 306, 347, 353, 358 об.; т. V л. 26 и об., 236 и об., 327, 400, 466; т. VI л. 143; т. IX л. 695, 710; т. III л. 302 об., 478 об.—482).

Варыньскій не всегда самъ являлся на рабочія сходки въ Александровскомъ паркѣ, на Чисте, на Кошикахъ, въ квартирахъ Шаблевскаго Стольпе, на Повонкахъ, въ трактирѣ Геркуланумъ, (гдѣ, между прочимъ, предложилъ рабочимъ, прибывшимъ на сходку, не обращаться къ нимъ, руководителямъ, иначе какъ на „ты“ или „товарищъ“), онъ возбуждалъ въ рабочихъ недовольство ихъ настоящимъ положеніемъ, указывалъ имъ на эксплуатацію ихъ фабрикантами и мастерами, возбуждалъ въ нихъ недовольство существующимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, вообще, внушалъ имъ недовѣріе къ существующему правительству (т. III л. 305 об., 349; т. V л. 236, 382; т. VI л. 144), совѣтовалъ рабочимъ, если начнутся обыски, „стать въ защиту жертвъ“, убивать тѣхъ (т. III л. 98, 104), которые будутъ противодействовать имъ; наконецъ, какъ сказано уже, угрожалъ смертью за измѣну.

По показанію Гзовскаго, Варыньскій говорилъ рабочимъ на одной изъ сходовъ (т. III л. 352 об.), что, когда пріѣдетъ въ Варшаву царь, то всѣ ремесленники и рабочіе, по данному сигналу, должны будутъ выступить съ своими претензіями, заявляя, что подати большія, что заработковъ нѣтъ, каждый долженъ кричать „желаемъ улучшенія быта“ *zadamy polepszenia bytu* (т. III 349 и об.). Царь,—добавилъ Варыньскій,—дастъ конституцію потому, что рабочій не можетъ такъ долго оставаться. По показанію Тржешковскаго, Варыньскій говорилъ (т. III л. 382), что правительство грабитъ народъ (т. V л. 401; т. VI л. 144 об.), но что наступитъ революція, и положеніе измѣнится. Не ограничиваясь знакомствами съ рабочими, дѣлаемыми на сходкахъ, Варыньскій знакомился съ рабочими и инымъ путемъ, появляясь къ нимъ на квартиры. Такъ, онъ былъ у Сѣдлецкаго (т. III л. 122 об., 123) вмѣстѣ съ Шиманскимъ два раза и говорилъ ему, что „Земля, фабрики и орудія должны принадлежать не единицамъ, а всѣмъ рабочимъ“, былъ у Мелле два раза (т. V л. 30), постоянно ходилъ съ Шмаусомъ, Госткевичемъ, Дулембою, приходилъ съ послѣднимъ подѣ фабрики и тамъ знакомился съ рабочими, при чемъ, требуя, чтобы Скурковскій помѣстилъ Шмауса на фабрикѣ Ортвейна, онъ сказалъ ему, что такихъ людей, какъ Шмаусъ, рабочіе должны устранять (т. II л. 98 об.).

2) Варыньскій самъ признаетъ, что пріискалъ людей, которые занялись доставкою брошюръ изъ-за границы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что транспортъ социалистическихъ изданій, задержанный 31 мая 1883 года около Ченстохова, былъ водворенъ при участіи Варыньскаго или, по крайней мѣрѣ, что Шмаусъ былъ имъ назначенъ для этой цѣли, чѣмъ и можетъ быть объяснено дальнѣйшее его поведеніе (т. III л. 308; т. V л. 259) а) содѣйствіе къ укрывательству Шмауса, котораго онъ вслѣдъ затѣмъ отправляетъ въ г. Люблинь (т. II л. 51) б) обнаруженіе при немъ паспорта на имя Каролины Франковской и двухъ листовъ бумаги съ подписью: „Іосифъ Шмаусъ“, изъ которыхъ—паспортъ,—въ виду задержанія при Шмаусѣ вида на имя Адама Франковскаго (Прил. II л. 73, 91),—безъ сомнѣнія, предназначался для его жены, листы же съ подписями фамиліи Шмаусъ, повидимому, подлежали передачѣ также ей, для написанія на нихъ довѣренности, съ цѣлью полученія заработанныхъ Шмаусомъ въ мастерской денегъ, ко-

торыя, несмотря на всѣ хлопоты, начальство мастерскихъ, безъ таково довѣренности, не выдавало.

Пропаганда въ рабочей средѣ была главнымъ, но не единственнымъ занятіемъ Варынского (т. II л. 68, 70, 148, 150, 243, 272 об., 280; IV л. 243, 262, 270).

1) Въ квартирѣ его происходили сходки рабочаго Комитета, и него собирались болѣе развитые и посвященные въ дѣло рабочаго Шмаусъ, Госткевичъ, Визбекъ. Изъ данныхъ дознаній слѣдуетъ заключить, что въ квартирѣ его происходили и сходки лицъ, руководившихъ социальнo-революціоннымъ движеніемъ—сходки Центрального Комитета. Такъ, у него бывали Плоскій, Янчевскій, Ульрихъ, Александра Ентысъ, Ѳаддѣй Ентысъ, Пухевичъ, какой-то „Болеславъ“, какъ слѣдуетъ поимать, Болеславъ Онуфровичъ.—Кромѣ того онъ самъ посѣщалъ сходки собиравшіяся у Пухевича (т. III л. 210—215), бывалъ съ Дулембой Плоскимъ у Марчевскаго, съ Куницкимъ ходилъ на рабочія сходки (т. IX л. 565 об.); несомнѣнно, что и у Александры Ентысъ (т. VI л. 163 об.; т. VII л. 101; т. IX л. 641, 750 об.), въ зданіи института, онъ бывалъ и на цѣляхъ социальнo-революціонныхъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ Бадковскимъ, Щулепниковой, Софією Плоскою. (т. IX л. 878; т. X л. 1302 об.)

2) Варынскій, по показанію Загурскаго и Пацановскаго, организовывалъ, при содѣйствіи Дулембы, партію „Пролетаріатъ“. Варынскій, Куницкій и Дембскій явились первыми представителями новаго направленія социальнo-революціоннаго движенія въ здѣшнемъ краѣ, выразившись при дальнѣйшемъ развитіи въ рядѣ террористическихъ дѣйствій, направленія, связывающаго сообщество это съ русскою революціонною террористическою партією „Народная Воля“; по показаніямъ Пацановскаго Варынскій, вмѣстѣ съ Куницкимъ и Пекарскимъ, составили за границею программу этой партіи; по распоряженію Варынскаго изъ-за границы для цѣлей партіи было доставлено десять револьверовъ-бульдоговъ (т. VI л. 162, 164, 166, 242).

3) Варынскій первый, при содѣйствіи другихъ лицъ, устроилъ таковую типографію; нахожденіе же при немъ шрифта и зашифрованная письма, въ которомъ просятъ (очевидно,—его) напечатать каталогъ книгъ, сообщаютъ о доставкѣ шрифта,—указываетъ, что Варынскій работалъ въ этой типографіи. (т. II, л. 101, 145 об.).

4) Варынскій, по собственному его показанію, сотрудничалъ въ журналѣ „Proletariat“; но изъ показанія Плоскаго слѣдуетъ заключить, что и мысль о печатаніи этого журнала принадлежитъ Варынскому Плоскій, по его требованію, собиралъ и передавалъ ему вырѣзки и выписки изъ газетъ „о случаяхъ смерти и изувѣченія рабочихъ“, и это должно было послужить матеріаломъ для статьи о вліяніи отвѣтственности патроновъ на такіе случаи; ему Плоскій передалъ корреспонденцію изъ Бѣлостока, у него занимался собираніемъ по источникамъ статистическихъ данныхъ о заработной платѣ на заводахъ и фабрикахъ; онъ поручилъ Плоскому написать статью о стачкахъ, у него при обыскѣ оказалась записка о Родзевичѣ, о шинкѣ Буйника, корреспонденція

стачках—все это вмѣстѣ уже само собою заставляло предполагать въ Варыньскомъ, если не редактора газеты „Proletaryat“, то, во всякомъ случаѣ, одного изъ дѣятельныхъ членовъ редакціи. По показанію же Пацановскаго (т. X, л. 1240 об.—1241), Варыньскій, вмѣстѣ съ Кунницкимъ, издавалъ эту газету. Варыньскій, по показанію Мелле, вмѣстѣ съ Пухевичемъ составляли инструкцію по поводу выборовъ старшинъ въ ремесленные цехи; по показанію Пацановскаго Варыньскій составилъ съ Кунницкимъ программу партіи, прокламацію отъ 31 декабря 1882 года, 13 февраля 1883 года и 9 марта 1883 года. (т. III, л. 125 об., 124, 210, 215, 338 об., 390, 479; т. V, л. 259). Варыньскій говорилъ Сливинскому на сходкѣ у Пухевича, что „прибылъ сюда, чтобы попробовать не удастся ли ему что-нибудь сдѣлать“. (т. IX, л. 815, 878). Находясь уже въ заключеніи, Варыньскій нашелъ возможность писать къ Кунницкому и Дембскому (т. VII, л. 102), и въ найденномъ при обыскѣ у Бардовскаго письмѣ его, онъ писалъ: „Самой высшей для насъ наградою и самымъ большимъ удовольствіемъ есть увѣренность, что наше дѣло живетъ... Мы только и думаемъ о томъ, какъ бы ускорить возможность работать для дѣла сообщца.. Дулемба посылаетъ самъ описаніе подробностей его ареста. Обратите вниманіе на шпіона, чтобы онъ не могъ болѣе вредить“. Это послѣднее выраженіе, очевидно, относится къ Скшыпчинскому, по указанію котораго былъ арестованъ, въ числѣ другихъ участниковъ социалистической сходки, и Дулемба. Послѣдовавшее затѣмъ, какъ выше упомянуто, убійство Скшыпчинскаго указываетъ, въ какой мѣрѣ Варыньскій, будучи уже въ заключеніи, продолжалъ вліять и руководить дѣломъ сообщества „Пролетаріатъ“. По показанію Загурскаго, Варыньскій состоялъ членомъ Центральнаго Комитета, его ближайшіе помощники Плоскій, Дулемба, Шиманскій, Шмаусъ, называли его руководителемъ главою всего дѣла въ рабочемъ движеніи, чѣмъ онъ въ дѣйствительности и былъ.

Куницкій.

(Т. 28, 119—124, 199, 247—229).

При входѣ 28 іюня 1884 года жандармскихъ чиновъ къ Вардорскому для обыска, въ квартирѣ его оказался неизвѣстный человѣкъ съ явно выкрашенными въ рыжій цвѣтъ волосами. На вопросъ о его фамиліи молодой человѣкъ этотъ назвалъ сербскимъ подданнымъ Драголюбомъ Моисеевымъ Джирецемъ, по личному же обыску при немъ оказались 1) письмо изъ Торна, отъ 9/7 1884 года, частью зашифрованное, содержаніе котораго осталось невыясненнымъ, 2) записка со спискомъ разныхъ типографскихъ вещей, наконецъ, 3) три записки, писанныя карандашемъ на папирсной бумагѣ, о ходѣ социально-революціонной пропаганды въ здѣшнемъ краѣ, составляющія письмо, обращенное къ друзьямъ-товарищамъ, въ которомъ между прочимъ говорится: „Несмотря на аресты, постоянно продолжающіеся, движеніе вовсе не осла-

бѣло... Рабочія организациі учреждены не только въ Варшавѣ, но и въ г. Лодзи, Згержѣ, Ченстоховѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Жирардовѣ и Востокѣ. Наши колоніи (Петербургъ, Москва, Кіевъ) также развились, „Proletaryat“ вышелъ, учредили за границею свой органъ „Walka k...“ и редакція состоитъ изъ меня, Мендельсона, Млота, Маріи Войнажской, Длускаго, Пекарскаго“. Таково содержаніе этого письма, предназначеннаго къ отсылкѣ въ I Павильонъ Цитадели къ Варыньскому (т. II, л. 171, 178; т. VI, л. 240; т. VII, л. 118, 281; т. VIII, л. 333).

Только 8-го іюля, когда, чрезъ Стржеминскаго было установлено, что задержанный есть разыскиваемый съ 5 декабря 1883 года по повелѣнію Станиславъ Куницкій,—сей послѣдній рѣшился обнаружить свою личность и заявилъ, что онъ, Станиславъ Чеславовъ Куницкій, 23 лѣтъ, католикъ, дворянинъ, по происхожденію иностранецъ, первоначально образованіе получилъ въ Тифлисской гимназіи, затѣмъ вступилъ въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, откуда уволенъ изъ I курса за невзносъ платы. Признавая принадлежность свою къ обществу „Пролетаріатъ“, подобно Варыньскому, лишь въ качествѣ агента Куницкій заявилъ, что вступилъ въ сообщество въ мартѣ 1884 года, что все, обнаруженное у Бардовскаго, составляетъ собственность организациі партіи, затѣмъ отъ дальнѣйшихъ объясненій отказался. (т. II, л. 125—131, 281; т. IX, л. 658—671, 733 об., 763, 878, 880, 948; т. X, л. 1277).

Куницкій вмѣстѣ съ Варыньскимъ и Дембскимъ были не только болѣе энергичными продолжателями существовавшей прежде пропаганды, но являлись первыми организаторами сообщества „Пролетаріатъ“ (т. II, л. 3, 4, 8, 11, 12 об., 13, 14—25, 26; т. VIII, л. 485, 441, 457, 514, 548; т. IX, л. 1209, 1247 об.—1248), составляли центръ, вокругъ котораго группировались остальные личности. Окружая себя таинственностью, принимаясь именовъ Центральнаго Комитета, который они и составляли, Куницкій, Дембскій и Варыньскій (т. X, л. 1237—1239) были главными организаторами, руководителями всего нынѣ обнаруженнаго социальнаго революціоннаго движенія въ здѣшнемъ краѣ.

Куницкій привлеченъ къ нѣсколькимъ дознаніямъ въ С.-Петербурѣ (революціонная дѣятельность его внѣ предѣловъ здѣшняго края,—причастность къ дѣлу 1-го марта, къ тайнымъ типографіямъ, къ уговору подполковника Судейкина,—на что имѣются лишь указанія въ стоящемъ дознаніи, и о чемъ сообщено подлежащимъ жандармскимъ управленіямъ, равно какъ дѣятельность его въ Вильно, не входящая въ составъ настоящаго заключенія).

По собственному объясненію Куницкаго, дѣятельность его начинается съ конца 1881 года. Въ это время онъ уже состоялъ въ кружкѣ „путевцевъ“, затѣмъ въ польско-литовской социалистической партіи, находившейся въ центральному правившемъ кружкѣ ея „Огниско“, и вель сношеній съ одной стороны съ партіей „Народной Воли“, а съ другой, черезъ Варыньскаго,—съ только что образовавшейся партіей „Пролетаріатъ“. Варыньскій сразу приковалъ его къ себѣ (т. IX л. 665 об.), первый, по его словамъ, объяснилъ ему программу такъ, что онъ сразу съ нею согласился, и только не раздѣлялъ его взгляда о близости революціи, но когда I

рынский повелъ его на сходки, онъ „пришелъ въ такой восторгъ, что чуть-ли не сейчасъ готовъ былъ дѣзть на баррикады“. Затѣмъ онъ участвовалъ на съѣздѣ польскихъ социалистическихъ группъ, бывшемъ въ январѣ 1883 года, въ мѣстности, дознаніемъ не выясненной, съ цѣлью выработки программы общихъ дѣйствій, но до апрѣля 1883 года больше жилъ въ С.-Петербургѣ, участвуя въ дѣятельности партіи „Народная Воля“, въ организаціи тайной типографіи вмѣстѣ съ Шебалинымъ, Дембскимъ и другими. Когда затѣмъ Дегаевъ, по его словамъ, донесъ на него, онъ въ апрѣлѣ бѣжалъ въ Варшаву, чтобы стать посредникомъ между партіей „Народная Воля“ и „Пролетаріатъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ провелъ за границею, поддерживая сношенія съ партіей „Пролетаріатъ“, и, въ августѣ 1883 года, подъ фамиліей Радека (т. IX л. 668 об.) возвратился въ Варшаву. Съ этого времени онъ всецѣло отдается дѣятельности въ партіи „Пролетаріатъ“; вмѣстѣ съ Варыньскимъ появляется на рабочія сходки, заводитъ сношенія съ учащеюся молодежью, устраиваетъ кружки самообразованія, составляетъ съ Варыньскимъ программу партіи, прокламаціи къ рабочимъ Лодзи, участвуетъ въ изданіи газеты „Proletaryat“.

Вскорѣ Варыньскій былъ арестованъ, а съ нимъ арестованы и Плоській, и Александра Ентысъ; въ январѣ 1884 года былъ, наконецъ, задержанъ и Рехневскій. Оставались только Дембскій и Куницкій; но первый былъ въ постоянныхъ развѣздахъ, занятъ, главнымъ образомъ, завѣдываніемъ типографіею, и Куницкій забираетъ въ свои руки все, становится во главѣ движенія (т. VII л. 248; т. IX л. 778; т. X л. 1216, 1238 и об., 1250 об., 1289), безконтрольно, безусловно завѣдуетъ всѣмъ, одинъ составляетъ весь Центральный Комитетъ; ему представлялись отчеты о ходѣ пропаганды въ краѣ, всѣ порученія давались исключительно ему, онъ высылалъ для пропаганды въ другія мѣстности края; послѣ убійства Гельшера отправилъ для цѣлей сообщества вмѣсто Пацановскаго, Славинскаго въ Лодзь, расширивъ районъ его дѣятельности и Кириардовымъ, Кмѣцка онъ высылалъ въ Ченстоховъ (т. VIII л. 490), а затѣмъ въ Радомъ; всѣ сношенія по дѣламъ партіи вель онъ съ помощью Дембскаго (т. IX л. 770), причѣмъ, чрезъ посредство своихъ помощниковъ, устраивалъ и адреса „для писемъ“ на квартиры Франца Шиманскаго, Крживоблоцкаго, Гоголинской, очевидно, и Бардовскаго (т. IX л. 695); кассою „Пролетаріата“ распоряжался онъ съ Дембскимъ (т. VIII л. 373; т. IX об.; т. X 1214), печати Центрального Комитета прилагивали онъ и Дембскій, онъ далъ Пацановскому печати кассы Радочаго Комитета и чернила для составленія квитанцій по сбору складчины съ рабочихъ; вознамѣрившись привести въ порядокъ все революціонное имущество (т. IX л. 1223 и об.), разбросанное по разнымъ квартирамъ, онъ поручилъ Пацановскому принскать для сего конспиративныя квартиры, вслѣдствіе чего Пацановскій часть имущества помѣстилъ въ квартирѣ Варнеховскаго и часть у Остерлова; Куницкій предполагалъ устроить паспортное бюро (т. VII л. 42; т. IX л. 450 об.) собиралъ уже для этого матеріалъ, оказавшійся у Бардовскаго. Само собою разувѣется (т. VII л. 245, т. X л. 1224), что какъ Дембскій съ нимъ въ остальной дѣятельности, такъ и онъ съ Дембскимъ участвовалъ въ ра-

ботахъ типографіи, принималъ набранныя у Крживоблоцкаго статьи переносилъ ихъ въ типографію, поручилъ Феликсу Кону заняться наборомъ, передавалъ для храненія шрифтъ ему и Баховецкому (т. IX 788 а и об.; т. X л. 1224, 1241, 1300—1301). Наконецъ, Куницкій участвовалъ въ редакціи газеты „Proletaryat“, помѣщая и свои статьи, и въ этой газетѣ статьи отъ Центрального Комитета, передовая и корреспонденція изъ С.-Петербурга принадлежатъ ему. По показанію Пацанскаго, Куницкій говорилъ ему, что раньше въ квартирѣ его хранилось революціонное имущество партіи „Пролетаріатъ“, въ томъ числѣ бы и печать партіи „Народной Воли“ для приложенія къ полномочіямъ и посылкѣ въ русскіе города для пропаганды агентовъ отъ партіи „Пролетаріатъ“. По показанію Загурскаго, Куницкій состоялъ агитомъ Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“. Это показаніе, согласное и со свѣдѣніями, имѣющимися въ дѣлѣ о томъ, что Куницкій, по паспорту Абрама Бендина, ѣздилъ за границу (т. VII л. 126) по требованію отдѣленія Исполнительнаго Комитета подтверждается и самимъ Куницкимъ (т. IX л. 952), удостовѣрившимъ, что онъ былъ представителемъ партіи „Народной Воли“ при „Пролетаріатѣ“. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что и соглашеніе между партіей „Народная Воля“ и „Пролетаріатомъ“ послѣдовало при непосредственномъ его участіи, и что упомянутый выше, въ главѣ 1-й, документъ объ этомъ соглашеніи, найденный въ квартирѣ Бардовскаго, принадлежитъ Куницкому. Въ январѣ 1884 г. Куницкій ѣздилъ въ Парижъ для основанія заграничнаго органа „Walka klas“ (т. IX л. 878 об.) и заведенія сношеній съ эмиграціей, и вмѣстѣ съ Пекарскимъ, Винаверомъ, Мендельсономъ, Дикштейномъ составилъ объявленіе объ изданіи этого журнала; по собственнымъ словамъ его письма (т. VII л. 124), онъ былъ однимъ изъ редакторовъ этого журнала.

Въ іюнѣ 1884 года онъ сообщалъ Пацановскому, что какъ представитель „Пролетаріата“ будетъ имѣть офиціальный разговоръ съ депутатомъ отъ новой партіи „Lud Polski“ (т. X л. 1252) о томъ, какое мѣсто думаетъ занять эта партія по отношенію къ партіи „Пролетаріатъ“. П л. 179; т. V л. 68; т. VI л. 62, 64; т. VII л. 14—25, 268—270; т. VIII л. 574—575, 604—611; т. IX л. 640—645, 695, 748, 750 об., 751—758, 771, 877, 986, 1007; т. X л. 1209, 1240, об., 1273, 1289, 1302 об.).

Возможно широкое распространеніе социальна-революціоннаго ученья больше всего озабочивало Куницкаго. Онъ участвовалъ въ водвореніи социальна-революціонныхъ изданій изъ-за границы, въ маѣ 1888 года ѣздилъ въ Жирардовъ для свиданія съ рабочими, но по случаю какихъ-то арестовъ, возвратился; стремился ввести пропаганду въ войска для этого заводилъ сношенія съ военными; по его предложенію была составлена Бардовскимъ въ этомъ смыслѣ прокламація; онъ предлагалъ Люри и Сокольскому заняться пропагандою среди войска, находился въ сношеніяхъ со Степуринымъ, отъ котораго, равно какъ и отъ Люри, получалъ и денежную помощь на дѣло партіи. Въ сходкахъ руководителей (Центральнаго Комитета) Куницкій, по словамъ Загурскаго, имѣлъ первенствующее значеніе (т. IX л. 878, 879), ни одна сходка организационно не обходилась безъ него. Куницкій (извѣстный подъ прозвищами си

чала „Григорія“, „Гриши“, „Стаха“, „Станислава“, „Чернаго“, а затѣмъ „Рыжаго“, „Мосеянаго“, „Малшы“, „Антоновича“), давалъ на сходкахъ порученія, распредѣлялъ занятія, принималъ отчеты, приводилъ сюда лицъ, вступившихъ въ организацію; сюда являлись и представители рабочихъ кружковъ, здѣсь обсуждался текущій вопросъ о необходимости (т. X л. 1209, 1222 об. 1223, 1250) или пользѣ царубійства, и Куницкій находилъ, что оно необходимо и полезно, такъ какъ, возбуждая ужасъ (т. X л. 1228), можно рассчитывать на уступки. Послѣ ареста Дулембы въ январѣ 1884 года, Куницкій, вмѣстѣ съ Дембскимъ, явился къ Фаворскому (т. VIII л. 609, 616) и предложилъ ему образовывать революціонные кружки; устранивалъ въ квартирѣ его сходы, на которыхъ, вмѣстѣ съ другими, проводилъ мысль, что Царя не нужно, что правительство только угнетаетъ народъ; послѣ Пасхи къ Фаворскому была перевезена типографія. Встрѣтившись лѣтомъ 1884 года съ Гладышемъ, Куницкій (т. X л. 1351) сталъ объяснять ему, что необходимо смѣнить правительство, что скоро будетъ революція, что капиталы будутъ раздѣлены поровну, что нужно къ этому готовиться, собираться въ кружки. По показанію Кмѣщика (т. X л. 1833), узнавъ, что его требуютъ власти для допроса, Куницкій отговорилъ его отъ исполненія этого требованія и велѣлъ ѣхать въ Ченстоховъ, а потомъ съ подложнымъ паспортомъ отправилъ Кмѣщика въ г. Радомъ. (т. VIII л. 123 об. 124; т. IX л. 377, 382, 951—955).

„Занятые внутреннею работою, мы нѣсколько запустили дѣло изданія „Террора“, писалъ Куницкій Варынскому. „Теперь беремъ и за это“. Какъ на сходкахъ организаціи, такъ и на рабочихъ сходкахъ Куницкій и его послѣдователи проводили мысль о необходимости террора. Уже Варынский постоянно угрожалъ смертію за измѣну (т. IX л. 696 об.; т. X л. 1285, 1283—1285, 1341), что за нимъ повторяли и всѣ остальные, затѣмъ на сходкахъ стали требовать и доказывать необходимость террора (т. V л. 401, т. VI л. 144 об.). Но Куницкій былъ еще встревоженъ многочисленными арестами, вызванными, по его мнѣнію, измѣною (т. X л. 1283, 1284). Находя необходимымъ для успѣха дѣла, чтобы рабочіе считали партію „Пролетаріатъ“ партіей сильной, онъ, для восстановленія павшаго авторитета, задумалъ цѣлый рядъ покушеній, для чего и организовалъ „боевую дружину“. Мало того, что онъ рѣшился терроромъ дѣйствовать на измѣнниковъ, онъ носился съ мыслью проявить дѣятельность партіи какимъ-нибудь громкимъ протестомъ и пытался организовать нѣсколько покушеній на должностныхъ лицъ.

Такова была дѣятельность Куницкаго, продолжавшаго вмѣстѣ съ Дембскимъ, начатое Варынскимъ дѣло, и непосредственными результатами этой дѣятельности были:

- 1) двукратное покушеніе на жизнь рабочаго Сремскаго,
- 2) убійство рабочаго Гельшера
- 3) убійство Скшыпчинскаго въ Варшавѣ,
- 4) приготовленія къ взрыву прокурорской камеры, къ убійству должностныхъ лицъ, замыселъ взорвать магазины Познанскаго и Вольна въ Лодзи и Згержѣ.

Всѣ эти преступленія должны быть вѣнены Куницкому въ вину,

какъ подстрекателю и зачинщику ихъ и руководителю сообщес- Самъ Куницкій показалъ (т. IX л. 952 и об.), что онъ взялъ на организацию боевой дружины и выполнение террористическихъ д- ствий, а такъ какъ эта дѣятельность его тѣсно связана съ дѣят- ностью многихъ изъ ближайшихъ его пособниковъ, то я считаю нео- димымъ изложить здѣсь послѣдовательно какъ всѣ тѣ событія, въ торыхъ прямо или косвенно принималъ участіе Куницкій, такъ и д- тельность тѣхъ лицъ, которые, въ большей или меньшей степени способствовали.

Примѣчаніе: Здѣсь налагаются отъ № 3 до № 25 включител- свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, дѣйствія которыхъ находились въ тѣ- связи съ преступною дѣятельностью Куницкаго, причемъ, для я- сти, добытыя противъ Куницкаго улики перечислены особо изложеніи каждаго отдѣльнаго случая террористическихъ дѣйс- сообщниковъ „Пролетаріата“.

ЯНОВИЧЪ.

18 іюля 1884 года, въ 6 часовъ по полудни, б. агентъ Альбр Лямбертъ, встрѣтивъ случайно на улицѣ разыскивавагося по с- ненію въ государственномъ преступленіи студента Варшавскаго верситета Бронислава Славинскаго и, замѣтивъ, что онъ вошелъ молочное заведеніе Генеберга, находящееся на Новомъ-Свѣтѣ, № 51, въ намѣреніи его задержать, отправился вслѣдъ за нимъ въ провѣдѣніи помощника полицейскаго пристава ротмистра Оже. заведеніи оказалось еще двое лицъ, находившихся въ обществѣ винскаго, и когда Лямбертъ, чрезъ ротмистра Оже, объявилъ имъ этимъ, что они арестованы, одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „Странное дѣ- а въ это время другой опустилъ руку въ карманъ и, произнеся: это еще посмотримъ“, вынулъ револьверъ и хотѣлъ выстрѣлить Оже, но сей послѣдній ударомъ сабли отвелъ выстрѣлъ. Въ это в Лямбертъ схватилъ человѣка этого за руку, но тутъ на него броси- всѣ трое. Тогда Лямбертъ ударомъ въ животъ повалилъ вынувъ револьверъ, и товарищи его Славинскій и Дембокій—пустились бѣ- преслѣдуемые ротмистромъ Оже. Оставшись вдвоемъ, неизвѣстный нялся, и между нимъ и Лямбертомъ опять завязалась борьба, во в которой неизвѣстный произвелъ 4 выстрѣла, причемъ двумя на Лямберту тяжелую рану въ животъ. Послѣ четвертаго выстрѣл- извѣстный успѣлъ повалить Лямберта, все время боровшагося съ в на землю и направилъ уже дуло револьвера ему въ лобъ, но Лямб- вырвалъ револьверъ и бросить въ сторону; по объясненію же ротми- Оже, онъ саблею отклонилъ этотъ ударъ, послѣ чего стрѣлявшій сился бѣжать, но былъ задержанъ при содѣйствіи прибывшихъ на- мощь Войцѣха Стржалковскаго и Ипполита Василевскаго. Будучи

проводимъ въ участокъ, онъ кричалъ, что арестованъ „за свободу, за Пролетаріатъ“. (т. VIII л. 414, 544—546, 622—624, 632).

Задержанный оказался жителемъ г. Варшавы Людвигомъ Яновичемъ, отказался указать свою квартиру, при личномъ же обыскѣ при немъ найдены: 716 руб. 65 коп. наличными деньгами, шестиствольный револьверъ центрального боя, въ коемъ было два не выпущенныхъ заряда, кинжалъ, нѣсколько экземпляровъ газеты „Proletaryat“ № 5, цифрованные замятки и адреса, записная книжка и разная переписка, свидѣтельствующая о руководительской его роли въ сообществѣ „Пролетаріатъ“.

Дворянинъ Людви́къ Ѳоми́нъ Яновичъ (Прил. II), 26 лѣтъ, католикъ, родился въ дер. Лобкася, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губерніи, первоначальное образование получилъ въ Виленскомъ реальномъ училищѣ, откуда поступилъ въ Московскую Петровскую академію. (т. VIII л. 416—426, 426, 427, 542 об.).

Сынъ весьма зажиточныхъ родителей, Яновичъ не окончилъ курса высшаго образованія. Въ бытность свою въ Москвѣ онъ сдѣлался организаторомъ кружка, именовавшагося „Общестуденческимъ союзомъ“. Въ апрѣлѣ 1884 г. онъ впервые прѣѣзжаетъ въ Варшаву, вводится Куницкимъ въ кружокъ и уѣзжаетъ обратно, но въ іюнѣ возвращается и начинаетъ дѣйствовать въ здѣшнемъ краѣ. Скрывая свою личность подъ прозвищемъ „Конрада“ (т. V л. 1222 об), Яновичъ дѣлается однимъ изъ руководителей рабочаго движенія въ здѣшнемъ краѣ. Все при немъ оказавшееся подтверждаетъ это его положеніе въ партіи. Такъ, при немъ обнаружены въ черновикахъ и переписанныхъ (т. VIII л. 418, 420, т. VII л. 39 об., 59 т. X л. 1280, 1281, 1233), въ большинствѣ его рукою, разные рукописи, уставъ рабочаго революціоннаго кружка¹⁾, уставъ Рабочаго Комитета, форма отчета о положеніи даннаго кружка, правила для образованія кружковъ, вѣдомость о состояніи рабочихъ на фабрикахъ и разный матеріалъ по этому вопросу, какъ оказавшійся при немъ, такъ и въ квартирѣ Кржиноблоцкаго; записная же книжка его заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, отчетъ о его дѣятельности, какъ пропагандиста. Въ ней онъ записывалъ и свиданія, время и мѣсто сходовъ, выдачи денегъ (жалованья) разнымъ лицамъ и расходы гуммъ, обрацаемыхъ на дѣла партіи (94): Адасю (Сѣрошевскому), Телесфору (Госткевичу), Черному (Форминскому) (стр. 1, 10, 12). Тутъ же записаны складчины, дѣлаемые рабочими во время сходовъ (стр. 4), статистическія данныя объ эксплуатаціи рабочихъ (стр. 64) и программа рабочаго революціоннаго кружка (стр. 59); наконецъ, сюда же внесены нѣкоторые лица, подозрѣвавшіяся въ шпіонствѣ (стр. 61) и помѣщена хроника арестовъ (стр. 102). Но главною заботою Яновича было вызывать въ средѣ молодежи здѣшняго края сильное движеніе посредствомъ устройства такъ называемыхъ „кружковъ самообразованія“. (т. X л. 1249) и этимъ путемъ приготовить революціонныхъ дѣятелей. На одной изъ сходовъ онъ предложилъ основать съ этой цѣлью „цент-

¹⁾ Появился въ печатномъ видѣ, найденъ при обыскѣ у Госткевича и въ январѣ 1885 г. отхожемъ мѣстѣ домъ № 13 по улицѣ Налевки (Прил. К.).

ральный кружок". Этимъ же объясняется и находеніе въ означенно записной книжкѣ его списка разныхъ учебныхъ заведеній (стр. 32, 66) и присутствіе въ числѣ отобранной у него переписки собственно ручныхъ рукописей: программы кружка сомообразования, программы для революціонной пропаганды. (т. VII л. 40, 97.; т. IX л. 696 об., 747, 749, 762, 879; т. X л. 1191, 1300, 1301).

По показанію Загурьскаго, Яновичу было предложено Центральнымъ Комитетомъ званіе агента 1-ой степени. Но та роль, которую онъ игралъ въ сообществѣ, доказываетъ, что онъ былъ выше этого званія, что онъ нисколько не уступалъ Куницкому и Дембскому. Онъ составлялъ прокламаціи, и найденныя въ квартирѣ Бардовскаго прокламаціи (т. I л. 777 а) „Рабочіе, застои господствуютъ теперь“... б) „Извѣстно вамъ что на фабрикахъ“, писаны имъ, онъ же писалъ или, какъ объяснилъ самъ, переписывать съ польскаго оригинала рукопись: „Общія основанія программы и организационной дѣятельности Центрального Комитета соціально-революціонной партіи Пролетаріатъ“,—найденную также Бардовскаго. Онъ участвовалъ въ сходкахъ организационной партіи (т. I л. 697), вскрывалъ корреспонденцію по дѣламъ партіи наравнѣ съ Дембскимъ и Куницкимъ; онъ же добывалъ деньги для цѣлей партіи. С этой цѣлью онъ 23 іюня выѣхалъ изъ Варшавы куда-то въ Россію откуда писалъ Куницкому, что имѣетъ уже около 2 т. (т. X л. 1230 об., 1247), что надѣется достать еще 3 т. Куницкій говорилъ Пацановскому, что надѣется на пожертвованіе на цѣли партіи 15 т. отъ одного лица, ожидающаго наслѣдства; нельзя сомнѣваться, что это пожертвованіе ожидалось отъ Яновича, такъ какъ Бардовскій говорилъ Игелестрому, что Яновичъ такъ отданъ дѣлу партіи, что готовъ пожертвовать все свое состояніе, Яновичъ же ожидалъ раздѣла наслѣдства послѣ смерти отца; не подлежитъ поэтому сомнѣнію и то, что деньги, отобранныя при обыскѣ у Яновича, составляли также принадлежность партіи (т. X л. 1230 об., 1351, 1353 об., 1424—1426). Куницкій говорилъ о Яновичѣ что онъ весьма энергиченъ, что, по объясненію Пацановскаго—означалъ террориста. Яновичъ самъ неоднократно высказывалъ при допросахъ что онъ по убѣжденіямъ террористъ. Террористическія убѣжденія свои онъ старался вселить въ рабочихъ, и въ этомъ отношеніи шель руку объ руку съ Куницкимъ. По показанію Гладыша, Яновичъ бывалъ на сходкахъ въ квартирѣ у Сѣрошевскаго, участвовалъ затѣмъ въ сходкахъ на углу Новаго-Свѣта и Іерусалимской аллеи, на которыхъ обсуждались вопросы объ убійствѣ шпіоновъ. Послѣ ареста Куницкаго, Яновичъ вмѣстѣ съ Дембскимъ и Славинскимъ предложили Гладышу выслѣдить нѣкоего Влодарскаго, котораго подозрѣвали въ выдачѣ Куницкаго, съ цѣлью убить его. По возвращеніи засимъ изъ Ковенской губерніи, куда Яновичъ ѣздилъ опять за деньгами, онъ обратился къ Сѣрошевскому Гладышу съ просьбою начертить ему планъ Прокурорской камеры, что Сѣрошевскій и исполнилъ, чѣмъ и объясняется находеніе въ его записной книжкѣ чертежа этой камеры (стр. 15), взрывъ которой, подобно Куницкому, онъ готовилъ. Послѣ этого онъ собралъ сходку въ Красивскомъ саду, на которой были Дембскій, Славинскій и Гладышъ, и тут

Петръ Васильевичъ
БАРДОВСКІЙ.

предложили убить товарища прокурора Янкулю и подполковника Севержинского, причем совершение этих убийств онъ взялъ на себя, помощникомъ же себя избралъ Гладыша. Предложеніе его было принято, и онъ вручилъ Гладышу 18 руб., причемъ, вмѣстѣ съ Дембскимъ и Славинскимъ, сопровождалъ Гладыша до оружейнаго магазина Сосновскаго, и когда Гладышъ вышелъ изъ магазина съ купленными уже револьверомъ и патронами, передалъ Гладышу этотъ револьверъ и 6 патроновъ, Славинскій же снабдилъ Гладыша кинжаломъ; согласно плану Яновича, въ назначенный день и часъ, онъ, вмѣстѣ съ Гладышемъ, у дома на улицѣ Крулевской и Саксонской площади (гдѣ квартира товарища прокурора Янкулю), долженъ былъ ожидать прибытія товарища прокурора Янкулю и подполковника Севержинскаго, и въ то время, когда они остаются у означеннаго дома и станутъ выходить изъ экипажа, предполагалось стрѣлять въ нихъ, послѣ чего въ заранѣе приготовленномъ экипажѣ скрыться. По показанію Гладыша, планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе только потому, что въ тотъ же день Яновичъ былъ арестованъ (т. VIII л. 439, 414).

Яновичъ, должествовавшій заступитъ Куницкаго и устроить у себя такую же квартиру, какою была квартира Бардовскаго, призналъ принадлежность свою къ сообществу „Пролетаріатъ“, нанесеніе имъ раны Ямберту въ цѣляхъ самозащиты и защиты своихъ товарищей и заявилъ, что состоитъ членомъ организаціи, занимался пропагандою между рабочими, пропагандируя идеи социализма и необходимость сплотиться съ тѣмъ, чтобы въ удобный моментъ произвести государственный переворотъ, къ чему, какъ видно изъ вышеизложеннаго, онъ дѣйствительно и стремился.

Бардовскій.

Дворянинъ Петръ Васильевичъ Бардовскій, 38 лѣтъ, православный, родился въ С.-Петербургѣ и по окончаніи 1-й С.-Петербургской гимназій С.-Петербургскаго университета, со степенью кандидата правъ, въ 1868 году вступилъ на государственную службу и состоялъ въ послѣднее время, съ 1880 года, мировымъ судьей 1 участка г. Варшавы.

Приказомъ 2 іюля 1884 года уволенъ отъ службы безъ прошенія.

Вдова товарища виленскаго губернскаго прокурора, дворянка Наталья Михайловна Полль, 37 лѣтъ, православная, родилась въ С.-Петербургѣ и воспитывалась тамъ же въ Александровской гимназій, гдѣ и окончила курсъ наукъ съ золотою медалью и съ правами домашней учительницы; въ Варшаву прибыла въ 1882 году и поселилась вмѣстѣ съ Бардовскимъ (т. VII, л. 5, 6, 8—10 об., 12 и об., 18, 21, 26, 199).

Поводомъ къ задержанію и привлеченію къ настоящему дознанію Бардовскаго и Полль послужили первоначально данныя негласнаго разсѣдованія, которыми было установлено, что важнѣйшіе дѣятели кружка,

руководившаго соціально-революціоннымъ движеніемъ въ здѣшнѣмъ краѣ, не только посѣщали Бардовскаго, но находили даже въ квартирѣ его убѣжище, скрываясь у него. При обыскѣ, произведенномъ вече 28 іюня 1884 года, въ квартирѣ Бардовскаго были застигнуты два разыскиваемые Станиславъ Куницкій и Софія Дзянковская. Отъ убогихъ настоящихъ фамилій того и другой и Бардовскій и Полль отказались. Тамъ же былъ и столяръ Форминскій (т. IX. л. 696), прибывшій по предлогу производства столярныхъ работъ и не задержанный, потому, что въ то время объ участіи его въ сообществѣ ничего извѣстно не было.

По обыску въ квартирѣ Бардовскаго (т. VII л. 82), обнаружено громадное количество печатныхъ и гектографированныхъ соціально-революціонныхъ изданій, такъ сказать, архивъ этихъ изданій, партіи „Пролетаріатъ“, такъ и партіи „Народной Воли“ (около 66 экземпляровъ разныхъ брошюръ на русскомъ и польскомъ языкѣ, по скольку экземпляровъ,—всего 70 экземпляровъ отъ „Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли“, причемъ 29—„Императору Александру III“, 9—„Славному казачеству“, 4—„Украинскому народу объявленіе“, 20—по поводу казни Желябова и другихъ государственныхъ преступниковъ, 1—„Русскому обществу отъ русскихъ революціонеровъ“, 1—товарищамъ русскимъ социалистамъ“, 5—„Отъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“ и 1—по поводу убійства генералъ-майора Стрѣльникова около 1600 прокламацій на польскомъ языкѣ, причемъ 618 прокламацій „Манифестъ“, 90—по поводу убійства Гельпера, 26—„общества „Краснаго креста“ соціально-революціонной партіи“, 28—„Къ рабочимъ Лодзи и проч.); въ большомъ количествѣ заготовленные печатные листки для сбора пожертвованій; 483 листка отъ партіи „Пролетаріатъ“ на „освобожденія рабочаго класса“, 249 въ пользу „Краснаго креста“ помощи жертвамъ правительственной тирани“, квитанціи „кассы Центральнаго Комитета соціально-революціонной партіи Пролетаріатъ“, шифры (т. VII л. 114), разные адреса „для писемъ“ и „для явокъ“, прокламацій на польскомъ языкѣ, писанныхъ Дембскимъ, Куницкимъ, Яновичемъ (т. VII л. 49, 52, т. IX л. 758, а 759, 777, т. X л. 1800, 1801), разныхъ статей, составляющихъ матеріалъ для подпольной прессы, писанныхъ теми же лицами и Рехневскимъ, Пацановскимъ, по поводу разныхъ событий и, между прочимъ, по поводу убійства подполковника Судейкина; проекты уставовъ Рабочаго комитета а такого-же кружка записаны книжки Куницкаго и Шулепниковой (стр. 123, 125), наконецъ такія рукописи какъ а) соглашеніе редакціи „Walka klas“ и „Proletariat“ съ Центральнымъ Комитетомъ соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“, б) „Общія основанія программы и организаціонной дѣятельности“ Центральнаго Комитета соціально-революціонной партіи Пролетаріатъ, в) „Конфиденціальное соглашеніе Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли“ съ Центральнымъ Комитетомъ партіи „Пролетаріатъ“ по поводу ихъ взаимныхъ отношеній“, г) отчетъ (т. II л. 213 об.) о принятыхъ постановленіяхъ съѣзда представителей нѣсколькихъ соціально-революціонныхъ группъ. Далѣе, при обыскѣ этомъ были найдены тетради списками разныхъ правительственныхъ учреждений и свѣдѣніями,

необходимыми для составленія подложныхъ видовъ, по словамъ Куницкаго— „матеріалъ для паспортнаго бюро“, разные виды и свидѣтельства на жительство, въ числѣ которыхъ оказался билетъ на пропускъ въ цитадель съ подписью завѣдывающаго X павильономъ капитана Александровича,—несомнѣнно пріобрѣтенный для поддѣлки подписи послѣдняго, образцы свидѣтельствъ, выдаваемыхъ на фабрикахъ рабочимъ, снимки на восковой бумагѣ печатей, штемпелей и подписей нѣкоторыхъ фабричныхъ заведеній и ихъ владѣльцевъ; типографскія принадлежности, шрифтъ, типографская краска, готовый наборъ нѣкоторыхъ статей, издававшихся партией „Народной Воли“, политипажъ: „Biblioteczka Proletaryat“ работы Аренгейма (т. IX л. 802); 19 печатей сообщества „Пролетаріатъ“: „Центрального комитета“, „Рабочаго Комитета“, „Общества народнаго Просвѣщенія“, „Краснаго креста въ Царствѣ Польскомъ“, „Кассы Рабочихъ Комитетовъ“, „въ Эгержѣ“, и „Лодзи“, книжныхъ „агентуръ Пролетаріата и Народной Воли“ (прикладываемыхъ ко всѣмъ изданіямъ партіи), а также печати правительственныхъ и общественныхъ учреждений: „Липновскаго уѣзднаго Управленія“, „гмины Чарне“, „гмины Модзеле“ (приложена къ паспорту Франковской, оказавшемуся при Варынскомъ), „Управленія Одесскаго Полиціймейстера“, „г. Шавель“, „Сосновицкой“ и „Бардовской таможенъ“, „Самарскаго дворянскаго Депутатскаго Собранія“, „Конторы главнаго управленія пароходныхъ сообщений въ Варшавѣ“. Наконецъ, въ письменномъ столѣ Бардовскаго оказалось нѣсколько записокъ (т. VII л. 101, 102—107) отъ содержащихся въ X павильонѣ Цитадели Варынскаго и Александры Ентысъ и между ними записка на русскомъ языкѣ отъ Варынскаго, по содержанію прямо относившаяся къ Бардовскому и заключающая въ себѣ просьбу о передачѣ другой его записки Куницкому или Дембскому, и записка отъ Александры Ентысъ къ Поллю, въ которой первая проситъ послѣднюю передать ея письмо также означеннымъ лицамъ. (т. VII л. 44; т. IX л. 752 об., 758 а об.).

Независимо сего, при томъ же обыскѣ, въ числѣ разнаго революціоннаго имущества, оказались: рукопись со спискомъ разныхъ революціонныхъ изданій, писанная Наталіей Полль, рукопись на русскомъ языкѣ, собственноручно писанная Бардовскимъ и составляющая воззваніе къ военнымъ крайне возмутительнаго содержанія, приглашающее ихъ къ участію въ революціонной дѣятельности и къ веденію социально-революціонной пропаганды среди нижнихъ чиновъ.

„Подъ гнетомъ невыносимаго положенія мы обращаемся къ вамъ, со товарищи наши“, говорится въ этомъ воззваніи.

„Всякій изъ васъ, безъ сомнѣнія, понимаетъ, что войско составляетъ главную опору господствующаго деспотизма. Какъ только войско перестанетъ повиноваться правительству при столкновеніи съ народомъ, отжившее самодержавіе рухнетъ навсегда... Во всѣхъ концахъ Россіи растутъ глубже недовольство; тысячи жертвъ гибнутъ ежегодно, и ничто не въ силахъ задержать грознаго движенія. Въ войскахъ давно появились революціонные кружки, которые примыкаютъ къ общему революціонному движенію. Соединимся же дружно противъ общаго врага. Пусть въ каждомъ полку, въ каждой отдѣльной части войска обра-

зается свой кружокъ, который будетъ преслѣдовать общую цѣль. Эт кружки должны войти въ сношенія между собою и постараться завести связи съ представителями партіи „Народной Воли“.... Затѣмъ необходимо дѣйствовать на солдатъ... Не хотимъ сомнѣваться въ томъ, что вы окликнетесь на общій кликъ русской молодежи. Имена Дубровина, Сухнова, Буцевича и др. намъ въ томъ порукою. Помните великую цѣль, стоящую передъ нами: освобожденіе народа изъ долготѣннаго рабства для новой лучшей жизни...”

Такимъ образомъ, результаты этого обыска, въ связи съ данными негласнаго разслѣдованія, указывали, что квартира Бардовскаго есть такъ называемая конспиративная квартира, складъ для имущества спеціально-революціоннаго сообщества „Пролетаріатъ“ и мѣсто собранія кружка лицъ, руководившихъ социальнореволюціоннымъ движеніемъ и здѣшнемъ краѣ и именовавшихъ себя „Центральнымъ Комитетомъ“ спеціально-революціонной партіи Пролетаріатъ“. Дальнѣйшіе дознанія это было вполнѣ доказано. Такъ, уже вскорѣ послѣ ареста Бардовскаго (т. VII л. 207—212, 236; т. VIII л. 367 об.; т. IX л. 640—641) показаніями Маріаны Микель, Михаила Полль и Юсіфа Бреда, затѣмъ и Теодоры Русецкой было выяснено, что Куницкій, Дембскій и Загурскій были своими людьми въ домѣ Бардовскаго, что еще осенью 1883 года Дембскій сталъ приносить въ квартиру Бардовскаго пачками социальнореволюціонныя изданія, которыя и прятались въ сундукѣ, что изданія эти Полль и Бардовскій раздавали посѣщавшимъ ихъ знакомымъ за деньги; что въ квартирѣ Бардовскаго жила Шулепникова и бывали Дзянковская, Острейко, Дулемба, что Бардовскій и Полль передали Игельструму корзину съ революціонными изданіями для храненія, что она получала отъ Люри и передавала Куницкому, что деньги на цѣли партіи, что на собраніяхъ въ домѣ Бардовскаго неоднократно говорили, что „отъ измѣнниковъ можно избавиться кинжаломъ“ (т. VII л. 178, 179, 293; т. VIII л. 326—329, 366—368, 440, 629; т. IX л. 676, 750—759).

Таковы были данныя дознанія, когда Наталія Полль заявила желаніе дополнить свои показанія, которыми сначала, главнымъ образомъ хотѣла выгородить Бардовскаго. Въ маѣ 1883 года, согласно этимъ новымъ показаніямъ Полль, по предложенію Михаила Добровольскаго, она и Бардовскій познакомились съ Варварой Шулепниковой, которая первоначально назвалась имъ Вѣрой Антоновной Полонской; затѣмъ, сблизившись, принесла „Календарь Народной Воли“ и, созналась, что она негласная, просила указать квартиру, въ которой могла бы поселиться въ слѣдствіе чего, съ согласія Бардовскаго, Шулепникова и поселилась у нихъ подъ фамиліей Софіи Кочетовой; они же, Бардовскій и Полль уѣхали въ деревню, но когда затѣмъ возвратились, Шулепникова встрѣтила ихъ со словами: „Я передъ вами виновата“. И, дѣйствительно, въ квартирѣ ихъ оказались: типографскія—рама, кассы для печатанія, петкою шрифтъ, въ ея сундукѣ—типографскій валикъ, а въ чемоданѣ Шулепниковой—брошюры. Нужно было съ этимъ примириться, и она, Полль, потребовала лишь, чтобы все это было скоро вывезено. Но вскорѣ арестовали Варынского, и по просьбѣ Шулепниковой, она, Полль, пр

дупредила объ этомъ Александру Ентысъ; потомъ Шулепникова познакомилась съ Дембскимъ и Куницкимъ и, уѣзжая 21 ноября 1883 года въ Кіевъ, просила не отказывать въ приѣмѣ нелегальныхъ вещей, которыя и стали носить къ нимъ Дембскій, Куницкій и Дулемба, вывезшій въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 года все, доставленное въ ихъ квартиру Шулепниковою. Такъ продолжалось до Рождественскихъ праздниковъ 1883 года, когда она и Бардовскій уѣхали въ С.-Петербургъ для свиданія съ родными. Тамъ она, Полль, познакомилась чрезъ Куницкаго со Степуринымъ, а чрезъ послѣдняго съ Люри, который, по возвращеніи ихъ въ Варшаву, сталъ также бывать въ ихъ домѣ, а затѣмъ привелъ къ нимъ Сокольскаго и Игельстрома. Послѣ этого въ домѣ ихъ бывали кромѣ названныхъ выше лицъ, принадлежащихъ къ партіи, еще Острейко, Анна Сѣрошевская, Александра Ентысъ, Софія Плоская, Болеславъ Онуфровичъ, Ѳаддѣй Рехневскій, причеиъ послѣдніе двое иногда и ночевали; пріѣзжала съ письмомъ отъ Степурина къ Дембскому нѣкая Софія Санденъ; получалась на адресъ Бардовскаго разная корреспонденція для партіи, и денежная, и простая.

Такимъ образомъ, насколько она, Полль, помнитъ, на имя Бардовскаго было получено 75 руб. и 100 руб. (одна изъ этихъ суммъ была получена изъ Москвы), получались письма для Люри отъ Степурина; въ мартѣ 1884 года было получено одно письмо, и, такъ какъ долго никто не бралъ его, то она, по указанію Куницкаго, зашла въ аптеку Урозовскаго къ Ивану Выгоновскому, а вслѣдъ затѣмъ явился къ нимъ Дулемба и взялъ письмо, въ которомъ оказались прокламаціи объ убійствѣ Судейкина; равнымъ образомъ, и они, Бардовскій и Полль, получали и передавали деньги для лицъ, принадлежащихъ къ партіи. Такъ, въ февралѣ 1884 года, вслѣдствіе телеграммы Шулепниковой, она отправила послѣдней 20 руб. въ Кіевскую духовную академію по адресу Арсеія Селецкаго; въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, въ декабрѣ 1883 года, она получила отъ Степурина 400 руб.; въ маѣ 1884 года отъ Люри 200 р. и въ юнѣ 1884 года Бардовскій получилъ отъ Люри 140 руб. для передачи Куницкому, и деньги эти Куницкому они передали, причеиъ 400 руб. она, Полль, передала Куницкому, заѣхавъ для этого въ Вильно; наконецъ, Бардовскій отправилъ къ Дембскому въ Петербургъ на имя Ержемскаго чрезъ Люри пожертвованныя послѣднимъ, какъ полагаетъ она, Полль, на возстановленіе сношеній „Пролетаріата“ съ „Народною Волею“, 500 руб. Сама она хранила деньги, принадлежащія партіи, присоединяя и тѣ, которыя ею добывались, если по какимъ-либо случаямъ ей удавалось получить, напр. за пользованіе книгами; деньги эти она выдавала по требованію Куницкаго и Дембскаго, не зная часто на что, но помнитъ, что выдала изъ кассы 15 руб. на покупку паспорта для Дзянковской на имя Новакъ. Наконецъ, заподозрѣвъ не задолго до ареста, что за квартирою слѣдятъ, она и Бардовскій стали очищать квартиру свою отъ всего нелегальнаго: Бардовскій отвезъ типографскую раму къ подпоручику Варшавской крѣпостной артиллеріи Яцутину, съ которымъ они познакомились чрезъ Сокольскаго; она отвезла часть вещей къ Добровольскому, а затѣмъ къ Игельстроу; остальное вынесли Куницкій, Дембскій и Загурскій. Ко всему этому Полль присовокупила,

что списокъ социально-революціонныхъ изданій и стихотвореніе „рогъ“, найденные въ ихъ квартирѣ, писала она, что прокламаціи военнымъ писалъ Бардовскій по просьбѣ Куницкаго, причемъ совѣдался съ Люри и, по совѣту послѣдняго, вычеркнулъ въ ней все, говорилось о стѣсненномъ положеніи русской литературы; сначала предполагалось разослать прокламацію эту офицерамъ, для чего послать Окружный Штабъ и тамъ за деньги получить нужные адреса; но тѣмъ изъ прокламаціи этой никакого употребленія сдѣлано не было, что Бардовскій еще въ 1882 году встрѣчалъ Варынского у Добровскаго, что, наконецъ, она, Полль, къ партіи не принадлежала и о терристорическихъ замыслахъ ея членовъ не знала. (т. VII л. 31, 233, т. VIII л. 336; т. IX л. 748, 773, 774, 920).

Допрошенный по поводу всего обнаруженнаго въ качествѣ обвиняемаго, Бардовскій, пытавшійся первоначально даже отказаться отъ ственноручной рукописи воззванія и отказавшійся дать объясненія по поводу письма крайне сомнительнаго содержанія, полученнаго отъ извѣстнаго лица изъ С.-Петербурга вслѣдъ за его арестомъ,—впослѣдствіи, видя себя изблеченнымъ, далъ нѣкоторыя показанія, объяснивъ лишь, что все найденное въ его квартирѣ, принесено къ нему недѣлю за полторы или двѣ до ареста для временнаго храненія Куницкимъ вещей этихъ не видѣлъ и знаетъ только письма изъ цитадели, доставленныя неизвѣстнымъ ему до того Степаномъ Ентысомъ, которыя принялъ потому, что въ русской запискѣ было сказано отдать Стаху, т. е. Куницкому; относилась ли однако записка эта къ Бардовскому, и кого подразумѣвалъ авторъ записки подъ буквою „М. I.“ онъ не знаетъ; что чрезъ Шулепникову онъ познакомился Куницкимъ, а чрезъ послѣдняго съ Агаевономъ (Загурскимъ), Александромъ (Дембскимъ), Конрадомъ (Яновичемъ) и Дулембою; знаетъ ихъ людей нелегальныхъ, но дѣятельность ихъ въ Варшавѣ ему извѣстна не была, что Люри прибылъ къ нему въ половинѣ февраля 1884 года номеромъ „Народной Воли“ отъ одного знакомаго его, Бардовскаго, крараго онъ назвать не желаетъ, и познакомился съ нимъ, какъ онъ знаетъ, для того, чтобы сдѣлать связи въ партіи „Пролетаріатъ“, приче однажды далъ ему для Куницкаго 140 руб., повидимому, на дѣло партіи. Ко всему этому Бардовскій присовокупилъ, что Степурина онъ знаетъ, что отобранная у него при обыскѣ прокламація къ военнымъ написана имъ и составляетъ лишь передѣлку съ польской статьи, которую передалъ ему Куницкій, сказавъ, что „она написана однимъ нашихъ и, можетъ пригодиться“, что сдѣланнаго имъ перевода Куницкій однако же не взялъ по неразборчивости почерка; наконецъ, письмо, полученное послѣ ареста его изъ С.-Петербурга, какъ онъ лагаетъ, предназначалось Куницкому.

Дальнѣйшимъ дознаніемъ установлено, что въ квартирѣ Бардовскаго сходились руководители и всѣ наиболѣе дѣятельные члены сообщенія для свиданій; туда приносили и оттуда выносили революціонныя издаванія; оттуда исходила и тамъ получалась корреспонденція партіи, туда являлись делегаты отъ партіи „Народной Воли“, тамъ же происходили и собранія такъ называемаго „Центральнаго Комитета“ (т. IX л. 878 об.; т.

л. 1460). Такъ, Загурскій помнитъ два такихъ собранія, одно происходило въ январѣ 1884 г. для обсужденія вопроса о поѣздкѣ Куницкаго за границу для учрежденія органа партіи „Walka klas“ и заведенія сношеній съ эмиграціей, приче́мъ рѣшеніе было выражено въ формѣ полномочія отъ Центральнаго Комитета на имя Куницкаго и переписано Польш; второе собраніе было въ февралѣ или мартѣ 1884 года по заявленію Куницкаго о предложеніи посыльнымъ Кмѣщникомъ своихъ услугъ для убійства товарища прокурора Янкуліо. На собраніи были кромѣ Куницкаго и Дембскаго, Загурскій, и предложеніе Кмѣщника было тогда, по словамъ Загурскаго, отвергнуто. По показанію Загурскаго, ни Бардовскій, ни Польш въ собраніяхъ этихъ участія не принимали, но знали цѣль этихъ собраній, и что на нихъ обсуждалось. Печати „Центральнаго Комитета“ были также въ распоряженіи Бардовскаго и Польш. (т. IX л. 789). Такъ, въ мартѣ 1884 г. Загурскій получилъ распоряженіе Куницкаго приложить эти печати къ составленнымъ Пацановскимъ уставамъ Рабочаго Комитета и выдать Пацановскому деньги на поѣздку въ Лодзь, отнесъ уставы эти на квартиру Бардовскаго, а на другой день получилъ отъ Польш 40 руб. для Пацановскаго и уставы уже съ печатами Центральнаго Комитета. Бардовскій не только отдалъ квартиру свою въ распоряженіе сообщества, но и самъ принималъ непосредственное участіе въ его дѣятельности (т. IX л. 879, 985—987, 990, 991, 993—996; т. X л. 1016, 1300 об.). По показанію Игельстрома, сначала Люри доставлялъ ему, Игельstromу, нелегальныя изданія, а затѣмъ сообщалъ, что получаетъ ихъ отъ Бардовскаго. Въ первый же его, Игельstromа, визитъ, Бардовскій или Польш онъ, Игельstromъ, не помнитъ, предложили ему сочиненіе Герцена и „Календарь Народной Воли“; знакомъ затѣмъ съ Куницкимъ, сообщили, что онъ нелегальный и долженъ красить волосы; чрезъ нѣсколько дней онъ, Игельstromъ, зашелъ, чтобы возвратить книги, и Польш предложила ему еще книгъ, а такъ какъ она или Бардовскій намекнули ему (т. IX л. 986), что за чтеніе надо платить, то онъ и далъ Польш 2 р. 50 коп., а потомъ 3 руб. на окраску волосъ Куницкаго. По показанію Сокольскаго, Бардовскій говорилъ ему, Игельstromу, что существуетъ общество для помощи ссыльнымъ; Польш же замѣтила, что они принимаютъ пожертвованія; когда онъ сказалъ, что нечего читать по части нелегальной литературы, Польш возразила, что у нихъ можно и это достать. Затѣмъ Бардовскій передалъ Игельstromу корзину съ нелегальными изданіями для храненія и разсказалъ, что Сокольскій познакомилъ его съ Яцутинимъ, у котораго можно, въ случаѣ надобности, кое-что припрятать; при другомъ свиданіи Бардовскій сообщилъ Игельstromу, что Конрадъ (Яновичъ), бывший тогда въ отсутствіи, долженъ привезти 1000 руб., приче́мъ добавилъ о Яновичѣ, что онъ настолько проникнутъ идеей, что готовъ пожертвовать все свое состояніе на дѣло партіи. По показанію Загурскаго, Бардовскій написалъ статью о полицейскомъ чиновникѣ Сикорскомъ, для помѣщенія ея въ газетѣ „Proletaryat“ (и въ № 5 этой газеты статья помѣщена). Но, повидимому, самую серьезною заботою Бардовскаго было проведеніе социальна-революціонныхъ идей въ войскахъ. Этимъ могутъ быть объяснены и находженіе у него при обыскѣ прокламаціи къ военнымъ, и

та настойчивость, съ которою онъ заводилъ и поддерживалъ знакомство въ военной средѣ. Бардовскій упрекалъ Сокольскаго, что послѣдній рѣдко бываетъ у него, просилъ Якутина посѣщать его, хотя было очевидно, что Якутинъ уклонялся отъ этого знакомства.

Съ Люри Бардовскій познакомился чрезъ Степурина, который въ декабрѣ 1883 года предложилъ Люри это знакомство, говоря, что у Бардовскаго онъ всегда получаетъ книги, и Люри съ изданіями „Народныя Воли“ (т. IX л. 1016 об., 1017) въ видѣ рекомендаціи явился къ Бардовскому отъ котораго и сталъ получать революціонныя изданія. Въ своей очередь, Бардовскій получалъ большія суммы отъ Люри, о чемъ послѣдній самъ говорилъ Игельstromу, зато Бардовскій называлъ Люри „щербатырь“. Однажды въ бытность Игельstromа у Бардовскаго (т. IX 986 об.), послѣдній вдругъ спросилъ его: „Что дѣлается въ войскахъ?“ Принявъ это за намекъ, чтобы онъ занялся пропагандою, Игельstromъ отвѣтилъ ему, что служить въ такой части, въ которой не имѣетъ дѣла съ солдатами. На этомъ разговоръ и прекратился. При другомъ свиданіи, въ маѣ 1884 года, Бардовскій сообщилъ ему, Игельstromу, что думаетъ написать прокламацію къ офицерамъ, въ которой, заявляя, что существуетъ офицерскій кружокъ, предложить другимъ офицерамъ составлять таковыя. На замѣчаніе, что кружка не существуетъ, Бардовскій отвѣтилъ: „Вы, да я—вотъ и кружокъ. Это вѣдь въ видѣ пробнаго ядра“. Спустя нѣкоторое время Игельstromъ узналъ отъ Бардовскаго или отъ Люри—хорошо не помнить, что прокламація уже написана Бардовскимъ; при новомъ затѣмъ свиданіи Бардовскій обратился уже къ Игельstromу съ просьбой указать фамиліи знакомыхъ офицеровъ для разсылки имъ прокламаціи. Когда же Игельstromъ отвѣтилъ, что желаетъ подводить офицеровъ, Бардовскій возразилъ: „Мы такъ устроимъ, что никого не подведемъ“. Вышеупомянутая прокламація къ военнымъ по словамъ Бардовскаго и Полля, распространяема не была; по повелѣнію Пацановскаго (т. X л. 1801), подобная ей по весьма характерной почерку рукопись была передана ему Куницкимъ вмѣстѣ съ 100 экземплярами газеты „Proletaryat“ № 5 и прокламаціями объ убійствѣ Гельшера для отсылки съ цѣлью напечатанія въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ, въ виду изложеннаго, необходимо заключить, что если эта прокламація и не была распространяема, то исключительно по случаю ареста Бардовскаго. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Бардовскій стремился провести пропаганду въ войска, и въ этомъ отношеніи онъ былъ наиболѣе энергичнымъ сообщникомъ Куницкаго. Бардовскій имѣлъ даже прозвище „Мильковскаго“ и „Ежа“ и самъ говорилъ Игельstromу, что называется Мильковскимъ. А что дѣйствительно подъ такимъ прозвищемъ онъ былъ извѣстенъ въ партіи, это доказываетъ анонимная записка, присланная Игельstromу послѣ ареста Бардовскаго (т. IX л. 990), извѣщавшая его, что Мильковскій „опасно заболѣлъ, и болѣзнь его заразительная“.

Все вышеизложенное достаточно изобличаетъ Бардовскаго и Полля въ непосредственномъ участіи въ дѣятельности сообщества „Пролетаріатъ“. (т. IX л. 753, 986 об., 994, 1021—1029).

Примѣчаніе. Дознаніемъ не выяснено ни участія Яцутина въ сообществѣ, ни того обстоятельства, чтобы онъ завѣдомо принялъ означенную типографскую раму на храненіе; почему и за необнаруженіемъ при обыскѣ какихъ-либо доказательствъ его виновности, онъ къ дознанію не привлеченъ.

Феликсъ Конъ.

Уроженецъ г. Варшавы, еврей Феликсъ Яковлевичъ Конъ, 20 лѣтъ, окончилъ курсъ въ Варшавской 11 классической гимназіи и состоялъ на 1-мъ курсѣ юридическаго факультета Варшавскаго университета. (т. VII л. 13 об., 14 об., 20 об., 26).

Задержанный по требованію начальника С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію, Феликсъ Конъ былъ также привлеченъ затѣмъ и къ настоящему дознанію на основаніи данныхъ негласнаго разслѣдованія, которымъ были выяснены сношенія его съ сообществомъ „Пролетаріатъ“ и участіе въ работахъ тайной типографіи партіи. (т. VII л. 285, 287; т. VIII л. 548—551, 601—611; т. IX л. 729, 731, 782, 788).

При первомъ же допросѣ Конъ призналъ принадлежность свою къ сообществу, заявляя, что другихъ показаній давать не станетъ; но потомъ показалъ, что съ социалистическимъ движеніемъ въ здѣшнемъ краѣ познакомился чрезъ Льва Винавера въ началѣ 1883 г. и, сблизившись съ нимъ, помогалъ партіи матеріально, доставилъ изъ-за границы транспортъ социально-революціонныхъ изданій, послѣ чего ему предложили вступить въ партію въ качествѣ „сочувствующаго“; въ январѣ 1884 г. онъ сдѣлался агентомъ 3 разряда и былъ введенъ Рентшке, настоящей фамиліи котораго онъ не знаетъ, въ типографію партіи, гдѣ и сталъ работать. Вслѣдствіе вызова его къ допросу по дѣлу Гандельсмана, производившемуся петербургскимъ жандармскимъ начальствомъ, весною 1884 г., бросивъ работы въ типографіи, онъ сталъ набирать статьи для газеты „Proletaryat“ № 5 въ квартирѣ Крживоблоцкаго вмѣстѣ съ Шпакомъ, котораго уговорилъ помочь ему; затѣмъ составилъ статью изъ Варшавы, помѣщенную въ означенной газетѣ, участвовалъ въ разныхъ сходкахъ вмѣстѣ съ Куницкимъ, Яновичемъ и, между прочимъ, въ сходкѣ, на которую принесены были только что отпечатанныя прокламаціи о Гельшерѣ, переписывалъ по просьбѣ Рентшке въ видѣ услуги для партіи „Народной Воли“ рукопись о взрывчатыхъ веществахъ (оказавшуюся при обыскѣ у Остерлова).

Показанія свои Конъ заключилъ заявленіемъ, что признаетъ право дѣйствовать терроромъ прежде всего противъ предателей, такъ какъ никого не принуждаютъ вступать въ партію; затѣмъ—противъ шпионовъ, наконецъ—противъ фабрикантовъ и должностныхъ лицъ, какъ средство вліять на обхожденіе съ рабочими и съ политическими арестантами.

(т. VII л. 245, 248; т. VIII л. 441—443, 457, 465, 514; т. IX л. 695, 705, 752; т. X л. 1163, 1224, 1250, 1301, 1341, 1351—1352 об.).

Солидарность свою съ террористическими замыслами Куницкаго, Дембскаго, Яновича—Феликсъ Конь доказаль присутствіемъ своимъ вмѣстѣ съ этими лицами, Славинскимъ, Сѣрошевскимъ и Гладышемъ при попыткѣ взрыва панклястикомъ, несомнѣнно, зная о намѣреніи парти произвестн взрывъ прокурорской камеры. Конь, какъ дѣйствовавшій въ Варшавѣ, по словамъ Пацановскаго, бываль у Бардовскаго, нахдился въ сношеніяхъ съ руководителями сообщества и съ рабочими, хотя ни одного изъ этихъ лицъ не назвалъ въ своихъ показаніяхъ. Феликсъ Конь назывался въ парти „Фисомъ“ „Стожинскимъ“ и „Стожкомъ“, по показанію Куницкаго, состояль агентомъ 2 степени; по показаніямъ Загурскаго (т. IX л. 878—879), Конь участвовалъ въ работѣ типографіи на улицѣ Александрія у Дембскаго, у Крживоблоцкаго и Славинскаго вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ и Загурскимъ. О довѣрїи къ нему руководителей парти можно судить по тому, что въ квартирѣ ея не только хранились разныя нелегальныя вещи, но и происходило собраніе такъ называемаго Центрального Комитета (т. IX л. 713 и об.). Впрочемъ, его направленіе и отношеніе къ парти лучше всего характеризуется собственными его словами, что „онъ никогда въ жизни не отступитя отъ парти, будетъ помогать ей, если только его освободятъ и поступитъ въ кружокъ, если таковой будетъ существовать, если же не окажется, то онъ составитъ новый“.

Историческая библиографія.

А. Тунъ. *Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи.* Пер. Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др. Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча, предисловіемъ Г. Плеханова, статьями «Восьмидесятыя годы» Д. Кольцова, «О соціальной демократіи въ Россіи» Г. Плеханова, и примѣчаніями П. Лаврова. Изд. «Библиотеки для всѣхъ» О. Н. Рутенбергъ (безъ мѣста и года изд., издано въ 1906 г.). 392 стр. Цѣна 1 р.

А. Тунъ. *Исторія революціоннаго движенія въ Россіи.* Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ прим. Л. Э. Шишко. Книгоиздательство «Земли и Воли». (безъ мѣста и года изд., вышло въ 1906). 394 стр. Цѣна 50 к.

Habent sua fata libelli. Книга покойнаго († 1886) сперва базельскаго, потомъ фрейбургскаго профессора А. Туна, вышедшая въ подлинникѣ въ свѣтъ чуть не четверть вѣка тому назадъ (1883), появляется, наконецъ, въ русскомъ легальномъ изданіи, и даже не въ одномъ, а въ четырехъ или пяти; передъ нами два изданія, имѣющія цѣну; о другихъ, лишенныхъ всякаго значенія, мы не упоминаемъ. Изданіе этой книги въ русскомъ переводѣ, и притомъ непремѣнно съ примѣчаніями и дополненіями, было завѣтною мечтой множества революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ молодыхъ людей въ концѣ 1880-хъ и началѣ 1890-хъ годовъ; не мало людей поплатилось за эту книгу тюрьмой и ссылкой.

Попытки изданія въ свѣтъ этой книги по-русски сами по себѣ представляютъ не лишнюю нѣкотораго интереса страницу изъ исторіи нашего общественнаго движенія. Не имѣя для нея достаточныхъ матеріаловъ, я позволю себѣ рассказать здѣсь о попыткѣ, предпринятой мною лично.

Съ 1885 года я, бывший тогда еще студентомъ С.-Петербургскаго Университета, систематически занимался нелегальнымъ издательствомъ. Я мечталъ создать нелегальное книгоиздательство, не преслѣдуемое гонимыхъ - нибудь партійныхъ цѣлей, но ставящее своей задачей самымъ фактомъ изданія не пропущенныхъ цензурою книгъ, независимо отъ ихъ направленія, бороться съ цензурой. Руководясь этимъ стремленіемъ, я издалъ нѣсколько сочиненій Льва Толстого, идеямъ котораго вовсе не сочувствовалъ, книжку Шеффле «Сущность социализма», нѣсколько другихъ

брошюръ и приступилъ къ изданію Туна. Мои изданія не печатались, а только литографировались въ небольшой (легальной) литографіи Гробовой (на Петербургской сторонѣ), которая существовала преимущественно литографированіемъ лекцій для студентовъ нелегальнымъ издательствомъ. Мои изданія выходили въ 300—500 экземплярахъ, расходились весьма быстро, быстро окупались и давали мнѣ легкую возможность продолжать безъ перерывовъ мою дѣятельность. Гробова брала съ меня по 6 коп. съ экземпляра листа, т. е. втрое больше, чѣмъ съ изданій легальнымъ и была вполне довольна работою. Въ теченіе двухъ лѣтъ она дѣлала такого рода работу только для меня, но я получилъ какъ бы въ наслѣдство отъ Бориса Глинскаго (нынѣ постояннаго сотрудника Суворинскаго «Историческаго Вѣстника») и князя Д. И. Шаховскаго (нынѣ члена Государственной Думы, кадетъ бывшаго въ то время толстовцемъ и издававшего до меня Толстовскія изданія) изъ другихъ соображеній, чѣмъ я. Гробова изъ полудожинъ своихъ рабочихъ вполне довѣряла только двумъ, и нелегальное литографированіе происходило по ночамъ при опущенныхъ шторахъ и запертыхъ дверяхъ.

Уже тогда я ясно сознавалъ неудовлетворительность сочиненія Туна во многихъ отношеніяхъ и потому снабжалъ переводы его многочисленными примѣчаніями и приложеніями.

Мнѣ помогали въ моей работѣ (переводъ и составленіе примѣчаній) очень и очень многія лица; изъ нихъ нѣкоторые въ настоящее время отясла прахъ юношескаго радикализма с ногъ своихъ и оказались въ томъ лагерѣ, изъ котораго можетъ изойти развѣ гоненіе на свободную мысль, а никоимъ образомъ не желаніе распространить ее въ обществѣ. Однимъ изъ людей оказавшихъ мнѣ при этомъ изданіи большія услуги, былъ С. Крыжановскій, тогда еще мой товарищъ по университету, въ слѣдствіи—директоръ одного изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ покойнаго В. К. Плеве, нынѣ даже товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, вполне достойный своего шефа. С. Е. Крыжановскій для приложенія къ Туну перевелъ съ польскаго изъ какого-то нелегальнаго журнала нѣсколько отрывковъ, касавшихся исторіи польскаго революціоннаго движенія.

Работа въ задуманныхъ мною рамкахъ была большая, если комъ большая для тогдашнихъ полицейскихъ условій и для моихъ конспираторскихъ способностей, именно слишкомъ широкіе размахъ погубилъ ее. Открылось дѣло въ февр. 1887 г. по вѣносу одного рабочаго, уволеннаго изъ брошюровочной мастерской въ которую я отвозилъ отпечатанные листы книги Туна, предполагая ее тамъ брошюровать. Въ переплетной была сдѣлана обыскъ, хозяйка переплетной арестована, и тотчасъ же названа моя фамилія, за что и была благополучно отпущена, если ошибаюсь, даже безъ закрытія мастерской. Въ тотъ же день была сдѣлана обыскъ у меня, и я арестованъ съ цѣлою грудой

личнаго, совершенно уличившаго меня. Къ счастью, никакихъ слѣдovъ литографіи, въ которой я литографировалъ, найдено не было. Черезъ нѣсколько дней былъ сдѣланъ повальный обыскъ во всѣхъ петербургскихъ литографіяхъ, но Грובה была предупреждена, и никакихъ слѣдovъ ея преступленія у нея найдено не было. Такимъ образомъ, для нея дѣло сошло благополучно. Однако она не унялась и, чувствуя въ нелегальной работѣ важное для себя подспорье, въ самомъ непродолжительномъ времени вновь согласилась на литографированіе какихъ-то другихъ нелегальныхъ изданій, на которыхъ она черезъ три года (въ 1890) и попалась. Кромѣ меня были привлечены къ дѣлу еще три лица, улики противъ которыхъ оказались въ отобранныхъ отъ меня бумагахъ: Б. Глинскій, Л. К. Давыдова (дочь извѣстнаго музыканта, тогда директора петербургской консерваторіи, впоследствии г-жа Туганъ-Барановская) и нынѣшній товарищъ министра С. Е. Крыжановскій. Первый, впрочемъ, попался не за издательство, а вслѣдствіе найденнаго его письма ко мнѣ, указывавшаго на его знакомство съ Шевыревымъ (вскорѣ послѣ того казненнымъ за участіе въ дѣлѣ 1 марта 1887 года) и за его прикосновенность къ организаціи студенческихъ столовыхъ. Глинскій былъ приговоренъ къ 10 днямъ тюремнаго заключенія, которые и отбылъ въ Крестахъ. Л. К. Давыдова перевела для меня одну главу книги Туна, и рукопись ея была найдена у меня; у меня же было найдено одно ея письмо, и по сходству почерковъ было удостовѣрено ея участіе въ издательствѣ. Она получила только высочайшій выговоръ. У меня же была найдена рукопись Крыжановскаго, а авторство его было дознано вслѣдствіе тождества почерка этой рукописи съ однимъ ея письмомъ, найденнымъ не у меня, а у С. Ф. Ольденбурга (впоследствии профессора санскритскаго языка, нынѣ академика, кадета), у котораго былъ сдѣланъ обыскъ вскорѣ послѣ моего, вслѣдствіе удостовѣренной моей близости съ нимъ.

С. Е. Крыжановскій былъ приговоренъ къ двумъ недѣлямъ тюремнаго заключенія, но вслѣдствіе вліятельныхъ связей былъ отъ него освобожденъ. Я заплатилъ тремя съ половиною мѣсяцами предварительнаго тюремнаго заключенія и приговоромъ къ пяти господамъ ссылки въ Архангельскую губернію (изъ коихъ отбылъ три, послѣ чего переведенъ въ Самару). Книга Туна въ моемъ изданіи свѣта такъ и не увидѣла, оборванная на 12 листѣ текста и 8-мъ приложений, печатавшихся одновременно съ текстомъ.

Послѣ меня было сдѣлано нѣсколько такихъ же, частью тоже безуспѣшныхъ, частью удачныхъ попытокъ, и въ обществѣ по моему ходило, какъ кажется, нѣсколько литографированныхъ изданій Туна.

Въ концѣ 1890-хъ и началѣ 1900-хъ гг. она появилась за границей въ двухъ изданіяхъ: социаль-демократическомъ и соц.-

революціонномъ, и издавія, заглавія которыхъ выписаны въ представляють изъ себя перепечатки изданій заграничныхъ.

Сдѣлавъ въ 1-й главѣ краткій и самый бѣглый очеркъ въ исторіи революціоннаго движенія до 1863 года, Туна посвящая свою книгу двадцатилѣтію 1863—83, заканчивая ее, такимъ разомъ, упадкомъ партіи «Народной Воли». Даже въ свое время книга Туна далеко не стояла на высотѣ той задачи, за рѣшеніе которой взялся авторъ. Живя за границей, авторъ, хотѣя знакомый съ Россіей по личнымъ наблюденіямъ и удовлетво-рительно владѣвшій русскимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе не воспользоваться только источниками, доступными за границей, въ Германіи и въ Швейцаріи. Такими источниками являе-почти исключительно русская революціонная литература, и не вся: мелкія прокламаціи, представляющія иногда весьма значительный интересъ и весьма характерныя для опредѣленія историческаго момента, за границу попадаютъ рѣдко и не въ статочномъ числѣ. Еще болѣе цѣнный матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія представляютъ отчеты о политическихъ процессахъ, которые до 1881 года печатались въ русскихъ газетахъ, хотя и не въ полной видѣ; этотъ источникъ остался для Туна недоступнымъ. Понять исторію русскаго революціоннаго движенія можно только въ связи съ исторіею литературы и русскаго общества вообще.

Обладая весьма скудными свѣдѣніями въ этой области, Туна отличается крайней поверхностностью сужденій во всемъ, что касается причинъ смѣны различныхъ теченій въ русскомъ революціонномъ движеніи. Эти недостатки книги Туна были замѣты даже во время ея появленія въ свѣтъ по-нѣмецки; появившись же въ свѣтъ по-русски она тогда, когда накопилось громад-ное количество новыхъ, ранѣе неизвѣстныхъ матеріаловъ, и ко-слѣдствіе этого, она потеряла почти все свое значеніе. Это осталось тайной, конечно, и для переводчиковъ, которые въ своихъ предисловіяхъ охотно указываютъ на неудовлетворительность книги во многихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе донья она является единственнымъ цѣльнымъ очеркомъ исторіи революціонныхъ движеній 1860—1870 и 1880-ыхъ годовъ, т. е. того періода, на зарѣ котораго стоятъ Чернышевскій и Герценъ, который нигилизмъ 1860-ыхъ годовъ смѣнился народничествомъ 1870-ыхъ, сказавшимся хожденіемъ въ народъ, затѣмъ народ-вольчествомъ, которое сыграло такую крупную роль въ исторіи русскаго общественнаго развитія. Какъ ни поверхностны свѣдѣнія Туна, какъ ни мало удовлетворительны тѣ объясненія, которыя онъ даетъ для смѣны различныхъ направленій въ революціонномъ движеніи, все-таки изложеніе основныхъ принциповъ каждого изъ нихъ сдѣлано у него довольно правильно, хотя, однако не безъ промаховъ и не безъ внутреннихъ противорѣчій: разныя перипетіи борьбы революціонеровъ съ правительствомъ вообще, и полиціей—въ частности, нарисованы правильно и

вольно ярко; характеристики дѣятелей отличаются выпуклостью, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда у Туна были для нихъ хорошія пособія въ видѣ теперь уже мало доступныхъ біографическихъ очерковъ (Желябова, Перовской и др.), въ свое время изданныхъ за границей. Ради этихъ-то достоинствъ книгу Туна и переводятъ до сихъ поръ съ такимъ усердіемъ.

Сознавая однако недостатки Туна, всѣ переводчики считаютъ нужнымъ снабжать его книгу своими примѣчаніями дополненіями и возраженіями, которыя въ общей сложности, въ изданіи, напримѣръ, «Земли и Воли», занимаютъ болѣе мѣста, чѣмъ сама книга, а въ переводѣ Вѣры Засуличъ почти столько же, сколько книга.

Что касается изданія социаль-демократическаго, то его крупный недостатокъ—это обиліе людей, принимавшихъ въ немъ участіе, и различіе времени, въ которое они работали надъ нимъ. Правда, Вѣра Засуличъ, Кольцовъ, Дейчъ, Плехановъ—люди одинаковаго политическаго направленія; однако и у нихъ есть различія во взглядахъ. Между прочимъ, Дейчъ относится къ книгѣ Туна гораздо снисходительнѣе (по нашему мнѣнію, даже чрезмѣрно снисходительно), чѣмъ Плехановъ, не оставляющій отъ Туна камня на камнѣ.

Примѣчанія Лаврова, приведенныя въ этомъ изданіи, это примѣчанія Лаврова, сдѣланныя къ польскому изданію книги Туна и отсюда сюда переведенныя. Они составляютъ всего двѣ странички и являются строго и мелочно фактическими, такъ что принципъ *audiatur et altera pars*, во имя котораго, по словамъ Плеханова, приведены они здѣсь, звучитъ какъ какая-то странная иронія. Въ самомъ дѣлѣ: Тунъ говоритъ, что Лавровъ былъ сосланъ въ Архангельскую губернію; Лавровъ въ примѣчаніи поправляетъ: «я былъ сосланъ въ Вологодскую, а не въ Архангельскую губернію». Тунъ говоритъ, что Лавровъ былъ профессоромъ Военной Академіи; Лавровъ поправляетъ: «я былъ профессоромъ въ Артиллерійской Академіи, а не въ Военной (такъ называется обыкновенная академія Генеральнаго Штаба)». Есть и болѣе обстоятельныя и болѣе важныя примѣчанія Лаврова, но всѣ они имѣютъ такой же фактическій характеръ, и почти всѣ касаются только лично Лаврова. Длинное (72 стр.) предисловіе Плеханова къ Туну довольно интересно, но интересно не какъ предисловіе къ Туну, а какъ самостоятельная статья Плеханова о нѣкоторыхъ моментахъ нашей революціонной исторіи, въ частности выясняющая вопросъ объ отношеніи между политическимъ радикализмомъ и социализмомъ въ различныхъ нашихъ революціонныхъ партіяхъ. Какъ и всѣ произведенія Плеханова, это предисловіе написано въ рѣзко полемическомъ тонѣ, далеко не безпристрастно, переполнено выходками и замѣчаніями весьма спорнаго характера и,—будучи не лишено интереса само по себѣ, взятое въ отдѣльности,—въ предисловіи къ

исторической книгѣ, претендующей на строгую объективность и производящей впечатлѣніе чего-то, совершенно неумѣстнаго ¹⁾).

Необходимо замѣтить еще, что разныя статьи, приложенныя къ книгѣ Туна, въ социаль-демократическомъ изданіи, написаны въ разное время; статья Плеханова «О социальной демократіи въ Россіи» была написана первоначально для польскаго изданія книги Туна и въ настоящемъ изданіи является либо переведенной съ польскаго, либо напечатанной съ той рукописи, съ которой былъ сдѣланъ переводъ для польскаго изданія; и къ ней Плехановъ дѣлаетъ еще въ настоящее время новыя примѣчанія.

Такимъ образомъ, книга Туна въ социаль-демократическомъ изданіи является произведеніемъ, состоящимъ изъ цѣлаго ряда наслоеній, отложившихся въ разныя историческія эпохи. Каждое изъ нихъ представляетъ само по себѣ иногда значительный иногда нѣкоторый интересъ; сравнительная объективность и безпристрастіе Туна, смотрящаго на движеніе безъ особенныхъ симпатій и антипатій къ различнымъ его идейнымъ направленіямъ (впрочемъ не безъ нѣкоторой антипатіи къ террору), съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, не особенно глубокаго, не особенно свѣдущаго, безъ рѣзко выраженнаго міросозерцанія, но вполне добросовѣстнаго и стремящагося къ объективной истинѣ, тонетъ въ опредѣленно партійныхъ пристрастіяхъ авторовъ дополненій. Въ общемъ характеръ исторіи революціоннаго движенія совершенно теряется, и вся книга представляетъ изъ себя въ лучшемъ случаѣ матеріалъ для исторіи, въ которомъ читатель долженъ самостоятельно разбираться, провѣряя одно свидѣтеля другимъ, не имѣя единой путеводной нити. Въ дополненіе къ этому книга издана поразительно неряшливо; въ ней нѣтъ оглавленія, совершенно необходимаго для такой пестрой книги. Примѣчанія Лаврова, напечатанныя въ концѣ книги составлены такимъ образомъ: «къ страницѣ 38», «къ страницѣ 40», «къ страницѣ 50» и т. д. Оказывается, что эти ссылки

¹⁾ Какъ примѣръ полемическихъ выходовъ, не имѣющихъ права претендовать на историческую объективность, можно привести утвержденіе Плеханова (стр. 49), что „въ концѣ 80-хъ годовъ въ русской революціонной печати стали раздаваться голоса, приглашавшіе нашихъ революціонеровъ на время отказаться отъ социализма и превратиться въ либераловъ. Громче всего эта проповѣдь раздавалась въ органѣ Владимира Бурцева, нѣмѣннаго союзника нашихъ социалистовъ-революціонеровъ“. Мы знаемъ со стороны Бурцева приглашеніе поддѣлывать либераловъ и въ извѣстныхъ случаяхъ идти съ ними рука объ руку, но не знаемъ ни одного приглашенія съ его стороны, точно такъ же какъ и со стороны какого бы то ни было революціонера 80-хъ годовъ, превратиться въ либераловъ. Другой образчикъ такой же точечной партійности можно видѣть въ томъ, что Плехановъ систематически или, по крайней мѣрѣ, очень часто называетъ социалистовъ-революціонеровъ — социалистами-реакціонерами и говоритъ, что „о нихъ не даромъ сказано, что они носятъ двойное названіе единственно потому, что изъ социализма не революціонеры, а ихъ революціонность не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ“ (стр. 366). Можетъ быть, это замѣчаніе и остроумно, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно весьма мало доказательно и врядъ ли уместно въ примѣчаніяхъ къ исторической работѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что противники социаль-демократовъ точно такъ же могли бы сказать, что они носятъ двойное названіе потому, что ихъ социализмъ не демократиченъ, а ихъ демократизмъ не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ, но, конечно, они этимъ никого не убѣдили бы въ ошибочности взглядовъ социаль-демократовъ и ничего бы не выяснили.

сдѣланы на страницы польскаго изданія, а въ настоящемъ изданіи страницѣ 38 соотвѣтствуетъ страница 116-я; страницѣ 40—страница 118-я и т. д. Въ примѣчаніяхъ Лавровъ поправляетъ ошибку Туна о мѣстѣ его ссылки; между тѣмъ въ книгѣ переводчикъ самъ ее исправилъ, включивъ свою поправку въ текстъ книги, а не въ примѣчаніе, и читатель, видя поправку Лаврова и отыскавъ то мѣсто въ книгѣ, къ которому она относится, останавливается въ полнѣйшемъ недоумѣніи: Лавровъ поправляетъ, а между тѣмъ въ книгѣ сказана совершеннѣйшая правда,—и т. д. и т. д. Между тѣмъ безчисленное множество мелкихъ, но важныхъ въ исторической работѣ ошибокъ Туна (касающихся хронологіи, собственныхъ именъ и т. д.) осталось неисправленнымъ и неоговореннымъ. Наконецъ, очень цѣнная библиографія нелегальной русской литературы, приложенная въ подлинникъ въ книгѣ Туна, въ переводѣ отсутствуетъ, и объ этомъ можно очень пожалѣть.

Та же книга въ переводѣ подъ редакціей и съ примѣчаніями стараго революціонера, дѣятеля народническаго періода русской революціи 1870-хъ годовъ, отставнаго артиллерійскаго поручика Ф. Шишко, представляется во всякомъ случаѣ болѣе цѣнной. Тутъ кромѣ Туна мы видимъ всего только одного автора. Авторъ этотъ шагъ за шагомъ поправляетъ Туна, и хотя со многими изъ его мнѣній можно спорить, но всѣ они обставлены весьма серьезно.

Но именно при прочтеніи ихъ всего болѣе возникаетъ вопросъ: зачѣмъ Шишко написалъ свою работу въ формѣ перевода книги Туна съ дополненіями къ нему, а не въ формѣ самостоятельной исторической работы? Его примѣчанія чуть не къ каждой главѣ начинаются словами въ такомъ родѣ: «Характеристика нигилизма, сдѣланная Туномъ, отличается нѣкоторою запутанностью и кромѣ того оставляетъ совсѣмъ безъ отвѣта вопросъ о его происхожденіи» (стр. 71). И далѣе идетъ характеристика, дѣлаемая Шишко. Не лучше ли было бы, въ виду этого, пользуясь Туномъ, какъ и другими пособіями, написать самостоятельную работу? Конечно, она потребовала бы больше времени, но зато дала бы и гораздо болѣе цѣнные результаты, а и не много больше, такъ какъ, въ сущности, почти вся работа сдѣлана; слѣдуетъ придать ей только другую форму.

Съ внѣшней стороны изданіе Туна въ переводѣ Шишко нѣсколько лучше, чѣмъ изд. въ переводѣ Засуличъ, однако тоже далеко не удовлетворительно. Оглавленія нѣтъ тоже. Библиографія Туна тоже выкинута. Шишко въ своемъ переводѣ мѣстами сокращаетъ Туна; такъ, напримѣръ, на стр. 54 онъ выкинулъ нѣсколько строкъ, представляющихъ изъ себя отрывку автобіографіи Худякова, сдѣланную Туномъ; намъ кажется, что если переводчикъ считаетъ нужнымъ сокращать переводимаго автора, то онъ обязанъ это оговорить въ предисловіи; между тѣмъ Шишко этого не сдѣлалъ. Мѣстами онъ исправляетъ Туна въ самомъ

текстѣ вмѣсто того, чтобы сдѣлать это въ примѣчаніяхъ; впрочемъ, оговорено въ предисловіи.

В. Водовозовъ

Zur Beurteilung der gegenwärtigen politischen Entwicklung Russlands von S. I. Giwago und M. Weber. 125 стр. Оттискъ изъ журнала «Archiv Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (XXII B. 1 издаваемого Зомбартомъ, Веберомъ и Яффе.

Настоящая книжка состоитъ изъ двухъ крайне неравныхъ частей: краткаго (на 5 стр.) общаго обзора г. Живаго изъ наго конституціоннаго проекта Россіи, изданнаго за границей «Освобожденіемъ», и объемистой серьезной статьи «Къ положенію буржуазной демократіи въ Россіи», гейдельбергскаго профессора Вебера. Интересъ представляетъ лишь эта послѣдняя.

Какъ ни парадоксально это можетъ представляться на первый взглядъ, но значительно легче писать работы болѣе общаго характера о чужой странѣ, чѣмъ о своей собственной. Принадлежность къ извѣстной націи требуетъ отъ серьезнаго писателя исчерпывающія отношенія къ соотвѣтствующему вопросу литературы, статистики, оцѣны къ первоисточникамъ, привлеченія къ труду архивныхъ матеріаловъ и проч. Для иностранца большую заслугу составляетъ уже правильное использованіе наиболѣе главныхъ печатныхъ источниковъ литературы того народа, съ которымъ онъ хочетъ познакомиться, чтобы вернуться въ свою родину. Не даромъ единственная общая исторія революціи до сихъ поръ написана иностранцемъ—Туномъ. Изъ русскихъ никто не посмѣлъ взяться пока за этотъ громадный трудъ.

На сравненіе съ Туномъ невольно напрашивается Веберъ, занимающій въ своей статьѣ (120 стр. плотнаго шрифта) общій очеркъ политическаго движенія въ Россіи съ 1902 г. до первыхъ годовъ 1906 г. Въ его распоряженіи была богатая русская читальня въ Гейдельбергѣ, съ періодическими изданіями, ею выписываемыми, нѣсколько газетъ (главнымъ образомъ, «Новое Время» и «Русская Мысль»), наконецъ, помощь В. Кистяковскаго, ориентировавшаго его въ болѣе сложныхъ вопросахъ. Веберъ самъ прежде всего не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій относительно полноты своего труда. Онъ ждетъ будущаго исчерпывающаго описанія движеній и событій со стороны русскихъ «Но,—говоритъ онъ,—въ концѣ концовъ и безъ совершеннаго сопоставленія можетъ пригодиться для многихъ могущихъ слѣдить за событіями, нашимъ же русскимъ коллегамъ сейчасъ не до того, чтобы знакомить съ ними за границу». Въ указанныхъ рамкахъ работу Вебера надо признать выполненною удовлетворительно. Авторъ достаточно сумѣлъ использовать имѣвшіеся въ его распоряженіи матеріалы и пытается, хотя далеко не всегда ему удается, относиться возможно объективно

къ нимъ. Онъ обнаруживаетъ вообще хорошее, хотя и одностороннее знаніе русской жизни и въ интересныхъ примѣчаніяхъ къ тексту своей работы даетъ много любопытныхъ даже для насъ характеристикъ русскихъ политическихъ дѣятелей, органовъ печати, наконецъ, различныхъ общественныхъ организацій (напр. Больнаго экономическаго общества), такъ сильно расплодившихся у насъ въ послѣдніе годы. Собственно текстъ посвященъ изображенію болѣе крупныхъ линій нашего освободительнаго движенія; образованію и исторіи союза освобожденія, земскаго союза, союза союзовъ, конституціонно-демократической партіи, петербургскаго соціально-политическаго клуба, «создавагося въ декабрѣ 1905 г. изъ мѣстной группы союза освобожденія» послѣ вступленія части членовъ его въ конституціонно-демократическую партію, наконецъ, крестьянскаго союза, выдвинутаго аграрными требованіями крестьянъ. Большое вниманіе удѣляетъ авторъ также современнымъ національнымъ автономистскимъ теченіямъ въ русскомъ государствѣ.

Фактическихъ ошибокъ въ книгѣ не много (укажемъ, напримеръ, на сообщеніе о томъ, что В. А. Мякотинъ подвергался «многолѣтней ссылке въ Сибирь»—стр. 59). Гораздо больше промаховъ—и это понятно—тамъ, гдѣ авторъ даетъ общія характеристики партій, программъ ихъ и т. п. Здѣсь сказывается все же и недостаточно близкое знаніе нашей жизни, и передача многого съ чужихъ словъ. При этомъ, конечно, получаются часто слишкомъ быстрыя обобщенія, исчезаютъ болѣе детальныя отгѣнки мѣстной и взглядовъ, и изложеніе мѣстами пріобрѣтаетъ слишкомъ схематическій характеръ, не отвѣчающій сложности теченій, переживающихся въ нашей современной жизни. Встрѣчаются и прямо невѣрные характеристики, напр. «Народной Воли», какъ исключительно террористической партіи, въ противоположность «мирно-революціонному» «Черному передѣлу» (стр. 74).

Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ въ своей работѣ обнаруживаетъ нѣкоторые литературные псевдонимы, которые, конечно, не безъ основаній, у насъ до сихъ поръ оставались нераскрытыми. Мы не будемъ останавливаться на томъ, дѣлаетъ ли онъ при этомъ какія-либо ошибки или нѣтъ, а отмѣтимъ настоящій фактъ, лишь какъ характерный съ точки зрѣнія того значенія, которое для работы Вебера имѣли, повидимому, устные рассказы пребывавшихъ въ Гейдельбергъ нашихъ соотечественниковъ. Отъ передачи этихъ рассказовъ выиграла у него живость и полнота изложенія, но, несомнѣнно, понизился научный уровень его работы.

Все сказанное относится къ выполненію прямой задачи Вебера дать картину положенія буржуазной демократіи въ Россіи. Попутно ему приходится останавливаться, однако, и на болѣе крайнихъ партіяхъ, главнымъ образомъ, на «пролетарской интеллигенціи», и здѣсь онъ оказывается совершенно не въ своей области. Печатная соціаль-демократическая литература не могла дать ему по своей бѣдности полнаго понятія о русскомъ рабочемъ движе-

ни; личные его знакомства съ русскими, очевидно, не распространились на сторонниковъ этого движенія. Наконецъ, авторъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ изложенія, по своимъ личнымъ взглядамъ является противникомъ социаль-демократіи вообще. Въ результатъ, мѣста его работы, посвященныя русской социаль-демократіи, выдѣляются отъ остальныхъ частей ея и субъективность изложенія, выражающей въ повтореніи общихъ избитыхъ замчаній (о «сектантскомъ» характерѣ партіи и т. п.), и рядомъ премыхъ ошибокъ—напр., въ изложеніи роли, которую она играла въ московскомъ возстаніи.

Б. В.

Russen über Russland. Ein Sammelwerk, herausgegeben von Josef Melnik.

Сочиненія, посвященныя изображенію текущей русской жизни быстро старѣютъ въ наши бурные дни, и изданная г. Мельникомъ во Франкфуртѣ «для уясненія пониманію Западной Европы совершающихся въ Россіи событій» книга въ значительной степени представляетъ уже историческій интересъ, хотя предисловіе къ ней написано всего только въ октябрѣ прошлаго года.

Иностранецъ найдетъ въ ней фундаментальный (въ 670 стр.) коллективный трудъ, отдѣльныя главы котораго написаны, въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно лучшими знатоками специалистами по различнымъ вопросамъ внутренней жизни нашего отечества. Имѣется, конечно, не полное соотвѣтствіе между отдѣльными статьями книги, но все же въ общемъ онѣ являются достаточно близкими другъ другу и выдержанными въ одномъ тонѣ и направленіи—желаніи дать общую картину развитія Россіи за послѣднія десятилѣтія и прослѣдить за это время причины и ходъ того обостренія внутреннихъ отношеній, которое привело ее наконецъ, къ рѣшительному кризису.

Коснемся тѣхъ сторонъ изданія г. Мельника, которыя имѣютъ болѣе прямое отношеніе къ освободительной борьбѣ русскаго народа.

Прежде всего надо отмѣтить чрезмѣрную сдержанность, прходящую красною нитью черезъ всю книгу. Лозунгъ ея—умѣренный либерализмъ. Оппозиція существующему режиму рисуетъ почти исключительно, какъ протестъ противъ господствующаго азіатскаго деспотизма со стороны всѣхъ честныхъ и разумныхъ гражданъ. Революціонныя стороны этого протеста, народившихся новыхъ общественныхъ классовъ, стремленіе части интеллигенціи достигнуть высшихъ идеаловъ, изъ-за которыхъ происходитъ борьба въ самой Европѣ, ступеваны. Объ этомъ можно только пожалѣть. Во-первыхъ, практически важно было бы показать лучшей части этой Европы не только русское конституціонное движеніе, но и русскія революціонныя теченія, повныя вселяющіе

трепетъ своею таинственностью въ сердца европейскихъ не только угнѣренныхъ, но и радикальныхъ круговъ. Во-вторыхъ, книга, несомнѣнно, проиграла отъ упомянутой односторонности въ своей цѣлости и полнотѣ. Какъ это ни удивительно, но въ ней нѣтъ въ сущности важнѣйшей, съ нашей точки зрѣнія, главы—исторіи русскаго революціоннаго движенія. Правда, она открывается статьею П. Б. Струве «Замѣчанія о русской революціи», но при всемъ интересѣ этой статьи, она касается не столько русскихъ революціонныхъ силъ, сколько изложенія того, какимъ образомъ правительство само у себя отняло всякую опору, уничтоживъ возможность появленія сколько-нибудь разумныхъ консервативныхъ теченій.

Подобнымъ же образомъ мы тщетно стали бы искать въ книгѣ и описанія политическаго движенія рабочаго класса, роста самосознанія пролетаріата и борьбы его въ Россіи. Если не въ сухой и узко-экономической статьѣ проф. Озерова объ экономической политикѣ, то въ главѣ о рабочемъ движеніи г. Тотомьянца, можно было бы, казалось, найти всѣ данныя по этому вопросу. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній авторъ также ограничивается исключительно экономическими сторонами рабочей жизни. Онъ касается стачекъ, лишь поскольку онѣ преслѣдуютъ уменьшеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и улучшеніе фабричнаго законодательства, и поэтому слишкомъ узко освѣщаетъ зубатщину, какъ попытку борьбы съ нелегальными профессиональными организаціями рабочихъ, а не съ политическими партіями ихъ. О послѣднихъ г. Тотомьянецъ ограничивается буквально 10 строками (изъ 40 страницъ), въ которыхъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что «въ Россіи нѣтъ еще большой соединенной социаль-демократической партіи, которая положила бы въ основу своей рабочей программы опытъ не только нѣмецкихъ, но бельгійскихъ и итальянскихъ социалистовъ, и въ которой могли бы работать не только Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ, Парвусъ, Мартовъ, Ленинъ, Черновъ, Русановъ, Рубановичъ, но и Гапонъ, Поссе, Акимовъ, Кричевскій и др.»¹⁾

Тотъ же указанный выше недостатокъ ясно замѣчается и въ статьяхъ, посвященныхъ угнетаемымъ въ Россіи національностямъ: евреямъ (Виртуса), полякамъ (Нѣмоевскаго), малороссамъ (Грушецкаго), армянамъ (Берберова) и финнамъ (Лилле). Во всѣхъ нихъ проводится общая мысль, что всѣ эти народы охотно тяготѣли бы къ Россіи и оставались вѣрноподанными правительству, если бы оно само не провоцировало ихъ на оппозицію. Соответственно этому подробно излагаются ужасы гоненій, которымъ онѣ подвергались и подвергаются, и лишь слабо отмѣчена исторія самостоятельнаго роста внутри ихъ политическихъ партій. Особенно это чувствуется по отношенію къ евреямъ, для кото-

¹⁾ Статья Тотомьянца напечатана и по-русски подъ болѣе подходящимъ содержанію ея заглавіемъ «Экономическое положеніе рабочаго класса въ Россіи» въ апрѣльской книжкѣ «Образованія». Цитированныя нами строки выброшены, однако, изъ русскаго текста.

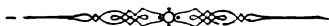
рыхъ полностью опущено описаніе сіонистскаго движенія и «Бунда» и къ финнамъ, о рабочемъ движеніи которыхъ не говорится и слова. Относительно лучше охарактеризованы партія армянскіе.

Если, такимъ образомъ, крайнія теченія въ русскомъ обществѣ въ общемъ недостаточно освѣщены въ рецензируемой книгѣ то движенія и настроенія либеральной интеллигенціи и наиболѣе тѣсно связанныя съ нею стороны русской жизни изложены въ ней весьма полно и хорошо. Проф. Е. Трубецкой, въ главѣ о университетскомъ вопросѣ, подробно описываетъ (отчасти на основаніи нелегальныхъ матеріаловъ) исторію студенческихъ волненій начиная съ 1881 г., и объясняетъ значеніе ихъ, конечно, съ умеренно-либеральной точки зрѣнія. Замѣтимъ только, что обыкновеннымъ днемъ студенческихъ демонстрацій ошибочно называетъ 3 ноября, какъ день казни Балмашева, повѣшеннаго притомъ 3 гоаября. В. Голубевъ въ прекрасной статьѣ о земствѣ, въполнѣ оправдывающей нѣсколько рекламную характеристику его въ объявленіи о настоящей книгѣ, какъ «лучшаго знатока земства» даетъ полный очеркъ борьбы между земствомъ и правительствомъ. Въ блестящей главѣ о женщинѣ Амфитеатровъ подчеркиваетъ роль, сыгранную женщинами въ русскомъ революціонномъ движеніи и вкратцѣ знакомитъ съ нѣкоторыми дѣятельницами ея: Бардиной, Лешеръ, Перовской, Фигнеръ, Гинсбургъ и др. В. И. Бобковъ и Москвичъ (псевдонимъ) даютъ яркія картины—первыя примѣненія у насъ административныхъ каръ, второй—дѣятельности полиціи. Статья Н. Чехова даетъ достаточное понятіе ненормальному положеніи у насъ народнаго образованія.

Отмѣтимъ еще главу о крестьянскомъ вопросѣ Корнилова, въ которой вкратцѣ охарактеризовалъ въ исторіи его и дѣятельности народниковъ 70-хъ годовъ и землевольцевъ, а также главу деревнѣ А. Новикова, предвѣщающаго близость кровавой борьбы деревни противъ царскаго войска. Статьи Рованова о церкви Бенуа объ искусствѣ въ Россіи никакого общественнаго интереса не представляютъ.

Въ общемъ изданіе Мельника, несомнѣнно, принесетъ значительную пользу въ смыслѣ ознакомленія съ Россією иностранцевъ, да и для многихъ русскихъ могло бы быть небезполезнымъ. Интересно было бы и на русскомъ языкѣ издать подобную книгу.

Б. В.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Адольфо Росси.** Движеніе въ Сициліи. Издан. „Колоколь“ СПБ. г. ц. 25 к.
- Октавъ Мирбо.** Дурные пастыри. Драма въ 5 дѣйст. Издан. „Колоколь“. М. 1906 г. ц. 10 к.
- Станиславъ (А. Вольскій)** Къ вопросу о націонализациі земли. „Колоколь“ СПБ. 1906 г. ц. 25 к.
- М. Ватгревъ.** Что такое бюрократія? Изд. „Колоколь“. М. 1906 г. ц. 4 к.
- А. Влюмъ.** Какая свобода нужна рабочему классу. Издат. „Колоколь“. Москва, 1906 г. ц. 10 к.
- К. Каутскій.** Бернштейнъ и социаль-демократическая программа. Изд. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 50 к.
- В. Я. Канель.** Фабричная медицина и бюрократія. Издан. „Колоколь“. Москва, 1906 г. ц. 8 к.
- Минаевъ.** Восьмичасовой рабочей день. Издан. „Колоколь“. СПБ. г. ц. 10 к.
- Кампфмейеръ.** Социаль-демократія при свѣтѣ исторіи культуры. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 20 к.
- Перев. М. Переса.** Объ анархизмѣ. Издан. „Колоколь“. СПБ. г. ц. 15 к.
- Л. Лафаргъ.** Трудъ и Капиталь. Издан. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 25 к.
- Марксъ.** Классовое рабочее движеніе въ Англіи. Изд. „Колоколь“. 1906 г., 10 к.
- М. Таганскій.** Демократическая республика и Новая Зеландія. Издан. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 5 к.
- В. Либнехтъ.** Изъ исторіи Германіи XIX в. Издан. „Колоколь“. Москва, 1906 г. ц. 25 к.
- Мейеръ.** Экономическое развитіе древняго міра. Издан. „Колоколь“. Москва, 1906 г. ц. 20 к.
- Минаевъ.** Изъ исторіи рабочаго класса. Издан. „Колоколь“. Москва. г. ц. 10 к.
- Перев. М. Переса.** Три мѣсяца рабочимъ на фабрикахъ. Изд. „Колоколь“. Москва. г. ц. 40 к.
- Юсьенъ Дежавъ.** Фленго. Майскія воспоминанія 1871 г. Издан. „Колоколь“. Москва. 1906 г. ц. 3 к.
- И. Толстой.** Царство Божіе внутри васъ. Томъ I. Издан. „Русскаго Слова“. СПБ. 1906 г. ц. 50 к.
- В. Тарле.** Роль студенчества въ революціонномъ движеніи въ Россіи въ 1848 г. издан. „Свободный Трудъ“. СПБ. 1906 г. ц. 8 к.
- Э. Геккель.** Мировыя загадки. Изд. „Мысль“. СПБ. 1906 г. ц. 80 к.

П. Гуревичъ. Роль интеллигенціи въ современномъ рабочемъ женіи, Изд. „Товарищъ“. ц. 4 к.

П. Гуревичъ. Почему нѣтъ сильной С. Д. въ свободной Америкѣ, Изд. „Товарищъ“. ц. 8 к.

Руничя. Письма. Изд. Имп. О-ва Исторіи. Москва. 1905 г.

Титовъ. Одинъ изъ заключенныхъ въ Суздальской крѣпости, Москва.

„Крестьянское Дѣло“. Непериодическое изданіе Симферопольскаго комитета партіи социалистовъ-революц. 20 мая 1906 г. № 1,

„Отклики Народной Борьбы“. Изданіе неперіодическое Симферопольскаго комитета партіи социал.-революцион. 1-го іюня 1906 г. № 8.

Прокламація къ крестьянамъ крымскаго союза р. с.-д. 1-го Мая, 1906 г.

Солдатская памятка. Изданіе военной организациі партіи социал.-революціонеровъ. № 1.

Прокламація Ялтинскаго комитета р. с.-д. р. партіи на татарскомъ языкѣ. Ялта. 1906 г.

Отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ за 1896 г. СПб.

„Южный Рабочій“. Издан. р. с.-д. р. партіи. 1902 г. № 10

Прокламація Петербур. комитета с. р. партіи. Апрель, 1906 г.

Прокламація областного комитета центральной области п. социал.-революціонеровъ.

Прокламація къ рабочимъ. Изданіе „Раб. партіи политическаго божденія Россіи“.

„Военный Листокъ“. Изданіе военной организациі Симферопольскаго гарнизона партіи с.-р. 15 іюня 1906 г.

Прокламація Читинскаго комитета р. с.-д. р. п. № 7.

Волкъ-оборотень или зубатовская политика. Изданіе СПб. комитета р. с.-д. р. п. Мартъ, 1903 г.

„Летучій листокъ революціонной Россіи“. Изданіе СПб. комитета партіи с.-р. Февраль, 1903 г.

Открытое письмо группѣ летучаго листка. Изданіе кружка родовольцевъ. СПб. 20 марта.

Рѣчь ткача Петра Алексѣева. Изданіе социаль-демократической группы „Практическая Работа“. Лондонъ. 1905 г.

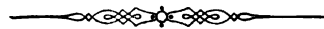
„Извѣстія московскаго совѣта рабочихъ депутатов“. 9 декабря 1905 г.

Рѣчь Власова. Изданіе Самарскаго комитета партіи социал.-революціонеровъ.

Трудящимся о Государственной Думѣ. Изданіе поволжскаго областного комитета п. с.-р. Іюнь 1906 г.

Прокламація къ солдатамъ. Изданіе Самарскаго комитета п. с.-р. Іюнь 1906 г.

„Красное Знамя“. 4 іюня 1906 года. Изданіе нѣмецкаго и буржуазнаго районовъ п. соц.-революціонеровъ.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе іюня газетами зарегистрированы нижеслѣдующіе судебныя приговоры по политическимъ дѣламъ и смертныя казни:

) Въ Ригѣ, 1 іюня, военнымъ судомъ закончено слушаніе дѣла о стрѣльбѣ по батальону вяземскаго полка въ минувшемъ мѣсяцѣ. Изъ семи обвиняемыхъ Робертъ Антоновичъ *приговоренъ къ смертной казни*, остальные оправданы.

) Въ Варшавѣ, 3 іюня, смертную казнь, назначенную приговоромъ военного суда политическимъ преступникамъ Новаковскому, Вейнеру, Ярошевскому и Доманскому, варшавскій генераль-губернаторъ вынесъ ссылкою въ каторжныя работы, перваго—на 20, а остальныхъ на 10 лѣтъ.

) Въ Одессѣ, 7 іюня, военный судъ приговорилъ къ *смертной казни* черезъ *разстрѣляніе* К. Чечкина, П. Лобеева, Н. Менцгана и М. Сидорова за разбойное нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на магазинъ, принадлежавшее грабежомъ. Постановлено ходатайствовать передъ военнымъ судомъ о смягченіи участи.

) Въ Варшавѣ, 8 іюня, въ военномъ судѣ разсматривалось 6 и 7 іюня дѣло о мѣщанахъ Файбисякѣ, Кимельманѣ, Пудловскомъ и Грошевскомъ, обвиняемыхъ въ умышленномъ убійствѣ стражника. Признавъ ихъ виновными, судъ *приговорилъ первыхъ трехъ къ смертной казни*, четвертаго къ *повышенію* и послѣдняго къ заключенію въ тюрьму на 10 лѣтъ.

) Въ Кіевѣ, 8 іюня, военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло Рабича, Пастушенко и Костюка по обвиненію въ изготовленіи бомбъ для подрыва существующаго строя, приговорилъ первыхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и четырехлѣтней каторгѣ, а третьяго къ заключенію въ тюрьму на 10 лѣтъ.

) Въ Потѣ, 9 іюня, на разсвѣтѣ *казненъ* Мигинейшвили, приговоренный военнымъ судомъ.

) Въ Ташкентѣ, 9 іюня. Военнымъ судомъ въ Ходжентѣ, по дѣлу о разбѣгахъ въ прошломъ декабрѣ, въ понтонной ротѣ, присуждены къ безсрочной каторгѣ, нѣсколько—на 10 лѣтъ. Всѣхъ подсудимыхъ было 27.

) Въ Орлѣ, 9 іюня. Въ Малоархангельскѣ по аграрному дѣлу изъ обвиняемыхъ оправданы 28; остальные приговорены къ арестантскимъ ротамъ и къ тюремному заключенію на разные сроки.

9) 7—9 іюня выїздная сессія с.-петербургской судебной палаты совмѣстно съ сословными представителями—разсматривала въ г. гопполь дѣло по обвиненію служащихъ Няндомской желѣзнодорожной станціи (ст. М.-Я.-Архангельской ж. д., въ предѣлахъ Олоонецкой) въ участіи въ декабрьской забастовкѣ.

На скамьѣ подсудимыхъ заняли мѣсто 16 человекъ.

Судъ совѣщался болѣе 2-хъ часовъ, и на постановленные вопросы вынесъ такую резолюцію: инженеръ Спѣсивцевъ, начальникъ станціи Михайловъ, машинистъ Надіоновъ, смотритель зданій Козловъ, слесарь Елисѣевъ, слесарь Трескинъ—признаны судомъ виновными и вергаются заключенію въ крѣпость на 2 мѣсяца, съ зачетомъ предѣльного заключенія. Остальные обвиняемые оправданы.

10) Въ Кіевѣ, 10 іюня, въ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло подпоручика Иванова, приговореннаго ранѣе судомъ къ заключенію въ крѣпости на 2 года и къ исключенію изъ военной службы за отказъ вести солдатъ на Дальній Востокъ. Теперь Ивановъ обвиненъ въ подговариваніи солдатъ не стрѣлять въ товарищей во время боя 17 октября 1905 года и сочиненіи по этому поводу прокламаціи, которую онъ выбросилъ изъ окна крѣпости. Судъ призналъ Иванова виновнымъ и приговорилъ по совокупности преступленій къ заключенію въ крѣпости на 2 года съ лишеніемъ всѣхъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

11) 12 іюня, во временномъ военномъ судѣ въ гор. Ригѣ слушалось дѣло *крестьянъ*: Домбровскаго, Богдана, Якубанца, Спиркровскаго, Жунда и мѣщанина Фридмана *по обвиненію илгъ въ участіи въ крѣпостской революціонной организаціи*, избравшей райономъ своей дѣятельности Курляндскую губернію. Дѣло было передано въ военный судъ на основаніи ст. 17 Положенія объ усиленной охранѣ.

Судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ и всѣхъ подсудимыхъ оправдалъ.

12) Въ Варшавѣ, 12 (25) іюня. Сегодня въ варшавской судебной палатѣ слушалось дѣло Тарковскаго и Кравчика, обвиняемыхъ въ пространеніи прокламацій среди войскъ, и Ольшика, обвиняемаго въ подстрекательствѣ къ бунту. Первые оба приговорены съ зачетомъ предварительнаго ареста, послѣдній оправданъ.

13) Въ Кременчугѣ, 13 іюня, временный военно-окружный судъ приговорилъ крестьянина Гавриленко, обвинявшагося въ покушеніи на убійство стражника Келеберде, въ Кременчугскомъ уѣздѣ, въ мартѣ прошлаго года, къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*. Генералъ-губернаторъ смягчилъ приговоръ: казнь замѣнена шестью годами каторги.

14) 13 іюня. Приговоръ военно-окружного суда по дѣлу объ участіи въ ствѣ директора путиловскаго завода Назарова смягченъ командующимъ войсками петербургскаго округа. *Смертная казнь Котлову замѣнена 15-лѣтней каторгой; Тимофееву—15-лѣтняя каторга замѣнена—5-лѣтними* всѣмъ остальнымъ осужденнымъ *смертная казнь замѣнена каторгой на различные сроки.*

15) Въ Варшавѣ, 14 іюня, варшавскимъ военнымъ судомъ приг

ены къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ Малановичъ и Залевскій, за вооруженное нападеніе на фабрику Ротмиля.

16) Въ Ригѣ, 14 іюня, въ главномъ военномъ судѣ разсматривалась *кассационная жалоба по дѣлу 36*, по которому, какъ извѣстно, *семь деловыхъ приговорены* къ смертной казни, а остальные къ каторгѣ на различные сроки.

Главный военный судъ постановилъ: приговоръ отмѣнить и передать дѣло въ виленскій военно-окружный судъ для новаго разсмотрѣнія.

17) Въ Алешкахъ (Таврич. губ.), 14 іюня, окружнымъ судомъ съ сословными представителями разсмотрѣно первое аграрное дѣло. Изъ обвиняемыхъ трое приговорены къ заключенію въ арестантскихъ отдѣленіяхъ на годъ и трое къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ.

18) Въ Кельцахъ, 14 іюня, особое присутствіе варшавской судебной палаты, разсмотрѣвъ дѣло Циховскаго и Дацука, обвиняемыхъ въ распространеніи прокламацій среди войскъ, приговорило ихъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

Квапишъ, обвиняемый въ распространеніи прокламацій о забастовкахъ, приговоренъ къ тюрьмѣ на три мѣсяца съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

По дѣлу о сопротивленіи военной командѣ, при разсѣяніи скопища, подсудимыхъ оправданы.

19) Въ Митавѣ, 15 іюня, митавскій, военный судъ *приговорилъ къ похищенію* Аунса; послѣдній съ бандой явился въ имѣніе барона Гана, угрозами принудилъ прислугу указать мѣстонахожденія желѣзнаго шкафа, взломалъ его и поджегъ барскій домъ. Судъ возбудилъ ходатайство о замѣнѣ смертной казни каторгой.

20) Въ Варшавѣ, 14 іюня, варшавскій военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о девяти мѣщанахъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ нападеніи и ограбленіи усадьбы въ сокольскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, приговорилъ Осташевскаго Осипа, Онихимюка Владислава, Боровскаго Ивана, Савицкаго и Калиновскаго къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*; Петра Онихимюка, Годлевскаго и Августиновича къ ссылкѣ въ каторжные работы на 15 лѣтъ.

21) Въ Кѣльцахъ, 15 іюня, особое присутствие судебной палаты, разсмотрѣвъ дѣло запаснаго унтеръ-офицера Кржижкевича, обвиняемаго въ подстрекательствѣ нижнихъ чиновъ къ неисполненію требованій военнаго начальства, приговорило его къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ съ зачетомъ предварительнаго содержанія подъ стражей.

22) Въ Харьковѣ, 15 іюня, въ 10 ч. утра, при закрытыхъ дверяхъ, военный судъ подъ предсѣдательствомъ г.-м. Креховецкаго началъ слушаніемъ дѣло о вооруженномъ нападеніи четырехъ лицъ на мѣстное отдѣленіе волжско-камскаго банка съ цѣлью грабежа. Эти лица слѣдующія: гимназисты Галкинъ, 18 лѣтъ, и Коваленко, 18 лѣтъ, ученикъ реального училища Ушацкій, 18 л., студентъ-технологъ Новожиловъ 20 л. и служащій банка Крутовъ 19 лѣтъ. Послѣдній обвинялся въ соучастіи.

16 іюня, военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло, оправдалъ Крутова и

приговорилъ остальныхъ четырехъ обвиняемыхъ къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ каждаго. Приговоръ будетъ представленъ генераль-губернатору.

23) Въ Варшавѣ, 16 іюня, въ цитадели приведенъ въ исполненіе приговоръ военно-окружнаго суда, приговорившаго крестьянина Ивана Пая, обвиненнаго къ убійствѣ, къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*.

24) Въ Кременчугѣ, 15 іюня, кievскій военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло крестьянина Агейкина, и мѣщанина Абрамова по обвиненію въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣлью неисполненіе существующаго строя, и въ храненіи рецептовъ взрывчатыхъ веществъ, приговорилъ къ лишенію правъ и къ каторжнымъ работамъ Агейкина на четыре года и Абрамова на годъ восемь мѣсяцевъ.

25) Въ Вильнѣ, 16 іюня, военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло унтеръ-офицера Гордѣева, обвинявшагося въ неисполненіи приказа своего начальника и оскорбленіи его на словахъ, приговорилъ къ заключенію въ военной тюрьмѣ на три мѣсяца.

26) Въ Радомѣ, 17 іюня, особое присутствіе варшавской судебной палаты приговорило Лалека, за возбужденіе нижнихъ чиновъ къ неисполненію обязанностей, къ заключенію на годъ въ крѣпости, съ зачетомъ предварительнаго заключенія. Бржозовскій, обвинявшійся участіи въ скопищѣ, оправданъ.

27) Въ Тифлисѣ, 18 іюня, военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло пяти татаръ, обвиняемыхъ въ ограбленіи и нанесеніи смертельныхъ ранъ помѣщику Агасарову, а также въ вооруженномъ сопротивленіи разъѣздной командѣ, *приговорилъ* персидскаго подданнаго Ширалия, крестьянина Мамеда Мустафа-оглы къ *смертной казни*. Трое подсудимыхъ оправданы.

28) Въ Кременчугѣ, 18 іюня, рядовой Курпикъ за разбой и убійство двухъ городовыхъ *приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*.

29) Въ Кременчугѣ, 19 іюня, военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о нижнихъ чинахъ Мухинѣ и Наливайко, обвинявшихся въ преступствѣ, неотданіи чести офицерамъ и неповиновеніи начальству, приговорилъ ихъ къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на 2 года.

30) Въ Саратовѣ, 19 іюня, мѣщанинъ Аргуновъ за принадлежность къ сообществу, поставившему цѣлью неиспроверженіе существующаго строя, и за устройство въ квартирѣ тайной типографіи приговоренъ судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на 2 мѣсяца и 10 дней.

31) Въ Варшавѣ, 20 іюня, варшавскій окружный военный судъ, по трехдневнаго разбора дѣла по обвиненію 20 лицъ комитета революціонной организаціи, вынесъ резолюцію, осудивъ Богоцкаго и Пиренко къ четыремъ годамъ каторги, Писаревскаго съ женой, офицера Фриауфа, солдатъ—Золотухина, Періазева, Княжинскаго и Соколова—въ вѣчное поселеніе съ лишеніемъ правъ,—Амбарцу-Аветьянца, Галамента—къ заключенію въ крѣпости на три года, рабочаго Чепкевича, Ронжеса—полтора года, Ратнера на годъ и четыре мѣсяца съ зачетомъ всѣмъ бытымъ уже въ тюрьмѣ восьми мѣсяцевъ. Освобождены Длуголенскій, Аронкова, Комарова, офицеръ Александръ Фриауфъ и Гершгорнъ.

32) Въ Либавѣ, 20 іюня, въ крѣпости *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ Германомъ Марковскимъ, приговореннымъ рижскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни.*

33) Въ Варшавѣ, 20 іюня, варшавскій военный окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло крестьянина Качаровскаго и признавъ его виновнымъ въ убійствѣ стражника Несвѣтлова, *приговорилъ Качаровскаго къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.*

34) Въ Кременчугѣ, 20 іюня, приговоренному военнымъ судомъ за покушеніе на убійство желѣзнодорожнаго сторожа къ четыремъ годамъ восьми мѣсяцамъ каторги Сидоренко генераль-губернаторъ смягчилъ приговоръ до двухъ лѣтъ арестантскихъ отдѣленій.

35) Въ Кременчугѣ военнымъ судомъ за распространеніе нелегальной литературы и прокламацій приговорены къ заключенію въ крѣпости Епштейнъ на 6 мѣсяцевъ, Гуревичъ и Животовская на 2 мѣсяца съ зачетомъ времени, проведеннаго въ тюрьмѣ. Обвиняемые послѣ суда освобождены.

36) Въ Саратовѣ, 20 іюня, крестьянинъ Козловъ, обвинявшійся въ покушеніи на бывшаго саратовскаго губернатора, нынѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Столыпина, оправданъ палатой. Дѣло слушалось при открытыхъ дверяхъ.

37) Въ Митавѣ, 21 іюня, митавскій военный судъ *приговорилъ къ смертной казни 5 человекъ* изъ числа крестьянъ, устроившихъ въ ноябрѣ прошлаго года нападеніе изъ засады на слѣдовавшій черезъ гѣсъ драгунскій разъѣздъ, причемъ были ранены корнетъ Миллеръ и двое драгунъ.

38) Въ Полтавѣ, 21 іюня, временнымъ военнымъ судомъ рассмотрѣно дѣло семнадцати нижнихъ чиновъ Грайворонскаго полка, подавшихъ коллективную жалобу на ротнаго командира Яськова за грубое съ ними обращеніе и просьбу о его удаленіи. Всѣ обвиняемые признаны виновными и приговорены къ лишенію нѣкоторыхъ правъ, переводу въ разрядъ штрафованныхъ и заключенію въ военную тюрьму на срокъ отъ четырехъ до двухъ мѣсяцевъ.

39) Въ Баку, 22 іюня, военнымъ судомъ *приговорены къ смертной казни чрезъ повѣшеніе* Агамовъ и Данильянцъ за убійство городского. Приговоръ представленъ на усмотрѣніе генераль-губернатора.

40) Въ Варшавѣ, 22 іюня, варшавскій военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло о крестьянинѣ Николаѣ Стаквисѣ, признавъ его виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи при исполненіи обязанностей и оставивъ сослать Стаквиса въ каторжныя работы на 6 лѣтъ.

41) Въ Кіевѣ, 29 іюня, военно-окружный судъ приговорилъ рядового хутскаго полка Воронина за распространеніе въ войскахъ сужденій, возбуждающихъ воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей службы, къ ссылкѣ на поселеніе, съ лишеніемъ правъ, состоянія и военнаго званія.

42) Въ Рязани, 22 іюня, въ рязанскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ основныхъ представителей слушалось много шумѣвшее здѣсь дѣло восьми крестьянахъ села Вышгорода, Рязанскаго уѣзда, обвинявшихся въ участіи въ публичномъ скопищѣ, разгромившемъ 12 ноября прошлаго года двѣ лавки въ селѣ Вышгородѣ. Защищали обвиняемыхъ присяжный

повѣренный Шиловскій и помощникъ его Леоновъ; свидѣтельскимъ казаніями и защитой выяснено, что одинъ обвиняемый во время грома даже и не находился въ Вышгородѣ, и что статья 269 уложения примѣнена къ обвиняемымъ неправильно. Судъ послѣ двухчасоваго вѣщанія вынесъ всѣмъ подсудимымъ оправдательный вердиктъ. Сидѣвшіе отсидѣли три съ половиной мѣсяца въ тюрьмѣ.

43) Въ Казани, 23 іюня, судебная палата, рассмотрѣвъ 4 политическія дѣла, приговорила студента Орлова, обвинявшагося по 126 и 182 статьямъ уголовного уложенія, къ заключенію въ крѣпости на годъ безъ права вѣщанія и съ зачетомъ 6 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ. Искандеръ Исаковъ, обвинявшійся въ распространеніи прокламацій о дѣлѣ о Питеркингѣ и Очарковѣ отложены. Послѣдняго постановлено освободить отъ стражи подъ залогъ 200 рублей.

44) Въ Полтавѣ, 23—іюня. Въ Пирятинѣ слушалось въ особомъ прѣдствіи Лубенскаго окружнаго суда дѣло о разгромѣ крестьянами имѣнія Шульца. Изъ 23 обвиняемыхъ 18 оправданы, пять приговорены къ заключенію на мѣсяцъ въ тюрьму и восьмимѣсячному тюремному заключенію отдачей затѣмъ на два года подъ надзоръ полиціи.

45) Въ Варшавѣ, 23 іюня, военно-окружный судъ приговорилъ *мѣщанина Вальчевскаго къ смертной казни чрезъ повѣшеніе* за вооруженное нападеніе и ограбленіе казенной винной лавки въ посадѣ Адамуковскаго уѣзда.

46) Въ Рыльскѣ, 24 іюня, сумскимъ окружнымъ судомъ оправданы крестьяне, обвинявшіеся въ сопротивленіи властямъ во время обыска учителя Волкова. Администрація оправданныхъ опять заключена въ тюрьму и высылаетъ на нѣсколько лѣтъ въ Вологодскую губ.

47) Въ Чигиринѣ, 28 іюня, слушалось погромное дѣло въсестрѣцати обвиняемыхъ. Приговорены одинъ къ арестантскимъ ротамъ на годъ, восемь къ восьмимѣсячному тюремному заключенію, остальные оправданы.

48) Въ Тифлисѣ, 25 іюня. Въ военно-окружномъ судѣ закончено разсмотрѣніемъ дѣло о 27 нижнихъ чинахъ мингрельскаго полка, участвовавшихъ въ мятежѣ. Резолюція объявлена относительно 22, изъ которыхъ 9 оправданы, 7 приговорены въ арестантскія роты отъ 1 до 3 года, остальные къ заключенію въ военной тюрьмѣ и аресту отъ 20 дней до 6 недѣль.

49) Въ Новочеркасскѣ, 27 іюня. Изъ судившихся въ станицѣ Кавказской за участіе въ аграрныхъ безпорядкахъ крестьянъ 10 оправданы, 13 приговорены къ тюремному заключенію на сроки до 6 мѣсяцевъ.

50) Въ Ревелѣ, 28 іюня кассационная жалоба крестьянина Гольдмана, приговореннаго вторично къ смертной казни за покушеніе на убійство городского, уважена прибалтійскимъ генераль-губнаторомъ.

51) Въ Варшавѣ, 29 іюня, военно-окружный судъ приговорилъ крестьянъ Войцеховскаго и Шубу, мѣщанъ Яворскаго, Шалиборскаго и Рункевича—всего 5 человекъ, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе за убійство начальника уѣзда Юноцкевича.

52) Въ Ригѣ генераль-губернаторъ замѣнилъ смертную казнь приговореннаго рижскимъ военнымъ судомъ за стрѣльбу въ патруль

новичу каторжными работами на 15 лѣтъ. Кассационная жалоба Антоновича не уважена.

53) Изъ Владивостока сообщаютъ, что въ с. Спасскомъ военнымъ судомъ разбиралось дѣло по обвиненію 118 нижнихъ чиновъ владивостокской артиллеріи въ участіи въ происходившемъ тамъ 11 января вооруженномъ возстаніи. Военнымъ судомъ 7 человекъ приговорены къ смертной казни, причѣмъ постановлено ходатайствовать предъ ген. Гродековымъ о смягченіи наказанія; 30 человекъ оправданы, всѣ же остальные присуждены къ каторжнымъ работамъ и арестантскимъ ротамъ на разные сроки.

54) Приговоръ по дѣлу мѣщанина И. Фридмана, крестьянъ: Ст. Домбровскаго, В. Богдала, Якубанца, Спиридовскаго и Жунда, обвинявшихся на основаніи 117 ст. и 279 ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г., изд. третье, неожиданно опротестованъ. Всѣ эти лица 10 іюня были оправданы рижскимъ военнымъ судомъ по всѣмъ статьямъ и, такимъ образомъ, избѣгли смертной казни.

55) Изъ Варшавы телеграфируютъ: „Кассационныя жалобы защитниковъ четырехъ участниковъ нападенія на гминную кассу въ Вискитномъ, приговоренныхъ къ смертной казни, оставлены безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, приведеніе въ исполненіе смертнаго приговора можетъ быть теперь остановлено только волею монарха“.

Приговоры по литературнымъ дѣламъ и преслѣдованія печати въ теченіе іюня мѣсяца:

1) Определеніемъ судебной палаты утвержденъ наложенный комитетомъ по дѣламъ печати арестъ на произведеніе „Амнистія“, конфискованное до выхода въ свѣтъ въ типографіи г. Шаки по Загородному пр. 21. Содержатель типографіи и издатель этого произведенія г. Мовшензонъ привлекаются къ отвѣтственности по 1 ч. 103, 107, 128 и 4 п. 129 ст. угол. уложенія.

2) Судебной палатой приостановлены слѣдующія изданія: 1) „Народный Вѣстникъ“ за напечатаніе въ №№ 11 и 12 статей: „Вопль Грузин“, „Мысли социалиста вслухъ“ и др.; къ редактору г. Корнильеву предъявлено обвиненіе по 103 и 4 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати; 2) „Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ“ за напечатаніе въ №№ 3, 4 и 5 статей: „Стѣна“, „О звѣздной палатѣ“, „Военная хитрость“ и др.; редакторъ г. Бондаревъ привлекается къ отвѣтственности по 2 ч. 103 и 1 и 5 пп. 129 ст. угол. улож. и 281 ст. улож. о наказ. и 3) издающаяся въ Ригѣ латышская газета „Atbalss“ за напечатаніе въ № 9 корреспонденціи: „Изъ имѣнія Умурга“; редакторъ г. Аписъ привлекается къ отвѣтственности по 103 ст. угол. улож.

3) Въ Полтавѣ, 1-го іюня конфисковано вышедшее въ большомъ ко-

личествѣ прибавленіемъ къ „Колоколу“ воззваніе рабочихъ депутатовъ всѣмъ рабочимъ.

4) Рано утромъ, 2-го іюня, въ типографію В. К. Агафонова, гдѣ чатается газета „Голосъ“, явилась полиція съ цѣлью *конфискаціи* *саго номера газеты*. Ни въ типографіи, ни въ конторѣ газеты ни одного номера, однако, уже не оказалось. Полиціи пришлось ограничиться составленіемъ соответственнаго протокола.

5) Въ Каменецъ-Подольскѣ, 2-го іюня, номеръ „Подольскаго Курьера“ конфискованъ за напечатаніе обращенія члена Государственной Думы Ковалевскаго о приостановкѣ смертной казни.

6) Въ Полтавѣ, 8-го іюня, послѣ пяти конфискацій, газета „Колоколь“ по распоряженію администраціи совершенно закрыта.

Редакторъ закрытой газеты „Колоколь“ студентъ Герасимовъ не арестованъ.

7) Въ Полтавѣ, 8 іюня, къ редактору „Полтавщины“ Ярошеву предъявлено обвиненіе по 129 ст. ул. о нак., въ возбужденіи войскъ неповиновенію начальству.

8) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ ответственности по 3 п. 129 ст. угол. улож. редакторъ журнала „Земля и родъ“ г. Громанъ за напечатаніе приложения къ № 1 журнала «Всеобщая крестьянская партія»,—закрывающаго въ себѣ постановленіе крестьянскаго союза.

Опредѣленіемъ судебной палаты № 13 газета „Народный Вѣстникъ отъ ареста освобожденъ.

9) Возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и печати тайны о привлеченіи къ ответственности редактора газеты „Дуна г. Винберга по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 25 ст. „Въ Государственной Думѣ“—судебной палатой оставлено безъ удовлетворенія, и номеръ этотъ отъ ареста освобожденъ.

Прокуроромъ судебной палаты *опротестованъ* въ сенатъ приговоръ судебной палаты отъ 30 мая по дѣлу о редакторѣ „Биржевыя Вѣдомостей“, С. М. Пропперъ, и секретарѣ редакціи А. Е. Кауфманъ, соглашенія котораго они были оправданы за напечатаніе телеграммы и воззванія московскаго центральнаго бюро почтово-телеграфнаго союза.

По ходатайству двинскаго полицеймейстера главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ ответственности редактора „Биржевыя Вѣдомостей“ за напечатаніе въ №№ 32 и 35 завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ полицейскихъ новъ г. Двинска.

10) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 8-го іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ лицъ:

1) Редактора-издателя газеты „Впередъ“ М.-Л. И. Страсунскаго по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года, п. 1 ст. 129 угол. ул. и п. г. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года съ примѣненіемъ № 12 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 2) редактора-издателя газеты „Голосъ“ члена Государственной Думы М. А. Меркулова по п. в. и г. ст. отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года, по п. 1 ст. 129 угол. улож., по ст. 6 отд. VIII зак.

24-го ноября 1905 года, по п. 5 ст. 129 уголов. улож. и ст. 103 ч. 1 того же уложения, съ примѣненіемъ къ № 15 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 3) редактора газ. „Дума“ А. В. Винберга, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 4) редакт. журнала „Земля и Народъ“, прапорщика запаса С. Г. Громана, по п. 3 ст. 129 уголовн. улож., съ примѣненіемъ къ № 1 означеннаго журнала и къ приложенію къ нему подъ заглавіемъ „Всероссійская крестьянская (земледѣльческая) партія“ п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 5) редактора-издателя газеты „Курьеръ“, потомственнаго почетнаго гражданина С. И. Цедербаума по п. 1 ст. 129 уголов. улож., съ примѣненіемъ къ № 20 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 6) редактора газеты „Наша Жизнь“ К. И. Диксона, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 7) редактора газеты „Призывъ“, окончившаго спеціальныя классы Лазаревскаго института Ф. М. Азнаурова, по пп. в и г. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года, по п. 1 ст. 129 угол. улож., по ст. 6 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и по пп. 1 и 5 ст. 129 уголов. улож., съ примѣненіемъ къ № 100 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 8) редактора газеты „Реформа“, помощника присяжнаго повѣреннаго О. Е. Бужанскаго, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 9) редактора газеты „Русскій Набатъ“, окончившаго спеціальныя классы Лазаревскаго института Ф. М. Азнаурова, по п. 1 ст. 129 уголов. улож., по пп. в и г. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и пп. 1 и 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 3 п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 10) редактора газеты „Рѣчь“ помощника присяжнаго повѣреннаго О. Е. Бужанскаго, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 11) редактора газеты „Современная Жизнь“ стетавнаго губернскаго секретаря А. Е. Зарина, по ст. 103 уголов. улож., по п. 1 ст. 120 того же улож., съ примѣненіемъ къ № 121 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года и 12) редактора-издателя газеты „Трудовая Россія“ члена Государственной Думы Ф. М. Онишко, по п. 1 ст. 129 уголов. улож., по ст. 6 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года, по пп. в и г. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и п. 3 ст. 129 уголов. улож. съ примѣненіемъ къ № 6 вышеозначеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года.

11) Въ судебную палату поступило для разсмотрѣнія дѣло о редакторѣ журнала „Вѣсть“ г. Петрищевѣ, обвиняемомъ по 1, 2 и 5 пп. ст. 129 угол. улож., за напечатаніе въ № 5 журнала статей: „Крестьяне-крамольники“, „Севастополь“ и „Праздничный вечеръ“.

12) Определеніемъ судебной палаты прекращены возбужденныя главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газетъ: 1) „Военный Голосъ“ г. Шнеура по 5 п. 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 118 газеты извлеченій изъ помѣщенной въ газетѣ „Дѣло Народа“ статьи: „Слѣпое безуміе“, и 2) „Latwija“ г. Блаумана по 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 102 статьи „Хозяйство русскаго государства“.

13) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ „Наша Жизнь“

г. Диксона по 1 п. 129 ст. угол. улож., и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. V вр. прав. о печати, за напечатаніе въ № 465 резолюціи рабочихъ фабрикъ механическаго производстра (перепечатанной изъ газеты „Вредь“ и статей о бѣлостокскомъ погромѣ: 2) „XX Вѣкъ“ г. Долгова п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII вр. прав. о печати, за напечатаніе въ № резолюціи соціально-политическаго клуба и о бѣлостокскомъ погроме и 3) журнала „Ясная Поляна“ г. Максимова по 3 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 сочиненія Л. Н. Толстого „Единственнаго средства“.

14) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 10 іюня вбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ лицъ:

1) редактора-издателя газеты „Восходъ“ прис. пов. М. Г. Сыркин по п. п. в и г ст. 5 отд. VII закона 24 ноября 1905 года и п. 1 ст. угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 23 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 2) редактора-издателя газеты „Вредь“ М. Л. И. Струнскаго, по п. 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 14 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 3) редактора-издателя газеты „Голосъ“, члена Государственной Думы А. М. Меркулова, по ст. 103 ч. 2 угол. улож., по п. 1 ст. того же уложенія и по ст. 128 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; редактора-издательницы журнала подъ названіемъ „Знаніе—сила, сила—знаніе“ дочери томскаго купца М. А. Малыхъ, по ст. 73 угол. улож., примѣненіемъ къ № 7—8 (май—1906 года) означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 г., 5) редактора-издателя газеты „Курьеръ“ пот. поч. гражд. С. І. Цедербаума, по п. 1 ст. 129 угол. улож., примѣненіемъ къ № 22 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 6) редактора газеты „Призывъ“ Ф. М. Азнаурова по п. г ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года и п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 102 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 7) его же, какъ редактора газеты „Русскій Набатъ“, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 8) редактора-издателя газеты „Трудовая Россія“, члена Государственной Думы Ѳ. М. Овипко, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 8 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года.

15) Въ Харьковѣ, 11 іюня, газета „Родная земля“ приостановлена генералъ-губернаторомъ за призывъ войскъ къ неповиновенію, выразившійся въ перепечаткахъ изъ столичныхъ газетъ о движеніи въ войскахъ.

16) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 12 іюня, признаны виновными издателя газетъ „Русскій Набатъ“ и „Впередъ“.

17) Въ Полтавѣ, 12 іюня, конфискованъ вышедшій послѣ двухъ недѣльнаго перерыва соціаль-демократическій журналъ „Накануне“. Редакторшѣ журнала, Бергѣ Зеленской, предъявляется обвиненіе.

18) Въ Курскѣ, 13 іюня, полиція произвела обыскъ въ редакціи „Голоса Курска“, забрала рукописи, запечатала редакцію. Редакторъ Шуба скрылся.

19) Во Владивостокѣ, 13 іюня. За послѣднее время приходящіе со

изъ-за границы иностранныя газеты подвергаются строжайшей цензурѣ, не только покрываются краской цѣлые столбцы, но даже вырѣзываются цѣлыя страницы.

20) Въ Ромнахъ, 13 июня, конфискованъ номеръ газеты „Свободное Слово“ за статьи „Удѣльныя земли“ и „Доходы царской семьи“.

21) *Возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи редакторовъ слѣдующихъ провинціальныхъ газетъ:*

„Колоколъ“ въ Полтавѣ по п. п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож. и п. в ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г., съ примѣненіемъ къ № 100 этой газеты п. а ст. 9 отд. VII того же закона; „Полтавщина“ (въ томъ же городѣ) по п. п. 1, 2 и 5 ст. 129 угол. улож. и п. в ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Могилевскій Голосъ“—(въ Могилевѣ-губ.) по 129 ст. угол. улож.; „Десна“—(въ Черниговѣ) по ст. 129; „Сѣверные Отылики“ (въ Ярославлѣ)—по п. в ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года; „Сѣверный Голосъ“—(въ томъ же городѣ) по ст. 128 угол. улож.; „Костромская газета“—(въ Костромѣ) по ст. 129 угол. улож.; „Голосъ Труда“ (въ Воронежѣ) по ст. 129 угол. улож.; съ примѣненіемъ къ № 1 газеты п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 г.; „Оттики Крыма“ (въ Симферополѣ) по п. п. 1, 2 3 и 5 ст. 120 угол. улож.; „Южная Народная Газета“ (въ томъ же городѣ), по ст. 128 и п. п. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож. и ст. 281¹ улож. о нак.; „Жизнь Крыма“—(въ томъ же городѣ) по п. 2 ст. 129 угол. улож.; „Первый Лучъ“—(въ томъ же городѣ) по п. 2 ст. 129 угол. ул.; „Наканунъ“—(въ Керчи), по ст. 129 угол. улож.; „Лолтавскія Думки“—(въ Полтавѣ), по п. 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 18 п. а ст. 6 отд. VII закона 24 ноября 1905 г.; „Курская Жизнь“—(въ Курскѣ), по ст. 129 уг. улож.; „Голосъ Курска“—(въ томъ же городѣ), по ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ №№ 21 23 и 24 этой газеты—п. а, ст. 9, отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; „Отголоски Жизни“—(въ Кіевѣ) по п. 2, ст. 281 улож. о нак.; „Молодая Жизнь“ журналъ (въ томъ же городѣ) по п. а, ст. 5, отд. VIII закона 24-го ноября 1905 г.; „Крымскій Курьеръ“—(въ Ялтѣ) по ст. 129 угол. улож.; „Боротьба“—(въ Кіевѣ), по п. п. 1, 2 и 5 ст. 129 угол. улож.; съ примѣненіемъ къ номеру газеты отъ 27-го мая п. а, ст. 9, отд. VII, закона 24-го ноября 1905 г.; „Брянскій Голосъ“—(въ Брянскѣ), по ст. 129 угол. улож.; „Тульская Жизнь“—(въ Тулѣ), по ст. 129 угол. улож.; „Клязьма“—(во Владимірѣ губ.) по п. в ст. 5 и ст. 6, отд. VII закона 24-го ноября 1905 г.; ст. 281¹ улож. о наказ. и по п. п. 1, 3 и 5 ст. 129 угол. улож.; „Новоторжскій Голосъ“ (въ Торжкѣ), по ст. 128 угол. улож.

Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи редакторовъ слѣдующихъ газетъ:

„Ремесленный Голосъ“—по ст. 129 угол. улож.; „Свѣточъ“—по ст. 104 и 129 угол. улож. и 1036 ст. улож. о наказ., съ примѣненіемъ къ № 17 этой газеты п. а, ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 г.; „Крестьянская Газета“—по ст. 129 угол. улож. и ст. ст. 281¹ и 1036 улож. о нак.; „Сѣверная Россія“—по ст. ст. 104 и 129 угол. улож.; „Современникъ“—по ст. ст. 128 и 129 угол. улож.; „Русское Слово“—по ст. 129 угол. улож.; „Народное Дѣло“—по ст. 129 угол. улож.; „Лѣтопись“—

по ст. 129 угол. улож., и журнала „Семь Дней“—по ст. 129 угол. уложения.

22) 13 іюня, въ 9 ч. 30 м. вечера въ типографію г. Когана (Фонтанскій пер. 94), гдѣ печатался „Курьеръ“, *явился усиленный нарядъ полиціи, во главе съ приставомъ Барачъ*, и предъявили предписаніе г. с.-петербургскаго градоначальника *о закрытіи и запечатаніи типографіи*, что и было исполнено.

Газета пока еще не приостановлена.

23) Въ ночь съ 13 на 14 іюня въ типографію Вейсберга и Гершуни нагрянула полиція и въ отсутствіи владѣльцевъ типографіи произвела тщательный обыскъ, но ничего крамольнаго не нашла. Тогда она перешла въ рядомъ находящуюся переплетную Лидскаго, гдѣ такъ же въ отсутствіи хозяина конфисковала 700 экз. журнала „Мірское Дѣло“.

24) Во Полтавѣ, 13 іюня, конфискованъ номеръ социаль-демократической газеты „Полтавскій Работникъ“. Въ виду систематическихъ конфискацій газеты, редакция объявила ее закрытой.

25) Въ Уфѣ, 13 іюня, прокуроръ предложилъ наложить арестъ на номеръ „Уфимскаго Вѣстника“, вышедшій 24 мая, и приостановить его изданіе. Окружной судъ это предложеніе оставилъ безъ разсмотрѣнія по существу, находя, что приостановка изданія можетъ слѣдовать одновременно съ предложеніемъ о составленіи обвинительнаго акта.

26) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Страна“ М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова по пп. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 92 статьи „С.-Петербургскій клубъ о погромѣ“, 2) латышской газеты „*Peterburgas Atbalsis*“ Юрьянса по 1, 2 и 3 пп. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ №№ 13, 14, 15 и 16 этой газеты статей: „Пролетаріатъ и его конечныя цѣли“ и „Объединительный съѣздъ р. с.-д. р. п.“; журналовъ: 1) „Недѣля“ Битнера по 73 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 15 статьи „Разрешеніе ада и его возстановленіе“ и 2) „Народный листокъ“ г. Магалиса по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 1 статей: „Въ думѣ внѣ думы“, „Отвѣтственность министерства“, „Объединительный съѣздъ р. с.-д. р. п.“ и „Post festum“.

27) Определеніемъ судебной палаты утверждены аресты на брошюры) 1) „*Правительство, дума и революція*“, напечатанную въ типографіи М. С. Персона и 2) „*Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь*“ изд. „Молотъ“, типогр. „Трудъ“. Виновные въ изданіи и печатаніи этихъ брошюръ привлекаются къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож. Комитетъ по дѣламъ печати наложилъ арестъ на брошюру: „*Е. Каутовскій. Русскій и американскій рабочій*“. Предисловіе и редакция А. И. Лачарскаго“, какъ заключающую въ себѣ признаки 123 ст. угол. улож.

28) Судебной палатой утверждены арестъ на № 5 журнала „*Жизнь и Соціализмъ*“. Редакторъ г. *Марсовъ* привлекается къ отвѣтственности.

29) „*Расправы и разстрѣлы*“—новая книга В. *Климкова*, рисующая репрессіи нашихъ дней въ Москвѣ, Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и на Кавказѣ, *арестована московской цензурой*. Дѣло передано на заключеніе прокурора.

30) 14 іюня въ типографіи „Энергія“ (Загородный пр., д. № 17) явился типографскій инспекторъ *Вальденбергъ* и предъявилъ предписаніе цензурнаго комитета о конфискованіи напечатанной въ этой типографіи книгоиздательства „Новый Мір“ брошюры „Жныва Ивана Гылька“ на малороссійскомъ языкѣ. Конфисковано 4.040 экзempl.

31) Определеніемъ судебной палаты наложенъ арестъ на брошюру Костина „Что такое социалистическій строй“, книгоиздательства „Молоть“.

32) Уголовное преслѣдованіе редактора журнала „Соціалистическая Библіотека“ г. *Яковенко* по 3 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 статьи; „Предисловіе“ согласно заключенію прокурорскаго надзора, *прекращено*.

33) Во Владикавказѣ, 14 іюня, генераль-губернаторомъ приостановлена газета „Жизнь Сѣвернаго Кавказа“.

34) 14 іюня состоялось постановленіе о *приостановленіи* изданія газеты „Курьеръ“.

35) Въ Ригѣ, 15 іюня, редакторъ-издатель „Рижскихъ Вѣдомостей“ *Витвицкій*, привлеченный къ отвѣтственности за перепечатку изъ „Нашей Жизни“ свѣдѣній о дѣйствіяхъ карательнаго отряда, окружнымъ судомъ оправданъ.

36) Въ Полтавѣ, 15 іюня, администраціей конфискована брошюра *Льва Николаевича Толстого* о военной службѣ, изданная мѣстнымъ издательствомъ „Эхо“.

37) Въ Митавѣ, 15 іюня, приняты строгія мѣры противъ „латышскихъ“ газетъ, въ виду появленія въ нихъ поименныхъ [указаній лицъ, негодныхъ радикальнымъ кружкамъ и подлежащихъ терроризованію.

38) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати—16-го іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ лицъ:

1) редактора газеты „Обрывъ“ *Ф. М. Азнаурова* по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 1 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 2) редактора-издателя журнала „Поединокъ“, сына двора. *Фнгирскаго*, по п. 1 ст. 129 угол. улож. и по п. 5 ст. 129 того же уложенія, съ примѣненіемъ къ № 2 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 от. VII закона 24-го ноября 1905 года и 3) редактора газеты „Наша Жизнь“ *К. И. Диксона*, по ст. 6 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и по п. 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣнен. къ № 473 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года.

— Тѣмъ же комитетомъ возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ обществъ и издательствъ, виновныхъ въ составленіи, изданіи или напечатаніи неповременныхъ произведеній печати, въ коихъ усматриваются признаки преступныхъ дѣяній: 1) Императорскаго вольнаго экономическаго общества, сдѣлавшаго заказъ о напечатаніи брошюры подъ заглавіемъ „Всероссійскій союзъ“. Постановленія съѣздовъ крестьянскаго союза. Изданіе сѣвернаго областного бюро содѣйствія крестьянскому союзу. Типографія *Н. Н. Клубукова*. по пп. 1 и 3 ст. 129 уголов. улож., и 2) книгоиздательства „Новый Мір“.

за напечатаніе брошюры подъ заглавіемъ „Поль Лафаргъ“ Христіанская благотворительность“. Переводъ съ французскаго. 2-е изданіе. Книгоиздательство „Новый Миръ“, Владимірская типо-литографія, по ст. угол. улож., съ наложеніемъ на вышеуказанную брошюру ареста.

39) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газеты „Хроника еврейской жизни“ Идельсона по 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № статьи: „Анархія власти“; журнала „Цитъ“ О. А. Зильберманъ по 128 ст. угол. улож. и п. „в“ ст. 5 отд. VIII вр. пр. о печати за напечатаніе въ № 6 статей: „Погромъ въ Бѣлостоцкѣ“ и „Награда сибирскимъ казакамъ“ и газеты „Мірское дѣло“ г. Караваева по п. „в“ ст. 5 отд. VIII вр. пр. о печати и 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 передовой статьи и „Хроники внутренней жизни“.

40) Судебной палатой наложенъ арестъ на брошюру Л. Н. Толстаго „Какъ освободиться народу“ книгоиздательства „Обновленіе“. Виновики въ напечатаніи и распространеніи брошюры привлекаются къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра Вѣтровъ „Анархизмъ, его теорія и практика“, какъ заключающая въ себѣ признаки 2, 3 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож.

41) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по 5 п. п. 129 ст. угол. улож. редакторъ газеты „Наша Жизнь“ г. Диксонъ за напечатаніе въ № 470 письма въ редакцію подписью „Офицера изъ Сунгари“.

42) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Наша Жизнь“ К. И. Диксона по 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 статьи „Въ Рождественскомъ клубѣ к.-д.“; 2) „Обрывъ“, Ф. М. Азарова по 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 7 статьи „И безъбды“; 3) „Современная Жизнь“, по пп. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года за напечатаніе въ № 134 статьи „Третій этапъ революціи“; 4) „Сѣверная Земля“, А. Ф. Иванова по 1 п. п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 1 статьи „Мысли и впечатлѣнія“ и др.; 5) „Эхъ“ Е. С. Милановой по 1 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № статьи „Почему нельзя разстрѣливать полицію“; 6) „Голосъ Труда“ М. И. Свѣчиной по п. „в“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 3 „Телеграммы рабочихъ изъ Одессы на имя депутата Михайличенка“ и 7) „Мысль“, И. Е. Соломко по 1 и 5 пп. 129 ст. угол. улож. и пп. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 4 статей „Тайные совѣтники—явные погромщики“ и „Прощальное письмо“ и др.

43) Въ Полтавѣ, 15 іюня, конфискованъ вышедшій номеръ „Полтавщина“ за помѣщенныя резолюціи думы относительно полтавскихъ типографовъ и относительно произвола администраціи по поводу бѣлостокскаго погрома.

44) Судебной палатой утверждены наложенный комитетомъ по дѣламъ печати арестъ на брошюру „Положеніе трудового крестьянина въ связи съ социализмомъ“.

45) 15 іюня *конфіскованъ 2-й выпускъ сборника „Въ борьбѣ“.*

46) Изданіе печатающейся въ Москвѣ газеты „Сѣверная Россія“ приостановлено градоначальникомъ.

Выпущенные книгоиздательствомъ „Новая Россія“, „Протоколы перваго всероссійскаго крестьянскаго съѣзда“, по распоряженію администраціи, арестованы.

17 іюня *приостановлена выходящая въ Либавѣ соц.-дем. газета „Leera-las Awise“.* Полиція явилась въ типографію и опечатала всѣ приготовленные къ выпуску экземпляры. Всѣ прогрессивныя и даже умѣренныя газеты конфискуются ежедневно.

47) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: „Наша Жизнь“ г. Диксона по 5 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VI отд. закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 473 статьи „Армія и погромы“; 2) Современная жизнь“ г. Зорини по 1 п. 129 ст. угол. улож. за печатаніе въ № 127 статьи: „Резолюція служащихъ на невской жел. дорогѣ“.

48) Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Голосъ“ г. Хирьякова по 1 и 2 и 3 п. 129 ст. угол. улож., пп. „в“ и „г“, ст. 5 и ст. 6 отд. VIII, закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 10 и 12 статьи: „Записки социалиста о текущемъ“, „Бѣлостокъ“, „Открытое письмо къ высшему духовенству“, „Адская кавофонія“ и письма „Какъ я думалъ и какъ я думаю“; 2) „Биржевыя Вѣдомости“ г. Бонди по пп. „в“ и „г“ ст. 5, отд. VIII, закона 24 ноября 1905 года за напечатаніе въ №№ 9, 3, 2, 4 и 143 статей: „Бѣлостокскій погромъ“, „Рядъ вопросовъ“, „Официальная ложь“, „Губернаторское опроверженіе“; 3) „Трудовая Россія“ г. Онишко по пп. „в“ и „г“, ст. 5, отд. VIII, закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 3 статей: „Нагануть“, „Кто устраиваетъ погромы“, „Поступать согласно преподанной инструкціи“, „Гвардія подъ конвоемъ“ и „Последнія извѣстія“.

Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 14-го текущаго іюня. приостановлены впредь до судебнаго приговора изданія газетъ: „Голосъ“, „Трудовая Россія“ и „Призывъ“.

49) Въ Брянскѣ, 18 іюня, конфисковавъ въ помѣщеніи редакціи № 16 газеты „Брянскій Листокъ“.

50) Въ Тифлисѣ, 18 іюня, по распоряженію генераль-губернатора приостановлена газета „Гвоздь“. Редакторъ ея, Ланге, арестованъ, а типографія, въ которой она печаталась, закрыта.

51) Въ Костромѣ, 18 іюня, номеръ „Костромской Газеты“ конфискованъ безъ представленія предписанія, по ошибкѣ былъ конфискованъ и „Поволжскій Вѣстникъ“, но возвращенъ обратно. Столичныя газеты на вокзалѣ осматриваются жандармами. „Наша Жизнь“ отъ 16 іюня конфискована на вокзалѣ.

52) Въ Ярославлѣ, 19 іюня. Ярославскій окружный судъ въ своемъ засѣданіи вынесъ весьма жестокой приговоръ по двумъ литературнымъ дѣламъ. Онъ закрылъ навсегда двѣ газеты „Сѣверные Отклики“ и „Сѣверную Газету“. Редактору первой изъ нихъ присуждено наказаніе 1½ мѣсяда ареста при тюрьмѣ, редакторъ второй приговоренъ къ

50 рублям штрафу. „Сѣверная Газета“ судомъ закрыта исключительно за напечатаніе рѣчи, произнесенной профессоромъ Шершеневичемъ 17 г. Костромѣ въ февралѣ мѣсяцѣ. Рѣчь въ себѣ не заключала никакихъ „завѣдомо ложныхъ свѣдѣній“ (редакторы привлечались по пун. 1 ст. 5-й врем. прав. о печати), а прокуроръ костромского окружного суда за ея произнесеніе не нашелъ нужнымъ привлечь къ суду членовъ думы профессора Шершеневича. Каждому редактору пяти закрытыхъ газетъ за послѣдніе полгода предъявлено нѣсколько обвиненій въ орудномъ судѣ, а также судебной палатѣ.

53) Во Владивостокѣ, 19 іюня, газета „Восточная Окраина“ закрыта на 29 номерѣ, за статью о препровожденіи по улицамъ города троихъ конвоемъ инженеровъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ.

Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ *привлеченіи къ ответственности* редакторовъ газетъ: 1) „Сѣверная Земля“ А. Ф. Иванова по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ №№ 2 и 3 статей „На злобу дня“ и резолюціи „конференцій сѣверныхъ комитетовъ Р. С.-Д. Р. П. и ц. к. Бунда“ и 2) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 6, въ отдѣлѣ „Парламентскія трудовая группа“ сообщенія изъ Саратовской губерніи.

54) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра книгоиздательства „Максималистъ“ № 1 „Прямо къ цѣли“, какъ заключающая въ себѣ признаки 1 и 2 п. п. 129 ст. угол. улож.

55) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 19 іюня, прекращены уголовныя преслѣдованія, возбужденныя комитетомъ по дѣламъ печати противъ редакторовъ брошюры „Проектъ основнаго закона о землѣ“ Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина по обвиненію ихъ по 2 п. 129 ст. угол. улож., и издателя брошюры „Революція 1848 года въ Вѣнѣ“ г. Парамонова по обвиненію его по 2 п. 129 ст. угол. улож. Приостановленіе изданія и печатанія этихъ брошюръ отложено.

56) Прокурорскимъ надзоромъ возбужденъ вопросъ о *привлеченіи къ ответственности* по 1088 ст. улож. о нак. редакторовъ газетъ, печатающихъ обвинительные акты по дѣламъ, слушаніе коихъ назначено при закрытыхъ дверяхъ.

57) 20 іюня, поздно вечеромъ, въ типографію „Энергія“ явился типографскій инспекторъ Вальденбергъ и предъявилъ предписаніе цензурнаго комитета наложить арестъ на печатающійся въ этой типографіи сатирический журналъ „Застрѣльщикъ“ № 3. Въ предписаніи было указано, что арестъ вызванъ однимъ изображеніемъ „преступнаго вида“, клише этого изображенія было опечатано и увезено въ участокъ.

58) Второй номеръ журнала „Буравчикъ“ конфискованъ во время печатанія.

59) Въ Брянскѣ 20 іюня, постановленіемъ судебной палаты газета „Брянскій Голосъ“ приостановлена; редакторъ-издатель М. И. Юдин привлекается къ ответственности по 3 п. 129 статьи.

60) Въ Казани 20 іюня, окружный судъ отмѣнилъ произведенную инспекторомъ печати конфискацію № 95 „Волжскаго Курьера“. Редакция заявила, что она намѣрена предъявить къ инспектору искъ объ убыткахъ.

61) Въ Иркутскѣ, 20 іюня, генераль-губернаторъ прекратилъ изданіе г. Иркутскѣ „Сибирскаго Обзорѣнія“ и выслалъ редактора въ Вер-оленскѣ.

62) Въ Благовѣщенскѣ, 20 іюня, пріамурскій генераль-губернаторъ нтербергеръ пріостановилъ изданіе газеты „Голось Окраины“. Это естой случай закрытія мѣстныхъ газетъ; теперь Амурская область сталась совершенно безъ газетъ, наканунѣ объявленныхъ выборовъ въ осударственную Думу“.

63) Возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати ходатай-тво о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: „Наша Жизнь“, „Дума“ и „Волна“. судебной палатой оставлено безъ удовле-воренія.

Дѣло по обвиненію редактора журнала „Ясная Поляна“ г. Макси-ова *прекращено*.

64) С.-петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 21 іюня возбу-денъ вопросъ *объ уголовномъ преслѣдованіи* слѣдующихъ лицъ:

1) редактора-издательницы газеты „Голось Труда“ М. П. Свѣчной, по п. 1, ст. 129 угол. улож. и ст. 128 того же уложенія; 2) редактора-из-тателя журнала „Земля и Народъ“ С. Г. Громана (по п. 6 ст. 5 отд. III закона 24 ноября 1905 года и по ст. 6 отд. VIII того же закона, съ имѣненіемъ къ № 2 вышеназваннаго журнала п. а ст. 9 отд. VII за-на 24 ноября 1905 года); 3) редактора-издателя газеты „Мысль“, члена осударственной Думы И. Е. Соломко, по п. 5 ст. 129 уголов. улож., по 6 ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года и по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 2 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 отд. I закона 24 ноября 1905 года, и 4) редактора газеты „Наша Жизнь“ И. Диксона, по п. 5 ст. 129 уголов. уложенія.

Опредѣленіемъ с.-петербургской судебной палаты—дѣло, возбужден-е по постановленію с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати, о привлеченіи къ *уголовной отвѣтственности* редактора-издательницы га-зеты „Волна“—Е. И. Ширяевой, по обвиненію ея по пп. 1, 2 и 3 ст. 129 гол. улож.—*дальнѣйшімъ производствомъ прекращено*.

65) Въ Красноярскѣ, 21 іюня, распоряженіемъ иркутскаго генераль-губернатора редакторъ пріостановленной газеты „Голось Сибири“ Все-лодь Крутовскій высылается въ административномъ порядкѣ въ Ки-нскѣ.

66) Въ Иркутскѣ 21 іюня, газета „Молодая Сибирь“, вышедшая вмѣ-о „Обзорѣнія“, пріостановлена послѣ перваго номера.

67) Въ Костромѣ 22 іюня, опредѣленіемъ судебной палаты „Костром-ая Газета“ пріостановлена; вышелъ „Костромской Край“.

68) Въ Харьковѣ 22 іюня, за статьи о бѣлостокскомъ погромѣ прис-вѣр. Станиславскій, редакторъ-издатель „Наканунѣ“, пріостановленной стоявшимъ до рѣчей князя Урусова опредѣленіемъ суда впредь до дебнаго приговора, на основаніи временныхъ правилъ, признанъ ви-внымъ въ печатномъ распространеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о ятельности правительства и подвергнутъ штрафу въ 25 рублей. Пер-начальное опредѣленіе о пріостановкѣ судомъ не подтверждено, и во-ось о правѣ продолжать изданіе оставленъ открытымъ. Газета „Де-

вятый Валь“, смѣнившая „Наканунѣ“, вчера приостановлена временнымъ генераль-губернаторомъ.

69) Въ Батумѣ третій разъ конфискованы номера газеты „Заря“.

70) Газета „Правда Божія“, редактируемая священникомъ Г. С. Истринскимъ, приостановлена распоряженіемъ градоначальника, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

71) Въ судебную палату поступило для разсмотрѣнія дѣло редактора газеты „Наша Жизнь“ В. Водозова по обвиненію по 1 пп. 129 ст. угол. ул. и п. 6 ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года за напечатаніе №№ 410, 413 и 414 письма, за подписью Александра Микеладзе, и статей „Къ разгрому ксеніинскаго института“ и „Объ активномъ выступленіи“.

72) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра Платона „Какъ начала работать государственная дума“, изданіе вятскаго товарищества „Народная бібліотека“, какъ заключающая въ себѣ признаки преступленія, пред. 1 п. 129 ст. уголов. улож.

73) Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Речь“ г. Иванова по п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 91 статьи „Возобновленіе эксперимента“; 2) „Наша Жизнь“ г. Диксона по п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 462 статьи: „Погромъ въ Бѣлостокѣ“ и по 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 463 статьи „Законъ и законность“; 3) „Трудовая Россія“ г. Оникко по 1 и 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 1 статьи: „На поворотѣ“, „Письма въ редакцію“ и стихотвореній „Изъ пѣсенъ свободы“ и „Стонетъ мать сыра земля“ и по п. „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатанныя въ № 1 статьи.

74) Въ Курскѣ 23 іюня, звѣрски задушена „Курская Жизнь“.

75) Во Владивостокѣ, какъ телеграфируютъ оттуда „Русск. Слов.“ судили на-дняхъ редактора газеты „Владивостокъ“ г. Ремезова. Онъ обвинялся по 128 и 129 ст. угол. улож. До суда онъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ содержался на гауптвахтѣ Русскаго острова. Судованіе дѣла продолжалось 20 часовъ. Г. Ремезовъ приговоренъ къ нежному штрафу въ 500 руб. за „неосторожное перепечатываніе политическихъ статей изъ другихъ газетъ“.

76) По возбужденному главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати дѣлу о редакторѣ газеты „Страна“, членѣ государственной Думы М. М. Ковалевскомъ, по обвиненію его по 5 п. 199 ст. угол. улож. за перепечатаніе въ № 70 письма офицера, *судебная палата отклонила это обвиненіе*, признавъ въ дѣлѣ лишь признаки 6 ст. VIII отд. закон. 24 ноября 1905 г., и передавъ его для разсмотрѣнія въ окружный судъ.

77) Въ Полтавѣ, 24 іюня, вышедшій номеръ социаль-демократическаго журнала „Наканунѣ“ конфискованъ, и къ редактору предъявлено обвиненіе по 129 ст. улож. о наказ. Редакція объявила журналъ закрытымъ.

78) Приговоръ судебной палаты отъ 24 мая по дѣлу о редакторѣ газеты „Наша Жизнь“ Л. В. Ходскомъ и А. Н. Котельниковѣ, согласно которому они признаны по суду оправданными за напечатаніе извѣ-

наго „манифеста“ и резолюціи почтово-телеграфныхъ служащихъ,—опрогестованъ прокуроромъ судебной палаты въ сенатъ.

79) 24 іюня комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра *Хлѣбъ и Воля*“.

80) Въ Спб. окружной судъ по II уголовному отдѣленію поступило интересное дѣло по *обвиненію редактора сатирическаго журнала „Заноза“* Р. Л. Антропова и сотрудника того же журнала Апполона Коринфскаго въ помѣщеніи въ № 2 журнала стихотворенія „Застольная пѣсня“, въ которомъ говорилось, что воинскіе чины—опричники, опозорившіе на войнѣ „знамя родины своей“ и стрѣлявшіе въ женщинъ и дѣтей „какъ въ мишень“, когда тѣ праздновали „свободы первый день“. Обвиненіе предъявлено по ст. 6 отд. VIII временныхъ правилъ о печати отъ 24 іюля 1905 года. Дѣло это будетъ слушаться по II отдѣленію спб. окружного суда.

81) Возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати *ходатайство о привлеченіи къ ответственности редактора газеты „XX Вѣкъ“* Д. Долгова по 2 ч. 103 ст. угол. улож., и п. „в“ ст. 5 отд. VIII вр. прав. печати, за напечатаніе въ № 58 статей: „Въ поискахъ золотого руна“, „Въ кулуарахъ Думы и письма въ редакцію“, „Въ скоромъ будущемъ“—судебной палатой *отклонено*, и номеръ этотъ отъ ареста освобожденъ.

82) Полиція произвела обыскъ въ типографіи Левенштейна, гдѣ печатался журналъ *„Народный Листокъ“*, и въ конторѣ редакціи. Въ типографіи номеровъ журнала не оказалось, а въ конторѣ конфисковано два экземпляра.

83) Въ судебную палату поступило для разсмотрѣнія дѣло о редакторѣ газеты *„Народный Вѣстникъ“*, членѣ государственной думы С. М. *Горнильцевъ*, обв. по 128 ст. угол. улож., и 6 ст. VIII отд. вр. прав. о печати, за напечатаніе въ № 9 газеты, статьи *„О казанкахъ“* и *„Сообщенія изъ Пскова“*.

84) По распоряженію московскаго градоначальника приостановлены газеты *„Илья Муромецъ“* и *„Моментъ“*.

85) Въ Полтавѣ, 25 іюня, харьковской судебной палатой при-
становленъ выходъ социаль-революціонной газеты *„Полтавскія Думки“*.

86) Въ Козловѣ, 25 іюня, редакторъ *„Козловской Жизни“* высыла-
ется изъ предѣловъ Тамбовской губерніи. Типографія, въ которой печата-
лась газета, опечатана

87) Въ Тифлисѣ, 25 іюня, газета *„Кавказская Рѣчь“*, замѣнявшая *Кавказскій Курьеръ*“, органъ конституціонно-демократической партіи, открыта генераль-губернаторомъ. Очередной номеръ ночью въ типогра-
фіи конфискованъ; редакція запечатана.

88) Судебнымъ слѣдователемъ 12 уч. г. Петербурга закончено слѣд-
ствіе по дѣлу о напечатаніи въ № 61 газеты *„Русь“* извѣстнаго *про-
звезденія А. І. Амфитеатрова* „Зарубежные отклики. Стихиры россій-
скія, усовершенствованныя по закону сего времени“. Въ качествѣ обви-
яемыхъ привлечены редакторъ газеты М. М. Крамалей и авторъ, въ
иду же отсутствія г. Амфитеатрова, слѣдователемъ сдѣлано распоря-
женіе о сыскѣ его чрезъ публикацію, какъ обвиняемаго по 2 п. 73 ст.
гол. улож.

89) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ ответственности редакторовъ газетъ „Мисъ И. Е. Соломко по 1 и 5 п. п. 129, 103 ст. угол. улож. и п. „в“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 1, 2 и 3 статьи „Сообщеніе изъ Николаева“, „Официальная провокація“, „Бѣлостокскій погромъ въ „Прав. Вѣстникѣ“, „Документъ“, „Странички изъ современной идилліи“ и проч., и стихотворенія „Выручай“; 2) „Голосъ Труда“ И. Свѣчиной по 2 и 5 п. п. 129 ст. уг. ул., п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 1 и 2 газеты статьи: „Оправданіе вахмистровъ“, „Корреспонденція изъ Вологды“ и др.; 3) „Обрывъ“ Ф. М. Азнаурова по 5 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе № 6 газеты статьи „Разжалованіе преображенскаго полка“; 4) „Наша Жизнь“ К. И. Диксона по 5 п. 129 ст. уг. ул. и п. „г“ и „в“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября за напечатаніе въ №№ 477 и 478 статьи „Общественіе изъ Баку“, „По городамъ и селамъ“, „Трудовая группа и вѣстовка“ и передовой статьи (№ 478) „О погромѣ“ 5) „Эхо“ Е. С. Милковой по 1 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 1 статьи „Досадная обмолвка“ и др.; 6) „Биржевыя Вѣдомости“ г. Бонди по п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 9354 письма Ф. Льва „Утверждаю“.

90) Определеніями С.-Петербургской судебной палаты оставлены въ силѣ постановленія С.-Петербургскаго комитета по дѣламъ печати наложеніи ареста на слѣдующіе номера издающихся въ С.-Петербурѣ временныхъ органовъ печати:

1) на № 23 газеты „Восходъ“, 2) на №№ 13 и 14 газеты „Впередъ“, 3) на № 14 газеты „Голосъ“, 4) на № 69 газеты „Двадцатый Вѣкъ“, 5) на №№ 7—8 журнала „Знаніе—сила, сила—знаніе“, 6) на №№ 20 и 21 газеты „Курьеръ“, 7) на № 4 газеты „Мірское Дѣло“, 8) на № 2 журнала „Народный Листокъ“, 9) на № 473 газеты „Наша Жизнь“, 10) на № 1 газеты „Обрывъ“, 11) на № 2 журнала „Поединокъ“, 12) на № 100 и 102 газеты „Призывъ“, 13) на № 4 газеты „Русскій Набатъ“, 14) на №№ 120 и 121 газеты „Современная Жизнь“, 15) на № 7 газеты „Трудовая Россія“ и 16) на № 23 газеты „Хроника еврейской жизни“.

91) Въ Кіевѣ, 27 іюня, распоряженіемъ губернатора изъ предѣловъ Черниговской губерніи высланъ черниговскій корреспондентъ „Кіевскія Зари“, исключительно за корреспонденціи мѣстной жизни.

92) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ ходатайство о привлеченіи къ ответственности редакторовъ газетъ: 1) „Трудовая Россія“ г. Оникко по 103, 1, 3 и 6 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 этой газеты статей: „За землю и волю“, „Трудовое дѣланство и трудовой народъ“, „Близка развязка“ и др.; 2) „Дума“ г. Вербера по п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 34 статьи „Погромъ въ Бѣлостокѣ“; 3) „Русскій Набатъ“ г. Азнаурова по 1, 5 и 6 п. п. 129 ст. угол. улож. и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 1 и 2 статьи: „Армія и народъ“, „Въ кровавой сатрапіи“, „О казачествѣ“, „Легграммы и наказы“ и др.; 4) „Голосъ“ г. Хирьякова по 1, 5 и 6

129 ст. угол. улож. и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1906 г. за напечатаніе въ № 13 „Бѣлостокская бойня“, „Новые трудянки“, „Въ парламентской трудовой группѣ“, „Приговоры“ и др.

93) Нѣсколько разъ въ теченіе іюня въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ конфисковались номера петербургскихъ газетъ: „Призывъ“, „Русскій Набатъ“, „Впередъ“, „Курьеръ“, „Обрывъ“, „Голосъ“, „Современная Россія“, „Голосъ Труда“, „Сѣверная Земля“, „Крестыянскій Депутатъ“, „Современная Жизнь“, „Наша Жизнь“, „Мысль“ и „XX вѣкъ“.

94) Въ Кіевѣ, 28 іюня. Начиная съ ноября въ Кіевѣ конфисковано газетъ, журналовъ и брошюръ 225 названій. Сегодня конфискована „Громадська Думка“ и на время военнаго положенія запрещена продажа черносотеннаго „Вѣче“. „Кіевлянинъ“ по-прежнему продается свободно.

95) Въ Ярославлѣ, 28 іюня, Московская судебная палата, рассмотрѣвъ дѣло обвиняемыхъ по 129 ст. редакторовъ-издателей приостановленныхъ, издававшихся въ Ярославлѣ газетъ „Сѣвернаго Края“ Михѣева, „Сѣверной Газеты“ Троицкаго, „Сѣверной Области“ Ливанова, — всѣхъ ихъ оправдала.

96) Въ Саратовѣ, 29 іюня, вышелъ первый номеръ газеты „Рабочій“, который немедленно былъ конфискованъ.

97) Въ Бердичевѣ, 29 іюня, газета „Общественная жизнь“ при-
остановлена.

98) Въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ отъ продавцовъ газетъ взята подписка, которой они обязались не держать *газетъ крайнихъ мѣсяцевъ мартій*. Въ число газетъ, не подлежащихъ обращенію среди мѣстной публики въ розничной продажѣ, зачислены и „XX вѣкъ“. По отношенію къ послѣдней газетѣ, впрочемъ, сдѣлана нѣкоторая уступка: „XX вѣкъ“ разрѣшено продавать въ розницу лишь въ кіоскахъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

99) Конфискація газетъ понемногу принимаетъ всероссійскій характеръ. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ конфискують многія столичные газеты за одно ихъ названіе, хотя бы онѣ въ самомъ номерѣ и не заключали ничего предосудительнаго. Очевидцы говорятъ, что во многихъ мѣстахъ навлекшія на себя немилость начальства газеты, къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ и „XX вѣкъ“, отбираются жандармеріей немедленно по ихъ полученіи, и пассажиры въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ получаютъ ихъ не могутъ. По словамъ очевидца, „XX вѣкъ“ конфискуется почти по всѣму Поволжью.

Возваніе.

Страшное несчастье обрушилось на еврейское населеніе города Бѣлостока. Погромъ, организованный злодѣями и длившійся 1—3 іюня, далъ въ результатѣ массу жертвъ; до ста безчеловѣчно убитыхъ и сотни раненыхъ. Множество магазиновъ, лавокъ, мастерскихъ и квартиръ безпощадно разгромлены. Многія семейства лишились своихъ кормильцевъ, остались безъ хлѣба и крова. Въ городѣ полный застой. Помогите! Человѣколюбивые братья! Помогите жертвамъ звѣрскаго насилія!

По жертвованію просимъ направлять казначею Комитета Маркусу А. Ш. Гордону.

Бѣлостокскій комитетъ по оказанію помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ погрома.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И БАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОИ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балмашова, Волкенштейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Калыева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигнеръ. Ц. 35 к.

Доходъ отъ изданія поступитъ въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI + 240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

Принимается подписка
на полное собраніе сочиненій
Н. Г. Чернышевскаго

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами
(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул., д. Баженова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона) также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. 60 коп. пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и лица, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Дальнѣйшія 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для **иностранцевъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

Вышли и раздаются подписчикамъ томы VII, VI, VIII, III, VI

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. МЕЛЬШИНЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ съ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3:

В. Н. Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ ред. журн. «Былое», Спасская ул., д. 25, кв. 20. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Спасскій пер., д. 5, кв. 1. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я.
Чахрова и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Спасскій переулокъ, д. 5.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Спасскій, 6)

поступили въ продажу

а) Картины изъ французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновение республиканцевъ съ вандеями.
3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ Совѣтѣ 500. 5) Клятва въ національномъ
собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.:

1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи
5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Везумство храбрыхъ“

в) Портреты:

1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ. 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) П.
рашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщица
и др. Цѣна 20 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ въспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Апенбреннеръ; В. П. Ватуринскій, В. Я. Богучарскій; А. К. Ворондинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлюковскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Игнатовъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнборгъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюгинъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лузашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милуково-Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликинъ; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Певарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семеновскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тритони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шинко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромя праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и известнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромя праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
                  { П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія воспоминаній **М. В. Новорусскаго** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитационная литература декабристовъ и **С. И. Муравьевъ-Апостоль** (историко-психологическій этюдъ); **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая Перваго и общественное мнѣніе Франціи; **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **Ф. Я. Конъ**—У подножія висѣлицы (Изъ воспоминаній); **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 году); **М. Р. Поповъ**—«Земля и Воля» наканунѣ Воронежскаго съѣзда въ 1879 г.; **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **С. С. Синегубъ**—Воспоминанія чайковца; **А. В. Прибылевъ**—О процессѣ 17; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о **М. А. Бакунинѣ**; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Дѣло **Мартьянова**; процессъ **Н. А. Серно-Соловьевича**; неизданныя стихотворенія **Т. Г. Шевченко**; обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ отчетъ о кассационномъ процессѣ **И. П. Каляева**, процессъ 17-ти народовольцевъ: **Богдановича**, **Буцевича**, **Грачевскаго**, **Корбы**, **Сав. Златопольскаго** и др. обзоры дознаній по дѣламъ **Грачевскаго**, **В. Фигнеръ**, **А. Корбы**, **Н. А. Морозова**), письма **М. А. Бакунина** и др. извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей въ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войноральскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осипскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **Н. И. Колодkevича**, **А. И. Желябова** (гимназической его поры), **Н. Д. Похитонова**, **А. В. Буцевича**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Бернштейна**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова**, виды **Карійской** и **Акатуйской** каторги, и проч.

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 8 АВГУСТЪ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія «ЭНЕРГІЯ», Загородный просп., 17-
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Неизданныя произведенія Т. Г. Шевченко . II. Предисловіе къ „Кобзарю“	1
2. Къ біографіи Т. Г. Шевченко (новые матеріалы)	4
3. „Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда. М. Р. Попова	13
4. Воспоминанія чайковца. С. С. Синегуба	39
5. Эпизодъ изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости. И. Л. Манучарова	81
6. Дѣло П. А. Мартынова (по неизданнымъ источникамъ) М. К. Лемке	83
7. Къ біографіямъ А. И. Желябова и С. Л. Перовской	108
8. У подножія висѣлицы. Ф. Я. Кона	136
9. Мое знакомство съ И. М. Ковальскимъ. В. С. Илича-Свитыча	142
10. Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ.	158
11. Изъ прошлаго. Ад. Бяловескаго	193
12. Въ Шлиссельбургской крѣпости. М. В. Новорусскаго	208
13. Михайль Александровичъ Бакунинъ (біографическій очеркъ). Жемса Гильома	228
14. Судейкинъ и Дегаевъ. Н. П. Маклецовоу. (Дегаевой)	265
15. Письмо г. Курицына и отвѣтъ на него редакціи	273
16. Историческая бібліографія. М. П. Драгомановъ . Собраніе политическихъ сочиненій. Т. II. С. Ф. Русовой. В. М. Ильинскій . Архангельская ссылка. В. Русина. В. Е. Якушкинъ . Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Н. К. П-ва. Кабанесъ и Нассъ . Революціонный неврозъ (переводъ подъ редакціей Д. Ф. Коморскаго). Б. В.	280

	СТР.
17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію	298
18. Современная лѣтопись	302
19. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Къ процессу П. Л. Лаврова—35. По поводу портрета А. И. Желя- бова—А. П. Прибылевой-Корбы—106. Къ исторіи заго- вора Сухинова—130. „Изъ дѣла о председателѣ Таврич. губ. зем. управы Винбергъ и его единомышленникахъ“— 188. Рѣдчайшее революціонное изданіе (Свобода № 2. 1863 г.)—189. Письмо М. А. Бакунина къ неиз- вѣстному—255.	
20. Объявленія	322

Къ этой книгѣ приложены портреты: А. И. Желябова (гимназической и студенческой поры его жизни), С. Л. Перовской (дѣвочкой и въ группѣ съ тремя подругами), барона А. П. Штромбека, М. В. Новорусскаго и М. А. Бакунина.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія воспоминаній **М. В. Новорусскаго** и **С. С. Синегуба** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитационная литература декабристовъ и **С. И. Муравьевъ-Апостоль** (историко-психологическій этюдъ); **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая Перваго и общественное мнѣніе Франціи; **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 году); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. И. Столбовъ**—Л. Ѳ. Яновичъ въ ссылкѣ; **Н. Л. Геккеръ**—Политическая каторга на Карѣ; **М. Р. Гоць**—С. В. Зубатовъ (изъ воспоминаній); **В. А. Старосельскій**—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи; **М. О. Гершензонъ**—Семья декабристовъ; **С. П. Богдановъ**—Е. С. Семяновскій—одинъ изъ первыхъ карійцевъ; **П. Н. Переверзевъ**—Экспедиція Рененкампа; **А. О. Лукашевичъ**—Въ народѣ; **С. А. Жебуневъ**—Страница изъ воспоминаній; **І. Д. Лукашевичъ**—Дѣло 1 марта 1887 года; **Ф. Л. Ястржембскій**—Записки петрашевца; **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **Л. Н. Гартманъ**—Изъ воспоминаній; **А. В. Прибылевъ**—О процессѣ 17; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о М. А. Бакунинѣ. **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессъ Н. А. Серно-Соловьевича; обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ отчетъ о кассационномъ процессѣ И. П. Каляева, процессъ 17-ти народовольцевъ: Богдановича, Буцевича, Грачевскаго, Корбы, Сав. Златопольскаго и др. Обзоры дознаній по дѣламъ Грачевскаго, В. Фигнеръ, А. Корбы, Н. А. Морозова), письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войноральскаго**, **С. Ф. Ковалика**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **С. С. Синегуба**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **Н. И. Колодкевича**, **А. В. Буцевича**, **М. Ф. Грачевскаго**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Бернштейна**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова**. виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВЪ.
Студенческой поры жизни.

Неизданныя произведенія Шевченка.

II.

Предисловіе къ „Кобзарю“.

Въ тетради, взятой у Т. Г. Шевченка при арестѣ, среди наивно переписанныхъ стихотвореній оказалось и помѣщаемое нами „Предисловіе“ къ „Кобзарю“. Покойный Н. В. Стороженко, изучавшій дѣло Шевченка, не могъ въ свое время цѣликомъ напечатать это предисловіе и лишь въ выдержкахъ цитировалъ его въ статьѣ „Мелочи для біографіи Шевченка“ (Н. Стороженко. Изъ области литературы. Статьи, рѣчи, лекціи и рецензіи М. 1902, стр. 452 и слѣд.). Кромѣ того это предисловіе, неполно и съ искаженіями, напечатано, за границей, въ книгѣ Конисскаго «Тарасъ Шевченко. Хроника его житія». (Львовъ, 1898). Мы совершенно буквально воспроизводимъ съ подлинника текстъ предисловія. Фразы и слова, напечатанныя разрядкой, подчеркнуты въ рукописи самимъ Шевченкомъ, фразы, набранныя курсивомъ, подчеркнуты въ III отдѣленіи.

Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья моль?
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
А Грибоводовъ.

Випускаю оце въ люде другого кобзаря свого, а шобъ не спожніми торбами, то наділяю ёго предисловіемъ. До васъ слово мое, о братія моя Украинская возлюбленная.

Великая туга осила мою душу. Чую, а иноди и читаю, ляхи дрюкують, чехи, сербы, болгаре, черногоры, москали, вси дрюкують, въ насъ а ни телень нынчае всимъ заципило, чога се вы такъ братія моя? Може злякальсь нашествія иноплеменныхъ журналистивъ. Не бійтесь, собака лае а витерь несе. Вони кричать чомъ мы по московскій не пишемо? А чомъ москали сами ничего не пишутъ по

своему, а тилько переводять, та й то чортъ зна по якому. Натова-
чать якыхсь индивидуализмивъ то що, такъ що ажъ языкъ отер-
поки вимовишь, крычать о братствѣ и грызуща мовъ скажени
баки. *Крычатъ о единой Славянской литературы, а не*
тятя и залянуть шо робилця у Славянъ! Чи розибрали вы
хочъ одну кныжку польску, чешску, сербску, або хочъ и нашу?
и мы таки слава Богу не нимци! не розибрали. Чомъ? Тымъ
не нетятлять. Наша кныжка якъ попадеця у ихъ руки то вони а
ренетують та хвалять же шо найпоганше. А наши патріоты ху-
ряны й соби за ними. Преочарователно въ чарахъ тыхъ
що. Жиды, шинки, свыни и пьяни бабы. Може це по ихъ утонче-
ной натурѣ, и справди добре, а на наши мужицьки очи то д
погано. Воно и то правда, шо и мы сами тутъ трохи винни. Бо
не бачимо нашего народу, такъ якъ его богъ сотворивъ, у ши
и нашъ и москаль и навить немецъ вси похожи на свыню, а ни
цини то ще поганше. У хату прыйты до ёго, або до себе покляк
по братерскій не можно, не можно бо винъ злякаеця, та може
й те шо винъ пизнае дурня у жупани.

Прочиталы соби поскладахъ Энеиду та потыняльсь коло шив
та й думаютъ шо отъ колы вже мы распизнали своихъ мужики
Э ни братыки, прочитайте вы думы, письни, послушайте якъ во
спиваютъ, якъ вони говорятъ межъ собою шапокъ не скидаючи,
на дружнему бенкети якъ вони згадуютъ старовину и якъ во
плачутъ нынче справди въ турецкій неволи або у польского м
патства кайданы волочатъ, то тойди и скажите—шо Энеида добра
всетаки смиховина на московскій штальтъ.

Отакъ то братія моя возлюбленная шобъ знать людей то тр
пожить зными. А шобъ ихъ списувать то треба самому стать чо
викомъ, а не марнотрателемъ черныла и паперу. Отойди пишты
дрюкуйте, и трудъ вашъ буде трудомъ честнымъ, *а на мос*
ливъ не вважайте, нехай вони соби пишутъ по своему а мы
своему, *у ихъ народъ и слово и у насъ народъ и слово.*
чѣ крашче нехай судять люды. Вони здаюця на Гоголя шо ви
пише не по своему а по московскому, або на Вальтеръ Скотта

й той не по своему писавъ.—Гоголь вырисъ въ Нижени а не въ Малороссіи—и своего языка не знае, а В: С: въ Эдемборгъ а не въ Шотландіи—а може ище було шо небудь, шо вони себе одпуралысь не знаю. А Борнцъ усе таки поэтъ народный и великій. И нашъ Скворода такимъ бы бувъ, якби ёго не збила зплыву латынь а потимъ московщина.

Покойный Основьяненко дуже добре прыглядывся на народъ, та не прислухався до языка, бо може ёго не чувъ у колысци одъ матери, а Г: Артемовскій хоть и чувъ, такъ забувъ, бо въ паны пострыгся. Горе намъ! безуміе насъ обуяло отымъ мерзенымъ и богупротивнымъ панствомъ, нехан-бы вже оти карпы—гнучко—шіенки сутяги—ихъ богъ. за тяжкіе грихи наши, ще до зачатія во утроби матерній, осудывъ киснуть и гныть въ чернилахъ, а то мужи мудри, учени.

Проминялы свою добру ридну матиръ—на пьяныцю непотребную, а въ придатокъ ще и въ додалы.

Чому В. С. Карадж: Шафар: и иные не постриглись у нимци, (имъ бы зручнше було) а осталысь славянами, щирими сынами матерей своихъ. и славу добрую стяжали, горе намъ! но братія не вдавайтесь въ тугу, а молитесь богу, и *работайте разумно, во имя матери нашей Украины безталанной.* Аминь.

Послѣ слова «Аминь» сдѣлана сноска, и въ сноскѣ читаемъ слѣдующее:

А шобъ вы знали, шо трудъ вашъ не мимо иде и шобъ не дуже чванылась моековская братія своею Ростопчиною—то отъ вамъ Свячаная вода написано панночкою та ще й хорошою тилько не скажу якою, бо воно ще молоде боязлыве.

А перевернить пудови журналы та пошукайте чи нема тамъ чого небудь такого я С: В: и не турбуйтеся бо ей богу не найдите.

Седвель.

1847 г.

Марта 8.

Изъ біографіи М. Я. Шевченка.

Эпизодъ привлеченія Т. Г. Шевченка къ дѣлу Кирилло-Меѳевскаго общества является мало выясненнымъ въ біографіи поэта Н. И. Стороженко, имѣвшій доступъ къ подлинному дѣлу, воспользовался имъ далеко не полно. Мы печатаемъ подлинное слѣдствіе по дѣлу Т. Г. Шевченко, до сихъ поръ въ печати не появлявшееся.

I.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что художникъ Шевченко учился въ Академіи Художествъ, и, сколько извѣстно, занимался живописью подъ руководствомъ профессора Брюлова. До 1845 года былъ въ Петербургѣ; въ томъ же году прибылъ въ Кіевъ и изъявилъ желаніе поступить въ Университетъ преподавателемъ рисованія, въ каковую должность назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ нынѣшняго года, но еще въ оную не вступилъ.

Докладывая о семъ Вашему Императорскому Высочеству, и встречая необходимость имѣть о Шевченкѣ ближайшія свѣдѣнія, догадомъ считаю покорнѣйше просить удостоить меня, сколь возможно поспѣшнѣйшимъ увѣдомленіемъ какъ о томъ, не находится ли означенный Шевченко и нынѣ при Академіи, такъ и о мнѣніи на этотъ счетъ ближайшаго его Начальства.

Подписалъ: Генераль-Адъютантъ Графъ Орловъ.

Скрѣпилъ: Генераль-Лейтенантъ Дубельтъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Надв. Сов. Нордстремъ.
12-го апрѣля 1847 года.

Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимилиану Леопольдовичу Хтенбергскому.

II.

Министерство Императорскаго Двора. Императорская Академія Художествъ. 14-го апрѣля 1847 г., № 448. Господину Генераль-Адъютанту Графу Орлову.

Въ слѣдствіе вопроса, въ запискѣ Вашего Сіятельства, отъ 12-го ея апрѣля о художникѣ Шевченкѣ мнѣ сдѣланнаго, симъ отвѣтствую, что Художникъ Шевченко учился въ Императорской Академіи Художествъ Художеству съ 1838 по 1845 годъ, въ которомъ году признанъ Художникомъ и съ того времени, занимаясь свободно искусствомъ, отъ Академіи не зависитъ.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что Шевченко имѣетъ даръ къ Поэзійи и на Малороссійскомъ языкѣ написалъ нѣкоторыя стихотворенія, уважаемая людьми, знакомыми съ Малороссійскимъ языкомъ и прежнимъ бытомъ этого края; почитался онъ всегда челоѡкомъ нравственнымъ, быть можетъ, нѣскольکو мечтателемъ и читателемъ Малороссійской старины, но предосудительнаго на счетъ его ничего не доходило до свѣдѣнія Академіи.

Президентъ Герцогъ М. Лейхтенбергскій.

III.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Начальникъ Кіевской губ. По Канцеляріи. 6-го Апрѣля 1847 г. № 660. Кіевъ. Секретно. Въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Въ числѣ лицъ, на которыхъ, по полученному мною отъ г. Кіевскаго Военнаго Подольскаго и Волынскаго Генераль-Губернатора обращено было вниманіе, указанъ былъ художникъ С.-Петербургской Академіи Тарасъ Григорьевичъ, сынъ Шевченко.

Художникъ этотъ при возвращеніи изъ Черниговской губерніи былъ задержанъ вчерашняго числа у вѣзда въ городъ Кіевъ и представленъ прямо ко мнѣ.—Между бумагами его оказалась рукописная книга съ Малороссійскими, собственнаго его сочиненія, стихами, изъ коихъ многіе возмутительнаго и преступнаго содержанія.—Почему, какъ эти, такъ и всѣ прочіе оказавшіеся у Шевченко стихи, равно частную его переписку я почелъ обязанностью представить въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.—Вмѣстѣ съ симъ препровождается и Художникъ Шевченко подъ строгимъ карауломъ при одномъ полицейскомъ офицерѣ и одномъ рядовомъ жандармѣ.

Гражданскій Губернаторъ Фундуклей.

Описаніе бумагамъ художника Тараса Шевченко, препровождаемымъ при отношеніи отъ 6-го апрѣля 1847 г. за № 448.

- 1) Связка стиховъ, писемъ и разныхъ бумагъ на
- 2) Книга писанныхъ стиховъ, подъ заглавіемъ: «Три Лита».
- 3) Маленькій альбомъ со стихами и рисунками.

Гражданскій Губернаторъ Фундуклей.

IV.

К В И Т А Н Ц И Я .

Дана сія Квартальному Надзирателю Кіевской Полиціи Гришкову въ томъ, что доставленный имъ, въ сопровожденіи одного Жандарма изъ Кіева, Художникъ Шевченко съ его бумагами и вещами, принятъ въ исправности въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Апрѣля 17-го дня 1847 года.

Подписаль Старшій Чиновникъ Поповъ.
Вѣрно: Надворный Совѣтникъ Нордстремъ.

V.

Вопросы, предложенные художнику Шевченкѣ. Апрѣля 21-го дня 1847 года.

В. 1) Опишите ваше происхожденіе, случай, по которому вы освобождены изъ крѣпостнаго состоянія, воспитаніе ваше въ Академіи Художествъ, занятія ваши по выпускѣ изъ Академіи, поѣздки по Малороссіи и причины, склонившія васъ къ занятіямъ болѣе стихотворнымъ, нежели живописью?

О. Я сынъ крѣпостнаго крестьянина, въ дѣтствѣ лишился отца и матери; въ 1828 году былъ взятъ помѣщикомъ во дворъ; въ 1838 году былъ освобожденъ изъ крѣпостнаго состоянія Августѣйшей Императорской фамиліей, чрезъ посредство Василя Андреевича Жуковскаго, Графа Михаила Юрьевича Веліогорскаго и Карла Павловича Брюлова. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго для Императорской фамилии, и на эти деньги я былъ выкупленъ у помѣщика. Учился я рисованію и живописи въ Академіи Художествъ по 1844 годъ. По выпускѣ изъ Академіи опредѣлился въ Кіевскую Археографическую Коммиссію сотрудникомъ по части рисованія и собранія народныхъ преданій, сказаній и пѣсенъ въ Южно-Русскихъ губерніяхъ. Стихи я любилъ съ дѣтства и началъ писать въ 1837 году. Первое мое стихотвореніе подъ названіемъ: „Катерина“ посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузіазмъ въ Малороссіянахъ, и я сталъ продолжать писать стихи, не оставляя живописи.

В. 2) Противъ васъ имѣются показанія, что вы участвовали въ замыслахъ Славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодія. Объясните подробно: когда и къмъ было учреждено это общество, а если предположеніе объ учрежденіи его еще не приведено въ исполненіе, то къмъ и когда были дѣлаемы эти предположенія?

О. Показанія, что я участвую въ замыслахъ Славянскаго общества, несправедливы.

В. 3) Кѣмъ сочинены и въ чемъ именно состояли уставъ и правила Славянскаго общества, кто распространялъ и у кого находились экземпляры ихъ?

В. 4) Не было-ли у васъ тетради, называемой: «Законъ Божій» съ возмутительными воззваніями въ концѣ и кто распространялъ экземпляры оной?

В. 5) Кѣмъ изобрѣтены символическіе знаки общества: кольца и образа во имя св. Кирилла и Меѳодія, кто именно имѣлъ и не было ли у васъ оныхъ?

В. 6) Въ чемъ состояли подробности предположеній Славянистовъ какимъ образомъ надѣялись они соединить Славянскія племена, возстановить самобытность каждаго племени и особенно Малороссій?

В. 7) Какіе замыслы были противъ настоящаго образа правленія въ Россіи, и какое правленіе предполагалось ввести въ Малороссіи и вообще въ Славянскихъ земляхъ?

В. 8) Какимъ образомъ Славянисты предполагали распространять образованіе между крестьянами и тѣмъ готовить народъ къ встанію?

В. 9) Кто и въ какомъ видѣ хотѣлъ учреждать школы для простаго народа, сочинять книги и какого содержанія, кто собиралъ деньги для этихъ цѣлей и не предназначались ли эти деньги для какихъ либо другихъ преступныхъ цѣлей?

В. 10) Не было ли предположеній дѣйствовать оружіемъ и если было, то когда и какимъ образомъ намѣрены были употребить это средство?

В. 11) Кто изъ приверженцевъ Славянства наиболѣе дѣйствовалъ, склонялъ и возбуждалъ къ преступнымъ замысламъ, и не было ли одного, который всѣмъ руководилъ?

В. 12) Правда-ли, что Костомаровъ былъ представителемъ умѣренной Славянской партіи, а Гулакъ его послѣдователемъ и что вы съ Кулѣшемъ были представителями неумѣренной Малороссійской партіи Славянскаго общества?

Отв. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 мнѣ совершенно неизвѣстны.

В. 13) Опишите подробно всѣ дѣйствія Костомарова, Гулака,

Кулѣша, также Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго, Марковича, Посяденка, помѣщика Савича, бывшаго профессора Чижова и другихъ вамъ извѣстныхъ лицъ, каждаго особенно и о каждомъ все, что знаете, въ отношеніи къ замысламъ Славянистовъ?

О. Съ Костомаровымъ я познакомился въ прошедшемъ году въ Кіевѣ, весною; на лѣто онъ уѣзжалъ въ Одессу лечиться, въ Августѣ мѣсяцѣ онъ возвратился въ Кіевъ, и я съ нимъ не видѣлся до Декабря мѣсяца, потому что я ѣздилъ по порученію комиссіи для срисованія Почаевской лавры; а 9-го Января текущаго года я опять отлучился изъ Кіева и послѣ того я съ нимъ не видѣлся; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ одного письма. Гулака я почти не зналъ и потому, что видѣлся съ нимъ всего раза три въ Кіевѣ, да пробѣжалъ съ нимъ отъ Кіева до Борзны, и послѣ того не видѣлся. Съ Кулѣшемъ я познакомился въ Кіевѣ, въ 1842 году, весною, во время отлучки моей изъ Академіи, и не видѣлся съ нимъ до Декабря 1846 года въ Кіевѣ; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ письма, въ которомъ онъ мнѣ совѣтуетъ поправить нѣкоторыя мѣста въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго и Марковича весьма мало знаю; съ Посяденкомъ и Чижовымъ со всѣмъ не знакомъ. Помѣщика Савича я встрѣчалъ два раза у Костомарова.

Объ обществѣ Славянистовъ я никогда ни отъ кого не слышалъ ни слова.

В. 14) Правда ли, что Славянистовъ въ Кіевѣ вы побуждали къ большей дѣятельности, что въ отсутствіе ваше нѣкоторые изъ нихъ охладѣвали въ замыслахъ своихъ, а съ возвращеніемъ вашего снова приходили въ движеніе; что вы не знали границъ въ выраженіи преступныхъ мыслей и всѣхъ монархистовъ называли подлецами?

О. Неправда, потому, что когда я былъ въ Кіевѣ, то всегда былъ занятъ рисованіемъ; никуда не выходилъ и къ себѣ никого не принималъ, чѣму свидѣтель товарищъ мой художникъ Сажинъ, съ которымъ я постоянно жилъ вмѣстѣ.

В. 15) Съ какою цѣлью вы сочиняли стихи, могуція возмущать умы Малороссіянъ противъ нашего правительства; читали эти стихи и разные пасквили въ обществахъ друзей вашихъ и давали имъ списывать оныя. Не сочиняли ли вы эти стихи для распространенія идей тайнаго общества и не надѣялись ли приготовить этимъ возстаніе Малороссіи?

О. Малороссіянамъ нравились мои стихи и я сочинялъ и читалъ имъ безъ всякой цѣли; списывать не давалъ, а былъ неостороженъ, что не пряталъ.

В. 16) Какими случаями доведены вы были до такой наглости,

что писали самая дерзкія стихи противъ Государя Императора и до такой неблагодарности, что, сверхъ великости Священной Особы Монарха, забыли въ Немъ и Августѣйшемъ семействѣ Его лично вашихъ благотворителей, столь нѣжно поступившихъ при выкупѣ васъ изъ крѣпостнаго состоянія?

О. Будучи еще въ Петербургѣ я слышалъ вездѣ дерзости и порицанія на Государя и Правительство. Возвратясь въ Малоросію, я услышалъ еще болѣе и хуже между молодыми и между старшими людьми; я увидѣлъ нищету и ужасное угнетѣніе крестьянъ помѣщиками, поссессорами и экономами шляхтичами, и все это дѣлалось и дѣлается именемъ Государя и Правительства: я всему этому повѣрилъ и, забывъ совѣсть и страхъ Божій, дерзнулъ писать наглости противъ моего Высочайшаго благодѣтеля, чѣмъ довершилъ свое безуміе.

В. 17) Кто иллюстрировалъ рукописную книгу вашихъ сочиненій и не принадлежитъ ли тотъ, кто столько занимался вашими стихотвореніями, къ злоумышленнымъ Славянистамъ?

О. Иллюстрировалъ мои сочиненія Графъ Яковъ де-Бальмень, служившій адъютантомъ у одного изъ Корпусныхъ Генераловъ и бывшій на Кавказѣ въ 1845 г., и нѣкто Башиловъ. Съ первымъ я видѣлся одинъ разъ, а втораго совсѣмъ не знаю.

В. 18) Почему стихотворенія ваши были въ такомъ уваженіи у друзей вашихъ, тогда какъ они лишены истиннаго ума и всякой способности; не поклонялись ли они вамъ болѣе за ваши дерзости возмутительныя мысли?

О. Стихотворенія мои нравились можетъ быть потому только, что по Малороссійски написаны.

В. 19) Съ какою цѣлью вы побуждали въ Кіевѣ Костомарова другихъ Славянистовъ къ изданію журнала на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, вызываясь сами участвовать въ ономъ, и не было ли при этомъ намѣренія распространять посредствомъ журнала доступныхъ идей?

О. Не я, а бывшій ректоръ Кіевскаго Университета Максимовичъ просилъ меня и Костомарова участвовать въ его журналѣ или составить сборникъ изъ статей, относящихся къ Южной Россіи, на Великороссійскомъ и Малороссійскомъ нарѣчіяхъ.

В. 20) Между бумагами вашими находятся стихотворенія Чужбинскаго и Забѣллы, перваго возмутительныя, а втораго пасквильныя. Кто такіе Чужбинскій (если это не псевдонимъ) и Забѣлла?

О. Чужбинскій псевдонимъ; фамилія его Аюнасьевъ Александръ, помѣщикъ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда. Забѣлла Викторъ тоже помѣщикъ Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда.

В. 21) Кто такіе Шtrandманъ и Карпо и почему они въ п... махъ своихъ называли васъ: первый «Остатнимъ изъ козако... а второй «Отмане нашъ». Не участвовали ли и они въ замыс... Славянистовъ?

О. Съ Шtrandманомъ я познакомился въ Яготинѣ у К... Рѣпина; онъ былъ тамъ домашнимъ учителемъ, а теперь не... гдѣ онъ. Почему онъ называетъ меня «остатнимъ изъ козако... не знаю; Карпо ученикъ Академіи Художествъ, онъ и еще... ученика жили со мною на одной квартирѣ, и какъ я былъ ст... ихъ лѣтами, то они и называли меня «отманомъ».

В. 22) Не извѣстно-ли вамъ, сверхъ предложеннаго въ пр... дущихъ вопросахъ, еще что-либо о Славянистахъ, ихъ тай... обществѣ и замыслахъ?

О. Сверхъ всего, что я объяснилъ, я больше ничего не з...
Художникъ Тарасъ Шевченко.

VI.

Очная ставка Шевченкѣ съ Андрузскимъ 15-го... 1847 года.

Андрузскій говорилъ: Шевченко былъ неумѣреннымъ пре... вителемъ Малороссійской партіи въ Славянскомъ обществѣ, н... рое имѣло цѣлью возстановить Гетманщину, если возможно... дѣльно, а если нельзя, то въ Славянщинѣ; въ послѣдствіи ме... нападалъ на ляховъ и былъ непрочь отъ Славянины; онъ в... монархистовъ называлъ подлецами; побуждалъ къ большой... тельности Славянское общество; предположеніе Славянистовъ... давать журналъ на Славянскихъ или, по крайней мѣрѣ, на... скомъ и Малороссійскомъ языкахъ, съ отъѣздами Шевченки... Кіева пріостанавливалось, а съ возвращеніемъ его оживля... Шевченко изъ Малороссійскихъ Гетмановъ перевозносилъ Ма... и на вечерахъ у Костомарова читалъ пасквильные стихи. Анд... скій при дальнѣйшихъ объясненіяхъ показалъ, что заключе... принадлежности къ Славянскому обществу онъ вывелъ только... того, что Шевченко былъ знакомъ со всѣми Славянистами.

Георгій Андрузскій.

Шевченко отвѣчалъ: Шевченко, сознаваясь въ сочиненіи... дерзкихъ и возмутительныхъ стиховъ, во всемъ прочемъ с... шенно отвергъ показаніе Андрузскаго.

Тарасъ Шевченко.

VII.

Художникъ С. Петербургской Академіи Художествъ Тарасъ Шевченко. Этотъ художникъ вмѣсто того, чтобы вѣчно питать многогнѣйныя чувства къ особамъ Августѣйшей фамилии, удостоившимъ выкупить его изъ крѣпостнаго состоянія, сочинялъ стихи, на Малороссійскомъ языкѣ, самаго возмутительнаго содержания. Въ нихъ онъ то выражалъ плачь о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украины, то возглашалъ о славѣ Гетманскаго правленія и прежней вольницѣ козачества, то съ невѣроятною дерзостью изливалъ клеветы и желчь на Особь Императорскаго Дома, бывая въ нихъ личнымъ своимъ благодѣтелемъ. Сверхъ того, что за запрещенное увлекаетъ молодость и людей съ слабымъ характеромъ, Шевченко пріобрѣлъ между друзьями своими славу знаменитаго Малороссійскаго писателя, а потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны. Съ любимыми стихами въ Малороссіи могли появляться и вполслѣдствіи укорениться мысли о мнимомъ блаженствѣ времени Гетманщины, о счастіи возвратить эти времена и о возможности Украинѣ существовать въ видѣ отдѣльнаго государства.

Судя по этому чрезмѣрному уваженію, которое питали и лично Шевченко и къ его стихотвореніямъ всѣ Украино-Славянисты, едва казалось, что онъ могъ быть если не дѣйствующимъ лицомъ между ними, то орудіемъ, которымъ они хотѣли воспользоваться въ своихъ замыслахъ; но съ одной стороны, эти замыслы не столь важны, какъ представлялось при первомъ взглядѣ, съ другой—и Шевченко началъ писать свои возмутительныя сочиненія еще съ 1837 года, когда славянскія идеи не занимали Кіевскихъ ученыхъ; равно и все дѣло доказываетъ, что Шевченко не принадлежалъ къ Украино-Славянскому обществу и дѣйствовалъ тайно, увлекаясь собственною испорченностію. Тѣмъ не менѣе, возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ дѣловъ, онъ долженъ быть признаваемъ однимъ изъ важныхъ преступниковъ.

По Высочайше утвержденному рѣшенію постановлено: Шевченко опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Оренбургскій корпусъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшей надзоръ, съ запрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.

Шевченко переданъ Военному Министру 30-го мая 1847 года.

VIII.

Бывшій художникъ Шевченко, при объявленіи ему Высшаго рѣшенія объ опредѣленіи его рядовымъ въ Отдѣльный Сибирскій Корпусъ, принялъ это объявленіе съ величайшею покорностью, выражалъ глубочайшую благодарность Государю Императору за дарованіе ему права выслуги, и съ искреннѣйшимъ рыданіемъ, сквозь слезы, говорилъ, что онъ самъ чувствуетъ себя униженъ и преступны были его занятія.

По его словамъ, онъ не получилъ никакого воспитанія и званія до самаго того времени, когда былъ освобожденъ изъ крѣпостнаго состоянія, а потомъ вдругъ попалъ въ кругъ студентовъ и другихъ молодыхъ людей, которые совратили его съ прямого пути. Онъ общается употребить всѣ старанія вполнѣ исправиться и заслужить оказанное къ нему снисхожденіе ¹⁾.

Мая 1847 года.

¹⁾ Эта записка составлена въ III-мъ отдѣленіи и самимъ Шевченко, которая не подписана. Тенденціозность ея очевидна. Ре

«Земля и Воля» накануне Воронежского съезда.

«Назвался груздемъ,—полѣзай въ кузовъ!» Вотъ съ чѣмъ я прежде всего обращаюсь къ читателямъ «Былого».

Пока я сидѣлъ въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ и смотрѣлъ на божій черезъ рѣшетку, мнѣ казались всѣ пережитыя мной бытія, начиная съ 74 года и вплоть до моего ареста въ 80 году, февраля, такими безспорными и простыми, что слѣдуетъ только повѣдать ихъ міру, и они всѣмъ будутъ казаться таковыми же. Вотъ почему, когда редакція «Былого» предложила мнѣ написать Воронежскомъ съездѣ, я съ легкимъ сердцемъ согласился исполнить ея желаніе. Теперь же, по мѣрѣ того, какъ горизонтъ предомной раздвигается, и я знакоплюсь съ мнѣніями и взглядами друзей на пережитыя мной событія, я начинаю думать, что я поступилъ нѣсколько легкомысленно, взявъ на себя такую задачу, еще не вполне осмотрѣвшись на волѣ. Мнѣ становится съ каждымъ днемъ все яснѣй и яснѣй, что Воронежскій съездъ, о которомъ я долженъ буду дать отчетъ читателямъ «Былого», былъ явленіемъ такимъ простымъ, какимъ онъ казался мнѣ въ Шлиссельбургѣ. Теперь узналъ то, чего я прежде не зналъ. Я узналъ, напр., что Воронежскомъ съездѣ и событіяхъ, предшествовавшихъ ему, существуетъ два мнѣнія, одно другое оспаривающія. Это именно и шло меня на мысль, что простое описаніе съезда, если-бъ даже и могъ по памяти возстановить все то, о чемъ на этомъ съездѣ велись дебаты,—чего, конечно, моя память не въ состояніи воспроизвести,—то и въ такомъ случаѣ Воронежскій съездъ для многихъ казался бы непонятнымъ, ибо всѣ дебаты, внѣ связи со всѣмъ предшествовавшимъ Воронежскому съезду, ничего не сказали бы ни уму, ни сердцу читателя. Помимо этого соображенія, въ виду наличности многогласія мнѣній по поводу Воронежскаго съезда, или вѣрнѣе по поводу того, чѣмъ онъ былъ вызванъ, сказать просто, что это было не всѣмъ такъ, какъ думаетъ такой-то, и не такъ, какъ думаетъ другой, а такъ-то и такъ-то,—значило бы не сказать ровно ничего, а прибавить къ существующимъ уже мнѣніямъ еще одно новое.

Для меня такая задача кажется неблагоприятной. Къ Воронежскому съезду и къ событіямъ, предшествовавшимъ ему, пора отнестись съ безпристрастіемъ историка, а не сторонника той или другой партіи.

Понимаю хорошо, что я недостаточно подготовленъ къ чтобы выполнить задачу мою именно такъ, какъ я находилъ это нужнымъ.

Прежде чѣмъ взяться за такую задачу, мнѣ слѣдовало бы комититься съ существующимъ литературнымъ матеріаломъ, и своимъ отношеніемъ къ Воронежскому съѣзду. Можетъ быть, сменемъ я такъ и поступлю. Пока же я прошу моихъ читателей помнить, что я пишу только то, что осталось въ моей памяти о томъ.

Начну съ того, что познакомлю моихъ читателей съ той зрѣніемъ, съ которой я смотрю на эволюцію программы «Земля и Воля» къ программѣ «Народной Воли». Я думаю, что моя зрѣніемъ на социальныя явленія сдѣлалась общепризнанной въ логии и, мнѣ кажется, что она въ достаточной степени выдѣлена Марксомъ въ его «Историческихъ очеркахъ Германіи».

«Времена суевѣрія, приписывающаго революціи происхожденіе многихъ агитаторовъ, давно прошли. Теперь всякій знаетъ гдѣ есть революціонныя судороги, тамъ должна быть за ними и нибудь общественная потребность, удовлетворенію которой мѣшаютъ устарѣлыя учрежденія. Потребность эта можетъ ощущаться такъ сильно, не такъ повсемѣстно, чтобы обезпечить необходимый успѣхъ... Задачи—въ изученіи причинъ, обусловившихъ какъ прошлый взрывъ, такъ и его поражение, причинъ, къ которымъ нужно искать не въ случайныхъ поступкахъ, талантахъ, недостаткахъ, ошибкахъ или измѣнѣ нѣкоторыхъ вождей, а въ общесоциальномъ положеніи и бытовыхъ условіяхъ каждой изъ европейскихъ націй». Затѣмъ, мнѣ кажется далѣе, что въ 70-хъ годахъ состояніе Россіи было таково, что по отношенію къ ней слѣдуетъ думать, быть можетъ, правомъ можно сказать то, что сказалъ Марксъ въ томъ же самомъ трудѣ по поводу Германіи въ 40-хъ годахъ. «Развитіе условій существованія многочисленнаго, силъ концентрированнаго и сознательнаго класса пролетаріевъ въ Европѣ, рука объ руку съ развитіемъ условій существованія численнаго, таго, концентрированнаго и вліятельнаго средняго класса. Движеніе рабочаго класса никогда не принимаетъ исключительно буржуазнаго характера, пока различныя части среднихъ классовъ, и, въ частности наиболѣе прогрессивная доля ихъ, не завладеетъ политической власти и не передѣлаютъ государства сообразно своимъ потребностямъ». Всего этого въ 70-хъ годахъ въ Россіи не было, и нашъ капиталистъ вмѣстѣ со всѣми обывателями былъ въ томъ числѣ и съ пролетаріемъ находился въ полной опека крѣпостскаго абсолютизма.

Для полного выясненія моего взгляда на социальныя явленія, я думаю, самымъ нужнымъ сказать, что я не думаю, что высказанное Марксомъ о Германіи буквально должно повториться и въ Россіи. Не думаю, чтобъ эти подробности въ измѣненіи государственнаго строя непременно измѣнились бы въ направленіи специфическихъ потребностей капиталистическаго строя. Такъ это было на э

но такъ ли это будетъ и у насъ или, по меньшей мѣрѣ, въ такой ли степени,—это будетъ зависѣть отъ историческаго соотношенія социальнихъ силъ, съ одной стороны, у насъ и съ другой стороны—отъ соотношенія таковыхъ же силъ въ Европѣ, которое, несомнѣнно, при наличныхъ международныхъ отношеніяхъ отразится и у насъ. За это говоритъ, напр., хоть бы то, что Россія не пережила того болѣзненнаго процесса возникновенія капиталистическаго производства въ ней, каковой пережила Англія. Роды капитализма въ Россіи сравнительно съ родами капитализма въ Англіи прошли не такъ болѣзненно и гораздо быстрѣе.

Я буду смотрѣть съ этой точки зрѣнія на мои иллюстраціи пережитыхъ событій партіей «Земли и Воли» наканунѣ Воронежскаго съѣзда. Не заходя въ болѣе ранніе періоды революціоннаго настроенія выступившей на арену политической дѣятельности интеллигентной молодежи, я ограничусь тѣмъ, что при помощи иллюстрацій событій и настроенія представителей партіи «Земли и Воли» постараюсь познакомить съ тѣмъ, какъ и почему программа «Земли и Воли» эволюционировала въ программу «Народной Воли». Но предварительно я останавлиюсь вотъ на чемъ. Въ предисловіи къ «Исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи» Туна мой очень близкій въ то время по взглядамъ товарищъ Г. В. Плехановъ познакомилъ меня со взглядами на Воронежскій съѣздъ и событія, предшествующія ему, какъ своими, такъ и г. Серебрякова. Я разыскалъ потомъ и брошюру Серебрякова. Прочитавъ и то и другое, я пришелъ къ заключенію, что какъ Г. В. Плехановъ, такъ и Серебряковъ, первый защищающій деревенщиковъ, второй—горожанъ, взяли совершенно не соотвѣтствующія дѣйствительности подраздѣленія партіи «Земли и Воли». Насколько я помню, «Земля и Воля» предъ раздѣленіемъ на партіи «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла» не дѣлились ни на спеціалистовъ деревенщиковъ, ни на спеціалистовъ горожанъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто были наканунѣ раздѣла «Земли и Воли» А. Д. Михайловъ, М. Ф. Фроленко, Квятковскій, Желябовъ, Баранниковъ, Гартманъ, Богдановичъ, Соловьевъ и пр.? Я думаю, что всѣ эти революціонеры, только въ концѣ 78 года начавшіе появляться въ Петербургѣ, могутъ считать себя не въ меньшей степени деревенщиками, чѣмъ тѣ, кто составлялъ правую въ партіи «Земли и Воли»; явились они въ городъ не съ готовымъ намѣреніемъ покинуть деревню и посвятить себя дѣятельности городской, вступить изъ чувства мести въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, какъ это говоритъ Г. В. Плехановъ. Я не отрицаю, что чувство мести клочкотало въ груди революціонеровъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ у другихъ обывателей Россіи того времени. И это само собой понятно, потому что суровая рука правительства давила главнымъ образомъ на нихъ, людей, ставившихъ себѣ задачей реализовать свои идеалы въ жизни; но странно было бы думать, что только личная месть революціонеровъ могла толкнуть ихъ въ непосредственную борьбу съ правительствомъ и развить въ такой мѣрѣ ихъ дѣятельность, грандіозность которой, принявъ во вниманіе усло-

вія, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, никто не стану отрицать. Несомнѣнно значитъ, нужно допустить, что ихъ чувства мести къ правительству раздѣляли всѣ честно мыслящіе и политически развитые люди того времени, чѣмъ и объясняется то сочувствіе, которое революціонеры встрѣчали въ культурныхъ слояхъ общества. А тогда почему не сказать, что государственный режимъ уже и въ то время такъ былъ узокъ въ своихъ рамкахъ, что всѣхъ людей съ общественными стремленіями было ясно, что въ рамкахъ его никакая, не говоря ужъ политическая, но и социальная въ самыхъ простѣйшихъ формахъ дѣятельность, напр., обриваніе народа, не была возможна? Да и для однихъ ли политически развитыхъ людей такъ это казалось!

Ниже, возражая Г. П. Плеханову, по мнѣнію котораго, революціонеровъ толкнуло въ сторону отъ деревни то обстоятельство, крестьянство, къ которому явились они съ проповѣдью социализма, вырисовалось предъ ними, какъ представитель труда, который собственными производственными отношеніями толкался въ сторону отъ социализма, я скажу о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя и я вынесъ изъ столкновенья съ крестьянствомъ на этой почвѣ, а такъ и о впечатлѣніяхъ другихъ, предпринимавшихъ экскурсіи въ народъ. Сейчасъ же я покончу съ вопросомъ, кѣмъ были наканунѣ обриванія «Народной Воли» будущіе видные ея дѣятели. Я рѣшительно утверждаю, что большинство изъ нихъ смотрѣло на дѣятельность въ деревнѣ, какъ и всѣ знакомые съ деревней, и ясно представляли себѣ дѣятельность тамъ. Скорѣе, они увлеклись «непосредственной борьбой съ правительствомъ», благодаря своему боевому темпераменту и сознанію, что деревенская дѣятельность безъ грозной разрушительной организаціи въ центрахъ мало будетъ имѣть значенія. Въ то время всѣ представители партіи «Земли и Воли» ясно знавали, что вызвать революцію можно не организаціей въ слухъ народа, а, наоборотъ, сильной организаціей въ центрѣ можно вызвать революціонные элементы и организовать изъ нихъ революціонные очаги. Относительно А. Д. Михайлова читатели могутъ подтвердить сказаннаго мной въ автобіографіи самого Александра Дмитриевича. Я только прибавлю, что когда Александръ Дмитриевичъ возвратился изъ своихъ экскурсій въ область сектантовъ Саратовской губерніи, мнѣ пришлось быть въ то время въ Петербургѣ, и я собственными ушами слышалъ, съ какимъ энтузиазмомъ онъ говорилъ о благодарной дѣятельности въ этой области и возвратился онъ оттуда въ Петербургъ не съ цѣлью вступить въ «непосредственную борьбу съ правительствомъ» и чувства мести, а съ намѣреніемъ на вербовать себѣ товарищей для дѣятельности въ средѣ самого народа. И, если въ июлѣ 1878-го года онъ отказался съ болью въ сердцѣ отъ своихъ экскурсій, то только потому, что онъ понималъ ясно, что какъ бы онъ не достигъ результатовъ среди сектантовъ Поволжья, то же его организаціонныя работы въ средѣ этой представляли оторваннымъ ломтемъ и оставались бы таковыми до тѣхъ поръ,

пока не образовалась бы въ центрѣ могущественная боевая организация, способная непосредственно вступить въ борьбу съ правительствомъ не изъ чувства мести, а съ надеждой поколебать увѣренность правительства въ то, что единственное лѣчение революціонной судороги того времени кроется въ репрессіяхъ. О Баранниковѣ, Фроленко, Колодкевичѣ, В. Н. Фигнерѣ, Богдановичѣ и другихъ, мнѣ кажется, я имѣю основаніе сказать то же. Въ концѣ 78 года, послѣ убійства Мезенцева, мнѣ пришлось довольно долго прожить съ Баранниковымъ въ Воронежѣ, и въ этомъ отношеніи мнѣ вполне раздѣлялъ мнѣніе мое и Квятковскаго. Въ концѣ 79 года, где послѣ Воронежскаго съѣзда, когда предъ партіей «Земля и Воля» стоялъ вопросъ,—какъ быть съ либералами?—и когда Желябовъ, въ то время стоявшій за чисто политическую программу предлагалъ совершенно прекратить писать въ органѣ «Земля и Воля» объ аграрномъ вопросѣ, дабы не отпугивать либераловъ, которые относятся къ партіи «Земля и Воля» съ недоувѣріемъ и считаютъ представителей организациі «Земли и Воли» волками въ овечьей шкурѣ, Баранниковъ былъ противъ этого и предлагалъ мистифицировать либераловъ изданіемъ особаго листка отъ Исполнительнаго Комитета, программа котораго должна была быть только политической, продолжая изданіе газеты «Земля и Воля» по той же программѣ. Такимъ оставался Баранниковъ и до конца моей свободной жизни. Наканунѣ моего ареста я получилъ отъ Баранникова письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что усталъ отъ назначенной террористической дѣятельности, и что онъ желаетъ только одного, — поскорѣе покончить съ начатымъ уже дѣломъ. Онъ писалъ мнѣ,—только одно удерживаетъ меня здѣсь: не хочется оставить разъ начатое дѣло неоконченнымъ! Какъ только кончится (убійство Александра II-го) будетъ окончено, нужно будетъ вернуться за осуществленіе воронежскихъ поселеній). Въ такомъ же духѣ было и письмо Перовской ко мнѣ, переданное мнѣ въ Кіевѣ мѣсяцемъ иміромъ Жебуневымъ въ день моего ареста, съ которымъ я былъ арестованъ, и которое какимъ-то чудомъ осталось нетронутымъ въ моемъ карманѣ и было уничтожено мной, когда я уже былъ подъ замкомъ¹⁾. Съ Ширяевымъ я помню мой разговоръ въ Воронежѣ уже въ то время, когда я былъ въ этомъ городѣ, во время моихъ поѣздокъ по юго-востоку, когда въ качествѣ уполномоченнаго отъ партіи «Земли и Воли» имѣлъ порученіе созвать съѣздъ членовъ «Земли и Воли» на съѣздъ. Ширяевъ сказалъ мнѣ, что мнѣ самъ крестьянинъ и, конечно, будетъ стоять за то, чтобы программа «Земли и Воли» принципиально оставалась той же, какой она была до послѣдняго времени, и никогда не откажется отъ основныхъ положеній «Земли и Воли», хотя и находитъ нужнымъ рас-

¹⁾ Перовская писала изъ Курска и въ письмѣ сообщала адресъ гостиницы, гдѣ останавливалась, и представьте себѣ: полицейскій чинъ поѣздъ въ карманѣ и не изъ письма; я думаю—умышленно.

ширение дезорганизаторской дѣятельности, входящей въ программу «Земли и Воли» со времени ея основанія.

Каково было, вообще, общее настроеніе революціонеровъ въ это время, видно изъ слѣдующаго. Возвратившись въ Петербургъ по объѣзда вновь юго-восточныхъ губерній съ резолюціями, къ которымъ пришелъ Воронежскій съѣздъ, я, по пути на конкѣ въ Липовую, гдѣ была одна изъ нашихъ конспиративныхъ квартиръ, разминутся со Стефановичемъ, почему и узналъ, что онъ и Дейчъ возвратились изъ-за границы. Въ квартирѣ, куда я ѣхалъ, я засталъ только одну В. Н. Фигнеръ, сообщилъ ей, что встрѣтилъ Стефановича и спросилъ, что думаетъ Стефановичъ и Дейчъ о воронежскихъ резолюціяхъ. Вѣра Николаевна сказала мнѣ такъ: когда Тихомирновъ спросилъ Стефановича, что онъ скажетъ на то, если главныя средства партіи будутъ направлены на борьбу съ центральнымъ правительствомъ и прибавилъ, что Воронежскій съѣздъ пришелъ къ такому рѣшенію, то на это Стефановичъ отвѣтилъ Тихомирнову словами: «что же дѣлать, если таково общее настроеніе!» Крайне нужно было бы пережить то, что переживали въ этотъ моментъ землевольцы, чтобы судить о томъ, какое царило настроеніе среди нихъ.

Я лично принадлежалъ къ правой «Земли и Воли», не потому что я былъ противъ борьбы съ центральнымъ правительствомъ, потому, что лѣвая была сильнѣй, и мнѣ казалось, что она криво поворачиваетъ въ сторону чисто политической борьбы, и тѣмъ менѣе я принималъ дѣятельное участіе косвенно и непосредственно во всѣхъ террористическихъ актахъ, которые были совершены въ періодъ отъ конца 78 года вплоть до раздѣла партіи «Земли и Воли». И не подвернись Стефановичъ съ надеждами его на то, что въ Чигиринѣ вновь возможно будетъ организовать крестьянскую не прибѣгая къ мистификаціямъ съ царскими манифестами, вѣроятно, я остался бы и продолжалъ мою революціонную дѣятельность со старыми моими товарищами по революціонному дѣлу. Мнѣ не пришлось бы выйти изъ партіи, чтобы черезъ какой нибудь мѣсяцъ, полтора вновь войти въ нее. Предо мной, какъ будто это было всего вчера, стоятъ какъ живые, молчаливо, съ укоромъ на лицахъ ни то себѣ, ни то мнѣ подписавшіе вмѣстѣ со мной условія раздѣла партіи «Земли и Воли». Помню, какъ больно отозвались моему сердцу слова Тихомирова, — увы! такъ далеко теперь ушелъ шагъ отъ насъ, — «кто-кто, Родионычъ, а вы пожалѣете о раздѣлѣ!» Вѣдь всѣ мы остаемся тѣми же самими, что и были, и различаются только въ оцѣнкѣ настоящаго момента». И у меня едва повернулся языкъ сказать ему въ отвѣтъ: «разъ завертѣвшееся колесо въ одну сторону, трудно будетъ поворотить въ другую».

Наканунѣ Воронежскаго съѣзда я былъ ближе всѣхъ съ Козловскимъ; съ нимъ мы спали бокъ-о-бокъ въ одной телѣткѣ нашихъ скитаній по Воронежской губерніи съ конца іюня до 20 ноября 78 года и знали поэтому душу другъ друга, какъ будто гутъ узнать только люди съ одной завѣтной думой въ гол-

когда имъ остается одна возможность повѣрять свои мысли и чувства только другъ другу. Въ началѣ 78 года составила въ Петербургѣ поселенческая группа.

Квятковскому и мнѣ выпало на долю произвести рекогносцировку Воронежской губерніи, гдѣ предполагала эта группа поселиться. Послѣ попытки освободить Мышкина по пути въ централку, я, Квятковскій, Марія Николаевна (Ошанина), Баранниковъ и М. Ф. Фроленко собрались въ Воронежѣ. Купили мы въ Воронежѣ лошадь и, нагрузивъ телѣгу товаромъ, я и Квятковскій отправились сначала по направленію въ Нижнедѣвицкѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ поселились докторъ и 2 фельдшерицы: Наталья Николаевна Оловяникова и Геронимусъ.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на нашихъ походахъ и говорить подробно о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы переживали и вынесли изъ нашего скитанія съ ярмарки на ярмарку и изъ села въ село. Достаточно сказать, что мы нашли самымъ подходящимъ для цѣлей нашихъ Бобровскій уѣздъ, именно, рядъ селъ: Чесменку, Козочковку, Хрѣновое и др. Все это—имѣнія дворянскаго вѣдомства, между экономіями котораго и крестьянствомъ существовали такія обостренныя отношенія, о которыхъ мнѣ нигдѣ раньше ни слышать, ни видѣть не приходилось. Не малое значеніе въ обостреніи этихъ отношеній сыграло и то обстоятельство, что въ это время, какъ говорила молва,—не по своей доброй волѣ проживалъ въ Чесменкѣ Николай Николаевичъ старшій, а неподалеку отъ него, въ Козачковкѣ—Числова (актриса), и въ самый разгаръ полевыхъ работъ они занимались травлей волковъ, для облавъ на которыхъ сгонялись крестьяне, невзирая на то, что этимъ самымъ ихъ отрывали отъ полевыхъ работъ, работъ, не терпящихъ откладыванія.

Мы съ Квятковскимъ рѣшили, что Бобровскій уѣздъ—самое подходящее мѣсто для поселенія воронежской группы, и, отбывъ ярмарку въ Урюпинской станицѣ, въ концѣ октября направились въ Воронежѣ. Квятковскій довезъ меня до одной станціи, и я отправился по желѣзной дорогѣ въ Воронежѣ, а самъ онъ отправился въ село Копанице Коротоякскаго уѣзда, чтобъ тамъ оставить лошадь и товаръ у знакомаго намъ крестьянина Гукова. Мы отправились въ Воронежѣ, чтобъ познакомиться, по нашимъ предположеніямъ, уже собравшуюся въ Воронежѣ нашу группу. Но въ Воронежѣ насъ ожидало письмо отъ А. Д. Михайлова, въ которомъ онъ сообщилъ намъ о разгромѣ въ Петербургѣ и объ арестѣ многихъ членовъ изъ предполагаемой воронежской группы. Александръ Дмитріевичъ сообщилъ намъ, что онъ остался безъ всякихъ средствъ и почти одинъ, и предлагалъ немедленно продать все, что можно продать, и ѣхать въ Петербургъ. Приискавъ безопасное мѣсто для Баранникова въ одномъ имѣніи Харьковской губерніи, такъ какъ Александръ Дмитріевичъ рекомендовалъ позаботиться о его безопасности, мы съ Квятковскимъ стали обсуждать,—какъ намъ быть въ виду настоятельнаго требованія Александра Дмитріевича? Какъ

это ни было намъ горько, что наши планы о поселеніи ходится отложить и при томъ въ такой моментъ, который зался намъ такимъ благоприятнымъ, тѣмъ не менѣе мы ясно нимами, что пока Петербургъ, какъ центръ нашей организаціи не будетъ возстановленъ, наши усилія при всѣхъ надеждахъ на возможность организованнаго протеста среди крестьянъ противъ насилій и безобразій, которыя совершались мѣстной администраціей, чтобъ сдѣлать все возможное и даже невозможное для великодушной охоты, останутся отдѣльнымъ фактомъ и потому безрезультатнымъ. И мы, скрѣпя сердце рѣшили, что я отправлюсь въ Петербургъ. Но въ то же время у насъ было твердое намѣреніе не откладывая надолго планъ предполагаемаго поселенія въ Воронежской губерніи. Квятковскій, провожая меня въ Петербургъ, напутствовалъ меня совѣтами не поддаваться соблазнамъ деятельности въ Петербургѣ и какъ только дѣло мало-мальски начнется въ Петербургѣ, ѣхать обратно въ Воронежъ. Онъ же рѣшилъ оставаться въ Воронежѣ и уѣхать въ Петербургъ въ томъ только случаѣ, если я найду, что его пріѣздъ туда настоятельно необходимъ.

Пріѣхавши въ Петербургъ, я нашелъ, что за время отъ грома, который лишилъ насъ такихъ товарищей, какъ Александръ Михайловъ, Ольга Николаевна Натансонъ, Колѣнкина и другіе. До того времени, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, А. Д. Михайловъ настолько успѣлъ задѣлать бреши, причиненныя III-мъ отключеніемъ нашей организаціи и настолько обезпечилъ въ денежномъ отношеніи организацію, что чувствовался недостатокъ только въ руководящихъ людяхъ, чтобъ приступить къ организаціи новыхъ фактовъ, какъ отмщеніе шефу жандармовъ Дрентельна за погромъ, только что пережитый, и изыятіе особенно вредныхъ элементовъ, какъ напр. Рейнштейна. Всѣ единодушно рѣшили, что въ случаѣ направленія на первыхъ порахъ и предстоитъ дѣятельность. Я помню такую сцену. Нѣкто, остающійся въ живыхъ и по тому времени, нарисовалъ медвѣдя и вдали охотника, прицѣлившагося на него. Показывая свое произведеніе мнѣ, онъ спросилъ, что я маю на этотъ счетъ? Понимая вполнѣ содержаніе рисунка, я вѣтилъ ему, что тѣ впечатлѣнія, съ которыми я возвратился изъ моего путешествія по Воронежской губерніи за то, что центрѣ необходимо создать грозную боевую силу, если желаютъ всколыхнуть Россію. Мысль, высказанную мной, поддержалъ Тихомировъ, заявивъ, что и онъ съ тѣмъ же впечатлѣніемъ возвратился изъ провинціи. Пишу Квятковскому подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того, что я нашелъ въ Петербургѣ, и сообщаю, что нигде большая ощущается въ людяхъ. Пріѣзжаетъ Квятковскій. При всѣхъ случаяхъ нашихъ въ первые дни, онъ неоднократно, дѣлясь со мной своими мыслями, навѣянными Петербургомъ, говорилъ мнѣ, что это, несомнѣнно, необходимо, но на это можно найти людей и здѣсь, мы же должны помнить, что у насъ есть начатое дѣло, и мы должны бросить его.

На время, короткое въ обыкновенной жизни, но продолжительное въ переживаемое тогда нами время, когда въ Петербургѣ дѣяельность кипѣла ключомъ, и одни впечатлѣнія смѣнялись другими, мы разстались съ Квятковскимъ. Я уѣхалъ въ началѣ января, а во второй половинѣ марта я опять въ Петербургѣ и нахожу всѣхъ моихъ друзей, стремящихся по наклонной плоскости къ той дѣяельности, которая стала потомъ программой партіи «Народной Воли». И увя! Квятковскій, который такъ предупреждалъ меня не поддаваться соблазнамъ городской дѣяельности, самъ нуждался теперь въ совѣтахъ. Какъ разъ въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, въ тотъ же вечеръ, въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о покушеніи на убійство Александра II. Правая партія была противъ этого акта, я тоже былъ въ рядахъ правой по этому вопросу. Мнѣ казалось, что убійство Александра II будетъ политической ошибкой партіи, ибо Александръ II въ глазахъ народа—освободитель миллионовъ русскихъ крестьянъ отъ крѣпостного рабства. То же обстоятельство, что роль освободителя была навязана ему безвыходнымъ положеніемъ послѣ Крымской войны, а также и то, что царствованіе его отца и, подъ конецъ, сдѣлалось столь же реакціоннымъ, — то могло быть оправдательнымъ документомъ въ глазахъ историка, среднему же обывателю Россіи того времени всѣ эти тонкости оставались неизвѣстными. Кромѣ всего этого, среди правой партіи «Земли и Воли» ходилъ слухъ, что рѣшившійся взять на себя убійство Александра II былъ не кто другой, какъ Гольденбергъ, еврей по національности, и это еще болѣе подкрѣпляло меня и равную сторону въ томъ, что это будетъ роковой ошибкой «Земли и Воли». Совѣтъ по этому поводу былъ самымъ бурнымъ. Когда со стороны лѣвой было заявлено, что нѣкто просить до свѣденія организаціи «Земли и Воли» о своемъ рѣшеніи во что бы то стало пойти на убійство Александра II-го, и что онъ останется при этомъ своемъ рѣшеніи и въ томъ случаѣ, если организація выйдетъ противъ и откажетъ ему въ помощи въ этомъ дѣлѣ, то поднялась цѣлая буря. Помню, одна изъ дамъ подходила прочеюдно то къ правой, то къ лѣвой совѣта съ просьбой успокоиться и помнить, что можетъ услышать прислуга, у которой къ тому же сейчасъ въ гостяхъ дворникъ; все это мало успокаивало взволнованный совѣтъ. Особенно потеряли мѣру два друга, я и Квятковскій, очутившіеся въ этотъ разъ въ противоположныхъ лагеряхъ. Въ качествѣ праваго, заявилъ: «Гг., если среди насъ возможны раскозовы, то поручитесь ли вы, что завтра изъ среды нашей явится и Коммисаровъ со своимъ намѣреніемъ, не стѣсняйтесь тѣмъ, какъ отнесется къ его намѣренію наша организація?» Это Квятковскій съ такой же запальчивостью отвѣтилъ по моему адресу: «Если Коммисаровымъ будешь ты, то я и тебя заберу». Но какимъ бурнымъ это засѣданіе совѣта ни было, о раздѣлѣ и рѣчи въ это время еще не заходило. Чаше конфликты случались между редакторами «Земли и Воли», люди же дѣла, послѣ

столь бурнаго засѣданія, ясно сознавали, что въ единеніи наша сила, и въ тотъ же вечеръ въ ложѣ театра я, Квятковскій, Михайловъ, Зунделевичъ (другихъ не помню) вновь обсудили этотъ вопросъ. Здѣсь я узналъ, что этотъ нѣкто, рѣшившійся на столь важный фактъ, не еврей и что такъ или иначе, «Земля и Воли» не должна остаться въ сторонѣ въ этомъ дѣлѣ.

Я остановилъ вниманіе читателей «Былого» на этомъ фактѣ, чтобъ показать, какъ еще крѣпки были узы, связывающіе членовъ организаціи «Земли и Воли», что даже и такіе противоположные взгляды, какъ въ данномъ случаѣ взгляды на царевубійство, не могли раздѣломъ. Правда, этотъ острый конфликтъ по поводу мѣренія Соловьева ясно далъ понять всѣмъ необходимость общаго сѣзда землевольцевъ; но о раздѣлѣ въ это время никто не думалъ. Объясняется это не однимъ товариществомъ и довѣріемъ другъ къ другу членовъ организаціи «Земли и Воли»; но и тѣмъ, что теоретическіе взгляды большинства членовъ «Земли и Воли» немногимъ разнились. Всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большинство единодушно сознавали, что только сила грозная, импонирующая народу и культурному обществу, сила, способная непосредственно вступить въ борьбу съ правительствомъ, можетъ надѣяться востыгнуть недовольные, но пока инертные элементы, разсѣянные въ достаточномъ количествѣ въ Россіи. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, какимъ путемъ и какими средствами создать эту грозную боевую организацію. Начать ли съ конька государственнаго званія Россіи или постепенно подойти къ коньку. Конечно, было хорошо одними и тѣми же средствами стремиться къ этой цели и сверху и снизу, и это подсказывалось самой жизнью.

Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, за два дня до покушенія Соловьева, съ полномочіемъ созвать сѣздъ землевольцевъ въ одинъ изъ городовъ средней Россіи, то въ Козловѣ на вокзалѣ кондукторъ, пріѣхавшій изъ Ростова, держалъ къ толпѣ, окружившей и разбиравшейся въ двухъ событіяхъ дня, о которыхъ только телеграфъ принесъ извѣстія — о покушеніи на жизнь Государя бунтъ въ Ростовѣ-на-Дону—такую рѣчь: «когда,—говорилъ онъ,—революціонеры рѣшили убить царя, то они разослали по всѣмъ городамъ своимъ агентамъ приказъ разгромить полицейскіе участки, перебить все начальство и, если-бъ Соловьевъ убилъ государя, что произошло въ Ростовѣ, было бы вездѣ по Россіи; но Соловьевъ промахнулся, и потому изъ Петербурга былъ посланъ приказъ временно; но въ Ростовѣ, то ли не попало второе распоряженіе, то ли они забыли послать туда; въ Ростовѣ поэтому и произошло разгромъ полиціи. Несомнѣнно, это—созданіе народной фантазии, больше, ни меньше, тѣмъ не менѣе оно реально представляетъ программу, которая привела бы революціонеровъ къ побѣдѣ. И такая программа представлялась нашимъ умамъ ясно; но, вѣроятно въ то время не созрѣли еще ни силы, нужная для этого, ни средства. По крайней мѣрѣ, я, вмѣстѣ съ толпой, слушавшей эту фантазію кондуктора, сказалъ про себя: вотъ наша программа, уст

ондуктора провозглашенная. Открытымъ, слѣдовательно, вопросомъ было, — могли ли землевольцы выполнить такую программу или нѣтъ, и рѣшеніе его, конечно, обуславливалось наличностью накопленности революціоннаго чувства во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества; но что на этотъ вопросъ былъ лишь этотъ одинъ отвѣтъ, т. е., что только сильная и грозная боевая организція могла сколыхнуть матушку Русь и принудить правительство пойти на поступки, въ этомъ никто не сомнѣвался.

Теперь приступаю къ вопросу: только ли политически развитые люди, такъ называемая интеллигенція, находили тѣсными рамки бюрократическаго строя Россіи, или узость этихъ рамокъ, если не сознавалась, то чувствовалась и некультурнымъ обывателемъ Россіи. Правда ли то, что говорить Г. В. Плехановъ въ своемъ предисловіи къ Туну, т. е., будто бы революціонеровъ оттолкнуло отъ революціонной дѣятельности въ деревнѣ то, что предъ ними вырисовывалось крестьянство, какъ представитель труда, который его собственными производственными отношеніями толкался въ сторону социализма. Вотъ что приходилось слышать о насъ, революціонерахъ, въ некультурныхъ слояхъ Россіи. Сидимъ мы съ Львомъ Николаевичемъ Гартманомъ въ его квартирѣ въ Тамбовѣ и слышимъ за стѣной разговоръ сейчасъ возвратившихся съ молебна по поводу спасенія государя отъ руки убійцы хозяина квартиры Гартмана и его гостя. Гость возмущается злодѣйствомъ Соловьева и предлагаетъ самая суровая мѣры противъ революціонеровъ; хозяинъ же въ отвѣтъ на его возмущеніе говоритъ: «я тебѣ скажу, — нѣтъ ему безъ огня! Помнишь, вотъ этотъ нашъ, — вѣдь онъ изъ нашей губерніи, — который тоже стрѣлялъ въ государя, Каракозовъ... Ты слышалъ, — пришелъ къ нему въ тюрьму Муравьевъ и говоритъ ему: ты долженъ мнѣ сказать все, — знаешь, вѣдь я русской медвѣды! А тотъ ему въ отвѣтъ: я тоже, говоритъ, бѣлый медвѣдъ и сказалъ ему что-то. Что сказалъ, — не знаю и врать не буду, а только слыхалъ я, что когда Муравьевъ передалъ эти его слова государю, то государь на это вотъ что сказалъ Муравьеву: эту дайну ты долженъ унести съ собой въ могилу и тутъ же показывать му шелковый шнурокъ, т. е. понимай, молъ! Вотъ оно и выходить, — дѣло - то не такъ просто, братецъ ты мой! Намъ, темнымъ людямъ, многое невдомекъ, а образованные люди все это по писанному разбираютъ, и у нихъ все это какъ на ладони».

Или вотъ. Выѣхалъ я встрѣтить Фроленко въ Козловѣ, предполагая, что съѣздъ состоится не въ Тамбовѣ, какъ предполагалось, а въ Воронежѣ. Въ ожиданіи поѣзда на Воронежъ, мы зашли въ трактиръ напиться чаю. Въ трактирѣ сидитъ группа прасоловъ и ведутъ разговоры о нашемъ братѣ, революціонерѣ. Одинъ изъ нихъ резюмируетъ обмѣнъ ихъ мыслей такъ: мы смотримъ, братцы мои, на все, что кругомъ насъ дѣлается нашими темными глазами, и вѣдь они смотрятъ въ микроскопъ и то, что намъ кажется въ горошину, то имъ въ гору представляется. Если правду сказать, — неправды въ нашей матушкѣ Россіи много. А вотъ что я слышалъ

въ парикмахерской въ Кіевѣ, послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Телеграмму о взрывѣ принялъ сочувствующій революціонерамъ легионеръ и, конечно, тотчасъ же сообщилъ намъ. Я вышелъ на Крещатикъ въ ожиданіи телеграммъ, чтобъ видѣть, какое извѣстіе произведетъ впечатлѣніе на публику. Оказалось, что Сидякинъ задержалъ опубликованіе телеграммы, какъ самъ на судъ сказалъ онъ намъ, чтобъ установить тотъ фактъ, что революціонеры знали въ Кіевѣ о имѣющемъ быть взрывѣ, ибо до него дошли свѣдѣнія, что на одномъ изъ базаровъ города Кіева предполагалась демонстрація ¹⁾. Наскучивъ шататься по Крещатику въ ожиданіи телеграммъ и не желая мозолить собою глаза полиціи, которая, по моимъ наблюденіямъ, тоже была насторожена въ ожиданіи чего-то необычайнаго, я зашелъ въ парикмахерскую. Только что парикмахеръ принялся за мою голову, вскакиваетъ изъ сосѣдней комнаты какой-то господинъ съ телеграммой въ рукѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, знакомый парикмахера, и какъ громомъ поражаетъ публику: „взрывъ въ царскомъ дворцѣ!“ Сидѣвшій тутъ же какой-то полицейскій чинъ, вѣроятно, какъ и я, зашедшій къ парикмахеру въ ожиданіи телеграммъ, схватилъ со стола фуражку и помчался на улицу. Въ парикмахерской происходитъ обмѣнъ мнѣній по поводу необычайнаго событія. И вотъ что я слышу. «И что думать о нашемъ правительствѣ! Взрывъ подъ Москвой, теперь взрывъ въ дворцѣ, а тамъ завтра революція... Что же будетъ потомъ? рѣзня!.. Такъ же нельзя, правительство должно выслушать ихъ и обратить вниманіе на тѣ непорядки, на которые ему указываютъ. Вѣдь это не какіе-нибудь люди, это люди ученые! Зачѣмъ тогда не ученыя люди, вѣдь зачѣмъ же нибудь ихъ учать?»...

Мнѣ на это могутъ сказать, что это отдѣльные случаи. Можетъ быть, пока такихъ случаевъ было еще и немного, я хочу сказать только, что такіе разговоры вызывались, несомнѣнно, творцами фактовъ, какъ взрывъ, и эти разговоры, несомнѣнно, множились бы по мѣрѣ развитія дѣятельности въ этомъ родѣ,—другими словами, этими фактами русское общество революционизировало и мнѣ кажется, что я вправѣ думать, что, если-бъ наличныя силы людьми и средствами позволили народовольцамъ развить ихъ дѣятельность въ большихъ размѣрахъ, если-бъ предательство Годденберга и Дегаева не подорвало этихъ силъ, то тотъ переполохъ, который уже началъ проявляться среди состоятельныхъ классовъ (вѣдь извѣстно теперь, что послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ знатныя и богатые классы прятали и увозили свои драгоценности за границу) заставилъ бы уже и тогда потерявшееся правительство пойти на большія уступки, чѣмъ тѣ, на которыя оно уже было готово пойти въ диктаторство Лорисъ-Меликова даже и при той степени развитія революціонной дѣятельности въ этомъ направленіи, которой оно достигло въ этотъ моментъ. Что же касается крестьянства и дѣ-

¹⁾ Дѣйствительно, въ ожиданіи счастливаго исхода взрыва, готовилась демонстрація на такъ называемомъ Житнемъ базарѣ, имѣющая выяснить цѣль взрыва.

тельности революціонеровъ среди него, то мнѣ кажется, что крестьянство остается и теперь такимъ же, какимъ оно было и въ наше время; дѣятельность среди него съ тѣхъ поръ ни мало не измѣнилась—и разница только въ интенсивности революціоннаго чувства среди крестьянъ въ наше время и теперь. Если Г. В. Плехановъ правъ, и дѣйствительно крестьянство своими производственными отношеніями толкается совершенно не въ ту сторону, какую рекомендуетъ ему революціонеръ, то еще въ большей степени эти производственныя отношенія должны были бы толкать и теперь въ этомъ направленіи крестьянство. За эти почти 30 лѣтъ эти производственныя отношенія должны были выступить еще болѣе рѣзко, если имѣть въ виду, что за это время капиталистическое производство сравнительно далеко ушло. Правда, съ того времени умственный кругозоръ крестьянина сталъ шире, съ одной стороны, подъ влияніемъ измѣнившихся условій передвиженія,—пароходы и желѣзныя дороги, несомнѣнно, усилили социальное треніе,—а съ другой стороны, и народное образованіе съ умноженіемъ школъ сдѣлало прогрессъ. Но вѣдь новыя данныя народной жизни могутъ представлять плюсъ при моемъ взглядѣ на социальный прогрессъ, въ глазахъ же Г. В. Плеханова, какъ социаль-демократа, это скорѣй минусъ, чѣмъ плюсъ въ развитіи революціоннаго чувства среди крестьянства. Уже ли и въ наше время производственныя отношенія крестьянъ требуютъ повелительно отъ революціонеровъ пройти мимо крестьянства, невзирая на то, что крестьянство составляетъ 80% населенія Россіи? Отвѣчу на это нѣсколькими иллюстраціями отношеній крестьянства къ революціонерамъ нашего времени. Алексѣй Андреевичъ Емельяновъ, осужденный по дѣлу Казанской демонстраціи подъ именемъ Боголюбова вмѣстѣ съ Мозговымъ, и нынѣ здравствующимъ гдѣ-то въ Забайкальѣ, проживали въ деревнѣ Пески, Воронежской губерніи, Хоперскаго уѣзда. Имъ удалось въ такой степени достигнуть довѣрія среди крестьянъ, что, когда жандармы явились арестовать Мозгового, бывшаго въ Пескахъ волостнымъ писаремъ, то крестьяне съ колыями въ рукахъ окружили волостное правленіе, чтобъ не допустить ареста своего писаря, и Мозговой только потому былъ арестованъ, что не хотѣлъ самъ воспользоваться предложеніемъ крестьянъ увезти его, чѣмъ воспользовался Боголюбовъ. Вотъ что рассказывалъ мнѣ Алексѣй Андреевичъ о своей дѣятельности въ Пескахъ. Былъ онъ съ однимъ крестьяниномъ Семеномъ въ полѣ на работѣ. Нужно сказать, что это было приблизительно въ 74-мъ году, когда мы, юные революціонеры, думали, что и крестьяне такъ же легко могутъ разбираться въ сочиненіяхъ Лассалья и Прудона, какъ и мы, и потому не стѣснялись подкрѣплять свою пропаганду ссылками на Лассалья и Прудона. Мнѣ кажется, что иллюстраціей этого примѣра успѣха пропаганды среди крестьянъ, я дамъ возможность читателю представить себѣ, насколько крестьянство и въ то время способно было идти за людьми, сулящими ему исполненіе завѣтной мечты—доступиться матушки-земли. Изъ этой маленькой картинки читатель ясно увидитъ, что крестьяне

какимъ-то чутьемъ угадывали въ пропагандистахъ своихъ истинныхъ друзей. Проходятъ на Донъ крестьяне Пензенской губернии и заходятъ на поле къ Семену напиться воды. Семень честь-честь приглашаетъ присѣсть случайныхъ гостей, угощаетъ водой и начинаетъ держать къ нимъ такую рѣчь: «чи будете и куда Богъ ниспослетъ?»—Получивъ въ отвѣтъ, что гости его идутъ на Донъ на заработки, Семень спрашиваетъ: «Скажите мнѣ, будь у васъ земли волею, сколько вашей силушки хватить одолѣть ее кормилицу, пошли бы вы на край свѣта киселя хлебать?»—«Что говорить,—отвѣчаютъ гости,—кто отъ добра добра ищетъ? Самъ знаешь, братикъ мой, нужда всѣхъ насъ гонить,—вотъ кто». «А кто тому причиной?» спрашиваетъ вновь Семень,—скажи-ка мнѣ,—кто тому причиной, что у насъ земли нѣтъ? Не знаешь,—спѣшитъ съ отвѣтомъ на поставленный имъ же вопросъ Семень,—такъ слушай: царствіе, жадность, дворянствіе, поповствіе. А вотъ если бъ всѣхъ ихъ, асидовъ нашихъ, заласалить, запрудонить, дѣло бы то приняло другой оборотъ и не было бы у насъ на Руси, что у одного края, по горло, вонъ какъ у нашего барина, а у другихъ, прямо сказать, нѣтъ ничего. И я вотъ тоже все къ Господу вздыхалъ, а что имъ Господь, коли въ ихъ рукахъ сила,—да вотъ спасли люди открыли глаза,—указывая на Алексѣя Андреевича, сказалъ Семень. —И я тебѣ теперь прямо говорю, пока въ ихъ рукахъ власть, не видать крестьянству земли, какъ ушей своихъ».

То же самое было и въ Саратовской губерніи. И тамъ точно такъ же, когда, послѣ покушенія Соловьева, разслѣдованіе дѣла о немъ обнаружило, что Соловьевъ предъ этимъ былъ въ Вольскомъ уѣздѣ поселенцемъ вмѣстѣ съ другими, то революціонеры избѣгли арестовать только благодаря помощи крестьянъ. Подробности объ этомъ я слышалъ и отъ Богдановича въ Тамбовѣ и отъ Иванчина Писарева въ Петербургѣ, но за давностью лѣтъ забылъ. Но вотъ чего я самъ былъ свидѣтелемъ. Проѣздомъ чрезъ Тамбовъ я остановился у Довенко, у котораго проѣздомъ же былъ въ это время прокуроръ, произведшій слѣдствіе по этому дѣлу среди крестьянъ въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Прокуроръ этотъ передавалъ намъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ опроса крестьянъ. Не зная кто мы, онъ съ горечью въ сердцѣ говорилъ намъ, что никогда и не думая, не мысляхъ не допускалъ, чтобы революціонеры такъ глубоко пустили корни среди крестьянства. «Мы, жители города, ровно ничего не знаемъ, что дѣлается подъ нашимъ носомъ въ деревняхъ нашихъ,—говорилъ прокуроръ. Съ кѣмъ изъ крестьянъ мнѣ ни приходилось говорить и мужики, и бабы самаго лучшаго мнѣнія о нихъ. Особенно изъ осторожные отзывы я слышалъ объ одной фершалкѣ, какъ они называютъ. Эта фершалка, по ихъ словамъ, какая-то богородица. Увѣряю васъ,—говорилъ негодующе прокуроръ,—одинъ изъ ямщиковъ такъ-таки и сказалъ мнѣ: «что ужъ и говорить, баринъ, наша фершалка на рѣдкость. Ужъ истинно кого Господь захочетъ благословить на добрыя дѣла. Придешь это къ ней: ночь ливень, и какая тамъ ни будь погода,—ни тебѣ слова! Сѣла себѣ

поѣхала, а то и пѣши пошла. Просто сказать вамъ, баринъ, истинно святая душа!»—«Да знаешь ли ты, говорю я ему,—передаетъ намъ прокуроръ,— что это за люди? Вѣдь это враги Царя, враги закона». «А онъ себѣ, ровно это для него такіе пустяки, о которыхъ и говорить не стоитъ, отвѣчаетъ: насчетъ этого ничего вамъ, баринъ, не могу сказать. А что она вотъ какой человѣкъ, какъ я вамъ докладывалъ, это истинно такъ, какъ передъ Богомъ говорю».

Я могъ бы многое поразсказать объ этомъ и изъ моихъ личныхъ воспоминаній въ моихъ скитаніяхъ по Волгѣ вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ и по Воронежской губ. съ Квятковскимъ, и читатель увидѣлъ бы, что завоевать симпатіи крестьянъ въ такой мѣрѣ, чтобъ потомъ вести среди нихъ пропаганду совершенно откровенно, не составляло большого труда. Въ небольшое сравнительно время, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, мы съ Квятковскимъ пользовались такимъ довѣріемъ крестьянъ, что на ярмаркахъ насъ отыскивали. Ни одна баба не соглашалась при продажѣ своего холста, чтобъ купившій ея холстъ прасолъ самъ отбиралъ.—«Продать то я продамъ тебѣ,—говорила баба прасолу,— но отбирь пойдемъ къ Ликсандрѣ (Квятковскому), потому онъ ужъ отбиряетъ по-божески». И кулакъ волей-неволей уступалъ. Предъ нашей палаткой постоянно стояла вереница бабъ съ холстами и среди нихъ съ аршиномъ въ рукахъ Квятковскій. Въ деревнѣ Шестаково Бобровскаго уѣзда крестьяне предлагали намъ поселиться, обѣщали построить намъ лавку. Мнѣ казалось страннымъ, что люди мало-мальски скомпрометированные уѣзжали за границу и въ 79 году, на предложеніе Стефановича ѣхать за границу, я отговаривалъ, что если-бъ я, по какимъ-либо соображеніямъ нашелъ нужнымъ бросить дѣятельность въ городѣ, то вмѣсто того, чтобъ ѣхать за границу, поселился бы въ деревнѣ Воронежской губерніи и находился бы себя тамъ въ большей безопасности, чѣмъ за границей. Конечно, быть можетъ, это было увлеченіе, но только въ томъ смыслѣ, что едва ли я чувствовалъ бы себя удовлетвореннымъ въ моихъ культурныхъ запросахъ. Я думаю, что въ наше время крестьянство вовсе не было недоступно пропагандѣ, и вопросъ состоялъ совсѣмъ не въ томъ,—возможно ли крестьянство вызвать на протесты всякаго рода, а въ томъ, насколько создаваемые среди крестьянъ протесты соответствовали бы наличной подготовкѣ революціонной дѣятельности въ центрѣ. Другими словами, революціонныя организаціи въ центрахъ не были еще развиты въ такой мѣрѣ, чтобъ онѣ могли использовать въ своихъ цѣляхъ разсѣянные протесты среди крестьянской массы. Революціонера на первыхъ порахъ дѣйствительно поражало то, что крестьянство возлагало надежды на царя въ улучшеніи своей горькой доли, но не нужно было особеннаго ума, и достаточно было небольшого знакомства съ психологіей народа, чтобъ понять въ чемъ дѣло. Народъ не зналъ иной реальной политической силы, которая могла бы, если-бъ, конечно, хотѣла, осуществить завѣтныя мечты крестьянства насчетъ земли. И крестьянство въ то время заслуживало упрековъ не больше въ этомъ отношеніи, чѣмъ и всѣ остальные слои русскаго общества, не

исключая и культурныхъ и даже высокообразованныхъ слоевъ е Помню, когда Александръ II-й послѣ взятія Плевны возвращался театра войны, въ Петербургскомъ университетѣ по какому-то поводу происходили студенческія волненія, и профессоръ государственнаго права Градовскій совѣтовалъ студентамъ успокоиться, ибо,—сказалъ онъ,—говорять, государь возвращается съ войны, благодушномъ настроеніи и можно ожидать, что онъ дастъ конституцію. Или вотъ. Во время такъ называемыхъ контрактовъ въ Кіевѣ я отправился въ одинъ изъ ресторановъ, гдѣ обыкновенно въ это время проводило время дворянство, съѣхавшееся на контракты, чтобы прислушаться къ тому, что волнуетъ дворянство въ ожиданіи 25-лѣтняго юбилея восшествія на престолъ Александра II. Конечныя разговоры шли о милостяхъ, которыя, несомнѣнно, по мнѣнію государя, сѣдовавшаго за бутылкой дворянства, были бы, если-бъ не всѣ эти взрывы и убійства, которые совершаетъ недоучившаяся наша молодежь. Еще приведу одинъ случай изъ моей революціонной дѣятельности въ пользу того, что революціонеры конца 70-хъ годовъ были правы, думая, что только реальная творческая сила, вступившая въ борьбу съ правительствомъ, могла всколыхнуть Россію и внушить ей убѣжденіе, что пора перестать возлагать надежды на короля, бы то ни было и позаботиться о себѣ самимъ. Правда, этотъ случай изъ полонковъ русскаго общества, тѣмъ не менѣе онъ хорошо иллюстрируетъ мою мысль, которая была почти общей мыслью революціонеровъ конца 70-хъ годовъ. Сидѣлъ я въ Ростовѣ въ одномъ торговомъ заведеніи у моего знакомаго. Входитъ приказчикъ и докладываетъ хозяину, что у амбаровъ то ли пьяный, то ли больной человекъ. «Говорю ему, что лежишь здѣсь,—шелъ бы себѣ куда-нибудь. Молчишь, ничего не отвѣчаетъ». Выходимъ вмѣстѣ съ хозяиномъ въ амбарамъ. Дѣйствительно, у амбара одного лежитъ человекъ. «Чай, милый человекъ, лежишь здѣсь—болень что ли?» спрашиваетъ хозяинъ. «Чай, сами видите», отвѣчаетъ неизвѣстный. «Шелъ бы въ больницу, коли болень», говоритъ хозяинъ. Молчитъ. Хозяинъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ и больница есть, но пойдѣ туда, вылѣчай, потомъ посадятъ въ тюрьму и начнутъ мытарить по этой памяти. Вѣдь это босякъ. Возьми Василій его въ контору». Привели мы его въ контору, уложили и принялись лѣчить. У него былъ возвратный тифъ. Лѣчили мы его и вмѣстѣ съ тѣмъ читали ему революціонныя изданія: «Хитрую механику», «Сытые и голодные» и пр. Особенно понравилась ему «Понизовая вольница» Мордовцева. Нашъ знакомый оказался крестьяниномъ Петербургской губерніи Ямбургскаго уѣзда, звали его Алексѣй, а среди босяковъ Алешка. Алешка съ каждымъ днемъ проникался пропагандируемыми ему идеями социализма и къ выздоровленію онъ окончательно принялъ наше ученіе и сдѣлался самъ пропагандистомъ въ своей средѣ. Интересно то, что по какой-то непонятной намъ застенчивости или, быть можетъ, чтобы мы не мѣшали ему въ его своеобразной пропагандѣ, онъ въ присутствіи нашемъ никогда не заводилъ рѣчи съ босяками въ роли пропагандиста, но намъ было извѣстно, что онъ дѣятельно

работаетъ въ своей средѣ. Разъ только мнѣ удалось быть свидѣтелемъ его пропагандистской дѣятельности. Проходилъ я мимо одной харчевни и замѣтилъ собравшуюся толпу предъ харчевней. Среди толпы, стоявшей кругомъ, я замѣтилъ Алексѣя. Онъ съ обнаженной головой, наступивъ одной ногой на шапку, почему-то брошенную имъ на землю, декламируетъ изъ «Параднаго подъѣзда» Некрасова со своими собственными вставками: Волга, Волга, Донъ и Азовское море, весной многоводной вы не такъ заливаеете поля, какъ великой скорбью народной переполнена наша земля и пр., въ такомъ же родѣ съ своими прибавленіями. Меня заинтересовала эта сцена, я стою и молча слушаю. Кончилъ Алексѣй весь «Парадный подъѣздъ». Въ толпѣ раздалось: «Браво, браво Алеша! Вотъ куплетистъ, такъ куплетистъ!!»

«Дураки вы, дураки,—отвѣтилъ Алексѣй своей публикѣ, надѣвая на голову шапку.—Куплетистъ!.. Вамъ все театр! Раскусите своей башкой, что я вамъ сказалъ. «Не стая вороновъ слеталась на трупы тлѣющихъ костей,—удалыхъ шайка собиралась!»—закончилъ Алексѣй словами Пушкина, взятыми Алексѣемъ изъ извѣстной книги Флеровскаго, поставленными авторомъ въ видѣ эпиграфа. Молча вышелъ изъ круга и пошелъ по направленію къ угольному складу, гдѣ онъ проживалъ въ качествѣ разгрузчика вагоновъ съ углемъ. Я остался въ толпѣ наблюдать впечатлѣніе, произведенное на нее своеобразной пропагандой Алексѣя. Толпа угрюмо и молча стояла ни то, не оправившись отъ суроваго упрека Алексѣя, брошеннаго ей, ни то, по совѣту Алексѣя, она задумалась надъ словами поэмы Некрасова. Послѣ этого случая я рѣшилъ воспользоваться Алексѣемъ, чтобъ съ помощью его проникнуть въ среду босой команды, какъ ее называли въ Ростовѣ, и не разъ просилъ его собрать ночью босяковъ въ амбарѣ склада, но Алексѣй на мои просьбы отвѣчалъ: «да они, Родіонычъ, никуда не годятся, какъ только что, слизать, что плохо лежитъ. Пропашій это народъ,—не совѣтую вамъ съ ними возиться. А понадобится они намъ, я отвѣчаю вамъ головой,—они будутъ съ нами. Зимой по полушубку и рюмкѣ водки и они пойдутъ, куда мы ихъ поведемъ». Конечно, я не мирился съ такими средствами воздѣйствія, предлагаемыми Алексѣемъ, и въ этомъ смыслѣ возражалъ ему. Въ концѣ концовъ и онъ задумался надъ этимъ вопросомъ и однажды сказалъ мнѣ: «Вотъ что я вамъ скажу, Родіонычъ. Смотрите, какъ ваши босяки, ровно на барина, работаютъ Борискѣ (еврей, содержавшій притонъ): воду ему носятъ, краденный уголь ему несутъ и все это они дѣлаютъ только за ночлеги. Я видѣлъ въ вашей компаніи есть старичекъ еврей, откройте притонъ, и босяки въ вашихъ рукахъ. Только я вамъ прямо говорю,—даромъ въ притонъ не пускайте. Три коп. и никакихъ, а то они васъ заберутъ въ руки, а не вы ихъ. Довольно будетъ и того, что вы будете поступать съ ними по-человѣчески и во время болѣзни не выбросите ихъ на дворъ, какъ Бориска». Наконецъ, Алексѣй уступилъ моимъ настояніямъ и собралъ челоуѣкъ 10 босяковъ въ одну ночь въ амбарѣ. Начались у

насъ разговоры. Алексѣй сидѣлъ въ сторонѣ и не принималъ участія въ бесѣдахъ. Остальные слушали меня и поддакивали. Встае Алексѣй, подходит къ одному и говорить: «слушай, что я ска тебе Марко. «У Родіоновича сейчасъ въ карманѣ 200 р. денегъ вѣрно тебѣ сказываю,—нука попадись онъ тебѣ, гдѣ-нибудь Темерникѣ (глухое тогда предмѣстье) или на Богатомъ (тоже), ка бы ты заговорилъ тамъ? Правду только говори, вѣдь меня не обиди!» Аудиторія переглянулась, Марко сконфузился и сказа «что ты Алешка, Богъ съ тобой!»—«Богъ то Богъ, а только вот что, Радіоновичъ: дайте имъ по 3 коп.,—пускай они идутъ своему Борискѣ и больше сюда не приходятъ». Этимъ и кончил мой опытъ съ босяками. Я сталъ замѣчать, что Алексѣй смотрит на насъ, какъ на представителей силы, гдѣ-то стоящей за насъ спиной. Изъ разговора между нами, революціонерами, онъ узналъ, что люди подобные намъ есть и въ Харьковѣ, и въ Саратовѣ, въ Петербургѣ и, можетъ быть, по всей Россіи. Словомъ, мы представлялись ему какой-то таинственной силой, которую ему пока не удастся учесть. Не составивъ себѣ понятія объ этой таинственной для него силѣ здѣсь, въ Ростовѣ, онъ проситъ меня отправить его въ Саратовъ или вообще куда-нибудь на Волгу. Снабдивъ его паспортомъ, я отправилъ его въ Царицынъ, гдѣ были тоже революціонеры. Недѣли три пробылъ онъ тамъ, затѣмъ попалъ оттуда въ Саратовъ, и въ одинъ день возвращается въ Ростовъ. Приходитъ ко мнѣ подъ хмелькомъ, отчего онъ воздерживался со стороны моего нашего знакомства. Спрашиваю о томъ, какъ ему понравилась тамъ, на Волгѣ. «Да, что, Родіонычъ, и тамъ все одни слова дѣла никакого. Я прямо вамъ скажу, Родіонычъ, хорошіе вы люди и я полюбилъ васъ всей душой, но скажу вамъ, если и вездѣ такъ какъ здѣсь и тамъ, гдѣ я былъ, то все же дѣло не выгоритъ». Отвѣчаю ему, что такія дѣла скоро не дѣлаются, что нужна для этого дѣла продолжительная подготовка и пр. Возразить онъ мнѣ не умѣетъ, но глаза его ясно говорили мнѣ, что все сказанное мною его не убѣждаетъ. Самымъ откровеннымъ образомъ онъ въ разговорѣ сказавъ послѣ извѣстной расправы Трепова съ Боголюбовымъ Домѣ Предварительнаго Заключенія. По пути въ квартиру, гдѣ жили Булановъ и другіе, пріѣхавшіе изъ Петербурга въ Ростовъ, чтобы преобразившись здѣсь, отправиться черезъ Калачъ на Волгу, я захватилъ газету, въ которой сообщалось объ этой расправѣ. Не нужды говорить, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на насъ это насиліе надъ личностью товарища. Мы прочли и угнетенные новостью молчали. Былъ при этомъ и Алексѣй, на котораго это насиліе тоже произвело тяжелое впечатлѣніе. Вотъ что онъ тутъ сказавъ мнѣ. «И что вы будете дѣлать, Родіоновичъ, послѣ этого? Какой вашъ отвѣтъ будетъ?» Я не нашелся, что сказать ему и это и молчалъ. «А я вотъ что скажу. Моя жизнь,—грошъ ей цѣны, а и мнѣ жаль бросить ее ни за что!» затѣмъ попрощался и ушелъ. Послѣ этого я его долго не видѣлъ; но, проходя разъ по набережной Дона, я увидѣлъ Алексѣя въ числѣ разгрузчиковъ баржи, л

озвалъ и спросилъ, что онъ не заходитъ ко мнѣ. «Вы знаете, я васъ люблю и уважаю, но, право, дѣлать мнѣ у васъ нечего. Подумайте еще, что хожу къ вамъ, чтобъ получить пятакъ». Два дня спустя послѣ этого онъ зашелъ ко мнѣ, убѣждалъ меня бросить это дѣло, говорилъ, что ему просто больно думать, что меня сажаютъ въ тюрьму. «Вы все говорите: народъ, народъ, а я вамъ скажу: народъ вашъ такой, что коли ему дадутъ, онъ возьметъ, а много его съ мѣста не сдвинешь». Это было послѣднее наше свиданіе. Онъ попросилъ у меня на память „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ Флеровскаго и паспортъ, и съ тѣхъ поръ мы не встрѣались.

Прошу читателя извинить меня, что я такъ долго остановился на исторіи моего знакомства съ Алексѣемъ. Эта встрѣча съ Алексѣемъ оказала громадное значеніе на рѣшеніе мной вопроса, что дѣлать. Она укрѣпила во мнѣ то убѣжденіе, что только за силой, способной вступить въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, пойдетъ нашъ русскій народъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду наше время, время 70-хъ годовъ. Если всѣмъ тѣмъ, что я о нихъ порѣ сказалъ, я достигъ того, что желалъ, то читатель долженъ придти къ заключенію, что никакихъ ни горожанъ, ни ревенщиковъ въ дѣйствительности не было. И если-бъ у меня спросили, — много ли наканунѣ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ было среди членовъ «Земли и Воли» людей, которые призывали лишь только политическую борьбу, и обратно — много ли было людей, которые относились отрицательно къ террористическимъ актамъ, совершеннымъ до покушенія Соловьева на жизнь Александра II-го, то я затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ, но разница во взглядахъ сказывалась скорѣе, по крайней мѣрѣ, среди большинства членовъ «Земли и Воли» не въ теоретическихъ взглядахъ, а въ практической программѣ дѣятельности. Было ясно имѣть, что средствъ и людей было слишкомъ мало, чтобъ можно было вести борьбу на два фронта, — въ одно и то же время и съ правительствомъ вверху, и вести къ протесту крестьянство внизу. Я просилъ, за какое дѣло приняться въ первую голову, — былъ вопросъ по которому мнѣнія членовъ «Земли и Воли» разнились. Они стояли за то, что нужно въ первую очередь поставить на прочную ногу борьбу съ центральнымъ правительствомъ. Другіе за то, что начатое Соловьевымъ дѣло нужно привести къ концу. Наконецъ, третьи за то, что нужно, путемъ аграрнаго террора и особенно мести губернаторамъ за экзекуціи, чинимыя ими среди крестьянства, популяризировать себя въ крестьянскихъ массахъ.

Мнѣ теперь остается очертить внѣшніе контуры Воронежскаго съѣзда. Сначала я избралъ мѣстомъ съѣзда землевольцевъ Тамбовъ, предмѣстїи котораго, въ одномъ уединенномъ мѣстѣ, куда можно было ѣхать по рѣкѣ Цнѣ, и предполагались засѣданія съѣзда. Въ Тамбовѣ уже были: Вѣра Николаевна Фигнеръ, Титычъ (Титенко), Іосифъ Васильевичъ (Аптекманъ), Хотинскій, Девель. Изъ Воронежа и Саратова должны были пріѣхать: Сергѣичъ (Хоризо-

меновъ), Юристъ (Преображенскій), Щедринъ, Прѣсняковъ. Мы изъ Саратова не могли прїѣхать, такъ какъ имъ нельзя было сѣсть мѣста, и поручили свои голоса мнѣ и Юристу. Но съѣздъ Тамбовѣ не состоялся по слѣдующимъ независящимъ обстоятельствамъ. Находившіеся лѣтомъ въ Тамбовѣ землевольцы для мнѣна мыслей по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію на съѣздѣ, собирались въ томъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ предполагались и засѣданія съѣзда. Отправляясь однажды на двухъ лодкахъ по Цнѣ въ это мѣсто, мы не приняли во вниманіе, что по дорогѣ туда рѣкѣ Цнѣ есть загородное мѣсто для прогулокъ тамбовцевъ, и у насъ возникла Елена Николаевна Фигнеръ (теперь Сажина) слѣтъ намъ «новый потокъ», который она очень хорошо пѣла. Она начала пѣть своимъ пѣніемъ вызвала на берегъ Цны гуляющихъ тамбовцевъ, которые и провожали наши лодки по берегу Цны. Эти невѣдомыя откуда взяшіеся въ Тамбовѣ люди вмѣстѣ съ пѣвицей и привлекли и вниманіе полиціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что на возвращеніи по пути полиція насъ прослѣдила и къ нѣкоторымъ изъ насъ, человѣкамъ тремъ, явилась и потребовала паспорта. Паспорта, конечно, были подложные, и обладателямъ ихъ пришлось на другой день выѣхать, оставивъ паспорта полиціи. Значить, Тамбовъ былъ скомпрометированъ какъ мѣсто съѣзда.

Я съ Вѣрой Николаевной отправились въ Воронежъ и, облюбовавъ два уединенныхъ предмѣстья въ Воронежѣ, извѣстныхъ раньше мнѣ, дали знать о перемѣнѣ мѣста съѣзда въ Петербургъ. Перемѣна мѣста имѣла лишь то неудобство, что мнѣ пришлось провести два дня въ Козловѣ, гдѣ я встрѣчалъ проѣзжавшихъ на съѣздъ землевольцевъ и снабжалъ ихъ адресами бюро съѣзда въ Воронежѣ. Къ вышеперечисленнымъ лицамъ, переѣхавшимъ въ Тамбова въ Воронежъ, присоединились: А. Д. Михайловъ, Фроленко, Плехановъ, Тихомировъ, Желябовъ, Ширяевъ, М. Н. Ошанинъ, Ранниковъ, Перовская, Морозовъ, Квятковскій, Колоткевичъ, Ковалевъ, Сергѣева. Не ручаюсь, что я перечислилъ всѣхъ съѣхавшихъ на Воронежскій съѣздъ членовъ организациі «Земли и Воли»; ошибка не превышаетъ 2—3-хъ человѣкъ. Почти каждый изъ присутствующихъ голосовалъ по порученію за отсутствующаго, нѣкоторые имѣли въ своемъ распоряженіи и по два—три голоса. Всѣхъ засѣданій съѣзда было четыре: два засѣданія имѣли мѣсто въ одномъ изъ уединенныхъ мѣстъ ботаническаго сада и два — по рѣкѣ Воронежѣ близъ водяной мельницы. Предсѣдатель съѣзда былъ избранъ Титычъ; онъ формулировалъ и постановлялъ резолюціи съѣзда. Прежде всего приступили къ пересмотру программы, первая и была прочитана по параграфамъ; предлагаемая поправка къ тому или другому параграфу обсуждалась и, по выслушаніи проработавъ по тому или другому параграфу, вопросъ объ измѣненіи параграфа ставился на голоса. Основные положенія программы «Земли и Воли» остались неизмѣнными. Революціонная дѣятельность по-прежнему должна имѣть основою интересы народа. Экономическая революція — цѣль этой дѣятельности. Къ параграфу о дѣятельности среди

дѣяательства, которая раньше съѣзда опредѣлялась такъ: «вызывать протесты въ народѣ, на почвѣ мѣстныхъ нуждъ, и вообще пользоваться всякимъ возможнымъ случаемъ, чтобъ вызывать крестьянъ на протесты», на съѣздѣ было сдѣлано добавленіе: признавалась обходимой и своевременной организація въ деревнѣ аграрнаго террора и мести правительственнымъ агентамъ на мѣстахъ за экзекуціи, совершаемыя ими надъ крестьянами.

Вторымъ вопросомъ на съѣздѣ былъ вопросъ о политическомъ террорѣ. Параграфъ программы «Земли и Воли» о такъ называемой дезорганизаторской дѣятельности, которая раньше опредѣлялась такъ: «устранять всѣхъ правительственныхъ агентовъ, вредныхъ дѣятельности организаціи», былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что устраненію подлежатъ тѣ высшіе агенты правительства, которые опредѣляются внутренней политикой Россіи. Затѣмъ постановленъ былъ вопросъ о начатомъ уже дѣлѣ, т. е. объ убійствѣ Александра II-го, который и былъ рѣшенъ большинствомъ въ положительномъ смыслѣ. Въ принципѣ же вопросъ о цареубійствѣ остался открытымъ, и рѣшеніе его предоставлялось слѣдующему очередному съѣзду. Что касается органа «Земли и Воли», то было постановлено, что газета «Земля и Воля» сохраняетъ то направленіе, которое выражено въ исправленной и дополненной программѣ съѣзда. Изъ прежняго состава редакціи «Земли и Воли» редакціи оставались два: Тихомировъ и Морозовъ, и къ нимъ выданы третьяго Титыча; администрація выбрана была изъ трехъ лицъ: редактора совѣта Титыча, Фроленко и Михайлова. Закончился конгрессъ тѣмъ, что рѣшено было тратить на террористическую дѣятельность не больше $\frac{1}{3}$ имѣющихся денежныхъ средствъ, остальные $\frac{2}{3}$ предназначались для деревенской дѣятельности. Такъ называемая мной лѣвая фракція «Земли и Воли», извѣстная потомъ подъ именемъ террористовъ, рассчитывая на то, что въ деревнѣ пока нѣтъ дѣла, которое требовало бы большихъ денежныхъ средствъ, надеялась на такое распредѣленіе средствъ, въ надеждѣ на то, что не будутъ же тратиться деньги, ассигнованныя на дѣятельность среди крестьянъ, если этой дѣятельности не будетъ. Ихъ расчеты, вѣроятно, и оправдались бы, ибо дѣйствительно, дѣятельность въ деревнѣ нужно было еще организовать, для чего прежде всего нужны люди, а люди,—даже и тѣ, которые стояли за дѣятельность въ народѣ, но которые вмѣстѣ стояли и за то, чтобъ данное дѣло было приведено къ концу и, слѣдовательно, до окончанія его были заняты — не могли заняться организаціей дѣятельности въ народѣ; но неожиданно являются изъ-за границы Степановичъ и Дейчъ, которые говорили, что у нихъ есть основательная надежда на то, что въ Чигиринѣ возможна вновь организація дѣяательства, и что крестьянство тамъ настроено революціонно. Степановичи, ясно сознавшіе, въ томъ числѣ и я, вашъ покорный слуга, что, чтобъ остановить революціонные элементы на пути къ осуществленію политической дѣятельности, нужно создать какое-нибудь другое дѣло въ крестьянствѣ, ухватились за эти надежды. Это

и было поводомъ къ конфликту между народниками и терстами, который и привелъ къ расколу «Земли и Воли» на партіи. Такимъ образомъ, общество «Земли и Воли» и печатный его органъ перестали существовать; ни одна изъ двухъ образовавшихся партій не имѣетъ права присваивать себѣ названія «Земли и Воли»; матеріальныя средства дѣлятся пополамъ. Обѣ партіи обязуются оказывать одна другой всевозможную поддержку и взаимную помощь. Такимъ образомъ, являются въ Россіи двѣ партіи: «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ».

Настроеніе съѣзда было самое мирное: какъ правая, такъ и лѣвая съѣхавшихся членовъ организаціи «Земли и Воли» ясно выражали желаніе не доводить дѣло до раскола, отчасти въ силу вѣрныя другъ къ другу, товарищескихъ привязанностей, но большею частью потому, что такое настроеніе вытекало изъ сознанія обѣихъ сторонъ, что такъ-го легко создать такую организацію, какой была «Народная Воля»,—единственная въ то время революціонная организація, которая пользовалась авторитетомъ въ широкихъ кругахъ не только революціонеровъ, но за дѣятельностью которой слѣдило съ неслыханнымъ интересомъ все культурное русское общество. До какой степени въ каждомъ изъ съѣхавшихся на съѣздъ господствовало сознательное желаніе обойти возможность раскола общества, это говорить то, что каждый старался сдерживаться и, если кто-нибудь или другой ораторъ выходилъ изъ подъ своего собственнаго контроля и начиналъ незамѣтно для себя самого увлекаться, сейчасъ же кто-нибудь изъ близкихъ друзей напоминалъ ему объ этомъ, и при общей помощи успокаивалъ оратора. Помню, когда Желябовъ сталъ развивать программу политической борьбы, какъ единственной, соответствующей переживаемому Россіей моменту, я возразилъ ему, что свести всю дѣятельность нашей организаціи на политическую борьбу легко, но едва ли такъ же легко будетъ указать на дѣла, дальше котораго идти социалистамъ невозможно.

Но едва Желябовъ, чтобъ отвѣтить мнѣ, успѣлъ сказать: «не нами міръ начался, не нами и кончится», какъ вмѣшался Яковъ Ленко и сказалъ: «По-моему, и ты, Андрей, и ты, Родіонычъ, вы говорите ерунду, не имѣющую отношенія къ дѣлу. Предъ нами вопросъ,—какъ быть съ начатымъ разъ дѣломъ, и этотъ вопросъ мы и должны рѣшать,—а какъ будетъ потомъ, намъ скажетъ будущее».

Точно также при выборѣ лицъ въ администрацію, когда кто предложилъ Юриста (Преображенскаго), Михайловъ вскипалъ и сказалъ: «ну ужъ нѣтъ, кого хотите, но только не Юристъ! Это заядлый народникъ!» Сейчасъ же вмѣшалась Марія Николаевна и замѣтила своему другу: «Ахъ, дворникъ! Какъ вы господствуете собой! Вы даже забыли то, что о присутствующихъ не говорятъ; не говоря ужъ о томъ, что не всѣ же такого мнѣнія о Юристѣ, какъ вы». Кратко, на съѣздѣ царило общее желаніе не раздѣляться.

М. Поповъ.

Къ процессу П. Л. Лаврова.

27 августа 1866 г. по высочайшему повелѣнію былъ преданъ военному суду членъ конференціи и преподаватель математическихъ наукъ Михайловской артиллерійской академіи полковникъ Лавровъ за храненіе у себя сочиненій преступнаго содержанія и по обвиненію „въ содѣйствіи и близкихъ сношеніяхъ съ людьми, извѣстными правительству своимъ преступнымъ направленіемъ“.

Соціалистическая дѣятельность Лаврова, какъ русскаго эмигранта, представляетъ большой интересъ. Поэтому любопытенъ и первый о немъ политическій процессъ. Ниже приводятся свѣдѣнія объ этомъ процессѣ, самыя болѣе важныя, что о дѣлѣ Лаврова правительство не опубликовало ни строки, почему о немъ вовсе не упоминается и въ сборникъ В. Богучарскаго „Государственныя преступленія въ Россіи“ (въ I-мъ томѣ).

Обративъ на себя вниманіе полиціи своею политическою неблагонадѣжностью, Лавровъ, наконецъ, дождался обыска, при которомъ у него была обнаружена нелегальная литература и письма, доказывавшія его сношенія съ извѣстными политическими дѣятелями, какъ то: съ профессоромъ Павловымъ, Чернышевскимъ, Утинымъ, Альбертини. Обыскъ доказалъ, что Лавровъ занимался сборомъ денегъ въ пользу Павлова и, состоявъ членомъ литературныхъ органовъ, старался проводить въ печати статьи тенденціозной окраски; между прочимъ, книгопродавцу Тиблебену Лавровъ писалъ, что „можно сначала приняться за выпускъ невинныхъ вещей, а затѣмъ, затаивъ издателей и приучивъ наблюдателей, въ извѣстныя пустить вещи посерьезнѣе“.

Въ числѣ рукописей у Лаврова было найдено нѣсколько стихотвореній его собственнаго сочиненія. Въ стихотвореніи „Пророчество“, написанномъ 1852 годомъ, изображалось угнетеніе народовъ монархическою властью до тѣхъ поръ, пока она не была потрясена бурей — французской революціей; но „напитокъ равенства былъ тогда еще хмѣленъ и дѣтей“, и міръ задремалъ, а деспотизмъ царей возобновился, пока Лавровъ „кличъ свободы не пронесся отъ береговъ Сены, и монархи для миренія разгнѣванныхъ народовъ не стали бросать имъ права“. Подъ влияніемъ проклятій „свободы хищникамъ, Европы королямъ“, Лавровъ далѣе обращается къ русскому царю:

„Не вѣченъ будетъ сонъ, настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
И вырастетъ тогда общественное мнѣнье,

Признаетъ русскій царь народныя права.
Молись, чтобы тогда не выстрадали внуки,
За все величіе, за всё твои дѣла!
Молись, чтобы безъ слезъ, безъ крови и безъ муки
Освобожденія минута перешла.
Молись, чтобы лучъ одинъ теперешней святыни
Въ печальный часъ твоихъ потомковъ осѣнилъ,
Чтобы грѣхи отца не наказались въ сынѣ,
Молись, чтобы тебя народъ твой не забылъ“.

Слѣдующее стихотвореніе „Русскому царю“ было написано Лавровъ въ апрѣлѣ 1854 г. Здѣсь онъ, между прочимъ, указываетъ, что воокр царя

„Клеймихели, Орловы,—

Временщиковъ надменный строй“,

и совѣтуетъ съ особою разборчивостью избирать себѣ приближенныя выражаясь:

„Но помни, русскій царь, ты нашей силой крѣпокъ,
Величьемъ нашимъ ты великъ.
Безъ русской доблести престолъ твой—груда щепокъ.
Народовъ мощь—есть мощь владыкъ!“

Въ стихотвореніи „Русскому народу“, написанномъ въ ноябрѣ 1854 г. Лавровъ выражалъ мысль, что императоръ Николай I, принявъ на себя обязанность думать за всѣхъ и царствуя самовластно, усыпилъ чреду духовныя силы и энергію русскаго народа и допустилъ злоупотребленія и безпорядки по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, и выразилось въ неудачахъ Крымской кампаніи. Дѣлая обращеніе къ Россіи, Лавровъ писалъ:

„Проснись, мой край родной, изъѣданный ворами,
Подавленный рабствомъ.
Позорно скованный безумными властями!
Шпіонствомъ, ханжествомъ!
Давно гнетутъ тебя наследники Батяя,
Нѣтъ права для тебя!
Проснись, проснись, возстань, несчастная Россія,
Твой Богъ зоветъ тебя!
Встань, ты предъ идоломъ колѣна преклоняешь,
Внимаешь духу лжи.
Свободный, вѣчный духъ ты рабствомъ оскверняешь.
Оковы развяжи!
Предъ трономъ деспота, безъ криковъ и проклятій,
Предстань судьей, народы!
За славу русскую, за кровь всѣхъ падшихъ братій
Пусть онъ дастъ отчетъ.
Скажи ему: не Богъ вознесъ тебя надъ нами,
Твой тронъ—не Божій тронъ!
Не онъ насъ осудилъ твоими быть рабами.
Рабство не есть законъ!“...

Въ стихотвореніи „Новому царю“ Лавровъ осуждаетъ большія затраты на коронацію и говоритъ:

„И судъ тотъ перейдетъ къ сынамъ другого вѣка,
И правнуки его въ исторіи прочтуть.
Для нихъ пари земли—служители народа,
Для нихъ короны блескъ—лишь отраженный свѣтъ,
Для нихъ не святъ престоль—одна свята свобода,
И кромѣ истины другихъ законовъ нѣтъ.
И говорятъ они: твой пиръ есть расхищенье
Народнаго труда, народныхъ свѣжихъ силъ.
Россіи собственность—твой всѣ помышленья,
И въ пышныхъ торжествахъ ты долгъ царя забылъ“.

По поводу всѣхъ этихъ стихотвореній Лавровъ объяснилъ, что они писаны подъ влияніемъ того общаго неудовольствія и того раздраженія, которыми царствовали въ концѣ николаевского времени. Читалъ же свои стихи жонѣ, сестрѣ и друзьямъ. Какъ всякое стихотвореніе, они выражали то субъективное настроеніе, отнюдь не являясь публицистическими проповѣдями.

Въ прозаической статьѣ „Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи“, найденной у Лаврова, авторъ осуждалъ все государственное и административное устройство тогдашней Россіи; въ одной изъ главъ этой статьи „Тайная полиція и гласность“ авторъ возставалъ противъ военнаго управленія внутренней политики и высказывалъ убѣжденіе, что присоединеніе Россію Польши — такое же зло, какъ и покореніе Кавказа, и то связать душу Польши съ тѣломъ Россіи—задача противоестественная и неисполнимая. По показанію Лаврова, эта статья была имъ получена отъ кого-то посторонняго, и часть ея была переписана рукою его покойной жены.

Далѣе у Лаврова были найдены два письма о современныхъ вопросахъ. Въ одномъ между прочимъ была изложена мысль, что такъ называемые люди порядка суть самые опасные демагоги. По признанію Лаврова, два письма были имъ напечатаны еще въ 1856 или 1857 г., а одно письмо было задержано цензурой.

Относительно обнаруженной у Лаврова рукописи „Строй идей. среди которыхъ развивался Иисусъ“, подписанной Костевичемъ 1-мъ, онъ отозвался, что это былъ одинъ изъ пробныхъ переводовъ, представленный въ редакцію „Заграничнаго Вѣстника“, дѣлами котораго онъ одно время заведывалъ. Въ статьѣ было сказано, что оппозиція всегда дѣлаетъ честь странѣ, что самые великіе люди націи тѣ, которыхъ она приговариваетъ къ смерти.

Авторомъ стихотворенія „Первая книга Бытія“ Лавровъ призналъ себя. Стихотвореніе писано въ видѣ діалога между пасторомъ и его сыномъ, выражающимъ сомнѣніе въ истинѣ библейскаго ученія о происхожденіи вселенной; пасторъ же сравнивалъ процессъ библейскаго міроуданія со свѣтлымъ утромъ, возникающимъ изъ тмы. Стихотвореніе по ошибкѣ переписчика означено посвященнымъ государю, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно посвящено нѣмецкому поэту Гердеру, которому принадлежитъ сравненіе сотворенія міра съ разсвѣтомъ утренней зари.

Въ „Сказкѣ“ найденной у Лаврова, повѣствуется, какъ славянскій вѣстникъ Гостомысль, потерявъ подъ старость смыслъ, присовѣтовалъ славяне избрать чужеземнаго царя; славяне избрали безземельнаго варяга, „короля“ и до сихъ поръ даетъ намъ законъ“.

Въ стихотвореніи „Шарманка“ говорится, что звуки народной пѣсни царя фальшивы, и что исправить инструментъ для того, чтобы эта пѣсня была сыграна правильно, невозможно.

Въ стихотвореніи „На смерть императора Николая I“ разсказывалось, что апостолъ Петръ, не пустивъ Николая въ рай, на вопросъ послѣднѣго, что же тамъ за сбродъ, отвѣчалъ: „это воздушныя дворяне и вольныя крестьяне, которые всѣ по міру пошли и вищими въ рай пришли“.

Наконецъ, у Лаврова были найдены листки „Голосовъ изъ Россіи“ и письма, доказывающія, хотя и дѣловыя, сношенія съ лицами неблагоустроенными.

Судъ присудилъ Лаврова къ трехмѣсячному аресту; товарищъ генералъ-фельдце Яхмейстера генераль-адъютантъ Баранцовъ находилъ еще, что Лаврову неудобно оставаться въ рядахъ артиллеріи.

Генераль-Аудиторіатъ полагалъ вмѣнить въ наказаніе предварительное содержаніе подъ арестомъ до суда и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что въ обнаруженіи вреднаго образа мыслей Лаврова, „который не только въ должности преподавателя въ Михайловской Артиллерійской Академіи, но и вообще на государственной службѣ, терпимъ быть не можетъ“, онъ долженъ быть уволенъ отъ службы и „отосланъ“ на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній, съ подчиненіемъ строгому полицейскому надзору и съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицу.

Заключеніе Генераль-Аудиторіата было высочайше подтверждено 5-го мая 1867 г.

Воспоминанія чайковца ¹⁾.

I.

Кружокъ чайковцевъ еще въ концѣ 1871 года началъ заводить знакомства съ рабочими. Первыми, вступившими въ непосредственное общеніе съ рабочими изъ нашего кружка, были: Сердюковъ, я, Чарушинъ, Леонидъ Поповъ и Стаховскій (не бывшій въ то время въ центральномъ кружкѣ, но имѣвшій постоянное общеніе съ нами).

Въ то время я, Чарушинъ, Поповъ, Надежда Купреянова и Марія Нагорская жили такъ называемой «коммуной», т. е. занимали со-обща квартиру гдѣ-то возлѣ Измайловскихъ ротъ, изъ четырехъ комнатъ съ передней и кухней. Въ нашей квартирѣ раза два собиралась въ довольно большомъ количествѣ молодежь,—душъ до 50-ти, если не больше. Разъ молодежь собралась на лекцію о Кассалѣ, которую читалъ артиллерійскій полковникъ Фалецкій, и читалъ, сказать по-правдѣ, довольно плохо, такъ что молодежь осталась очень недовольна этой лекціей. Въ другой разъ собралась у насъ та молодежь, которая задумала было устроить демонстра-тивные поминки на могилѣ Добролюбова, кажется, въ 10-лѣтіе его кончины. Молодежь, а въ томъ числѣ и вся наша коммуна, пришла на кладбище, но наткнулись на предупредительную полицію и, потоптавшись кучками на кладбищѣ то здѣсь, то тамъ, порѣшила обратиться у насъ на квартирѣ, чтобы выслушать рѣчь, пригото-вленную студентомъ-технологомъ Чиковымъ для произнесенія на могилѣ дорогого намъ писателя, и хоть такимъ путемъ справиться по немъ поминки. Послѣ рѣчи Чикова молодежь долго не разош-дилась, а, разбившись по нашимъ четыремъ комнатамъ, разговари-вала, спорила, шумѣла на тему служенія народу, сверженія само-державія, народовластія и т. п.

На одномъ изъ этихъ собраній я познакомился со студентомъ Петербургскаго университета Граціанскимъ, черезъ него познакомился потомъ съ кружкомъ бывшихъ рязанскихъ семинаристовъ, поступившихъ въ Петербургскій университетъ, и со студентомъ же

¹⁾ Воспоминанія эти принадлежатъ одному изъ самыхъ выдающихся семиде-сятниковъ—Сергѣю Сивовичу Сивегубу, осужденному по знаменитому процессу 193-хъ. *Ред.*

университета Ждановымъ. Ждановъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ инженеромъ-технологомъ, былъ владѣльцемъ довольно извѣстнаго въ то время химическаго завода бр. Ждановыхъ, изготовлявшихъ «ждановскую жидкость», уничтожавшую зловоніе и изобрѣтеніе инженеръ-технологомъ Ждановымъ. Студентъ Ждановъ замыслилъ въ то время приносить пользу рабочимъ своего завода и устраивать вечернія занятія съ ними, для чего и пригласилъ изъ кружка заочниковъ охотниковъ заниматься съ рабочими, въ качествѣ лектора по исторіи, физикѣ и географіи, а также въ качествѣ учителей грамотѣ и счету. Граціанскій, познакомивъ меня, Чарушинъ, Поповъ и Стаховскаго со Ждановымъ, предложилъ ему и насъ въ качествѣ учителей. Впрочемъ, Чарушинъ и Поповъ скоро отошли отъ этого дѣла: перваго поглощала разрастающаяся конспираторская дѣятельность кружка по нашему «книжному дѣлу» (издательство, основаніе бібліотекъ въ провинціи въ средѣ учащихся, разсылка книгъ) и по пропагандѣ среди интеллигенціи въ столицѣ, а кромѣ того, какъ мнѣ кажется, и того, и другого не увидѣлъ «якшаніе съ рабочими», въ то время только что зарождавшееся. Я же, напротивъ, увлекся знакомствомъ съ рабочими: оно мнѣ казалось въ то время «самымъ настоящимъ дѣломъ» и заправилось служеніемъ народу,—служеніемъ, къ которому были устремлены мечты тогдашней молодежи.

Для молодежи того времени главнѣйшей задачей было рѣшить какую избрать дѣятельность, чтобы приносить наибольшую пользу народу, передъ которымъ она,—интеллигентная молодежь,—считала себя неоплатнымъ должникомъ, купившимъ свое развитіе цѣною тяжкихъ народныхъ страданій, и какую надо было вести жизнь, чтобы по-возможности меньше эксплуатировать и обездолять народъ, такъ какъ тогда молодежь полагала, что все, что она получаетъ на свою жизнь,—не только роскошь, а даже самое скромное довольство,—было «стяжаніемъ неправымъ», отнятіемъ у труда народа ему принадлежащаго.

Вмѣстѣ съ другомъ моего дѣтства Стаховскимъ,—съ которымъ мы въ 1871 года вплоть до лѣта 1872, когда наши знакомые разошлись, да и Ждановъ охладѣлъ къ своей затѣѣ, и занятия прекратились,—весьма усердно мы посѣщали тотъ подвалъ этажа, какаго-то несуразнаго зданія во дворѣ завода, который служилъ жилищемъ для рабочихъ.

Надо сказать, что я и Стаховскій не сошлись со своими соотечественниками рязанцами и съ самимъ Ждановымъ въ цѣли и характера обученія рабочихъ. Въ то время, какъ они ограничивались исключительно передачею рабочимъ знаній по физикѣ, географіи, математикѣ и грамотой, мы, сами охваченные вопросами жизни рабочихъ, вопросами о его судьбѣ, о неправдѣ, царящей надъ нимъ, о гнетѣ, о которой нуждѣ его и о всевозможномъ произволѣ надъ личностью рабочика, неизбѣжно сводили свое обученіе рабочихъ на пропаганду. Послѣ урока чтенія, письма, арифметики и пр. мы заводили съ рабочими разговоры о ихъ житьѣ-бытьѣ; разговоры сводились з

стю на религиозныя темы, и мы толковали объ Евангеліи и съ точки зрѣнія евангельской разбирали неправду русской жизни. Читали мы рабочимъ и соотвѣтствующія книжки, касались и шепетильнаго вопроса объ отношеніи хозяевъ къ рабочимъ. Помню, какъ разъ, собравшись у Граціанскаго, всѣ участвовавшіе въ занятіяхъ съ рабочими Жданова завели, между прочимъ, и разговоръ о томъ, что напрасно я и Стаховскій поднимаемъ среди рабочихъ «соціальные вопросы» и позволяемъ себѣ критику священнаго писанія, причѣмъ одинъ изъ рязанцевъ горячо замѣтилъ мнѣ: «да развѣ вы не знаете, что критика священнаго писанія въ Германіи привела къ реформаціи и къ сильнѣйшему народному волненію, къ крестьянскимъ войнамъ? Неужели вы хотите вызвать то же и въ Россіи?»—Я совершенно искренно и наивно отвѣчалъ, что отъ души желалъ бы, чтобы въ результатѣ нашихъ усилій получилось что-нибудь, похожее на реформацію и крестьянскія войны.

Какъ бы то ни было, но среди рабочихъ оказались у насъ искренніе друзья,—хотя и не болѣе пяти человекъ,—для которыхъ наши бесѣды и наши книжки, какъ это чувствовалось нами, были желанной духовной пищей, отвѣчавшей тѣмъ запросамъ ихъ души, которые возбудила въ нихъ сама жизнь. Къ сожалѣнію, моя память не удержала именъ этихъ первыхъ моихъ друзей изъ рабочихъ, изъ нихъ я помню только одного, молодого, лѣтъ 22-хъ, Ляпунова, еще до знакомства съ нами бывшаго грамотнымъ и жадно накинутагося на наши книжки. Лѣтомъ, при разставаніи съ нимъ, мы снабдили его книжками, вродѣ «Прохожаго» Григоровича, «Анчутки безпятаго» Майкова, фабричныхъ разказовъ Голицинскаго и др.; онъ уѣзжалъ въ свою деревню и думалъ тамъ заняться пропагандой.

Судьба не привела насъ встрѣтиться съ нимъ вновь, какъ и съ другими лицами изъ нашего перваго опыта схождения съ рабочими. Только долго спустя, въ 1877 году, когда шелъ процессъ 193-хъ, въ которомъ я фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго, я встрѣтилъ въ числѣ нашихъ защитниковъ и помощника присяжнаго повѣреннаго Граціанскаго, но мы уже не признали другъ друга и даже не поздоровались.

II.

Однажды, когда мы еще жили въ коммунѣ, выпалъ такой вечеръ, что всѣ мы, кромѣ Чарушина, были дома и, собравшись въ моей комнатѣ (у насъ у cadaго было по комнатѣ, кромѣ Нагорской и Купреяновой, у которыхъ была одна общая и самая большая комната) читали, «Исторію одного города» Щедрина, одного изъ самыхъ любимыхъ нами писателей. Читалъ я; публика—Купреянова, Нагорская и въ особенности Попова—хотела до изнеможенія!.. Но пришелъ Чарушинъ, человекъ «рыжій-красный», въ синихъ очкахъ, сквозь которые или сверхъ которыхъ смотрѣли голубые конспираторскіе глаза, юноша съ крутымъ, выдающимся, умнымъ лбомъ, высокій, худой и стройный, и нарушилъ наше даже чрезмѣрно веселое настроеніе. Онъ сообщилъ намъ, между прочимъ, о томъ,

что имъ получено письмо изъ Вятки отъ его знакомой, нѣкоей Кувшинской (впослѣдствіи ставшей его женой), которая, будучи классной дамой въ епархіальномъ духовномъ училищѣ и пользуясь величайшей любовью воспитанницъ старшихъ классовъ, кой-кого изъ воспитанницъ просвѣтила насчетъ народа и служения ему, и нѣкоторыя изъ нихъ, по выходѣ изъ училища, попытались устроить свою жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ, но наткнулись на жестокій семейный деспотизмъ. Такъ, одна изъ нихъ, лучшая ученица, блистательно окончившая на 16 году епархіальное училище, Соня Ч—ва, дочь сельскаго священника, попала дома въ такіе тиски отцовскаго деспотизма, что рѣшилась бѣжать изъ дому, но была поймана отцомъ на 80-й верстѣ отъ дому и водворена вновь подъ кровъ отчій; къ ней приставили шпионовъ изъ дѣтей и прислуги, лишили переписки съ кѣмъ бы то ни было, приходившія на ея имя письма перехватывались, и почти всѣ книги были отъ нея отобраны, кромѣ тѣхъ, которыя Соня тайкомъ ухитрилась какъ-то спрятать на чердакѣ дома. Ни съ кѣмъ, кромѣ дочери мѣстнаго діакона, имѣть сношеній ей не дозволялось. Ко всему этому, отецъ и мать порѣшили во что бы то ни стало выдать ее замужъ за мѣстнаго мирового судью, которому Соня приглянулась. И бѣдная дѣвушка черезъ сочувствовавшую ей втайнѣ дочку діакона послала отчаянное письмо своей бывшей классной дамѣ Кувшинской, моля о спасеніи и угрожая покончить съ собою, если къ концу года Кувшинская не устроитъ ей хотя бы фиктивнаго брака, ибо-де жить такъ, какъ хотятъ, чтобы она жила, ея отецъ, мать и родные, она не можетъ и предпочитаетъ лучше лечь въ могилу. Кувшинская въ письмѣ своемъ къ Чарушину и писала объ этой отчаянной мольбѣ Сони, прося его подумать и съ помощью кружка выручить дѣвушку изъ бѣды, человѣка, вполне «годнаго къ дѣлу». Такъ какъ другого средства спасенія при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ очутилась Соня, кромѣ фиктивнаго брака придумать было нельзя, то какъ Кувшинская въ письмѣ, такъ и Чарушинъ съ друзьями остановились на немъ. Вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы подыскать человѣка, который пожелалъ бы взять на себя эту миссію и сумѣлъ бы ее выполнить.

Разсказывая въ этотъ вечеръ намъ о томъ, что писала ему Кувшинская, и обрисовавъ судьбу Сони, которую никто изъ насъ лично не зналъ и не видалъ, Чарушинъ сообщилъ и мысль о фиктивномъ бракѣ, какъ и о томъ, что онъ и другіе друзья рѣшительно не знаютъ, кто бы могъ за это дѣло взяться.

Я, зная, что нашъ кружокъ въ число своихъ задачъ включалъ и освобожденіе людей, страдавшихъ за свои убѣжденія,—отъ ссылки, тюрьмы и домашняго гнета, лишившихъ то или другое лицо возможности служить народному дѣлу,—не колеблясь предложилъ свои услуги. Чарушинъ, никакъ не ожидавшій такого скорого разрѣшенія ихъ затрудненія, очень обрадовался моему, предложенію, и было тутъ же рѣшено, что онъ напишетъ объ этомъ Кувшинской, и что я буду готовъ во всякое время, какъ только того потребуетъ она, явиться на мѣсто дѣйствія. На этомъ пока и остановились.

Разговоръ съ Чарушинымъ происходилъ въ февралѣ или мартѣ 1872 г. Какъ я уже сказалъ, въ маѣ мѣсяцѣ этого года коммуна наша разѣхалась, и такъ какъ до мая мѣсяца меня не потребовали къ исполненію намѣченной задачи,—устройству фиктивного брака,—то я сталъ уже предполагать, что тамъ, въ Вяткѣ, перестали объ этомъ думать, и самъ на этотъ счетъ успокоился.

Изъ Питера я уѣхалъ въ Москву, или, лучше сказать, подъ Москву, къ старшему брату своему Владиміру. Братъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ и жилъ въ это время, какъ бы на дачѣ, въ деревушкѣ Печатниково въ получасѣ ѣзды изъ Москвы по Московско-Курской ж. д. Во дни юности этотъ братъ участвовалъ въ украинфильскомъ движеніи и присоединился съ частью украинфиловъ къ возстанію поляковъ въ 1863 году. Все его участіе, впрочемъ, выразилось въ неудачной попыткѣ, вмѣстѣ съ помѣщикомъ Переяславскаго у. Полтавской губ. Потоцкимъ вызвать возстаніе тамошняго казачества одновременно съ возстаніемъ поляковъ. Вызвать такое же возстаніе попытался въ Кіевской губ. въ имѣніяхъ Трепова и небезызвѣстный Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Мнѣ извѣстны только эти два члена «Кіевской громады», попытавшіеся вызвать возстаніе хохловъ одновременно съ поляками для возстановленія Украины. Оба они и поплатились: Чубинскій былъ сосланъ въ Пинегу, а братъ мой, высидѣвши 2 года въ кіевской Прозоровской башнѣ, былъ потомъ сосланъ въ Вятку. Въ то время какъ онъ жилъ въ Печатниковѣ, прошло болѣе пяти лѣтъ со времени возвращенія его изъ ссылки.

Мы съ братомъ, впрочемъ, не располагали праздно проживать въ Печатниковѣ. Мы съ нимъ составили такой планъ: я отправлюсь въ деревню къ отцу, а братъ—въ Екатеринославъ, гдѣ онъ долженъ былъ устроить побѣгъ изъ семьи тоже одной дѣвушкѣ, которую онъ хорошо зналъ, и которая, какъ и многія дѣвушки въ то время, рвалась на волю, на самостоятельную жизнь и на службу народу. Она тоже попала въ семейную тюрьму, и родители прочили ее замужъ, находя всѣ ея стремленія чистѣйшими глупостями. Если бы побѣгъ не устроился, братъ долженъ былъ пріѣхать въ деревню къ отцу (деревня была въ Екатеринославской г. въ Александровскомъ у.), откуда мы намѣревались пройтись по землѣ Войска Донского, толкаться среди казачества, разузнать, какъ велико недовольство казачества своимъ положеніемъ, живы ли въ немъ старая преданія о казацкихъ вольностяхъ, о казацкихъ «кругахъ», о Стенькѣ Разинѣ и пр. Ждать брата я долженъ былъ три недѣли, и если бы послѣ трехъ недѣль онъ въ деревню не явился, то я долженъ былъ отправиться въ Ростовъ-на-Дону, подождать его дня четыре тамъ и постараться встрѣтить на вокзалѣ Ростовско-Таганрогской ж. дор. Условенныя три недѣли истекли, а братъ въ деревню не явился. Взявши у родителей съ сотню рублей, я уѣхалъ въ Бердянскъ, а оттуда по Азовскому морю въ Таганрогъ. Это короткое путешествіе по морю, въ продолженіе всего какихъ-нибудь 12 часовъ, я проклялъ отъ всей души. Какъ только пароходъ вышелъ въ открытое

море, меня начало тошнить. Пріѣхавши въ Таганрогъ, я чувствовалъ себя больнымъ, и меня очень огорчало, что я оказался такой хлябоватый по своимъ физическимъ силамъ,—«а еще мечталъ жить такъ, какъ живетъ простой рабочій, а ничтожной качки не могъ вынести, чтобъ не раскиснуть», думалъ я про себя съ упрекомъ. Изъ Таганрога я въ тотъ же день выѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону.

Здѣсь я остановился близъ вокзала на какомъ-то постояломъ дворѣ, отвратительномъ и довольно подозрительномъ. Хозяинъ постоялаго двора то и дѣло шушукался съ какими-то приходившими къ нему подозрительнаго вида фигурами мужескаго и женскаго пола, и мнѣ казалось, что тутъ какой-то притонъ. Вечеромъ здѣсь поднялась самая ужасная ругань пьяныхъ людей; за стѣнкой, въ сосѣдней комнатѣ, дѣло доходило до драки между женщиной и пьяной бабой. Прожить мнѣ пришлось здѣсь двое сутокъ. Наконецъ, пріѣхалъ и братъ, и въ этотъ же день мы уѣхали съ нимъ обратно поѣздомъ въ Москву. Всѣ наши планы разстроились. Дѣвушка, за которой ѣздилъ братъ, отъ побѣга отказалась, такъ какъ успѣла за это время по уши влюбиться и готовилась къ бракосочетанію съ возлюбленнымъ, а изъ-подъ Москвы отъ жены брата было получено письмо, въ которомъ она просила брата вернуться немедленно, чтобы не упустить открывшагося для брата мѣста въ какомъ-то земельномъ банкѣ. У меня тоже пропала охота путешествовать по Дону безъ компаніи.

III.

Въ этомъ году лѣтомъ южные города—Бердянскъ, Мариуполь, Таганрогъ и, въ особенности, Одесса—были переполнены безработными людьми. Въ Одессѣ ихъ скопились десятки тысячъ. Урожай былъ по всему югу необыкновенно плохой, и пришедшіе на заработокъ издалика рабочіе оставались ни при чемъ, голодали и болѣли. Съ нами въ вагонѣ ѣхало нѣсколько такихъ скорбныхъ и огорченныхъ людей. Въ особенности былъ жалокъ одинъ изъ нихъ, типичнѣйшій русскій захудалый мужичекъ. По его словамъ, онъ уже четверо сутокъ ничего не ѣлъ и страдалъ, какъ мнѣ кажется, такъ называемымъ «голоднымъ тифомъ». Ѣхать ему надобно было до Курска, а оттуда въ свою деревню; ни гроша денегъ и полная потеря силъ. Мы съ братомъ, собравши въ его пользу среди пассажировъ своего вагона, кто-что могъ дать, въ Славяносербскѣ отвезли его въ больницу.

Рабочіе возвращались домой ни съ чѣмъ. Голодные иногда воровали у такихъ же голодныхъ послѣднее, и это вызывало иногда безобразныя сцены поимки вора, вмѣшательство жандармовъ, составленія протоколовъ. Пассажиры, ѣхавшіе изъ Одессы, рассказывали, то какъ очевидцы, то какъ слышавшіе отъ очевидцевъ о душу раздирающихъ сценахъ на улицахъ Одессы, среди скопившейся тамъ массы голодныхъ безработныхъ. Рассказывали о случаяхъ голодной смерти прямо на улицахъ мужчинъ и женщинъ съ грудными дѣтьми; рассказывали о томъ, какъ голодныя толпы требо-

али у начальства или заработка, или отправки ихъ на казенный четь домой, и въ отвѣтъ на это ихъ избивала полиція. Кругомъ было гнетущее настроеніе. Несмотря на то, что мы съ братомъ были принципиальные противники филантропіи и подачи милостыни, мы роздали все, что было съ нами—сѣѣстное, одежду, деньги, оставивъ себѣ только, чтобы доѣхать до Москвы. Наконецъ, приехали и въ Печатниково.

Къ этому времени въ Екатеринбургской гимназіи во время экзаменовъ старшіе классы взбунтовались и, какъ кажется, побили своего директора Всеволодова. Ученики были озлоблены систематическимъ, нарочитымъ отравленіемъ ихъ жизни со стороны этого инновника-человѣконенавистника. Друзья, оставшіеся въ Питерѣ, зная, что я вернулся съ юга въ Печатниково, предложили мнѣ переехать въ Екатеринбургъ, такъ какъ пріѣхавшіе туда студенты-технологи изъ екатеринбургскаго кружка, съ которымъ имѣли связи нашъ кружокъ, просили прислать кого-нибудь изъ чайковцевъ, чтобы утилизировать гимназическое движеніе въ революционномъ смыслѣ. Надо было ѣхать. И вотъ я очутился въ Екатеринбургѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, опоздалъ. Въ дѣло гимназическаго бунта вмѣшалась уже жандармерія, и петербургскіе друзья екатеринбуржцы,—Каликинъ, Поповъ Григорій, Коротковъ, Волковъ, дѣвушка Кочка, попритихли и совѣтовали мнѣ временно скрыться въ Екатеринбургѣ, такъ какъ за ними и за изгнанными гимназиками уже усиленно слѣдила жандармерія. Мнѣ указали на Невьянскій желѣзодѣлательный и чугуноплавильный заводъ, гдѣ я могъ безопасно прогостить у студента-технолога Бердникова, сына табушняка купца (у него былъ складъ пожарныхъ машинъ). Не желая преждевременно попадаться въ руки жандармовъ, я послѣдовалъ благоразумному совѣту пріятелей и уѣхалъ на Невьянскій заводъ, захвативъ съ собой и привезенныя заграничныя изданія,—несколько №№ «Народнаго Дѣла» (газета, издававшаяся знаменитымъ Сергѣемъ Нечаевымъ) и сочиненія Чернышевскаго, изданныя за границей эмигрантомъ Элпидинымъ.

Элпидинъ — участникъ казанскаго дѣла въ началѣ 60-хъ гг. Было это, по распространенію «золотыхъ грамотъ» среди крестьянъ Казанской и Вятской губ. и пропаганды въ войскахъ города Казани, окончилось для нѣкоторыхъ участниковъ изъ военныхъ смертной казнью, для нѣкоторыхъ—каторгой или тюремнымъ заключеніемъ. Изъ послѣднихъ я лично знавалъ двухъ: бывшего студента-медики Казанскаго университета Орлова, котораго я уже встрѣтилъ въ Забайкальѣ, гдѣ онъ, по полученіи правъ, былъ прископомъ фельдшеромъ и горько пилъ, и другого студента Казанскаго университета Красноперова, вращавшагося въ нашемъ кружкѣ и принимавшаго участіе въ литературѣ.

Итакъ, я очутился на Невьянскомъ заводѣ и, пробывъ тамъ большую часть іюля, въ началѣ августа уѣхалъ оттуда. Однако, было у меня здѣсь не обошлось безъ приключенія: Намъ съ Бердниковымъ удалось здѣсь составить кружокъ изъ учителя народной

школы Перезолова, изъ горнаго чиновника Бурцева, изъ сестры брата Башениныхъ, дѣтей тамошняго купца, почтеннаго и умнаго Петра Ивановича, въ домѣ котораго, главнымъ образомъ, мы собирались для чтенія книгъ и рефератовъ. Помню, что я читалъ между прочимъ, рефератъ по утилитаріанизму, а изъ книгъ читалъ Писарева и популярныя въ то время «Сказки кота Мурлыки», особенно давно только явившіяся въ свѣтъ. Наибольшею симпатіею изъ этихъ сказокъ среди молодежи пользовались двѣ: «Колеса жизни» и «Максъ и Волчекъ», а среди рабочихъ еще и «Курилка», чтеніе которой въ слушателяхъ-рабочихъ вызывало неудержимую хохотъ.

Своихъ новыхъ знакомыхъ я не преминулъ снабдить при со-звоненіи съ собою заграничными изданіями. Товарищъ мой въ Технологическому институту Бердниковъ и сынъ Башенина освѣдали тайную бібліотеку, которая помѣщалась въ лавкѣ Башенина. Въ бібліотеку были включены и привезенныя мною со-звоненія Чернышевскаго «Объ общинномъ землевладѣніи».

При чтеніяхъ реферата и книгъ возникали разговоры и споры, при чемъ касались различныхъ политическихъ, экономическихъ, моральныхъ темъ, касались и, конечно, весьма неблагоприятнаго русскаго безправія, и русскаго самодержавія и пр.

Какъ-то дошло до невьянскихъ властей, а именно до невьянскаго становаго пристава съ невьянскимъ жандармскимъ унтер-офицеромъ, что какой-то пріѣхавшій откуда-то молодой человекъ мутитъ людей, завелъ какой-то кружокъ, читаетъ тамъ книги, ведетъ непотребныя рѣчи. Жиль я въ это время на одной квартирѣ съ горнымъ чиновникомъ Бурцевымъ и, живя въ Невьянскѣ, я очень кстати занялся, между прочимъ, собираніемъ минералогической коллекціи,—благо въ Невьянскомъ заводѣ мнѣ щедро дали всевозможныя минераллы почти всѣ изъ моихъ знакомыхъ. У меня образовалась довольно хорошая коллекція горныхъ хрусталей, топазовъ, аметистовъ, малахита, изумруда, разноцвѣтныхъ яшмъ и др. штукъ болѣе сотни. И вотъ въ то время какъ Бурцевъ былъ на службѣ, я, оставшись одинъ въ квартирѣ, принялся за разборку и упаковку своей коллекціи, разложившись съ нею на полу. Вдругъ, въ сопровожденіи хозяйки, входитъ въ комнату рослый дѣтина въ формѣ жандармскаго унтеръ-офицера. Усаживается онъ на стулъ и очень вѣжливо вступаетъ со мною въ разговоръ,—сначала, прилично случаю, о коллекціи:

— Для чего, молъ, вамъ это?

— Я-де изучаю науку о камняхъ—минераллогію—въ Технологическомъ Институтѣ и вотъ пріѣхалъ на Уралъ специально затѣмъ, чтобы собрать коллекцію.

— А нельзя-ли взглянуть мнѣ на вашъ паспортъ? —

— Извольте! — и я достала ему изъ дорожной сумки биетъ, данный мнѣ изъ Технологическаго Института для поѣздки въ Екатеринбургъ. Жандармъ съ министерской миной разсматривалъ мой билетъ довольно долго и въ заключеніе выразилъ нѣкоторое

инѣніе насчетъ печати на билетѣ—почему-де не сургучная?—Печать была мастичная.

— Я ужъ этого не знаю, ужъ такова воля институтскаго начальства,—отвѣчаю я.

— Я все-таки долженъ васъ пригласить со мной къ господину становому!

— Съ удовольствіемъ!

Сложивъ свою коллекцію на столъ, гдѣ были книги, за которыя я очень боялся во все время разговора съ жандармомъ, такъ какъ на столѣ лежалъ № «Народнаго Дѣла» и «Объ общинномъ землевладѣніи» Чернышевскаго, и я боялся какъ бы онъ не вздумалъ ихъ пересматривать, но онъ почему-то не обратился на столъ никакого вниманія; мы пошли къ становому. Такъ какъ пришлось идти черезъ торговую площадь, то торговцы, а въ томъ числѣ и старикъ Башенинъ, увидѣли меня, сопровождаемаго куда-то жандармомъ. Это обстоятельство вызвало говоръ, а старикъ Башенинъ, оставивъ сына въ лавкѣ, въ тревогѣ пошелъ якобы домой, а на самомъ дѣлѣ отправился къ Бердникову, чтобъ увѣдомить его о азусѣ со мной.

Пришли къ становому. Вышелъ средняго роста, съ приличнымъ рюшкомъ, довольно выхолонный господинъ въ бѣломъ военномъ сюртукѣ, съ серьезнымъ, довольно красивымъ лицомъ, еще не старый.

— Скажите, молодой человѣкъ, вы откуда пріѣхали сюда?

— Я пріѣхалъ сюда изъ Екатеринбурга, въ Екатеринбургъ—изъ Петербурга.

Жандармъ подалъ въ это время становому мой видъ.

— Но какъ же вы пріѣхали сюда безъ разрѣшенія начальства? Гдѣ билетъ вамъ выданъ только до Екатеринбурга? — довольно строго спрашиваетъ становой.

— Развѣ я не имѣю права отлучиться изъ Екатеринбурга по тому билету въ сторону на 90 верстъ?!

— Не имѣете права! Да.. и зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Пріѣхалъ въ гости къ товарищу по институту Бердникову, кромѣ того, мнѣ сказали, что я здѣсь могу собрать хорошую минералогическую коллекцію, которую и собралъ. Вотъ и они идѣли!—указалъ я на жандарма.

Становой пристально посмотрѣлъ на меня своими черными и глубокими глазами.

— А скажите, какой это у васъ тутъ образовался кружокъ и какія это вы устраиваете чтенія?

— Кружокъ?!—изумился я.—Это кто вамъ насплетничалъ? Никакого кружка нѣтъ! Просто собираются иногда знакомые у старика Башенина, котораго вы, вѣроятно, знаете, и читаемъ, по вечерамъ и вообще проводимъ время!

— Но, однако, что же вы тамъ читаете?

— Читали Писарева, «Сказки кота Мурлыки».

— Нѣтъ, позвольте-съ,—перебилъ жандармскій унтеръ, сдѣлавъ

строгую фізіономію.—вы тамъ говорили возмутительныя рѣчи про
его императорское величество!

— Что-о? Кто это вамъ сказалъ? Я бы просилъ васъ,—об-
тился я къ становому,—сейчасъ же вытребовать сюда того, кто э-
сказалъ господину унтеръ-офицеру, и пусть это лицо тутъ же, г-
мнѣ, скажетъ, что ему извѣстно про наши чтенія! Я треб-
этого!

Становой еще пристальнѣе поглядѣлъ на меня и, послѣ нѣ-
торой паузы, сказалъ:

— Вотъ что, молодой человѣкъ, вы не имѣете права быть
Невьянскомъ заводѣ. Я предлагаю вамъ, чтобы вы въ 24 ч.
выѣхали отсюда, чтобъ васъ завтра въ это время здѣсь не бы-
Иначе, я отправлю васъ отсюда по этапу. Можете идти.

— Что-жъ, ваша воля,—сказалъ я, и мы вмѣстѣ съ жандармо-
вышли.

— Мнѣ тутъ съ вами немножко по дорогѣ,—сказалъ мнѣ л-
ково жандармъ, и мы пошли вмѣстѣ.

— Вы откуда уроженцы будете?—спросилъ онъ меня.

— Я—Екатеринославской губерніи.

— Ну!?—радошно воскликнулъ жандармъ.—Вѣдь и я оттуда!—
онъ сталъ меня разспрашивать, давно ли я тамъ былъ, въ какихъ
мѣстахъ, и пр. При разставаніи онъ дружески трясъ мою руку
желалъ «земляку» счастливаго пути. Проходилъ я теперь по т-
говой площади безъ жандарма, и меня съ любопытствомъ про-
жали взоры торговцевъ и торговокъ. Отправился я прямо на с-
квартиру, чтобъ поскорѣе прибрать тамъ все запрещенное. Я о-
сался, какъ бы начальство, успокоивъ меня, не вздумало про-
вести обыскъ, а потому надо было торопиться. Но на пут-
встрѣтилъ Бердникова, который, запихавъ за пазуху своей блу-
все запрещенное, найденное имъ въ моей квартирѣ, уже унос-
его къ себѣ, чтобы надежнѣе припрятать. Я объявилъ ему о
ультиматумѣ станового и просилъ его, какъ жителя Невьянска,
найти кого-нибудь, кто завтра увезъ бы меня въ Екатеринбургъ,
такъ какъ ѣхать на почтовыхъ у меня не было денегъ, а отпра-
ляться на казенный счетъ я, само собою разумѣется, не желалъ.
Бердниковъ подумалъ и рѣшилъ, что онъ самъ поѣдетъ на свои
коняхъ въ Екатеринбургъ, кстати ему туда надо было все ра-
съѣздить на дняхъ по дѣлу отца, — увезетъ за одно и меня.
шли ѣхать рано утромъ. Подходя къ своей квартирѣ, я увидѣлъ
что старикъ Башенинъ сидитъ у открытаго окна своего до-
вмѣсто того, чтобы быть въ своей лавкѣ и, замѣтивъ меня, зов-
знаками къ себѣ. Я зашелъ и рассказалъ, что и какъ произош-
Старикъ въ волненіи посылалъ много недоброжелательнаго
адресу начальства и очень сожалѣлъ, что приходится такъ ск-
разставаться.

Простившись со своими добрыми знакомыми, съ которыми
короткое время свела меня судьба, я на другой день, вмѣстѣ
Бердниковымъ, возвратился въ Екатеринбургъ. Покидалъ я Не-

нскъ съ нѣкоторымъ чувствомъ досады. У меня возникало предположеніе, которое недурно было бы, на мой взглядъ, осуществить. Предполагалъ завести знакомство съ заводскими рабочими; я же два раза посѣтилъ чугуноплавильный заводъ, осмотрѣлъ его устройство, познакомился съ главнымъ механикомъ-самоучкой, охломъ по происхожденію, который установилъ здѣсь молота, приводившіеся въ движеніе водными колесами, сдѣлалъ многія приспособленія въ томъ отдѣленіи, гдѣ обрабатывались огромныя раскопанныя глыбы желѣза подъ этими молотами. Вообще, этого механика-самоучку знакома мнѣ публика ставила очень высоко, какъ выдающагося «самородка-механика». Вступалъ я уже въ разговоры и съ рабочими, и, если бы мнѣ безпрепятственно пришлось пожить здѣсь еще съ мѣсяць, я всенепремѣнно завелъ бы близкія знакомства и съ ними.

Въ Екатеринбургѣ я прожилъ съ недѣлю. Дѣло съ гимназическимъ бунтомъ кончилось довольно печально. Нѣсколько учениковъ изъ старшихъ классовъ были изгнаны изъ гимназіи, кто всѣмъ, кто временно съ правомъ вновь поступить въ гимназію реузъ извѣстный промежутокъ времени. Учитель математики Бреимовъ, пользовавшійся популярностью среди учениковъ, устроившій имъ приватныя лекціи по математикѣ, собиравшій кое-кого изъ учениковъ у себя на квартирѣ для чтенія и собесѣдованій и, вообще, заботившійся о развитіи учениковъ, былъ сочтенъ за вредоноснаго на нихъ, а стало быть, и косвеннымъ, если не прямымъ виновникомъ случившейся въ гимназіи исторіи, почему и былъ высланъ административно въ одинъ изъ уѣздовъ Вятской губ. Большинство изгнанныхъ изъ гимназіи учениковъ уже выѣхало изъ Екатеринбурга, кто домой, кто въ Москву, или въ Питеръ, или въ Казань. Въ числѣ изгнанныхъ былъ и ученикъ 6 класса Андреевъ. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Питеръ и тамъ подготовиться къ университету. Отецъ его этому рѣшительно воспротивился и категорически отказалъ ему въ своемъ согласіи. Какъ быть? Бѣжать? Но при этомъ нельзя иначе, какъ ѣхать на почтовыхъ, а попутчика не было, который не зналъ бы его или его отца, и который бы ѣхалъ въ Пермь, и подъ прикрытіемъ подоржной котораго Андреевъ могъ бы безопасно доѣхать до Перми въ качествѣ «будущаго», не находясь въ опасности. Такимъ образомъ, мой пріѣздъ изъ Невьянска былъ для Андреева какъ нельзя болѣе кстати. Я могъ его увезти въ качествѣ попутчика до Перми на почтовыхъ, да и потомъ ему, совершенно неопытному юношѣ, я былъ бы полезенъ и на пароходѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ самомъ Питерѣ, пока онъ устроится. Андреевъ былъ увѣренъ, что отецъ его сгоряча могъ и въ погоню за нимъ статься и, вообще, начать рвать и метать, но что разъ Андреевъ очутится въ Питерѣ, то отецъ примирится съ совершившимся фактомъ и не откажетъ даже въ средствахъ для существованія, въ особенности послѣ того, какъ тревожное состояніе отъ неизвѣстности—что съ сыномъ?—смѣнится радостью при извѣстіи, что онъ живъ, здоровъ и веселъ. Я, конечно, охотно взялся довести подѣ

своимъ прикрытіемъ юношу до Питера, тѣмъ болѣе, что о изъ екатеринбургскихъ друзей—Каликинъ—отзывался объ Андрѣ какъ объ одномъ изъ выдававшихся и подававшихъ надежды тарей-гимназистовъ. Правда, я вскорѣ же разочаровался въ реевъ, и уже дорогою онъ показался мнѣ и мало развитымъ мало отзывчивымъ и, въ общемъ, и въ умѣ, и чувствахъ тупымъ и узкимъ субъектомъ. Да и рекомендовавшій его Каликинъ очень скоро по возвращеніи въ Петербургъ оказался человѣкомъ съ которымъ вести конспиративныя дѣла было, по меньшей мѣрѣ, небезопасно. Будучи забранъ въ III отдѣленіе, онъ тамъ въ ихъ показаніяхъ такого наплель, что жандармерія намѣтила гнать ихъ изъ насъ, о которыхъ до тѣхъ поръ не вѣдала и не бокоилась. Его скоро освободили, и съ тѣхъ поръ, къ счастью конспираторовъ, Каликинъ совершенно устранился отъ «революціи», и, преблагополучно окончивъ университетъ, погрузился въ бообывательщины. И какъ о его дальнѣйшей судьбѣ, такъ и о судьбѣ Андреева, я ничего уже не слыхалъ.

IV.

Пустились мы съ Андреевымъ въ путь и къ концу густа 1872 года были въ Питерѣ. Здѣсь я остановился у брата Владиміра, переѣхавшаго сюда изъ Москвы, такъ какъ именно въ банкѣ Общества взаимнаго поземельнаго кредита нашлось мѣсто, и поселившася на Петербургской сторонѣ. Въ тотъ день разыскали мы съ Андреевымъ екатеринбургскую коммуналку, которой были Серебренниковъ, Короваевъ, Распоповъ, Дьяковъ и одинъ изъ старыхъ нашихъ екатеринбургскихъ друзей—маринъ. Въ этой коммуналкѣ временно пріютился и Андреевъ.

Разговаривая съ Серебренниковымъ, я узналъ отъ него, что не особенно давно совершенно случайно свелъ знакомство съ несколькими фабричными рабочими ткачами съ ткацкихъ фабрикъ Выборгской сторонѣ. Случилось это такъ: Серебренниковъ, гуляя въ Александровскомъ паркѣ, присѣлъ на скамью, на которой сидѣли два парня, по внѣшности—фабричные. Одинъ изъ нихъ далъ другому преглупѣйшую книженку лубочнаго изданія, подзаглавіемъ «Улыбка за рубль» Вслушавшись въ чтеніе, Серебренниковъ не вытерпѣлъ и обратился къ рабочимъ: «Неужели вамъ интересно читать такую дрянь?»—Рабочіе очень охотно вступили съ нимъ въ разговоръ сначала на тему, что они—люди малограмотные, въ книгахъ разбираться не мастера, а затѣмъ оказалось, что давно хотятъ подучиться получше, да вотъ-де не приходится какъ; сказывали имъ, что «студенты» иногда даромъ учатъ рабочихъ, такъ они и мечтали, какъ бы имъ со студентами познакомиться, да вотъ до сихъ поръ не случилось. Серебренниковъ рабочіе понравились: молодые, остроумные и, видимо, серьезныя ждавшіе просвѣщенія. Онъ предложилъ имъ приходиться къ нему два въ недѣлю по субботамъ и воскресеньямъ и заниматься у

обученіемъ. Рабочіе чрезвычайно обрадовались такому предложенію, — «наконецъ-то Богъ послалъ намъ студента», — и въ первую же субботу вечеромъ явились къ Серебренникову по данному адресу. Два этихъ рабочихъ — Шабунинъ и Абакумовъ — привели съ собою третьяго, нѣсколько постарше ихъ и посолиднѣе по уму и по характеру. Это былъ довольно извѣстный потомъ, одинъ изъ выдающихся рабочихъ, Григорій Крыловъ.

Серебренниковъ въ первомъ же разговорѣ со мной высказалъ, что онъ, приступивши къ занятіямъ, зачастую чувствовалъ себя не на высотѣ требованій, которыя предъявляли приходившіе рабочіе; кромѣ простаго обученія письму, чтенію, счету, они искали у него-то большаго, закидывали Серебренникова вопросами, въ которыхъ онъ еще и самъ не разобрался, почему и у него пропадала охота учительствовать. Онъ предложилъ мнѣ познакомиться съ его рабочими и взять дѣло обученія, на себя. Само собою разумѣется, что я ухватился за это предложеніе, и въ ближайшую же субботу вечеромъ Серебренниковъ познакомилъ меня съ Шабунинымъ, Абакумовымъ и Крыловымъ. Всѣ трое произвели на меня чрезвычайно хорошее впечатлѣніе: это были тѣ «мірскіе» люди, для которыхъ «міръ» — великое дѣло, и которые, поэтому, давно заумались надъ жизнью крестьянскаго міра, надъ вопросамъ — гдѣ искать настоящую правду, и какъ избыть горе и нужду крестьянскую?

Первый вечеръ знакомства прошелъ у насъ въ горячихъ разговорахъ на темы, насъ одинаково глубоко занимавшія, которыя касались тою нашею болью, о которой мы не могли не говорить. Даже за полночь разошлись мы, при чемъ было рѣшено, какъ возможно пожелали всѣ трое рабочихъ, познакомиться меня съ тою артелью ткачей, съ которой жили Шабунинъ и Абакумовъ. Крыловъ жилъ въ другой артели, съ которой впоследствии я, конечно, познакомился тоже.

Хотя всѣ эти ткачи были фабричныя рабочіе, но, въ сущности, они были ткачи-крестьяне, пришедшіе изъ деревень въ городъ на заработки, при чемъ большинство изъ нихъ, проработавъ осень, зиму и часть весны до начала пахоты и посѣва, старалась ко времени полевыхъ работъ вернуться обратно въ деревню. И если это не всегда и далеко не всѣмъ удавалось осуществиться, то, во всякомъ случаѣ, такое желаніе было обще всѣмъ имъ. Весь этотъ людъ былъ тѣсно связанъ съ деревнею, спалъ и видѣлъ, какъ бы лучше построить житье свое въ деревнѣ; всѣ горести и радости деревни считалъ своими родными горестями и радостями. Городъ былъ для нихъ временнымъ пунктомъ пребыванія, станціей на ихъ жизненномъ пути, а конечнымъ пунктомъ его и постояннымъ желаннымъ мѣстомъ жительства была деревня. Я близко сходилъ съ артелями, не разъ ночевалъ у нихъ, проводилъ праздники съ утра до вечера и, въ общемъ, вынесъ впечатлѣніе о замѣчательной нравственной чистотѣ этихъ людей, принесшихъ эту чистоту изъ глубины своихъ тверскихъ и новгородскихъ деревень. Искренность,

правдивость, честность и вѣчно присущее ихъ душѣ исканіе правды вотъ моральныя черты у тогдашней фабричной среды. Я говорю конечно, про общій характеръ среды; само собою разумѣется, были исключенія,—были единицы и растлѣнные, и гнусныя.

Къ этому деревенскому люду, къ фабричнымъ ткачамъ стоящіе городскіе рабочіе, вродѣ рабочихъ Семянниковскаго механическаго завода или патроннаго завода на Васильевскомъ островѣ относились свысока, презрительно-снисходительно, и называли эти людей—«сѣрымъ».

По прибытіи изъ деревни въ городъ, рабочіе одной губерніи зачастую одного и того же уѣзда старались группироваться вмѣстѣ, старались, поскольку было возможно, попасть на одну и ту же фабрику; устраивали тотчасъ же общежитія, называвшіяся на языкѣ «артелями», т. е. находили себѣ одну общую хозяйку, сняв общую квартиру, и возлагали на хозяйку за извѣстную плату мѣсяцъ съ души обязанности поить, кормить ихъ, держать пощеніе въ чистотѣ и заботиться о мойкѣ ихъ неказистаго бѣлаго Положеніе ткачей было не изъ удовлетворительныхъ. Зарабатывалъ ткачъ въ среднемъ не болѣе 70 коп. въ день, работая съ 5 часовъ утра и до 8 вечера, съ перерывомъ на ѣду не болѣе 2-хъ часовъ, такъ что рабочей день, въ большинствѣ случаевъ, былъ не менѣе 11 часовъ.

Какъ-то мои друзья ткачи повели меня на фабрику во время работы. Боже мой! какой это адъ! Въ ткацкой съ непривычки не только возможности, за грохотомъ машинъ, слышать въ двухъ шагахъ отъ человѣка не только то, что онъ говоритъ, но даже, что онъ мыслитъ. Воздухъ—невозможный, жара и духота, вснь отъ людскихъ пота и отъ масла, которымъ смазываютъ станки; отъ тонкой пыли, носящейся въ воздухѣ, въ ткацкомъ отдѣленіи получался своеобразный видъ мглы. И въ такой обстановкѣ надо просто стоять, человѣку болѣе 10 часовъ на ногахъ, внимательно наблюдая, чтобы не упустить момента, когда порвется нитка въ основѣ, чтобы тутъ же, на ходу машины, связать, и чтобы перемѣнить челнокъ какъ только остановится станокъ (станокъ самъ останавливается какъ только утокъ челнока весь выйдетъ). Стоять приходится избѣжно, такъ какъ сидѣть не полагается, да и сѣсть, кромѣ оконника негдѣ; а на подоконникѣ сидѣть нельзя,—«свѣтъ застигнетъ», не дозволяется. Я пробылъ на фабрикѣ не болѣе 2-хъ часовъ, вышелъ оттуда очумѣлый и съ головной болью. Это мое посѣщеніе фабрики вызвало послѣдствіи появленіе на свѣтъ моего стихотворенія «Дума ткача», получившаго потомъ большое распространеніе среди молодежи и, въ особенности, среди рабочихъ. Его, кажется, и до сихъ поръ поютъ и въ Россіи, и въ Сибири; я слыхалъ, какъ его пѣли въ далекой Нишанской тайгѣ; не особенно далеко отъ Охотскаго моря.

Познакомившись съ артелью, гдѣ жилъ Шабунинъ и Абакумовъ, я сталъ ходить въ артель съ тѣмъ, чтобы по вечерамъ читать книжки вслухъ всей артели и по поводу прочитаннаго заводила

сужденія о житьѣ-бытьѣ русскаго крестьянства. Изъ другихъ артелей, а въ томъ числѣ и изъ той, въ которой жилъ Крыловъ, стали тоже приходять нѣкоторые рабочіе, чтобы послушать, что «студентъ» читаетъ и какія рѣчи ведетъ. Я получилъ отъ нихъ приглашеніе побывать въ ихъ артеляхъ съ книжкой. Знакомство съ рабочими завязывалось большое. Во время моихъ посѣщеній многіе рабочіе въ артеляхъ заявляли желаніе учиться грамотѣ. Такихъ желающихъ набралось столько, что я единолично рѣшительно не могъ удовлетворить всѣхъ желающихъ учиться. Пришлось думать о томъ, чтобы подыскать для нихъ учителей. Я пообѣщаль рабочимъ таковыхъ найти...

Но на этотъ разъ мнѣ пришлось прервать начатые съ рабочими занятія и отложить организацію занятій съ ними мѣсяца на три.

V.

Однажды я былъ у брата Владимира и собирался отъ него идти вечеромъ въ артель, какъ пришелъ къ брату Чарушинъ.

— А я васъ разыскиваю,—обратился онъ ко мнѣ,—по важному дѣлу.

Оказалось, что Кувшинская, которая въ августѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхала въ Петербургъ и поступила на медицинскіе курсы, вновь получила отъ Сони Ч. письмо, съ настоятельной просьбой, какъ можно скорѣе послать обѣщаннаго ранѣе жениха для фиктивного брака, такъ какъ домашній режимъ становится все невыносимѣе... Такъ какъ я еще въ мартѣ мѣсяцѣ предложилъ свои услуги для спасенія «погибающей души», то Чарушинъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, готовъ-ли я и теперь на сей подвигъ? Конечно, я былъ готовъ, такъ какъ никакихъ причинъ отказываться отъ этого дѣла рѣшительно не было.

Сказано — сдѣлано. Начались сборы «жениха» въ путь. Такъ какъ приходилось ѣхать въ деревню, въ которой едва-ли можно было достать необходимое для свадьбы — вродѣ подвѣнчной фаты для невѣсты, цвѣтовъ для фаты, соответствующей одежды для жениха—чернаго сюртука, цилиндра, перчатокъ, — то пріобрѣсти все это взялись наши друзья—дамы, жившія въ Басковомъ переулкѣ гдѣльной коммуной. Въ составъ этой коммуны входили — Кувшинская, Палицына, Надя Кочурова, Надя Купреянова, Рязанцева и Олеся Охременко.

Наиболѣе горячую дѣятельность по сбору жениха проявили Кувшинская и Кочурова. Первая потому, что дѣло шло о ея духовномъ дѣтищѣ, Сонечкѣ Ч—ой, которую она обѣщала выручить изъ бѣды во что бы то ни стало, вторая потому, что была подружкой Сонечки; обѣ онѣ одновременно кончили училище, одинаково считали «о разумной самостоятельной жизни на пользу народа», и обѣимъ приходилось вырваться изъ семейнаго омута. Надя только что довольно успѣшно справилась съ послѣдней задачей, а потому очень горячо принялась за устройство «спасенія» и для Сонечки.

Надя была дочерью разбогатѣвшаго вятскаго крестьянина, имѣвшаго торговлю въ Сарапулѣ. Хотя отецъ ея, умный и съ добрымъ характеромъ человѣкъ, и не представлялъ собою троглодита, способнаго заѣсть и отравить жизнь дочери, и хотя онъ, и противъ дальшаго образованія дочери ничего не имѣлъ, но какъ отпустить одну дѣвушку въ столицу, гдѣ ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, которымъ можно бы было поручить попеченіе и надзоръ за нею? А ей всего 17 лѣтъ! Этотъ вопросъ смущалъ отца, и онъ, по окончаніи дочери духовнаго училища, воспрепятствовалъ ей отправиться въ Петербургъ, куда она стремилась на медицинскіе курсы, которые существовали въ то время для женщинъ (въ 1827 г.) и были прикрыты при Александрѣ III. Надя не покорилась, и въ Сарапулѣ, въ городѣ съ пароходной пристанью, списалась съ Соней бѣжать одновременно, въ одинъ прекрасный день съѣхавъ на пароходъ и укатила въ Казань, откуда и перебралась въ Питеръ. Тутъ уже были ея знакомыя вятички, а главнымъ образомъ, «загаданная» Анна Дмитріевна Кувшинская, къ которой она и явилась подъ покровительство.

По пріѣздѣ въ Питеръ, она увѣдомила отца о томъ, гдѣ она, какъ для того, чтобы успокоить естественную тревогу отца, и полагая притомъ, что отецъ съ совершившимся фактомъ мирится. Отецъ же, какъ только узналъ о мѣстопробываніи дочери, бѣгавшей, не замедлил явиться въ Питеръ, съ твердымъ намереніемъ увезти ее обратно. Онъ уговорилъ ее сначала перейти къ нему и жить съ нимъ, пока онъ будетъ въ Петербургѣ, но затѣмъ заявилъ ей, что разрѣшить ей остаться здѣсь никакъ согласенъ не можетъ, такъ какъ боится, что она по молодости и безъ опыта зора сгубитъ себя. Но въ Питерѣ выполнить ему свое намѣреніе увезти обратно дочку было трудно, а убѣжать и скрыться отъ него было куда легче, чѣмъ въ Сарапулѣ. И Надя, выбравъ удачную часть, исчезла съ квартиры отца.

Отецъ забилъ тревогу и кинулся прежде всего къ Кувшинской, съ которой познакомила его Надя, затѣмъ—къ его знакомой Рязанцевой, но и тамъ ему было заявлено, что гдѣ Надя, имѣетъ известіе. Отецъ былъ въ отчаяніи. Опасались, какъ бы онъ не поднялъ на ноги полицію, но онъ оказался настолькоъ путейчеловѣкомъ, что къ полиціи не прибѣгъ.

Тщетно являлся онъ въ продолженіе недѣли почти ежедневно къ Кувшинской и къ Рязанцевой за справками о Надѣ, но никакъ не получалъ свѣдѣній отъ нихъ. Ясно понимая, что онъ знаетъ, гдѣ она и лишь не хотятъ ему сказать, онъ, наконецъ, вступилъ съ ними въ переговоры напрямки и сталъ сдаваться: онъ просилъ прислать Надю къ нему для переговоровъ, давая слово, что никого насилія надъ нею не сдѣлаетъ. Хотя Надя и говорила, зная отца, она вполне довѣряетъ его слову и готова была идти къ нему, но друзья все-таки поопасались пустить ее къ отцу. Они предложили отцу свиданіе съ Надей на квартирѣ моего брата въ домѣ человѣка семейнаго и съ нѣкоторымъ общественнымъ

ложениемъ. Рязанцева передала это предложеніе отцу Нади, и онъ на него согласился. Въ опредѣленный день я пріѣхалъ съ Надей къ брату, куда въ назначенный часъ явился и ея отецъ... Часа два толковалъ отецъ съ Надею, уговаривалъ и умолялъ ее ѣхать обратно съ нимъ въ Сарапуль, но Надя, несмотря на всю свою любовь къ отцу, на которую, очевидно, онъ сильно разсчитывалъ, оставалась непреклонной. Побился, побился отецъ, даже плакалъ при объясненіи, наконецъ махнувъ рукой и сказавъ: «Богъ съ тобой, пусть будетъ по твоему»,—согласился ее оставить въ Питерѣ, подъ поручительство и надзоръ Рязанцевой, семью которой онъ знаетъ.

Устроивъ Надю у Рязанцевой, еще не жившей тогда въ коммуна въ Басковомъ пер., а занимавшей отдѣльную квартиру, снабдивъ Надю деньгами и нарядами, отецъ мирно съ нею простился и уѣхалъ восвояси. Въ слѣдующее же лѣто Надя побывала у отца въ Сарапулѣ и вернулась въ Питеръ уже безпрепятственно.

Итакъ, Кувшинская и Надя хлопотали о снаряженіи жениха, у котораго, кстати сказать, весь гардеробъ былъ весьма несоотвѣтственъ предстоящей задачѣ — разыграть роль богатаго жениха. Являться въ домъ зажиточнаго и виднаго среди мѣстнаго духовенства священника въ качествѣ небогатаго, хотя и благороднаго жениха, было нельзя. Такой женихъ не представлялъ бы ничего привлекательнаго въ смыслѣ партіи для дочери. Поэтому въ планъ успѣшнаго выполненія предстоявшей кампаніи входило разыграть роль именно богатаго жениха, сына помѣщика (каковымъ я и былъ), «столбового дворянина». Между тѣмъ въ кругѣ ближайшихъ моихъ друзей, кромѣ моего брата, ни у кого нельзя было достать ни крахмальныхъ сорочекъ, ни ботинокъ, ни цѣнныхъ брюкъ и сюртука. Приходилось всю подходящую къ случаю обмундировку раздобыть на сторонѣ, у знакомыхъ «буржуевъ». Завести все новое на деньги,—для этого требовались такіе капиталы, какихъ у насъ обрѣтаться не могло, тѣмъ болѣе, что и безъ того капиталы нужны были и на поѣздку въ неблизкій край туда и назадъ, — при чемъ часть поѣздки приходилось совершать на лошадахъ, да и на всякій случай нужно было имѣть про запасъ съ собою хотя бы небольшую толику денегъ. Дамы наши, въ особенности Кувшинская. Кочурова и Рязанцева, раздобыли все, что нужно для жениха; друзья достали нѣкоторую сумму денегъ. У Рязанцевой я захватилъ на всякій случай хорошенькіе золотые дамскіе часы, съ золотой цѣпочкой, якобы для подарка невѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы, если кампанія окончится удачно, возвратить ихъ обратно, но и съ рикомъ потерять ихъ, если дѣло у меня сорвется, и мнѣ придется совершенно налегкѣ улепетывать безъ оглядки изъ поповскаго дома.

Напутствуемый благословеніями друзей, я отправился туда, гдѣ жила Сонечка Ч. (Ларочка — тожъ), которую я никогда не видалъ, и карточку которой мнѣ вручила Кувшинская лишь въ день отъѣзда, съ поясненіемъ, что на карточкѣ Соня очень мало похожа, и что въ дѣйствительности она много красивѣе. Кромѣ того, снабженъ былъ

я и планомъ города Вятки съ подробнымъ указаніемъ, гдѣ находится епархіальное училище, какъ оно устроено, гдѣ городской садъ, какія главныя улицы и пр. и пр. Мнѣ все это необходимо было знать, такъ какъ я въ этомъ городѣ никогда не бывалъ, а въ то же время надо было разыграть жениха, бывшаго, въ качествѣ туриста, въ этомъ городѣ въ послѣдній годъ пребыванія Сони въ училищѣ, здѣсь въ это время съ нею познакомившагося, влюбившагося въ нее и встрѣтившаго въ ней сочувствіе, наконецъ, сдѣлавшаго ей предложеніе съ обѣщаніемъ въ тотъ же годъ явиться къ ея родителямъ просить ея руки, но, въ силу сложившихся обстоятельствъ, не могшаго въ обѣщанный срокъ выполнить предположенное, что и побудило Соню бѣжать изъ дому къ возлюбленному. Вооруженный, какъ намъ казалось, всѣмъ необходимымъ для затѣяннаго предпріятія, я двинулся въ походъ.

VI.

За годъ до моего пріѣзда, Соня Ч.,—наткнувшись дома на невыносимый родительскій гнетъ, разбиравшій всѣ ея молодыя мечты и стремленія и разочаровавшій ее въ отца, который въ послѣдній годъ ея пребыванія въ училищѣ при свиданіяхъ съ нею либеральничалъ и, повидимому, сочувственно и даже поощрительно отнѣсился къ ея стремленію „служить народу“,—порѣшила бѣжать изъ дому сначала въ Казань, гдѣ жилъ ея дядя, докторъ П—ринъ, котораго она съ дѣтства «ужасно» любила и, у котораго, несомнѣнно, она нашла бы защиту и покровительство и, во всякомъ разѣ, помощь пробраться дальше въ Петербургъ. Задумано—и при первомъ удобномъ случаѣ выполнено.

Однажды отецъ съ матерью и съ маленькими сестренками уѣхали на именины къ знакомымъ въ одно изъ ближнихъ селъ, верстъ за 15—20 отъ села У. Дома оставалась съ Соней одна только сестра ея Люба, годомъ ея моложе, пользовавшаяся особенной любовью и довѣріемъ отца и матери, но втайнѣ сочувствовавшая сестрѣ и знавшая о ея намѣреніи бѣжать изъ дому.

Впослѣдствіи и сама Люба бѣжала; она была выкрадена, изъ окна постоялаго двора въ Вяткѣ, гдѣ остановились ея родители по пріѣздѣ туда изъ У. Въ нарядѣ мальчика она прибыла въ Москву, съ мужскимъ паспортомъ. (Устроилъ этотъ побѣгъ Любы—Вершининъ, потомъ офицеръ, извѣстный Сибири своими лекціями о Вѣрненскомъ землетрясеніи). Соня наняла мужика увезти ее до ближайшаго городка Н., оттуда она думала на почтовыхъ докатить до Казани. Въ Н—ѣ въ это время была ея же подруга по училищу Анна Михайловна Овчинникова, довольно извѣстная впослѣдствіи врачъ-женщина, а также былъ тамъ секретарь земской управы Р. съ сестрой,—все люди, знавшіе о горькой судьбѣ Сонечки, сочувствовавшіе ей и, въ случаѣ надобности, всегда готовые оказать ей помощь.

Мужикъ заложилъ тройку добрыхъ коней, и взявши за 80 в.

что-то около 12-ти рублей, увезъ бѣглянку съ ея узелкомъ бѣлья и платишекъ, въ легкой шубейкѣ, въ Н., гдѣ она раздобыла у своихъ друзей денегъ на расплату съ мужикомъ и на продолженіе путешествія до Казани.

Быль ноябрь мѣсяцъ. Въ г. Н. пріѣхали поздно, къ часамъ 6 вечера. Побывавъ наскоро въ городкѣ, Соня поѣхала прямо на берегъ рѣки Вятки, въ верстахъ 3—4 отъ горда, гдѣ находились избышки перевозчиковъ. Соня надѣялась успѣть переѣхать на другой берегъ рѣки, на которомъ, по случаю ледохода, находилась почтовая станція. По случаю же ледохода паромъ пересталъ уже ходить, и перевозчики перевозили желающихъ попасть на другой берегъ на лодкѣ.

Когда Соня пріѣхала къ избышкамъ перевозчиковъ, то уже стало темнѣть, да и по рѣкѣ на ея несчастье шелъ въ этотъ разъ густой ледъ, и перевозчики ни за какую плату не соглашались ее перевозить, предлагая ей подождать до утра. Дѣлать было нечего, пришлось заночевать въ одной изъ лачугъ, ютившихся тутъ на берегу. На одной изъ деревянныхъ лавокъ, стоявшихъ внутри у стѣны бревенчатой лачужки, устроилась на ночлегъ Соня. Первозчикъ съ бабой и ребятишками умостились на печкѣ. Потушили огонь, и только лучъ луны бѣлой полосой падалъ черезъ замерзшее оконце на грязный полъ лачужки и наполнялъ ее фантастическимъ полусвѣтомъ. Положивъ подъ голову свой узелокъ, прикрывшись своей шубенкой, Соня лежала на лавкѣ, но благодатный сонъ не приходилъ къ ней, чтобы успокоить ея разгулявшіеся червы.

И вотъ, когда, наконецъ, долгожданный сонъ сталъ овладѣвать ея и погружалъ ея мысль въ міръ неуловимыхъ грезъ, около полуночи въ окно лачуги кто-то сильно и продолжительно постучалъ... Соня очнулась и насторожилась.

Стучавшій въ окно, не слыша движенія въ лачугѣ, вновь нетерпѣливо и настойчиво забарабанилъ по стеклу, съ крикомъ: «Эй, хозяинъ, отвори!..» Ужасъ захолодилъ сердце Сони: это былъ голосъ отца!.. Соня инстинктивно съ головой укрылась шубенкой и уткнулась въ свой узелокъ...

Наконецъ, съ печи слѣзъ проснувшійся мужикъ, зажегъ лучину и, отворивъ дверь, пустилъ въ лачугу къ своему изумленію высокаго попа.

Отецъ Василій былъ взволнованъ и, быстро оглядѣвъ избу, сразу увидѣлъ, гдѣ лежала Соня, подошелъ къ ней, и взволнованно, хотя и ласково, произнесъ: «Сонечка, вставай! Поѣдемъ домой!»

Соня сѣла на лавку въ какомъ-то полубезумномъ состояніи. — Поѣдемъ, родная моя! Поѣдемъ домой!—говорилъ о. Василій— Господи! Господи! до чего мы дожили! Что ты дѣлаешь съ нами, родная!

Отъ о. Василя пахло виномъ, выпитымъ на именинахъ, но онъ былъ совершенно трезвъ.

Соня нѣкоторое время была въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и лишь

когда отецъ взялъ ее за руки и попытался поднять съ лавки, прее одѣться, чтобы ѣхать, она очнулась.

Неужели опять домой? — Мысль эта наполняла душу бѣлѣвушки горькимъ отчаяньемъ.

Съ рыданіемъ кинулась она передъ отцомъ на колѣни, и омая ихъ, и цѣлуя его руки, горько молила его отпустить ее свободу; она говорила, что жить она дома не можетъ, что для ней умереть.

Но ни мольбы, ни слезы, ничто на отца не дѣйствовало. На угрозы, безъ злобы, онъ твердилъ рѣшительно и настойчиво одно: «не могу! не могу! Ѣдемъ домой!»

На эту сцену, столь неожиданно разыгравшуюся въ ихъ бѣлѣлачугѣ, перевозчикъ съ женой смотрѣли изумленными, безмолвными свидѣтелями.

Наконецъ, Соня поднялась, перестала плакать, молча съ милою постоюла и рѣшительно произнесла: «Хорошо! Ѣдемъ!»

Побѣгъ не удался. Два или три дня послѣ возвращенія Соня домой, отецъ и мать съ особой осторожностью относились къ ней, но затѣмъ опять вошли въ свою колею и систематически старались отравлять жизнь дочери.

При всякомъ удобномъ случаѣ ей кололи глаза ея побѣгъ. Подвыпивши съ гостями, отецъ при нихъ устраивалъ издѣвательства надъ дочерью, заводилъ рѣчь объ нигилистахъ, о стриженыхъ дѣвкахъ, записаться въ которыя желала-де его дочь; ругалъ ее, проѣзжалъ по адресу Кувшинской, зная, какъ это больно дѣлаетъ Соню. Переписку съ Кувшинской онъ перехватывалъ раньше, и изъ этой переписки онъ уразумѣлъ, какое вліяніе имѣла Кувшинская на его Сдню.

Если Соня не вытерпѣвала и начинала, какъ выражались родители, грубить отцу, отецъ поднималъ ругань, подскакивалъ къ ней, хватилъ ее по щекамъ кулаками, топалъ ногами и грозилъ сгноить ее дома, только бы не допустить ее стать развратной стриженной дѣвушкой. Мать, систематически поджучивая отца, и сама, что называлось, точила дочь, съ оханьями и причитаньями на судьбу, что до чего дожили, и какъ-де дочка осрамила на весь свѣтъ семью своимъ побѣгомъ.

Словомъ, жизнь дѣвушки обращена была въ сплошную пытку, хоть ложись и умирай!

Черезъ Таню Любимову, дочь діакона, которую Соня подговорила въляла къ экзамену на сельскую учительницу, Соня устроила переписку съ Кувшинской. Таня уѣзжала иногда въ Н., и Соня пользовалась этими поѣздками, правда, весьма рѣдкими, чтобы послать письмо Аннѣ Дмитріевнѣ или получить отъ нея отвѣтъ черезъ живущую тамъ Инну Овчинникову.

Къ тому же случилось однажды, что о. Василій съ матушкой Ан. Ал. задумали съѣздить въ Вятку и на этотъ разъ захватили съ собою и Соню, быть можетъ, боясь оставить ее дома, какъ она не воспользовалась ихъ отсутствіемъ для новаго побѣга. Здѣсь

въ городѣ, несмотря на то, что къ ней былъ приставленъ шпионъ въ лицѣ братишки, гимназиста-второклассника, материнскаго баловня, при всякомъ удобномъ случаѣ по-мальчишески глумившагося надъ сестрой къ удовольствію родителей, и безъ котораго, по приказанію родителей, Соня не могла отлучаться въ городъ, Сонѣ удалось разъ обмануть бдительность сквернаго мальчугана и при помощи родственника, гимназиста 5 класса Петра Неволіна, ей было устроено свиданіе въ городскомъ саду съ Анной Дмитріевной. На этомъ свиданіи Соня обрисовала своей «обожаемой» Аннѣ Дмитріевнѣ то положеніе, въ которое она попала,—и тутъ же было окончательно рѣшено устроить фиктивный бракъ, за что бралась хлопотать Анна Дмитріевна.

Съ этою надеждою на спасеніе Соня возвратилась въ деревню домой и на этотъ разъ замѣтно измѣнила свою тактику съ родителями и свое поведеніе. Она стала вникать въ хозяйство, стала аккуратно ходить въ церковь, добровольно начала выходить къ гостямъ и занимать ихъ и даже позволяла мировому судѣ, намѣченному жениху ея, ухаживать за собой. Словомъ, родители стали радоваться, глядя на дочь, и уповать, что она въ концѣ концовъ пойдетъ по протореннымъ дорожкамъ. Соня стала помаленьку готовить родителей къ появленію и другого жениха. Иногда, она, якобы смѣшкомъ, сама заводила рѣчь о своемъ побѣгѣ и дѣлала намеки, что какъ знать, можетъ быть, и у нея есть кто-нибудь, кто былъ милъ ея сердцу.

У родителей начала вкрадываться мысль: ужъ не было ли точно у ихъ дочери романа, побудившаго ее бѣжать къ совратителю? Иногда мать пыталась заставить Соню проговориться, и въ такихъ случаяхъ, изъ якобы шутливыхъ намековъ дочери, дѣлала выводъ, что что-то есть въ предполагаемомъ ею родѣ,—и поэтому утверждалась въ мысли поскорѣе сбыть дочку за все больше и больше влюблявшагося въ Соню мирового судью. Но мое появленіе въ с. У. разбило всѣ разсчеты о. Василія и матушки-попады. Это было въ концѣ сентября или въ началѣ с октября 1872 года.

VII.

Изъ Петербурга я отправился въ Нижній-Новгородъ, а изъ Н.-Новгорода на пароходѣ—въ Казань.

Въ Казани я заѣхалъ къ братьямъ Евгенію и Михаилу Овчинниковымъ, студентамъ медику и математику казанскаго университета. Евгеній Овчинниковъ былъ провинціальнымъ членомъ кружка чайковцевъ; черезъ него велись сношенія съ казанскими пропагандистами среди учащейся молодежи. Отъ него я получилъ письмо къ его сестрѣ Иннѣ Михайловнѣ, жившей, какъ я уже упоминалъ, въ г. Н., черезъ который я долженъ былъ проѣзжать, пробираясь въ с. У. Отъ нея, а также отъ секретаря земской управы Р., я могъ получить указаніе насчетъ того, что въ данное время творится въ домѣ Сони Ч., о которой они хотя и не часто,

но все-таки получали довольно вѣрныя извѣстія черезъ Таню Л. Пробывъ въ Казани не болѣе двухъ дней, я уѣхалъ на почтовыхъ въ Н.

Пріѣхавъ туда и разыскавъ Инну Михайловну, съ которой тотчасъ же отправился къ Р., я сталъ совѣщаться съ ними насчетъ предстоящаго мнѣ похода для освобожденія Сони. На этомъ совѣщаніи мы пришли къ заключенію, что безъ предварительнаго сношенія съ Соней ничего изъ моего плана не выйдетъ. Во-первыхъ, Соня не знала ни имени моего, ни отчества, ни фамиліи, — и, нагрянувъ безъ предупрежденія въ домъ о. Василія, я могъ бы поставить и себя и Соню въ безвыходное положеніе при разыгрываніи ролей давно знакомыхъ, близкихъ уже и влюбленныхъ субъектовъ; а очень умный и ловкій попъ Василій, славившійся какъ законникъ и сутяга, сразу сообразилъ бы, что тутъ что-то неладно, и какъ бы, вмѣсто освобожденія Сони, не получилось въ результатѣ преданіе меня о. Василю въ руки властей, какъ проходимца. Во-вторыхъ, необходимо было дѣло повести такъ, чтобъ согласіе на бракъ со стороны родителей было вполне добровольное, а поэтому нужно, чтобы дѣло шло гладко и естественно. Какъ же быть? И Инна Михайловна, и Р. категорически заявили мнѣ, что у нихъ сейчасъ нѣтъ возможности снестись съ Соней, такъ какъ единственный человѣкъ, черезъ котораго можно было бы сдѣлать это, Таня Л., лишь нѣсколько дней тому назадъ уѣхала изъ Н., и скоро ждать ее едва ли можно. Я рѣшилъ возвратиться въ Казань и оттуда списаться съ друзьями въ Питерѣ по вопросу: какъ быть?

Оставаться въ Н. мнѣ было нельзя: городишко маленькій, всѣхъ жителей тамъ знаютъ наперечетъ всѣ и каждый; жить безъ дѣла, значить, обратиться на себя вниманіе, вызвать о себѣ толки, которые могли достигнуть и села У., а для меня все это было невыгодно. Я вернулся въ Казань.

Дорогою у меня явилась такая мысль: устроиться близъ У. въ сельской школѣ народнымъ учителемъ и, пользуясь этимъ положеніемъ, по-провинціальному, запросто познакомиться съ домомъ о. Василія, начать у него бывать, и затѣмъ, шепнувъ Сонѣ, что и какъ, приступить къ жениханію, говоря по-хохлацки, а потомъ и къ сватовству. Правда, такой планъ для своего выполнения требовалъ времени, а для Сони нужно было освобожденіе сейчасъ, — но пока ничего другого въ голову не приходило.

• На этотъ разъ я прожилъ въ Казани около двухъ недѣль. Отсюда я написалъ въ Питеръ письмо о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ моей миссіей, прося совѣта, какъ поступать дальше, при чемъ изложилъ имъ и свой вышеприведенный планъ.

Въ ожиданіи отвѣта отъ друзей, я, при помощи Евгенія Овчинникова, познакомился со студенчествомъ, былъ на пробной лекціи проф. Песковскаго о теоріи холеры Петенкофера, нѣсколько разъ былъ на собраніи кружка, который группировался около Овчинникова, написалъ рефератъ по политической экономіи Милля (о томъ, что считать производительнымъ трудомъ), — словомъ, по своему, пропагаторскому дѣлу, что могъ, дѣлалъ.

Въ общемъ пьяное казанское студенчество произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Часовъ въ 9-ть утра мнѣ, напр., пришлось видѣть такую сцену, идя въ университетъ съ Овчинниковымъ: кучка изрядная пьяныхъ студентовъ шла посреди улицы и орала, что есть мочи—«знамена побѣдно шумятъ!»—причемъ одинъ изъ нихъ геройски несъ впереди кучки, поднявъ кверху, грязнѣйшую метлу. Въ частной студенческой столовой, гдѣ приходилось обѣдать и мнѣ, было обыкновенно много пьяныхъ, и въ пьяномъ видѣ задорныхъ, лѣзущихъ на скандалъ студентовъ, переругивавшихся иногда тутъ же за столомъ площадными словами; тутъ приходилось опасаться, какъ бы совсѣмъ нехотя, не нарваться на исторію, окончаніе которой, обыкновенно, въ полицейскомъ участкѣ.

Мои знакомые говорили, что таково большинство казанскаго студенчества, — кутилы-мученики и забулдыги. Но былъ процентъ и очень хорошихъ и дѣльныхъ. Этотъ послѣдній элементъ студенчества имѣлъ, между прочимъ, довольно основательную бібліотеку, съ завѣдующимъ которой, студентомъ Ивановымъ, умнымъ, нервнымъ и идейнымъ человѣкомъ, я познакомился.

Въ бібліотекѣ былъ, кромѣ легальныхъ книгъ, и нелегальный отдѣлъ различнаго рода литературныхъ произведеній; впрочемъ, пользовались этимъ отдѣломъ и знали о немъ только лица вполне вѣрныя и надежныя.

Наконецъ, я получилъ въ одинъ и тотъ же день два письма: изъ Питера отъ Чарушина, въ которомъ онъ писалъ, что друзья находятъ необходимымъ, чтобы я ѣхалъ въ село У. и пытался, хотя бы съ рискомъ потерять сраженіе, выручить Соню, и изъ Н. отъ Инны Михайловны, съ извѣщеніемъ, что Таня Л. совершенно неожиданно пріѣхала въ Н., пробудетъ въ немъ нѣсколько дней и что, такимъ образомъ, получилась полная возможность обстоятельно снестись съ Соней.

Неожиданный пріѣздъ Тани въ Н., конечно, окончательно рѣшалъ возникшее затрудненіе по вопросу, какъ продолжать начатую кампанію. Это обстоятельство давало мнѣ полную возможность приступить къ немедленному осуществленію задуманнаго по такому стратегическому плану дѣйствія, который давалъ бы мнѣ много шансовъ на побѣду.

Отвѣтивъ въ Питеръ, что выѣзжаю изъ Казани на мѣсто дѣйствія, я въ тотъ же день выѣхалъ на почтовыхъ въ Н.

Пріѣхалъ я въ Н. во время: Таня предполагала еще пробыть здѣсь дня два. Съ нею я и отправилъ обстоятельное письмо къ Сонѣ.

Въ этомъ письмѣ я отрекомендовался ей, кто я,—сообщилъ ей не только паспортныя свѣдѣнія—имя, отчество, фамилію, званіе, лѣта и вѣроисповѣданіе, но и болѣе подробныя біографическія данныя,—и предложилъ ей такой планъ дѣйствія: пріѣду я въ среду (почему-то мнѣ помнится именно этотъ день) и явлюсь въ домъ о. Василія въ 6 часовъ вечера; отрекомендовавшись отцу, заявлю ему, что имѣю къ нему очень важное дѣло, Соня же, какъ только услы-

шить, что я появился в залѣ отца, то, если только будутъ при этомъ посторонніе свидѣтели, а не одни домашніе, должна вбѣжать въ комнату и съ крикомъ: «Сережа! наконецъ-то ты прѣехалъ!»—кинуться ко мнѣ на шею. Мы, конечно, страстно облобызаемся и будемъ говорить другъ другу—«ты», эта первая вступительная сцена, несомнѣнно, огорошитъ отца и мамашу и отшибетъ у нихъ сообразительность, а посторонніе свидѣтели разнесутъ по всему селу вѣсть о случившемся въ домѣ попа. Словомъ, такой фактъ можно будетъ облить только бракомъ. Если вслѣдъ за первой сценой отецъ вступитъ со мною въ переговоры, то Соня должна внимательно слушать, что я буду сочинять о. Василію и матушкѣ о нашей встрѣчѣ въ Вяткѣ, о нашей страстной любви, о томъ, какъ я общалъ жениться, какъ я узналъ о ея побѣгѣ изъ дому и пр. и пр. Но если постороннихъ свидѣтелей не будетъ, то сцены страстнаго свиданія не разыгрывать, такъ какъ безъ постороннихъ свидѣтелей она, пожалуй, можетъ возымѣть отрицательное дѣйствіе на о. Василія, и онъ, вмѣсто всякихъ объясненій, турнетъ меня изъ дому въ шею, а Соню опять забретъ въ ежовыя рукавицы. При отсутствіи постороннихъ свидѣтелей, я просто поведу дипломатическіе переговоры съ отцомъ послѣ того, какъ мы покажемъ только, что мы близко знаемъ другъ друга. Таня тайкомъ доставила письмо Сонѣ. Соня тайкомъ же прочла его—и, тщательно запомнивъ то, что ей было тамъ преподано, самое письмо изжевала. И съ душевнымъ трепетомъ стала ожидать бѣдная дѣвушка вечера слѣдующаго дня, когда я долженъ былъ появиться въ ихъ домѣ и разрѣшить ей вопросъ: «быть или не быть?»

VIII.

Черезъ день послѣ отъѣзда Тани, я тоже собрался въ путь. Заказавъ лошадей вольному ямщику, я прежде, чѣмъ уѣхать, пошелъ проститься къ Р—мъ и здѣсь, при разговорѣ съ сестрой Р., доброй скромной и симпатичной дѣвушкой, оказалось, что при сборахъ жениха, позабыли снабдить его небольшой вещицей,—тѣмъ не менѣе весьма важной,—кольцомъ, которое должно фигурировать при обрученіи. Въ Н. купить уже нельзя было, такъ какъ меня уже ждали лошади, и идти въ лавку было поздно, тѣмъ болѣе, что я долженъ былъ прибыть въ с. У. въ такое время, чтобы въ назначенные 6 часовъ вечера быть уже въ домѣ о. Василія, какъ было условлено въ письмѣ къ Сонѣ. У брата Р. кольца не оказалось, у Инны Михайловны—тоже, и лишь оказалось у сестры Р., но такого размѣра, что едва приходилось на 4 палецъ моей руки. Дѣлать нечего, пришлось взять у нее хоть это колечко, съ условіемъ, конечно, возвратить его, при обратномъ проѣздѣ черезъ Н. съ Соней, какъ мы тогда предполагали. Наконецъ, прибылъ я и въ с. У.; это было, если не измѣняетъ мнѣ память, числа 12 октября. Прибылъ я часовъ около 4-хъ пополудни и приказалъ везти себя на постоялый дворъ, если таковой въ У. обрѣтается. Къ моему счастью, таковой оказался. Село У.—довольно большое село, съ большою красивою цер-

ковью, съ тремя священниками и двумя діаконами. Одинъ изъ этихъ трехъ священниковъ, о. Василій, былъ настоятелемъ этой церкви. О. Василій былъ человѣкомъ съ характеромъ боевымъ, далекій отъ елейнаго поповскаго настроенія, развитый, образованный и недостаточно уживчивый. Со своими товарищами попами онъ не жилъ въ дружбѣ. Будучи большимъ законовѣдомъ, онъ помогалъ совѣтами въ .сутяжничествѣ всѣмъ, кто только обращался къ помощи его юридическаго таланта. Красивый, высокій, худошавый, нѣсколько сутуловатый, о. Василій въ своемъ священническомъ облаченіи и бархатной темнолиловой камилавкѣ, производилъ во время службы въ храмѣ внушительное впечатлѣніе и служилъ, какъ говорится, красиво. Большой любитель пѣнія и музыки, онъ прекрасно игралъ на гусяхъ, игралъ самоучкой по слуху на фортепіано, и когда пѣлъ подъ аккомпаниментъ того или другого инструмента,—а пѣлъ онъ умѣло,—то слушать его было пріятно, хотя въ то время, когда я его слышалъ, у него уже не было ни молодой силы голоса, ни былой чистоты его.

Отецъ Василій былъ въ авантажѣ у мѣстнаго архіерея, былъ однимъ изъ «совѣтныхъ» поповъ его епархіи, и дочь о. Василія Соня даже воспитывалась въ епархіальномъ духовномъ училищѣ Вятки за счетъ архіерея.

Ямщикъ завезъ меня на постоянный дворъ. Хозяинъ двора,—маленькій, веселый, худенькій человѣчекъ, съ жиденькой козлиной бороденкой, производившій впечатлѣніе немножко глуповатаго, ввелъ меня въ свою половину, въ чистую крестьянскую избу съ русской печью и палатами. Жена его, тоже маленькая, но пухлая и круглая, какъ шаръ, на которомъ былъ посаженъ другой, только много поменьше, шарикъ, съ маленькимъ розовымъ отверстиемъ для рта, съ маленькимъ, напоминавшимъ пуговицу носомъ, съ двумя круглыми пріятными синими глазками, съ маленькими оттопыренными круглыми ушками,—аттаковала меня разспросами, какъ только былъ поданъ на столъ самоваръ, и она съ мужемъ усѣлась вмѣстѣ со мной пить чай. Она шепелявила, по-дѣтски произносила вмѣсто ш—с, вмѣсто ч—ц. Чувствовалось при томъ, что эта маленькая, шаровидная женщина—большой руки сплетница съ романтическими наклонностями.

Лишь только она и ея мужъ узнали, что я дальше с. У. не намѣренъ ѣхать, и что я пріѣхалъ исключительно къ о. Василю, какъ они оба въ одинъ голосъ воскликнули «Знаемъ! знаемъ! женихъ будете, женихъ!»—Не подтверждая и не отрицая, я улынулся и подзадорилъ ихъ любопытство: «Тамъ видно будетъ—кто!»

Вслѣдъ за этимъ шаровидное существо женскаго рода, поддерживаемое мужемъ, стало мнѣ полупешотомъ сообщать, что въ семьѣ о. Василія не все благополучно,—что старшая дочка-то убѣжала было изъ дому, и что тутъ такая бѣда была, такая бѣда—что и не сказаты! Къ ихъ изумленію, я заявилъ, что всю эту исторію я знаю, и знаю лучше даже другихъ, зачѣмъ и куда она бѣжала.

«Ну, значить, женихъ и есть!» взвизгивала въ восторгѣ хозяйка. «Поди ещо къ тебѣ и бѣжала-то!»

«Все можетъ быть!» дразнилъ я любопытство шаровиднаго существа и ея хозяйина, все время чему-то лукаво-весело и глуповато улыбавшагося. Прекрасно,—думалъ я про себя,—еще прежде, чѣмъ совершится что-либо въ домѣ о. Василия, какъ только я уйду туда съ постоялаго двора, этотъ шарикъ въ образѣ хозяйки покатится по селу У. къ своимъ кумушкамъ и раструбитъ по всему селу вѣсть, что къ о. Василию прѣѣхалъ женихъ, къ которому его дочка убѣжала было изъ дому, и создастъ такое обстоятельство, съ которымъ о. Василию придется считаться и подумать, какъ утихомирить толки, которые вновь поднимутся вокругъ его дома, какъ густой рой спугнутыхъ мухъ.

Но приближался роковой часъ: скоро шесть часовъ. Я, уже одѣтый во все франтовское, попросилъ хозяина постоялаго двора проводить меня въ домъ о. Василия. Не скажу, чтобы я шелъ туда со спокойной душою. Сердце било-таки презрядную тревогу. Наступалъ часъ, быть можетъ, огромнаго скандала. По всѣмъ рассказамъ объ о. Василиѣ, онъ шутитъ не любитъ и за скандалъ въ его семьѣ можетъ отомстить безпощаднѣйшимъ образомъ. Но—жребій брошенъ и Рубиконъ перейденъ. Вотъ и домъ о. Василия. Поднявшись по лѣсенкѣ двухъэтажнаго дома о. Василия, я, ведомый хозяиномъ постоялаго двора, вошелъ въ переднюю. Въ дверяхъ изъ передней въ залу меня встрѣтилъ о. Василий, изумленно вопросительно глядѣвшій на меня сквозь очки своими большими красивыми глазами.

— Вы о. Василий Ч—въ? спросилъ я.

— Да, къ вашимъ услугамъ!..

— Позвольте вамъ рекомендоваться,—продолжалъ я введенный о. Васиёмъ въ залу. Я—такой-то (имя, отчество и фамилія) потомственнй дворянинъ, сынъ помѣщика Екатеринославской губерніи, студентъ С.-Петербургскаго технологическаго института.

— Очень радъ,—проговорилъ о. Василий,—протягивая мнѣ руку. Прощу садиться!

Онъ указалъ мнѣ на стулъ возлѣ стола, на которомъ горѣла лампа подъ бѣлымъ абажуромъ, а самъ сѣлъ у противоположнаго конца того же стола и сталъ продолжать прерванную моимъ приходомъ работу—набивку папиросныхъ гильзъ табакомъ.

— Вотъ сейчасъ я угощу васъ папироской,—продолжалъ онъ,—сейчасъ набью, ни одной готовой нѣтъ.

— Такъ пока позвольте мнѣ угостить васъ своей, любезно раскрывъ свой серебряный портсигаръ—(тоже взятый у кого-то на подержаніе) протянулъ я его къ о. Василию. О. Василий, взявъ изъ него папиросу, и мы стали перекидываться обычными фразами о дорогѣ, о погодѣ, и т. п.

Кстати замѣтить, что какъ только я увидѣлъ на порогѣ передней о. Василия, почему-то малѣйшій слѣдъ тревожнаго состоянія души моментально у меня исчезъ. Я почувствовалъ себя такъ, какъ еслибы все, что предстояло мнѣ совершить, было самымъ нормальнымъ, самымъ естественнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, въ залѣ о. Василия я чувствовалъ себя абсолютно хладнокровнымъ и говорилъ и

шутить съ о Василиемъ съ полчаса самымъ непринужденнымъ образомъ. Отецъ Василій мнѣ понравился.

Мы, однако, были не одни. При входѣ въ залу, я замѣтилъ въ одномъ изъ ея угловъ, гдѣ въ полусвѣтѣ помѣщался маленькій кожаный диванчикъ съ недалеко отъ него стоящими гусями, сидѣвшую на диванчикѣ массивную фигуру, въ подрясникѣ, приподнявшуюся и отвѣсившую мнѣ поклонъ при моемъ входѣ,—это былъ причетникъ. Присутствіе этой молчаливой фигуры было для насъ съ Соней обстоятельствомъ благопріятнымъ: какъ посторонній свидѣтель онъ тутъ былъ весьма кстати. Въ передней же, изъ которой я вошелъ въ залу, несомнѣнно, толпились любопытные, и отъ времени до времени дверь притворялась и чьи-то любопытные глаза смотрѣли въ образовавшуюся щель, очевидно, на меня. Въ числѣ этихъ любопытныхъ, какъ потомъ оказалось, былъ и приведшій меня хозяинъ постоялаго двора.

Когда разговоръ нашъ какъ-то смолкъ, я заявилъ, прерывая наступившее молчаніе, что мнѣ необходимо съ нимъ—о. Василиемъ—поговорить объ очень важномъ дѣлѣ, которое именно и привело меня въ его домъ.

Отецъ Василій отклонилъ мое предложеніе, говоря «сначала согрѣйтесь-де, да вотъ попьемъ-де чайку, а потомъ и о дѣлѣ поговоримъ».

Изъ залы вела другая дверь въ гостиную; тамъ было совершенно темно.

Вдругъ, въ гостиной послышался какой-то шепотъ и шорохъ, и на порогѣ ея появилось молодое существо поразительной красоты,—стройная, довольно высокая, съ чудными глазами, блѣднаявушка. Я стремительно поднялся со стула.. Еще моментъ—и чудная молодая красавица, съ крикомъ—«наконецъ-то, ты Сережа приѣхалъ»—кинулась ко мнѣ, обвила мою шею руками, и уста наши слились въ такой страстный поцѣлуй, какой рѣдко бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!.. Эффектъ былъ поразительный!..

Отецъ Василій отскочилъ въ уголъ залы и остолбенѣлъ.

Поднявшійся съ диванчика саженный гигантъ причетникъ въ изумленіи и растерянности приготовился бѣжать. Въ двери передней выснулось нѣсколько, какъ громомъ пораженныхъ, любопытствовавшихъ фигуръ. Въ темной гостиной раздался истерической плачъ,—то плакала мать попадья, шедшая вслѣдъ за Соней въ залу.

IX.

Соня, схвативъ меня подъ руку и крѣпко ко мнѣ прижавшись, повела меня черезъ темную гостиную въ спальню матери, гдѣ послѣдняя уже лежала въ истерическихъ слезахъ на кровати. Я съ Соней подошелъ къ ней. Взявъ руку и цѣлуя ее, я просилъ мать успокоиться, выслушать мои объясненія.

Мать, глядя на меня вопросительно-испуганно, твердила только одно: «Да, кто вы такой?! Кто вы такой?!»

Наконецъ, придя нѣсколько въ себя и видя, что Соня какъ

прошлое.

уцѣпилась за мою руку и какъ прижалась ко мнѣ, такъ и застыла мать съ раздраженіемъ въ голосѣ разъединила насъ своими руками произнося: „Да разойдитесь же!“

Соня такимъ образомъ была отъ меня оторвана.

Я оглянулся, и, видя у двери стоявшаго, блѣднаго и совершенно растеряннаго о. Василия, обратился къ нему съ выраженіемъ сожалѣнія, что все это такъ неожиданно случилось, хотя со стороны Сони все это было такъ естественно; конечно, лучше бы было ей сдержать себя, при постороннихъ людяхъ въ особенности, но—сдѣланнаго не воротить,—и пр. и пр. Бѣдный о. Василій только болѣзненно недоумѣнно отъ времени до времени произносилъ:

— Господи! Что же это такое?! Ничего не пойму! Что такое?

— Я вотъ сейчасъ вамъ все объясню. Только Бога ради успокойтесь. Вы увидите, что во всемъ этомъ ничего ужаснаго нѣтъ,—говорилъ я уходя съ о. Василиемъ въ залу.

Въ залѣ я сталъ излагать о. Василию небывалый романъ между мной и Соней. Случайно-де, послѣ поѣздки на Уралъ, заѣхалъ я въ Вятку и черезъ своего московскаго знакомаго, уроженца г. Вятки, нѣкоего Максимовича, извѣстнаго и о. Василию, познакомился съ Соней; послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ мы влюбились другъ въ друга и поклялись другъ другу въ вѣчной любви. Я общалъ Сонѣ жениться, на ней и съ этимъ рѣшеніемъ я вернулся домой, чтобы испросить у отца, жившаго въ своемъ имѣніи, разрѣшенія на женитьбу; согласіе отъ отца я получилъ, но съ условіемъ предварительно сдѣлаться дѣйствительнымъ студентомъ Технологическаго института, а не вольнослушателемъ, каковымъ я былъ, для чего я долженъ былъ сначала выдержать окончательный экзамень въ гимназіи; вслѣдствіе вотъ этого послѣдняго обстоятельства и задержалось на цѣлый годъ исполненіе обѣщанія, даннаго мною Сонѣ, явиться въ домъ о. Василия и просить ея руки. Услыхавъ же, что Соня бѣжала изъ дому и зная, что она бѣжала ко мнѣ, я очень мучился, что не могу въ назначенный срокъ выполнить свое обѣщаніе. Наконецъ, мытарства мои кончились, и я вотъ прошу о. Василия не отказать мнѣ въ рукѣ его дочери. Человѣкъ-де я обезпеченный; я послѣдній сынъ у отца,—всѣ братья мои на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ,—а я пока учусь; но, женившись, могу бросить Технологическій институтъ и ѣхать въ деревню къ отцу, и заняться тамъ хозяйствомъ, помогать отцу въ управленіи имѣніемъ. Приданнаго мнѣ никакого не надо, такъ какъ мнѣ нужна только Соня, безъ которой мнѣ жизнь не въ жизнь. Я замѣтилъ при этомъ, что отецъ мой сейчасъ въ Петербургѣ и ждетъ моего возвращенія съ женой. Мы въ Петербургѣ вырѣшимъ съ нимъ сообща вопросъ—какъ мнѣ быть, остававаться ли въ Технологическомъ институтѣ и кончить курсъ или ѣхать въ деревню и жить съ отцомъ. Чтобы будущее дочери о. Василия представлялось ему какъ можно менѣе мрачнымъ, я сказалъ, что отецъ мой вдовъ и, такимъ образомъ, устранялось такое неблагоприятное обстоятельство

въ будущемъ Сони, какъ свекровь въ домѣ, въ которомъ Соня явилась бы въ положеніи единственной хозяйки.

Романъ былъ сочиненъ довольно складно и правдоподобно; правда, все это сочиненіе не было экспромтомъ; объ этомъ было думано и передумано и въ пути, сидя въ почтовой повозкѣ, и въ комнаткѣ постоялаго двора въ г. Н.

Отецъ Василій, выслушавъ очень внимательно мой рассказъ, неожиданно огорошилъ меня:

— Хорошо, если все это правда! Я, знаете, ужасно боюсь—не фиктивный ли это бракъ затѣвается?

Нужно было огромное усиліе воли, чтобы не выдать того смущенія, которое поднялось при этомъ въ душѣ моей,—и къ счастью, настолько воли у меня хватило; я не только не выдалъ волною хлынувшего въ душу смущенія, но почти съ неподдѣльнымъ презрительнымъ негодованіемъ возразилъ:

— Вы меня, о. Василій, оскорбляете! Вы навязываете мнѣ Богъ знаетъ что!

Надо сказать, что о. Василій въ одномъ изъ перехваченныхъ имъ писемъ къ Сонѣ вычиталъ предположеніе о фиктивномъ бракѣ,—письмо это онъ читалъ давно и ясно его не помнилъ, но возможность фиктивного брака не исчезла изъ его представленія. Показался ли о. Василію мой тонъ вполне искреннимъ, или вообще и мой рассказъ, и я самъ произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ все болѣе и болѣе примирился со мною, но уже въ тотъ моментъ, какъ матушка, поуспокоившись, вошла въ залу, мы съ о. Василіемъ уже разговаривали обо мнѣ, о моемъ отцѣ и братьяхъ, о Сонѣ и прочемъ довольно миролюбиво и спокойно. Матушка, еще не старая, но уже многорожавшая женщина, худощавая, маленькая, со слѣдами былой миловидности,—приведшая себя немного въ порядокъ послѣ слезъ и неожиданнаго огорченія, вошла въ залу и, усѣвшись на стулъ, учинила мнѣ отъ себя довольно обстоятельный допросъ—кто я, откуда я, зачѣмъ я у нихъ, какъ случилось, что я сталъ такъ близокъ Сонѣ? Конечно, въ этотъ промежутокъ времени она успѣла уже допросить дочку обо мнѣ и уже была ознакомлена со мной со словъ Сони, но я повторилъ ей все, только что рассказанное мною о. Василію. Соня въ это время сидѣла въ темной гостиной и внимательно слушала сочиненный мною романъ.

Такъ какъ сцена, разыгранная нами,—сцена страстнаго свиданія двухъ влюбленныхъ существъ послѣ долговременной разлуки,—создала безсознательно для о. Василія и матушки неодолимое желаніе выйти чисто и благородно изъ положенія, созданнаго этой сценой, о которой въ тотъ моментъ уже было раструблено по всему большому с. У. и хозяиномъ постоялаго двора, и гигантомъ причетникомъ, и прислугой о. Василія—то мой рассказъ съ заключительнымъ предложеніемъ жениться тотчасъ же на Сонѣ невольно подкупалъ ихъ въ мою пользу и настраивалъ на мирный ладъ. Кромѣ того, я ясно замѣтилъ, что самъ я произвелъ на о. Василія и въ особенности на матушку весьма благоприятное впечатлѣніе.

Отецъ Василій и матушка удалились, чтобъ посовѣтоваться *tête à tête*, какъ имъ быть, а я остался на нѣкоторое время въ залѣ одинъ.

Вошла Соня, блѣдная, но уже улыбающаяся. Мы сѣли съ нею у окна и шепотомъ стали разговаривать и знакомиться ближе другъ съ другомъ. Такъ какъ Соня была очень близорука и обладала глазами, которые, по шутливому замѣчанію писателя Флеровскаго (Берви), «были созданы только для другихъ», то ей было необходимо поближе разсмотрѣть мое тогда безбородое съ едва пробивавшимися усиками лицо, по которому мнѣ никакъ нельзя было дать болѣе 18 лѣтъ, хотя на самомъ дѣлѣ мнѣ было уже около 21 года. Сонѣ же было—16½ лѣтъ.—Она шептала мнѣ:

— Все идетъ хорошо! Кажется, дѣло выгоритъ!

Мы условились при людяхъ говорить другъ другу—«ты» и вообще продѣлывать аллюры влюбленныхъ...

Нечего грѣха таить, а я въ первый же вечеръ не могъ налюбоваться Соней. Я никакъ не ожидалъ встрѣтить такую красавицу въ лицѣ моей фиктивной невесты. Карточка, которую мнѣ дали, никакого представленія не давала о томъ, что я встрѣтилъ въ дѣйствительности. Вотъ какъ, печальной извѣстности, Левъ Тихомировъ, бывший когда-то моимъ дорогимъ другомъ, описываетъ Соню въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ за границей еще въ 80-хъ годахъ: «сказать, что она была красавицей, было бы недостаточно. Она была рѣдкой красоты, достойной благородной расы сѣвера, сумѣвшей такъ хорошо сохранить древнеславянскій типъ... Черты интеллигентнаго лица поразительной правильности были полны той спокойной смѣлости, которая характеризуетъ женщинъ необычайной красоты, — глаза же поражали выраженіемъ дѣтской невинности».

Всякій долженъ согласиться, что играть въ продолженіе мѣсяца роль влюбленнаго жениха, при случаѣ ласкать и цѣловать такую молоденькую красавицу такому молодому парню, какимъ былъ я, было небезопасно. И, увь! коварный демонъ все больше и больше овладѣвалъ сердцемъ бѣднаго фиктивнаго жениха.

X.

Наконецъ, вошли вновь въ залу о. Василій и матушка послѣ своего совѣщанія, заставши насъ съ Соней, якобы, нѣжно воркующими; я, слышавъ ихъ шаги, взялъ руку Сони и сталъ цѣловать ея пальчики, что родители, несомнѣнно, замѣтили. О. Василій и матушка сказали мнѣ, что рѣшить вопросъ о бракѣ они сейчасъ не могутъ, что завтра они пошлютъ за ближайшимъ своимъ родственникомъ, священникомъ отцомъ Михаиломъ, женатымъ на родной сестрѣ матушки, и посовѣтуются съ нимъ.

Было уже поздно, и матушка съ Соней ушли на покой, причемъ матушка не дозволила намъ съ Соней поцѣловаться на прощанье. Мы же съ о. Василіемъ, который, очевидно, порѣшилъ учинить мнѣ основательный допросъ, остались и, ходя взадъ-впередъ

по залѣ, проговорили до третьяго часу ночи. Съ 5 часовъ вечера я ничего не ѣлъ, такъ какъ въ домѣ о. Василія было въ этотъ вечеръ не до ѣды, и отъ пережитаго волненія я сильно усталъ. Усталъ, конечно, и о. Василій, который рѣшилъ, наконецъ, что пора кончить допросъ мнѣ. Произведенный имъ экзаменъ я, очевидно, въ его глазахъ выдержалъ блистательно; онъ, отпуская меня съ провожатымъ на постоялый дворъ, и пожимая мнѣ на прощанье руку, заявилъ:

— А завтра съ утра перебирайтесь ко мнѣ!

Когда я пришелъ на постоялый дворъ, хозяинъ съ шаровидной хозяйкой, проснувшись, имѣли большое намѣреніе осадить меня допросами, но я, усталый, довольно недружелюбно уклонился отъ разговора съ ними, заявивъ, что я сейчасъ хочу спать, а завтра съ утра перехожу къ о. Василію. Это послѣднее сообщеніе дало поводъ розовому шарикъ женскаго рода нарисовать картинку вслухъ, какъ я и Соня будемъ стоять подъ вѣнцомъ—«какъ два ангелоцка».

Я заснулъ крѣпко и проснулся къ 9 часамъ утра. Меня уже ожидалъ посланный отъ о. Василія работникъ, чтобы перевести мои вещи.

По прибытіи въ домъ о. Василія я тотчасъ же предложилъ ему ознакомиться съ моими документами,—съ копіей съ протокола о дворянствѣ, съ метрическимъ свидѣтельствомъ и со свидѣтельствомъ, выданнымъ изъ Технологическаго института для проживанія; о. Василій не отказался отъ этого удовольствія и основательно ихъ просмотрѣлъ.

На третій или на четвертый день моего пребыванія въ домѣ о. Василія пріѣхалъ отецъ Михаилъ съ молодой, цвѣтущей и милою попадѣй Елизаветой.

Эти дни я больше всего бывалъ въ компаніи о. Василія и иногда матушки. Съ Соней оставаться приходилось раза два урывками; родители, особенно матушка, не допускали насъ до поры до времени сходиться другъ съ дружкой и оставаться вдвоемъ. Впрочемъ, я уже ясно видѣлъ, что и о. Василій, и матушка начинаютъ въ меня влюбляться, и что я имъ очень прихожусь по душѣ. Четыре младшія сестренки, познакомившись, стали обращаться со мной, какъ съ давно знакомымъ; маленькій братишка Сони, недавно только начавшій ходить, охотно шелъ ко мнѣ на руки и забавлялся со мной, къ удовольствію матушки. Отецъ Михаилъ, средняго роста, довольно тучный и геркулесовской силы попъ, и его миловидная жена Лиза познакомились со мной и вынесли изъ этого знакомства самое для меня благоприятное впечатлѣніе. Я чувствовалъ, что вокругъ меня въ домѣ о. Василія создалась сочувственная мнѣ атмосфера.

На третій день по пріѣздѣ отца Михаила, послѣ довольно продолжительнаго шушуканья въ кабинетѣ о. Василія между двумя попами и двумя попадьями, меня и Соню поставили въ гостиной на коврики передъ образами и въ присутствіи всѣхъ домашнихъ отецъ Михаилъ прочелъ предбрачную молитву, и намъ съ Соней разрѣшено было поцѣловаться уже на законномъ основаніи.

Началась предсвадебная канитель.

Самое неприятное обстоятельство въ этой предсвадебной канители было то, что о. Василій съ матушкой нашли необходимымъ ѣхать со мной и съ Соней въ Вятку, гдѣ обучалась въ епархіальномъ училищѣ Соня, и гдѣ въ то время училась ея сестра Люба, а въ гимназіи—братишка второклассникъ. О. Василій и матушка хотѣли во что бы то ни стало сводить меня съ Соней къ архіерею, воспитанницей котораго была Соня, и испросить у него благословеніе на нашъ бракъ и, кромѣ того, они поставили неперемѣннымъ условіемъ, чтобы я по телеграфу, по крайней мѣрѣ, вытребовалъ благословеніе на бракъ отъ моего отца.

Поѣздка въ Вятку была для меня въ высшей степени неприятнымъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ городѣ былъ когда-то въ числѣ ссыльныхъ мой братъ, о чемъ я, конечно, умолчалъ передъ о. Васи́ліемъ. Здѣсь братъ женился на одной изъ дочерей тамошняго исправника, съ которымъ о. Василій былъ знакомъ, и могъ, встрѣтившись съ нимъ, разговориться о готовящейся свадьбѣ своей дочери, которую выдаетъ за Синегуба, и тутъ выползло бы многое, о чемъ я тщательно утаилъ отъ о. Васи́лія при сообщеніи ему свѣдѣній о нашей семьѣ. Въ этомъ городѣ могли оказаться у о. Васи́лія и другіе знакомые, которые знали брата. Кромѣ того, здѣсь могло обнаружиться полное мое незнакомство съ городомъ, въ который я, по моимъ рассказамъ, специально заѣзжалъ, когда познакомился съ Соней, чтобы ознакомиться съ однимъ изъ старѣйшихъ городовъ Россіи. Правда, въ Вяткѣ, если бы сорвалось мое дѣло, я имѣлъ много шансовъ скрыться и бѣжать, такъ какъ здѣсь были ссыльные, знавшіе обо мнѣ (какъ напр., Трошанскій по нечаевскому дѣлу), и которые, несомнѣнно, оказали бы мнѣ помощь. Во всякомъ случаѣ, эта поѣздка грозила разстроить мое предпріятіе.

Но дѣлать нечего, надо было ѣхать, съ единственнымъ упованіемъ, что «авось» какъ-нибудь вывезетъ.

Было еще и другое неприятное обстоятельство, это—требованіе благословенія на бракъ отъ моего отца. Я сказалъ о. Васи́лію и матушкѣ, что мой отецъ въ Петербургѣ и ждетъ тамъ меня съ молодой женой; стало быть, испросить у него благословеніе по телеграфу ничего не стоитъ. Я, конечно, безъ колебанія согласился послать отцу въ Петербургъ телеграмму съ просьбой благословенія на бракъ, какъ только мы пріѣдемъ въ Вятку. Но, вѣдь, на самомъ дѣлѣ отца моего въ Петербургѣ не было,—онъ жилъ въ своемъ имѣніи на югѣ, ни сномъ, ни духомъ не вѣдая, что творитъ его сынъ гдѣ-то въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи.

Пришлось мнѣ и тутъ разсчитывать на «авось».

Я рѣшилъ послать въ Питеръ телеграмму на имя отца, но на адресъ брата. Къ сожалѣнію, мысль о благословеніи моего отца на бракъ никому изъ насъ въ Питерѣ, участвовавшихъ въ устройствѣ фиктивного брака, не пришла въ голову, и я уѣхалъ оттуда, не думая о немъ, и съ братомъ не сговорился. Но я разсчитывалъ, что, если братъ получитъ телеграмму на свой адресъ, но на имя отца, онъ сразу смекнетъ, что тутъ что-то есть, и получить ее за

отца; а прочитавши ее, онъ ужъ, конечно, тотчасъ же пошлетъ мнѣ телеграмму съ благословіемъ, съ подписью отца.

Какъ я ни раскидывалъ умомъ, а отказаться отъ воѣздки въ Вятку и отъ посылки телеграммы отцу съ просьбой о благословіеніи на бракъ не находилъ никакого резона, вполне убѣдительнаго и удобопріемлемаго о. Василиемъ и матушкой, которымъ крайне хотѣлось при этомъ, чтобы бракъ совершился по благословіенію архіерея.

Мы съ Соней наединѣ потужили о томъ, что такъ было наладившееся наше дѣло приходилось подвергать такому риску, съ массою шансовъ провалить его въ конецъ. Но, порѣшили,—либо панъ, либо пропаль! Будь, что будетъ!

Итакъ, отправились мы на долгихъ въ Вятку: о. Василій, матушка, я и Соня; о. Василій со мной въ кибиткѣ, матушка съ Соней въ возкѣ.

Отецъ Василій дорогой все больше и больше становился со мной на родственную ногу, иногда даже переходилъ на «ты», посвящалъ меня во всѣ свои семейныя тайны, рассказывалъ мнѣ о своей борьбѣ съ другими попами въ У., которые интриговали противъ него, о своихъ судейскихъ дѣлахъ и пр.

Матушка, съ нѣжностью и материнской лаской, заботилась о томъ, чтобы мнѣ было тепло и удобно въ дорогѣ, а на остановкахъ, чтобы я не сидѣлъ голодомъ, а побольше бы ѣлъ и пилъ. Сердце ея, очевидно, приняло меня и облюбовало, да и я чувствовалъ къ ней искреннее расположеніе, и иногда мнѣ было больно сознавать, что на самомъ дѣлѣ я былъ для нея совсѣмъ чужой человѣкъ и по существу—безпощаднѣйшій врагъ имъ обоимъ.

Пріѣхали мы въ Вятку и остановились на постояломъ дворѣ, на которомъ обыкновенно останавливался о. Василій съ семьей, когда пріѣзжалъ въ городъ. Такъ какъ мы пріѣхали утромъ, то въ тотъ же день я отправился на телеграфную станцію и послалъ телеграмму въ Питеръ на имя отца на адресъ брата: «Шлите ваше благословіеніе, за нимъ остановка, до востребованія». Отецъ же Василій отправился къ архіерею.

Къ вечернему чаю мы всѣ,— о. Василій, матушка, Соня и я,—отправились по заказу архіерея къ нему. Архіерей пожелалъ лично познакомиться съ женихомъ. Пошли. Въ своихъ апартаментахъ, не поражавшихъ, впрочемъ, особенной роскошью обстановки, встрѣтилъ насъ пожилой, краснощекій, значительно ожирѣлый, небольшого роста архипастырь, пухлую руку котораго пришлось всѣмъ намъ благоговѣнно облобызать, подходя подъ его благословіеніе. Онъ усадилъ меня и Сою за столъ на диванъ. На этомъ столѣ, возлѣ котораго на стульяхъ усѣлись также архіерей и о. Василій съ матушкой, очень скоро очутился подносъ со стаканами и чашками чаю, съ вареньемъ и печеньемъ.

Добродушно и весело говорилъ все время благодушный пухлый архіерей, очевидно, большой охотникъ говорить и неохотникъ слушать. Между прочимъ, онъ свелъ разговоръ на вопросъ о святости и нерасторжимости брака, причемъ приплелъ и романъ Искандера—«Кто виноватъ».

— А? кто виновать?—спрашивает! И думаетъ, что мы не раскусимъ, кто виновать, по его мнѣнію! Выходитъ, видите ли, что законный неразрывный бракъ виновать!! Ха! ха! ха! Каково?! Ха! ха! ха!.. думаетъ, не поймемъ! Ха! ха! ха!..—и краснощекій пухлый архіерей заливался искреннѣйшимъ смѣхомъ при мысли, что хитрость Искандера не ускользнула отъ его проникающей.

Глядя на потѣшно колыхавшагося отъ смѣха пухлаго архіерея, смѣявшагося притомъ очень заразительно, я тоже смѣялся совершенно чистосердечно. Во время разговора, я позволилъ себѣ почтительно вставить нѣсколько замѣчаній благонамѣреннаго свойства о святости брака и установленій церкви православной, которыя пришлось по душѣ архипастырю. И, какъ потомъ говорилъ мнѣ о. Василій, я очень понравился архіерею, какъ симпатичный и разсудительный молодой человѣкъ.

Когда мы вернулись отъ архіерея на постоянный дворъ, о. Василій заявилъ мнѣ, что архіерей приказалъ явиться къ нему вновь, когда будетъ получена телеграмма отъ моего отца съ благословеніемъ, и тогда онъ насъ благословитъ на бракъ. На другой день я нѣсколько разъ заходилъ на телеграфъ справляться объ отвѣтѣ, но отвѣта все не было. Я начиналъ беспокоиться. Неполученіе отвѣта могло означать, что братъ не получилъ моей телеграммы; ее въ отсутствіе брата домашніе могли отказатьсь принять, какъ адресованную не брату, а отцу. Неполученіе телеграммы отъ отца разстраивало и о. Василю, и матушку, и Соню. Кстати сказать, на постояломъ дворѣ съ нами была въ это время и сестра Люба, отпущенная изъ интерната епархіального училища. Приходилъ сюда съ перваго же дня и двоюродный братъ Сони, гимназистъ 5 класса, Петя Неволинъ; также былъ здѣсь и братишка Сони, гимназистикъ, еще не такъ давно бывший шпиономъ при Сонѣ.

Какъ Люба, такъ и Петя, какъ потомъ я узналъ отъ Сони, были посвящены въ тайну того, что мы совершали тогда съ Соней, и были ея союзниками въ душѣ. Впрочемъ, черезъ Петю, въ случаѣ надобности, я могъ и скрыться къ ссыльнымъ, съ которыми онъ имѣлъ связи.

Прошло трое сутокъ, а телеграммы нѣтъ и нѣтъ! Наконецъ, на 4-й день, часамъ къ 10 утра я зашелъ на телеграфную станцію съ намѣреніемъ, если отвѣта не будетъ, послать новую телеграмму; на этотъ разъ оказалось, что мнѣ есть телеграмма изъ Питера. Съ величайшимъ волненіемъ вскрывалъ я ее: что-то въ ней? И... читаю: «Шлю тебѣ свое благословеніе, твой отецъ Сила Синегубъ». Отъ радости я готовъ былъ прыгнуть до потолка. Какъ я рассчитывалъ, такъ и случилось. Братъ, увидѣвъ, что телеграмма адресована на его адресъ, хотя на имя отца, тотчасъ еще смекнулъ, что она относится именно къ нему, и что тутъ что-то есть, получилъ ее, какъ Сила Синегубъ, и по прочтеніи ея немедленно повидался съ Анной Дмитріевной и Чарушинымъ и махнулъ мнѣ отвѣтъ за подписью отца.

Въ совершенно искреннемъ восторгѣ явился я на постоянный дворъ

и, объявивъ всѣмъ заинтересованнымъ о полученномъ благословеніи отца на бракъ, вызвалъ всеобщее ликованіе. Матушка въ первый разъ обняла меня и поцѣловала, какъ мать, ласково говоря: «ну, теперь Вы нашъ!» и приказала Любѣ и Колѣ, послѣ того, какъ мы съ о. Василиемъ обнялись и облобызались, поцѣловаться со мной, какъ съ роднымъ. Сонѣ цѣловаться со мной съ этого дня не только не возбранялось, а даже не одобрялось, если она, по мнѣнію матушки, не проявляла ко мнѣ достаточной нѣжности.

Къ 4 часамъ мы четверомъ отправились къ архіерею. Узнавъ о полученіи отъ отца моего благословенія (ему была о. Василиемъ предъявлена полученная утромъ телеграмма), онъ отъ души насъ поздравилъ и повелъ въ свою домовую церковь, гдѣ, поставивъ насъ на колѣни передъ алтаремъ, благословилъ, впрочемъ, одну только Соню иконой св. Софіи, какъ свою воспитанницу; мнѣ же, послѣ того, какъ мы поднялись, далъ свое обычное архипастырское благословеніе. Надо замѣтить, что при крещеніи моя невѣста была названа Лариссой, но архіерею почему-то вздумалось переименовать ее въ Софію, такъ что въ нѣкоторыхъ документахъ она значилась Лариссой, какъ въ метрическомъ свидѣтельствѣ, въ другихъ — Софіей, какъ въ свидѣтельствѣ объ окончаніи епархіального училища и, наконецъ, въ моемъ документѣ, куда ее вписали послѣ вѣнчанія, она уже названа Софія—Ларисса.

При уходѣ отъ архіерея, онъ, прощаясь, подарилъ отъ себя Сонѣ въ приданое десять червонцевъ (чрезвычайная рѣдкость въ то время) и наказалъ мнѣ звать ее—Софіею, «ибо,—пояснилъ онъ,—Софія означаетъ—мудрость.»

Впрочемъ, по прибытіи отъ архіерея, я сталъ звать свою невесту Лариссой, заявивъ ея родителямъ, что имя Ларисса нравится мнѣ больше, чѣмъ Софія, и ужъ какъ она крещена, такъ пусть и называется, съ чѣмъ охотно согласился и отецъ Василій.

До сихъ поръ пока все шло благополучно. Но долго ли мы будемъ въ Вяткѣ? Чѣмъ дольше продолжалось бы наше здѣсь пребываніе, тѣмъ больше прибавлялось бы шансовъ для провала до сихъ поръ прекрасно наладившагося дѣла.

Мать занялась теперь заказываніемъ подвѣчнаго платья и разныхъ нарядовъ и тряпокъ въ приданое городскимъ мастерицамъ. Эта вся совсѣмъ ненужная для насъ съ Соней дребедень требовала не менѣе недѣли времени. Матушка, исполнивши заказы, порѣшила, что она съ Соней уѣдетъ въ У. обратно, и тамъ онѣ займутся подготовленіями къ свадьбѣ, какимъ-то шитьемъ, мытьемъ да печеніями; до свадьбы же времени оставалось немного, такъ какъ вѣнчанье съ разрѣшенія архіерея (не помню ужъ почему именно понадобилось тогда спеціальныя его разрѣшенія) назначено было на 12 ноября (Кажется, послѣ наступалъ Филипповскій постъ, а 12 приходилось въ пятницу, въ день, въ который вѣнчать нельзя безъ архипастырскаго разрѣшенія).

Мы же съ о. Василиемъ должны были оставаться въ Вяткѣ, подождать изготовленія заказаннаго и затѣмъ забрать его и ѣхать въ У.

Отецъ Василій безпрекословно и съ удовольствіемъ согласился на это рѣшеніе. Онъ любилъ бывать въ городѣ безъ матушки, онъ безъ нея навѣщалъ на свободѣ своихъ знакомыхъ и покучивалъ съ ними, такъ какъ выпить въ компаніи, попѣть и повеселиться былъ не прочь. Ему теперь улыбалась такая перспектива послѣ довольно долгого лишенія такого удовольствія. Матушка вела домъ строго, аккуратно и не находила приличнымъ для священнаго сана даже безобидная выпивка въ компаніи со знакомыми, которыя только и позволялъ себѣ о. Василій, будучи въ личномъ поведеніи вполне добропорядочнымъ человѣкомъ. Такъ какъ я былъ юношей скромнымъ, чистенькимъ барченкомъ, ничего не пилъ, былъ деликатенъ и разсудителенъ (такимъ я былъ въ представленіи матушки, по крайней мѣрѣ), то матушка охотно оставляла о. Василю на мое попеченіе въ ея отсутствіе, глядя на меня, какъ на лицо, котораго постѣняется о. Василій и не очень позволитъ себѣ покучивать, главнымъ образомъ, бражничать, чего она не хотѣла, такъ какъ лишнія возліянія разстраивали здоровье о. Василя. Но если такая комбинація была въ разчетахъ матушки, то намъ съ Ларой она совсѣмъ не нравилась. Для насъ, напротивъ, чѣмъ скорѣе выбратъ изъ города, тѣмъ было лучше. За недѣлю или полторы пребыванія въ Вяткѣ могло обнаружиться обо мнѣ, при хожденіи о. Василя по знакомымъ, много такого, что могло все наладившееся дѣло перевернуть вверхъ дномъ. И намъ надо было во что бы то ни стало всѣмъ уѣзжать изъ города какъ можно скорѣе. Смекнувъ, что перелъ нашей свадьбой, на которую все-таки требовалось не мало расходовъ, матушка ни за что не оставитъ одного о. Василя въ городѣ, гдѣ онъ не удержался бы и растранирилъ бы не мало денегъ въ тѣ моменты, когда муха залетала бы ему за галстухъ, мы съ Лариссой, пошептавшись, рѣшили пристать къ «мамѣ», какъ и я началъ называть теперь матушку, съ просьбой не разлучать насъ на цѣлыхъ двѣ недѣли, такъ какъ мы и такъ уже наскучались другъ за дружкой достаточно. Мать на нашу просьбу охотно склонилась, видя нашу голубиную нѣжность другъ къ дружкѣ, которую мы нарочно весьма повысили въ эти дни,—новая бѣда въ томъ,—какъ же быть съ заказами? Кто же ихъ получить и доставить въ У.? Дипломатично не настаивая, о. Василій все-таки подавалъ голосъ за то, что, въ случаѣ крайности, что-жъ?—придется ему одному остаться въ городѣ ради заказовъ, что совсѣмъ не нравилось матушкѣ. Выручилъ насъ изъ затрудненія неожиданно подвернувшійся попъ Николай, пріѣхавшій въ городъ къ архіерею, и зашедшій поэтому на постоянный дворъ къ о. Василю за совѣтомъ. Казъ радъ недѣли черезъ 1¹/₂ онъ собирался обратно въ свое село, а путь туда лежалъ черезъ с. У. Отецъ Николай охотно взялся получить заказы и доставить ихъ въ У. Отецъ Василій чмыхалъ носомъ, а мы съ Ларой ликовали. Матушка согласилась на то, чтобъ отецъ Николай увезъ заказы, но закуски и вина порѣшила увезти съ собой и изъ-за нихъ мы просидѣли въ городѣ лишніе сутки.

Вспоминается мнѣ одно маленькое обстоятельство, когда я, было.

«проврался». Пришелъ какъ-то этотъ самый попъ Николай и, разговаривая со мной, интересовался по-провинціальному узнать все отъ меня лично, бывалъ ли я въ Вяткѣ и сколько разъ, какъ познакомился съ Ларой и пр. Я ему рассказывалъ приблизительно то же, что и о. Василию. Пришелъ въ это время еще знакомый о. Василія одинъ изъ мировыхъ судей Вятки,—необыкновенно уродливой наружности человекъ, съ огромнымъ въ видѣ какого-то кулака носомъ, съ какими-то буграми на фізіономіи, но скромный и очень застѣнчивый человекъ. О. Василій за чѣмъ-то вышелъ, а я остался съ двумя этими гостями, и вотъ мировой судья пожелалъ вступить со мной въ разговоръ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ бывалъ ли я раньше въ Вяткѣ? — И я, о ужасъ! совсѣмъ въ эту минуту забывшись ляпнулъ: «нѣтъ! я въ первый разъ здѣсь!». Спихватившись, я невольно взглянулъ въ сторону попа Николая, но, къ счастью, онъ не слышалъ моего отвѣта, погрузившись въ разсматриваніе какой-то книги, а затѣмъ я постарался свести разговоръ на другую тему. И вскорѣ послѣ того, какъ въ комнату вошелъ о. Василій, мировой судья ушелъ... Нѣтъ, положительно, надо было поскорѣе удирать изъ Вятки!

XI.

Наконецъ-то мы двинулись въ путь обратно въ с. У. Я пытался ускорить свадьбу, мотивируя тѣмъ, что задерживать отца въ Петербургѣ долго нельзя, и что мнѣ необходимо застать его еще тамъ въ ноябрѣ, — но несмотря на мои настоянія, свадьба по чѣмъ хозяйственнымъ соображеніямъ матушки не могла состояться раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, т. е. 12 ноября. Пришлось съ этимъ волей-неволей примириться. По пріѣздѣ въ с. У. я облекся въ данный мнѣ о. Василиемъ подрясникъ и по цѣлымъ днямъ скучалъ. Женщины занялись усердно шитьемъ бѣлья невѣстѣ и всякаго другого, по мнѣнію ихъ, весьма необходимаго для невѣсты барахла, при чемъ къ досадѣ матушки я предложилъ привезенную съ собой роскошную подвѣнечную фату и прекрасные искусственные цвѣты для вѣнка, такъ что купленная въ Вяткѣ матушкой безъ моего вѣдома фата и цвѣты оказались напрасно купленными да и по сравненію съ моими куда негодными, а деньги на нихъ потраченныя—выброшенными. Тутъ же я преподнесъ невѣстѣ золотые часы съ цѣпочкой, взятые у Рязанцевой на поддержаніе, съ условіемъ при благополучномъ возвращеніи въ Петербургъ возвратить ихъ ей. Часики и цѣпочка были очень хорошенькіе и цѣнные и привели въ восхищеніе окружающую женскую публику. Какъ фата съ цвѣтами, такъ и мой подарокъ весьма подняли мой престижъ жениха-барича въ глазахъ всѣхъ родичей и домочадцевъ.

Всѣмъ родичамъ,— все попадаямъ съ попами,—жившимъ въ другихъ селахъ и уѣздахъ Вятской губ., были разсланы спеціальныя приглашенія на свадьбу. Стали съѣзжаться попы съ женами и дѣтьми.

Отець Василій, въ качествѣ регента, началъ готовить двухъ діаконовъ къ пѣнію вѣнчальныхъ пѣсень въ церкви: старый діаконовъ—басъ (отець Тани) и молодой діаконовъ второй теноръ. Самъ о. Василій пѣлъ перваго тенора. Иногда заходилъ и присоединялся къ хору гигантъ псаломщикъ. Въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, недѣли въ залѣ дома о. Василя каждый день съ утра раздавалось пѣніе: «Исайя ликуй», «Гряди, гряди, отъ Ливана невѣсто», «Положилъ еси на главы ихъ вѣнцы» и т. п. Пѣніе перемежалось выпивкой и закуской пѣвцовъ и пріѣхавшихъ поповъ, не принимавшихъ участія въ пѣніи.

Въ гостиной и другихъ аппаратахъ шло шитье, въ которомъ принимали участіе и пріѣхавшія попадьи, изъ которыхъ только жена отца Михаила отличалась миловидностью и большимъ умственнымъ развитіемъ.

Съ утра я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Читать было нечего, да и читать было невозможно. Я то сидѣлъ въ залѣ и слушалъ пѣніе, въ которомъ діаконовъ басъ вралъ неистово къ досадѣ о. Василя, то уходилъ въ гостиную къ сидѣвшимъ за шитьемъ женщинамъ, присаживался тамъ къ невѣстѣ, а иногда отъ скуки начиналъ дуричь и надоѣдать ей шутками и мѣшаніемъ работать ей и Танѣ, къ ихъ серьезной досадѣ. Кстати сказать, невѣста моя стала не выдерживать своей роли, — и вмѣсто того, чтобы стремиться «влюбленною душою» быть возможно чаще съ возлюбленнымъ, напротивъ того, больше проводила теперь время съ Таней, помогавшей въ качествѣ подруги въ изготовленіи приданнаго тряпья. По цѣлымъ часамъ она оставляла безъ всякаго вниманія своего жениха, не знавшаго рѣшительно, какъ довести день до вечера. Это начала замѣчать и матушка. Она не разъ говорила Лариссѣ: «да поди-жъ ты къ жениху-то! Ты съ утра съ нимъ сегодня и слова, кажись, еще не сказала!».

Я счелъ это неудобнымъ, и мы условились съ Ларой, что въ тѣ часы, когда въ домѣ маленько стихала сутолока, и публика расходилась по отведеннымъ ей угламъ на покой, — что обыкновенно было къ часамъ 10-ти вечера, мы будемъ сходиться въ залѣ, и проводить часокъ вмѣстѣ. Здѣсь, въ залѣ, освѣщенной только свѣтомъ лампы изъ гостиной черезъ открытую дверь, мы ходили съ нею взадъ и впередъ и полушепотомъ разговаривали то о Питерѣ и дѣлахъ и людяхъ, то о Шпильгагенскихъ герояхъ, то иногда я рассказывалъ сказку изъ Кота Мурлыки. Если я при этомъ замѣчалъ, что въ освѣщенной гостиной появлялась фигура матери или отца, я начиналъ довольно громко цѣловать свою собственную руку, что достигало своей цѣли и объясняло матушкѣ нѣсколько холодное обращеніе Лары со мною при людяхъ. Подслушавъ эти поцѣлуи, матушка однажды, смѣясь, замѣтила при всѣхъ жившихъ женщинахъ по адресу Лариссы: «Небось, сейчасъ вонъ какая скромница сидитъ; а какъ останется съ женихомъ въ темной залѣ, такъ то и знай цѣлуются!».

Приготовленія были всѣ закончены, — подошелъ и долго ждан-

ный день. Часовъ въ пять вечера, 12 ноября, сельскій красивый храмъ былъ торжественно освѣщенъ. Все с. У. и много изъ ближнихъ деревень стеклось въ храмъ. Я одѣлся во фракъ (въ первый и послѣдній разъ въ жизни!), въ крахмальную сорочку, въ бѣлый галстухъ и пр. и пр. (шапо-клякъ, захваченный мною въ числѣ принадлежностей жениховскаго гардероба, оставался, впрочемъ, въ моемъ чемоданѣ, и я ѣздилъ вѣнчаться въ барашковой шапкѣ). Посадили меня въ экипажъ съ отцомъ Михаиломъ, и мы выѣхали первые со двора.

Гдѣ-то въ отдаленномъ сосѣднемъ селѣ начался пожаръ. Въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ большое зарево охватило полнеба. Выскочивши изъ воротъ, лошади въ нашемъ экипажѣ почему-то шарахнулись въ сторону и задрусили. Но кучеръ довольно скоро съ ними сладилъ, и мы подкатили къ ступенькамъ паперти храма.

Я вошелъ съ отцомъ Михаиломъ въ храмъ. Толпа, бывшая въ храмѣ, разступилась... Масса любопытныхъ глазъ устремилась на меня... Слышался шепотъ: «какой молоденькій!»... Я чувствовалъ себя конфузно и употреблялъ большія усилія, чтобъ подавлять смущеніе и держать себя болѣе или менѣе развязно. Совершался послѣдній актъ затѣянной игры! Нетерпѣніе овладѣвало мною, и мнѣ казалось, что невѣста страшно долго не ѣдетъ.

Въ домѣ происходилъ обрядъ облаченія и благословенія невѣсты, во время котораго присутствовалъ и шаферъ невѣсты, тотъ самый влюбленный въ нее мировой судья, за котораго ее прочили родители,—и смотря на необыкновенную красавицу въ подвѣчной фатѣ, блѣдную и взволнованную и оттого еще болѣе прекрасную, она молча плакала...

Вотъ прибыла въ храмъ и невѣста съ шаферомъ и подружками... Я пошелъ къ ней навстрѣчу... Ларисса была такъ блѣдна, рука ея была холодна, какъ ледъ, что у меня мелькнула мысль объ обморокѣ. Не глядя на меня и на людей, она пошла за мной къ указанному намъ мѣсту.

Нашъ хоръ,—о. Василій, діаконь-басъ, діаконь-теноръ и гигантъ псаломщикъ,—грянулъ: «Гряди, гряди отъ Ливана невѣсто!». Когда священникъ, родной братъ о. Василія, совершилъ обрядъ обрученія и обмѣнялъ насъ кольцами (съ моей стороны фигурировало кольцо, взятое въ г. Н. у сестры Р.) въ толпѣ раздался возгласъ: „Ну, теперь, значить,—шашашъ!“...

Во все время вѣнчанія я чувствовалъ себя скверно. Мнѣ было жарко отъ смущенія. Я неимоверно потѣлъ. Вѣнецъ, надѣтый мнѣ на голову, былъ великъ и то и дѣло слѣзалъ мнѣ на глаза. Кто-то, кажется отецъ Михаилъ, спасибо ему, догадался подсунуть мнѣ подъ вѣнецъ свой носовой платокъ, чтобъ вѣнецъ не ерзалъ. На силу я дождался конца этой муки и уже съ Лариссой и отцомъ Михаиломъ вернулись домой.

Гости ѣли и пили, пили и ѣли. Пѣли намъ многократно многолѣтіе всѣ присутствующіе за столомъ, при чемъ діаконь болѣе всѣхъ путалъ и вралъ, но зато гремѣлъ во всю глотку. Безчи-

сленное множество разъ насъ заставляли цѣловаться при крикахъ: «горько»!

Кончился ужинъ,—кое-какіе гости разѣхались,—другіе разошлись по отведеннымъ имъ въ домѣ о. Василя угламъ, а насъ, мужа и жену, родители препроводили въ спальню.

Мы заперли дверь и остались въ маленькой спаленкѣ tête à tête. Было намъ обоимъ нестерпимо конфузно... Но дѣлать нечего, надо было доводить комедию до конца. Я предложилъ Лариссѣ, чтобы она ложилась на единственную двухспальную стоящую тутъ кровать, снабженную роскошной периной и широкимъ одѣяломъ; а я, придвинувъ къ двери, отворявшейся внутрь спальни, стоявшій тутъ сундукъ съ вещами Лариссы, улегся на немъ. Погасивъ огонь, Ларисса сняла съ себя вѣнчальные одежды и утонула въ перинѣ; а я, свернувшись въ калачикъ на сундукѣ, провелъ ночь вполне по-походному. На утро, когда Ларисса, подъ одѣяломъ накинута на себя одежду, вышла изъ спальни, я увидѣлъ, что на перинѣ выдвинутъ слѣдъ только одной фигуры. Чтобы это не показалось подозрительнымъ для того, кто будетъ убирать эту постель, я, притворивъ дверь, улегся на перину, чтобы выдвинуть слѣдъ и другой фигуры. Конечно, въ это утро нужно было ожидать отъ родственниковъ всякихъ двусмысленныхъ намековъ и шутокъ... Но тутъ ужъ надо было претерпѣть.

Такъ мы провели цѣлыхъ три ночи...

По моему настоянію, послѣ того, какъ мы, по желанію родителей, объѣздили съ визитами всѣхъ тузовъ села У., и даже ѣздили къ одному изъ враждовавшихъ съ о. Василемъ поповъ (неизвѣстно для чего!), и послѣ того, какъ вся родня разѣхалась къ своимъ пенатамъ, въ ночь съ 15 на 16 ноября, мы съ Ларой сѣли въ возокъ и покинули У.

Проводы со стороны родителей Лариссы были самыя сердечныя, и матушка, плача, крестила дочь и меня, благословляла и цѣловала насъ. Прощаясь съ нею, мнѣ было глубоко ее жаль, и я горячо цѣловалъ ея руки, съ лаской и любовью меня крестившія.

Вотъ мы и за селомъ... Шелъ снѣжокъ, выравнивая намъ дорогу.

— Ну, поздравляю васъ со свободой!—обратился я къ Лариссѣ, протягивая ей руку.—Она молча и крѣпко отвѣтила на мое рукожатіе.

— Что же вы, довольны мной?—спросилъ я ее съ усмѣшкой.

— Да, да! глубоко благодарна!—горячо сказала она въ отвѣтъ.

Путь нашъ лежалъ черезъ г. Яр., гдѣ жилъ священникъ, женатый на одной изъ тетокъ Лариссы, бывшій у насъ на свадьбѣ; мы общались къ нимъ захватъ на нѣсколько часовъ, пока подадутъ почтовыхъ лошадей, что и исполнили. Прогостивъ тутъ до вечера, мы ночью двинулись дальше. Помню, что гдѣ-то мы переѣзжали съ большой опаской по льду рѣку Вытегру. Доѣхали до Нижняго и здѣсь на лодкѣ переѣхали Волгу, по которой уже начался ледоходъ. Кольцо, взятое въ г. Н., такъ какъ черезъ него намъ не

пришлось ѣхать, Ларисса отдала Танѣ, которая и передала потомъ сестрѣ Р.

Въ концѣ ноября 1872 г. я привезъ свою фиктивную жену въ ту женскую коммуну, которая жила въ Басковомъ переулкѣ и «сдала» ее на руки Аннѣ Дмитріевнѣ. Надо сказать правду, что нѣкоторое время, какъ въ своемъ кружкѣ, такъ и среди знакомой и незнакомой мнѣ публики, я былъ героемъ дня. О моемъ фиктивѣ рассказывали, и съ моимъ именемъ сталъ соединяться извѣстный геройскій престижъ.

Въ это время у меня было двѣ важныхъ заботы,—одна личного, а другая общественнаго характера. Моя фиктивная жена совершила весьма основательную брешь въ моемъ сердцѣ. Но показать это ей было бы преступленіемъ. Какъ-нибудь, я долженъ былъ залатать эту брешь во что бы то ни стало. Въ этомъ могла помочь мнѣ моя общественная забота. Надо въ нее погрузиться, и никакія глулости не будутъ имѣть мѣста!

Не медля ни дня, я явился въ артель Шабунина и Абакумова, побывалъ и у Крылова и общалъ имъ, что черезъ нѣсколько дней у желающихъ рабочихъ будутъ учителя и учительницы.

Я убѣдилъ женскую коммуну переѣхать на Выборгскую сторону въ д. Байкова, и каждой изъ жившихъ тамъ женщинъ, а также и нѣкоторымъ изъ товарищей, переѣхавшихъ туда же, я предложилъ учениковъ по 3—5 человекъ, такъ какъ учиться пожелало очень много рабочихъ.

Домъ Байкова былъ большой домъ, раздѣленный парадными сѣнями на двѣ половины. Въ одной половинѣ, состоявшей изъ 2-хъ большихъ комнатъ съ передней, поселились Стаховскій, Жуковъ, Шамаринъ, Красовскій и Леонидъ Поповъ, въ другой, состоявшей изъ 4 комнатъ (три поменьше, и одна — большое зало) помѣстились женщины,—Кувшинская, Кочурова, Рязанцева, Охременко, Купреянова и Ларисса. Изъ коммуны сюда не переѣхала только Палицына. Съ конца ноября и по февраль я руководилъ этимъ знакомствомъ съ рабочими. Тутъ шли занятія школьнаго характера: обученіе чтенію, письму, счету, сообщались знанія по географіи, физикѣ и исторіи; въ большомъ залѣ устраивались и лекціи. Такъ, здѣсь читалъ князь Крапоткинъ передъ собравшимися рабочими объ Интернаціоналѣ, Александра Корнилова—о нѣмецкихъ и австрійскихъ рабочихъ ферейнахъ, съ которыми они основательно познакомились во время своего пребыванія за границей, Клеменцъ читалъ изъ русской исторіи о народныхъ движеніяхъ. Довольно часто, посѣя школьныхъ занятій со своими отдѣльными учительницами и учителями, ученики рабочіе, по большей части взрослые парни, сходились въ этотъ большой залъ, гдѣ, угощаясь чайкомъ, вели разговоры и споры, или слушали чтеніе какой-нибудь интересной книги. Если я въ это время не пребывалъ въ какой-либо артели или не былъ занятъ по конспираторскому дѣлу у себя на квартирѣ (я жилъ отдѣльно въ одномъ домѣ съ Чарушинымъ, но въ разныхъ комнатахъ, тоже на Выборгской сторонѣ), то обыкновенно вслухъ

читалъ я. Въ февралѣ я уѣхалъ въ Тверь, (о чемъ я разска-
залъ въ другомъ мѣстѣ,—въ воспоминаніяхъ своихъ о кружкѣ чайков-
цевъ)—и попалъ въ народные учителя въ село Губинъ-Уголь Твер-
ской губ. Корчевскаго уѣзда, близъ знаменитаго сапожнаго села
Кимвры.

С. Синегубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ

изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ третьей книгѣ «Былого» В. Н. Фигнеръ въ воспоминаніяхъ о Л. Ал. Волкенштейнѣ между прочимъ пишетъ обо мнѣ: «онъ былъ избитъ въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, въ послѣдствіи отрицавшаго этотъ фактъ».

Я думаю, интересно дополнить это сообщеніе нѣкоторыми подробностями и изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ полковникъ Покрошинскій отвергнулъ фактъ нанесенія мнѣ при немъ побоевъ.

Былъ осенній день, около 3—4 часовъ послѣ обѣда. Книгъ въ это время мнѣ еще не давали. Желѣзная кровать на день складывалась и замыкалась на скобу. Ни въ какомъ положеніи днемъ не позволяли дремать.

Въ этотъ день мнѣ что-то было грустно. Точно не помню, по какому поводу я былъ не въ духѣ; кажется, меня обидѣлъ сосѣдь или я его обидѣлъ (конечно стукомъ въ стѣну)—положительно не могу вспомнить изъ-за чего. Я, сидя на табуреткѣ, наклонился головой къ столу вплотную на руки и... хотѣлъ забыться и заснуть...

Жандармъ стукнулъ въ двери, чтобъ не дать мнѣ задремать на стулѣ. Я поднялъ голову и легъ на другое ухо. Жандармъ повторилъ стукъ и, видя, что я не обращаю на него вниманія, сталъ стучать непрерывно.

— Когда такъ,— подумалъ я,—такъ вотъ же вамъ!

Я разсердился и запѣлъ громко извѣстную малороссійскую пѣсню: «Ще не вмерла Украины и слава и доля! Ще намъ, братцы-молодцы усмихнется воля!» Съ припѣвомъ: «Душу тило мы положимъ за свою свободу» и т. д.

Поднялась въ корридорѣ бѣготня жандармовъ...

На куплетѣ «Сгинуть наши вороги, якъ роса на солнці, запануемъ, братцы, мы на своей сторонци»—дверь открылась. Я замолкъ. Вошло нѣсколько жандармовъ, двое взяли меня подъ руки. Я не сопротивлялся, тѣмъ не менѣе меня потащили, а когда вывели изъ тюрьмы, то человекъ восемь жандармовъ стали наносить мнѣ удары кулаками по головѣ, спинѣ и, забѣгая впередъ, даже по лицу и груди.

Я не сердился. Меня, какъ будто даже забавляло это подсакивание ко мнѣ солдатъ. Въ монотонной крѣпостной жизни это было развлеченіемъ по пословицѣ «хоть и гирише, да инше». Объ оскорбительности побоевъ я даже не подумалъ. Я не сердился еще потому, что мнѣ казалось, что жандармы наносятъ побои, какъ будто исполняя какую-то формальность по службѣ. Теперь я почти убѣжденъ, что били они, чтобъ показать свое усердіе передъ начальствомъ.

Такъ какъ меня со всѣхъ сторонъ толкали, то я подвигался очень медленно. Я не сопротивлялся и молчалъ, сказалъ только: «Бейте, бейте!—такъ били и Христа». Таково было мое настроеніе.

И въ это время я случайно оглянулся назадъ. Я былъ недалеко отъ крыльца и увидѣлъ на крыльцѣ полковника Покрошинскаго и около крыльца капитана Соколова (Ирода). Полковникъ смотрѣлъ на нашу группу. Позже я слышалъ его шаги въ старой тюрьмѣ.

Когда шествіе, наконецъ, приблизилось къ «сараяу» (старой тюрьмѣ) оттуда вышли еще два жандарма и ткнули мнѣ въ грудь свои кулаки.

Меня привели въ камеру № 10, гдѣ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ сумасшедшую рубаху, оставили на асфальтовомъ полу. Часовъ въ 11 ночи меня развязали и перевели въ камеру № 1, гдѣ я могъ улечься на кровати.

Здѣсь я просидѣлъ до весны, когда былъ переведенъ въ новую тюрьму вмѣстѣ со всѣми сидѣвшими тамъ, кромѣ Грачевскаго, который сжегъ себя въ эту зиму.

Комендантъ каждый мѣсяцъ обходилъ наши камеры и спрашивалъ: «Какъ здоровье заключеннаго? Нѣтъ ли у заключеннаго какой-либо жалобы, заявленія?»

Когда полковникъ Покрошинскій въ первый разъ явился въ мою камеру послѣ побоевъ, я на обычные его вопросы замѣтилъ: «Мнѣ слѣдуетъ поблагодарить васъ, полковникъ, за то, что вы присутствовали, когда меня били, а то меня безъ васъ могли бы искалѣчить».

Комендантъ посмотрѣлъ недоумѣвающимъ взглядомъ на «Ирода». Тотъ пожалъ плечами, и оба смотрѣли на меня наглымъ взглядомъ лжецовъ.

Меня это взорвало.

— Вы лжете, вскричалъ я,—вы безсовѣстные люди!

И я рванулся къ нимъ, стоящимъ у дверей.

Жандармы, конечно, схватили меня за руки и удержали на мѣстѣ. Полковникъ поспѣшно вышелъ, за нимъ выскочили по зову «Ирода» жандармы.

Послѣ этой сцены полковникъ Покрошинскій болѣе года не заходилъ ко мнѣ въ камеру и посѣтилъ меня только незадолго до оставленія имъ должности коменданта крѣпости.

И. Манучаровъ.

Дѣло П. А. Мартыянова ¹⁾.

(По неизданнымъ источникамъ).

На совѣсти правительства Александра II есть много политическихъ преслѣдованій, вопіющихъ своимъ беззаконіемъ, какъ, на примѣръ, дѣло Чернышевскаго, но нѣтъ болѣе возмутительнаго, съ точки зрѣнія даже самаго умѣреннаго человѣка, чѣмъ дѣло Мартыянова.

Благодаря знакомству съ этимъ дѣломъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, я имѣю возможность познакомить съ нимъ и читателей нашего журнала.

I.

Петръ Алексѣевичъ Мартыяновъ родился въ 1835 г. въ селѣ Промзинѣ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, принадлежавшемъ знатному вельможѣ, гр. А. Д. Гурьеву, весь свой досугъ употреблявшему на усовершенствованіе изобрѣтенной имъ «гурьевской каши»... Отецъ Мартыянова былъ крѣпостнымъ графа и много лѣтъ управлялъ Промзинимъ на правахъ бурмистра. Только благодаря «высокому» положенію своего отца, Мартыяновъ попалъ въ конторскую школу, въ другомъ графскомъ имѣніи, с. Никитинѣ, Корсунскаго уѣзда, которую и кончилъ на одиннадцатомъ году. Затѣмъ мальчика пустили по судоходству, которымъ занималось все Промзино. Пройдя въ нѣсколько лѣтъ эту учебу, онъ былъ потомъ приставленъ къ хлѣбной торговлѣ... Сравнительный просторъ торговой жизни и вольнолюбивая атмосфера Волги въ связи съ личнымъ темпераментомъ, заронили въ юношу страстное стремленіе къ свободѣ... Онъ только и мечталъ о ней...

¹⁾ О замѣчательномъ и высокохарактерномъ для личности Александра II дѣлѣ П. А. Мартыянова въ русской „легальной“ литературѣ никакихъ свѣдѣній не появилось. Въ № 96 „Сенатскихъ Вѣдомостей“ за 1863 г. былъ опубликованъ по дѣлу Мартыянова лишь приговоръ и ничего больше. (Перепечатанъ въ 1 томѣ сборниковъ Базилевскаго „Государственныя преступленія въ Россіи“ загр. изд. стр. 216—217, русское—стр. 120). Письмо Мартыянова къ Александру II было напечатано въ №№ 132 и 178 „Колокола“ (перепечатано въ сбор. Базилевскаго „Материалы для исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ“ загр. изд. стр. 76—88; русское—стр. 55—64).

Ред.

6*

И вотъ, будучи какъ-то во время Восточной войны въ Петербургѣ по торговымъ дѣламъ своего владыки, Мартьяновъ рѣшилъ попытать счастья... Но смѣлости не хватало заговорить сразу о полной свободѣ, и потому молодой парень рѣшился начать дѣло исподволь. Сначала онъ просилъ графа разрѣшить ему жить въ Петербургѣ... Разрѣшеніе было получено... Ежегодно Мартьяновъ являлся къ своему владыкѣ и приносилъ мзду отъ трудовъ своихъ по хлѣбному экспорту. Затѣмъ отецъ внялъ просьбѣ сына и самъ попробовалъ заговорить съ графомъ о его свободѣ, но получилъ категорическій отказъ.

Въ свой прїѣздъ въ Петербургъ въ 1859 г. Мартьяновъ вдругъ получилъ экстренное извѣстіе о смерти отца. Онъ поспѣшилъ къ графу. Послѣдній, узнавъ объ его отъѣздѣ въ Промзино, поручилъ ему сдать имѣніе новому бурмистру, избранному по совѣту молодого Мартьянова. Провожая, его сіятельство изволило похлопать Мартьянова по плечу и сказать: «прїѣзжай, Богъ съ тобой, судьба твоя рѣшится»... Слова недостаточно внятныя, но понятнѣе и страннѣе баре тогда не говорили съ «крѣпостными животными».

Мартьяновъ, однако, понялъ это, какъ залогъ будущей своей свободы. Какъ только онъ сдалъ имѣніе новому старостѣ, такъ сейчасъ же поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы разгадать графскій ребусъ. Гурьевъ принялъ его, но о волѣ ни слова... Черезъ нѣсколько недѣль управляющій петербургскою конторою графа, Михайловскій, вдругъ спросилъ Мартьянова, сколько бы онъ предложилъ барину за свой выкупъ?.. Обыкновенная цѣна въ тогдашнее время по ихъ мѣстамъ была 500—600 рублей, но Мартьяновъ сказалъ, что готовъ предложить за мать и себя (только ихъ и было) 1500 руб. серебромъ...

Гурьевъ изволилъ очень разгнѣваться и заявилъ черезъ управляющаго, что меньше 10,000 рублей не возьметъ ни копейки.

Нечего было дѣлать—пришлось уѣхать домой... Тамъ Мартьяновъ рассчитывалъ сколотить необходимую сумму самымъ энергичнымъ и упорнымъ трудомъ. Дѣла его пошли прекрасно; пять мельницъ размалывали скупленный имъ хлѣбъ, тридцать большихъ расшивъ готовились принять его и везти вверхъ по Волгѣ.

Но вотъ въ самый разгаръ торговыхъ операцій промзинскій управитель графа сообщилъ Мартьянову, что только что получилъ срочную эстафету отъ владыки, въ которой приказано сообщить ему: или немедленно 10,000 рублей выкупа, или будетъ плохо... Положеніе безвыходное: наличность Мартьянова была пока неизмѣримо меньше, ее вотъ-вотъ предстояло получить. Что было дѣлать?... А черезъ нѣсколько дней Мартьянову пишетъ уже и Михайловскій, чтобы онъ спѣшилъ продать двѣ-три расшивы, но скорѣе присылалъ деньги, иначе дѣло можетъ принять самый худой оборотъ... Но условія тогдашней торговли хлѣбомъ были таковы, что исполнить петербургскій совѣтъ совсѣмъ не представлялось никакой возможности. Мартьяновъ пишетъ Михайловскому, проситъ обо-

ждать до начала лѣта, когда, получивъ въ Рыбинскѣ деньги, онъ прямо отправился бы въ столицу и представилъ выкупъ.

А молва бѣжала... Быстро распространились слухи, что графъ требуетъ денегъ, что ихъ нѣтъ... Кредитъ былъ подорванъ...

Но такъ или иначе, а Мартьянову удалось нагрузить весной 60,000 кулей хлѣба, отправить караванъ по Сурѣ, проводить его вверхъ по Волгѣ до Нижняго и поѣхать въ Петербургъ. Михайловскій доложилъ графу о прїѣздѣ Мартьянова, но его не приняли и приказали ждать.

Время шло. Напрасно Мартьяновъ увѣрялъ Михайловскаго, что еще немного—и дѣла его въ Рыбинскѣ лопнуть, благодаря отсутствію, что поставка его казенная, обусловленная громадной неустойкой. Ничего не помогало. Гурьеву было некогда поговорить со своимъ крѣпостнымъ, онъ былъ занятъ церемоніей открытія только что законченнаго Исаакіевскаго собора.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ началѣ іюня, Михайловскій сказалъ Мартьянову, что онъ можетъ заплатить деньги, взявъ съ него 6000 наличными и заемное письмо на 2000 р. и выдалъ отпускную... На прощанье графъ принялъ Мартьянова и былъ съ нимъ очень любезенъ.

Прискакавъ въ Рыбинскъ, Мартьяновъ увидѣлъ, что положеніе его дѣлъ уже непоправимо: кредитъ потерянъ совершенно, и весь хлѣбъ былъ поразобранъ кредиторами.

Въ отчаяніи онъ попробовалъ послѣднее средство: пользуясь полученной свободой, внесъ повинности по первой гильдіи купечества, но кредита, все-таки, не возстановилъ и разорился совершенно. Вскорѣ ему нашлось мѣсто у извѣстнаго откупщика Кокорина, а потомъ у Новосельскаго. Еще немного спустя Мартьяновъ вступилъ въ парходное общество «Кавказъ и Меркурій», но вскорѣ былъ оттуда уволенъ по интригѣ одного изъ своихъ кредиторовъ.

Въ результатѣ—исключеніе изъ купеческаго сословія въ мѣщанское...

II.

Наступилъ 1861 годъ, годъ особеннаго расцвѣта «Колокола», когда изданіе Герцена почти открыто ходило по рукамъ въ самыхъ различныхъ темныхъ углахъ Россіи. Внимательно читалъ его Мартьяновъ и... и пришелъ къ заключенію, что, повидимому, на Руси правды не сыскать, что съ владыки, бывшаго барина, убытки судомъ не взыскать. Долго сверлила голову эта мысль и, наконецъ, Мартьяновъ рѣшается ѣхать въ Лондонъ, чтобы оттуда требовать съ Гурьева всѣ свои убытки.

Съ 400 рублями, занятыми у кого-то случайно, онъ выѣзжаетъ въ августѣ въ Лондонъ, взявъ заграничный паспортъ въ іюлѣ.

Какъ только онъ очутился на территоріи государства, гдѣ былъ гарантированъ во всѣхъ своихъ человѣческихъ правахъ, такъ сейчасъ же пишетъ Гурьеву вполнѣ вѣжливое и ясное письмо, въ которомъ проситъ вознаградить его за все потерянное, исключительно

благодаря графу. Отвѣта, разумѣется, не послѣдовало. Мартьяновъ пишетъ вторично и предупреждаетъ, что, въ случаѣ и дальнѣйшаго молчанія, онъ приметъ мѣры, не совсѣмъ для графа пріятныя... Отвѣта и на этотъ разъ не было.

Тогда наивный и все еще вѣрившій въ возможность найти правду черезъ престоль Мартьяновъ пользуется пребываніемъ въ Англии великаго князя Константина Николаевича и обращается къ нему съ письменнымъ прошеніемъ. Секретарь его высочества сообщилъ Мартьянову, что ему слѣдуетъ обратиться непосредственно въ русскій судъ черезъ генеральнаго консула въ Лондонѣ.

Не слѣдуя этому совѣту, Мартьяновъ пишетъ тогда прошеніе «самой государинѣ Маріи Александровнѣ» и получаетъ отвѣтъ, что прошеніе его передано шефу жандармовъ. При этомъ было прибавлено, что Гурьева въ Россіи нѣтъ, онъ—въ Теплицѣ.

Надежда крѣпнетъ. Мартьяновъ благодаритъ секретаря государственности и пишетъ, что, въ случаѣ отказа Гурьева вернуть деньги, готовъ вернуться въ Россію на счетъ виновнаго, такъ какъ у него нѣтъ своихъ денегъ, и подвергнуться суду. При этомъ онъ прибавилъ, что, если просьба его окажется справедливою, то онъ будетъ взыскивать съ графа уже всѣ свои убытки (около 100,000 рублей), а если—несправедливою, то онъ обязуется всѣ израсходованныя на дорогу и на прожитіе по дѣлу деньги заработать потомъ въ рабочемъ домѣ и подвергнуться, какъ клеветникъ, ссылкѣ въ каторжную работу на всю жизнь.

Долгорукову же Мартьяновъ сообщилъ, что рѣшилъ добиться полнаго правосудія, «если только есть правосудіе въ Россіи»...

Шефъ жандармовъ, разумѣется, не счелъ долгомъ что-либо написать просителю. Послѣдній вторично обратился къ государинѣ... Черезъ нѣкоторое время Долгоруковъ сообщилъ ему черезъ лондонскаго консула, избѣгая письменнаго отвѣта, что предметъ его просьбы не входитъ въ кругъ его вѣдомства.

Мартьянову стало совершенно ясно, что правды въ Россіи не сыскать и черезъ престоль... Тяжело было это сознаніе, но его приходилось принять, какъ неопровержимый фактъ.

Приѣхавъ въ Лондонъ и не имѣя никакихъ рекомендательныхъ писемъ, Мартьяновъ позаботился обезпечить свое тамъ пребываніе какимъ-нибудь заработкомъ. Для этой цѣли онъ сейчасъ же отправился въ книжный магазинъ Трюбнера, торговавшего всѣми герценовскими изданіями. Не найдя тамъ никого, говорящаго по-русски, онъ узналъ все-таки городской адресъ Герцена и написалъ ему сейчасъ же письмо, въ которомъ сообщилъ, что приѣхалъ въ Лондонъ почти безъ всякихъ средствъ и знакомствъ и просилъ указать хоть какое-нибудь дѣло. Но Герценъ былъ въ это время внѣ города, и письмо лежало, пока его не переслали по другому адресу. Со свойственной отзывчивостью Герценъ поспѣшилъ отвѣтить, что вернется не скоро и совѣтовалъ обратиться къ Огареву. Почему-то Мартьяновъ не послѣдовалъ этому совѣту и рѣшился дожидаться приѣзда самого Александра Ивановича.

29 октября, вернувшись въ Лондонъ, Герценъ писалъ Мартьянову:

«Милостивый Государь,

Вы меня застанете дома завтра около 3-хъ часовъ (въ среду) или въ воскресенье въ 2 часа — въ обоихъ случаяхъ я буду очень радъ васъ видѣть у себя.

«Съ истиннымъ почтеніемъ

А. Герценъ.»

Мартьяновъ поспѣшилъ увидѣться со знаменитымъ эмигрантомъ.

Оказалось, что никакихъ практическихъ связей у него въ Лондонѣ не было. Можетъ быть, Герценъ и имѣлъ ихъ, но изъ осторожности не назвалъ, не зная еще, съ кѣмъ имѣеть дѣло: вѣдь около него вертѣлось довольно русскихъ агентовъ...

Тогда Мартьяновъ рѣшился заняться русской исторіей и такимъ путемъ заработать хоть немного для скромной жизни во время своего процесса, въ который онъ тогда еще вѣрилъ.

Герценъ помогаль ему въ этихъ занятіяхъ, и въ скоромъ времени они сблизились, особенно съ сыномъ Александра Ивановича. Въ короткое время упорнымъ трудомъ Мартьяновъ приобрѣлъ массу знаній и вотъ, отчаявшись уже въ своемъ личномъ дѣлѣ, этотъ человекъ рѣшается выступить ходатаемъ уже за цѣлую страдавшую Россію... Ему приходитъ въ голову мысль обратиться къ государю съ пространнымъ письмомъ съ изложеніемъ всѣхъ основныхъ нуждъ горяча любимаго отечества. Мысль эта стояла неотвязно, и Мартьяновъ не медлилъ ея осуществленіемъ.

15 апрѣля онъ пишетъ Александру II свое, ставшее роковымъ письмо.

Привожу его съ подлинника, имѣющагося въ сенатскомъ дѣлѣ ¹⁾.

III.

«Государь! Мы ждемъ отъ Васъ великихъ мѣръ въ годовщину тысячелѣтія Россіи ²⁾),—мы ждемъ рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота внѣшней политики Вашего правительства съ позорной колее священнаго союза 1815 года.

«Исторія неумолима, Государь! исторія безпристрастна; цари въ Россіи не завоеватели, и самодержавны они не по праву оружія, народъ же имъ самодержавія не давалъ, стало—сами взяли. У Васъ завидная возможность искупить грѣхъ предшественниковъ Вашихъ,—

¹⁾ Въ „Колоколѣ“ оно напечатано съ довольно значительными отступленіями.

²⁾ Оно праздновалось 8 сентября 1862 года.

отдать народу долгъ за нихъ и не быть Самому должникомъ его. Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-земле-владѣльческой—тоже, мы хотимъ монархіи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, представляющей земство. Мы хотимъ, чтобы земство было постоянно при царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. Не думайте, Государь, что народъ русскій не готовъ еще къ принятію правъ своихъ и обязанностей, не думайте, что не пойметъ онъ ихъ и не сдѣлаетъ хорошихъ выборовъ. По праву крови, текущей въ жилахъ моихъ, по праву знанія, пріобрѣтеннаго жизнью въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ представителей своихъ лучше всѣхъ другихъ сословій.

«Но слова безъ доказательствъ ничего не значать, на слово вѣрить никому не обязаны. Доказательства вотъ: пусть, Государь, укажутъ Вамъ другую страну, въ которой было бы больше мѣстныхъ, областныхъ святыхъ заступниковъ и ходатаевъ за народъ передъ Богомъ—это наши выборные, нашъ парламентъ, за неимѣніемъ выхода въ дѣйствительности. Далѣе, пусть укажутъ, гдѣ было бы столько популярныхъ людей въ каждой мѣстности отдѣльно. Въ деревнѣ свой человѣкъ, въ селѣ свой, въ уѣздномъ городѣ человѣкъ народный извѣстенъ всему уѣзду, въ губернскомъ — всей губерніи. Есть люди, которыхъ знаетъ народъ отъ края и до края всего Царства Русскаго, которые заживо дѣлаются миѳами, кумирами, идолами для народа. Не будь Никоновской реформы церковной и Петра Великаго—гражданской, и теперь народъ признавалъ бы вновь усопшихъ заступниковъ и угодниковъ, и прославлялъ бы память ихъ. А люди живые, люди народа выражаютъ народъ, они его представители въ жизни общественной, они же будутъ его представителями, его выборными и въ совѣтахъ всей земли, въ Великой Земской Думѣ. Могутъ ли быть ими по своимъ знаніямъ, своему пониманію обязанностей представителя, — вопросъ излишній. Народъ знаетъ, кого знаетъ, и они знаютъ, за что народъ ихъ знаетъ. Это главное. Остальное, знаніе внѣшнихъ условій, знакомство съ общими политическими отношеніями, значеніемъ и интересами народа дома и за границей пріобрѣтутся опытомъ и сознаніемъ своего новаго положенія, своего великаго призванія и ответственности. Да объ этомъ и говорить нечего. Отрицать подобную разумность людей, ставшихъ народными и уже тѣмъ какъ будто предызбранными, значило бы ложно и бездоказательно оскорблять въ лицѣ ихъ весь народъ нашъ и, въ сущности, указывать только на ту оторванность, которая цѣлой бездной незнанія и непониманія другъ другомъ раздѣляетъ съ народомъ самого такого отрицателя, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ нашелся. Неужели народъ не равняется больше умомъ съ предками, представители которыхъ собирались при Іоаннѣ Грозномъ на одной изъ Земскихъ Думъ разсуждать, продолжать войну или нѣтъ; и обсудивъ внѣшнія политическія отношенія, внутреннія силы, выгоды и невыгоды, рѣшили продолжать. Пропуская всѣ другія Думы, я спросилъ бы

такого отрицателя, неужели народъ русскій выродился, измельчалъ и не можетъ болѣе достойно представить себя въ совѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, сознавъ необходимость борьбы народной, выдвинулъ Кузьму Минина, пригласилъ князя Пожарскаго и, управившись съ врагами внѣшними, порѣшилъ дѣла домашнія всѣмъ міромъ? Нѣтъ, народъ нашъ слишкомъ добръ — до христіанскаго отреченія отъ личнаго блага въ пользу общую, и терпѣливъ, и только. А когда приходитъ время постоять за дѣло общее, народъ является красой-богатыремъ русскимъ во всеоружіи разума и силы.

«Теперь—процессъ выборовъ. Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ, т.-е. въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ-избирателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома знаетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости и затѣмъ, съѣзжаясь въ мѣстный областной городъ, избираютъ кандидатовъ по три человѣка на cadaго представителя. Возвращаются домой, сообщаютъ народу имена кандидатовъ; народъ поголовно избираетъ любого изъ нихъ. Но, чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недобросовѣстности, происковъ были устранены, между выборами старшинами-избирателями кандидатовъ, послѣ объявленія именъ послѣднихъ народу, и окончательнымъ избраніемъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ изустно, чтобы было дано время и устроена возможность областной сходки въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. На этой сходкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное неудовольствіе на выборъ кандидатовъ и заставить старшинъ избрать еще разъ другихъ, если изъ прежнихъ народу ни одинъ не нравится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбранія будетъ мало, но самое право протеста со стороны народа послужитъ побудительной причиной для старшинъ въ выборѣ кандидатовъ руководиться заранѣе извѣстной имъ самостоятельной волей народа. Процессъ простъ, а между тѣмъ, тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь, подобнаго подкупамъ и тѣмъ незаконнымъ вліяніямъ, которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ. Онъ соответствуетъ духу народа, какъ продуктъ его жизни, его понятій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій, (кромѣ, разумѣется, запрещенныхъ), состоянія, общественнаго положенія (кромѣ осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя нужно одно условіе: кого народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ свѣдѣній, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей и, вообще, для отданія отчета народу на областныхъ сходкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я ни слова не говорю о

правахъ и обязанностяхъ Земской Думы вообще, здѣсь рѣчь идетъ только о процессѣ выборовъ и о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ сношеній и отношеній выборныхъ къ избирателямъ. Число представителей относительно соотнобразяется съ общими правилами, принятыми исключительно въ этомъ отношеніи въ другихъ парламентскихъ странахъ.

«Изложивъ соображенія по вопросу о главныхъ выборахъ, второстепенныя обхожу; духъ ихъ одинъ, и они похожи на первыя, только съ уменьшеніемъ обширности, проще.

«Лучше всѣхъ другихъ сословій, я сказалъ выше.

«Да и сословій-то другихъ, розни въ самомъ себѣ, народъ не хочетъ больше. Отреченіе русскаго дворянства отъ сословныхъ правъ своихъ и привилегій, выраженное тверскими членами въ постановленіи дворянскаго собранія и въ поднесенномъ Вашему Величеству адресѣ—мы признаемъ совершившимся фактомъ. Съ самаго начала крестьянскаго освобожденія, предпринятаго лично Вами, всѣ симпатіи наши и любовь стремились къ Вамъ; въ такой же мѣрѣ мы враждебно относились къ дворянству, видя въ немъ противниковъ освобожденія и сторонниковъ началъ неравноправія, сословности и привилегій. Но съ той поры, какъ бывшее дворянство наше само уничтожило сословность свою, мы отъ всей души и всего сердца нашего готовы подать ему руку въ лицѣ тѣхъ членовъ его, гражданская доблесть которыхъ высоко возведетъ въ исторіи духъ бывшаго дворянства русскаго, добровольно, искренно и самоотверженно отказавшагося все-таки отъ правъ, долго, по распоряженію государства, принадлежавшихъ ему, и привлечетъ къ нимъ всѣ благородныя сердца въ Россіи, точно такъ же, какъ привлекли Вы ихъ началомъ крестьянскаго освобожденія. Мы каемся, мы винимся, мы признаемся всенародно,—мы не ожидали, что дворянство наше рѣшится на такой гражданскій подвигъ; надѣяться не смѣли, тѣмъ болѣе, тѣмъ искреннѣе отъ всѣхъ чувствъ нашихъ спѣшимъ поздравить его и засвидѣтельствовать, что подвигъ бывшаго дворянства нашего мы признаемъ безсмертнымъ!

«Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народомъ. По законамъ социальнымъ и политико-экономическимъ, интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ осѣдлыхъ *народовъ* столкнуться между собою не могутъ, а, напротивъ, интересы и потребности одного обуславливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другого и такъ взаимно. Не то бываетъ съ *государствами*. Интересы государствъ, вслѣдствіе ненормальнаго ихъ отношенія къ народамъ, между собою сталкиваются, борются,—возникають государственныя войны, несправедливо, но тѣмъ не менѣе, по необходимости, ложащіяся на народъ и гнетущія всю свою тяжестью на народъ. Наконецъ, одно государство слабѣетъ, уступаетъ и, если почему-нибудь невозможна мировая сдѣлка, подпадаетъ подъ господство другого, взявшаго верхъ государства, при чемъ послѣд-

нее исключаетъ для побѣжденнаго исключительное государствованіе надъ страной, т. е. право высшаго сословія эксплуатировать и вообще угнетать сословія низшія, присваивая преемственно, по праву силы и побѣды, значительную долю этого права себѣ. Точно такое столкновеніе произошло между государствами русскимъ и польскимъ. Государство русское одолѣло, польское подпало подъ владычество русскаго.

«Русское государство не имѣетъ довѣрія къ польскому и должно постоянно употреблять насилие противъ всегдашней вѣроятности возстанія. Польское государство, естественно, сохраняетъ чувство непримиримой вражды къ русскому и, только покоряясь силѣ, терпитъ его преобладаніе. А народу, непричастному враждѣ государствъ, грозитъ постоянная опасность въ чужомъ пиру похмѣлья, своею кровью и головами принимая главное участіе въ борьбѣ, успѣхѣ и неудачѣ равно для него вредной, противозаконной, противоестественной, противородственной и противородовой. А пока нѣтъ борьбы, для постоянной къ ней готовности государства, народъ несетъ тяготу поставкой рекрутъ на усиленіе армій, увеличеніемъ податей на содержаніе ихъ, трудится, забивается, мучается. Народъ поработеннаго государства польскаго несетъ всѣ тягости въ такой же степени съ усиленной только горечью, что сыны его идутъ подъ знамена чуждыя, что кровными деньгами, зарабатываемыми по копейкамъ съ язвами и потомъ, онъ удовлетворяетъ не только пановъ польскихъ, но и чиновниковъ-москалей, и казну государства московскаго. Итакъ, отношенія запутаны, натянуты, неестественны...

«Гдѣ же выходъ? Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ польскихъ братьяхъ соплеменникахъ, мы слишкомъ хорошо знаемъ въ нихъ родныхъ намъ славянъ съ общимъ духомъ всего славянскаго міра, кровь, ширину натуры, свойственную всѣмъ славянамъ вообще; мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, что въ великихъ бытовыхъ вопросахъ, рѣшающихъ быть или не быть единому нераздѣльному, свободному славянскому народу, сердце ихъ бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ нашимъ и всѣхъ славянъ,—чтобъ сомнѣваться, что польскіе благородные паны, шляхта и вся аристократія на минуту задумаются надъ великимъ актомъ самоубижденія, надъ отреченіемъ отъ сословныхъ правъ и привилегій, надъ признаніемъ равенства правъ всего народа, и хлоповъ — собственниками земли. Тѣмъ болѣе чести, тѣмъ болѣе славы за подвигъ ихъ, чѣмъ старѣе, чѣмъ блестящѣ исторія и воспоминанія дворянства польскаго, воспоминанія, которыя не изгладятся, но укрѣплятся и глубже втиснутся въ памяти народной, сословной жертвой ихъ ходу судебъ челоуѣчества, справедливости и ихъ собственному пониманію правъ народныхъ и логически слѣдующему изъ того на права *человѣка* возрѣнію. Мы думаемъ, мы надѣемся, что благородное польское дворянство произнесетъ рѣшеніе, какъ бывшее дворянство русское, и сольется съ народомъ своимъ, со всѣмъ хлопствомъ безсословно и безразлично; мы увѣрены, что оно убѣ-

дится, что другого выхода, кромѣ взаимнаго самоуничтоженія государствъ русскаго и польскаго и признанія на мѣсто ихъ единаго безсословнаго народнаго царства славянскаго на федеративныхъ началахъ отношеній областей — нѣтъ. Неужели же освободитель крестьянства явится защитникомъ сословной розни, вопреки волѣ даже того сословія, котораго отжившія, недостойныя взрослога чело-вѣчества привилегіи онъ сталъ бы сохранять. Мы этому не вѣримъ, мы не хотимъ вѣрить этому: это противно чувству, оскорбляетъ разумъ; мы думаемъ, мы увѣрены, убѣждены, что Александръ II видитъ персть Божій, призывающей Его; что не противодѣйствовать, а содѣйствовать станеть Онъ мирному сліянію, насильственно или случайно, во всякомъ случаѣ противоестественно, разорваннаго на сословія народа въ одно цѣлое, общее, нераздѣльное. Вѣка пройдутъ, а на землѣ другого случая не будетъ сдѣлать столько, даже борьбой и подвигами цѣлой жизни, добра ближнимъ. сколько можете сдѣлать Вы, Государь, однимъ почеркомъ пера. Да и мало можете, Вы должны это сдѣлать, Вы обязаны предъ лицомъ Бога и чело-вѣчества, если не хотите отвѣчать передъ ними и передъ потомствомъ. Да снидетъ же на Васъ благодать Бога Вышняго, да благословитъ Онъ Васъ за все доброе и поможетъ въ дѣлахъ ко благу народному! Мы Васъ любимъ, Государь! очень любимъ. Подумайте же, каково намъ было бы вырвать любовь эту съ кровью изъ сердца во имя разума и правды.

«...Обстановка Ваша народу не нравится, Государь! Илья Муромецъ встаетъ на ноги, и время Харлафовъ и Фальстафовъ прошло безвозвратно! Взятки сладострастныхъ рыцарей позорятъ вѣкъ Вашъ, раздача мѣстъ служебныхъ въ имперіи любовницами ихъ—оскорбляетъ общество. Откупъ съ таксой и безъ таксы, съ торгами и переторжками, и безъ торговъ и безъ переторжекъ, съ платой впередъ и съ ежегодными взносами платежей за должности отъ 50 до — 100 — 200 — 500 — 1000, 2—3—4—5 тысячъ и т. д., и т. д., откупъ съ главными конторами его въ Петербургѣ и съ агентствами въ городахъ, приводитъ народъ въ ужасъ и изумленіе и заставляеть его видѣть въ чиновникахъ правительства грабителей и слугителей тьмы, проклятыхъ и въ сей жизни, и въ будущей и на самомъ правительствѣ—печать антихриста и сатаны. Царь отдѣленъ, понятіе о немъ отвлеченно. Всѣ эти люди, окружающіе Васъ, неужели, наконецъ, выведутъ народъ изъ терпѣнія, сдѣлають его неблагодарнымъ и подернуть личность Вашу грустнымъ флеромъ для исторіи! Неужели система государственнаго управленія, допускающая возможность подобныхъ несообразностей и личностей, будетъ самими Вами долше и долше терпима и сохраняема...

«Искра производитъ пожаръ, а при порохѣ—взрывы. Въ чьемъ умѣ родилась мысль разогнать студентовъ изъ университетовъ возмутительнымъ требованіемъ денегъ за науку и съ тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ ни копейки, чьи отцы съ горемъ и нуждой честно жили въ обществѣ, не грабили денегъ для обезпеченія семьи своей, и вдовы ихъ, перебиваясь со дня на день, обливая слезами всякую

корку хлѣба, которой онѣ сыты, съ утра до вечера жили одной надеждой увидѣть, наконецъ, сына, кончившаго курсъ въ университетѣ и имѣющаго какую-нибудь возможность улучшить сколько-нибудь горькій бытъ ихъ подѣ старость. И вдругъ Ваши старцы, владѣющіе маіоратами, утопившіе душу и сердце въ чернильницѣ, гонятъ дѣтей съ приговоромъ смерти — съ горя—матери, нищеты и загубленной, разорванной жизни—сыну за то, что отцы ихъ, ихъ мужья не грабили народа русскаго, не запасались благопріобрѣтеннымъ, не имѣли капиталовъ въ банкахъ, ни пенсіи, ни протекціи. Боже мой, Боже мой! Чернѣ пятна на всемъ царствованіи Вашемъ быть не можетъ. Наказаны ли скареды ума и духа, опозорившіе Васъ, вооружившіе противъ Васъ все образованное общество, или Вы ждете, Государь, когда народъ потребуетъ ихъ у Васъ, какъ у царя Алексѣя тѣхъ беззаконниковъ, которыхъ съ проклятіями и неистовствомъ на части изорвалъ на площадяхъ московскихъ! Съ науки берутъ деньги; въ университетѣ, какъ въ питейномъ откупѣ, считаютъ выручку. Да, гдѣ Вы, Государь! Куда Вы зашли! Оглянитесь ради Бога и святыхъ силъ Его.

«...Правительство, говоритъ, хочетъ принять проектъ выкупа земли въ собственности государственными крестьянами. Въ Америкѣ система продажи государственныхъ земель, можетъ быть, очень хороша, только надо помнить, что правительство Соединенныхъ Штатовъ открывало и занимало, открываетъ и занимаетъ, покупало и покупаетъ земли ненаселенныя или оставляемыя туземцами; правительство поступаетъ справедливо, продавая такія земли переселенцамъ. А у насъ, въ Россіи, народъ владѣетъ землей изстари, съ незапамятныхъ временъ, онъ занялъ и населилъ ее задолго до того, какъ создалъ себѣ правительство. Земля составляетъ, и въ сущности, и по понятіямъ народа, его неотъемлемую, неотчуждаемую, не имѣющую въ отношеніи къ общинамъ владѣющихъ ею селеній и деревень, поселенныхъ на ней, никакой продажной цѣнности, наслѣдственную собственность. Такъ какъ же правительство будетъ продавать народу его же народную, непродажную землю? Въ этомъ смысла нѣтъ; а если есть, такъ очень плохой. Это будетъ похоже на того господина въ «Венеціанскомъ купцѣ», который добивался вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла живого человѣка, только здѣсь не за долгъ будетъ вырѣзано мясо, а просто съ цѣлью взять деньги за операцію вырѣзки и приращенія вырѣзаннаго куска къ больному мѣсту. Народъ представитъ проще: въ его глазахъ это будетъ все равно, что вытащить у человѣка рукавицы изъ-за пазухи и отдать ихъ за деньги тому же, кому принадлежать. Если слухъ о продажѣ земли государственнымъ крестьянамъ справедливъ, то, если-бъ я не боялся быть невѣжливымъ, не зная притомъ, къ кому лично относятся мои слова, я сказалъ бы, что можно подумать, что составители проекта—чужеземцы, или русскіе, забывшіе исторію въ бюро, и о народѣ и жизни его, объ отношеніяхъ его къ землѣ запомнившіе по разговорамъ наставника-француза. Да это сигналъ для всеобщаго возстанія.

«Вотъ оттого же, отъ ложнаго воззрѣнія правительства на отношенія его къ землѣ и народу, не идетъ, и, если не измѣнится воззрѣніе это, то и не пойдетъ и крестьянско-помѣщичье дѣло. Призовите «Землю» и сравняйте ее въ совѣтѣ съ государствомъ, иначе, слейте ихъ въ одно общее, сдѣлайтесь сами Земскимъ Государемъ, тогда въ одинъ годъ вопросъ крестьянскій разрѣшится, денегъ будетъ много, и всѣ финансовыя операціи обезпечены прочно.

«За что страдаютъ старообрядцы, за что отрываютъ ихъ отъ работы въ дорогое для крестьянина лѣтнее время и гоняютъ въ губернскіе города гуртомъ, сотнями человѣкъ, изъ-за сотни верстъ, разные взяточники въ образѣ полицейскихъ и поповъ, къ взяточникамъ консисторскаго и губернскаго грабленій? Къ чему народъ озлобляется безтолковыми и бессмысленными — осмысленными съ одной точки зрѣнія взятокбранія — разорительными мѣрами, прижимками и истязаніями? Да такихъ беззаконій, насилій и губительствъ монголы не совершали надъ русскимъ народомъ, въ Турціи ничего подобнаго въ дѣлахъ вѣры не видимъ. Вы, говорятъ, не хотите гнать старообрядцевъ, да имъ-то развѣ легче отъ того? Развѣ Вы въ силахъ привести въ исполненіе волю свою, пока Вы не царь Земли Русской, а императоръ и самодержецъ; развѣ любой блюститель порядка, опираясь на законы императорскаго самодержавія, любой становой и исправникъ, стакнувшись съ попомъ и не стакнувшись, не могутъ усмотрѣть, что вотъ эти беззубыя старухи собираются на свои мирныя богомолья съ цѣлью составленія тайныхъ обществъ, заговоровъ, съ возмутительными намѣреніями противъ правительства, распространенія вреднаго ученія неповиновенія властямъ? Ну, вотъ власти-то, какъ шайка разбойниковъ и нападаютъ на несчастныхъ и грабятъ, что попало подъ руку, и книги, и иконы въ дорогихъ окладахъ и безъ дорогихъ, и молитвенники, и лестовки, и свѣчи, и ладонь, и масло, все въ квартиру станового да благочинному въ сундукъ. Мелочи? — да ими жизнь народа отравляется! Нѣтъ! не мелочи, а крупныя и наглыя злодѣйства мелкой власти. Подъ чьимъ же, подъ какимъ высокимъ принципомъ та власть совершаетъ ихъ. На комъ лежитъ позоръ ея насилій, гдѣ власть другая, крупная, которая даетъ существованіе мелкой, наглою власти ¹⁾! Власти, власти, не людей. Люди, представители ея, эти жалкіе становые, исправники, ни больше, ни меньше, какъ жертвы системы, несчастные мученики и невольники престу-

¹⁾ Я на себѣ испыталъ сладость самодержавнаго безправія и воззрѣнія государства на человѣка; я былъ крестьянинъ дѣйств. тайн. сов. графа Александра Гурьева; графъ, находя, что лимонъ достаточно созрѣлъ и, подвигнутый рескриптомъ объ улучшеніи быта крестьянъ, ограбилъ и до тла разорилъ меня иезуитски-васильственными мѣрами. Да объ этомъ послѣ, — я не хотѣлъ говорить, къ слову пришлось. Я поговорю объ этомъ, когда въ Россіи будетъ гласный судъ, а до той поры правосудіе у насъ представляется развѣ статуей на углу какого-нибудь памятника, да и то по мелочи — съ безмѣномъ. Грабитель засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ, и „въ судахъ да царствуетъ правда“!...

Прим. Мартыанова.

плений, втиснутые силой нужды и необходимостью дарить въ восходящихъ линіяхъ чиноначалія, въ душную атмосферу взяточничества, а тутъ жена, дѣти, семья, исключительность воспитанія, не допускающая другой дѣятельности, кромѣ службы. Мы людей не винимъ, система виновата, а не люди. Потому допросы, допросы на мѣстѣ, допросы въ уѣздномъ городѣ, допросы въ губернскомъ, насмѣшки, оскорбленія, истязанія, грабительства, побои... Боже мой! Боже мой! Да гдѣ мы, да что мы? Сонъ это бредимъ или живемъ!!! Государь! правительство хлопочетъ о привлеченіи американскихъ чеховъ на берега Амура, а не хочетъ или не можетъ прекратить гоненій, заставляющихъ народъ изстари бѣжать въ Турцію, бѣжать въ Австрію, бѣжать въ Пруссію, въ Польшу, пока была свободна, въ Швецію съ одной стороны, въ Персію—съ другой. Что же, въ самомъ дѣлѣ, старообрядцы-то враги что-ли какіе-нибудь или просто гадины, отверженныя Богомъ и человѣчествомъ? Чѣмъ они хуже магометанъ, евреевъ, буддистовъ, шамановъ, и другихъ, что не позволяютъ имъ жить, по крайней мѣрѣ, такъ же неприкосновенно въ дѣлѣ вѣры, какъ первымъ. Отчего въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ религіозныя секты свободны, а у насъ нѣтъ? Вѣдь, не оттого же только, что тамъ нѣтъ Филаретовъ,—защитниковъ розогъ, плетей и кнута для народа, проповѣдниковъ и истолкователей христіанства въ пользу ссылокъ, каторжной работы, клейменія, рванья носовъ и пр. и пр. и тѣлеснаго наказанія всякаго свойства для христіанскаго воинства. Да и кто даетъ возможность существованія у насъ такимъ Филаретамъ, кто обращается за совѣтами къ нимъ, кто первый слушатель и послѣдователь проповѣди ихъ и ихъ толкованій на скорбь и горе всего народа русскаго! Вѣдь есть же кто-нибудь? Въ судахъ нѣтъ правды, въ народѣ—денегъ, кредитъ уничтоженъ, уваженія къ церкви не существуетъ, свободы въ дѣлѣ вѣры нѣтъ, народъ въ недоумѣніи. Всѣ предтечи революціи налицо! Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рѣветъ въ воздухѣ, гроза собирается со всѣхъ сторонъ, у Васъ въ рукахъ снарядъ громоотвода. Проводники устроены ли въ почву—мы не видимъ! не видимъ! Противоестественная, варварская, губительная система рекрутскихъ наборовъ такимъ проводникомъ быть не можетъ. Вспомните, Государь, что рекрутчина—жертвоприношеніе со стороны народа государству, насильственно требуемое и потребляемое въ страшной пропорціи. Кто попалъ въ солдаты—погибъ человѣкъ! выхода, какъ отъ кровожаднаго божества, для обреченной на всеожженіе жертвы треножника, нѣтъ. Да и всеожженіе-то совершается мучительнымъ, пожизненно-медленнымъ, томительнымъ огнемъ. Охотно ли народъ приноситъ эту жертву, а насколько она полезна для него самого, отвѣтомъ служить вопли и плачь, съ которыми народъ провожаетъ дѣтей своихъ и братьевъ въ рекрутскія присутствія. А развѣ нѣтъ другой системы?

«Кто же поддерживаетъ, что обусловливаетъ развѣдающую и разлагающую жизненные соки народа рутину? Бюрократія, окру-

жающая Васъ, чиновначаліе, канцелярское управленіе Россіей, заключающееся въ накопленіи и очисткѣ безчисленнаго количества №№ текущихъ бумагъ, сношеній, отношеній, выравокъ, справокъ, предписаній и донесеній и проявляющееся въ страшныхъ безжизненныхъ отношеніяхъ государства къ народу и въ полномъ взаимномъ непониманіи одного другимъ. Вотъ она, чѣмъ заглушается, вотъ она, кѣмъ морится, измучивается и замучивается жизнь народная, вотъ она, хроническая проказа, поражающая общественный организмъ во всѣхъ суставахъ, во всѣхъ оконечностяхъ его,—плохой проводникъ!

«Тѣлесное наказаніе, розги (женщинъ сбькутъ!), къ стыду Вашего царствованія не отмѣненные еще въ Россіи, и которыми всякая чиновная сволочь орудуешь, сколько душѣ угодно,—проводникъ не лучший. Воля крестьянская... цѣпи на рукахъ и ногахъ ослаблены до возможности сбросить ихъ; но крестьянину сказано, что цѣпи эти не есть цѣпи, что они—непремѣнное условіе его жизни, пока не... умереть. И эти цѣпи-не-цѣпи приказано носить по-прежнему; проводникъ ненадежный, испорченъ.

«Губернаторы...

«Государство смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарики и фигурки по усмотрѣнію; такое положеніе дѣлъ должно прекратиться.

«Какъ?!

«Государь! я говорю голосомъ народа, моя обязанность—свобода, мое право—кровь и страданія. Мнѣ повѣрка—народъ и его люди; мы ждемъ отъ Васъ созванія Великой Земской Думы, для постоянныхъ совѣщаній, вокругъ Васъ. Тысячелѣтіе...

«Съ глубокимъ уваженіемъ и великой преданностью, честь имѣю быть Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга

Лондонъ, 3/15 апрѣля 1862 г.

П. Мартыяновъ.

IV.

Письмо это обнаруживающее въ Мартыяновѣ довольно ясное пониманіе тогдашняго положенія дѣлъ, было послано Александру II просто по почтѣ и достигло своего назначенія.

Но Мартыяновъ не былъ увѣренъ въ этомъ. Ему справедливо казалось, что камарилья не передастъ письма по адресу. Любовь къ родинѣ и къ государю—это очень важно имѣть въ виду все время—побуждали Мартыянова принять всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы письмо, на которое онъ возлагалъ большія надежды, не пропало въ мрачныхъ канцеляріяхъ. Кромѣ того, ему казалось, что Александру II могло прійти въ голову, что письмо выражало желанія и надежды исключительно самого автора и только. Надо было показать, что это не такъ, что за авторомъ стоитъ общественное мнѣніе. Достичь такой поддержки нельзя было иначе, какъ путемъ широкаго оглашенія самаго письма. Но гдѣ? Понятно, въ «Колоколѣ», который читала вся Россія.

И Мартьяновъ просить Герцена напечатать свое письмо. Герценъ не отказалъ, потому что и самъ придавалъ этому документу большое политическое значеніе, считая его прекрасно выражающимъ именно народные идеалы, хорошо рисуящимъ идеаль земскаго царя, который такъ не похожъ на «царя Зимняго дворца». Письмо было напечатано въ началѣ мая, въ № 132, и сопровождалось письмомъ Мартьянова къ Герцену:

«Мѣсяцъ тому назадъ я написалъ, полмѣсяца—послалъ письмо къ Александру Николаевичу. Цѣль письма ясна: кто пойметъ, для того рассказывать не нужно; кто не пойметъ, для того—напрасно. Прочитайте и, если не мѣшаетъ, напечатайте его въ «Колоколѣ». А то, кто знаетъ, дойдетъ ли съ почтой по назначенію; да и то хорошо, что въ звонѣ Колоколовъ, для повѣрки, по народу разойдется.... Я не врагъ Александру Николаевичу. Наши страданія, наши муки, нашу скитальческую жизнь по свѣту бѣлому мы относимъ къ императорскому безправію, а не къ личности. Варвары-помѣщики, разорившіе насъ, сбившіе насъ съ ногъ, погубившіе, сокрушившіе жизнь нашу, прикрываются и освѣняются императорскимъ самодержавіемъ, по милости его недоступны законамъ правды, не признаютъ ихъ и въ виду страданій нашихъ живутъ внѣ страха отвѣтственности за грабежъ и насилія, и все-таки мы ждемъ и Александру Николаевичу не враги. Народъ не врагъ ему даже за кровь мученика, ходатая и перваго—по чистотѣ своихъ намѣреній и убѣжденій, по искренности чувствъ — подвижника всего крестьянства, Антона Казанскаго ¹⁾ и всѣхъ убитыхъ съ нимъ. Пусть кровь ихъ, ихъ смерть вопіетъ къ престолу Бога Вышняго и проситъ объ отпущеніи—кому отомстить, кого простить—Богъ знаетъ. Не мести просимъ мы, — правды! Кровавое пятно безднинскаго убійства и казенскихъ побоищъ—дѣло страшное. Ни одинъ изъ насъ не подумаетъ, что Александръ II хотѣлъ крови, зато всѣ мы думаемъ, раздумываемъ и знать хотимъ, отчего, зачѣмъ, кто допустилъ, кто разрѣшилъ пролить ее? Развѣ убитые не видали въ Александрѣ, какъ мы хотимъ видѣть, царя *земскаго*?... Царь земскій не велитъ за вопросъ стрѣлять въ земство, онъ сердцемъ пойметъ его, любовью обниметъ, не съ штыками пойдетъ къ нему навстрѣчу!... Въ народъ стрѣляло государство—опричники, наслѣдники монгольскаго самоуправства, враги и ненавистники народа русскаго на смерть и жизни! Кто далъ право стрѣлять этому государству? Мы подождемъ, букву пропустимъ. Самъ Александръ II отвѣтитъ на этотъ вопросъ,—народъ повѣритъ безусловно, отвѣтъ будетъ ясенъ.... Александръ не создалъ государственной строй; онъ наслѣдовалъ его. Мы думали, что, отмѣняя крѣпостное право, онъ хотѣлъ бы отмѣнить и дворянство, да не можетъ, не въ силахъ, ждетъ времени; теперь ждать нечего, дворянство само себя отмѣнило; оно не существуетъ. Государство держалось дворянствомъ; дворянство уни-

¹⁾ Антонъ Петровъ, вдохновитель своеобразнаго крестьянскаго движенія въ Казанской губерніи.

чтожило само себя; государство влилось въ земство, фактъ совершился. Вотъ и отвѣтъ: царь не возобновить государства, не захочетъ создать новаго дворянства, не будетъ величать трупъ его живымъ человѣкомъ, онъ не виноватъ въ убійствѣ Антона, — народъ оправдаетъ его, и исторія ему отпустить. Если не такъ, если съ государствомъ онъ не разстанется, изъ дворянства создастъ мумію (воскресить въ самомъ дѣлѣ не можетъ, время чудесь прошло) и велитъ чтить, какъ мощи, выдавая за святыню, — если, слѣдовательно, признаетъ себя государемъ государства, онъ приметъ кровь Антона-мученика на себя. Мы этого не хотимъ, это народу было бы горько»...

И Мартыяновъ, дѣйствительно, страстно хотѣлъ видѣть обновленную Россію во главѣ съ царемъ народа, а не государства, съ царемъ правды, царемъ истины и справедливости... Это была его *idée fixe*, столь дорогая тогда многимъ милліонамъ въ Россіи...

Письмо, дѣйствительно, было прочитано всюду.

Но имъ не ограничился искавшій правды Мартыяновъ. Свои политическіе взгляды онъ выразилъ еще и въ особой брошюрѣ, право изданія которой продалъ лондонскому книгопродавцу Трюбнеру. Это—ставшая теперь большой рѣдкостью книжка: «Народъ и государство», выпущенная въ концѣ 1862 года, въ Лондонѣ.

Я не буду подробно останавливаться на этомъ сочиненіи Мартыянова, не буду даже излагать все вкратцѣ, потому что основная мысль очень проста: выяснялась полная противоположность между двумя понятіями, часто тогда смѣшивавшимися—что такое *народъ* и что такое *государство*. Мартыяновъ говорилъ по этому поводу:

«Подъ словомъ «государство» я разумѣю не національную или географическую цѣлость, а *неотвѣтственное правительство* и всѣ правительственныя сословія, господствующія и эксплуатирующія подъ его покровительствомъ и съ его помощью.

«Народъ, это то, что эксплуатируютъ, это *земство*, которое гнетется *государствомъ*. Государство это то, что эксплуатируетъ земство, это—правительство неотвѣтственное, это—дворянство съ принадлежащими къ нему частицами, живущее на счетъ народа, угнетающее и обирающее его съ помощью правительства неотвѣтственного, само же и составляя его въ видѣ чиновниковъ разнаго калибра, на что и имѣетъ почти исключительную монополію.

«Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ и случайностей, вопреки характерныхъ особенностей народа русскаго, правительство наше изъ *выборно-совѣщательнаго* быстро превратилось въ абсолютное господствующее, безконтрольно-управляющее, неотвѣтственное и существуетъ въ этомъ видѣ нѣсколько вѣковъ. Опять разныя случайности, а отчасти и соображенія мѣшали народу русскому сбросить беззаконный гнетъ правительства, насильно захватившаго власть, превышающую границы, установленныя для нея народомъ при Рюрикѣ, возстановляемая по мѣстамъ при удѣльныхъ князьяхъ и отчасти для всей Россіи, при выборѣ на царство М. Ѳ.

Романова. Кромѣ тѣхъ разныхъ случайностей и соображеній о необходимости терпѣнія правительственнаго самоуправства, во избѣжаніе большихъ какихъ-нибудь золь, народъ не разъ возставалъ фактически противъ незаконно-дѣйствующихъ законовъ государственныхъ, всегда направлявшихся къ захвату правъ народныхъ, его свободы; но всѣ эти попытки борьбы и возстанія были подавляемы силой, и послѣ нихъ неправды правительства и гнетъ его власти все усиливались да усиливались, видоизмѣняясь во внѣшней формѣ своей и принимая болѣе стройный видъ и организованный строй, по мѣрѣ перерожденія государства по образу и подобию бога имперіи Римско-Нѣмецкой съ остатками типа Монголо-Византійскаго. Правительство наше, вмѣсто того, чтобъ соображать дѣйствія свои съ потребностями и интересами земли, стало рѣшительно помыкать народомъ, эксплуатировать его и государствовать во вся тяжкая, позабывъ *десятую* заповѣдь скрижалей Господнихъ и навязывая всѣмъ первую, въ которой говорится: „Азъ есмь Господь Богъ твой и нѣсть тебѣ Бози иніи развѣ мене!“ цѣликомъ примѣняя ее къ себѣ и обращая къ народу, котораго оно ни изъ какого Египта не изводило, а только привело...

Вотъ общее знакомство *съ Русскимъ государствомъ*.

Схема нашей государственной исторіи представлялась Мартьянову въ такомъ оригинальномъ видѣ: «имперія Петра Великаго... Да что имперія! Возстаніе народа съ Пугачевымъ ясно говоритъ объ отношеніяхъ ея къ народу.

«Петръ I-й и дубинка, стрѣльцы и казни, перепись и подати, работы и служба, заморская каша и земское масло... сынъ и дыбы, жена-монахиня, земство въ колодкахъ, расколъ на крестѣ...

«Екатерина и Меншиковъ.

«Петръ и Долгоруковъ.

«Избраніе Анны, Анна Іоанновна, Іоаннъ Антоновичъ, Анна Лепольдовна, Биронъ и Минихъ, пытки и казни, срубы и пламя — костры и огонь, и душно, и смрадно, и дымно!

«Елисавета и Лейбъ-компанія, Шлиссельбургъ и Іоаннъ Антоновичъ.

«Петръ III-й...

«Екатерина, Пугачевъ...

«Павелъ, во всемъ Екатеринѣ противорѣчившій, въ одномъ совершенно подражавшій ей, въ раздачѣ любимцамъ крестьянъ.

«Александръ, крестьянъ не раздававшій, что-то думавшій и ничего не сдѣлавшій, кромѣ ужасовъ аракеевскихъ и военныхъ поселеній.

«Николай марширующій... Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!

Патетически заканчивалъ авторъ изложеніе своего идеала—перехода власти къ народу:

«Если самая власть государственная перестанетъ быть властью, съ современнымъ намъ характеромъ ея, государство, этотъ враждебный станъ народу, не перестанетъ быть станомъ народу вра-

жебнымъ, пока существуетъ; потому не перестанетъ быть враждебнымъ, что самая его станообразность народу уже враждебна. Чтобъ вражды этой не было, надо, чтобъ одна сторона изъ враждующихъ уничтожилась, войдя въ другую, а такъ какъ народъ уничтожиться не можетъ, ему отречься отъ самого себя нельзя, то и остается уничтожиться стану государственному, т. е. дворянству, составляющему его, отречься отъ сословности.

«А власть государственная должна превратиться во власть правительственную, сообразную съ духомъ, ростомъ и потребностями народа, самоуправляющагося посредствомъ представительной формы правленія съ Великой Всенародной Земской Думой во главѣ, какъ выраженіемъ союза и неразрывнаго единства всего Міра Славянскаго.

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Единое, неразрывное, безсословное, народное Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское!—союзное, свободное, могучее Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Отъ моря Бѣлаго и Балтики до моря Чернаго и Босфора, отъ волнъ Адриатическихъ до океановъ Тихаго и Ледовитаго!

«Да здравствуетъ!»

V.

Написавъ письмо и книгу, Мартьяновъ пришелъ къ заключенію. что онъ исполнилъ все, что могъ сдѣлать въ тотъ моментъ... Когда наступилъ кровавый 1863-й годъ, онъ насилию сдерживалъ свое горе при видѣ польскаго возстанія, которому совершенно не сочувствовалъ, какъ апологетъ всеславянской федераціи... Много по этому поводу было у него споровъ съ Герценомъ и, въ особенности, съ Бакунинимъ..

Герценъ даетъ очень выпуклый образъ Мартьянова. «Человѣкъ. испытанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергической, глубоко страстный, Мартьяновъ сосредоточился весь на вопросѣ о судьбѣ русскаго народа: тутъ была его поэзія, его религія, любовь и ненависть... Въ мнѣніяхъ Мартьянова была та законченность, которую мы встрѣчали въ глубоко религіозныхъ людяхъ, которой мы дивились въ П. В. Кирѣевскомъ. Тутъ нѣтъ больше колебаній, сомнѣній. Мартьяновъ скоро усталъ на чужбинѣ и, натура цѣльная и фанатическая, пошелъ домой. Въ его возвращеніи было столько простоты, мужества, довѣрія, скажемъ не обинуясь, столько трогательнаго величія, что дѣйствительно, надобно не имѣть слѣда человѣческаго сердца, чтобъ его послать на каторгу. Всѣ останавливали Мартьянова, онъ не послушался. Онъ не вѣрилъ, что откровенное слово, обращенное

къ представителю народной правды и народной воли, можетъ быть наказано хуже воровства»¹⁾).

Да, Мартьяновъ рѣшилъ, что больше ему на Западѣ дѣлать нечего, и направился въ Россію...

Въ этомъ было такъ много простоты и наивности, что никто изъ окружающихъ не могъ ее понять. Любопытное письмо написалъ онъ Огареву какъ-то послѣ одного изъ такихъ разговоровъ почти наканунѣ своего отъѣзда изъ Лондона.

«Я потому, безъ сомнѣнія, написалъ письмо къ государю и книжку, что *жилъ въ Англии*, но потому же ѣду и въ Россію, что написалъ это. Сказать печатно слово и отвернуться отъ Россіи для Америки—*не хорошо*, а оставаться въ Лондонѣ стало не къ чему.

«По какой причинѣ?»

«Посмотрите письмо мое къ Вамъ по поводу разныхъ переписокъ, напечатанныхъ въ «Колоколѣ» по польскимъ дѣламъ, и Вы найдете, почему мнѣ незачѣмъ жить въ Англии²⁾. Да это Вы уже знаете. Знамя мое—единство всей земли славянской съ безусловнымъ представительствомъ въ одной центральной всенародной земской думѣ и съ думами по областямъ для мѣстныхъ дѣлъ. Къ тому же *личныя дѣла* окончились. *Другую* содержанія *не стало*. А какъ не стало въ жизни *содержанія*, пришлось искать его въ Россіи. Что найду? Кто знаетъ! Хочу добра и правды.

П. Мартьяновъ.

«Я имѣлъ дерзость думать, это не личное желаніе, это принципъ *народа* славянскаго, за исключеніемъ того, и то отчасти только, называется «государствомъ». Такую рознь въ желаніяхъ *наша* съ *государствомъ* видимъ ясно въ Польшѣ».

«Хочу добра и правды»—въ этомъ и была ужасная вина Мартьянова...

Его уже давно разыскивали и, когда онъ, 12 апрѣля 1863 года, вступилъ на русскую землю въ Вержболовѣ, его сейчасъ же арестовали и немедленно доставили въ Петербургъ въ III Отдѣленіе.

14-го Александръ II повелѣлъ передать дѣло о его преступленіи особо учрежденной тогда комиссії кн. А. Ѡ. Голицына, съ дѣятельностью которой читатели моихъ изслѣдованій въ «Быломъ» уже знакомы... Въ тотъ же день Мартьянова перевезли въ Алексѣевскій Фавелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ уже сидѣли Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ, Писаревъ, Шелгуновъ и др. Что долженъ былъ пережить, перечувствовать и передумать человекъ, такъ *страстно и такъ просто искавшій правды и добра?* Это было маленькое «девятое января» Александра II...

¹⁾ «Колоколъ» 1864 г. № 176.

²⁾ Въ этомъ письмѣ Мартьяновъ выражалъ свою скорбь и негодованіе на то, что русскіе, забывая притязанія поляковъ на коренныя свои земли, сочувствуютъ польскому дѣлу больше, чѣмъ сами поляки; говорилъ, что поляки могутъ, какъ хотѣть, отстаивать свое дѣло, но дѣло русскихъ—отстаивать единство и цѣлость всей земли съ ея народной земской думой.

VI.

15 апрѣля шефъ жандармовъ, кн. Долгорукій, сообщалъ кн. Голицину о высочайшей волѣ.

Теперь, когда мы знаемъ истинный ходъ событій личной жизни Мартьянова, для насъ небезынтересно ознакомиться съ ихъ изложеніемъ въ официальной бумагѣ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ.

Тамъ прежде всего сообщалось, что Мартьяновъ растратилъ состояніе своего отца... Очевидно, надо было подготовить комиссію къ наиболѣе неблагопріятному отношенію къ подсудимому. Затѣмъ говорилось, что изъ общества «Кавказъ и Меркурій» онъ уволенъ за растрату денегъ. «Видя послѣ того и съ обнаруженіемъ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ его поступковъ трудность своего положенія въ Россіи, онъ отправился за границу и, находясь въ Лондонѣ, сблизился съ Герценомъ и его сообщниками»...—такъ объяснялся выѣздъ въ Лондонъ.

20 апрѣля комиссія вытребовала Мартьянова на допросъ.

Я не буду повторять здѣсь тѣхъ показаній его, которыми воспользовался выше при разсказѣ, а приведу другія.

Не желая впутывать хоть какъ-нибудь Герцена и его друзей, Мартьяновъ сказалъ, что никого у Герцена и Огарева не встрѣчалъ, что Герценъ, кажется, очень остороженъ и едва ли станетъ принимать постороннихъ людей другъ при другѣ. «О дѣятельности его мнѣ ничего не извѣстно, кромѣ общихъ мѣстъ, извѣстныхъ по «Колоколу». У Бакунина не бывалъ».

Комиссія увидѣла, что отъ Мартьянова много не получишь и, сочтя достаточнымъ самые факты послышки письма государю и опубликованія его и другого письма въ „Колоколѣ“, представила Александру II докладъ, въ которомъ находила необходимымъ передать дѣло Мартьянова на судъ сената. 5 мая докладъ этотъ былъ утвержденъ.

Сенатъ велъ себя тоже весьма просто и безъ дальнихъ проволочекъ прямо приступилъ къ составленію опредѣленія на основаніи матеріаловъ, переданныхъ комиссіею.

VII.

Приведу главную часть опредѣленія.

«Изъ вышеизложеннаго оказывается, что мѣщанинъ Мартьяновъ оставивъ Россію по случаю разстройства торговыхъ дѣлъ своихъ и поселившись въ Лондонѣ, познакомился съ Герценомъ, Огаревымъ и другими изгнанниками русскими. Не получивши почти никакого образованія, но начитавшись русскихъ сочиненій, издаваемыхъ изгнанниками и проникнутыхъ враждою противъ русскаго правительства, онъ прислалъ изъ Лондона его императорскому величеству письмо, въ коемъ дерзостно порицалъ установленный го-

сударственными законами самодержавный образъ правленія. Затѣмъ, наполнивъ письмо свое нелѣпыми мнѣніями своими о вредѣ самодержавія и предлагага планы, въ головѣ его родившіеся, о созваніи земской думы и о томъ, какимъ образомъ должны быть производимы выборы въ члены этой думы, онъ порицалъ существующія нынѣ учрежденія, упрекалъ въ существованіи ихъ и въ злоупотребленіяхъ, по мнѣнію его, отъ нихъ происшедшихъ, государя императора, и кончилъ письмо свое воззваніемъ къ государю созвать Великую Земскую Думу для постоянныхъ совѣщаній вокругъ государя. Такимъ образомъ, сочиненное Мартьяновымъ и посланное имъ изъ Лондона къ государю императору письмо заключаетъ въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія и, хотя сіе преступленіе имъ учинено внѣ предѣловъ государства, подвергаетъ его, на основаніи 189 ст. уложенія наказанію по 2 ч. 286 ст. того же уложенія, т. е. заключенію въ крѣпость на время отъ одного года до двухъ лѣтъ.

«Но, независимо отъ сего, Мартьяновъ, это же самое письмо, съ ничтожными токмо измѣненіями, не перемѣняющими смысла, напечаталъ въ журналѣ «Колоколъ», издаваемомъ въ Лондонѣ русскими изгнанниками, Герценомъ съ компаніею, имѣющимъ постоянное на правленіе къ опроверженію существующаго въ Россіи правленія. Такого рода дѣйствіе Мартьянова есть распространеніе противозаконнаго его сочиненія и подвергаетъ его наказанію по I части той же 286 ст. уложенія, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводы отъ четырехъ до шести лѣтъ, безъ наказанія плетью и наложенія клеймъ, на основаніи высочайшаго указа 17 апрѣля сего года. По совокупности преступленій онъ долженъ быть подвергнутъ послѣднему, какъ строжайшему роду наказаній.

«Обращаясь засимъ къ опредѣленію мѣры наказанія подсудимаго, сенатъ находитъ, что при отсутствіи обстоятельствъ, вину его уменьшающихъ, она увеличивается тѣмъ, что съ противозаконнымъ сочиненіемъ своимъ онъ обратился къ лицу самого государя императора (6-й пунктъ 141 ст.) и, дозволяя себѣ нѣкоторымъ образомъ выраженія, имѣющія въ себѣ видъ упрека къ лицу императорскаго величества, даже въ формѣ нарушилъ порядокъ обращенія къ священной особѣ русскаго самодержца, подобающей всякому русскому подданному, подписавшись «покорнѣйшимъ слугою», а не вѣрноподданнымъ. Объясненіе его, будто бы искренняя любовь къ государю и народу побудила его написать и послать письмо это, не заслуживаетъ по своей неправдоподобности ни малѣйшаго уваженія, ибо все содержаніе письма проникнуто озлобленіемъ, которое возымѣлъ онъ по случаю разстройства частныхъ дѣлъ своихъ, и озлобленіе это онъ излилъ на правительство русское; такимъ образомъ, во всемъ письмѣ его нѣтъ и тѣни любви къ государю и народу, которую приводитъ онъ въ оправданіе свое; оно дышетъ злобою противъ правительства и наполнено несбыточными предположеніями. По симъ основаніямъ, мѣра наказанія подсудимому Мартъ-

янову должна быть назначена средняя. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: подсудимаго, мѣщанина Петра Мартьянова, 28 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на пять лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибирь навсегда».

Государственный совѣтъ, конечно, согласился съ сенатомъ и получилъ высочайшее утвержденіе своего мнѣнія безъ всякаго даже уменьшенія срока наказанія.

7 декабря Мартьяновъ былъ отправленъ въ Сибирь безъ публичнаго объявленія приговора на площади... Очевидно, понимали, что народъ преступленіе Мартьянова вполнѣ одобряетъ...

Такой исходъ дѣла очень возмутилъ лучшую часть русскаго общества, уже раздѣленного тогда надвое свирѣпой реакціей. Герценъ сказалъ пару горячихъ словъ русскому деспотизму, вновь напечатавъ все письмо Мартьянова...

Любопытно, что этимъ возмутился Ю. Э. Самаринъ. Онъ писалъ Герцену, что въ письмѣ Мартьянова къ государю нѣтъ искренности... «По содержанію его письмо пошло; по тону оно заносчиво и дерзко, какъ поступокъ, въ которомъ обличаются побужденія писавшаго; оно лживо отъ первой строки до послѣдней. Можно лгать двоякимъ способомъ: изъ страха или разсчета, говоря противное тому, что думаешь и знаешь; можно также лгать на самого себя, натягивая свою мысль и свое чувство, становясь преднамѣренно въ заученную позитуру, разыгрывая роль, затверженную съ чужого голоса и выдавая суетное желаніе произвести эффектъ за преизбытокъ кипучаго вдохновенія. Въ этомъ смыслѣ письмо Мартьянова самая противная ложь и натяжка, вѣрный признакъ растравленнаго самолюбія... Не то его озабочиваетъ, чтобы мысль, кажущаяся ему новою, дошла до государя и озарила его, вовсе не то. Его радуетъ самый фактъ письма и огласка его, совершенно независимо отъ содержанія и послѣдствій. Онъ берется за перо, чтобы заявить, что вотъ, молъ, простой человѣкъ, бывшій холопъ, а тоже помимо всѣхъ лѣзъ къ государю и кричу на него; онъ потираетъ себѣ руки отъ удовольствія, воображая себѣ, какъ эта бомба изъ Лондона полетитъ въ Зимній дворецъ; какъ ее тамъ разорветъ, и какъ отъ осколковъ ея разбѣжится вся придворная челядь. Скандала онъ жаждетъ, скандала ради, а вовсе не вразумленія и обращенія. Все это вы чувствовали и понимали лучше меня. Отчего же вы приняли это письмо и напечатали его?...

«Вамъ донесли изъ Россіи, что Мартьяновъ за это письмо сосланъ на каторгу. Объ этомъ я ничего не знаю; отъ васъ въ первый разъ слышалъ я имя Мартьянова и, разумѣется, никакихъ справокъ не успѣлъ еще о немъ собрать; но не выжидая справокъ, теперь же, на свою отвѣтственность, я готовъ поручиться, что вамъ нагнали ваши корреспонденты въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ. Одно изъ двухъ: или Мартьяновъ не на ка-

торгѣ, или онъ сосланъ не за это письмо, а за другое дѣло, и вамъ, и мнѣ неизвѣстное ¹⁾»...

Письмо весьма характерное. Авторъ его, конечно, не могъ допустить мысли, чтобы за это могли послать человѣка на каторгу и на вѣчное поселеніе!.. И какъ неловко было ему потомъ признаться Герцену въ своей ошибкѣ...

Въ іюнѣ 1866 года Мартыановъ умеръ на каторгѣ... ²⁾

Мих. Лемке.

¹⁾ „Русь“, 1883 г. № 1.

²⁾ Некрологъ Мартыанова помещенъ въ № 224 „Колокола“.
Ред.

По поводу портрета А. И. Желябова.

(Письмо въ редакцію).

Какъ ни жаль огорчать уважаемую редакцію «Былого», но приходится сказать, что портретъ А. И. Желябова, появившійся въ мартовской книжкѣ «Былого», абсолютно непохожъ, и не даетъ ни малѣйшаго представленія о Желябовѣ. Прежде всего это былъ человѣкъ чрезвычайно красивый, не только чертами лица, но также выраженіемъ смѣлости и рѣшимости, которое проявлялось во всей его внѣшности.

Красивъ былъ темно-русый цвѣтъ волосъ, курчавой бороды, и небольшихъ усовъ, красивъ былъ бѣлый высокій лобъ и румянецъ, который говорилъ о цвѣтушемъ здоровьи. Голова и лицо были большихъ размѣровъ, лицо—широкое съ нѣсколько выдающимися скулами. Брови подымались легкой черной дугой надъ сѣрыми умными глазами, носъ былъ прямой и короткій. Когда Желябовъ говорилъ или смѣялся, то сверкали два ряда бѣлыхъ и крѣпкихъ зубовъ, которые онъ имѣлъ обыкновеніе стискивать съ большой силой въ минуты душевнаго волненія или крѣпкихъ думъ.

Чаще всего голова бывала слегка откинута назадъ и приподнята, что придавало Желябову особенное выраженіе повелительной энергіи и гордаго сознанія собственной личности.

Ходилъ онъ по улицамъ быстрой походкой, крѣпко задумавшись, незамѣтно для себя стиснувъ зубы, и съ силою сжимая руки, вытянутыя вдоль туловища. Обыкновенно онъ пользовался переходами съ одного дѣловаго свиданія къ другому, чтобы сосредоточиться на предстоящихъ разговорахъ или дѣйствіяхъ.

Повидимому, Желябовъ старался свыкнуться съ мыслью о томъ, что ему придется погибнуть на висѣлицѣ. Онъ самъ иногда затѣвалъ разговоръ объ этомъ предметѣ, безстрастно рисуя себѣ картину своей смерти.

Иногда шутя онъ говорилъ, когда его убѣждали въ конспиративныхъ цѣляхъ сбрить свою красивую окладистую бороду, къ которой онъ питалъ большую привязанность, что его могутъ повѣсить, но съ бородой онъ не разстанется.

Чтобы дополнить образъ Желябова, надо сказать, что онъ былъ высокаго роста, т. е. нѣсколько выше средняго, широкъ въ плечахъ, обладалъ хорошо развитой мускулатурой и большой физической силой.

А. Прибылева (Норба).

Отв редакціи. Въ настоящей книжкѣ мы помѣщаемъ два портрета А. И. Желябова, воспроизведенные съ фотографическихъ карточекъ. Правда, оба портрета относятся къ юношескому періоду жизни Андрея Ивановича (одинъ гимназической, другой—студенческой поры) и не даютъ, слѣдовательно, полного представленія о внѣшности Желябова въ пору высшаго расцвѣта его физическихъ и духовныхъ силъ, но зато оба помѣщаемые портрета,—какъ о томъ писалъ намъ товарищъ А. И. Желябова по гимназіи, университету и революціонной дѣятельности М. Н. Тригони, — «поразительно похожи». Такимъ образомъ, черты лица Желябова, хотя бы только и юношескаго періода его жизни, все же спасены для потомства. Редакція горячо благодаритъ лицъ, доставившихъ ей для воспроизведенія и помѣщенія на страницахъ «Былого» фотографическія карточки Желябова. Редакція увѣрена, что изъявленіемъ такой благодарности она выражаетъ не только чувства собственныя, но и чувства всѣхъ своихъ читателей-друзей.

Къ біографіямъ А. И. Желябова и С. Л. Перовской ¹⁾).

I.

Весною 1879 г. самой крупной организаціей въ Россіи, безъ сомнѣнія, была «Земля и Воля», имѣвшая нѣкоторые слабые отпрыски на югѣ, но цѣликомъ созданная сѣверомъ. Располагая собственной типографіей и газетой, имѣя, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рублей, устраивая довольно солидныя поселенія въ 3—4 губерніяхъ, располагая, наконецъ, значительнымъ числомъ членовъ, сравнительно опытныхъ и энергичныхъ, этотъ кружокъ, сверхъ того, пользовался большой извѣстностью, а это въ революціонномъ дѣлѣ можетъ быть, самое главное. Но среди самой организаціи было раздвоеніе.

Обстоятельства были такого рода. Правительство, раздраженное террористическими попытками, не только не ослабило, но еще болѣе усилило мѣры къ искорененію социалистовъ. Оно усиливало полицію, умножало шпіоновъ; генераль Дрентельнъ задумывалъ систему мѣръ къ «очищенію» столицы. Все это вызвало необходимость нѣкоторыхъ террористическихъ фактовъ. Такъ, напр., былъ убитъ шпіонъ Рейнштейнъ, который могъ погубить множество народа. Тѣми же побужденіями вызвано покушеніе на жизнь Дрентельна. Но, разумѣется, всѣ эти факты еще болѣе раздражали правительство. Становилось очевиднымъ, что изъ этой борьбы нѣтъ другого исхода, какъ, или уничтоженіе социально-революціонной партіи, или же—политическій переворотъ. Становилось вмѣстѣ съ тѣмъ очевиднымъ, что политическій переворотъ невозможно произвести такими ничтожными мѣрами, какъ, напримѣръ, убійство Мезенцева, да и то производимыми не систематически, а какъ случится. Для людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣла, было несомнѣнно, что какая бы то ни было дѣятельность въ пользу народныхъ массъ немислима въ сколько-нибудь крупныхъ

¹⁾ Въ 1882-году организація „Краснаго Креста“ опубликовала за границей, полученная ею изъ редакціи газеты „Народная Воля“, двѣ чрезвычайно интересныя брошюры, содержащія матеріалы для біографій А. И. Желябова и С. Л. Перовской. Мы воспроизводимъ здѣсь эти брошюры въ ихъ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Всѣ неоговоренныя примѣчанія къ брошюрамъ принадлежать ихъ авторамъ.

Ред.

размѣрахъ при существующемъ государственномъ порядкѣ. Пере-
мѣна же характера государства, т. е. политической переворотъ—
задача страшно трудная, требующая всѣхъ силъ партіи, серьезной
дѣятельности и крѣпкой дисциплинированной организаціи. Въ то
время, когда «городская» часть землевольцевъ приходила къ такимъ
заключеніямъ, «деревенская» часть, т. е. всѣ, проживавшіе уже по
году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованія правительства, напротивъ,
приходили къ заключенію, что терроръ оказался вреднымъ,
и его необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію
на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ
народѣ.

Въ 1879 г. нѣкоторая часть землевольцевъ,—убѣжденная, что
при нашихъ условіяхъ игнорированіе политическаго элемента и
уступка правительству, въ такъ или иначе завязавшейся борьбѣ,
были бы равносильны самоубійству партіи,—начала нѣсколько из-
мѣнять прежній характеръ дѣйствій. Лица, придерживавшіяся этого
взгляда, скоро пришли къ убѣжденію въ необходимости измѣнить
всю программу и довести свои силы до возможности оказывать
сильное сопротивленіе правительству; если же оно не откажется
отъ своей системы, то они рѣшились поставить государственный
переворотъ прямою цѣлью партіи. Все это представлялось въ то
время крайне непопулярнымъ новшествомъ, конституціонализмомъ
и т. п. Поэтому новаторы принуждены были дѣйствовать очень
осторожно. Они не теряли надежды, что вся «Земля и Воля» ока-
жется способной понять требованія времени, но надежды эти не
могли быть велики, а поэтому они старательно разыскивали под-
держку вездѣ, гдѣ было можно. Желябовъ былъ однимъ изъ людей,
обратившихъ на себя ихъ вниманіе, и онъ дѣйствительно оказался
ихъ единомышленникомъ, такъ что съ весны 1879 г. онъ уже
былъ постояннымъ союзникомъ землевольческихъ «террористовъ»,
какъ ихъ тогда, очень неправильно называли.

Въ 1879 г. осенью, согласно уставу «Земли и Воли», долженъ
былъ собраться общій съѣздъ землевольцевъ, для окончательнаго
обсужденія дѣлъ и постановки практическихъ задачъ организаціи,
впредь до слѣдующаго съѣзда. Для этого собранія выбранъ былъ
Воронежъ, какъ мѣсто, куда дешевле всего было съѣхаться боль-
шинству членовъ. Новаторы очень желали воспользоваться съѣздомъ
для окончательнаго упроченія реформы. Самые же рьяные охранит-
тели старой программы, напротивъ, надѣялись, что на съѣздѣ имъ
удастся искоренить изъ «Земли и Воли» даже тѣ ростки новше-
ства, которые успѣли туда проникнуть.

Въ виду такого положенія вещей, новаторы рѣшили за нѣ-
сколько дней до Воронежскаго съѣзда собрать *свой* по близости,
въ Липецкѣ, съ тѣмъ, чтобы взвѣсить силы и явиться въ Воро-
нежъ уже съ ясно опредѣленной программой и съ полнымъ пред-
ставленіемъ о томъ, насколько обстоятельства позволяютъ быть
требовательными. Воронежскій съѣздъ былъ исключительно земле-
вольческимъ. Липецкій съѣздъ организованъ, главнымъ образомъ,

землевольцами-новаторами, по соглашенію съ нѣкоторыми сторонними лицами, въ томъ числѣ и Желябовымъ. Приглашены же были на съѣздъ люди изъ разныхъ мѣстъ и кружковъ, не имѣвшіе пока между собою ничего общаго, кромѣ сознанія необходимости измѣнить программу, въ смыслѣ усиленія въ ней политическаго элемента, организационной централизаціи и активной борьбы.

Желябовъ не былъ «землевольцемъ», точно такъ же, какъ не была ими большая часть, приглашенныхъ въ Липецкѣ. Понятно, что «воронежцы» ничего не знали о Липецкомъ съѣздѣ, который вообще былъ организованъ въ строгой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы новое направленіе не встрѣтило отпора, прежде чѣмъ окрѣпнетъ. На съѣздъ приглашены были только тѣ изъ вліятельныхъ людей, которые уже раньше заявили себя сторонниками реформы.

Я считаю здѣсь необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно участія на съѣздѣ Гольденберга, такъ какъ онъ вообще сильно компрометируетъ съѣздъ, а въ частности и Желябова, бывшаго въ числѣ организаторовъ его.

Съѣздъ нуждался въ людяхъ вліятельныхъ. Гольденбергъ, какъ это ни странно, былъ чрезвычайно извѣстенъ. Разумѣется, никто не считалъ его умнымъ, но всѣ—и совершенно справедливо—смотрѣли на него, какъ на человѣка вполнѣ честнаго, безусловно преданнаго своему дѣлу и, сверхъ того, чрезвычайно дѣятельнаго. Знакомства и связи Гольденберга были очень обширны, какъ это онъ доказалъ въ послѣдствіи, выдавши сотни двѣ человѣкъ. Во многихъ мѣстностяхъ онъ былъ популяренъ, и множество очень умныхъ и хорошихъ людей были его личными друзьями. Недостатокъ Гольденберга былъ тотъ, что онъ, вообще, былъ довольно ограниченъ и непостояненъ: непрерывно увлекался разными планами. Сверхъ того онъ вообще отличался большимъ честолюбіемъ. Обсуждая теперь дѣло а posteriori, я все-таки не нахожу, чтобы приглашеніе такого человѣка и при такихъ условіяхъ, въ какихъ находились новаторы, было *большой* ошибкой. Безъ сомнѣнія, лучше было бы не приглашать его, но никакое предусмотрѣніе не могло указать въ приглашеніи его какой-либо особенной опасности, и тѣмъ не менѣе, все-таки на съѣздѣ большая часть присутствовавшихъ, присмотрѣвшись къ этому человѣку ближе, рѣшила держать его въ сторонѣ и выдѣлить изъ будущей партіи. Это сдѣлано было не потому, что кому-либо могла прійти въ голову невозможная мысль о Гольденбергѣ, какъ о предателѣ, а потому, что онъ, по своей ограниченности, не могъ ни понять, ни поддержать новаго направленія. Такимъ образомъ, Гольденбергъ и остался на будущее время при народовольцахъ, какъ союзникъ, рубака, террористъ, но о дѣлахъ партіи не имѣлъ уже больше никакого понятія. ¹⁾

---

¹⁾ Мнѣ извѣстно, что во время петербургскихъ съѣздовъ, участвовашіе тамъ народовольцы отъ имени Исполнительнаго Комитета предупреждались не приглашать бывшаго въ то время въ Петербургѣ Гольденберга, а нѣкоторые изъ знакомыхъ его—по тому же предупрежденію—совершенно съ нимъ не видѣлись.

Скажу еще два слова о «предательствѣ» Гольденберга. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что онъ не былъ, въ сущности, измѣнникомъ. Во-первыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ храбръ, жизнью не дорожилъ, и висѣлицы не могъ испугаться. Во-вторыхъ, онъ выдавалъ все и всѣхъ,—и себя, и свою невѣсту, которую очень любилъ, и личныхъ друзей, которымъ былъ многимъ обязанъ, и о которыхъ онъ могъ молчать безъ всякаго опасенія за милость начальства, такъ какъ оно о нихъ не имѣло и подозрѣнія. Измѣнники такъ не поступаютъ: у измѣнника есть расчетъ,—у Гольденберга его вовсе не видно. Поведеніе Гольденберга мнѣ объясняется гораздо проще. Прежде всего, онъ недалекъ отъ природы, а въ одиночномъ заключеніи совсѣмъ помѣшался, что видно даже изъ путаницы лицъ и событій въ его показаніяхъ. Во-вторыхъ, онъ крайне честолюбивъ. Слѣдователь, ведшій его дѣло, человѣкъ, очевидно, умный, прекрасно воспользовался слабыми сторонами своего плѣнника. Онъ съ участіемъ выслушалъ всѣ горячія обвиненія Гольденбергомъ правительства въ томъ, что оно преслѣдуетъ истинныхъ друзей народа, притворяясь будто Гольденбергъ открываетъ ему Америку и, наконецъ, началъ убѣждать Гольденберга, что правительство, безъ сомнѣнія, измѣнило бы систему, если бы знало истинный характеръ партіи. Очевидно, что прямая обязанность честнаго человѣка уничтожить такое страшное недоразумѣніе. Гольденбергъ воодушевляется. Передъ нимъ—великое дѣло и великая слава: онъ примиритъ партію съ правительствомъ и откроетъ для нея возможность свободной дѣятельности въ народѣ. Для этого нужно лишь убѣдить правительство въ томъ, что истинное желаніе партіи—это мирная культурная работа въ народѣ, и что на борьбу ее вызываютъ лишь репрессалии правительства. Съ этой цѣлью Гольденбергъ начинаетъ описывать всѣхъ извѣстныхъ ему дѣятелей; вотъ такой-то, положимъ, началъ съ мирной дѣятельности, правительство ему мѣшало, не давало возможности дѣйствовать, и онъ, дошедши до ожесточенія, совершилъ такія-то и такія-то дѣянія. Такъ онъ изложилъ біографіи чуть не всѣхъ ему извѣстныхъ лицъ. А для того, чтобы не было даже тѣни сомнѣнія въ его искренности, онъ выложилъ всю душу, все, что могъ вспомнить его больной мозгъ, не щадя ни друзей, ни родныхъ, ни себя. Правда, онъ многое путаетъ, но путаница эта совершенно безцѣльна и, очевидно, происходитъ не преднамѣренно, а только потому, что факты и лица перепутались въ его помутившейся головѣ. ¹⁾

Нѣкоторое время Гольденбергъ торжествовалъ. Но когда изъ него все выжали, обращеніе съ нимъ измѣнилось. Теперь уже ему не льстили, не говорили о примиреніи съ правительствомъ. Нѣкоторые лица прокурорскаго надзора позволяли себѣ даже неосто-

¹⁾ Я допускаю преднамѣренную ложь только въ тѣхъ частяхъ показаній, гдѣ Гольденбергъ говоритъ о вещахъ, ему совершенно неизвѣстныхъ. Тутъ онъ прямо сочиняетъ, чтобы не сознаться въ своемъ незнаніи, чтобы не показать, что онъ, Гольденбергъ, можетъ чего-нибудь не знать!

рожныя выходки. Встревоженный насмѣшливымъ обращеніемъ прокурора (другого уже), Гольденбергъ говоритъ: «Помните, г. прокуроръ, что если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы моихъ товарищей, я себѣ этого не прошу».—«Уже не знаю на счетъ волосъ,—отвѣчалъ остроумный прокуроръ,—ну, а что головъ много слетитъ, такъ это вѣрно». Вскорѣ послѣ этого разговора Гольденбергъ удавился.

Но возвратимся къ сѣзду. Роль Желябова на немъ была очень видная. Онъ неутомимо совѣщался и въ частныхъ разговорахъ и въ общихъ собраніяхъ, старался ознакомиться съ людьми, сговаривался, проводилъ собственные взгляды и т. д. Что касается этихъ взглядовъ, то ихъ можно срезюмировать слѣдующимъ образомъ: социальна-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что при ихъ отсутствіи никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская социальна-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ «идейная борьба». Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ-нибудь такомъ, достиженіе чего давало бы прочное основаніе политической свободѣ, и стремленіе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности.

Такимъ основаніемъ нѣсколько позднѣе, какъ извѣстно, явилось «Учредительное Собраніе» и принципъ «Народной Воли».

Порѣшивши утвердительно—хотя въ довольно неопредѣленной формѣ—этотъ вопросъ, сѣздъ перешелъ къ обсужденію того, какъ социальна-революціонная партія должна отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ отместки за 2-ое апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще болѣе опредѣленны. Онъ доказывалъ, что, если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченіе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣритъ, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденія, то тогда для партіи просто немислимо безучастно относиться къ такимъ крайнимъ проявленіямъ тираніи, какъ тотлебенскія и чертковскія расправы, инициатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія должна сдѣлать все, что можетъ; если у нея есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватитъ силы только наказатъ его лично, она должна это сдѣлать; если бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но силъ хватить, безъ сомнѣнія, и силы будутъ расти тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.

Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВЪ.
Гимназической поры жизни.

Въ такомъ духѣ говорилъ Желябовъ, и особенныхъ возраженій этому на съѣздѣ не было. Этотъ вопросъ былъ для всѣхъ ясенъ до очевидности, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе накопились въ это время на душѣ каждого порядочнаго человѣка. Я и безъ того такъ много принужденъ говорить не о Желябовѣ, а о постороннихъ обстоятельствахъ, что не могу, разумѣется, обрисовывать роли и мнѣнія другихъ лицъ съѣзда. Замѣчу только, что нѣкоторые лица указывали на терроръ, какъ на средство борьбы, даже какъ на единственное почти средство; нѣкоторые ставили задачей партіи достиженіе извѣстныхъ правъ, другіе—народоправленіе, третьи—захватъ власти самой партіей. Но, очевидно, что всѣ эти мнѣнія расходятся лишь въ отгѣнкахъ.

Третій вопросъ, подлежащій обсужденію, былъ вопросъ о типѣ организаціи. Желябовъ не былъ въ это время особенно яркимъ централистомъ, хотя признавалъ необходимость дисциплины и извѣстной степени подчиненія. Онъ только вполнѣ проникся организационными началами, выставленными вскорѣ «Народной Волей». Поэтому его роль на съѣздѣ по данному вопросу не была яркой. Подъ вліяніемъ доказательствъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, съѣздъ порѣшилъ, однако, организационный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны.

Что касается задачъ практическихъ, то мимоходомъ замѣчу, что въ число ихъ не входила организація мести тирану. Относительно средствъ, которыми могла бы располагать партія въ этомъ случаѣ, велись, между прочимъ, частные разговоры, но и только. Самое рѣшеніе организационнаго вопроса съѣздомъ было таково, что практическое осуществленіе подобнаго дѣла возлагалось прямо на *организацію*. Сверхъ того, вопросъ зависѣлъ отъ поведенія правительства. Вообще, главнымъ дѣломъ участниковъ съѣзда было распространеніе и укрѣпленіе новой партіи, вслѣдствіе чего они торопились разъѣхаться. Нѣкоторые лица, въ томъ числѣ Желябовъ, должны были остаться по приглашенію землевольцевъ въ Липецкѣ до тѣхъ поръ, пока участники Воронежскаго съѣзда не вызовутъ ихъ туда (если окажется возможнымъ).

Въ Воронежѣ въ это время собралось уже много народу. Липецкіе землевольцы заставили себя ждать дня четыре, и нѣкоторые изъ съѣхавшихся въ Воронежъ, наскучивъ ждать, уѣхали даже обратно въ свои деревни, такъ какъ имъ угрожала опасность потерять тамъ занимаемая ими положенія. Явившись, наконецъ, въ Воронежъ, «террористы» первымъ вопросомъ съѣзда поставили принятіе новыхъ членовъ (все больше изъ бывшихъ въ Липецкѣ), участіе которыхъ было необходимо для того, чтобы компанія содержала въ себѣ болѣе разносторонніе элементы. Съѣздъ, вообще, согласился,—нѣкоторыхъ принялъ, въ томъ числѣ Желябова, который, такимъ образомъ, явился въ Воронежъ.

Воронежскій съѣздъ, вообще говоря, былъ очень безсодержателенъ. Нужно отдать справедливость его участникамъ: громаднѣйшее большинство ихъ вполнѣ добросовѣстно старалось уяснить

себѣ задачи времени. Но составъ съѣзда былъ такого рода, что рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, могло быть только компромиссомъ. Вся деревенская часть съѣзда, составлявшая большинство, во-первыхъ, слишкомъ сильно сохранила старое отвращеніе къ политикѣ, нѣкоторые же оказались даже вовсе не революціонерами и проводили мысль, что задача партіи—это селиться въ народѣ, знакомиться съ нимъ и затѣмъ вести въ его средѣ медленную культурную работу поднятія его умственнаго и нравственнаго развитія. Съ этими людьми, разумѣется, невозможно было столкнуться, какъ бы они ни были хороши сами по себѣ. Желябовъ страшно злился. «Хороши ваши землевольцы, говорилъ онъ, и эти люди воображаютъ себя революціонерами!» Желябовъ, какъ и нѣкоторые другіе, былъ такого мнѣнія, что разрывъ неизбѣженъ, и что не стоитъ даже оттягивать его. Онъ прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ, развилъ передъ съездомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе. «Да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ», говорили правовѣрные социалисты...

Желябовъ относительно конституціи, дѣйствительно, держался такого мнѣнія, что она была бы очень полезна, что она облегчила бы возможность дѣйствовать, если не для „официальныхъ социалистовъ“, то для людей вообще, и тѣмъ помогла бы народу выдвинуть своихъ дѣятелей, которые не хуже насъ сумѣли бы опредѣлить нужды народа и осуществить ихъ. «Я знаю, — говорилъ Желябовъ, — много очень умныхъ, энергичныхъ общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупнаго общественнаго дѣла они себѣ не выработали, не имѣютъ, а дѣлаться мучениками изъ-за мелочей не желаютъ: они люди рабочіе, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституція дала бы имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взяли бы за дѣло. А потомъ, выработавши себѣ крупный общественный идеаль, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши великое дѣло, — эти люди уже ни передъ чѣмъ не остановятся, станутъ тѣми героями, какихъ намъ показываетъ иногда сектантство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ.»

Большая часть съѣзда, однако, боялась разрыва. Особенно онъ страшнымъ казался для еще не оперившихся народовольцевъ (т. е., будущихъ). Поэтому товарищи убѣждали Желябова не ставить вопроса слишкомъ рѣзко. Онъ согласился, но вмѣстѣ съ тѣмъ вообще замолчалъ на собраніяхъ и занялся исключительно частными бесѣдами, стараясь склонить на свою сторону отдѣльныхъ лицъ. Особенно хлопоталъ онъ около Софьи Перовской, съ которой жотъ и былъ знакомъ, но еще далеко не близокъ. Но Софья Перовская крѣпко стояла за свои взгляды, и не разъ Желябовъ говорилъ, пожимая по обыкновенію плечами: «Нѣтъ, съ этой бабой ничего невозможно сдѣлать».

Съѣздъ кончился компромиссомъ. Было рѣшено, что программа

«Земли и Воли» остается неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена, и что—въ случаѣ казней— «Земля и Воля» должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Тенденціи «Земли и Воли» и «Листка Земли и Воли», которыхъ обвиняли въ измѣненіи программы (и, по моему, совершенно справедливо) были признаны согласными со взглядами партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить.

Понятно, что эти рѣшенія совсѣмъ не удовлетворяли новаторовъ. Теперь энергическая дѣятельность становилась невозможной ни въ одну сторону. Единственная выгода, которую они приобрѣтали— нѣкоторыя матеріальныя средства, которыя можно было пустить на живое дѣло. Всѣ ясно понимали неизбѣжность разрыва, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Но у новаторовъ сохранилась надежда, что, при болѣе продолжительныхъ переговорахъ, при лучшемъ ознакомленіи съ дѣлами, если не всѣ, то большая часть консерваторовъ перейдетъ на ихъ сторону ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, разрывъ, при еще неустановившихся связяхъ и средствахъ, былъ для народовольцевъ крайне нежелателенъ.

II.

Я былъ знакомъ съ Соней Перовской въ теченіе восьми лѣтъ, всегда былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ, иногда обстоятельства складывались такъ, что сами вызывали насъ на открытныя бесѣды, но, несмотря на все это, я плохо знаю ея жизнь. Знаю лишь то, что самъ видѣлъ или же слышалъ отъ другихъ, но отъ нея самой приходилось слышать очень мало.

Это была натура замѣчательно сдержанная, скрытая въ самой себѣ и какъ будто недовѣрчивая. Сверхъ того, жизнь ея, вообще говоря, была очень невеселая, а жаловаться она не любила. Я знаю много, очень много случаевъ, когда она поддерживала другихъ людей, дѣлая это охотно, просто и чрезвычайно деликатно, но она сама, полагаю, не встрѣчала людей, отъ которыхъ требовала бы нравственной поддержки себѣ: сильный не ищетъ поддержки у слабого, а Соня, по силѣ характера, на мой взглядъ, превосходила огромное большинство людей, съ которыми ее сталкивала судьба и не уступала даже двумъ-тремъ наиболѣе выдающимся... Поэтому-то ея внутренній міръ былъ и останется загадкой для самыхъ близкихъ ея друзей; эту загадку она не помогала разгадывать. Даже внѣшняя сторона ея жизни извѣстна очень мало, и нужно было бы переспросить сотню людей для того, чтобы возстановить,—да и то съ значительными пробѣлами,—хоть эту внѣшнюю сторону.

¹⁾ Эти надежды осуществились очень мало. Кое-кто, дѣйствительно, перешелъ на сторону новаго направленія, но вообще разрывъ сталъ неизбѣженъ. Приходилось дѣйствовать, приходилось устанавливать свою программу. Соглашеніе оказывалось невозможнымъ. Послѣ многочисленныхъ дебатовъ, послѣдній Петербургскій съѣздъ „Земли и Воли“ разрѣшилъ разрывъ кружка, а вмѣстѣ съ нимъ—и партіи. Желябовъ не участвовалъ ни въ этихъ собраніяхъ, ни на этомъ конгрессѣ.

Дѣтство Сони прошло не весело. Она родилась въ барской семьѣ¹⁾. Мать ея—женщина очень умная, гуманная и честная; но отецъ представляетъ образцовый типъ мелочнаго, своекорыстнаго и безсердечнаго самодура. Общественное положеніе Перовскихъ, ихъ обязанности передъ «свѣтомъ» отнимали у матери возможность отдавать все свое время дѣтямъ. Семейная жизнь была полна раздора и тяжелыхъ сценъ. Соня, какъ послѣдняя дочь, родилась въ самый разгаръ семейной каторги. Къ старшимъ дѣтямъ отецъ еще чувствовалъ нѣкоторую привязанность, Соною же онъ сразу не влюбилъ.

До трехъ лѣтъ она оставалась въ Петербургѣ подъ надзоромъ няни-нѣмки, которая ее очень любила. Затѣмъ отецъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Псковъ. Положеніе мужа обязывало Варвару Сергѣевну (мать Сони) тратить много времени на выѣзды, вечера и пр. Такой свѣтскій образъ жизни почти не оставлялъ ей возможности заниматься воспитаніемъ дѣтей. Но онъ продолжался не долго и болѣе не возобновлялся до тѣхъ поръ, пока не выросла старшая дочь, которую пришлось вывезти «въ свѣтъ». Въ этотъ промежутокъ времени Варвара Сергѣевна горячо отдалась дѣтямъ,— ея единственному утѣшенію. Она очень любила меньшую дочь, которая платила ей той же горячей привязанностью.

Соня была очень умнымъ ребенкомъ и исполняла малѣйшія желанія матери. Куколь она не любила, не играла ими никогда; ея игры носили, что называется, «мальчишескій» характеръ. Однажды мать увидѣла такую сцену: Василій бросалъ мячемъ въ Соною, которая служила мишенью. Мать разсердилась, но Вася объяснилъ, что онъ не хочетъ обижать сестру, а желаетъ только приучить ее защищаться, на случай, если на нее нападутъ разбойники. Вообще, очень живая и шаловливая, Соня слушалась только матери. Грамотѣ она выучилась только восьми лѣтъ и быстро пристрастилась къ чтенію.

«Въ дѣтствѣ,—разсказываетъ одна личность, близко знакомая съ семейной обстановкой Перовскихъ,— Сонѣ ничего не говорили ни о религіи, ни о Богѣ. Закона Божія она не учила. Отецъ, хотя и былъ вѣрующій, но рѣдко ходилъ въ церковь и для дѣтей не требовалъ религіознаго воспитанія. Постовъ въ домѣ никогда не соблюдали».

Училась Соня дома у приходящихъ учителей; французскій языкъ преподавался, разумѣется, одновременно съ русскимъ. Варвара Сергѣевна имѣла свой планъ воспитанія и не хотѣла помѣщать Соною въ учебное заведеніе, хотя послѣдняя и просила отдать ее въ гимназію. Провести свой планъ воспитанія матери, однако, не удалось, такъ какъ семейство, благодаря мотовству отца, скоро разорилось.

Впрочемъ, до того еще отецъ былъ переведенъ губернаторомъ

¹⁾ Въ Петербургѣ 1-го сентября 1853 г. Семейство Перовскихъ состояло изъ отца, матери и дѣтей: Николая, Маріи, Василя и Софьи.

въ Петербургъ. Въ это время Соня съ матерью ѣздила за границу къ дядѣ, который умиралъ тамъ и выразилъ желаніе видѣть передъ смертью свою любимую племянницу. Нѣкоторое время она съ матерью провела въ Женевѣ, а затѣмъ онѣ вернулись въ Петербургъ.

Перовскіе стали жить открыто, старшую дочь «вывозили въ свѣтъ». Отецъ, благодаря своему положенію, имѣлъ огромный кредитъ и, не стѣснясь, имъ пользовался. Соня съ насмѣшкой и злобой вспоминала объ этомъ времени,—о нарядахъ, выѣздахъ, о томъ, что ее хотѣли приучить къ свѣту. Она въ это время оставалась совсѣмъ уединенною и еще болѣе погрузилась въ свои книги.

Наступилъ 1866-й годъ. Каракозовскій выстрѣлъ низвергнулъ губернатора. Онъ впалъ въ опалу и лишился мѣста за то, что не доглядѣлъ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и разореніемъ семьи: кредитъ исчезъ, долги превышали стоимость имѣній, страшно, вдобавокъ, запущенныхъ. Давно желавшая отдѣлаться отъ супруга Варвара Сергѣевна, подъ тѣмъ предлогомъ, что жизнь въ Петербургѣ стала не по-средствамъ, отпросилась въ деревню вмѣстѣ съ дѣтьми, вполнѣ увѣренная, что мужъ за нею не послѣдуетъ. Такъ и случилось.

Въ имѣніи близъ Симферополя они прожили безвыѣздно два года. Планъ воспитанія Варвары Сергѣевны, за недостаткомъ средствъ, остался невыполненнымъ, и четырнадцатилѣтняя Соня пополняла свое образованіе чтеніемъ книгъ: ихъ библіотека, кромѣ массы романовъ (которыми занимался отецъ), содержала много серьезныхъ книгъ по исторіи, естествовѣдѣнію и т. п.

Жизнь въ деревнѣ шла спокойно и однообразно. Днемъ сестры читали, гуляли, катались, особенно Соня, страстно любившая верховую ѣзду. Мать занималась хозяйствомъ. По вечерамъ кто-нибудь изъ дочерей читалъ вслухъ большею частью что-нибудь серьезное. Лѣтомъ жизнь разнообразилась пріѣздомъ братьевъ на каникулы; Василій привозилъ съ собою книги, Соня зачитывалась Писаревымъ. Ей уже шель 16-й годъ. Онѣ съ сестрой задумали поступить на Аларчинскіе курсы. Въ этомъ (1869) году имѣніе, гдѣ они жили, должно было продаваться за долги. Поэтому мать позволила дочерямъ продавать бывшія въ домѣ вещи, чтобы скопить себѣ сколько-нибудь денегъ. Обстановка дома была вполнѣ барская, и вырученные деньги дѣвушки рѣшили употребить для поступленія на курсы. Осенью пріѣхалъ отецъ для продажи имѣнія, а семья отправилась въ Петербургъ.

Здѣсь Варвара Сергѣевна наняла себѣ очень скромную квартиру. Отцу, по пріѣздѣ, такая обстановка не понравилась, и онъ нанялъ себѣ квартиру отдѣльно. Это было очень пріятно всему семейству, особенно Сонѣ, которая терпѣть не могла отца. Она его и презирала, и не могла ему простить его поведеніе съ матерью, которую онъ всячески угнеталъ. Мнѣ много разъ приходилось слышать ея отзвывы объ отцѣ. Такъ враждебно она, кажется, не относилась ни къ одному человѣку на свѣтѣ. Въ это время Соня и Марія посту-

пили на Аларчинскіе курсы; ходили къ товаркамъ, принимали ихъ у себя, хотя у каждой былъ свой кружокъ. Соня особенно сошлась съ Вальбергъ, Корниловой, Софьей Лешернъ и др. Между тѣмъ отецъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться за границу. Онъ не могъ ѣхать одинъ, по болѣзни, а потому Варвара Сергѣевна со старшей дочерью сопровождали его. Соня же отпросилась провести лѣто на дачѣ въ Лѣсномъ со своими друзьями (Вальбергъ, Корниловой и Лешернъ ¹⁾).

Это лѣто, проведенное на полной свободѣ, она всегда вспоминала съ особенно теплымъ чувствомъ. Но, когда осенью родные вернулись изъ-за границы, и Сонѣ пришлось поселиться въ домѣ отца (они жили теперь уже всѣ вмѣстѣ), положеніе ея стало невыносимымъ. Отецъ не только стѣснялъ ее во всемъ, но еще запрещалъ принимать товарокъ, особенно Вальбергъ, державшуюся совсѣмъ нигилисткой. Онъ грозилъ сдѣлать Вальбергъ скандалъ, если еще хоть разъ увидитъ ее въ домѣ. Тогда Соня рѣшилась уйти отъ родныхъ. Друзья помогли ей скрыться. Отецъ разсвирѣпѣлъ и обратился къ полиціи съ требованіемъ разыскать дочь. Однако, младшему изъ братьевъ, Василю, удалось выхлопотать паспортъ для сестры; отецъ далъ паспортъ, но уже не хотѣлъ видѣть Соню, такъ что она, посѣщая мать, ходила всегда съ чернаго хода, чтобы не встрѣтить отца.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ. Разныя вѣянія волновали молодежь и не могли, конечно, не коснуться такой природы, какъ Соня. Она отправилась въ Едимново (Тверской губ.) на Верещагинскую сыроварню и здѣсь, познакомившись съ О., завѣдывавшей школой, она стала помогать ей заниматься съ дѣтьми. Осенью она возвратилась въ Петербургъ. Съ этого времени Соня впервые примыкаетъ къ тому умственному и социальному движенію, которое совершалось въ средѣ русской молодежи, и, вмѣстѣ съ нею, проходить черезъ всѣ стадіи его развитія.

Вотъ что сообщаетъ намъ о Перовской одно лицо, знавшее ее въ эти годы: «Я познакомилась съ Софьей Львовной въ Ставрополѣ въ 1872 году, гдѣ я (вмѣстѣ съ одной моей пріятельницей—П.) занималась приготовленіемъ сельскихъ учительницъ. Софья Львовна пріѣхала сюда въ качествѣ оспопрививательницы, чтобы познакомиться съ бытомъ крестьянъ. Для этого она пѣшкомъ исходила всѣ окрестныя села, останавливаясь на нѣсколько дней въ каждомъ для прививанія оспы. Ночевала и столовалась она въ первой попавшейся избѣ вмѣстѣ съ хозяевами и ничуть не тяготилась полнымъ отсутствіемъ удобствъ, къ которымъ привыкла въ дѣтствѣ. Она была въ то время въ своемъ періодѣ рахметовщины: питалась молокомъ да кашей, спала на подушкѣ съ соломой и т. д. Здоровенная она была такая, какъ только можно себя представить, про

¹⁾ Съ этими тремя друзьями, изъ которыхъ Корнилова и Лешернъ, играли важную роль въ революціонномъ движеніи, снята Софья Львовна на фотографическія карточкѣ, копію съ которой мы воспроизводимъ въ настоящемъ номерѣ. „Былого“
Ред.

ея щеки ставропольцы выражались, что у нея словно два горшечка на лицѣ. Видѣлись мы, конечно, всякій день. Прививши всѣмъ ребятишкамъ окрестныхъ сель оспу, она стала помогать намъ съ П. въ нашей школѣ. Ни скрытности, ни нелюби къ письмамъ я тогда въ ней не замѣчала,—она охотно говорила о своихъ петербургскихъ знакомыхъ, которые въ то время занимались изданіемъ книгъ, о Крымѣ и, въ особенности, о своей жизни въ Лѣсномъ. А послѣ ея отъѣзда къ О. (въ Едимново), мы переписывались съ нею съ годъ, такъ, безъ всякаго дѣла, какъ люди, пожившіе нѣкоторое время вмѣстѣ. Она и въ то время уже внушала къ себѣ уваженіе своею серьезностью и умомъ; видно было, что она пойдетъ по заданному себѣ пути, не увлекаясь по сторонамъ».

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. русская молодежь уже именовала себя «революціонерами». И это были дѣйствительно революціонеры, въ томъ смыслѣ, что желали радикальнаго—соціального и политическаго—переворота на началахъ социализма. Но въ то же время въ своихъ средствахъ это были мирнѣйшіе изъ мирныхъ людей. Они слишкомъ ненавидѣли насиліе, чтобы не отворачиваться отъ него, даже для достиженія своихъ цѣлей. Они слишкомъ вѣрили въ силу истины для того, чтобы считать нужнымъ насиліе. Тогда казалось, что стоитъ только сказать людямъ: «братья, любите другъ друга!»—стоитъ только открыть имъ всѣ сокровища науки, и зданіе грабежа и насилія рухнетъ само собою, быть можетъ, даже не задавивши ни одного человѣка. Для молодежи того времени единственно-реальными понятіями были любовь, самоотверженіе, нравственное возрожденіе,—это мы понимали, потому что все это мы сами пережили. Но «бунтъ, кровь, революція»—все это были звуки. Мы слышали, что безъ этого нельзя обойтись, но совершенно не понимали, что это такое въ дѣйствительности. Наша «кровь» не сопровождалась страданіемъ, нашъ «бунтъ» былъ строенъ и безобиденъ, наша «революція» была болѣе нравственнымъ пережденіемъ, чѣмъ кровавой перетасовкой.

Въ концѣ 60-хъ гг. молодежь и вообще всѣ передовые люди увлекались школами и ассоціациями. Школы должны были пересоздать народъ умственно, ассоціаціи—подготовить экономической переворотъ. Черезъ стадію школъ, народныхъ книжекъ, ассоціаций прошла вся тогдашняя молодежь. Товарка Сони, Лешернъ, начала со школы въ Меглецахъ, Боровичскаго уѣз., гдѣ у нея учителемъ и также секретаремъ ссудо-сберегательной кассы былъ Гамовъ, осужденный впоследствии къ каторжнымъ работамъ.

Я помню, въ какое отчаяніе пришла С. Лешернъ, когда ея школу закрыли: «Боже мой, неужели у насъ ничего нельзя дѣлать?» писала она высланному подъ надзоръ полиціи Гамову. Пропаганды въ школѣ никакой не было, если не считать за пропаганду хорошее обращеніе учителя съ дѣтьми и внушеніе имъ правилъ нравственности.

Соня также бывала въ школѣ (въ Едимновѣ). Но въ это время уже начинались гоненія. За школами усилили надзоръ до нелѣ-

пости. Для книгъ измѣнили цензурныя правила, мотивируя это тѣмъ, что неблагонамѣренные люди стараются дешево распространять вредныя книги.

Кружокъ чайковцевъ, представлявшій просто товарищество и занимавшійся до этого исключительно воздѣйствиемъ на студенчество, да изданіемъ и распространеніемъ книгъ ¹⁾, какъ народныхъ, такъ и для интеллигенціи, теперь увидѣлъ невозможность продолжать такую дѣятельность. Стали поговаривать, что пора перейти къ воздѣйствию на народъ непосредственно, а книги начали издавать безъ цензуры за границей. Наболѣе крайній кружокъ—долгушинскій—отрицалъ вообще книжную дѣятельность, а ставилъ своей цѣлью попытку поднять народъ. Долгушинцы, впрочемъ, не имѣли послѣдователей, и средства и связи ихъ были ничтожны.

Соня была связана съ чайковцами личнымъ знакомствомъ—которое для нея всегда имѣло много значенія—такъ же, какъ и единствомъ взглядовъ. Она присутствовала почти при самомъ зарожденіи кружка.

Въ 1873 г., весною, кружокъ, уже значительно сплотившійся и разросшійся до 24 человекъ, порѣшилъ серьезно взяться за рабочее дѣло, а также и за нецензурныя изданія. Съ дѣятельнымъ пособіемъ чайковцевъ, за границей началось изданіе «Впередъ!», туда же отправлено для печатанія нѣсколько рукописей народныхъ книжекъ, а въ Питеръ привезли станокъ со шрифтомъ. Сношенія съ рабочими не систематически велись и раньше, но теперь были особенно расширены. Нѣкоторые изъ членовъ поступили на фабрики и заводы, другіе завели у себя нѣчто вродѣ вольныхъ школъ²⁾. Вообще говоря, нѣсколько сотъ рабочихъ было затронуто такъ или иначе. Въ одномъ мѣстѣ составилъ чисто рабочій кружокъ, имѣвшій бібліотеку. Около чайковцевъ были еще подъ-группы молодежи и множество отдѣльныхъ лицъ. Въ провинцію кружокъ послалъ делегатовъ, которые побудили къ образованію такихъ же кружковъ и въ другихъ городахъ (въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ), во многихъ губ. и уѣздныхъ городахъ завели сношенія съ отдѣльными лицами. Наконецъ, двумя-тремя лицами сдѣланы попытки идти «въ народъ», въ крестьянство.

Соня дѣлала вообще все, что нужно было кружку, имѣла у себя специально кружковую квартиру, занималась съ рабочими и завѣдывала сношеніями съ тюрьмами, въ чемъ уже и тогда была нужда. Съ ноября 1873 г. въ Петербургѣ начались страшныя аресты. Тогда же было рѣшено дѣятельность перенести, главнымъ образомъ, въ провинцію, но, прежде чѣмъ это совершилось, большая часть чайковцевъ была арестована.

Дѣятельность Сони за это время мнѣ почти неизвѣстна. Новыми

¹⁾ Ихъ ими было издано множество: сверхъ того Чайковцы сходились съ издателями, брали книги на комиссію и продавали на 50 проц. дешевле. Склады имѣлись почти во всѣхъ главныхъ городахъ.

²⁾ Занятія съ рабочими были: на Обводномъ каналѣ, за Невскою и Нарвскою заставами, на Петербургской и Выборгской сторонахъ и на Васильевскомъ островѣ.

товарищами она, кажется, была недовольна: она вообще была консервативна, тяжело ей было свыкаться съ новыми товарищами, тяжело—перемѣнять взгляды.

Лѣтомъ 1874 г. она была арестована, но скоро выпущена на поруки за 5 тыс. р. и уѣхала съ братомъ въ Крымъ, въ свое Приморское, единственное имѣніе, которое Варварѣ Сергѣевнѣ удалось какъ-то спасти и тѣмъ обезпечить дѣтей.

Проживши на родинѣ нѣкоторое время, Перовская отправилась въ Тверскую губ., къ одному знакомому врачу, при содѣйствіи котораго рѣшилась изучить фельдшерское искусство. Всѣ симпатіи Перовской были на сторонѣ дѣятельности въ крестьянской средѣ, и, при первой возможности, она намѣревалась отдаться ей всѣми своими силами и энергіей, для какой цѣли придавала большое значеніе фельдшерскому диплому.

Въ Тверской губ. Перовская пробыла нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ очень усердно ухаживала за больными, при чемъ также занималась и оспопрививаніемъ. Отъ одного моего знакомаго, который часто встрѣчался съ Перовской въ Тверской губ. и затѣмъ былъ съ нею въ одномъ кружкѣ «Земли и Воли», я слыхала, съ какой заботливостью и нѣжностью Перовская ухаживала за больными.

Къ обязанностямъ простой сидѣлки Перовская относилась съ такою же добросовѣстностью и аккуратностью, какъ и ко всей своей революціонной дѣятельности. Она вообще ничего не могла дѣлать на скорую руку, какъ-нибудь. Взвѣсившись за самое маленькое дѣло, онъ исполняла его наилучшимъ образомъ.

Познакомившись нѣсколько въ Тверской губ. съ медицинской практикой, Перовская нашла необходимымъ прослушать правильный курсъ, для чего вернулась обратно на родину и поступила въ Симферопольскую фельдшерскую школу, которую и окончила въ теченіе одного года. Жизнь ея въ Симферополѣ ничѣмъ особеннымъ не отличалась. Усердно занимаясь дѣломъ, она и здѣсь, какъ вездѣ, приобрѣла любовь и уваженіе окружающихъ. Врачи фельдшерской школы относились къ ней съ полнымъ довѣріемъ и, несмотря на то, что она еще не окончила курса, они часто предоставляли ей практику. Въ числѣ ея паціентокъ была одна, страдавшая ракомъ на груди, старушка-еврейка, къ которой Перовская, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ каждый день ходила для перевязки. Своей заботой объ этой больной, своей вѣчной улыбкой, она внушила ей такую любовь къ себѣ, что та съ нетерпѣніемъ ждала ея прихода и увѣряла при этомъ, что при одномъ ея видѣ, ей дѣлается уже несравненно лучше.

Зимой 1877 г., получивши дипломъ, Перовская принялась искать мѣсто гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Но въ это время начался процессъ 193-хъ, и ее повезли въ Петербургъ въ качествѣ подсудимой. Во время суда она оставалась на свободѣ, ходила на свиданія въ тюрьму къ своимъ старымъ пріятелямъ и товарищамъ, заботилась о нихъ, носила имъ пищу, одежду, книги. На судѣ она была въ

числѣ «протестовавшихъ» и всячески старалась, чтобы «протестъ» вышелъ, какъ можно, шире и дружнѣе. По суду она была оправдана.

Какъ извѣстно, по суду къ каторжнымъ работамъ приговоренъ былъ Мышкинъ, произведшій такое сильное впечатлѣніе своей рѣчью. Революціонеры рѣшили освободить его во время перевозки его изъ Петербурга въ центральную тюрьму. Перовская приняла въ этомъ планѣ самое горячее участіе. Но власти, узнавъ случайно объ этомъ замыслѣ, постарались ускорить и скрыть его отправку, и затѣявшіе его освобожденіе узнали объ этомъ только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ (подъ Харьковомъ).

Трудно сказать, что дѣлалось съ Соней послѣ такой неудачи. Попавшагося на глаза въ этотъ самый моментъ участника ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ и, успокоившись, она просто застыла на мысли, непремѣнно, во что бы то ни стало освободить другихъ. Ходила она злая-презлая, и только за своей больной (у нея на попеченіи была беременная госпожа С., страшно слабая и едва не умершая) ходила такъ же ласково и внимательно, какъ всегда.

Въ это время «троглодиты» были единственнымъ дѣятельнымъ кружкомъ въ Петербургѣ. Сонѣ они не нравились, но видя, что только при помощи этого кружка можетъ удалиться задуманное ею дѣло, она пристала къ нимъ.

Правила организациі требовали безусловнаго подчиненія большинству. Соня скоро увидала, что безъ этого, дѣйствительно, ничего нельзя сдѣлать. Лично же она представляла образецъ дисциплины въ разѣ рѣшенномъ дѣлѣ. Не знаю, какова была роль ея въ возбужденіи вопроса объ освобожденіи центральныхъ ссыльныхъ. Но компанія «троглодитовъ», начавшая вскорѣ изданіе «Земли и Воли», откуда и получила свое названіе землевольцевъ, произвела извѣстную попытку освобожденія Войнаральскаго. Соня принимала въ ней дѣятельное участіе и обнаружила все свое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, никогда не измѣнявшее ей самообладаніе и не женское мужество. Но когда попытка не удалась, она безжалостно упрекала участниковъ, и безъ того уже вшихъ въ полномъ отчаяніи: «Зачѣмъ не гнали дальше! Какъ могли промахнуться!» и т. п. Вообще, такъ какъ я не желаю писать панигириковъ, въ которыхъ Соня не нуждается вовсе,—нужно сказать, что она въ дѣлѣ была жестоко-требовательна, и могла довести человѣка до самоубійства за малѣйшую слабость. Какъ это помирить съ ея нѣжностью къ больнымъ, слабымъ, и вообще ко всѣмъ, требующимъ поддержки,—я не знаю. Но объ черты принадлежатъ ей одинаково. Правда, что себя-то она ужъ окончательно не жалѣла и не берегла.

Послѣ харьковскаго дѣла Соня уѣхала къ себѣ въ Приморское и затѣмъ очень скоро была арестована: ее хотѣли выслать въ Пѣвѣнецъ административно, подобно большинству освобожденныхъ по процессу 193. Но она по дорогѣ бѣжала. Везшіе ее жандармы,

желая съэкономить нѣсколько денегъ, предложили ей ѣхать не по желѣзной дорогѣ на Рыбинскъ, а пароходомъ. Она согласилась. Но для того, чтобы дождаться парохода, пришлось переночевать въ Чудовѣ. Соня спала въ дамской комнатѣ на вокзалѣ. Оба жандарма легли возлѣ дверей. Когда они заснули, Соня перешагнула черезъ нихъ, отворила двери, ушла съ вокзала и спряталась въ лѣсу, гдѣ и пробыла 6 часовъ, пока не улеглись поиски, а затѣмъ поѣхала въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени, она снова уѣхала въ Харьковъ — продолжать дѣло освобожденія. Съ этимъ освобожденіемъ она вошла въ цѣлый годъ. Работа была невозможно трудная. Соня подготовила очень многое и преодолѣла первыя препятствія. Ей удалось подыскать людей, устроить наблюдение за центральной тюрьмой и сношенія съ заключенными. Живя въ городѣ и поступивъ на акушерскіе курсы, она въ то же время завела много знакомствъ среди молодежи, гдѣ ее не только любили, но относились даже съ нѣкоторымъ поклоненіемъ. Она положила начало кружку, просуществовавшему въ Харьковѣ болѣе 2-хъ лѣтъ. Что касается освобожденія, то оно не могло состояться, такъ какъ питерцы Сою скоро совершенно перестали поддерживать. Мѣсяца два спустя, послѣ мезенцевскаго дѣла, компанія «Земли и Воли» была сильно ослаблена: лучшіе люди перебраны, связи подорваны, притокъ средствъ, по отсутствію людей, сократился. Напрасно оставшіеся въ живыхъ обращались изъ Петербурга въ провинцію (гдѣ въ народѣ было еще множество землевольцевъ) за помощью; никто не пріѣзжалъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что дѣла въ Петербургѣ не имѣютъ значенія, а увлеченіе терроромъ даже вредно. При такихъ условіяхъ, оставшимся приходилось работать каждому за десятерыхъ для того только, чтобы сохранить центръ. Можно сказать даже, что въ это время, *одинъ-два* человекъ вынесли на плечахъ своихъ честь революціи. Понятно, что оказывать еще помощь Сонѣ въ ея планѣ было невозможно.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ періодѣ жизни Перовской одна изъ ея харьковскихъ пріятельницъ.

«О Перовской я услышала въ первый разъ въ іюнѣ 1878 г. отъ лицъ, подготовлявшихъ освобожденіе Войнаральскаго. Судя по тому, какъ эти лица отзывались о ней и какъ ждали ея пріѣзда въ Харьковъ, я тогда же заключила, что къ Перовской относятся въ этомъ кружкѣ съ глубокимъ уваженіемъ и какой-то особенной нѣжностью. Пріѣхала она въ Харьковъ позже всѣхъ остальныхъ участниковъ освобожденія, такъ, за недѣлю до катастрофы, потому, мнѣ кажется, что на ея обязанности лежало слѣдить за отправкой осужденныхъ изъ Петербурга и вообще не терять ихъ изъ виду. Во время освобожденія Перовская исполняла роль простой горничной на одной изъ квартиръ участниковъ. Она и вообще, какъ я послѣ узнала, бралась всего охотнѣе за такія роли, гдѣ нужно было разыгрывать простого человекъ; роль же барыни ей, вѣроятно, была не по-нутру, и я сомнѣваюсь даже, чтобы она могла

ее выполнить такъ же безукоризненно хорошо, какъ свои обыкновенныя роли. Въ качествѣ простой горничной, во время освобожденія, Перовская являлась всюду, гдѣ нужно было слѣдить и выслѣживать. Особенно внимательно наблюдала она за вокзаломъ, гдѣ въ это время былъ усиленъ полицейскій персоналъ, вслѣдствіе ожидавшагося прибытія поѣзда съ осужденными. Когда попытка окончилась неудачей, и участникамъ приходилось спасаться изъ Харькова, Перовская, замѣшавшись въ толпѣ, наблюдала за отъѣздомъ товарищей и видѣла, какъ арестовали явившагося первымъ на вокзалъ Фомина. Едва успѣли жандармы увести Фомина, какъ на вокзалъ явилось еще двое изъ участниковъ освобожденія, которые, навѣрное, были бы арестованы, если бы Перовская не успѣла во время предупредить ихъ о случившемся. Тогда всѣ трое ушли съ вокзала, переждали нѣсколько дней у своихъ знакомыхъ и, когда жаръ полиціи нѣсколько поутихъ, преспокойно уѣхали изъ Харькова.

Въ октябрѣ того же года Перовская снова пріѣхала въ Харьковъ, и въ этотъ разъ мнѣ удалось поближе узнать ее. Она въ это время была вся поглощена устройствомъ сношеній съ заключенными въ централкѣ и своимъ грандіознымъ планомъ освобожденія. Первое ей удалось вполнѣ, такъ что для заключенныхъ это было по-истинѣ блаженнымъ временемъ: люди, просидѣвшіе тамъ по нѣскольку лѣтъ безъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, вдругъ получили возможность переписываться со своими близкими, а также имѣть книги, ѣду и необходимую зимнюю одежду. Все это Перовская доставляла имъ съ истинно материнской заботливостью. Она, напр., по нѣскольку дней расхаживала по лавкамъ, раньше чѣмъ покупала ту или другую вещь для центральныхъ, объясняя при этомъ, что, молъ, тѣ теплыя фуфайки или эти теплыя чулки кажутся ей недостаточно прочными, и она боится, что они могутъ сидящимъ не хватить на цѣлую зиму. Посылая пищу въ тюрьму, она заранѣе обдумывала, какая пища необходима заключеннымъ, чтобы предохранить ихъ отъ обыкновенныхъ тюремныхъ болѣзней, почему посылала имъ всегда сельдей, сыру, лимоновъ и яблокъ. И все это она дѣлала такъ старательно и съ такой нѣжностью, что часто приводила въ умиленіе, какъ меня, такъ и другихъ своихъ знакомыхъ.

Я жила съ Перовской въ одной комнатѣ, когда (въ ноябрѣ) получилось извѣстіе, что въ Петербургѣ многіе изъ членовъ «Земли и Воли» арестованы ¹⁾. Трудно изобразить, какое горе причинило ей это извѣстіе. Какъ человекъ чрезвычайно скрытный, она ни передъ кѣмъ не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночамъ, когда она была увѣрена, что я сплю, и никто не слышитъ ея, она давала волю своему горю. Помню, какъ Перовская провела первыя 3 ночи послѣ полученія извѣстія. Что это были за ночи!... Я вынуждена была притворяться спя-

¹⁾ Андрианъ Михайловъ, Сабуровъ, Булановъ, Малиновская, Колѣжкина и др., судившіяся въ маѣ 1880 г. по такъ, называемому, процессу „Веймара“.

щей, изъ боязни своимъ присутствіемъ или участіемъ только стѣснить ее, но какъ сжималось мое сердце при этихъ постоянно раздававшихся тихихъ рыданіяхъ!... Я тогда еще не знала, какъ этотъ погромъ можетъ отразиться на планѣ освобожденія и думала, что Перовская такъ убивается только потому, что эти люди ей особенно близки. Впослѣдствіи я лишь поняла, что съ ихъ арестомъ у нея явилось сомнѣніе въ возможности осуществить свой планъ. Разстаться съ этимъ планомъ ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, такъ какъ за первыми арестами послѣдовали другіе, и попытка освобожденія не могла состояться.

... Наступило 2-е апрѣля 1879 г. Правительство приняло такое положеніе, что уже совершенно немислимо было уклониться отъ прямой борьбы съ нимъ. На эту борьбу вызывали факты, эту борьбу стала освящать и нарождающаяся теорія.

Освобожденія заключенныхъ изъ тюремъ отошли совершенно на задній планъ.

Въ іюнѣ состоялся Липецкій съѣздъ. Соня не была приглашена на него, но въ Воронежѣ она была. Здѣсь она заявила себя противъ политической программы, но всѣми силами стремилась предупредить разрывъ партіи и была въ числѣ лицъ, успѣвшихъ на два мѣсяца задержать этотъ расколъ, но онъ все-таки произошелъ.

Какъ всегда чуткая, понимающая, гдѣ бьется жизнь и правда, Соня не захотѣла оставаться въ «Черномъ Передѣлѣ», но, съ другой стороны, и не тотчасъ присоединилась къ «Народной Волѣ». Очень близкіе и уважаемые люди, бывшіе въ такомъ же положеніи, звали ее за границу. «Я предпочитаю быть повѣшенной здѣсь, чѣмъ жить за границей», отвѣчала она, и наотрѣзъ отказалась ѣхать.

Распаденіе организаціи «Земли и Воли» на 2 группы въ сущности произошло задолго до формальнаго его санкціонированія. Каждая группа послѣ Воронежскаго съѣзда дѣйствовала уже почти вполне независимо: привлекала къ себѣ новыхъ членовъ изъ лицъ, не входившихъ въ организацію «Земли и Воли», обсуждала условія соглашенія и тѣхъ уступокъ, какія можно сдѣлать, чтобы избѣжать разрыва и заранѣе готовилась къ своимъ практическимъ задачамъ на случай разрыва. По поводу всего этого у такъ называемыхъ «деревенщиковъ» (будущихъ чернопередѣльцевъ) происходили сходы (за Петербургомъ), въ которыхъ участвовала также и Софья Львовна. Большинство не видѣло возможности прійти къ какимъ-нибудь соглашеніямъ съ террористами. Введеніе политическаго элемента въ программу и сосредоточеніе главныхъ силъ партіи на борьбу съ правительствомъ вызывали протестъ со стороны деревенщиковъ, — разрывъ былъ неизбеженъ. Но Софѣ, какъ и многимъ другимъ, ужасно не хотѣлось его. Она доказывала, какой вредъ произойдетъ отъ распаденія организаціи «Земли и Воли» и скорѣе молила, чѣмъ аргументировала, какъ его избѣжать. Она лично почти не видѣла существенныхъ разногласій между обѣими фракціями и находила, что расхожденіе происходитъ больше отъ недоразумѣній, которыя

можно удалить взаимными объясненіями. Она соглашалась съ деревенщиками, что не слѣдуетъ оставлять дѣятельность въ народѣ, хотя и на время, какъ это предлагали террористы (будущіе народовольцы), но, рядомъ съ этимъ, находила необходимымъ убійство Александра II, на что въ то время было устремлено все вниманіе послѣднихъ. Относительно этого пункта она нѣсколько расходилась съ деревенщиками, которые признавали полезность этого факта лишь въ связи съ дѣятельностью въ народѣ. Они смотрѣли на убійство царя, какъ на агитационный фактъ, могущій послужить сигналомъ къ крупнымъ массовымъ движеніямъ. Поэтому моментъ совершенія убійства Александра II они ставили въ зависимость отъ результатовъ предварительной организаціонной работы въ народѣ, иначе, фактъ этотъ, думали они, или останется совсѣмъ безъ вліянія на народъ, или онъ вызоветъ стихійныя движенія, которыя, при отсутствіи революціонныхъ организацій, могутъ скорѣе принести вредъ, чѣмъ пользу. Но террористы рѣшительно не хотѣли подчинять время совершенія этого факта дѣятельности въ народѣ, находя эти соображенія не вполне вѣрными и не всегда удобоисполнимыми, поэтому они стояли за выполнение своего намѣренія, какъ только представится къ тому возможность. Софія Львовна соглашалась съ деревенщиками, что убійство царя будетъ имѣть гораздо большее значеніе, если оно совершится при параллельной дѣятельности въ народѣ, при существованіи серьезныхъ сношеній съ нимъ и крупныхъ организацій; но всего этого въ то время почти совсѣмъ не было, поэтому она находила полезнымъ совершеніе убійства Александра II, ради одной уже мести за ужасныя преслѣдованія и казни соціалистовъ, и такъ какъ приведение этого плана въ исполненіе само собою откладывалось на нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ деревенщики, какъ ей казалось, могли еще кое-что успѣть въ народѣ, то она и считала дѣятельность обѣихъ фракцій одна другую дополняющей; но пока деревенщикамъ удастся завязать серьезныя сношенія съ народомъ, она рѣшилась помогать террористамъ въ ихъ планахъ взрыва царя. Вотъ почему, при состоявшемся (въ началѣ августа 1879 г.) формальному распаденію «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ», Софія Львовна не пристала ни къ одной изъ этихъ двухъ группъ цѣликомъ, но, тѣмъ не менѣе, помогала каждой. Такъ, передъ отъѣздомъ въ Москву (въ домъ Сухорукова), она передала чернопередѣльцамъ кое-какія имѣвшіяся у нея связи въ провинціи, познакомила ихъ съ нѣкоторыми лицами, располагавшими матеріальными средствами и сочувствовавшими дѣятельности въ народѣ и отдала имъ имѣвшуюся у нея небольшую сумму для ихъ предпріятій.

Возвратившись послѣ 19 ноября въ Петербургъ, Софія Львовна тотчасъ же постаралась повидаться съ нами. Почти съ первыхъ же словъ она прямо заявила намъ, что готова пристать къ чернопередѣльцамъ, если у нихъ имѣется теперь (или въ скоромъ времени будетъ) крупное организаціонное предпріятіе въ народѣ. Наро-

довольцы подробно изложили ей настоящее положеніе дѣлъ: они рассказали ей, какъ велики теперь внѣшнія (политическія) препятствія для серьезной дѣятельности въ народѣ, какъ ничтожны тамъ связи («зацѣпки») чернопредѣльцевъ, въ какомъ незавидномъ положеніи находятся всѣ, желающіе дѣйствовать въ деревнѣ, и какъ мало силъ и средствъ для возможной даже въ этомъ направленіи дѣятельности. Твердая увѣренность народовольцевъ въ томъ, что серьезное революціонное дѣло немисливо въ данное время въ народѣ, произвело на Софію Львовну очень тяжелое впечатлѣніе. «Такъ остается пристать къ народовольцамъ?»—не то спрашивала, не то рѣшала она.

Зная, что она не раздѣляетъ цѣликомъ воззрѣній «Народной Воли», что она мало вѣритъ въ возможность добиться политической свободы силами партіи, что она смотритъ на террористическіе факты больше, какъ на мечь правительству, народовольцы старались отклонить ея намѣреніе, доказывая, что лучше уже выждать нѣкоторое время, а пока возможна будетъ дѣятельность въ народѣ, они предлагали ей уѣхать за границу. «Нѣтъ, нѣтъ! — рѣшительно заявила она — я останусь здѣсь погибать вмѣстѣ съ боюющимися товарищами!»

Трудно выразить, какъ тяжело товарищамъ Перовской было сознавать, что она остается для вѣрной и скорой гибели, но никакими доводами они не въ силахъ были переубѣдить ее.

На другой день, послѣ этой бесѣды, Желябовъ съ необычайной радостью сообщилъ намъ, что Софія Львовна уже формально вступила въ организацію «Народной Воли».

Въ декабрѣ 1879 г. Соня, такимъ образомъ, формально присоединилась къ фракціи «Народной Воли». Съ тѣхъ поръ она со всей энергіей работала на пользу «Народной Воли», а въ организаціонномъ отношеніи сдѣлалась значительно большей централисткой и горячо проповѣдывала необходимость дисциплины.

Почти сейчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Соня попала въ непріятное положеніе, обыкновенно наступающее послѣ всякихъ «покушеній» и т. п. Начались аресты. Взята была типографія «Народной Воли», а также многіе изъ выдающихся ея дѣятелей. Соня въ это время была неподражаема по хладнокровію и находчивости.

Дѣятельность Сони за послѣдній годъ извѣстна мнѣ лучше, чѣмъ въ какой-нибудь другой періодъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ близко касается нашего времени для того, чтобы о ней можно было говорить. Одно можно сказать: она работала неутомимо. Особенно она занята была рабочимъ дѣломъ, а въ связи съ нимъ дѣйствовала и между студенчествомъ. Къ дѣятельности среди рабочихъ ее влекла всегдашняя ея симпатія и убѣжденія. Она очень серьезно вдумывалась въ планъ переворота, поставленный партіей, и всегда утврждала, что безъ широкаго участія рабочихъ и безъ поддержки войска, переворотъ немислимъ.

Къ недостаткамъ Сони можно причислить ея крайнюю неосторожность. Себя она не берегла ни на волосъ. Да и вообще она

способна была увлекаться цѣлью до того, что не достаточно осторожно вела себя въ работѣ. Однако, она никогда не хотѣла признавать себя въ этомъ виновной, и нужно сознаться, что ея ловкость очень часто выкупала недостатокъ осторожности.

Послѣдній годъ жизни Сони былъ первымъ годомъ любви. Она полюбила Желябова,—единственный разъ въ жизни, если не ошибаюсь. Вообще она была большая «женская патриотка» и всегда утверждала, что мужчины въ сущности ниже женщинъ. Серьезное уваженіе она чувствовала къ очень немногимъ. Желябовъ оказался человѣкомъ по плечу Сони. Она крѣпко любила его, какъ я, признаться, считалъ ее неспособной полюбить мужчину. Недолго продолжался этотъ эпизодъ. Въ концѣ февраля 1881 г. Желябовъ былъ арестованъ.

Участіе Сони въ дѣлѣ 1 марта раскрыто ею на судѣ. Послѣ ареста Желябова, она успѣла очистить свою квартиру отъ всего цѣннаго и уйти на глазахъ искавшей ее полиціи. Послѣ 1-го марта друзья настаивали на ея отъѣздѣ. Она отказывалась, умоляя оставить ее въ Петербургѣ, гдѣ теперь такъ интересно быть. Нѣсколько дней спустя, ее арестовали на улицѣ, когда она ѣхала на извозчикѣ.

Безполезно говорить о томъ, что Соня встрѣтила смерть такъ же, какъ встрѣчала тяжелую жизнь: спокойно и съ достоинствомъ. Умереть хорошо легче, чѣмъ жить такъ, какъ умѣла жить она.

Приведу въ заключеніе письмо Сони, писанное ею матери передъ судомъ. Она старается щадить и осторожно приготовить мать къ страшному удару. Къ сожалѣнію, это единственное письмо Сони, которое я могъ достать. Впрочемъ, она и не любила писать, кромѣ чего-нибудь дѣловаго. Вотъ это письмо:

«Дорогая моя, неоцѣненная мамуля! Меня все давитъ и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя, ради всѣхъ окружающихъ тебя, и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ давно знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ я была не въ состояніи: поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неоцѣненная, это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ, для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самага дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Безпокойство о тебѣ

С. Л. ПЕРОВСКАЯ въ дѣтствѣ.

С. Л. ПЕРОВСКАЯ съ подругами.
Лешеръ фонъ-Герцфельдъ.
Корнилова. Вальбергъ.
Перовская.

было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я теперь причиняю и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

Мысленно, крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля, купи мнѣ воротничекъ и рукавички, потому запонокъ не позволяютъ носить, и воротничекъ поуже, а то для суда хоть нѣсколько поправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданія же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя изъ-за меня, моя участь вовсе не такая плачевная и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ“.

22-го марта 1881 г.

Твоя Соня.

Какъ извѣстно, черезъ 12 дней послѣ написанія этихъ строкъ, Софья Львовна окончила свои дни на эшафотѣ...

Къ исторіи заговора Сухинова.

(Подлинный документъ).

КОМЕНДАНТА
при Нерчинскихъ рудникахъ
Генераль-Майора и Кавалера
Лепарскаго.

По 29-го Ноября 1823. Секретно. Ис
правляющему Должность Начальника
Нерчинскихъ Заводовъ Господину Берг-
гауптману и Кавалеру Фонъ-Фришу.

Ноября 29-го дня 1828 года.

Учрежденная въ Нерчинскомъ заводѣ Комиссія Военнаго Суда, для сужденія намѣревавшихся къ побѣгу изъ Зерентуйскаго рудника ссыльных съ злоумышленіемъ ихъ, чтобы, составя партію до двадцати человекъ или болѣе, подъ предводительствомъ ссыльнаго же Сухинова здѣлать возмущеніе и прочія злодѣянія, представила ко мнѣ сего Ноября 4-го числа оконченное оной Военно Судное Дѣло, съ заключенною сентенціею. Рассмотрѣвъ Дѣло сіе, нахожу что Комиссія Военнаго Суда заключила виновнымъ приговоръ сходно съ законами.—Но какъ Государь Императоръ Высочайшимъ ко мнѣ Повѣленіемъ за Собственноручнымъ подписаніемъ, послѣдовавшемъ отъ 13-го числа прошлаго августа, повѣлеть соизволить по Дѣлу сему приговоръ Суда исполнить мнѣ послѣ учрежденія параграфъ 7-го о Дѣйствующихъ арміи; исполненіе того Высочайшаго Повѣленія, слѣдуя полевому уголовному уложенію для большой Действующей Арміи, приговоренныхъ Военнымъ Судомъ къ смертной казни, и имѣнно: ссыльнаго Ивана Сухинова, за соглашеніе ссыльных Голакова и Вочарова къ общему съ нимъ побѣгу, принявшаго злоумышленіе набрать Партію Ссыльных до двадцати человекъ и болѣе, съ ними взять насильственно въ Зерентуевскомъ рудникѣ и Нерчинскомъ заводѣ солдатскія ружья, порохъ, пушки, деньжную казну, идти по прочимъ рудникамъ и заводамъ, разбивать всюду тюрьмы для присоединенія къ себѣ колодниковъ, приглашать и принуждать проживающихъ отдѣльно въ казармахъ рабочихъ ссыльных и изъ жителей, къ общему бунту; истребляя всё что только ему противиться будетъ; а чиновниковъ находящихся въ Зерентуйскомъ рудникѣ забрать въ тюрьму и зажечь оную; усиля жѣ свою разбойническую шайку, пробраться въ Читинской острогъ, гдѣ освободить Государственныхъ преступниковъ, принять тогда съ ними решительные мѣры къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ; и хотя онъ Сухиновъ ни въ чемъ прописанномъ соб-

ственного сознанія не учинилъ, а напротивъ опровергалъ то разнаго дѣла сего околичностями, и измѣненіями собственныхъ своихъ сознаній, во достаточно на очныхъ ставкахъ изобличенъ ссыльными Голиковымъ и Бочаровымъ, а къ тому какъ онъ сосланъ въ Нѣрчинскія заводы въ работу за участіе въ возмущеніи противъ Высочайшей Власти, довольно доказывается виновнымъ; почему на основаніи Указа 1775-го года апреля 28-го дня, недомогающъ отъ нѣго, какъ шельмованнаго и лишеннаго всехъ правъ и довѣрія, собственнаго сознанія за вышепрописанныя его на сіи злодѣйствы покушенія, по силѣ узаконенія: Воинскихъ Артикуловъ на 99-й толкованія, 127-го, 135-го и 137-го съ толкованіемъ, и Указа 1754-го года маія 13-го пункта 8-го, учинить ему Сухинову смѣртную казнь, повѣсить, но сообразуясь съ силою Указовъ 1754 года сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня до воспослѣдованія разрешенія наказать его кнудомъ тремя стами ударами, поставить на лицѣ клейма, и дабы онъ въ предѣ подобныхъ къ преступленіямъ покушеній сдѣлать нѣмогъ, заключить его Сухинова въ тюрьму.—Въ мѣсто того согласно полѣвого уголовнаго уложенія главы II-ой § 7-го главы V-ой § 40-го опредѣляю: Ивана Сухинова растрелять.

Ссыльнаго Павла Голикова по собственному его сознанію и по обстоятельствамъ Дѣла оказавшагось склонившимся къ общему побѣгу и обольстясь обѣщаніями Сухинова и давшимъ слово къ подговору другихъ ссыльныхъ; согласившимъ Бочарова сходить въ Нѣрчинскій заводъ для сегожѣ подговора и по возвращеніи Бочарова увѣдомить Сухинова, о нѣмъ сдѣланіи имъ въ заводѣ успѣха.—Неотставшимъ отъ Сухинова, и тогда, когда оной ему объявилъ вѣсь планъ злодѣйствъ предпринимаемыхъ имъ привѣсти въ дѣйствіе послѣ побѣга; попустился учинить убійство бывшему въ общемъ разговорѣ Казакову, открывшему наконѣцъ своему Начальнику о заговорѣ къ побѣгу, за утайку при нѣоднократныхъ спросахъ отомъ убійствѣ, и измѣненіе его показаніевъ, послѣ Соборнаго Уложенія 21-ой главы 72-го пункта Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 127-го, 135-го, 137-го съ толкованіемъ и Указа 1754-го маія 13-го пункта 8-го учинить ему смѣртную казнь, повѣсить, но сообразуясь съ силою Указовъ 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня до воспослѣдованія разрешенія, наказатъ кнудомъ четыреста ударами, и подновить штемпельные знаки, заключить въ тюрьму дабы онъ въ предѣ подобныхъ преступленій сдѣлать нѣмогъ.—Въ мѣсто того согласно того жѣ полѣвого уголовнаго положенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣляю: Павла Голикова растрелять. Василья Бочарова, по собственному его сознанію, и обстоятельствами Дѣла, доказавшагось преступникомъ въ знаніи отъ ссыльныхъ Сухинова и Голикова о ихъ злоумышленіяхъ, за согласіе съ ними къ побѣгу, за подговоръ къ тому другихъ сообщниковъ за пьянство и неисполненіе назначенной ему работы, дажѣ и послѣ наказанія его Бочарова палками, за содѣйствіе Голикову при убійствѣ ссыльнаго Казакова, за оказаніе Надзирателю нѣпослушаніе самовольнымъ уходомъ въ казарму, за учиненной имъ побѣгъ, за ложной извѣтъ на слѣдователя Бергауптмана Киргизова, за утайку при спросахъ о сдѣланныхъ имъ преступленіяхъ, и за ложное показаніе, послѣ Соборнаго уложенія Главы десятой 14-го двадцать первой 72-го пункта, Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ

45-го, 96-го на 99-й толкованія, 127-го, 135-го, 137-го съ толкованіемъ и 155-го, Военскихъ процесовъ второй части 1-ой главы второго пункта, и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го, учинить ему смѣртную казнь, повѣсить, но соображаясь съ силою Указовъ 1754-го Сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня наказать кнутомъ тремя стами пятидесяти ударами, подновить штемпельные знаки и заключить въ тюрьму, дабы онъ въ предѣ подобныхъ преступленій здѣлать немогъ. Въ мѣсто того, согласно тогожѣ полѣвого уголовнаго положенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣляю: Василья Бочарова разстрелять.

Ссылныхъ Федора Моршакова и Тимофея нѣпомятаго прозванія, по собственному сознанію, а такъ жѣ обстоятельствами дѣла, обнаруженныхъ въ преступленіяхъ, 1-ой Моршаковъ, въ согласіи къ побѣгу; въ пьянствіи на щетъ Сухинова съ ссылными согласившимся къ побѣгу, въ знаніи частію замысловъ означеннаго Сухинова, въ открытіи нѣкоторымъ согласившимся къ побѣгу о томъ, что ссылкой Казаковъ объявилъ управляющему ихъ намѣреніи, то чтобы имѣть осторожность и нѣдопускать къ нѣму Казакова, чрезъ что подалъ онъ Моршаковъ поводъ Голикову и Бочарову къ самому убійству того Казакова. 2-ой нѣпомятій прозванія, въ согласіи къ общему побѣгу, въ знаніи частію о злоумышленіяхъ, въ отрицательствѣ при спросахъ того, въ чемъ прежде сознавался, и засогласіе съ Леоновымъ и Шинкаренкомъ дать знать сообщникамъ о приходившемъ объявить о ихъ намѣреніи ссылкой Казаковъ и наконецъ обещать Моршакову Казакова къ управляющему нѣдопускать: Послѣ Соборнаго уложенія Главы десятой 14-го пункта, военныхъ Артикуловъ на 99-й толкованія 127-го, 136-го, 137-го съ толкованіемъ 155-го и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го, а Моршакова и послѣ воинскаго 43-го Артикула съ толкованіемъ учинить имъ смѣртную казнь повѣсить. Но соображаясь съ силою Указа 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня наказать обонхъ кнутомъ каждого по триста ударовъ и подновивъ кдѣма заключить въ тюрьму, дабы они въ предѣ подобныхъ преступленій учинить нѣмогли. Въ мѣсто того, согласно тогожѣ Полѣвого Уголовнаго Уложенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣляю: Федора Моршакова и Тимофея Непомнятаго прозванія разстрелять.

Василья Михайлова, сознавагосъ прежде что онъ былъ подговариваемъ къ побѣгу ссылкой Голиковымъ, что на оной согласился, и зналъ о намѣреніяхъ причиненія разныхъ злодѣяній, а такъ же чтобы во время побѣга, кражею и грабежемъ приобрести себѣ вооруженіе, и собравши хорошую партію пробраться до Читинскаго Острога и освободить изъ оного всѣхъ Государственныхъ преступниковъ, а послѣ при спросахъ учинившаго отрицательство, въ чемъ на очныхъ ставкахъ былъ изобличаемъ другими участвовавшими въ семь заговорѣ. На основаніи Указа 1775-го года апрѣля 28-го. Нѣдомогаея отъ нѣго Михайлова какъ законсѣлаго въ злодѣйствѣ собственнаго сознанія, за означенные преступленія, послѣ военныхъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ на 99-й толкованія, 127-го, 136-го, 137-го съ толкованіемъ и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го учинить ему смѣртную казнь, повѣсить; Но соображаясь съ силою Указовъ 1754-го года сентября 30-го и 1817-го декабря 25-го дня наказать кнутомъ двумя стами восьмидесяти ударами, подновить штемпельные знаки и заключить въ тюрьму

дабы онъ въ предѣ подобныхъ преступленій учинить нѣмогъ. Въ мѣсто того, по полевому Уголовному Положенію, и тѣхъ жѣ параграфовъ Опредѣляю: Василья Михайлова разстрелять.

Ссылныхъ Авраама Леонова и Григорія Шинкаренка, за согласіе по договору ссылнаго Бочарова къ общему побѣгу, за питье Леоновымъ отъ ссылнаго же Голикова съ прочими согласившимися къ тому побѣгу вина, и за токовоужѣ питье ими Леоновымъ и Шинкаренкомъ вина и отъ ссылнаго Семѣнцова, за отклоненіе Леоновымъ приходившаго въ домъ къ управляющему ссылнаго Козакова отъ доказательства о намѣреніи ихъ къ побѣгу; за согласіе ихъ со ссылнымъ нѣпоминащимъ чтобы извѣстить товарищей о приходившемъ Козаковѣ къ управляющему, чѣмъ подали они поводъ и на убійство Козакова. За таковыя означенныхъ Леонова и Шинкаренка преступленія, по силѣ Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го, 155-го и указовъ 1754-го мая 13-го пункта 8-го 1754-го же сентября 30-го дня и 1817-го декабря 25-го наказать кнutomъ каждаго по двѣсти ударовъ, и подновивъ штемпельныя знаки оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссылнаго Семѣна Семѣнцова за поеніе виномъ ссылныхъ Голикова, Бочарова, Моршакова, за сговоръ къ побѣгу и знаніе какъ о намѣреніи другихъ ссылныхъ и согласіе напоить Козакова до-пьяна и куда-либо отвести, согласно Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го, 155-го и указовъ 1754-го мая 13-го пункта 8-го и 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня, наказать кнutomъ стасосьмидесяти ударами, подновить штѣмпелевыя знаки и оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Григорія Глаухина, который въ Нерчинской горной конторѣ созналъ и послѣ утвердилъ, что ссылный Голиковъ, приглашая его къ побегу, сказалъ, что они пойдутъ отлично и на проходъ до Иркутска и тамъ переѣздя имѣна и прозванія можетъ быть останутся на какихъ-либо заводахъ въ работахъ, на что онъ Глаухинъ хотя и далъ Голикову обещаніе, однако жѣ намѣренія якобы къ побѣгу нѣимѣлъ, и послѣ того бывши въ огородѣ ссылнаго Птицина у копанія по пайму грядъ, по приглашенію того Голикова, пришелъ къ питейному дому пить отъ нѣго вино. Согласно Воинскихъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-ой толкованія, 129-го, 133-го, 136 артикуловъ, и указовъ 1754-го сентября 30-го и 1817-го декабря 25-го дня наказать кнutomъ ста ударами и подновя клѣйма оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссылныхъ Ивана Каверзенка и Никиту Колодина, которые при справахъ утвердили, что по приглашенію ссылныхъ Голикова и Бочарова бывши у питейнаго дому пили съ прочими отъ Голикова вино, и когда ими были подговариваемы къ побѣгу, Каверзенко якобы отозвался, а Колодинъ почелъ вызовъ тотъ шуточнымъ: а ушедши отъ питейнаго дому, что были соглашаемы къ побѣгу ни кому нѣ объявили. Посему согласно воинскихъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-ой толкованія, 129-го, 133-го артикуловъ, какъ нѣ знавшихъ о злостномъ умыслѣ, наказать ихъ плетью каждаго по пятидесяти ударовъ поставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссылныхъ Николая Григорьева, Антона Ковальчука, Мирона Акатьева,

Павла Анѣдина, Ефима Ильина; которые хотя при спросѣхъ ихъ утверждали, что бывши ссыльнымъ Голиковымъ приглашены къ питейному дому, пили отъ нѣго вино, но соглашаемы якобы тѣмъ Голиковымъ и никѣмъ другимъ къ побѣгу нѣ были, но какъ они свѣрхъ показанія на нихъ отъ ссыльнаго Голикава обличаются, да и другія доказательства въ томъ достаточно явствуютъ, а посему на основаніи указа 1775-го года Апрѣля 28-го дня нѣдомогающа отъ нихъ собственнаго сознанія, упомянутыхъ Григорьева, Ковальчука, Акатьева, Анѣдина и Ильина по силѣ Воинскихъ артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-ой толкованія, и 133-го указа 1754-го года мая 13-го дня пункта 8-го наказать плетью каждого по восьмидесяти ударовъ и оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльнаго Алѣксея Рубцова, на котораго хотя рядовой Кутузовъ показалъ, что во время содержанія ссыльнаго Голикава подъ стражею прикликалъ онъ ссыльнаго Алѣксея Рубцова и между прочемъ якобы ему вызывался онъ Рубцовъ, что будѣтъ съ ними сидѣтъ въ тюрьмѣ за то, что будто бы обещался по убегѣ снабжать ихъ хлѣбомъ и порохомъ; но какъ означенные Голиковъ и Рубцовъ въ томъ нѣ сознались и на обличеніе ихъ Кутузовъ ничего нѣ представилъ, то согласно воинскихъ процессовъ второй части пятой главы 10-го пункта, обстоятельство сіе предать воли Божіей и Рубцова освободить.

Какъ же свѣрхъ того означенный ссыльной Рубцовъ доказывался ссыльными Сухиновымъ, Голиковымъ и Ковальчукомъ, что онъ за проданные Голикову сапоги и дабу получилъ деньги въ пяти рублевой ассигнаціи отъ Сухинова; но онъ, Рубцовъ, противно ему утвердилъ, и на очныхъ ставкахъ при уличеніи тремя ссыльными, остался на томъ показаніи, что деньги получилъ нѣ отъ Сухинова, а отъ Голикава, то посему какъ за ложное его Рубцова показаніе такъ и за дачу ссыльнымъ Голикову и Бочарову на пьянство деньги съ покушкою у нихъ вещей, согласно Указа 1754-года мая 13-го пункта 8-го наказать плетми пятидесяти ударами и оставить попрежнѣму въ работѣ, Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльнаго Кирила Анисимова, за разнообразныя его показанія, а въ другихъ просахъ и ложныя, согласно указа 1754-го года мая 13-го дня пункта 8-го наказать плетми тридцатью ударами и оставить по прежнему въ работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Коммиссіею Военнаго Суда признанныхъ нѣ подлежащими къ наказанію.

Ссыльныхъ Вениамина Соловьева, и Александра Моззалевскаго, нѣ имѣющихъ противъ себя никакого къ обвиненію, и доказательствъ чтобы они принадлежали къ заговору, и имѣли участіе въ злоумышленіи; согласно Воинскихъ процессовъ второй части пятой главы 9-го и 10-го пунктовъ, упоминаемыхъ ссыльныхъ Соловьева и Моззалевскаго, освободить отъ дѣла. Но дабы они мѣжду собой немогли въ предъ имѣть сношенія и свиданія, разслать для опредѣленія въ работы въ разные рудники, усугубя мѣстному Начальству за ихъ поступками внимательной присмотрѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльнаго Константина Птицына, которой показалъ, будто-бы изъ отданной ему Птицыну Сухиновымъ пятирублевой ассигнаціи, запилъ Голи-

ковъ только 1 рубль 80 копѣекъ; но какъ онъ при вопросѣ въ Нерчинской горной (канторѣ) Экспедиціи вспомнилъ, что тѣ деньги 1 рубль 80 копѣекъ (въ томъ числѣ и за взятое Голиковымъ тогда жѣ по запискѣ Сухинова на 10-ть копѣекъ вино) слѣдовали ему Птицину съ Сухинова, а Голиковымъ забрано виномъ на 3 рубля 20 копѣекъ, и тѣмъ изобличилъ дажѣ и ссыльнаго Сухинова, слѣдовательно и могло случиться, какъ тотъ Птицинъ показалъ, что онъ въ горной канторѣ выводилъ о томъ нѣ съ умысла, а ошибочно и тѣмъ болѣе, что учетъ пятирублевой ассигнаціи состоялъ изъ 3-хъ рублей 20-ти копѣекъ, а изъ 1-го рубля 80-ти копѣекъ, что и было имъ показано въ оборотъ въ приговорѣ комиссіи военнаго Суда заключающихся, представляю Вашему Высокоблагородію съ кѣмъ слѣдовать будѣтъ Самому снѣстись, а по 17-му пункту по разсмотрѣнію своему распорядиться.

Изложивъ Вашему Высокоблагородію заключеніе приговора Военно-Судной Коммисіи, и согласно учрежденія для большой Дѣйствующей Арміи, опредѣливъ къ наказанію осужденнымъ утвержденіе мое; предлагаю учинить съ Вашей стороны нужныя распоряженія касательно Екзекуціи; а какъ мнѣ самому должно быть при оной, то нѣ оставить мѣня Вашимъ увѣдомленіемъ къ которому имѣнно числу можетъ быть все нужное приготовленно.

Дѣло жѣ Военное Судное на триста семидесяти писанныхъ листахъ отъ Коммисіи ко мнѣ представленное, присемъ для надлежащаго по 15-ть, 16-ть и 17-ть пунктамъ исполненія и послѣ приобщенія къ решеннымъ Дѣламъ къ Вашему Высокоблагородію присемъ препровождаю. Комендантъ при Нерчинскихъ рудникахъ Генераль-Маіоръ Лепарскій.

У подножія висѣлицы.

День 15/27 января 1885 года навсегда будетъ памятенъ всѣмъ, осужденнымъ по дѣлу польской социалистической партіи «Пролетаріатъ».

Со времени объявленія приговора прошелъ уже сорокъ одинъ день. Для всѣхъ было ясно, что всѣ ухищренія военной прокуратуры и военного суда не привели ни къ чему. Петербургъ не поддался на аргументы, по которымъ польская социалистическая партія «Пролетаріатъ» заключила союзъ съ «Народной Волей», а «Народная Воля»—это та партія, которая совершила ужасное злодѣяніе 1 марта 1881 года, слѣдовательно, всѣ участники «Пролетаріата» подлежатъ смертной казни черезъ повѣшеніе...

Для суда, получавшаго прямыя предписанія отъ Гурко, такіе аргументы не только были, но и должны были быть убѣдительны... но казнить въ то время 29 человѣкъ въ Варшавѣ было немислимо... Военному суду пришлось отдѣлать козловъ отъ агнцевъ, для послѣднихъ изобрѣсти «смягчающія вину обстоятельства», въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того недѣпныя, что вызывали улыбку: старикамъ смягчалось наказаніе «по молодости лѣтъ» (случай съ Бліохомъ, Дегурскимъ, Форминскимъ и другими); организаторамъ, вдохновителямъ, многолѣтнимъ борцамъ—«по легкомыслію» и т. д.

Въ итогѣ такого отбора получилось всего шесть смертныхъ приговоровъ. Приговоры эти имѣли опредѣленную цѣль: терроризированіе соотвѣтственныхъ общественныхъ сферъ. Для устрашенія университетской молодежи приговорили къ смерти студента-путейца Станислава Куницкаго; смертный приговоръ, вынесенный русскому коронному мировому судѣ Петру Васильевичу Бардовскому, долженъ былъ устрашить чиновничью среду; приговоръ надъ военнымъ инженеромъ, капитаномъ Николаемъ Адольфовичемъ Люри, преслѣдовалъ ту же цѣль относительно военной среды. Наконецъ, для устрашенія рабочихъ были избраны жертвы въ лицѣ Яна Петрусинскаго, рабочаго-ткача изъ Згержа, Михаила Оссовскаго, рабочаго изъ Варшавы и Юсифа Шмауса, рабочаго изъ Лодзи. Въ этихъ трехъ городахъ рабочее движеніе было особенно сильно.

Я не стану описывать того впечатлѣнія, какое произвели эти приговоры на насъ, остальныхъ, которыхъ сія чаша миновала. Скажу только, что мы опасались, главнымъ образомъ, за участь

Куницкаго. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Народной Во-
лѣ», онъ въ оное время увезъ изъ Петербурга разыскиваемаго
жандармами Дегаева, за поимку котораго была даже назначена
награда, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ
«Пролетаріата», онъ, наконецъ, сыгралъ немаловажную роль при
заключеніи союза между «Пролетаріатомъ» и «Народной Волей»...
На него не могъ не обрушиться гнѣвъ жандармовъ-вседержителей...

Но остальные?.. Бардовскій, типичный шестидесятникъ-консти-
туціоналистъ, въ минуту глубокаго негодованія и возмущенія по-
веденіемъ военныхъ, разстрѣливавшихъ въ Жирардовѣ безоруж-
ныхъ рабочихъ (въ Польшѣ это практиковалось еще въ 1883—4 гг.!)
составившій прокламацію къ военнымъ, найденную у него въ ру-
кописи, но нигдѣ не напечатанную! Никогда не принадлежавшій къ
партіи, о чемъ и жандармы, и судьи знали... Онъ, этотъ завален-
ный съ утра до вечера служебной работой судья, чѣмъ былъ
опасенъ? Его за что было казнить?

За что было казнить Н. А. Люри, относительно котораго даже
военный судъ не нашелъ другихъ обвиненій, кромѣ того, что онъ
давалъ средства для оказанія помощи семьямъ арестованныхъ ра-
бочихъ?

Можно-ли было вѣрять въ исполненіе смертной казни надъ
обремененнымъ семьей рабочимъ Шмаусомъ, обвинявшимся въ не-
удачномъ покушеніи на жизнь шпіона? Или надъ несовершенно-
лѣтнимъ Оссовскимъ, убившимъ провокатора? Или надъ юношей
Петрусинскимъ, тоже несовершеннолѣтнимъ, обвиненномъ въ убій-
ствѣ провокатора, несмотря на то, что на судѣ товарищъ Поп-
лавскій прямо заявилъ: «Петрусинскій не виновенъ! Я убилъ Гель-
шера»...

Нѣтъ! Даже теперь, по истеченіи 20 лѣтъ, послѣ того, какъ
пришлось быть свидѣтелемъ такихъ звѣрствъ, что при одномъ
воспоминаніи объ нихъ волосы становятся дыбомъ, когда картины
давно минувшаго прошлаго вновь воскресаютъ въ памяти, я нахожу
вполнѣ естественнымъ, что въ то время мы безпокоились, главнымъ
образомъ, о судьбѣ Куницкаго...

Первые дни были невыносимо тяжелы... Приговоренныхъ къ
смерти нельзя было оставлять однихъ, и мы такъ размѣстились по
камерамъ, что на одного приговореннаго къ смерти приходилось
двое неприговоренныхъ...

Со мной и съ Адамомъ Сѣрошевскимъ (двоюроднымъ братомъ
извѣстнаго этнографа и беллетриста Вацлава Сѣрошевскаго) си-
дѣлъ Петрусинскій... Никогда въ жизни не выйдетъ у меня изъ
памяти одна короткая фраза, случайно, не помню уже по какому
поводу, сказанная имъ:

— Какъ-бы я хотѣлъ полюбить... Никогда еще я никакой жен-
щины не любилъ, и совершенно не могу себѣ представить этого
чувства...

Бѣдное замученное дитя! Ему такъ и не пришлось испытать
этого чувства! Но такіе моменты тоски и угнетенія случались

рѣдко... Мы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы устранять малѣйшій поводъ къ нимъ, и намъ это удавалось блестяще. Мы организовали лекціи для рабочихъ, общія чтенія, отвоевали себѣ право общихъ прогулокъ, устраивали хоровыя пѣнія, и за занятіями, за развлеченіями время шло быстрѣе... Къ тому же всѣхъ бодрило сознаніе, что наша роль еще не сыграна до конца, что наше слово, слово обреченныхъ на смерть и на каторгу, можетъ еще сослужить службу рабочему дѣлу, что оно должно быть сказано... И вотъ вскорѣ было составлено письмо-завѣщаніе къ товарищамъ на волѣ, напечатанное вполсѣдствіи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Политически-мертвые вzywали на борьбу живыхъ, и слово ихъ было подхвачено на лету... Мы еще находились въ Х павильонѣ варшавской цитадели, наши товарищи, приговоренные къ смерти, еще не были у насъ похищены, а уже извѣстіе о томъ вліяніи, какое имѣло наше письмо, проникло къ намъ за рѣшетку...

О, какъ оно скрасило тогда наше пребываніе въ душныхъ казематахъ!..

А время шло... Прошла недѣля, другая... Мы понемногу начали успокаиваться и на счетъ Куницкаго... Ранѣе, въ первые дни, мы употребляли всевозможныя мѣры, чтобы устроить побѣгъ обреченнымъ на казнь, раздобыли напильники, достали даже револьверъ. Чудеса изобрѣтательности проявлялъ при этомъ Мечиславъ Маньковскій... Онъ пропилилъ въ потолокъ камеры отверстіе, черезъ которое можно было пробраться на чердакъ, а оттуда на крышу, влѣзалъ туда, убѣдился въ крайней рискованности этого пути, въ виду разставленныхъ часовыхъ, и задумалъ съ чердака пробуровать выходъ на парадную лѣстницу, ведущую въ квартиру завѣдывающаго... И это было рисковано, да притомъ являлся вопросъ, какъ выбраться изъ крѣпости послѣ того, какъ удастся благополучно выбраться изъ тюрьмы...

Пока опасность угрожала, въ первые дни, въ первую недѣлю, работа кипѣла, но, по мѣрѣ того, какъ время шло, во всѣхъ вселялась увѣренность, что невозможно держать людей подъ угрозой смертной казни цѣлыя недѣли, болѣе мѣсяца, и въ концѣ концовъ ихъ казнить, и руки опускались, и весь рискъ побѣга такимъ путемъ выступалъ ярче, и на смѣну прежнимъ планамъ появлялись новые, менѣе рискованные, планы побѣга съ пути...

А время шло... Прошла третья недѣля, четвертая, пятая... Уже была на исходѣ шестая... Тяжелый кошмаръ, давившій насъ столько времени, разсѣялся... Всѣ были веселы, шутили, шалили, какъ школьники...

Такое настроеніе царило въ Х павильонѣ и 15 января...

Насъ позвали на прогулку. Съ юношескимъ гикомъ, смѣхомъ, шутками мы выбѣжали на тюремный дворъ.

День былъ морозный, свѣтлый. Скованный морозомъ, играющій на солнцѣ снѣгъ такъ и манилъ къ себѣ... Кто-то схватилъ комъ снѣга и бросилъ въ другого... Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же. Примѣръ

заразительно подѣйствовалъ на другихъ, и мигомъ всѣ эти обреченные на смерть и каторгу, словно дѣти, забыли обо всемъ и съ головой ушли въ игру въ снѣжки. Шумъ, визгъ, хохотъ привлекъ на окна товарищей, недавно арестованныхъ и еще ожидавшихъ рѣшенія своей участи. Посыпались поощренія болѣе ловкимъ, шутки надъ неуклюжими... Мрачный тюремный дворъ сталъ неузнаваемъ... Даже серьезный Яновичъ и сравнительно пожилой Бардовскій увлеклись этимъ весельемъ и прервали безконечную бесѣду объ общинѣ, о ростѣ капитализма въ Россіи, о В. В.

Полтора часа прогулки промелькнуло, словно одна минута. Съ такимъ же шумомъ мы вошли обратно въ тюрьму и разбились по камерамъ. Вскорѣ человѣкъ десять собралось въ камерѣ Куницкаго, который долженъ былъ читать лекцію объ электричествѣ...

Короткій зимній день близился къ концу. Начало смеркаться. Куницкій ужъ кончалъ урокъ, какъ вдругъ въ камеру зашелъ старшій жандармъ и пригласилъ его въ канцелярію...

Въ такомъ приглашеніи не было ничего подозрительнаго. Насъ часто вызывали, для подсчетовъ съ завѣдывающимъ, для провѣрки расходовъ, для выдачи писемъ и т. д.

Минуть черезъ десять послѣ этого вызвали Бардовскаго...

Мы насторожились. Чудилось что-то недоброе. Одно, единственное слово, какъ бы винтомъ, сверлило мозгъ...

«Шлиссельбургъ!»

Пришли за Оссовскимъ...

Это путало, сбивало... Въ Шлиссельбургъ обыкновенно отправляли «особенно опасныхъ», вліятельныхъ, авторитетныхъ... 18-тилѣтній Оссовскій таковымъ не былъ, не могъ быть...

Дошла очередь и до Петрусинскаго... Онъ, какъ и тѣ, ушелъ за жандармомъ даже не попрощавшись съ нами, безъ шапки, безъ пальто...

Мы терялись въ догадкахъ... Кто-то высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, объявляютъ о конфирмаціи и о смягченіи приговоровъ и для этого вызываютъ въ канцелярію...

Да, да, конечно, это такъ! Иначе это необъяснимо...

Всѣ волновались, въ особенности же Шмаусъ и Люри, тоже приговоренные къ смерти...

Минуты казались часами... Ни за кѣмъ болѣе не приходили... Это становилось подозрительнымъ...

Время шло. Уведенные жандармами не возвращались.

Мы стучали въ двери, спрашивали жандармовъ, но кромѣ мертвцаго душу: «не могу знать!» не могли добиться никакого отвѣта...

Такъ прошло полчаса... Цѣлая вѣчность...

Во всѣхъ камерахъ все стихло, застыло, замерло...

Пахнуло смертью...

Мы лежали безъ движенія на койкахъ, не рѣшаясь даже въ мысляхъ строить ужасныя предположенія...

Вдругъ заржавѣвшій замокъ камерной двери заскрежеталъ, шелкнулъ засовъ, и въ камеру вошелъ старшій жандармъ...

— Гдѣ вещи Петрусинскаго?

Мы накинулись на него съ вопросами. Онъ не отвѣчалъ, и мы, чтобы заставить его, отказались безъ Петрусинскаго выдать его вещи...

— Онъ все равно сюда не придетъ больше...

— Какъ? Почему?

Опять молчаніе.

Но это заявленіе насъ сразило. Мы больше не сопротивлялись. Жандармы безпрепятственно унесли вещи...

То же повторилось и въ другихъ камерахъ...

Страшное подозрѣніе прокралось въ душу.

— Шлиссельбургъ или смерть?

О, какъ мы желали, чтобы это былъ *только* Шлиссельбургъ...

«*Только* Шлиссельбургъ»... Мы знали тогда, что такое Шлиссельбургъ и все-таки молились въ душѣ, чтобы это былъ «только Шлиссельбургъ».

Но, нѣтъ! У насъ украли, буквально украли, товарищей, чтобы ихъ предать смерти... Намъ не дали даже попроситься съ ними...

Жандармы — дальновидные психологи... Они боялись столкновѣнія и предпочли воровски увести отъ насъ жертвы, обреченныя на закланіе...

Объ участіи товарищей намъ сообщилъ завѣдывающій X-ымъ павильономъ, жандармскій поручикъ Фурса, рѣшившійся только полтора часа спустя явиться къ намъ въ камеры и то подъ прикрытіемъ солдатъ и жандармовъ... Но и подъ этимъ прикрытіемъ онъ трусилъ и въ разговорѣ вскользь упомянулъ о томъ, что въ павильонѣ удвоены караулы на случай протеста съ нашей стороны... Мы въ послѣдствіи провѣрили это сообщеніе. Это оказалось вѣрнымъ... Жандармы даже заготовили веревки, чтобы вязать насъ...

Фурса говорилъ грустнымъ голосомъ, какъ бы сочувствуя жертвамъ, жалѣя ихъ... Но слова его звучали фальшью... Мы не могли съ нимъ говорить...

Совершенно другое впечатлѣніе производилъ комендантъ цитадели генераль-лейтенантъ Унковскій. Этотъ честный, благородный старикъ, не разъ воевавшій изъ за насъ съ жандармами и лакейски послушной имъ прокуратурой, явился къ намъ такой грустный, такой пристыженный, пришибленный, что его отношеніе къ совершившемуся позорному преступленію было для всѣхъ очевидно... Онъ не смѣлъ поднять на насъ глазъ, словно чувствуя себя соучастникомъ этого преступленія... А когда нѣсколько часовъ спустя этому, убѣленному сѣдинами старику, было дано приказаніе присутствовать при казни, онъ наотрѣзъ отказался... Говорятъ даже подалъ немедленно въ отставку, но она не была принята...

Многіе жандармы тоже искренно были опечалены.

Но Фурса и «старшій» жандармъ Фоминъ — тѣ только трусили, ясно сознавая, что намъ терять нечего...

Но насъ на моментъ этотъ ударъ сразилъ... Мы не думали ни о какомъ бунтѣ, протестѣ, сопротивленіи... Мы ни о чемъ не думали. Въ головѣ вдругъ стало пусто... Мозгъ отказывался работать...

А нашихъ мучениковъ тѣмъ временемъ отвели въ другой конецъ Х павильона, посадили сначала въ одиночныя камеры, но затѣмъ на время разрѣшили видѣться другъ съ другомъ...

Вѣрны ли эти свѣдѣнія — не знаю. Такъ сообщали намъ въ послѣдствіи нѣкоторые жандармы, другія сообщенія которыхъ оправдались. Они же сообщали, что у Куницкаго было свиданіе съ родителями, у Петрусинскаго — съ родными... Куницкій и Бардовскій отказались принять явившихся къ нимъ священниковъ, Петрусинскій и Оссовскій провели со священникомъ нѣсколько часовъ. На разсвѣтѣ ихъ казнили... Руководившій слѣдствіемъ по нашему дѣлу, жандармскій подполковникъ Бѣлановскій не утерпѣлъ и явился на мѣсто казни, чтобы насытиться уготованнымъ имъ же зрѣлищемъ.

Но и самая казнь производилась варварски, какъ будто съ цѣлью насытиться муками казнимыхъ. Первымъ казнили Куницкаго... Онъ, убѣжденный революціонеръ, преданный до самозабвенія дѣлу, непоколебимый и стойкій, былъ казненъ первымъ. Вторымъ казнили Бардовскаго. А двоихъ юношей, почти дѣтей, оставили на послѣдокъ...

Но разсчеты палачей не оправдались. Имъ не удалось исторгнуть изъ груди убиваемыхъ ни стона, ни страха. Всѣ четверо геройски встрѣтили смерть и передъ тѣмъ, какъ имъ заслонили головы покрываломъ, громкими восклицаніями привѣтствовали свободу и революцію...

Оссовскій оборвался. Присутствовавшіе при казни жандармы, по ихъ разсказамъ, были увѣрены, что это его спасетъ... Не спасло... Палачъ вторично принялся за дѣло...

Четверть часа спустя, крѣпостной врачъ, присутствовавшій при казни, констатировалъ смерть всѣхъ четверыхъ... Ихъ похоронили тутъ же, у крѣпостной стѣны, шагахъ въ пятидесяти-шестидесяти отъ крѣпостныхъ воротъ, на берегу Вислы...

Было часовъ семь, четверть восьмого... Одинъ изъ насъ, не помню ужъ кто, влѣзъ на окно, желая открыть форточку... Мы помѣщались во второмъ этажѣ... Съ окна былъ виденъ берегъ Вислы...

— Смотрите! Смотрите!— ужаснымъ голосомъ крикнулъ открывавшій форточку.

Мы въ мгновеніе ока уже были съ нимъ рядомъ...

У крѣпостной стѣны возились люди, зарывали могилу, разбивали эшафотъ...

Жандармы готовили намъ страшное зрѣлище... нашихъ мучениковъ казнили передъ нашими окнами. Если мы не видѣли самой казни, то это ужъ не по ихъ винѣ... Они сдѣлали для этого все, что отъ нихъ зависѣло. Мы не подозрѣвали возможности такого звѣрскаго издѣвательства, и это насъ спасло...

Ф. Я. Конъ.

Мое знакомство съ И. М. Ковальскимъ.

Очень живо помню я свою первую встрѣчу съ И. М. Ковальскимъ. Это было въ двадцатыхъ числахъ декабря 1877-го года, незадолго до рождественскихъ праздниковъ, на второй день моего прїѣзда въ Одессу послѣ побѣга изъ херсонской тюрьмы.

Дѣло было подъ вечеръ, на Садовой улицѣ, въ квартирѣ, занимаемой тогда Александрой Владиміровной Афанасьевой и Леонидой Михайловной Мержановой, служившими въ то время въ магазинѣ одесскаго общества потребителей, одна въ должности кассирши, другая — приказчицы. Упоминаю объ этомъ потому, что тамъ, въ магазинѣ, произошло мое первое знакомство съ ними, и тамъ же было условлено, что вечеромъ я побываю у нихъ на квартирѣ.

На Садовую привелъ меня бывший въ то время ветеринарнымъ врачомъ расквартированного въ Одессѣ донскаго казачьяго полка Соковнинъ, который, насколько мнѣ помнится, очень скоро куда-то ушелъ. По русскому обычаю, началось, конечно, чаепитіе, да и время-то было для того подходящее, и завязались разговоры, главнымъ образомъ, разспросы о томъ, какъ я устроилъ свой побѣгъ изъ тюрьмы.

— Что же это онъ не идетъ?—нѣсколько разъ, съ выраженіемъ нетерпѣнія и недовольства, обращалась Александра Владиміровна къ своей квартирной сожительницѣ—Мержановой.

— Такъ вѣдь онъ же сказалъ, что послѣ восьми, — отвѣчала та,—а теперь только половина девятаго.

Кто былъ этотъ «онъ», я не зналъ, но считалъ неловкимъ разспрашивать. Мнѣ казалось только, что мои собесѣдницы придаютъ особенное значеніе ожидаемому человѣку.

Часовъ около девяти въ комнату, въ которой мы сидѣли за оставшимъ самоваромъ, вошелъ невысокаго роста, коренастый человѣкъ, лѣтъ 28, одѣтый въ темный пиджакъ и такія же брюки.

— Ну, здравствуйте!—обратился онъ ко мнѣ, протягивая для пожатія руку и, придвинувъ къ столу одинъ изъ стульевъ, сѣлъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ высокій, выпуклый, бѣлый лобъ пришедшаго, затѣмъ—каріе, слегка какъ бы выпученные глаза съ оттѣнкомъ добродушія, которое явственно проглядывало, благодаря тому, что вошедшій, очевидно, былъ чуть-чуть выпивши.

Насколько я помню, пришедшій, здороваясь со мной, не отре-

комендовался, не назвалъ никакой фамиліи, а прямо началъ разговаривать, разспрашивая меня, какъ я устроился въ Одессѣ.

Онъ много и долго улыбался, не смѣялся, а лишь улыбался, когда я рассказалъ ему, что наканунѣ участвовалъ въ пирушкѣ, устроенной въ квартирѣ Соковнина по случаю производства какого-то казачьяго офицера въ есаулы, и допустилъ, повидимому, нѣкоторую безтактность. Когда праздновавшаго свое производство всѣ поздравляли, выпивая за его здоровье рюмки и бокалы различныхъ виноградныхъ винъ, я, безъ всякой задней мысли, сталъ наливать себѣ красного удѣльнаго вина и при этомъ замѣтилъ: «а я предпочитаю выпить своего, родного, отечественнаго», Соковнинъ, перебивая меня, сказалъ: «только, пожалуйста, безъ тенденцій».

— Да, такъ «только безъ тенденцій»,—нѣсколько разъ повторилъ, улыбаясь, мой собесѣдникъ; «только безъ тенденцій! Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»—глубоко вздыхая и переставая улыбаться, заканчивалъ онъ свои вставки въ мой рассказъ.

Стали говорить о моей дѣятельности до ареста, когда я въ послѣднее время велъ пропаганду среди рабочихъ на строившейся тогда очаковской батарее, гдѣ нынѣ происходилъ «судъ» надъ казеннымъ на о. Березани лейтенантомъ П. П. Шмидтомъ.

Переживаемый тогда революціонной мыслью моментъ, мнѣ кажется, по справедливости, можно назвать безвременьемъ. Пропаганда въ народѣ почти потеряла окончательно кредитъ въ глазахъ революціонеровъ, называвшихся тогда радикалами, а новые пути воздѣйствія на инертную общественную массу не были еще открыты. Революціонная мысль, если такъ можно выразиться, находилась на распутьи, и, дѣйствительно, человеку, жаждавшему активной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, тяжело было жить на свѣтѣ, какъ много разъ въ тотъ вечеръ съ глубокимъ вздохомъ повторялъ Ковальскій. Наиболѣе дѣятельныя натуры искали выхода своей энергіи и, не найдя ничего лучшаго, употребляли ее на различнаго рода предпріятія по освобожденію изъ тюремъ арестованныхъ товарищей; другія же, менѣе активныя, тратили запасъ своей энергіи на теоретическія, подчасъ принимавшія весьма бурный характеръ разсужденія о программахъ партій и фракцій.

Отношеніе покойнаго И. М. Ковальскаго къ послѣдняго рода «дѣятельности» было вполнѣ отрицательное, и онъ не разъ въ тотъ вечеръ, да и позднѣе, съ иронической улыбкой, подчеркивая, говорилъ: «партіи, фракціи!.. Да у насъ столько партій и фракцій, сколько соберется людей; каждый причисляетъ себя къ своей собственной партіи или фракціи. Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»...

Отъ разсказа о томъ, что я дѣлалъ «въ народѣ», мы само собой перешли къ вопросу, что-же дѣлать, разъ такая форма пропаганды, какую я велъ, не удовлетворяетъ пропагандиста, потому что кажется безрезультатной.

Въ продолженіе года слишкомъ, что я провелъ въ одиночномъ заключеніи до своего побѣга, много думалось надъ этимъ вопросомъ, и теперь представилась возможность съ живыми людьми, въ

общемъ одинаково со мной мыслившими, подѣлиться своими выводами и заключеніями. И я горячо сталъ передавать то, что я думалъ.

Я глубоко вѣрилъ въ цѣлесообразность пропаганды, но плодотворность ея обусловливалъ тѣмъ, что пропагандистъ долженъ поселиться прочно въ какой-нибудь избранной имъ деревнѣ и стать тамъ дѣйствительно своимъ человѣкомъ, сдѣлаться такимъ же крестьяниномъ-пахаремъ, какъ и остальные, слиться съ своими односельчанами и вести пропаганду словомъ и дѣломъ на почвѣ мѣстныхъ интересовъ, близкихъ и понятныхъ тѣмъ, на кого онъ желаетъ воздѣйствовать.

Слушатели мои не возражали мнѣ и, повидимому, соглашались со мной. Ковальскій не высказывался прямо; онъ дѣлалъ лишь иногда поправки, когда я употреблялъ не вполне надлежащія выражения, или предлагалъ вопросы съ цѣлью болѣе детальнаго и обстоятельнаго выясненія какой-либо частности въ практической постановкѣ проектируемаго мною образа дѣйствій. Интересъ, съ которымъ онъ меня слушалъ, его поправки и вопросы, въ достаточной мѣрѣ показывали мнѣ, что онъ сочувственно относился къ высказываемой мной идеѣ. Онъ даже ни разу, во все время изложенія моей, если такъ можно выразиться, теоріи, не вздохнулъ и не произнесъ: «Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»

Остальныя явно сочувствовали моей мысли, что видно было хотя бы по одному тому, что во время моей рѣчи, то одна, то другая, произвольно восклицали: «да, да», «вотъ, вотъ», «совершенно вѣрно».

Развиваемый мною планъ вызывалъ сочувствіе, какъ мнѣ теперь кажется, не столько своей стройностью и логичностью аргументаціи, какъ общимъ настроеніемъ «на распутьи» и горячей вѣрой съ моей стороны въ то, что я проектировалъ.

Александра Владиміровна Афанасьева до того увлеклась моимъ краснорѣчіемъ, что тутъ же стала строить планы, гдѣ лучше всего поселиться, и даже сама высказала желаніе принять лично непосредственное участіе въ осуществленіи моихъ проектовъ. «Да, да, и я тоже, и я тоже,—съ искреннимъ увлеченіемъ говорила она.— Прекрасно, прекрасно, я могу тоже поселиться въ деревнѣ, я буду прачкой, буду стирать бѣлье»...

Мы невольно переглянулись съ Ковальскимъ, онъ улыбнулся мнѣ глазами и, вздохнувъ, промолвилъ свое: «Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»

Я промолчала.

Маленькая, тоненькая фигурка, съ тонкими чертами интеллигентнаго лица, съ *pince-nez* въ золотой оправѣ на носу «прачки», стирающей мужицкое бѣлье, которое, разумѣется, никакимъ прачкамъ въ стирку не отдается, невольно вызвала улыбку у насъ и, несомнѣнно, вызвала бы улыбку у самой Александры Владиміровны, если бы она не увлеклась такъ всецѣло перспективой плодотворности идейной работы въ народной средѣ при предполагавшихся мною въ то время условіяхъ.

Но то было время горячей, беззавѣтной любви къ обездоленому страстотерпцу-народу, когда каждый изъ насъ, самый слабый и даже увѣчный, готовъ былъ отдать всѣ свои силы на служеніе ему... Отъ А. В. Афанасьевой мы ушли довольно поздно и, такъ какъ я совершенно не зналъ Одессы, Ковальскій проводилъ меня до квартиры Соковнина.

О чемъ мы говорили дорогой и говорили ли вообще, я теперь уже не помню, но на другой день Иванъ Мартыновичъ зашелъ ко мнѣ.

Время было обѣденное, желудокъ ощутительно предъявлялъ свои законныя требованія присвоенной ему работы, и Ковальскій предложилъ мнѣ пообѣдать вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ, по его словамъ, кормятъ очень хорошо за недорогую плату.

Мы довольно долго шли по разнымъ улицамъ, пока не очутились на какой-то базарной площади. Здѣсь-то, между лихими лавченками, пріютился весьма невзрачный деревянный домишко съ крылечкомъ въ двѣ-три ступени.

— Это здѣсь,—проговорилъ Ковальскій, когда мы подошли къ крыльцу.

Я какъ-то непроизвольно поднялъ голову кверху и увидѣлъ надъ крыльцомъ нелѣпо намазанную вывѣску, на которой «художникъ» пытался изобразить тарелку съ двумя экземплярами жареной камбалы и однимъ огурцомъ, но—довольно неудачно. По нижнему краю вывѣски шла надпись: «Бѣлая харчевня».

Мы вошли на крыльцо, толкнули дверь и очутились въ довольно большой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ. Первое, что меня неприятно поразило и поколебало довѣріе къ заявленію Ивана Мартыновича относительно хорошаго стола здѣсь, была сплошная грязь во всемъ помѣщеніи: грязный полъ, грязные подоконники, оконныя стекла, до отвращенія грязныя скатерти на столикахъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ комнаты, грязные парни, такъ называемые трактирные половые, съ грязнѣйшими салфетками подъ мышкой и въ заключеніе жестокой кухонной чады отъ пригорѣлаго постнаго масла, синими струйками наполнявшій комнату.

Когда мы усѣлись за одинъ изъ грязныхъ столиковъ, Ковальскій потребовалъ обѣдъ. Подали какую-то мутную, грязную бурду съ обрывками капустныхъ листьевъ и двумя миньютюрными кусочками говядины самаго низшаго сорта, а затѣмъ—два же небольшихъ кусочка такой же говядины съ косточками, зажаренные, какъ мнѣ положительно показалось, въ постномъ маслѣ, долженствовавшіе изображать собой антрекоты.

Гадость была положительная самая отвратительная, но съ голодухи мы ее ѣли; Ковальскій, казалось, даже—съ удовольствіемъ, потребляя при этомъ много хлѣба и горчицы.

Когда къ концу трапезы я не удержался и замѣтилъ, что его опредѣленіе—«хорошо кормятъ»—далеко не соответствуетъ дѣйствительности, и насъ накормили невозможной дрянью, Ковальскій, добродушно улыбаясь, проговорилъ:

— Да, «Андрей-Коть», пожалуй, немножко подгулялъ, хотя, въ общемъ, чего же вы хотите за 12 копеекъ?

Вообще, покойный Ковальскій отличался крайней неразборчивостью въ пищѣ и чрезвычайно скромными потребностями; на свою внѣшность онъ не обращалъ никакого вниманія, и платье, которое онъ носилъ, производило даже впечатлѣніе нѣкоторой какъ бы неряшливости. Происходило это у него не въ силу нелѣпыхъ quasi-принциповъ нигилизма, который въ то время еще былъ, до известной степени, въ модѣ среди радикаловъ, а просто потому, что ему некогда было заниматься этимъ, некогда было обращать вниманіе на то, какъ выглядишь, и въ общей работѣ борьбы съ правительствомъ, тяжелой, трудной, опасной и крайне неблагоприятной,— потому что мы были совершенно одинокими, почти изгоями среди общества и народа, отъ которыхъ не могли ждать никакой поддержки,—забота о своей внѣшности отступала на самый послѣдній планъ или, вѣрнѣе, совершенно отсутствовала; ей не было мѣста..

Неразборчивость въ пищѣ Ковальскаго доходила до курьезовъ, и я хорошо помню, какъ однажды, уже въ квартирѣ Вѣры Ивановны Виттенъ, мы много смѣялись ея разсказу о томъ, какъ Иванъ Мартыновичъ, позднимъ вечеромъ, когда всѣмъ захотѣлось ѣсть, принесъ изъ мелочной лавки испорченную, вонючую колбасу, которую всѣ отказались ѣсть; онъ же, не замѣчая ея негодности въ пищу, ѣлъ и похваливалъ, удивляясь лишь тому, что остальные, только что высказывавшіе сильное желаніе поѣсть, не кушаютъ такой вкусной колбасы. Скромность и ограниченность его привычекъ характеризуется до нѣкоторой степени другимъ эпизодомъ, о которомъ также рассказывала, кажется, та же Вѣра Ивановна. Дѣло въ томъ, что Иванъ Мартыновичъ обыкновенно сторонился или, правильнѣе сказать, стѣснялся, такъ называемой, чистой публики, въ средѣ которой онъ чувствовалъ себя, очевидно, чужимъ человѣкомъ; въ особенности его стѣсняло общество интеллигентныхъ, культурныхъ женщинъ, дамъ, передъ которыми онъ, видимо, нѣсколько робѣлъ, хотя старался не обнаруживать этого и, вслѣдствіе того, впадалъ иногда въ нѣкоторое излишество развязности, но отнюдь не переходившее границъ строгой приличности. Однажды лѣтомъ онъ гулялъ подъ вечеръ съ радикальными дамами, при чемъ, конечно, разговоры касались различныхъ конспиративныхъ дѣлъ.

Вдругъ одна изъ дамъ, шутя замѣтила:

— Ну, и кавалеръ же вы, Иванъ, не догадаетесь никакъ угостить насъ чѣмъ-нибудь прохладительнымъ.

Иванъ Мартыновичъ переконфузилъ я, желая поправить свою, какъ онъ, вѣроятно, думалъ, оплошность, со словами «а вотъ я сейчасъ васъ угощу», подвелъ своихъ дамъ къ квасному балаганчику и потребовалъ для себя и для нихъ по кружкѣ квасу. Съ наслажденіемъ выпивая свою порцію, онъ не замѣчалъ гримасъ, какія дѣлали дамы, отвѣдавъ скверный и чрезвычайно кислый грошовый квасъ, отъ котораго онъ съ улыбочками начали отплевываться.

— Что же вы не пьете квасу?— обратился онъ къ нимъ, окончивъ свою кружку,—превосходный квасъ: холодный и кислый! Напрасно, напрасно,—и съ этими словами онъ взялся за невыпитыя кружки и началъ ихъ опорожнять.

Дамы хохотали.

Покончивъ съ квасомъ, онъ методически расплатился съ квасникомъ, который, уразумѣвъ, очевидно, въ чемъ дѣло, замѣтилъ хохотавшимъ барынямъ:

— Да онъ у насъ всегда такой... блажной.

Разсказывалось это въ присутствіи самого Ковальскаго, какъ и про случай съ колбасой, и онъ, какъ теперь, такъ и тогда, только добродушно конфузливо улыбался, нерѣшительно какъ-то протестуя утверженіемъ, что и колбаса, и квасъ были великолѣпные.

Будучи нелегальнымъ и не имѣя какихъ-нибудь опредѣленныхъ занятій, Иванъ Мартыновичъ существовалъ на средства, собираемыя товарищами между собою и съ любительскихъ спектаклей и вечеринокъ, которыя устраивались довольно часто на святкахъ, и потому чрезвычайно бережливо расходовалъ на себя общественныя деньги. Вслѣдствіе такого отношенія къ этимъ средствамъ, онъ старался расходовать на себя какъ можно меньше и почти голодалъ. Обѣды въ «Бѣлой харчевнѣ» съ «Андрей-Котомъ» былъ рѣдкимъ случаемъ, чуть не пишествомъ, обусловленнымъ моимъ появленіемъ на одесскомъ радикальномъ горизонтѣ. Въ обычное же время Ковальскій, какъ и большинство радикаловъ того времени, питался чаемъ, булкой и колбасой самага дешеваго сорта; обѣды, ужины и завтраки гдѣ-нибудь въ ресторанѣ средней руки, кухмистерской или харчевнѣ являлись рѣдкими, исключительными случаями.

Результатомъ такого неудовлетворительнаго питанія было то, что у Ковальскаго начали появляться признаки цынготнаго свойства. Онъ гдѣ-то слышалъ или читалъ,—скорѣе послѣднее,—что противъ цынги хорошимъ средствомъ служатъ фрукты, и онъ рѣшилъ лѣчиться этимъ средствомъ. И вотъ, чтобы, какъ говорится, капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти, Иванъ Мартыновичъ, рѣшается кушать фрукты, при чемъ, такъ какъ сушеные стоятъ дешевле, а въ прочитанномъ не говорится, чтобы они должны были быть непременно свѣжіе, то онъ покупаетъ сушеные и при этомъ старается пріобрѣтать ихъ по возможно болѣе дешевой цѣнѣ. Преслѣдуя послѣднюю цѣль, онъ пріобрѣтаетъ ихъ въ самой заухудалой мелочной лавченкѣ и, разумѣется, покупаетъ невозможную дрянъ.

Переселившись вскорѣ отъ Соковнина, гдѣ было крайне стѣснительно среди частенько заглядывавшихъ сюда офицеровъ, въ комнату Ковальскаго гдѣ-то на Ямской, я имѣлъ возможность наблюдать, какъ по утрамъ Иванъ Мартыновичъ лѣчился отъ цынги, поѣдая купленный имъ по дешевой цѣнѣ фруктовый мусоръ.

Однажды я не выдержалъ и замѣтилъ ему о нецѣлесообразности практикуемаго имъ способа лѣченія, такъ какъ противощыготнымъ средствомъ до нѣкоторой степени считаются свѣжіе, а не сушеные фрукты, и указалъ на то, что поѣдаемые имъ, въ сущно-

сти, представляют собою грязный соръ, который, съ грѣхомъ пополамъ, можно ѣсть только послѣ его тщательнаго промыванія.

Мое замѣчаніе нѣсколько смутило Ковальскаго, и онъ въ этотъ разъ, прежде, чѣмъ начать кушать свои «фрукты», рѣшилъ ихъ обмыть въ водѣ.

— Да, знаете, строго говоря, я дѣйствительно вводилъ изрядное количество дряни,—сказалъ онъ, когда въ бурой, мутной водѣ, въ которой прополаскивался фруктовый мусоръ, оказался еще осадокъ самой обыкновенной уличной грязи.

Послѣ этого случая, кажется, Иванъ Мартыновичъ прекратилъ свое лѣченіе цынги «фруктами», по крайней мѣрѣ, я не припомню, чтобы онъ ихъ при мнѣ когда-либо покупалъ.

Такъ какъ проживать мнѣ у Соковнина было весьма неудобно,—я видѣлъ, что его стѣсняю,—то чуть ли не на третій день моего пребыванія тамъ, я переселился къ Ковальскому на Ямскую. Онъ занималъ здѣсь одну небольшую комнату съ однимъ окномъ и стеклянной дверью на улицу. Меблировка комнаты была болѣе, чѣмъ скромна: кровать, два стола, два-три стула и тощій чемоданъ составляли всю мебель; въ комнатѣ, кромѣ перечисленнаго, не было абсолютно ничего. Строго говоря, Ковальскій, а послѣ и я съ нимъ, мы совершенно не жили на квартирѣ. Уходя часовъ около десяти утра изъ дому, мы возвращались обратно только ночевать, что случалось зачастую, въ особенности, когда начался рядъ вечеринокъ, даже совсѣмъ подъ утро, часа въ три-четыре, а то и пять. При этомъ всегда продѣлывался слѣдующій маневръ. Сперва мы проходили вмѣстѣ по противоположной сторонѣ улицы мимо квартиры, затѣмъ переходили на другую и шли по одиночкѣ, въ первый разъ проходя тоже мимо нашей двери; затѣмъ возвращались, Ковальскій быстро открывалъ дверь и входилъ внутрь квартиры, а я проходилъ еще разъ мимо и уже на обратномъ пути быстро нырялъ въ дверь, которая запиралась на ключъ. Огонь почти никогда не зажигался, мы раздѣвались впотѣмахъ и укладывались спать. Все это продѣлывалось въ цѣляхъ предосторожности, чтобы не быть выслѣженными шпіонами и жандармами.

Часамъ къ 9 утра мы вставали и пили чай съ булкой, перекидываясь изрѣдка короткими замѣчаніями о пережитомъ наканунѣ или видѣнномъ и слышанномъ; рѣдко, очень рѣдко кто-нибудь забѣгалъ въ это время къ намъ, обыкновенно за какой-нибудь конспиративной справкой у Ковальскаго. Послѣдній въ такихъ случаяхъ бывалъ очень недоволенъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они сюда шляются! Приведутъ за собой какого нибудь шпіона, и квартира погибла, да и самому легко влопаться,—говаривалъ онъ тогда по уходѣ посѣтителя, которому лично тоже выговаривалъ.

Послѣ чаю, обыкновенно часовъ въ десять, мы уходили изъ дому, при чемъ Иванъ Мартыновичъ предварительно, безъ пальто и шапки, выходилъ на улицу и оглядывалъ ближайшія окрестности. нѣтъ ли по-близости шпіоновъ, и, убѣдившись, что все обстоитъ

благополучно, возвращался въ комнату, одѣвалъ верхнее платье, и тогда уже мы выходили изъ дому.

Шли мы обыкновенно къ кому-нибудь изъ товарищей, гдѣ Ковальскій велъ какіе-то дѣловые разговоры, въ которые я, не будучи посвященъ, разумѣется, не вмѣшивался. Затѣмъ мы направлялись въ публичную бібліотеку, гдѣ проводили часа четыре-пять за чтеніемъ, а когда желудокъ начиналъ усиленно напоминать о своихъ потребностяхъ, уходили изъ бібліотеки либо чай пить съ булкой и колбасой, или, изрѣдка, обѣдать, послѣ чего опять посѣщали кого-нибудь изъ товарищей, съ которыми отправлялись на вечеринку, если таковая устраивалась, или къ кому-нибудь еще изъ товарищей, гдѣ казалось уютнѣй, напр., къ Александрѣ Владиміровичѣ Афанасьевой, Вѣрѣ Ивановнѣ Виттенъ и др. Здѣсь, обыкновенно за самоваромъ, калякали, вспоминали прошлое, шутили, смѣялись, рассказывали курьезные эпизоды, вродѣ вонючей колбасы или кваса. Иногда затѣвались разговоры и иного свойства, обсуждались теоретическіе вопросы программнаго характера и т. д.

Не могу не обратить вниманія на одну особенность Ковальскаго въ его сношеніяхъ съ людьми. Среди радикаловъ въ Одессѣ весьма распространено было обращеніе другъ съ другомъ на «ты», разъ только люди были мало-мальски въ пріятельскихъ отношеніяхъ; мѣстоименіе «ты» было въ употребленіи безразлично между мужчинами и женщинами, причемъ принято было называть другъ друга по именамъ. Ковальскаго тоже, обращаясь къ нему, звали просто Иванъ, онъ, въ свою очередь, называлъ другихъ по именамъ, но иногда, никому не говорилъ «ты», точно такъ же, какъ и къ нему кто не обращался съ этимъ мѣстоименіемъ. Это неволью какъ-то досажало въ глаза, и вполсѣдствіи, когда мы довольно близко сошлись съ Иваномъ Мартыновичемъ, я, однажды, спросилъ его о причинахъ такого его поведенія, потому что ясно видѣлъ здѣсь не отсутствие у него пріятелей среди радикаловъ.

— Видите-ли,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—мѣстоименіе «вы» нисколько не мѣшаетъ ни образованію дружескихъ отношеній, ни ихъ поддержкѣ, а въ то же время оно какъ-то неволью удерживаетъ отъ проявленія амикошонства, къ которому многіе весьма склонны. Такъ—лучше.

Во время упомянутыхъ выше бесѣдъ теоретически-программнаго свойства, между прочимъ, опредѣленно, для меня, по крайней мѣрѣ, выяснился взглядъ Ковальскаго на теорію якобинства и на ткачевскій журналъ «Набатъ»; взглядъ этотъ былъ насмѣшливо отрицательный. Придерживался ли Иванъ Мартыновичъ бунтарскихъ теорій, я не знаю и оспаривать категорическаго утвержденія этого моимъ достопочтеннымъ товарищемъ по процессу, Николаемъ Алексѣевичемъ Виташевскимъ, высказавшимъ его въ помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Былого» воспоминаніяхъ о первомъ вооруженномъ сопротивленіи, не смѣю. Ему это лучше знать, ибо, признаюсь открыто въ своемъ полномъ невѣжествѣ на этотъ счетъ, какъ и вообще невѣжествѣ во всякихъ революціонно-программныхъ

вопросахъ. Дѣло въ томъ, что вступилъ я на путь подготовительно-революціонной дѣятельности въ направленіи освободительнаго движенія совершенно самостоятельно, безъ какой бы то ни было связи съ существовавшими уже въ то время организованными кружками и безъ какой бы то ни было теоретической подготовки. Я пришелъ просто къ заключенію, что жить жизнью интеллигентнаго, культурнаго человѣка не въ правѣ, когда народъ прозябаетъ во тьмѣ невѣжества и безправія, и что нужно жить тою же жизнью, что и онъ, т. е. снискивать себѣ средства къ существованію физическимъ трудомъ, и въ то же время, по мѣрѣ возможности, просвѣщать его относительно его положенія, открывать ему глаза на тѣ условія, въ какихъ онъ живетъ и на тѣ причины, которыя создаютъ эти условія. Мое столкновеніе съ радикалами въ Одессѣ было первымъ; здѣсь я увидѣлъ ихъ впервые на волѣ и присматривался лишь къ нимъ, наблюдалъ ихъ какъ людей, въ общемъ, одинаковаго образа мыслей со мной относительно положенія народа.

Тонкости программныхъ вопросовъ, тотъ или иной характеръ оттѣнковъ, по которымъ однѣ программы отличались отъ другихъ, не интересовали меня вовсе; я не придавалъ имъ никакого серьезнаго значенія, ибо всѣ эти дороги вели въ Римъ, а достиженіе этого Рима—освобожденія народа—было общей цѣлью всѣхъ революціонеровъ, къ какимъ бы партіямъ или партійнымъ фракціямъ они ни причисляли себя. Кромѣ того, наблюдая революціонную жизнь какъ бы нѣсколько со стороны, я видѣлъ, какъ впереди всякихъ революціонныхъ теорій и принципіальныхъ программъ шла живая дѣйствительность, логически неизбѣжно толкавшая революціонно мыслящихъ людей на тотъ или другой рядъ поступковъ опредѣленнаго характера, поступковъ, отнюдь не входившихъ въ существовавшія уже въ то время программы практической революціонной дѣятельности. Партійныя программы опредѣленныхъ теорій, подкрѣпляемыхъ даже различными философскими концепціями, шли позади жизни, создавались уже послѣ того, какъ дѣйствительность проявлялась въ опредѣленныхъ фактахъ, и служили, если позволено мнѣ такъ выразиться, историко-философскимъ объясненіемъ уже совершившагося. Если и замѣчается нѣкоторая преемственная связь между различными партійно-революціонными программами, какъ существовавшими одновременно, такъ и послѣдовательно возникшими одна за другой, то это, по моему мнѣнію, зависитъ единственно отъ того, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ тотъ Римъ, къ достиженію котораго стремились и стремятся люди, не утратившіе понятія о правдѣ и справедливости, тотъ Кароагенъ, разрушить который считаютъ своею священной обязанностью не могушіе удовлетвориться своимъ личнымъ благополучіемъ. Принадлежность же къ той или другой партіи, исповѣданіе той или иной программы зависитъ, я убѣжденъ въ этомъ, не отъ совершенства теорій программъ или организациі партіи, а единственно или, правильнѣе, главнымъ образомъ, отъ темперамента и общаго склада ума личности, вступающей въ данную организацию, признающей данную программу.

Итакъ, повторяю, что не осмѣливаюсь оспаривать Н. А. Виташевскаго, утверждающаго, что Ковальскій принадлежалъ къ бунтарской партіи, но позволю себѣ лишь высказать сомнѣніе, чтобы покойный Иванъ Мартыновичъ былъ безусловно правовѣрнымъ бунтаремъ, абсолютно признававшимъ и хранившимъ въ чистотѣ всѣ принципы бунтарской программы.

Высказать такое сомнѣніе я рѣшаюсь потому, что Ковальскій былъ, безспорно, умный человекъ и уже въ силу одного этого не могъ свою мысль строго ограничить узкими рамками какой бы то ни было партійной программы, а затѣмъ онъ, не скрывая, выказывалъ сочувствіе моимъ планамъ реформированной, такъ сказать, пропаганды въ народѣ. Сочувствіе это выражалось не только въ безмолвномъ или гласномъ соглашеніи съ нѣкоторыми подоженіями моихъ плановъ, но и въ дѣятельномъ участіи ихъ осуществленія. Почти немедленно послѣ моего прибытія въ Одессу мнѣ предложено было эмигрировать за-границу, но я отказался, стремясь пойти опять въ народъ, гдѣ я, строго говоря, ничего не успѣлъ сдѣлать. И вотъ въ этомъ направленіи, т. е. въ направленіи къ осуществленію моихъ стремленій въ народъ для продолженія дѣла пропаганды, въ цѣлесообразность которой я не извѣрился, Ковальскій дѣлательно мнѣ помогалъ. Наши странствованія, по выходѣ изъ квартиры на Ямской, по товарищамъ имѣли, между прочимъ, цѣлью устройство моей поѣздки на Волгу, гдѣ предвидѣлась возможность занять мнѣ мѣсто волостного писаря для болѣе успѣшнаго веденія пропаганды.

Мнѣ кажется, что послѣ сказаннаго станетъ совершенно ясной ошибочность заявленія Н. А. Виташевскаго въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ, гдѣ онъ говоритъ, что я былъ чистѣйшимъ пропагандистомъ, а потомъ присталь къ бунтарству. Выше я высказала свой взглядъ на тогдашее подраздѣленіе на партіи революціонно мыслившихъ людей и настроеніе ихъ въ то время. Ни о террорѣ, какъ формѣ систематической борьбы, ни о вооруженномъ сопротивленіи, строго говоря, никто не думалъ еще тогда, по крайней мѣрѣ, не высказывался прямо, хотя почему-то всѣ ходили съ револьверами и кинжалами. Мнѣ думается, что, если бы спросили тогдашнихъ радикаловъ, зачѣмъ они носятъ съ собой оружіе, многіе не смогли бы опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда я бѣжала изъ херсонской тюрьмы, меня снабдили револьверомъ системы Кольта, пистоннымъ, и кинжаломъ; сперва, признаюсь, я и не подумалъ о томъ, къ чему мнѣ это оружіе, но потомъ рѣшилъ воспользоваться имъ въ томъ случаѣ, если бы меня захотѣли задержать на улицѣ, такъ какъ мнѣ, все равно предстояло наказаніе въ видѣ каторжныхъ работъ отъ 4 до 8 лѣтъ.

Ковальскій тоже носилъ съ собой за поясомъ кинжалъ и револьверъ, что, конечно, было довольно-таки неудобно, и Акимовъ, о которомъ говоритъ въ своей статьѣ «Первое вооруженное сопротивленіе» Н. А. Виташевскій, однажды, хотя и самъ таскалъ съ собой за поясомъ брюкъ револьверъ и кинжалъ, сострилъ. Онъ сказалъ, что, если признавать теорію Дарвина о происхожденіи

видовъ, по словамъ котораго, измѣненіе даннаго морфологическаго строенія нервѣдко обусловливается внѣшними условіями, къ которымъ данный организмъ приспосаблиется, то у будущихъ поколѣній русскихъ революціонеровъ въ области живота образуются углубленія, куда будутъ вкладываться, съ одной стороны, револьверъ, а съ другой—кинжалъ.

Одѣваясь утромъ, чтобы куда-нибудь идти, когда дѣло доходило до нашего вооруженія, Иванъ Мартыновичъ почти каждый разъ вспоминалъ остроту «Николаича» и говорилъ:

— Да, пожалуй, у будущихъ поколѣній радикаловъ на животѣ образуется мѣсто для револьвера и кинжала. Ужасно неудобно съ ними, жметъ иной разъ, а то замѣтно, какъ жилетка оттопыривается; опытный глазъ сразу увидитъ.

Выстрѣлъ Вѣры Ивановны Засуличъ въ градоначальника Трепова, позволившаго себѣ подвергнуть позорному истязанію Боголюбова, всколыхнулъ нѣсколько сонливое и какъ-бы апатичное настроеніе одесскихъ радикаловъ, которые заволновались, задвигались.

Часовъ около 10—11 утра въ тотъ день, когда получилось извѣстіе объ этомъ выстрѣлѣ, Ковальскій пришелъ ко мнѣ (я жилъ тогда на одной квартирѣ съ В. И. Виттенъ и Л. М. Мержановой; А. В. Афанасьева къ тому времени переехала на другую квартиру куда-то), одновременно съ нимъ или нѣсколько позже пришелъ Н. А. Виташевскій, потомъ еще кое-кто, и всѣ начали горячо обсуждать случившееся въ Петербургѣ. Всѣ сходились на томъ, что одесскіе радикалы обязаны чѣмъ-нибудь отозваться на выстрѣлъ Засуличъ, чѣмъ-нибудь проявить себя и, въ концѣ концовъ, рѣшено было составить, отпечатать и расклеить по городу соотвѣтствующее воззваніе. Ковальскій предложилъ присутствовавшимъ написать текстъ такого воззванія и самъ началъ писать тоже, чтобы потомъ или выбрать изъ нѣсколькихъ лучшее, или скомпилировать изъ нихъ одно.

Всѣ были настроены такъ, что черезъ какой-нибудь часъ писавшіе окончили свою работу и начали по очереди каждый читать свое произведеніе. Остановились на воззваніи редакціи Ковальскаго, озаглавленномъ «Голосъ честныхъ людей», которое и рѣшено было напечатать, и набирать которое мы отправились тотчасъ же на квартиру къ нему. Я помню, какъ идя туда, онъ нѣсколько разъ вспоминалъ заключительныя слова одного изъ забракованныхъ воззваній и много смѣялся имъ.

— Такъ, какъ?—говорилъ онъ—мы будемъ стрѣлять, будемъ вѣчно стрѣлять?—(онъ нѣсколько грассировалъ)—таковы были эти заключительныя слова, и громко смѣялся.—Ничего себѣ, знаете, хорошая перспектива... «будемъ стрѣлять, будемъ вѣчно стрѣлять» и только. Совсѣмъ хорошо...

Немедленно по приходѣ на квартиру Ковальскаго (онъ жилъ тамъ же, на Ямской, но занималъ другую комнату съ окнами, выходившими во дворъ), изъ его тощаго чемодана извлечена была «тайная типографія», состоявшая изъ десятка полутора фунтовъ

типографскаго шрифта, сооруженныхъ изъ сигарнаго ящика двухъ или трехъ подобій верстатокъ и деревянной же дощечки съ закраинками, напоминающей не то маленькую гранку, не то «уголокъ»: на послѣдней и производилось само печатаніе, сперва сапожной шеткой, замѣненной впослѣдствіи «природными дарованіями», по терминологіи Глѣба Ивановича Успенскаго.

Такъ какъ у насъ не было даже подобія типографской кассы, то нужныя буквы приходилось разыскивать въ кучкѣ шрифта, что, конечно, страшно замедляло наборъ. Но, кромѣ того, при такихъ условіяхъ, обнаружилось еще одно большое неудобство: то тотъ, то другой изъ насъ троихъ (начали набирать Ковальскій, В. Д. Кленовъ и я) обращались одинъ къ другому:

— Василій, дайте-ка мнѣ прописное К, никакъ не могу его найти.

— Иванъ, нѣтъ-ли у васъ точки съ запятой и твердаго знака? и т. д.

Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ обитали квартирныя хозяева, къ намъ доносились не только звуки ихъ голосовъ, но и ясно слышались отдѣльныя слова; точно такъ же, конечно, и въ ихъ помѣщеніи можно было слышать наши обращенія другъ къ другу за запятыми и точками.

Обративъ на это вниманіе, мы пришли, разумѣется, къ заключенію, что набирать здѣсь неудобно и, по моему предложенію, рѣшили перенести все дѣло въ квартиру Виттенъ-Мержаковой, гдѣ изъ послѣдней комнаты никто ничего не могъ слышать. Едва-смерклось, «типографія» была разложена по карманамъ, и мы перенесли ее на Садовую, гдѣ черезъ день и произошло вооруженное сопротивленіе, повлекшее за собой разстрѣляніе Ковальскаго по приговору военнаго суда...

Я не буду здѣсь касаться ни вооруженнаго сопротивленія, ни судебного процесса, о которыхъ, въ общемъ, Н. А. Виташевскій въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ сообщилъ довольно вѣрныя свѣдѣнія (неточностей и ошибокъ въ его изложеніи, можетъ быть, я коснусь въ другое время и въ другомъ мѣстѣ), а перейду къ послѣднимъ днямъ жизни Ковальскаго, которые мы провели вмѣстѣ съ нимъ въ камерѣ подвального этажа одесской тюрьмы вплоть до того момента, какъ его передъ разсвѣтомъ увели на казнь.

Въ первый день, когда насъ, послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ, перевезли изъ зданія военнаго суда въ тюрьму и водворили въ мрачной съ низкими сводами и асфальтовымъ поломъ камерѣ, подъ окномъ и дверью которой поставили по часовому, мы почти не разговаривали другъ съ другомъ. Мы страшно устали. Нѣсколько дней судебного разбирательства и приговоръ истрепали нервы, а курятники (буквально курятники, даже со слѣдами недавняго пребыванія куръ), въ которыхъ насъ запирали на ночь въ зданіи суда, отозвались на мускулахъ и костяхъ до того ошутительно, что мы чувствовали себя страшно разбитыми и усталыми, и въ первый день просто отдыхали на ткренныхъ кой-

кахъ, высыпались. Ни мрачный видъ полутемной камеры, ни часовые, не спускавшіе съ насъ глазъ, не производили на насъ никакого впечатлѣнія. Намъ былъ нуженъ отдыхъ, и мы его использовали въ первый день возвращенія въ тюрьму.

Сонъ, при условіи возможности вытянуться на койкѣ во всю длину своего тѣла, чего нельзя было за тѣснотой дѣлать въ курятникахъ суда, подкрѣпилъ насъ настолько, что на слѣдующій день мы себя чувствовали совершенно бодрыми.

Само собой разумѣется, что первой и главнѣйшей темой нашихъ разговоровъ былъ судъ и, въ особенности, его приговоръ въ отношеніи Ковальскаго. Иванъ Мартыновичъ былъ совершенно спокоенъ, отчасти, можетъ быть, потому, что нѣсколько надѣялся на неприведеніе приговора въ исполненіе. Я говорю *нѣсколько* потому, что онъ вполнѣ допускалъ также, что его разстрѣляютъ. Слабая, весьма слабая надежда шевелилась и у меня въ душѣ, и я старался укрѣпить ее въ Ковальскомъ.

— А, собственно говоря, интересно, подтверждаетъ Сенека (такъ, кажись, звали командующаго войсками одесскаго округа) приговоръ или нѣтъ?—нѣсколько разъ, обращаясь ко мнѣ, произносилъ Иванъ.

— Не думаю,—говорилъ я, хотя не вѣрилъ самъ своимъ словамъ,—не рѣшится онъ сдѣлать это, хотя бы въ виду того, что произошло на Гулевой, когда сталъ извѣстенъ только приговоръ.

— Ну, это, положимъ, никакого значенія имѣть не можетъ или даже, наоборотъ, должно повліять на него въ томъ смыслѣ, что побудить его рѣшительнѣе приговоръ утвердить,—возражалъ Ковальскій.

— Да, вѣдь, то или иное рѣшеніе и не отъ него зависитъ: какъ отвѣтятъ изъ Петербурга,—говорилъ опять я, намекая на слухъ, будто командующій войсками послалъ въ Петербургъ телеграмму съ запросомъ о томъ, какъ быть съ приговоромъ суда относительно смертной казни.

Ковальскій замолкалъ, наступала продолжительная пауза, каждый изъ насъ погружался въ свои думы.

— Собственно говоря,—прерывалъ молчаніе Ковальскій,—я ничего не имѣю противъ того, чтобы умереть; смерти я не боюсь, и даже не жаль жизни, но важно лишь то, чтобы моя смерть была продуктивной для общаго нашего дѣла; вотъ что важно.

Относительно послѣдняго соображенія-вопроса я вполнѣ искренно высказывался въ томъ смыслѣ, что, если бы приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе, то въ продуктивности этого акта для дѣла освобожденія народа не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я напоминалъ Ивану заключительныя слова рѣчи нашего защитника Бардовскаго, который сказалъ: «Не забывайте, господа судьи, что эшафотъ, обогранный кровью такого преступника, приноситъ совсѣмъ не тѣ плоды, какіе отъ него ожидаютъ пославшіе осужденнаго на казнь».

Это—не красивыя слова только, это—непреложный фактъ, про-

слѣдить который вовсе не трудно въ исторіи. И разговоръ переходитъ на другія темы. То вспоминаемъ мы отдѣльные эпизоды судебного слѣдствія, то обсуждаемъ происшедшее на Гулевой улицѣ, то припоминаемъ подробности вооруженнаго сопротивления и т. п.

Время идетъ, но мы не замѣчаемъ этого. Передохнувшіе нервы вновь возбуждаются, и, почти не чувствуя усталости, мы говоримъ, говоримъ и говоримъ, не замѣчая, что уже далеко за полночь и, лишь спохватившись, что очень поздно, рѣшаемся уснуть.

— Это бы все ничего, я ничего не имѣю противъ моей смерти, лишь бы она была продуктивной,—говоритъ Ковальскій, уже лежа на койкѣ и готовясь заснуть.

Эту фразу онъ неоднократно повторяетъ и днемъ, во время разговоровъ, затрагивающихъ совершенно даже посторонніе судебному приговору предметы. Произноситъ ее Ковальскій совершенно спокойно и просто, нисколько ни рисуясь, не подчеркивая ея.

Мысль, ею выражаемая, несомнѣнно, все время занимаетъ его и, очевидно, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Но я каждый разъ стараюсь ихъ разсѣять и, какъ мнѣ кажется, достигаю въ значительной мѣрѣ цѣли.

Послѣдняя ночь передъ казнью памятна мнѣ очень хорошо. Я какъ теперь вижу Ковальскаго въ сѣромъ пиджакѣ изъ какой-то лѣтной матеріи,—сшитомъ нашими дамами специально для суда, такъ какъ имѣвшійся у Ивана старый былъ ужъ черезчуръ истрепанъ,—шагающимъ въ своихъ истоптанныхъ безъ подошвъ ботинкахъ (все какъ-то собирались купить ему новые, но такъ и не собрались) отъ стола подъ окномъ къ двери, съ стаканомъ почти холоднаго чаю въ рукѣ. Прострѣленная нога у меня еще не зажила, нужно было прибѣгать къ помощи одного костыля, и потому я лишь изрѣдка прохаживался. Онъ прихлебываетъ чай и говорить. За все время моего знакомства и за послѣдніе дни до роковой ночи Ковальскій никогда не говорилъ мнѣ ничего о своей личной жизни. Я зналъ только, что онъ сынъ священника, бывшій воспитанникъ подольской семинаріи. Въ эту ночь онъ почему-то самъ заговорилъ объ Аннѣ Алексѣевой, которую сильно любилъ. Всегда сдержанный, занятый, повидимому, исключительно революціоннымъ дѣломъ, онъ вдругъ заговорилъ со мной свободно, откровенно о своихъ личныхъ чувствахъ. Признаюсь, несмотря на то, что я былъ отчасти польщенъ этимъ, такъ сказать, довѣріемъ, указывавшимъ на его близость и симпатію ко мнѣ, мнѣ все же это показалось нѣсколько неприятнымъ. Мнѣ почуялось въ этомъ какъ бы душевное ослабленіе и въ то же время полусознательно промелькнуло предчувствіе недобраго. Думая затѣмъ, что, можетъ быть, на другое утро (я не зналъ, что онъ его больше не увидитъ) онъ пожалѣетъ, что коснулся самыхъ интимныхъ сторонъ своей жизни, я старался навести разговоръ на другіе предметы. Но Иванъ, можетъ быть, инстинктивно предчувствуя, что послѣдній разъ говорить съ относительно близкимъ ему человѣкомъ, не унимался и много, и долго, съ увлеченіемъ говорилъ о любимой имъ дѣвушкѣ.

Припоминая иные изъ его отзывовъ о знакомыхъ намъ женщинахъ изъ радикальнаго міра, я поражался нѣжностью его сердца и тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, какое сквозило въ его теперешней рѣчи, къ женщинѣ вообще и русской дѣвушкѣ въ частности.

Мы почти не касались въ эту ночь никакихъ общественныхъ вопросовъ, ничего уже не говорили о судѣ, о приговорѣ и провели время въ бесѣдѣ часовъ до трехъ утра. Ложась послѣдній разъ спать, Иванъ даже не произнесъ своей обычной фразы о томъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ своей смерти, если она будетъ только продуктивной. Онъ легъ, не раздѣваясь, какъ дѣлалъ это всегда въ послѣдніе дни, и моментально заснулъ спокойнымъ, глубокимъ сномъ.

Я не могъ уснуть, нервное возбужденіе не проходило и, лежа съ закрытыми глазами, пытался себя заставить заснуть и, можетъ быть, чуть-чуть задремалъ.

Шумъ шаговъ за дверью, звонъ ключей при отпираниі замка, грохотъ желѣзнаго засова вмигъ прогнали дрему, и я открылъ глаза.

Распахнулась дверь, и въ камеру вошелъ смотритель, караульный офицеръ, ключникъ и нѣсколько солдатъ съ ружьями; послѣдніе съ офицеромъ и ключникомъ остановились кучкой у двери, ближе къ углу.

Необычное время прихода, блѣдная, какъ бы испуганная или, лучше, какъ бы угнетенная сознаниемъ преступности совершаемаго лица сразу сдѣлала для меня понятнымъ происходящее. Я приподнялся на постели и взглянулъ сперва въ уголъ, гдѣ толпились солдаты съ фонарями. Совершенно непроизвольно, на одинъ только мигъ, какъ молнія, мелькнуло воспоминаніе о видѣнной гдѣ-то, должно быть въ какомъ-нибудь журналѣ, гравюрѣ, изображавшей сцену въ Геосиманскомъ саду, когда Іуда привелъ римскихъ солдатъ и полицію, чтобы схватить Христа.

Блѣдный, съ какимъ-то искаженнымъ, измученнымъ лицомъ подошелъ смотритель къ койкѣ, на которой спокойно спалъ Ковальскій.

— Вставайте, вставайте!—слегка трогая за плечо спящаго, не вѣрнымъ, срывающимся голосомъ будилъ его смотритель. — Нужно идти, — проговорилъ онъ, когда Ковальскій проснулся и всталъ на ноги.

Ковальскій взглянулъ на кучку людей, столпившихся въ углу камеры, и протянулъ руку къ столу, чтобы взять свою шляпу.

— Не сомнѣвайтесь въ продуктивности, вспомните слова Бардовскаго, — проговорилъ я, подойдя къ нему и взявъ его за руку. — Прощайте...

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и, не произнеся ни слова, пошелъ за смотрителемъ. Солдаты заслонили его отъ моего взора, и я не видѣлъ, какъ онъ въ послѣдній разъ переступилъ порогъ камеры.

Шумъ шаговъ по корридору, глухой, отдаленный шумъ ихъ по

каменнымъ плитамъ двора, лязгъ открываемой и закрываемой калитки въ желѣзныхъ воротахъ тюрьмы были послѣдними звуками, что я слышалъ вблизи живого еще товарища.

Часовъ около одиннадцати утра въ тюрьмѣ, по обыкновенію, смѣнялся караулъ. Старыхъ часовыхъ у дверей и окна моей камеры смѣнили новые. Какъ и прежніе, эти зорко смотрѣли внутрь моего помѣщенія. Я подошелъ къ небольшому окну съ толстой желѣзной рѣшеткой. Сверху виднѣлся клочекъ чистаго, темного-лубого южнаго неба. Ярко и весело свѣтило солнце...

— Послушайте,—послышалось негромко за окномъ.—Товарища разстрѣляли. Наша рота была тоже на Куликовомъ полѣ. Молодцомъ умеръ. Самъ подошелъ къ столбу, не вели...

За дверью стукнулъ ружейный прикладъ о плиты каменнаго пола коридора.

Голосъ за окномъ моментально смолкъ, и говорившій часовой, молодой еще очень солдатъ, нѣсколько отстранился отъ окна.

Постукивая костьюлемъ, я сталъ ходить по камерѣ. И въ моемъ воображеніи рисовалась картина:

Полумракъ предразсвѣта, безграничная степь, разомкнутое съ одной стороны карре вооруженныхъ солдатъ, привязанная къ столбу, покрытая бѣлымъ мѣшкомъ человѣческая фигура, грохотъ залпа, темныя пятна на бѣломъ саванѣ...

Что думали солдаты, отвязывавшіе отъ столба окровавленный теплый еще трупъ Ковальскаго, чтобы бросить его въ яму, когда увидали у него на ногахъ истоптанные, старые ботинки, сквозь дырья которыхъ ясно видно было его голое тѣло?—спрашивалъ я себя мысленно.

Уже въ этотъ моментъ смерть его стала проявлять свою продуктивность...

В. Иличъ-Свитычъ.

Къ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ.

Въ іюльской книгѣ «Былого» мы напечатали воспоминанія М. Ю. Ашенбреннера о военныхъ организаціяхъ, созданныхъ дѣятелими «Народной Воли» въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ настоящей книгѣ мы имѣемъ возможность пополнить сообщенія М. Ю. Ашенбреннера данными официального дознанія о распространеніи «преступной пропаганды среди военныхъ». Дознаніе было возбуждено въ первой половинѣ 1883 года и производилось въ теченіе года. Даннымъ жандармскаго дознанія была два раза сдѣлана сводка. Въ первый разъ писатели жандармскаго вѣдомства подвели итогъ дознанію съ 1 января по 1 іюля 1883 года, во второй—съ 1 іюля 1883 по 1 января 1884 г. Эти сводки мы и помѣщаемъ въ настоящей книгѣ. Читатель долженъ помнить, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ «откровенныхъ показаніяхъ» одного или нѣсколькихъ офицеровъ, нужно почти всегда имѣть въ виду пространнѣйшій предательскій оговоръ Дегаева. И дознаніе въ этой первой стадіи, и впослѣдствіи судъ, почерпнувъ всѣ данныя изъ показаній Дегаева, стыдливо не рѣшились произнести громко его фамиліи. Само собою разумѣется, что мы печатаемъ эти жандармскія произведенія исключительно въ качествѣ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія, при чемъ матеріаловъ такого рода, къ которымъ необходимо относиться весьма критически.

I.

«Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ неоднократно получались указанія на отдѣльные случаи преступныхъ сношеній лицъ, состоявшихъ на дѣйствительной военной службѣ, съ членами тайныхъ обществъ и даже на принадлежность нѣкоторыхъ офицеровъ къ этимъ послѣднимъ. Выяснившіяся при этомъ данныя, удостовѣривъ виновныхъ тѣхъ или другихъ лицъ, не свидѣтельствовали, однако, о существованіи съ преступною цѣлью самостоятельныхъ военныхъ кружковъ. Съ развитіемъ, однако, дѣятельности народовольческаго общества, включившаго въ свою программу привлеченіе къ революціонной дѣятельности военныхъ, стали поступать свѣдѣнія о воз-

никновені въ средѣ офицеровъ арміи и флота особыхъ группъ съ соціально-революціоннымъ направліемъ. Опредѣлительныя въ семъ отношеніи указанія были представлены весною 1882 г. покойному генералъ-майору Стрѣльникову оберъ-офицерскимъ сыномъ Дмитріемъ Петровымъ, который показалъ, что, подъ вліяніемъ Вѣры Фигнеръ, въ Одессѣ образовался преступный кружокъ въ средѣ офицеровъ 59 Люблинскаго пѣхотнаго полка, состоявшій изъ слѣдующихъ лицъ: подполковника Ашенбреннера, штабсъ-капитана Крайскаго, поручиковъ Каменскаго и Телье и подпоручика Стратановича. Привлеченіе названныхъ офицеровъ къ отвѣтственности признано было тогда преждевременнымъ, такъ какъ за ними, въ видахъ выясненія ихъ связей и дѣятельности, было учреждено негласное наблюденіе. Впослѣдствіи, однако, обнаруженіе въ концѣ того же 1882 года, по заявленію поручика 16-го гренадерскаго Мингрельскаго полка Анисимова, преступнаго кружка среди офицеровъ вышеназваннаго полка въ Тифлисѣ, выяснившіяся посредствомъ наблюденія въ Харьковѣ за Вѣрою Фигнеръ и ея единомышленниками сношенія этихъ лицъ съ штабсъ-капитаномъ 9 артиллерійской бригады Похитоновымъ и поручикомъ 28-ой артиллерійской бригады Рогачевымъ, наконецъ, доказанное участіе подпоручика 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка Тихановича въ устройствѣ побѣга политическаго арестанта Василія Иванова изъ Кіевскаго тюремнаго замка въ августѣ минувшаго года, дали достаточный матеріалъ для изслѣдованія значенія и размѣровъ соціалистической пропаганды въ средѣ военныхъ, поэтому въ мартѣ сего года послѣдовало распоряженіе объ арестѣ всѣхъ названныхъ лицъ военнаго званія.

Откровенными показаніями нѣкоторыхъ изъ числа привлеченныхъ офицеровъ относительно образованія самостоятельныхъ военныхъ кружковъ для соціалистической пропаганды выясняется ниже слѣдующее:

Организація кружковъ и возникновеніе центрального военнаго кружка. Возникновеніе военныхъ кружковъ относится къ осени 1880 года и послѣдовало по инициативѣ казеннаго государственнаго преступника Желябова. Подробныя указанія по поводу этой организаціи даны поручикомъ Рогачевымъ, котораго Вѣра Фигнеръ, приглашая въ ноябрѣ минувшаго года на роль организатора террористическаго кружка въ Петербургѣ, познакомила съ организаціей соціально-революціонной партіи вообще, ея текущими дѣлами и способами дѣйствія. Указанія, данныя по сему поводу Рогачевымъ, разъясняютъ, такимъ образомъ, устройство военныхъ кружковъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта организація обрисовывалась Рогачеву по рассказамъ Фигнеръ.

Первая военная группа создавалась въ концѣ 1880 г. и получила названіе центральной, въ составъ ея вошли: лейтенанты Сухановъ и Штромбергъ съ военной стороны, Желябовъ и Колодкевичъ—со стороны Исполнительнаго Комитета. Члены группы занялись разработкой «Устава военнаго центрального кружка». Уставу этому, какъ показываетъ Похитоновъ, партія придавала такую важность,

что не рѣшалась его печатать, боясь огласки; единственный видимому, его экземпляръ найденъ былъ въ числѣ бумагъ Колодкевича при его арестѣ. Уставъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ 15-ти пунктовъ:

1) Центральный военный кружокъ, имѣя своею цѣлью полное политическое и экономическое освобожденіе народа, вполнѣ раздѣляетъ программу партіи «Народной Воли», отпечатанную въ 3 № ея органа.

2) Составляя развѣтвленіе существующей революціонной организации, кружокъ, какъ спеціально военный, ставитъ себѣ задачи: а) организовать въ войскѣ силу для активной борьбы съ правительствомъ и б) парализовать остальную часть войска, почему-либо неспособную къ активной борьбѣ.

3) Въ предѣлахъ программы, центральный кружокъ безусловно подчиняется рѣшенію Исполнительнаго Комитета, оставляя за собой право совѣщательнаго голоса: а) при начертаніи политики партіи на слѣдующій періодъ, б) во всѣхъ случаяхъ, когда исполненіе возлагается на военную организацію.

Примѣчаніе. Отдѣльные члены военной организаціи имѣютъ право самостоятельно, безъ совѣщанія съ кружкомъ, принять предложеніе Исполнительнаго Комитета.

4) При измѣненіи программы военная организація имѣетъ рѣшающій голосъ.

5) Условія вступленія въ центральный кружокъ: сознательный и дѣятельный социалистъ-революционеръ.

6) Для приѣма въ члены требуется единогласное рѣшеніе кружка и согласіе Исполнительнаго Комитета.

7) Членъ обязывается ставить интересы партіи выше всѣхъ другихъ.

8) Рѣшенія кружка постановляются большинствомъ $\frac{1}{3}$ голосовъ.

9) Выходъ члена центрального кружка изъ организаціи партіи безусловно воспрещается.

10) Выходъ его изъ центрального военного кружка допускается лишь съ согласія Исполнительнаго Комитета и единогласнаго рѣшенія самого кружка.

11) Агенты Исполнительнаго Комитета могутъ входить въ центральный кружокъ: а) какъ постоянные его члены со всѣми правами и обязанностями члена кружка и б) какъ временно прикомандированные съ голосомъ совѣщательнымъ по текущимъ дѣламъ кружка и голосомъ рѣшающимъ за Исполнительный Комитетъ.

12) Рѣшеніе кружка во всѣхъ дѣлахъ для члена обязательно.

13) Центральный военный кружокъ вѣдаетъ денежныя средства всей военной организаціи. Всѣ поступления отъ военной организаціи идутъ въ центральный кружокъ, при чемъ 75% передаются въ Исполнительный Комитетъ, а 25% остаются въ самостоятельное распоряженіе центрального кружка.

14) Центральный кружокъ избираетъ кассира, ведущаго отчетность.

15) Члены центрального военного кружка въ сношеніяхъ съ кружками военной организациі именуется «агентами центрального кружка».

Мѣсяца черезъ два послѣ образованія центральной группы число членовъ центрального военного кружка достигло 10—15 человекъ, а въ Петербургѣ и его окрестностяхъ составилось 7 кружковъ, число членовъ которыхъ, въ общей сложности, доходило до 50 человекъ. Въ составъ центрального кружка вошли артиллеристы: штабсъ-капитаны Дегаевъ и Похитоновъ, поручикъ Рогачевъ и подпоручикъ Панинъ; флотскіе офицеры: Буцевичъ, Завалишинъ и Дружининъ, а делегатами комитета по арестѣ Колодкевича и Желябова, — Савелій Златопольскій, Анна Корба и Вѣра Фигнеръ (Филлипова)¹⁾. Дѣятельность центрального военного кружка на первыхъ же порахъ его существованія ознаменовалась появленіемъ въ подпольной литературѣ, въ августѣ 1881 г. двухъ преступныхъ воззваній: а) «Къ офицерамъ русской арміи» и б) «Славному казачеству войска Донского, Уральскаго и пр. объявленіе Исполнительнаго Комитета». Оба эти возванія призывали офицеровъ присоединиться къ тайному обществу для защиты народа и, въ случаѣ открытаго возстанія, принять въ немъ участіе.

Въ составленіи и распространеніи названныхъ преступныхъ воззваній ближайшее участіе принимали, какъ оказывается, Савелій Златопольскій и Похитоновъ. По сему предмету этотъ послѣдній говоритъ въ своемъ показаніи слѣдующее:

«Воззваніе къ офицерамъ русской арміи Златопольскій читалъ мнѣ вчернѣ; съ редакціей его я не вполне былъ согласенъ, но такъ какъ своей не представилъ, то воззваніе было напечатано въ томъ видѣ, какъ его показывалъ мнѣ Златопольскій; когда воззванія были напечатаны, Златопольскій принесъ мнѣ цѣлую пачку, которую я распечаталъ, какъ путемъ личныхъ сношеній, такъ и по почтѣ».

Поѣздка агентовъ центрального военного кружка по Россіи. Около того же времени, лѣтомъ 1881 года, членами центрального военного кружка предприняты были поѣздки въ различныя мѣстности Имперіи для вербовки новыхъ членовъ въ военной средѣ. Лейтенантъ Буцевичъ, получившій служебную командировку въ Николаевъ, принялъ на себя организацию военныхъ кружковъ какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Одессѣ; туда же лѣтомъ отправилась Вѣра Фигнеръ. Анна Корба, лѣтомъ 1881 года, ѣздила въ Тифлисъ и положила начало Мингрельскому кружку. Дружининъ былъ въ Кіевѣ, но поѣздка его осталась безъ результатовъ. Успѣхъ дѣятельности Корба и Буцевича объясняется тѣмъ, что на Кавказѣ и въ Одессѣ почва для пропаганды среди военныхъ была подготовлена мѣстными дѣятелями. Дмитрій Петровъ находился уже ко времени

¹⁾ Изъ числа названныхъ членовъ кружка въ настоящее время Буцевичъ, Златопольскій и Корба отбываютъ наказанія, Фигнеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Завалишинъ, Панинъ, Дружининъ арестованы и привлечены къ дознанію, Дегаевъ разсыкается.

поѣздки Буцевича въ Одессу въ сношеніяхъ съ офицерами Крайскимъ, Стратановичемъ, Ашенбреннеромъ; этотъ послѣдній, будучи прикомандированъ къ 58-му Прагскому полку, расположенному въ Николаевѣ, перенесъ преступную пропаганду въ общество офицеровъ этого полка; на Кавказѣ поручикъ Антоновъ слѣдовалъ ввѣшеніямъ учителя Кипіани и литератора Чрелаева.

Пропаганда среди военныхъ на Кавказѣ. По приѣздѣ въ Тифлисъ Корба, она познакомилась съ Антоновымъ чрезъ Чрелаева и стала снабжать его изданіями «Народной Воли», которыя были передаваемы затѣмъ Антоновымъ для прочтенія нѣкоторымъ изъ товарищей по полку ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Корба предложила ему устроить кружокъ изъ офицеровъ полка, сочувствующихъ революціоннымъ идеямъ. Предложеніе это было принято Антоновымъ и передано товарищамъ. Для обсужденія цѣлей кружка и его организаціи состоялось нѣсколько сходокъ; на одной изъ нихъ, на квартирѣ поручика Липпомана, Корба, заявивъ, что она дѣйствуетъ по порученію «исполнительнаго комитета», познакомила присутствовавшихъ съ ходомъ противоправительственнаго движенія, выяснила имъ значеніе и цѣль «исполнительнаго комитета» и предложила образовать военный кружокъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ былъ бы обязанъ согласоваться съ программой комитета, тутъ же ею прочитанной собранію и организовать пожертвованія на цѣли тайнаго сообщества. Вслѣдъ за тѣмъ въ кружокъ мингрельцевъ былъ введенъ Анною Корба приѣзжіей въ Тифлисъ артиллерійскій офицеръ, отрекомендованный подъ фамиліей Кавелина ²⁾, и заявившій о своемъ присутствіи въ кружкѣ весьма туманными разсужденіями о социализмѣ. Уѣзжая осенью 1881 г. изъ Тифлиса, Корба поручила кружокъ военныхъ туземцу Григоріанцу, какъ лицу, который по ея отъѣздѣ долженъ былъ снабжать офицеровъ запрещенными изданіями и поддерживать связь ихъ съ ней, что тотъ и исполнилъ, собравъ при этомъ съ офицеровъ 100 руб., предназначавшихся на устройство тайной типографіи.

По приѣздѣ на Кавказъ весной 1882 г. Дегаева, послѣдній тотчасъ же сошелся съ Антоновымъ чрезъ княжну Шервашидзе, на состоявшейся по случаю его приѣзда сходкѣ предложилъ кружку программу дѣятельности, заключавшуюся въ полномъ подчиненіи «исполнительному комитету», въ собираніи статистическихъ свѣдѣній о составѣ воинскихъ частей извѣстныхъ мѣстностей, складахъ оружія и военныхъ запасахъ и въ вербованіи юнкеровъ и нижнихъ чиновъ, сочувствующихъ революціонному дѣлу. Тутъ же Дегаевъ разъяснилъ офицерамъ, что въ Петербургѣ существуетъ «высшій военный кружокъ», чрезъ который остальные военные кружки сносятся съ комитетомъ, не имѣя къ этому послѣднему

¹⁾ Анисимову, Циціанову, Держановскому, Липпоману, Алиханову и Макухидзе.

²⁾ По указаніямъ Антонова были произведены розыски этого офицера, и онъ оказался поручикомъ Карсо-Александровольской крѣпостной артиллеріи Шенелевымъ. Шенелевъ арестованъ и привлеченъ къ тифлисскому дознанію.

непосредственнаго отношенія, и что подчиненіе Тифлисскаго военнаго кружка «Петербургскому высшему кружку» является, для пользы дѣла безусловно необходимымъ. Дегаевъ поддерживалъ сношенія съ членами военнаго кружка въ теченіе лѣта 1882 г. и, передавъ имъ листки для сбора пожертвованій въ пользу «Краснаго Креста Народной Воли», устроилъ ежемѣсячныя вычеты изъ жалованья съ каждаго члена кружка, а передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса въ сентябрѣ 1882 года, познакомилъ Антонова съ Еленою Ивановною Дубенскою, т. е. съ Галиною Чернявскою. Чернявская, хотя продолжала видѣться съ Антоновымъ вплоть до его ареста, принимала, однако, относительно небольшое участіе въ дѣлахъ военнаго кружка, такъ какъ пріѣзжала въ Тифлисъ, какъ это установлено дознаніемъ, съ специальнымъ порученіемъ руководить ограбленіемъ Горійскаго казначейства и пользовалась мѣстными революціонными элементами лишь настолько, насколько это было ей необходимо для успѣха указаннаго предпріятія.

Одесскій кружокъ. Сношенія подполковника Ашенбренера, штабсъ-капитана Крайскаго и подпоручика Стратановича съ упомянутымъ Дмитріемъ Петровымъ относятся къ началу 1881 г., чрезъ Петрова же лица эти познакомились съ Вѣрой Фигнеръ (Филиповой), а впослѣдствіи и съ Буцевичемъ, пріѣхавшимъ, по словамъ Крайскаго, осенью 1881 г. При первомъ же свиданіи Буцевичъ заявилъ Крайскому, что одного празднаго сочувствія противоправительственному движенію недостаточно, что необходимо такъ или иначе выразить свою дѣятельность, что военные могутъ принять участіе въ движеніи въ формѣ кружковъ, на какихъ бы то ни было началахъ, что изъ такихъ кружковъ будутъ выдѣляться люди, могущіе принять на себя болѣе серьезныя обязательства, кружокъ же первоначально могъ бы быть составленъ изъ самаго незначительнаго числа лицъ, которое, несомнѣнно, увеличится при развитіи дѣятельности кружка. Принявъ предложеніе организовать кружокъ, Крайскій пригласилъ принять въ немъ участіе поручиковъ Люблинскаго полка Каменскаго и Мураневича; въ согласіи подпоручика Стратановича, бывшаго въ это время въ отсутствіи изъ Одессы, Крайскій не сомнѣвался, такъ какъ Стратановичъ самъ раньше высказывалъ мысль о необходимости кружка и впередъ изъявилъ согласіе принять въ немъ участіе, если бы таковой составился. Мураневичъ, впрочемъ, изъявившій сначала согласіе, на свиданіе не пришелъ и затѣмъ отказался отъ участія въ кружкѣ. «Такимъ образомъ,—говоритъ Крайскій въ своемъ показаніи,—кружокъ составился изъ 3-хъ лицъ: меня, Стратановича и Каменскаго, на слѣдующихъ началахъ: кружокъ призналъ солидарность съ программой партіи «Народной Воли», которую изложилъ Буцевичъ; кружокъ принялъ обязательство увеличивать число своихъ членовъ путемъ пропаганды среди офицеровъ, и каждый членъ кружка обязался ежемѣсячно дѣлать извѣстный денежный взносъ, въ размѣрѣ по желанію, на разныя могущія встрѣтиться надобности; одно изъ лицъ кружка должно было хранить эти

взносы и вообще состоять въ связи съ статскими; обязанность эту принялъ на себя я, приэтомъ Буцевичъ показалъ мнѣ употребленіе шифра и далъ кусокъ-ціанистаго кали; письма, въ случаѣ надобности, я долженъ былъ писать на его имя».

Николаевскій кружокъ. Еще ранѣе приѣзда въ Одессу, Буцевичъ, лѣтомъ 1881 года, находясь по дѣламъ службы въ Николаевѣ, былъ занятъ устройствомъ военнаго кружка въ этомъ городѣ изъ офицеровъ 58-го Прагскаго полка, въ которомъ, по словамъ штабс-капитана Талапиндова, къ этому времени уже было нѣсколько человѣкъ, начавшихъ, подъ вліяніемъ прикомандированнаго къ полку подполковника Ашенбреннера, сочувственно относиться къ противоположному движенію. Квартира Ашенбреннера, проживавшаго вмѣстѣ съ офицерами Прагскаго полка Маймескуловымъ и Мицкевичемъ, служившая сначала мѣстомъ сборищъ для кутежей, мало-по-малу превращена была хозяиномъ въ мѣсто собраній для разсужденій и споровъ по разнымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ, а затѣмъ и открытой пропаганды социалистическихъ воззрѣній. Кромѣ Ашенбреннера, Маймескулова и Мицкевича, квартиру эту посѣщали и принимали участіе въ предсудительныхъ разговорахъ штабс-капитанъ Талапиндовъ и подпоручики Кирьяковъ и Успенскій. Считая офицеровъ достаточно подготовленными, Ашенбреннеръ началъ затѣмъ снабжать ихъ изданіями «Народной Воли» и другими сочиненіями запрещенной литературы и завелъ особую квартиру для сборищъ сочувствующихъ противоположному движенію, на средства, которыя должны были получаться путемъ вычетовъ изъ жалованья названныхъ офицеровъ. По приѣздѣ Буцевича, онъ, по словамъ Талапиндова, «прямо обратился къ Ашенбреннеру и черезъ него познакомился со всѣми нами». Знакомство это произошло на указанной конспиративной квартирѣ, куда его привелъ Ашенбреннеръ. «Буцевича,—говоритъ Талапиндовъ,—какъ видно, очень занималъ вопросъ объ организаціи военныхъ кружковъ. До его приѣзда нашъ кружокъ существовалъ безъ опредѣленной программы, цѣли. Буцевичъ же предложилъ намъ выработать конституцію нашего кружка, т. е. изложить на бумагѣ, кто и въ какой степени готовъ принять участіе въ дѣлахъ революціонной партіи. Конституція эта тутъ же была выработана подъ его руководствомъ. Помню, что въ ней было сказано, что мы раздѣляемъ программу исполнительнаго комитета, была установлена степень подчиненности центру, опредѣленъ былъ порядокъ рѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ кружкѣ, а также предложеній, которыя въ будущемъ можетъ сдѣлать центръ, установлена норма числа членовъ, могущихъ составить кружокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражена была степень готовности каждаго изъ насъ участвовать въ дѣлахъ партіи». Во время пребыванія Буцевича въ Николаевѣ, туда же приѣзжала и «Елена Ивановна» (Вѣра Фигнеръ) и также нѣсколько разъ была на «конспиративной» квартирѣ.

Результатъ поѣздокъ членовъ центральнаго военнаго кружка,

такимъ образомъ, оказался успѣшнымъ. Помимо организаціи кружковъ въ названныхъ выше мѣстностяхъ, поѣздки эти, по словамъ поручика Рогачева, имѣли еще значеніе потому, что дали «центру» массу указаній на офицеровъ, готовыхъ вступить въ члены партіи (на основаніи этихъ указаній были составлены особые списки «офицерамъ-кандидатамъ»), и выяснили вообще, что военная среда представляется удобною для преступной пропаганды. Съ этого времени изъ многихъ военныхъ частей предъявляются требованія на постоянное полученіе запрещенныхъ изданій, и во многихъ мѣстахъ высказывается потребность въ изданіи спеціального военного органа. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, центральный военный кружокъ рѣшилъ принять слѣдующія мѣры: въ наиболѣе важныхъ городахъ основать *окружные* кружки съ тѣми же обязанностями, въ отношеніи своихъ мѣстностей, какія центральный кружокъ имѣлъ относительно всей Россіи, затѣмъ предполагалось открыть особую типографію для изданія военного журнала и брошюръ, установить періодическія командировки агентовъ центральныхъ кружковъ, наконецъ, устраивать переводы офицеровъ изъ одной мѣстности въ другую сообразно потребностямъ. На выполненіе всѣхъ этихъ мѣръ потребовалась значительная сумма денегъ, которая и была потребована отъ комитета. «Между тѣмъ,—говоритъ Рогачевъ,—дѣла комитета сильно пошатнулись, люди, подвизавшіеся на революціонномъ поприщѣ 8—10 лѣтъ, почти всѣ были арестованы, вновь вступившіе членами въ комитетъ, на пополненіе убыли, еще не приобрѣли необходимой опытности; находясь въ такомъ положеніи, комитетъ предложилъ центральному военному кружку прекратить на время свою дѣятельность, выждавъ, пока дѣла центра поправятся». Это было, по мнѣнію комитета, тѣмъ болѣе необходимо, что аресты коснулись уже войска, и дальнѣйшая рѣшительная дѣятельность въ семъ направленіи могла привлечь все вниманіе полиціи на военную организацію.

Аресты офицеровъ. Таково было положеніе, въ которомъ застали преступную военную организацію распоряженія объ арестѣ тѣхъ членовъ ея, на коихъ имѣлись указанія. Аресты эти за время съ 1-го января по 1-е іюля сего года были произведены въ слѣдующей постепенности:

Въ Тифлисѣ арестованы:

12-го января, 16-го Мингрельскаго гренадерскаго полка: капитанъ Макухинъ, штабсъ-капитаны Держановскій и Липпоманъ, поручики: Антоновъ, Алихановъ и Циціановъ.

4-го марта, того же полка штабсъ-капитанъ Вачнадзе и поручикъ Митникъ.

Въ Кіевѣ:

20-го марта, 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Тихановичъ.

Въ Смоленскѣ:

29-го марта, подполковникъ 59-го Люблинскаго пѣхотнаго полка Ашенбреннеръ,

Въ г. Кобелякахъ, Полтавской губ.:

31-го марта, штабсъ-капитанъ 9-й Артиллерійской бригады Похитоновъ.

Въ Одессѣ:

2-го апрѣля, 59-го Люблинскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Крайскій, поручикъ Стратановичъ.

Въ Москвѣ:

4-го апрѣля, поручикъ 28-й Артиллерійской бригады Рогачевъ.

Въ Кронштадтѣ:

4-го апрѣля, 7-го флотскаго экипажа лейтенантъ Купріановъ. Кронштадтской Крѣпостной Артиллеріи подпоручикъ Алексѣй Прокофьевъ и братъ его, корпуса флотскихъ штурмановъ поручикъ Александръ Прокофьевъ.

Въ Александрополѣ:

26-го апрѣля, Карсо-Александропольской крѣпостной артиллеріи поручикъ Шепелевъ.

(Дальнѣйшіе аресты офицеровъ, по даннымъ, выяснившимся дознаніемъ, произведены въ іюлѣ мѣсяцѣ, и свѣдѣнія о нихъ отчасти изложены въ приложеніи къ сей главѣ обзора, частью будутъ помѣщены въ слѣдующемъ обзорѣ).

«Изъ числа арестованныхъ офицеровъ какъ по характеру дѣятельности, такъ по значенію, которымъ они пользовались въ средѣ тайнаго преступнаго сообщества, несомнѣнно, выдѣляются: Похитоновъ, Рогачевъ и Ашенбреннеръ. Имѣя постоянныя и близкія сношенія съ руководящими членами преступнаго сообщества, они въ послѣднее время намѣчались, какъ лица, на коихъ предполагалось возложить отвѣтственныя порученія и организацию отдѣльныхъ предпріятій. Дѣятельность первыхъ двухъ вполнѣ выясняется данными ими подробными и откровенными показаніями, подтверждаемыми прочими обстоятельствами дѣла. Что же касается Ашенбреннера, то онъ призналъ лишь принадлежность свою къ «соціально-революціонной партіи», заявивъ, что вступилъ въ тайное сообщество въ теченіе 1882 г. вслѣдствіе личныхъ убѣжденій, которыя склады-

вались у него мало-по-малу въ теченіе многихъ лѣтъ. Руководясь тѣми же убѣжденіями, онъ, минувшей осенью взявъ 11-ти мѣсячный отпускъ и пріѣхавъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы ближе познакомиться съ членами партіи, завязать съ ними сношенія, а затѣмъ, выйдя въ отставку, окончательно посвятить себя революціонной дѣятельности. Показаніе это не вполнѣ точно: знакомство Ашенбреннера съ Петровымъ и Фигнеръ, по даннымъ дознанія, относится къ веснѣ 1881 г., и въ томъ же году Ашенбреннеръ уже положилъ начало Николаевскому военному кружку.

Показаніе Похитонова. Сношенія Похитонова съ преступнымъ сообществомъ начинаются съ конца 1880 г., когда онъ, находясь въ Артиллерійской Академіи, встрѣтился съ товарищемъ своимъ по Артиллерійскому училищу Дегаевымъ и принялъ предложеніе этого послѣдняго вступить въ ряды тайнаго сообщества. Разъясняя Похитонову цѣль дѣятельности партіи и средства къ ея достиженію, Дегаевъ указывалъ на необходимость революціонной организаціи въ войскѣ, дабы лишить въ извѣстный моментъ правительство опоры въ борьбѣ его съ революціонными элементами. Такая организація, по словамъ Дегаева, въ то время уже начала осуществляться, и съ членомъ ея Дегаевъ познакомилъ Похитонова въ лицѣ лейтенанта Суханова. Убѣжденія этого послѣдняго окончательно повлияли на Похитонова, и онъ согласился примкнуть къ военной организаціи тайнаго преступнаго сообщества. Сухановъ познакомилъ Похитонова съ уставомъ военной организаціи и ввелъ его въ теченіе зимы 1880—81 гг. въ революціонную среду, гдѣ онъ встрѣчалъ Вѣру Фигнеръ, Перовскую, Фроленко, Анну Корба и Буцевича; этого послѣдняго, впрочемъ, Похитоновъ видѣлъ еще ранѣе у своего знакомаго, капитана Савельева. По арестѣ весной 1881 г. Суханова и Дегаева и по отъѣздѣ около того же времени Буцевича на югъ, Похитоновъ вступилъ въ сношенія съ Савелиемъ, Златопольскимъ, и съ этого времени дѣятельность его перешла уже на практическую почву. По собственному его сознанію, онъ въ это время, получая отъ Златопольскаго различныя указанія, велъ революціонную пропаганду между офицерами, преимущественно товарищами по Академіи, и распространялъ преступныя изданія. Съ цѣлью имѣть квартиру для свиданій Златопольскій познакомилъ Похитонова осенью 1881 г. съ врачомъ Мартыновымъ, а на квартирѣ этого послѣдняго Похитоновъ встрѣчался съ Стефановичемъ, Зинаидой Зацѣпиной, сестрой ея Надеждой Якимовой и Теллаловымъ.

Вслѣдъ за арестомъ Теллалова и Мартынова, у Похитонова въ декабрѣ 1881 г. произведенъ былъ обыскъ, и онъ, въ интересахъ тайнаго сообщества, временно устранился отъ всякихъ дѣлъ и свиданій. Положеніе это однако продолжалось не долго: вернувшійся въ началѣ февраля изъ поѣздки Буцевичъ возобновилъ сношенія съ Похитоновымъ и свелъ его съ Грачевскимъ.

Въ маѣ 1882 г., по окончаніи Академіи, Похитоновъ уѣхалъ сначала на Кавказъ лѣчиться, а затѣмъ къ мѣсту расположенія

бригады, въ г. Кобеляки, Полтавской губ. Хотя для возобновленія сношеній по приѣздѣ въ этотъ городъ, Буцевичъ далъ Похитонову адресъ въ Петербургъ, но Похитоновъ имъ не воспользовался, такъ какъ узналъ въ Кобелякахъ объ арестѣ Буцевича, Грачевскаго, Корба и др.

Въ началѣ ноября въ Кобеляки приѣхалъ Дегаевъ; цѣль его приѣзда, какъ онъ объяснилъ Похитонову, заключалась въ томъ, чтобы точно узнать мѣстопребываніе этого послѣдняго и завязать съ нимъ сношенія; Дегаевъ, кромѣ того, сообщилъ ему, что Вѣра Фигнеръ находится въ Харьковѣ, и что, въ случаѣ надобности его видѣть, онъ пришлетъ ему условную телеграмму. Недѣли черезъ двѣ такая телеграмма была получена, и Похитоновъ отправился въ Харьковъ, гдѣ его на вокзалѣ встрѣтилъ Дегаевъ, пришедшій затѣмъ къ нему вечеромъ съ Вѣрою Фигнеръ и какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ. Фигнеръ тотчасъ же приступила къ дѣловому разговору и, находя, что пребываніе Похитонova въ глуши невыгодно для революціонной партіи, убѣждала его выйти въ отставку, чтобы всецѣло посвятить себя преступной дѣятельности или же перейти на службу въ одинъ изъ революціонныхъ центровъ, дабы стать въ болѣе близкія отношенія къ партіи и расширить, насколько возможно, преступную пропаганду въ средѣ военныхъ. Фигнеръ посѣтила Похитонova нѣсколько разъ и на послѣднемъ свиданіи, снабдивъ деньгами для уплаты въ гостиницѣ, дала адресъ для писемъ. Рѣшительнаго отвѣта на сдѣланное ему предложеніе Похитоновъ не далъ, сказавъ, что подумаетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, возвращаясь въ началѣ января сего года изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ по семейнымъ дѣламъ, онъ вновь видѣлся съ Фигнеръ, былъ у нея на квартирѣ и узналъ отъ нея, что устроенная въ Одессѣ тайная типографія обнаружена, и что завѣдывавшій ею Дегаевъ арестованъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено, что Похитоновъ, возвратившись въ Кобеляки, тотчасъ же возьметъ четырехмѣсячный отпускъ и приѣдетъ въ Харьковъ; отпускъ, однако, разрѣшенъ не былъ, о чемъ Похитоновъ увѣдомилъ Фигнеръ и въ отвѣтъ получилъ письмо, въ которомъ она увѣдомила, что Дегаеву удалось бѣжать изъ-подъ стражи. Вскорѣ затѣмъ состоялся арестъ Похитонova. Здѣсь необходимо указать, что найденная въ концѣ 1881 года у Теллалова при его арестѣ записка о приготовленіи ракетъ была писана Похитоновымъ, который объяснилъ, что составлялъ ее по просьбѣ Златопольскаго, интересовавшагося возможностью примѣненія ракетъ къ революціоннымъ цѣлямъ.

Показаніе Рогачева. Весною 1881 г. Похитоновъ, проживая въ С.-Петербургѣ, имѣлъ ближайшія отношенія съ поручикомъ Рогачевымъ. Подробности этихъ отношеній изложены въ показаніи поручика Рогачева. Знакомство Рогачева съ революціонерами началось еще въ 1874 г., когда принадлежавшій уже къ числу агитаторовъ братъ его Дмитрій (впослѣдствіи осужденъ въ каторжныя работы) приѣхалъ изъ Петербурга въ Орелъ, и старался возбудить въ немъ интересъ къ социальнымъ вопросамъ и къ социальной

литературѣ. Приѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ для поступленія въ Павловское училище, Рогачевъ встрѣтился съ товарищемъ своимъ по Орловской гимназіи Баранниковымъ, который ввелъ его на студенческія сходки и снабжалъ разными подпольными изданіями. Въ маѣ 1876 г. прибылъ въ Петербургъ братъ Рогачева Дмитрій. При свиданіи съ нимъ Николай Рогачевъ познакомился съ присутствовавшими при этомъ Желябовымъ и Вѣрою Фигнеръ. Дмитрій Рогачевъ, однако, былъ вскорѣ арестованъ, а Николай Рогачевъ, произведенный въ офицеры, уѣхалъ домой, а затѣмъ въ мѣсто расположенія бригады. Въ концѣ 1880 г., вернувшись въ Петербургъ для приисканія какого-либо другаго рода службы, Рогачевъ вновь встрѣтился съ Баранниковымъ. Съ этого времени сношенія его съ членами преступнаго сообщества возобновляются: Баранниковъ познакомилъ его съ Колодкевичемъ, отрекомендовавшимся подъ именемъ «Глѣба Николаевича», и Савелиемъ Златопольскимъ,—который назвался именемъ «Филиппа Даниловича» (подъ этимъ же именемъ Златопольскій былъ извѣстенъ и Похитонову). Всѣ трое часто посѣщали Рогачева, давали ему изданія «Народной Воли», «программу» Исполнительнаго Комитета, и разныя другія подпольныя изданія, а во время разговоровъ доказывали несостоятельность существующаго государственнаго строя, необходимость и полезность насильственныхъ дѣйствій со стороны партіи и пр. Въ январѣ 1881 г. Рогачевъ командированъ былъ по службѣ въ Гельсингфорсъ, гдѣ и пробылъ около 3-хъ мѣсяцевъ. Возвратившись весной въ Петербургъ, онъ встрѣтился съ знакомымъ ему раньше поручикомъ артиллеріи Похитоновымъ, находившимся тогда въ Академіи, и поселился съ нимъ на одной квартирѣ, гдѣ и проживалъ до конца мая мѣсяца, а затѣмъ опять уѣхалъ на службу въ 28-ю бригаду, расположенную въ виленскомъ военномъ округѣ. Осенью 1882 г. Рогачевъ получилъ отъ Похитонова письмо, въ коемъ этотъ послѣдній просилъ его непременно приѣхать въ Кобеляки.

«Какъ только явилась возможность взять отпускъ,—говоритъ Рогачевъ въ своемъ показаніи,—я отправился въ означенный городъ. Похитоновъ сообщилъ мнѣ, что Фигнеръ желаетъ меня видѣть, и если я ничего не имѣю противъ этого, то долженъ ѣхать въ Полтаву и тамъ ждать ее. Мнѣ была указана гостиница, гдѣ остановиться, и на другой день я уѣхалъ въ Полтаву. Черезъ день туда же приѣхала Фигнеръ. Дня два или три я прожилъ въ Полтавѣ, и каждый день мы встрѣчались, при чемъ просиживали по нѣсколькимъ часамъ у меня въ номерѣ. Результатъ этихъ свиданій былъ тотъ, что я согласился выйти въ отставку и вступить въ партію въ качествѣ активнаго члена».

Намѣренія этого Рогачеву осуществить не пришлось, такъ какъ 4-го апрѣля сего года онъ былъ арестованъ.

Для полноты изложенія результатовъ дознанія о преступной дѣятельности лицъ военнаго званія необходимо коснуться основаній привлеченія къ нему подпоручика Тихановича.

Арестъ подпоручика Тихановича въ Кіевѣ и его показаніе. Въ ночь

на 17-е августа 1882 г. изъ Кіевскаго тюремнаго замка бѣжалъ политическій арестантъ Василій Ивановъ ¹⁾, привлеченный къ дознанію, производимому покойнымъ генераль-майоромъ Стрѣльниковымъ. Подозрѣніе въ способствованіи побѣгу означеннаго арестанта пало на двухъ надзирателей тюремнаго замка, которые вслѣдствіе этого и были по этому дѣлу присуждены военно-окружнымъ судомъ въ каторжные работы. Между тѣмъ въ послѣдствіи были получены указанія, что побѣгъ совершенъ при содѣйствіи бывшаго въ этотъ день караульнымъ офицеромъ въ тюремномъ замкѣ, подпоручика 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка Тихановича. На первомъ же допросѣ, Тихановичъ показалъ: «Государственнаго преступника Василя Иванова, содержавшагося въ Кіевской тюрьмѣ и бѣвшаго въ ту ночь, когда я былъ въ караулѣ, выпустилъ изъ тюрьмы лично я, безъ всякаго посторонняго участія; побудительной причиной этого поступка было мое давнишнее знакомство съ Ивановымъ».

Изъ дальнѣйшаго показанія Тихановича видно, что бывший студентъ Кіевскаго Университета Василій Ивановъ, съ которымъ онъ познакомился за нѣсколько мѣсяцевъ до своего ареста, часто посѣщая Тихановича, приносилъ ему для чтенія разныя революціонныя изданія и познакомилъ его съ какой-то барышней, называвшейся «Антониной Николаевной». Эта послѣдняя также часто навѣщала Тихановича. Изъ разговоровъ съ ней Тихановичъ убѣдился, что она, подобно Иванову, принадлежитъ къ революціонной партіи. По арестѣ Иванова, Тихановичъ встрѣтился съ нимъ въ тюрьмѣ, въ первый же разъ, когда былъ въ караулѣ, имѣлъ возможность разговаривать съ нимъ, и подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, а также личнаго расположенія къ Иванову, рѣшился освободить его при первой возможности. Продолжая видѣться съ Антониной Николаевной, которая часто къ нему заходила, Тихановичъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи, а въ послѣдствіи указалъ и ночь, въ которую планъ освобожденія долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Со времени ареста Иванова и до его побѣга, Тихановичъ былъ въ караулѣ въ тюрьмѣ четыре раза и каждый разъ ночью, пользуясь отсутствіемъ внутренняго военнаго караула, говорилъ съ Ивановымъ чрезъ двери камеры и обсуждалъ съ нимъ планъ освобожденія.

Этотъ послѣдній, по словамъ Тихановича, состоялъ въ слѣдующемъ: «Ивановъ долженъ былъ разобрать въ своей камерѣ часть печки, прилежавшей къ корриду и такимъ образомъ выйти. Во время этой работы у него на окнѣ долженъ былъ горѣть ночникъ, который Ивановъ, при окончаніи работы, долженъ былъ потушить. Я же долженъ былъ наблюдать за окномъ камеры изъ офицерской комнаты. Побѣгъ былъ рѣшенъ въ ночь на 17-е августа: прийдя 16-го въ караулъ, я принесъ съ собою купленные мною для Иванова пиджакъ и фуражку, затѣмъ разсчиталъ смѣны караула такъ, чтобы къ 3-мъ часамъ ночи въ караулѣ никакихъ служебныхъ

¹⁾ Былъ извѣстенъ въ преступномъ сообществѣ подъ именемъ „Митрофана“.

передвиженій не было. Такимъ образомъ, когда ночникъ у Иванова, согласно условію, былъ потушенъ, послѣдняя смѣна стояла на часахъ, и на дворѣ ни солдатъ, ни сторожей не было. Пройдя изъ офицерской комнаты въ корридоръ тюрьмы, я встрѣтилъ тамъ Иванова, выѣзшаго чрезъ сдѣланное имъ отверстіе въ печкѣ, передалъ ему заготовленное для него платье и, когда онъ его надѣлъ, вывелъ Иванова на караульный дворикъ, поставилъ его тамъ за будку. Увидавъ часового, я послалъ его на правый фасъ, подъ предлогомъ узнать, не спитъ ли тамъ часовой, а самъ, отворивъ калитку, вывелъ Иванова, который и пошелъ по направленію къ большой житомирской дорогѣ. Послѣ этого я Иванова больше не видѣлъ».

Затѣмъ Тихановичъ имѣлъ еще нѣсколько свиданій съ продолжавшей его посѣщать Антониной Николаевной и спрашивалъ ее о судьбѣ Иванова, но она отъ отвѣта уклонилась и вскорѣ исчезла изъ Кіева; впоследствии, въ февралѣ сего года, Тихановичъ отъ кого-то слышалъ, что Антонина Николаевна арестована на рождественскихъ праздникахъ 1882 г. въ Москвѣ. По предъявленіи Тихановичу фотографической карточки арестованной 13-го января сего года въ Москвѣ, священнической дочери Софіи Васильевой Никитиной ¹⁾, онъ призналъ въ ней упоминаемую имъ Антонину Николаевну. Допрошенная по сему Никитина подтвердила показаніе Тихановича относительно знакомства его съ ней, какъ съ Антониной Николаевной».

Вторая сводка относилась, какъ уже сказано, къ даннымъ дознанія, добытымъ жандармами за время съ 1 іюня 1883 по 1 января 1884 года.

II.

Сводка эта, нѣсколько повторяя предыдущую, но въ то же время и внося много вновь добытыхъ жандармами данныхъ, гласитъ слѣдующее:

«Дознаніе, произведенное генераль-майоромъ Середою, и откровенныя показанія лицъ, привлеченныхъ имъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, дали нынѣ возможность значительно дополнить, изложенныя въ предыдущемъ обзорѣ свѣдѣнія о возникновеніи и дѣятельности той отрасли народовольческаго сообщества, которая сдѣлалась извѣстною подъ названіемъ «военной организациі» и изобразить ходъ и послѣдовательное развитіе ея въ точномъ, хронологическомъ, порядкѣ.

Начало народовольческой организациі среди военныхъ должно быть отнесено къ веснѣ 1880 г., когда, по инициативѣ и подъ руководствомъ старыхъ членовъ партіи «Народной Воли» Желябова и Колодкевича, возникъ въ С.-Петербургѣ «Центральный, или главный военный кружокъ», въ который, кромѣ вышеозначенныхъ лицъ,

¹⁾ Проживала въ Москвѣ по подложному свидѣтельству на имя Протасовой.

вошли членами: Сухановъ, Штромбергъ и Рогачевъ¹⁾. Тогда же былъ выработанъ уставъ этого кружка, черновой набросокъ котораго былъ найденъ въ числѣ бумагъ Колоткевича, при задержаніи послѣдняго 14-го января 1881 года, и напечатанъ въ предыдущемъ Обзорѣ; подлинность его засвидѣтельствована показаніемъ члена этого кружка, офицера Папина²⁾.

Для обсуждения способовъ приведенія въ исполненіе, предполагаемой этимъ уставомъ, военной организациі, члены Центрального военного кружка собирались регулярно, по два раза въ недѣлю, на квартирѣ Суханова, куда также, по вечерамъ, иногда были приглашаемы нѣкоторые изъ товарищей этого послѣдняго, передъ которыми Сухановъ и Желябовъ, въ страстныхъ рѣчахъ, увлекавшихъ слушателей, развивали свои взгляды на современное экономическое положеніе и указывали на необходимость борьбы для того, чтобы устранить лежачій, по ихъ словамъ, на обществѣ правительственный гнетъ, говорили объ обязанностяхъ образованныхъ классовъ придти на помощь простому народу и, въ концѣ концовъ, доказывали, что слѣдуетъ соединиться съ партией «Народной Воли» въ виду безусловной справедливости преслѣдуемыхъ ею цѣлей. Путемъ подобныхъ собраній, мало-по-малу, устанавливалась связь, посѣщавшихъ квартиры Суханова и Люстига офицеровъ съ членами террористической шайки, которые, зимою 1880 — 1881 г., съѣхались въ Петербургъ въ полномъ составѣ. Офицеры эти были: Завалишинъ, Александръ Прокофьевъ, Гласко, Серебряковъ, Дружининъ, Папинъ, Чижовъ, Рогачевъ, Похитоновъ³⁾ и нѣкоторые другіе, степень участія коихъ въ дѣятельности военной организациі,

¹⁾ *Штромбергъ*, баронъ Александръ, сынъ землевладѣльца Курляндской губерніи, родился въ 1854 году, воспитывался въ Морскомъ училищѣ на казенный счетъ и окончилъ въ немъ курсъ въ 1875 г.; въ 1881 г. служилъ лейтенантомъ въ 3-мъ Балтійскомъ экипажѣ. Въ томъ же году сосланъ въ Восточную Сибирь по обвиненію въ государственномъ преступленіи. (Въ 1883 г. Штромбергъ былъ привезенъ изъ Сибири, привлеченъ къ дѣлу о военно-революціонной организациі, осужденъ по процессу Фигнеръ и повѣшенъ вмѣстѣ съ Рогачевымъ въ Шлиссельбургѣ 10 октября 1884 года. *Ред.*).

Рогачевъ, Николай, дворянинъ, сынъ землевладѣльца Орловской губ., родился въ 1856 году; воспитывался въ Орловской военной гимназіи, а по окончаніи въ ней курса въ 1874 году поступилъ въ Павловское военное училище, откуда вышелъ въ офицеры по 1-му разряду въ 1876 году подпоручикомъ въ 28 артиллерійскую бригаду; братъ его Дмитрій Рогачевъ—государственный преступникъ, присужденный въ 1878 году къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу.

²⁾ *Папинъ*, Василій, сынъ губернскаго секретаря, родился въ гор. Тюмени въ 1855 году; воспитывался въ Тобольской классической гимназіи и, по окончаніи въ ней курса въ 1873 году, поступилъ на физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, но черезъ годъ вышелъ изъ него, не окончивъ курса; въ 1874 году былъ арестованъ и привлеченъ къ дознанію о социальнo-революціонной пропагандѣ въ Имперіи, а съ 1875 года освобожденъ изъ-подъ стражи и отданъ подъ надзоръ полиціи; по разрѣшеніи дѣла, содержаніе подъ стражей вмѣнено ему въ наказаніе, и за нимъ учреждено негласное наблюденіе; поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерію и вскорѣ произведенъ въ офицеры. Братъ его Иванъ въ 1874 году сосланъ за государственное преступленіе въ каторжную работу.

³⁾ *Дружининъ*, Владиміръ, сынъ коллежскаго ассесора, родился въ 1860 году; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и вышелъ изъ него въ 1879 году гардемаринъ.

въ настоящее время, подлежитъ еще выясненію. Всѣ они послужили кадромъ для незамедлившихъ, къ осени того же года, образоваться отдѣльныхъ военныхъ кружковъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ.

Въ Петербургѣ, по инициативѣ Дегаева и Папина, къ концу 1880 г. были образованы кружки въ артиллерійской академіи, въ который въ числѣ прочихъ вошли: Похитоновъ, Николаевъ, Дубинскій; въ Константиновскомъ военномъ училищѣ: изъ Котова, Элявы, Губаревича-Радобыльскаго и др. ²⁾, и наконецъ, оберъ-фейерверкерскій, основанный при посредствѣ оберъ-фейерверкера Богородскаго ³⁾ въ средѣ служившихъ на пороховыхъ заводахъ оберъ-фейерверкеровъ. Въ слѣдующемъ году, въ Петербургѣ же образовался кружокъ изъ офицеровъ разныхъ частей войскъ, извѣстный подъ именемъ «Сборнаго», къ коему принадлежали тотъ же Похитоновъ, Рогачевъ, Дмитрій Чижовъ, Константинъ Степуринъ и другіе.

Въ Кронштадтѣ, къ тому же времени, уже существовалъ самостоятельно образованный кружокъ изъ морскихъ офицеровъ и гардемариновъ, группировавшихся около мичмана Дружинина и собиравшихся въ его квартирѣ. Къ кружку этому, получившему свое начало еще въ 1878 году въ Морскомъ училищѣ, въ то время, когда въ немъ обучались нѣкоторые изъ его членовъ, принадлежали кромѣ Дружинина и его сожителей Скворцова ³⁾ и Балка ⁴⁾.

номъ; въ 1880 году произведенъ въ мичманы и съ 1881 г. состоялъ адъютантомъ 3-го флотскаго экипажа.

Завалишинъ, Теодоръ, дворянинъ Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, родился въ 1853 году; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и вышелъ изъ него въ 1874 г. гардемариномъ; въ 1875 г. произведенъ въ мичманы.

Серебряковъ, Эсперъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, правительственнаго инженера при С.-Петербургской Варшавской желѣзной дорогѣ; воспитывался въ Морскомъ училищѣ.

Чижовъ, Дмитрій, изъ духовнаго званія, уроженецъ Тамбовской губерніи, родился въ 1852 году; воспитывался въ 8-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ и въ 1875 году выпущенъ изъ него по 1 разряду прапорщикомъ въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерію.

Похитоновъ, Николай, дворянинъ Полтавской губерніи, сынъ генераль-майора, начальника артиллеріи гренадерскаго корпуса, родился въ г. Миргородѣ въ 1857 г., воспитывался въ Киевской военной гимназійи и съ 1874 г. въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ по 1-му разряду и выпущенъ въ 5-ю артиллерійскую бригаду въ 1876 году; въ іюнь 1879 года поступилъ въ артиллерійскую академію.

Гласко, Августъ, лейтенантъ 4-го флотскаго экипажа, привлечался въ 1881 г. къ дознанію по поводу знакомства съ государственнымъ преступникомъ, оставшимъ лейтенантомъ Николаемъ Сухановымъ, и, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ на службу въ Каспійскую флотилію, на станцію о-ва Ашурадзе.

¹⁾ *Дубинскій*, Андрей Николаевъ, штабъ-капитанъ артиллеріи, состоялъ на 2 курсѣ артиллерійской академіи; воспитывался въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ, но курса не окончилъ.

Элява, Давидъ, подпоручикъ Селенгискаго полка, воспитывался до поступленія въ Константиновское училище въ Воронежской гимназійи.

Николаевъ, Андрей Михайловичъ, есаулъ казачьей артиллеріи, сынъ генераль-майора.

²⁾ *Богородскій*, сынъ смотрителя Трубецкого бастиона Петропавловской крѣпости.

³⁾ *Скворцовъ*, Григорій Ивановъ, мичманъ 7-го флотскаго экипажа, былъ въ Екатеринославской гимназійи и поступилъ юнкеромъ во 2-й флотскій экипажъ.

⁴⁾ *Балка*, Александръ Александровъ, мичманъ 7-го флотскаго экипажа.

мичманъ Вырубовъ ¹⁾ и воспитанникъ Морскаго технического училища Иванъ Петровъ ²⁾, а также унтеръ-офицеръ Потихонинъ, оружейный мастеръ Вальтерсдорфъ и слесарь, отставной унтеръ-офицеръ Федоровъ ³⁾. Кружокъ этотъ, не имѣвшій еще пока связи съ Центральнымъ военнымъ кружкомъ, занимался, подъ руководствомъ Дружинина, чтеніемъ революціонныхъ изданій, которыя привозились изъ Петербурга мичманомъ Булановымъ и Лавровымъ и дѣятельною пропагандою между нижними чинами, слѣды которой уже усматривались изъ прежнихъ дознаній (дѣло Стемпневскаго и др.). Впослѣдствіи, за выходомъ Дружинина, перенесеннаго въ 1881 году свою дѣятельность въ среду Центрального военнаго кружка, первоначальный кронштадтскій кружокъ соединился съ тѣмъ сообществомъ, которое, будучи извѣстно подъ именемъ «Кронштадтскаго морскаго кружка», было образовано зимою 1880 года Сухановымъ и Штромбергомъ.

Первый составъ этого кружка былъ слѣдующій: Штромбергъ, Карабановичъ ⁴⁾, Серебряковъ и Завалишинъ. Впослѣдствіи къ нему примкнули лейтенанты: Разумовъ, Гласко, Добротворскій, мичманъ Скворцовъ, подпоручикъ Александръ Прокофьевъ ⁵⁾, и другія лица.

¹⁾ Вырубовъ, Сергій Александровъ, дворянинъ Владимірской губерніи, отставной мичманъ, родился въ 1858 г. Въ 1878 и 1879 гг., въ числѣ другихъ офицеровъ 8-го флотскаго экипажа, обратилъ на себя вниманіе начальства сношеніями съ членами преступнаго сообщества, снабжавшими упомянутыхъ офицеровъ запрещенными изданіями. По увольненію въ отставку, онъ, въ іюні 1880 г., вмѣстѣ съ Владиміромъ Луцкимъ и другими лицами, былъ привлеченъ къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи и въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, подчиненъ гласному надзору полиціи на 2 года. Впослѣдствіи были получены указанія, что Вырубовъ участвовалъ въ устройствѣ въ Москвѣ, типографіи революціонной газеты „Зерно“, а затѣмъ, совместно съ родственникомъ своимъ, сосланнымъ въ Сибирь Ахитоліемъ Булановымъ, агитировалъ въ средѣ рабочихъ, распространяя между ними вышеозначенную газету.

²⁾ Петровъ, Иванъ Ивановъ, родился въ 1861 г., въ настоящее время прапорщикъ Морской артиллеріи; въ январѣ 1882 г. на него пало подозрѣніе въ храненіи запрещенныхъ изданій, найденныхъ въ артиллерійскомъ классѣ; дознаніе прекращено по недостатку доказательствъ.

³⁾ Федоровъ, Василій, состоящій въ запасѣ флота унтеръ-офицеръ и Александръ Вальтерсдорфъ, рядовой, привлекались въ 1881 г. къ дознанію по дѣлу о просяхидившихъ въ квартирѣ Федорова преступныхъ сходкахъ офицеровъ, матросовъ и мастеровыхъ, занимавшихся чтеніемъ запрещенныхъ изданій. Дознаніе это дальнѣйшимъ производствомъ прекращено съ учрежденіемъ надъ Вальтерсдорфомъ негласнаго наблюденія въ теченіе 3-хъ лѣтъ и съ помѣщеніемъ Федорова, признаннаго страдающимъ психическимъ разстройствомъ, въ домъ умалишенныхъ. Потихонинъ лишилъ себя жизни.

⁴⁾ Карабановичъ, Антонъ Касперовъ, подпоручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, католикъ, воспитывался въ Техническомъ училищѣ морскаго вѣдомства, куда поступилъ изъ Виленской гимназіи; окончилъ курсъ въ 1880 г.

⁵⁾ Добротворскій, Леонидъ Федоровъ, лейтенантъ 6-го флотскаго экипажа, прикомандированъ къ учебному отдѣленію Морскаго Техническаго Комитета, воспитывался въ Морскомъ училищѣ.

Разумовъ, Иванъ Константиновъ, сынъ врача, лейтенантъ 6-го флотскаго экипажа; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и Академіи.

Прокофьевъ, Александръ Александровъ, подпоручикъ флотскихъ штурмановъ, воспитывался въ Штурманскомъ училищѣ.

Тотчасъ-же по образованіи этого кружка, лица, входившія первоначально въ его составъ, поѣхали въ одно изъ воскресеній въ Петербургъ и здѣсь были Сухановымъ представлены Желябову и Колодкевичу, какъ членамъ исполнительнаго комитета, познакомившимъ ихъ тогда-же съ различными фракціями революціонной партіи. (Чернаго Передѣла, Народной Воли и партіи Набата), и объяснившимъ существующую между ними разницу во взглядахъ.

Дѣятельность Кронштадтскаго морского кружка, на первое время, ограничивалась сходками, бывавшими разъ въ недѣлю на общей квартирѣ Завалишина, Штромберга и Суханова, на которой былъ выработанъ уставъ, впоследствии, однако, забракованный Сухановымъ, предложившимъ кружку принять составленную имъ программу, на что всѣ члены изъявили свое согласіе. Насколько, въ кружкѣ Дружинина, подготовкѣ и пропагандѣ путемъ чтенія революціонныхъ изданій придавалось большое значеніе, настолько же во вновь образованномъ морскомъ кружкѣ это признавалось излишнимъ, такъ какъ, по мнѣнію постоянного оратора кружка, Серебрякова, «дѣло и безъ чтенія представляется яснымъ, какъ день», вслѣдствіе этого члены кружка стали тяготиться отсутствіемъ всякой дѣятельности, и Центральному военному кружку представилась необходимость занять ихъ различными порученіями, которыя передавались изъ Петербурга при посредствѣ Суханова и Штромберга. Въ этихъ видахъ Разумову было представлено отвезти въ Москву запрещенныя изданія, что онъ и исполнилъ, совершивъ поѣздку на средства, полученныя имъ отъ своего кружка. Завалишину Сухановъ поручилъ доставить нѣсколько запаловъ, четыре штуки которыхъ тотъ получилъ безъ всякихъ затрудненій въ Минномъ классѣ, гдѣ онъ обучался въ то время. Въ началѣ 1881 г. Карабановичъ былъ командированъ въ Петербургъ на засѣданіе Центральнаго военнаго кружка, на которомъ Желябовъ сообщалъ о положеніи военной революціонной организаціи, говоря, что къ ней принадлежитъ много гвардейскихъ офицеровъ, академиковъ, а также лицъ съ солиднымъ положеніемъ, т. е. батальонныхъ и полковыхъ командировъ; на этомъ же собраніи было говорено о готовившемся, въ то время, покушеніи на жизнь Государя Императора, на которое Желябовъ указывалъ, какъ на средство для возбужденія къ всеобщему возстанію. Наконецъ, пріѣхавъ въ Кронштадтъ, Сухановъ обсуждалъ съ членами морского кружка планы освобожденія государственныхъ преступниковъ изъ Петропавловской крѣпости и ограбленія Кронштадтскаго банка, неприведенные въ исполненіе вслѣдствіе признанной членами кружка рискованности означенныхъ предпріятій. Въ началѣ февраля Штромбергъ передалъ Морскому кружку, что партія сильно нуждается въ деньгахъ и проситъ помощи; тогда кружокъ, кассиромъ котораго состоялъ Серебряковъ, собралъ и передалъ Штромбергу 600 руб., изъ числа коихъ 100 рублей были внесены Завалишинымъ, 200 руб.—Штромбергомъ и 300 руб. остальными членами.

Въ день 1-го марта 1881 г. изъ числа членовъ кронштадтскаго кружка, въ квартирѣ Суханова, въ Петербургѣ, находились Завалишинъ и Штромбергъ, при бытности коихъ къ Суханову приходила Перовская и со слезами говорила, что партія должна употребить всѣ средства для освобожденія Желябова.

Около половины того же мѣсяца Сухановъ предложилъ морскому кружку завести гектографъ, на которомъ были отпечатаны рѣчь профессора Соловьева и возваніе по поводу событія 1-го марта. Въ этой работѣ принимали участіе Завалишинъ, Серебряковъ, Разумовъ, Штромбергъ и Скворцовъ. Вскорѣ послѣ этого Завалишинъ и Штромбергъ, вмѣстѣ съ Грачевскимъ и Сухановымъ, приняли участіе въ очищеніи квартиры Вѣры Фигнеръ отъ находившихся въ ней типографіи и запаса динамита, при чемъ первая была отвезена на квартиру Суханова, а динамитъ опущенъ въ отхожее мѣсто. Остальные вещи Фигнеръ, заключавшіяся въ революціонныхъ изданіяхъ и разномъ оружіи, были перевезены Сухановымъ и Грачевскимъ. На другой же день, по очищеніи квартиры, въ нее явилась полиція.

На страстной недѣлѣ того же года Сухановъ и Фигнеръ пріѣхали въ Кронштадтъ, при чемъ послѣдняя поселилась на квартирѣ, занимавшейся Завалишинымъ и Штромбергомъ, гдѣ все время ея пребыванія до 2-го дня Пасхи собирались члены морскаго кружка, и происходило чтеніе разныхъ книгъ и статей, указываемыхъ и и объяснявшихся Вѣрою Фигнеръ; бесѣды съ нею, по собственному сознанію членовъ кружка, произвели на нихъ сильное впечатлѣніе. Такъ продолжалось до конца апрѣля, когда послѣдовалъ арестъ Гласко и Штромберга, и большинство остальныхъ членовъ кружка отправилось на разныхъ судахъ въ море.

Дѣятельность двухъ прочихъ военныхъ кружковъ въ Кронштадтѣ, извѣстныхъ подъ именами «артиллерійскаго» и «пѣхотнаго», до конца 1881 года ограничивалась исключительно вербовкою новыхъ членовъ путемъ пропаганды между военными ¹⁾.

Эти военные кружки не принимали дѣятельнаго участія въ приготовленіяхъ къ злодѣянію, совершенному 1-го марта, но нѣкоторые офицеры были посвящены въ тайну цареубійственнаго замысла, между ними Рогачевъ, предупрежденный о томъ Желябовымъ.

Уже тогда офицеры, члены центральной группы, пользовались служебными своими командировками для распространенія преступныхъ ученій въ частяхъ войскъ, расположенныхъ внѣ С.-Петербурга. Рогачевъ сознался, что въ февралѣ 1881 года, будучи отправленъ главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ по службѣ въ

¹⁾ Извѣстны изъ членовъ артиллерійскаго кружка: поручикъ С.-Петербургской крѣпостной артиллеріи Борисъ Павловъ Налимовъ, штабъ-капитанъ Кронштадтской крѣпост. артил. Михаилъ Ивановъ Ивановъ и упомянутый выше Константинъ Степуринъ, а изъ пѣхотнаго — также названные выше офицеры: подпоручикъ 145 Ново-черкасскаго полка Губаревичъ-Радобильскій и подпоручикъ 148 Каспійскаго — Котовъ, переведенный нынѣ на службу въ Западно-Сибирскій линейный батальонъ, расположенный въ посадѣ Зайсанскомъ.

Баронъ Александръ Павловичъ
ШТРОМБЕРГЪ.

Гельсингфорсъ, онъ получилъ отъ Перовской и Желябова рекомендаціи къ разнымъ лицамъ въ этомъ городѣ и образовалъ тамъ мѣстный военный кружокъ. Изъ числа участниковъ его онъ называлъ лишь Шепелева, но можно предположить, что именно этотъ кружокъ, основанный Рогачевымъ, сгруппировался въ послѣдствіи около Сикорскаго.

Послѣ 1-го марта центральный военный кружокъ продолжалъ свою дѣятельность, такъ какъ произведенные тогда аресты не коснулись его членовъ, за исключеніемъ Суханова, Штромберга и Дегаева. Наканунѣ ареста Суханова, онъ предложилъ морскому кружку взять у него типографію и перевезти въ Кронштадтъ, что и было исполнено Завалишинымъ и Штромбергомъ; типографія была сдана на храненіе Александру Прокофьеву, и въ послѣдствіи Грачевскій пріѣзжалъ въ Кронштадтъ учить моряковъ печатному дѣлу; эта типографія въ послѣдствіи, по указанію Дегаева, переслана Прокофьевымъ въ Одессу; въ самый же день ареста Суханова, 28 апрѣля, Рогачевъ вынесъ изъ его квартиры, когда-то хранившееся у Желябова, имущество сообщества: разные документы, динамитъ, снаряды, типографскія принадлежности и. т. п. Отнеся эти вещи къ себѣ, онъ отправился на вокзалъ Балтійской жел. дороги предупредить нѣкоторыхъ кронштадтскихъ моряковъ, имѣвшихъ въ тотъ же день прибыть къ Суханову, но опоздалъ къ поѣзду и извѣстилъ Штромберга объ арестѣ Суханова, въ условленныхъ выраженіяхъ по телеграфу.

Весною 1881 года мѣстомъ сходокъ центрального кружка служила квартира на Кирочной улицѣ, въ которой поселились Рогачевъ и Похитоновъ. Но обстоятельства не были благоприятны для пропаганды въ столицѣ. Штромбергъ высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Дегаевъ, выпущенный на свободу, выдержавъ переходный экзаменъ на IV курсъ въ Институтѣ Путей Сообщенія, отправился на инженерныя работы въ Архангельскую губернію; Буцевичъ получилъ служебную командировку въ Николаевъ; Рогачевъ поѣхалъ къ мѣсту своего служенія въ г. Вилькомиръ, гдѣ была расположена 29 артиллерійская бригада; наконецъ, Дружининъ, оказался скомпрометированнымъ сношеніями своими съ двумя матросами въ Кронштадтѣ, у которыхъ найдены были запрещенныя изданія. Хотя произведенный у него обыскъ и не далъ результатовъ, но онъ былъ тогда же уволенъ отъ должности экипажнаго адъютанта.

Къ тому же и наиболѣе выдающіеся члены руководящаго террористическаго кружка, направлявшіе центральную военную группу, вынуждены были въ то время оставить С.-Петербургъ. Дѣятельность послѣдней оживилась снова лишь по возвращеніи сюда въ концѣ лѣта Савелія Златопольскаго, а вскорѣ затѣмъ и Дегаева. Офицеры стали опять собираться у Похитонова, переѣхавшаго на новую квартиру, по Захарьевской улицѣ. Златопольскій, какъ показываетъ Папинъ, въ радужныхъ краскахъ описывалъ имъ положеніе сообщества. Тогда же появились и воззванія, обращенная исполнитель-

нымъ комитетомъ «Къ офицерамъ русской арміи» отъ 24 августа и «Ко всѣмъ казачимъ войскамъ» отъ 3-го сентября. Въ половинѣ декабря, привлеченъ Похитоновъ къ дознанію о врачѣ Мартыновѣ, въ квартирѣ котораго онъ былъ задержанъ, что побудило его, по освобожденіи изъ-подъ стражи, отстраниться на время отъ участія въ дѣятельности центрального военнаго кружка. Члены послѣдняго перестали сходиться у него на квартирѣ, и собранія свои перенесли въ Кронштадтъ, въ квартиру Серебрякова.

Тамъ, въ концѣ декабря, возвратившіеся въ С.-Петербургъ Корба и Буцевичъ сообщили имъ о результатахъ своей пропагаторской дѣятельности, первая на Кавказѣ, а второй въ Одессѣ и Николаевѣ. Извѣстіе объ образованіи кружковъ въ трехъ армейскихъ пѣхотныхъ полкахъ: Мингрельскомъ, Люблинскомъ и Прагскомъ (кружокъ морскихъ офицеровъ въ Николаевѣ возникъ нѣсколько позже, а именно лѣтомъ 1882 г.) снова воскресило надежды центральной военной группы на успѣхъ и побудило ее съ новымъ усердіемъ возобновить свои преступныя дѣйствія. Начало 1882 года было временемъ ревностнѣйшаго проявленія дѣятельности этого общества для привлеченія въ ряды свои наибольшаго числа состоящихъ на дѣйствительной службѣ офицеровъ. Руководимое Буцевичемъ, оно рѣшило отправить специальныхъ военныхъ организаторовъ во всѣ концы Россіи. Составлены были шифрованныя книжки со списками офицеровъ, считавшихся расположенными къ вступленію въ партію. Офицеры, уже примкнувшіе къ ней, снабжали организаторовъ рекомендаціями къ своимъ товарищамъ.

Однимъ изъ такихъ организаторовъ былъ Рогачевъ. Вызванный Буцевичемъ и заручившись двухмѣсячнымъ отпускомъ, онъ въ январѣ прибылъ въ С.-Петербургъ и, получивъ наставленіе центральной военной группы, отправился «вводить военную организацію» въ Сѣверо-Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Онъ поѣхалъ туда черезъ Москву, Орель, Смоленскъ, Витебскъ, посѣтилъ Динабургъ, Ригу, Митаву, Либаву, Вильно и Минскъ¹⁾.

Чтобы имѣть возможность побывать во всѣхъ названныхъ городахъ, онъ фиктивно заболѣлъ въ Динабургѣ и, пославъ официальное свидѣтельство о болѣзни въ 28 артиллерійскую бригаду, продолжалъ свой путь. Такъ какъ, по военнымъ правиламъ, заболѣвшій офицеръ долженъ быть свидѣтельствуемъ черезъ каждыя *десять* дней, то ему пришлось нѣсколько разъ возвращаться въ Динабургъ, что не представляло затрудненія, ибо большая часть посѣщенныхъ имъ мѣстностей отстоитъ не болѣе одного дня ѣзды отъ Динабурга по желѣзной дорогѣ.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Рогачевъ отдалъ отчетъ въ своей поѣздкѣ не общему собранію центрального военнаго кружка, а лишь нѣкоторымъ его членамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что поѣздка Рогачева въ Сѣверо-Западный край совпадаетъ съ пребываніемъ въ Вильнѣ Грачевскаго, съ заведеніемъ тамъ тайной типографіи и, вообще, съ попытками ввести въ этотъ край народовольческую организацію.

сообщества. По словамъ Рогачева, предпріятіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: всюду положено было имъ начало мѣстнымъ военнымъ кружкамъ, собрано множество указаній на офицеровъ, готовыхъ вступить въ партію, выяснилось также, что многіе офицеры интересуются дѣлами сообщества и предъявляютъ требованія на постоянное полученіе запрещенныхъ изданій

Такъ показываетъ Рогачевъ. Но, по свидѣтельству другаго члена центрального военного кружка, Папина — результаты поѣздки Рогачева были ничтожны. Командированный одновременно, съ одинаковою цѣлью въ Кіевъ, Дружининъ не имѣлъ никакого успѣха и вернулся разочарованнымъ.

Какъ бы то ни было, центральный военный кружокъ, продолжая собираться въ Кронштадтѣ у Серебрякова, занимался текущею революціонною политикою, которая заключалась, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи въ умахъ членовъ военной организаціи мысли о возможности и необходимости инсurreкціи во имя осуществленія цѣлей партіи «Народной Воли». Еще въ апрѣлѣ 1881 года, на одномъ изъ засѣданій центрального кружка, Сухановъ произнесъ рѣчь, въ которой утверждалъ, что послѣднія событія доказали, что дѣла партіи идутъ хорошо, и что, въ виду этого, она можетъ черезъ годъ сдѣлать попытку произвести инсurreкціонное движеніе. Подъ этимъ движеніемъ разумѣлось не производство демонстрацій, вродѣ бывшей въ 1876 году на Казанской площади, а напротивъ, вооруженное возстаніе всей партіи въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда будетъ нѣкоторая надежда на успѣхъ, и возможно будетъ, хотя временно, прекратить дѣйствіе правительственной власти и популяризовать требованія и цѣли партіи путемъ печатнаго слова, при посредствѣ захваченныхъ типографій, воззваній на сходкахъ и площадяхъ. Въ видахъ практическаго осуществленія подобнаго движенія, признавалось крайнею необходимостью заняться подготовительными работами, какъ-то: собираніемъ различныхъ свѣдѣній, приготовленіемъ складовъ, изученіемъ мѣстностей будущаго возстанія и пр., но главное — упроченіемъ революціонной военной организаціи. Для этой цѣли рѣшено было учредить въ главныхъ городахъ Имперіи военные окружные центры, которые служили бы въ отношеніи мѣстныхъ кружковъ даннаго края тѣмъ же, чѣмъ центральный военный кружокъ долженъ былъ быть для всей Россіи. Во главѣ кружка долженъ былъ стоять представитель центральной группы, вѣдающей и направляющей всѣ дѣла мѣстныхъ кружковъ. Границы округовъ точно не обозначались, но размѣры ихъ зависѣли отъ многихъ условій, между прочимъ: 1) отъ количества желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ въ данной мѣстности; 2) отъ числа войскъ, въ ней расположенныхъ; 3) отъ величины городовъ. Такъ, на примѣръ, въ районъ Виленскаго округа должны были входить: Вильно, Динабургъ, Витебскъ, Рига, Митава, Либава, Ковно и Минскъ. Окружными представителямъ предполагалось дочинить всѣ мѣстные кружки, которые должны были доносить имъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, о привлеченіи новыхъ членовъ, о поѣзд-

какъ офицеровъ въ отпуски или по казеннымъ надобностямъ. Офицеровъ этихъ окружной представитель имѣлъ снабжать разными указаниями и рекомендаціями въ города, расположенные по пути. Такими представителями центра были назначены: Рогачевъ въ Виленскомъ округѣ и Ашенбреннеръ, основатель Одесскаго и Николаевскаго кружковъ,—въ Новороссійскомъ краѣ. Въ февралѣ 1882 г. центральный военный кружокъ выработалъ образцовый уставъ частнаго офицерскаго кружка и инструкцію для чиновъ такого кружка ¹⁾. Кромѣ того центральный кружокъ намѣревался

¹⁾ Уставъ. 1. Кружокъ (или дружина, товарищество, братство) вполне раздѣляетъ программу партіи „Народной Воли“, напечатанную въ третьемъ номерѣ газеты „Народная Воля“.

2. Кружокъ имѣетъ въ виду ниспроверженіе существующаго государственнаго устройства въ Россіи вооруженною рукою и замѣну его прочною конституціею, какую признаетъ справедливою народъ во всей совокупности его классовъ.

3. Кружокъ, входя въ составъ народовольческой партіи, принимаетъ на себя обязательства передъ ней, то есть, въ мирное время обязывается выполнять всѣ порученія, какія только имѣетъ передать партія черезъ посредство своего агента, за изъятіемъ... (того-то и того-то: здѣсь каждому частному или младшему кружку предоставляется право одновременно оговорить, отъ какихъ дѣланій онъ отказывается,—дѣланій, кои не могутъ быть выполняемы или кои онъ не желалъ бы принимать на себя); въ военное же время обязывается исполнять всѣ порученія безъ изъятія.

4. Кружокъ становится свободнымъ отъ данныхъ передъ партіей обязательствъ въ случаѣ измѣненія программы партіи.

5. Для сношеній съ партіей кружокъ избираетъ представителя изъ числа своихъ членовъ.

6. Рѣшеніе кружка по большинству голосовъ обязательно для его члена.

7. Кружокъ составляется изъ лицъ близко знакомыхъ, преимущественно сослуживцевъ.

8. Приемъ новаго члена производится по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ, если нѣтъ препятствій отъ центра военной организаціи.

9. Выходъ изъ кружка допускается въ мирное время съ обязательствомъ хранить въ тайнѣ извѣстное о революціонномъ дѣлѣ.

10. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, о чемъ будетъ объявлено агентомъ партіи, выходъ изъ кружка воспрещается безусловно, и выходъ будетъ считаться ея предательствомъ.

11. Предательство карается смертю.

12. Кружокъ заботится о привлеченіи возможно большаго числа сторонниковъ народовольческой партіи, поэтому ведетъ пропаганду путемъ печатнаго и устнаго слова.

13. Кружокъ устраиваетъ бібліотеку партійныхъ изданій и тенденціозныхъ книгъ.

14. Для могущихъ встрѣтиться общепартійныхъ надобностей, а также въ виду кружковыхъ нуждъ и взаимной помощи (въ случаѣ, напримѣръ, ареста одного изъ членовъ) кружокъ имѣетъ кассу.

15. Для веденія счетовъ избирается кассиръ, а для храненія и завѣдыванія книгами—бібліотекаръ.

Инструкція. 1. Кружку вѣняется въ обязанность собирать подробныя и точныя свѣдѣнія о расположеніи пороховыхъ погребовъ, оружейныхъ складовъ и складовъ съ различными боевыми запасами, узнавать, гдѣ и въ какомъ количествѣ находятся различныя склады съ вещевыми запасами военнаго снаряженія.

2. Кружку вѣняется въ обязанность ознакомиться съ мѣсторасположеніемъ части въ тактическомъ отношеніи и по-возможности также довѣдать въ тактическомъ отношеніи пункты близъ-лежащей мѣстности.

3. Кружокъ содѣйствуетъ способнымъ изъ своихъ членовъ занять важныя въ

предпринять издание спеціального революціоннаго органа для военныхъ (редакцію предполагалось ввѣрить Папину, а средства должны были получиться отъ Буцевича); завести для того собственную типографію, установить постоянныя и регулярныя командировки своихъ членовъ въ мѣстные кружки, наконецъ, достигнуть возможности перемѣщать офицеровъ сообразно требованіямъ партіи. Для приведенія всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе требовались значительныя суммы, и центральный военный кружокъ обратился за ними къ исполнительному комитету. Но исполнительный комитетъ, сильно поколебленный задержаніемъ Богдановича и Савелія Златопольскаго, весною 1882 года, окончательно распался послѣ июньскихъ арестовъ, предавшихъ въ руки правосудія Грачевскаго и его ближайшихъ сообщниковъ и вызвавшихъ бѣгство Тихомірова и Баранниковой за границу. Тогда же арестованъ и Буцевичъ, глава и руководитель центрального военнаго кружка, который съ этого времени можетъ считаться прекратившимъ свою преступную дѣятельность. Осенью того же года роль его покушался принять на себя одинъ изъ членовъ кружка артиллерійской академіи штабсъ-капитанъ Кунаевъ, старавшійся собрать разрозненные революціонные

служебномъ отношеніи должности: адъютанта, казначея, завѣдывающаго оружіемъ и т. п.

4. Для революціонной пропаганды среди офицеровъ и поддержки революціоннаго настроенія своихъ членовъ, кружокъ назначаетъ собранія, устраиваетъ совмѣстныя чтенія тенденціозныхъ книгъ, равно и партійныхъ изданій.

5. Въ видахъ привлеченія новыхъ сторонниковъ партіи, кружку рекомендуется устраивать либеральныя салоны (говорильни), легко доступныя для офицеровъ части, кои могутъ подавать надежду на такое привлеченіе.

6. Кружокъ изыскиваетъ способы завязать сношенія съ вліятельными лицами порода, мѣстности, дабы, на случай дѣйствія вооруженною рукою, воспользоваться ихъ помощью, или ослабить ихъ противодѣйствіе.

7. Кружокъ обращаетъ особенное вниманіе на добываніе денежныхъ средствъ, для чего употребляетъ всѣ закономъ дозволенныя средства, наиримѣръ, торговлю и т. п. Равнымъ образомъ, принимаетъ даренія лицъ, кои принадлежатъ къ партіи, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не могутъ, но отъ матеріальной поддержки ея не отказываются.

8. Для испытанія лицъ, вновь привлекаемыхъ къ партіи, кружокъ можетъ давать имъ небольшія порученія революціоннаго характера.

9. Кассиромъ кружка рекомендуется выбирать лицо болѣе или менѣе состоятельное и по своему характеру предпочитающее уединенную жизнь.

10. Библіотека должна помѣщаться у лица, имѣющаго собственную квартиру или домъ, преимущественно у лица, не ведущаго пропаганды.

11. Библіотека можетъ быть общею для вѣсколькихъ кружковъ.

12. Кружковыя собранія не должны имѣть мѣсто у кассира или библіотекаря.

13. Говорильни могутъ быть у лица, не принадлежащаго къ кружку.

14. Пароли надо знать наизусть.

15. Шифрованную переписку надо уничтожить немедленно по минованіи надобности, или владѣлецъ такой переписки долженъ переписывать ее по собственному, ему одному извѣстному, паролю.

16. Объ исполненіи революціоннаго порученія членъ сообщаетъ лишь одному представителю, или агенту партіи, смотря по тому, отъ кого принялъ порученіе.

17. Члены различныхъ кружковъ не должны знать другъ друга. Сношенія могутъ поддерживаться только черезъ представителей.

18. Списываться членамъ кружковъ, въ случаѣ разлуки, рекомендуется лишь по неотложнымъ дѣламъ партіи и частной переписки избѣгать.

элементы въ средѣ военныхъ въ Петербургѣ,—но безуспѣшно, какъ онъ самъ потомъ сообщалъ членамъ морского кружка, съ которыми видѣлся въ прїѣздъ свой, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Кронштадтѣ. Какъ видно изъ предыдущей главы, Вѣрѣ Фигнеръ также не удалось вовлечь въ свои разрушительные замыслы офицеровъ, оставшихся на службѣ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ и пришлось обратиться къ содѣйствію лицъ, ранѣе выбывшихъ изъ центрального военнаго кружка, а также членовъ мѣстныхъ военныхъ кружковъ, образованныхъ въ разныхъ городахъ, преимущественно на югѣ Россіи.

Переходя къ изложенію свѣдѣній, добытыхъ дознаніемъ о кружкахъ этой послѣдней категоріи, слѣдуетъ замѣтить, что первымъ изъ нихъ, по времени, былъ кружокъ Мингрельскаго полка, основанный Анною Корба, въ Тифлисѣ, весною 1881 г. Дѣятельность его подробно изложена въ предыдущемъ Обзорѣ.

Одновременно съ отправленіемъ Корба на Кавказъ, а именно въ началѣ апрѣля 1881 г., Вѣра Фигнеръ была послана въ Одессу для веденія мѣстныхъ революціонныхъ дѣлъ въ качествѣ агента «исполнительнаго комитета». Она не должна была заниматься сама пропагандою въ войскахъ, но лишь подготовить ее пріобрѣтеніемъ связей между офицерами. Организациею мѣстныхъ кружковъ въ Одессѣ и сосѣднихъ городахъ долженъ былъ заняться Сухановъ, намѣревавшійся взять для того продолжительный отпускъ, когда же онъ былъ задержанъ, то вожаки сообщества рѣшили поручить это дѣло Буцевичу, получившему отъ Министерства Путей Сообщенія служебную командировку въ Николаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ провести все лѣто.

Прибывъ въ Одессу, Фигнеръ воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы черезъ Дмитрія Петрова ¹⁾ познакомиться съ двумя офицерами, расположеннаго въ Одессѣ, 59 пѣхотнаго Люблинскаго полка: Болеславомъ Крайскимъ и Ѳедоромъ Стратановичемъ, а также, чтобы возобновить знакомство съ подполковникомъ того же полка, откомандированнымъ въ 58 пѣхотный Прагскій полкъ, стоящій въ Николаевѣ, Михаиломъ Ашенбреннеромъ ²⁾.

Въ началѣ іюня, по пути въ Николаевъ, Буцевичъ заѣхалъ въ Одессу и привезъ къ Фигнеръ письмо отъ „исполнительнаго комитета“, приглашавшаго ее сообщить Буцевичу всѣ имѣющіяся у нея свѣдѣнія о военныхъ, познакомить его съ тѣми изъ нихъ, которыхъ считаетъ пригодными для цѣлей партіи, вообще, оказать ему полное содѣйствіе въ возложенномъ на него дѣлѣ.

¹⁾ Задержанный въ мартѣ 1882 года, Петровъ былъ выпущенъ на поруки, но въ началѣ 1883 года скрылся изъ Одессы, и нынѣ находится за границею.

²⁾ *Ашенбреннеръ*, Михаилъ, дворянинъ Московской губерніи, родился въ 1849 г., воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1860 г. выпущенъ изъ него поручикомъ въ 3-й резервный батальонъ; съ 1865 по 1870 годъ служилъ въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ получилъ многія боевыя отличія; въ 1870 г. переведенъ въ Одесскій военный округъ, сначала въ Прагскій, а въ 1876 г. въ Люблинскій полкъ; въ 1880 г. откомандированъ въ Прагскій полкъ и назначенъ командовать батальономъ.

Фигнеръ предложила Буцевичу свести его съ нѣкоторыми изъ одесскихъ офицеровъ, но онъ не могъ оставаться на этотъ разъ въ Одессѣ долѣе одного дня и ограничился тѣмъ, что взялъ у нея рекомендательное письмо въ Николаевъ къ Ашенбреннеру.

Михаилъ Ашенбреннеръ, одинъ изъ старыхъ штабъ-офицеровъ полка, командиръ батальона, украшенный боевыми отличіями, полученными имъ во время долголѣтней службы въ Туркестанскомъ краѣ, пользовался значительнымъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ полковыхъ товарищей, которыхъ привлекалъ къ себѣ частью превосходствомъ своего развитія надъ малосвѣдущими молодыми офицерами, дружескимъ съ нимъ обращеніемъ, увлекательностью своей рѣчи, частью же разгульнымъ образомъ жизни, общими съ ними пирушками и попойками. Вліяніемъ этимъ онъ воспользовался, чтобы проповѣдывать имъ социалистическія ученія сначала на отвлеченной почвѣ науки, потомъ, мало-по-малу, переходя на почву революціонную и проповѣдуя ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, путемъ народнаго возстанія.

Такого рода бесѣды Ашенбреннера съ товарищами происходили, большею частію, за кутежами въ общей квартирѣ, занимаемой имъ съ казначеемъ полка, капитаномъ Николаемъ Маймескуловымъ и штабсъ-капитаномъ Адольфомъ Мицкевичемъ. Участие въ нихъ принимали и другіе офицеры Прагскаго полка: капитанъ Петръ Зайнчевскій, штабсъ-капитанъ Николай Талапиндовъ, подпоручики: Николай Кирьяковъ, Иванъ Успенскій. Но вскорѣ признано было нужнымъ завести для сходокъ особую конспиративную квартиру, которая и была устроена въ помѣщеніи, занимаемомъ сообща Кирьяковымъ и Успенскимъ.

Такимъ образомъ, была подготовлена почва въ Николаевѣ ко времени прибытія Буцевича, въ половинѣ іюня 1881 г. При его участіи и подъ его руководствомъ всѣ вышеназванные офицеры рѣшились образовать изъ себя мѣстный военный кружокъ съ опредѣленною программю. Она была выработана на одномъ изъ собраній, происходившихъ въ квартирѣ Кирьякова и Успенскаго. Въ ней было сказано, что кружокъ раздѣляетъ программу такъ называемаго исполнительнаго комитета «Народной Воли»; устанавливалась степень подчиненности кружка центру; опредѣлялся способъ разрѣшенія возникавшихъ въ кружкѣ вопросовъ, а также предложеній центра большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ; ограничивалось число членовъ кружка; возлагалась на нихъ обязанность соглашаться на переводъ по службѣ, сообразно требованіямъ центра, и вообще, являться по первому призыву его въ мѣсто, назначенное для произведенія возстанія. Съ членовъ кружка назначенъ былъ постоянный сборъ въ размѣрѣ 3 руб. въ мѣсяцъ, которые и удерживались казначеемъ Маймескуловымъ изъ причитающагося имъ жалованья.

Въ теченіе лѣта 1881 г. члены кружка часто собирались на сходки, читали запрещенныя изданія, обсуждали разные вопросы, между прочимъ, объ освобожденіи содержавшейся въ тюремномъ

замкъ государственной преступницы Фанни Морейнисъ. Два раза посѣтила ихъ и Вѣра Фигнеръ, проѣзжавшая чрезъ Николаевъ, отпраляясь въ сентябрѣ 1881 г. въ Москву на совѣщаніе съ вожаками главнаго террористическаго кружка, а также возвращаясь оттуда въ Одессу. Цѣлью ея было, между прочимъ, встрѣтиться съ Буцевичемъ, но первый разъ она не застала его въ Николаевѣ, такъ какъ онъ уѣхалъ въ гор. Вознесенскъ на работы. Она остановилась на квартирѣ Зои Ге, слушательницы акушерскихъ курсовъ, куда и послалъ Ашенбреннеръ Талапиндова провести ее на конспиративную квартиру офицеровъ. Кружокъ собрался въ полномъ составѣ привѣтствовать гостью, которую Ашенбреннеръ представилъ имъ подъ именемъ «Елены Ивановой». Разговоръ велся въ духѣ революціонномъ, при чемъ говорили больше Ашенбреннеръ и Вѣра Фигнеръ. Она интересовалась узнать настроеніе общества офицеровъ Прагскаго полка и произвела на нихъ большое впечатлѣніе красивою своею наружностью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

На возвратномъ пути изъ Москвы Вѣра Фигнеръ остановилась въ Николаевѣ у Леонида Голикова, одного изъ подсудимыхъ бывшаго нечаевского процесса, привлекавшагося съ тѣхъ поръ къ цѣлому ряду дознаній о соціально-революціонной пропагандѣ и занимавшему должность секретаря Николаевской Земской Управы. Онъ, хотя и былъ знакомъ съ Ашенбреннеромъ и Мицкевичемъ и даже, по всей вѣроятности, доставлялъ имъ запрещенныя изданія, но велъ себя крайне осторожно и никогда не показывался на собраніяхъ офицеровъ Прагскаго полка.

И въ этотъ пріездъ Вѣра Фигнеръ посѣтила сходку военнаго кружка, на которой присутствовалъ и Буцевичъ. Обсуждался вопросъ о возбужденіи возстанія. Высказывалось мнѣніе, что, смотря по силамъ партіи, его слѣдуетъ начать либо въ одной мѣстности, либо въ двухъ, или въ нѣсколькихъ одновременно; что для этого нужно предварительно стянуть въ эти мѣстности боевыя силы общества двумя способами: 1) постепенными переводами въ намѣченные пункты членовъ организаціи, 2) одновременнымъ наплывомъ въ назначенную минуту значительнаго числа людей рѣшительныхъ и солидарныхъ между собою. Вѣра Фигнеръ сначала читала письмо, писанное изъ Сибири политическимъ ссыльнымъ и описывающее тяжелое положеніе находящихся тамъ государственныхъ преступниковъ. Затѣмъ она стала упрекать Ашенбреннера въ бездѣйствіи, говоря, что партія возлагала на него большія надежды, и что самъ онъ общалъ еще въ Одессѣ дѣйствовать энергично, а въ дѣйствительности не сдѣлалъ ничего, ибо, по мнѣнію ея, наемъ конспиративной квартиры и собранія на ней нельзя еще считать дѣломъ. Она замѣтила, что въ Харьковѣ еще не заведено офицерскихъ кружковъ, и что полезно было бы перевести туда на службу Талапиндова или Кирьякова, поручивъ имъ заняться образованіемъ такихъ кружковъ.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, Талапиндовъ ѣздилъ въ

Харьковъ по своимъ дѣламъ. Рекомендаціями въ этотъ городъ снабдилъ его, находившійся въ то время въ Николаевѣ, хорунжій № 7-го казачьяго полка Матвѣй Өоминъ, съ которымъ познакомилъ его Ашенбреннеръ, какъ съ соціально-революционнымъ дѣятелемъ. Өоминъ далъ Талапиндову письмо къ проживавшей въ Харьковѣ слушательницѣ акушерскихъ курсовъ Матвѣевой, которая, въ свою очередь, познакомила его съ Георгіемъ Кервили, французскимъ подданнымъ и резервнымъ офицеромъ французской службы, владѣльцемъ въ Харьковѣ книжнаго магазина и слушателемъ мѣстнаго Ветеринарнаго института. Кервили выразилъ согласіе заняться пропагандою среди офицеровъ расположенныхъ въ Харьковѣ частей войскъ, но самъ Талапиндовъ, возвратясь въ Николаевъ, рассказывалъ, что трудно что-либо поддѣлать съ харьковскими офицерами, хотя между ними и есть сочувствующіе.

Между тѣмъ Буцевичъ, по окончаніи работъ комиссіи техникувъ, въ которой онъ состоялъ членомъ, въ декабрѣ 1881 года, оставилъ Николаевъ и отправился черезъ Одессу въ С.-Петербургъ. Въ Одессѣ онъ оставался нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ занялся организаціею мѣстнаго военнаго кружка изъ офицеровъ Люблинскаго полка. Прежде всего онъ познакомился съ Крайскимъ въ квартирѣ Дмитрія Петрова. Онъ объявилъ ему, что считаетъ недостаточнымъ праздное сочувствіе соціально-революционнымъ цѣлямъ, что необходимо выражать его на дѣлѣ, что военные могутъ принять участіе въ революціонной дѣятельности въ формѣ кружковъ на какихъ бы то ни было началахъ, что изъ кружковъ, составленныхъ «на самомъ, такъ сказать, безобидномъ основаніи», будутъ выдѣляться люди, могущіе принять на себя со временемъ болѣе серьезныя обязательства, что кружокъ можетъ состоять сначала изъ самаго малаго числа лицъ, и что число это съ теченіемъ времени, при развитіи дѣятельности увеличится.

Убѣжденный этими доводами, Крайскій взялъ на себя устройство сходки. На ней присутствовали, кромѣ его самого, товарищи его по Люблинскому полку, поручики Павелъ Телье, Михаилъ Каменскій и Иринархъ Мураневичъ. Буцевичъ изложилъ имъ программу исполнительнаго комитета «Народной Воли» и всѣ они, за исключеніемъ Мураневича, выразили согласіе примкнуть къ ея организаціи, составивъ изъ себя особый мѣстный кружокъ, въ число членовъ котораго былъ включенъ и отсутствовавшій Стратановичъ, заранѣе выразившій на то свое согласіе. Подобно Николаевскому военному кружку, кружокъ Люблинскаго полка обязывался увеличивать число своихъ членовъ путемъ пропаганды между офицерами. Каждый членъ долженъ былъ ежемѣсячно дѣлать въ кассу кружка денежный взносъ, въ произвольномъ размѣрѣ, на могущія возникнуть общія надобности. Представителемъ кружка назначенъ былъ Крайскій. На обязанности его лежало храненіе взносовъ, сношеніе со штатскими, веденіе переписки. Уѣзжая изъ Одессы, Буцевичъ показалъ Крайскому употребленіе шифра, снабдилъ его ціанистымъ кали и пригласилъ писать ему о дѣлахъ кружка, адресуя письма

въ Кронштадтъ на имя подпоручика Кронштадтской крѣпостной артиллеріи Алексѣя Прокофьева. Самъ Буцевичъ дважды писалъ Крайскому изъ С.-Петербурга: тотчасъ по прїѣздѣ, согласно условію, лишь для пробы, спрашивая, нѣтъ ли чего-нибудь новаго, и не прибыло ли членовъ въ кружокъ, и, лѣтомъ 1882 года, незадолго до ареста, съ просьбою сообщить подробности о задержаніи въ Одессѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Въ теченіе всего 1882 года дѣятельность Одесскаго военнаго кружка не выразилась ни въ чемъ существенномъ. Ежемѣсячные членскіе взносы не превышали одного рубля, и за все время существованія кружка ихъ поступило не болѣе 60 рублей. Офицеры хотя и собирались на общей квартирѣ, но никакихъ вопросовъ не обсуждали, а ограничивались чтеніемъ социалистическихъ книгъ, какъ-то: «Капитала» — Маркса, «Сущности социализма» — Шеффле и т. п. Не было даже сдѣлано попытки распространить пропаганду на другіе полки, расположенные въ Одессѣ и окрестностяхъ.

Зато въ Николаевѣ Ашенбрэннеру удалось образовать второй военный кружокъ изъ служившихъ, въ этомъ городѣ морскихъ офицеровъ.

Весною 1882 года онъ познакомился съ прапорщикомъ корпуса флотскихъ штурмановъ Иваномъ Ювачевымъ и, убѣдившись въ его сочувствіи социальнo-революціоннымъ цѣлямъ, посвятилъ его въ тайну военной организациі и предложилъ ему составить мѣстный кружокъ изъ товарищей своихъ по флоту. Ювачевъ согласился и пригласилъ къ участию въ кружокъ мичмановъ Александра Аюнасьева и Николая Толмачева. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились Владиміръ Бубновъ, лейтенантъ Дмитрій Скаловскій и Сергѣй Янушевскій.

Николаевскій кружокъ морскихъ офицеровъ былъ образованъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и кружки Прагскаго и Люблинскаго полковъ. Члены его признали себя солидарными съ программой исполнительнаго комитета, а кружокъ свой — составною частью военной организациі народовольческаго общества. И здѣсь были установлены ежемѣсячные денежные взносы, періодическія сходки, но послѣднія собирались не на особой квартирѣ, а частью у Ювачева, частью въ различныхъ ресторанахъ. Кружокъ испытывалъ большой недостатокъ въ деньгахъ, а потому въ средѣ его возникла мысль ограбить Николаевское отдѣленіе Государственнаго Банка, но она не вышла изъ области предположенія, за совершенною невозможностью привести такое предпріятіе въ исполненіе.

Всѣ вышепоименованные военные мѣстные кружки не имѣли между собою тѣснаго общенія. Несмотря, однако, на разрозненность, слѣдуетъ признать, что они были устроены по одному образцу и руководствовались одинаковыми правилами. Назначеніе ихъ было привлечь на сторону замышляемаго народовольческимъ сообществомъ возстанія, какъ можно больше офицеровъ, состоящихъ на службѣ. Но возлагая на cadaго члена обязанность пропагандировать въ средѣ товарищей, основатели и руководители кружковъ

строго воспрещали офицерамъ распространять пропаганду на нижнихъ чиновъ, какъ въ пѣхотныхъ полкахъ, такъ и во флотѣ. Офицеры должны были лишь намѣчать, каждый въ своей части, солдатъ и матросовъ, наиболѣе способныхъ къ воспріятію соціально-революціонныхъ ученій, и дальнѣйшее ихъ развращеніе предполагалось возложить на особыхъ пропагандистовъ изъ примкнувшихъ къ обществу рабочихъ. Сами офицеры, члены кружковъ, не должны были участвовать въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ сообщества, пока состояли на службѣ. Наиболѣе пригодные для такихъ предпріятій и приглашенные къ участию въ нихъ офицеры обязывались предварительно выйти въ отставку и перейти на нелегальное положеніе».

ИЗЪ

„Дѣла Таврическаго губернскаго жандармскаго управленія о предсѣдателѣ Таврической земской управы Винбергѣ и его единомышленникахъ“.

„Въ маѣ сего (1881) года предсѣдатель Симферопольской губернской земской управы и Симферопольскаго общества взаимнаго кредита Владимиръ Карловъ *Винбергъ*, 46 лѣтъ, своимъ образомъ дѣйствій и отношеніемъ къ лицамъ соціально-революціонной партіи навлекъ на себя подозрѣніе въ сочувствіи ихъ стремленіямъ.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснено, что въ учрежденіяхъ, подчиненныхъ Винбергу, служили разновременно не только политически неблагонадежныя лица, состоявшія подъ надзоромъ, но даже политическіе преступники; къ числу послѣднихъ принадлежали: Диковскій, Телладовъ, Перовская и Клѣтѣчниковъ; къ первымъ: Гордынскій, Скуловъ, Ренецкій, Гольденбергъ, Журманъ, Морозовъ и Мержановъ, о противоправительственномъ направленіи которыхъ Винбергъ не могъ не знать. Лицамъ этимъ Винбергъ оказывалъ матеріальную поддержку; такъ, на примѣръ, Телладовъ, а затѣмъ Скуловъ были воспитателями его дочерей и жили у него въ имѣніи на южномъ берегу Крыма; нѣкоторые изъ нихъ получали денежныя награды въ 80 и 100 р., а съ Теллаловымъ, Скуловымъ и Гольденбергомъ Винбергъ былъ въ очень близкихъ, даже дружественныхъ отношеніяхъ.

Винбергъ обвиняется также въ укрывательствѣ въ имѣніи своемъ „Саяны“ государственныхъ преступниковъ и лицъ политически неблагонадежныхъ, а именно: Филиппова, жившаго у него подъ именемъ Лѣскова, Коковскаго и Поддубенскаго. Кромѣ того удостовѣрено, что Винбергъ вель знакомство съ политическимъ преступникомъ Тригопи.

Къ дознанію о Винбергѣ привлечены: 1) мѣщанинъ Михаилъ Федоровъ *Гильденбергъ*, 25 лѣтъ, 2) Рижскій гражданинъ Александръ Федоровъ *Ренецкій*, 36 лѣтъ; оба уличаются свидѣтельскими показаніями въ сочувствіи соціально-революціонной партіи, въ систематическомъ порицаніи распоряженій правительства и въ выраженіи элорадства по поводу событія 1-го марта, 3) ученый управляющій Ардаліонъ Ивановъ *Мержановъ*, 45 лѣтъ, уличенъ въ томъ, что, идя къ присягѣ нынѣ царствующему Государю Императору, говорилъ: „хорошо, что это случилось; новому государю не дадутъ тѣхъ правъ, которыми пользовался прежній, и социалисты получатъ права, которыхъ они добивались; кто поступитъ въ общество социалистовъ, тотъ безъ всякаго труда будетъ получать 25 р. въ мѣсяцъ“, 4) мѣщанинъ Сергій Ивановъ *Ябникъ*, управляющій имѣніемъ Винберга, 32 лѣтъ, уличенъ въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ Каковского и Филиппова и 5) смотрительница Симферопольскаго земскаго дѣтскаго пріюта Александра Николаева *Славичъ*, 34 лѣтъ; обвиняется въ пособничествѣ государственному преступнику Филиппову скрыться отъ преслѣдованія властей“.

Рѣдчайшее революціонное изданіе ¹⁾).

СВОБОДА

№ 2.

Въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ всѣхъ сословій подаются адреса, въ которыхъ предъ лицомъ Европы, готовой объявить намъ войну за истерзанную деспотизмомъ и солдатчиной Польшу,—громко говорится: „держай великій государь! Мы готовы принести на защиту отечества и себя, и дѣтей, и имущество, мы докажемъ завистливому западу, что Россія сильна и могуча!“ Слыша отовсюду такія заявленія, можно подумать, что, съ одной стороны—и въ самомъ дѣлѣ, благодарязаботамъ петербургскаго правительства, Россія благоденствуетъ, что она загладила глубокіе слѣды Восточной войны; что она не чувствуетъ всей тяжести польской войны; что производительныя силы ея не въ застоѣ; что въ ней есть и кредитъ, и промышленность, и торговля и нѣтъ голода, безденежья, дороговизны; что свободные граждане Россіи пользуются безопасностью личной и имущественной и не знаютъ, что такое произволь и насиліе, тюрьма и

1) Въ сборникѣ Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ имѣются такія строки:

„Въ 1863 году въ Россіи дѣйствовало тайное общество „Земля и Воля“, которое выпустило нѣсколько листовъ и между прочимъ №№ 1 и 2 листка „Свобода“. Первый № этого листка былъ перепечатанъ въ № 164 „Колокола“. Въ Британскомъ музеѣ хранится въ двухъ экземплярахъ подлинникъ № 1 „Свободы“, откуда мы и сняли нижепомѣщаемую копию. №-ра 2 „Свободы“ у насъ нѣтъ, но онъ, несомнѣнно существовалъ. О выходѣ его прямо говорится въ „Колоколѣ“, о немъ же упоминается въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Андрущенко (перепечатанъ также въ томъ же сборникѣ). Мы очень просимъ достать намъ 2 № „Свободы“, равно какъ и другія изданія Общества „Земля и Воля“, у насъ не имѣющіяся.“

Первый № „Свободы“ извѣстенъ, такимъ образомъ, читателямъ по книгѣ Богучарскаго. (Загр. изданіе стр. 89—92; русское—стр. 65—67). Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дать читателямъ текстъ и 2 № этого рѣдчайшаго революціоннаго изданія.

Ред.

ссылка, плеть и палка, жандармы и шпионы; а съ другой—что вся Европа завидуя этому благоденствію, хочеть, во что бы то ни стало, помѣшать ему и даже грозить опасностью самому существованію нашего отечества.

Между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ и всѣ здравомыслящіе люди, и Европа ясно видятъ, что тупоумное русское правительство довело страну до положительнаго застоя матеріальнаго и духовнаго развитія.

Едва появилось въ Россіи стремленіе къ свободѣ, какъ благодушный . . . . ., боясь потерять хотя самую ничтожную долю изъ завѣщаннаго ему деспотизма, окружилъ себя шпионами, наполнилъ крѣпости защитниками свободы, снова проторилъ Владимірку, уничтожилъ всякую свободу слова, закрылъ воскресныя школы и университетъ и все это, какъ увѣряютъ рабы правительства,—для блага народа!.. Тупоумное правительство своими, такъ называемыми, прогрессивными реформами лишило страну кредита, столь необходимаго при переходѣ къ свободному труду и вызвало торговый и промышленный кризисъ; бумажныя деньги—отъ всеобщаго застоя и необеспеченности, отъ чрезмѣрнаго количества ихъ и недостатка звонкой монеты—упали на третью цѣну, что видно на дороговизнѣ,—а благодушное правительство, заботясь о благѣ народа, придумываетъ благовидный предлогъ, какъ бы выпустить снова бумажекъ; во всѣхъ концахъ Россіи народъ умираеть съ голода, отовсюду жалуются на дороговизну, отсутствіе заработковъ. однимъ словомъ, на крайній недостатокъ жизненныхъ средствъ, а доброе правительство для облегченія народа увеличило свой бюджетъ, въ теченіе семи лѣтъ мира, на сто милліоновъ и, увеличивъ въ нынѣшнемъ году одни прямыя налоги на пятнадцать слишкомъ мил., выдумываетъ новыя. Однимъ словомъ, правительство своими реформами и распоряженіями до такой степени парализировало производительныя силы страны, что всѣ классы народа страдаютъ, и страна переживаетъ самое тяжелое время.

Для выхода изъ такого затруднительнаго положенія необходимо полнѣйшее спокойствіе и безопасность внутренняя и внѣшняя, необходимъ долгій миръ, а правительство въ это именно время и вызвало, какъ оно само сознается, польское національное возстаніе.

Не говоря о правахъ cadaго народа, а слѣдовательно и польскаго, на полную самостоятельность,—Польша, по сознанію всѣхъ мыслящихъ людей, одна изъ причинъ истощенія Россіи. Обладаніе ею, необходимое развѣ для одного . . . . ., для его . . . . . расчетовъ, для его безграничнаго произвола, для его жалкаго самолюбія и чести быть тираномъ двухъ націй,—стоитъ нашему бѣдному ограбленному народу и въ обыкновенное время двадцать милліоновъ лишняго ежегоднаго расхода и сто тысячъ лишнихъ солдатъ,—а теперь за каждый мѣсяць не нужной и позорной для Россіи войны съ Польшей народъ платитъ болѣе пяти милліоновъ, не считая пролитой крови братьевъ, мужей, сыновей...

Но и этихъ жертвъ недостаточно правительству; для удовлетворенія своего тщеславія, для поддержанія деспотизма оно готово пожертвовать послѣдними силами истощеннаго народа и дерзко вызываетъ на войну цѣлую Европу — на войну, которая потребуеть войска, и для которой правительство не задумается объявить народное ополченіе или страшный наборъ, т. е. въ конецъ убить въ странѣ всякую промышленно-торговую и сельско-хозяйственную дѣятельность, на войну, которая потребуеть денегъ и, слѣдовательно, дастъ

правительству случай сдѣлать принудительный заемъ или прибѣгнуть къ болѣ легкому средству для него, но болѣ тяжелому для народа—къ выпуску бумажныхъ денегъ, что окончательно уронить ихъ, вызоветъ неслыханную дороговизну и непремѣнно кончится банкротствомъ государства.

И все это для спасенія отечества! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ не русское правительство своими жестокостями въ Польшѣ, презрѣнiемъ народныхъ и человѣческихъ правъ, посылкою сатраповъ вродѣ изверга Муравьева, разстрѣливаньемъ и вѣшаньемъ лучшихъ людей польскихъ вызвало Европу, а Европа, единственно изъ зависти, хочетъ стереть Россiю съ лица земли!

И для того, чтобы прикрыть свой деспотизмъ, свои гнусныя дѣйствiя, свое нравственное безсилiе, напугать и придать ненужной и позорной для Россiи войнѣ видъ воли народной, правительство прибѣгло къ подачѣ адресовъ. Ни для кого не секретъ, что адреса вызваны секретными циркулярами Валуева къ представителямъ сословiй и синода къ попамъ. Мы имѣемъ этому положительныя доказательства въ видѣ этихъ циркуляровъ, научающихъ обманывать народъ... Большинство тѣхъ, которые подписываютъ адреса—сознательно-презрѣнные льстецы, измѣнники родины; они тѣмъ болѣе презрѣнны, что, подавая адреса и подталкивая правительство на войну, они очень хорошо знаютъ, что они ничѣмъ не жертвуютъ, что вся тяжесть войны падеть на бѣдный, честный, ослѣпленный, ничѣмъ не виноватый народъ. что даже месть народная за ихъ предательство падеть не на нихъ, а на ихъ потомковъ. Остальные подписываютъ унижительныя адреса по принужденiю, рѣшительно не сознавая ихъ значенiя, этому мы имѣемъ слишкомъ много примѣровъ, а крестьяне вынуждаются къ адресамъ исправниками, становыми и обманомъ и хитростью поповъ.

И такiе-то адреса выдаются за выраженiе воли народной! И такiя то заявленiя выдаются за искреннее высказыванiе свободаго мнѣнiя! Но кто же не понимаетъ. что свободное выраженiе мысли у насъ невозможно и преслѣдуется съ жестокостью, и что можетъ высказываться одна грубая лесть правительству. Правительство, запрещающее газеты и журналы за одно полусвободное, полурабское слово, имѣетъ настолькоъ безстыдства, что увѣряетъ, будто бы его поддерживаетъ общественное мнѣнiе, и будто бы это мнѣнiе независимо и свободно. И русское правительство, ведя войну, будетъ увѣрять, что оно ведетъ ее для блага народа.. Бѣдный народъ! Когда ты избавишься отъ такихъ непрошенныхъ, безумныхъ, жестокосердыхъ благодѣтелей!

Эти благодѣтели—враги твои, тираны родины, слѣпо ведущiе ее, для своихъ корыстныхъ цѣлей къ гибели... Ихъ поддерживаютъ измѣнники. отдающiе свой народъ на произволь . . . . . Мы всегда и вездѣ признаемъ, что война есть величайшее изъ золъ, что народъ не стадо барановъ, что кровь его не вода.—допускаемъ одну войну,—и то, какъ неизбежное зло,—войну за свободу, войну противъ рабства и деспотизма, и за это насъ называютъ кровожадными. Но какъ назвать правительство, и васъ, его сообщниковъ, истратившихъ въ Восточной войнѣ, ради каприза деспота болѣе пятисотъ миллионовъ денегъ бѣднаго народа и погубившихъ триста тысячъ лучшаго населенiя, и теперь вовлекающихъ народъ въ войну еще болѣе ужасную, которая потребуетъ жертвъ вдвое болѣе и покроетъ страну незаслуженнымъ позоромъ? Какъ назвать того, кто начало крестьянской

свободы окропилъ кровью бездненскаго и другихъ побоищъ, кто лучшихъ сыновъ родины заточаетъ въ крѣпости, ссылаетъ въ Сибирь, стрѣляетъ?

Нѣтъ вамъ другого имени, какъ презрѣнные рабы, тираны народа, измѣнники родины, высасывающіе изъ нея послѣднюю каплю крови!

* * *

Комитетъ по случаю выхода четвертаго номера „Великорусса“ получилъ отъ бывшихъ членовъ Комитета Великорусса слѣдующее заявленіе для опубликованія:

„Члены бывшаго комитета Великорусса, прекратившіе свое изданіе на третьемъ номерѣ и соединившіеся съ обществомъ „З. и В.“, во имя одной общей цѣли считаютъ долгомъ объявить, что листокъ, выпущенный подъ именемъ Великорусса—подлогъ, что легко замѣтить, какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанию“.

Пользуясь случаемъ, Р. Ц. К. извѣщаетъ, что онъ принимаетъ на себя отвѣтственность только за изданія, выходящія съ извѣстною печатью ¹⁾.

* * *

Комитетъ считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія членовъ организаціи, что лица, уполномоченныя имъ,—снабжены ясными документами и потому просить, во избѣжаніе повторенія случившихся недоразумѣній, *ни въ какомъ случаѣ* не исполнять требованій лицъ, не имѣющихъ этихъ документовъ.

* * *

Номера выданныхъ квитанцій напечатаны въ особомъ прибавленіи къ этому номеру „Свободы“ ²⁾.

Типографія общества „З. и В.“

---

¹⁾ Четвертаго № „Великорусса“ у насъ нѣтъ. Если онъ у кого-нибудь нѣтъ, то убѣдительно просимъ достать намъ хотя бы только копию съ него. Было бы чрезвычайно любопытно распутать происхожденіе № 4 „Великорусса“, который сами члены бывшаго комитета „Великорусса“ считаютъ „подлогомъ“. Чье же это было дѣло? Не сохранилось ли у кого-нибудь изъ нашихъ читателей какихъ-либо по этому предмету свѣдѣній? Ред.

²⁾ Этого „особаго прибавленія“ у насъ также нѣтъ.

Ред.

Изъ прошлаго.

I.

День 29-го марта 1878 года былъ для меня весьма хлопотливымъ. Братъ моей жены, ученикъ одной изъ кievскихъ гимназій, жестоко простудился, катаясь съ товарищами на лодкѣ по Днѣпру. Врачи опредѣлили уплотненіе верхушекъ легкаго и совѣтовали безотлагательно отправить юношу куда-нибудь на югъ—въ Италію или хотя бы въ Крымъ. Пришлось со всею поспѣшностью организовать отъѣздъ юноши изъ Кіева, и хлопоты по этому дѣлу заняли у меня весь день съ утра до вечера.

Крайне усталый вернулся я къ себѣ поздно ночью и, наскоро закусивъ, рѣшилъ немедленно же лечь спать. Я уже былъ полураздѣтъ, когда постучали во входную дверь. Накинувъ верхнее платье, я отворилъ. Вошелъ молодой человѣкъ въ мундирѣ околочнаго.

— Чему обязанъ вашимъ визитомъ?

— А вотъ вамъ экстренная бумажка.

Въ бумажкѣ значилось, что я долженъ пожаловать въ Старокіевскій участокъ «вслѣдствіе лично до него», т. е. до меня «касающагося дѣла».

— Какое тамъ у васъ до меня дѣло, и нельзя ли его устроить завтра утромъ?

— Нѣтъ, приставъ сказалъ, что надо сейчасъ. Я и то уже второй разъ къ вамъ захожу, васъ дома не было. А какое дѣло, право, не знаю.

Я одѣлся и, не прощаясь съ женой, отправился вмѣстѣ съ околочнымъ, предполагая невдолгѣ вернуться.

На улицѣ насъ ожидалъ извозчикъ. Участокъ былъ недалеко, и черезъ нѣсколько минутъ мой провожатый ввелъ меня въ кабинетъ пристава, вяло перебиравшаго при тускло горѣвшей лампѣ какія-то лежавшія на столѣ бумаги.

— Вотъ они-съ. На силу засталъ,—отрѣкомендовалъ меня околочный.

Приставъ равнодушно взглянулъ на меня и сказалъ:

— А-а. Хорошо. Ну, отвезите.

— Пожалуйте,—любезно пригласилъ меня околочный.

Мы снова вышли на улицу и опять усѣлись въ извозчичьи дрожки, но направились не домой ко мнѣ, а въ прямо противоположную сторону.

Мнѣ не хотѣлось первому начинать разговоръ и спросить моего спутника, что все это значитъ. Молча спустились мы къ Крещатику и стали подниматься въ Липки.

Наконецъ, околоточный не вытерпѣлъ и заговорилъ.

— А знаете, куда я васъ везу?

— Да почему же мнѣ знать!

— Въ крѣпость. Вы арестованы.

— Арестованъ? За что? Отчего же приставъ не объяснилъ мнѣ причины ареста?

— Кто его знаетъ! Да мы вообще никому не объясняемъ причинъ. Намъ и самимъ ихъ не всегда сообщаютъ. Прикажутъ арестовать—наше дѣло исполнить. Должно быть, за послѣднюю студенческую исторію.

— Но въ студенческой исторіи я не принималъ никакого участія; я не студентъ, и уже полгода какъ выбылъ изъ университета за окончаніемъ курса. Наконецъ, во все время студенческихъ волненій меня и въ Кіевѣ не было: я гостилъ у брата въ Черниговѣ.

— Такъ вы уже окончили университетъ? А у насъ по бумагамъ вы значитесь студентомъ. Вы на какомъ факультетѣ были, позвольте спросить.

— На математическомъ!

— У-ухъ, трудный факультетъ! У васъ тамъ, должно быть, все тригонометрію изучаютъ. Вотъ должно быть мудреная наука.

— Напротивъ того, очень простая и легкая.

— Ну, я не знаю. Я вѣдь дошелъ только до четвертаго класса. Не давалась мнѣ математика. Бился-бился, да такъ и пришлось гимназію бросить. Вотъ теперь служу околоточнымъ.

Болтая такимъ образомъ, мы въѣхали черезъ Николаевскія ворота въ крѣпость, проѣхали мимо арсенала и очутились, наконецъ, на какомъ-то обширномъ четырехугольномъ плацу, окруженномъ выступавшими неясно въ ночной темнотѣ низкими зданіями казарменнаго типа. Повернувъ вправо, мы подъѣхали къ одному изъ этихъ зданій и вошли въ какое-то вонючее помѣщеніе, въ которомъ было десятка два солдатъ. Околоточный подошелъ къ старшему, о чемъ то съ нимъ пошептался, передалъ какой-то пакетъ, получилъ какую-то квитанцію и, пожелавъ мнѣ „всего хорошаго“, удалился во свояси. Старшой предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ.

Мы вышли на плацъ и направились наискосокъ къ другому зданію. Это была гауптвахта № 7. Солдатъ ввелъ меня въ дежурную комнату, въ которой находилось нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ, нѣтъ ли у меня съ собой денегъ и какого-либо оружія. Я сказалъ, что имѣю при себѣ перочинный ножикъ и въ портмоне нѣсколько мелочи.

— Я попрошу васъ и деньги, и ножикъ передать мнѣ. Потомъ вы все получите обратно.

Я передалъ, но обратно никогда ничего не получилъ.

Затѣмъ—опять „пожалуйте“, на этотъ разъ въ корридоръ гауптвахты. Подошли къ какой-то двери, зазвенѣли ключи, закрипѣлъ толстый желѣзный засовъ, и я очутился въ маленькой грязной клѣтушкѣ, въ которой меня заперли на замокъ.

Каморка моя имѣла восемь шаговъ въ длину и пять въ ширину. Освѣщалась она однимъ небольшимъ, довольно грязнымъ окномъ съ потускнѣвшими стеклами и снабженнымъ желѣзною рѣшеткою. Подъ окномъ снаружи мѣрно шагаль взадъ и впередъ часовой. Иногда онъ останавливался у окна и глядѣлъ, что дѣлается въ каморкѣ. Меблировка послѣдней состояла изъ небольшого простого некрашеного столика, на которомъ горѣла керосиновая лампочка-копѣлка, такого же небольшого табуретика и деревянной кровати съ грязнымъ-прегрязнымъ тюфякомъ, набитымъ соломой. Я былъ достаточно утомленъ, но не могъ рѣшиться не то что лечь, но даже сѣсть на подобную постель. Впослѣдствіи безрелигиозности этой у меня таки сильно поубавилось.

Оставшись одинъ, я попытался отдать себѣ отчетъ въ случившемся. Я арестованъ—это ясно. Но за что? Никакой вины за собой я не чувствовалъ Перебирая въ памяти свое студенческое житье-бытье я не могъ отмѣтить ничего политически предосудительнаго. Все почти время я жилъ артельно съ товарищами, и раза два всѣ мы подвергались обыску—кто изъ студентовъ не подвергался этому! Обыскивали всѣхъ насъ, не предъявляя ни къ кому спеціальныхъ обвиненій. Обыски были совершенно безрезультатны. У меня кромѣ математическихъ книгъ не находили ничего, а искали, повидимому, революціонныхъ изданій. Разъ вниманіе жандарма остановила докторская диссертація проф. астрономіи Хандрикова «Теорія возмущеній», но, раскрывъ эту теорію, жандармъ убѣдился въ полной ея благонадежности: трактовались возмущенія планетныхъ и кометныхъ орбитъ.

Потомъ былъ еще такой инцидентъ. Однажды попечитель округа, генераль Антоновичъ, вызвалъ къ себѣ для объясненій человѣкъ 20 студентовъ, въ томъ числѣ и меня. Когда мы явились, добродушный старикъ оказался очень взволнованнымъ и обратился къ намъ съ цѣлой рѣчью. Отъ жандармеріи онъ получилъ извѣщеніе, будто мы, всѣ вызванные, замыслили разнести-разгромить университетъ съ цѣлью заставить студентовъ уйти «въ народъ» на пропаганду. «Неужели, господа, это правда? Вѣдь это же безумно, это верхъ нелѣпости! Я понимаю... возможны увлеченія... я и самъ въ молодости увлекался... но... господа, вы же люди разумные»... У старика на глазахъ были слезы. Донось былъ безусловно нелѣпъ, что мы единодушно и горячо засвидѣтельствовали. Генераль успокоился, поблагодарилъ и отпустилъ съ миромъ. Казалось, инцидентъ этимъ и былъ исчерпанъ.

Еще случай, довольно для того времени характерный. Однажды мы съ женой, тогда еще только моей невѣстой, гостили во время пасхальныхъ каникулъ у ея родителей въ имѣніи, въ знаменитомъ

тогда по дѣлу Дейча и Стефановича Чигиринскомъ уѣздѣ. Благополучно отгостивъ, мы отправились обратно въ Кіевъ. Въ Черкасахъ нужно было сѣсть на пароходъ, а до Черкасъ проѣхать на лошадахъ. Ъхали мы въ тарантасѣ втроемъ: я, жена и ея братъ гимназистъ. Послѣднему вздумалось вздремнуть и, устраиваясь поспать, онъ какъ-то незамѣтно вытолкнулъ изъ тарантаса небольшой женинъ саквояжъ, въ которомъ находилась разная мелочь, туалетныя принадлежности и, между прочимъ, нѣсколько цѣнныхъ золотыхъ вещей. Какъ разъ вслѣдъ за нами ѣхалъ мѣстный становой приставъ, хорошо знавшій, кто мы, откуда и куда ѣдемъ. Онъ поднялъ саквояжъ, но вмѣсто того, чтобъ крикнуть намъ, остановить и возвратить потерянное, рѣшилъ освѣдомиться относительно содержанія саквояжа. Цѣнныхъ золотыхъ вещей онъ почему-то не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ не упомянулъ о нихъ въ протоколѣ ни однимъ словомъ, и онъ навсегда для насъ и безслѣдно погибли. Зато онъ нашелъ нѣчто другое, а именно, двѣ или три революціонныхъ сказки, «Хитрую механику», кажется, «Сказку о четырехъ братьяхъ» или еще что-то. Невинныя эти, въ сущности, литературныя произведенія, въ огромномъ количествѣ обращавшіяся въ публикѣ, признавались тогда правительствомъ страшно для государства опасными.

Пріѣхавъ въ Черкасы, мы тотчасъ же замѣтили отсутствіе саквояжа, заявили объ утратѣ пристанному полицейскому, пообѣщали его «поблагодарить», если онъ поможетъ отыскать потерянную вещь; жена пожалѣла нѣкоторыхъ дорогихъ, ей бывшихъ въ саквояжѣ предметовъ, и мы продолжили наше путешествіе, нисколько не подзрѣвая оборота, который тѣмъ временемъ принималъ этотъ совершенно, казалось, заурядный случай.

Приставъ заварилъ кашу. О своей находкѣ онъ сообщилъ въ Кіевъ, и оттуда наряжено было разслѣдованіе. Нагрянули въ имѣніе жениныхъ родителей, подвергли опросу прислугу и всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ. Допытывались, что мы дѣлали, гдѣ бывали, какъ проводили время, не говорили ли чего «противъ царя», не раздавали ли какихъ книжекъ. «Разслѣдованіе» дало совершенно отрицательные результаты. И прислуга, и крестьяне въ одинъ голосъ свидѣтельствовали, что жили мы все время «спокойно», сидѣли дома, гуляли въ саду, никому ничего предсудительнаго не говорили и никакихъ книжекъ не раздавали.

Тогда принялись за насъ. Жены въ Кіевѣ не было, она была медичка и уѣхала въ Петербургъ на курсы. Справились у гимназическаго начальства о ея братѣ, какого онъ «поведенія» и не замѣченъ ли въ какихъ либо «неблагонамѣренныхъ» увлеченіяхъ. Начальство аттестовало юношу съ наилучшей стороны: поведенія расчудеснаго, учится хорошо и ни въ чемъ другомъ не замѣченъ.

Потомъ пригласили въ жандармское правленіе меня и подвергли формальному допросу. Допрашивалъ очень извѣстный въ то время въ

Кіевъ товарищъ прокурора Котляревскій, ¹⁾ и въ началѣ допроса присутствовалъ тоже всѣмъ тогда въ Кіевѣ извѣстный адъютантъ жандармскаго управленія штабъ-ротмистръ баронъ Гейкинъ. На допросѣ я впервые узналъ, во что обратился инцидентъ съ потерей саквояжа. Котляревскій спросилъ меня, не мнѣ ли принадлежали найденныя въ саквояжѣ брошюры, а Гейкинъ совѣтовалъ поступить «по-рыцарски» и принять «всю вину» на себя, такъ какъ иначе можетъ подвергнуться неприятностямъ моя спутница. Я отвѣчалъ, что о найденныхъ въ саквояжѣ книжкахъ мнѣ ровно ничего неизвѣстно, что никто изъ насъ ихъ туда не клалъ, что въ невиновности и моей спутницы, и ея брата я такъ же увѣренъ, какъ и въ своей собственной, и что поэтому не имѣю никакихъ поводовъ поступать по рекомендуемому мнѣ «рыцарскому» способу.

— Тогда объясните же намъ, какимъ образомъ могли попасть *во вашъ* саквояжъ революціонныя изданія? Согласитесь сами: кто-нибудь ихъ туда положилъ же?

— Безъ сомнѣнія, разъ что они тамъ найдены. Но кто ихъ могъ туда положить, я рѣшительно не знаю. Вотъ что туда положены были не упоминаемыя въ протоколѣ золотыя вещи, это я хорошо знаю, потому что онѣ укладывались при мнѣ, и я самъ завертывалъ ихъ въ бумагу.

— Относительно золотыхъ вещей... по вашему заявленію я не могу возбуждать вопроса. Саквояжъ вскрытъ былъ при понятыхъ, и золотыхъ вещей въ немъ найдено не было.

— Но вѣдь онъ могъ быть вскрытъ и раньше, безъ понятыхъ, ключикъ вѣдь находился тутъ же.

— Хм... для такого предположенія я не имѣю никакихъ данныхъ.

Въ концѣ концовъ Котляревскій призналъ, что все «дѣло» не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Книжки найдены были въ одиночныхъ экземплярахъ, а показанія прислуги и крестьянъ исключаютъ всякую мысль о революціонной пропагандѣ. Я замѣтилъ, что въ данной мѣстности подобная пропаганда при посредствѣ найденныхъ книжекъ была бы нелѣпа: «сказки» написаны по-русски, а чигиринскіе хохлы съ трудомъ понимаютъ книжный русскій языкъ. Котляревскій призналъ справедливость этого довода. Въ заключеніе я спросилъ, неужели разныя эти «Хитрыя механики» и «Сказки» такъ ужъ для государства опасны, что изъ-за нихъ стоитъ подымать столько шума? Котляревскій и тутъ согласился со мною и сказалъ, что, и по его мнѣнію, «Сказки» и «Механики», конечно, пустяки, но что жандармерія смотритъ на вопросъ иначе.

На томъ мы разстались. Составленъ былъ надлежащій прото-

¹⁾ Прославился Котляревскій, главнымъ образомъ, вслѣдствіе произведеннаго на его жизнь покушенія. Въ покушеніи на жизнь Котляревскаго принимали участіе Пивчевичъ и Осинскій и др. Это былъ одинъ изъ первыхъ террористическихъ актовъ. Покушеніе произведено было на улицѣ, ночью, но съ „негодными средствами“: пуля пробила епотовую шубу, въ которую закутанъ былъ Котляревскій, но не причинила ничтожно малѣйшаго вреда,—револьверъ былъ слишкомъ слабъ.

коль допроса, я подписалъ и затѣмъ былъ отпущенъ. Прощаясь Котляревскій заявилъ, что, по его мнѣнію, «дѣло» мое не будетъ имѣть послѣдствій.

Таковы были фактически всѣ мои тогдашнія политическія прегрѣшенія. Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобъ именно они могли послужить причиною ареста. Многіе изъ моихъ товарищей по курсу были «скомпрометированы» не меньше моего, но это не помѣшало имъ устроиться на государственную службу тотчасъ же послѣ выпускного экзамена. Могъ поступить по ихъ примѣру и я. Попечитель Антоновичъ предлагалъ мнѣ на выборъ цѣлый рядъ учительскихъ мѣстъ въ округѣ. Равнымъ образомъ я имѣлъ предложенія изъ другихъ округовъ, и одно время думалъ было взять мѣсто на Кавказѣ. Но мнѣ хотѣлось остаться въ Кіевѣ, гдѣ я могъ бы пользоваться богатой университетской бібліотекой и другими учеными пособиями, не разрывая въ то же время тѣсной связи, сложившейся у меня съ кружкомъ друзей-профессоровъ. Желаніе остаться въ Кіевѣ оказалось осуществимымъ. Одинъ изъ моихъ профессоровъ состоялъ также преподавателемъ въ старшихъ классахъ кіевской военной гимназіи. Получивъ повышение въ университетѣ, онъ рѣшилъ оставить гимназію и предложилъ уступить свое мѣсто мнѣ. Я, конечно, охотно принялъ это предложеніе. Профессору взялся отрекомендовать меня директору гимназіи генералу Юшенову, съ которымъ и мнѣ совѣтовалъ повидаться. Я побывалъ у Юшенова, и мы сговорились, что послѣ каникулъ я прочту такъ называемые пробные уроки и буду зачисленъ штатнымъ преподавателемъ гимназіи.

Что касается мартовской 1878 года студенческой «исторіи», то къ ней я вовсе не былъ причастенъ. Она еще не начиналась, когда я уѣхалъ въ Черниговъ, откуда вернулся уже послѣ всѣхъ совершившихся событій со времени вердикта, произнесеннаго университетскимъ судомъ. Съ тактической стороны самая «исторія» мнѣ очень не нравилась. Я находилъ, что при нѣскольکو болѣе искусной и умѣлой постановкѣ дѣла можно было добиться желанныхъ результатовъ безъ ненужнаго гвалта, безъ еще менѣе нужныхъ жертвъ и не обостряя отношеній ни съ властью, ни съ коллегией профессоровъ. Поэтому въ разговорахъ со студентами я довольно рѣзко критиковалъ ихъ приемы, что подчасъ и со стороны студентовъ вызывало рѣзкую отповѣдь по моему адресу.

Итакъ, на чемъ же слѣдовало остановиться, чтобы объяснить случившееся со мною приключеніе? Не было ли у меня какихъ-либо компрометирующихъ знакомствъ? Въ послѣдніе годы своей студенческой жизни я всего болѣе вращался въ средѣ высшей кіевской интеллигенціи, въ средѣ профессоровъ. Близкіе со мною профессора, хотя и были люди либеральные, но не черезъ чуръ и, во всякомъ случаѣ, очень осторожные. Мои друзья-товарищи студенты были, правда, въ большей или меньшей степени прикосновенны къ освободительному движенію въ тогдашнихъ его формахъ, но опять-таки прикосновенность эта не заходила чрезмѣрно далеко.

Исключеніе составлялъ лишь медикъ Николай Колодкевичъ. Это была личность дивной нравственной чистоты. Колодкевичъ страстно любилъ обездоленный народъ и горячо принималъ къ сердцу его интересы, а такъ какъ слово у этого человѣка не расходилось съ дѣломъ, то онъ и старался активно, по мѣрѣ силъ и умѣнья, помочь народному горю. Въ періодъ увлеченія пропагандой Колодкевичъ отправился съ книжками «въ народъ». Разумѣется, усилія его не имѣли успѣха, что было причиною большихъ моральныхъ страданій. Вскорѣ онъ былъ гдѣ-то захваченъ съ поличнымъ и посаженъ въ тюрьму.

Продолжительное тюремное заключеніе крайне вредно повліяло на и безъ того слабый организмъ Колодкевича. Когда его, наконецъ, освободили, онъ еле двигался, и врачи совѣтовали ему отправиться поскорѣе куда-нибудь поужнѣе и основательно отдохнуть. Но Колодкевичъ былъ бѣднякъ, и для праздныхъ путешествій у него не было средствъ. На товарищескомъ совѣщаніи мы рѣшили, что для него необходимо подыскать гдѣ-нибудь въ южныхъ губерніяхъ хорошій урокъ въ богатой семьѣ. Случилось такъ, что мнѣ предложили очень выгодныя каникулярныя занятія этого рода у помѣщика на югѣ Подольской губерніи. Я тотчасъ же рѣшилъ уступить урокъ Колодкевичу. Но вотъ была загвоздка: онъ выпущенъ былъ изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи и былъ припиленъ къ мѣсту жительства. Нужно было добиться свободы передвиженія. Разрѣшить этотъ вопросъ зависѣло отъ барона Гейкинга, и я рѣшилъ схватить быка прямо за рога, повидаться съ барономъ и лично попросить за Колодкевича. Я былъ еще настолько наивенъ, что серьезно рассчитывалъ вызвать въ жандармѣ человѣческое чувство состраданія къ измученному и духовно, и физически человѣку. Вѣрнѣе было бы подыскать подходящую барынюку и подѣйствовать черезъ нее. Гейкингъ былъ очень чувствителенъ съ женщинами и по ходатайству хорошенькой дамы, навѣрное, что-нибудь бы сдѣлалъ. Но такой методъ дѣйствія мнѣ претилъ и казался недостойнымъ, особенно въ дѣлѣ, касающемся Колодкевича.

Когда я произнесъ барону это имя, жандармъ сразу насторожился и сталъ пристально въ меня вглядываться.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, что побуждаетъ васъ хлопотать за Колодкевича?

— Какъ что? Онъ мой товарищъ по университету, притомъ товарищъ, попавшій въ бѣду. Вы мнѣ какъ-то говорили, что въ свое время и сами вы были студентомъ Дерптскаго университета, значитъ, товарищескія чувства не могутъ быть вамъ неизвѣстны.

— Да, но товарищи бываютъ разные. Знаете ли вы, что это за господинъ этотъ Колодкевичъ?

— Онъ прекрасный человѣкъ, баронъ. Если онъ нѣсколько увлекся, ошибся, то вѣдь болѣе чѣмъ достаточно поплатился за свое увлеченіе. Вы его жестоко наказали, теперь онъ боленъ, еле ходитъ—дайте же ему отдохнуть и въ себя придти. Онъ оправится,

вернется въ университетъ къ наукѣ, окончить курсъ и будетъ полезнѣйшимъ членомъ общества.

— Знаете ли, что я вамъ посоветую: держите себя подалше отъ такихъ господъ, какъ Колодкевичъ. Не то что дружба, а и знакомство съ ними до добра васъ не доведутъ. Просьбы вашей я исполнить не могу.

Нестерпимо тяжелыя условія полицейскаго надзора заставили Колодкевича перейти на нелегальное положеніе. Впослѣдствіи онъ примкнулъ къ террористамъ. Когда я его зналъ, онъ съ терроромъ не имѣлъ ничего общаго. Напротивъ того, и на сходкахъ, и въ кружковыхъ бесѣдахъ онъ горячо вставалъ противъ всякихъ приемовъ насилія отъ кого бы оно ни исходило. Террористомъ его сдѣлали власти своими неистовыми преслѣдованіями и гоненіями. Безграничное беззаконіе создало и самый терроръ. ¹⁾

Въ послѣдніе годы моего студенчества мнѣ уже не приходилось встрѣчаться съ Колодкевичемъ: онъ исчезъ съ моего горизонта ²⁾.

Вспомнилъ, наконецъ, и совсѣмъ недавній разговоръ съ Гейкингомъ. Встрѣтились мы какъ-то на улицѣ, какъ разъ въ то время, когда я помышлялъ о Кавказѣ. Гейкингъ весело поздоровался со мною и въ своемъ обычномъ шутиломъ тонѣ спросилъ:

— Ну, какъ дѣла?

— Такъ себѣ. Вотъ покончилъ съ экзаменами, получилъ кандидата и собираюсь поступить на службу.

— Куда же вы собираетесь?

— Хочу устроиться гдѣ-нибудь на Кавказѣ.

— Что такъ далеко?

— Да такъ. Drang nach Osten. Wo die Zitronen blühen.

— А не ощущаете ли вы Drang nach Nord-Osten wo, die Moroschka blüht?

Я въ такомъ же шутиломъ тонѣ отвѣчалъ, что скверная флора нисколько меня не интересуеть и штудировать ее я не предполагаю.

Наскоро перебравъ въ памяти все изложенное, я пришелъ къ заключенію, что никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ поводовъ для моего ареста не было и нѣтъ. Очевидно, онъ—простое полицейское недоразумѣніе. Плохо освѣдомленная небрежная полиція при-

¹⁾ Другой яркій примѣръ превращенія мирнаго челоуѣка въ террориста представляетъ Людмила Александровна Александрова, по мужу Волкенштейнъ. Я довольно близко зналъ ее дѣвушкой, а когда она была въ выпускномъ классѣ гимназіи, занимался одно время съ нею по математикѣ. Въ то время это была необыкновенно красивая, вдумчивая, симпатичная, но совершенно мирная барышня, и я ни за что не предсказалъ бы той печальной участи, которая ожидала ее въ недалекомъ будущемъ. Въ память нашихъ дружескихъ отношеній Людмила Александровна подарила мнѣ тогдашнюю свою фотографическую карточку, которую мнѣ удалось сберечь до сихъ поръ, несмотря на обыски и вѣтки, которымъ пришлось подвергаться.

²⁾ Какъ извѣстно, Н. Н. Колодкевичъ былъ въ 1882 году приговоренъ по дѣлу 20 народовольцевъ къ повѣшенію. Эта кара была ему замѣнена вѣчной каторгой. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ въ Алексѣевскомъ раялиниѣ Петропавловской крѣпости.
Ред.

путала меня къ студенческой исторіи и арестовала совершенно зря. Жандармеріи хорошо извѣстно, что я не студентъ, а доказать свою непричастность къ мартовскимъ волненіямъ я, конечно, очень легко сумѣю. Надо подождать до утра, утромъ вызвать кого-нибудь изъ власть имущихъ и разъяснить дѣло. На томъ я и успокоился.

Между тѣмъ на гауптвахтѣ давно уже замѣчалось какое-то странное и все возрастающее движеніе. По корридору то и дѣло ходили, слышенъ былъ лязгъ ключей, звонъ отпираемыхъ и запираемыхъ замковъ, скрежетъ дверныхъ засововъ. Стали доноситься чьи-то голоса, громкій смѣхъ, привѣтственные возгласы. Вотъ остановились у моей двери, отперли ее, и ко мнѣ влетѣлъ какой то рослый юноша, за которымъ дверь тотчасъ же закрылась. Нѣсколько мгновений мы недоумѣвающе смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, я прервалъ молчаніе.

— Арестованы и вы?

— Арестованъ...

— Ваша фамилія?

— Гольденбергъ. А ваша?

Я назвалъ себя. Это былъ Гольденбергъ младшій. И онъ не былъ студентомъ. За «дурное поведеніе» его изгнали изъ какой-то кievской гимназіи, и онъ готовился къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Къ студенческимъ волненіямъ причастенъ не былъ и основаній своего ареста уяснить себѣ не могъ.—«Должно быть изъ-за брата. Братъ вотъ уже сколько времени сидитъ по дѣлу Котляревскаго ¹⁾), а теперь арестовали и меня». Арестъ, впрочемъ, нисколько не смущалъ юношу; напротивъ того, онъ какъ бы гордился имъ и чувствовалъ себя героемъ.

А по корридору все продолжали ходить и ходить. Заскрипѣла сосѣдняя дверь, и камера рядомъ съ нами сразу получила нѣсколько жильцовъ. Отдѣляющая стѣнка не была особенно массивна, и мы совершенно явственно услышали говоръ заключенныхъ. Гольденбергъ постучалъ въ стѣнку и спросилъ, кто сидитъ. Оказалось студенты братья Львовы и еще кто-то. Еще разъ подошли къ нашей двери и присоединили къ намъ студента первокурсника Мурзаяна. Какъ и Гольденберга, Мурзаяна я видѣлъ первый разъ въ жизни. Взяли его прямо съ постели, и онъ, поговоривъ немного съ нами, завернулся въ пальто и улегся спать на единственной въ нашей камерѣ кровати. Мы съ Гольденбергомъ не спали всю ночь. Къ утру гауптвахта была биткомъ набита заключенными и гудѣла, какъ взбудораженный пчелиный улей.

Въ урочный часъ произошла смѣна караула, и новый начальникъ нашей стражи, довольно пожилой армянинъ, обходилъ всѣ камеры. Мурзаянъ, тоже армянинъ, выпалилъ по его адресу нѣсколько премуморительныхъ армянскихъ шутокъ. Офицеръ не остался въ долгу,

¹⁾ Гольденбергъ въ началѣ 1878 г. былъ арестованъ въ Кіевѣ по дѣлу о покушеніи на Котляревскаго, но обвиненіе было совершенно ошибочно.

и оба весело хохотали. Я заявилъ, что прошу вызвать кого-либо изъ подлежащихъ начальниковъ, такъ какъ считаю свое задержание недоразумѣніемъ, которое желалъ бы выяснить. Офицеръ обѣщалъ передать кому слѣдуетъ мое заявленіе.

Спустя нѣкоторое время начальникъ караула приказалъ отворить всѣ камеры, предложилъ намъ самимъ размѣститься какъ удобнѣе и подобрать себѣ подходящихъ компаньоновъ. Мы вышли въ корридоръ, и тутъ я могъ перезнакомиться со всѣми моими товарищами по заключенію. Изъ моихъ старыхъ друзей-знакомыхъ тутъ были: И. П. Ювенальевъ, мой однокурсникъ, кандидатъ университета, оставленный для подготовки къ профессурѣ по кафедрѣ физики, медеки Лопатинъ и Фибровский, юристы Пугинюкъ и Когутовъ. Остальные были все студенты молодежь, съ которыми до этого мнѣ не приходилось встрѣчаться. Всѣ принимали активное участіе въ мартовскихъ волненіяхъ, къ которымъ причастны были и названные выше мои университетскіе товарищи. Всѣ арестованы были въ истекшую ночь внезапно и безъ объясненія причинъ, и отчасти поэтому всѣ относились къ аресту легко, признавая его какъ бы придуманной Гейкинымъ шуткой, которая не можетъ долго продолжаться и не будетъ имѣть никакихъ особенныхъ послѣдствій. Только опытный и видавшій виды Пугинюкъ былъ иного мнѣнія и относился къ нашему положенію пессимистичнѣе. Но заключенія его всѣ признавали совершенно неправдоподобными. Пугинюкъ полагалъ, что намъ грозитъ высылка въ отдаленныя губерніи.

Я перешелъ въ камеру Пугинюка. Кстати, онъ былъ выбранъ нашимъ старостой и просилъ меня кой въ чемъ ему помочь.

Всего заключенныхъ въ маленькой гауптвахтѣ № 7 было, сколько помнится, человѣкъ до тридцати. Но говорили, что часть арестованныхъ содержится въ другихъ арестныхъ помѣщеніяхъ. Кое кого, кто несомнѣнно былъ задержанъ, на гауптвахтѣ не было.

Обѣдъ намъ доставили изъ города. Кто и какъ—мы не знали, но догадывались, что онъ былъ присланъ друзьями.

Послѣ полудня мнѣ доставили отъ жены небольшой чемоданъ съ бѣльемъ и вещами первой необходимости—со мною ничего вѣдь не было. Количество и подборъ присланнаго нѣсколько меня удивили. Я находилъ, что всего было слишкомъ много, а кое что и вовсе ненужное. Неужели жена предполагаетъ, что заключеніе мое продлится? Но вѣдь это вовсе невѣроятно! При вещахъ былъ ихъ перечень, писанный рукою жены, но иной какой-либо записки не было.

Еще новость! Пришелъ полицейскій чиновникъ опрашивать, не нужно ли кому изъ насъ казенныхъ полушубковъ?..

Зачѣмъ намъ полушубки? Вѣдь уже и въ лѣтнемъ пальто ходить жарко!..

— Такъ то оно такъ,—возразилъ загадочно улыбаясь чиновникъ,—въ Кіевѣ жарко, да можетъ вы окажетесь гдѣ-нибудь въ другой мѣстности, такъ тамъ полушубокъ-то и пригодится.

— Что-жъ насъ ссылають куда нибудь что ли?

— Мнѣ ничего неизвѣстно, а только приказано предложить полушубки, я вотъ и предлагаю.—Но столковаться съ нами ему не удалось и, махнувъ рукой, онъ сказалъ, что выпишетъ всѣмъ по полушубку, а тамъ, кому надо будетъ, тотъ возьметъ, а кому не надо—не возьметъ.

Вскорѣ послѣ этого начальникъ караула попросилъ насъ «зайти» въ камеры и заперъ. Ожидалось какое-то начальство. Въ камеры остался только староста Пугинюкъ. У меня мелькнула мысль, не по моему ли это утреннему заявленію кто-нибудь пожаловалъ, и я сталъ обдумывать надлежащее объясненіе. Ждать пришлось довольно долго. Наконецъ, послышались шаги, залазгали ключи, отперлась дверь, и на порогъ появился добродушный армянинъ офицеръ, любезно объявившій, что начальство уже уѣхало, и теперь опять можно гулять по корридору... Пугинюкъ сообщилъ мнѣ, что это пріѣзжалъ Гейкинъ. Онъ побывалъ у всѣхъ заключенныхъ, никому ничего опредѣленнаго и яснаго не сказалъ, отдѣляясь отъ настойчивыхъ категорическихъ вопросовъ обычными пошлыми шуточками, и удалился. Моя камера находилась на концѣ корридора послѣднею, Гейкинъ спросилъ: «а тамъ кто?», ему отвѣтили, и онъ ко мнѣ не пошелъ.

Этотъ маневръ убѣдилъ меня, наконецъ, что въ арестѣ моемъ никакого недоразумѣнія или ошибки не кроется. Но тогда въ чемъ же дѣло? Что значить вся эта трагикомедія, зачѣмъ и кому она понадобилась? Удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы я подыскать не могъ.

Между тѣмъ рязвязка приближалась. Къ вечеру явились новые полицейскіе чины со спискомъ половины заключенныхъ и предложили имъ уложиться, объявивъ, что «завтра» они оставятъ гауптвахту. На всѣ вопросы, что и почему, переводятъ ли поименованныхъ въ спискѣ въ другую тюрьму, высылають ли или предполагають освободить, чины отговаривались стереотипнымъ ничего незнайствомъ и ссылались на приказанія.

Всѣмъ, наконецъ, стало ясно, что дѣло принимаетъ какой-то неожиданный оборотъ и что, пожалуй, Пугинюкъ правъ былъ, пророча ссылку. Перспектива ссылки однако-жъ никого не смущала и не огорчала. Напротивъ того, гауптвахта, казалось, еще повеселѣла. Отовсюду слышались шутки и остроты по адресу Гейкина и полиціи. Большинство относилось къ предстоящему подневольному путешествію, какъ къ нѣкоторой увеселительной экспедиціи. Всѣ, за исключеніемъ Пугинюка, были увѣрены, что ссылка долго не продлится. Ну—недѣли двѣ-три не болѣе. Да иначе вѣдь и быть не можетъ! За что же, въ самомъ дѣлѣ, карать суровѣе? Были волненія—что жъ тутъ особеннаго? Не проходитъ года, чтобъ студенчество не поволновалось хоть немного. На то и молодость, чтобъ живѣе, интенсивнѣе реагировать на факты окружающей дѣйствительности. Притомъ же волненія вызваны были вопіющею и всѣми признанною несправедливостью. Правда—на сторонѣ студен-

чества, и оно руководилось чистыми, морально прекрасными побуждениями. Такъ разсуждала почти вся гауптвахта. Тщетно Пугинюкъ и нѣкоторые другіе совѣтовали подготовиться къ худшему, ссылаясь на исконныя свойства режима, тупаго, холоднаго, безжалостнаго, бездушнаго, тщетно приводили недавніе, всѣмъ извѣстные примѣры,—никто почти не придавалъ должнаго значенія подобнымъ доводамъ. Иные полагали даже, что Пугинюкъ намѣренно злоупотребляетъ мрачными красками, чтобъ вызвать раздраженіе, внушить къ режиму ненависть и отвращеніе.

Изъ старыхъ моихъ товарищей въ объявленный полицейскій списокъ попали Ювенальевъ и Когутовъ. Укладка не заняла времени, такъ какъ вещей у всѣхъ было немного.

Начальникъ караула предложилъ намъ совмѣстную прогулку на «воздухъ». Отъ плаца, на окраинѣ котораго стояла гауптвахта, она отдѣлялась галлереей вродѣ навѣса, поддерживаемаго со стороны плаца колоннами со сводами. Галлерей эта и была отведена намъ для прогулки и для свиданій; за колонною разставлена была цѣпь часовыхъ, а потомъ протянута веревка, за которою стояли лица, пришедшія на свиданіе. Къ Пугинюку пришла его жена, а къ Гольденбергу—его родители и двѣ сестры, молоденькія хорошенькія дѣвушки; в послѣдствіи, сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ сосланъ въ Западную Сибирь. Старики Гольденберги плакали, глядя на сына, что сконфузило юношу, и онъ былъ свиданіемъ недоволенъ ¹⁾. Ко мнѣ никто не пришелъ.

Вечеръ мы провели за общимъ чаемъ, для котораго группировались, по мѣрѣ возможности, то въ той, то въ другой камерѣ. Говорили, разумѣется, о предстоящемъ путешествіи, въ которомъ уже перестали сомнѣваться — женѣ Пугинюка сообщили по этому поводу совершенно опредѣленныя свѣдѣнія—и изощрались въ предположеніяхъ о томъ, что насъ ожидаетъ. Молодежь думала, что будетъ разослана домою къ родителямъ. Жена Пугинюка сообщила также, что нѣсколько предназначенныхъ къ высылкѣ чело­вѣкъ си-

¹⁾ Вся семья Гольденберговъ, не исключая и стариковъ, подверглась сильнѣйшему преслѣдованію со стороны правительства. Кстати, нѣсколько словъ объ томъ предательствѣ, которое повлекло за собою такія колоссальныя послѣдствія. Вопросъ о немъ исторически далеко еще, къ сожалѣнію, не выясненъ. Лично мнѣ съ террористомъ Гольденбергомъ никогда не приходилось сталкиваться, но я много о немъ слышалъ отъ общихъ знакомыхъ и, на основаніи всѣхъ разсказовъ, заключаю, что по своей натурѣ Гольденбергъ предателемъ не былъ. Былъ онъ чело­вѣкомъ недалежнаго ума, не твердыхъ принциповъ, мало развитый нѣсколько тщеславный, нервный, склонный къ алкоголизму, но въ существѣ своемъ искренній и честный. Продолжительное одиночное заключеніе расшатало его нервную систему; возможно, что его и подпавали, и онъ совершенно добросовѣстно поддался на жандармскую удочку. Полагая спасти не то что попавшихъ въ бѣду товарищей, членовъ партіи, а всю Россію, онъ и далъ свои роковыя показанія. Онъ такъ былъ увѣренъ, что дѣлать нѣчто великое и прекрасное, что однажды, когда мимо его окна проводили кого-то изъ отправлявшихся на каторгу, онъ крикнулъ: „не унывай! скоро и тебя, и всѣхъ освободятъ: я веду съ правительствомъ переговоры относительно конституціи“. Когда онъ уяснилъ себѣ, наконецъ, истинное значеніе того, что онъ сдѣлалъ, онъ въ отчаяніи покончилъ съ собой.

дять въ другихъ мѣстахъ заключенія и, что вслѣдъ за нами ожидается еще массовая высылка.

Главнымъ событіемъ слѣдующаго дня былъ отъѣздъ товарищей. Съ утра явились полицейскіе по одному на каждого изъ увозимыхъ и потомъ потребное количество извозчиковъ. Когда сборы были окончены и всѣ формальности выполнены, товарищи, сердечно съ нами простившись, размѣстились на извозчикахъ, при чемъ рядомъ съ каждымъ усѣлся конвоиръ полицейскій. По данному начальникомъ кортежа сигналу извозчики тронулись, но направились, къ нашему удивленію, не черезъ плацъ въ сторону желѣзнодорожнаго вокзала, а въ прямо противоположную, и скоро отъѣзжавшіе, провожаемые съ галереи нашими прощальными криками, скрылись за ближайшимъ выступомъ крѣпостнаго бруствера.

Отправлявшій товарищей чиновникъ объявилъ намъ, оставшимся, что на завтра наша очередь и просилъ подготовиться. Мы въ сущности были уже готовы.

Послѣ увоза товарищей гауптвахта казалась опустѣвшею, а оставшіеся заключенные сдѣлались сосредоточеннѣе. Разъ что выѣздъ былъ неизбѣженъ — всѣмъ хотѣлось, чтобъ онъ состоялся скорѣе. Разговоры какъ-то не клеились, и всѣ больше сидѣли по камерамъ, хотя онѣ оставались открытыми. Послѣ полудня опять предложена была прогулка и свиданія. Къ Пугинюку снова пришла жена, а къ Гольденбергу—родители и сестры. Пугинюкъ сообщила, что товарищей увезли по Курской дорогѣ и отправили не съ вокзала, а съ товарной станціи, расположенной ближе къ желѣзнодорожному днѣпровскому мосту въ районѣ крѣпости. Вслѣдствіе этого проводы удались не вполне. Провожавшіе разбились на двѣ группы: одна дежурила у вокзала, а другая—на товарной станціи. Старикъ-Гольденбергъ сообщилъ сыну, что подалъ генераль-губернатору Черткову прошеніе о смягченіи участи и невысылкѣ сына изъ Кіева. Юноша былъ въ отчаяніи и рѣзко порицалъ предпринятую родителемъ мѣру. Ко мнѣ опять никто не пришелъ... Наканунѣ я черезъ посредство Пугинюкъ послалъ женѣ записку съ извѣщеніемъ, гдѣ я, что со мною случилось и просилъ повидаться. Сегодня Пугинюкъ сообщила, что записка передана по адресу. И все-таки жена на свиданье не явилась!...

Настало, наконецъ, 1-ое апрѣля 1878 года. Утромъ на гауптвахту прибылъ нарядъ полицейскихъ и достаточное количество извозчичьихъ дрожекъ. Начальникъ наряда вызвалъ насъ поименно, а Гольденбергу объявилъ, что, вслѣдствіе ходатайства отца, онъ пока останется на гауптвахтѣ. Бѣдный юноша плакалъ отъ горя и досады.

Мы размѣстились на дрожкахъ по той же системѣ, какъ первая наша партія, и тою же дорогою черезъ крѣпость поѣхали на товарную станцію. Тутъ намъ нужно было подождать курскаго поѣзда, который долженъ былъ придти отъ главнаго пассажирскаго вокзала. На перронѣ станціи мы застали толпу провожающихъ численностью человѣкъ свыше ста. Нѣсколько въ сторонѣ стояла

моя жена, одѣтая по-дорожному съ вещами. Около жены стоялъ околоточный. Рядомъ стояли тоже съ вещами Пугинюкъ и Когутова, но при нихъ полицейскихъ не было.

На станціи насъ ожидала конвойная команда изъ солдатъ съ ружьями, предводительствуемая околоточнымъ. Солдаты и полицейскіе окружили насъ и взялись за руки, чтобъ не допустить провозавшихъ. Но послѣдніе мигомъ разорвали эту слабую цѣпь и смѣшались съ нами. Начальникъ конвоя попробовалъ было протестовать, но настроеніе публики было таково, что онъ поспѣшилъ стушеваться.

Проводы отличались восторженно сердечнымъ характеромъ. Состоявшая преимущественно изъ молодежи обоого пола толпа жала намъ руки, обнимали, цѣловали, высказывали наилучшія пожеланія и прежде всего пожеланія скорѣйшаго возвращенія... Просили подробно обо всемъ писать, все сообщать... предлагали посильную матеріальную помощь и сейчасъ, и въ будущемъ... На меня проводы эти произвели неизгладимое впечатлѣніе. Подобные моменты рѣдко бывають въ жизни, ихъ трудно описывать, но ихъ не забудешь до гробовой доски...

Если бы мы выразили желаніе, толпа по первому слову увела бы насъ назадъ, въ городъ. И вообще бѣжать со станціи и скрыться не представляло никакихъ затрудненій. Но никому изъ насъ и въ голову не приходило что-нибудь подобное.

Къ станціи подлетѣлъ курскій поѣздъ. Съ нимъ пріѣхали тѣ, кто дежурилъ на пассажирскомъ вокзалѣ...

Наконецъ, начальникъ конвоя началъ умолять насъ поскорѣе садиться въ вагонъ, такъ какъ мы задерживаемъ отправку и губимъ его. Еще нѣсколько крѣпкихъ, сердечныхъ рукопожатій, объятій, поцѣлуевъ, и мы очутились въ вагонѣ, куда вещи наши давно уже перенесены были полицейскими.

На перронѣ раздалась чудная прощальная малороссійская пѣсня, и подъ звуки этой пѣсни мы тронулись въ путь.

Въ вагонѣ жена рассказала мнѣ, что, между тѣмъ, происходило съ нею. Напрасно всю ночь прождавъ моего возвращенія изъ участка, она утромъ отправилась къ профессору А. А. Козлову, который жилъ почти, что рядомъ, и съ которымъ у насъ были самыя дружескія отношенія. Козловъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вмѣстѣ съ женою отправился въ участокъ наводить справки. Въ участкѣ приставъ не скрылъ истины, сказалъ, что я, по распоряженію жандармскаго управленія, арестованъ и сижу въ крѣпости. Въ то же время онъ освѣдомился, почему именно «сударыня» интересуется мною—родственникъ я ей что-ли?

— Это же мой мужъ.

— Мужъ? Да развѣ онъ женатъ? У насъ онъ значитъ холостымъ. Можете вы удостовѣрить, что вы за нимъ замужемъ?

Разсчитывая просить свиданія, жена, по совѣту Козлова, захватила съ собою подлежащій документъ и показала его приставу.

— Какъ! Вы бывшая госпожа Цимбалистова (дѣвичья фамилія

жены), а мы-то васъ, сударыня, по всей Россіи ищемъ! Писали въ Петербургъ—оттуда: «отмѣчена въ Кіевъ»; искали здѣсь—нѣтъ васъ да и только! Какъ въ воду канули! А вы замужъ изволили выйти и фамилію перемѣнить.—Относительно свиданія приставъ рекомендовалъ обратиться къ коменданту крѣпости, куда жена немедленно и отправилась вмѣстѣ съ Козловымъ. Комендантъ объявилъ, что, помимо сношенія съ жандармскимъ управленіемъ, онъ разрѣшить свиданія не можетъ, но что сейчасъ же пошлетъ по этому поводу запросъ, и просилъ зайти еще.

Между тѣмъ приставъ донесъ жандармскому управленію, что Цимбалистова, наконецъ, разыскана. Оттуда послѣдовало распоряженіе: арестовать и выслать вмѣстѣ съ мужемъ. Надлежащее сообщеніе дано было и коменданту крѣпости. Когда жена явилась къ нему вторично, онъ сказалъ, что «къ сожалѣнію» разрѣшить свиданія не можетъ, но «сударыня» пусть не беспокоится, такъ какъ на основаніи самыхъ положительныхъ данныхъ онъ можетъ ее увѣрить, что разлука съ мужемъ будетъ непродолжительна, и что она скоро мужа увидитъ.

Вернувшись къ себѣ домой, жена застала полицейскаго, объявившаго, что она подвергнута домашнему аресту и затѣмъ вмѣстѣ со мною будетъ выслана изъ Кіева. Домашній арестъ состоялъ въ томъ, что къ женѣ приставили переодѣтаго въ штатское городового, который дома сидѣлъ на кухнѣ, а на улицѣ ходилъ по противоположному тротуару. Утромъ 1-го апрѣля явился околоточный и доставилъ жену на товарную станцію.

Что все это значило? Неужели и я, и жена подвергаемся административной ссылкѣ только изъ-за предприимчивости какого-то вора станового пристава! Это казалось возмутительно невѣроятнымъ, и я рѣшилъ всѣми способами добиваться истины и справедливости.

Поѣздъ прошелъ между тѣмъ желѣзнодорожный мостъ, и я высунулъ въ окошко, чтобъ взглянуть на Кіевъ. День былъ яркій, солнечный, теплый; сирень—въ полномъ цвѣту. Кіевъ представился во всей своей красѣ и казался засыпаннымъ нѣжно лиловыми и бѣлыми букетами...

Ад. Бяловескій.

Въ Шлиссельбургской крѣпости ¹⁾.

Расцвѣтъ хозяйственной дѣятельности.

Политика внутренняя и внѣшняя.

I.

Переходя къ организациі мастерскихъ, я вынужденъ снова вернуться назадъ. До какой степени въ первые годы быть не ко двору у насъ какой бы то ни было ручной трудъ, можно видѣть изъ одного забавнаго случая, который я расскажу сейчасъ.

Это было болѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ моего водворенія здѣсь. Во время ванны, какъ я говорилъ ранѣе, камера обыскивалась, обыскивалась и только что снятая верхняя одежда самымъ тщательнымъ образомъ (хотя въ ней никакихъ кармановъ не полагалось). Обыскъ производился не менѣе, какъ двумя унтерами, при чемъ второй, очевидно, контролировалъ перваго. Если одежда требовала ремонта, ее тутъ же чинили, конечно, крайне примитивнымъ образомъ. Все это дѣлалось на глазахъ у мывшагося, такъ какъ ванна помѣщалась тогда въ дежурной комнатѣ.

Случилось какъ-то, что послѣ такой операциі съ моимъ костюмомъ жандармы обнаружили у себя пропажу иголки. Вѣроятно, обыскавши всю свою комнату, они убѣдились, что иголка не иначе, какъ осталась воткнутой въ одежду. Примѣрно черезъ $1\frac{1}{2}$ часа послѣ того, какъ я вымылся, ко мнѣ въ камеру пришелъ упомянутый выше «Классикъ» съ жандармами и усердно просилъ поискать у себя, нѣтъ ли иголки, и затѣмъ возвратить ему. Я недоумѣваю, почему эта тревога, и что за бѣда, если бы она и совсѣмъ у меня осталась?

Классикъ отвѣчаетъ: «Что вы? Вѣдь это инструментъ!» И въ тонѣ его обнаружилась такая растерянность, точно онъ подлежалъ уголовному суду за тайную передачу арестанту какого-нибудь смертоноснаго орудія. Не найдя у меня ничего, они пошли къ Лукашевичу, который мылся ранѣе меня, и были чрезвычайно довольны,

¹⁾ См. „Былое“ кн. 4. 6 и 7.

отыскавши у него свою пропажу. Съ радости, или въ награду, «Классикъ» послѣ этого цѣлую недѣлю пускалъ насъ гулять вдвоемъ и притомъ по двѣ смѣны.

Понятно, поэтому, что дѣло о мастерскихъ туго подвигалось впередъ, хотя въ инструкцію давно внесено было разрѣшеніе заниматься работами. Вопросъ о нихъ поднимался постоянно, но особенно часто напоминали объ этомъ высокимъ посѣтителемъ наши рабочіе, привыкшіе къ ручному труду и скучавшіе безъ него больше, чѣмъ мы. Я же лично относился тогда къ физическимъ работамъ очень равнодушно. Я не цѣнилъ ихъ даже, какъ моціонъ, потому что съ первыхъ же мѣсяцевъ заключенія началъ заниматься гимнастикой и проводилъ каждое утро не менѣе $\frac{1}{2}$ часа въ разныхъ акробатическихъ упражненіяхъ.

Вставши утромъ, я обмывалъ водой, которой тамъ всегда было большое изобиліе, верхнюю часть туловища (и зимой и лѣтомъ), Конечно, при этомъ я страшно брызгался и потому принужденъ былъ потомъ вытирать полъ насухо. Это—фигура первая. Затѣмъ, все еще безъ рубашки, начинались попытки стать на руки головою внизъ, ногами къ небу — это фигура вторая, и т. д. Для дежурнаго, который неизмѣнно заглядывалъ въ стеклышко, должно быть это было занятное зрѣлище; оконную форточку при этомъ я держалъ открытой и зимой (наловчившись самъ лазить на окно и открывать ее), и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ сравнительную нечувствительность къ холоду. Со временемъ я сталъ хлопотать объ устройствѣ душа въ пустой свободной камерѣ; и онъ, дѣйствительно, былъ устроенъ (съ сильнымъ напоромъ воды), а затѣмъ туда же перенесли и ванну, такъ что мыться уже стали безъ солядатаевъ. Подъ душъ я ходилъ регулярно каждый день, кажется, лѣтъ 12 и расстался съ нимъ не безъ сожалѣнія.

II.

Какъ я уже сказалъ, къ ремесламъ я былъ равнодушенъ. И когда дѣло разрѣшенія ихъ стояло уже на мази, и Федоровъ спросилъ меня однажды, какимъ именно ремесломъ я думаю заняться, я былъ въ большомъ затрудненіи.

— Башмачнымъ.—сказалъ я, наконецъ, думая, что это—самое легкое изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, и, значитъ, самое доступное. Притомъ, у сапожника мнѣ, какъ и всякому, приходилось бывать нерѣдко, а другихъ мастерскихъ я даже не видывалъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

Сначала открыли одну только столярную (кажется въ 90 г.) и представили ее Варынскому, какъ человѣку, уже сильно страдавшему одышкой, для моціона. Онъ сдѣлалъ недурной сапожный столикъ, и когда кончилъ его, я приглашенъ былъ въ мастерскую въ «сарай»—двигать башмачное дѣло. Мнѣ дали колодку, кожу и инструменты и предложили сдѣлать башмаки для Лукашевича, такъ

какъ для его феноменальной ноги казенная обувь была тѣсна, и ему дѣлали ее на заказъ.

Не мало тутъ пришлось мнѣ поломать голову, чтобы сообразить, какъ прикрѣпляется подошва. Можетъ быть, я и не рѣшилъ бы этой задачи, если бы не догадался спросить старыя башмаки и распоротъ ихъ; вся премудрость обнаружилась сдѣсь воочію. Но и сверхъ того, оставались еще многія детали, которыя казались мнѣ неразрѣшимыми. Къ счастью, въ это время сидѣлъ рядомъ со мной П. Л. Антоновъ,—на всѣ руки мастеръ. Я возвращался домой и стукомъ передавалъ ему всѣ мои недоумѣнія и затрудненія, которыя онъ тѣмъ же путемъ терпѣливо и разъяснял мнѣ, вѣроятно, не мало дивясь моей наивности.

Какъ бы тамъ ни было, примѣрно черезъ мѣсяць, пара башмаковъ была готова. Я утѣшалъ себя тогда тѣмъ, что первый русскій корабль въ Воронежѣ строился еще дольше. Описывая всю тогдашнюю волокиту, Соловьевъ въ утѣшеніе читателя говоритъ: «какъ ни долго строили, а все-таки выстроили!» Выстроилъ и я свои башмаки. Впослѣдствіи я слыхалъ, что, когда въ 70-хъ годахъ заводились артельныя мастерскія людьми, искавшими единенія съ народомъ, то у нихъ башмакодѣланіе шло не съ большей быстротой, чѣмъ у меня, предоставленнаго исключительно собственнымъ силамъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, при окончаніи рабочаго времени (передъ чаемъ), когда за мной приходилъ вахмистръ, онъ кое-что указывалъ мнѣ. Но самъ онъ, кажется, не умѣлъ шить, а судилъ, какъ всякій солдатъ, постоянно выдавшій сапожную работу.

Таково было начало. Это же было началомъ и легализированныхъ разговоровъ съ унтерами, при чемъ вначалѣ слово было предоставлено исключительно одному вахмистру.

III.

Послѣ этого подвига мнѣ предложено было зарекомендовать себя въ столярной такимъ же успѣхомъ. Варынскій, должно быть, утомился, еще болѣе расхворался и не ходилъ уже въ мастерскую. На его мѣсто привели меня въ столярную, точно также послѣ обѣда, заперли и ушли. Смотрю я тутъ на разные инструменты, удивляюсь премудрости человѣческаго генія, изобрѣвшаго такія остроумныя штучки, о назначеніи коихъ я никогда бы не догадался, хоть 100 лѣтъ просиди тамъ. Помню, особенно рейсмасъ поразилъ меня своимъ хитроуміемъ, и я мысленно порѣшилъ, что это, навѣрное, машинная работа, потому что такъ тонко не въ силахъ оборудовать его человѣческая рука.

Запирая дверь, мнѣ сказали, что нужно выстрогать доску (около 2 арш. длиной). Я храбро принялся за работу, усердно старался, еще усерднѣе утиралъ потъ, перебралъ всѣ инструменты, о которыхъ я могъ догадываться, что ими строгаютъ, и, увы, доски этой за 3 часа я все же не успѣлъ выстрогать! Не знаю, сколько по-

томъ понадобилось мнѣ дней, (одинъ, два или три), пока я не догадался о причинѣ моей неудачи. Дарчикъ просто открывался: оказалось, что всѣ инструменты были безподобно тупы. Я гордился такимъ открытіемъ, потому что оно было продуктомъ исключительно единоличнаго моего разума. Но доискаться причины и удалить ее—далеко не одно и то же. Долго и много я точилъ, такъ долго, какъ это можно дѣлать только тамъ, гдѣ я сидѣлъ, и гдѣ спѣшить было рѣшительно некуда. Но все-таки я не сумѣлъ начистить! Не обошлось и здѣсь безъ помощи стука и разъясненій Антонова. Таково было второе начало.

Послѣ этого не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я самъ уже могъ сдѣлать точно такой же рейсмась, который такъ удивилъ меня въ первый день тонкостью своей работы. А теперь, когда мои коллекціи и др. издѣлія разошлись довольно широко, не мнѣ уже говорить о результатахъ, къ которымъ привело это далеко не блестящее начало.

Долгое время дѣйствовали только эти двѣ мастерскихъ. Были у жандармовъ недостатки въ средствахъ, чтобы завести ихъ разомъ нѣсколько штукъ, или, вѣрнѣе, всюду разлитая боязнь разрѣшать сразу какое бы то ни было нововведеніе, но только новыхъ мастерскихъ пока не открывали, а въ этихъ работали поочередно, при чемъ администрація допускала туда не всѣхъ одинаково охотно. Даже значительно позже, когда мы уже всѣ пользовались этой «льготой», Антонову еще не разрѣшали ея и держали его на особомъ положеніи. Между тѣмъ его «поведеніе», которое служило условіемъ полученія льготы, ничѣмъ не отличалось отъ поведенія всѣхъ остальныхъ.

IV.

Когда и при какихъ условіяхъ была организована переплетная мастерская, я рѣшительно не помню. Не помню я также начала и расцвѣта ажурныхъ работъ, которыя предшествовали всѣмъ другимъ, и которыми одно время, за неимѣніемъ ничего лучшаго, многіе увлекались, особенно дамы. Манучаровъ, В. Ивановъ и Похионовъ были спеціалистами этого дѣла и создали много изящныхъ вещицъ, которыя разошлись по рукамъ жандармовъ и департаментскихъ чиновниковъ. Но самъ я ажурными не занимался.

Точно также почему-то очень долго сторонился я и отъ переплетной работы. Мнѣ казалось, что она предназначена исключительно для больныхъ и слабосильныхъ, а здоровому человѣку не даетъ никакого упражненія. По единообразію же приемовъ она представлялась мнѣ очень скучной, неспособной дать пищи творческому воображенію. И первый починъ въ переплетномъ дѣлѣ я сдѣлалъ только тогда, когда оно стало обязанностью для всѣхъ. Эту науку я началъ уже въ «сараѣ», подъ руководствомъ одновременно Вѣры Николаевны и М. Ф. Фроленко. Мы съ Фроленко расположились со всѣмъ переплетнымъ багажомъ на корридорѣ, возлѣ

двери столярной мастерской Вѣры Николаевны. Форточка въ ея двери была открыта, и мы поминутно передавали въ нее другъ другу книги и матеріалы. Прессы у насъ были на корридорѣ, и всякую деталь работы, не требующую зажатія, Вѣра Николаевна исполняла сама, а зажимать подавала намъ. Ученикомъ я оказался понятливымъ, судя по тому, что переплетя вмѣстѣ съ ними партію книгъ, я въ слѣдующій разъ приступилъ къ работѣ уже одинъ.

Токарная была открыта года черезъ 2 или 3 послѣ начала работъ. Помню, какъ Гангартъ во время какого-то обычного интервью по поводу нашихъ ремесленныхъ нуждъ впервые предупредилъ меня, что онъ скоро дастъ намъ токарный станокъ. Я сказалъ, что не имѣю ни малѣйшаго представленія объ этой работѣ, и сомнѣваюсь, буду ли я въ состояніи оказать въ ней какіе-нибудь успѣхи. Онъ отвѣтилъ, что это очень просто и даже рассказалъ, какъ это дѣлается. Отъ этого мои представленія очень мало прояснились.

Когда же станокъ былъ оборудованъ, кажется, при помощи Антонова (старенькій и первобытнаго устройства), я пришелъ какъ-то къ нему впервые посмотрѣть, что это за штука. Въ это время намъ уже разрѣшено было работать вдвоемъ и притомъ ходить въ мастерскую по собственному выбору къ тому или другому товарищу. Хотя въ дѣтствѣ я обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ ручному труду и, въ частности, къ сложнымъ механизмамъ, но не видывалъ почти ни одного изъ нихъ (кромѣ мельницъ), и передъ машиной испытывалъ какую-то странную робость, точно это орудіе превосходитъ всякое мое разумѣніе. Такъ и токарный станокъ казался мнѣ машиной. Уже одно то, что эта штука постоянно вертится, и вертится какъ бы автоматически (ножное движеніе почти незамѣтно) приводило меня въ немалое смущеніе.

Антоновъ въ 5 минутъ рассказалъ мнѣ всѣ главные приемы работы и затѣмъ предоставилъ меня всецѣло самому себѣ. Это было четвертое начало, при обстоятельствахъ столь же благоприятныхъ для начинающаго, какъ и въ переплетной работѣ.

V.

Но это было значительно позднѣе. Прошло уже добрыхъ 2 года съ тѣхъ поръ, какъ устроены были столярная и сапожная, и какъ мы дѣлали въ нихъ въ одиночку свои первые мудреные опыты.

Корень ученія горекъ, должно быть всякаго ученія. У насъ же притомъ были всѣ данныя, чтобы обострить эту горечь. Трудно теперь представить всю массу неблагоприятныхъ условій, которыя приходилось тогда преодолевать, чтобы сдѣлать хоть какіе-нибудь успѣхи. Едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь дѣлались опыты обученія ремеслу въ условіяхъ аналогичныхъ нашимъ. Въ тюрьмахъ, какъ общее правило, научаютъ ремеслу. Но каждый новичекъ учится тамъ у какого-нибудь другого мастера, будетъ ли это товарищъ по

несчастію, надзиратель, или спеціально приставленный руководитель. Быть можетъ, наша администрація, разрѣшая намъ мастерскія, нарочно оставила ихъ въ тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы жили, въ расчетѣ, что побалуется люди, да и перестанутъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать что-нибудь путное, не выдавши ни разу въ жизни ни верстака, ни коловорота? Возможно ли что-нибудь задумать и осуществить въ пустой камерѣ, гдѣ брошены были точно на смѣхъ 2—3 обрубка дерева и нѣсколько негодныхъ старыхъ досокъ?

Но нашему упорству не было границъ. Къ мастерскимъ мы не только не охладѣли, но скоро же воспользовались ими, какъ тараномъ, чтобы проламывать новыя бреши въ суровомъ режимѣ, недавно казавшемся нерушимымъ. Всякій въдѣ режимъ разрушается жизнью, и разрушается тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше онъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни. Внеси во всякую китайщину новыя условія и новыя потребности, и старыя нормы тотчасъ заколеблются. Въ нашей жизни строго была проведена одна норма; бывшая устоемъ ея,—полное изолированіе насъ другъ отъ друга. Въ видѣ исключенія, которое соблюдалось неукоснительно, мы могли видѣться съ товарищами только на дворѣ, точно предполагалось, что два опасныхъ человѣка, сойдясь вмѣстѣ, образуютъ такую разрушительную силу, которую нельзя спускать съ глазъ, и предъ которой цѣлый десятокъ жандармовъ долженъ быть постоянно насторожѣ. А потому, ни свиданіе другъ съ другомъ въ камерахъ, ни передача другъ другу записокъ, рукописей и проч., ни, тѣмъ болѣе, встрѣчи разомъ втроемъ ни коимъ образомъ не были терпимы въ нашемъ пенитенціарномъ царствѣ.

Въ частности, свиданія въ жилыхъ камерахъ считались безусловно недопустимыми. И на этотъ счетъ въ самой послѣдней инструкціи, созданной уже во время наибольшихъ у насъ свободъ, былъ введенъ нелѣпѣйшій §. Въ немъ говорилось, что свиданіе въ спальнѣ можетъ состояться иначе, какъ въ присутствіи смотрителя, и о каждомъ такомъ свиданіи, равно какъ о причинахъ онаго, должно быть доводимо немедленно до свѣдѣнія департамента полиціи. Понятно, что такое правило или обходилось, или совсѣмъ не соблюдалось.

VI.

Разрѣшеніе мастерскихъ вскорѣ же выдвинуло на сцену всѣ дальнѣйшія разрѣшенія. Практика имѣетъ свою логику. Если вамъ разрѣшили, скажемъ, сѣять рѣпу, и при этомъ не прибавили, что вы можете для этого пользоваться почвой, то вы даже отъ жандармовъ можете вытребовать себѣ послѣднюю, руководясь даннымъ вамъ правомъ. Точно также и въ ремеслѣ. Когда оборудовано было 8 или 9 столярныхъ, и во всѣхъ нихъ работали, трудно было удержать ихъ въ той же изоляціи другъ отъ друга, въ какой держали жильцовъ совершенно пустыхъ камеръ.

Самый наборъ инструментовъ требовалъ постоянныхъ сношеній. Болѣе рѣдкіе и дорогіе изъ нихъ находились всего въ одномъ или двухъ экземплярахъ, и потому, въ случаѣ надобности, неизбѣжно приходилось посылать за ними дежурныхъ къ сосѣду. Дежурные, вообще незнакомые со столярнымъ дѣломъ, были плохими передатчиками такихъ порученій и постоянно путали. Зенковка, коловоротъ, шпунтубель, цукубель, галтель, калевка — для нихъ былъ звукъ пустой. А исполнивши порученіе неправильно, дежурный рисковалъ попасть между двухъ огней и выдержать перепалку съ той и другой стороны. Если же онъ не могъ самъ быть точнымъ, онъ долженъ передать записку отъ одного къ другому, гдѣ объ этомъ говорилось также. Это было до такой степени очевидно для самихъ жандармовъ, что, когда позднѣе Карповичъ былъ совершенно изолированъ отъ насъ и однако пользовался мастерской, ему позволяли писать къ намъ записки по дѣламъ его ремесла и получать обратно отвѣты. Только вахмистръ обязательно ихъ переписывалъ и передавалъ не подлинникъ, а копію! Любопытно, что этого приѣма они почему-то не употребляли съ нашими письмами къ роднымъ и отвѣтами на нихъ, а передавали ихъ въ подлинникѣ, и притомъ безъ всякихъ слѣдовъ реактива.

Далѣе. Допустивши мастерскія, трудно было отказать въ разрѣшеніи работать вдвоемъ. Сѣяли въ огородѣ мы вмѣстѣ. Почему же строгать доски мы не можемъ вдвоемъ? И если, по существу дѣла, огородъ можно было разводить и въ одиночку, то столярничать въ одиночку просто немыслимо: при склейкѣ и сборкѣ крупныхъ частей необходимъ былъ какой-нибудь помощникъ. Не дадутъ намъ товарища, такъ мы будемъ звать для этого корридорныхъ и подвергать ихъ постоянному риску тлетворной заразы отъ частаго соприкосновенія съ нами. Всѣ эти соображенія появлялись сами собой и неминуемо вели къ разрѣшенію парныхъ работъ.

VII.

Затѣмъ вскорѣ же открылась потребность выхода на корридоръ. Столярамъ постоянно требуется клей. Разогрѣвался онъ дежурнымъ тутъ же, въ «сараѣ» на плитѣ. Но клеянокъ было только двѣ, а спросъ на нихъ непрерывный: одному, по ходу его дѣла, нуженъ былъ густой клей, другому—жидкій, одному—горячій, другому—чуть теплый. Никакое стараніе дежурнаго не могло угодить всѣмъ требованіямъ, а стараться ради нашихъ интересовъ они вовсе не привыкли. Простой исходъ изъ этого затрудненія подсказывался самъ собой—выпустить разогрѣвать клей самого мастера.

Но плита была почти на корридорѣ, и здѣсь лежалъ запасный лѣсъ, который здѣсь только и можно было разрѣзать на требуемая части. Когда позволено было работать вдвоемъ, стали и на корридоръ выпускать по двое. Но въ это время рабочихъ душъ набралось въ сараѣ до 16 человекъ. Потребность въ выходѣ стала

настоятельнѣе и чаще. Кому нужно было выйти, тотъ не могъ принимать въ соображеніе, что въ этотъ моментъ кто-нибудь грѣтъ свой клей на плитѣ и, конечно, не торопится уйти въ душную мастерскую, а другой рѣжетъ доски на корридорѣ и тоже не имѣетъ интереса спѣшить. Почему же меня не желаютъ выпустить? Развѣ я могу помѣшать тому или другому? И развѣ кѣмъ-то выдуманное требованіе на счетъ двойственного числа можетъ быть обязательно для меня, какъ столяра? Вѣдь я пришелъ въ мастерскую работать, а не сидѣть сложа руки да играть въ бирюльки. Почему же меня заставляютъ ждать невѣдомо чего, когда и всего-то мнѣ нужно выйти только на 2 минуты? Что нибудь одно: или разрѣшается работать, или запрещается. Если разрѣшается, почему же мнѣ на практикѣ не даютъ возможности пользоваться этимъ разрѣшеніемъ? и т. д. и т. д. Получается рядъ коллизій, и всѣ онѣ ведутъ къ одному исходу: новыя потребности нельзя втискивать въ старые законы.

Если-бы мы жили въ эпоху, когда вопросъ о нашей жизни и смерти былъ безразличенъ для правящихъ нами сферъ, онѣ бы скоро сумѣли разрѣшить эти коллизіи по-своему, какъ это и было потомъ въ министерство Плеве: вы не хотите работать въ тѣхъ рамкахъ, какія мы нашли нужнымъ прописать вамъ,—какъ хотите. Законы наши святы, и перемѣны въ нихъ вы не ждите. Но мы жили тогда въ эпоху, когда массовыя смерти не на шутку обезпокоили нашихъ блюстителей, и они во время сообразили, что мы для нихъ настоящая курица, несущая золотыя яйца; если зарѣзать насъ всѣхъ, всякому доходу конецъ, а если сохранять, и какъ можно дольше, то можно обезпечить себѣ возлѣ насъ пожизненную ренту, притомъ въ размѣрахъ, чрезвычайно соблазнительныхъ. Очевидно, надо дорожить нами (новыхъ вѣдь ужъ больше не привозятъ!) и всячески обезпечивать наше долготіе. Въ этихъ видахъ мастерскія по справедливости должны считаться наиболѣе рациональнымъ средствомъ для лѣченія отъ тюремной нейрастеніи, апатіи, желудочныхъ и проч. недуговъ, связанныхъ съ безцѣльнымъ и сидячимъ образомъ жизни, а равно и для предупрежденія новыхъ подобныхъ заболѣваній.

VIII.

А тутъ еще какъ разъ рядомъ, у самага «сарая», организовались сельско-хозяйственныя работы. Я уже говорилъ, какъ сюда постепенно водворили парники. Дворъ раздѣлялся на 2 неравныя части проходящей по нему дорогой (панелью). Парники помѣщались по одну сторону ея, и возлѣ нихъ все пространство скоро было сплошь воздѣлано. Другая, меньшая половина, оставалась еще пустыней, и при той жадѣ земли, которая овладѣвала нами по мѣрѣ развитія сельско-хозяйственной техники и соотвѣтствующаго расширенія нашихъ замысловъ, было не легко мириться съ ея пустованіемъ. Въ то же время начальство упорно противилось ея воз-

дѣльванію, очевидно, желая сохранить ее въ такомъ видѣ на случай неожиданнаго спроса для сруженія эшафота.

Однажды, въ началѣ лѣта, я, не мудрствуя лукаво, вооружился лопатой и вонзилъ ее въ заповѣдную пустошь. Затѣмъ намѣтилъ направленіе будущей грядки вдоль панели и продолжалъ копать сообразно этому плану. Дежурные въ тревогѣ побѣжали за «Феклой» и поспѣшно привели его, очевидно, для пресѣченія самовольнаго захвата новыхъ земель. Начались распросы и препирательства. Я объяснилъ, что хочу только вдоль всей дороги протянуть грядку, дабы посадить на ней цвѣты, и затѣмъ пустился въ дипломатію. Цѣль моя,—доказывалъ я,—не только вполне невинная, но и достойная похвалы. Вѣдь ему же, будущему подполковнику, пріятнѣе на пути въ сарай видѣть кругомъ не сорныя травы, а бордюры цвѣтовъ (Фекла начинаетъ таять). Не говорю уже о томъ, что и высшее начальство съ большимъ удовольствіемъ пройдетъ здѣсь среди цвѣточныхъ насажденій, чѣмъ среди лопуховъ, крапивы и чертополоха (Фекла побѣждается, предвкушая, что ему будетъ отъ начальства одобреніе за это удовольствіе).

Я привелъ нарочно эту аргументацію, какъ образчикъ того, какимъ образомъ приходилось завоевывать непринадлежащія намъ земли (или права), и какимъ образомъ мы добивались у подобнаго члена нашей администраціи того, въ чемъ открывалась надобность, и въ чемъ отказъ не имѣлъ ни смысла, ни основаній. Федоровъ теперь уступилъ, но съ условіемъ, что я сдѣлаю только то, что обѣщалъ, и отнюдь не буду расширять своей культуры. Обязательство было дано, и цвѣты насажены.

Но мое обязательство не связывало никого другого изъ товарищей. И потому естественно, что черезъ годъ начались расширения захватныхъ владѣній и новые дипломатическіе переговоры, не мѣнѣе краснорѣчивые и убѣдительные, чѣмъ тѣ, какіе велъ я, вродѣ того, что Новорусскому позволилъ, а мнѣ не позволяетъ, что у него нѣтъ самаго элементарнаго принципа справедливости, что управлять цѣлымъ народомъ съ такой двойственной политикой, значить вызывать революцію; что расширение это дѣлается только на 1 годъ, и исключительно для салата, который, какъ доказано опытомъ и подтверждено докторомъ, полезенъ отъ цынги; что препятствуя этому, онъ самъ обрекаетъ насъ на новыя заболѣванія и т. д. и т. д.

Разумѣется, кончилось тѣмъ, что весь дворъ былъ «завоеванъ» и обработанъ. Много труда было вложено въ него. Грунтъ, какъ я говорилъ, здѣсь былъ каменистый и почти на $1\frac{1}{2}$ арш. сплошь состоялъ изъ остатковъ древнихъ строительныхъ матеріаловъ. Только изрѣдка кое гдѣ лежали тонкіе пласты почвы. Нужно было пробить всю толщу этого мусора и докопаться до настоящей рыхлой подпочвы, которая состояла частью изъ глины, частью изъ мелкаго, наноснаго блага песку. Чтобы добыть то и другое, проламывали ямы до $1\frac{1}{2}$ саж. въ діаметрѣ, камень отбрасывали въ сторону, а со дна вычерпывали глину и песокъ до такой глубины, съ

какой только можно выбросить землю на поверхность. Иногда это искомое добывалось даже посредством ведра, которое одинъ опускалъ въ яму, а другой, сидѣвшій тамъ, наполнялъ. Когда добывать больше оказывалось не подъ силу, на дно ямы сваливался мусоръ, бывшій на поверхности. И если яма подготавлилась для посадки дерева, то въ нее сверху сыпался значительный слой рыхлой смѣси, частью только что добытой изъ глубины, частью принесенной изъ огородовъ съ новаго двора, или вынутой изъ парниковъ. Если же здѣсь проектировались огородныя насажденія, то яма почти вся засыпалась камнемъ и мусоромъ и только на $\frac{1}{2}$ арш. сверху клалась рыхлая почва.

Благодаря такимъ трудамъ намъ удалось весь дворъ, такъ сказать, перевернуть вверхъ дномъ и сдѣлать его годнымъ для насажденій. Въ 1904 г., осенью, когда оказалось настоятельно необходимымъ очистить снова это лобное мѣсто, насъ, послѣ многихъ предупрежденій, рѣшительно погнали со двора. Парники, какъ я говорилъ, были цѣликомъ выстроены заново, а земля вся выношена большею частью на носилкахъ въ наши огороды: не пропадать же, статья, нашимъ трудамъ! Значительная часть этой земли, такимъ образомъ, дважды проѣхалась на нашихъ плечахъ туда и обратно.

IX.

И вотъ, когда парники и проч. на дворѣ были оборудованы, и наступала весна, тотчасъ же опытъ жизни предъявлялъ къ нашему режиму самыя сокрушительныя требованія. Нельзя было, находясь на дворѣ, не заходить въ «сарай». Всевозможныя мелочи сельскохозяйственныхъ работъ не могли быть предусмотрѣны заранее. То нужна подпорка для рамы, то заплатка къ парнику, то молотокъ, то стамеска либо пила, то теплая вода для поливки, то зола для удобренія, то сѣмена, то горшки, оставшіеся въ мастерской. Ходьба была непрерывная, и нужды парниковыя—неотложныя. Онѣ не могли подчиняться инструкціямъ и ждать, когда освободится корридоръ, чтобы можно было пройти по нему; если разбилъ стекло въ парникѣ, и дуетъ сѣверный вѣтеръ, нужно закрыть или задѣлать дыру какъ можно скорѣе, чтобы не поморозить всѣ продукты своихъ трудовъ.

Такимъ образомъ, подъ дружнымъ натискомъ съ обоихъ фланговъ, со двора и съ корридора, исконныя основы нашей жизни были расшатаны въ конецъ: одна изъ самыхъ первыхъ брешей въ нихъ была сдѣлана мною и Н. Д. Похитоновымъ при счастливомъ содѣйствіи самой нашей администраціи. Гангартъ заказалъ намъ ограду для обнесенія «братской могилы» воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости. По даннымъ чертежамъ, ограда должна была состоять изъ массивныхъ точеныхъ балясинъ, установленныхъ, кажется, по 25 штукъ между двумя вкопанными толстыми столбами. Специалисты токари (Лаговскій, Шебалинъ, В. Ивановъ и др.) взя-

лись точить балясины, а я, Похитоновъ, Панкратовъ, Мартыновъ и др.—устроить столярныя части и дѣлать пробную установку.

Когда первыя части были готовы, понадобилось сдѣлать ихъ примѣрную сборку и, значить, работать на корридорѣ, о чемъ въ то время даже и помышлять нельзя было. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ присутствіи властей, которая сами натолкнули на это. А извѣстно вѣдь, какъ дорогъ первый опытъ!

Затѣмъ около того же времени къ намъ поступилъ младшимъ помощникомъ штабъ ротмистръ Пахаловичъ, котораго, по его словамъ, за симпатіи къ намъ впоследствии Гангартъ звалъ социалистомъ. Такъ какъ «сарай», какъ арена нашей рабочей дѣятельности, былъ подчиненъ непосредственно младшему помощнику, завѣдывавшему хозяйственной частью, и другому вахмистру, завѣдывавшему специально мастерскими, то въ немъ, при доброй волѣ ближайшаго начальника, очень скоро стали устанавливаться признаки «автономіи». Всякое двоевластіе, говорятъ, гибельно, вопросъ только, для кого и для чего.

Первые шаги Пахаловича были чрезвычайно робки. Онъ самъ украдкой ловилъ тѣ немногія секунды, которыя удавалось поймать, чтобы сказать наединѣ нѣскольکو словъ. Кончилось же тѣмъ, что онъ разъ навсегда отогналъ отъ себя «нижнихъ чиновъ», соглядатаевъ при офицерѣ, бесѣдовалъ съ нами по цѣлымъ часамъ наединѣ, съ глазу на глазъ и группами, даже—*horribile dictu*—называлъ насъ иногда по имени и отчеству и, въ концѣ концовъ, при нашемъ благосклонномъ содѣйствіи, разрушилъ окончательно все зданіе суровой толстовской одиночки и бессмысленнаго формализма. Говорятъ, что въ Петербургѣ тогда онъ имѣлъ хорошую протекцію и, вѣроятно, пользовался какъ ею, такъ и временемъ, когда наши верховные аргусы, убаюканные полной побѣдой надъ революціей и взысканные за это великими и богатыми милостями, размякли отъ наслажденій. Часто онъ рисовалъ намъ эти «верхи» тѣми же самыми нелицепріятными красками, которая теперь только обыватель можетъ встрѣтить въ русской печати, и которая всякому историку хорошо извѣстна въ характеристикахъ аналогичныхъ правящихъ классовъ прошлаго западной Европы: развратны, трусливы, жестоки, мстительны, глупы и слѣпы.

X.

Такъ вотъ, по совокупности этихъ причинъ, которая я изложилъ, можетъ быть, съ излишней подробностью, мы получили, наконецъ, нѣкоторое подобіе конституціи. Мнѣ кажется, что и въ нашемъ застѣнкѣ проявились тѣ же общіе законы, которые управляютъ жизнью большихъ организованныхъ обществъ; жизнь всюду можно задавить и всякое общество раздробить на части и уничтожить. Но разъ оно существуетъ и жизнеспособно, разъ у него сохраняется общее дѣло, оно разрушить или ослабить всякія пути, лежащія ему на пути и приспособить всякіе законы къ своимъ потребностямъ.

Расцвѣтъ нашихъ «свободъ» совпалъ съ манифестомъ, даннымъ по случаю бракосочетанія импер. Николая II. Въ немъ до такой степени ясно и недвусмысленно было сказано: «не изъемля и государственныхъ преступниковъ отъ милостей, дарованныхъ въ пунктѣ такомъ-то», что наша администрація поняла его «взаправду» и, кажется, на второй же день принесла намъ газету, гдѣ онъ былъ напечатанъ, подтверждая отъ себя, что еще нѣсколько дней, и многіе изъ насъ увидятъ своихъ родныхъ... Манифестъ этотъ мы читали уже толпами на коридорѣ сарая, и камеры не запирались. Заперты были только дамы, у дверей которыхъ при открытыхъ форточкахъ собирались «клубы». И это исключительное положеніе дамъ на первыхъ порахъ казалось до такой степени страннымъ даже жандармскому уму, что, когда на мѣсто Пахаловича поступилъ его преемникъ и увидалъ на коридорѣ впервые эту картину, то спросилъ съ недоумѣніемъ:

— А почему же онѣ заперты?

Надежды и увлеченія тогда были такъ заразительны, что, когда многіе наши «литераторы» стали подвергать сожженію подъ плитой плоды своихъ думъ, сжегъ и я нѣсколько рукописей. Послѣ я самъ съ большимъ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: чего это я-то заволновался? Какіе шансы были у меня на *немедленный* выходъ?

Но быстро вспыхнувшія надежды еще быстрѣе потухли. Жандармы, пронюхавши гдѣ слѣдуетъ, облеклись въ непроницаемую броню, и ихъ многозначительное молчаніе скоро насъ отрезвило. Впослѣдствіи мы узнали, что при обсужденіи вопроса о примѣненіи къ намъ манифеста компетентными въ нашей судьбѣ лицами, голоса раздѣлились, и перевѣсъ рѣшенію далъ Шебеко, тогдашній шефъ жандармовъ. Онъ заявилъ, что не ручается за спокойствіе Россіи, если манифестъ примѣнять и къ намъ. Очевидно, онъ не сообразилъ, что, въ случаѣ примѣненія манифеста, нашъ выходъ растянулся бы на цѣлыхъ 13 лѣтъ, и что думать объ этомъ спокойствіи нужно было раньше, чѣмъ оглашены были публично вышеприведенныя слова манифеста.

Какъ бы тамъ ни было, манифеста мы не получили, а мѣстная администрація, какъ бы сконфуженная за свое высшее начальство, перестала придираться къ разнымъ мелочамъ нашихъ правонарушений. Съ этихъ поръ и по мартъ 1902 г. упрочилась въ нашемъ «сарай», такъ сказать, публичная жизнь. И хотъ были неоднократныя попытки возврата къ старому, особенно при смѣнѣ нашихъ ближайшихъ администраторовъ, когда они хотѣли показать своему преемнику незыблемость старыхъ основъ, но онѣ были недолговѣчны. И при каждой мѣстной реакціи болѣе проницательные изъ унтеровъ прямо говорили намъ:

— Все равно! Скоро опять все будетъ по-вашему.

XI.

Одну изъ такихъ попытокъ я прекрасно помню. Смотрителемъ тогда былъ Дубровинъ, только что замѣстившій прогнаннаго Федорова.

Одной изъ нашихъ многочисленныхъ конституцій было установлено, что на корридорѣ могутъ быть только четверо (фиктивно говорилось не четверо, а двое на дворѣ и двое на кухнѣ). Фортки же въ дверяхъ у всѣхъ мастерскихъ будутъ открыты, какъ для вентиляціи, такъ и для удобства получать черезъ корридорныхъ клей, инструменты и проч.

Должно быть, Дубровину, какъ новичку, хотѣлось подтянуть насъ, и онъ, ни слова не сказавши намъ, велѣлъ вахмистру въ одинъ прекрасный день держать фортки на запорѣ. Приходимъ мы, ничего не подозрѣвая въ мастерскія, дверь запираютъ и... Оказывается, мы опять, какъ въ мышеловкѣ! Я работалъ въ это время съ В. Г. Ивановымъ. Онъ, какъ только увидалъ такое «правонарушеніе», вспыхнулъ, какъ порохъ, схватилъ молотокъ и изо всей силы сталъ барабанить имъ въ дверь. Стукъ былъ ужасный, сосѣди подхватили его, и начался обычный тюремный концертъ, при которомъ обыкновенно стража совсѣмъ теряетъ голову. Нарочный побѣжалъ къ смотрителю, тотъ явился и, увидавши, въ какомъ градусѣ находятся лишенные прежней «льготы», тотчасъ же сдался, сказавши, что онъ никакихъ распоряженій на этотъ счетъ вахмистру не давалъ. Фортки немедленно у всѣхъ были открыты, а дальнѣйшихъ покушеній на конституцію долго послѣ этого не было.

Другой казусъ изъ той же категории былъ серьезнѣе. Двери всѣхъ мастерскихъ въ это время уже держались открытыми. Я спокойно работалъ въ своей мастерской, а со двора неслись ко мнѣ громкіе возбужденные голоса спорящихъ: тамъ шли какіе-то перекоры съ вахмистромъ, тоже по поводу ограниченія нашихъ льготъ. Въ чемъ именно было дѣло, точно я не знаю. Знаю только, что П. С. Поливановъ, доведенный преніемъ до блага каленія, приближалъ ко мнѣ въ мастерскую, схватилъ топоръ и моментально исчезъ. Говорили послѣ, что онъ хотѣлъ броситься съ нимъ на вахмистра, но товарищи, бывшіе тоже на дворѣ, во время удержали его. Черезъ минуту послѣ этого я вижу, какъ онъ покорно идетъ, влекомый Базилемъ (В. Ивановымъ) ко мнѣ въ мастерскую, кажется, съ тѣмъ же самымъ топоромъ въ рукахъ, и немедленно подставляетъ голову подъ кранъ, чтобы охладить возбужденіе струей воды.

— Кровь,—говорить,—бросилась въ голову.

Благодаря тактичности Гангарта и умѣлому объясненію ему всей исторіи, она не имѣла никакихъ послѣдствій. Даже болѣе: въ тотъ же самый годъ (1896) былъ объявленъ нѣкоторымъ изъ насъ коронаціонный манифестъ, въ томъ числѣ и Поливанову, съ обычной оговоркой, сокращается срокъ «за хорошее поведеніе».

XII.

Весьма трудно воспроизвести теперь, какимъ образомъ я, изъ полнѣйшаго профана во всякомъ ремеслѣ, превратился въ человѣка, чуть не на всѣ руки мастера. По крайней мѣрѣ у жандармовъ сложилась такая репутація обо мнѣ. Когда поступаетъ новое лицо въ корпорацію служащихъ и желаетъ за чѣмъ-нибудь обратиться къ свѣдущему человѣку, его направляютъ ко мнѣ. И это даже въ такихъ вещахъ, на которыя моя специальность почти не простиралась. Напр, послѣдній докторъ (Самчукъ) возымѣлъ какъ-то желаніе превратить свой комнатный лимонъ въ дерево, несущее плоды. Приходить ко мнѣ, очевидно, направленный кѣмъ-то, и обращается за содѣйствіемъ. Когда я, никогда на дѣлѣ не практиковавшій прививки, рассказалъ ему, какъ это дѣлается, и что для этого требуется, онъ ушелъ немножко сконфуженный. Ему казалось, что для этой цѣли достаточно сдѣлать обрѣзку или прищипку, и что это и будетъ той прививкой, которая здѣсь требуется, о которой говорилъ я.

Всякая наука дается не сразу. Тѣмъ болѣе — ремесленный навыкъ и сноровка. Не думаю, чтобъ у меня на это были особые таланты, но терпѣнія запасъ былъ огромный. А въ дѣлѣ ремесла въ большинствѣ случаевъ оно преодолеваетъ все. Въ столярномъ дѣлѣ меня интересовалъ больше самый процессъ творчества. Мнѣ кажется, если бы меня училъ опытный мастеръ, который заставлялъ все дѣлать по шаблону, я бы далеко не пошелъ, и самое ремесло стало бы для меня скучнымъ и постылымъ. Я же въ самомъ началѣ своихъ опытовъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени Робинзономъ. Даже болѣе. Робинзонъ кое что зналъ, и въ новой обстановкѣ, сравнительно обширной, примѣнялъ старые, извѣстные ему приемы. Я же ничего не зналъ, и каждую задачу, вродѣ пришиванія подошвы, нужно было сначала рѣшать теоретически, а затѣмъ осуществлять сдѣланное рѣшеніе на дѣлѣ. Въ случаѣ съ подошвой это рѣшеніе не представляло еще интереса, хотя и оно было когда-то продуктомъ человѣческаго генія. Въ столярномъ же дѣлѣ, какъ болѣе сложномъ и разнообразномъ, множество задачъ представляло чисто геометрической или механической интересъ, дающій много простора для пытливости, сметки и упражненія ума.

Главные приемы ремесла, конечно, давнымъ давно разработаны и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію въ готовомъ видѣ. Но вѣдь они выработаны вѣками, вѣдь надъ ними трудился коллективный человѣческой умъ, вѣдь на нихъ трудовая часть человечества затратила огромное количество времени, силъ и творчества. Каждое издѣліе, которое мы видимъ у себя въ комнатѣ, и на которое не обращаемъ вниманія, есть не просто издѣліе столяра Ивана, а коллективный человѣческой опытъ, зарегистрированный въ этомъ издѣліи и воплощенный въ одно цѣлое. Можетъ быть, понадобились многіе вѣка постепенныхъ приобрѣтеній, прежде чѣмъ столяръ Иванъ

могъ сдѣлать для насъ простенькую этажерку и продѣлать надъ ней тѣ сложныя дѣйствія, которыя ему по завѣщанію были переданы сразу, и надъ сущностью которыхъ онъ никогда не задумывался.

Я же задумывался. Предъ каждымъ затрудненіемъ, простое оно или сложное, я ставилъ себѣ вопросъ: какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ первобытный человѣкъ прежде, чѣмъ рѣшеніе этого затрудненія было найдено впервые? Этотъ непрерывный процессъ изобрѣтательности до такой степени поглощалъ и интриговалъ меня, что я никогда не понималъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые предпочитали брать рѣшеніе задачи въ готовомъ видѣ отъ болѣе опытныхъ сосѣдей, вмѣсто того, чтобы раскинуть мозгами по-своему и дать имъ нѣкоторые новое упражненіе.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ эмбрионъ переживаетъ въ немногіе, сравнительно, дни своего роста всю многовѣковую исторію развитія своего вида, точно также и я переживалъ на своихъ опытахъ до нѣкоторой степени цѣлую исторію человѣческой культуры. Въ этихъ видахъ уже безо всякой практической надобности, я однажды попробовалъ зажечь огонь треніемъ куска дерева о дерево, для чего даже нарочно устроилъ вращающійся кругъ («центробѣжную машину»). Увы, опытъ этотъ былъ столь же неудаченъ, какъ неудаченъ онъ былъ, кажется, и у Дарвина.

Конечно, при этомъ мнѣ приходилось нерѣдко «дурака валять»,—умствовать и продѣлывать пробныя и невѣрные шаги тамъ, гдѣ ларчикъ просто открывался, и гдѣ открытіе его подсказалъ бы любой изъ товарищей, опытный въ мастерствѣ. Но я предпочиталъ эти невѣрные шаги и сомнительные опыты продѣлывать самостоятельно, полагая не безъ основанія, что масса ошибокъ не есть пустая и вредная трата времени. Эти ошибки въ то же время даютъ массу приобрѣтеній, хоть и отрицательнаго характера, и массу навыковъ, которыхъ иначе, можетъ быть, и не приобрѣлъ бы. Отрицательныя же приобрѣтенія въ практикѣ часто бываютъ не менѣе важны, ибо для насъ полезно знать не только то, куда нужно идти, но и то, куда ходить не нужно.

Первые шаги, какъ водится, я дѣлалъ не безъ помочей. Я уже упоминалъ какъ Антоновъ разъяснялъ мнѣ самыя капиталныя затрудненія. Помнится, что я спрашивалъ у него даже и о томъ, сколько времени нужно, чтобы считать клей вполне высохшимъ. Но скоро я почувствовалъ себя способнымъ ходить безъ чужой поддержки.

XIII.

Однимъ изъ первыхъ моихъ издѣлій была не какая-нибудь мелочь, не стоящая вниманія. Нѣтъ. Большому кораблю всегда прилично большое плаваніе. И я, точно предчувствуя грядущіе успѣхи въ этой области, началъ ни больше, ни меньше, какъ прямо съ большого книжнаго шкафа.

Федоровъ самъ предложилъ мнѣ эту работу, спросивши предварительно, могу ли я сдѣлать такой шкафъ. Я отвѣчалъ, какъ будущій артистъ, котораго спросили, умѣетъ ли онъ играть на скрипкѣ?

— Не пробоваль никогда. Попробую, можетъ быть, сумѣю.

Помню, что меня при этомъ подбадривало то обстоятельство, что ужъ если жандармы, которые видятъ мое кропанье, обращаются ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, такъ, значитъ, я не лыкомъ шить, и тоже кое-что могу.

Итакъ, я взялся за шкафъ, и тутъ начались мои первыя «исканія». Почти каждая часть этой сложной работы приводила меня въ затрудненіе, и я не мало размышлялъ надъ той или другой изъ нихъ, какъ это дѣлается у опытныхъ смертныхъ. Долго я его работаль: можетъ быть, 2 мѣсяца, можетъ быть 3, даже 4. Но все-таки сработаль. Онъ и до сихъ поръ, навѣрное, цѣль, и все время тамъ книги стояли. Но что это былъ за шкафъ! На немъ смѣло можно бы сдѣлать надпись: «прохожій, стой и удивляйся!» И затѣмъ поставить въ какое-нибудь антропологическое учрежденіе, вродѣ русскаго музея, на ряду съ предметами домашней обстановки, характеризующими первобытное русское искусство. Дверцы у него тоже створчатые и съ филенками, въ тайну коихъ я проникъ, осмотрѣвши предварительно готовый купленный шкафъ. Но самая замѣчательная вещь въ немъ—это то, что одна дверца немного набекрень. Составилъ ее я какъ слѣдуетъ. Но когда склеилъ, то оказалось, что я ее скосилъ, и потому косые углы ея не могутъ совпадать съ прямыми углами отверстия шкафа, въ которое вставляются двери. Будь я опытенъ, я размочилъ бы ее, расклеилъ и снова склеилъ прямоугольно. Но тогда мнѣ ошибка эта казалась непоправимой, и мнѣ оставалось выпрямить углы посредствомъ со-стругиванія лишняго. Другая же была совершенно правильная. О прочихъ деталяхъ, не менѣе эстетичныхъ, я уже умолчу.

Послѣ этого у меня было сдѣлано не менѣе десятка разныхъ шкафовъ, большихъ и маленькихъ, не считая тѣхъ, которые я дѣлалъ совмѣстно съ другими. Два изъ нихъ даже вывезены оттуда, одинъ у меня, другой такой же у Н. А. Морозова. Въ случаѣ надобности, я могъ бы предъявить ихъ куда слѣдуетъ какъ пробное издѣліе для того, чтобы получить права цехового мастера. А сколько еще, и какихъ именно вещей было сдѣлано мною, теперь даже и приблизительно сказать нельзя. Очень можетъ быть, что списокъ ихъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Могу сказать только, что изъ всѣхъ предметовъ домашняго обихода мнѣ не приходилось дѣлать кажется одной только кровати. А именно, я дѣлалъ: скамьи, стулья, кресла, табуреты, столы и столики, лѣстницы, комоды, сундуки, ящики, шкатулки, футляры, попитры, жардиньерки, этажерки, мольберты, кіоты, рамы и рамки, вѣшалки, парты, верстаки, шахматныя доски, разные физическіе приборы и игрушки. Въ одномъ экземплярѣ были сдѣланы еще тачка и экранъ къ камину.

XIV.

На наши хозяйственныя нужды, должно быть, съ первыхъ же дней ихъ легализованія, отпускалась особая сумма. Но объ этомъ, равно какъ и о размѣрахъ ея, намъ ничего вначалѣ не говорили. Напротивъ, постоянно слышались жалобы, что мы очень много изводимъ матеріаловъ, и что все, что для насъ покупается, уходитъ невѣдомо куда. Въ 91 году даже требовали, чтобы мы вели списокъ всего, что нами сдѣлано, который имѣлось въ виду представить въ департаментъ, какъ аргументъ при полученіи дальнѣйшей ассигновки. До самого выхода оттуда у меня хранилась тетрадь со спискомъ этихъ издѣлій за одинъ 1891 годъ. Тогда же попросили насъ сдать для отсылки въ департаментъ накопившіяся у насъ разныя издѣлія все въ тѣхъ же видахъ, чтобы зарекомендовать свою трудоспособность и способность превращать покупаемый на казенныя деньги матеріалъ въ полезныя вещи.

Никакого порядка въ закупкѣ нужныхъ матеріаловъ сначала у насъ не было. Просто каждый, нуждающійся въ чемъ-нибудь, заявлялъ объ этомъ смотрителю. Понятно, какой кавардакъ получался при этомъ, когда приходилось заказывать невѣдомо на какія деньги и въ какихъ предѣлахъ и. можетъ быть, въ ущербъ другимъ товарищамъ. Сама собой являлась необходимость составлять одинъ общій списокъ заказовъ съ подведеніемъ общихъ итоговъ, въ размѣрѣ точно опредѣленной суммы, отвѣчающей нашимъ потребностямъ, и конечно, послѣ взаимнаго соглашенія. Словомъ, являлась необходимость не только въ самоуправленіи, но и въ формальномъ признаніи у насъ общинной жизни, что такъ радикально противорѣчило принципу одиночной тюрьмы.

Не знаю, кто первый сталъ составлять списки заказовъ. Помню только, что ихъ составляли то Оржихъ, то Похитоновъ и, вѣроятно, только въ предѣлахъ «своей досягаемости», т.-е. отъ тѣхъ, кого они могли опросить при тогдашнихъ первобытныхъ средствахъ сношенія. Помнится, что иногда приходилъ Федоровъ къ тому или другому составителю и просилъ внести въ списокъ какой-нибудь новый предметъ, который нуженъ N-у такому-то, очевидно, жившему за предѣлами досягаемости.

Появились, такимъ образомъ, сами собой первые зародыши нашего старостства, которое, какъ и въ исторіи первобытныхъ обществъ, сначала было самозваннымъ. Брались за это люди, которые хоть что-нибудь смекали въ матеріалахъ и въ приблизительной оцѣнкѣ ихъ. Не мало неурядицъ пришлось пережить при урегулированіи нашихъ хозяйственныхъ отношеній, неурядицъ, безъ которыхъ въ нашихъ исключительныхъ условіяхъ и невозможно было обойтись, тѣмъ болѣе, что всѣ мы были съ закваской народниковъ 70-хъ гг., которые выше всего ставили отвлеченные принципы, а устраивая совмѣстную хозяйственную жизнь, способны были не разъ создать какого-нибудь «принципіальнаго теленка».

**Михаиль Васильевич
НОВОРУССКИЙ.**

Въ одеждѣ узника Шлиссельбургской тюрьмы.

какъ это было, по словамъ Каронина (Петропавловскаго) въ Барской колоніи. Больше всего смущалъ насъ вопросъ не о томъ, сколько денегъ я могу имѣть въ своемъ распоряженіи, и какъ располагать ими, согласно своимъ пробуждающимся нуждамъ, а какое я имѣю право на выдѣлъ себѣ той или другой доли изъ общей ассигновки, т.-е., выражаясь громкими словами, смущала не экономическая, а юридическая сторона дѣла, и сколько же копій было переломано во имя этой юстиціи!

Помню на этотъ счетъ одну презабавную стычку, которая произошла у меня тогда съ И. Л. Манучаровымъ. Я былъ въ это время ярымъ коммунистомъ и думалъ, что все, что поступаетъ въ нашу общину, принадлежитъ одинаково всѣмъ безраздѣльно. Манучаровъ же былъ не менѣе яримъ индивидуалистомъ и оставалъ *свою долю* изъ общаго котла. При архаическомъ способѣ выписки, о которомъ я только что сказалъ, онъ купилъ себѣ маленькую бутылочку лаку (въ 12 коп.), такъ какъ дѣлалъ въ то время изящная ажурныя вещицы и лакировалъ ихъ. Для какого-то пустяка понадобилось и мнѣ немного лаку. Мы еще были разъединены другъ отъ друга, и я гулялъ только съ нимъ. вмѣсто того, чтобы взять лаку, сколько было нужно, какъ это дѣлаютъ серьезные люди, какъ это дѣлали и мы сами впоследствии, — тѣмъ болѣе, что мы съ Манучаровымъ были дружны, а онъ всегда услужливъ, — мы устроили съ нимъ жестокую баталію по вопросу о томъ, имѣю ли я право на лакъ, который онъ выписалъ *себѣ*. Поломавши достаточно копій, можетъ быть, въ теченіи не одного дня, мы, какъ водится, остались каждый при своемъ. А такъ какъ спорный лакъ присутствовалъ здѣсь налицо, то Манучаровъ, подавая, наконецъ, его мнѣ, сказалъ: «даю Вамъ свой лакъ въ видѣ дружеской услуги». Я же, принимая его, отвѣчалъ: «беру его какъ лакъ, принадлежащій мнѣ столько же, сколько и Вамъ».

Къ этой именно эпохѣ относится одна изъ эпиграммъ Г. А. Лопатина, хотя и выпущенная по другому поводу, но вполне приложимая и къ нашему инциденту:

Въ клубѣ страшный кавардакъ:
Всюду слышишь: лакъ да лакъ!
И самъ чортъ едва-ли скажетъ,
Кто кого тѣмъ лакомъ мажетъ.

XVI.

Какъ бы то ни было, постепенно урегулировалось и наше общественное хозяйство. Способность къ самоуправленію никому и нигдѣ не дается отъ рожденія, а точно такъ же, какъ и всѣ навыки общественной жизни, приобрѣтается только путемъ опыта и послѣ предварительныхъ ошибокъ и конфликтовъ.

Уже въ 91 году я получилъ формальное избраніе на царство и 9 мѣсяцевъ велъ наши хозяйственныя дѣла. Какъ разъ въ это время,

независимо отъ ремесленныхъ нуждъ, расширялись въ огородахъ наши средства сношенія другъ съ другомъ, сначала посредствомъ щелей, а затѣмъ окошекъ (см. ранѣе). И необходимость во взаимныхъ сношеніяхъ и переговорахъ по дѣламъ ремесленнымъ, въ частности, по выпискѣ матеріаловъ, необходимость, которую наша администрація сама видѣла и понимала, сыграла большую роль въ дѣлѣ разрушенія начальственныхъ преградъ къ этимъ сношеніямъ. И даже ранѣе, чѣмъ окна были устроены, мы могли уже мѣнять товарища по прогулкѣ такъ часто, какъ это было нужно. И я отлично помню то впечатлѣніе, которое я пережилъ впервые, когда, по дѣламъ своей службы, встрѣтился въ одинъ день ровно съ 6 лицами,—съ кѣмъ непосредственно, а съ кѣмъ только въ окна. Это было тоже «событіемъ» въ своемъ родѣ, настолько рѣдкимъ и внушительнымъ, что оно не забылось и до сихъ поръ.

Приступивши къ самоуправленію робкими шагами, мы скоро вошли во вкусъ этого дѣла и расплодили у себя разныхъ «мейстеровъ» въ такомъ же количествѣ, какъ и въ древней германской *Gemeinde*, гдѣ бывалъ иногда даже танцмейстеръ, завѣдывавшій народными играми. У насъ одно время ихъ было цѣлыхъ четверо. т. е. пятая часть націи состояла изъ властей! Одинъ завѣдывалъ ремеслами, другой библіотекой, третій кухоннымъ дѣломъ, четвертый прогулками. Меню мы начали составлять еще гораздо раньше, чѣмъ появились окошки для взаимосношеній, и сначала орудовали, конечно, стукомъ по угламъ. А такъ какъ сношенія междуугольные были столь же затруднительны, какъ и международныя, то долгое время меню составлялось поочереди: на недѣлю въ одномъ углу, на другую въ другомъ, и т. д. Потомъ, когда наши связи установились на дворѣ, появилось «особо на сей счетъ уполномоченное лицо», которое, составивши огромный списокъ блюдъ съ вопросами: «кто чего любитъ и чего не любитъ», произвело всенародную желудочную анкету. Запасшись достаточнымъ матеріаломъ, конечно съ весьма патетическими дифирамбами въ пользу или противъ того либо другого блюда, это должностное лицо приступило «къ осуществленію своихъ функций». Задача эта была не только не легкая, но прямо — таки неразрѣшимая. Противъ какого-нибудь картофельнаго киселя на молокѣ стояла, напр., надпись: «хочу, чтобъ назначали его хоть каждый день», и рядомъ другая: «требую, чтобъ это омерзительное тѣсто ни разу не появлялось на столѣ, а употреблялось исключительно для переплетныхъ работъ».

Такихъ, уничтожающихъ другъ друга надписей можно было насчитать немало подъ многими блюдами. Затѣмъ менюейстеръ, рѣшивши такъ или иначе свою задачу и совершивши истинно гражданскій подвигъ при осуществленіи своего глубоко продуманнаго пищевого расписанія, получалъ со всѣхъ сторонъ должное мздовоздааніе: одинъ упрекалъ его за то, что онъ не внялъ его голосу и назначилъ-таки негодную ему колбасу, другой вопіялъ, зачѣмъ его любимое блюдо (вареники) снято съ очереди и ни разу не написано на цѣлыхъ 2 недѣли!

Такъ эти менюальныя невзгоды,—въ основѣ которыхъ лежала невозможность держать на одномъ тощемъ столѣ лицъ разной комплекціи, съ катарральнымъ желудкомъ и благопріобрѣтенными тюремными недугами,—и продолжались затѣмъ непрерывно, вплоть до конца. Въ послѣдній годъ я предложилъ было разбить все наличное населеніе на пары съ болѣе или менѣе подходящими вкусами, съ тѣмъ, чтобы каждая пара составляла меню (на 2 недѣли) по очереди. Попробовали. Но, конечно, нашлись недовольные, которые сорвали реформу и предпочли народовластію прежнее единоначаліе.

Всѣ эти названныя должности то сливались, то опять разъединялись. Функціи променадмейстера были похоронены, наконецъ, за ненадобностью, а оставшіяся три должности потомъ слиты въ одномъ лицѣ, когда народу стало не много и дѣла сократились. А между тѣмъ, какъ это ни странно, дѣла старостѣ было не мало. И чтобы выяснить его, я опишу наши денежныя отношенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. В. Новорусскій.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ ¹⁾.

(Переводъ съ доставленной авторомъ ея рукописи)

Біографическій очеркъ ²⁾.

I.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился 8-го мая 1814 г. въ деревнѣ Прямухино, Новоторжского уѣзда, Тверской губ. Его отецъ, служа по дипломатической части, въ молодости жилъ во Флоренціи и Неаполѣ въ качествѣ *attaché* при посольствахъ; оставивъ службу, онъ поселился въ родовомъ имѣніи, гдѣ женился на молодой восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ изъ семейства извѣстныхъ Муравьевыхъ. Онъ исповѣдывалъ либеральныя убѣжденія и принадлежалъ къ одному изъ обществъ декабристовъ, но послѣ событій 14 декабря 1825 г. сдѣлался скептикомъ и рѣшилъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Михаилъ былъ старшимъ сыномъ, имѣлъ пять братьевъ и пять сестеръ; когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ артиллерійскую школу въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ три года, и затѣмъ прапорщикомъ былъ посланъ въ батарею, квартировавшую въ Минской губерніи.

Это происходило тотчасъ же послѣ подавленія польской революціи тридцатаго года; видъ терроризированной Польши произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на молодого офицера и

¹⁾ Статья эта принадлежитъ одному изъ немногихъ, еще оставшихся въ живыхъ участниковъ основанной въ 1864 г. К. Марксомъ и др. Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Интернаціональ) Гильому. Личный другъ Бакунина и сторонникъ того направленія въ Интернаціоналѣ, выразителемъ котораго былъ нашъ знаменитый соотечественникъ, Гильомъ излагаетъ и всѣ событія того времени съ точки зрѣнія членомъ определенной партіи. Мы печатаемъ работу Гильома (она въ скоромъ времени должна появиться и на французскомъ языкѣ) исключительно въ качествѣ матеріала для исторіи жизни и дѣятельности Бакунина, которая, конечно, еще ждетъ своего вполне безпристрастнаго изслѣдователя. *Ред.*

²⁾ При составленіи этого очерка, кромѣ всего лично мнѣ извѣстнаго, я пользовался огромнымъ матеріаломъ, собраннымъ и опубликованнымъ Максомъ Нетлау въ его монументальномъ трудѣ: *Michel Bakounine, eine Biographie*, London 1896—1900, 3 vol. in-folio. *Ж. Г.*

вселилъ въ его душу омерзѣніе къ деспотизму. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ подалъ въ отставку (1834 г.), навсегда отказавшись отъ военной карьеры, и переехалъ въ Москву, гдѣ жилъ въ теченіе шести лѣтъ почти постоянно, исключая нѣсколькихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ отцовское имѣніе. Въ Москвѣ онъ отдался изученію философіи, начавъ съ французскихъ энциклопедистовъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ своими друзьями Станкевичемъ и Бѣлинскимъ увлекся Фихте и переводилъ (1836 г.) его „*Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten*“. Послѣ этого перешелъ къ Гегелю, который тогда господствовалъ въ умахъ Германіи. Молодой Бакунинъ сдѣлался убѣжденнымъ послѣдователемъ гегелевской системы и даже одно время былъ ослѣпленъ знаменитымъ положеніемъ: „Все существующее разумно“, что оправдывало существованіе всякаго правительства. Въ 1839 г. Герценъ и Огаревъ, вернувшись въ Москву изъ ссылки, встрѣтились съ Бакунинимъ, но въ этотъ моментъ взгляды ихъ были настолько различны, что они не могли между собой согласиться.

Въ 1840 г. двадцатипятилѣтній Бакунинъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда къ Берлину съ намѣреніемъ изучать нѣмецкое философское движеніе; по его словамъ, у него былъ проектъ посвятить себя профессурѣ и со временемъ занять кафедру философіи или исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ этомъ же году въ Италіи умеръ Станкевичъ; Бакунинъ тогда признавалъ еще вѣрованіе въ безсмертіе души, какъ необходимую доктрину (письмо къ Герцену 23 октября 1840 г.). Наконецъ, наступилъ моментъ, когда должна была совершиться его умственная эволюція, и философія Гегеля превратилась для него въ революціонную теорію. Людвигъ Фейербахъ изъ гегелизма вывелъ логическія слѣдствія въ сферѣ религіозной, а Бакунинъ то же самое сдѣлалъ въ сферѣ политической и социальной.

Въ 1842 г. онъ переселился изъ Берлина въ Дрезденъ, гдѣ сошелся съ Арнольдомъ Руге, который тогда издавалъ „*Deutsche Jahrbücher*“. Вотъ въ этомъ-то журналѣ въ октябрѣ 1842 г. появилась статья Бакунина за подписью „Jules Elysard“, въ которой онъ приходитъ къ революціоннымъ заключеніямъ. Статья озаглавлена „*Реакція въ Германіи, замѣтки француза*“ и оканчивается фразою, сдѣлавшеюся знаменитою: „Довѣримтесь же вѣчному духу, который только потому разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ есть неисчерпаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни“. „*Страсть разрушенія есть въ то же время творческая страсть*“. Герценъ, полагая въ первое время, что статья эта дѣйствительно написана французомъ, отмѣтилъ въ своемъ „Дневникѣ“ послѣ ея прочтенія: „это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи... Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung“.

Поэтъ Георгъ Гервегъ, авторъ знаменитыхъ „*Gedichte eines Lebendigen*“, явился въ Дрезденъ и остановился у Бакунина, съ которымъ онъ близко сошелся; здѣсь же Бакунинъ познакомился съ музыкантомъ Адольфомъ Рейхель, впоследствии ставшимъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ его друзей. Саксонское правительство начало обнаруживать враждебныя намѣренія въ отношеніи Руге и его сотрудниковъ, и тогда Бакунинъ и Гервегъ, въ январѣ 1843 г., оставили Саксонію и переехали въ Цюрихъ. Лѣто 1843 г. Бакунинъ провелъ въ Швейцаріи. Одно изъ его писемъ къ Руге съ острова Сенъ-Пьеръ на Біенскомъ озерѣ, датированное маемъ 1843 г., заканчивалось слѣдующимъ горячимъ восклицаніемъ: „Теперь, только теперь и начинается борьба! И правда нашего дѣла такъ сильна, что мы, разсыпанная горсточка людей, связанныхъ по рукамъ, приводимъ однимъ боевымъ кличемъ своимъ въ страхъ и трепетъ ихъ міриады! Въ добрый путь! Я—скиѣт—разрѣшу ваши узы, германцы, желающіе уподобиться грекамъ! Присылайте мнѣ свои произведенія! Я напечатаю ихъ на островѣ Руссо и на страницахъ исторіи еще разъ запечатлѣю огненными буквами слова: „Да погибнутъ, персы!“

Въ Швейцаріи Бакунинъ встрѣтился съ нѣмецкими коммунистами, группировавшимися около Вейтлинга; а зимою 1843—1844 г.г. въ Бернѣ познакомился съ семействомъ Фогтовъ¹⁾, одинъ изъ четырехъ братьевъ котораго, Адольфъ Фогтъ (впоследствии профессоръ медицинскаго факультета Бернскаго университета) сдѣлался его очень близкимъ другомъ. Благодаря преслѣдованію швейцарской полиціи и требованіямъ русскаго посольства вернуться въ Россію, онъ вынужденъ былъ въ февралѣ 1844 г. уѣхать изъерна въ Брюссель, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ и прожилъ до декабря 1847 г.

II.

Пріѣхавши въ Парижъ, Бакунинъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Рейхелемъ, нашелъ тамъ Гервега съ его молодою женою (Эмма Сигмундъ). Онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ, который, живя здѣсь съ конца 1843 г., былъ также сотрудникомъ Арнольда Руге, и который съ Энгельсомъ тогда уже занимался обработкой спеціальной доктрины. Бакунинъ сошелся также съ Прудономъ и очень часто съ нимъ видѣлся; сходясь на извѣстныхъ существенныхъ пунктахъ и расходясь на другихъ, онъ вступалъ съ нимъ въ пренія, продолжавшіяся по цѣлымъ ночамъ напролетъ. Тогда же познакомился онъ съ Жоржъ Зандъ, находившейся въ это время подъ вліяніемъ Пьера Леру, и восхищался

¹⁾ Профессоръ Вильгельмъ Фогтъ въ 1835 г. по политическимъ причинамъ оставилъ Гиссенскій университетъ и перешелъ въ Бернскій. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Карлъ знаменитый естествоиспытатель, Эмиль—юристъ, Адольфъ—медикъ, и Густавъ—адвокатъ.

ея талантомъ. Эти годы жизни въ Парижѣ для интеллектуальнаго развитія Бакунина были самыми плодотворными: въ это именно время въ его умѣ стали обрисовываться идеи, создавшія впоследствии его революціонную программу; но тогда онѣ еще были не разработаны и не очищены отъ метафизическаго идеализма, отъ котораго онѣ позднѣе совсѣмъ избавились.

Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ (1871 г.) самъ Бакунинъ такъ объясняетъ свои отношенія къ Марксу и Прудону въ это время: „Марксъ тогда былъ болѣе крайній, чѣмъ я, и теперь — несравненно болѣе ученый, чѣмъ я. Я совсѣмъ незнакомъ былъ тогда съ политической экономіей; я не освободился еще отъ метафизическихъ абстракцій, и мой социализмъ былъ только инстинктивнымъ. Онъ же, хотя и моложе меня годами, былъ уже атеистомъ, научнымъ материалистомъ и сознательнымъ социалистомъ. Именно въ эту эпоху онъ выработывалъ первыя основанія своей настоящей системы. Мы довольно часто видѣлись другъ съ другомъ, потому что я очень уважалъ его за его знанія, за его страстную и серьезную преданность дѣлу пролетаріата, хотя всегда съ примѣскою личнаго тщеславія; я съ интересомъ слушалъ его разговоры, всегда поучительные и умные, если только они не вдохновлялись жалкой злобой, что, къ сожалѣнію, бывало очень часто. Однако между нами никогда не было полной близости; наши темпераменты не переносили этого. Онъ называлъ меня сентиментальнымъ идеалистомъ и былъ правъ; я его называлъ мрачнымъ вѣроломнымъ тщеславнымъ человѣкомъ и тоже былъ правъ“.

Что касается Энгельса, то Бакунинъ такъ его характеризуетъ, говоря о тайномъ обществѣ, основанномъ Марксомъ („Государственность и Анархія“, стр. 224. 1874 г.): „Около 1845 г. Марксъ сталъ во главѣ нѣмецкихъ коммунистовъ и вслѣдъ за тѣмъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ, неизмѣннымъ своимъ другомъ, столь же умнымъ, хотя менѣе ученымъ, но зато болѣе практическимъ и не менѣе способнымъ къ политической клеветѣ, лжи и интригѣ, основалъ тайное общество германскихъ коммунистовъ или государственныхъ социалистовъ“.

О Прудонѣ вотъ что писалъ Бакунинъ въ 1870 г.: „Прудонъ, несмотря на всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы сбросить съ себя традиціи классическаго идеализма, тѣмъ не менѣе всю свою жизнь оставался неисправимымъ идеалистомъ, вдохновляясь, какъ я ему говорилъ въ двухъ словахъ передъ его смертью ¹⁾, то библіею, то римскимъ правомъ; онъ всегда былъ метафизикомъ до конца ногтей. Его большое несчастье состояло въ томъ, что онъ не изучалъ естественныхъ наукъ и не усвоилъ себѣ ихъ метода. Онъ имѣлъ инстинкты генія, которые указывали ему истинную дорогу, но, увлекаемый дурными идеалистическими привычками своего ума всегда впадалъ въ свои старыя

¹⁾ Прудонъ умеръ 19-го января 1865 г.

ошибки, благодаря чему отличался непрерывными противорѣчіями, — сильный талантъ, революціонный мыслитель, постоянно борется съ призраками идеализма и никогда не выходитъ ихъ побѣдителемъ.

„Марксъ, какъ мыслитель, идетъ правильнымъ путемъ. Онъ установилъ принципъ, что въ исторіи всѣ эволюціи политическія, религіозныя и юридическія не причины, а слѣдствія экономической эволюціи. Эта великая и плодотворная идея не имѣла придумана: она была предусмотрена, отчасти выражена многими другими; но, во всякомъ случаѣ, онъ ее обосновалъ и положилъ какъ базу всей своей экономической системы. Съ другой стороны, Прудонъ лучше его понималъ и чувствовалъ свободу. Прудонъ обладалъ истиннымъ инстинктомъ революціонера; когда онъ не занимался доктриной и метафизикой, онъ поклонялся сатанѣ и провозглашалъ анархію. Вполнѣ возможно, что Марксъ *теоретически* могъ возвыситься до системы свободы болѣе рациональной, чѣмъ Прудонъ, но у него нѣтъ инстинкта свободы, онъ съ головы до ногъ *autocritaire*“.

Въ 1847 г. въ Парижѣ явился Герценъ, навсегда оставивъ Россію.

На банкетѣ 29 ноября 1847 г., въ годовщину польскаго возстанія 1830 г., Бакунинъ произнесъ рѣчь, за которую его, по просьбѣ русскаго правительства, изгнали изъ Франціи. Русскій посланникъ въ Парижѣ Киселевъ, для прекращенія выраженія симпатій Бакунину, распространилъ слухъ, что послѣдній былъ на службѣ у посольства, которое принуждено было прервать съ нимъ всякія сношенія въ виду характера его послѣдней дѣятельности (письмо Бакунина къ Фанелли 29 мая 1867). Графъ Душатель, министръ внутреннихъ дѣлъ, интерпеллированный въ палатѣ пэровъ, отдѣлался преднамѣреннымъ молчаніемъ, чтобы придать вѣру клеветѣ, придуманной Киселевымъ, которому все-таки пришлось оправдываться въ другомъ мѣстѣ.

Бакунинъ переселился въ Брюссель, гдѣ жилъ Марксъ, тоже изгнанный изъ Франціи еще въ 1845 г. Отсюда Бакунинъ писалъ Гервегу: „Нѣмцы-ремесленники, Борнштейнъ, Марксъ и Энгельсъ, въ особенности Марксъ, сѣютъ здѣсь свое обычное зло. Тщеславіе, человѣконенавистничество, высокомеріе въ теоріи и малодушіе на практикѣ, рефлексія на счетъ жизни, дѣятельности и искренности... литераторствующіе и диспутирующие ремесленники и отвратительное заигрываніе съ ними... Фейербахъ—*буржуа*; слово буржуа до тошноты надоѣвшая ругань, — а сами всѣ съ головы до ногъ, до мозга костей мелкіе буржуа. Однимъ словомъ, ложь и глупость, глупость и ложь. Въ этомъ обществѣ трудно и тяжело дышать. Я держусь вдалекѣ отъ нихъ и рѣшительно заявилъ, что не вступаю въ ихъ коммунистическое ремесленное общество и не желаю имѣть съ ними никакого дѣла“.

III.

Революція 24 февраля дала возможность Бакунину вернуться во Францію. „Вернувшись изъ Брюсселя въ Парижъ, Бакунинъ,— по словамъ Герцена,— съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивелированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага“. Революціонныя событія въ Вѣнѣ и Берлинѣ, съ одной стороны, и порученія парижскихъ революціонеровъ—съ другой, побудили его отправиться въ Германію, откуда онъ рассчитывалъ принять участіе въ польскомъ революціонномъ движеніи. Онъ направился черезъ Кельнъ, гдѣ Марксъ и Энгельсъ начали изданіе „*Neue Rheinische Zeitung*“. Какъ разъ въ этотъ моментъ нѣмецкій демократическій легіонъ въ Парижѣ, въ сопровожденіи Гервега, предпринялъ въ Баденскомъ герцогствѣ инсurreкціонную попытку, такъ печально окончившуюся. Марксъ по этому случаю жестоко напалъ на Гервега, а Бакунинъ взялъ на себя защиту своего друга, что повлекло за собою разрывъ его съ Марксомъ. Позже, въ 1871 г., Бакунинъ по этому случаю писалъ слѣдующее: „Въ этомъ вопросѣ, какъ я думаю теперь и скажу это откровенно, Марксъ и Энгельсъ были правы; они вѣрно оцѣнивали тогдашнее положеніе дѣлъ. Они напали на Гервега съ той безцеремонностью, которая характеризуетъ ихъ нападки, я же лично горячо защищалъ отсутствующаго противъ нихъ. Здѣсь начало нашей ссоры“.

Отсюда Бакунинъ отправился въ Берлинъ, Бреслау, а затѣмъ въ Прагу, гдѣ онъ бесполезно пытался вести демократическую и революціонную пропаганду на конгрессѣ славянъ (іюнь), и гдѣ онъ принялъ участіе въ инсurreкціонномъ движеніи, сурово подавленномъ Виндишгрецомъ; послѣ этого онъ вернулся въ Бреслау. Во время пребыванія его въ этомъ городѣ въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ была помѣщена 6 іюля слѣдующая корреспонденція изъ Парижа: „Что касается славянскій пропаганды, то насъ вчера увѣрили, что Жоржъ Зандъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи документы, сильно компрометирующіе одного русскаго, отсюда изгнаннаго Михаила Бакунина, которые изображаютъ его, какъ орудіе или какъ агента Россіи, недавно завербованнаго, и которому приписываютъ главную роль въ недавнихъ арестахъ несчастныхъ поляковъ. Жоржъ Зандъ показывала эти документы нѣкоторымъ изъ своихъ друзей“.

Бакунинъ немедленно протестовалъ противъ этой гнусной клеветы въ письмѣ, напечатанномъ въ „*Allgemeine Oder-Zeitung*“ издаваемой въ Бреслау (письмо это воспроизведено въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ отъ 16 іюля), и въ то же время обратился

къ Жоржъ Зандъ съ просьбою разяснить всю эту исторію. Жоржъ Зандъ отвѣтила письмомъ на имя редактора „*New Rheinische Zeitung*“ отъ 20 іюля 1848 г. изъ Шартра, въ которомъ пишетъ: „Факты, изложенные вашимъ корреспондентомъ, безусловно ложны. Я никогда не владѣла ни малѣйшими доказательствами инсинуаций, распространяемыхъ вами противъ М. Бакунина; я никогда не была уполномочена выразить какія бы то ни было сомнѣнія въ лойяльности его характера и искренности его убѣжденій. Я обращаюсь къ вашей чести и вашей совѣсти немедленно напечатать это письмо въ вашей газетѣ“. Марксъ напечаталъ письмо и въ то же время далъ слѣдующее объясненіе напечатанію клеветнической корреспонденціи изъ Парижа: „Такимъ образомъ, мы исполнили обязанность прессы строго наблюдать за поведеніемъ общественныхъ дѣятелей и дали возможность г. Бакунину разсѣять подозрѣнія, которыя дѣйствительно были распространены въ извѣстныхъ кругахъ Парижа“. Безполезно говорить объ этой странной теоріи, по которой пресса обязана собирать клевету и распространять ее, не потрудившись провѣрить самыхъ фактовъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Бакунинъ встрѣтилъ Маркса въ Берлинѣ, и между ними состоялось видимое примиреніе. Въ 1871 г. Бакунинъ по этому случаю писалъ слѣдующее: „Общія друзья заставили насъ обняться и тогда же, среди общаго разговора наполовину серьезнаго, наполовину шутиваго Марксъ сказалъ мнѣ: „Знаешь ли, что я нахожусь теперь во главѣ тайнаго коммунистическаго общества такъ хорошо дисциплинированнаго, что если я скажу кому-либо изъ его членовъ: „*Иди ubi Бакунина*—и ты будешь убитъ“. Послѣ этого разговора мы не встрѣчались другъ съ другомъ до 1864 г.“.

Двадцать четыре года спустя Марксъ серьезно попытался сдѣлать съ Бакунинымъ то, что онъ говорилъ еще шутя въ 1848 г.; когда въ Интернаціоналѣ оппозиція революціоннаго анархиста дѣлается нестерпимой для личнаго господства Маркса, тогда онъ пытается уничтожить ее дѣйствительнымъ моральнымъ убійствомъ.

Бакунинъ, изгнанный изъ Пруссіи и Саксоніи, провелъ остатокъ 1848 г. въ герцогствѣ Ангальтъ. Здѣсь онъ напечаталъ по-нѣмецки свою брошюру: „*Aufruf an die Slaven, von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavencongresses*“. Въ ней онъ развилъ свою программу: союзъ славянскихъ революціонеровъ съ революціонерами другихъ націй, венгерской, нѣмецкой, итальянской для разрушенія трехъ притѣснительныхъ монархій, Россійской имперіи, Австрійской имперіи и Прусскаго королевства; и потомъ свободная федерація освобожденныхъ славянскихъ народовъ. Марксъ считъ своей обязанностью бороться съ этими идеями; онъ писалъ въ „*New Rheinische Zeitung*“ (14 февраля 1849 г.): „Бакунинъ—нашъ другъ, но это не помѣшаетъ намъ критиковать его брошюру“, и за-

тѣмъ онъ такъ формулируетъ свою точку зрѣнія: „исключая поляковъ, русскихъ и, быть можетъ, еще турецкихъ славянъ, никакой другой славянской народъ не имѣетъ будущности по той простой причинѣ, что у нихъ нѣтъ основныхъ условий историческихъ, географическихъ, политическихъ и промышленныхъ для самостоятельнаго существованія и жизнеспособности. Относительно различія во взглядахъ на славянской вопросъ между Бакунинымъ и Марксомъ первый писалъ въ 1871 г. слѣдующее: „Въ 1848 г. мы расходились во мнѣнїяхъ, и теперь я могу сказать, что его взгляды были правильнѣе моихъ... Увлеченный революціоннымъ движеніемъ, я болѣе занимался отрицательной стороною революціи, а не положительной... Но въ славянскомъ вопросѣ я разсуждалъ основательнѣе его. Какъ славянинъ, я желалъ освобожденія славянской расы изъ подъ ига нѣмцевъ, а Марксъ, какъ нѣмецкій патріотъ, не допускалъ, да и теперь не допускаетъ права славянъ на эмансипацію отъ германскаго ига, полагая теперь, какъ и тогда, что германцы призваны ихъ цивилизовать, т. е. германизировать ихъ во что бы-то ни стало“.

Въ январѣ 1849 года Бакунинъ секретно приѣзжалъ въ Лейпцигъ; въ это время онъ, вмѣстѣ съ группою молодыхъ чеховъ изъ Праги, занятъ былъ организаціей возстанія въ Богеміи. Несмотря на прогрессъ реакціи во Франціи и Германіи, еще можно было разсчитывать на успѣхъ, потому что революція была раздвлена еще не во всей Европѣ. Пій IX, изгнанный изъ Рима, уступилъ мѣсто римской республикѣ, управлявшейся триумвиратомъ изъ Маццини, Сафи и Арменини съ генераломъ Гарибальди; Венеція, освободившись, выдерживала героическую осаду со стороны австрійцевъ; Венгрія, возставшая противъ Австріи подъ управленіемъ Кошута, провозгласила низверженіе дома Габсбурговъ. Между тѣмъ въ Дрезденѣ вспыхнуло (3 мая 1849) народное возстаніе вслѣдствіе отказа саксонскаго короля принять конституцію германской имперіи, вотированную франкфуртскимъ парламентомъ. Четвертаго мая король бѣжалъ; образовалось временное правительство изъ Гейбнера, Ширнера и Тодта, и инсургенты владѣли городомъ въ теченіе пяти дней. Бакунинъ, переѣхавшій въ срединѣ апрѣля изъ Лейпцига въ Дрезденъ, сдѣлался однимъ изъ вождей возстанія, принялъ самыя энергичныя мѣры для защиты баррикадъ отъ прусскихъ войскъ (сначала военнымъ начальникомъ былъ полковникъ Гейнце, а затѣмъ, съ 8 мая, молодой типографъ Стефанъ Борнъ, который въ предшествующемъ году организовалъ первую ассоціацію нѣмецкихъ рабочихъ). Гигантская фигура Бакунина, титулъ его русскаго революціонера привлекали къ нему особенное вниманіе; тотчасъ же около него создалась цѣлая легенда: ему одному приписали пожары, произведенные въ цѣляхъ защиты; онъ былъ, какъ тогда писали, „истинною душою всей революціи“; онъ „практиковалъ терроръ, распространявшійся ужасъ“; онъ совѣтовалъ поставить на баррикадахъ самыя цѣнныя картины изъ

знаменитой дрезденской галлерей, чтобы воспрепятствовать пруссакамъ стрѣлять по нимъ и т. д. и т. д.

Девятаго инсургенты, уступая превосходнымъ силамъ, совершили отступление въ Фрейбергъ; здѣсь Бакунинъ тщетно пытался уговорить Борна, чтобы онъ, съ оставшимися у него силами, перешелъ на территорію Богеміи и попытался тамъ поднять новое возстаніе; но Борнъ отказался и распустилъ свое войско. Тогда, видя, что ничего нельзя больше сдѣлать, Гейбнеръ, Бакунинъ и композиторъ Рихардъ Вагнеръ направились въ Хемницъ. Ночью съ 9 на 10 вооруженные буржуа арестовали Бакунина и Гейбнера и выдали ихъ пруссакамъ; Вагнеру же, скрывшемуся у своей сестры, удалось спастись.

Бакунинъ велъ себя въ Дрезденѣ, какъ энергичный и дальновидный предводитель и рѣшительный воинъ. Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ „*New York Daily Tribune*“ отъ 2 октября 1852 „*On Revolution and contre Revolution in Germany*“ не смотря на свою враждебность къ Бакунину, долженъ былъ признать заслуги, оказанныя послѣднимъ революціонному дѣлу; онъ писалъ: „въ Дрезденѣ борьба продолжалась четыре дня на улицахъ города Лавочники Дрездена, „городская гвардія“, не только не сражались, но во многихъ случаяхъ оказывали помощь войскамъ противъ возставшихъ. Послѣдніе состояли почти исключительно изъ рабочихъ сосѣднихъ фабричныхъ мѣстностей. Они нашли въ русскомъ изманникѣ Бакунинѣ способнаго и хладнокровнаго предводителя“.

IV.

Бакунина посадили въ крѣпость Кенигштейнъ въ Саксоніи и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, 14 января 1850, присудили къ смерти¹⁾; въ іюнѣ смертную казнь замѣнили пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпости и затѣмъ выдали его Австріи, вслѣдствіе ея требованія. Австрійское правительство сначала засадило его въ крѣпость въ Прагѣ, а потомъ (мартъ 1851) перевело въ Ольмюцкую цитадель, гдѣ судили 15 мая 1851 и приговорили къ повѣшенію, но смертную казнь еще разъ замѣнили пожизненнымъ заточеніемъ. Въ австрійскихъ тюрьмахъ его подвергали очень суровому режиму: онъ содержался въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, а въ Ольмюцѣ даже приковали цѣпью къ стѣнѣ.

Вскорѣ послѣ приговора Австрія выдала Бакунина русскому правительству, которое засадило его въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости. Черезъ нѣкоторое время его посетилъ графъ Орловъ и передалъ ему желаніе царя Николая имѣть его исповѣдь. Бакунинъ, принявшій во вниманіе (см. письмо Герцену изъ Иркутска отъ 8 сентября 1860), что „онъ

¹⁾ Къ отсѣченію головы. *Ред.*

находится во власти медвѣдя“, что кромѣ этого „вся его дѣятельность прекрасно извѣстна и скрывать больше нечего“ рѣшилъ написать письмо къ царю, въ которомъ говоритъ: „Вы желаете имѣть мою исповѣдь, но Вы не должны игнорировать, что заключенный не обязанъ исповѣдывать грѣховъ другихъ. Мои честь и совѣсть никогда не дозволятъ мнѣ измѣнить кому бы то ни было довѣрившемуся мнѣ, и поэтому я не сообщу Вамъ какихъ-либо именъ“. Николай, прочитавши письмо Бакунина, какъ рассказываетъ Герценъ въ „*Посмертные Сочиненія*“, сказалъ: „Онъ умный и хорошій малый, его надобно держать взаперти“.

При началѣ Крымской войны Бакунина изъ Петропавловской крѣпости перевели (1854 г.) въ Шлиссельбургъ изъ боязни, что первая можетъ быть бомбардирована и взята англичанами; здѣсь онъ заболѣлъ цингою и потерялъ почти всѣ зубы. Вотъ что писалъ авторъ нижеслѣдующихъ строкъ, написанныхъ имъ на другой день смерти Бакунина и слышанныхъ имъ лично отъ него объ этомъ періодѣ его заключенія въ крѣпости: „Жестокій крѣпостной режимъ совершенно испортилъ его желудокъ; въ концѣ концовъ онъ получилъ отвращеніе ко всякой пищѣ и питался исключительно только щами изъ кислой капусты. Если тѣло его и ослабѣло, то духъ оставался непоколебимымъ. Онъ больше всего боялся ослабленія умственныхъ способностей подъ вліяніемъ расслабляющаго дѣйствія тюрьмы, извѣстнымъ примѣромъ чего можетъ служить Сильвіо Пелико; опасаясь потерять чувство ненависти и страсть бунтовать, которая его поддерживала, и дойти до состоянія всепрощенія своимъ палачамъ, покориться своей судьбѣ. Но страхъ этотъ оказался преувеличеннымъ; его энергія не оставляла его ни на одинъ день, и онъ вышелъ изъ тюрьмы такимъ же человекомъ, какимъ вошелъ въ нее. Чтобы развлечься отъ скуки долгаго одиночества онъ любилъ, по его словамъ, воспроизводить въ своемъ умѣ легенду о Прометѣѣ, титанѣ-благодѣтелѣ людей, прикованномъ къ скалѣ Кавказа по приказу царя Олимпа; онъ намѣревался написать драму съ этимъ сюжетомъ, и намъ помнится составленная имъ мелодія, нѣжная и жалостливая, которую поетъ хоръ нимфъ океана, несущихъ успокоеніе жертвамъ злобы Юпитера“. (См. Bulletin de la Fédération jurassienne de l'Internationale, supplement au numero du 9 juillet 1876 г.).

Со смертью Николая можно было надѣяться, что перемежна царствованія принесетъ облегченіе въ положеніи неукротимаго революціонера, но Александръ II своей собственной рукой вычеркнулъ имя Бакунина изъ списка амнистируемыхъ. Спусти мѣсяць послѣ этого, мать узника обратилась къ царю съ просьбою о помилованіи ея сына, но самодержецъ отвѣтилъ ей: „Знайте, сударыня, что пока будетъ живъ вашъ сынъ, онъ никогда не выйдетъ на свободу“. Заключение Бакунина продол-

жалось еще два года послѣ смерти Николая. Александръ остался глухъ ко всѣмъ просьбамъ о помилованіи, съ которыми къ нему обращались. Однажды царь, держа въ рукахъ письмо Бакунина, написанное имъ къ Николаю въ 1851 г., обратился къ князю Горчакову, министру иностранныхъ дѣлъ со словами: „Я не вижу ни малѣйшаго раскаянія въ этомъ письмѣ!“ Наконецъ, въ 1857 г. Александръ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился замѣнить ему вѣчное заключеніе ссылкой въ Сибирь.

Бакунина водворили въ Томскѣ. Въ концѣ 1858 г. онъ женился на молодой полькѣ Антонинѣ Квятковской. Вскорѣ послѣ этого, благодаря вмѣшательству его родственниковъ со стороны матери, генераль-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго, Бакунина перевели въ Иркутскъ (мартъ, 1859 г.), гдѣ онъ поступилъ на службу въ Амурскую компанію, а потомъ въ золотопромышленное предпріятіе. Онъ надѣялся, однако, на свое освобожденіе и возвратъ въ Россію; но Муравьевъ вынужденъ былъ оставить свой постъ, и тогда Бакунинъ увидѣлъ, что ему для достиженія свободы не остается другого средства, кромѣ побѣга изъ Сибири. Въ іюнѣ 1861 г. подъ предлогомъ поѣздки съ цѣлью торговой и изученія края, съ разрѣшенія начальства и какъ представитель фирмы Сабашниковыхъ, онъ отправился изъ Иркутска и доѣхалъ до Николаевска на Амурѣ (2 іюля), отсюда на казенномъ суднѣ „Стрѣлокъ“ добрался до порта Декастри, а отсюда уже на купеческомъ суднѣ „Викера“ приплылъ въ Хакодади. Изъ Хакодади черезъ Токогаму, Санъ-Франциско и Нью-Йоркъ 27 октября 1861 г. приѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ по-братски былъ встрѣченъ Герценомъ и Огаревымъ

V.

О первыхъ шести годахъ вторичнаго пребыванія Бакунина на Западѣ расскажемъ очень коротко. Бакунинъ скоро понялъ, что, несмотря на личную дружбу, связывавшую его съ Герценомъ и Огаревымъ, онъ не могъ объединиться съ ними въ политической дѣятельности, органомъ которой служилъ имъ „Колоколъ“. Въ продолженіе 1862 года онъ изложилъ свои идеи въ двухъ русскихъ брошюрахъ: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“ и „Народное Дѣло. — Романовъ, Пушечевъ или Пестель?“

Когда въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе, онъ тотчасъ же попытался присоединиться къ руководившимъ имъ дѣятелямъ; но организація русскаго легіона не удалась; экспедиція Лапинскаго потерѣла крушеніе, и Бакунинъ, уѣхавшій въ Стокгольмъ съ надеждою устроить вмѣшательство Швеціи, принужденъ былъ вернуться въ Лондонъ (октябрь), не достигнувъ цѣли. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Италію, откуда въ срединѣ 1864 г. совершилъ вторичную поѣздку въ Швецію, затѣмъ черезъ Лов-

доня, гдѣ видѣлся съ Марксомъ, и Парижѣ, гдѣ видѣлся съ Прудономъ, вернулся въ Италію, которая послѣ войны 1859 г. и героической экспедиціи Гарибальди въ 1860 г. возродилась къ новой жизни; здѣсь онъ оставался до осени 1867 г., живя сначала во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ и его окрестностяхъ. Въ это время онъ выработалъ планъ тайной международной организаціи революціонеровъ съ цѣлью пропаганды, а когда настанетъ моментъ, то и дѣйствія. Съ 1864 г. ему удалось сгруппировать въ этомъ обществѣ извѣстное число итальянцевъ, французовъ, скандинавцевъ и славянъ; общество носило названіе *Международное Братство* или *Союзъ революціонныхъ социалистовъ*. Въ Италіи Бакунину съ его друзьями пришлось упорно бороться съ маджинистами, которые были авторитарными и религіозными республиканцами съ девизомъ *Богъ и Народъ* (*Dio e popolo*). Въ Неаполѣ они основали журналъ „*Liberta e Giustizia*“, въ которомъ Бакунинъ развилъ свою программу. Въ іюлѣ 1866 г. онъ писалъ Герцену и Огареву о существованіи тайнаго общества, которому онъ посвятить всю свою дѣятельность послѣднихъ двухъ лѣтъ и сообщилъ имъ также программу его, которой, по его словамъ, два его старыхъ друга были „очень скандализированы“. Организациа же къ этому времени, по свидѣтельству Бакунина, имѣла членовъ въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Англии, Бельгіи, Франціи, Испаніи и Италіи, а также Польшѣ и Россіи.

Въ 1867 г. буржуазные демократы различныхъ національностей, главнымъ образомъ, французы и нѣмцы, основали *Лигу Мира и Свободы* и созвали первый конгрессъ ея въ Женевѣ, надѣлавшій такъ много шума. Бакунинъ питалъ еще тогда кое-какія надежды относительно демократовъ, поэтому явился на конгрессъ, произнесъ рѣчь, сдѣлался членомъ центрального комитета Лиги, самъ переселился въ Швейцарію, именно въ Веве и въ теченіе слѣдующаго года старался привести своихъ сотоварищей по комитету къ революціонному социализму. На второмъ конгрессѣ Лиги, бывшемъ въ Бернѣ въ сентябрѣ 1868 г., онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими членами его тайной организаціи 1864 г.—Элизе Реклю, Аристидо Рей, Шарль Келлеръ, Викторъ Жакаляръ, Джузеппе Фанелли, Саверіо Фришиа, Николаи Жуковскій, Валеріанъ Мрочковскій и др.—сдѣлалъ попытки провести чисто социалистическія резолюціи, но послѣ нѣсколькихъ дней дебатовъ, революціонные социалисты, увидя себя въ меньшинствѣ, объявили о своемъ отдѣленіи отъ Лиги 25 сентября 1868 г. Въ этотъ же день они основали новое общество подъ именемъ *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи*, программу котораго редактировалъ Бакунинъ.

Въ этой программѣ, резюмирующей идею, къ которой пришелъ авторъ послѣ долгой эволюціи, начавшейся въ Германіи въ 1842 г., говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Союзъ объявляетъ себя атеистическимъ; онъ желаетъ окон-

чательнаго и полнаго уничтоженія классовъ, уравненія политическаго, экономическаго и соціальнаго индивидуумовъ обоого пола; онъ желаетъ, чтобы земля, орудія труда и всякій другой капиталъ сдѣлался коллективной собственностью всего общества, могъ быть утилизированъ только рабочими, т. е. земледѣльческими и промышленными ассоціаціями рабочихъ.

„Онъ признаетъ, что всѣ существующія политическія и авторитарныя государства, превращаясь все болѣе и болѣе въ простые административныя функціи общественныхъ службъ, должны исчезнуть во всеобщемъ союзѣ свободныхъ ассоціацій земледѣльческихъ и промышленныхъ“.

Затѣмъ *Международный Союз Соціалистической Демократіи* объявилъ себя вѣтвью *Международнаго Общества Рабочихъ*, статуты котораго онъ привялъ.

Перваго сентября 1868 г. въ Женевѣ появился первый номеръ русскаго журнала „*Народное Дѣло*“, подъ редакціей Бакунина и Н. Жуковскаго по „программѣ русскаго соціалистической демократіи“, одинаковой въ сущности съ программой Международнаго Союза Соціалистической Демократіи. Со втораго номера этого журнала редакція уже перемѣнилась, и „*Народное Дѣло*“ перешло въ руки Николая Утина, который придалъ ему совершенно другое направленіе.

VI.

Международное Общество Рабочихъ (Интернаціональ) основалось въ Лондонѣ 28 сентября 1864 г.; а окончательная его организація и принятіе основныхъ статутовъ его произошло на первомъ конгрессѣ, происходившемъ въ Женевѣ съ 3 по 8 сентября 1866 г.

Бакунинъ не встрѣчался съ Марксомъ съ 1848 г. Когда въ октябрѣ 1864 г. Бакунинъ былъ проездомъ въ Лондонѣ, его посѣтилъ Марксъ и пожелалъ объясниться съ нимъ по поводу клеветы, когда-то напечатанной имъ въ „*Neue Rheinische Zeitung*“, и которую снова пустили въ обращеніе нѣмецкіе журналисты въ 1853 г. Маццини и Герценъ приняли на себя защиту оклеветаннаго русскаго и заключеннаго въ крѣпости; Марксъ по этому случаю напечаталъ въ англійскомъ журналѣ „*Morning Advertiser*“, что клевета эта не имѣетъ рѣшительно никакого основанія и прибавилъ къ этому, что Бакунинъ—его другъ, а теперь же повторилъ ему то же самое и при личномъ свиданіи. Послѣ этого разговора Марксъ предложилъ Бакунину присоединиться къ Интернаціоналу; но послѣдній, вернувшись въ Италію, предпочелъ посвятить себя организаціи тайнаго общества, о которомъ говорилось выше. Интернаціональ при самомъ началѣ, кромѣ Главнаго Совѣта въ Лондонѣ, имѣлъ еще въ Парижѣ одну группу рабочихъ мютюалистовъ, и ничто не указывало на то значеніе, которое онъ приобрѣлъ впоследствии. Только

Михаилъ Александровичъ
БАКУНИНЪ.
40-хъ годовъ.

послѣ своего второго Конгресса, бывшаго въ Лозаннѣ въ сентябрѣ 1867 г., послѣ двухъ процессовъ въ Парижѣ и большой стачки въ Женевѣ въ 1868 г., онъ привлекъ на себя серьезное вниманіе, сдѣлался огромной силой, роль которой, какъ рычага революціонной дѣятельности, невозможно было игнорировать. На третьемъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, въ сентябрѣ 1868 г., начали обнаруживаться идеи коллективизма въ противоположность кооперативизму. Съ іюля 1868 г. Бакунинъ сталъ числиться членомъ Женевской секціи и послѣ Бернского конгресса онъ переселился въ Женеву съ цѣлью дѣятельно вмѣшаться въ рабочее движеніе этого города.

Тотчасъ же имъ данъ былъ энергичный толчекъ пропагандѣ и организаціи. Путешествіе итальянскаго социалиста Фанелли въ Испанію имѣло результатомъ основаніе интернаціональныхъ секцій въ Мадридѣ и Барселонѣ. Секціи французской Швейцаріи объединились въ одну федерацію подъ именемъ Романской федераціи; которая имѣла своимъ органомъ журналъ „*Равенство*“, основанный въ январѣ 1869 г. Въ Швейцарской Юрѣ завязалась борьба съ мнимыми социалистами, тормозившими движеніе, и окончившаяся тѣмъ, что большинство юрскихъ рабочихъ примкнуло къ революціонному социализму. Въ это время Бакунинъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Юру, чтобы поддержать своимъ словомъ борющихся противъ тѣхъ, кого называли „реакціей, переряженной въ кооперацію“. Тогда же началась и дружба между нимъ и „юрцами“. Въ Женевѣ же столкновеніе между рабочими „строительными“, социалистами-революціонерами по инстинкту, и рабочими „фабричными“ — часовщики, ювелиры и пр., — стремившимися принимать участіе въ политикѣ вмѣстѣ съ мѣстными радикалами, благодаря вмѣшательству Бакунина окончилось побѣдой революціоннаго элемента, но, къ сожалѣнію, только временной. По этому случаю Бакунинъ велъ энергичную кампанію въ „*Равенствѣ*“, гдѣ въ рядѣ замѣчательныхъ статей изложилъ „политику Интернаціонала“. Интернаціональныя секціи во Франціи, Бельги и Испаніи дѣйствовали въ полномъ согласіи съ секціями французской Швейцаріи, и въ это время уже можно было предвидѣть, что на предстоящемъ конгрессѣ Ассоціаціи Рабочихъ коллективизмъ соберетъ огромное большинство голосовъ.

Главный Совѣтъ Ассоціаціи не захотѣлъ признать *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи* (Альянсъ) какъ вѣтвь Интернаціонала, потому что онъ образовывалъ цѣлое международное общество и поэтому можетъ послужить причиною дезорганизаціи. Однимъ изъ мотивовъ такого рѣшенія было недоброжелательство Маркса къ Бакунину, въ которомъ знаменитый нѣмецкій коммунистъ хотѣлъ видѣть „интрижки“, желавшаго разрушить Интернаціональ и „преобразовать его въ послушное для себя орудіе“; но, независимо отъ личныхъ чувствъ Маркса, слѣдуетъ признать, что мысль создать рядомъ съ Интернаціо-

наломъ вторую подобную же организацію была неудачна, и бельгійскіе и юрскіе друзья Бакунина указали ему на это; онъ согласился съ этимъ и призналъ справедливымъ рѣшеніе Главнаго Совѣта. Вслѣдствіе этого „Центральное Бюро Союза“, послѣ совѣщанія членовъ организаціи высказалось за распушеніе Союза. Мѣстная группа, создавшаяся въ Женевѣ, преобразовалась въ простую секцію Интернаціонала и, какъ таковая, была принята Главнымъ Совѣтомъ въ іюль 1869 г.

На четвертомъ конгрессѣ Интернаціонала, зашѣдавшемъ въ Базелѣ съ 6 по 12 сентября 1869 г., почти единодушно всѣ делегаты высказались за коллективную собственность; слѣдуетъ впрочемъ констатировать, что между ними образовалось двѣ различныхъ группы: одна— нѣмцы, нѣмецкіе швейцарцы, англичане были государственные коммунисты; другая— бельгійцы, французскіе швейцарцы, испанцы и почти всѣ французы— были коммунисты антигосударственные, или федералисты, или анархисты и которые приняли названіе себя *коллективистовъ*. Естественно, что Бакунинъ принадлежалъ къ послѣднимъ, гдѣ съ нимъ вмѣстѣ, между прочими, были бельгіецъ Де-Папъ и парижанинъ Варленъ.

Тайная организація, основанная въ 1864 г., была распушена въ январѣ 1869 г. по причинамъ чисто внутреннимъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ ея членовъ сохранили между собой связь, и даже къ ихъ группѣ присоединилось еще нѣсколько новыхъ лицъ изъ швейцарцевъ, испанцевъ и французовъ и, между прочимъ, Варленъ. Такое совершенно свободное сближеніе людей, соединившихся для коллективной дѣятельности въ революціонное братство, придавало болѣе силы и связи великому движенію, которому Интернаціоналъ служилъ выразителемъ.

Лѣтомъ 1869 г. одинъ изъ друзей Маркса, Борхгеймъ, напечаталъ въ берлинской газетѣ „*Zukunft*“ старую клевету, что „Бакунинъ—агентъ русскаго правительства“, а Либкнехтъ повторилъ ее въ своей газетѣ „*Folksstaat*“. Когда послѣдній пріѣхалъ на конгрессъ въ Базель, Бакунинъ пригласилъ его объясниться передъ третейскимъ судомъ. На этомъ судѣ саксонскій социалистъ утверждалъ, что онъ никогда не обвинялъ Бакунина, что онъ ограничился только повтореніемъ того, что было уже напечатано въ другой газетѣ. Судъ единогласно объявилъ, что Либкнехтъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ съ преступнымъ легкомысліемъ и вручилъ Бакунину эту декларацію, подписанную всѣми членами суда; Либкнехтъ, признавая, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе, пожалъ руку Бакунину, а послѣдній передъ всѣми зажегъ декларацію и закурилъ отъ нея свою сигаретку.

Послѣ Базельскаго конгресса Бакунинъ оставилъ Женеву и перѣхалъ въ Локарно. Это сдѣлано было только подъ вліяніемъ личныхъ мотивовъ: нужно было поселиться въ мѣстности, гдѣ болѣе дешевыя условія жизни, и гдѣ возможно было бы

болѣе спокойно заниматься переводами, которые онъ рассчитывалъ имѣть отъ одного петербургскаго издателя (прежде всего долженъ былъ переводиться „Капиталъ“ Маркса). Отъѣздъ Бакунина изъ Женевы, къ сожалѣнію, освободилъ поле дѣятельности для политическихъ интригановъ, группировавшихся около русскаго эмигранта Николая Утина, извѣстнаго печальной ролью, разыгранною имъ въ Интернаціоналѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имъ удалось дезорганизовать Интернаціоналъ и вполне овладѣть редакціей газеты „*Rivestvo*“. Марксъ, котораго злоба и жалкая ненависть противъ Бакунина, совсѣмъ ослѣпили, не постѣснялся унизиться до заключенія союза съ Утинымъ и кликой политиканствующихъ псевдо-соціалистовъ Женевы, дѣятелей Temple-Unique ¹⁾. Въ то же время (28 марта 1870 г.) онъ разослалъ „конфиденціальное сообщеніе“ своимъ друзьямъ въ Германію, въ которомъ старается погубить Бакунина въ глазахъ нѣмецкихъ социалистовъ демократовъ, представляя его агентомъ панславистской партіи, отъ которой онъ, по утверженію Маркса, будто бы, получалъ ежегодно двадцать пять тысячъ франковъ.

Утину и его женевскимъ сподвижникамъ, благодаря интригамъ, удалось вызвать расколъ въ Романской Федераци: она раздѣлилась на двѣ фракціи, изъ которыхъ одна, согласно съ интернаціоналистами Франціи, Бельгіи и Испаніи, высказалась за революціонную политику, объявивъ, что „всякое соучастіе рабочаго класса въ политикѣ господствующей буржуазіи всегда имѣетъ своимъ результатомъ укрѣпленіе существующаго порядка вещей“; между тѣмъ какъ другая фракція „пропагандировала политическое вмѣшательство и рабочія кандидатуры“. Главный Совѣтъ въ Лондонѣ, нѣмцы и швейцарскіе нѣмцы присоединились къ послѣдней фракціи, фракція Утина и *Temple Unique*, а французы, бельгійцы, испанцы—къ первой, т. е. фракціи Юры.

Въ этотъ моментъ Бакунинъ поглощенъ былъ русскими дѣлами. Уже съ весны 1869 г. онъ вошелъ въ сношенія съ Нечаевымъ; онъ вѣрилъ тогда въ возможность организовать огромное крестьянское возстаніе, какъ во времена Разина и Пугачева. Онъ напечаталъ тогда двѣ брошюры: „*Нѣсколько словъ молодымъ братьямъ изъ Россіи*“ и „*Наука и насущное революціонное дѣло*“. Нечаевъ вернулся въ Россію, но вынужденъ былъ снова бѣжать послѣ того, какъ были арестованы почти всѣ его друзья, и вся организація разрушена. Онъ возвратился въ Швейцарію въ январѣ 1870 г. Нечаевъ настаивалъ предъ Бакунинымъ, чтобы онъ оставилъ переводъ „Капитала“ ²⁾ и посвятилъ себя

¹⁾ Помѣщеніе, въ которомъ собирался тогдашній женевскій Интернаціоналъ, старій масонскій храмъ.

²⁾ За весь переводъ условлено было девятьсотъ руб., изъ которыхъ триста руб. Бакунинъ получилъ авансомъ. Переведя нѣсколько листовъ, онъ полагалъ, что переводъ можетъ окончатъ Жуковскій и поэтому имъ не занимался, а Нечаевъ обещалъ

вполнѣ русской революціонной пропагандѣ; съ имени русскаго комитета, представителемъ котораго онъ себя называлъ, онъ получилъ отъ Огарева часть „Бахметьевскаго фонда“; другая часть этого фонда имъ была получена еще отъ Герцена въ предшествовавшемъ году. Бакунинъ написалъ еще двѣ брошюры: „*À l'officier de l'armée russe*“ и по-французски „*Les Ours des Bernes et l'Ours de St. Petersbourg*“; тогда же появилось нѣсколько номеровъ изъ новой серіи „*Колокола*“ при его участіи. Вообще, въ это время онъ проявлялъ усиленную дѣятельность; но въ концѣ концовъ ему пришлось убѣдиться, что Нечаевъ разсчитываетъ пользоваться имъ, какъ орудіемъ, для обезпеченія своей личной диктатуры, прибѣгая къ іезуитскимъ приемамъ. Послѣ рѣшительнаго объясненія между ними, имѣвшаго мѣсто въ іюлѣ 1878 г., онъ совсѣмъ прекратилъ всѣ свои отношенія къ молодому революціонеру. Бакунину пришлось платиться за свою слишкомъ большую довѣрчивость и за поразившую его страшную энергію Нечаева. „Нечего говорить,—писалъ Бакунинъ Огареву послѣ этого разрыва,—какую роль глупцовъ сыграли мы. Если бы былъ живъ Герценъ, какъ бы онъ надъ нами зло посмѣялся, и какъ бы былъ онъ правъ! Теперь намъ остается только проглотить эту горькую пилюлю и быть осторожнѣе на будущее время (2 августа 1870)“.

VII.

Въ это время вспыхнула война между Франціей и Германіей, и Бакунинъ съ страстнымъ интересомъ слѣдилъ за ея перипетіями. 11 августа онъ писалъ Огареву: „ты—только русскій, между тѣмъ какъ я интернаціоналистъ“. Въ его глазахъ поражение Франціи феодальной и военной Германіей было бы триумфомъ контръ-революціи; избѣгнуть этого пораженія возможно было только призывомъ всего французскаго народа къ возстанію, чтобы не допустить иностраннаго нашествія и въ то же время изаваться отъ внутреннихъ тирановъ, державшихъ его въ политическомъ и экономическомъ рабствѣ. Онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Лионъ: „Патріотическое движеніе въ 1792 г.—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы должны сдѣлать теперь, чтобы спасти Францію... Итакъ, восстаньте, друзья, съ пѣніемъ Марсельезы, которая въ настоящій моментъ—законный гимнъ Франціи, гимнъ свободы, гимнъ народа, гимнъ человѣчества, потому что дѣло Франціи стало дѣломъ человѣчества. Становясь патріотами, мы спасаемъ всемірную свободу... О, если бы я былъ молодъ, я не писалъ бы писемъ, а былъ бы среди васъ!“.

ему устроить все это дѣло; но вмѣсто того, чтобы окончить его полюбовно, онъ, безъ вѣдома Бакунина, написалъ издателю (Полякову) письмо, въ которомъ говоритъ, что, по требованію революціоннаго комитета, переводъ не можетъ быть оконченъ Бакунинимъ; письмо оканчивалось угрозою по адресу издателя въ случаѣ его протеста.

Корреспондентъ „*Volkstaat*“ (газета Либкнехта) писалъ, что парижскіе рабочіе „индифферентны къ настоящей войнѣ“. Бакунинъ глубоко возмущался, что можно приписывать имъ такую преступную апатію, и писалъ имъ, что они не могутъ не интересоваться нѣмецкимъ нашествіемъ, что они безусловно обязаны защищать свободу противъ вооруженныхъ бандъ прускаго деспотизма. „А,—восклидалъ онъ,—если бы Францію заняла армія пролетаріата Германіи, Англіи, Бельгіи, Испаніи, Итали, высоко несущаго знамя революціоннаго социализма и объявляющаго міру окончательную эмансипацію труда, тогда я первый закричалъ бы французскимъ рабочимъ: это ваши братья, встрѣчайте ихъ съ распростертыми объятіями и соединяйтесь съ ними, чтобы вымести остатки сгнившаго буржуазнаго міра!“. Но нашествіе, позорящее въ настоящій моментъ Францію, есть нашествіе аристократическое, монархическое, военное... Французскіе рабочіе, оставаясь предъ нимъ пассивнымъ, измѣняютъ дѣлу не только своей собственной свободы, но измѣняютъ дѣлу пролетаріата всего міра, святому дѣлу революціоннаго социализма“.

Идеи Бакунина о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и о томъ, какъ спасти Францію и дѣло свободы, были изложены имъ въ небольшой брошюрѣ, появившейся въ началѣ сентября подъ названіемъ „Письма къ Французу“.

Девятаго сентября онъ уѣхалъ изъ Локарно въ Ліонъ и прибылъ туда пятнадцатаго. Тотчасъ же образовался „Комитетъ спасенія Франціи“, чтобы организовать революціонное возстаніе; Бакунинъ былъ самымъ дѣятельнымъ и самымъ смѣлымъ его членомъ; программа движенія была опубликована 26 сентября въ видѣ прокламаціи на красной бумагѣ, подписанной делегатами Ліона, Сентъ-Этьена, Тарара, Марселя. Бакунинъ, хотя и иностранецъ, ни минуты не колебался присоединить свою подпись къ подписямъ друзей, чтобы раздѣлить съ нимъ всѣ опасности и отвѣтственность. Прокламаціи эти объявляли, что „административная и правительственная машина государства, сдѣлавшись безсильною, отмѣняется“ и что „французскій народъ беретъ самъ въ свои руки все дѣло“ и затѣмъ предлагали всѣмъ общинамъ Франціи образовать комитеты спасенія и немедленно прислать въ Ліонъ по два делегата отъ cadaго районнаго комитета, изъ которыхъ „образуется революціонный конвентъ для спасенія Франціи“. Народное движеніе 26 сентября помогло революціонерамъ овладѣть ратушей (*Hôtel de ville*) Ліона; но измѣна генерала Кюзере и трусливость нѣкоторыхъ лицъ, обличенныхъ довѣріемъ народа, привели къ нарушенію этой попытки. Относительно Бакунина прокуроромъ Республики былъ изданъ приказъ о немедленномъ его арестѣ, но несмотря на это ему удалось уѣхать въ Марсель, гдѣ онъ, скрываясь нѣкоторое время, подготавливалъ новое движеніе. Французскія власти усердно распространяли тогда слухъ, что онъ служилъ агентомъ

Пруссіи, и что правительство Національной Защиты имѣетъ доказательства этого; а Либкнехтъ, съ своей стороны, напечатавъ въ „*Volksstaat*“ нѣсколько строкъ о движеніи 28 сентября въ Ліонѣ и о прокламаціи на красной бумагѣ, въ заключеніе прибавляетъ: „чтобы служить замысламъ Бисмарка даже полицейское бюро прессы въ Берлинѣ ничего не могло лучше этого сдѣлать“.

24 октября Бакунинъ, крайне огорченный положеніемъ Франціи, оставилъ Марсель, перебравшись на бортъ корабля, капитаномъ котораго былъ другъ его друзей, чтобы черезъ Геную и Миланъ вернуться въ Локарно. Наканунѣ отъѣзда онъ писалъ письмо Сентиньону, истинному социалисту, пріѣхавшему во Францію съ надеждою вмѣшаться въ революціонное движеніе: „Французскій народъ совсѣмъ нереволуціонеръ... Militarизмъ, бюрократизмъ, дворянская надменность и протестантскій иезуитизмъ Пруссіи, дружески соединившись съ кнутомъ моего дорогого суверена и императора всея Россіи, торжествуютъ побѣду на континентѣ Европы, вѣроятно, на очень продолжительное время. Прощайте всѣ наши мечты о грядущей эмансипаціи!“ Движеніе, вспыхнувшее въ Марселѣ 31 октября, спустя семь дней послѣ отъѣзда Бакунина подтвердило его пессимистическій приговоръ: революціонная коммуна, учрежденная въ *Hôtel de Ville* подъ впечатлѣніемъ капитуляціи Базена, продержалась только пять дней и 4 ноября передала свою власть въ руки комиссара Гента, присланнаго Гамбеттой.

Вернувшись въ Локарно, гдѣ онъ всю зиму прожилъ въ уединеніи, испытывая матеріальную нужду и лишенія, Бакунинъ написалъ „*L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale*“, которая служитъ продолженіемъ „*Писемъ къ Французу*“ и выясняетъ новое положеніе Европы, созданное войною; брошюра эта появилась весною 1871 г. Извѣстіе о парижскомъ возстаніи 18-го марта отчасти опровергало его мрачныя предсказанія, показавъ, что парижскій пролетаріатъ, по меньшей мѣрѣ, сохранилъ свою энергію и свой бунтовской духъ. Но героизмъ парижскаго народа не въ силахъ былъ гальванизировать истощенную и побѣжденную Францію: многочисленныя попытки въ разныхъ мѣстахъ провинцій распространить коммунальное движеніе, потерпѣли крушеніе, и храбрые парижскіе инсургенты были, наконецъ, раздавлены численнымъ превосходствомъ врага, и Бакунинъ, съ конца апрѣля жившій среди юрскихъ друзей, чтобы быть ближе французской границы, снова долженъ былъ вернуться въ Локарно перваго іюня. Но на этотъ разъ онъ былъ далеко не обезкураженъ. Парижская Коммуна, предметъ страшной ненависти всей коализированной реакціи, зажгла искру надежды въ сердцахъ всѣхъ эксплуатируемыхъ; пролетаріатъ всего міра привѣтствовалъ героическій народъ, потоками проливавшій свою кровь за эмансипацію человечества; „современный Сатана, великій бунтовщикъ побѣжденъ, но не успокоенъ“

по выраженію Бакунина. Итальянскій патриотъ Маццини присоединилъ свой голосъ къ тѣмъ, кто проклиналъ Парижъ и Интернаціональ; Бакунинъ написалъ „*Réponse d'un international à Mazzini*“, появившійся въ августѣ 1871 г. одновременно по-итальянски и по-французски; онъ произвелъ огромную сенсацію въ Италіи и среди молодежи и рабочихъ вызвалъ большое движеніе умовъ, послужившее основанію многочисленныхъ секцій Интернаціонала къ концу 1871 г. Вторая его брошюра „*La Théologie politique de Mazzini et l'Internationale*“ окончила начатое дѣло, и Бакунинъ, создавшій Интернаціональ въ Испаніи, благодаря отправкѣ туда Фанелли въ 1868 году, теперь создать Интернаціональ въ Италіи, благодаря полемикѣ его съ Маццини въ 1871 г. Итальянскій Интернаціональ съ жаромъ бросился въ борьбу не только противъ господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, но и противъ покушеній отдѣльныхъ лицъ, стремившихся въ этотъ моментъ установить принципы власти въ Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

VIII.

Расколъ въ Романской Федерациі могъ бы окончиться примиреніемъ, если бы этого пожелалъ Главный Совѣтъ въ Лондонѣ, и если бы агентъ Совѣта Утинъ не былъ вѣроломнымъ; на самомъ же дѣлѣ онъ еще болѣе усилился и сталъ непоправимымъ. Въ августѣ 1870 г. Бакунинъ и его трое друзей были исключены изъ Женевской секціи за то, что выразили свое сочувствіе юрцамъ. Вслѣдъ за окончаніемъ войны 1870—1871 гг. въ Женевѣ появились агенты Маркса съ цѣлью возобновить тамъ раздоры; члены Алльянса, закрывая свою секцію, полагали, что это послужитъ доказательствомъ ихъ мирныхъ намѣреній, но партизановъ Маркса и Утина это не обезоружило; новая секція пропаганды и революціонно-соціалистической дѣятельности, основанная въ Женевѣ эмигрантами Парижской Коммуны и въ которую вступили бывшіе члены Алльянса, не была принята въ Интернаціоналѣ Главнымъ Совѣтомъ. Главный Совѣтъ, по настоянію Маркса и Энгельса, рѣшилъ созвать въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1871 г., вмѣсто общаго конгресса Интернаціонала тайную конференцію, составившуюся почти исключительно изъ приверженцевъ Маркса. Онъ же и побудилъ ее принять рѣшенія, нарушавшія автономію секцій и федералій Ассоціаціи, предоставивъ Главному Совѣту власть, противную Статутамъ Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ конференція предполагала организовать подъ руководствомъ того же Совѣта такъ называемую „политическую дѣятельность рабочаго класса“.

Крайне необходимо было помѣшать небольшой группѣ сектантовъ, марксистовъ и бланкистовъ, поглотить Интернаціональ, такую обширную федерацію союзовъ, организованныхъ для борьбы на экономической почвѣ противъ эксплуатаціи ка-

питала. 12 ноября 1871 г. Юрскія секціи вмѣстѣ съ Женевской секціей пропаганды основали въ Сонвилль Юрскую Федерацию и обратились ко всѣмъ федерациямъ Интернаціонала съ воззваніемъ, приглашавшимъ ихъ присоединиться къ этой организаціи съ цѣлью борьбы противъ захватовъ Главнаго Совѣта и энергичнаго отстаиванія своихъ автономій. „Будущее общество—говорилось въ воззваніи—будетъ не что иное, какъ всемірное распространеніе организаціи Интернаціонала; поэтому мы должны употребить всѣ наши силы, чтобы эту организацію по-возможности приблизить къ нашему идеалу. Возможно ли, чтобы свободное и равноправное общество образовалось изъ авторитарной организаціи? Нѣтъ, невозможно. Интернаціоналъ, какъ зародышъ будущаго общества, долженъ теперь же быть вѣрнымъ изображеніемъ нашихъ принциповъ свободы и федераціи и долженъ отвергать всякій принципъ, клонящійся къ власти и диктатурѣ“.

Бакунинъ съ энтузіазмомъ привялъ воззваніе, составленное въ Сонвилль и самымъ энергичнымъ образомъ сталъ пропагандировать его принципы среди итальянскихъ секцій. Испанія, Бельгія, большая часть секцій Франціи, превратившихся подъ влияніемъ версальской реакціи въ тайные союзы и большинство секцій Соединенныхъ Штатовъ, высказались въ пользу Юрской Федераціи. Послѣ этого можно было быть увѣреннымъ, что стремленіе Маркса и его сторонниковъ подчинить Интернаціоналъ своей власти потерпитъ неудачу. Въ первой половинѣ 1872 г. былъ изданъ Главнымъ Совѣтомъ „секретный циркуляръ“, составленный Марксомъ и напечатанный отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: „Мнимый расколъ въ Интернаціоналѣ“. Главные дѣятели автономистовъ, или федералистовъ подвергаются здѣсь личнымъ нападкамъ и диффамации, а протесты, поднимавшіеся со всѣхъ сторонъ противъ извѣстныхъ дѣяній Главнаго Совѣта, изображаются, какъ результатъ интриги, замышленной членами прежняго Международнаго Союза Соціалистической Демократіи, которые, подъ руководствомъ „тайственнаго папы изъ Локарно“, работали надъ разрушеніемъ Интернаціонала. Бакунинъ совершенно вѣрно сказалъ, чего заслуживаетъ этотъ циркуляръ въ письмѣ къ своимъ друзьямъ: „Дамокловъ мечъ, которымъ такъ долго намъ угрожали, наконецъ, палъ на наши головы. Но, собственно говоря, это не мечъ, а обычное оружіе г. Маркса—куча сквернословія“.

Лѣто и осень 1872 г. Бакунинъ провелъ въ Цюрихѣ, гдѣ, по его инициативѣ, перваго августа организовалась Славянская секція почти исключительно изъ студентовъ и студентокъ русскихъ и сербовъ; они присоединились къ Юрской Федераціи Интернаціонала. Еще въ апрѣлѣ въ Локарно онъ завязалъ сношенія съ нѣсколькими студентами и организовалъ изъ нихъ тайный кружокъ дѣйствій и пропаганды. Наиболѣе дѣятельнымъ членомъ этого кружка былъ Арманъ Россъ (Мих. Са-

жизнь), который был тѣсно связанъ съ Бакунинымъ съ лѣта 1870 года и оставался до весны 1876 г. главнымъ посредникомъ между русской молодежью и великимъ революціоннымъ агитаторомъ. Можно сказать, что пропаганда, веденная тогда Бакунинымъ, послужила импульсомъ для дѣятельности молодежи въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ; это имъ былъ данъ пароль, что молодежь должна „идти въ народъ“. Россія устроила русскую типографію въ Цюрихѣ, въ которой въ 1878 г. подъ названіемъ „Историческое развитіе Интернаціонала“ напечатанъ былъ сборникъ статей, появившихся въ бельгійскихъ и швейцарскихъ социалистическихъ журналахъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями разныхъ авторовъ и, между прочимъ, со статьей Бакунина объ Альянсѣ; въ 1874 г. издано было сочиненіе Бакунина „Государственность и Анархія“¹⁾. Славянская секція прекратила свое существованіе въ Цюрихѣ въ 1873 г. вслѣдствіе разногласія между нѣкоторыми членами, а также и благодаря столкновенію съ П. Л. Лавровымъ.

Между тѣмъ Главный Совѣтъ рѣшилъ созвать общій конгрессъ 2-го сентября 1872 г. Мѣстомъ засѣданій конгресса онъ избралъ Гагү, чтобы облегчить прибытіе изъ Лондона возможно большому числу, снабженныхъ фиктивными или данными изъ любезности полномочіями делегатовъ, исполнѣ преданныхъ политикѣ Совѣта, и съ другой стороны, чтобы затруднить пріѣздъ на конгрессъ делегатамъ отдаленныхъ федерацій, а для Бакунина сдѣлать его совершенно невозможнымъ. Вновь учрежденная Итальянская федерація совсѣмъ воздержалась отъ послылки делегатовъ: Испанская федерація послала 4, Юрская федерація—2, Бельгійская—7, Голландская—4, Англійская—5. Эти 22 делегата, единственно истинные представители Интернаціонала, образовали ядро меньшинства. Большинство, въ числѣ 40 членовъ, въ дѣйствительности было представителемъ только самого себя, и оно заранѣе рѣшило исполнить все, что будетъ ему продиктовано кoterіей, руководимой Марксомъ и Энгельсомъ. Мы коснемся здѣсь только одного акта конгресса въ Гагѣ—исключенія Бакунина изъ Интернаціонала; оно было принято въ самый послѣдній день засѣданій (7 сентября), когда треть делегатовъ уже разъѣхалась при 27 голосахъ за, восьми противъ и восьми воздержавшихся. Мотивы, на основаніи которыхъ, послѣ жалкаго подобія разслѣдованія при закрытыхъ дверяхъ въ комиссіи изъ 5 лицъ, Марксъ и его сторонники потребовали исключенія Бакунина, сводились къ двумъ слѣдующимъ: „Доказывается проектомъ устава и письмами за подписью *Бакунина*, что этотъ гражданинъ стремился и, быть можетъ, уже успѣлъ организовать общество въ Европѣ подъ именемъ Союзъ (Альянсѣ), уставъ котораго какъ съ социаль-

¹⁾ Третій томъ: „Анархія по Прудону“, появившійся въ Лондонѣ, куда была перевезена типографія въ 1874 г., не принадлежитъ Бакунину.

ной, такъ и съ политической точки зрѣнія совершенно расходится со статутами Международной Ассоціаціи Рабочихъ; что гражданинъ Бакунинъ прибѣгалъ къ безчестнымъ приѣмамъ съ цѣлью завладѣть частью или всѣмъ достояніемъ другого лица, что составляетъ дѣяніе мошенническое; что, кромѣ этого, чтобы отдѣлаться отъ исполненія своихъ обязательствъ, онъ или его агенты прибѣгали къ застрачиваньямъ“. Вотъ именно къ этой второй части обвинительнаго акта марксистовъ противъ Бакунина, гдѣ дѣлается указаніе на триста руб., полученныхъ впередъ Бакунинымъ за переводъ „Капитала“ и на письмо Нечаева къ издателю Полякову, объ этомъ переводѣ я и указывалъ выше, какъ на покушеніе на нравственное убійство.

Противъ такой низости и подлости немедленно былъ напечатанъ по-французски протестъ группы русскихъ эмигрантовъ. Приводимъ здѣсь существенныя выдержки изъ него: „Женева и Цюрихъ, 4 октября 1872 г.... Нашему другу Михаилу Бакунину осмѣлились бросить обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ... Мы не считаемъ ни необходимымъ, ни своевременнымъ опровергать здѣсь ложные факты, на которые рассчитывали опереться для подтвержденія вѣрнаго обвиненія, взведеннаго на нашего соотечественника и друга. Факты эти намъ хорошо извѣстны, извѣстны до мельчайшихъ подробностей, и мы считаемъ своей обязанностью возстановить ихъ съ полной правдивостью тотчасъ же, какъ только явится возможность это сдѣлать. Въ настоящее время этому препятствуетъ несчастное положеніе друга нашего соотечественника, хотя не принадлежащаго къ числу нашихъ друзей, но въ данный моментъ сдѣлавшагося для насъ священнымъ въ виду преслѣдованія его со стороны русскаго правительства ¹⁾. Г. Марксъ, ловкость котораго мы не намѣрены оспаривать, на этотъ разъ по меньшей мѣрѣ очень плохо рассчиталъ. Сердца честныхъ людей всюду будутъ испытывать, безъ сомнѣнія, только негодованіе и отвращеніе въ виду такой грубой интриги и такого вопіющаго нарушенія самыхъ обыденныхъ принциповъ справедливости. Что же касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г. Маркса, что всѣ его маневры потерпятъ полную неудачу: Бакунинъ тамъ пользуется слишкомъ большимъ уваженіемъ и извѣстностью, чтобы клевета могла его коснуться... (Подписали) Николай Огаревъ, Варроломей Зайцевъ, Владиміръ Озеровъ, Арманъ Россъ, Владиміръ Гольштейнъ, Земфирій Ралли, Александръ Эльспицъ, Валеріанъ Смирновъ“.

IX.

Вслѣдъ за окончаніемъ конгресса въ Гаагѣ, 15 сентября собрался другой интернаціональный конгрессъ въ Сентъ-Имье въ швейцар-

¹⁾ 14 августа 1872 г. въ Цюрихѣ арестовали Нечаева, а 27 октября швейцарское правительство уже его выдало русскому правительству.

ской Юрѣ; въ немъ приняты участіе всѣ делегаты Итальянской, Испанской и Юрской Федераций и представители французскихъ и американскихъ секцій. Конгрессъ этотъ единогласно провозгласилъ: „отвергнуть всѣ резолюціи Гаагскаго конгресса и отнюдь не признавать полномочій избраннаго послѣднимъ новаго Главнаго Совѣта“, переведеннаго въ Нью-Йоркъ. Итальянская Федерация еще 4 августа на конференціи въ Римини вотировала за резолюціи, принятыя въ Сентъ-Имье; Юрская Федерация утвердила ихъ на специальномъ конгрессѣ, состоявшемся тоже 15 сентября; большая часть французскихъ секцій поспѣшили выразить свое полное ихъ одобреніе; Испанская и Бельгійская Федерации, въ свою очередь, утвердили эти резолюціи на своихъ мѣстныхъ конгрессахъ, происходившихъ въ Кордовѣ и Брюсселѣ на Рождествѣ 1872 г.; Американская Федерация, на засѣданіи своего федеральнаго конгресса 19 января 1873 г., и Англійская Федерация, на своемъ конгрессѣ 26 января 1873 г. Къ Англійской Федерации принадлежали, между прочимъ, Эккаріусъ и Юнгъ, два старыхъ друга Маркса, которые, вслѣдствіе его такихъ поступковъ, отдѣлились отъ него ¹⁾).

Нью-Йоркскій Главный Совѣтъ, желая сдѣлать употребленіе изъ власти, предоставленной ему Гаагскимъ конгрессомъ, постановилъ 5 января 1873 г. закрытіе Юрской Федерации, объявивъ ее мятежной. Единственнымъ результатомъ такого поступка явилось то, что Голландская Федерация, пытавшаяся до сихъ поръ сохранять нейтралитетъ, теперь отбросила свою слержанность и присоединилась къ семи другимъ федерациямъ Интернаціонала, заявивъ 14 февраля 1873 г., что она не признаетъ закрытія Юрской Федерации.

Во второй половинѣ 1873 г. Марксъ съ небольшою группою лицъ, оставшихся ему вѣрными, напечаталъ памфлетъ, наполненный самыми грубыми искаженіями истины подъ заглавіемъ „Союзъ Соціалистической Демократіи и Международная Ассоціація Рабочихъ“, единственнымъ результатомъ его было чувство отвращенія у всѣхъ, читавшихъ это печальное произведеніе слѣпой ненависти.

1-го сентября 1873 г. въ Женевѣ открылся шестой общій конгрессъ Интернаціонала, на которомъ присутствовали представители Федераций Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англии и Швейцарской Юры; Берлинскіе соціалисты ласальянцы прислали сочувственную телеграмму, подписанную Газенклеверомъ и Гассельманомъ. Конгрессъ занялся пересмотромъ статутовъ Интернаціонала; онъ постановилъ уничтоженіе Главнаго Совѣта и создалъ изъ Интернаціонала свободную федерацию, не имѣющую болѣе во главѣ никакой господствующей власти: „федерации и секціи, входящія въ составъ Ассоціаціи, —

¹⁾ Бланкисты отдѣлились отъ Маркса еще 6 сентября на Гаагскомъ конгрессѣ, обвинявъ его въ измѣнѣ.

какъ сказано въ новыхъ статутахъ (параграфъ 3),—сохраняють за собою полную автономію, т. е. право организоваться по собственному желанію, управлять своими дѣлами безъ всякаго внѣшняго вмѣшательства и опредѣлять самостоятельно путь, по которому онѣ предполагають слѣдовать для достиженія эмансипаціи труда“.

Жизнь, преисполненная долгой борьбой, утомила Бакунина; тюрьма преждевременно его состарила, здоровье его было сильно расшатано, и онъ жаждалъ теперь уединенія и покоя. Когда онъ увидѣлъ реорганизованный Интернаціональ благодаря триумфу принципа свободной федераціи, онъ думалъ, что теперь наступилъ моментъ разстаться съ своими товарищами и поэтому написалъ письмо членамъ Юрской Федераціи (12 октября 1873 г.), въ которомъ „просить ихъ принять его увольненіе изъ членовъ Юрской Федераціи и изъ Интернаціонала“, прибавляя: „я не чувствую въ себѣ болѣе необходимыхъ силъ для борьбы; въ лагерѣ пролетаріата я буду только помѣхой, а не пособникомъ... я удаляюсь, дорогіе товарищи, полный признательности къ вамъ и симпатіи къ вашему великому и святому дѣлу, дѣлу человечества. Я буду слѣдить съ братскимъ безпокойствомъ за вашими шагами и буду привѣтствовать съ восторгомъ каждый вашъ новый успѣхъ. До смерти я останусь вашимъ“. Послѣ этого письма онъ не прожилъ и трехъ лѣтъ.

Одинъ изъ друзей Бакунина, итальянскій революціонеръ Карло Кафіеро далъ ему пріютъ въ виллѣ, купленной имъ близъ Локарно въ итальянской части Швейцаріи. Здѣсь Бакунинъ и жилъ до середины 1874 г., казалось, исключительно поглощенный новымъ образомъ жизни, въ которомъ онъ нашелъ, наконецъ, покой, безопасность и относительное благосостояніе. Однако онъ не переставалъ смотрѣть на себя, какъ на солдата революціи: итальянскіе друзья его подготавливали возстаніе, и онъ отправился въ Болонью (іюль 1874), чтобы принять въ немъ участіе; но движеніе, плохо рассчитанное, не удалось, и Бакунинъ принужденъ былъ переодѣтымъ вернуться въ Швейцарію.

Въ это время небольшое облако омрачило дружбу Бакунина и Кафіеро. Послѣдній, безразсечно передавая свое состояніе на революціонныя дѣла, оказался близокъ къ разоренію и поэтому вынужденъ былъ продать виллу, а Бакунинъ вслѣдствіе этого переѣхалъ въ Лугано, гдѣ благодаря долгу наслѣдства, полученной отъ братьевъ, онъ могъ существовать съ семьей. Временное охлажденіе между Бакунинымъ и Кафіеро было непродолжительно, и дружескія отношенія между ними скоро возстановились. Между тѣмъ болѣзнь его прогрессировала, разрушая тѣло и духъ, и въ 1875 г. отъ Бакунина оставалась только одна тѣнь его. Въ іюнь 1876 г., въ надеждѣ облегчить свои страданія, онъ отправился изъ Лугано въ Бернъ, куда прибылъ 14 іюня къ своему другу, доктору Адольфу Фогту, и обратился къ нему со словами: „Я пріѣхалъ сюда, чтобы ты поставилъ меня на ноги или

же умереть здѣсь“. Его помѣстили въ клиникѣ Hug-Braun's, гдѣ въ продолженіе двухъ недѣль онъ окруженъ былъ нѣжными заботами своихъ старыхъ друзей Фогта и Рейхеля. Въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ (15 іюня), отмѣченныхъ Рейхелемъ, говоря о Шопенгауэрѣ, Бакунинъ замѣтилъ, что вся наша философія исходитъ изъ ложной базы: „она разсматриваетъ чело-вѣка, какъ индивида, вмѣсто того, чтобы разсматривать его, какъ существо, принадлежащее коллективности; откуда большая часть философскихъ заблужденій, приводящихъ то къ грезѣ о заоблачномъ счастьи, то къ пессимизму Шопенгауэра и Гартмана“. 21 іюня на сожалѣніе, выраженное Рейхелемъ, что Бакунинъ не нашелъ времени написать свои воспоминанія, онъ отвѣтилъ: „скажи-ка, для кого я сталъ бы ихъ писать? Не стоитъ открывать рта. Въ настоящій моментъ народы всѣхъ странъ утратили революціонный инстинктъ... Нѣтъ, если я еще поправлюсь, я желалъ бы лучше написать этику, основанную на принципахъ коллективизма безъ философскихъ и религіозныхъ фразъ“.

Бакунинъ умеръ перваго іюля въ полдень.

Третьяго іюля съѣхались социалисты въ Бернѣ изъ различныхъ мѣстностей Швейцаріи, чтобы отдать послѣдній долгъ Бакунину. Надъ гробомъ его были произнесены рѣчи нѣкоторыми изъ его друзей изъ Юрской Федераци, какъ Адемаромъ Швитцгебелемъ, Жемсомъ Гилльомомъ, Элизе Реклю, Николаемъ Жуковскимъ отъ лица русскихъ, Поль Бруссомъ отъ французской революціонной молодежи; Карломъ Сальвіони отъ итальянской революціонной молодежи, Бетсиеномъ отъ имени нѣмецкаго пролетаріата. На собраніи, состоявшемся послѣ похоронъ, всѣ присутствующіе сошлись на единодушномъ желаніи предать забвенію на могилѣ Бакунина всѣ чисто личныя распри и объединить на почвѣ свободы всѣ фракціи социалистической партіи всего міра. Слѣдующая резолюція была единодушно принята:

„Собравшіеся въ Бернѣ по случаю смерти М. Бакунина рабочіе пяти различныхъ національностей,—при чемъ одни партизаны рабочаго государства, другіе приверженцы свободной федераци группъ производителей,—считаютъ, что примиреніе не только очень полезно, очень желательно, но и очень легко на почвѣ принциповъ Интернаціонала, какъ они формулированы третьимъ параграфомъ основныхъ статутровъ, пересмотрѣнныхъ на Женевскомъ конгрессѣ 1873 года.

„Въ силу этого собраніе, состоявшееся въ Бернѣ, предлагаетъ всѣмъ рабочимъ забыть вредныя и прискорбныя распри въ прошломъ и объединиться тѣснѣе на почвѣ принциповъ, изложенныхъ въ третьемъ параграфѣ вышеупомянутыхъ статутровъ“.

Желаете ли знать, какой данъ былъ отвѣтъ на это предложеніе объединиться на принципѣ свободы и забвенія прошлыхъ раздоровъ? Цюрихскій „*Tagwacht*“ (редакторъ Германнъ Грейлихъ)

помѣстилъ у себя слѣдующія строки въ номерѣ отъ 8 іюля: „На Бакунина смотрѣли многіе хорошіе социалисты, люди безпартийные, какъ на *рускаго агента*; это подозрѣніе, ложное безъ сомнѣнія, основывалось на томъ, что разрушительная дѣятельность Бакунина приносила только зло революціонному движенію и въ то же время была очень полезна для реакціи“. Такая клевета „*Tagwacht*“ а, а также недоброжелательные отзывы лейпцигскаго „*Volksstaat*“ и лондонскаго „*Vпередъ*“ показали друзьямъ Бакунина, что противники, преслѣдовавшіе его своей ненавистью, не расположены обезоружиться. Въ виду такихъ враждебныхъ манифестацій „*Bulletin de la Fédération Jurassienne*“ напечатать 10 сентября такое заявленіе: „Мы желаемъ, и наше поведение всегда доказывало это, сближенія по мѣрѣ возможности всѣхъ социалистическихъ группъ; мы готовы протянуть руку примиренія всѣмъ, кто искренно желаетъ бороться за освобожденіе труда; но въ то же время мы твердо рѣшились не допускать оскорблять памяти нашихъ дорогихъ покойниковъ“.

Не наступилъ ли, наконецъ, моментъ, когда потомство безпристрастно можетъ судить личность и дѣятельность М. А. Бакунина, и можно ли надѣяться, что желаніе, выраженное его друзьями надъ только что закрывшеюся могилою, наконецъ, осуществится?

Ж. Гильомъ.

Письмо М. А. Бакунина неизвѣстному ¹⁾.

12 мая 1862 года. Лондонъ.
10. Paddington Green. М.

Милый другъ! Ты изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы я передалъ тебѣ мой взглядъ на настоящее положеніе славянъ и сообщилъ письменно о средствѣ освобожденія ихъ отъ всякаго, а особенно отъ нѣмецкаго ига. Вскорѣ въ лондонскомъ „Колоколѣ“ появится мое сочиненіе объ этомъ предметѣ; родъ воззванія къ славянамъ, въ которомъ я пространнѣе и полнѣе разберу этотъ вопросъ; теперь же я удовольствуюсь общими указаніями.

Со времени Прагскаго конгресса начинается новая жизнь, новая исторія славянъ; только съ 1848 года они поняли и сознали свое европейское значеніе. Но съ тѣхъ поръ они многое утратили. На мѣсто общаго великаго славянскаго движенія, коего душой былъ безсмертный Шафарикъ, а Прага—центромъ большей части славянскаго міра, была препоставлена хотя хитрая и умная, но крайне непрактическая и вредная политика централизаціи, вслѣдствіе чего у васъ большинство официальныхъ лицъ нѣмцы. Всякая земля за себя, а чортъ за Австрію—вотъ избранная поговорка настоящихъ вашихъ предводителей. Софисты Палацкій и Ригеръ все у васъ перевернули; отравили юность, ложно руководили ее и морочили народъ. Заставили васъ измѣнить идеалу, коимъ столь могущественны были славяне, вмѣсто того внушали вамъ, что ваше единственное спасеніе заключается въ нѣмецкихъ теоріяхъ давно состарѣвшейся и никуда негодной политики. Что вы приобрѣли? Вамъ измѣнили, васъ продали; вамъ навязали выборное начало, которое есть не что иное, какъ оплеуха, данная историческимъ и національнымъ преданіямъ; и все это потому, что официальное большинство у васъ нѣмцы. Принявъ патентъ, пославъ вашихъ выборовъ въ Вѣну, вы этимъ утвердили зависимость Бѣлой Горы и тѣмъ дали посторжествовать германцамъ надъ славянами. Вы своими собственными

¹⁾ Настоящее письмо очень характерно для опредѣленія панславистскихъ идей Бакунина въ 1862 году. Оно является прекраснымъ дополненіемъ его „Воззванія къ славянамъ“, прочитаннаго на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ 1848 года и напечатаннаго въ драгомановскомъ изданіи его рѣчей и воззваній. Письмо это было написано по-нѣмецки и, найденное австрійскимъ правительствомъ, было прислано нашему правительству въ литографированной копіи. Переводъ съ нея сдѣланъ въ министерствѣ и иностранныхъ дѣлъ

М. Лемке.

руками разорвали послѣднюю нить независимости Богеміи. Не имѣя болѣе исторической опоры, вамъ остается только революція. Какъ пришло несчастіе? Измѣной? Не думаю.

Палацкій и Ригеръ, люди по сердцу хорошіе, ошиблись въ ихъ головахъ, которыя сдѣлались совершенно нѣмецкими. Оба слишкомъ мало надѣются на народъ и слишкомъ много на себя. Самолюбіе и личная гордость ихъ погубила и сдѣлала не только бесполезными для отечественнаго и общеславянскаго дѣла, но положительно вредными. Они вообразили себя столь умными, что думали не только обмануть весь свѣтъ, но и Австрію, это гнѣздо исторической лжи. Громадное, живое хотѣли они перевернуть мелкими средствами, а теперь, когда потерпѣли совершенное пораженіе, они не имѣютъ ни великодушія, ни справедливости признаться въ ошибкѣ. Нѣтъ, отъ подобныхъ людей ожидать нечего. Наконецъ, какой представили они вамъ идеаль? Славянскую Австрію или Австро-Славянскія владѣнія, т. е. грязную чистоту, или чистую грязь, дышащую рабствомъ свободу. Такая дикая мысль могла родиться въ головѣ, превратившейся совершенно въ нѣмецкую голову. Ницѣ славянское сердце ее не одобритъ, никакая славянская рука не подпишетъ, потому что каждому истинному славянину она отвратительна. Вы подумайте о Бѣлой Горѣ и, если желаете, сдѣлайтесь австріяками. Молодежь въ Прагѣ не имѣетъ болѣе предводителя, она должна сама себя руководить безъ гордости и самолюбія, потому что гордость и самолюбіе не увеличиваютъ, а уменьшаютъ силу; тѣмъ болѣе, что настоящая молодежь не имѣетъ основанія быть гордой и самолюбивой, она позволяла себя слишкомъ долго обманывать и еще не сдѣлала ничего хорошаго; сознавая свою неопытность, она должна приступить къ дѣлу со смиреніемъ, которое чувствуетъ всякій разумный человѣкъ передъ великимъ событіемъ. Свое право должна она основывать на необходимости этого дѣла; положивъ всю силу свою, сознавая всю важность онаго безъ пустого самолюбія, но и безъ малодушія.

Я укажу на самый важный пунктъ.

Это отношеніе молодежи къ народу. Общественно, эти отношенія высокомерныя и правительственно-аристократическія. Въ 1848 и 1849 годахъ мы это замѣтили во всѣхъ нѣмецкихъ студентахъ безъ исключенія; то же самое высказывается теперь въ парижской молодежи, не народъ и пролетаріевъ называетъ она въ своей пѣснѣ „Парижскимъ Львомъ“. Эти отношенія крайне ложны и вредны. Несправедливо, чтобы образованное юношество стояло выше народа. Въ народѣ, какъ бы онъ мало образованъ ни былъ, если онъ только живой народъ, таится источникъ жизни, истинная будущность; и юношество, какъ бы оно образовано ни было, до тѣхъ поръ живуче и дѣятельно, пока находится въ единеніи съ народомъ; иначе, оно засыхаетъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ своего корня. Особенно справедливо это относительно славянскихъ юношей и всѣхъ образованныхъ сословій славянскихъ земель. Къ несчастію, образование наше совсемъ не славянское, у васъ оно нѣмецкое, у насъ— французское. Только народъ остался чисто славянскимъ. Вы, напримѣръ, ненавидите нѣмцевъ, но, по вашему образцу мыслей и роду жизни, большинство изъ васъ пропитано насевозъ нѣмецкими обычаями. Вы по настоящему не что болѣе, какъ онемечившіеся славяне, которые во что бы то ни стало и со всей энергіей

должны опять сдѣлаться славянами. Кто дастъ къ тому средства? Книгъ нѣтъ, потому что книги нѣмецкія. Жизнь славянская? Гдѣ вы находите славянскую жизнь, только въ вашемъ народѣ. Для того, чтобы не слушаться нѣмецкихъ книгъ, сбросить съ себя это иго, вы должны безотлагательно примкнуть, слиться съ народомъ; потеряться въ немъ съ вашей нѣмецкой мудростью и ученостью. Вы передадите народу самосознаніе, а овъ вамъ дастъ жизнь и элементы чисто славянскіе.— Кто дастъ больше? Разумѣется, народъ. Итакъ, вы должны общаться и сближаться съ народомъ; и особенно съ сельскимъ сословіемъ, какъ съ источникомъ славянской жизни, и не какъ надменные учителя, но какъ смиренные ученики. Когда онъ передастъ вамъ свою львиную силу, тогда вы будете въ правѣ предводить народомъ и сдѣлаетесь вполне сильны для блага своей земли. Когда вы сблизитесь съ вашимъ народомъ, вы увидите, что подвигнуть его можно не узкимъ взглядомъ и мелкими интригами конституціи, но матеріальными выгодами и великими идеалами. Понятія относительно матеріальныхъ выгодъ нужно вливать въ народъ не вдругъ, а постепенно и осторожно. Много было бы уже своевременно, но въ Богеміи нѣмецкіе дворяне имѣютъ слишкомъ много помѣстій, которыя должны принадлежать народу и только мѣстному народу. Идеаль, это возстановленіе древней славянской свободы, не по мысли русскаго царя, не въ смыслѣ древне-русской гегемоніи и преобладающаго господства, но въ смыслѣ полнѣйшей свободы.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерли великіе славяне, Шафарикъ, Ганка и Штуръ, распалось славянское единство, которое они столь высоко цѣнили, и съ тѣхъ поръ никто не имѣлъ духа возстановить его. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезли великія славянскія души, все славянское дѣло превратилось въ рядъ недостойныхъ интригъ. Этому должно положить конецъ. Оставьте г. Палацкаго и Ригера интриговать въ Вѣнѣ, оставьте ихъ въ Прагѣ съ ихъ партіей доигрывать потерянную игру въ конституцію; пускай мертвые сами себя погребаютъ; вы, живые, обращайтесь къ живому, серьезному, практическому и, пока усопшіе занимаются мелкой политикой, вы начинайте большую.

Что должно быть программой и цѣлью вашей дѣятельности?

Разумѣется, это—*возстановленіе славянскихъ владыній въ полной независимости и свободѣ.*

Вы должны сознаться сами, что положеніе славянскихъ народовъ, находящихся подъ владычествомъ Австріи, сдѣлалось несравненно хуже, чѣмъ было даже въ 1848го годахъ. Благодаря мелкой политикѣ вашихъ предводителей со смерти Шафарика и Ганки, извѣстный союзъ, хотя и мечтательно соединявшій всѣ вѣтви славянскихъ народовъ, онъ, который такъ положительно высказался во время Прагскаго конгресса, почти совершенно уничтоженъ. Каждая земля отчуждена одна отъ другой; каждая преслѣдуетъ свои частныя цѣли; каждая слишкомъ слаба, чтобы самой достигнуть какого-нибудь результата. Несмотря на выраженіе симпатіи, превратившейся въ пустую фразу, Богемія, напримѣръ, не имѣетъ ничего общаго съ другими славянами, ни живого союза съ поляками, румынами, словаками, словенами, сербами, кроатами, далматами; она сама по себѣ, и желала бы фокусомъ, придуманнымъ г-номъ Палацкимъ, положеннымъ

... исполненнымъ г-мъ Браунеръ, а особенно гра-
... независимымъ Богемскимъ государствомъ. Что
... уже видѣли; никогда не было такъ худо Богем-
... какъ теперь. Долженъ ли я говорить о бѣдныхъ сло-
... полякахъ и румынахъ въ Галиціи? Хорваты, Сербы,
... мучаются для того, чтобы сдѣлаться независимымъ
... пока они думаютъ, что дѣлать, съ ними играютъ, какъ
... Но, все-таки, они себя показали умѣй тѣхъ. Они не
... номоченныхъ въ Вѣну. Только турецкіе славяне вспомнили
... славянскую доблесть. Сербы, черногорцы, босняки и герцеговинцы
... какъ мужи; и вмѣсто того, чтобы поспѣшить имъ на помощь,
... умные, осторожные, по-нѣмецки образованные славяне? Этому
... положить ковецъ! Всѣ славянскіе народы должны снова уразумѣть,
... могутъ быть сильными только посредствомъ крѣпкаго союза. Со-
... этого называется панславизмомъ. Прежде слово это пугало нѣмцевъ,
... теперь оно страшитъ славянъ, потому что имъ внушили, что панславизмъ
... — поработеніе всѣхъ славянскихъ племенъ русскому царству. Если-бъ
... в самомъ дѣлѣ было бы такъ, то я первый поспѣшилъ бы объявить себя яв-
... нымъ врагомъ панславизма. Русскіе, любящіе свободу, слишкомъ хорошо
... испытали на себѣ всю низость своего правительства, чтобы защитить
... васъ отъ него. Правительство это, какъ знаете, имѣетъ въ насъ самыхъ
... рѣшительныхъ и опасныхъ враговъ. Мы такіе рѣшительные его враги,
... что и изъ далека желаніе его распространять свое владычество со всево-
... можной энергіей стараемся уничтожить внутри нашего отечества. Противъ
... царско-русскаго панславизма я уже проповѣдывалъ въ 1848 и 49 годахъ.
... Тогда была еще большая партія какъ австрійскихъ, такъ и турецкихъ сла-
... вянъ, которые въ казавшемся имъ столь могущественномъ русскомъ цар-
... ствѣ думали найти освобожденіе отъ нѣмецкаго и турецкаго ига. Это за-
... блужденіе было естественно. Россія была и есть до сихъ поръ одна славянская
... земля, которая сохранила свою независимость. Россія есть и будетъ больш-
... шее государство. Къ тому же страданія славянскихъ племенъ подъ нѣмец-
... кимъ и турецкимъ игомъ возбудили въ нихъ непримиримую ненависть,
... особенно къ нѣмцамъ. Всѣ бросились въ Россію, несмотря на кнутъ и жи-
... вой примѣръ несчастной Польши. Царь самъ поддерживалъ заблужденіе,
... выдавая себя чрезъ своихъ агентовъ въ Австріи и Турціи за гуманнаго
... друга славянъ и возбуждая и поскрещая надежду въ удрученныхъ сердцахъ
... славянъ. Это была и остается лицемерная игра, потому что русское пра-
... вительство не хочетъ и не можетъ освободить славянъ. Раздѣленіемъ Польши
... и необходимостью держать ее въ мертвомъ спокойствіи оно привязало къ
... Австріи и Пруссіи желѣзными цѣпями. Какъ могло Русское государство
... помочь славянамъ? оно должно было бы объявить войну Австріи и Пруссіи,
... и, чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, оно должно было бы прежде всего
... освободить Польшу. Пока будетъ существовать на неволѣ основанное и
... неволей поддерживаемое безобразное русское государство, оно будетъ не-
... избѣжимымъ врагомъ славянъ, развращая, ослабляя ихъ пропагандою и
... обѣщаніями, пока не будетъ вынуждено предать ихъ нѣмцамъ. То, что под-
... держивается кнутомъ, не можетъ дать свободы. Это государство есть не что
... иное, какъ безобразная, враждебная славянамъ нѣмецко-татарская центра-

лизация, навязанная намъ деспотизмомъ Петра Великаго и подавившая немилосердно 60 милліоновъ славянъ самымъ ужаснымъ образомъ. Мы русскіе, несмотря на нашу кажущуюся независимость, точно такъ же подъ нѣмецкимъ игомъ извнѣ, какъ и внутри. Внутри у насъ проклятое нѣмецкое чиновничество и всепожирающій нѣмецкій канцелярскій порядокъ. Извнѣ мы въ полномъ смыслѣ крѣпостные Пруссіи и Австріи; безъ ихъ позволенія мы не смѣемъ пошевелиться. Пока будетъ существовать эта система и это насиліе централизаціи государства, славянамъ отъ Россіи ожидать нечего: напротивъ, они должны смотрѣть на нее, какъ на злѣйшаго врага. Теперь русское правительство вступило въ новый фазисъ; оно полагаетъ, что въ фазисъ самохраненія, а мы говоримъ фазисъ самоуничтоженія. Оно помышляетъ о либеральныхъ реформахъ; мы же ожидаемъ революцію. Система такая ложная, такъ противонаціональна сама по себѣ, что не способна къ улучшеніямъ, но можетъ быть разрушительна. Нынѣшній государь и желалъ бы сдѣлать кое что хорошее, но онъ ничего не можетъ, положеніе и необходимость той системы, коей онъ самъ верхушка, сильнѣе его воли. Онъ уничтожаетъ крѣпостное право и стрѣляетъ въ народъ; онъ желалъ бы быть любимымъ поляками, а самъ купается въ польской крови. Онъ охотно объявилъ бы себя врагомъ Австріи, потому что общее національное (народное) чувство русскаго народа это—ненависть къ заклятому врагу славянъ; онъ желалъ бы показать себя искреннимъ другомъ славянъ, но не можетъ; онъ даже не смѣетъ признать новаго Итальянскаго королевства; Австрія и Пруссія этого не позволяютъ; и потому славяне не должны ожидать отъ него больше, чѣмъ отъ Николая. Его агенты такіе же намѣнники славянскому дѣлу, какими были агенты его отца.

Опасность не въ этомъ. Со времени Крымской кампаніи и пораженія русскихъ, расположеніе славянъ измѣнилось. Прежде всего ожидали отъ Россіи, теперь не ждутъ ничего. Въ то самое время, когда австрійскіе и богемскіе славяне не надѣются на російское правительство, они, кажется, забыли, что у этого правительства есть населеніе до 60-ти милліоновъ душъ славянскаго племени,—надежда, сила и настоящая опора всѣхъ славянъ. Исключивъ эту массу, останется не болѣе 25 милліоновъ славянъ; и это меньшинство не хочетъ ничего знать о большинствѣ. Они не вѣдаютъ, да, кажется, и думаютъ имѣть право не вѣдать, что происходитъ въ этомъ мірѣ 60-ти милліоновъ людей; и они не предчувствуютъ, что въ настоящее время тамъ собирается гроза, настоящая славянская гроза, которая уничтожитъ все нѣмецкое не только внутри государства, но и извнѣ, и даже самое нѣмецко-татарское царство и съ тѣмъ принесетъ славянамъ настоящую свободу. Я повторяю это славянамъ постоянно. Обратите вниманіе,—Россія находится наканунѣ радикальной и громадной революціи, которую когда-либо видѣтъ свѣтъ. И что будетъ по окончаніи революціи? Многое остается тайной, но многое и теперь можемъ предсказать вѣрно, потому что она есть неизбежная потребность настоящаго положенія и живетъ въ каждомъ живомъ русскомъ сердцѣ: прежде всего, полное освобожденіе Россійскаго государства, не только освобожденіе Польши, Литвы, Малой и Бѣлой Россіи, но и совершенное уничтоженіе царской бюрократической централизаціи и въ Великой Россіи, землѣ изъ 40 милліоновъ душъ; всякая централизація противна русскому духу.

Великая Россія сама по себѣ будетъ федераціей, управляющей своими провинціями, иначе не можетъ быть настоящей свободы. Провинція или области—федерация округовъ, и округъ—федерация волостей, а волости—федерация міра (*gromada*). У насъ будутъ не лица, какъ въ Германіи, но настоящая политическая *монада* самостоятельная, самоуправляемая и съ свободными выборными, соединяясь въ волости, въ округи, въ области и, наконецъ, составляя союзъ свободныхъ городовъ,—и потому ни тѣни бюрократическаго управления, централизаціи или царства, а снизу до верху самоуправленіе и полнѣйшая свобода. И тогда мы, 40 милліонъ великороссовъ, будемъ въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Польшею, Бѣлою и Малою Россіей, чѣмъ подъ гнетомъ, называемымъ нынѣ російскимъ государствомъ; и свободно соединенные между собою, выступимъ мы на освобожденіе вась отъ всякаго посторонняго владычества; и тогда только возродится настоящая славянская свобода и превратится въ дѣйствительность...

Это называю я панславизмомъ, въ этомъ смыслѣ и были панславистами Шафарикъ, Ганка и Штуръ.—Тотъ, кто съ нами и въ нашемъ смыслѣ не желаетъ быть панславистомъ, тотъ по сердцу не славянинъ. Панславизмъ въ обратномъ смыслѣ есть нѣмцоненависть, потому что нѣмцы первые, коренные и алѣйшіе притѣснители славянъ,—всѣхъ славянъ. Они приобрили себѣ рыцарскія шпоры угнетеніемъ и даже уничтоженіемъ славянъ; и теперешній нѣмецкій мѣщанинъ съ удовольствіемъ сдѣлался бы нашимъ рыцаремъ. Они основали свое бытіе, свою силу на славянскихъ развалинахъ, они навязали славянамъ насильно свое образованіе, намъ крайне противное, какъ смертельный ядъ, какъ заразительную чуму; и этимъ развратили, раздѣлили, разорвали связь для того, чтобы легче поработить. Они ненавидятъ и презираютъ славянъ, потому что чувствуютъ, что они отжившіе, а мы полны жизни, ихъ наследники съ будущностью.

Говоря положительно, панславизмъ это—вѣра и увѣренность великой будущности славянъ; мы, славяне, составляемъ свой собственный міръ: міръ, который тысячу лѣтъ былъ угнетаемъ разными врагами и, все-таки, не былъ уничтоженъ; міръ, который былъ разрываемъ на части посторонними народностями, но, все-таки, соединился подъ одной формой по истиннѣйшему чувству братства. Святое слово для славянина. Такъ что полякъ и русскій, несмотря на историческую вражду между собою, ближе, чѣмъ каждый изъ нихъ къ англичанину, даже къ французу; оба ненавидятъ нѣмца со всею силою душевной энергіи. Міръ, который они, несмотря на развращеніе и чужое вліяніе, сохранили, и которымъ по своей натурѣ отличаются отъ другихъ племенъ. Братство, преобладаніе деревни надъ городомъ, сельскаго быта надъ городскимъ, всеобщая безразличная любовь къ свободѣ и патриархальное общество. Міръ, который имѣетъ огромные виды, выразится въ Польшѣ, Богеміи, Сербіи и въ Россіи, но до сихъ поръ еще не высказавшійся и сохранившій свое послѣднее слово для приближающейся будущности.

Панславизмъ есть вѣра, что соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ, состоящихъ изъ 85 милліоновъ, внесетъ новую цивилизацію, новую живую истинную свободу въ міръ. Кто изъ вась сомнѣвается въ этомъ?

Славяне, исключая себя, имѣютъ мало друзей и мало союзниковъ. Германія—вашъ естественный врагъ, а Австрійское королевство есть отвратительное исчадіе нѣмецкой жизни.

Кто другъ австрійцамъ, тотъ врагъ нашъ; и враги Австріи — наши друзья. Славянинъ, не желающій совершеннаго уничтоженія Австрійскаго королевства и находящійся съ нимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ въ дружбѣ, не славянинъ.

Англія тоже враждебна славянамъ, какъ единомыслящая. Англія большею частію германскаго происхожденія и имѣетъ инстинктивное отвращеніе къ славянамъ и въ дружбѣ съ нѣмцами. Кромѣ того, интересы англичанъ совершенно противоположны славянскимъ, съ Австріей, исключая Итальянскаго вопроса, открытые друзья Габсбургскаго дома, въ Венгріи другъ мадярамъ, въ Турціи другъ турецкаго правительства, и когда оно уничтожится, то покажется другомъ грековъ противъ славянъ.

Франція ни другъ, ни врагъ славянамъ,—странно сказать, но, все-таки, справедливо, что французы издавна были народомъ эгоистическимъ, влюбленнымъ въ себя самого, ничего болѣе не чувствующимъ, не понимающимъ и не видящимъ. Революція образовала правила, которыми они воспользовались, чтобы увеличиться въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда нибудь, Франція слѣдуетъ этой политикѣ; теперь она управляется безъ всякихъ правилъ. Единственная цѣль, это — удержать царскую власть, и — елико возможно, во что бы то ни стало царскую династію. Если бы императору французовъ показалось выгоднымъ насадить деспотизмъ въ Европѣ или навязать цѣлому міру папизмъ, онъ непременно сдѣлался бы защитникомъ деспотизма и папизма, и въ французской классической фразеологіи нашлось бы много прекрасныхъ фразъ, чтобы позолотить низость.

Къ счастью, порядокъ вещей въ Европѣ таковъ, что чтобы удержать власть какъ во Франціи, такъ и извнѣ и желать прикрыть деспотизмъ, столь несомвѣстный съ конституціонными началами, онъ внѣ своего государства по неволѣ долженъ служить революціи. Въ этомъ смыслѣ и по этой причинѣ сдѣлался онъ освободителемъ Италіи. Съ этою же цѣлью выискиваетъ онъ всѣ возможные хитрыя средства, чтобы удержать ее въ своей зависимости, сдѣлавъ такъ много для ея освобожденія внутренней жизни и силы и столь быстраго развитія. И потому Наполеонъ — опасный другъ, коего помощью слѣдуетъ воспользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно бояться. Его протекція и дружба распространяетъ на ту страну, которой ее оказываетъ, хотя сначала и незамѣтный, но впоследствии смертельный ядъ. Къ славянамъ онъ точно такъ же равнодушенъ, какъ къ остальному свѣту; можетъ быть, и совершенно правдоподобно, что въ скоромъ времени ему будетъ полезно подать руку славянамъ, напр., если онъ предприметъ завоеваніе Рейнскихъ провинцій и Бельгіи, что надо ожидать рано или поздно; тогда должно будетъ этимъ воспользоваться соединившись съ Италіей, мадярамъ, дать смертельный толчекъ Австріи. Италія почти единственная натуральная союзница славянъ. О Триестѣ и Далмаціи у насъ споровъ не возникнетъ; наконецъ, итальянскій Триестъ можетъ сдѣлаться вольнымъ городомъ; Италія, только непримиримый врагъ Австріи: Италія, какъ ни стара, гораздо моложе остальныхъ западныхъ народовъ; она имѣетъ въ себѣ залогов живой будущности, которые невольно тянутъ ее къ славянскимъ народамъ. Италія, какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, начинаетъ оказывать особенное, исключительное вниманіе славянамъ и имѣетъ серьезное намѣреніе соединиться съ нами; Италія

нашъ единственный другъ въ Европѣ; мы должны подать ей руку. Но для того, чтобы это сдѣлать, мы должны соединиться воедино, потому что Италия не можетъ быть другомъ только Польши или Далмаціи, Крoаціи, Сербіи или Греціи отдѣльно; для нея все это слишкомъ мелко; она можетъ сдѣлаться другомъ только соединеннаго славянскаго государства. Италия можетъ быть призвана играть роль посредника между нами, мадьярами, румынами и греками, съ мадьярами свое дѣло,—они желаютъ Венгерскаго королевства и потому желали бы имѣть венгерскими подданными славянъ и румынъ; пока они наши враги. Теперь они выказываются и врагами Австріи, потому они наши друзья. Что должно быть крѣпче, дружба или вражда? Я думаю, что въ настоящее время дружба, потому что Австрія, несмотря на поражения, которыя она потерпѣла въ послѣднее время, на деморализацію и дурные финансы, все-таки гораздо могущественнѣе мадьяръ. Съ мадьярами возможно примиреніе и дружная жизнь славянъ. Они понадобятся тѣмъ болѣе, что невозможно будетъ изгнать или уничтожить народъ изъ 6-ти милліоновъ. Когда славяне соединятся и въ благородной войнѣ съ общими притѣснителями покажутъ себя дѣятельными, мадьяры увидятъ, что для нихъ выгоднѣе вступить въ мирный союзъ, чѣмъ уничтожить себя несчастными войнами съ славянами. Посредствомъ войны, пролитія крови или безъ этого, мы заключимъ съ ними дружественный союзъ, основанный на одинаковыхъ выгодахъ. Съ Австріей примиреніе невозможно; или она опъмечитъ славянъ, или сама пойдетъ ко дну. Ея существованіе основано на совершенномъ отверженіи національности въ другихъ народахъ и на деморализаціи всѣхъ подвластныхъ народовъ. Середины нѣтъ. Сами славяне должны придти въ состояніе идиотизма и превратиться [слово не разобрано] или уничтожить Австрійскую монархію, но совершенно уничтожить.

Славяне должны подать руку мадьярамъ; прежде всего, мы должны убѣдить мадьяръ, что Венгерское королевство, о которомъ они мечтаютъ, невозможно и несправедливо, и что единственно національное разрѣшеніе вопроса—это Венгерская федеративная республика, съ уравниемъ правъ мадьяръ, румынъ, и славянъ. Такого рода республика можетъ быть зародышемъ гораздо обширнѣйшей федераціи. Но если окажется, что мадьяръ никакимъ способомъ уговорить нельзя, что они могутъ быть убѣждены только тогда, когда славяне будутъ между собой соединены, и не могутъ отказаться отъ своего королевства, то все-таки, мы должны соединиться съ ними, чтобы побѣдить Австрію, заключить съ ними временный союзъ и, когда они востанутъ, возстать и намъ съ ними; и прежде всего и отъ всѣхъ смерть Австріи! Австрію совершенно уничтожить. Тогда съ оружіемъ въ рукахъ будемъ дѣлать дѣла съ мадьярами, а потомъ заключимъ съ ними миръ; на нашей сторонѣ право и большинство, когда мы соединены. Мы заключимъ договоръ не съ дипломатизирующимъ и политизирующимъ Венгерскимъ королевствомъ; возможно, что они получатъ уступки изъ Вѣны, немного помирятся съ австрійцами; тогда мадьяры, безъ сомнѣнія, наши враги.

Итакъ, вы видите, что положеніе славянъ очень плохо, потому что мы имѣемъ только одного друга—Италію, и то только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть умъ и силу поддержать единство, чтобы что-нибудь сдѣлать.

Франція совершенно равнодушна, и сомнѣвается въ нашемъ возстановленіи,—готовая поживиться около насъ, если мы окажемся слабыми или глупыми, и служить намъ, если мы покажемъ силу и единство; но это не должно вводить насъ въ заблужденіе, потому что спящая, болтающая раздѣленная Германія возстанетъ какъ одинъ человѣкъ, если только узнаетъ о какомъ-либо возстаніи славянскаго племени. Ничто не можетъ такъ наэлектризовать состарѣвшуюся націю, какъ только ненависть къ славянамъ; ненависть, которая въ послѣдній разъ, я надѣюсь, превратитъ стараго филистера въ воина, и потому мы не должны играть съ этою ненавистью. Ни одно славянское племя отдѣльно къ нему не приросло, но, чтобы одержать побѣду надъ старымъ врагомъ, мы должны непремѣнно соединиться.

Это я называю панславизмомъ. Но чтобы намъ соединиться, мы должны имѣть чистую цѣль. Наша программа очень проста. Мы хотимъ всеобщую славянскую федерацію, основанную на равенствѣ и самоуправленіи племенъ, и возстановленіе полнѣйшей автономіи народа, какъ бы онъ малъ ни былъ.

1) *Заключеніе первое.* Не должно быть партіально-городской централизаціи; не терпѣть угнетенія одного племени другимъ въ славянскомъ мірѣ. На счетъ Россіи я высказался уже прежде. Россійское государство должно быть безусловно раздѣлено и федерализовано, и Польша должна отказаться, отъ рутеновъ въ Галиціи, Литвѣ, Бѣлой и Малой Россіи; исключая того чѣмъ теперь насильственно владѣетъ Россія, она должна быть въ федеративномъ отношеніи къ этимъ землямъ. Историческое право ничего не значить; мы его не признаемъ, иначе мы должны будемъ признать права Германіи на Богемію и мадяровъ надъ славянами въ Венгріи. Мы признаемъ только справедливое настоящее желаніе народовъ, которые имѣютъ полное право управлять собой, какъ имъ заблагоразсудится. Это наше неизмѣнное рѣшеніе и основаніе.

Въ вновь освобожденномъ славянскомъ государствѣ не должно быть ни одной области могущественнѣе другой, и ни одна не имѣетъ права входить въ непосредственные договоры и союзъ съ Германіей (или иностранцами). Свобода и счастье должно быть правомъ всѣхъ народовъ, но сила должна принадлежать соединенной федераціи.

2) *Заключеніе.* Единство должно быть только политическое, что же касается до административнаго, юридическаго и экономическаго порядка, то каждый народъ имѣетъ право управлять сообразно своего желанія, и никакое общество, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, не имѣетъ права вмѣшательства. Напр., мы, великороссы, удержимъ древнее общинное владѣніе землями. Земля у насъ, какъ воздухъ, какъ вода, такъ же какъ и лѣса, а въ лѣсахъ, дичь не должна никому принадлежать отдѣльно, а всѣмъ вообще. Это наше право, и мы крѣпко его придерживаемся. У васъ же, какъ въ Польшѣ и въ Малой Россіи, то же самое право совершенно измѣнилось нѣмецкимъ вліяніемъ. У васъ личное право землевладѣльца. Вы можете оставить за собой это право, пока желаете. Всякая земля должна жить, какъ ей вздумается. Свобода, полнѣйшая свобода должна быть душой нашего отечества.

3) *Заключеніе.* Политическое единство между славянскими народами

должно быть настоящее, могущественное; къ этому побуждаетъ насъ славянская національность, которая, несмотря на историческое разнообразіе, внесенное въ ея жизнь, въ основаніи, все-таки, соединена между собою. Еще разъ замѣчу, что у насъ, славянъ, слова: братъ и братство имѣютъ гораздо болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ у другихъ народовъ. Оттого все враждебное, чуждое должно быть исключено, по общинному духу славянъ. Потому оно должно имѣть общія условія, безъ которыхъ не можетъ существовать истинная свобода и не можетъ быть единства. Къ этому условію должно принадлежать уничтоженіе мѣстной централизаціи, бюрократіи, сословное различіе и пролетаріатъ, какъ главный источникъ неволи. Всякій славянинъ долженъ на славянской землѣ находить средства къ жизни.

Въ заключеніе. Часъ освобожденія славянъ близокъ. Всѣ славяне должны приготовиться. Кто знаетъ, откуда придетъ гроза? Изъ Франціи, Польши или самой Австріи? или изъ Россіи? Но мы должны быть готовы встрѣтить ее и воспользоваться ею.

Мы должны понять другъ друга, устроиться. Мы должны покрыть славянскихъ братьевъ сѣтью тайныхъ обществъ. А эти тайныя общества должны вмѣщать въ себя все живое, развитое, энергическое и все, что чувствуетъ думаетъ и жаждетъ чисто по-славянски. Послѣ должно всѣ эти тайныя общества соединить воедино, привести въ движеніе въ одно время съ движеніемъ въ Италіи, Польшѣ и Россіи.

Такъ какъ ты полагаешь, что я могу быть полезнымъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, я готовъ сдѣлать все, что могу, чтобы служить ему, — такъ какъ всю жизнь свою положилъ на него.

Бакунинъ.

Р. С. Ты говорилъ мнѣ о мѣстномъ легионѣ подъ предводительствомъ Гарibaldi. Мысль очень хорошая, и ее можно и должно исполнить. Также было бы хорошо, если не лучше, послать подобныя легионы для поддержки и помощи нашимъ славянскимъ братьямъ, сражающимся въ Турціи для пользы нашего общаго дѣла.

Извини мнѣ мой ужасный нѣмецкій языкъ; я славянинъ, не нѣмецъ, и то малое, что я зналъ по-нѣмецки, забылъ въ разныхъ крѣпостяхъ и Сибири.

Судейкинъ и Дегаевъ ¹⁾.

Я близко знаю Сергѣя Дегаева: долгое время я была его лучшимъ другомъ и любимой сестрой. Съ другой стороны, двадцатилѣтняя разлука, все то, что я выстрадала, узнавъ объ его ужасномъ преступленіи, сознание безконечной виновности его какъ передъ жертвами его предательства, такъ и передъ всѣмъ человѣчествомъ,— все это даетъ мнѣ, я думаю, право предполагать, что я способна отнестись къ оцѣнкѣ его личности безпристрастно. Что же касается до фактовъ его политической дѣятельности, относящихся къ періоду, закончившемуся убійствомъ Судейкина,—я передамъ разсказъ о нихъ со словъ самого Сергѣя Дегаева. Я давно уже собиралась написать все, что мнѣ извѣстно о немъ, какъ о дѣятелѣ интереснѣйшаго періода въ исторіи русскаго общества и рада, что цензурныя условія не помѣшаютъ мнѣ теперь говорить съ полной откровенностью.

Въ апрѣльской книжкѣ историческаго журнала «Былое» появились воспоминанія г-жи Корба о Сергѣѣ Дегаевѣ. Эти воспоминанія занимаютъ всего 17 страницъ печатнаго текста: изъ нихъ 4 посвящены тенденціозному описанію членовъ семьи Сергѣя Дегаева... Никто изъ членовъ этой семьи не принималъ участія въ политической дѣятельности Сергѣя, и никто изъ насъ не повиненъ въ его преступленіяхъ. Такъ или иначе, Сергѣй Дегаевъ—историческая личность; никто не имѣетъ права претендовать на самые злые, ненавистные отзывы о немъ, но эти отзывы не касаются другихъ членовъ семьи Дегаева...

¹⁾ Эта статья принадлежитъ сестрѣ С. П. Дегаева,—Н. П. Маклецовой. Редакція считаетъ нужнымъ, сказать нѣсколько словъ по поводу помѣщенія этой статьи въ „Быломъ“. Редакція представляетъ автору возможность охарактеризовать отношенія Сергѣя Дегаева къ его семьѣ, какъ они ему представляются. А. П. Прибылева-Корба въ своихъ воспоминаніяхъ („Былое“, апрѣль) освѣщаетъ эти отношенія иначе; до сихъ поръ мы ничего не знали объ отрицательномъ отношеніи семьи Дегаева къ Сергѣю Петровичу и къ тому, что составило сущность его „дѣятельности“ въ началѣ 80-хъ гг.; наоборотъ, многое заставляло думать, что отношенія семьи Дегаева къ нему не измѣнились, и С. П. по-прежнему оставался ея любимцемъ. Въ нашихъ рѣчахъ находится рядъ писемъ Влад. Дегаева въ редакцію „Вѣстника Народной Воли“ отъ начала 1885 г., гдѣ онъ горячо защищаетъ своего брата; это было, слѣдовательно, полтора года спустя послѣ убійства Судейкина. Авторъ настоящей статьи—Наталія Петровна Дегаева—долго являлась и послѣ убійства Судейкина

Особенно я должна это сказать объ отзывѣ г-жи Корба о матери Дегаева. По ея словамъ, мать Дегаева производила впечатлѣніе женщины неразвитой и мало образованной, а по наружности напоминала «чиновницу средней руки». Мать Дегаева была дочерью извѣстнаго литератора Н. А. Полевого и вдовой старшаго врача московскаго кадетскаго корпуса. Она получила хорошее, по своему времени, образование въ пансіонѣ, знала иностранные языки и очень любила читать... О безмѣрной добротѣ ея говорить и сама г-жа Корба: моя мать дѣйствительно предлагала взять на свое попеченіе ребенка Геси Гельфманъ, а въ то время это значило не только обременить себя заботами о чужомъ ребенкѣ, но и навлечь преслѣдованія со стороны правительства, и оттолкнуть родственниковъ, связью съ которыми моя мать очень дорожила.

Г-жа Корба говоритъ, что «намѣренно долго остановилась на описаніи семьи (Дегаева), такъ какъ она составляла ту среду, къ которой онъ самъ принадлежалъ». Но и въ данномъ случаѣ она не права. Семья вообще составляетъ только небольшую часть среды, въ которой вращается человѣкъ, а семья Сергѣя не представляла его *среды* совершенно, даже въ смыслѣ воспитанія: ему еще не было 9-ти лѣтъ, когда онъ поступилъ въ *закрытое* учебное заведеніе, второй Московскій кадетскій корпусъ, откуда, какъ лучший воспитанникъ и ученикъ, перешелъ въ Артиллерійское училище, гдѣ окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ трехъ, получившихъ премію, юнкеровъ, затѣмъ онъ уѣхалъ офицеромъ на службу въ Кронштадтъ. Стало быть, среда, въ которой воспитался и вращался Сергѣй, была сначала средой закрытаго учебнаго заведенія, затѣмъ военной и, наконецъ, средой революціонной партіи.

Перейду теперь къ исторіи и обрисовкѣ личности Сергѣя, о которой только и должна идти рѣчь.

Самымъ чистымъ и прекраснымъ періодомъ въ жизни Сергѣя я считаю двухлѣтнее пребываніе его въ Кронштадтѣ. Я помню его тамъ еще до начала знакомства его съ революціонными кружками. Въ то время онъ страстно увлекался политической экономіей, изучалъ Маркса, Милля и, по обыкновенію, очень много занимался математикой. Способности у Сергѣя были блестящія, умъ большой и оригинальный; характера въ то время онъ былъ веселаго и кроткаго, но въ немъ всегда замѣчалась одна особенность: все, что онъ начиналъ, онъ доводилъ непремѣнно до конца, до крайности. Это

горячей защитницей брата, излишне довѣряя ему въ его объясненіяхъ своего предательства.

То, что было написано А. П. Прибыловой-Корба, и объясняется тѣмъ, что рѣчь шла о семьѣ враговъ, да еще какихъ враговъ! Если это не такъ, то выяснитъ вопросъ—дѣло членовъ семьи Дегаева. Лучше сдѣлать это поздно, чѣмъ не дѣлать этого совсѣмъ. При этомъ не слѣдуетъ винить тѣхъ, кто касается этой темы черезъ 20 лѣтъ, ибо виноваты не они, а тѣ, кто своимъ молчаніемъ или своими ошибками подали поводъ къ враждебному къ себѣ отношенію. *Ред.*

свойство и погубило его. Отчаявшись послѣ 1-го марта въ торжествѣ революціонной партіи, онъ попробовалъ достичь переворота другимъ путемъ, черезъ правительство, и, конечно, сломалъ себѣ голову... Но объ этомъ—послѣ, теперь же я хочу прибавить еще нѣсколько словъ о личности Сергѣя Дегаева. Я не могу согласиться съ г-жей Корба, что «Дегаевъ не отличался привлекательностью». Я помню, что его очень любили въ кружкѣ товарищей офицеровъ, нашей многочисленной родни и вообще знакомыхъ; Сергѣй былъ некрасивъ, но веселъ, остроуменъ и всегда готовъ придти на помощь каждому словомъ и дѣломъ. Г-жа Корба «не знаетъ никого изъ революціонеровъ, кто бы относился къ нему когда-либо съ любовью или дружеской привязанностью». Мнѣ приходятъ на память имена двухъ-трехъ революціонеровъ, которые дружески относились къ Сергѣю, но я не смѣю ихъ произнести: доказательствъ фактическихъ у меня нѣтъ, а признаться въ настоящее время въ былой дружбѣ или привязанности къ такому преступнику, какъ Сергѣй, выходитъ изъ рамокъ обыкновеннаго мужества.

Какъ Сергѣй сдѣлался партійнымъ революціонеромъ, черезъ кого онъ впервые познакомился съ народовольцами,—я не могу хорошенько припомнить. Помню одно, что онъ страстно увлекался дѣлами партіи, отдавался имъ безкорыстно; къ революціоннымъ дѣятелямъ первое время онъ относился съ восторженнымъ обожаніемъ. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ: «Я бы счелъ за счастье поцѣловать Морозова». Это былъ медовый мѣсяцъ революціонной жизни Сергѣя.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхала изъ Петербурга, и мы съ Сергѣемъ видѣлись не часто и урывками.

Теперь я перехожу ко второй, болѣе сложной части моего повѣствованія, къ разсказу о темныхъ, мало выясненныхъ отношеніяхъ Сергѣя къ Судейкину и къ его дѣятельности въ качествѣ помощника, а затѣмъ убійцы этого человѣка. Предупреждаю, что все, о чемъ я буду разсказывать, стало мнѣ извѣстнымъ черезъ самого Сергѣя, а потому на свою отвѣтственность я беру только вѣрность передачи его словъ.

Мнѣ пришлось прожить въ глухой деревнѣ около двухъ лѣтъ въ 82 и 83 мѣ г.г. Осенью 82-го года Сергѣй съ женой пріѣхалъ къ намъ въ гости. Я уже говорила, что въ то время я была очень дружна съ Сергѣемъ. Онъ былъ со мной откровененъ и, такъ какъ тогда всѣ его мысли сосредоточивались на дѣятельности революціонной партіи, онъ нерѣдко разговаривалъ со мной на эту тему. Между прочимъ, я помню, какъ онъ сѣтовалъ на полный упадокъ силъ и дѣятельности партіи послѣ 1-го марта; онъ говорилъ, что послѣ удачнаго убійства царя, революціонеры точно обезумѣли, перестали принимать всякія мѣры предосторожности и, то и дѣло, попадаютъ въ руки правительства, какъ птицы въ сѣти. Затѣмъ онъ жаловался на недостатокъ энергіи въ партіи, что теперь не затѣвается никакихъ широкихъ плановъ, а партія занимается своимъ «маленькимъ хозяйствомъ»,—ссорятся, и подкапываются одинъ подъ другого... О такомъ состояніи партіи въ то время упоминаетъ въ своихъ за-

мѣчательно искреннихъ и правдивыхъ «Воспоминаніяхъ» и Дебогорій-Мокріевичъ. Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ: «у народовольцевъ въ общемъ наблюдалось слѣдующее распредѣленіе силъ и задачъ: одни «старіки»—ихъ была ничтожная кучка—тамъ, гдѣ-то при глубочайшей конспиративной обстановкѣ, боролись съ правительствомъ на жизнь и на смерть; ихъ ловили и вѣшали; со всякимъ днемъ число ихъ уменьшалось. Другіе—такихъ было много—занимались тѣмъ, что рукоплескали своимъ главарямъ-героямъ, кое-когда исполняя неопасныя порученія вродѣ сбора пожертвованій и т. под. или-же *стремились занимать хорошія положенія въ обществѣ*, чтобы потомъ какъ-то сослужить службу народовольчеству. Нерѣдко между ними можно было встрѣтить лицъ, серьезно трактовавшихъ о томъ, что они должны готовить себя къ будущимъ депутатскимъ обязанностямъ будущаго Земскаго Собора»¹⁾).

Дебогорій-Мокріевичъ говоритъ о времени, непосредственно предшествовавшемъ первому марта. Впослѣдствіи деморализація, разумѣется была еще сильнѣе.

Я видѣла, что Сергѣй сильно разочарованъ въ революціонномъ движеніи и нѣсколько разъ пыталась убѣдить его оставить ряды партіи, ѣхать за границу, заняться математикой, которую онъ страстно любилъ; но тутъ я натолкнулась на непобѣдимое упорство. «Я не могу оставить дѣла,—отвѣчалъ онъ на всѣ мои доводы,—понимаешь, не могу... Вѣроятно, я погибну, а, можетъ быть, найду выходъ». Такъ мы и разстались: объ его арестѣ въ Одессѣ я узнала только по тому, что у насъ въ деревнѣ былъ произведенъ обыскъ наканунѣ Рождества. Я считала Сергѣя погибшимъ, какъ вдругъ,—не помню, какимъ образомъ,—получаю извѣстіе, что онъ бѣжалъ и просилъ меня пріѣхать въ Харьковъ повидаться съ нимъ. Я, разумѣется, сейчасъ же поѣхала, и мы съ нимъ встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ; онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ въ баню, чтобы не возбуждать подозрѣній, переговорить съ нимъ обо всемъ на свободѣ.

Я помню, что мы долго сидѣли въ предбанникѣ на диванѣ и молчали...

— Я сильно перемѣнился?—вдругъ спросилъ онъ меня. Мнѣ дѣйствительно, показалось, что онъ не тотъ, какъ былъ, и я сказала ему объ этомъ.

— Что-же ты не спрашиваешь, какъ я бѣжалъ?—проговорилъ онъ, усмѣхаясь, и началъ разсказывать.—Меня ночью повезъ жандармъ на вокзалъ; мы сидѣли рядомъ на извозчикѣ; когда мы стали перѣбѣжать площадь—въ Одессѣ передъ вокзаломъ огромная площадь,—мой жандармъ заѣвался, я выпрыгнулъ и побѣжалъ. Потомъ меня устроили у знакомыхъ.

— Ты вѣришь мнѣ?—вдругъ спросилъ онъ меня.

Я вѣрила ему, но тонъ разсказа мнѣ казался неестественно вялымъ. Я сказала, что, вѣроятно, онъ уже много разъ разсказы-

¹⁾ Воспоминанія Вл. Дебогорія-Мокріевича, стр. 503—504.

валь о своемъ побѣгѣ, и это ему надоѣло. Онъ посмотрѣлъ на меня, подумалъ и вдругъ сказалъ:

— Я все навралъ тебѣ, я не бѣжалъ, меня выпустили, слушай...

Сергѣй началъ рассказывать. Оказалось, что онъ еще раньше былъ знакомъ съ Судейкинымъ въ Петербургѣ... Но въ Одессѣ, послѣ своего ареста, Сергѣй не мало былъ удивленъ, увидѣвъ во время допроса своего стараго жандармскаго знакомяца. Потомъ оказалось, что Судейкинъ нарочно пріѣхалъ изъ Петербурга для допроса Сергѣя. Онъ остался съ Сергѣемъ наединѣ и началъ убѣждать его не губить себя понапрасну, а лучше переимѣнить тактику и къ той же цѣли идти другими, болѣе вѣрными путями. Сергѣй говорилъ мнѣ тогда, что Судейкинъ показался ему скорѣе революціонеромъ, чѣмъ жандармомъ, такъ какъ откровенно признавалъ полную негодность существующаго строя и необходимость его коренной ломки; но при этомъ онъ добавлялъ, что «революціонная партія борется негодными средствами и только понапрасну истощаетъ свои силы». «Вы сами знаете,—прибавилъ Судейкинъ,—какъ слаба теперь партія: съ каждымъ днемъ она теряетъ все болѣе и болѣе своихъ талантливыхъ членовъ; вотъ и вы погибнете, а съ вашимъ умомъ и способностями до чего вы могли бы дойти, если бы рѣшились дѣйствовать не противъ правительства, а съ нимъ заодно!» Сергѣй рассказалъ, что Судейкинъ развилъ ему подробный планъ захвата власти соединенными силами революціонной партіи и его, Судейкина. «Правительство, съ одной стороны, будетъ запугано удачными покушеніями, которыя я помогу вамъ устроить, а съ другой—я сумѣю кого слѣдуетъ убѣдить въ своей необходимости и представлю васъ, какъ своего помощника Государю, тамъ уже вы сами будете дѣйствовать».

Впослѣдствіи я поняла, что рѣчь между ними шла чуть не о диктатурѣ...

— И ты полагаешь, что дѣло обойдется безъ жертвъ, безъ выдачъ?—спросила я.

— Все это будетъ устроено съ обоюднаго согласія,—отвѣчала Сергѣй.

Не помню, тогда или впослѣдствіи онъ сказалъ мнѣ, что дѣйствуетъ съ согласія Исполнительнаго Комитета... Но помню, что послѣ этого свиданія я продолжала считать Сергѣя вѣрнымъ членомъ революціонной партіи.

— Вѣдь безъ жертвъ людьми не обходится ни одно революціонное предпріятіе,—проговорилъ онъ. Я совсѣмъ не могла понять такой равнодушной жертвы людьми, но въ то время я уже давно совершенно разошлась съ революціонной партіей или, лучше сказать, потеряла всѣ знакомства, потому что дѣятельной революціонеркой никогда не была. Сергѣй же въ разговорѣ со мной опирался на авторитетъ Исполнительнаго Комитета и, кажется, самъ былъ въ то время его членомъ.

Я спросила Сергѣя, знаетъ ли жена объ его замыслахъ? Онъ отвѣчалъ, что заявилъ Судейкину съ самаго начала о необходи-

мости переговорить съ женой. Судейкинъ велѣлъ привести жену Дегаева въ комнату, гдѣ происходилъ допросъ, и оставилъ ихъ вдвоемъ.

Жена Сергѣя была самой простенькой женщиной, дѣйствительно, малообразованной, хотя она и прошла курсъ гимназіи. Она вполнѣ вѣрила мужу и, не рассуждая, любила его. Она, навѣрное, не играла никакой роли въ «рѣшеніи кроваваго вопроса о предательствѣ», по выраженію г-жи Корбы. Сергѣй одинъ рѣшилъ этотъ вопросъ... Впрочемъ, какъ это ни странно, рѣчи о предательствѣ между Судейкинымъ и Сергѣемъ въ то время, кажется, не было ¹⁾. Я замѣтила, что Сергѣй былъ совершенно очарованъ личностью Судейкина и убѣжденъ, что союзъ съ нимъ принесетъ огромную пользу партіи «Народной Воли».

Тутъ я должна прибавить, что отъ Сергѣя я не слыхала въ то время и въ слѣдующія свиданія о томъ, чтобы онъ кого-нибудь выдалъ. Поэтому послѣ убійства Судейкина я долго считала всѣ подобныя слухи гнусной клеветой со стороны лицъ, желавшихъ себя выгородить. Потомъ я узнала, что я жестоко ошибалась...

Послѣднее мое свиданіе съ Сергѣемъ въ Россіи произошло не болѣе какъ за мѣсяць до убійства Судейкина (я не помню хорошенько числа и мѣсяца—въ ноябрѣ или въ концѣ октября). Мы ту зиму жили въ Харьковѣ. Сергѣй явился внезапно, показался мнѣ очень блѣденъ, мраченъ; за обѣдомъ онъ просилъ послать за водкой и говорилъ, что теперь совсѣмъ не можетъ ничего ѣсть, не выпивши передъ этимъ. Оставшись со мной наединѣ, онъ сказалъ, что хочетъ убить Судейкина: «Этотъ мерзавецъ обманулъ меня кругомъ; царю онъ не представилъ меня, показалъ только Плева и Побѣдоносцеву; кажется, онъ хочетъ меня сдѣлать обыкновеннымъ шпиономъ; за это я ему отомщу»... Потомъ на мои вопросы Сергѣй опять повтѣрилъ, что дѣйствуетъ съ полнаго согласія Исполнительнаго Комитета...

Объ убійствѣ Судейкина я узнала изъ газетъ. Подробности этого ужаснаго дѣла я передамъ опять-таки со словъ Сергѣя, какъ онъ рассказывалъ мнѣ много лѣтъ спустя въ Лондонѣ.

Положеніе семьи Дегаева послѣ убійства Судейкина оказалось несравненно тяжелѣе и хуже, чѣмъ положеніе самого преступника. Моя мать переѣхала ко мнѣ. Каково было этой бѣдной женщинѣ видѣть на всѣхъ перекресткахъ обезображенный портретъ своего

¹⁾ Г-жа Маклецова ошибается. Намъ безусловно извѣстно, что въ доказательство «искренности» своихъ намѣреній, Дегаевъ, еще до фиктивнаго побѣга своего изъ Одесской тюрьмы, изложилъ *письменно* передъ властями все, что только зналъ о революціонномъ движеніи и революціонныхъ дѣятеляхъ. Да безъ такой «гарантіи» развѣ Судейкинъ и отпустилъ бы его когда-нибудь изъ тюрьмы на одно только «честное слово»?
Ред.

любимца съ обозначеніемъ цѣны за его голову! Мы жили тогда въ деревнѣ; становой и другіе чины шпионили за нами, стараясь заработать 10,000 за голову Дегаева. Одна моя сестра была арестована, другая выслана изъ Петербурга; моего мужа и меня постоянно тревожили обысками; когда мой мужъ получилъ хорошее мѣсто, его патрону жандармскій полковникъ немедленно далъ знать, что новый управляющій женатъ на «сестрѣ Дегаева».

Съ другой стороны, знакомые изъ революціонной партіи стали къ намъ относиться холодно и враждебно; я знаю случай, что брату жены Сергѣя было отъ имени Исполнительнаго Комитета приказано (?) выѣхать изъ Петербурга; онъ бросилъ работу и уѣхалъ. Меня, разумѣется, тоже не щадили, тѣмъ болѣе, что я никогда не соглашалась бросить камнемъ въ Сергѣя; я не могла считать его предателемъ изъ корыстныхъ цѣлей, даже въ предательство его я долго не могла повѣрить! Во всякомъ случаѣ, я его считала жертвою ужаснаго заблужденія,—что, будто бы, можно, причиняя непоправимое зло однимъ, устроить благо другихъ. Я всегда считала его фанатикомъ, преступникомъ и безумнымъ, но не корыстнымъ, поэтому я не могла отказать ему въ участіи.

Такъ насъ травили съ двухъ сторонъ, травили долго, нѣсколько лѣтъ... За что?!

А еще было тяжелѣе для меня сознаніе, когда я узнала обо всемъ, что мой братъ предалъ на мученіе столько прекрасныхъ людей... Когда пришла вѣсть объ освобожденіи В. Н. Фигнеръ изъ Шлиссельбурга, я думаю, никто изъ ея ближайшихъ друзей не былъ такъ счастливъ, какъ я, сестра человѣка, погубившаго ее!..

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлась съ Сергѣемъ Дегаевымъ за границей. Мнѣ давно хотѣлось узнать отъ него, какъ произошло убійство Судейкина, судъ въ Парижѣ и приговоръ надъ нимъ партіи народовольцевъ.

Опять напоминаю, что передаю фактъ со словъ Сергѣя ¹⁾.

Рѣшивъ заманить Судейкина для того, чтобы убить его, Сергѣй сообщилъ ему, что въ такой-то день ожидаетъ къ себѣ на квартиру барыню изъ провинціи съ очень важными документами. Судейкинъ и раньше бывалъ у Сергѣя, поэтому не было ничего страннаго въ томъ, что Сергѣй просилъ его присутствовать лично при свиданіи съ пріѣзжей изъ провинціи. Между тѣмъ, Сергѣй спряталъ у себя на квартирѣ двухъ террористовъ, а самъ долженъ былъ встрѣтить Судейкина и подать знакъ къ нападенію выстрѣломъ. Судейкинъ явился съ племянникомъ. «А гдѣ же ваша барыня, Сергѣй Петровичъ?» спросилъ онъ Сергѣя. Сергѣй что-то отвѣчалъ ему и повелъ въ заднюю комнату. Когда они сѣли у стола, Сергѣй выхватилъ револьверъ и выстрѣломъ ранилъ Судейкина. «Дегаевъ! что вы дѣлаете?!» закричалъ тотъ и бросился въ

¹⁾ Разсказъ Дегаева требуетъ провѣрки и поправки.

переднюю, гдѣ въ то время уже убивали его племянника. Сергѣй вмѣстѣ съ другими участниками билъ Судейкина во время борьбы въ ватерклозетѣ... Затѣмъ, такъ какъ дѣло было кончено, онъ надѣлъ пальто и медленно спустился по лѣстницѣ. Въ ухахъ у него все время стоялъ страшный крикъ Судейкина, но на лицѣ, вѣроятно, не отражались ни ужасъ, ни растерянность, такъ какъ, когда ему пришлось проходить мимо швейцара, тотъ, по обыкновенію, всталъ, поклонился ему и пропустилъ мимо, не замѣтивъ въ немъ ничего особеннаго.

Сергѣй рассказывалъ, что другой ужасный моментъ онъ пережили, когда поѣздъ, на которомъ онъ ѣхалъ за границу, стоялъ почему-то долѣе обыкновеннаго къ Гатчинѣ... Каждую минуту онъ ожидалъ, что арестуютъ его.

На границѣ ему пришлось прожить два дня въ ожиданіи, когда привезутъ ему паспортъ. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ на судъ своихъ бывшихъ товарищей. Надо прибавить одну черту: жена Дегаева жила въ это время въ Парижѣ и каждый день ходила обѣдать къ Л. Тихомирову.

Сергѣй пришелъ тоже къ Тихомирову и, сообщивъ о смерти Судейкина, предложилъ самому привести надъ собой въ исполненіе смертный приговоръ, если народовольцы сочтутъ это дѣйствіе полезнымъ для партіи. Л. Тихомировъ обѣщалъ переговорить съ другими членами «Народной Воли» (имена ихъ я не могу припомнить) и сообщить Сергѣю рѣшеніе суда. Сергѣй ждалъ 3 дня... «Если бы тебѣ вынесли смертный приговоръ, ты бы исполнилъ его?» спросила я. «Разумѣется», отвѣчалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія.

Но приговоръ ему вынесли другой; имя его было предано безчестію, онъ былъ изгнанъ изъ партіи, и ему было запрещено когда бы то ни было, подъ страхомъ смерти, принимать участіе въ политической дѣятельности партіи.

Это былъ жестокій, но справедливый приговоръ.

Я сообщила все, что мнѣ извѣстно по дѣлу Судейкина и Дегаева. Я не позволила себѣ чернить Сергѣя Дегаева, какъ не позволила бы себѣ его оправдывать... Его преступленіе ужасно...

Н. П. Манлцова (Дегаева).

Письмо г. Курицына и отвѣтъ на него редакціи.

Мы получили отъ завѣдывающаго ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ г. Федора Курицына слѣдующее письмо, которое печатаемъ, не выпуская въ немъ ни одного слова:

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ.

Съ начала текущаго года, какъ въ редактируемомъ Вами журналѣ, такъ равно и въ нѣкоторыхъ другихъ, означенныхъ ниже изданіяхъ, опубликованы воспоминанія о 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ которыхъ авторы воспоминаній (г.г. Виташевскій и Дейчъ) называютъ меня предателемъ.

Не допуская мысли, чтобы журналъ, помѣщая эти воспоминанія, хотѣлъ лишь бросить мнѣ эти тяжкія обвиненія, а не выяснять истину, я прошу васъ не отказать въ помѣщеніи въ журналѣ нижеслѣдующаго объясненія.

Къ величайшему сожалѣнію, изданія, въ которыхъ обнародованы обвиненія меня въ предательствѣ („Былое“, „Вѣстн. Общ. Ветеринаріи“, „Ветеринарн. Обзор.“ и Воспоминанія г. Дейча), попали мнѣ въ руки слишкомъ поздно и при томъ въ такихъ условіяхъ, когда ни о какихъ серьезныхъ возраженіяхъ и разъясненіяхъ нельзя было и помышлять. Только возвратясь въ Ташкентъ изъ Семирѣчья,—гдѣ я былъ въ командировкѣ по борьбѣ съ чумою рогатаго скота, разъѣзжая съ 3 января по 27 мая лишь по селамъ, кишлакамъ и ауламъ,—я получилъ возможность спокойно и подробно ознакомиться со взведенными на меня обвиненіями, возстановить въ памяти событія тридцатилѣтней давности и собрать матеріалы для предварительнаго опроверженія фактовъ и событій, сообщаемыхъ упомянутыми авторами, надѣясь въ недалекомъ будущемъ подкрѣпить свое опроверженіе документальными данными.

Г. Виташевскому, который бросаетъ мнѣ обвиненіе общаго характера („Былое“, февраль, 1906, стр. 227), возражать трудно, такъ какъ онъ совершенно не указываетъ, въ чемъ состояло мое предательство. Голословно называя меня предателемъ, онъ заявляетъ, что ему неизвѣстно, какъ я воспользовался планами, которые онъ повѣдалъ мнѣ, сидя со мной въ одной камерѣ, каковое заявленіе даетъ каждому право думать, что, по его мнѣнію, я воспользовался ими именно такъ, какъ долженъ былъ сдѣлать это предатель.

По поводу приведенныхъ словъ г. Виташевскаго я долженъ сказать, что въ одной камерѣ съ нимъ я не сидѣлъ, такъ какъ за три года моего пребыванія въ Одесской тюрьмѣ, непродолжительное время, когда, за переполненіемъ тюрьмы политическими, одиночныхъ камеръ не хватало, я сидѣлъ въ одной камерѣ сначала съ Дробязгинымъ, а затѣмъ съ Малинкой; но въ сосѣдней съ нимъ камерѣ я дѣйствительно одно время сидѣлъ. Самого Виташевскаго я на свободѣ не зналъ, знакомъ съ нимъ не былъ и, лишь по фразѣ въ его воспоминаніяхъ „я пользовался довольно большимъ успѣхомъ на сценѣ“, я вспомнилъ, что сидѣлъ съ нимъ одно время по сосѣдству, и что онъ рассказывалъ мнѣ черезъ дверную форточку, какъ онъ изъ социальной братіи составилъ странствующую труппу, съ цѣлю за-

работывать деньги. Меня этотъ фактъ тогда сильно поразилъ, а потому до сего времени онъ остался въ памяти, несмотря на тридцатилѣтнюю давность.

Видимо, г. Виташевскій лично съ дѣломъ или дѣлами, по которымъ меня другіе обвиняютъ въ предательствѣ, не знакомъ, но усвоилъ себѣ точку зрѣнія нѣкоторыхъ лицъ, такъ какъ мнѣ теперь извѣстно, что такой взглядъ на меня былъ довольно распространенъ между русскими революціонерами и, въ особенности, за границей между революціонерами-эмигрантами. Почему ему понадобилось опасаться за сообщенные мнѣ планы, и какія основанія послужили къ такимъ опасеніямъ—не знаю. Думаю, однако, что г. Виташевскій никакихъ основаній къ этому не имѣетъ и не можетъ ихъ имѣть, потому что, разъ онъ не знаетъ, какъ я ими воспользовался, то это съ очевидностью указываетъ уже на то, что не было тѣхъ послѣдствій, которыя были бы неизбѣжны, если бы я воспользовался ими, какъ предатель. Если же такихъ основаній нѣтъ и не было, то невольно напрашивается вопросъ, зачѣмъ понадобилось ему высказывать явно нелогичныя опасенія. Неужели только для того, чтобы влести лишь въ воспоминанія красивую по внѣшней формѣ тираду, не задумываясь надъ серьезностью высказываемаго имъ обвиненія.

Что касается г. Дейча, то его обвиненія носятъ болѣе опредѣленный характеръ: онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я, будто бы, выдалъ своихъ сподвижниковъ - Дробязгина, Малинку, Майданскаго, Костюрина и Янковскаго, а кромѣ того, будто бы, изъ-за меня пострадали—Лизогубъ, Чубаровъ, Давиденко, Гобстъ и Виттенбергъ. Цѣлый легионъ лицъ. Ахъ г. Дейчъ, съ какою необыкновенною легкостью вы садитесь на почетное кресло судьи и съ какою поразительной широтой разбрасываете свои обвинительные акты, не затребовавъ даже объясненій отъ обвиняемаго, въ чемъ никогда и никакой судъ не отказывалъ даже простому воронку, прежде чѣмъ предать его позору ссылки, заточенія или какой-либо другой карѣ, а не только человѣку, загубившему десять идейныхъ душъ.

Для своего предварительнаго оправданія по обвиненіямъ г. Дейча я пока воспользуюсь лишь своими воспоминаніями и тѣми данными, которыя до настоящаго времени появились въ русской литературѣ и стали мнѣ извѣстными.

Дробязгинъ, Малинка, Майданскій, Костюринъ и Янковскій, какъ и самъ г. Дейчъ, судились, какъ извѣстно, по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича. Дейчу не безызвѣстно, что всѣ они были выданы прежде всего самимъ потерпѣвшимъ Гориновичемъ, а затѣмъ адвокатомъ Краевымъ и, кажется, матерью Майданскаго. Что настоящее мое заявленіе не плодъ моей фантазіи и не сваливаніе съ больной головы на здоровую,—видно изъ воспоминаній М. Ф. Фроленко („Побѣгъ Алеши Поповича“—такъ звали Костюрина—„Былое“, май, 1906), гдѣ авторъ подробно описываетъ самаго Краева, его отношеніе къ кружку кievскихъ бунтарей и выдачу имъ Костюрина. На роль Краева указываетъ также и г. Виташевскій („Былое“, февраль, 1906, стр. 228). Почему г. Дейчъ въ своихъ воспоминаніяхъ ни словомъ не обмолвился о Краевѣ и всѣ предательства его и другихъ лицъ (Гориновича и, кажется, матери Майданскаго) приписываетъ мнѣ—я рѣшительно не понимаю.

Краевъ былъ арестованъ тотчасъ же послѣ покушенія на жизнь Гориновича—въ августѣ или сентябрѣ 1876 г., т.-е. за 7 или 8 мѣсяцевъ до моего ареста, и сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ около полугода, т.-е. до ареста Костюрина, котораго онъ немедленно и призналъ. Этими онъ убѣдилъ жандармовъ въ правдивости своихъ разоблаченій, послѣ чего онъ и былъ освобожденъ. Меня также онъ призналъ сначала по фотографіи, снятой съ меня по распоряженію жандармовъ въ Николаевѣ, гдѣ я былъ арестованъ; когда же я былъ перевезенъ въ Одесскую тюрьму (въ маѣ 1877 г.), то на другой же день утромъ я услышалъ окликъ у форточки въ двери, ведущей въ общій корридоръ (меня посадили въ башню, которая отдѣлялась отъ общаго корридора узкимъ корридорчикомъ съ двумя дверьми): „здравствуй Ѳедоръ“. Подхожу къ двери и вижу Краева, но уже не изможденнымъ и зеленымъ, какъ его описываетъ Фроленко, а довольно болрымъ и веселымъ. Послѣ сухого отвѣта съ моей стороны (я уже зналъ, что Краевъ началъ всѣхъ выдавать), онъ объяснилъ мнѣ, что находится въ тюремной больницѣ по сосѣдству со мной. Дѣйствительно, башня, въ которой я сидѣлъ, примыкала къ тюремной больницѣ. Затѣмъ онъ началъ оправдываться въ томъ, что призналъ мою фотографію, объяснивъ мнѣ, что иначе поступить онъ не могъ.

такъ какъ меня по фотографической карточкѣ уже раньше признала Майданская, и тутъ же добавили: „Ты пожалуйста не волнуйся, тебя будутъ обвинять не за участіе въ покушеніи на жизнь Гориновича, а только за принадлежность къ кружку бунтарей“. Вслѣдъ за этимъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Скажи пожалуйста, гдѣ эти подлещи (онъ назвалъ трехъ лицъ, отправившихся, по его словамъ, въ Одессу съ Гориновичемъ), которые устроили такое ужасное дѣло, и за которыхъ мы должны вотъ тутъ сидѣть?“ Я коротко и сухо отвѣтилъ незнаемъ. Послѣ этого онъ предложилъ мнѣ чаю, сахару и табаку, но я отъ нихъ отказался. Затѣмъ мы разошлись, при чемъ онъ сказалъ мнѣ, что скоро увидимся; больше я его уже не видалъ. Вслѣдъ за этимъ вошелъ ключникъ и, запирая за мною вторую дверь, сказалъ, что будто бы онъ получилъ нагоняй за допущенный разговоръ мой съ Краевымъ.

Подобнымъ же образомъ Краевъ призналъ впоследствии Дробязгина и Малинку, которые были арестованы въ 1878 г., т.-е. черезъ годъ приблизительно послѣ моего ареста.

Что же касается Майданскаго, то онъ жилъ вмѣстѣ съ своей матерью въ Елисаветградѣ, гдѣ отбывалъ воинскую повинность, въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Онъ былъ арестованъ тотчасъ же послѣ покушенія на жизнь Гориновича, такъ какъ, согласно показаніямъ послѣдняго, Дейчъ выѣхалъ съ нимъ въ Одессу изъ квартиры Майданскаго въ Елисаветградѣ. Почему Майданскій не бѣжалъ изъ Елисаветграда послѣ покушенія, какъ это сдѣлали всѣ другіе, я и по настоящее время не могу себѣ объяснить.

Такимъ образомъ, ближайшіе участники въ покушеніи на жизнь Гориновича были указаны прежде всего самимъ Гориновичемъ, а затѣмъ къ этому процессу были пристегнуты тѣ члены кружка кievскихъ бунтарей, которые бывали въ Елисаветградѣ, и которыхъ зналъ Краевъ. Благодаря этому, во 1-хъ, были привлечены къ этому дѣлу и осуждены по оному нѣкоторыя лица, рѣшительно никакого отношенія къ покушенію на жизнь Гориновича не имѣвшія, и во 2-хъ, остались не замѣшанными въ дѣлѣ всѣ остальные члены кружка бунтарей, которыхъ Краевъ не зналъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. Понятно, если бы я рѣшилъ купить себѣ свободу и благополучіе позорной предателя, то результатъ моего предательства былъ бы совершенно иной, такъ какъ я близко стоялъ къ указанному кружку, и дѣло о покушеніи на жизнь Гориновича, несомнѣнно, потеряло бы нѣсколькихъ участниковъ, но зато, также несомнѣнно, возникъ бы какой-нибудь новый громкій процессъ вообще о кружкѣ бунтарей, къ которому было бы привлечено, въ качествѣ обвиняемыхъ, много лицъ, оставшихся на свободѣ.

На стр. 15 своихъ воспоминаній г. Дейчъ такъ формулируетъ обвиненіе меня въ предательствѣ: „Въ тюрьмѣ онъ сталъ предателемъ, о чемъ никто изъ товарищей не подозрѣвалъ. Онъ не только выдавалъ, что зналъ, но, бесѣдуя со вновь прибывшими, узнавалъ, что дѣлается на волѣ и немедленно передавалъ узнанное жандармамъ“.

Я просидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ 1877, 1878 и 1879 г.г. Первоначально, почти въ теченіе года, политическихъ заключенныхъ кромѣ меня въ тюрьмѣ не было; по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе сохранилось у меня до сихъ поръ. Арестованный ранѣе меня Майданскій, кажется, находился въ Елисаветградской тюрьмѣ, а арестованный вмѣстѣ со мной въ Николаевѣ Янковскій остался въ Николаевской тюрьмѣ и уже впоследствии былъ перевезенъ въ Одессу, а можетъ быть, онъ былъ выпущенъ на свободу и вторично арестованъ,—теперь не припомню. Только въ 1878 г., почти черезъ годъ послѣ моего ареста, тюрьма какъ-то сразу начала наполняться: арестованы были Малинка и Дробязгинъ, цѣлый кружокъ Ковальскаго (человѣкъ 15). Чубаровъ съ компаніей, Лизогубъ и другіе. Все это, повторю, нахлынуло сразу, почему Одесская тюрьма, приблизительно съ марта 1878 г. по сентябрь 1879 г., была полна политическими заключенными; одиночныхъ камеръ не хватало, и нѣкоторое время насъ садили по два человѣка въ камеру. Вслѣдствіе такого переполненія тюрьмы, всѣ политическіе лица общою жизнью, и каждый шагъ сосѣда или находившагося въ общемъ корридорѣ былъ извѣстенъ всѣмъ.

Возможно ли при такихъ условіяхъ, не возбуждая тотчасъ же подозрѣнія товарищей, передавать что-нибудь жандармамъ? Всякій вызовъ въ контору, гдѣ происходили свиданія съ родными, а также бесѣды съ жандармами, возбуждалъ

вполнѣ понятное любопытство сосѣдей и остальныхъ заключенныхъ и не могъ быть для нихъ тайнымъ, равно какъ и причина вызова. Вызовы меня въ контору были бы для нихъ особенно интересны, потому что въ Одессѣ у меня не было никого изъ родныхъ, а потому никакими свиданіями я и не пользовался. Не вызывали подозрѣнія и вызовы меня къ жандармамъ, потому, что я вызывался къ нимъ за все время моего пребыванія въ тюрьмѣ всего лишь два раза, да и то въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ своего заключенія для официального допроса по дѣлу, когда тюрьма еще пустовала отъ политическихъ. Въ остальные же два года съ лишнимъ я не видѣлъ ни одного жандарма и ни разу не вызывался ни для какихъ свиданій въ контору тюрьмы. Письменные сношенія также были для меня невозможны, такъ какъ прежде всего заключенныхъ предупредили бы ключники о томъ, что такого-то заключеннаго нужно опасаться, ибо только черезъ ключниковъ велись сношенія заключенныхъ съ внѣшнимъ міромъ, и черезъ нихъ получали заключенные, конечно не даромъ, нѣкоторыя послабленія въ тюремномъ режимѣ, а потому само собою понятно, что заключенный, имѣющій тайныя сношенія съ жандармами, представлялъ бы для самихъ ключниковъ серьезную опасность, которой они постарались бы избѣжать, предупредивъ о томъ остальныхъ заключенныхъ. Наконецъ, цѣльма такого предательства могло бы быть лишь получение свободы отъ заключенія, которую, напр. Краевъ такимъ способомъ немедленно и получилъ; да и не одинъ Краевъ, подобные же случаи бывали и затѣмъ. Я былъ въ то время гораздо болѣе въ курсѣ революціонныхъ дѣлъ, нежели Краевъ, а потому могъ бы дать жандармамъ болѣе цѣнныя свѣдѣнія; освобожденіе меня изъ тюрьмы съ отдачей подъ надзоръ полиціи не могло вызвать подозрѣній среди дѣйствующихъ революціонныхъ кружковъ, потому что къ мнѣ предъявлялись сравнительно легкія обвиненія—въ хожденіи въ народъ, въ качествѣ офени, и знакомствѣ съ членами кружка кievскихъ бунтарей. Зачѣмъ спрашивается, меня, предателя, услугами котораго съ гораздо большимъ успехомъ можно было бы воспользоваться на свободу, держали въ заточеніи три года, т. е., столько, сколько никто изъ арестованныхъ въ то время не сидѣлъ въ тюрьмѣ, да при этомъ дежали, какъ крестьянина, на крестьянскомъ положеніи, по которому на продовольствіе арестанта полагалось лишь 7 коп. въ день, а затѣмъ освободили изъ тюрьмы не только по окончаніи всѣхъ процессовъ, но даже по приведеніи въ исполненіе всѣхъ приговоровъ, состоявшихся по этимъ процессамъ. Нѣтъ, не было, да, полагаю, и не найдется предателя, который согласился бы получать такую награду за тѣ даваемые жандармамъ важныя свѣдѣнія, которыя приписываетъ г. Дейчъ мнѣ.

Далѣе, Дейчъ говоритъ, что я предалъ Лизогуба. До своего ареста я Лизогуба не зналъ, не видѣлъ и ничего о немъ не слышалъ и теперь не знаю, принадлежалъ ли онъ въ то время къ какому-либо социалистическому кружку. Точнѣе также послѣ его ареста въ одной камерѣ съ нимъ я не сидѣлъ и только нѣкоторое время сидѣлъ съ нимъ въ одномъ корридорѣ. Опроверженія по обвиненіи меня въ предательствѣ Лизогуба имѣются въ „Исторіи революціонныхъ движеній“ Туна, гдѣ, на стр. 300, авторъ говоритъ, что Лизогуба выдалъ Дриго, воспользовавшись деньгами Лизогуба, предназначенными на революціонныя цѣли. Такое же доказательство, но болѣе сильное, моея непричастности къ аресту и предательству Лизогуба находится въ объясненіи Александра Михайлова, даннымъ имъ на судѣ въ процессѣ 20 народолюбцевъ въ 1882 г. („Былое, январь, 1906, стр. 297—299). Въ своемъ объясненіи Михайловъ подробно излагаетъ, какъ на Лизогуба палъ оговоръ Веледицаго, благодаря которому онъ былъ арестованъ, а затѣмъ съ тою же подробностью касается предательства Дриго, благодаря которому чуть не арестовали въ Черниговѣ и самого Михайлова. Эти три страницы объясненія Михайлова съ достаточной ясностью говорятъ, что къ дѣлу Лизогуба, я совершенно не причастенъ и, что обвиненія меня въ предательствѣ Лизогуба—не болѣе, какъ плодъ незнанія обстоятельствъ дѣла и ошибочнаго заключенія.

Что касается Чубарова и Давиденко, то о нихъ въ трудѣ Туна „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“, на стр. 218 говорится: „если я не ошибаюсь, то уже осенью 1878 г. южнорусскіе бунтари Давиденко, унтеръ-офицеръ Логовенко, Чубаровъ и другіе, при содѣйствіи офицеровъ флота, подложили близъ города Николаева мину, единственную, которая была открыта полиціей до покушенія“. Дѣло идетъ о покушеніи на жизнь Императора Александра II.

Чубарова я до своего ареста зналъ, но Давиденко совершенно не зналъ и онъ, скрлько мнѣ помнится, въ Одесской тюрьмѣ не сидѣлъ, а находился до процесса въ Кіевской тюрьмѣ. Въ бытность мою на свободѣ онъ, кажется, къ кружку бунтарей не принадлежалъ. Помнится мнѣ, что въ тюрьмѣ фигурировала фамилія моряка Склярова или Скорнякова, который выдалъ Чубарова, Давиденко. Логовенко и всѣхъ остальныхъ членовъ Николаевского кружка, указавъ, гдѣ заложена мина, и гдѣ добывался динамитъ. Я не понимаю, какимъ образомъ г. Дейчъ рѣшается обвинять меня въ предательствѣ Чубарова и Давиденко, когда я уже за годъ слишкомъ до дѣла, по которому они были привлечены, попалъ въ одиночное заключеніе и при томъ, сколько мнѣ помнится, сидѣлъ въ тюрьмѣ изъ политическихъ одинъ, такъ какъ арестованнаго до меня Краева выпустили вслѣдъ за выдачею имъ участниковъ дѣла о покушеніи на жизнь Гориновича, а Костюринъ еще до моего ареста изъ заключенія бѣжалъ.

Кто были Гобстъ и Виттенбергъ, по какому дѣлу они были осуждены, и въ какой тюрьмѣ сидѣли, — не знаю, и фамиліи ихъ впервые слышу; въ Одесской тюрьмѣ ихъ, кажется, не было.

Вотъ все, что я могу пока возразить на брошенное мнѣ обвиненіе г.г. Виташевскимъ и Дейчемъ въ предательствѣ. Думаю, что всякій непредубѣжденный читатель пойметъ, что обвиненія эти ошибочны. Возможность такой ошибки при отсутствіи объективнаго изслѣдованія обстоятельствъ дѣла, не могутъ отрицать даже упомянутые авторы. Тѣмъ не менѣе и, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ объективнаго освѣщенія вопроса мною приняты въ настоящее время всѣ мѣры къ опроверженію введенныхъ на меня обвиненій при помощи документальныхъ данныхъ, которыя я тотчасъ по полученіи къ тому возможности не замедлю представить на судъ общества.

Мнѣ могутъ сказать, однако: дыму безъ огня не бываетъ. Я это знаю, и вотъ это-то обстоятельство заставило меня искать въ моемъ прошломъ тотъ огонь, который далъ смрадный дымъ, въ формѣ обвиненія меня въ предательствѣ. Перебравъ въ своей памяти все прошлое, я, дѣйствительно, нахожу въ немъ нѣкоторые моменты, которые при недостаточномъ знакомствѣ съ сопровождавшими ихъ обстоятельствами, могли вызвать серьезныя предположенія, относительно моего образа дѣйствій, которыя выросли затѣмъ въ форменныя обвиненія. Эти моменты требуютъ объясненія, и поэтому я прошу еще нѣсколько минутъ вниманія. Возвращаюсь къ моему сидѣнію въ тюрьмѣ.

Въ теченіе перваго года моего заключенія тюремный режимъ былъ необыкновенно суровъ: не было ни прогулокъ, ни книгъ. Первый выходъ мой изъ камеры былъ въ баню, послѣ пятимѣсячнаго сидѣнія въ четырехъ стѣнахъ, да еще на крестьянскомъ положеніи. Съ назначеніемъ одесскимъ градоначальникомъ генерала Гейца, дѣло измѣнилось значительно къ лучшему: была разрѣшена прогулка, начали почти еженедѣльно водить въ баню и даже разрѣшили читать книги.

Въ 1878 г. Одесская тюрьма начала быстро наполняться политическими, и житье сдѣлалось лучше, такъ какъ явилась возможность переговоровъ въ дверную форточку, а кромѣ того, пошло перестукиваніе. У вновь прибывшихъ арестованныхъ по политическимъ дѣламъ я, больше всего, кажется, у арестованныхъ по дѣлу Ковальскаго, были въ Одессѣ родственники, при посредствѣ которыхъ была организована помощь извнѣ: приносились въ большомъ количествѣ табакъ, чай, сахаръ и даже одно время обѣды. Въ половинѣ 1878 г. тюрьма была уже переполнена политическими, не хватало одиночныхъ камеръ, стали насъ сажать по двое и, помню, мнѣ пришлось сидѣть сначала съ Дробязгинымъ, а потомъ съ Малинкой. Устраивались развлечения—пѣніе, бесѣды въ дверныя форточки съ сосѣдями и рассказы. Я обладалъ хорошимъ голосомъ, и меня часто просили пѣть, не дурно пѣлъ Кравцевъ, съ которымъ мы и чередовались. Большое удовольствіе своими рассказами доставлялъ морякъ Логовенко.

Съ учащеніемъ террористическихъ актовъ со стороны революционеровъ, находящихся на свободѣ, усиливалась строгость тюремнаго режима, что со стороны заключенныхъ вызвало протесты и, кажется, въ это именно время въ Одесской тюрьмѣ впервые устроена была голодовка.

Въ 1879 г. правительство приступило къ ликвидаціи политическихъ дѣлъ, и къ сентябрю этого года тюрьма почти опустѣла, остались только причастные къ дѣлу о покушеніи на Гориновича. Результатомъ ликвидаціи политическихъ

дѣлъ было нѣсколько человекъ казенныхъ (Ковальскій, Чубаровъ, Лизогубъ, Логовенко), много сослано въ каторжныя работы, на поселеніе и просто административнымъ порядкомъ. По мѣрѣ того, какъ освобождались камеры, насъ рассаживали, и уже въ сентябрѣ 1879 г. вдвоемъ никто не сидѣлъ, а въ октябрѣ, когда остались въ тюрьмѣ только одни, замѣшанные въ нашемъ дѣлѣ, насъ шесть человекъ рассадили даже по разнымъ корридорамъ и, такимъ образомъ, получилось снова полное одиночество. Истомленнаго и истощеннаго почти трехлѣтнимъ заключеніемъ это новое одиночество, при отсутствіи мало-мальски сноснаго питанія, привело меня въ ужасное состояніе. Сильный отъ природы организмъ окончательно расшатался, нервы истрепались, и я близокъ былъ къ сумасшествію. Позвали врача, который назначилъ мнѣ болыничную порцію и распорядился, чтобы къ обѣду давали еще унцъ водки съ какими-то каплями. Затѣмъ было предпринято лѣченіе бромомъ и, наконецъ, ваннами и душами (въ тюремной банѣ), но было неудачно и, помимо ухудшенія, вызвало во мнѣ чувство страха къ холодной водѣ, сохранившееся и по настоящее время.

Въ октябрѣ или ноябрѣ 1879 г. мнѣ вручили, наконецъ, обвинительный актъ, составленный Одесской Судебной Палатой, и я прочелъ въ немъ, что меня обвиняютъ въ знаніи и недонесеніи о существованіи тайнаго сообщества. Отъ обвиненія въ участіи въ покушеніи на жизнь Гориневича я былъ изъятъ, что меня немного успокоило.

Какъ уже выше было сказано, въ тюрьмѣ я часто пѣлъ, и вотъ, вскорѣ послѣ полученія обвинительнаго акта, въ одну изъ минутъ тяжелой грусти запѣлъ я пѣсню Наташи изъ оперы „Опричники“, Чайковского. „Соловушка въ дубравушкѣ звонко свищетъ, а дѣвушка въ теремочкѣ слезно плачетъ“ и т. д. Чудная, простая, народная мелодія, превосходно гармонизированная такимъ великимъ мастеромъ, какъ Чайковскій, производила на сосѣдей, видимо, глубокое впечатлѣніе, и въ тюрьмѣ меня часто заставляли ее пѣть. Какъ потомъ оказалось, во время пѣнія вошелъ въ корридоръ помощникъ управляющаго канцеляріей генераль-губернатора, Стародубцевъ, котораго раньше мы принимали за прокурора. Смотритель бросился было водворять порядокъ, но былъ остановленъ. Немного спустя послѣ окончанія пѣнія, Стародубцевъ вошелъ ко мнѣ въ камеру и обратился съ обычнымъ вопросомъ: „не имѣете ли что заявить“. Я отвѣтилъ, „что мнѣ заявлять, обвинительный актъ получилъ и теперь жду конца, хотя, можетъ быть, и неприятнаго, но все-таки конца.“ — „Вы сидите по дѣлу о Гориневичѣ?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ сказалъ: „имѣйте въ виду, что дѣло это, по рѣшенію генераль-губернатора, будетъ разсматривать военно-окружный судъ, при чемъ ему будутъ преданы только серьезно замѣшанные, къ остальнымъ же будетъ примѣнена административная высылка. Дѣло это вчера передано мнѣ, и на дняхъ я буду докладывать его генераль-губернатору. Вы серьезно замѣшаны или нѣтъ, въ чемъ васъ обвиняютъ?“ — „Въ знаніи и недонесеніи о существованіи тайнаго сообщества, какъ гласитъ обвинительный актъ; не знаю—серьезно это или нѣтъ.“ — „Ну, это пустяки. А сколько времени вы сидите?“ „Около трехъ лѣтъ, съ 1 апрѣля 1877 г.“ — „Вѣроятно, къ вамъ будетъ примѣнена административная ссылка“ сказалъ онъ и ушелъ. Хотя словамъ Стародубцева, относящимся ко мнѣ, я и не довѣрялъ и вообще мало реагировалъ на нихъ, но военный судъ меня привелъ въ уныніе, ибо, послѣ покушенія на жизнь Александра II, убійства генерала Мезенцова и цѣлага ряда другихъ террористическихъ актовъ со стороны революціонеровъ, отъ военного суда ничего хорошаго нельзя было ожидать.

Дня черезъ два или три послѣ изложеннаго выше разговора съ Стародубцевымъ, меня и другихъ участниковъ процесса перевезли ночью въ казармы, гдѣ устроено было помѣщеніе для военного суда и камеры для обвиняемыхъ. Наконецъ, въ началѣ декабря, котораго числа—теперь не помню, состоялся судъ, присудившій Малинку, Дробязгина, Майданскаго и Костюрина къ смертной казни, а Янковскаго въ каторжныя работы; Костюрину смертная казнь была также замѣнена каторгой. Меня на судъ не вызывали, изъ чего я заключилъ, что слова Стародубцева были справедливы. Дней черезъ десять послѣ суда, когда уже разговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, ко мнѣ заходитъ Стародубцевъ и говорить „Вы, вѣроятно, догадались, что вамъ предстоитъ административная ссылка? — „Да, я догадался, но мнѣ интересно было бы знать куда?“ — „Этого я, къ сожалѣнію, не знаю; но скажите пожалуйста, вы до сего времени остаетесь убѣж-

деннымъ социалистомъ и придерживаетесь старыхъ взглядовъ?“ Я отвѣтилъ, что еще до тюрьмы у меня появилось нѣкоторое разочарованіе въ прежней дѣятельности, и я ѣхалъ въ Харьковъ, чтобы снова поступить въ Институтъ, но случайно дорогой былъ арестованъ. „Видите ли,—сказалъ онъ,—вы обладаете талантомъ, у васъ отличный голосъ, было бы жаль, если бы онъ пропалъ такъ зря. Совѣтую вамъ, подавайте генераль-губернатору прошеніе объ освобожденіи всѣхъ отъ ссылки 19-го февраля будетъ праздноваться двадцатипятилѣтіе царствования Государя, будутъ амнистии, и ваше дѣло выгоритъ. Но для этого необходимо помѣстить въ прошеніи чистосердечное сознаніе по вашему дѣлу, ваше показаніе на слѣдствіи слишкомъ кратко“. „Прибавить къ слѣдствію что-нибудь—я не могу, повторять данная слѣдствія—нѣтъ смысла, такъ что я не думаю, чтобы прошеніе мое имѣло успѣхъ“.— „Настойчиво совѣтую вамъ писать, имѣйте въ виду, что я являюсь докладчикомъ по этимъ дѣламъ у генераль-губернатора, и приму съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы прошеніе не осталось безрезультатнымъ“. Съ одной стороны, жажда свободы, а съ другой—надежда продолжать слушаніе лекцій охватили всю душу; истомленный, изнервничавшійся до послѣдней степени я не находилъ въ себѣ силъ бороться съ этимъ чувствомъ, которое укрѣплялось еще сознаніемъ, что, оставаясь въ предѣлахъ, добытыхъ слѣдствіемъ, я не могу никому и ничему повредить, такъ какъ процессъ по этому слѣдствію не только уже законченъ, но и приговоръ суда приведенъ въ исполненіе. Подъ давленіемъ этихъ чувствъ я написалъ свое прошеніе, въ которомъ абсолютно ни одного слова не прибавилъ къ даннымъ, добытымъ слѣдствіемъ, и передалъ его Стародубцеву. Онъ, однако, не удовлетворился этимъ и черезъ три или четыре дня привезъ мнѣ прошеніе въ передѣланномъ видѣ и, оставивъ его у меня до слѣдующаго дня, сказалъ „надѣюсь, что вы это подпишете“. Въ этомъ прошеніи къ написанному мною было добавлено цѣлое показаніе по дѣлу Лизогуба, взятое Стародубцевымъ также изъ судебного слѣдствія, и въ томъ числѣ изложеніе программы его кружка. Я понималъ, что я, какъ въ своемъ дѣлѣ, такъ и въ дѣлѣ Лизогуба, казеннаго еще раньше моихъ сопроцессниковъ, *не могу повредить никому и ничему*; тѣмъ не менѣе я рѣшилъ прошеніе не подписывать, что и объявилъ Стародубцеву на слѣдующій день. На возраженія Стародубцева я заявилъ, что его добавленія къ моему прошенію,—относительно процесса Лизогуба и еще чего-то такого, что я не хотѣлъ подписывать, хотя такого же безвреднаго,—мнѣ не нравятся, во-первыхъ, потому, что къ этому процессу я не имѣю отношенія и, во-вторыхъ, потому, что мнѣ стыдно подписывать добытое слѣдствіемъ вранье, и объяснилъ ему, что, сколько мнѣ извѣстно отъ товарищей по заключенію, никакого кружка Лизогуба не было и нѣтъ, что онъ самъ въ революціонномъ дѣлѣ былъ на второмъ, а то и на третьемъ планѣ, являясь цѣннымъ для революціи только своими деньгами, и былъ казненъ совершенно напрасно. Стародубцевъ категорически возсталъ противъ исключенія всего, что написано про Лизогуба, заявивъ, что генераль-губернаторъ придаетъ большое значеніе Лизогубу и полагаетъ, что онъ былъ главаремъ всего революціоннаго движенія и, что лишь при помощи написаннаго онъ можетъ исплопотать мнѣ свободу. При этомъ онъ вновь всячески старался доказать мнѣ, что мое упорство является совершенно бессмысленнымъ, потому что *все, написанное въ прошеніи, касается покойниковъ*, ни имъ самимъ, ни ихъ дѣлу повредить не можетъ, такъ какъ уже рассмотрѣно судомъ и сдано въ архивъ. На просьбу дать мнѣ срокъ подумать онъ заявилъ, что генераль Тотлебенъ куда-то выѣзжаетъ, и когда вернется—неизвѣстно, такъ что думать теперь некогда. Послѣ долгаго разговора, я, наконецъ, рѣшилъ подписать прошеніе и отдалъ его Стародубцеву. Это было приблизительно въ половинѣ декабря 1879 г., а въ январѣ 1880 г. я былъ выпущенъ на свободу подъ надзоръ полиціи.

Мое освобожденіе отъ ссылки, хотя и послѣ трехлѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, полный разрывъ съ прошлымъ, который объясняется совершившимся во мнѣ переворотомъ и, отчасти, словомъ, даннымъ Стародубцеву, содержаніе прошенія, которое не могло, конечно, остаться тайнымъ, да я и не старался объ этомъ,—это и есть тѣ моменты изъ моего прошлаго, которые послужили поводомъ къ подозрѣнію меня въ предательствѣ, скоро выросшіе, при обычной и естественной враждѣ революціонныхъ кружковъ къ своимъ отступникамъ, въ форму-

лированные обвинения. Вотъ гдѣ, по моему глубокому убѣжденію, тотъ огонь, который черезъ тридцать лѣтъ далъ не дымъ, а прямо отвратительную гарь.

Я отнюдь не намѣренъ утверждать, что съ этической точки зрѣнія я совершенно неуязвимъ. Строгій анализъ факта подачи прошенія не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать, что доставило мнѣ много горькихъ минутъ, которыхъ не было бы, если бы я бросилъ революціонную дѣятельность прямо, безъ всякихъ прошеній. Необходимо, однако, при обсужденіи этого факта принять во вниманіе, съ одной стороны, мое душевное состояніе послѣ трехлѣтняго сидѣнія въ тюрьмѣ, съ другой—предстоящую необходимость отправиться въ ссылку на неопредѣленное время, необходимость для меня совершенно бессмысленную, такъ какъ революціонныя идеи мною были уже оставлены и возвратиться къ нимъ я не намѣревался; съ третьей—что только такимъ и никакимъ другимъ способомъ я могъ избавиться отъ этой бессмысленной для меня необходимости и, наконецъ, съ четвертой—что *поступокъ мой абсолютно не могъ принести никому никакого вреда.*

Такимъ образомъ, признавая, что, подавъ прошеніе генераль-губернатору объ освобожденіи меня отъ ссылки, съ изложеніемъ обстоятельствъ революціоннаго движенія, добытыхъ уже судебнымъ слѣдствіемъ и отошедшихъ въ область исторіи, я пошелъ хотя и на вынужденный, но тѣмъ не менѣе прискорбный компромиссъ,—я всѣмъ существомъ протестую противъ обвиненія меня въ предательствѣ.

Отказаться отъ революціонныхъ идей, воспринять по неотъемлемому праву человѣка инныя идеи, воспользоваться историческими данными революціоннаго движенія, какъ единственнымъ способомъ порвать съ революціонной дѣятельностью и ея послѣдствіями, отказавшемуся отъ этихъ идей,—это—одно. А сдѣлаться предателемъ, т. е. перейти во враждебный лагерь и воспользоваться свѣдѣніями, которыя довѣряютъ и довѣряли ему бывшіе единомышленники, не зная о переворотѣ, совершившемся въ его обобзѣ мыслей, для того, чтобы разгромить этихъ единомышленниковъ,—это—другое. Разница между тѣмъ и другимъ колоссальна, и обвинять въ предательствѣ человѣка, повиннаго въ первомъ—и неосновательно, и несправедливо.

Г. Ташкентъ 7 іюля 1906.

Ө. Курицынъ.

Отъ редакціи

Хотя большая часть вышеприведеннаго письма г. Курицына посвящена возраженіямъ не журналу «Былое», а г. Дейчу, тѣмъ не менѣе, мы сочли своею обязанностью напечатать это письмо полностью. Но сдѣлавши это, не меньшею обязанностью своею мы считаемъ и сопроводить письмо г. Курицына такими данными, которыя объяснили бы читателямъ и смыслъ нашего примѣчанія къ напечатанной въ февральской книжкѣ нашего журнала статьѣ Н. А. Виташевскаго. Примѣчаніе это гласитъ: «Рѣчь идетъ о бывшемъ еще недавно старшимъ ветеринарнымъ врачомъ въ Саратовѣ, а нынѣ завѣдывающемъ ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ Ѳеодорѣ Курицынѣ. Изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ видно, что страницы нашего журнала будутъ украшены доблестнымъ именемъ г. Курицына еще не разъ, съ надлежащими къ этому имени комментаріями». (Былое, февраль, стр. 227).

Обратимся же къ тѣмъ даннымъ, о которыхъ мы въ этомъ примѣчаніи упоминали.

Въ 1893 году въ Женевѣ вышелъ № 3 издававшихся «группою старыхъ народовольцевъ» «Матеріаловъ для исторіи. Русскаго Соціально-Революціоннаго движенія». Въ номерѣ этомъ помѣщена біографія умершаго на карійской каторгѣ, осужденнаго въ 1879 году

въ Одессѣ по дѣлу Лизогуба и другихъ, Григорія Анфимовича Попко. Въ біографіи этой имѣются, между прочимъ, такія строки:

«Въ это время (въ 1879 году) сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ студентъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института Ѳедоръ Курицынъ. Арестованъ онъ былъ въ началѣ 77 года по, такъ называемому, Елисаветградскому дѣлу. Сидѣлъ да посиживалъ Курицынъ въ Одесской тюрьмѣ, болталъ немного по своему дѣлу, однако первое время совсѣмъ м—мъ ¹⁾ его назвать было нельзя. Но вотъ «хронически» сидѣть надоѣло Курицыну, и онъ предложилъ свои «услуги» жандармскому правленію. Особенно цѣнныхъ свѣдѣній Курицынъ не могъ дать о творящемся на свободѣ, но могъ предать только своихъ прежнихъ товарищей, что и сдѣлалъ: *благодаря ему, повѣсили Виктора Малинку и Ивана Дробязина*. Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его сажать въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Довѣрчивый и словоохотливый N быстро сходится съ «Ѳедькой» и выкладываетъ ему все, что зналъ, а нерѣдко выдаетъ за дѣйствительность плоды собственнаго воображенія, благо оно еще не остыло... Онъ и себя не жалѣетъ и рисуетъ «ужаснымъ человѣкомъ». За довѣріе, за дружбу Ѳ. Курицынъ платилъ *еженедѣльными рапортами въ жандармское управленіе подъ видомъ „писемъ къ родителямъ“*. Узнали предательство Ѳ. Курицына не скоро, и потому приговоръ по Одесскому дѣлу былъ совершенно непонятенъ. Приписывали этотъ приговоръ показаніямъ А. Боломеза, Василія Веледицкаго, Суворова, а Курицына просмотрѣли. N былъ знакомъ съ Г. А. Попко, благоговѣлъ передъ нимъ и въ яркихъ краскахъ расписывалъ революціонныя добродѣтели Григорія Анфимовича «другу». Къ счастью, N мало зналъ о дѣлахъ Попко; зналъ только, что Попко принималъ участіе въ неудавшейся попыткѣ освободить Малинку и Студзинскаго, да что Попко—террористъ. «Попко—это самый умный, самый способный изъ террористовъ»—рекомендовалъ онъ Попко Курицыну. За хорошей отзывъ N ждала Попко вѣчная каторга». («Матеріалы» стр. 177—178).

Біографія Попко напечатана въ «Матеріалахъ» безъ подписи, но теперъ нѣтъ никакихъ основаній скрывать имя ея автора. Она написана нынѣ покойнымъ, осужденнымъ въ каторжныя работы въ 1879 году въ Кіевѣ, по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи на Жилианской улицѣ (по этому дѣлу повѣшены Брандтнеръ и Свириденко-Антоновъ), Ростиславомъ Андреевичемъ Стеблинъ-Каменскимъ. Біографію Попко, близкимъ другомъ котораго былъ Каменскій, онъ заканчиваетъ страстнымъ призывомъ къ кровавой мести по отношенію къ г. Курицыну («кому суждено увидѣть родину—писалъ Каменскій—пусть такой счастливецъ, прежде, чѣмъ облобызать родную землю, прежде, чѣмъ обнять дорогихъ, близкихъ сердцу людей—пусть вспомнитъ, что убійца Лизогуба, Попко, Малинки, Дробязгина и многихъ другихъ еще живъ» и проч. и проч. Стр. 190), но мы,

¹⁾ Въ цитируемой статьѣ это выраженіе напечатано всѣми буквами.

разумѣтся, указываемъ на это обстоятельство исключительно лишь во свидѣтельство того настроенія, которое существовало въ карійской каторгѣ по отношенію къ г. Курицыну.

Но, можетъ быть, и Р. А. Стеблинъ-Каменскій былъ также введенъ какими-либо обстоятельствами въ заблужденіе и, такимъ образомъ, хотя и *bona fide*, но все-таки «оклеветалъ» г. Курицына.

Допустимъ и это. Но какъ быть вотъ съ чѣмъ:

Въ нашемъ распоряженіи имѣется, изданная въ маѣ 1880 г. *департаментомъ полиціи*, разумѣтся, исключительно для его собственныхъ надобностей, ультра-секретная книга, носящая заглавіе *„Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“*. Эту любопытную книгу мы имѣемъ въ виду дать со временемъ нашимъ читателямъ полностью на страницахъ «Былого» съ соотвѣтствующими, разумѣтся, комментаріями, а въ настоящае время ограничимся нѣсколькими изъ нея цитатами. Въ первой части книги рѣчь идетъ о «преступной организаціи отдѣльнаго сообщества украинофиловъ, сосредоточившагося въ Кіевѣ». Вотъ что говорится тамъ, между прочимъ, о профессорѣ кіевского университета Антоновичѣ и преподавателяхъ Житецкомъ и Беренштамѣ.

«Относительно профессора Антоновича и вышеупомянутыхъ преподавателей Кіевской военной гимназіи Житецкаго и Беренштама *показываетъ Курицынъ* слѣдующее: когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліаніе имѣли, *по словамъ Курицына*, Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ Черниговскаго земства *Линденсъ* или *Линдессъ*, ¹⁾ то на бывшей по этому поводу сходкѣ изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Беренштамъ, являвшіеся въ качествѣ представителей украинофиловъ, съ цѣлью *отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи*». ²⁾ («Сводъ», стр. 9).

Но это, разумѣтся, «цвѣтики» сообщеній г. Курицына. Перейдемъ къ «ягодкамъ».

Въ главѣ третьей «Свода» излагается революціонная дѣятельность Стефановича, Дейча, Левченко и другихъ. Тутъ находятся такія строки:

«Содержась вмѣстѣ съ Левченко, *Курицынъ имѣлъ возможность сблизиться съ нимъ и узнать отъ него многое, какъ о немъ самомъ, такъ и о другихъ революціонныхъ дѣятеляхъ, съ которыми Левченко приходилъ въ соприкосновеніе*». («Сводъ» стр. 48).

¹⁾ Безъ сомнѣнія, гласный Черниговскаго земства, нынѣ покойный *Линфорсъ*.
Ред.

²⁾ Да не смущается читатель вопіющимъ невѣжествомъ, заключеннымъ въ подчеркнутыхъ нами послѣднихъ строкахъ, да помнитъ онъ, что это цитируется произведеніе мудрецовъ изъ департамента полиціи.
Ред.

Идетъ обширное изложеніе дѣятельности Левченко (осужденъ въ каторгу), Мокріевича (каторга), Малинки (повѣшенъ), Савелія Златопольскаго (бывшаго тогда еще на свободѣ), Стефановича, Дейча и многихъ другихъ.

Приведемъ образчикъ:

«Засимъ, *изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Курицинымъ*, со словъ содержащагося въ тюрьмѣ Левченко (онъ же Никитка), видно, что Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій возвратились изъ-за границы въ Россію въ половинѣ сентября 1879 года и поселились въ С.-Петербургѣ, куда Стефановичъ привезъ съ собою типографскія принадлежности, хрустальныя бомбы и другіе снаряды для взрыва. Въ то время Левченко находился въ Одессѣ и, узнавъ изъ сообщенія Стефановича о намѣреніи его прибыть въ Кіевъ, отправился туда для предупрежденія избранныхъ лицъ о приѣздѣ Стефановича.

«По прибытіи его оказалось, что Стефановичъ намѣренъ былъ устроить подпольную типографію для изданія органа революціонной партіи «народниковъ», подобно органу террористовъ «Земля и Воля». Такъ какъ для этой печатни понадобились нѣкоторыя типографскія принадлежности изъ числа тѣхъ, которыя уцѣлѣли отъ прежней типографіи революціонеровъ, спрятанныхъ въ одной деревнѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Кіева, то Левченко, по порученію Стефановича, отправился туда за ними» и проч. и проч. (стр. 47).

Еще образчикъ:

«Въ концѣ 1878 года Никитка уѣхалъ въ Ростовъ на Дону, а потомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ остановился въ той самой квартирѣ, гдѣ были арестованы Дебогорій-Мокріевичъ и много другихъ революціонеровъ; Левченко же избѣжалъ ареста только потому, что переѣхалъ съ этой квартиры за три дня до этого случая, а въ самый моментъ арестованія Мокріевича и другихъ, подходя къ квартирѣ, услышалъ выстрѣлы, вслѣдствіе чего, догадавшись въ чемъ дѣло, успѣлъ скрыться и предупредить о случившемся соумышленниковъ своихъ, которые приглашены были въ эту самую квартиру для принятія участія въ съѣздѣ социалистовъ.

„Съѣздъ этотъ, *по заявленію Курицина*, былъ назначенъ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ, для обсужденія выработанной имъ съ Валеріаномъ Осинскимъ «грандіозной программы» революціонной дѣятельности. Ко дню съѣзда, который назначенъ былъ черезъ недѣлю послѣ ареста Дебогорія-Мокріевича и другихъ лицъ, должны были прибыть социалисты изъ разныхъ мѣстностей Россіи, а потому Никита Левченко и другіе революціонные дѣятели, изъ числа проживавшихъ въ то время въ Кіевѣ, стали дежурить недалеко отъ дома, въ которомъ были арестованы упомянутыя лица и предупреждать всякаго, кто направляется въ этотъ домъ». И пр. и пр. и пр. (Стр. 50).

Еще примѣръ:

Рѣчь идетъ о революціонной дѣятельности одного учителя:

«*Фамиліи означеннаго учителя Левченко Курицину не назвалъ,*

но примѣты его характерны: у него кривыя ноги съ вывороченными во внутрь колѣбнями; съ виду онъ еще молодой человѣкъ». (Стр. 51).

Мы могли бы привести еще многое изъ «сообщеній» въ этомъ же родѣ г. Курицына жандармамъ,—читатели все это прочтуть, когда мы воспроизведемъ на страницахъ нашего журнала «Сводъ» полностью,—а пока перейдемъ къ главѣ VII-й, посвященной, главнымъ образомъ, описанію революціонной дѣятельности казеннаго Д. А. Лизогуба. Глава эта начинается слѣдующими строками:

«Для полноты картины, характеризующей дѣятельность различныхъ соціально-революціонныхъ партій и кружковъ, образовавшихся преимущественно въ Кіевской губерніи, необходимо указать на преступную дѣятельность Черниговскаго помѣщика Димитрія Лизогуба и его революціоннаго круга, *по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя изложены въ показаніи политическаго преступника, бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Курицына, который содержался съ Лизогубомъ въ одной камерѣ, вмѣстѣ съ другими политическими преступниками и потому имѣлъ возможность проверять все известное ему тѣмъ, что онъ слышалъ въ тюрьмѣ при откровенныхъ разговорахъ Лизогуба съ нимъ и другими преступниками, находившимися въ близкихъ отношеніяхъ съ Лизогубомъ, который, по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, былъ казненъ въ августъ 1879 юда*». (Стр. 66—67).

Далѣе слѣдуетъ обширное, основанное на словахъ Курицына, изложеніе дѣятельности Лизогуба и его кружка.

Напр.

«*Курицынъ, со словъ самою Лизогуба объясняетъ, что кружокъ послѣдняго располагалъ наличными денежными средствами, болѣ чѣмъ въ 100000 рублей, составившимися, какъ изъ собственнаго капитала его, Лизогуба, такъ равно и изъ сборовъ съ лицъ, сочувствующихъ стремленіямъ революціонной партіи*». (Стр. 67).

«Выше уже было указано, что Лизогубъ намѣренъ былъ продолжать дѣло Стефановича, Дейча и Бохановскаго, поэтому бунтовская программа, выработанная этими представителями революціонной партіи «народниковъ - бунтарей», легла въ основаніе программы, выработанной Лизогубомъ, для своего революціоннаго кружка. *Программу эту Курицынъ, со словъ самою Лизогуба и другихъ содержавшихся съ нимъ политическихъ преступниковъ, формулируетъ слѣдующимъ образомъ: всякій, принадлежащій, къ этому кружку, обязанъ пользоваться каждымъ возникшимъ гдѣ-либо бунтомъ, а если такового нѣтъ, всѣми возможными средствами стараться вызвать бунты. Средствами къ этому должны служить, главнымъ образомъ, возбужденіе въ народѣ разныхъ неудовольствій и страстей посредствомъ распусканія ложныхъ слуховъ, равно другими способами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ*» и т. д. и т. д. (стр. 68).

«Точно также, *въ виду содѣланныхъ Курицынымъ указаній, что Лизогубъ проектировалъ нѣчто, подобное Чигиринскому дѣлу, на Дону, представляется вѣроятнымъ, что члены образованнаго имъ*

революціоннаго кружка принимали болѣе или менѣе близкое участіе въ вооруженномъ возстаніи, бывшемъ 2 апрѣля 1879 года въ городѣ Ростовѣ на Дону». (Стр. 70).

«Кромѣ сего, *Курицынъ указываетъ* на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, не принадлежа къ кружку Лизогуба, тѣмъ не менѣе, находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ». Таковыя лица—Козина, (*„По словамъ, Курицына* Козина аристократическаго происхожденія, сотрудничаетъ въ журналѣ „Отечественныя Записки“ подъ неполнымъ псевдонимомъ А—ва, пользуется большими связями въ Петербургѣ, живетъ то въ той, то въ другой мѣстности Россіи, то за границей, замужемъ, имѣетъ *двухъ дочерей 11 и 13 лѣтъ, которыя уже вполне усвоили себѣ социальныя ученія* и даже находились одно время подъ руководствомъ такого репетитора, какъ извѣстный революціонеръ Петръ Волошенко, имѣвшій въ революціонной средѣ прозваніе „Волкъ“), Пашенко («личность невыясненная, но, *по словамъ Курицына*, весьма видная въ преступной средѣ»), Виноградскій («*котораго, по словамъ Курицына*, ввелъ въ революціонную среду Пашенко»), Миролубовъ («ему *приписывается Курицынымъ* участіе въ дѣлѣ о кражѣ денегъ изъ Херсонскаго казначейства, такъ какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого дѣла задержаннымъ нынѣ Юрковскимъ. Тотъ же Миролубовъ, *по словамъ Курицына*, поступилъ въ университетъ по подложному документу, писанному рукою осужденнаго въ каторжныя работы Кравцова»), Ліонъ («принималъ, *по словамъ Курицына*, близкое участіе во многихъ революціонныхъ дѣлахъ»), Кулишъ («офицеръ морской службы, принадлежалъ, несомнѣнно, къ революціонной партіи, *такъ какъ Курицынъ встрѣчалъ его у лицъ, принадлежащихъ къ кружку Ковальскаго. По словамъ Курицына*, у Кулиша есть въ Николаевѣ свой революціонный кружокъ, состоящій изъ морскихъ офицеровъ»). (Стр. 70, 71, 72, 73).

Такимъ же точно образомъ въ IX главѣ „Свода“ приводятся „сообщенія“ г. Курицына о докторѣ Волкенштейнѣ, Львѣ Семиренко, И. П. Бѣлоконскомъ («*по словамъ Курицына*, Бѣлоконскій слылъ въ революціонной средѣ за стараго и преданнаго социалиста, часто ѣздившаго въ Петербургъ, откуда онъ привозилъ для распространенія на югъ цѣлыя тюки революціонной газеты «Земля и Воля»), Нестроевой и друг.

О Нестроевой въ „Сводѣ“ говорится слѣдующее:

«*Курицынъ указываетъ*, что въ прошломъ году Бѣлоконскій ѣздилъ за границу по порученію, между прочимъ, богатой помѣщицы Таврической губерніи Нестроевой, жены уѣзднаго предводителя дворянства, которая находится подъ надзоромъ полиціи по Высочайшему повелѣнію. *При этомъ Курицынъ сообщаетъ*, что названная Нестроева извѣстна въ преступной средѣ за весьма сочувствующую революціонному дѣлу и дѣятельно помогаетъ его представителямъ какъ деньгами, такъ и другими, находящимися въ ея распоряженіи средствами. Она завѣдомо даетъ пропагандистамъ

пристанище въ своемъ имѣніи, выдавая ихъ за учителей, приказчиковъ, конторщиковъ, рабочихъ и работницъ.

«Такъ, у нея жили, *по словамъ Курицына*, Дробязгинъ, привлеченный къ дѣлу Барановича; Добровольскій, высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Варвара Виттенъ, осужденная въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго; Ивановская, привлекавшаяся къ тому же дѣлу; Елена Виттенъ, по мужу Россикова, главная участница кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства и многіе другіе революціонеры. Кромѣ сего, *по словамъ Курицына*, названная Нестроева привозила изъ-за границы запрещенныя сочиненія и снабдила одного пропагандиста деньгами, на которыя тотъ открылъ, будто бы, въ Кіевской губерніи кожевенное мастерство, будучи самъ знатокомъ кожевеннаго ремесла». («Сводъ», стр. 85—86).

Въ главѣ XI-й «Свода» въ числѣ многихъ другихъ указаній на г. Курицына, какъ на источникъ, изъ котораго департаментъ полиціи заимствуетъ свои свѣдѣнія о личностяхъ различныхъ революціонеровъ и ихъ дѣятельности, имѣются и такія, напр., строки:

«Засимъ *Курицынъ указываетъ*, что въ числѣ участниковъ кружка Мощенкова и Быковцева находилось много лицъ *изъ числа нынѣ привлеченныхъ къ дѣлу* о Харьковскомъ революціонномъ обществѣ» (стр. 94).

Въ главѣ XIII идетъ, между прочимъ, рассказъ о дѣлѣ Засуличъ. *Курицынъ сообщаетъ*, что, послѣ оправдательнаго приговора суда, Засуличъ скрывалась около мѣсяца у сотрудника журнала «Отечественныя Записки» Жемчужникова, гдѣ она познакомилась со многими революціонными дѣятелями, до этого ее совершенно не знавшими» (стр. 101).

Тамъ же, по поводу убійства въ Кіевѣ жандармскаго офицера барона Гейкинга. говорится слѣдующее:

«По поводу этого убійства *Курицынъ, со словъ Никиты Левченко, говоритъ*, что убійцею былъ социалистъ, пріѣхавшій съ сѣвера, великороссъ, высокаго роста, стройный, красивый, съ русыми волосами» (стр. 102).

Но, не довольно ли? Все вышеизложенное стѣдитъ только сопоставить съ категорическимъ заявленіемъ г. Курицына томъ, что въ его «прошеніи» онъ говорилъ исключительно о «покойникахъ» и что «поступокъ его *абсолютно не моѣ принести никому никакого вреда*», чтобы оцѣнить по достоинству все его вышеприведенное письмо. Если революціонеры «оклеветали» г. Курицына, то въ еще большей степени этого, очевидно, невиннаго человѣка «оклеветалъ»... департаментъ полиціи. Мы печатаемъ и письмо г. Курицына, и имѣющіяся у насъ данныя объ его «показаніяхъ», «указаніяхъ» и «сообщеніяхъ» о мертвыхъ и живыхъ, арестованныхъ и находившихся на свободѣ, мужчинахъ и женщинахъ, взрослыхъ и дѣтяхъ¹⁾... Судью здѣсь, какъ и вездѣ, будетъ, конечно, общественное мнѣніе.

¹⁾ Тринадцати и одиннадцати лѣтнихъ дочеряхъ г-жи Козиной, какъ о лицахъ, уже «усвоившихъ себѣ социальныя ученія»!!!

Историческая бібліографія.

Драгомановъ. М. П. *Собраніе политическихъ сочиненій съ біографическими очерками и портретами автора. т. II. Парижъ. Изданіе редакціи „Освобожденія“ на средства украинцевъ-демократовъ. Ц. 10 фр. 1906 г.*

Вышедшій въ Парижѣ второй томъ политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова заставляетъ насъ снова вернуться къ личности и мыслямъ украинскаго безсмертнаго публициста. Если въ первомъ томѣ въ его изслѣдованіи «Историческая Польша и великорусская демократія», и въ его «Опытѣ украинской политико-соціальной программы» опредѣленно выразились взгляды Драгоманова на національный вопросъ и на автономію Польши и Украины, а также и на взаимныя отношенія украинцевъ, поляковъ и великороссовъ, то во второмъ томѣ передъ читателемъ выясняется вся широта общаго политическаго міросозерцанія автора. Совершенно цѣльное и опредѣленное, это міросозерцаніе давало Драгоманову всегда вѣрное пониманіе совершавшихся передъ нимъ политическимъ фактовъ жизни хорошо знакомаго ему славянскаго міра, а не одной только Россіи; оно же открывало передъ нимъ ошибки, дѣлаемые нашими политическими партіями, часто въ увлеченіи борьбы принимавшими черезчуръ одностороннее направленіе. Такова его критика и оцѣнка террора, какъ систематическаго способа борьбы (См. «Тиранубійство въ Россіи и поведеніе Западной Европы», «Терроризмъ и Свобода», «Обаятельность энергіи» и др.), его упреки въ централизмъ революціонеровъ, недостаточномъ уваженіи многихъ этическихъ требованій, одинаково обязательныхъ для всѣхъ людей, во имя чего бы они ни работали. Такъ же рѣзко осуждаетъ Драгомановъ, такъ называемыя, «студенческія волненія» въ Россіи и держится того взгляда, что «академической свободы не можетъ быть безъ общей политической, а эта послѣдняя не можетъ быть достигнута усиліями студентовъ, она требуетъ усилій гражданъ, общества». Широта взглядовъ Драгоманова позволяетъ имъ сохранять свою вѣрность и свѣжесть и черезъ 20—30 лѣтъ послѣ того, какъ они впервые были печатно высказаны. Тридцать лѣтъ тому назадъ Драгомановъ, часто наперекоръ современнымъ ему соціальнымъ теоріямъ, ставилъ въ первую очередь для спасенія Россіи ясно сформулированное требованіе политической свободы и основаннаго на ней коренного пе-

реустройства всей внутренней и внѣшней политической жизни какъ центра Россіи, такъ и составляющихъ ее разнообразныхъ областей. Громко говорилъ онъ, обращаясь ко всей Европѣ, что всѣ сторонники мира и противники національныхъ антагонизмовъ, всѣ, кто не желаетъ на востокѣ Европы ни турецкаго, ни берлинскаго, ни московскаго деспотизма, ни австрійскаго лицемѣрія,—всѣ должны поддержать своимъ сочувствіемъ именно либеральное, федерально-демократическое движеніе среди народовъ Россіи (См. стр. 511). Только теперь, когда заботливой и знающей рукой собраны всѣ политическія сочиненія Драгоманова, начиная съ самыхъ бѣглыхъ замѣтокъ и кончая крупными изслѣдованіями, можно оцѣнить всю широту его политическаго развитія и ту настойчивость, съ какой онъ всю жизнь доказывалъ и развивалъ свои главныя положенія. Несомнѣнно, что въ настоящее время широкое распространеніе политическихъ сочиненій Драгоманова оказало бы самое плодотворное вліяніе на расширеніе политическаго сознанія самаго неподготовленнаго читателя, такъ какъ изложеніе Михаила Петровича вездѣ отличается ясностью и наглядностью.

Основныя положенія Драгоманова, высказанныя имъ въ разныхъ программахъ, листкахъ и статьяхъ лежащаго передъ нами втораго тома его сочиненій, заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) политическая свобода — необходимѣйшее условіе соціальной, экономической и политической, такъ же, какъ и культурной жизни каждаго народа; 2) народы вполнѣ воспользуются свободой только при полной демократизаціи и децентрализаціи всего правительственнаго строя страны; 3) воплощать въ своей жизни наилучшіе соціально политическіе порядки и усваивать просвѣщеніе народы могутъ только при совершенно свободномъ проявленіи своихъ національныхъ особенностей и передачѣ научныхъ истинъ на родномъ языкѣ массы. Необходимость приложенія къ жизни Россіи этихъ положеній Драгомановъ доказывалъ со всей страстью своего сердца, бившагося и болѣвшаго за родину, со всей логикой своего сильнаго ума, и со всей яркостью своего публицистическаго таланта. Изгнанникъ, оторванный отъ своей дорогой земли, отъ Украйны, онъ вездѣ жадно слѣдитъ за ея жизнью, радостно ловитъ малѣйшіе проблески ея пробужденія. (См. статьи: «По вопросу о малорусской литературѣ», «Гете и Шекспиръ въ переводѣ на малорусскій языкъ», «Казацкія традиціи на Украйнѣ» и др.). Онъ неумолимо осуждаетъ всѣ преслѣдованія администраціи какъ въ Украйнѣ, такъ и въ Галиціи, убивавшія жизнь, мысль и совѣсть его родного народа (см. «Война съ памятью о Шевченко», «Языки, конфискованные синодомъ», «Страхи украинскаго сепаратизма», «Среди галицкой сумятицы» и др.).

Но рядомъ съ родиной стоитъ у Драгоманова въ мысляхъ и вся Россія—его обширное отечество, давшее ему не мало для широты его умственнаго развитія, а за предѣлами Россіи встаютъ славянскіе народы, такъ тщательно изученные Драгомановымъ. Имъ посвящаетъ онъ нѣсколько самыхъ талантливыхъ статей. Говорить

о славянахъ Драгоманову пришлось очень скоро послѣ его переѣзда за границу, такъ какъ въ 1876 г. началась извѣстная война Россіи за освобожденіе Болгаріи, и Драгомановъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ брошюръ обличалъ всю лживость этой войны, гдѣ подъ шумихой громкихъ фразъ объ освобожденіи славянъ отъ чужеземнаго ига лежало самое некрасивое посягательство на довѣріе несчастной, доведенной до отчаянія, Болгаріи. Особенно сильно написана по этому поводу брошюра «Турки внутренніе и внѣшніе», «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ» и «До чего довоевались?» Во всѣхъ этихъ статьяхъ Драгомановъ ясно говоритъ, что страна, совершенно подавленная самодержавіемъ, не можетъ освобождать другой народъ; ей приходится или самымъ искреннимъ образомъ самообманываться, или просто участвовать въ авантюрѣ, придуманной администраціей далеко не съ безкорыстными намѣреніями. Онъ справедливо упрекаетъ тогдашнюю прессу въ невѣжество и совершенномъ непониманіи ни настоящаго положенія дѣлъ у славянъ, ни самаго значенія, такъ называемой, освободительной войны. «А между тѣмъ,—говоритъ Михаилъ Петровичъ—необходимо было бы, въ видахъ воспитанія общества, если не въ видахъ непосредственныхъ дѣйствій, выработать какія-нибудь общія представленія о томъ, что называется славянскимъ освобожденіемъ и въ политическомъ, и въ національномъ, и въ общественномъ смыслѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и примѣнительно къ каждой славянской народности поразнь... Турецкое правительство плохо, но вѣдь не потому же одному, что оно допустило разбой баши-бузуковъ. Мадыяры ненавидятъ и угнетаютъ славянъ, но въ силу какихъ государственныхъ идей? Въ силу національнаго централизма. Нашей печати слѣдуетъ подвергнуть критикѣ самую эту основу, если она недовольна приложеніемъ ея къ славянамъ... Онъ напоминаетъ, что весь «секретъ» благополучнаго разрѣшенія, какъ славянскаго, такъ и русскаго вопроса можетъ быть выраженъ двумя словами: *политическая свобода*. Только она одна, т. е. всенародное земское представительство съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ и можетъ обезпечить хоть сколько-нибудь гармонию дѣятельности правительства съ національными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобы турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ нашихъ братьевъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ, и только политическая свобода можетъ хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотребленій и хищничества, которыя были причиной неудачи восточной войны 1854—56» (См. стр. 51).

Тридцать лѣтъ прошло послѣ этихъ словъ Драгоманова, и то же отсутствіе политической свободы заставило насъ претерпѣть столько горя и униженія въ новой восточной войнѣ. Недаромъ Михаилъ Петровичъ вездѣ предостерегаетъ русское общество отъ всякаго довѣрія къ этому всегубящему произволу администраціи. Онъ съ увѣренностью говоритъ: «Поставьте въ Россіи на мѣсто турокъ внутреннихъ са-

мую элементарную человеческую и национальную свободу, и турки внѣшніе, а дальше и всякая мадьяризація и германизація славянъ, всякая полонизація русинъ и т. п., не продержится и трехъ дней». (См. стр. 68). А выходило наоборотъ: правительство, идя «освободить» болгаръ, у себя дома создало такое положеніе дѣлъ на Кавказѣ, въ Польшѣ, по всей Россіи, что не могло выслать на Дунай достаточно военныхъ силъ, опасаясь ежеминутно внутреннихъ возстаній и борьбы съ ними въ тылу собственной арміи (см. стр. 94). Въ доказательство невозможности положенія вещей въ тогдашней Россіи онъ критикуетъ всѣ ея учрежденія, общество, которое позорно молчало, и печать, по своему невѣжеству оказавшуюся «ниже себя». Драгомановъ былъ убѣжденъ, что именно тѣмъ временемъ позорно закончившейся войны 1876 г. и надо было воспользоваться, «чтобы образованнымъ людямъ всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ Россіи, вырвать изъ рукъ недобросовѣстнаго и неумѣлаго чиновничества веденіе дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, привести въ гармонию внутреннюю и внѣшнюю политику страны, основавъ ее на началѣ свободы и вывести страну изъ противорѣчій и губительной безтолковщины, по которой тащутъ ее чиновники къ разоренію и пораженіямъ.» (см. стр. 100).

Такъ близко къ сердцу принималъ страданія всей Россіи тотъ самый украинецъ, въ которомъ многіе хотѣли видѣть сепаратиста, ненавидящаго Россію. Такое невѣрное пониманіе Драгоманова должно совершенно разсѣяться при чтеніи второго тома его политическихъ сочиненій, почти всецѣло посвященныхъ общимъ вопросамъ политики, обсужденію общей программы освобожденія всей Россіи, конечно, съ полнымъ освобожденіемъ всѣхъ входящихъ въ нее народностей.

Со вниманіемъ слѣдитъ Драгомановъ за всѣми настроеніями русскаго общества; въ этомъ отношеніи особенно интересна его замѣтка «Терроризмъ и свобода», «Муравьи и корова», въ которыхъ, возражая «Голосу», представившему совершенно невѣрную аллегорію оппозиціи, въ видѣ праздной лѣнливой коровы, раздавливающей всѣ труды трудолюбивыхъ муравьевъ, т.-е. маленькихъ дѣятелей безъ всякаго синтеза и темперамента, горячо вылилась у Михаила Петровича статья «Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ», написанная по поводу отошедшаго уже въ исторію московскаго процесса женщинъ-соціалистокъ (1877 г.); эта талантливая статья производитъ очень сильное впечатлѣніе. Особенный интересъ для нашихъ дней имѣютъ статьи: «Конституція и народъ». Останавливаясь на одной корреспонденціи изъ глубины Украины, въ которой всѣ народныя пожеланія лучшаго формулированы въ сжатой простой фразѣ: «Земли побольше, а начальства поменьше»,—Драгомановъ съ удовольствіемъ устанавливаетъ точку соприкосновенія между конституціонными стремленіями интеллигенціи и желаніями народа: эта точка—автономія волости, «громады». «Если, такъ называемая, интеллигенція,—говоритъ Драгомановъ,—сама отрѣшившись отъ централистически-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, сообразно

естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ для ихъ удовлетворенія все большихъ общественныхъ союзовъ, то интеллигенція этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему»... «наполнить пропасть, раздѣляющую теперь конституціонныя стремленія интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣль послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія», наполняя эту форму жизни «реальнымъ содержаніемъ,—удовлетвореніемъ нуждъ населенія экономическихъ и культурныхъ». (Стр. 654).

Въ цѣломъ рядѣ статей Драгомановъ подробно разбираетъ разные революціонные способы борьбы того времени, примѣняя къ нимъ европейскую критику, ставя нашу революціонную дѣятельность въ соотвѣтствіе съ западно-европейской.

Особенно содержательна его статья «Либерализмъ и Земство», гдѣ, послѣ обстоятельнаго историческаго очерка прогрессивнаго развитія земства въ Россіи и его сношеній съ революціонными элементами, Драгомановъ даетъ очень интересную табличку, въ которой онъ сопоставляетъ историческій ходъ политическихъ событій въ Россіи съ таковымъ же во Франціи.

Въ короткой библиографической замѣткѣ невозможно исчерпать все богатое содержаніе этого тома сочиненій Драгоманова, больше, чѣмъ въ 800 страницъ. Его надо изучать, имъ пополнить можно недостаточное политическое образованіе средняго русскаго читателя. Украинцы найдутъ здѣсь особенно много для себя интереснаго въ статьяхъ «Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю», «Украинская, Громада въ рецензіи Стефановича», «Страхи украинскаго сепаратизма» и въ замѣткѣ «Круговой побѣгъ украинцевъ отъ вѣры отцовъ» (1872 г.). Въ этой послѣдней указывается назрѣвшая въ украинскомъ населеніи страстная жажда новой вѣры, новой не официальной церкви; этому запросу народа, по словамъ Драгоманова, удовлетворитъ только полная свобода вѣроисповѣданія, а главное,—самое широкое распространеніе науки и искусствъ въ массу населенія.

Много поучительнаго найдутъ читатели и въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ Драгомановъ старается разрѣшить для Украины еврейскій вопросъ. (См. «Еврейскій вопросъ на Украинѣ» и «Еврейскій вопросъ въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ»), Вездѣ Михаилъ Петровичъ остается вѣренъ своей ясной синтетической манерѣ изслѣдованія и видитъ главное устраненіе всѣхъ столкновеній съ евреями въ широкомъ проникновеніи въ еврейскую среду демократическихъ и социалистическихъ идей. Жизнь показала, что онъ правъ, и дѣятельность создававшая въ наше время «Бунда», несомнѣнно, принесла громадныя плоды, поднявъ уровень еврейской массы въ Юго-Западномъ и Северо-Западномъ краѣ. И, несмотря на вызываемые извнѣ страшныя погромы евреямъ на югѣ Россіи, взаимныя непосредственныя отношенія населенія Украины къ евреямъ значительно улучшились.

Нельзя не поблагодарить издателей политическихъ сочиненій Драгоманова за ихъ столь тщательно и прекрасно выполненный трудъ. Парижское изданіе Драгоманова сдѣлано заботливой и знающей рукой. Во II томѣ собрано все, писанное покойнымъ украин-

скимъ публицистомъ по поводу всѣхъ малѣйшихъ событій какъ жизни его родины, такъ и Галиціи, и Россіи, переведены его замѣтки на разныхъ, языкахъ—французскомъ, украинскомъ, польскомъ, итальянскомъ. Весь матеріалъ распределенъ въ хронологическомъ порядкѣ (съ весьма незначительными отступленіями, требуемыми ясностью самого изложенія) и сгруппированъ въ шесть крупныхъ темъ: статьи о Русско-турецкой войнѣ и политической свободѣ; о терроризмѣ и свободѣ, пропаганда социализма на плебейскихъ языкахъ; Украина, славянство и федерализмъ; Русское революціонное движеніе и централизмъ; галицкіе русины и борьба за свободу личности; земство и либерализмъ въ Россіи. Только теперь, на основаніи этихъ двухъ томовъ, можетъ быть сдѣлана настоящая оцѣнка Драгоманова, какъ политическаго писателя, и понято его значеніе для расширенія политическаго развитія не только Украины, но и всей Россіи. Сжатый біографическій очеркъ Драгоманова и его портретъ, приложенные ко 2-му тому, еще конкретнѣе обрисовываютъ передъ читателемъ весь симпатичный высокій образъ украинскаго патріота, такъ горячо преданнаго идеѣ прогресса, свободѣ и такъ много потрудившагося для выясненія лучшихъ способовъ ихъ практическаго осуществленія и въ Украинѣ, и въ Россіи, и во всемъ славянскомъ мірѣ. Авторъ біографіи Михаила Петровича совершенно правильно опредѣляетъ роль Драгоманова рядомъ съ современными ему русскими политическими писателями Герценомъ, Лавровымъ и др. «Среди полнаго невниманія къ самой насущной потребности русскаго народа — Михаилъ Петровичъ съ своей неутомимой проповѣдью личной и общественной свободы и представительныхъ конституціонныхъ учреждений, которую онъ велъ съ середины 70-хъ годовъ, занимаетъ первое мѣсто. Явившись первымъ русскимъ писателемъ, сдѣлавшимъ проповѣдь правъ личности и политической свободы своимъ главнымъ дѣломъ».... «Михаилъ Петровичъ вполне опредѣленно выдвигается, какъ первый русскій конституціоналистъ-демократъ, какъ творецъ первой русской конституціонной теоріи, первой широкой политической программы для русской демократіи». (См. стр. XXXIV—XXXV).

Драгомановъ является величайшимъ воплощеніемъ плодотворнаго сліянія горячей любви къ своей родинѣ съ широкимъ міросозерцаніемъ и международнымъ опытомъ. У него націонализмъ естественно вытекалъ изъ его демократизма и абсолютнаго уваженія всякой народной индивидуальности.

На этомъ широкомъ демократизмѣ и строилось его политическое ученіе, отличающееся отъ другихъ современныхъ ему политическихъ ученій ясно проведеннымъ принципомъ децентрализаціи и самодѣятельности мельчайшихъ общественныхъ группъ, объединенныхъ свободнымъ федеративнымъ союзомъ. Это и является для нашего обширнаго отечества самымъ жизненнымъ началомъ, которое оно неизбежно и необходимо должно постепенно воплощать въ своемъ сложномъ государственномъ устройствѣ.

Софья Русова.

В. М. Ильинскій. *Архангельская ссылка. Бытовые очерки из исторіи архангельской политической ссылки.* Ц. 75 к. Стр. 285.

Если не считать неистовствъ П. Н. Дурново и его преемника Столыпина, превзошедшихъ всякую мѣру въ административной высылкѣ нежелательныхъ имъ элементовъ, — эпоха В. К. Плеве можетъ считаться кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи административной политической ссылки. Если въ настоящее время эксцессы въ этомъ отношеніи гг. Столыпина и Дурново доведены до предѣловъ, за которыми уже не остается даже мѣсты для размѣщенія массы ссылаемыхъ, то въ этомъ не трудно усмотрѣть совершенную безразсудность въ дѣйствіяхъ зарвавшихся администраторовъ, которые, видя, что почва изъ подъ ихъ ногъ ускользаетъ, идутъ на всякія крайности, лишь бы остановить это колебаніе почвы, готовое похоронить ихъ подъ обломками стараго режима. Словомъ, въ этихъ дѣйствіяхъ послѣднихъ самодержавныхъ министровъ видно желаніе ухватиться за административную ссылку, какъ за соломинку, при помощи которой они надѣются спастись отъ разрушительной силы революціоннаго потока. Совсѣмъ другой характеръ и значеніе имѣла ссылка до революціи. Это была излюбленная администраціей система, которая, какъ клапанъ въ паровомъ котлѣ, давала администраторамъ возможность избавляться отъ «излишковъ» революціонной энергіи, носителемъ, которой являлся весь цвѣтъ русскаго общества. Эта система доведена была до того, что почти всѣ, такъ называемыя, политическія преступленія карались административной ссылкой, и на долю уголовного суда долгое время почти не выпадало случаевъ разбирательства политическихъ дѣлъ. Правда, при В. К. Плеве былъ изданъ законъ, коимъ административная ссылка, хотя не упразднилась, но фактически была отмѣнена, такъ какъ всѣ политическія дѣла поступали на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ при участіи сословныхъ представителей, но этотъ новый видъ борьбы съ политическими преступленіями сталъ практиковаться лишь съ половины 1904 года и на «системѣ» г. Плеве отразиться не успѣлъ. Такимъ образомъ, административная ссылка въ «царствованіе» этого министра и, пожалуй, его предшественника Д. С. Сипягина, нашла свое наиболѣе полное выраженіе: всѣ мѣста ссылки были переполнены, а интеллигентные круги русскаго общества были изрядно разрѣжены рукою министра, выхватывавшаго оттуда «вредные элементы». Послѣ Сибири, излюбленнымъ мѣстомъ высылки «политиковъ» у В. К. Плеве былъ дальній сѣверъ Европейской Россіи и, въ особенности, Архангельская губернія, которая, со времени Русско-Японской войны, сдѣлалась почти единственнымъ мѣстомъ политической ссылки.

Въ виду сказаннаго, книга М. В. Ильинскаго представляетъ особенный интересъ. Въ ней разсказывается объ Архангельской ссылкѣ эпохи В. К. Плеве, т. е., именно о такомъ періодѣ ея, когда она достигла своихъ наибольшихъ размѣровъ. Дѣйствительно, въ описываемое время, т. е. въ 1904—1905 гг., Архангельская губернія была необыкновенно густо населена ссыльными, число которыхъ

доходило до 700—800 человекъ и продолжало возрастать очень быстро до самаго вступленія въ управление министерствомъ внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго. Но не только въ количественномъ отношеніи, а и въ качественномъ, Архангельская ссылка представляла огромный интересъ, такъ какъ, благодаря прекращенію, вслѣдствіе войны, высылкѣ въ Сибирь, здѣсь сосредоточивались политическіе дѣятели всевозможныхъ направленій, всѣхъ степеней. Характеристика многихъ ссыльныхъ этого періода могла бы дать богатый матеріалъ для исторіи революціонной борьбы въ Россіи и ея политическихъ партій. Но въ книгѣ г. Ильинскаго этихъ характеристикъ нѣтъ, можетъ быть, потому, что авторъ задался гораздо болѣе скромной цѣлью — дать бытовые очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ онъ жилъ, какъ товарищъ по изгнанію. Если имѣть въ виду только одну эту цѣль, то можно признать, что она авторомъ достигнута: книга его написана живымъ и простымъ языкомъ и даетъ цѣлый рядъ интересныхъ картинъ жизни политической ссылки. Г. Ильинскій описываетъ условія, въ которыхъ приходится жить ссыльнымъ, и правдиво рассказываетъ о разныхъ эпизодахъ, которыми бываетъ переполнена жизнь ссылки. Попутно онъ описываетъ природу Архангельскаго края, отношеніе къ ссыльнымъ администраціи и обывателей, этапную пересылку ссылаемыхъ и т. д. Но этимъ не исчерпываются намѣренія автора; отъ бытовыхъ очерковъ онъ часто переходитъ къ характеристикѣ общихъ условій политической ссылки и къ положенію ссыльныхъ, какъ революціонеровъ, попавшихъ въ неревoluціонную среду. Но здѣсь автору мѣшаетъ недостаточное знакомство съ вопросомъ и даже съ той средой, которую онъ описываетъ. Дѣло въ томъ, что авторъ жилъ во время ссылки только въ Холмогорахъ и Архангельскѣ, описываетъ же онъ всѣ колоніи Архангельской губерніи, при чемъ большинство колоній описано имъ со словъ другихъ товарищей. При такихъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи не только о полнотѣ собраннаго авторомъ матеріала, но и о правильности его освѣщенія. И дѣйствительно, характеристики и заключенія автора нерѣдко грѣшатъ въ этомъ отношеніи. Такъ напримѣръ, говоря объ отношеніи мѣстныхъ обывателей къ политическимъ ссыльнымъ, авторъ замѣчаетъ:

«Тамъ, гдѣ послѣдніе (ссылные) не жили замкнуто отъ населенія, не изолировали себя отъ него узкимъ кругомъ собственныхъ своихъ интересовъ, а пытались завязать связи на почвѣ его насущныхъ интересовъ, тамъ и отношенія устанавливались вполне порядочныя, исключая возможность всякихъ полицейскихъ подвоховъ и вытекавшихъ отсюда, какъ слѣдствіе, погромовъ политическихъ колоній.» Это заключеніе свое, основанное на нѣсколькихъ случаяхъ сближенія ссыльныхъ съ обывателями на почвѣ повседневныхъ обывательскихъ интересовъ, авторъ обобщаетъ на всю ссылку, вслѣдствіе чего можно подумать, что другихъ поводовъ для сближенія между ссыльными и обывателями не существо-

вало. Между тѣмъ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, въ особенности, въ Архангельскѣ ссыльные имѣли большое вліяніе на обывательскую среду и, особенно, на интеллигенцію и молодежь, которая охотно вступали въ общеніе съ «политиками» на почвѣ далеко не обывательскихъ интересовъ. Съ другой стороны, разыгравшаяся 19 октября 1905 г. въ г. Архангельскѣ драма, завершившаяся убійствомъ черносотенцами ссыльнаго приватъ-доцента Петербургскаго университета М. Ю. Гольдштейна (кстати, объ этомъ погромѣ г. Ильинскій совсѣмъ не упоминаетъ въ своей книжкѣ) доказываетъ, что и хорошія отношенія политическихъ ссыльныхъ съ обывателями далеко не исключаютъ возможности всякихъ полицейскихъ подвоховъ. Такимъ образомъ, заключеніе автора совершенно расходится съ дѣйствительностью, потому, что оно основано на весьма поверхностномъ наблюденіи. Заключеніями такого рода изобилуетъ вся книга г. Ильинскаго, и поэтому цѣнность ея заключается не въ выводахъ автора, а въ томъ фактическомъ матеріалѣ, который собранъ въ его книгѣ. Матеріалъ этотъ не оставляетъ сомнѣній въ его подлинности и истинности, и поэтому, несмотря на всѣ недостатки, книга г. Ильинскаго для будущаго историка революціонной Россіи окажется не бесполезною. Еще большій интересъ она представляетъ для рядового читателя, интересующагося политическимъ движеніемъ въ Россіи. Книга снабжена 24-мя рисунками, изображающими группы различныхъ колоній политическихъ ссыльныхъ.

В. Русинъ.

В. Е. Якушкинъ. *Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева.* Спб., 1906, изд. Г. Θ. Львовича, 161 стр.

Очерки В. Е. Якушкина появляются въ отдѣльномъ изданіи съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Когда эти очерки печатались впервые на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» (въ 1905 году, №№ 80, 87, 94, 99, 120, 125, 130, 132, 137 и 144), они читались съ большимъ интересомъ и пришлось тогда какъ-разъ кстати. Въ русской легальной литературѣ они были первой попыткой дать связную исторію конституціонныхъ движеній въ Россіи. Читатели ждали съ нетерпѣніемъ ихъ отдѣльнаго изданія, но оно не появлялось. Затѣмъ на книжномъ рынкѣ появилась остроумная книжка М. Н. Коваленскаго, очеркъ «Исторіи государственной власти въ Россіи» (къ сожалѣнію, разработанная не вездѣ равномерно и безъ желательной полноты), и работа С. Г. Сватикова «Общественное движеніе въ Россіи», представляющая собою цѣнный вкладъ въ русскую популярную историческую литературу. Соотвѣтственная потребность читателей была въ значительной мѣрѣ удовлетворена. Конечно, и появившіеся теперь въ отдѣльныхъ изданіи очерки В. Е. Якушкина далеко не излишни, но мы ожидали получить ихъ переработанными и дополненными въ соотвѣтствіи съ опубликованными новыми историческими матеріалами. Однако, авторъ перепечаталъ свою работу безъ зна-

чительныхъ измѣненій. Девять главъ книжки г. Якушкина охватываютъ слѣдующія темы: Земскіе соборы XVI—XVII вв.—Послѣ Петръ Великаго.—Представительство въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII вѣка.—Конституціонные проекты гр. Н. И. Панина.—Комитетъ общественнаго спасенія.—Финляндская конституція.—Проектъ Сперанскаго.—Польская конституція.—Государственная уставная грамота Россійской имперіи.—Конституціонные проекты декабристовъ.—Конституціонные проекты въ началѣ царствованія Александра II.—Конституція гр. Лорисъ-Меликова. Авторъ не претендуетъ на историческій прагматизмъ; онъ не углубляется въ изслѣдованіе тѣхъ соціально-политическихъ силъ, борьба коихъ обуславливала возникновеніе, теоретическое содержаніе и исходъ попытокъ ограниченія самодержавной власти въ Россіи. Въ этомъ отношеніи блестящее изслѣдованіе П. Н. Милюкова: «Верховники и шляхетство» остается въ русской исторіографіи непревзойденнымъ и, кажется, единственнымъ опытомъ. Просто, по-лѣтописному, В. Е. Якушкинъ пересказываетъ одинъ за другимъ эпизоды изъ исторіи русскаго конституціоннаго движенія. Его изложеніе кратко и конкретно. Онъ минууетъ не только детали событій, но и цѣлыя событія. Такъ, замолчена цѣлая серія любопытныхъ проектовъ, возникшихъ въ первые годы царствованія Александра I.

Изъ ста тридцати страницъ текста царствованію Александра II удѣлено всего только десять, что совершенно непропорціонально историческому значенію эпохи, богатой политическимъ движеніемъ. Авторъ не даетъ свѣдѣній о тогдашнемъ земскомъ конституціонализмѣ; совсѣмъ не упоминаетъ о политическихъ программахъ тогдашнихъ тайныхъ и революціонныхъ организацій и т. д. Даже «Русская Правда» Пестеля изложена только по показаніямъ Никиты Муравьева. Авторъ еще не располагалъ текстомъ этого замѣчательнаго политическаго трактата, опубликованнаго теперь П. Е. Щеголевымъ, и показаніями Пестеля, оглашенными въ статьяхъ Н. П. Павлова-Сильванскаго,

Отмѣтимъ еще, что въ книжкѣ, рассчитанной на широкой кругъ читателей, необходимо было дать краткую, но избранную, библиографію, указывающую неопытному читателю пути для дальнѣйшаго ознакомленія съ предметомъ.

Однако, очерки В. Е. Якушкина имѣютъ и свои несомнѣнныя достоинства. При изложеніи конституціонныхъ проектовъ и попытокъ авторъ удѣляетъ особое вниманіе организаціи избирательнаго права и государственной власти. Это, какъ и сжатость и точность изложенія вообще, придаетъ книгѣ г. Якушкина значительную цѣнность. Но главное, что является цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку, и что дѣлаетъ названную работу необходимой для специалистовъ-историковъ,—это данный авторомъ въ приложеніи (стр. 130—161) полный текстъ проекта конституціи Никиты Муравьева, доселѣ бывшаго извѣстнымъ только въ скудныхъ пересказахъ.

Н. К. П.—въ.

Кабанесь и Нассь. *Революціонный неврозъ. Пер. съ французскаго подь редакціей Д. Ф. Коморскаго.*

Книга Кабанеса и Насса посвящена изученію патологическихъ явленій, проявившихся, во время Великой французской революціи какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у народныхъ массъ. Представляетъ она нѣкоторый интересъ по обилію имѣющагося въ ней матеріала, хотя состоитъ, въ сущности, изъ ряда однихъ историческихъ анекдотовъ, случайно выхваченныхъ и непроанализированныхъ критически.

Мы обращаемъ, однако, вниманіе не на самую книгу, а на издателя и редактора перевода ея, лицо новое въ литературѣ, но стяжавшее себѣ громкую извѣстность на иномъ общественномъ поприщѣ. Имя Коморскаго, инспектора каторги на Карѣ и Сахалинѣ, прославленнаго своею жестокостію, хорошо знакомо по печатнымъ воспоминаніямъ нашихъ революціонеровъ (Якубовича-Мельшина, Стефановича). Теперь этотъ господинъ пустился въ литературу и предпосылаетъ своему переводу слѣдующія строки предисловія.

«Наши идеалы, возжелѣнія и требованія стали теперь, спустя сто лѣтъ, несравненно глубже и радикальнѣе, чѣмъ были таковыя же desiderata Великой французской революціи. Изъ тощей тетрадки «правъ человѣка» современная программа общественныхъ реформъ разрослась въ объемистый и увѣсистый томъ... Тѣмъ труднѣе онѣ достижимы и тѣмъ, навѣрное, ожесточеннѣе будетъ борьба за ихъ завоеваніе,

«Очистить, по возможности, для этого торжественнаго, но легкаго шествія путь отъ терній, которыми онъ усѣянъ, предостеречь самихъ себя отъ печальнаго повторенія того, что бесполезно омрачило на вѣки самую свѣтлую страницу народнаго возрожденія Франціи,—вотъ цѣль поспѣшнаго изданія настоящей книги на русскомъ языкѣ.

«Пусть это объективное и спокойное соціально патологическое изслѣдованіе «революціоннаго невроза»,—духовной чумы смутныхъ временъ, первые симптомы которой, къ сожалѣнію, уже начинается болѣзненно переживать наше общество, поможетъ ему избѣжать слѣпотаго повторенія тѣхъ излишествъ, тѣхъ эксцессовъ, въ которыя столь часто впадала «учительница народной свободы», революція французская. Издатель былъ бы щедро вознагражденъ за свой трудъ, если бы въ результатѣ онаго могли бы, хотя на одну сотую долю, сократиться всѣ бесполезныя, скажемъ сильнѣе, всѣ зловредныя проявленія народнаго «невроза», сопутствующія, какъ въ жаркій день слѣпни ретиваго коня, наше нарождающееся страстное, но законное свободоискательство».

Въ устахъ бывшаго тюремщика эти строки не требуютъ, кажется, комментарий...

Б. В.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Книгоиздательство «Трибуна»:

- 1) *К. Дилль*. „Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ“. Ц. 80 к.;
- 2) *Проф. А. Додель*. „Моисей или Дарвинъ“. Ц. 25 к.;
- 3) *А. Дамашке*. „Земельная реформа“. Ц. 30 к.;
- 4) *Чезаре-Домброзо*. „Антисемитизмъ“. Ц. 20 к.;
- 5) *Куртъ-Эйснеръ*. „Соціальныя сказки“. Ц. 20 к.;
- 6) *Теобальдъ-Циллеръ*. „Индивидуализмъ и Соціализмъ въ умственной жизни XIX вѣка“. Ц. 10 к.;
- 7) *Эрихъ-Бранденбургъ*. „Парламентская обструкція, ея исторія и значеніе“. Ц. 15 к.;
- 8) *К. Гаммеръ*. „Соціализація права“. Ц. 12 к.;
- 9) *Максъ Мауэрнбрехеръ*. „Интеллигенція и Соціаль-Демократія“. Ц. 8 к.
- 10) *В. В. Фавра*: 1) „О событіяхъ 10, 11 и 12 октября 1905 г. въ г. Харьковѣ“. 2) „Дмитрій Борисовичъ Познанскій“.

Книгоиздательство Артемьева:

- 1) *К. Т. Веберъ*. „Японія сейчасъ“. СПб., 1906 г. Ц. 1 р.;
  - 2) *Ф. Н. Купчинскій*. „Въ японской неволѣ“. СПб., 1906 г. Ц. 3 р.;
  - 3) *Н. Веревкинъ*. „Странички изъ дневника“. СПб., 1906 г.;
  - 4) *П. Ларенко*. „Страдные дни Портъ-Артура“ 2 части. Ц. по 2 р. 50 к.;
- Списокъ русскихъ повременныхъ изданій съ 1703 г. по 1899 г. со свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлеж. библиотекѣ Импер. Академіи Наукъ. СПб., 1901 г.

Книгоиздательство Распопова:

- 1) *Дж. Кеннанъ*. „Сибирь и ссылка“. СПб., 1906 г. Ц. 60 к.

Книгоиздательство Глаголева:

- П. Теплоуъ*. „Исторія якутскаго протеста“. СПб., 1906 г. Ц. 1 р.

Указатель общедоступныхъ книгъ по обществ.-полит. вопросамъ. Изд. Литер. Комиссіи при Всероссійскомъ Союзѣ учителей и дѣятелей по народному образованію. СПб., 1906 г. Ц. 10 к.

Книгоиздательство Товарищ. бр. Гранатъ:

- 1) *Д. Голеви*. „Очерки по исторіи рабочаго движенія во Франціи“. Москва, 1906 г. Ц. 70 к.;
- 2) *Ш. Андлеръ*. „Историческое введеніе и комментарий къ коммунистическому манифесту К. Марса и Ф. Энгельса“. Москва, 1906 г. Ц. 60 к.;
- 3) *Поль-Луи*. „Будущее социализма“. Москва, 1906 г. Ц. 70 к.

Книгоиздательство Порамонова «Донская Рѣчь»:

„Впередъ“ сбор. стихотв. и пѣсенъ состав. Михаилъ Львовичъ. СПБ.
Ц. 20 к.

Книгоиздательство С. Дороватовскаго и А. Чарушникава:

Густавъ Жеффруа. „Бланки, его жизнь и революционная дѣятельность“. 1906 г. Ц. 1 р.

Книгоиздательство Лугового:

„Маякъ“ литературно-публицистич. сборникъ. Ц. 1 р. 35 к.

Книгоиздательство «Колоколь»:

1) *Станиславъ* (А. Вольскій). „Къ вопросу о націонализациі земли“. СПБ., 1906 г. Ц. 25 к.;

2) „Объ анархизмѣ“. СПБ., 1906 г. Ц. 15 к.;

3) *А. Безродный*. „Ткачи“. СПБ. Ц. 25 к.;

4) *А. М. Саймонсъ*. „Американскій фермеръ“. СПБ. Ц. 30 к.;

5) *А. Дорель*. „Моисей или Дарвинъ“. СПБ. Ц. 25 к.;

6) *Б. Торашевъ*. „Профессиональные союзы во Франціи“. СПБ., 1906 г.
Ц. 8 к.;

7) *В. Эмленбогенъ*. „Чего хотятъ Соціалъ-Демократы“. СПБ., 1906 г.
Ц. 8 к.;

8) *Stanislas le Char*. „Ледоходъ“ СПБ., 1906 г. Ц. 40 к.;

9) *Б. Торашевъ*. „Рабочіе секретариаты“. СПБ., 1906 г. Ц. 5 к.;

10) *Зомбартъ*. „Фридрихъ Энгельсъ“. СПБ., 1906 г. Ц. 8 к.;

11) *Орловъ*. „Новое ученіе о государствѣ“. СПБ., 1906 г. Ц. 15 к.;

12) *Карлъ Каутскій*. „Интеллигенція и Соціалъ-Демократія“. СПБ., 1906 г.
Ц. 10 к.;

13) *А. Дивильковский*. „Нынѣшнее крѣпостное право“. СПБ., 1906 г.
Ц. 15 к.

Книгоиздательство «Русское Богатство».

Л. Мельшицъ—Р. Бравскій. „Вмѣсто Шлиссельбурга“. СПБ., 1906 г.
Ц. 8 к.

Газеты: «Азиатская Русь» № 17. 1905 г. Чита.

— «Маньчжурія» № 5. Харбинъ.

— «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» гор. Костромы.

— «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» г. Одессы № 1 и № 2.

— «Забайкальскій Рабочій» № 2. Изд. Читинскаго Комитета
Р. С. Д. Р. П.

— «Красноярскій Рабочій». Спеціальный выпускъ № 5. Изд. Крас-
ноярскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. 1905 г.

— «Солдатская Мысль» №№ 1, 2 и 3. Июнь, 1906 г. Изд. Военной
Организаціи Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.

— «Соціалдемократъ» № 11. 4 августа 1905 г. Изд. Р. С. Д. Р. П.

— «Листокъ». Изд. Военной Организаціи Моск. Комитета Р. С. Д. Р. П.

— «Солдаты». Военный органъ Севастопольскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.

— «Крестьянская Газета» № 1. Изд. Крестьянъ-Соціалистовъ. Са-
мара. 1905 г.

— «Рабочая мысль». 1906 г. №№ 1—5.

Отчетъ Московскаго Комитета Краснаго Креста съ 7-го февраля по 15-е
марта.

Изданіе Партіи Анархистовъ.—Прокламаціи 4 октября 1905 г.

Изданіе Исполнительнаго Комитета Объединеннаго Союза Землячествъ и
Организацій «Къ профессорамъ».

Прокламаціи 1861—1862 гг.: 1) «Проектъ адреса Государю», 2) «О ссылкѣ
проф. Павлова», 3) «Земская Дума», 4) «Русское правительство подъ покрови-
тельствомъ Шедо Ферроти».

- Изданіе Конституціонно-Демократической партіи—7 листковъ.
Манифестъ Государственной Думы (Различныя изданія).
Изданія Союза Сюзовъ—40 листковъ.
Изданіе Трудовой Группы и Соціалъ-Демократической фракціи Государственной Думы—«Манифестъ къ арміи и флоту». 1906 г. 12 іюля.
Декларация Думской Фракціи Р. С. Д. Р. П.
Изданія Симбирскаго Комитета Партіи С. Р.:
1) „Къ Гражданамъ“. Февраль 1906 г.;
2) „Хитрая механика“;
3) „Къ крестьянамъ и рабочимъ“;
4) „Не покупайте земли!“ Декабрь 1905 г.;
5) „Къ крестьянамъ“. Январь 1906 г.;
6) „Къ обществу“;
7) Прокламація отъ Рабочаго Союза Симбирской Группы П. С. Р.;
8) „О налогахъ“. Февраль 1906 г.;
9) „Хватитъ ли на всѣхъ земли, если разверстать ее правильно“;
10) „О социалистическомъ строѣ“.
Изданія Тамбовскаго Комитета Партіи С. Р.:
1) „Къ казакамъ“. 29 іюня 1906 г.
2) „Къ солдатамъ 7-го запаснаго кавалерійскаго полка“. 7 іюля 1906 г.
3) „Къ Рабочимъ“. Изданіе Тамбовскаго Рабочаго Союза Партіи С. Р.
30 іюня 1906 г.
„Къ крестьянамъ“. Изд. Комитета Областнаго Союза Бѣлоруссіи и Литвы Р. С. Д. Р. П.
Изданія Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. Партіи:
1) „О партіяхъ въ Государственной Думѣ“;
2) „Крестьяне, за вами очередь!“
3) „Депутаты и Пролетаріатъ“;
4) „Дума разогнана“;
5) „Товарищи!“;
6) „Къ крестьянамъ“;
7) „Ко всѣмъ безработнымъ о безработицѣ“;
8) Прокламаціи: „Ко всѣмъ рабочимъ“, „Ко всѣмъ безработнымъ“. Изд. Москв. Совѣта безработныхъ Моск. Группы Р. С. Д. Р. П.
Изданія Военной Организациіи Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.:
1) „Постоянное войско и народная милиція“. Май 1906 г.;
2) „Къ солдатамъ московскаго гарнизона“;
3) „Право и справедливость въ войскахъ Е. И. В.“
Изданія Красноярскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.:
1) Прокламація „Къ солдатамъ“;
2) „Солдатамъ Красноярскаго полка“. 24 декабря;
3) „Земскій Соборъ или Учредительное Собраніе?“ Апрель 1905 г.
Изданія Центральнаго Комитета Партіи С. Р.
1) „Къ партійнымъ организациямъ“ іюль 1906 г.;
2) „Извѣщеніе о предстоящемъ съѣздѣ товарищей, работающихъ въ крестьянствѣ“.
Программа Партіи С. Р.
„Къ оружію, граждане!“ Изд. Самарскаго Комитета Партіи С. Р. Іюль 1906 г.
Листокъ Центральнаго Комитета „Бунда“
10 прокламацій Изд. Центральнаго Комитета Р. С. Д. Р. Партіи.
26 прокламацій Изд. СПб. Комитета Р. С. Д. Р. П.
7 прокламацій Изд. СПб. Группы Р. С. Д. Р. П.
2 прокламаціи Кубанскаго комитета Р. С. Д. Р. П.
Прокламація Одесскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
Извѣщеніе о конференціи С. Д. Организаций Россіи. Изд. Центр. Комитета Р. С. Д. Р. П.
„Военщина и народное ополченіе“. Издан. Севастопольскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.

Издание Харбинской С. Д. Р. Группы: „Надаровскій манифестъ къ гражданамъ г. Харбина.“

Телеграммы: 1) Генерала Левашева въ г. Харбинъ. 2) Совѣта Депутатовъ служащихъ и рабочихъ Забайкальской ж. д. 13 декабря. Издан. Исполнительнаго бюро Совѣта депутатовъ служащ. и рабочихъ Забайкальской ж. д.

„Отъ солдатъ 2-го желѣзнодорожн. батальона“. Изд. Солдатскаго Комитета 2-го ж. дор. б-на.

Издания Казанскаго Комитета Партіи С. Р.:

1) Программный листокъ № 1 июль 1906 г.;

2) Двѣ прокламаціи.

„Привѣтствіе съ 4-го Поволжскаго Областнаго Съѣзда Партіи С. Р.“ Издан. Поволжскаго Областнаго Комитета іюня 1906 г.

„Къ обществу“ Издан. Комитета Консультациі повѣренныхъ при Вологодскомъ окружномъ судѣ по оказанію помощи ссыльнымъ г. Вологды 2 іюля 1906 г.

Издания Союза Офицеровъ Русской Арміи:

1) Уставъ Союза, 2) Воззваніе.

Издание Военнаго Союза при Пензенскомъ Комитетѣ П. С. Р. „Гдѣ правда.“

Издания Пензенскаго Губернскаго Боеваго Комитета:

1) „Возстанія“ № 2;

2) Форма „Приказа крестьянскому Братству.“

Издания Союза Русскаго Народа—22 прокламаціи.

Издания прогрессивной экономической Партіи—5 листковъ.

Современная Лѣтопись.

Въ июльскихъ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Грозномъ, 27 июня, начался разборъ судебной палатой, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣла восемнадцати служащихъ Владикавказской желѣзной дороги, обвиняемыхъ по 100 и 102 статьѣ за декабрьскую забастовку. Четверо подсудимыхъ шесть мѣсяцевъ содержатся въ тюрьмѣ, а остальные на порукахъ. Засѣданіе публично. Слѣдствіе выяснило несостоятельность обвинительнаго акта и репрессіи производившихъ слѣдствіе. Защита отказалась отъ своихъ свидѣтелей. Прокуроръ отказался отъ обвиненія по 100 и 102 ст. и поддерживалъ по 103 ст. Защитой выяснена несостоятельность обвиненія. Послѣ 45-минутнаго совѣщанія палата оправдала всѣхъ подсудимыхъ. Приговоръ встрѣченъ громогласнымъ „ура“ пяти тысячной толпы. Обвиняемыхъ публика вынесла на рукахъ.

2) Въ Москвѣ, 1 июля, окружной судъ разсматривалъ дѣло служащихъ государственнаго контроля Московско-Брестской жел. дороги, обвиняемыхъ въ томъ, что они вступили въ бюро союза, образованнаго въ октябрьскіе и декабрьскіе дни прошлаго года. Изъ обвиняемыхъ одинъ оправданъ, шестеро приговорены къ строгому выговору.

3) Въ главный военный судъ поступили смертные приговоры, вынесенные бакинскимъ военнымъ судомъ за убійство городского Агмальянцу и Даниельянцу и не утвержденные бакинскимъ генераль-губернаторомъ С. А. Фадѣевымъ.

4) По телеграммѣ изъ Петергофа приостановлена смертная казнь Кочаровскаго. Телеграмма о помилованіи получена черезъ часъ послѣ телеграммы главнаго военнаго прокурора Павлова объ утвержденіи суда и объ оставленіи кассационной жалобы защитниковъ осужденнаго безъ послѣдствій. Въ тотъ моментъ, когда была получена телеграмма изъ Петергофа, Кочаровскаго уже вели на висѣлицу. Казнь замѣнена ему безсрочной каторгой. Кочаровскій осужденъ за покушеніе на жизнь чина полиціи.

5) Въ Самарѣ, 4 июля, за порубку лѣса въ имѣніи Самариныхъ, двое крестьянъ приговорены судомъ къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы. 13 человекъ оправдано.

6) Въ Пятигорскѣ. 4 июля, дѣло о такъ называемой „пятигорской республикѣ“ пошло на прекращеніе по 278 ст. устава угол. суд.

7) Въ Вильнѣ, 5 июля, въ мѣстной губернской тюрьмѣ разбиралось

дѣло мѣщанъ Бернштейна и Соболя, обвинявшихся въ храненіи оружія и нелегальной литературы. Подсудимые приговорены военно-окружнымъ судомъ къ четыремъ годамъ каторжной работы.

8) Въ Самарѣ, 7 іюля, закончилось второе дѣло о разгромѣ имѣнія Самаринныхъ. Изъ 34 обвиняемыхъ 5 приговорены къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ; остальные оправданы.

9) Въ Варшавѣ, 5 іюля, военно-окружной судъ разбиралъ дѣло обвиняемыхъ по 279 ст. воен. код. Сюдка, Игнатія и Антона Висневскихъ, Пурки, Кочмарка и Крживицкаго. Всѣ обвиняемые, которымъ угрожали смертные приговоры, оправданы.

10) Въ Лозаннѣ, 5 іюля, судъ Швейцарскаго Союза единогласно постановилъ выдать русскимъ властямъ бѣжавшаго въ Швейцарію Бѣленцова, который съ шайкой изъ 19 человекъ, главаремъ которой онъ былъ, ограбилъ московское кредитное общество. Выдача будетъ произведена, однако, лишь съ условіемъ не возбуждать противъ Бѣленцова судебного преслѣдованія по обвиненію въ какомъ-либо государственномъ преступленіи.

11) Въ Варшавѣ, 5 іюля, въ военномъ судѣ слушалось дѣло о 6 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ нападеніи на воинскихъ чиновъ развѣзда съ сопровождавшимся покушеніемъ на убійство. Судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ и всѣхъ оправдалъ.

12) 5 іюля въ главномъ военномъ судѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ кр. Милицера, Чичкина, Лобачева и Гетшъ, приговоренныхъ одесскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за рядъ разбоевъ, совершенныхъ въ г. Одессѣ въ лавкахъ и магазинахъ. При этомъ судъ постановилъ, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, ходатайствовать о смягченіи участи подсудимыхъ. Главный военный судъ постановилъ кассационную жалобу осужденныхъ оставить безъ послѣдствій.

13) Въ Вильнѣ, 6 іюля, военно-окружной судъ приговорилъ вольноопредѣляющагося Павлюченко, обвиняющагося въ оскорбленіи, въ нетрезвомъ видѣ, Величества и призывѣ находившихся на вокзалѣ солдатъ не стрѣлять въ народъ,—къ лишенію правъ и поселенію въ Сибирь.

14) Въ Харьковѣ, 7 іюля, окружной судъ, рассмотрѣвъ дѣло объ аграрныхъ беспорядкахъ въ Волчанскомъ уѣздѣ, въ экономіи Пассека, изъ двадцати пяти подсудимыхъ крестьянъ оправдалъ двухъ, приговорилъ двухъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ, одного на четыре года и 20—къ заключенію въ исправительномъ отдѣленіи на 15 мѣсяцевъ.

15) Въ Аткарскѣ, 7 іюля, предсѣдатель аткарской земской управы Лапичкій, обвиняемый въ освобожденіи, сообща съ толпой, арестованныхъ въ октябрѣ при полиціи аграрниковъ, сегодня окружнымъ судомъ оправданъ.

16) Въ Одессѣ, 7 іюля, одесскій военный судъ рассмотрѣлъ чрезвычайно характерное дѣло. Въ мартѣ мѣсяцѣ командиру одесской бригады пограничной стражи доставлено было письмо изъ Манчжуріи, адресованное гарнизону Овидіопольскаго отряда пограничной стражи, подписанное Стыцюра, Наевъ и вся ординарческая команда Люблинскаго полка. Согласно обвинительному акту содержаніе письма таково: авторы его прочли въ газетѣ „Русская Рѣчь“ письмо въ редакцію, изъ котораго слѣдуетъ выводъ, что вѣрные слуги государя не забудутъ присяги и будутъ убивать своихъ брать-

евъ и товарищей, добывающихся свободы. Они поразились, что въ Россіи появились чудо-богатыры, готовые убить даже родного брата, отстаивающаго личную жизнь и общее благо; именно все, возвѣщенное въ манифестѣ 17 октября. Указывая, что присягу слѣдуетъ исполнять, авторы продолжаютъ: теперь въ Россіи многіе солдаты, назначенные патрулями, грабили и убивали мирныхъ жителей. Въмѣсто родной страны для общей безопасности этихъ храбрецовъ авторы приглашаютъ въ Манчжурію показать доблесть передъ японцами, а не передъ безоружными согражданами. На основаніи этого письма, вернушіеся съ войны Стыцора и Наевъ преданы были военному суду. Прокуроръ въ громовой рѣчи требовалъ суроваго наказанія. Судъ оправдалъ обоихъ.

17) Въ Варшавѣ, 7 іюля, военнымъ судомъ разсматривалось вторично дѣло о мѣщанинѣ Громанѣ, обвиняемомъ въ умышленномъ убійствѣ земскаго стражника. Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ, въ отмѣну первоначальнаго приговора, къ тюрьмѣ на 8 лѣтъ; по первому опредѣленію суда онъ былъ приговоренъ на 10 лѣтъ въ тюрьму.

18) Въ Севастополѣ, 8 іюля, въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло Ципкина, обвинявшагося въ захватѣ типографіи въ Ялтѣ для напечатанія прокламацій и покушеніи на убійство гнавшагося за нимъ съ цѣлью задержать его извозчика. Обвиненіе было предъявлено по статьямъ, карающимъ смертною казнью. Ципкинъ приговоренъ къ пятнадцати годамъ каторги.

19) Въ Орлѣ, 9 іюля, изъ 186 крестьянъ Малоархангельскаго уѣзда, обвинявшихся въ разгромѣ экономіи князя Куракина, окружный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей приговорилъ: зачинщика разгрома, крестьянина Потапова, къ отдачѣ въ арестантскія роты на 5 лѣтъ, четверыхъ на 2½ года, 102 къ заключенію въ тюрьму на годъ съ лишеніемъ правъ, 43 на 6 мѣсяцевъ безъ лишенія правъ, 36 стариковъ и женщинъ оправдалъ.

20) Во Владимірѣ, 10 іюля, военный судъ разсмотрѣвъ дѣло рабочихъ Орѣхова - Зуева Ключева, Скобенникова, Новикова, Кобашева и Бурдина, обвиняемыхъ по 279 статьѣ, грозящей смертною казнью, приговорилъ Новикова и Бурдина къ шестилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, Кобашева къ четырехлѣтнимъ; Ключевъ и Скобенниковъ оправданы.

21) Во Владивостокѣ, 10 іюля, слушавшійся ровно 21 день въ военномъ судѣ процессъ 17 уссурійскихъ желѣзнодорожниковъ: доктора Ланковскаго, инженеровъ Хорвата, Храповицкаго, Пестича, Барабашева, Піотровича, Головина, Гладецкаго, начальниковъ службъ дороги — Сѣноженскаго, Ашика, Ноликова, Померанцева, Константинова, агентовъ дороги — Ланковскаго, Писаренко, Кравца, Гасткевича и др., окончился присужденіемъ доктора Ланковскаго къ выговору, а инженеръ-электрика Піотровича къ аресту на гауптвахтѣ. Всѣ остальные, по недоказанности обвиненія, оправданы. Обвиненіе предъявлялось по 129 ст. новаго и 274, 344 статьямъ стараго уложенія.

22) Въ Харьковѣ, 10 іюля, въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда признаны дѣйствовавшими безъ разумнія 10 учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, подростковъ, привлекавшихся къ отвѣтственности за участіе въ вооруженномъ сопротивленіи на заводѣ Гельфериха и на станціи Люботинъ.

23) Въ Аткарскѣ, 10 іюля, по дѣлу о больше-екатеринославскихъ аграрныхъ безпорядкахъ судъ приговорилъ семерыхъ къ арестантскимъ ротамъ срокомъ отъ одного до двухъ лѣтъ, пятерыхъ къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до одного года.

24) Въ Одессѣ, 11 іюля, рядовой ингульскаго полка Мазохъ, за оскорбленіе словами офицера, сопротивленіе и неисполненіе распоряженій начальства, приговоренъ военнымъ судомъ къ лишенію правъ состоянія, воинскаго званія и ссылкѣ въ каторгу на двадцать лѣтъ.

25) Въ Варшавѣ, 11 іюля, военный судъ вынесъ оправдательный приговоръ тремъ лодзинскимъ рабочимъ, обвинявшимся въ убійствѣ одного жандармскаго унтеръ-офицера и въ покушеніи на убійство другого.

26) Въ Костромѣ, 13 іюля, военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло исключеннаго семинариста Василевскаго, обвиняемаго въ покушеніи на жизнь пристава Слободскаго, призналъ его виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ и приговорилъ къ двумъ съ половиною годамъ тюремнаго заключенія.

27) 13 іюля главнымъ военнымъ судомъ разсмотрѣна кассационная жалоба крестьянъ Адмень, Соуммитъ, Руманъ, Сѣрина и Озорина на приговоръ о нихъ временнаго военнаго суда въ Митавѣ, которымъ они присуждены къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*. Кассационную жалобу главный военный судъ оставилъ безъ уваженія.

28) Дѣло кр. Гольберга, приговореннаго ревельскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни за покушеніе на убійство городского въ Юрьевѣ, вновь кассировано. Въ первый разъ оно разсматривалось вновь по прошенію сестры подсудимаго, а теперь, послѣ вторичнаго присужденія къ смертной казни, подсудимый подалъ кассационную жалобу, въ которой указывается на допущенныя судомъ нарушенія. Главный военный судъ, отмѣнивъ какъ приговоръ, такъ и самое преданіе суду, постановилъ направить его прокурору для новаго разсмотрѣнія.

29) Въ Суджѣ, 13 іюля, по дѣлу погрома въ экономіи дворянина Давыдова, 9 человекъ оправданы, 45 признаны виновными и приговорены каждый къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Судебная палата постановила ходатайствовать передъ государемъ императоромъ о смягченіи наказанія.

30) Въ Митавѣ, 14 іюля, пойманный на прошлой недѣлѣ виновникъ 5 политическихъ убійствъ, латышъ Пурингъ, приговоренъ митавскимъ военнымъ судомъ къ *повѣшенію*. 21-го іюля приговоръ надъ Пурингомъ приведенъ въ исполненіе.

31) Въ Читѣ, 14 іюля, изъ арестованныхъ на митингѣ 9 іюля, студенты Бургманъ и Бронштейнъ приговорены въ административномъ порядкѣ къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, а трое рабочихъ къ трехнедѣльному аресту.

32) Помощнику присяжнаго повѣреннаго Михайлову, недавно выпущенному изъ тюрьмы, ссылка въ Сибирь замѣнена высылкою за границу на 2 года. Михайловъ былъ арестованъ по дѣлу о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ, въ связи съ дѣломъ фабриканта Шмидта.

33) Въ Севастополѣ, 16 іюля, послѣ 18-часового совѣщанія, въ присутствіи всѣхъ подсудимыхъ объявленъ приговоръ военнаго суда. Зиминъ Коссосиновъ, Кудымовскій и Рыбалка *приговорены къ смертной казни*. Лукьяно —

къ безсрочной каторгѣ, 32 матроса — къ каторгѣ отъ одного до 15 лѣтъ, 48 матросовъ — въ арестантскія отдѣленія отъ одного до 5 лѣтъ, одинъ — въ военную тюрьму на 4 мѣсяца одиночнаго заключенія, одинъ — въ гражданскую тюрьму на 2 года и 8 мѣсяцевъ, 6 человекъ оправданы.

34) По ходатайству присяжнаго повѣреннаго О. О. Грузенберга І. Дашевскій, приговоренный въ 1903 г. спб. окружнымъ судомъ въ исправительное арестантское отдѣленіе на 4 года, за покушеніе на убійство Крушевана. 12 іюля сего года освобожденъ по Высочайшему повелѣнію отъ дальнѣйшаго заключенія безъ возстановленія въ правахъ и преимуществахъ. Дашевскій находился до сего времени въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи въ Ярославлѣ.

35) Въ Кіевѣ, 17 іюля, военно-окружный судъ приговорилъ крестьянина Шведченко, за распространеніе прокламацій въ войскахъ въ Житомирѣ, къ ссылкѣ на поселеніе.

36) Въ Одессѣ, 18 іюля, военный судъ приговорилъ мѣщанина Татела къ каторжнымъ работамъ на 4 года за ношеніе бомбъ.

37) 18 іюля въ спб. судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію тарина Булатова, который 15 ноября прошлаго года, при встрѣчѣ на Галерной ул. съ двумя матросами 14 флотскаго экипажа, Бобылевымъ и Курочкомъ вручилъ имъ нѣсколько номеровъ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“. Матросы арестовали Булатова и отвели его въ казармы, гдѣ при обыскѣ у него было найдено около 50 номеровъ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“. Палата приговорила Булатова къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

Въ томъ же засѣданіи палаты разсматривалось дѣло по обвиненію кр. Мельникова, который въ д. Потерпѣлецъ, Боровичскаго у., Новгородской губ., распространялъ среди односельчанъ ученіе социалистовъ-революціонеровъ. Палата приговорила Мельникова на одинъ годъ въ крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

38) Содержащимся въ Александровскомъ централѣ въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска матросамъ „Георгія Побѣдоносца“, въ числѣ 20-ти человекъ, объявлено объ уменьшеніи мѣры наказанія, по особому Высочайшему повелѣнію. 20—15 л. каторги замѣнены каторжной работой на 4—2 года, меньшіе сроки — исправительными арестантскими отдѣленіями на 3 г. и 1 г. 3 мѣс., при чемъ они считаются лишенными не всѣхъ, а лишь всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

39) Въ Орлѣ, 19 іюля, окружнымъ судомъ разобраны два дѣла о разгромѣ экономіи графа Рибопьера. По одному — изъ 20 подсудимыхъ приговорены пятеро къ заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. По другому дѣлу изъ 50 подсудимыхъ шестеро приговорены къ тюремному заключенію на 4 года, 28 — на 8 мѣсяцевъ съ лишеніемъ правъ, трое несовершеннолѣтнихъ — на 3 мѣсяца. Остальные подсудимые оправданы.

40) 20 іюля, въ главномъ военномъ судѣ слушалась кассационная жалоба бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области Холщевникова, обвинявшагося по 100 ст., грозящей смертною казнью, и присужденнаго временнымъ военнымъ судомъ къ 1 г. 4 мѣс. крѣпости за бездѣйствіе власти. Жалоба оставлена безъ послѣдствія.

41) Въ Вильнѣ, 20 іюля, рядовой Цыпкинь за храненіе двухъ нелегаль-

ныхъ брошюръ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ на три года въ дисциплинарный батальонъ.

42) Приговоромъ военно-полевого суда въ Кронштадтѣ, состоявшагося 20 іюля по дѣлу о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кронштадтѣ, въ ночь съ 19 на 20 сего іюля, *семь нижнихъ чиновъ присуждены за убійство офицеровъ къ смертной казни.*

Приговоръ этотъ того же 20 іюля приведенъ въ исполненіе. Среди казенныхъ находился одинъ латышь унтеръ-офицеръ.

43) 20 іюля главный военный судъ, рассмотрѣвъ протестъ военного прокурора на приговоръ временнаго военного суда въ г. Баку по дѣлу кутаисскаго двора. Коджай, приговоръ по дѣлу отмѣнилъ, передавъ его на новое рассмотрѣніе. Коджай обвинялся въ томъ, что 16 февраля сего года, на улицѣ г. Баку, вечеромъ, оказалъ сопротивление при его задержаніи и, во избѣжаніе поимки, произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ пытавшихся его задержать казаковъ. Военный судъ оправдалъ его, но представитель обвиненія приговоръ этотъ опротестовалъ, найдя неправильными постановку и разрѣшеніе поставленныхъ судомъ вопросовъ.

44) 20 іюля въ судебномъ засѣданіи Главнаго военного суда слушалось дѣло по протесту прокурора московскаго военно-окружнаго суда на приговоръ того же суда отъ 28 іюня сего года по дѣлу неизвѣстнаго званія человѣка, приговореннаго къ 10-лѣтней каторгѣ за убійство бывшего помощника пристава г. Тамбова Жданова изъ мести за истязанія, совершенныя послѣднимъ надъ М. Спиридоновой. Обвинитель ходатайствовалъ въ своемъ протестѣ о примѣненіи смертной казни черезъ повѣшеніе. Протестъ оставленъ безъ уваженія. Въ томъ же засѣданіи рассмотрѣна кассационная жалоба Ушацкаго, Коваленко, А. Галкина и Новожилова на приговоръ о нихъ харьковскаго военного суда, которымъ они присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ каждый, по обвиненію въ покушеніи на разбойническое нападеніе на Харьковское отдѣленіе Волжско-Камскаго банка. Кассационная жалоба оставлена главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія.

45) Въ Митавѣ, 21 іюля, военный судъ приговорилъ мѣщанина Колата за участіе въ нападеніи на войска къ четыремъ годамъ каторги и унтеръ-офицера Верзинга за распространеніе прокламацій въ войскахъ къ поселенію въ Сибирь.

46) Въ Кіевѣ, 24 іюля, кіевскій военно-окружной судъ приговорилъ къ четыремъ годамъ каторги рядового 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка Дмитрія Латышева за оскорбленіе Величества.

47) Крестьянинъ Винманъ, обвинявшійся въ пропагандѣ антиправительственныхъ сужденій и сочиненій среди крестьянъ Луженской вол., Демянскаго у., приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, съ зачетомъ предварительнаго заключенія около шести мѣсяцевъ. Мѣщанинъ Сычевскій и крестьяне Лузикъ и Ксенофоновъ, привлекавшіеся за пропаганду среди войска, присуждены: Сычевскій и Лузикъ къ тюрьмѣ на 4 мѣс. каждый съ зачетомъ предварительнаго заключенія, а Ксенофоновъ оправданъ.

48) 25 іюля въ закрытомъ засѣданіи спб. военно-окружнаго суда заслушано дѣло музыканта рядового званія лейбъ-гвардіи Московскаго полка Медвѣдева, обвинявшагося въ распространеніи среди нижнихъ чиновъ войска

ученій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанности военной службы. Медвѣдевъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе.

49) Въ Варшавѣ 27 іюля, въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло о Новицкомъ и Валесинскомъ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство трехъ стражниковъ подъ Згержемъ. Подсудимые приговорены къ каторжнымъ работамъ: первый на 6 лѣтъ, второй на 4 года.

50) Въ Митавѣ, 27 іюля, за революціонные грабежи въ Виндавскомъ уѣздѣ митавскій военный судъ приговорилъ шестерыхъ мятежниковъ къ каторгѣ на сроки до восьми лѣтъ.

51) Въ Лепелѣ, 27 іюля, изъ девяти обвиняемыхъ въ аграрныхъ беспорядкахъ присуждены къ заключенію въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ: одинъ на 1 годъ и 3 мѣсяца и трое на 1 годъ. Остальные оправданы.

52) 27 іюля главнымъ военнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло рядового изъ вольноопредѣляющихся Шліома Пруссакова, отбывавшаго повинность въ крѣпости Ивангородъ, преданнаго варшавскому военно-окружному суду по обвиненію въ томъ, что онъ, Пруссаковъ, собравъ возлѣ себя кучку солдатъ, читалъ имъ брошюру „Посланіе отца Гапона“, содержаніе которой предусмотрѣно 131 ст. уг. ул. Приговоренный къ ссылкѣ на поселеніе, Пруссаковъ подалъ кассационную жалобу. Жалоба оставлена безъ уваженія.

53) Въ Митавѣ, 28 іюля, военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло Цируля, Розенфельда, Лагздина и Кенигсвальда, выступавшихъ террористами въ Виндавскомъ уѣздѣ, приговорилъ *первыхъ двухъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а остальныхъ къ четырехлѣтней каторгѣ.

54) Въ Варшавѣ, 28 іюля, судебная палата разсматривала дѣло о распространеніи прокламацій и агитаціи въ войскахъ. Изъ 6 обвиняемыхъ приговорены къ заключенію въ тюрьму: Закржевскій на 8 мѣсяцевъ, Венбергъ на 6 мѣсяцевъ, Елдаковскій на 8 мѣсяцевъ. Хржановскій на 1 годъ, Корвакъ на 8 мѣсяцевъ и къ заключенію въ крѣпость—Сегаль на 8 мѣсяцевъ. Всѣмъ подсудимымъ будетъ зачтено предварительное заключеніе.

55) Въ Гельсингфорсѣ, 29 іюля, въ крѣпости *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военнаго суда въ отношеніи подпоручиковъ Емельянова, Коханскаго и пяти нижнихъ чиновъ.

56) 30 іюля, разсматривалось въ московскомъ окружномъ судѣ нашу мѣвшее въ Москвѣ дѣло о вооруженномъ нападеніи на булочную Алексѣева. Дѣло это, по предложенію московскаго градоначальника, должно было слушаться въ военномъ судѣ, но затѣмъ, согласно указаніямъ, полученнымъ изъ Петербурга, было передано на разсмотрѣніе суда присяжныхъ. Изъ всѣхъ участниковъ вооруженнаго нападенія задержанъ былъ только одинъ Яковлевъ, котораго городской ошеломилъ ударомъ револьвера по головѣ; онъ впалъ въ безсознательное состояніе и въ это же время былъ арестованъ. Присяжные признали фактъ нападенія установленнымъ и вынесли Яковлеву обвинительный приговоръ. Судъ, на основаніи обвинительнаго вердикта, приговорилъ подсудимаго къ каторжнымъ работамъ на 4 года и 5 мѣсяцевъ. Настоящее дѣло о вооруженномъ нападеніи является за послѣднее время первымъ, которое слушается судомъ присяжныхъ.

57) 30 іюля, въ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло младшаго врача московскаго военнаго госпиталя Бланше-де-ля-Роша и двухъ фельдъ-

шеровъ, обвинявшихся въ составленіи петиціи съ предъявленіемъ незаконныхъ требованій къ своему начальству и въ составленіи союза военно-служащихъ фельдшеро́въ. Бланше-де-ля Рошъ кромѣ того обвинялся въ передачѣ по телефону угрозы убить начальника военного госпиталя генерала Синельникова. Въ виду высказаннаго сомнѣнія о нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Бланше-де-ла-Роша судъ рѣшилъ освидѣтельствовать его черезъ психіатровъ; обоихъ же фельдшеро́въ судъ призналъ невиновными.

58) Обвинявшіеся, на основаніи 117 ст. и 279 ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г., изданіе третье. мѣщанинъ М. Фридманъ и крестьяне Прибалтійскаго края С. Домбровскій, В. Богданъ, Н. Якубанецъ, Спиридовскій и Жунда были оправданы 10-го іюля рижскимъ военнымъ судомъ. Теперь же приговоръ этотъ неожиданно опротестованъ, и имъ вновь грозитъ смертная казнь.

За іюль мѣсяцъ имѣли мѣсто слѣдующіе приговоры по литературнымъ дѣламъ и преслѣдованія печати:

1) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 28 іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст., по 106 ст. и по VII и VIII отдѣламъ временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. семи редакторо́въ газетъ.

2) 30 іюня с.-петербургскимъ комитетомъ наложенъ арестъ на газеты: № 5 „Крестьянскій Депутатъ“, № 9 „Голосъ Труда“ и на отдѣльные экстренные выпуски газеты „Народная Дума“, заключающія въ себѣ „Декларацию россійской социаль-демократической партіи“ и статью подъ заглавіемъ: „Государственная дума о положеніи казако́въ“.

3) Въ московской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, при закрытыхъ дверяхъ, слушалось сегодня дѣло редактора-издателя журнала „Правда“ В. И. Кожевникова, обвинявшагося по 129 статьѣ. Г. Кожевниковъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на полтора года. Изданіе журнала прекращается на этотъ же срокъ.

4) По сообщенію коменданта севастопольской крѣпости, возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редактора газеты „Дума“ г. Винберга по 6 п. „в“ ст. 5 закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 19 этой газеты корреспонденціи подъ заглавіемъ „Въ застѣнкахъ“. Въ замѣткѣ этой сообщалось объ избіеніи полиціей обвиняемыхъ по дѣлу о взрывѣ 14 мая въ Севастополѣ.

5) Конфискованъ листокъ: „Государственная дума о положеніи казако́въ“, какъ заключающій въ себѣ признаки 5 п. 129 ст. угол. улож. Изданіе члена государственной думы Ноя Жорданія, типографіи „Будущность“.

6) По сообщеніямъ прокурора варшавской судебной палаты возбуждено уголовное преслѣдованіе по п. „в“ ст. 6 закона 24 ноября 1905 г. противъ редакторо́въ газетъ „Страна“ М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова за напечатаніе въ № 57 газеты замѣтки „Издѣвательство надъ узницами“.

7) Въ Ревелѣ, 3 іюля, конфискованы номера эстонской газеты „Ваатлея“.

8) 4 іюля конфискована брошюра „Якъ сбираются і куды повертаются народні гроши“.

9) Въ Ревелѣ, 4 іюля, генераль-губернаторомъ приостановленно изданіе эстонской газеты „Ваатлея“ за вредное направленіе.

10) 4 іюля, въ 12 часовъ дня, полицейскій приставъ Коломенскаго уча-

стка, вмѣстѣ съ двумя помощниками, околоточными и цѣлымъ нарядомъ городскихъ, явился въ редакцію журнала „Народная Жизнь“, помѣщающуюся на Коломенской улицѣ, въ домѣ 7, кв. 51. Спустя нѣсколько времени туда же явились и чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Совмѣстно они начали производить повальный обыскъ квартиры редакціи. На полу въ огромную груду сложили массу рукописей и книгъ. Арестованы пять мужчинъ и двѣ женщины, которые отправлены въ участокъ. Полиція, очевидно, не скоро думаетъ покинуть редакцію, т. к. запаслась разной провизіей: пивомъ, молокомъ и булками и т. п. Причины этого криминальнаго случая пока не извѣстны.

11) 4 іюля, въ московскій книжный магазинъ Д. П. Ефимова нагрянула полиція и произвела обыскъ. Искали книгу В. Климкова „Расправы и разстрѣлы“, при чемъ предъявили неизвѣстно кѣмъ подписанную бумагу—„въ случаѣ обнаруженія упомянутой книги владѣльца магазина арестовать и магазинъ опечатать“. Поиски полиціи успѣхомъ не увѣнчались.

12) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 1 и 2 іюля возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 129 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. пяти редакторовъ газетъ. Опреждленіями с.-петербургской судебной палаты оставлены въ силѣ постановленія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на десять разныхъ брошюръ.

Опреждленіями той же палаты оставлены въ силѣ постановленія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на слѣдующіе номера повременныхъ органовъ печати, издающихся въ С.-Петербургѣ: 1) на № 3 газеты „Обрывъ“, 2) на № 79 газеты „Двадцатый Вѣкъ“, 3) на № 9 журнала „Темы Жизни“, и 4) на № 6 журнала „Щитъ“.

13) 4 іюля. Интересныя подробности сообщаютъ о преслѣдованіи „XX Вѣка“ бессарабскимъ губернаторомъ, камергеромъ А. Н. Харузинымъ. Не говоря уже о томъ, что весьма часто номера газеты совершенно не доставляются подписчикамъ съ почты—какъ только приходитъ транспортъ петербургскихъ газетъ для розничной продажи, три номера „XX Вѣка“ немедленно доставляются г. Харузину и жандармскому начальству гг. Чернолусскому и Жилину. Начальство цензируетъ газету и, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, благосклонно разрѣшаетъ къ продажѣ номера, всего же чаще, послѣ инспекторскаго смотра слѣдуетъ конфискація. На почтѣ для перехвата прогрессивныхъ газетъ имѣется спеціальныи чиновникъ Журьяри, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ „союза русскаго народа“...

14) Въ Костромѣ, 4 іюля, конфискованъ первый номеръ газеты „Костромское Слово“.

15) 5 іюля, въ типографіи „Грамотность“ конфискованъ въ машинѣ первый номеръ журнала „Огни Жизни“. Раскиданъ наборъ, арестованы, вопреки временныхъ правилъ о печати, клише. Затѣмъ полиціею произведенъ обыскъ въ редакціи журнала, но ни одного номера не найдено.

16) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 4 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст. пяти редакторовъ газетъ.

17) 5 іюля полиція явилась въ типографію газеты „Обрывъ“ и конфисковала №-ра газеты и стереотипы. Кромѣ того, полиціей были отобраны у

газетчиковъ—газеты „Мысль“, „Эхо“, „Голось Труда“, „Крестьянскій Депутать“.

18) Въ Ялтѣ, 5 іюля, керченскій генераль-губернаторъ издалъ постановленіе, которымъ ввозъ и продажа ряда газетъ карается заключеніемъ до трехъ мѣсяцевъ или штрафомъ до трехъ тысячъ руб.

19) 5 іюля главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „XX Вѣкъ“ Н. Н. Долгова по 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ №№ 91 и 92 газеты „Резолюціи солдатъ казанскаго гарнизона“ и „Резолюціи сознательныхъ солдатъ петровскаго и выборгскаго полковъ“; 2) „Наша Жизнь“—К. И. Диксона по 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 483 „Наказа 31 сѣвскаго казачьяго полка донскимъ депутатамъ“; 3) „Мысль“—И. Е. Соломко по 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 8 статьи „О всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ“, „Заявленіе донскихъ казаковъ“, „Приговоръ казаковъ Усть-Медвѣдицкой станицы“ и др.; 4) „Сѣверная Земля“—А. Ф. Иванова по 5 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 5 статьи „О казакахъ“.

20) Въ Казани, 6 іюля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Вѣстника“.

21) Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 281, 129, 379, 280, 281, 103 и 1036 ст. и по VII и VIII отдѣламъ временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. шести редакторовъ газетъ и журналовъ.

Возбуждены вопросы о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 129 и 181 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. семи редакторовъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ.

22) 7 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 12 статьи „Разложеніе въ арміи“, „Писемъ“ и пр., 2) „Крестьянскій Депутать“ А. Е. Тесля по 4 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 6 статьи „Поднявшій мечъ, отъ меча погибнетъ“, 3) „Обрывъ“ С. Дмитровскаго по 1 п. 129 ст. угол. улож. и п. „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 13, 14 и 15 статей „Русская Варооломеевская ночь“, „Новые факты“, „Еще о черносотенныхъ планахъ“ и др., 4) „Голось Труда“ М. И. Свѣчиной по 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. и п. „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 11 статей „Наканунъ“, „Севастополь“ и „Погромъ близокъ“ и 5) „Эхо“ Е. С. Милановой по 1 и 5 п. 129 ст. уг. улож. и п. „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 9 и 10 статей „Толки объ измѣнѣ“, „Армія и народъ“ и др.

23) Въ Ярославлѣ, 7 іюля, въ виду непрерывной конфискаціи, „Сѣверная Рѣчь“ прекратила выпускъ номеровъ. Выпущенныя сегодня агентскія телеграммы конфискованы.

24) Въ Екатеринбургѣ, 7 іюля, конфискованъ 11 номеръ „Южной Руси“.

25) Разгромъ типографіи „Мысли“ 7 іюля продолжался до двухъ часовъ ночи. Арестованы 2 сторожа, 6 человекъ постороннихъ и весь редакціонный комитетъ, кромѣ редактора „Мысли“, члена Государств. Думы, Соломко. Вчера произведено нѣсколько обысковъ у сотрудниковъ закрытыхъ газетъ.

7 июля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 15 статьи „Послѣ усмиренія“; 2) „Эхо“ Е. С. Милановой по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 13 статьи „Черная кость и бѣлая кость въ арміи“; 3) „Наша Жизнь“ К. И. Диксона по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 48 статьи „Конфликтъ по вопросу о погромахъ“.

26) 7 июля, конфискована брошюра: „Н. Васильевъ. „Десять заповѣдей социаль-демократа“, изданіе Маріи Малыхъ, какъ заключающая въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 6 п. 129 ст. уг. улож.

27) 8 июля конфискованы полиціей брошюры Новомирскаго подъ заглавіемъ: „Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ“, „Свободная коммуна“ и книга М. К. Кольцова „Памяти павшихъ жертвъ изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни“.

28) Въ Симферополѣ, 8 июля, редакторъ „Крыма“, судившійся за оскорбленіе министерства, оправданъ.

29) 8 июля четвертый номеръ „Адской Почты“, посвященный „землѣ и волѣ“, весь конфискованъ на типографскомъ станкѣ. У типографіи Р. Голике и А. Вильборга поставленъ батальонъ пѣхоты и 4 пулемета.

30) Въ ночь на 7-е июля въ типографію газеты „Обрывъ“ явилась полиція, которая предъявила предписаніе с.-петербургскаго градоначальника и закрыла типографію, опечатавъ въ ней все находящееся.

31) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 5-го іюля возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 129 и 103. ст. и по VII отдѣлу временныхъ правилъ о печати 24-го ноября 1905 г. восьми редакторовъ газетъ и журналовъ.

32) Въ Омскѣ, 8 июля, редакторъ „Степного Голоса“ привлекается по 129 ст. за напечатаніе корреспонденціи изъ Красноярска о проводахъ и о посылкѣ наказа депутату Николаевскому.

33) Въ Екатеринбургѣ, 8 июля, редакторъ-издатель газеты „Голосъ Народъ“ привлеченъ къ отвѣтственности за перепечатку статей изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой, Газета прекращается.

34) 8 июля главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Крестьянскій Депутатъ“ А. Е. Тесля по 1 и 5 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе № 8 статьи „О казацкихъ движеніяхъ“; 2) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 и 5 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 13 статей: „Документы дѣятельности инженерныхъ войскъ“ и „Клевета на армію“ и др.; 3) „Военный Голосъ“ г. Шнеура по 5 п. 129 ст. уг. улож. и 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 146 статьи „Общество и офицеры“ и 4) „Голосъ Труда“ М. И. Свѣчиной по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 13 отдѣла: „Дума и народъ“.

35) 8 июля въ особомъ отдѣленіи департамента полиціи разсматривался вопросъ о приостановкѣ на время всѣхъ социалистическихъ газетъ, дабы не дать возможности опубликовать воззваній къ народу трудовой и социаль-демократической парламентскихъ группъ. Вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

36) 8 іюля конфіскована брошура „Красная сотня“ книгоиздательства „Впередь“, въ виду заключающихся въ ней признаковъ 6 п. 129 ст. угол. улож.

37) Въ Харьковѣ, 9 іюля, преданы суду редакторы „Южнаго Края“, „Наканунъ“ и „Новостей“.

38) 9 іюля въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“ старшимъ помощникомъ пристава Спасской части, по постановленію цензурнаго комитета и предписанію старшаго инспектора типографій, наложенъ арестъ на книгу „М. А. Бакунинъ“ т. I. (Сочин.), изданіе Балашова. Составленъ протоколъ и находящіеся въ складѣ 227 экз. этой книги отобраны и препровождены въ участокъ.

39) С.-Петербургскій комитетъ по дѣламъ печати 8, 9 и 10 іюля возбудилъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 128 ст. уголовн. улож. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. десяти редакторовъ газетъ.

40) 10 іюля Московскій комитетъ по дѣламъ печати возбудилъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 133, 281¹, 130, 107, 129 и 1036 ст. и по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ. Возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 281, 281¹, 131 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. тринадцати редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

41) С.-Петербургская судебная палата, утвердивъ арестъ, наложенный с.-петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати на отдѣльные номера газетъ: „Мысль“, „Эхо“, „Голось Труда“, „Крестьянскій Депутатъ“, „Современная Жизнь“ и „Сѣверная Земля“, опредѣленіемъ отъ 10-го іюля, постановила всѣ эти газеты, въ виду особенной важности учиненныхъ въ нихъ преступныхъ дѣяній, приостановить впредъ до судебного приговора.

42) 8 іюля, рано утромъ, въ типографію „Энергія“, (Загородный, 17) явился околоточный надзиратель и потребовалъ, чтобы ему указали, гдѣ находится наборъ готовившагося къ выпуску № 2 желѣзнодорожнаго органа „Семафоръ“. Когда ему указали, онъ сталъ около набора. Явившійся приставъ предъявилъ распоряженіе о закрытіи, на основаніи правилъ о чрезвычайной охранѣ, газеты „Семафоръ“ и потребовалъ немедленно же разбросать весь имѣвшійся наборъ.

43) 8 іюля вышедшій № 1-ый газеты „Народъ“—былъ конфіскованъ.

44) Въ Харьковѣ, 10 іюля, газета „Наканунъ“ закрыта. Типографія опечатана.

45) Въ Саратовѣ, 10 іюля, конфіскованъ номеръ „Саратовскаго Дневника“. Арестованы редакторъ и сотрудникъ „Приволжскаго Края“.

46) Въ Камышинѣ, 10 іюля, изданіе „Приволжской Газеты“ приостановлено.

47) Въ Вильнѣ, 10 іюля, номера „Сѣверо-западнаго Голоса“ и „Свободнаго Слова“ конфіскованы полиціей.

48) Въ Читѣ, 10 іюля, администраціей закрыта на время военнаго положенія газета „Коммерческій Вѣстникъ“ за вредное направленіе; послѣдніе номера газеты конфіскованы.

49) Въ Казани, 11 іюля, редакторъ „Вечерняго Эха“ Стадырновъ арестованъ. Газета приостановлена. Владѣлецъ типографіи, гдѣ печатается „Волжскій Курьеръ“, отказался печатать номеръ въ томъ видѣ, въ какомъ его прислала редакція. Газета вышла безъ оригинальныхъ статей.

50) 11 іюня інспекція по дѣламъ печати конфісковала зборникъ стихотвореній на політичскія темы подъ названіемъ „Набатъ“, изданный книгоиздательствомъ Прибой. Конфіскованъ также журналъ „Стойте во свободѣ“.

51) 11 іюля администрація, на основаніи положенія о чрезвычайной охрѣнѣ, приостановила газету, „Народное Дѣло“.

52) 11 іюля, закрыта, по распоряженію спб. градоначальника, на основаніи положенія о чрезвычайной охрѣнѣ газета „Наша Жизнь“.

53) Въ Самарѣ, 11 іюля, конфіскованъ „Самарскій Курьеръ“.

54) Въ Казани, 11 іюля, конфіскованъ очередной номеръ „Волжскаго Вѣстника“.

55) Въ Перми, 11 іюля, приостановлена газета „Камскій Край“.

56) Въ Симферополѣ, 11 іюля, всѣ мѣстныя газеты лѣваго направленія конфіскованы.

57) Въ Царицынѣ, 11 іюля, конфіскованъ номеръ газеты „Царицинскій Путь“.

58) 11 іюля, по полученнымъ въ Петербургѣ телеграфнымъ свѣдѣніямъ, въ городахъ Россіи, за исключеніемъ Петербурга, закрыто 17 газетъ.

59) 12 іюля, на основаніи положенія о чрезвычайной охрѣнѣ, приостановлена газета „Новая Жизнь“.

60) 12 іюля въ Москвѣ нельзя было достать ни одной петербургской газеты: все конфіковано.

„Путь“ и „Новости Дня“ приостановлены за выпущенныя вечернія прибавленія.

61) Въ Митавѣ, 12 іюля, генераль-губернаторомъ воспрещены въ Курляндіи всѣ радикальныя латышскія газеты, вслѣдствіе помѣщенія статей, подстрекающихъ къ беспорядкамъ.

62) Въ Казани, 12 іюля, конфіскованъ первый номеръ лѣвой татарской газеты „Полярная Звѣзда“.

63) Въ Вильнѣ, 12 іюля, конфіскованы очередные номера „Свободнаго Слова“ и „Газмана“.

64) Въ Симферополѣ, 12 іюля, номера газетъ „Жизнь Крыма“ и „Южный Голосъ“ конфіскованы.

65) Въ Костромѣ, 12 іюля, номеръ „Костромскаго Слова“ конфіскованъ. Въ редакціи, конторѣ и типографіи произведенъ обыскъ. Судебный слѣдователь производитъ слѣдствіе по обвиненію издательницы газеты, Андрониковой, о несоблюденіи ею закона о печати. Вызваны эксперты.

66) Въ Симферополѣ, 12 іюля, конфікована газета „Отклики Крыма“. Редакторъ привлекается по 129 ст.

67) Въ Москвѣ, 12 іюля, конфіскованъ номеръ „Русскихъ Вѣдомостей“ за напечатаніе выдержки изъ обращенія къ народу членовъ Государственной Думы.

68) Въ Читѣ, 12 іюля, изданіе въ Верхнеудинскѣ газеты „Байкальская Волна“ приостановлено на все время военного положенія, въ виду „вреднаго направленія“ газеты.

69) „Уральская Жизнь“, мирно выходившая въ теченіе 7 лѣтъ, не выпустила 13 іюля очередного номера по слѣдующимъ отъ нея „независѣвшимъ“ обстоятельствамъ.

12 іюля, около 7 час. утра, въ домъ редактора-издателя газеты „Ураль-

ская Жизнь“ П. И. Пѣвина явилась полиція и жандармы, во главѣ съ приставомъ 2-й части Землевичемъ, и заявила П. И. Пѣвину, что, по словесному распоряженію мѣстной администраціи, она должна произвести обыскъ въ помѣщеніяхъ типографіи, редакціи, а также и въ квартирѣ редактора-издателя.

Обыскъ начался съ кабинета редактора, затѣмъ перешли въ контору, типографію и кладовыя. Закончивъ осмотръ нижняго этажа, перешли во второй этажъ, гдѣ обыскали квартиру редактора П. И. Пѣвина, кладовыя и чердачныя помѣщенія.

Пересмотрѣвъ все, полиція взяла изъ редакціи всѣ непринятые къ печати и лежащія въ особомъ шкафу рукописи.

Въ кладовыхъ полиція отобрала всѣ выпущенныя съ октября 1905 г. и продававшіяся всюду брошюры. Въ кабинетѣ и квартирѣ редактора-издателя П. И. Пѣвина взята часть разнаго редакціоннаго матеріала, поступившаго въ редакцію.

Начавшійся около 7 ч. утра обыскъ былъ законченъ лишь къ 2 час. дня.

Съ такой же тщательностью была обыскана небольшая типографія въ Смоленскѣ.

70) На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, московскимъ градоначальникомъ закрыты сегодня еще двѣ газеты: „Народное Дѣло“ и „Трудовая Рѣчь“. Приостановлено также изданіе еженедѣльнаго журнала „Ходите въ свѣтъ“.

71) Инспекторомъ по дѣламъ печати конфискована книга Аскельрода „Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“.

72) Въ Таганрогѣ, 13 іюля, по распоряженію наказнаго атамана приостановлена газета „Таганрогскій Вѣстникъ“.

73) Въ Красноярскѣ, 13 іюля, распоряженіемъ иркутскаго генераль-губернатора газета „Сибирскія Вѣсти“ закрыта на десятомъ номерѣ. Редакторъ-издатель, врачъ Козловъ, высылается въ Енисейскій уѣздъ.

74) 14 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Рѣчь“ г. Харитона по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 123 статей „Въ Выборгѣ“ и „Чего ждать въ деревнѣ“; 2) „Наша Жизнь“ по 1 и 3 п.п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 494 статьи „Гос. Дума въ Выборгѣ“ и отдѣла „Иностранное обозрѣніе“; 3) „Петербургскій Листокъ“ г. Скробатова по 1 и 3 п.п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 187 статьи „Бывшіе депутаты въ Выборгѣ“; 4) „XX Вѣкъ“ г. Долгова по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 102 статьи „Волненіе въ самарскомъ гарнизонѣ“ и 5) „Страна“ гг. Ковалевскаго и Иванюкова по 1 и 3 п.п. 129 ст. и 128 ст. уг. улож. за напечатаніе въ №№ 121 и 122 статей „Роспускъ гос. думы“ и „Собраніе въ Выборгѣ“.

75) 14 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности автора помѣщеннаго въ № 9 газеты „Мысль“, „открытаго письма къ англійскому народу“ кн. Н. П. Долгорукова по 129 ст. уг. улож.

76) 14 іюля, изъ Варшавы сообщаютъ что лодзинскій военный губернаторъ предупредилъ редакторовъ мѣстныхъ газетъ, что напечатаніе въ газетахъ обращенія членовъ государственной думы къ народу или чего-нибудь подобнаго, хотя бы этотъ матеріалъ былъ заимствованъ даже изъ агент-

скихъ телеграммъ, повлечетъ за собою прекращеніе изданія, опечатаніе редакціи и арестъ всѣхъ сотрудниковъ.

77) Съ 14 іюля конфискація газетъ въ Москвѣ поручена спеціально командированнымъ околоточнымъ надзирателямъ, развѣзжающимъ по городу на велосипедахъ.

78) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 15 и 16 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 128 и 129 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ.

Тѣмъ же комитетомъ возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 и 107 ст. трехъ издателей брошюръ.

Возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 281, 281¹, 1039 и 1040 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. шестнадцати редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

Опредѣленіями с.-петербургской судебной палаты отъ 10 іюля оставлены въ силѣ распоряженія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста: 1) на № 1 газеты „Крестьянскій Депутатъ“, 2) на № 3 журнала „Застрѣльщикъ“, и 3) на № 3 журнала „Поединокъ“.

79) 16 іюля. Послѣдніе дни на всѣхъ петербургскихъ вокзалахъ полиціей осматривались тюки газетъ, отправляемыхъ въ провинцію для розничной продажи багажомъ. Пропустивъ захватъ типографіи Бусселя, полиція хотѣла задержать отпечатанное обращеніе депутатовъ при отправкѣ. Ничего найдено не было, и результатъ получился лишь тотъ, что при осмотрѣ „XX Вѣка“ въ воскресеніе, на варш. вокзалѣ, околоточнымъ Кузнецовымъ и жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Черницкимъ, — пропали два тюка этой газеты съ 225 экземплярами.

80) 16 іюля, по распоряженію министра внутр. дѣлъ, отъ владѣльцевъ всѣхъ въ Россіи типографій отбираются подписки, обязывающія ихъ не печатать воззванія бывшихъ народныхъ представителей.

81) Въ Царицинѣ, 17 іюля, по распоряженію губернатора, запечатана типографія газеты „Царицинскій Путь“. Газета не выходитъ.

82) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 17 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 года одного редактора газеты.

Тѣмъ же комитетомъ возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 119 и 103 ст. уголовн. улож. четырехъ издателей брошюръ.

Возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи по 181, 182, 279, 280, 281, 129 ст. уголовн. улож. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. пяти редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

83) 17 іюля, въ помѣщеніи книгоиздательства „Маріи Малыхъ“ (6-я Рождественская 22) въ отсутствіи книгоиздательницы, находящейся на излѣченіи въ клиникѣ, явилась полиція и запечатала складъ. Никакого предписанія не было предьявлено.

84) Въ Москвѣ, 18 іюля, арестована издательница конфискованнаго журнала „Духа не угашайте“, — г-жа Ивашева. Типографія Печковскаго-Буланже, въ которой печатался этой журналъ, закрыта администраціей.

85) Въ Москвѣ, 18 іюля, закрыта типографія Печковской, за напечатаніе запрещенной брошюры.

86) Въ Казани, 18 іюля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Курьера“.

87) Въ Брянскѣ, 19 іюля, въ полдень, толпа городовыхъ и жандармовъ ворвалась въ редакцію газеты „Брянскій Голосъ“ для конфискации №№ газеты и ареста ея редактора М. Ив. Юдина, а при случаѣ, какъ предполагалось, съ личнымъ матеріаломъ и гг. крамольныхъ сотрудниковъ. Но на мѣстѣ оказались всѣ мирно бесѣдующими и съ нетерпѣніемъ ожидающими „милыхъ и дорогихъ сердцу гостей“. Надежды старательной администраціи не оправдались. „Крамольнаго“ въ редакціи не оказалось ничего. Полициеймейстеръ, обращаясь къ редактору, объявилъ его своимъ плѣнникомъ, но добавилъ, что редакторъ можетъ быть свободнымъ до суда при условіи внесенія залога въ 1000 руб., „не сходя съ мѣста“. На это редакторъ, „не сходя съ мѣста“ улыбаясь заявилъ, что, не обладая искусствомъ „чародѣйства“, „не сходя съ мѣста“, денегъ достать не можетъ. Сотрудники помогли достать удовлетвореніе для полиціи. Послѣдняя, обшаривъ всѣ щели и углы—безъ плѣнныхъ тружениковъ печатнаго слова и социаль-демократовъ — удалилась. У подъѣзда стоялъ отрядъ казаковъ въ полномъ боевомъ снаряженіи. Въ уѣздѣ и въ ближайшихъ городахъ тщательно разыскиваются сотрудники газеты „Брянскій Голосъ“, на взглядъ мѣстной администраціи. отъявленные крамольники“.

88) Въ Тулѣ, 19-го іюля, губернаторъ закрылъ типографію „Тулской Жизни“ на все время дѣйствія положенія усиленной охраны. Изданіе прекращено издателемъ.

89) Въ Кобелякахъ, 19-го іюля, мѣстная социаль-демократическая газета „Земля“ временно закрыта. Редакторъ привлекается къ отвѣтственности.

90) Въ Казани, 19-го іюля, редакторъ „Вечерняго Эха“, Стадырновъ, освобожденъ изъ тюрьмы подъ залогъ.

91) Въ Новоросійскѣ, 19 іюля, закрыта типографія „Трудъ“ за напечатаніе воззванія бывшихъ депутатовъ къ народу.

92) Въ Екатеринбургѣ, 19 іюля, по распоряженію губернатора, закрыта типографія газеты „Уральскій Край“, органа к.-д. партіи.

93) Въ Кутаисѣ, 19 іюля, по предписанію петербургскаго жандармскаго управленія, кутаисская жандармерія и полиція, въ числѣ 30 человекъ, подвергли тщательному обыску книжный магазинъ и контору газеты „Колхида“, а также квартиру владѣльца магазина Квицаридзе. Не найдя ничего преступнаго, ротмистръ оставилъ Квицаридзе на свободѣ.

94) Въ Казани, 19 іюля, административный произволъ по отношенію къ прогрессивной прессѣ достигъ высшаго предѣла. Сегодня конфискованы всѣ газеты. Положеніе печати хуже, чѣмъ было до 17 октября. Каждую ночь типографіи, гдѣ печатаются газеты, окружаютъ пѣшіе и конные городовые. Работа невозможна.

95) Во Владикавказѣ, 20 іюля, генераль-губернаторомъ закрыта газета „Черкешенка“.

96) Въ Вяткѣ исполняющій должность губернатора графъ Комаровскій закрылъ на мѣсяць типографію Харитонова, гдѣ печатались „Вятская Жизнь“ и „Крестыанская Газета“. Типографія никакого повода къ закрытію не дала. Вятка останется безъ газеты на все время усиленной охраны, ибо теперь ни одна типографія не возьмется печатать прогрессивную газету.

97) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 20 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи редактора газетъ „Реформа“ и „Рѣчь“ пом. прис. пов. Бориса Іосифовича Харитона по пп. в и г ст. 5 отд. УП закона 24 ноября 1905 года, съ примѣненіемъ къ № 95 газ. «Реформа» и № 131 газ. „Рѣчь“ п. а ст. 9 отд. УП закона 24 ноября 1905 г.

98) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра А. Безроднаго „Ткачи“, повѣсть изъ жизни русскихъ ткачей. Книгоиздательство Ч. Д. Мягкова „Колоколь“. Типографія „Народная Польза“.

99) Определеніемъ судебной палаты прекращено уголовное преслѣдованіе редактора газеты „ХХ Вѣкъ“ Н. Долгова, возбужденное по 3 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 66 статьи „Изъ Кронштадта“.

100) 20 іюля въ помѣщеніе книгоиздательства „Молотъ“ явилась полиція и, по распоряженію градоначальника, запечатала помѣщеніе.

101) Въ Саратовѣ, 21-го іюля, распоряженіемъ губернатора опечатана типографія «Саратовскаго Дневника».

102) Въ Казани, 21 іюня, произведены ночью многочисленныя обыски и аресты. Арестованы пять сотрудниковъ „Волжскаго Вѣстника“, секретарь «Курьера», редакторъ „Крестьянской Газеты“, которая приостановлена.

103) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы 4 и 5 выпуски сочиненій Н. Шебуева подъ заглавіемъ „Провокаторъ“ и „Хвастунъ“, напечатанныя въ типографіи Отто Упфугъ. Шебуевъ привлекается къ отвѣтственности по 6 ст. УШ отд. закона 24 ноября 1905 г.

104) Въ Омскѣ закрытъ „Степной Голосъ“ на время военного положенія.

105) Въ Варшавѣ окружной судъ оправдалъ редакторовъ Лозинскаго. Штаркмана и Накончинскаго.

106) Въ Кременчугѣ, 23 іюля, во время печатанія воззванія бывшихъ членовъ Государственной Думы въ типографію явилась полиція, захватила наборъ, арестовала владѣльца и наборщиковъ и опечатала типографію.

107) Въ Симферополѣ, 25 іюля, по постановленію судебной палаты приостановленъ ученической журналъ „Первый Лучъ“.

108) 25 іюля въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей рассмотрѣно нѣсколько политическихъ дѣлъ. Дѣло книгоиздателя фирмы „Молотъ“ Саркиса Баліева направлено на дослѣдованіе. Обвиненіе было предъявлено по 2 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе и распространеніе путемъ продажи брошюры, переведенной съ французскаго „Программа французской рабочей партіи“, соч. Геда и Лафарга, безъ разрѣшенія цензуры, въ содержаніи которой цензурный комитетъ усмотрѣлъ возбужденіе къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ строя. Однако, по указанію пом. пр. пов. Гальберштадта, при дѣлѣ былъ найденъ представленный оффиціальныи документъ о томъ, что печатаніе инкриминируемой брошюры было дозволено цензурою въ Екатеринославѣ, печаталась же брошюра въ Петербургѣ. Несмотря на доводы защиты, что найденный документъ опровергаетъ весь обвинительный актъ, тов. прокурора требовалъ направить дѣло на дослѣдованіе на предметъ выясненія, что была разрѣшена къ печатанію именно трактующая рукопись.

109) Въ Ялтѣ, 25 іюля, комендантъ ген. Неплюевъ выслалъ изъ Севастополя сотрудника „Крымскаго Вѣстника“ Энгеля за статью „Роспускъ Думы“, весьма сдержанную.

110) Редакторъ издающейся въ г. Вольскѣ (Сарат. г.) газ. „Волжанинъ“ сдѣлалъ попытку насадить практику, установившуюся въ Австріи, гдѣ администрація можетъ конфисковать отдѣльную статью или даже нѣсколько строкъ въ газетѣ, не задерживая самой газеты. Мѣстный полицеймейстеръ, однако, отнесся къ такому новаторству несочувственно. Обстоятельства этого дѣла таковы.

Прибавленіе къ № 751 было конфисковано за напечатаніе резолюціи саратовскаго съѣзда выборщиковъ и крестьянскихъ уполномоченныхъ. Редакція издала тотчасъ же второе прибавленіе, тождественное съ первымъ, гдѣ на мѣстѣ этой резолюціи было написано крупнымъ шрифтомъ: „Часть выкинута по требованію полиціи“. Полицеймейстеръ нашелъ и это недопустимымъ и конфисковалъ и новое прибавленіе.

Конечно, слѣдующій № 752 былъ также конфискованъ, для чего еще во время печатанія типографія была окружена нарядомъ городовыхъ. Полиція продежурила всю ночь и на утро забрала болѣе тысячи экземпляровъ. Полицеймейстеръ приказалъ разобрать наборъ въ присутствіи пристава...

При такихъ условіяхъ, когда ни одна оригинальная статья не можетъ увидѣть свѣта, редакція рѣшила выпускать временно одни только объявленія, чтобы не потерять права на изданіе газеты.

111) Въ Саратовѣ, 25 іюля, типографія „Саратовскаго Дневника“ вновь открыта.

112) Въ Одессѣ, 26 іюля, временнымъ генераль-губернаторомъ приостановлена на время военнаго положенія газета „Новое Обзорніе“, какъ являющаяся по направленію продолженіемъ приостановленнаго «Южнаго Обзорнія».

113) 26 іюля вечеромъ въ книжный складъ «Право», на Владимірскомъ проспектѣ, явилась полиція и запечатала складъ; 27-го іюля было запечатано книгоиздательство «Донская Рѣчь».

114) Изъ Мотовиловки, 26 іюля, сообщаютъ, что на ст. Кіевъ телеграфисты отказались принять депеши, адресованныя редакціямъ прогрессивныхъ газетъ, ссылаясь на циркуляръ Немѣшаева.

115) Въ Варшавѣ, 27 іюля, приостановлено изданіе газеты „Со дня на день“ на время военнаго положенія.

116) Въ Ригѣ, 27 іюля, номеръ латышской газеты «Balss» конфискуется полиціей.

117) Въ Тифлисѣ, 27 іюля, распоряженіемъ тифлискаго комитета по дѣламъ печати, конфискованъ вышедшій номеръ журнала „Воля Народа“. Противъ скрывшагося редактора Алибекова возбуждено преслѣдованіе по 129 ст. ул.

118) 27-го іюля, по распоряженію градоначальника, опечатано книгоиздательство „Новый Міръ“.

119) Слѣдствіе объ арестованномъ, по распоряженію петербургскаго градоначальника управляющемъ типографіей г. Бусселя, А. Г. Абрамовичъ-Безпрозванномъ, какъ мы слышали, прекращено, и г. Абрамовичъ подвергнутъ аресту на три мѣсяца въ административномъ порядкѣ. Типографія г.

Бусселя, запечатанная 16 іюля, до сихъ поръ еще не открыта, и ходатайство владѣльца объ ея открытіи градоначальникомъ отклонено.

120) Въ Тифлисѣ, 29 іюля, по распоряженію намѣстника, отъ всѣхъ мѣстныхъ редакторовъ отбирается подписка о томъ, чтобы безъ особаго разрѣшенія генераль-губернатора не печатать никакихъ сообщений о событіяхъ въ частяхъ войскъ и о расположеніи оныхъ на Кавказѣ.

121) Инспекція по дѣламъ печати отобрала отъ всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазиновъ подписку не продавать портретовъ преступниковъ, осужденныхъ за убійство должностныхъ лицъ, и карикатуръ на правительственныхъ чиновниковъ и не торговать книгами и брошюрами, не снабженными обозначеніемъ фирмы типографіи.

122) Въ Тулѣ, 29 іюля, вмѣсто закрывшейся газеты „Тулская Жизнь“ начато изданіе газеты «Тулскія Извѣстія». Первый вышедшій номеръ конфискованъ.

123) Въ Саратовѣ, 29 іюля, палата оправдала редактора газеты „Школа и Жизнь“, Морисона, обвинявшагося по 128 и 129 статьямъ уложенія.

124) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст. и по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ и журналовъ.

125) Въ Москвѣ, 30 іюня, въ судебной палатѣ съ сословными представителями разсматривались три литературныхъ дѣла. Редакторъ журнала „Правда“ Кожевниковъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, а журналъ пріостановленъ на полтора года; редакторъ „Смоленскаго Голоса“ Горбатовскій оправданъ; редакторъ книгоиздательства «Искра» Леоновъ за выпускъ брошюры „Пауки и Мухи“ и «За что они борются» приговоренъ къ годичному заключенію въ крѣпости. Дѣла редакторовъ «Борьбы» и «Вечерней Почты» отложены.

126) Въ Ревелѣ, 30 іюня, за напечатаніе секретнаго донесенія объ октябрьскихъ событіяхъ прокурора окружнаго суда прокурору судебной палаты, редакторъ закрытой нынѣ мѣстной эстонской газеты Нейманъ присужденъ къ 4-хъ недѣльному аресту при полиціи и штрафу въ 500 р.

127) Конфискована книга „Стихотворенія и Разказы“ Левиной-Сысоевой, какъ заключающая въ себѣ признаки 1 и 4 пп. 129 ст. угол. улож.

128) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 30 іюня, произведенъ обыскъ въ типографіи тружениковъ печатнаго дѣла. Конфискована печатавшаяся брошюра Девяткова „Устройство Россіи“.

129) Въ Одессѣ, 30 іюля, генераль-губернаторомъ воспрещена продажа издаваемой на еврейскомъ жаргонѣ газеты „Таблеттъ“.

130) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 30 іюля, на основаніи чрезвычайной охраны, губернаторомъ пріостановлено изданіе „Нижегородской Земской Газеты“.

131) Въ Петербургѣ, въ книгоиздательствѣ Н. Парамонова (Донская Рѣчь) полиція, предьявивъ соотвѣтствующее предписаніе, конфисковала около 200 экземпляровъ сочиненія Роля: „Какъ происходили революціи на западѣ“, въ которомъ комитетъ по дѣламъ печати усмотрѣлъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 129 ст. ул.

132) Военнымъ министерствомъ разосланъ секретный циркуляръ по войскамъ гвардіи и арміи, которымъ воспрещается офицерамъ подписываться

на газету „Военный Голось“. Части, получающія упомянутую газету, должны, подь страхомъ репрессіи, немедля отказать отъ подписки. Полковымъ командирамъ предписывается вести строжайшее наблюденіе за исполненіемъ этого приказанія и, въ случаѣ нарушенія его, тотчасъ же доносить о виновныхъ въ главный штабъ.

133) Много разъ въ теченіе іюля въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ, провинціальныхъ городахъ конфисковались номера петербургскихъ газетъ: „Мысль“, „Голось Труда“, „Эхо“, „Обрывъ“, „Крестьянскій Депутатъ“, „Рѣчь“, „Сѣверная Звѣзда“, „XX вѣкъ“, „Наша Жизнь“. „Страна“, „Равенство“, Новая Жизнь“ и др. Къ концу мѣсяца всѣ эти газеты, за исключеніемъ „Страны“, приостановлены“.

134) Драматическая цензура осталась до сихъ поръ въ полной неприкосновенности, и вполне произвольно, безконтрольно и безапелляціоно гг. драматическіе цензоры зачеркиваютъ пьесу за пьесой. Теперь, въ виду близости новаго сезона въ драматическую цензуру при главномъ управленіи по дѣламъ печати представляется много новыхъ пьесъ, а значительная часть ихъ подвергнута запрету. Къ числу запрещенныхъ относятся: пьеса Хейерманса „Панцырь“, (рисующая голландскаго офицера, отказывающагося стрѣлять въ стачечниковъ); пьеса „Гапонъ“ (рисующая важнѣйшіе моменты изъ жизни Гапона); новѣйшая пьеса Шибышевскаго (въ которой нѣкій король отказывается отъ престола); „На станціи“ (въ которой изображена желѣзнодорожная стачка въ Австріи) и т. д. Въ другихъ пьесахъ зачеркиваются цѣлыя или отдѣльныя реплики. Не обходится безъ курьезовъ. Въ одной пьесѣ сказано: „попалъ по протекціи въ министерство“ и цензоръ перечеркнулъ слова „по протекціи“...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Каляева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигнеръ. Ц. 35 к.

Доходъ отъ изданія поступитъ въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „КУЛЬТУРА“, С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Пармонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Лиговская, 44)

поступили въ продажу

а) Картины изъ Французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновение республиканцевъ съ вандейцами.
3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ Совѣтъ 500. 5) Клятва въ національн. собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.

1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи“.
5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Безумство храбрыхъ...“

в) Портреты:

1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ, 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Пет-
рашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ
и др. Цѣна 20 коп.

Изданія Д. Е. ЖУКОВСКАГО.

Исторія новой философіи

КУНО ФИШЕРА.

- Т. II. Спиноза, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ С. Л. Франка. Стр. 583.
Цѣна 3 р. 50 к.
- Т. III. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ Н. Н. Полялова. Стр. 735.
Цѣна 4 р.
- Т. IV. Иммануэль Кантъ и его ученіе, ч. 1-ая. переводъ Н. Н. Полилова, Н. Лоссаго
и Д. Е. Жуковскаго. Стр. 632. Цѣна 4 р. (Изданіе т-ва Знаніе, Невскій 92).
- Т. V. Иммануэль Кантъ и его ученіе, ч. 2-ая. переводъ О. А. Аносовой и Д. Е. Жу-
ковскаго. Стр. 656. Цѣна 3 р. 50 к. (Изданіе т-ва Знаніе, Невскій 92).
- Т. VII. Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ Н. О. Лоссаго. Стр. 893.
Цѣна 5 р.
- Т. VIII. Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. пер. Н. О. Лоссаго. Полутомъ 1-й.
Стр. 760. Ц. 3 р. 50 к.
- Полутомъ 2-й. Стр. 463. Ц. 2 р. 50 к.
- Т. I. Декартъ выйдетъ въ самомъ близкомъ будущемъ.

- Волжскій.** Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Стр. 402. Цѣна 1 р.
- Проф. Виндельбандъ.** Прелюдія. Философскія статьи и рѣчи. Переводъ съ
нѣмецкаго С. Л. Франка. Стр. 374. Цѣна 1 р. 60 к.
- Пинцис.** По ту сторону добра и зла. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Полялова. Стр.
386. Ц. 1 р. 25 к.
- Фихте.** Назначеніе человѣка. Переводъ подъ ред. Н. О. Лоссаго. Стр. 133.
Цѣна 50 к.
- Фихте.** Основныя черты современной эпохи. Переводъ подъ ред. Н. О. Лоссаго.
Стр. 234. Ц. 75 к.

Главный складъ: Т-во Обществ. Польза, Б. Подъяческая, 39. СПБ.

ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ
ВЪ РОССИИ).

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1 и 2. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.“ Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Томъ первый. 1825—1876 г.г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 75 к.

Печатаются:

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціей **В. Л. Бурцева**.

4) Сборникъ „Былое“. (шесть номеровъ журнала „Былое“, издававшася за границей **В. Л. Бурцевымъ**).

5) Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. т. второй. 1876—1877 г.г.

6) Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (д. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

• № 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

В. Н. Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ ред. журн. «Былое», Спасская ул., д. 25, кв. 20. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Принимается подписка
на полное собраніе сочиненій
Н. Г. Чернышевскаго

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр. 46; Москва—Моховая ул., д. Важенова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ—по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальныя 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для **иностранцевъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 года.

Вышли и раздаются подписчикамъ томы I, III, IV, VI, VII, VIII и IX.

Вышло въ свѣтъ 3-е изд. романа **Н. Г. Чернышевскаго**:

Что дѣлать?

Ц. 1 р., безъ пересылки. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Печатается и выйдетъ въ августъ романъ Н. Г. Чернышевскаго: „ПРОЛОГЪ“, съ порт. автора 1864 г. Цѣна 1 руб., безъ пересылки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на историческій журналъ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; Г. В. Аптекманъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; Н. Л. Геккеръ; М. О. Гершензонъ. В. С. Голубевъ; М. Р. Гоцъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатъевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбортъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; Е. Е. Лазаревъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; И. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милоковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсяннико-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; С. С. Синегубъ; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Жижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ, П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 44. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская *улица*, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO IMMEDIATE
RECALL**

UCD LIBRARY

DUE FEB 22 1973

MAR 21 REC'D

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip-55m-10,'68(J4048s8)458—A-31/5

Nº 650258

Byloe.

DK1
B9
no. 7-8

LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS

